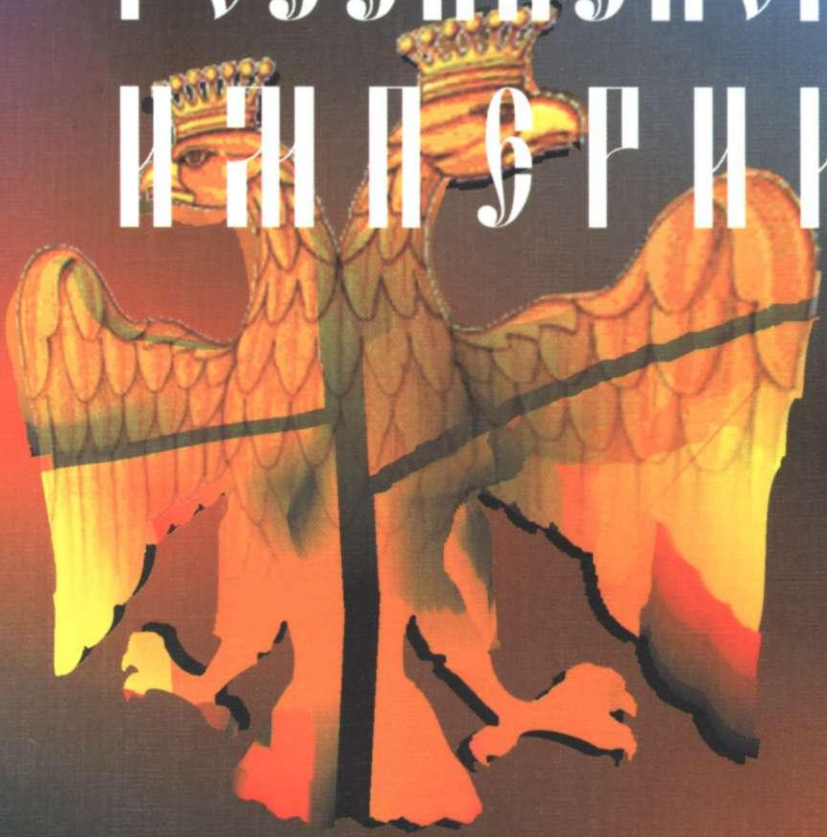
В. М. ДЁМИН

ОБРАЗОВАНИЕ И КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ



РУССКИЕ, СЛАВЯНЕ, СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!

ДРУЗЬЯ!

Издательская группа Русского Национально-Освободительного Движения «**РУССКАЯ ПРАВДА**», занимающаяся изданием и распространением литературы по русскому и еврейскому вопросам, остро нуждается в материальной поддержке.

Ситуация в современной России заставляет нас обратиться к вам, наши уважаемые читатели, за помощью. Сегодня Русскому народу как никогда необходима **ПРАВДИВАЯ ИНФОРМАЦИЯ**, раскрывающая людям глаза на происходящее. Но нас нещадно душат непомерные налоги и непрекращающийся рост цен.

С 1994 года мы активно занимаемся просвещением нашего народа, за что постоянно испытываем террор со стороны нерусских властей. **Мы не имеем спонсоров и надеемся только на вас!**

Мы издаём литературу, по актуальности и смелости не имеющую аналогов!

Каждый из вас может оказать посильную материальную помощь нашему издательству, защищающему **ваши** национальные интересы. Вы можете отправить денежный перевод по адресу редакции: ***117556, Москва, а/я 40, Аратову Александру Михайловичу.***

С целью значительной экономии деньги можно также перечислить и безналичным платежом. О перечислении уведомляйте редакцию.

Частные лица могут перевести деньги на расчётный счет № **42301810638030321514** в филиале № 7813/0770 Донского отделения АК Сберегательный Банк РФ в г. Москве: ИНН **7707083893**; корр./счёт № **30101810400000000225**; БИК **044525225**. Получатель: **Аратов Александр Михайлович**.

Организации могут перевести деньги на расчётный счёт № **40702810302300000055** в ОАО АБ «Международный Банк Сотрудничества», г. Москва: ИНН **7727215876**; КПП **772701001**; корр./счёт № **30101810800000000598**; БИК **044579598**. Без НДС. Получатель: **ООО «Русская Правда-пресс»**.

ЧИТАЙТЕ «РУССКУЮ ПРАВДУ»! ВМЕСТЕ ПОБЕДИМ!

Валерий ДЁМИН

ОБРАЗОВАНИЕ И КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Рекомендовано для изучения студентам всех учебных заведений Российской Федерации.

Москва-Омск
«Русская Правда»
2007

ОБРАЗОВАНИЕ И КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

авт. В.М.Дёмин

ДЁМИН В.М.

Образование и крушение Российской Империи – М.-О.: «Русская Правда», 2007 – 640 стр.
ISBN 5-9243-0135-4

Новый труд омского писателя, исследователя и теоретика Валерия Михайловича Дёмина является закономерным и долгожданным продолжением популярнейшего концептуального исторического очерка «От Ариев к Русичам», выдержавшего 5 изданий (14 тиражей) и вступившего в серьёзный спор с официальной исторической наукой в вопросах подходов к изучению происхождения Русского народа, его развития и национальной идеологии.

Для читателей, интересующихся историей, политикой и религией.

Рег. св. серии ПИ № 77-5215 выдано МПТР 21.08.2000 г.
Учредитель А.М.Аратов

© Дёмин В.М., автор
© «Русская Правда»

ВВЕДЕНИЕ

Уважаемый читатель, у тебя в руках книга, которая по своему содержанию в корне отличается от исторических учебников и книг, изданных официальной исторической наукой. Во-первых, потому, что её учебники и книги искажают и фальсифицируют прошлое нашей страны, создают ложную картину исторического процесса и предлагают, по большей части, ложные ориентиры и авторитеты. Во-вторых, официальная историческая наука не вскрывает причинно-следственных связей состоявшихся событий, подаёт их не связанными друг с другом, в рваном виде, что не позволяет нашим людям представить целостную картину событий. В-третьих, официальная историческая наука не делает соответствующих выводов, которые необходимы для того, чтобы чему-то научить общество. Именно поэтому утвердилось нигилистическое представление, что история ничему не учит, так как такая история действительно ничему научить не может.

В-четвёртых, официальная историческая наука не исследует вопросы управления государством и не предлагает меры по его улучшению. Но ведь всем известно, что **мы живём так, как нами управляют. Чем хуже нами управляют, тем хуже мы живём.** В-пятых, официальная историческая наука не исследует вопросы, связанные с пониманием национально-государственных интересов, что не позволяет людям и обществу правильно их понимать. В-шестых, официальная историческая наука не исследует влияние иностранных тайных обществ на развитие нашей страны, что вводит россиян в заблуждение относительно их деятельности, которая, по большей части, является отрицательной. Всё это происходит от недопонимания, что **история – не совокупность культур, а ожесточённая борьба рас, этносов и религиозно-идеологических систем.**

Данная книга в известной степени восполняет пробелы, допущенные официальной исторической наукой, и является естественным продолжением пятого издания книги «От Ариев к Русичам», а также развитием исторического повествования, затронутого в книге «От Русичей к россиянам». Причём главная направленность последнего труда, касающаяся обеспечения военной безопасности нашей страны, будет рассмотрена и в данной книге. Такой подход основывается на понимании, что военная безопасность страны во многом зависит от качества исторического знания, а также на том, что большинство русских людей совершенно не догадывается о значимости этой зависимости. Здесь вырисовывается такая закономерность: чем дальше историческое знание отстоит от истинно происходивших процессов, тем слабее военная безопасность страны; и чем ближе историческое знание к истинно происходившим процессам, тем она прочнее. Дело в том, что только истинное историческое знание указывает пути на будущее и имеет ценность для обеспечения военной безопасности страны.

В этой связи, казалось бы, все должны стремиться к правдивому отображению истории, так как только в этом случае можно выявить ошибки,

просчёты и даже прямое вредительство, которые подрывают военную безопасность страны, чтобы исправить положение дел. Однако на практике часто всё получается наоборот. Почему так происходит? Да потому, что человеческая история является не только борьбой народов, государств и их коалиций друг против друга, но и борьбой разных классов (слоёв) и группировок (партий) внутри того или иного государства, народа. При этом внешние силы, воюющие с данным государством или народом, чтобы добиться победы, стремятся опереться на некоторые *классы* (слои) и *группировки* (партии) в данном государстве или народе.

В этой связи каждая сила, действующая на арене истории, стремится использовать *историческое* знание в своих интересах. Причём очень часто группировка, захватившая власть в стране, стремится переписать историю в угоду своим интересам. А это значит, что она фальсифицирует и (или) приглаживает истинную историю. В большинстве случаев то и другое существует вместе. Однако фальсифицированная и приглаженная история жестоко мстит своим изобретателям или их потомкам, так как она не даёт поучительного материала на будущее, что ведёт страну к новым и новым катастрофам. Таким образом, власть предержащая группировка оказывается заложницей своего собственного исторического беспамятства и гиражителем национально-государственных катастроф в будущем.

Вот почему данная книга больше предназначена для тех, кто занимается вопросами государственного управления, чтобы они лучше понимали, что творят и что нужно творить. Тем более, что сейчас в нашей стране идёт борьба прокоммунистических, проолигархических, происламистских, самодержавно-клерикальных, национально-патриотических, антигосударственных (антирусских) сил друг с другом, каждая из которых опирается на свою версию исторического развития, во многих случаях крайне далёкую от того, что происходило на самом деле.

Эту книгу неплохо было бы прочесть простому русскому человеку, придавленному заботами о хлебе насущном и далёкому от большой политики. Ибо, в конечном счёте, все просчёты и умышленные действия руководства страны оборачиваются для этого простого человека большими бедами и страданиями: гибелью родных и близких; разрушением семей и разделением родственников; громадными материальными утратами. Неплохо было бы прочесть эту книгу и военным людям. Думается, им небезразлично будет узнать, как воровались победы у российской армии в прошлом, в результате чего пот и кровь, пролитые её солдатами и офицерами, оказывались напрасными.

Некоторым может показаться, что моё исследование недостаточно патриотично. Всё дело в том, кого нужно считать настоящим патриотом. **Того, кто в качестве примера берёт для себя отрицательные авторитеты и загоняет страну и народ в очередную катастрофу, или того, кто, отказавшись от отрицательных авторитетов, выводит страну на правильный путь развития. Я сторонник последнего понимания патриотизма.** Надеюсь, с моим пониманием согласится и читатель.

Автор

История как наука и некоторые её псевдонаучные публикации

Конец XX века ознаменовался сокрушительным поражением марксизма-ленинизма и распадом созданного на его основе Советского Союза. Это событие, имеющее, без сомнения, всемирно-историческое значение, воспринимается многими нашими современниками как национально-государственная катастрофа советского народа. Такое понимание вполне естественно для многих советских людей, воспитанных на коммунистической идеологии, которая проповедовала интернационально-мессианскую роль пролетариата в освобождении всего мира от эксплуатации международного капитала. Столь катастрофический поворот событий не мог не внести изменений в сознание значительной части наших современников, в их отношение к историческому знанию.

Стремление многих активных русских людей к изучению прошлого, оценке настоящего и коренящихся в них тенденций к будущему (какому?) – всё это возбуждает интерес к истории. Громадное значение приобретает идея особого пути развития России в мире. Однако, в силу косности официальной, так называемой *академической* исторической науки, находящейся под контролем западноевропейских теоретиков, выявились следующие важнейшие моменты, которые отрицательно воздействуют на изучение истории нашей страны:

– во-первых, обнаружился феномен «белых пятен» в истории, когда мы с удивлением узнаём, что большинство наших сведений по истории страны являются ложными и не соответствуют тому, что было в действительности;

– во-вторых, идеализация советского периода сменилась прямо противоположной идеализацией досоветского периода развития России;

– в-третьих, обнаружилось отсутствие истинно научной методологии изучения истории.

Отсюда вполне понятно, что люди, избавленные от господства марксистско-ленинской идеологии и методологии, вынуждены искать новую методологию, которая позволила бы более правдиво отобразить исторический процесс. Не случайно некоторые обращаются к трудам А.Нечволодова, другие осмысливают этнокультурный метод Л.Гумилёва, третьи пытаются рассматривать отечественную историю с *рационалистических позиций*, четвёртые стремятся реанимировать предреволюционные взгляды. Всё это сильно препятствует изучению истинной истории нашей страны, но не снимает ответственности с историка за результаты исследований. Такой разброд не случаен, ибо, как показал весь предшествующий исторический период, история всегда была полем идеологической борьбы, а поэтому искажения и подмена истинной истории являются делом вполне обычным. Отсюда ясно, что история для нас существует:

– во-первых, как событие, состоявшееся в прошлом и происходящее в настоящем;

– во-вторых, как его отражение (интерпретация) в исторической науке и литературе;

История как событие, естественно, носит истинный характер, в то время как её отражение (интерпретация) в науке и литературе в огромной степени зависит от интерпретатора и той школы, к которой он принадлежит. Поэтому, хотя сейчас история считается наукой, однако многие её интерпретации, строго говоря, научными не являются. Именно такой ненаучный характер имеет книга Ю.В.Изместьева ***«Россия в XX веке»***, так как в ней автор всячески стремится обелить самодержавно-клерикальный и очернить советский периоды нашей страны. На этом, собственно, можно было бы поставить точку, если бы его книга не освещала историю второй половины XIX и первой половины XX веков и прямо не касалась организации военной безопасности нашей страны. В этой связи есть необходимость более детально рассмотреть данный «труд», предлагаемый нам представителями русского зарубежья и издательством «Перекличка» (США, г. Нью-Йорк) для изучения отечественной истории. Тем более, что этот «труд» некоторые представители власти пытаются использовать для написания учебников по истории России.

В частности, в духе именно этого «труда» составлен учебник «История России с древнейших времён до конца XX века» редакционной коллегией в составе: член-корреспондентов РАН А.Н.Сахарова, А.П.Новосельцева, академика РАН И.Д.Ковальченко и доктора исторических наук В.П.Дмириенко, рекомендованный для изучения студентами высших учебных заведений, обучающихся по специальности «История». Чего только стоят дифирамбы в отношении прохвоста С.Ю.Витте. В этом плане наши академики перещеголяли даже Ю.Изместьева. Видимо, очень хотелось угодить Б.Ельцину и его подельникам по части реформирования нашей страны по западному образцу.

Иначе они бы не стали повторять измышления А.Марцеллина о гуннах и восхвалять Киевскую Русь времён Владимира Мономаха и его сына, **когда она оказалась левым флангом христианско-крестоносного похода Европы на восток, утратила свои этнические связи с восточными славянами, предала забвению этно-цивилизационные интересы славянства и, в результате, оказалась разорванной между Великой Славянской Державой (Рассенией) и поднимающейся Европой.** Собственно, в этом нет ничего удивительного. В конце 2004 года состоялась беседа В.Путина с член-корреспондентом РАН А.Сахаровым, в ходе которой Президент Российской Федерации, опираясь на мнение наших ветеранов, высказал претензии по поводу фальсификации советского периода в учебниках истории. А.Сахаров, отвечая на его замечания, заявил, что историки научились писать досо-

ветскую историю, теперь им нужно научиться писать советскую историю. Как они научились писать досоветскую историю, хорошо видно уже по вышеизложенным моментам.

Историю нужно не писать и не описывать, её нужно исследовать, критически осмысливать и делать выводы, чтобы они указывали верные пути на будущее. В этой связи историки – первые люди, которые затрагивают вопросы формулирования **национальной идеологии.** И от того, как они это делают, зависит благополучие страны и её народа. Вполне резонно задать вопрос, а как же А.Сахаров представляет себе национальную идею? Ответ на этот вопрос он дал в телепередаче Н.Сванидзе в июне 2005 года, заявив, что национальной идеей для нас должен стать ***«демократический патриотизм»***. Что он понимает под *демократией*, А.Сахаров не разъяснил. Однако похоже, что его устраивает тот суррогат, который мы получили в 90-е годы XX столетия, хотя этому суррогату власти есть точное определение – ***плутократия***.

В этой связи его мнение стоит сравнить с мнением А.Солженицына, который был непримиримым врагом советской власти и который сейчас считает, что в нашей стране как не было, так и нет демократии, что **Русский народ ограблен, что национальная идея должна предполагать организацию и развитие местного самоуправления, а также сохранение Русского народа**. Последнюю мысль высказал ещё граф Шувалов во времена императрицы Елизаветы, которую А.Сахаров, вроде бы, должен знать. Как видим, мнения А.Сахарова и А.Солженицына разительны по глубине понимания проблемы, причём не в пользу А.Сахарова. Хотя и мнение А.Солженицына только отчасти отражает то, что должно содержаться в национальной идее.

Расписывать её здесь не имеет смысла, так как всё это уже сформулировано и отражено в соответствующих изданиях, остаётся только, чтобы оно было востребовано обществом. А вот дать понять, какие проблемы в ней должны быть раскрыты, – необходимо. **Национальная идея включает решение международных, этно-цивилизационных, национально-государственных, социально-экономических проблем и вопросов обеспечения военной безопасности страны.** Правильно решить эти проблемы и вопросы помогает знание истинной истории. К сожалению, А.Сахаров, с его пониманием национальной идеи, демонстрирует незнание этой истинной истории и нежелание ею заниматься.

Его кредо, как и кредо многих его подчинённых, сводится к простому правилу: «Чего изволите?» С таким подходом страна и впредь будет пробавляться суррогатом исторического знания, а не истинным его знанием. Вот такие у нас академики от истории. В ходе нашего анализа мы ещё не раз коснёмся их подходов в освещении исторического процесса, наравне с критикой подходов Ю.Изметьева. В дан-

ном очерке я не буду касаться грамматических ошибок допущенных в книге, так как они часто являются следствием плохого редактирования материала. Не буду касаться также неумелого разделения книги на главы и разделы, в результате чего обнаруживаются многочисленные повторы, а содержание некоторых глав и разделов не соответствует их названию. В то же время автор много внимания уделяет мелочам, а значительные события описывает кратко и некомпетентно.

Своей целью я ставлю доказать, что предреволюционный самодержавно-клерикальный период нашей страны в вопросах организации и функционирования власти был не таким хорошим, как его показывает Ю.Изместьев и наши академики. Что катастрофа, **постигшая самодержавно-клерикальную систему в России, не была случайной, а явилась результатом полной неспособности самодержавия правильно и своевременно реагировать на вызовы времени и отвечать на возникающие угрозы.** Николай Козякин, выражая мнение издателя о работе автора, пишет: *«Юрий Владимирович Изместьев и издательство "Перекличка" надеются, что издание этих исторических очерков, беспристрастно освещающих драматические события, развивавшиеся на просторах нашей Родины в уходящем столетии, внесёт свою скромную лепту в правдивое изучение трагических лет нашей истории. Автор проделал титаническую работу, изучая, сравнивая и группируя информацию, полученную из разных мемуарных изданий и исторических источников, и создавая из них одно гармоничное, историческое повествование. Наблюдая работу автора, мы видели, как строго он следил за беспристрастностью изложения, избегая эмоциональных заключений».*

Ниже, уважаемый читатель, мы как раз и увидим, насколько правдивым и беспристрастным был автор, изложивший свою версию истории России второй половины XIX и первой половины XX веков. Я не буду критиковать автора, разбирая каждую написанную им главу или раздел, так как в этом случае пришлось бы написать книгу значительно большего объёма, чем это получилось у Изместьева. **Более продуктивно будет проанализировать решения и действия власти и то, к каким последствиям они привели, потому что качество организационно-управленческих решений и действий властей, как раз и определяет благополучие каждой страны или отдельной её части.**

Ю.Изместьев, по существу, начинает своё историческое повествование с реформ Александра II. Причём он описывает не сами реформы, а то отношение, которое они вызвали во всех общественных слоях тогдашней России. Вот что он пишет: *«Поражение России в Крымской войне вызвало осуждение существующего государственного строя и сознание необходимости проведения ряда реформ.*

Потрясённый обрушившейся на Россию катастрофой, имп. Александр II не менее ясно, чем другие, осознавал необходимость серьёзных преобразований и решил их осуществить.

С большим трудом, преодолев упорное сопротивление высших придворных и бюрократических кругов и поместного дворянства, император провёл крестьянскую реформу. Но она, так же как и последовавшие за ней другие реформы, не принесла стране успокоения; она никого не удовлетворила.

Крестьяне были недовольны тем, что получили не всю землю, которой пользовались при крепостном праве (приблизительно 18% этой земли осталось у помещиков).

Дворяне-помещики, лишившись экономических и социальных привилегий, в вознаграждение за утерянное, хотели получить право участия в законодательстве и управлении государством; мечта о конституции сохранялась ещё от декабристов.

Под влиянием Писарева, призывавшего к освобождению от всяких "религиозных, бытовых и семейных пут и предрассудков", широкие круги разночинной интеллигенции и студенчества не были, да и не могли быть, удовлетворены никакими реформами, – им нужны были не реформы, а уничтожение всех моральных, культурных и исторических ценностей и прочего "ненужного и вредного хлама". На развалинах старого порядка они собирались построить новую "светлую" жизнь, о которой сами не имели представления. Реформы им мешали, так как выбивали у них почву из-под ног.

Видимо, и евреи-революционеры были обеспокоены тем, что ряд законов и указов, ведущих к уравниванию евреев в правах с другими российскими гражданами, может примирить их с царской властью и тем понизить в стране революционные настроения. Нужно, не теряя времени, начать революционную борьбу, чтобы не дать возможности общественности примириться с правительством. Поэтому революционное движение началось в самый разгар реформ. Уже в 1862 году стали распространяться прокламации, призывающие к террору против правительства и его сторонников.

*Прокламация "**Молодая Россия**" делила всё население страны на две партии: "**императорскую**", в которую зачисляла всех обладателей собственности, и "**народную**", состоящую из "**неимущих и угнетённых классов**". В прокламации говорилось: "**Революция начнётся штурмом Зимнего дворца, чтобы истребить живущих там, но если императорская партия встанет за Государя, мы издадим один крик: в топоры? И тогда вся императорская партия подвергнется истреблению всеми способами...**"»*

Эта выдержка Изместьева ясно показывает, что уже в начале реформ дело дошло до крайнего озлобления и страна, по существу, разделилась на два враждебных лагеря. И то, что осуществили большевики в 1917 году, было запланировано задолго до их появления на политической арене России. Разумеется, в каждой стране и в любое время находятся люди и даже группы людей, которым всё не нравит-

ся и которые хотят перестроить общественную и государственную жизнь по своим, далеко не всегда приемлемым взглядам. Но отнюдь не всегда эти группы получают широкую общественную поддержку. Здесь же налицо просматривается поддержка революционеров значительными слоями общества тогдашней России

Изместьев зачисляет сюда либералов, крестьян и даже дворян. Так ли это? В отношении либералов сомнений нет. Они действительно добивались осуществления радикальных реформ, и в этой части позиция Герцена последовательна и понятна. Что касается крестьянства, то его недовольство выплеснулось только в начале реформ и было связано с тем, что землю предлагалось выкупать. Но затем крестьянство, скрепя сердце, с выкупом земли согласилось, и эта реформа пошла. Крестьяне начали выкупать землю у помещиков и приобретать её в собственность. К 1905 году у крестьян было около 150 млн. десятин земли, а у дворян оставалось около 53 млн. десятин (десятина – несколько больше гектара).

О том, что недовольство крестьян было краткосрочным, говорит тот факт, что когда народовольцы пошли к крестьянам с целью возбуждения среди них революционных настроений, то крестьяне не прельстились их демагогией и многих говорливых барчуков отдали в руки властей. Более того, польские крестьяне, когда в Польше началась земельная реформа, перестали поддерживать своих бунтовщиков и остались лояльными российскому самодержавию вплоть до первой мировой войны. Конечно, значительную роль в этом сыграло то, что польские крестьяне в ходе этой реформы получали землю на более выгодных условиях, чем русские. А спрашивается, почему? Разве нельзя было на льготных условиях передать землю русским крестьянам? Этот факт красноречиво характеризует отношение самодержавия к основной массе Русского народа, что и явилось основной причиной его катастрофы. Но этого вопроса Изместьев, как истинный монархист, касаться не желает.

С дворянством тоже дела обстояли по-иному. У дворян не было оснований для агрессивного недовольства. Выкуп земли хотя и не вполне их устраивал, тем не менее, был приемлем. И те дворяне, которые хорошо вели хозяйство, свои земли сохранили и смогли обеспечить производство товарного зерна. Те, кто не смог организовать своё хозяйство, землю продали и смогли реализовать себя на военной и гражданской службе. И только незначительная часть пополнила ряды разночинной интеллигенции. Конечно, дворянство хотело участвовать в управлении государством и организации земств. Но здесь должно было выявиться встречное желание самодержавия содействовать этому процессу. Однако самодержавие с большим подозрением относилось к идее организации земств, не без оснований полагая, что они, со временем, могут стать ограничителем самодержавной власти.

Таким образом, два основных класса тогдашней России, крестьянство и дворянство, оставались лояльными самодержавию и могли про-

должать быть его опорой в дальнейшем, если бы самодержавие смогло правильно организовать их экономическую и общественную жизнь. И никакие революционеры в союзе с либералами ничего бы не смогли сделать. Поражение в Крымской войне, при энергичной внешней политике, также сравнительно быстро могло быть преодолено. Тем более, что в этой войне была побеждена не Россия, а самодержавие. Тот, кто беспристрастно изучал ход Крымской войны, неизбежно приходит к выводу, что русская армия в 1856 году с честью выдержала все испытания. На Балтике союзные войска были отбиты. На Камчатке тоже. На Кавказе русские войска наступали, и там для турок уже назревала катастрофа. Только в Крыму русские войска оборонялись у Севастополя. Положение союзников было до такой степени критическим, что следующей зимней кампании они могли не выдержать.

И это в условиях, когда против России, великой державы того времени, выступил союз сильных государств в составе: Англии, Франции и Турции. Их поддерживали другие государства, при враждебном нейтралитете Австро-Венгрии, тоже великой державы. Смерть Николая I сломила волю самодержавия к продолжению войны и победе. После смерти Николая I у руководства страной не оказалось людей, способных возглавить армию и довести войну до победного конца. В этом как раз и кроется главная вина самодержавия и главная причина его поражения в Крымской войне. Но разбором причин, почему самодержавие докатилось до жизни такой, Изместьев не занимается. Ему проще обвинить во всех бедах страны революционеров, либералов, крестьян и дворян, но при этом оставить в **девической невинности** самодержавие. Не слишком ли простое объяснение? Мне кажется, слишком. Именно поэтому ниже придётся проанализировать трансформацию самодержавия с момента его утверждения в Московской Руси и до революции 1917 года. Тем более, что Изместьев считает, будто самодержавие в нашей стране продолжалось «более 500 лет».

Едигей и Василий I

Как мы установили в пятом издании «От Ариев к Русичам», положение Московского княжества на переломе XIV и XV веков всецело зависело от состояния западного ордынского войска и отношения к нему со стороны московских князей. Западное ордынское войско (Западная Орда) было восстановлено **Тимуром Великим** после разгрома Большой тюркской орды, образовавшейся при Мамае и значительно усилившейся при Тохтамыше. Здесь следует развеять ещё один миф, до сих пор господствующий в умах наших людей.

В действительности никогда не существовало Золотой Орды, но существовало западное ордынское войско (Западная Орда), точно так же, как никогда не существовало индоевропейской общности, вместо которой в действительности существовала славяно-арийская

общность. И, если индоевропейская общность, стараниями западных и отечественных фальсификаторов истории, появилась в XIX веке, то понятие «*Золотая* Орда», вместо понятия «*Западная* Орда», появилось намного раньше. **Название «*Золотая Орда*» придумали русские люди.**

Приезжая в ставку верховного атамана, они видели шатры с позолочённым верхом. Поэтому стали называть ставку ордынского войска «Золотой Ордой». Прямое восприятие породило ложное название, которого на самом деле не было. Западное ордынское войско (Западную Орду) до 1420 года возглавлял **Едигей**. Под контролем западного ордынского войска (Западной Орды) находились: Мангытский удел, Донской удел, Черкасский удел на Северном Кавказе, Украинный удел по Днепру и западнее, Московский удел и Новгородская земля. Едигей был верховным правителем всех этих территорий.

В этом плане он был подобен Тимуру. Будучи сторонником его системы правления, Едигей назначал и смещал ханов Большой тюркской орды, а также славянских князей. Авторы учебника «История России с древнейших времён и до конца XX века» много лестных слов высказали в адрес сына Дмитрия Донского **Василия I**, в то же время крайне отрицательно отозвались о Едигее. Этим они умышленно фальсифицировали события того времени и представления о личностях, обнаружив своё полное незнание системы организации власти в западном ордынском войске (Западной Орде) при Едыгее и действительного хода развития событий того времени.

В этой связи нам придётся вкратце описать развитие тогдашних событий. На первом этапе своего правления, вплоть до конца 1407 года, московский князь Василий I, выполняя завет своего отца Дмитрия Донского, оставался верен Славянской Державе (Рассении) и не пытался выйти из подчинения западного ордынского войска (Западной Орды), которая неоднократно помогала ему в противостоянии с Литвой. Однако в 1405 году умер Тимур Великий и в Средней Азии начался делёж земель между тимуридами. Этот делёж мог привести к тому, что Хорезм, издревле принадлежавший Рассении, мог отойти от неё окончательно.

По этой причине Едигей в 1407 году, с большой частью западного войска, двинулся в Хорезм и закрепил его за собой. За развитием событий на востоке внимательно наблюдал **Витовт**. И когда через верных Джалал ад-дину людей в Большой тюркской орде он узнал, что большая часть западного ордынского войска, во главе с Едигеем, ушла в Среднюю Азию, то двинул свои войска на Москву, полагая, что ему удастся победоносно завершить поход. Василий I попросил помощи у хана Большой тюркской орды **Шадибека**, который двинул на помощь Московскому князю все имеющиеся в наличии силы. Мос-

ковские и литовские войска встретились на реке Плаве. Вскоре на помощь московской рати подошли посланные Шадибеком ордынские войска. Витовт, узнав о подходе ордынских войск, не решился вступить в сражение и ушёл назад в Литву.

Отсутствием войск у хана Шадибека воспользовался его соперник – сын Тохтамыша **Джалал ад-дин**. Он быстро собрал своих сторонников и осадил ставку хана Шадибека. Однако Едигей успел вернуться из похода и отогнал Джалал ад-дина от ставки хана Большой тюркской орды. Джалал ад-дин, не имея возможности бежать в Литву (там его могли встретить ордынские войска, возвращавшиеся от реки Плавы) вначале бежал в Булгар, а затем в Москву. Едигей потребовал от Василия I выдачи детей Тохтамыша. Однако князь Василий, вместо того, чтобы схватить Джалал ад-дина и выдать его Едигею, отказал в его выдаче. Более того, вступил с ним в переговоры. Этот поступок был верхом глупости князя Василия, который Едигей не мог оставить без последствий.

Осенью 1408 года Едигей двинул свои войска на Москву. В течение ноября-декабря они разорили Коломну, Переяславль, Юрьев, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец, другие города и осадили Москву. Джалал ад-дин через Литву бежал в донские степи, где было немало противников Едыгея среди тюрок, собрал большой отряд и напал на Сарай. После получения известия о нападении Джалал ад-дина на Сарай, Едигей взял с москвичей откуп и со всеми войсками двинулся на Сарай. Джалал ад-дин, с подходом Едигея, бежал со своими сторонниками в Литву к Витовту. Естественно, возникает вопрос: как можно хвалить князя Василия, который, начав переговоры с Джалал ад-дином, по существу, перешёл на сторону противников Едигея и западного ордынского войска, дважды спасавшего Московское княжество от покорения Литвой?

Князь Василий заслуживает, безусловно, отрицательной оценки. Если учесть, что по его собственной глупости Московское княжество было подставлено под страшный удар, то для князя Василия не может быть никаких оправданий. Если оценивать это решение Василия I с точки зрения обеспечения военной безопасности страны, то оно являлось самым никудышным, какое только можно было принять в данном случае. Собственно, этот случай ещё раз подтвердил то правило, что **на детях великих родителей природа отдыхает**.

Однако, жестокий урок, преподанный Едигеем, имел то положительное последствие, что московские князья, наученные этим горьким опытом, даже после гибели Едигея и фактической ликвидации западного ордынского войска, не вступали в открытое столкновение с менее сильным противником – Большой тюркской ордой вплоть до 1480 года. Благодаря этому Московское княжество смогло успешно противостоять Литве и усилить свои позиции среди других западных славянских княжеств. Ещё при жизни Василия I большая часть тер-

риторий Нижегородско-Суздальского княжества вошла в состав московских земель.

Гибель Едигея и связанная с ней фактическая ликвидация западного ордынского войска Славянской Державы (Рассении) породили на подчинённых ему территориях несколько тенденций, которые предопределили гибель Большой тюркской орды. Освободившись из-под власти Едигея и западного ордынского войска, Большая тюркская орда теперь номинально господствовала над Мангытским (Ногайским) уделом Рассении, а также над западными славянскими княжествами, подчинявшимися ранее этому войску. Ханская власть Большой тюркской орды, не скреплённая сильной военной организацией, неизбежно стала деформироваться.

В этих условиях, во-первых, сразу же появились желающие обзавестись собственным улусом; во-вторых, в противовес распаду Большой тюркской орды, началась консолидация западных славянских земель; в-третьих, начался процесс этнического размежевания между славянами-татарами и тюрками, единство которых ранее держалось на боевом братстве западного ордынского войска (Западной Орде). То есть повторился процесс, который уже имел место в XIV столетии. Но теперь он имел необратимую тенденцию.

Здесь, видимо, следует дать некоторые пояснения относительно ***славян-татар*** тому читателю, который не имел возможности приобрести и прочитать пятое издание моей книги «От Ариев к Русичам». Этноним *татары* появился в XII веке. Толчком к его появлению явилась интенсивная христианизация западных славян, включая половцев. Восточные славяне, проживавшие в Рассении (на территории от Урала до Забайкалья), восприняли христианизацию западных славян как предательство. Поэтому восточные славяне решили назвать себя по именам своих богов-покровителей Тарха и Тары. До сих пор на севере Омской области существует город Тара и урочище Тары. Так появился этноним татары (*тартары*), и так состоялся раскол этнического поля славян. Это новое самоназвание восточных славян дало толчок к новому переименованию страны. Рассению стали называть также *Татарией* (Тартарией), что как раз и было зафиксировано на многих картах XIV-XVI веков. Поэтому ниже, чтобы читатель не забывал, о ком идёт речь, мы будем называть татар *славянами-татарами*.

Здесь же следует дать ответ на вопрос, почему тюрки-крымчаки и тюрки-булгары Казани стали называться татарами? Дело в том, что в прошлом было немало случаев, когда по имени некогда славного и господствовавшего народа назывались другие народы. Для примера вспомним о *славянах-ариях* (гуннах). В момент их высшего подъёма многие народы стали именоваться с приставкой «гунно»: *«гунно-савиры»*, *«гунно-утигуры»*, *«гунно-кутригуры»*, *«хуннугуры»* и т.д. В частности, это коснулось и булгар, которые позднее оказались на

Каме. Именоваться *«гунно-булгарами»* в V-VI веках было почётно. Так произошло и во времена славян-татар, когда их именем стали называть себя тюрки и тюрки-булгары. Именоваться *татарами* вплоть до XVIII века было почётно.

Распад Синей Орды

Несмотря на поражение и гибель Едигея, Большой тюркской орде не удалось установить своё господство над Мангытским уделом. Смерть Едигея разбросала его сыновей и внуков. Старший сын **Мансур** ушёл к царевичу **Хаджи-Мухаммед-оглану**, который со своим войском сражался на стороне Едигея в 1420 году. **Навруз** ушёл служить в Большую орду к **Улук-Мухаммеду**. **Гази** унаследовал Мангытский удел. Внук Едигея **Воккас** поступил на службу к узбекскому беку **Абулхаиру**. В 1421 году Мансур помог Хаджи-Мухаммед-оглану стать ханом Синей Орды. За это Хаджи-Мухаммед назначил его эмиром (командующим) войсками. В состав Синей Орды входил и Мангытский удел.

Но у Хаджи-Мухаммед-хана сразу же появились серьёзные противники. Одним из них был царевич **Барак** – сын хана **Кюрчака**. Опираясь на помощь правителя Самарканда Улукбека, Барак вначале попытался захватить власть в Большой тюркской орде. Но ему не удалось это осуществить, несмотря на некоторые победы над Улук-Мухаммедом. Сторонников у Барака в Большой тюркской орде практически не было. В 1424 году он был вынужден уйти на восток и сразу же выступил против Хаджи-Мухаммед-хана.

В свою очередь, Хаджи-Мухамед-хан, не имея достаточных сил, чтобы противостоять Бараку, ушёл на северо-восток, в пределы нынешней Тюменской области, и организовал свою ставку в городке ***Сибир***. С этого момента, собственно, и начинается история Сибирского татарского княжества. Там он развил бурную деятельность по созданию сильного войска, чтобы отвоевать у Барака ханский стол. Сюда же переселилось и немалое число славян-татар из Мангытского удела.

Поражение и гибель Едигея, кроме того, вызвали активизацию кочевых узбекских племён, обитавших в степях Приаралья. Кочевые узбекские племена появились в этих местах после переселения *кара-китаев* (кочевых китайцев) из Монголистана, которое организовал хан **Туклук-Тимур** в 1360 году. За прошедшие годы каракитаи размножились и окрепли. Так как они соседствовали с тюрками, исповедовавшими ислам и почитавшими хана **Узбека**, каракитаи тоже приняли ислам и в честь хана Узбека самоназвались *узбеками*. После смерти Тимура и гибели Едигея, узбеки оказались предоставленными сами себе. В результате, началась их консолидация. Поначалу появилось два союза во главе с ханами **Джамудыком** и **Абулхаиром**. Но между ними сразу же разгорелась борьба.

В это время царевич Барак вступил в войну со своим благодетелем **Улукбеком**, так как хотел вернуть владения бывшей Синей Орды, захваченные ещё Тимуром. Улукбек отказался вернуть эти земли. Барак направил туда свои войска. Начались систематические набеги. Сыгнак и соседние территории подверглись опустошению. В начале 1427 года большое войско Улукбека выступило против Барака. Несмотря на численный перевес войск Улукбека, они были разбиты войсками Барака. После чего они занялись грабежом владений тимуридов. Разорив Мавераннахр, Барак двинулся к Дешт-и-Кыпчаку и бассейну Сырдарьи. Так были отвоёваны территории Синей Орды, а город Сыгнак вновь стал его столицей. Но на этом борьба за престол Синей Орды не прекратилась.

К 1428 году в составе Синей Орды образовалось четыре враждебных друг другу группировки. Первыми начали боевые действия Барак и Хаджи-Мухаммед, который за четыре года подготовил сильное войско. Победив на юге, Барак полагал, что ему легко удастся захватить земли и на севере. Но он просчитался. Его войска, хотя и имели большой боевой опыт, оказались всё же слабее войск Хаджи-Мухаммеда. В тяжёлом сражении у реки Тобол войска Барака потерпели поражение. Сам он погиб в этом сражении. Остатки его войска, во главе с сыновьями **Гереем** и **Джанибеком**, поспешно ушли на юг. Позднее они влились в войско Абулхаира. Понесло большие потери и войско Хаджи-Мухаммеда.

В этом же году состоялось сражение между войсками Джамудыка и Абулхаира при Джантар-Джалкине. Войска Джамудыка потерпели поражение. Сам он был убит в сражении. Племена узбеков, ранее подчинявшихся Джамудыку, перешли на сторону Абулхаира, который был объявлен ханом. Его силы значительно возросли. Они пополнились также за счёт разных племён, которые откочевали к Абулхаиру в результате трагических событий, случившихся в этом году в Мангытском уделе. Правителем этого удела до 1428 года был сын Едигея **Газий**. Он тяжело переживал гибель отца, постоянно боялся предательства, а потому был подозрительным и жестоким. Не выдержав произвола, военачальники убили его и затем со своими людьми покинули Мангытский удел. Славяне-татары ушли на восток в Сибирское татарское княжество. Кочевники, ранее подчинявшиеся Едигею и Газию, в своём большинстве, присоединились к узбекам Абулхаира. С младшим сыном Едигея Нуратдином, унаследовавшим Мангытский удел, осталась небольшая часть кочевников.

После этого у Абулхаира родилась идея подчинить себе западные земли Рассении. Абулхаиру удалось осуществить поход на север и даже дойти до г. Сибир. Хаджи-Мухаммед вынужден был вернуться, чтобы отбить нашествие войск Абулхаира. И вновь у реки Тобол состоялось сражение. Сильно ослабленное войско Хаджи-Мухаммеда не смогло одолеть численно превосходящие силы противника. Хад-

жи-Мухаммед попал в плен и был казнён. Однако Абулхаир не смог закрепить Сибирское татарское княжество за собой.

Большую часть его владений составляли фанатичные мусульмане узбеки, которые крайне враждебно относились к славянам-татарам. Кроме того, они и расово-этнически были другими. Поэтому уже в 1428 году началось восстание славян-татар против захватчиков, которое возглавили сыновья Хаджи-Мухаммеда **Махмутек** и **Ахмед**. Конечно, это восстание вряд ли заставило бы Абулхаира возвратиться на юг, как считает Р.Н.Безертинов. Восставшие в лучшем случае могли бы вести партизанскую войну, нападая на небольшие отряды противника. Такая война могла продолжаться многие годы.

Уйти на юг Абулхаира заставили войска Рассении, которые сосредоточились к тому времени у г. Асгарда, существовавшего в районе нынешнего Омска, а также активная дипломатия правителей Рассении. Они решили предложить Абулхаиру возглавить Синюю Орду и по примеру Тимура обеспечить безопасность Рассении со стороны Средней Азии. Это предложение было передано Абулхаиру через внука Едигея Воккаса. Абулхаир, не долго думая, согласился на это предложение. Вот почему он так быстро ушёл на юг и никогда больше не пытался совершать походы на север.

После ухода Абулхаира, князем Сибирского татарского княжества был избран сын Хаджи-Мухаммеда Махмутек. Столицей княжества был провозглашён городок Сибир. Позднее его именем будет названа вся территория от Урала на восток, ранее называвшаяся Рассений. Но так как городок был расположен на невыгодной для обороны местности, было решено перенести столицу на новое место. После того как был построен город Тюмень и туда перенесли столицу, городок Сибир стали называть ***Искер***, что означает «древний, старый». Сибирское татарское княжество в те годы включало в себя территории нынешних Курганской, Северо-Казахстанской, Тюменской, части Челябинской и восточной части Свердловской области. Оно стало форпостом Рассении на западе.

Возвратившись на юг, Абулхаир, вместе с внуком Едигея Воккасом, приступил к завоеваниям в Средней Азии. К 1444 году Абулхаир завоевал многие земли и постепенно стал налаживать отношения с тимуридами. Это оттолкнуло от него многих кочевников, в том числе Воккаса, который в 1447 году ушёл от Абулхаира и вернулся в Мангытский удел, где стал полноправным беком после своего отца Нуратдина. Уход Воккаса не на шутку встревожил Абулхаира. Он понимал, что правители Рассении могут сделать ставку на Воккаса и оказать ему помощь. В этом случае власть Абулхаира повисла бы на волоске. Поэтому он решил убрать Воккаса и подослал к нему убийц, которые сделали своё чёрное дело.

После гибели Воккаса Мангытский удел возглавил его брат **Аббас**. Воккас был авторитетен среди разнородных племён, объединён-

ных Абулхаиром. Его убийство вызвало большое недовольство в среде тех племён, которые не принадлежали к узбекам. Многие из них отделились от Абулхаира и вновь перекочевали в пределы Мангытского удела. Так что вмешательства правителей Россеини не потребовалось. Так началось новое усиление Мангытского удела. Союз, созданный Абулхаиром, ослабел. В это же время на востоке, через несколько десятков лет после погромов Тимура, тоже началась консолидация монголов.

Этот народ, во главе с Уз-Тимуром Тайши, захватил бассейн реки Чу. Абулхаир вынужден был выступить против нового противника. Летом 1451 года в сражении при Кук-Кушаны, расположенном в 8-10 км от Сыгнака – столицы Абулхаира, узбеки были разбиты. Абулхаир согласился подписать унизительный мир. После чего он поспешно собрал войско и ушёл к Аральскому морю. Поспешный уход войска во главе с Абулхаиром вызвал панику среди кочевых узбеков. Тогда-то их часть, во главе с сыновьями Барака Гереем и Джанибеком, отделилась и ушла в Монголистан под покровительство **Иса Буга-хана**, который выделил им земли Чу и Козыбаш.

Так образовалась *кайсакская (казахская) орда*. *Кайсак* – скитающийся без приюта узбек (кочевник). Р.Н.Безертинов, ссылаясь на Мухаммеда Хайдара, называет их *казаками*, что абсолютно неверно. К казакам кочевые узбеки никакого отношения не имели. После смерти Абулхаира в 1468 году, в узбекском улусе началась междоусобица. Все, кто мог, уходили к Герею и Джанибеку. В результате, численность кайсакской орды значительно возросла и составила около 200 тысяч человек. Союз, созданный Абулхаиром, перестал существовать. А вместе с ним перестала существовать Синяя Орда. Остатки узбеков, теснимые кайсаками, ушли в Среднюю Азию, слились с местными тюркскими племенами и дали толчок этногенезу узбекского народа. Таким образом, около 1470 года в Прибалхашье образовалась самостоятельная Кайсакская орда.

В середине XV века Мангытский удел возглавил брат Воккаса Аббас. Недовольные убийством Воккаса кочевники стали уходить от Абулхаира и перекочёвывать в Мангытский удел. Вскоре на его базе образовался союз разнородных, в основном тюркских, племён, который получил наименование Ногайской орды. В неё входили следующие племена: *найманы, кунгарты, мины, кираиты, тогучане, колачи, алчины, чублаки, конклыки, кияты* и т.д. Ногайская орда нового образования была довольно многочисленной. Она могла в разные времена выставить от 150 до 200 тысяч воинов. Однако это было аморфное образование. Она делилась на многочисленные полусамостоятельные улусы в соответствии с племенным делением. Регулярная организация войска отсутствовала. Славяне-татары, становой хребет такого войска, уже давно покинули свой бывший удел.

Отсутствие славян-татар наложило отпечаток и на хозяйственную жизнь нового образования. Земледелием, ремёслами и строи-

тельством городов здесь не занимались. Все без исключения племена Ногайской орды были кочевыми. Город Сарайчик, столица Ногайской орды, кстати, единственный на её территории, за сто лет её существования так и остался в полуразрушенном состоянии. Ногайская орда занимала обширные территории. На севере она граничила с Сибирским татарским княжеством. На востоке её владения доходили почти до Иртыша.

На юге от Кайсакской орды её отделял Балхаш, от узбеков Арал, далее граница доходила до северо-восточных берегов Каспийского моря. На западе по Волге она граничила с Большой тюркской ордой. На северо-западе по рекам Самаре, Кинели и Кинельчеку с Казанским ханством. Ногайская орда нового образования дружелюбно относилась к Рассении, но в то же время враждебно к Большой тюркской орде. В последующем эта враждебность явится одной из главных причин гибели Большой тюркской орды. В то же время Ногайская Орда становилась потенциальным союзником Московского княжества.

Улук-Мухаммед и Василий II

После победы над Едигеем Улук-Мухаммед к 1425 году подчинил себе большую часть улусов Большой тюркской орды. Вне его власти находился Крым, где ханом был провозглашён **Давлет-Берди**. В 1427 году Давлет-Берди захватил ***Хаджи-Тархан*** (Астрахань), чем значительно расширил свои владения. Столкновение становилось неизбежным. В 1428 году между войсками Давлет-Берди и Улук-Мухаммеда состоялось сражение. Войска Давлет-Берди потерпели поражение, а сам он был убит. Крым вновь стал улусом Большой тюркской орды. Однако её положение становилось всё хуже и хуже.

Кроме непрекращавшихся войн и междоусобиц, в степных районах Волги и Дона в 1428-29 гг. случилась сильнейшая засуха, а затем отдельные районы поразила чума. В эти годы погибло большое количество людей и скота. Но, несмотря на это, Большая тюркская орда оставалась самым мощным государственным образованием западнее Волги. Западные славянские княжества, кроме Литвы и Польши, оставались её вассалами, так как ни одно из них не могло на равных тягаться с Большой тюркской ордой. Тем более, что в Московском княжестве шли непростые процессы. Династические споры выливались в открытую борьбу за московский великокняжеский стол и часто выходили за пределы княжества.

В этих случаях хан Большой тюркской орды становился арбитром и вершителем судеб всех претендентов на великокняжеский московский стол. Так в 1431 году Улук-Мухаммед в династическом споре между сыном Дмитрия Донского Юрием и его внуком Василием встал на сторону Василия. И хотя это не прекратило борьбы за вели-

кокняжеский стол, тем не менее, способствовало усилению централизации власти в Московском княжестве, а также его территориальному увеличению. После утверждения **Василия II** на великокняжеском столе, московское войско в 1432 году под предводительством **Фёдора Пёстрого** совершило успешный поход на Булгар. Город был взят и разрушен. Жители ушли на север и стали осваивать земли по нижнему течению реки Камы, группируясь вокруг Казани.

В то время как Московское княжество постепенно увеличивалось и усиливалось, Большая тюркская орда продолжала слабеть. В 1434 году сильный удар Улук-Мухаммеду нанёс Кичи-Мухаммед. После гибели Барака Кичи-Мухаммед был провозглашён ханом Синей Орды. Однако под натиском войск Абулхаира Кичи-Мухаммед весной 1433 года отступил к нижнему течению Волги, а в следующем 1434 году захватил Хаджи-Тархан (Астрахань) и близлежащие земли. Это резко ослабило позиции Улук-Мухаммеда. Даже его командующий войсками, сын Едигея Навруз, изменил ему и перешёл на сторону Кичи-Мухаммеда. Войска Кичи-Мухаммеда и Навруза весной 1436 года взяли город ***Тану*** (Азов).

По мере продвижения войск Кичи-Мухаммеда к Крыму большинство тюрок, ранее поддерживавших Улук-Мухаммеда, стало переходить на сторону его противников, так как кочевникам-тюркам требовались пастбища Крыма на период зимовки скота, чему Улук-Мухаммед не очень способствовал. В 1437 году Кичи-Мухаммед овладел Крымом и занялся организацией своей временной ставки в Бахчисарае. Улук-Мухаммед, видя повсеместную измену тюрок, со своими верными людьми, большинство из которых были славяне-татары, двинулся в пределы Московского княжества и занял город Белев. Видимо, при этом он рассчитывал на помощь и гостеприимство князя Василия, которого поставил на великокняжеский стол.

Но князь Василий, не желая ссориться с победившим Кичи-Мухаммедом, отказал Улук-Мухаммеду в поддержке и помощи. Более того, он выставил против Улук-Мухаммеда своё войско численностью около 40 тысяч человек. Улук-Мухаммед имел около 30 тысяч человек, из которых около 20 тысяч составляли славяне-татары. 5 декабря 1437 года у г. Белева состоялось сражение, в результате которого московское войско было разгромлено. Не желая более оставаться во враждебном окружении, Улук-Мухаммед двинулся на Казань. Весной 1438 года Улук-Мухаммед овладел Казанью. Правивший ею бек Али погиб. С этой даты начинается история Казанского ханства.

Захватив Казань, Улук-Мухаммед решил восстановить вассальную зависимость Московского княжества от его власти. Весной 1439 года он предпринял успешный поход против Москвы. Ему удалось взять Нижний Новгород и дойти до Москвы. Василий II бежал за Волгу. Окрестности Москвы были опустошены, а Коломна сожжена. Последующие пять лет Улук-Мухаммед занимался созданием собст-

венных государственных структур и усилением ханства. В него вошли многие народы Поволжья: мордва, чуваши, марийцы, удмурты. Среди воинов Улук-Мухаммеда мусульмане-тюрки, включая его самого, составляли меньшинство. Большинство составляли славяне-татары. Поэтому при Улук-Мухаммеде не было жёсткого насаждения ислама. Вот почему Улук-Мухаммеду удалось легко наладить отношения с народами, исповедовавшими традиционную веру.

Укрепившись в Казани, Улук-Мухаммед в конце 1444 года предпринял новый поход против Василия II. Ему удалось взять Нижний Новгород и Муром. Отдельные отряды двинулись в другие волости. Войска Василия II сосредоточились у Владимира. До июля месяца боевые действия велись с переменным успехом. Однако в сражении в окрестностях Суздаля 7 июля 1445 московское войско, по вине **Д. Шемяки**, не «успевшего» со своим войском к полю сражения, потерпело жестокое поражение. Великий князь Василий II со своим двоюродным братом **Михаилом Верейским** попали в плен.

Они были отвезены в Нижний Новгород к Улук-Мухаммеду. Старые знакомые встретились через 14 лет, после того, как Василий II получил от Улук-Мухаммеда ярлык на княжество. На этот раз великий князь согласился на все условия, которые ему были продиктованы. Он признал себя вассалом Улук-Мухаммеда, обязался выплатить огромный выкуп за себя (200 тыс. рублей), а также выделить сыновьям Улук-Мухаммеда **Касиму** и **Якубу** удел. Выплатить выкуп за себя Василий II не мог, не возвратившись в Москву. Заключив с Василием II договор, Улук-Мухаммед выступил из Нижнего Новгорода в Кургамыш. Здесь он освободил князя Василия II 1 октября 1445 года.

Пока Василий II находился в плену, в Москве правил **Дмитрий Шемяка**. В это время, для выяснения обстоятельств, к нему прибыл посол от Кичи-Мухаммеда из Большой тюркской орды. Вмешаться в войну между Улук-Мухаммедом и Василием II Большая тюркская орда не могла. У неё возникли большие проблемы в Крыму. После занятия Крыма Кичи-Мухаммед роздал территории нескольких десятков аулов своим бекам, чем серьёзно ущемил интересы тюркской аристократии Крыма. Образовалась оппозиция Кичи-Мухаммеду из тюрок-крымчаков. Эта оппозиция завязала связи с претендентом на крымский престол Хаджи-Гиреем, который находился при дворе великого князя Литвы Казимира. Одновременно эта оппозиция вела переговоры с Казимиром, чтобы он оказал помощь Хаджи-Гирею.

В 1443 году в Вильнюсе Казимир объявил Хаджи-Гирея ханом Крыма и оказал ему помощь войсками. Хаджи-Гирей заключил с Казимиром союз и утвердился в Крыму. Но Кичи-Мухаммед не пожелал признавать самостоятельность Крыма и, опираясь на генуэзцев, стал собирать силы, чтобы восстановить свою власть над Крымом. Так что Кичи-Мухаммеда мало занимали дела, творившиеся в Московском княжестве. Ему важно было, что Москва сохраняла вассальную зависимость. А кто будет править в Москве, ему было безразлично.

Так что абсолютно неправы составители учебника «История России с древнейших времён до конца XVII века», которые недостаточно глубоко исследовали процессы распада Большой тюркской орды и не увидели, что от неё уже откололось Казанское ханство, которое вело себя как самостоятельное государство. Поэтому освобождение Василия II состоялось не из-за несогласованности «разных групп ордынцев» и затянувшегося пребывания «на Руси посла, отправленного к Шемяке», а в результате заключения договора между Улук-Мухаммедом и Василием II.

Для сбора выкупа с Василием II в Москву прибыли сыновья Улук-Мухаммеда Касим и Якуб со своими войсками. Василий II, выполняя договор, выделил Касиму в Мещерской земле особый удел, который получил название Касимовского царства. Часть славян-татар, прибывшая с Касимом и Якубом, была назначена на различные административные должности. Выплата выкупа, пожалование удела Касиму, назначение на должности славян-татар вызвали негодование среди части бояр, купцов и духовенства. Состоялся заговор, душой которого стал Д.Шемяка, виновник поражения московского войска под Суздалем. Дмитрий Шемяка был двоюродным братом Василия II. Несмотря на это он заманил великого князя на богомолье в Троицко-Сергиев монастырь, где приказал своим людям схватить и ослепить Василия II. После чего сам занял московский стол, а Василия II сослал в Углич. С тех пор Василия II стали звать ***Василием Тёмным***.

Однако далеко не всё боярство, купечество и духовенство поддержало Д.Шемяку. Несогласные частью стали отъезжать в Литву, частью в Тверь, а частью к царевичам Касиму и Якубу. Перепитии 1446 года авторы учебника «История России с древнейших времён до конца XVII века» описывают довольно подробно. Однако за подробностями они не смогли рассмотреть главного – роли славян-татар во главе с Касимом и Якубом. Пока войско Д.Шемяки противодействовало соединению отрядов, собиравшихся в Литве и Твери, Касим и Якуб собрали войско и нанесли поражение Д.Шемяке, который бежал в Великий Новгород. Там он стал запугивать новгородцев, что Касим и Якуб обязательно двинутся на них. Этим он хотел принудить новгородцев выставить войско против Москвы. Но новгородцы на этот раз на провокацию не поддались.

Только через год, после начала трагических событий, Василий Тёмный торжественно въехал в Москву в сопровождении славян-татар, сыгравших главную роль в разгроме войска Д.Шемяки. Однако составители вышеупомянутого учебника не только не рассмотрели это, но явно фальсифицировали некоторые события того времени. Они утверждают, что *«Победитель русской рати Махмуд, убив отца, захватывает ханский трон, положив основание казанских*

властителей. Двое его братьев в результате конфликта отъехали на Русь, стремясь получить статус служилых князей ещё у Василия II». И далее *«Нового казанского хана Махмуда (Махмутека) он «наводил» на Русь, используя его враждебное отношение к братьям, оказавшимся на службе в Москве».*

Как мы выяснили выше, основание казанским властителям положил Улук-Мухаммед, а не его сын **Махмуд**. К тому же Махмуд не убивал своего отца. Ему просто незачем это было делать, так как он был фактически соправителем Улук-Мухаммеда, который доверил ему командование войском. Не было у Махмуда и враждебного отношения к своим братьям Касиму и Якубу, так как они отъехали в Москву с Василием II по договору, а не после смерти отца. Не было у Махмуда и враждебного отношения к Москве, так как Василий II не нарушал вассальной зависимости. Именно поэтому при Махмуде и после него, в течение двадцати лет, с 1446 по 1466 годы, мирные отношения между Москвой и Казанью не нарушались. Махмуду нужна была дружественная Москва на случай столкновения с Большой тюркской ордой.

Казанское ханство, Московское княжество и Большая тюркская орда

Опасаясь столкновения с Большой тюркской ордой, Махмуд всячески стремился укрепить Казанское ханство. В этой связи ему пришлось выбирать между исламом и ведическим мировоззрением. Уже распространившийся среди тюрок ислам, как и христианство, как нельзя лучше соответствовал установлению самодержавной ханской власти. Ведическая демократическая традиция организации общества становилась ненужной. Поэтому Махмуд сделал ставку на ислам. Всяческое содействие исламу привлекло на сторону Махмуда многих тюрок-мусульман, которые целыми аулами стали переходить на его сторону. Численность тюрок-мусульман в Казанском ханстве стала резко расти. Именно при Махмуде Казань превратилась в мощный центр исламской культуры.

Значительно увеличилась территория Казанского ханства. При Махмуде в Казанское ханство вошли многие города с округой, расположенные на западном берегу Волги: ***Синбир*** (Симбирск), ***Сарытау*** (Саратов), ***Сары-Тин*** (Царицын). Однако предпочтение Махмуда исламу породило процесс этно-религиозного размежевания между тюрками-мусульманами и славянами-татарами. Славяне-татары, не желая принимать ислам, стали уходить в славянские княжества. И если раньше уход славян-татар был единичным и групповым явлением, то теперь он обрёл массовый характер. Подталкивали этот процесс и решения, принятые Василием II. Трагические события 1444-47 гг.

показали Василию II и его окружению, что славяне-татары были не только превосходными воинами, но и верными присяге подданными. Поэтому началось широкое приглашение славян-татар на службу московскому князю.

Уже при Дмитрии Донском начали строить первую засечную линию по реке Оке и оборудовать её крепостями. Для несения службы в крепостях и в пограничной линии нужны были особые войска. Для этой службы славяне-татары подходили как нельзя лучше. Именно поэтому при Василии II впервые стали предлагать славянам-татарам службу в крепостях за жалование. После достижения соглашения тысячный славяно-татарский отряд становился *стрелецкой дружиной*, а тысячник – *стрелецким головой*. Так появились служилые татары. Служба в таких дружинах была наследственной. Сохраняя внутреннюю автономию, стрельцы (славяне-татары) приносили присягу князю.

Почему перешедшие на службу к московскому князю славяне-татары стали называться ещё и стрельцами? Дело в том, что в то время лучшими стрелками в мире из лука были славяне-татары. В своей книге «От Ариев к Русичам» я уже писал, что послать стрелу на 500 и более метров для ордынского воина было обычным делом. Английские лучники, которых восхваляет официальная история, посылали стрелу едва за 300 метров. По этой причине стрелецкие дружины были лучшей частью московского войска. Лучшей частью они оставались на протяжении более чем 200 лет.

Поступая на службу в московское войско славяне-татары оговаривали для себя особые условия. Они были свободными людьми и желали оставаться таковыми. Закрепостить служилого татарина никто не имел права. Славяне-татары имели ведическое мировоззрение, которое они не меняли, как того ни добивались христианские попы. Служилые татары сохраняли ордынскую организацию внутренней жизни и подготовки войска. Военное обучение и организация боевых действий оставались прежними. Закрепление служилых татар за землёй не допускалось, так как оно воспретило бы им заниматься военным делом – прямым их предназначением. Благодаря вниманию к служилым татарам, вооружённые силы Московского княжества стали быстро увеличиваться. Ещё быстрее стала возрастать их боеспособность.

Реализация этого решения очень скоро дала положительный результат. Это впервые проявилось в январе 1450 года, во время штурма Галича, в котором засел Д.Шемяка со своим войском. Несмотря на широкое применение его войском огнестрельного оружия и расположения его на горе, на которую поднимались московские войска, они одержали над войском Д.Шемяки полную победу. Показателен и другой случай. В 1456 году состоялся поход против Великого Новгорода. Поход завершился успешно, была взята и ограблена Старая Русса. После чего московское войско с добычей повернуло назад. Отход прикрывала стрелецкая славяно-татарская дружина численностью около 500 человек.

С.Соловьёв даёт численность всего в 200 человек, что неверно. Новгородцы собрали и послали вдогонку войско численностью около 5 тысяч человек. Стрелецкая дружина организовала в одном из сёл засаду. Улицы были перегорожены возами. За этими возами, в домах и на крышах домов засели стрелки-лучники. Как только новгородцы втянулись в улицы и наткнулись на возы, стрелки-лучники стали поражать их стрелами почти в упор. Перебито было почти всё войско. Новгород вынужден был капитулировать. Приводя рассказ С.Соловьёва в своём труде «Древняя Русь и Великая Степь» Л.Гумилёв пытался обосновать свою теорию подъёма пассионарности в среде московского люда. На самом деле никакого подъёма пассионарности не было. Победа была достигнута благодаря боевому мастерству служилых славян-татар, сохранивших систему выучки ордынского славянского войска.

Подъёму и усилению Московского княжества способствовали не только мирные отношения с Казанью и переход славян-татар на службу московскому князю. В это время Большая тюркская орда продолжала слабеть. На востоке многие города и селения добровольно перешли в подчинение Казанского ханства. На юго-западе, после захвата власти в Крыму **Хаджи-Гиреем** и образования Крымского ханства, положение тоже было катастрофическим. После утверждения Хаджи-Гирея на престоле Крымского ханства, другой претендент на этот престол **Саид-Ахмед** обосновался в Подолии и перешёл на сторону Кичи-Мухаммеда. Подбиваемый им Саид-Ахмед в 1452 году вторгся в Литву и дошёл до Львова.

Однако в тыл ему ударил Хаджи-Гирей. В сражении погибло много тюрок, поддерживавших Саид-Ахмеда. Сам он едва спасся бегством. Позиции Хаджи-Гирея в Крыму ещё более укрепились. Но Кичи-Мухаммед не собирался сдаваться. Опираясь на генуэзцев и Саид-Ахмеда, он хотел во что бы то ни стало овладеть Крымом. Но этому не суждено было сбыться. В 1454 году турки-османы взяли Константинополь. В его обороне приняли участие генуэзские купцы, направившие свой флот из Таврии на помощь византийцам. Это сблизило турецкого султана с Хаджи-Гиреем. В этом же году в районе Керчи состоялась встреча Хаджи-Гирея с командующим османским флотом Дмир Кахья, в результате которой было заключено соглашение о военной помощи тюркам-крымчакам со стороны турок-османов, на случай войны с Кичи-Мухаммедом и генуэзцами. Это ещё более упрочило положение Хаджи-Гирея.

Кичи-Мухаммед, лишившись возможности захватить Крым, вновь подтолкнул Саид-Ахмеда к нападению на Литву. В 1455 году он опять вторгся в Литву, но был разбит, попал в плен и был посажен в крепость г. Ковно. С пленением Саид-Ахмеда и его детей не осталось претендентов на престол Крымского Ханства. После чего Польша и Литва признали его самостоятельность. Неудачи на востоке и

юго-западе подломили силы Кичи-Мухаммеда. В 1459 году он скончался. Таким образом, ослабление Большой тюркской орды наряду с обстоятельствами, приведёнными выше, способствовали подъёму Москвы. Неслучайно, несмотря на трагические обстоятельства правления Василия II (Тёмного), территория Московского княжества увеличилась в 30 раз.

После смерти Кичи-Мухаммеда в Большой тюркской орде началась борьба за власть между его сыновьями **Махмудом** и **Ахметом**. В 1459 году старший сын Кичи-Мухаммеда Махмуд был провозглашён ханом Большой тюркской орды. В марте 1462 года умер Василий II (Тёмный). Задолго до своей смерти великий князь Василий принял решение о престолонаследии. Его старший сын **Иван** уже в 1449 году именовался Великим князем. В 1451 году он формально возглавлял московское войско в походе против Д.Шемяки. В 1452 году, когда ему было всего 12,5 лет, состоялась его свадьба. Вскоре после свадьбы он становится реальным соправителем Василия II. Так что к моменту смерти своего отца князь Иван имел большой опыт государственного управления.

Для того, чтобы иметь законные права на престол, князю Ивану пришлось ехать к хану Махмуду в Большую тюркскую орду за ярлыком. Хан Махмуд, озабоченный укреплением собственной власти, выдал ярлык на правление князю Ивану. Однако это не сблизило их. Князь Иван, связанный договором отца, вынужден был часть дани (выхода) выплачивать казанскому хану. Махмуд, не имея сил справиться с Казанью, решил силой заставить князя Ивана выплачивать дань полностью только ему одному. В 1465 году он попытался собрать войско и двинуться на Москву. Однако на него напали тюрки-крымчаки, разгромили его войско и опустошили многие районы Большой тюркской орды. Поражением воспользовался брат Махмуда Ахмет. Он объявил себя ханом Большой тюркской орды и начал печатать монеты с надписью «хан правосудный Ахмет».

Махмуд бежал в ***Хаджи-Тархан*** (Астрахань), захватил её и положил начало созданию будущего Астраханского ханства. Так на месте бывшей единой Большой тюркской орды образовались Казанское, Крымское, Астраханское ханства и ослабевшая Большая тюркская орда. Границы Астраханского ханства, установленные при его образовании, оставались почти без изменений вплоть до его падения. От Ногайской орды его отделяла река ***Бузань*** (один из притоков Ахтубы). Южная граница шла по рекам ***Симур, Терек, Кура, Кубань***. Западная граница по рекам ***Егорлык*** и ***Маныч***. Дон отделял от Большой тюркской орды. Нападение тюрок крымчаков и внутренние распри в Большой тюркской орде отложили на время столкновение между нею и Московским княжеством.

Ситуация для Ивана III складывалась не совсем удачно. С юга и востока в любой момент могла прийти беда, с которой почти невоз-

можно было справиться. Но здесь подвернулся случай, который позволил до известной степени разрядить обстановку и уменьшить опасность, исходящую с востока. В 1461 году умер казанский хан Махмуд. Он имел двух сыновей **Халиля** и **Ибрагима**. Вначале на престол вступил Халиль, который умер в 1467 году. Он не имел детей, поэтому после его смерти ханом был провозглашён брат Ибрагим. Сразу же на престол Казанского ханства стал претендовать его дядя **Касим**, удельный князь Московского княжества. Однако его кандидатура была отвергнута большинством аристократов Казани. Назревала война между дядей и племянником.

Не располагая необходимыми силами, князь Касим обратился за помощью к великому князю Ивану. **Иван III** нашёл целесообразным поддержать притязания Касима, так как представлялась возможность избавиться от вассальной зависимости, а в случае удачи посадить на престол Казанского ханства своего человека. Поход войска Касима состоялся в 1467 году. Однако хан Ибрагим успел приготовиться и выставил против него превосходящее войско. Превосходство войска Казани было настолько очевидным, что Касим, не вступая в сражение, повернул обратно. Таким образом, его поход закончился неудачей. Казалось, борьба за престол была закончена, тем более, что сам Касим вскоре умер.

Но хан Ибрагим рассуждал иначе. Он посчитал виновным в организации похода Касима великого князя Ивана III и решил наказать его, как своего вассала. Он послал войско на Галич. Взять город войско не смогло и, разорив окрестности, вернулось в Казань. Теперь уже Иван III не мог простить Ибрагиму налёт его войска. Началась война с далеко идущими последствиями. В 1468 году боевые действия велись с переменным успехом. Ни той, ни другой стороне не удалось добиться победы. В 1469 году боевые действия продолжились. Первый поход московского войска на Казань весной 1469 года потерпел неудачу. Перелом наступил летом 1469 года. В августе московское войско, под предводительством дмитровского удельного князя **Юрия**, осадило Казань.

Умелое руководство князя Юрия, превосходство в силах и отсутствие помощи заставили казанского хана Ибрагима пойти на заключение мирного договора «на всей воле великого князя». Что это означало? Это означало, что великий князь Иван III избавлялся от вассальной зависимости со стороны Казани, освобождались все пленники, Казань отказывалась от притязаний на Вятку, открывался торговый путь по Волге для московских купцов. Безусловно, эта победа имела большое значение. Она говорила не только о возросшем могуществе Московского великого княжества, но также о том, что династические распри внутри него почти закончились и оно могло перенести основные свои усилия на борьбу с внешними противниками.

Эта победа обеспечила также прорыв изоляции Москвы на востоке, установившейся в период образования Большой тюркской орды и Казанского ханства. Появились благоприятные условия для расширения и установления связей с другими странами, в том числе с Индией. Этими возможностями не преминули воспользоваться предприимчивые русские люди. В частности, тверской купец **Афанасий Никитин** совершил путешествие в Индию. По Волге и Каспию он доплыл до Персии, далее сухопутным путём добрался до ***Бедера*** – столицы Хоросанского султаната. Затем добрался до местности, ныне это штат *Махараштра*, где посетил храм Кайласанатха в селе Эллора, построенный в VIII веке. В Эллоре тогда находилось немало других храмов, высеченных в скалах и принадлежавших разным религиозным общинам, что побудило европейцев назвать тот комплекс индийским Иерусалимом. Но самое главное, там, в Индии, А.Никитин узнал, что индийцы много слышали и знали о Рассее, были и такие, которые разговаривали на санскрите, очень похожем на русский язык. Причём они знали о Рассее много больше, чем о Португалии, Голландии и Англии, корабли которых бороздили почти все океаны и моря в то время. Разумеется, индийцы многое слышали и знали о Рассении, но не о Московии. Это сейчас абсолютно ясно. Но тогда у купца А.Никитина Рассея ассоциировалась и отождествлялась с Московским великим княжеством. После возвращения из многолетнего и многотрудного путешествия А.Никитин написал книгу «Хождение за три моря». Так московское общество ещё раз пополнило свои знания о Рассении, тяга к которой возрастала всё больше и больше.

Большая тюркская орда, Московское княжество и Новгород

В период войны Москвы с Казанью Большая тюркская орда по разным причинам не стала вмешиваться в их отношения. Во-первых, распри между Ахматом и Махмудом привели к образованию Астраханского ханства, что резко ослабило Большую тюркскую орду. Во-вторых, сохранялась опасность нападения тюрок-крымчаков. В-третьих, ослабление Москвы и Казани было выгодно для Большой тюркской орды. Более того, она даже была заинтересована в победе Москвы, так как это давало ей право требовать от неё выплаты всей дани (выхода) только ей. В-четвёртых, на востоке выявилась новая опасность.

После смерти в 1468 году правителя Синей орды Абулхаира, его приемником стал сын **Шейх-Хайдар**. Этот молодой и энергичный правитель не был связан никакими договорами с правителями Рассении, а поэтому поставил перед собой цель вновь подчинить себе Ногайскую и Кайсакскую орды. В 1469 году он собрал большое войско и

значительно потеснил племена Ногайской орды. Правители Рассении организовали создание союза против Шейх-Хайдара. Против угрозы с юга объединились Сибирское татарское княжество, Кайсакская орда и Ногайская орда. Затем к этому союзу присоединилась и Большая тюркская орда.

Ахмет-хан неплохо знал историю и помнил походы Тимура. Повторения подобных походов он, конечно же, не хотел. Поэтому послал своё войско в помощь союзу. Здесь преследовалась и другая цель. В случае войны с Астраханским ханством или Крымом Ахмет рассчитывал получить помощь с востока. Совместными усилиями в 1470 году союзу удалось разгромить узбекское войско Шейх-Хайдара. Сам он был убит в сражении. Однако узбеки провозгласили ханом малолетнего сына Шейха-Хайдара **Шейбана**, который бежал в Астрахань и нашёл там покровительство у астраханского хана Касима (сына Махмуда). Теперь помощь союза понадобилась Ахмет-хану. В 1471 году войска союза осадили Хаджи-Тархан (Астрахань) и принудили Касима удалить Шейбана из ханства.

Пока Большая тюркская орда была занята проблемами на востоке и юге, Иван III вступил в борьбу с Новгородом. В начале ноября 1470 года умер архиепископ Новгородский **Иона**, стремившийся компромиссами умерить остроту конфликтов. Сразу же после его смерти подняла голову пролитовская партия, что грозило выходом Новгорода из-под великокняжеской руки. Не допустить это могла только победоносная война. И она началась. Учтя ошибки войны с Казанью, против которой силы наращивались постепенно, великий князь Иван III и его окружение мобилизовали почти все силы Московского княжества.

Все войска были разделены на несколько отрядов. Передовой отряд князя **Д.Холмского** насчитывал около 10 тысяч человек. Затем выступил отряд князя **И.Стриги-Оболенского**. Последними выступили главные силы войска во главе с великим князем. Псковичи наступали отдельно. Особый отряд, включавший вятичей, был направлен в северодвинские владения Новгорода. Боевые действия сразу приобрели характер широкомасштабной операции. Это дало скорый и победоносный результат. В отличие от войны с Казанью, здесь потребовалось всего чуть более полутора месяцев боевых действий. Так что блицкриг – это не новаторство XX века. Такие войны осуществлялись и в прошлом, если, конечно, какая-то воюющая сторона стремилась достичь решительной победы.

Передовой отряд князя Д.Холмского состоял, в основном, из стрелецких дружин славян-татар. Он вышел из Москвы 6 июня 1471 года. Именно он и сыграл решающую роль в разгроме Новгородских ратей. После взятия Старой Руссы, в конце июня, Д.Холмский нанёс последовательно поражение двум пешим отрядам новгородцев. А 14 июля на берегах реки Шелони произошло решающее сражение. Отряд

Д.Холмского, почти в четыре раза уступавший в численности новгородцам, разгромил их наголову. В сражении были убиты видные деятели Новгородской республики. Тысячи новгородцев погибли, либо были ранены, несколько десятков посадников и бояр попали в плен.

В конце июля в ожесточённом сражении на Северной Двине была разбита новгородская рать князя **В.Гребёнки-Шуйского**. Таким образом, всего лишь месяц реальных боевых действий показал полную неспособность Новгорода противостоять правильно организованному войску Московского великого княжества. В день сражения на Северной Двине 27 июля 1471 года, в местечке *Коростень*, начались переговоры, а затем был заключён мир. Главный итог Коростынского мира состоял в том, что он подводил черту под равностатусными отношениями ***Москвы*** и ***Новгорода***. Новгород признал себя «отчиной» московского великого князя. Любые обращения к Литве объявлялись незаконными. Усиливалась роль институтов великокняжеской власти в Новгороде, его наместников и дворецкого.

Новгород обязывался также выплатить огромную контрибуцию (свыше 16 тысяч рублей). Московскими и псковскими войсками, кроме того, была захвачена огромная добыча. Таким образом, в 1471 году политическая судьба Новгородской боярской республики была предрешена. Литва, связанная войной на западе, не могла помочь своим сторонникам в Новгороде. Однако она всё же попыталась направить на Москву хана Большой тюркской орды Ахмата, который в это время, освободившись от проблем на востоке и юге, жаждал восстановить вассальную зависимость Москвы.

В июле 1472 года Ахмет-хан, имея ограниченные силы (около 50 тысяч человек войска), совершил поход против Москвы. В известном смысле этот поход был неожиданным для неё. Большая часть войска находилась на севере и в центре страны. Однако созданная в предшествующие годы система порубежной стражи сработала эффективно. На северный берег Оки быстро выдвинулись отряды удельных князей. Затем подошло великокняжеское войско. Таким образом, попытки войск Ахмет-хана форсировать реку были отбиты. Ахмет-хану удалось разграбить несколько волостей на правобережье Оки, взять и сжечь *Алексин*.

И всё же великий князь Иван решил заключить с Ахмет-ханом мир. По этому мирному договору он признавал вассальную зависимость от Большой тюркской орды и обязывался выплачивать полную дань (выход) в размере 140 тысяч алтын. Время решительной схватки ещё не пришло. Тем более, что в ходе войн с Казанью и Новгородом московское войско было всё же ослаблено и нуждалось в восстановлении своих сил. Кроме того, опасность со стороны Новгорода ещё продолжала оставаться. Вначале нужно было окончательно решить эту проблему. А также найти союзников для борьбы с Литвой и Большой тюркской ордой.

В 1472 году турки-османы высадили своё войско с артиллерией в Крыму и помогли крымскому хану овладеть городами-крепостями генуэзцев. Были взяты и разрушены *Таврия* и другие фактории, превращённые в крепости. Крымское ханство объявило себя полностью независимым от Большой тюркской орды. Это резко обострило отношения между ними. В результате, крымскому хану понадобились союзники для борьбы с Большой тюркской ордой. Поэтому по инициативе Крымского хана Менгли-Гирея в 1474 году начались переговоры с Москвой о союзе.

В 1472 году произошло ещё одно знаменательное событие, имевшее для Москвы далеко идущие последствия. В 1467 году, когда Великого князя не было в столице, умирает его первая жена Мария Борисовна, дочь тверского великого князя. Есть основания полагать, что её смерть не была естественной. Встал вопрос о повторной женитьбе Ивана II. После подчинения Казани и разгрома Новгорода роль Москвы резко возросла. Появилась необходимость формального закрепления рождавшегося мощного государства. Титул *«Государь великий князь всея Руси»* мог быть воспринят европейскими государствами вполне положительно, ели бы великий князь породнился с каким-либо царственным домом Европы.

Выбор пал на **Софью (Зою) Палеолог**, племянницу двух последних византийских императоров и дочь их родного брата, морейского деспота **Фомы Палеолога**. Софья никогда не жила в Константинополе. С 1465 года она находилась в Риме и была под влиянием римского Папы. Переговоры о женитьбе велись несколько лет. Окончательное решение было принято в 1472 году. В начале ноября этого же года Софья вместе с послом Ивана III и Папы Римского прибыла в Москву. 12 ноября состоялось бракосочетание Ивана III и Софьи. Однако повторная женитьба не оправдала благих ожиданий, и в то же время породила немало проблем. Во-первых, европейские страны не спешили признавать за Иваном III титул «Государь и великий князь всея Руси», указывая на то, что он является улусником Большой орды. Во-вторых, в семью великого князя был внесён разлад. Взаимная неприязнь сразу же поразила Софью и старшего сына Ивана III **Ивана Ивановича**, который теперь часто оказывался в немилости у отца и далеко не всегда заслуженно.

Авторы современного учебника «История России с древнейших времён до конца XVII века» сумбурно и поверхностно повествуют о роли Софьи в событиях того времени, а поэтому не дают правдивой оценки её деятельности. А ведь стоило только обратить внимание на происхождение Софьи и её контакты с папой римским, как многие отрицательные стороны её личности стали бы видны как нельзя лучше. Византийский двор и резиденция папы римского всегда были средоточием интриг. Там ради достижения цели никогда не брезговали любыми средствами. Софья была достойным продуктом этой школы. Она

уже в Риме обзавелась приближёнными, которые были прекрасными организаторами этих интриг. Были среди её приближенных колдуньи чёрной магии. Были и евреи-выкресты, которые должны были наладить тесные связи с церковью византийского толка в Москве, чтобы усилить византийскую ортодоксию. Есть основание полагать, что Софья тоже была еврейкой. Всё это позднее приведёт к трагедии, сходной с трагедией Артаксеркса, Амана, Мардохея и Эсфири. Всё это будет позднее, а сейчас пока начался разлад в семье великого князя.

В 1477 году, по инициативе приближённого Ивана III дьяка Фёдора Курицына, новгородские послы на переговорах в Москве назвали великого князя Ивана не «господином» Великого Новгорода, а «государём». Признание новгородцами титула «государь» означало уравнение Великого Новгорода с другими подвластными московскому великому князю областями. Этот факт стал известен в Новгороде из уст московских послов. Он вызвал взрыв возмущения новгородцев. Началось восстание, в результате которого была учинена расправа над несколькими боярами из «московской» партии. Московские купцы были изгнаны, а заявление новгородских послов о титуле дезавуировано. Иван III решил покончить дело силой.

Новый поход на Новгород начался в октябре 1477 года. Серьёзных столкновений войск не было. Московское войско взяло Новгород в осаду в конце ноября, а 7 декабря начались переговоры. Позиция, заявленная от имени Ивана III князем И.Патрикеевым, была предельно жёсткой. Ликвидировались вече, посадники и вечевой колокол. Новгород уравнивался с другими областями Московского великого княжества. Подлежали отчуждению в пользу государя все бывшие княжеские вотчины в Новгородской земле. Все главные требования были приняты новгородцами без лишних проволочек. 15 января 1478 года государь и великий князь всея Руси Иван III осуществил парадный въезд в «свою отчину». Месяц он провёл в столице поверженной боярской республики. 17 февраля 1478 года Иван III отправился в Москву. За ним везли вечевой колокол – зримый символ поверженной государственной самостоятельности Великого Новгорода.

Такое обращение с Великим Новгородом, естественно, не понравилось хану Большой тюркской орды, так как оно принципиально меняло государственный статус одного из подвластных столов, дань (выход) с которого учитывалась отдельно. Изменение статуса требовало разрешения хана. Он же такого разрешения не давал. Тем более Иван III уже в 1477 году прекратил выплату ежегодной дани и форсировал переговоры с Монгли-Гиреем. Назревал конфликт, к которому хан Ахмат, по большому счёту, не был готов. Дело в том, что союз с восточными соседями у него распался по его собственной неосмотрительности. Когда в 1476 году на короткое время ему удалось посадить в Крыму своего племянника Джанибека, у него созрели планы возрождения былого могущества Большой тюркской орды времён Тохтамыша.

Естественно, это вызвало недовольство со стороны ханов Казани, Крыма, Астрахани и Ногайской орды, которые теперь становились потенциальными союзниками Ивана III. Поэтому хан Ахмат незначительно усилился только за счёт Казанского ханства, от которого отделилась, в результате поражения от Москвы, часть мурз и беков со своими людьми по Волге. А если учесть, что славяне-татары продолжали интенсивно уходить и наниматься на службу к московскому князю, то станет ясно, что это усиление было незначительным. Максимально он мог собрать около 80 тысяч человек войска.

Поэтому подсчёты авторов вышеприведённого учебника абсолютно неправильны, когда они указывают, что Ахмат имел более ста тысяч воинов, да ещё усилился за счёт калмыков, якобы выведенных из Средней Азии, и воинских сил Астраханского ханства. Никаких калмыков он из Средней Азии не выводил. Не мог он рассчитывать и на помощь Астрахани. С ней он враждовал. Вот почему в 1478 году он начал интенсивные переговоры с Литвой о совместных действиях против Москвы. В эти действия Литва пыталась втянуть и Ливонский орден, усиливший свои враждебные действия против Пскова.

В этой связи положение Ивана III было значительно более прочным. Московское великое княжество значительно увеличилось. Московское войско не без проблем, но шло от успеха к успеху. Этому способствовало продолжение Иваном III политики своего отца Василия II, касающейся приглашения славян-татар и славян-казаков на службу московскому князю. Исследователь тюркской истории и последовательный сторонник теории Л.Гумилёва – Р.Н.Безертинов считает, что в период распада Большой тюркской орды татары уходили со своими *«атаманами, атаман-отец войска»* на её окраины, обычно реки Дон и Днепр, а также *«в пределы русских княжеств в поисках военной службы хлынуло большое число казаков и татар со своими беками. Шли они в эти княжества, как к своим союзникам, так как считали их одним из бывших улусов Золотой орды»*.

Вот, дорогой читатель, образчик, когда исследователь не видит разницы между татарами и казаками, с одной стороны, и тюрками, с другой стороны; когда татар и казаков огульно записывает в тюрки. Собственно, Р.Н.Безертинов здесь не новатор. Официальная историческая наука уже давно делает то же самое, только с одним отличием, она вообще не касается этнической принадлежности казаков. С таким подходом я, естественно, согласиться не могу.

Выше мы установили, что татары были восточными славянами. Именно они составляли основу постоянного полевого ордынского войска Рассении. Для наблюдения за рубежами державы и содержания переправ в ордынском войске выделялась особая часть воинов, которая называлась казаками. Небольшие отряды этих воинов постоянно перемещались вдоль назначенных рубежей или рек, чтобы не пропустить вторжение неприятеля. За постоянное их перемещение с места на место им и дали название *казаки*. В казаки набирались са-

мые неприхотливые и выносливые воины. Они были мастерами маскировки, хорошими наблюдателями, ловкими наездниками. Прекрасно стреляли из лука, владели саблей и ножами. Из защитного вооружения они имели облегчённый кожаный доспех и такой же облегчённый щит. Таким образом, казаки были мастерами одиночного и группового боя, а татары мастерами действий организованного полевого войска. Кроме сабель, они имели более тяжёлое и прочное защитное вооружение, более тяжёлые и дальнобойные луки, а также копья.

Трансформация западного ордынского войска и образование *Большой тюркской орды с 1300 по 1380 годы дали* первый всплеск расслоения по этническому принципу, когда значительная часть славян-татар перешла на службу в Московское княжество и тем самым обеспечила его первый короткий подъём и победу над тюрками на поле Куликовом. Восстановленное на короткое время Тимуром западное ордынское войско (Западная орда) обеспечило приход с востока новой волны славян-татар Рассении, которые оседали на Волге и Верхнем Дону. Именно отслужившие в войске славяне-татары занимались там землепашеством, о котором пишет Р.Н.Безертинов, и к которым тюрки не имели никакого отношения. Тюрки занимались кочевым скотоводством, которое как раз явилось одной из причин гибели Большой тюркской орды, так как внутри неё началась борьба за пастбища для скота между тюрками-крымчаками и тюрками-степняками.

После гибели Едигея Большая тюркская орда вновь начала распадаться. Причём этническая доминанта играла опять далеко не последнюю роль. И оказалось, что славяне (татары и казаки) по Днепру потянулись к Литве, а по Волге и Дону к Москве. **Поэтому шли они в западные славянские княжества не потому, что это были улусы несуществовавшей Золотой Орды, а потому, что они были славянами и шли к славянам. В критический момент этническая доминанта оказалась определяющей.**

Уход славян (татар и казаков) из тюркских ханств вёл к их серьёзному ослаблению. Большая тюркская орда лишалась самого боеспособного элемента. Вместе с этим разрушалась и организация войска. Большая тюркская орда к моменту решающего столкновения с Москвой уже не имела правильно организованного войска. Это была обычная тюркская орда, состоявшая из большого числа мелких орд. Её боеспособность была невысокой, численность тоже была сравнительно небольшой. При Ахмет-хане Большая тюркская орда была подобна Большой тюркской орде Мамая. Её численность приблизительно была равной орде Мамая и составляла около 80 тысяч человек.

В то же время переход славян (татар и казаков) на службу московскому князю резко усиливал боеспособность его войска, что и сказалось при ведении войн с Казанью, Новгородом и, собственно, Большой тюркской ордой. Московское войско теперь состояло из постоянного великокняжеского войска численностью в 40 тысяч чело-

век и ополчений-ратей удельных князей общей численностью более 60 тысяч человек. Таким образом, великий князь Иван III мог выставить войско численностью свыше 100 тысяч человек, боеспособность которого была выше, чем у войска Большой тюркской орды.

Ополчение-рать удельного князя насчитывала несколько тысяч человек. Основой её была дружина удельного князя в несколько сотен человек. Постоянное великокняжеское войско и ополчения-рати удельных князей совместно действовали только против крупных неприятельских сил. Ополчение-рать удельного князя, в основном, использовалось для организации рубежной стражи и предотвращения нападения мелких тюркских орд на территорию Московского великого княжества. Постоянное великокняжеское войско предназначалось для дальних походов и служило резервом для отражения крупных сил неприятеля.

Новая организация войска Московского великого княжества была большим шагом вперёд по сравнению с прежней его организацией. Ранее войско включало ополчение-рать Московского княжества и ополчения-рати других союзных княжеств. Однако новая организация Московского войска ещё сильно не дотягивала до организации ордынского славянского войска. Она имела ту существенную слабость, что удельный князь, в силу тех или иных обстоятельств, мог либо не принять участия в войне или сражении, либо всячески ограничивать участие в сражении ополчения-рати. Действия Д.Шемяки в этом плане наиболее показательны.

На этот недостаток в организации управления войском неоднократно указывали военачальники стрелецких дружин, среди которых Иван Иванович нашёл искренних друзей. Он очень быстро понял суть дела и стал настойчиво добиваться от своего отца изменить систему управления войском, тем более, что этим злоупотребляли его дядья **Андрей Большой** и **Борис**, которые формально принимали участие в войнах, но в сражениях старались участвовать как можно меньше. В их лице Иван Иванович нажил себе недругов. Да и отец, подзуживаемый Софьей, настороженно отнёсся к предложениям сына. Софья не преминула разжечь костёр враждебного отношения братьев Ивана III к его сыну.

Первоначальное недовольство братьев племянником через некоторое время переросло в недовольство Иваном III. Братья стали упрекать Ивана III тем, что он не желает делиться «промыслами», так как эти промыслы, в конце концов, отходили Ивану Ивановичу, чего, конечно же, дядья не хотели. Поводом для разрыва отношений послужил отъезд к Борису князя **И.Лыко-Оболенского**, наместника Ивана III в Великих Луках. Здесь явно не обошлось без подкупа, как со стороны Бориса, так и содействия ему со стороны Софьи. Иван III неоднократно требовал от брата возвращения наместника. По приказу великого князя И.Лыко-Оболенский был арестован в собственной вотчине и посажен в тюрьму.

Этот арест дал толчок к открытому мятежу братьев. Борис с семьёй и своим окружением 1 февраля 1480 года отправился к Андрею Большому в Углич. Оттуда их объединённые рати выступили к Ржеву. В это время Иван III был в Новгороде. Информация о выступлении братьев вынудила его вернуться в столицу. Братья не развязали боевых действий и продолжали движение в западном направлении. Вырисовывалась опасность их ухода в Литву на соединение с Казимиром. Однако на первом этапе мятежа Андрей и Борис пытались найти опору в оппозиционных кругах Москвы, которые начали образовываться вокруг Софьи, и надеялись, что Новгород перейдёт на их сторону.

Кроме влияния на братьев Ивана III, Софья большое внимание уделила церкви. В то время церковь в Московском великом княжестве была аморфным образованием. В ней была масса разных течений, среди которых правоверная византийская ортодоксия не занимала ещё безраздельного господства. Софья и её приближённые поставили задачу усилить влияние византийской ортодоксии, а поэтому убедили митрополита Геронтия осуществить обряд освящения Успенского собора по византийскому образцу. Обряд состоялся осенью 1479 года. В результате, Иван III прилюдно обвинил митрополита Геронтия в неправильности обряда освящения. Первосвятитель отверг эти упрёки, требуя невмешательства великого князя в дела церкви. А так как скандал произошёл публично, это придало ему политическую окраску.

Однако надежды братьев на московскую оппозицию оказались напрасными. Она была ещё довольно слаба. Не помогли и новгородцы. Предыдущие погромы сделали своё дело. Тогда Андрей и Борис пошли на переговоры. Но три раунда этих переговоров не дали нужного им результата. Более того, во время переговоров выяснилась причастность Софьи к неблаговидным делам братьев. Результатом этого явилась её первая опала и ссылка в Белоозеро, где она сполна вымещала свою злобу на местном населении. Её свита творила всяческие насилия над людьми. Не добившись успеха на переговорах, братья со своими ратями расположились в Великих Луках, отправив семьи в Витебск, который предоставил им в качестве убежища великий князь литовский Казимир. Так он укреплял позиции мятежных удельных князей. В то же время провоцировал выступление Ахмет-хана против Москвы. Вот почему хан Большой тюркской орды решил летом 1480 года осуществить поход против неё.

В начале 1480 года резко изменилась обстановка в Крыму. Крымская знать вынудила хана **Нур-Даулята** бежать в Литву. Ханом в третий и последний раз был возведён **Менгли-Гирей**. Бегство Нур-Даулята в Литву вынудило Менгли-Гирея заключить соглашение с Москвой, по которому главным «недругом» Крыма назывался хан Большой тюркской орды Ахмет, а для Москвы таким противником назывался великий князь литовский Казимир. Обе стороны, в случае

нападения их главных противников, обязывались оказать друг другу помощь. В мае 1480 года крымский хан дал присягу на верность договору московскому послу. Таким образом, образовался союз Москвы и Крыма. Большая тюркская орда, несмотря на интенсивные переговоры с Литвой, такого союза создать не смогла. Достичь большего Москве мешало то, что она вряд ли предполагала о наличии потенциальных союзников на востоке. В этой связи следует сказать, что авторы вышеприведённого учебника грубо ошибаются, когда утверждают, что в этот период Иван III переживал самое трудное время своего правления.

Несмотря на семейные дрязги и ссору с братьями, Иван III имел достаточно возможностей для того, чтобы успешно отбить нападение Ахмет-хана, который испытывал недостаток сил и вынужден был броситься в авантюру. В июле он начал движение к границам Московского великого княжества, предварительно отправив своего посла в Литву. При этом он рассчитывал, что Литва всё же выставит войско против Москвы. В Москве однако не дремали и уже в мае по «первым вестям» выдвинули «скорых воевод» на пограничный рубеж. В начале июня на этот рубеж выдвинулись отряды ещё двух уделов, а 8 июня выступил в поход старший сын Ивана III великий князь Иван Иванович во главе основного войска. Его сосредоточение произошло в г. ***Серпухове***.

Здесь следует сказать, что ссора братьев с Иваном III имела то положительное последствие, что Ивану Ивановичу удалось добиться от отца назначения его командующим всем войском, а князя **Д.Холмского**, ранее прекрасно зарекомендовавшего себя, назначить своим помощником и первым заместителем. Войско получило компетентное и твёрдое управление. Это сразу же сказалось на ходе боевых действий. Попытки отдельных орд Ахмет-хана преодолеть реку Оку не имели успеха. Все они были отбиты московскими войсками. Ахмет-хан, видя, что Москва приготовилась к отражению нападения, в первой половине сентября направил свои главные силы к устью Угры, левому притоку Оки, разделявшей тогда Московское и Литовское княжества.

Ахмет-хан ещё питал иллюзии в отношении Казимира, а посему стремился своим движением навстречу побудить его к выступлению. Он рассчитывал также, что ему удастся обойти засечный рубеж по Оке и ударить московским войскам во фланг и тыл. Однако его расчёты не оправдались. Литва не выступила, а московское войско упредило его в развёртывании на угринском рубеже пятью днями раньше. Ранним утром 8 октября войско Ахмет-хана начало форсировать реку Угру в нижнем течении. Завязалось сражение, которое длилось несколько часов, но не принесло успеха тюркам. Ахмет-хан в следующие дни вновь пытался преодолеть Угру, как в этом месте, так и выше по течению реки, но успеха так и не добился.

Московское войско везде встречало его орды организованно, широко применяя огнестрельное оружие, благодаря чему наносили противнику ощутимые потери на дальностях свыше пятисот метров. Успех московского войска был обеспечен не только благодаря их оснащению, выучке и удачному расположению на оборонительном рубеже, но также своевременному маневрированию, которое является показателем полководческого искусства военачальников, возглавлявших московское войско. Этими военачальниками были командующий великий князь Иван Иванович Молодой и главный воевода московского войска князь Д.Холмский.

Иван III в эти дни находился в Москве, куда он вернулся 30 сентября для ведения переговоров с послами братьев. Не сумев ничего добиться от великого князя весной, братья были вынуждены пойти на уступки. Иван III, учитывая возможность ухудшения обстановки, тоже пошёл на компромисс. Необходимость в полках удельных князей ему казалась очевидной. В дни, когда на Угре начался ледостав, рати Андрея и Бориса влились в московское войско. Почти полумесячное пребывание великого князя в Москве было вызвано ещё и тем, что в его окружении с новой силой вспыхнули разговоры и споры о необходимости нанесения решительного поражения Большой тюркской орде.

Сторонниками решительных действий против Большой тюркской орды были военачальники славяне-татары, которые призывали разгромить Большую тюркскую орду и восстановить Славянскую Державу (Рассению). Эти предложения впервые прозвучали ещё в период организации походов на Казань. Именно в это время в разговорах и спорах верхов Московского великого княжества появляется наименование страны, приемником которой оно должно было стать. И это наименование тогда звучало как ***Рассея***. Однако Иван III с такими предложениями не согласился. На это было несколько причин.

Во-первых, по незнанию он полагал, что Ахмет-хан располагает большими силами, а поэтому считал, что добиться над ним победы будет невозможно. Во-вторых, он хорошо понимал, что восстановление Славянской Державы (Рассении) вновь вернёт Москву в положение удельного княжества, чего он, естественно, не хотел. В-третьих, он хорошо помнил времена прадеда Дмитрия Донского, когда победившая, но лишившаяся почти половины своего войска Москва оказалась беззащитной перед внешним вторжением. В новых условиях такими противниками могли стать Казань, где враждебность таилась с прошлой войны, и Литва, чьи происки не прекращались уже который год. В этих условиях Большая тюркская орда до поры до времени нужна была Москве, если уж не как союзница, то и не как антогонистический противник. Поэтому подвергнуть её полному разгрому Иван III необходимости не видел.

Несмотря на наступление холодов, Ахмет-хан не уходил и грозился начать наступление, как только река Угра замёрзнет. В конце октября Угра замёрзла. Иван III, чувствуя, что близится развязка, с со-

брашными резервами поспешил к войску. Эти резервы давали существенный перевес над противником. Ахмет-хан, как только узнал о подходе новых сил из Москвы, пошёл на переговоры. Во время переговоров выявилась внутренняя слабость Большой тюркской орды. Поэтому все требования Ахмет-хана были отвергнуты. Видя, что переговоры не дают результатов и затягиваются, Ахмет-хан в середине ноября начал отступление.

В ходе него он опустошил территории западнее Угры и Оки, которые принадлежали тогда Литве, чем выместил своё недовольство её позицией, не пожелавшей выступать на его стороне. Московское войско не преследовало орды Ахмет-хана. Оно только переправилось на южный берег Оки и взяло под защиту московские волости, чтобы не допустить их разграбления и опустошения. Так закончилась зависимость Московского великого княжества от Большой тюркской орды и была обретена полная его суверенность.

Отход орд Ахмет-хана не был организованным. Этим воспользовались ногайцы, которые переправились через Волгу и поджидали Ахмет-хана на Дону. Ослабленные физически и психологически орды Ахмет-хана были разбиты. Сам Ахмет-хан погиб в сражении. Ногайцы, захватив большую добычу, ушли на восток. После гибели Ахмет-хана его сыновья (Муртаза, Сеид-Ахмет, Ших-Ахмет, Бахадур, Ходяк и Янай) разделили улус своего отца. Каждый получил свою долю. Наибольшая часть досталась Ших-Ахмету, получившему престол отца. В середине 80-х годов сыновья Ахмета начали наступление против Крыма. В 1485 году Муртаза вторгся в Крым, но был разбит и попал в плен. Однако в этом же году в Крым ворвался его брат Ших-Ахмет, который разгромил войско Менгли-Гирея и освободил Муртазу из плена. В это время на Большую тюркскую орду напали воины Ногайской орды, что спасло Менгли-Гирея от окончательного поражения. Ших-Ахмет покинул Крым и отошёл в донские степи.

Московское великое княжество, Казань и Литва

Пока шли эти перипетии в Большой тюркской орде и на её окраинах, в Москве происходили не менее интересные события. После отражения похода Ахмет-хана Иван III снял опалу с Софьи и вернул её в Москву. Здесь она, к явному своему неудовольствию и разочарованию, увидела триумф Ивана Ивановича. Его успешное управление войском было отмечено Иваном III высшим назначением. Иван Иванович был провозглашён **сопроводителем** государя Ивана III. Это значительно усилило его влияние на принятие государственных решений. Его уважали и ценили военачальники, среди которых выходцы из славян-татар были в большинстве. Главный воевода московского войска князь Д.Холмский был его ближайшим соратником

и сторонником. У них Иван Иванович многому научился, в том числе изменилось его мировоззрение и миропонимание.

Он больше стал вникать в дипломатию, что сблизило его с дьяком **Ф.Курицыным**. В круг его интересов входили архитектура и литейное дело. В результате, он завоевал уважение и доверие итальянских мастеров, которые возводили Кремль, отливали пушки и пищали. При этом следует иметь в виду, что это было время эпохи **Возрождения**, когда итальянские мастера повсеместно задавали тон. Они, конечно же, оказали на Ивана Ивановича заметное влияние. К этому времени он уже хорошо осознал косность византийской ортодоксии. **Таким образом, вокруг Ивана Ивановича сплотились профессионалы своего дела, люди достаточно свободных взглядов, не обременённые религиозно-обрядовыми догматами, активные, инициативные и энергичные.**

Именно они задавали тон при обсуждении тех или иных вопросов, которые рассматривались на великокняжеском совете. Без сомнения, Иван III был под влиянием всех этих людей и почти до конца своей жизни содействовал им. Великокняжеский совет включал удельных князей, видных военачальников и администраторов, а также специалистов разных дел (архитекторов, литейщиков и т.д.). **Благодаря обсуждению на этом совете наиболее важных проблем государства, обеспечивалось принятие целесообразных решений.** В определённой мере этот совет ограничивал произвол самодержавной власти и служил сохранению, до известной степени, конечно, демократических традиций. В силу того, что Иван III смолоду был погружён в государственные дела, он постоянно был включён в их обсуждение, которое с годами переросло в устойчивую привычку.

Во второй половине правления Ивана III, когда значительно возрос объём государственных дел, потребовалось расширить круг совета за счёт исполнителей. Теперь, кроме удельных князей и знатных воевод, администраторов и специалистов, в совет стали входить окольничие, которые выполняли функции рабочего аппарата совета. Так совет стал превращаться в Думу, которая теперь совмещала в себе выработку идейно-концептуальных решений и исполнительных функций. Складывалась благоприятная обстановка для создания нормального, вполне демократического и эффективного органа власти в стране. Однако этот процесс был подорван уже при Иване III династическими проблемами. Без сомнения, главную роль в этом сыграла великая княгиня Софья.

Увидев триумф Ивана Ивановича, она поняла, что действовать открыто стало опасно. В то же время она не хотела прекращать борьбу, а поэтому, по возможности, стала действовать скрытно. Как показывает развитие последующих событий, она сосредоточила свою неблаговидную деятельность на следующих направлениях. Во-первых, чтобы склонить Ивана III на свою сторону, она стала рожать ему детей

одного за другим. Начиная с 1479 года, она родила пятерых сыновей и несколько дочерей. Во-вторых, начала искать пути устранения Ивана Ивановича, как тогда говорили, страстно хотела его *«извести»*. В этом плане колдуны и колдуньи чёрной магии оказались как нельзя кстати. В-третьих, для борьбы с окружением Ивана Ивановича была привлечена церковь. Представители византийской ортодоксии, приехавшие с Софьей, также оказались весьма кстати. Именно они и митрополит **Геронтий** вскоре организовали движение стяжателей.

В-четвёртых, она решила не упускать любого удобного случая, чтобы насолить Ивану III. И такой случай вскоре представился. В 1482 году племянница Софьи вышла замуж на князя **Василия Верейского**. Софья, не имея на то прав, одарила её и своего брата значительной частью драгоценностей, которые принадлежали первой жене Ивана III. Когда князь В.Верейский узнал об этом, он так перепугался, что вместе со своей неудачливой женой бежал в Литву. Иван III о расхищении драгоценностей не знал до тех пор, пока в 1483 году они ему не понадобились. В этом году, отмечая заслуги старшего сына, он решить одарить его жену и свою сноху. Но оказалось, что значительная часть драгоценностей похищена. Софья вновь попала в опалу. И всё же, несмотря на дрязги великокняжеской семьи, Московское великое княжество продолжало внутренне консолидироваться.

В 1481 году умер **Андрей Меньшой**. Его удел был включён в состав Московского государства. В 1483 году было окончательно присоединено Рязанское княжество, а в 1485 году Тверское княжество. В 1483-84 годах, чтобы лишить Новгород активной оппозиции, была произведена конфискация собственности и земель этой оппозиции. Сами оппозиционеры были переселены в центральные и юго-восточные уделы страны. В 1486 году был ликвидирован Верейско-Белозёрский удел. По мере укрепления устойчивости государства, создавались предпосылки расширить его внешнее влияние. Здесь вновь вспомнили о Рассении и решили сосредоточить усилия на востоке.

Вначале решили подчинить себе Югорскую землю, которая ранее подчинялась Новгороду. На завоевание этой земли ходили ещё в 1465 году. Тогда Иван III повелел устюжанину **Василию Скрябе** совершить поход в Югорскую землю. С Василием Скрябой в походе участвовал князь **Василий Вымский**. Рать из Устюга двинулась 9 мая. Поход был удачным, Югорская земля была завоёвана. Захвачен был большой полон, в том числе югорские князья **Калпак** и **Течик**, которых доставили в Москву к великому князю. Иван III оставил их княжить в Югорской земле, но потребовал выплачивать дань. Калпак и Течик согласились и были отпущены в Югорскую землю. Отличившегося Василия Скрябу Иван III щедро одарил.

Однако югорские князья, воспользовавшись войной Москвы с Казанью, а затем с Новгородом, отказались выплачивать дань. Поэтому в 1483 году Иван III повелел князьям **Фёдору Курбскому** и **Ивану**

Салтык-Травину совершить поход против вогульского князя Асыка, затем на Югру и далее на реку Обь. Под предводительством этих князей были *устюжане, вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки*. В устье реки Пелыни притока Тавды, впадающей в Тобол, произошёл бой с вогуличами. Устюжан погибло семь человек, вогуличей несколько десятков. Князь вогульский Юмшан бежал. Московское войско дальше пошло на восток вниз по реке Тавде мимо Тюмени. По пути захватили немало селений. Взяли много разного добра и пленных. Далее по Иртышу и Оби прошли всю Югорскую землю. Ещё захватили немало всякого добра и пленных, среди которых оказались князья **Юмшан**, **Калиа**, **Лятик**, **Пыткей** и **Молдан**. Войско вышло из Устюга 9 мая, а возвратилось 1 октября. От болезней во время похода умерло много вологжан. Весной 1484 года пленённые князья предстали перед великим князем и присягнули на верность. Иван III принял их в число своих подданных, наложил на них дань, одарил и отпустил домой. В этот поход столкновения с Сибирским татарским княжеством не произошло. Завоевание коснулось земель, располагавшихся севернее, где проживали угорские народы вогулы и остяки, предки которых около 2500 лет назад были вывезены из Дравидии (Афганистан, Иран) и расселены на севере Рассении.

Коль не удалось пробиться в Рассению севернее, Иван III решил восстановить эти связи через Казань. Вот тут-то и пригодился Мухаммед-Эмин, который в 1479 году, после того как проиграл борьбу за Казанский ханский престол, покинул Казань и уехал в Москву. Великий князь Иван принял его, возвёл в ранг князя и дал в управление Каширу. Назревавший конфликт с Большой тюркской ордой не позволял тогда организовать большой поход против Казани. Теперь же никто не мешал осуществлению похода, был и претендент на ханский престол Казани. В апреле 1487 года московское войско под общим командованием большого воеводы князя Д.Холмского двинулось к Казани. Передовым отрядом командовал **Мухаммед-Эмин**.

Во второй половине мая началась осада Казани. Среди осаждённых не было единодушия. Часть из них считала Мухамммед-Эмина законным наследником. Под их влиянием осаждённые низложили хана Али и открыли городские ворота. Так Мухаммед-Эмин был возведён на казанский престол. Чтобы не иметь в Казани борьбы за престолонаследие, хан **Али** с жёнами был сослан в Вологду, а его дети в городок ***Карголом*** недалеко от Белоозера. Последующие события подтвердили правильность этой предусмотрительности. Став ханом, Мухаммед-Эмин подписал с Иваном III договор, регулировавший отношения Москвы и Казани. В нём оговаривались следующие условия. Казань обязывалась: а) не воевать против Москвы; б) не выбирать себе нового хана без согласия московского великого князя; в) обеспечить безопасность русских людей и неприкосновенность их имущества во время пребывания в Казанском ханстве. Таким обра-

зом, через 50 лет роли поменялись. Теперь в вассальной зависимости от Москвы находилась Казань.

Продолжая наводить мосты с Рассенией, Иван III согласился на брак хана Мухаммед-Эмина с дочерью ногайского бека **Мусы**. Союз с Ногайской ордой был необходим Москве для организации последующей борьбы с Большой тюркской ордой. После разрешения казанской проблемы Иван III в 1489 году направил большое войско на Вятку. Этот поход завершил её окончательное присоединение к Москве. Однако положение Мухаммед-Эмина в Казани было непрочным. Казанскую мусульманскую аристократию не устраивал хан, проводивший политику вассальной зависимости от Москвы.

Однако и в Москве не всё было ладно. Старания Софьи не пропали даром. Ей удалось переманить на свою сторону часть членов государева двора, включая многолетнего наместника в Москве князя **Ивана Патрикеева**, не говоря уже о митрополите Геронтии. Именно он, совместно с представителями византийской ортодоксии, прибывшими с Софьей, развернул борьбу за евангелизацию и катехизацию московского общества. Дело в том, что до этого церковь в Московском великом княжестве была аморфной. Выше мы уже говорили об этом. Существовало много разных течений и даже церквей, которые не исповедовали византийской ортодоксии. Для того, чтобы как-то регулировать их отношения, при Иване III был создан Поместный церковный собор. На этих регулярно проводившихся собраниях всех церковных иерархов Московского великого княжества, в основном, обсуждались церковные вопросы. На них происходило избрание и постановление митрополитов и епископов.

Однако усиление влияния славян-татар и итальянцев на решение государственных дел неизбежно привело к усилению тех религиозных течений и церквей, которые не признавали византийской ортодоксии. Образовались сильные центры в Новгороде и Москве, которые противостояли византийской ортодоксии. В новгородском и московском центрах оказались представители белого приходского духовенства, монахов, бояр, приказных, торговцев, ремесленников и т.д. **Сомнению подвергались и даже отрицались ветхозаветные догматы.**

Московский центр исповедовал более умеренные взгляды. Однако его влияние было более значительным. Кроме Ивана Ивановича и его жены великой княгини Елены Стефановны, туда входили дьяки братья **Фёдор и Иван Курицыны**, видные представители приказной элиты, военачальники, священники из кремлёвского духовенства, крупные купцы. Многих из них, взгляды которых, мягко говоря, отличались неортодоксальностью, привечал сам Иван III. **Поэтому борьба партий (Ивана Ивановича и Софьи) была длительной, упорной, а в финале беспощадно жестокой.**

Толчок к ней дал новгородский архиепископ Геннадий, тоже близкое к Ивану III лицо. Однако его попытки придать борьбе с инако-

мыслием широкий размах, устрашить суровостью наказаний не встречали должной поддержки, прежде всего, со стороны Ивана III, у которого были натянутые отношения с митрополитом Геронтием. Только после смерти Геронтия, при митрополите **Зосиме** в октябре 1490 года был созван очередной Поместный церковный Собор с участием самого великого князя и его ближайших советников. Взгляды инакомыслящих были осуждены, некоторые священники лишены сана, значительное число было подвергнуто аресту. Ещё более ослабила инакомыслящих внезапная смерть в этом же 1490 году соправителя Ивана III Ивана Ивановича. Многим тогда было ясно, что Ивана Ивановича ***«извели»***. Даже Иван III не поверил в естественную смерть старшего сына. Началось следствие, которое продолжалось несколько лет. Борьба партий в этот период не утихала. Инакомыслящие сплотились вокруг сына Ивана Ивановича **Дмитрия** и его матери Елены Стефановны.

В Казани в это время обстановка начала складываться не в пользу Мухаммеда-Эмина и Москвы. К 1490 году там образовалась оппозиция, недовольная Мухаммед-Эмином. Возглавили оппозицию представители казанской аристократии **Кель-Ахмед-бек**, **Ура-бек**, **Садыр-бек** и **Агший-бек**. Главари оппозиции правильно рассчитали, что, пригласив на ханский престол княжича **Мамука** – сына князя Сибирского татарского княжества Ибака, они тем самым нейтрализуют действия Ивана III, который не решится выступить против этого претендента, чтобы не ссориться с Сибирским татарским княжеством и *Ногайской ордой*. Переговоры велись втайне и в ожидании, что Иван III окажется занят событиями, связанными с Литвой и Большой тюркской ордой.

Так оно и произошло. Оправившись от поражения, Менгли-Гирей решил наказать Большую тюркскую орду и вспомнил о договоре с Москвой 1480 года. Кроме собственной подготовки, он стал требовать от Москвы выполнения договора. Иван III в 1491 году был вынужден направить своё войско на Дон. Однако сыновья Ахмета не приняли сражения и откочевали в низовья Дона. Московское войско дошло до Верхнего Дона, не встречая противника, и было вынуждено вернуться обратно. В это же время обострились отношения Ивана III с Литвой. Влияние Польши на Литву сказывалось, прежде всего, в том, что католики проявляли явную враждебность против христиан, исповедывавших византийскую ортодоксию. В результате, сторонники этого течения в Литве стали подвергаться гонениям.

Религиозные притеснения способствовали переходу многих князей со своими людьми на сторону Москвы. Польский король **Казимир IV** потребовал от Ивана III, чтобы он не принимал на службу переходивших князей. Иван III отказался выполнять эти требования, после чего польский король решил подкрепить свои требования боевыми действиями. Война стала неизбежной. Московское войско начало боевые действия в 1492 году. Они были успешными. Иван III,

желая решительного поражения противника, стал, в свою очередь, требовать от Менгли-Гирея выполнения договора 1480 года. В 1494 году Менли-Гирей вторгся в Литву, овладел ***Подолией*** и ***Волынью***, взял Киев. Казимир IV был вынужден заключить невыгодный для себя мир. По мирному договору 1494 года, Москва получила ***Чернигов, Рыльск, Новгород-Северский*** и другие города.

У Ивана III проблемы были не только с Литвой, но также с Ливонским орденом и Швецией. Ливонский орден постоянно угрожал Пскову и Новгороду. Псков имел сильную крепость. Попытки овладеть Псковом неоднократно терпели неудачу. Однако севернее Чудского озера ливонцы построили крепость Нарву, из которой они могли теперь серьёзно угрожать Новгороду. Чтобы локализовать эту угрозу, Иван III повелел на противоположном берегу построить крепость Иван-город. Строительство этой деревянной крепости было закончено в 1492 году. Северным территориям Московского великого княжества угрожала также Швеция. В своё время ей удалось захватить Выборг и построить там сильную крепость. Ливонский орден и Швеция, в случае объединения усилий, могли составить серьёзную угрозу для Московского великого княжества на северо-западе.

Чтобы не допустить объединённого выступления против Москвы Ливонского ордена и Швеции, Иван III решает начать войну со Швецией. В 1495 году его войско осадило ***Выборг***, но взять крепость не смогло. В 1496 году боевые действия продолжились. Московское войско совершило успешный поход через южные, центральные и отчасти северные области Финляндии. Была захвачена большая добыча. Однако шведы в августе 1496 года нанесли неожиданный и болезненный удар. Они взяли и сожгли крепость ***Иван-город***. Таким образом, война перерастала в затяжную, в чём не были заинтересованы обе стороны. В начале 1497 года было подписано перемирие на шесть лет.

Нежелание Ивана III продолжать войну было связано с ухудшением ситуации в Казани и осложнением внутриполитической обстановки в стране. В период войны с Литвой 1492-94 годов оппозиция в Казани форсировала переговоры с сибирским княжичем Мамуком. Весной 1495 года Мамук двинулся из Тюмени на Казань с войском. Оппозиционеры сдали город без сопротивления. Мухаммед-Эмин со своим семейством и приближёнными бежал из Казани в Москву. Мамук торжественно въехал в Казань, где был провозглашён ханом. Однако оппозиционеры, правильно определившие, что Иван III не предпримет решительных действий против претендента из Сибирского татарского княжества, грубо ошиблись в самой кандидатуре княжича Мамука.

Мамук не был мусульманином, и ему была чужда мусульманская культура. Поэтому он стал перестраивать жизнь в Казани сообразно

ведическим представлениям. В следствие этого у него сразу же испортились отношения с Кель-Ахмед-беком и другими оппозиционерами. Воспользовавшись тем, что хан Мамук уехал из города на охоту, противники объявили его низложенным и призвали жителей Казани выступить против него. Крепостные ворота закрыли. В результате, Мамуку не удалось вернуться в город. Поддержки у него не было. Сибирское татарское войско уже давно ушло на родину. С Мамуком оставалась только тысяча всадников его личной охраны. Он вынужден был возвратиться в Сибирское татарское княжество. После своего возвращения в Тюмень, князь Мамук в 1496 году совершил поход в ***Южную Угру*** (Югорию) и вернул её под власть Сибирского татарского княжества, так как полагал, что его удаление из Казани было делом рук Москвы. Предполагая, что предстоит тяжёлая борьба с Московским княжеством за ***Угру*** (Югру), он перенёс столицу из ***Тюмени*** в г. ***Сибир*** (Искер). В этом же году он умер.

Перед казанской оппозицией встал вопрос, что делать? С востока приглашать княжичей уже не хотели. Из Большой тюркской орды тоже, опасаясь, что Казань будет втянута в бесперспективные войны. Оставалось обратиться опять к Москве и просить её согласия, чтобы ханом в Казани стал брат Мухамеда-Эмина **Абдул-Латыф**. Возвращение Мухаммеда-Эмина было нежелательным, опасались, что он не простит за низложение. Депутация Казани во главе с **Кель-Ахмед-беком** обратилась к Ивану III, чтобы он отпустил Абдул-Латыфа в Казань для принятия ханского престола. Иван III согласился, ему нужна была мирная и союзная Казань. Поэтому он не стал настаивать на восстановлении на престоле Мухаммеда-Эмина, который, конечно, был обижен, что его обошли. В виде компенсации Иван III увеличил его содержание, прибавив к Кашире Серпухов и Хотунь, что удвоило его доход. А чтобы князь Мухаммед-Эмин не скучал в своём уделе, Иван III назначил его главным воеводой Московского войска. Ученик Ивана Ивановича и Д.Холмского должен был оправдать надежды.

В это время внутриполитическая ситуация в стране продолжала усугубляться. Сторонники византийской ортодоксии, желая искоренить инакомыслие и установить своё господство, развернули травлю нестяжателей. Под влиянием новгородского и московского центров инакомыслия в среде священнослужителей сложилось течение **нестяжателей**. Они были сторонниками индивидуального нравственного совершенствования и личного спасения. Общественную функцию монастырей они не признавали, продолжая быть сторонниками скитов, где должно было осуществляться самосовершенствование и спасение.

Для них не имели существенного значения материальные проблемы. Владение землёй, в особенности населённой крестьянами, признавалось крайне нежелательным, что вело к стяжанию земли, денег, имущества, других богатств и т.д. Источником существования для нестяжателей были личный труд, дары и подаяния от граждан и от вла-

сти. **Всё это указывает на то, что нестяжатели продолжали ведическую традицию дохристианской православной церкви.** Противодействовали им иосифляне, последователи Иосифа Волоцкого, который стал неутомимым обличителем инакомыслия. Его велеречивые послания с резким осуждением воззрений нестяжателей получили широкий отклик в христианизировавшемся обществе.

В 1498 году закончилось следствие по поводу смерти соправителя Ивана III великого князя Ивана Ивановича. Было установлено, что Ивана Ивановича ***«извели»*** люди, приближённые к Софье. В этом же году она, вместе с сыном Василием, вновь подверглась опале. А так как Софью уже окружала целая партия сторонников, то многие из них тоже подверглись наказанию. Верхушка этой партии, все они были членами государева двора и принадлежали к высшей знати, была подвергнута четвертованию. Многих посадили в застенки. Сожгли колдуний чёрной магии, вхожих к Софье и пользовавшихся её особым расположением. На допросах с пристрастием были изобличены как пособники смерти Ивана Ивановича – князья **И.Патрикеев** с сыновьями, **С.Ряполовский**, **В.Ромодановский** и **А.Коробов**. Все они были подвергнуты жестоким наказаниям. По этим причинам Иван III назначил своим соправителем внука Дмитрия. Чтобы узаконить соправительство, торжественно короновали его на царство в Успенском соборе в 1498 году.

Несколько освободившись от семейных и иных проблем, Иван III вновь обратил свои взоры на восток. В своих предположениях князь Мамук не ошибся. В 1499 году Иван III направил в Угру (Югру) довольно большие силы под предводительством князей **Семёна Курбского, Петра Ушатого** и **Василия Заболоцкого-Бражника**. Они возглавили войско в пять тысяч человек устюжан, двинян и вятчан. Поход был успешным. На Урале (Камне) было убито 50 человек самоедов и взято 200 оленей. От Урала (Камня) шли целую неделю до городка Ляпина. Ляпин взяли. Кроме него взяли ещё 33 городка. В полон захватили более 1000 человек, а также 50 мелких князьков. В целом, прошли 4650 вёрст. Василий Заболоцкий-Бражник действовал самостоятельно и тоже взял 8 городков и 8 князьков-управителей. Угорская (Югорская) земля была окончательно присоединена к Москве. И в этот раз столкновения с Сибирским татарским княжеством не произошло. Угорская (Югорская) земля тогда включала западную часть нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа и юго-западную часть нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа.

В это время на западе вновь обострились отношения с Литвой. В начале 1500 года на службу к Ивану III перешёл князь **С.Бельский** с вотчиной. По конфессиональным причинам выразили желание перейти на сторону московского государя **С.Стародубский** и новгород-северский князь **В.Шемячич** (внук Д.Шемяки). В Москве это стало известно в апреле 1500 года. В мае Иван III направил в Литву посла с

«разметной» грамотой. Началась вторая московско-литовская война. Международное положение Москвы в это время было прочным. Союз с Крымом сохранялся. У Литвы положение было значительно хуже. Правитель Литвы Александр лелеял надежду на Большую тюркскую орду. Однако его надежды не оправдались. На этот раз орда не захотела оказывать помощь. Несколько лучше дела шли в переговорах с Ливонским орденом. Здесь договор был близок к подписанию.

И тем не менее ситуация складывалась в лучшую для Москвы сторону. Боевые действия в 1500 году завершились блестящими успехами. И не столько потому, что на сторону Москвы перешли князья С.Стародубский и В.Шемячич, сколько потому, что московское войско возглавлял незаурядный военачальник Мухаммед-Эмин. И выше всяких похвал действовали стрелецкие дружины. Ученик Ивана Ивановича и Д.Холмского оправдал надежды. Благодаря его умелому командованию, уже в мае был взят Брянск, затем в течение короткого времени ещё десяток крепостей в междуречье Десны и Днепра. Вскоре на сторону Москвы перешли князья Трубецкие и Мосальские. После чего часть сил, включая полки перешедших на сторону Москвы князей, была направлена в помощь войску, действовавшему на западном направлении. Здесь и произошли решающие события, определившие исход войны в целом.

В первой половине июня 1500 года был взят ***Дорогобуж***. После чего Мухаммед-Эмин развернул боевые действия широким фронтом. В то время, как передовые отряды успешно продвигались, из полков тверской земли и нескольких центральных уделов была сформирована рать во главе с князем **Д.Щеней**, которая также была направлена на запад. Но и литовская сторона не дремала. На восток были переброшены все силы, которые только можно было собрать. В результате, было собрано войско под командованием гетмана князя **К.Острожского**. В середине июля на берегах речки Ведроши состоялось решающее сражение между главными силами московского войска под командованием Мухаммед-Эмина и литовским войском гетмана князя К.Острожского.

В начале сражения, пока рать Д.Щени подтягивалась, войско К.Острожского перешло в наступление, основательно потрепало передовые отряды Мухаммед-Эмина и заставило их отходить. Гетман князь К.Острожский полагал, что противник разбит и не сможет продолжить сражение, а потому остановил продвижение своего войска. В результате, потерял несколько дней. За это время Мухаммед-Эмин перегруппировал свои силы, подтянул рать князя Д.Щени и изготовился к сражению на восточном берегу Ведроши. Когда разведка гетмана К.Острожского донесла, что подошли новые силы, он решил немедленно атаковать. 14 июля литовское войско переправилось через речку и атаковало изготовившиеся московские рати, которые встретили противника организованной пальбой из пушек и пищалей, а также стрельбой из луков.

Сражение длилось около шести часов и завершилось полной победой московского войска. Было убито несколько тысяч литовцев, множество ранено. Около 500 человек попало в плен, в том числе и сам гетман. Развивая успех, Мухаммед-Эмин 9 августа взял сильную крепость ***Путивль***, обороной которой руководил наместник литовского великого князя князь **Б.Глинский**, который тоже попал в плен. В этот же день был взят ***Торопец*** московским войском, действовавшим на северо-западе. После столь удачно начатых боевых действий, Иван III намеревался осуществить поход на ***Смоленск***. Однако началась холодная и снежная зима. Поход пришлось отложить, но польско-литовская сторона вынуждена была пойти на переговоры.

Послы от **Владислава Чешского** и польского короля **Яна Ольбрихта** настаивали на возвращении захваченных литовских земель и продолжении переговоров. Первое было отвергнуто, на второе Москва согласилась. Тогда литовская сторона, чтобы заставить Москву согласиться возвратить литовские земли, добилась вступления в войну Ливонского ордена. Осложнилась ситуация для Москвы и на юге. Осенью 1500 года хан Большой тюркской орды **Ших-Ахмет** с 60 тысячами войска двинулся на юг, чтобы вернуть себе приморские пастбища. Менгли-Гирей укрылся за Перекопом. Ворваться в Крым Ших-Ахмету не удалось. Зима 1500-01 гг. выдалась необычайно холодная. В Большой тюркской орде начался падёж скота и голод.

Некоторые мурзы и беки со своими ордами откочевали в Астраханское ханство и Крым. С оставшимися Ших-Ахмет отошёл в район современного Белгорода. Теперь он угрожал не Крыму, а московским пределам. Тем более, что Ших-Ахмет взял Новгород-Северский и ещё несколько городов. Против него была повёрнута лучшая часть московского войска во главе с Мухаммед-Эмином. Ших-Ахмет, понимая, что справиться с московским войском ему не под силу, пошёл на переговоры. Он пытался договориться с Иваном III о мире и союзе против Крыма. Однако Иван III отказался разорвать союз с Крымом. Видя неуступчивость Ивана III и не имея сил справиться с московским войском, Ших-Ахмет ранней весной откочевал к реке Суле, в пределы современных Сумской и Полтавской областей.

Менгли-Гирей этой зимой не терял времени даром. Он деятельно готовился к нанесению решительного удара по Большой тюркской орде, даже оснастил своё войско артиллерией. На подготовку ушёл весь 1501 год. Весь этот год лучшая часть московского войска во главе с Мухаммед-Эмином сторожила Ших-Ахмета на юге. Поэтому на западном направлении установилось своеобразное затишье. Зато выступил Ливонский орден, подталкиваемый Литвой. В конце августа 1501 года ливонцы в сражении на речке Серице одержали победу над северо-западным московским войском и взяли крепость Остров. Однако добиться решительного успеха не смогли. Крепость Изборск устояла. Получившее подкрепление северо-западное войско осенью со-

вершило ответный рейд и подвергло сильному опустошению территорию Дерптского епископства. Ливонцы были вынуждены оставить Остров и двинули свои силы против северо-западного московского войска. В сражении под Геммедом ни та, ни другая сторона успеха не добилась.

Пока боевые действия шли ни шатко, ни валко, в Москве и на востоке вновь обострилась внутриполитическая обстановка. В начале 1501 года умер **Фёдор Курицын**, последний значительный представитель инакомыслия, имевший большое влияние на Ивана III. Защищать инакомыслие теперь стало почти некому. К тому же заболел сам Иван III. В конце года назрел кризис в Казани. Абдул-Латыф, ставший ханом с согласия Ивана III в 1495 году, поначалу ладил с Кель-Ахмед-беком. Но затем стал стремиться править самостоятельно. Начались трения в отношениях между ним и Кель-Ахмед-беком, что привело к разрыву.

В конце 1501 года Кель-Ахмед-бек выехал в Москву и уговорил Ивана III сместить Абдул-Латыфа. На место хана Казани был предложен командовавший московскими войсками князь **Мухаммед-Эмин**, прекрасно зарекомендовавший себя в военной кампании 1500-01 годов. В январе 1502 года в Казань прибыло московское посольство во главе с князем **В.Звенигородским**. Абдул-Латыф был низложен с престола. Его под конвоем отправили в Москву, а затем сослали в Белоозеро, где он пробыл до 1508 года. После чего его освободили и дали в управление город Юрьев Польский. На ханский престол в Казани был возведён Мухаммед-Эмин, который был искренним сторонником Москвы, много сделавшим для её усиления. В то же время московское войско лишилось своего лучшего военачальника, что непосредственно отразилось на ходе боевых действий с Литвой.

В начале июня 1502 года между реками Самара и Сула, на днепровском левобережье, состоялось сражение между войсками Менгли-Гирея и Ших-Ахмета. Войска хана Большой тюркской орды были разбиты наголову. Сдавшиеся на милость победителя были отведены к Перекопу и включены в состав Крымского ханства. Затем Менгли-Гирей разрушил Сарай и таким образом навсегда покончил с Большой тюркской ордой. Осенью 1502 года Менгли-Гирей совершил опустошительное вторжение в пределы Литовского великого княжества. Это ему удалось сделать потому, что почти всё литовское войско было сосредоточено у Смоленска. И хотя литовским войскам удалось удержать Смоленск, положение Литвы было критическим. Не принесли облегчения Литве удачные действия ливонского войска в 1502 году. В начале этого года магистр ордена организовал два удара: первый – под Ивангородом, второй – в направлении Пскова. Но ни тот, ни другой не принесли решающего успеха. В сентябре 1502 года ливонцы нанесли ещё одно поражение московской рати, однако добиться решительного успеха так и не удалось.

Война явно затягивалась, что было не в интересах воюющих сторон. По этой и другим причинам стороны стали стремиться к заключению мира. Главной причиной в Москве было обострение внутриполитической ситуации. После назначения соправителем и коронации сына Ивана Ивановича – **Дмитрия** – инакомыслящие объединились вокруг него, его матери Елены Стефановны и дьяков братьев Курицыных. Однако после смерти Фёдора Курицына позиции инакомыслящих были резко подорваны. К тому же заболел сам Иван III. Под воздействием болезни и запугиваний карами господними со стороны иосифлян Иван III, ранее лояльный инокомыслящим, резко изменил к ним своё отношение. В 1502 году был арестован соправитель великий князь Дмитрий и его мать. Близилась развязка, а поэтому было не до войны.

Весной 1503 года было заключено перемирие на шесть лет с Литвой и на такой же срок с Ливонским орденом и Дерптским епископством. По перемирию с Ливонским орденом и Дерптским епископством сохранялось довоенное положение. По мирному договору с Литвой к Московскому государству отошли 19 городов, 70 волостей, 22 городища и 13 сёл. Западная граница Московского государства была установлена по линии Дорогобуж-Гомель-Чернигов.

В 1503 году Поместный церковный собор подтвердил «недвижность» церковной земельной собственности, сузив возможности светской власти. В апреле 1503 года скончалась великая княгиня Софья, вдохновительница иосифлян. В следующем 1504 году Поместный церковный собор вновь осудил инакомыслящих – **нестяжателей**. В декабре того же года запылали клетки с осуждёнными на льду Москвы-реки и Волхова. Было сожжено около десятка видных представителей нестяжательства. В их числе дьяк **Иван Курицын**, боярский сын **Д.Коноплёв**, юрьевский архимандрит **Кассиан** и другие. Никогда до этого в истории Московской Руси не было столь жестоких расправ над инакомыслящими. Это вызвало большое недовольство по всей стране и плачевно отразилось на государственном управлении и состоянии войска.

Здесь следует сказать, что борьба сторонников византийской ортодоксии (иосифлян) с инакомыслящими позднее, в интересах церковных кругов, была представлена как борьба с ***«ересью жидовствующих»***. Р.Н.Безертинов, по существу, повторяет эту сказку, когда пишет, что в отошедших к Москве литовских городах проживала большая еврейская община. После присоединения этих городов к Москве еврейская община получила возможность распространения по всему Московскому государству. Вскоре эта община приобрела своих сторонников в среде московского общества, в том числе среди приближённых Ивана III. Причём особо приближённое к Ивану III лицо дьяк Фёдор Курицын стал, якобы, членом еврейской общины. Однако всё обстояло ровным счётом наоборот.

Еврейская община литовских городов могла получить возможность распространяться по Московскому государству только после 1503 года, когда борьба иосифлян с нестяжателями уже достигла своей крайней остроты. Поэтому еврейская община литовских городов не могла оказать сколько-нибудь серьёзного влияния на эту борьбу. Дьяк Фёдор Курицын умер в начале 1501 года, а литовские города отошли к Москве по договору только в 1503 году. Поэтому Ф.Курицын и его брат Иван никак не могли стать членами этой еврейской общины. *Так что все эти обвинения несостоятельны.* И понадобились они церкви, чтобы обелить себя и свои тёмные делишки.

На самом деле, еврейство проникло в пределы Московской Руси вместе с христианской византийской ортодоксией. Долгое время это течение христианства не могло занять господствующего положения. В начальный период правления Ивана III его влияние ещё более понизилось. Приглашение на службу в войско славян-татар и специалистов из Италии значительно усиливали позиции инакомыслящих. Естественно, для сторонников византийской ортодоксии встал вопрос, что делать? Вначале нужно было усилить влияние византийской ортодоксии на Ивана III. Но этому мешала его первая жена. Её было решено отправить на тот свет, а в жёны Ивану III рекомендовать племянницу двух последних византийских императоров Софью Палеолог.

В её лице и в её окружении сторонники византийской ортодоксии получили серьёзную помощь в борьбе с инакомыслием. Её еврейское *происхождение, как и еврейское происхождение* лиц её окружения, вполне очевидно. Очевидно еврейское происхождение большинства иерархов церкви – сторонников византийской ортодоксии. Это прямо вытекает из взглядов иосифлян-стяжателей. Непомерное стремление к богатству всегда составляло главное отличие еврейства от всех других народов. Так что жидовствующие в то время находились не среди инакомыслящих, а среди иосифлян. Разумеется, победители постарались оболгать побеждённых и, в первую очередь, главных действующих лиц своих противников. Так в очередной раз была разыграна библейская трагедия Артаксеркса, Амана, Мардохея и Эсфири.

Победа иосифлян нанесла страшный удар по государственному управлению и вооружённым силам. Через два дня после ареста внука Дмитрия, 14 апреля 1502 года Иван III своим соправителем назначает сына **Василия**, рождённого Софьей. Расправа над нестяжателями в 1503-04 годах не ограничилась только пределами Московского великого княжества. Борьба иосифлян с нестяжателями перекинулась и на Казань. По существу, Казанское ханство в это период превратилось в удел Московского государства. Там проживало много московских предпринимателей, купцов и другого люда. Церковные и общественные дрязги Москвы вскоре захватили в свою орбиту и московский люд Казани.

Иосифляне, развернувшие борьбу с нестяжателями в Казани, вскоре распространили свой обличительный порыв и против мусуль-

ман. Это подтолкнуло резкий рост недовольства Москвой, которое хранилось в глубине казанского общества. Накопившееся недовольство завершилось погромом русских в Казани 24 июня 1505 года. Погром начался стихийно и достиг грандиозных размеров, так как Мухаммед-Эмин не предпринял ничего, чтобы остановить его. Да это и понятно, иосифляне боролись, и боролись жестоко, с его сторонниками. Ожесточённая и возбуждённая толпа убивала и грабила христиан. Весь московский люд, оказавшийся в пределах казанского ханства, а его было немало ввиду царившего долгие годы мира, был обращён в рабство. Так иосифляне подставили массу русских людей в Казани. Кроме того, они оттолкнули от Москвы её правителя Мухаммед-Эмина, который объявил Москве войну.

Войско Мухаммед-Эмина насчитывало около 40 тысяч человек. Кроме того, он получил помощь из Ногайской орды около 20 тысяч человек, возглавлял которые ногайский бек, брат жены Мухаммед-Эмина. В сентябре казанское войско подошло к ***Нижнему Новгороду***, сожгло посады и приступило к осаде кремля. Нижегородский воевода мобилизовал все силы, чтобы отбить приступ. Даже освободил пленных литовцев, сосланных в Нижний Новгород. Во время приступа погиб ногайский бек, командовавший войском. Казанцы вынуждены были возвратиться обратно.

Соправитель Ивана III сын Василий собрал большое войско около 100 тысяч человек и хотел совершить поход на Казань. Однако стрелецкие дружины впервые не подчинились и не захотели воевать со своим бывшим главным воеводой Мухаммед-Эмином. Московское войско дальше ***Мурома*** не пошло. После этого великий князь Василий отправил стрелецкие дружины в рубежные города и потребовал от стрельцов выдачи наиболее активных стрелецких голов и воевод. Однако стрельцы не выдали своих командиров. Значительная часть стрелецкого войска, общей численностью около 20 тыс. человек, с наиболее активными военачальниками, отказалось служить великому князю Василию и ушло на юг, где позднее основала целый ряд городов: ***Пронск, Ряжск, Козлов, Лебедянь, Епифань, Ефремов, Сапожок, Михайлов, Воронеж, Ливны, Черновск, Данков, Чернь, Новосиль*** и другие. Здесь самое время рассказать предысторию казачества.

Краткая предистория образования казачества

После гибели Большой тюркской орды в 1502 году, вся степная полоса от Волги до Днепра оказалась свободной от какого-либо государственного управления и превратилась в Дикое поле. Там в это время обосновались малочисленные ногайцы, пришедшие с востока, и казаки, оставшиеся на Нижнем Дону со времён ордынского войска. Происхождение казаков представляется разными авторами по-раз-

ному. Официальная историческая наука вульгарно и примитивно объясняет происхождение казаков. Она полагает, что беглые крепостные крестьяне из Московской Руси уходили на Дон, там собирались в шайки разбойников и становились казаками.

Однако анализ наиболее глубоких исследований по истории казачества, к которым с полным основанием относится книга Е.П.Савельева «Древняя история казачества», вышедшая в свет в 1915 году, даёт нам иную картину происхождения казаков. Естественно, вначале необходимо раскрыть происхождение понятия казак. В VI-III веках до с.л. Персидская империя на северо-востоке граничила со Славянской Державой (Рассенией). На её южной границе обитал славяно-арийский народ ***саки***. А так как Персидская империя всё время стремилась к завоеваниям, то её войско нападало на соседей и часто внезапно.

Чтобы обезопасить себя от внезапных нападений, саки создали лёгкое конное войско, которое должно было следить за действиями персов, и разработали тактику действий этого войска. Оно располагалось вдоль границы мелкими группами, как правило, по девять человек, и наблюдало за противником. Причём на одном месте они находились не более суток, затем переходили на другое. Вот за это перекочёвывание с места на место их стали называть *кочующими саками* или ***косаками***, т.е. ***казаками***. А так как это были к тому же самые умелые воины, то их называли ещё ***ассаками***. Слово ***ас*** понятно любому. *Асами* называют исключительно хорошо подготовленных людей – профессионалов своего дела.

После разгрома Персидской империи **А.Македонским** его войско вышло в пределы Средней Азии, где столкнулись с саками и *массагетами*. И, хотя, А.Македонский оказался победителем в первом сражении с массагетами, он понял, что затяжную войну со Славянской Державой (Рассенией) ему не выиграть, а поэтому пошёл на переговоры и заключение мира. В результате, была достигнута договорённость о совместных действиях против Индии. Благодаря этому, армия А.Македонского выросла с 40 до 135 тыс. человек Естественно, в неё влилось значительное число ассаков (казаков) и массагетов, которые и составили передовые отряды армии А.Македонского.

После завершения похода в Индию и смерти А.Македонского его сподвижники разобрали войска. Ассаки (казаки) и массагеты оказались в армиях разных правителей. Часть досталась Селевку. Опасаясь удара со стороны Русколани (Скифии), которая враждебно относилась к А.Македонскому, он перевёл *ассаков* (казаков) и массагетов на Северный Кавказ, где они объединились со славянским народом *козар* (хазар), но сохранили свои несколько изменённые племенные названия: *асов* и *гетов*. А так как они пришли сюда после похода в Индию, то их ещё стали звать ***индами***, о появлении которых в Причерноморье официальная историческая наука не может сказать ничего вразумительного. На этом история косаков (казаков) могла и

окончиться, если бы после ухода А.Македонского в Индию в Славянской Державе (Рассении) не было создано **постоянное ордынское войско**, в котором существовал отряд охранителей границ и переправ (казаков), тактика действий которых и их подготовка уже были хорошо отработаны ассаками (козаками).

После победоносного восстания **Арсака** (Аршака) империя Селевкидов распалась. Асы и геты к этому времени объединились с козарами (хазарами) и создали ***Кушанское царство***, которое длительное время противостояло ***Боспорскому царству***, затем Митридату и Риму на Северном Кавказе. Козары (хазары) тоже были славным народом. Их воины ещё участвовали в войне с греками-ахейцами на стороне Трои. Однако в I-III веках с.л. козары (хазары), как и остальные славяне-скифы, подверглись нашествию семитов-сарматов и вынуждены были отойти в плавни Кубани и предгорья Западного Кавказа, где и сохранили ядро своего народа, во многом благодаря воинской доблести асов и гетов. И всё же нашествие семитов-сарматов сильно повлияло на мировоззрение славян-хазар, которые разуверились в своих Богах и стали принимать христианство.

В IV веке с.л. ситуация вновь резко изменяется. Устремившиеся на запад славяне-арии (гунны) находят на Северном Кавказе друзей в лице хазар, которые помогают разгромить им семитов-сарматов. Вновь хазары становятся хозяевами своей страны. Более того, после распада державы гуннов и вытеснения с Северного Кавказа семитов-булгар, хазары создают свою державу, которая успешно противостоит арабскому нашествию. Однако иудаизация и перерождение власти в Хазарии в конце VIII начале IX веков с.л. ввергают хазар во вражду с другими славянскими народами.

Именно во второй половине IX века христианские проповедники **Кирилл** и **Мефодий** вновь обратили в христианство многих хазар. Перед этим они побывали в г. ***Корсуне*** в Крыму, нашли там Евангелие и Псалтырь, написанные славянским письмом, как следует из Паннонской летописи, научились читать и говорить на этом языке и затем стали проповедовать христианство в Хазарии. **Это как раз и подтверждает, что никакой славянской письменности Кирилл и Мефодий не изобретали.** Они сами выучились этому письму и языку, после чего стали проповедовать христианство среди славян. Чужеродная власть и активность византийских клевретов способствовали успеху проповеди христианства, которое начало расползаться по Хазарии и даже добралось до Киева. Уже в первой половине X века в Киеве появилась целая окраина, населённая хазарами-христианами, построившими церковь Св.Ильи.

В 969 году **Великий Светослав** разгромил Иудохазарию. Лишившись центральной власти, хазарский народ распался на ряд племён: ***чигов, гетов, русов, касогов, асов и бродников***. В начале XI века эти племена были объединены сыном Владимира «Святого»

Мстиславом в рамках Тмутараканского княжества, которое располагалось в низовьях Дона и на Кубани. «Сказание о Мстиславе и Редеде» хорошо показывает, что оба радели о целости дружин и племён. А это характерно только для тех племён, которые были родственными. Объединение этих племён, кроме бродников, способствовало появлению нового народа славянского происхождения ***черкасов***, который вступил в длительную борьбу с *половцами*, занявшими в XI веке донские степи, как это 1000 лет назад сделали *семиты-сарматы*.

В XIII веке ситуация вновь круто изменилась. Двинувшиеся на запад славяне-татары разгромили на Дону христианизировавшихся половцев и встретили в лице черкасов своих друзей, которые влились в славянское ордынское войско. Бродники во главе с **Плоскиней** первыми оказали помощь славянам-татарам Субудая, точно так же, как когда-то их предки оказали помощь славянам-ариям (гуннам). Во второй половине XIII века князь **Ногай** получил в удел земли по Нижнему Дону и Кубани. В это же время был построен город ***Асов*** (Азов), который располагался на землях черкасов (асов). В период распада славянского ордынского войска Черкасский удел Ногая оказался в сфере Большой тюркской орды.

В этой связи черкасы вынуждены были выставить своих воинов в войско Мамая. Кстати, богатырь **Челубей** был черкасом. Приверженность Большой тюркской орде плохо отразилась на будущем черкасов. В 1395 году разразилась очередная война между Большой тюркской ордой и Великим Тимуром. Тьмен черкасов в сражении на реке Терек находился на правом фланге войск Тохтамыша и должен был первым завязать сражение. Однако черкасы помнили, чем кончилось дело на поле Куликовом, когда почти все их воины полегли в битве. Поэтому они отказались идти первыми, а затем снялись и стали отходить к Асову (Азову) и увлекли за собой значительную часть войск правого фланга Тохтамыша.

Однако тюрки, отошедшие с ними, продолжали интриговать против Тимура и нападать на тылы его армии. Тимур от Ельца вынужден был повернуть на юг и нанёс страшный удар по Черкасскому уделу. Разгром был полный. Асов был взят и разграблен. Черкасы, как и их предки, были вынуждены спасаться на Кубани и в предгорьях Западного Кавказа. После ухода Тимура Черкасский удел постепенно восстановился и влился в состав Большой тюркской орды.

После образования Крымского тюркского ханства и подчинения его Турции, положение Черкасского удела резко усложнилось, так как вражда Крыма с Большой тюркской ордой всё усиливалась. К этому добавляется межрелигиозная вражда. Черкасы, охваченные с запада, юга и востока мусульманами, вынуждены были мигрировать в низовья Дона и далее на Днепр. В конце XVI века они были полностью вытеснены из предгорий Западного Кавказа и Кубани. Их земли были частью захвачены черкасами, а частью тюрками-крымчака-

ми. Именно к этому времени относится надпись, найденная в 1865 году одним отрядом, прорубавшим в девственном лесу просеку между Туапсе и Шахэ, в урочище Хан-Кучий, гласившую: ***«Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись в Русь, ибо ты отродье русское».***

Черкасы, мигрировавшие на Нижний Дон, слились с ордынскими казаками-бродниками, построив ряд городков на его островах. Те же, которые двинулись к Днепру и Киеву, тоже построили ряд городов по Дону и Днепру, в том числе ***Белгород, Чигирин и Черкассы***. Таким образом, в начале XVI века казачество на Нижнем Дону и Днепре, в основном, было представлено потомками черкасов, на Верхнем Дону его основали славяне-татары (стрельцы). Между реками Дон и Днепр, таким образом, образовался казачий треугольник, основание которого шло по Днепру, а его стороны по Нижнему и Верхнему Дону.

Одну сторону заселяли *славяне-татары* (стрельцы), а основание и другую сторону *славяне-черкасы*. В этот период главным отличием между ними было то, что низовые и днепровские казаки были христианами, а верховые придерживались славянского дохристианского мировоззрения. Это отразилось даже в строительстве церквей. У низовых казаков строились обычные греческие церкви с прямоугольным строением у основания, куполом в виде луковицы над зданием и шпилем с крестом. У верховых церковь строилась, как правило, в два или три этажа. Причём первый этаж выстраивался в виде восьмиугольника с равноскатной крышей по всем сторонам. Два других этажа повторяли первый. Над крышей второго или третьего этажа устанавливался шар, символизирующий Мидгард-Землю, который имел шпиль. На верху шпиля устанавливалось изображение Ярилы-Солнца либо восьми- или девятиконечной звезды. Кроме того, различалась стратегия ведения войны. Низовые и днепровские казаки использовали сухопутные, речные и морские походы и набеги для захвата добычи. Верховые стремились удержать свои города и закрепить за собой земли в южном направлении.

В начале XVI века верховые, низовые и днепровские казаки имели малые контакты между собой, а поэтому в редких случаях объединяли свои усилия для совместных действий. Численность верховых, низовых и днепровских казаков приблизительно была равной. Каждое казачье сообщество насчитывало около 20 тысяч человек, способных носить оружие, что позволяло отрядить в поход максимально 6-7 тысяч человек. Данная численность, в силу постоянно ведущихся походов и войн, будет поддерживаться на одном уровне на протяжении полутора веков. Поначалу ни одно казачье сообщество не имело централизованного управления. Управление организовывалось только в городках, которые имели своих атаманов, избираемых на кругу. В случае организации похода избирался походный атаман из числа

атаманов нескольких городков. Как правило, *походным* атаманом становился наиболее боевой (лихой) и сведущий в военном деле атаман. Таким было прошлое казачества, которое вышло на арену истории нашей страны в начале XVI века. Так родилась днепровско-донская вольница, которая на протяжении многих лет будет служить серьёзным препятствием на пути усиления самодержавного абсолютизма в нашей стране.

Правление Василия III

Став соправителем Ивана III в 1502 году, **Василий III** имел от роду 23 года. Опыта государственного управления у него не было. Большую часть своей молодой жизни он провёл в опале, вместе со своей матерью Софьей. Поэтому он не имел возможности разобраться в воинских и дипломатических делах. В чём он безусловно преуспел, так это в интригах, которые постоянно плелись в окружении Софьи. Под её влиянием он стал последовательным сторонником *византийской ортодоксии и самодержавного* правления. Уход значительной части *славян-татар* (стрельцов) в Дикое поле ещё более озлобил его против инакомыслящих.

Желая отомстить им, а также опасаясь, что племянник **Дмитрий** может реально претендовать на престол, Василий III после смерти отца Ивана III, заточил племянника в темницу и продержал его там три года, пока Дмитрий в 1509 году не скончался. Похоже, не обошлось здесь без насильственной смерти, так как Дмитрию в 1509 году исполнилось всего 26 лет. Его отпевали в новом храме Св. Михаила и похоронили рядом с отцом Иваном Ивановичем.

В завещании, писаном в присутствии духовника и боярина **В.Хованского**, князь Дмитрий, осознавая свои права, требовал от великого князя, чтобы все крепостные слуги были освобождены, вольные получили плату за службу, купленные им деревни возвращены без выкупа прежним владельцам, долговые записи уничтожены. Это показывает, насколько князь Дмитрий был свободолюбивым и порядочным человеком. Естественно, такие тогда не могли утвердиться у власти, которая уже прочно опиралась на мракобесие византийской ортодоксии, безмерно стяжавшей власть, крепостных и материальные богатства.

В решении династических проблем и устранении своего главного конкурента Василий III добился успеха. Совсем по-другому складывались дела на военном и дипломатическом поприще. Желая расправиться с Казанью, Василий III собирает новое войско (ополчение) из центральных уделов Московского великого княжества. Однако отсутствие стрелецких дружин славян-татар резко понижало боеспособ-

ность этого войска. Да и военачальников достойных не оказалось. Ополчение (войско) возглавлял брат Василия III Дмитрий с воеводами **Фёдором Бельским, Шеиным, Александром Ростовским, Палецким, Курбским** и другими.

Весной 1506 года это войско направилось к Казани. 22 мая пешая рать на судах подплыла к берегу вблизи Казани и высадилась. День был жаркий. Но пришлось вступать в сражение с пешим войском Мухаммед-Эмина. Поначалу московские ратники потеснили противника, видимо, ещё и потому, что Мухаммед-Эмин применил хитрость. Притворным отходом создавалось впечатление, что казанское войско слабое, терялась бдительность. Как только московское войско удалилось от берега, Мухаммед-Эмин двинул в сражение конницу. Она ударила во фланг и прорвалась в тыл московской рати, отрезав её от судов. Началось избиение.

Множество ратников было убито или утонуло в озере. Немало было пленено. Часть воинов прорвалась к судам и отошло на соединение с конной ратью, которая вскоре подошла. Василий III, узнав о первой неудаче, запретил Дмитрию штурмовать Казань и направил туда дополнительные силы во главе с **В.Холмским**. Однако Дмитрий ослушался великого князя, соблазнившись нападением на Казань в день открывшейся ярмарки. Мухаммед-Эмин, зная, что московское войско находится близко, так организовал праздник, что не соблазниться было просто невозможно. 22 июня он вместе со своими подданными выехал на Арский луг, где уже было размещено более тысячи шатров.

Иноземные купцы разложили товары. Началась торговля и гулянье народа. В шатрах было заготовлено много еды и вина. В середине дня появились московские полки. Московские ратники бросились на отдыхающих, топтали их и резали. Народ казанский и иноземный бросился в город, давя и топча друг друга. Однако московские ратники уже изрядно притомились и решили передохнуть в шатрах, увидев там яства, напитки, драгоценные вещи и другие товары. Они забыли про войну, начался грабёж и гульбище. Ночь приостановила это позорное действо, а утро вновь возобновило. Ратники пили и шумели, стража дремала.

Но не дремал Мухаммед-Эмин. Осматривая из башни беспечного неприятеля, он выбирал момент для нанесения удара. 25 июня поутру около 20 тысяч конных и около 30 тысяч пеших казанских и ногайских воинов вышло из города и с боевыми кличами бросились на полусонных и полупьяных московских мародёров, которых было почти вдвое больше. Паника охватила всю московскую рать. Она бросилась бежать к судам, как стадо баранов, вместе с воеводами, побросав оружие. На этот раз казанцы без пощады рубили и топтали падких на поживу москвичей. Арский луг покрылся трупами бегущих. Князья Курбский и Палецкий погибли. Воевода Шеин сдался в плен.

Основная масса рати в ужасе бросилась на суда, рубила канаты якорей и спешно отплывала, чтобы спастись. Только конница, возглавляемая царевичем **Заденаем**, сыном **Нурдаулята**, организованно отошла к Мурому. В 40 верстах от Суры она была настигнута казанскими конниками, но успешно отразила это нападение. Остатки пешей рати отошли к Нижнему Новгороду. В побоище на Арском лугу погибли десятки тысяч московских ратников. Ужасные потери под Казанью в двух сражениях 1506 года, а также уход многих стрелецких дружин в Дикое поле ставили крест на проведении активной внешней политики московским государством в ближайшие годы. Пришлось идти на подписание мирного договора, тем более, что его предложил сам Мухаммед-Эмин.

В марте 1507 года состоялись мирные переговоры. Из Казани в Москву был отправлен посол **Абдулла**, который заявил, что Мухаммед-Эмин готов восстановить мирные отношения между обоими государствами. Москва согласилась подписать мирный договор на условиях соблюдения прежних договоров – ***«мир по старине и дружбе»***. Эта война окружила Мухаммед-Эмина ореолом победителя. Два блестяще выигранных сражения в 1506 году полностью удовлетворили его самолюбие и укрепили на престоле Казани.

Теперь он уже не опасался, что жители Казани выступят против него, как это случилось в 1495 году. Коротко можно подвести следующий итог этой войны. Уже при Иване III выявилось противоречие между самодержавно-клерикальными и национально-государственными интересами страны. Причём **реализация самодержавно-клерикальных интересов, как правило, стала вредить национально-государственным интересам страны**. Так будет продолжаться в течение всего периода существования Московской Руси и Российской Империи.

В этом же 1506 году Василий III пытается наладить отношения с Крымом, чтобы держать Литву в напряжении. Он уведомил хана Менги-Гирея о кончине Ивана III и требовал от него новой клятвенной (шертной) грамоты о союзе. Менгли-Гирей прислал её с двумя своими послами. Московские бояре нашли, что она не так написана, как та, которая давалась Ивану III. Здесь же составили новую, которую послы скрепили печатями. После чего великий князь отправил знатного окольничего **Константина Заболоцкого** в Крым, чтобы удостовериться в искренности дружбы крымского хана и взять с него присягу. В августе 1506 года умер польский король Александр. Василий III немедленно послал окольничего **Наумова** к вдовствующей польской королеве Елене с утешительной грамотой.

Кроме этого, он приказал передать сестре Елене на словах, что она может прославить себя в веках, если убедит подвластных панов избрать его королём польским и таким образом объединить Московию, Польшу и Литву. При этом он обязывался чтить римский (като-

лический) Закон. Это же на словах Наумов должен был передать виленскому епископу **Войтеху**, пану **Радзивиллу** и всем литовским вельможам. Идея для тех времён смелая, но нереализуемая по сути. В условиях, когда ни в Польше, ни в Литве не было сколько-нибудь серьёзной промосковской партии, такое предложение не могло быть принято. Это показывает, что Василий III был склонен строить разного рода прожекты, но не заниматься конкретным делом. А конкретное дело требовало усиления вооруженной силы, которую он так необдуманно разрушил.

Разумеется, прожектам Василия III не суждено было сбыться. Елена ответила, что брат её супруга **Сигизмунд** уже объявлен преемником в Вильне и Кракове. Сам Сигизмунд известил Василия III, предлагая ему вечный мир, с условием, чтобы он возвратил свободу литовским пленникам и те места, которыми Москва завладела уже после шестилетнего перемирия. Это требование было справедливым, так как Василий III без объявления войны, послал рати во главе с князем **В.Холмским** и боярином **Я.Захарьевичем** захватить Смоленскую землю. Вероломство Василия III было вполне в духе византийских императоров. Московские рати дошли до ***Мстиславля***, не встречая литовского войска. В этой связи Сигизмунд обоснованно упрекал Василия III в том, что он, говоря о мире, ведёт необъявленную войну.

Эти действия Василия III имели также то последствие, что освобождённый под присягой из плена князь **К.Острожский** изменил присяге, данной Василию III, и бежал из Москвы в Литву. Сигизмунд естественно, принял возвратившегося пленника. Однако Василий III вскоре получил возможность отомстить Сигизмунду. Он стал покровительствовать **М.Глинскому**. Никто из князей литовских не был столь знатен, силён, богат, щедр к друзьям и товарищам, а также страшен для недругов, как М.Глинский, который свой род вёл от одного славного татарского князя, перешедшего на службу ещё к Витовту.

Воспитывался М.Глинский в Германии, долго служил **Альбрехту Саксонскому** и императору **Максимилиану** в Италии. Славился храбростью и умом. Возвратясь в Литву, удостоился милости **Александра**, который обходился с ним, как с другом, доверяя ему все тайны. М.Глинский оправдывал это доверие своими делами. Когда в 1506 году войско Менгли-Гирея осуществило очередное нашествие на Литву, а Александр лежал уже на смертном одре совсем недалеко от наступавшего неприятеля и не находил помощи со стороны охваченных паникой вельмож, М.Глинский сел на коня, собрал войско и нанёс тюркам-крымчакам поражение, чем утешил Александра в последние минуты его жизни.

Однако у фаворитов и везунчиков всегда бывает немало завистников. Пока был жив Александр, они молчали. После его смерти заговорили, стали обвинять М.Глинского в том, что он сам хотел сесть на

престол и не хотел присягать Сигизмунду. Более всех злословил пан **Забрезенский**. Глинский убеждал короля стать судьей между ними. Сигизмунд медлил и тем помогал недругам М.Глинского, терпение которого, в конце концов, лопнуло, и он сказал королю: *«Государь, мы оба, ты и я, будем раскаиваться, но будет поздно»*. Вскоре он с братьями Иваном и Василием уехал в свой город Туров, собрал родственников и друзей и потребовал от Сигизмунда полного удовлетворения, назначив срок.

Срок о размолвке Сигизмунда с М.Глинским быстро достиг Москвы. Василий III, желая отомстить Сигизмунду, отправил к Глинским дьяка, предлагая всем трём защиту со стороны Москвы, милость и жалование. Некоторое время Глинские ждали королевского ответа, но так его и не дождались. После чего торжественно объявили себя слугами государя московского, с условием, чтобы Василий III помог им войском в случае, если придётся оборонять свои города в Литве. Обе стороны подтвердили договор клятвой. Теперь у М.Глинского руки были развязаны. И он не замедлил этим воспользоваться. Пользуясь случаем, он схватил своего врага пана Забрезенского в его увеселительном доме вблизи Гродно, отсёк ему голову, убил многих других панов. Затем организовал рать из дворян, слуг и наёмников, взял Мозырь. После чего заключил союз с Менгли-Гиреем и господарём молдавским. Менгли-Гирей обещал завоевать для него Киев.

Однако главные надежды М.Глинского были связаны с Москвой. Вскоре подошли московские рати, возглавляемые князьями **Шемякиным, Одоевскими, Трубецким, Воротынскими**. Вместе с Глинским они осадили ***Минск*** и разоряли всё до самой Вильны. Часть московских сил воевала у Смоленска. Стремясь сокрушить Литву, Василий III направил дополнительные силы из Москвы и Новгорода к Орше. Из Москвы войско вёл боярин **Яков Захарьевич**. Из Великого Новгорода – **Даниил Щеня**. Однако Сигизмунд не дремал. Он быстро собрал и организовал сильное войско. Затем двинулся к Минску. Глинский и Шемякин, узнав о подходе превосходящих сил, ушли к ***Орше*** на соединение с Д.Щеней.

Сигизмунд из Минска тоже немедленно двинулся к Орше, чтобы спасти эту крепость. Он хорошо понимал её значение. Его появление под Оршей было столь быстрым, что военачальники московского войска не успели перегруппировать свои силы, в панике сняли осаду и отошли на восточный берег Днепра. Шесть дней неприятели смотрели друг на друга через реку. У московских воевод нервы не выдержали первыми. Не надеясь на победу, они отвели свои рати к Кричеву и Мстиславлю, а затем спешно отошли в пределы Московского великого княжества. В это время Сигизмунд вступил в Смоленск и оттуда направил часть войск к Дорогобужу, Белой и Торопцу.

Отсюда вполне видно, что уровень командования московскими ратями оставлял желать лучшего. Ни Д.Щеня, ни Я.Захарьевич, кото-

рых расхваливает Н.Карамзин, на звание полководцев явно не тянули. Поэтому они в подмётки не годились Мухаммед-Эмину. Василий III, не обладая ни оперативным, ни стратегическим кругозором, поручил князьям Стародубскому и Шемякину стеречь рубежи, Я.Захарьевичу велел стать в Вязьме, а Д.Щене изгнать литовский отряд из Торопца, что тот и сделал. В это время литовцы сожгли Белую и взяли Дорогобуж. Теперь уже Василию III пришлось отвоёвывать свои города. Василий III повелел князю В.Холмскому из Можайска и Я.Захарьевичу из Вязьмы идти к Дорогобужу. Литовское войско в Дорогобуже возглавлял **Станислав Кишка**, не раз побеждавший мелкие отряды московских войск. Однако он не дерзнул вступить в сражение с превосходящими силами В.Холмского и поспешно отошёл к Смоленску.

Таким образом, Сигизмунд и Василий III, не дав ни одного крупного сражения, остались при своих интересах. Но если учесть, что Сигизмунду пришлось преодолеть измену Глинских, нашествие московских ратей, при постоянной угрозе нападения турок-крымчаков, то станет ясно, что победителем был он. Однако Сигизмунд не кичился своими успехами. Учитывая, что удар может последовать с двух сторон, Сигизмунд вновь предложил Василию III мир, и на этот раз он согласился. Король направил в Москву Станислава, Сапегу и Войтеха, которые, по тогдашнему обычаю, затребовали возвратить Литве Чернигов, Любеч, Дорогобуж и Торопец. Но в ходе переговоров согласились с возвращением нескольких смоленских волостей, которые были завоёваны Москвой уже в правление Василия III.

Заключением мира, однако, оказались недовольны Глинские, так как Василий III согласился оставить за Литвой все города и поместья Глинских. Единственное, чего он добился, так это свободного их отъезда из Литвы в Москву. Глинские выехали из Литвы в Москву со своими ближними, расставшись со своими городами и поместьями. Часть литовцев их жалела, большая же часть – опасалась. В Москве их не любили, только великий князь чествовал и привечал их, надеясь, что они могут ему ещё пригодиться. Но мечтам Василия III не суждено было сбыться, так как на юге вырастала новая опасность. Хотя в 1509 году удалось заключить союз с Менгли-Гиреем, его соблюдение стояло под большим вопросом, так как сыновья, беки и мурзы уже не хотели повиноваться престарелому хану.

Воспользовавшись установлением мира с Литвой и союза с Крымом, Василий III решительно и окончательно расправился с Псковской республикой. Причина была пустячной, псковичи не уважали наместника великого князя **И.Репню-Оболенского**. Погрома псковитян не было. Но из Пскова, по примеру Новгорода, было выслано 300 знатных семейств, вече упразднено. Колокол вывезен. Псков был отдан под полную власть великокняжеских наместников. Насколько свирепо и безответственно они действовали, красноречиво описывает

даже Н.М.Карамзин: *«Но сии старосты не могли обуздать хищности сановников великокняжеских, которые именем новых законов отягчали налогами граждан и земледельцев, не внимая справедливым жалобам, и казнили за оные, так что несчастные жители толпами бежали в чужие земли, оставляя жён и детей. Пригороды опустели. Иностранцы, купцы, ремесленники, имевшие домы во Пскове, не хотели быть ни жертвою, ни свидетелями насилия, и все выехали оттуда».*

И хотя Василий III позднее сменил наместников и несколько успокоил псковитян, некогда многолюдный Псков уже не мог подняться до своего прежнего состояния. Это достаточно ясно указывает на то, что к чему не прикасалась самодержавная власть, везде насаждались раболепие, нищета, бесправие и безответственность управляющих, которые, в конечном счёте, приводили к угнетению общества и ослаблению государства. Мир с Литвой тоже оказался непрочным. Взаимное недоверие сохранилось, а потому обе стороны обвиняли друг друга в неисполнении договора и подозревали во враждебных замыслах. Через некоторое время Сигизмунд арестовал друзей и приятелей Глинских, а затем стал требовать от Василия III выдачи М.Глинского. Василий III отказался его выдавать. Враждебность усилилась и обострилась ещё и потому, что младший сын Ивана III **Семён Калужский** не хотел оставаться в подданстве старшего брата. Он жаловался на его самовластие и настойчиво искал покровительства Сигизмунда. Василий III, узнав об этом, хотел заточить брата в темницу, но раскаяние того и ходатайство за него митрополита смягчили гнев Василия III. Таким образом, отношения между Литвой и Москвой накалились до предела.

Окончательно они испортились после того, когда Москва узнала, что Литва склонила Менгли-Гирея к союзу против Москвы, пообещав выплачивать ежегодно по 15 тысяч червонцев. Этот тайный договор начал выполняться немедленно. Уже в мае 1512 года сыновья хана **Ахмат-Гирей** и **Бурнаш-Гирей** с многочисленными ордами вторглись во владения князей Белевских и Одоевских, жгли и грабили. Отошли после того, как узнали, что князь Д.Щеня спешит перехватить их в поле. За Д.Щенею выступили к границам другие воеводы. Ахмат-Гирей в июле попытался опустошить великую Рязанскую землю, но на его пути оказался князь **А.Ростовский**, выдвинувшийся на берег реки Осётр. Князь **Булгак** и конюший **Челяднин** выдвинулись на реку Упу. Однако все направления перекрыть не удалось, и Бурнаш-Гирей прорвался к Рязани, взял и сжёг посады. Сам город ему взять не удалось. Подтянувшиеся московские рати преследовали тюрок-крымчаков до Тихой Сосны. Так неумелые действия Василия III на всех важнейших направлениях создали враждебные для Москвы силы.

Однако Василий III и на этот раз сделал вывод о первостепенной виновности Литвы, решив разделаться с нею силой. Он собрал много-

численную рать и почти весь огнестрельный наряд. Предводительствовать этой ратью решил сам и выехал из Москвы 19 декабря 1513 года вместе с братьями Юрием и Дмитрием, зятем Петром и М.Глинским. Главными воеводами были назначены Д.Щеня и Репня-Оболенский. Вскоре рать подошла к Смоленску. Штурм Смоленска решили организовать со стороны Днепра. Для подъёма боевого духа выкатили немало бочек медовухи. Всякий ратник пил сколько хотел. В результате, кто должен был идти на штурм, перепились. Шум и крики пьяного московского воинства услышали в городе, почему усилили охрану и наблюдение. И когда штурмующие бросились на укрепления, то осаждённые организованно встретили их, поражая огнестрельным и холодным оружием.

Штурмовавшие неорганизованно бежали, теряя массу людей убитыми и ранеными. Через два месяца Василий III, не взяв Смоленска, вернулся в Москву. Но на этом он не успокоился. Через несколько месяцев он вновь выступил из Москвы с многочисленной ратью. Большая часть рати с Репнёй-Оболенским и окольничим Сабуровым была встречена на подходе к Смоленску литовским войском, которое возглавил смоленский наместник **Ю.Сологуб**. Сражение он проиграл и вынужден был отойти в крепость. Василий III прибыл к рати 25 сентября. Началась осада. Однако плохое владение огнестрельным оружием и умелые действия осаждённых не позволили взять Смоленск, несмотря на подход значительных подкреплений. Начавшаяся осень, дожди, холод и грязь заставили Василия III снять осаду.

В это время Василий III пытался активизировать свою внешнюю политику, но, не подкреплённая победами московских ратей, она так и осталась нереализованной. И тем не менее, подбиваемый М.Глинским, Василий III не оставлял надежды на успех. Надеясь, что Василий III отдаст ему Смоленск в наследственный удел, М.Глинский нанял в Богемии и Германии немало людей, искусных в военном деле, которые приехали в Москву через Ливонию. Эти люди очень поспособствовали в повышении боеспособности пушкарского наряда. Великий князь вновь решил возглавить московскую рать. 8 июня 1515 года он с братьями **Юрием** и **Семёном** выехал из столицы. В июле московская рать осадила Смоленск, а 29 числа начала обстрел города из орудий, стрелявших большими и малыми ядрами, окованными свинцом.

При этом особо отличился пушкарь Стефан. От удачной стрельбы его орудий колебались стены, а люди гибли многими десятками. Многие здания в Смоленске загорелись. Весь город затянуло густым дымом. Жители стали роптать, требовать милосердия и молить о пощаде. Стрельбу приостановили. Но когда смоленский наместник заявил, что переговоры начнёт на следующий день, стрелять начали вновь. Через непродолжительное время жители сдали город. Сто десять лет Смоленск находился под властью Литвы. Василий III назначил наместником князя Шуйского и отказал М.Глинскому в наслед-

ственном уделе. Вновь самодержавно-династические интересы возобладали над интересами национально-государственными. А ведь если бы Василий III отдал Смоленск М.Глинскому в наследственный удел, его бы могли поддержать многие князья в Литве.

Этот отказ и высокомерие Василия III оттолкнули от него Глинского, который пошёл на тайные переговоры с Сигизмундом. Было условленно, как только литовское войско подойдёт к Орше, Глинский сразу же перейдёт на его сторону. Однако этому не суждено было сбыться. Как только Глинский со своими ближними людьми тронулся в путь, один из его слуг оповестил московского воеводу **Булгака-Голицу** о бегстве изменника. Воеводе удалось перехватить М.Глинского вместе с его слугами, после чего он был доставлен в Дорогобуж к великому князю. Затем его заковали в цепи и отправили в Москву.

После этого Василий III распорядился Булгаку-Голице и боярину Челяднину возглавить московскую рать и идти против литовского войска **К.Острожского**. Московская рать насчитывала около 80 тыс. человек, литовское войско около 35 тыс. человек. Сошлись на берегу Днепра. Несколько дней стояли друг против друга. Несмотря на численное превосходство, московские воеводы активности не проявляли. Зато К.Острожский, ведя переговоры, наводил мост в 50 верстах от их расположения. Построив мост, К.Острожский начал переброску своего войска на другой берег. Там он выбрал удобную позицию, где и решил дать сражение.

Боярин Челяднин, узнав, что литовцы начали переправляться и сосредотачиваться в избранном районе, вместо того, чтобы немедленно нанести удар и опрокинуть ещё не изготовившегося противника, дал всем его силам переправиться и занять позицию. Только после этого Челяднин атаковал литовцев. И случилось то, что должно было случиться. Передовые отряды К.Острожского отошли и подставили атакующих под огонь пушек и пищалей изготовившегося литовского войска, а его конница зашла во фланг и тыл московской рати.

Разгром был полный. Тридцать тысяч московских ратников пали на поле сражения. В плен попали Булгак-Голица, Челяндин, шесть других воевод тридцать семь князей, более 1500 дворян и детей боярских. Захвачен был весь обоз и огнестрельный наряд. Одним словом, К.Острожский полностью рассчитался за своё поражение на берегах реки Ведроши. Он пытался быстро, но с небольшими силами отбить Смоленск. Однако наместник князь Шуйский не только подавил выступление изменников, но так организовал оборону, что К.Острожский был легко отбит и даже потерял часть своего обоза. Таким образом, литовцы к своей победе под Оршей смогли добавить взятие Дубровны, Мстиславля и Кричева, где население сдалось и присягнуло Сигизмунду. В ходе этих боевых действий немногочисленное войско было сильно ослаблено. Король вынужден был дать ему отдых и распустить его.

Казалось, Москва могла тоже позволить себе отдых. Однако отдыха не получилось. Сказалась старая причина, связанная с уходом славян-татар (стрельцов) на Верхний Дон и образованием казачества нового времени. Казаки на Дону находились между Московским великим княжеством, с которым были, мягко говоря, в недружественных отношениях, и Крымским ханством, с которым во времена Ивана III поддерживались хорошие отношения. В этой связи казаки на Верхнем Дону были даже заинтересованы, чтобы насолить Василию III. Поэтому, когда сыновья Менги-Гирея стали нападать на окраины Московского великого княжества, казаки принимали в этих нападениях участие и не только как проводники. Неспособность Василия III урегулировать отношения с казаками обернулась для Московского великого княжества большой бедой уже в его бытность.

Эта неурегулированность и отрицательное отношение к мировоззрению славян-татар толкала стрельцов на измену и уход от Василия III. Наиболее болезненным оказался уход стрелецкого воеводы **Евстафия Дашковича**. Выходец из Литвы, он и ушёл в Литву. В Московском великом княжестве он служил среди стрельцов и дослужился до воеводы. Человек, безусловно, одарённый, смелый, мужественный. Он прекрасно овладел воинским делом. Однако он не мог смириться с мракобесием и деспотизмом, которые насаждал Василий III. Е.Дашкович ушёл к Сигизмунду и получил от него во владения Канев и Черкассы.

А так как его владения находились на границе с Крымским ханством, то он решил обезопасить их созданием казачьего войска, которое бы могло наблюдать за тюрками-крымчаками, а если надо, то и противодействовать им, заслоняя Литву с юга. Человеческого материала на Днепре уже хватало. Массовое переселение черкасов с Северного Кавказа и Кубани создало благоприятные условия для организации такого войска. Так родилось днепровское казачество, вскоре прославившее себя по всей Европе. Центром этого войска позднее станет остров ***Хортица*** на Днепре, а само оно получит наименование Запорожского казачьего войска.

Для Москвы было плохо то, что Е.Дашкович хорошо знал расположение московских ратей и засечных линий. Имея решительный характер и стремясь взять Чернигов, Новгород-Северский и Стародуб, он подбил сына Менгли-Гирея **Магмета** и киевского воеводу А.Немировича осуществить вторжение в пределы Московского великого княжества. Удалось собрать многочисленную конницу и большое количество огнестрельного оружия. Однако Дашковичу не удалось осуществить свои планы. Выше уже приходилось писать, что тюркское войско, по мере ухода славян-татар, теряло свою организованность. Теперь оно представляло из себя скопище орд различной численности и низкой боеспособности. Брать города оно уже было не в состоянии, несмотря на наличие огнестрельного оружия. Эти орды могли более или менее успешно действовать против слабого и неподготовившегося противника.

Воеводы же северских городов изготовились к отражению приступов, посему Магмет-Гирей не стал слушать литовских советников и не решился штурмовать города. Пограбил окрестности и повернул в степь. И тем не менее Василий III видел, что численность врагов Москвы растёт. Предотвратить этот процесс, в силу ряда обстоятельств, он был не в состоянии. Поэтому все его попытки усовестить Менгли-Гирея успеха не имели. А после того, как он умер в 1515 году, его сын Магмет-Гирей вообще потребовал, чтобы Василий III отдал Сигизмунду Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль вместе с другими городами. Требовал также возвратить всех пленённых крымчаков, дань с Одоева, много драгоценностей и денег. В случае отказа грозил вторжением.

После очередного подношения Сигизмунда в 30 тысяч червонцев сын Магмет-Гирея Богатырь вторгся в рязанские и мещерские земли, опустошил их и затем вернулся в Крым. Только угроза, что Москва уговорит *ногаев* и *астраханцев* выступить против Крыма подействовала, и Магмет-Гирей направил против Литвы 40 тысяч всадников разорять её южные владения. Он прекрасно понимал, что враждебные отношения Москвы и Литвы настолько непримиримы, что дают ему возможность грабить и разорять тех и других. Но на этом осложнения для Москвы не закончились. В 1517 году Сигизмунд задобрил крымского хана богатыми дарами. И вновь 20 тысяч тюрок-крымчаков с огнём и мечом вторглись в московские пределы. Они дошли до Тулы, где были встречены московской ратью, возглавляемой князьями Одоевским и Воротынским. Готовясь к отражению вторжения князья на подходе к ***Туле*** организовали немало засад. Когда московская рать разбила крымчаков, они бросились назад. Тут их стали преследовать и загонять в реки и болота, поражать из засад. Пощады не было никому. Очень небольшое количество их вернулось назад. Несколько месяцев спустя князь Шемякин изгнал крымцев из Путивльской области и разбил их за Сулою.

В это же время возобновилась война с Литвою. Причём виной тому были действия Москвы. Воевода псковский **А.Сабуров** совершил успешный поход в Литву, взял ***Рославль*** и богатую добычу. Сигизмунд этого простить не мог, собрал войско и прибыл в ***Полоцк***, а К.Острожского направил, чтобы тот взял небольшую крепость ***Опочку***, где наместником был **В.Салтыков**. Литовцы, усиленные богемскими и немецкими наёмниками, две недели обстреливали из пушек эту небольшую крепость. Но тщетно. Воевода, воины и жители отразили приступ. Литовцы потеряли много людей убитыми, в том числе воеводу **Сокола**. Его знамя осаждённые захватили. В это время к Опочке двинулись московские рати.

Из ***Великих Лук*** шёл князь А.Ростовский, из Вязьмы – князь В.Шуйский. Передовыми отрядами этих князей командовали князь Ф.Оболенский и воевода И.Лятицкий. К.Острожский выставил за-

слон численностью около 15 тысяч человек на случай подхода московских ратей. Однако передовые отряды ратей князей Ростовского и Шуйского разбили этот заслон, а затем и подкрепление, посланное Сигизмундом из Полоцка. Поражение было полным, захвачен обоз, пушки, пленены некоторые воеводы. С подходом главных сил московских ратей Острожский снял осаду Опочки и поспешно отошёл, бросив тяжёлые стенобитные орудия. Этой победой московские рати несколько сгладили своё тяжелейшее поражение под Оршей.

К этому времени резко осложнилась обстановка на востоке. После заключения формального мира между Москвой и Казанью в 1507 году и освобождения пленников в 1508 году, последующие годы правления Мухаммед-Эмина проходили мирно и спокойно. Однако в 1516 году он тяжело заболел, а затем в декабре 1518 года скончался. Ещё раньше погиб другой претендент на Казанский престол – брат Мухаммед-Эмина **Абдул-Латыф**. За него очень рьяно ратовал Крым, что не устраивало Москву. Не исключено, что его гибель связана с этим недоброжелательством. Ни Мухаммед-Эмин, ни Абдул-Латиф не оставили после себя наследников. Так пресеклась династия Улук-Мухаммеда. Встал вопрос о престолонаследии.

Крым кандидатом выдвинул царевича **Сагиба** из рода Гиреев, а Москва – **Шах-Гали** из рода Ахмет-хана, которому было всего 13 лет. Крымское посольство заявило протест против избрания на казанский престол лица враждебного Гиреям и напомнило великому князю московскому Василию III, что он подписал союзный договор с Крымом и принёс присягу. По этому договору Мухаммед-Гирей направил своего сына **Богатыря** с 30 тыс. войска в Литву. Ему удалось разбить гетмана К.Острожского, захватить около 60 тысяч пленников и с богатой добычей возвратиться назад. Ответом со стороны Василия III было провозглашение Шах-Гали ханом Казани в Москве 1 марта 1519 года.

При вступлении Шах-Гали на престол был заключён договор, в соответствии с которым было установлено: а) взаимное именование обоих государей в официальных бумагах *«братьями»*; б) Шах-Гали присягал в том, что будет охранять интересы Москвы в Казани и до конца жизни не нарушит этого договора; в) члены Казанского посольства также присягнули в том, что будут охранять интересы Москвы в Казани. Однако Шах-Гали не мог утвердиться в Казани. Кроме малолетства он имел крайне непривлекательную внешность. Московский летописец описал его так: *«Мальчик производил впечатление неповоротливого увальня и урода – на коротких ногах с длинными ступнями было толстое тело с длинными, как у обезьяны, руками, на очень короткой шее сидела голова с некрасивым бабьим лицом»*.

В сущности, Казанским ханством управлял московский посол **В.Юрьев**, который вмешивался во все дела. Он опирался на московский воинский отряд под командой воеводы **Ф.Карпова**, введённый в Казань под предлогом защиты московского люда от повторения рез-

ни. Недовольство против московского засилья нарастало в течение двух лет. Возглавил недовольных оглан **Сиди**. Интересы недовольных совпали с интересами Крыма. В ***Бахчисарай*** тайно было отправлено посольство, которое пригласило царевича Сагиб-Гирея занять ханский престол Казани. Переговоры привели к тому, что весной 1521 года в Казань был отправлен отряд крымчаков в 300 человек, во главе с Сагиб-Гиреем.

При появлении крымского отряда посол В.Юрьев и воевода Ф.Карпов растерялись и не успели организовать сопротивление. Сагиб-Гирей беспрепятственно вступил в Казань. Казанцы немедленно учинили погром. Лавки и дома московских купцов были разбиты и разграблены. Шах-Гали, посол В.Юрьев и воевода Ф.Карпов были взяты под стражу. Сагиб-Гирей на этот раз не допустил резни, а через некоторое время освободил Шах-Гали и воеводу Ф.Карпова, которые возвратились в Москву. Однако этот переворот неизбежно приводил к войне с Москвой. И если бы в войну не вступило Крымское ханство, то вряд ли новый претендент удержался бы у власти.

Долгое время турецкий султан **Селим** удерживал Крымское ханство от больших вторжений в Московскую Русь, так как был заинтересован в её войне с Литвой. Однако сменивший его султан **Солиман**, начавший войну против Венгрии, был заинтересован в набегах тюрок-крымчаков на эту страну. Поэтому Солиман снял запреты с нападений крымчаков на Московскую Русь. Воспользовавшись этим, Мухаммед-Гирей, кроме тюрок-крымчаков, к походу на Москву привлёк ногаев, донских и днепровских казаков во главе с Е.Дашковичем. Таким образом, ему удалось собрать большое тюрко-казацко-ногайское войско численностью около 100 тысяч человек.

Авторы нынешних учебников по истории нашей страны почти ничего не пишут о причинах катастрофы, обрушившейся тогда на Московскую Русь. Они констатируют лишь факт нашествия крымских орд на Москву. В этом плане Н.Карамзин всё же даёт более развёрнутую картину. Но как сторонник и певец самодержавия, он далеко не во всём правдив, когда утверждает, что катастрофа случилась из-за того, что не там, где надо, поставили рати руководившие московским войском брат Василия III **Андрей** и юный главный воевода **Д.Бельский**, что не слушались они опытных воевод, а воевода **И.Воротынский** не пожелал помогать им.

На самом деле всё обстояло совершенно иначе. Со времён Большой тюркской орды большие походы на Москву осуществлялись в конце лета или осени. К такому порядку Москва настолько привыкла, что на этот раз не спешила с развёртыванием своих сил на окской засечной линии. Но не так думали в стане Мухаммед-Гирея. Коль к походу примкнули донские казаки, то они подсказали, что нужно действовать быстро и идти на Москву уже в начале лета. Мухаммед-Гирей согласился с этим предложением. В этих условиях московские рати опаз-

дывали с занятием позиций на Оке. Только отдельные рати успели выйти и занять позиции у наиболее удобных переправ и бродов.

Но это не спасло положения в целом, так как среди донских казаков ещё были живы обиженные Василием III стрельцы, служившие ещё у Ивана III и прекрасно знавшие все переправы на Оке. Они-то и посоветовали преодолеть Оку на широком фронте и там, где не окажется ещё московских ратей. С этим советом Мухаммед-Гирей также согласился. В результате, тюрко-казацко-ногайское войско во многих местах успешно переправилось через Оку и оказалось на флангах и в тылу московских ратей, успевших занять свои позиции. Узнав об этом, брат Василия III Андрей в панике бросился бежать, увлекая за собой других. Главный воевода Д.Бельский попытался организовать сопротивление, но был разбит и тоже был вынужден бежать.

В сражении погибли воеводы князь **В.Курбский**, **Шереметев**, двое **Замятниных**. Князь **Ф.Оболенский-Лопата** попал в плен. Это поражение и вступление войска казанского хана Сагиб-Гирея в пределы Московской Руси повергло Василия III в ужас и панику. Оставив Москву на попечение своего зятя (царевича **Худай-Кула**), Василий III спешно бежал в Волок Ламский собирать рати. В это время Мухаммед-Гирей и Сагиб-Гирей соединились у Коломны и разоряли окрестности Москвы. В Москву, бросая своё добро, устремилась масса народа. А так как бежали к Москве в панике, то многих подавили уже в самом городе.

Трупы лежали на улицах, их никто не убирал. Возникла опасность распространения эпидемии. Тюрко-казацко-ногайское войско расположилось вокруг Москвы и готовилось осуществить приступ. Зная недостаток в огнеприпасах и предвидя возникновение заразы, военачальники, окружавшие зятя Василия III Петра (Худай-Кула) не решились оборонять город и предложили заключить с крымским ханом мир. В результате, был подписан унизительный договор, по которому великий князь московский признавал свою вассальную зависимость от крымского хана и обязывался выплачивать ему дань. Этот договор, естественно, был подписан с согласия Василия III. После его подписания Мухаммед-Гирей отступил к Рязани, у которой остановился.

Казачий атаман Е.Дашкович советовал Мухаммед-Гирею взять крепость приступом. Но крымский хан решил взять город обманом. Он послал воеводе Рязани **Хабару Симскому** московскую грамоту и удостоверение, что война закончилась и великий князь признал себя данником Крыма. В то же время требовал выдачи пленников и подтягивал свои силы к крепости. Х.Симский выдал крымскому хану всех пленников, а также заплатил 100 рублей за освобождение князя Ф.Оболенского, тем не менее, число тюрок, казаков и ногаев под стенами продолжало увеличиваться. Х.Симский был вынужден дать приказ открыть огонь из пушек.

Командовал пушкарями немец **Иордан**. По его наводке был произведён точный залп из крепостных орудий. От этого залпа погибло немало тюрок, казаков и ногаев. Остальные вынуждены были отступить. Мухаммед-Гирей, обозлённый неудачей, требовал выдачи Иордана, грозился взять город приступом, но вынужден был снять осаду и уйти, так как получил сообщение, что астраханцы вторглись в пределы Крымского ханства. Так удачные действия Х.Симского и пушкаря Иордана спасли не только Рязань, но и вернули постыдный договор в руки Василия III. За это наидостойнейшее дело Х.Симский получил чин боярина, а его действия были записаны в разрядные и родословные книги, чтобы помнили о них в веках.

Нашествие тюрко-казацко-ногайского войска было сравнимо по последствиям с нашествием Едигея на Москву при Василии III в 1407 году. В этом отношении правление Василия I и Василия III во многом совпадают. И в том, и в другом случае обнаруживается **вопиющая** недальновидность обоих персонажей московской власти. Их неспособность правильно понять расстановку геополитических сил и выстроить целесообразную линию поведения. Понимал ли Василий III, что вина за эту катастрофу всецело лежит только на нём, что она была результатом его собственной внешней и внутренней политики?

До катастрофы 1521 года он по недалёкости собственного ума, конечно же, этого не понимал. Да и в ходе её тоже не понимал, так как кроме разговоров о виновности брата Андрея и Д.Бельского дальше дело не пошло. Зато Василий III наказал воеводу князя И.Воротынского, якобы не пожелавшего помогать Д.Бельскому в командовании войском. **Этим Василий III породил практику безответственности фаворитов и выскочек и перекладывания ответственности с виновной головы на неповинную в государственном масштабе.**

Более ужасным было наказание князя **Василия Шемякина-Северского**, который более других отличался воинской доблестью. Он не раз бил орды крымцев, надёжно охраняя юго-западные рубежи Московской Руси. В то же время он был принципиальным противником Литвы. Василий III был вынужден отмечать заслуги князя и дал ему в управление Путивль, хотя не любил и опасался его, помня ужасный характер деда князя Дмитрия, а также беспокойность и смелость внука, наделённого многими достоинствами. Поэтому Василий III установил за князем Василием Шемякиным неусыпное наблюдение и с тайным удовольствием подогревал непримиримую вражду северских князей Шемякина и Стародубского, женатого на свояченице Василия III.

В.Стародубский, желая опорочить В.Шемякина, доносил, что он сносится с королём Сигизмундом и желает изменить Москве. В.Шемякин отвергал обвинение и требовал суда. В августе 1517 года он приехал в Москву, где вместе с Василием III обедал у митрополита. В ходе этого обеда полностью оправдался и уехал в Северскую область, которой правил ещё пять лет. Однако Василий III не отказался от

своих замыслов устранить В.Шемякина. В 1523 году подозрения были возобновлены. Заверенный письменно Василием III и новым митрополитом иосифлянином Даниилом в личной безопасности, В.Шемякин вторично явился на суд в столицу. Через несколько дней он был схвачен и заточён в темницу как уличённый в тайной связи и переписке с Литвой. В темнице он и умер. **Так самодержавная власть и церковь, в лице её византийско-иосифлянских владык, действовали заодно, уничтожая цвет Русского народа.**

И всё же после катастрофы 1521 года Василий III всерьёз задумался о мире с Литвой, чего, собственно, хотел и неоднократно предлагал польский король Сигизмунд. Его послы прибыли в Москву и долго спорили по всем статьям договора. Вечный мир не получился. Получилось перемирие на пять лет. Договор подписали 25 декабря 1522 года. По этому договору Смоленск отошёл к Москве, границу установили по Днепру, Иваке и Мере. Установили также свободу торговли. Пленников обменивать отказались, так как московских было значительно больше, а Василий III отказался давать за всех выкуп. Так окончилась третья десятилетняя московско-литовская война, которую оборвал успешный поход на Москву крымского хана Мухаммед-Гирея.

Ещё раньше, в 1521 году, был подписан мирный договор на десять лет с Ливонией. Воевать на западе, имея теперь постоянную угрозу на юге и востоке, становилось просто невозможным. Не имея возможности действовать успешно на юге и западе, Василий III решил добиваться мира и союза с Крымом, в то же время силой смирить Казань. Это было правильное решение. Теперь дело оставалось за дипломатией и войском. В это время на юге произошли важные события. Мухаммед-Гирей решил подчинить себе ***Астрахань***. В 1523 году он договорился с Ногайской ордой и подступил к Астрахани с двух сторон. Астрахань была взята, и хан **Хусейн** был низложен.

После взятия Астрахани аппетиты Мухаммед-Гирея разгорелись. Он возмечтал о восстановлении Большой тюркской орды, которая по его планам должна была объединить Крым, Астрахань, Казань и Ногайскую орду. Естественно, это не понравилось его союзнику беку Ногайской орды **Мамаю**. По наущению своего брата **Агиша**, Мамай подготовил переворот. В один из дней, когда Мухаммед-Гирей пировал со своим сыном **Богатырь-Салтаном**, Мамай и Агиш с ногайскими воинами напали на них и убили. Потом ногаи напали на стан тюрок-крымчаков, разбили их и гнали до Крыма.

На их плечах ворвались в Крым и устроили там погром. Немногие спаслись в крепостях, охраняемых турецкими янычарами. Вместе с ногаями в походе на Крым участвовали и донские казаки, которые были недовольны Мухаммед-Гирем, что он не расплатился с ними за поход на Москву. Против Крымского ханства выступили и днепровские казаки, во главе с Е.Дашковичем, который также был недоволен

Мухаммед-Гирем. Его войско взяло Очаков, сожгло его укрепления и истребило всё, что захватило в Причерноморье. После того, как ногаи и казаки ушли, в Крыму воцарился ставленник турок **Сайдет-Гирей**, который также выразил желание заключить союз с Москвой.

По этому случаю начались переговоры. А пока шли переговоры об условиях союза, Василий III направил большое войско к Казани. Сам Василий III побывал в Нижнем Новгороде, где собиралась пешая рать. Оттуда он отправил эту рать на судах, во главе с царевичем **Ших-Алеем** и князем В.Шуйским, к Казани. В то же время была собрана конная рать, во главе с князем **Б.Горбатым**, которая тоже двинулась к Казани. Московское войско завоевало западные земли Казанского ханства и дошло до устья реки *Суры*. Где возвело острог и город ***Василь***. Теперь Москва имела своё укреплённое место вблизи Казани.

Но это было только начало. Весной 1524 года Василий III собрал огромное по тому времени войско около 150 тысяч человек. Во главе судовой рати были назначены царевич Ших-Алей, князья И.Бельский, Б.Горбатый, Захарьин, С.Курбатский, И.Лятицкий. Во главе конной рати боярин Х.Симский. Сагиб-Гирей, узнав о движении столь большого войска, оставил в Казани своего племянника **Сафа-Гирея**, а сам спешно отбыл в Тавриду искать помощи со стороны султана. Однако султан не изъявил большого желания помогать казанцам. В это время казанцы провозгласили Сафа-Гирея ханом и вместе с черемисами и чувашами приготовились к обороне.

Судовая рать 7 июля высадилась и расположилась на берегу. Однако в течение 20 дней бездействовала, поджидая конную рать. Казанцы же вышли в поле и частыми налётами тревожили московскую пешую рать. В это время случайно загорелась Казанская деревянная крепость, но московское войско с места не сдвинулось и позволило казанцам потушить огонь и восстановить стену. 28 июля перенесли стан пешей московской рати к реке Казанке и опять не предприняли никаких активных действий. В это время казанцы жгли посевы в окрестностях и заняли все дороги, чтобы московское войско не имело подвоза. Когда были истрачены почти все продовольственные запасы, разнёсся слух, что конная рать истреблена неприятелем.

Однако оказалось, что черемисы разбили только один московский конный отряд. Конная рать Х.Симского, тем не менее, на берегу Свияги разгромила объединённое войско казанцев и чувашей, многих захватила в плен и соединилась с судовой ратью. Однако успех Х.Симского был основательно подпорчен неудачей князя И.Палецкого, который из Нижнего Новгорода должен был доставить к Казани на судах хлеб и тяжёлые огнестрельные орудия. На Волге черемисы построили плотины. Течение в суженых местах резко ускорилось. Суда, увлекаемые быстрым течением, разбивались друг о друга, либо о камни. Кроме того, с высокого берега черемисы обстреливали их из

луков и сбрасывали на них брёвна. Потери убитыми и утонувшими исчислялись несколькими тысячами. Большая часть припасов осталась в реке. И только незначительная их часть была доставлена войску под Казань.

Московская рать, наконец, обступила Казань и могла её взять, тем более этому способствовала неудачная стрельба казанских пушкарей. На приступе настаивали немецкие наёмники. Но московские воеводы, опасаясь неудачи и голода, а более всего прельщённые подношениями казанцев, предпочли мир, сняли осаду и ушли от Казани, подхватив заразу. При отходе умерло множество ратников. В живых осталась едва половина рати. Главный воевода князь И.Бельский был лишён милости Василия III, но митрополит просил его о снисхождении, и Василий III простил Бельского. **Так согласно душила московский люд самодержавная власть, бестолковость и корыстолюбие царских воевод и всепрощение христианских попов, утвердивших своё господство над Московской Русью.**

Послы казанские приехали к Василию III и просили утвердить Сафа-Гирея на казанском престоле. Великий князь требовал залога, подтверждавшего верность казанцев. В то же время отход войска, равный страшному поражению, не побуждал к возобновлению дальнейшего кровопролития. Василий III отправил в Казань для переговоров боярина **Пенкова**. Начавшиеся переговоры между Москвой и Казанью обеспечили пятилетний перерыв в действиях воинских сил.

Неудачи во внешней политике дополнялись семейно-династическими проблемами. Василий III вот уже двадцать лет был женат на **Соломонии Сабуровой**, но не имел детей. А время шло и вопрос престолонаследия становился всё острее и острее. В 1525 году Василий III, вопреки общественной морали и религиозному канону, но с согласия митрополита **Даниила** заключил Соломонию в монастырь, а сам женился на княжне Елене, дочери Василия Глинского. Соломония Сабурова не считала себя виновной в отсутствии детей. Желая насолить Василию III, она в монастыре родила сына, которого ей удалось отправить в дальнее село и передать кормящей сельской женщине. В среде селян и вырос этот мальчик, помнивший по материнской заповеди о своём высоком происхождении. Повзрослев, ушёл в разбойники и объявился уже под именем **Кудеяра**, чем немало навредил Ивану IV.

Общественность того времени была немало удивлена, что великий князь женился на представительнице рода чужеземных изменников. Выше уже говорилось, что в Москве к Глинским относились отрицательно. Женившись на **Елене Глинской**, Василий III сбрил бороду. Естественно, эти новшества не добавляли ему авторитета в московском обществе, среди которого у него не было искренних друзей, но было крайне много недоброжелателей. Своевольство и корыстолюбие воевод было следствием негативного отношения Василия III к заслу-

женным военачальникам. Оказавшись во внутренней изоляции Василий III, через год после женитьбы выпустил из темницы М.Глинского.

В 1526 году при посредничестве имперских представителей **Леонарда** и **Герберштейна** начались новые переговоры с Литвой. Сигизмунд хотел заключить перемирие на двадцать лет. Однако согласились продлить перемирие только до 1533 года. Всё остальное оставалось без изменений, как и мелкое недоброжелательство обеих сторон, которое иногда приводило к серьёзным осложнениям. Так случилось, когда в 1528 году Василий III принял к себе князя **Ф.Мстиславского**, выдав за него дочь своей сестры **Анастасию**.

Военная слабость Москвы вообще толкала Василия III к решению международных вопросов мирным путём. Тем более, что со стороны некоторых стран были такие же стремления. Только что освободившаяся от господства датчан Швеция желала длительного мира. С ней Москва подписала мирный договор на 60 лет и согласилась заточить в темнице датского адмирала Норди, который очень сильно досаждал Швеции. **Так от непонимания геополитических вопросов вскармливались будущие враги нашего Отечества.**

Таким образом, в эти годы только тюрки-крымчаки тревожили Москву своими набегами, несмотря на то, что великий князь стремился быть в мире с крымским ханом. Однако тот, ведя переговоры, устраивал поход за походом. Когда в 1529 году очередное крымское посольство прибыло в Москву, орда во главе с племянником хана **Ислам**ом вторглась в рязанские земли. Ислам хотел прорваться к Коломне и Москве. Но его встретили воеводы князья Одоевский и Мстиславский с московской ратью. Орду разбили. В ходе преследования захватили в плен любимца Ислама мурзу **Янглыча**. Василий III, узнав о нападении крымцев, приказал утопить крымских послов. Это показывает, что Василий III во многих случаях поступал неадекватно обстоятельствам, но как истинный самодержец.

К 1530 году вновь обострилась ситуация в Казани. В течение предыдущих четырёх лет хан Казани Сафа-Гирей соблюдал клятвенную грамоту, которую подписал с московским послом Андреем Пильемовым. Такую же грамоту отослал к Сафа-Гирею Василий III с послом князем Палецким. Палецкий по прибытии в Нижний Новгород узнал, что Сафа-Гирей решил нарушить клятвенную грамоту и требовать от Москвы заключения мира на новых условиях. По прибытии в Казань ему это было объявлено. Князь Палецкий стал требовать выполнения клятвенной грамоты. Сафа-Гирей обругал посла великого князя и выпроводил его из Казани. Палецкий был вынужден возвратиться в Москву. Василию III ничего не оставалось делать, как прибегнуть к силе.

Весной 1530 года многочисленная московская рать на судах и пешим порядком выступила из Нижнего Новгорода к Казани. Возглавляли рать князья И.Бельский, М.Глинский, Горбатый, Кубенский,

Оболенский и другие. Сафа-Гирей деятельно готовился к обороне, договорился о союзе с черемисами и ногаями, которые прислали 30 тыс. всадников. Предместья Казани были укреплены острогом с глубоким рвом от Булака до Казанки. Новую стену с двух сторон примкнули к городской стене и осыпали её землёй и камнями.

В ходе выдвижения к Казани московская рать несколько раз была вынуждена отражать нападения неприятеля, прежде чем соединилась с основными силами. Начались ежедневные кровопролитные столкновения. Казанцы проявляли удивительную инициативу и храбрость днём. Ночью они отдыхали и даже проявляли явную беспечность. В одну из таких ночей молодые ратники полка князя Оболенского подползли к стене, натёрли её смолой и серой, подожгли и поспешили известить об этом воевод. Когда запылал острог, московские ратники при звуке воинских труб с криками устремились на приступ.

Сквозь дым и пламя ворвались в укрепление. Началась резня. Взяли предместье, опустошая всё огнём и мечом. В ходе резни и пожара было погублено более 60 тысяч казанских граждан и воинов. В их числе оказались и славный казанский богатырь Аталык, ужасный видом и страшный силой руки, от которой погибли многие московские ратники. Сафа-Гирей бежал в городок Арский. За ним погнался князь **И.Телепнёв-Оболенский** с небольшим отрядом. Остальные воеводы, полагая, что дело закончено, остались на месте и даже не организовали охраны стана.

Этим воспользовались черемисы, которые внезапно напали, захватили обоз, семьдесят пушек, запас ядер и пороха, убили князя Ф.Оболенского-Лопату, Дорогобужского и многих ратников. Но, несмотря на это, московская рать подступила к городу и вполне могла овладеть крепостью, в которой осталось чуть больше 10 тысяч воинов. Но И.Бельский, прежде уже подозреваемый в корыстолюбии и тайном лихоимстве, согласился на мир. Он принял от казанцев серебро с клятвою, что они немедленно отправят послов к Василию III и не будут избирать себе ханов без его воли.

Затем И.Бельский приказал московской рати отступить, при этом хвалился великодушием победителя. Потом он спешно уехал в Москву, ожидая милостей от великого князя, своего дяди по матери. Недовольных его действиями в войске было много. Недовольным оказался и великий князь. Василий III чуть не предал племянника смерти. Но затем смягчившись под влиянием ходатайства митрополита, заковал Бельского в цепи и посадил в темницу, из которой выпустил его только через год. На судьбу Бельского на этот раз повлияло прибытие казанских послов **Тагая, Тевекела** и **Ибрагима**, которые просили великого князя московского, чтобы он простил казанцев и их хана.

Они уверяли, что кровавая резня сняла завесу с их глаз, и они поняли, что необходимо повиноваться Москве. Великий князь тоже склонялся к миру, так как собирать новое большое войско ему пока-

залось накладно. Но он хотел, чтобы сам хан Сафа-Гирей подписал клятвенную грамоту, для чего отправил в Казань своего посла. Казанские послы остались в Москве. Однако Сафа-Гирей выдвинул условия, явно неприемлемые для Москвы. Все эти требования были объявлены казанским послам, которые возмутились поведением Сафа-Гирея и обещали его сместить.

Казанские послы сдержали своё слово. Они уехали в Нижний Новгород с царевичем Шах-Гали и там написали обращение к народу казанскому, в котором обвиняли Сафа-Гирея в нежелании держать слово, в бесчеловечном отношении к людям, которые потеряли близких в этой войне, в их желании жить мирно, в гибельном для них упрямстве хана. Народ казанский возмутился, и Сафа-Гирей был смещён. Его жену отправили в Ногайскую орду, при этом побили многих ногаев и некоторых крымских вельмож – любимцев хана. В действиях казанских послов большую роль сыграла казанская царевна **Горшадна**, сестра Мухаммед-Эмина.

После изгнания Сафа-Гирея казанцы обратились к Василию III, чтобы он вместо Шах-Гали, которого боялись, утвердил казанским ханом его брата пятнадцатилетнего **Джан-Али**. Василий III утвердил Джан-Али на казанском престоле. Однако он управлял номинально. Главную роль играло правительство, во главе с регентшей Горшадной. И всё же это правительство не имело серьёзной опоры в казанском обществе. Несмотря на то, что Василий III разрешил Джан-Али жениться на дочери ногайского мурзы **Юсуфа**, дружбы не наступило. Вражда усугублялась. Её разжиганию теперь способствовал и Шах-Гали, который сносился с Астраханью и Ногайской ордой. Эти связи вскоре были раскрыты, и Шах-Гали, как преступника, вместе с женой, отправили в Белоозеро. Мир с Казанью продержался до 1533 года.

Но не только Казань занимала в это время Василия III. Династические проблемы всё обострялись. Более трёх лет Елена не могла родить ребёнка. Если учесть, что у Соломонии родился сын, то станет ясно, что дело было не в ней, а в недееспособности Василия III. Елена ездила в Переяславль, Ростов, Ярославль, Вологду, на Белоозеро, ходила пешком в святые обители и пустыни, раздавала богатую милостыню, постоянно молилась о рождении наследника. Естественно, за годы собственных душевных истязаний Елена поняла, что Василий III не способен сотворить ребёнка.

Это поняли и церковные иерархи, сторонники византийской ортодоксии. Для них перерыв престолонаследия мог иметь серьёзные и отрицательные последствия. Поэтому они вмешались в династический процесс и в один из очередных походов Елены по святым обителям и пустыням в 1529 году нашли ей пару для воспроизводства потомства. Кто был этот человек – неизвестно. Однако некоторые представления о нём можно извлечь из предсказаний юродивого **Домитиана**, который объявил Елене, что она станет матерью: ***«Тита, широ-***

кого ума». Скорее всего, это был неуравновешенный, буйный человек, который в спокойном состоянии проявлял недюжинные умственные способности, что в принципе воплотилось в Иване IV.

Василий III по своему складу характера вообще не мог породить такого сына. Иван IV родился 25 августа 1530 года. Радуясь рождению ребёнка, Василий III щедро раздаривал золото из казны священникам. Выпустил из темниц заточённых. Снял опалу с многих князей: **Ф.Мстиславского**, **Щенятева**, **Горбатого**, **Плещеева**, **Морозова**, **Лятицкого**, **Шигоны** и других, подозреваемых в недоброжелательстве к Елене. В знак признательности митрополитам **Петру** и **Алексию** великий князь заказал для их мощей богатые раки. Первому – золотую, второму – серебряную. Естественно, пастыри «отблагодарили» Василия III новым сыном. Через год и несколько месяцев Елена родила второго сына **Георгия** (Юрия).

Правление Василия III закончилось. Без всякого сомнения, при нём был осуществлён перелом в развитии нашей страны. Благодаря Василию III в Москве утвердилось самодержавие, опиравшееся на византийскую ортодоксию, то есть **был сделан наихудший выбор в организации управления государством**. Авторы всех отечественных учебников заявляют, что Василий III продолжил дело своего отца и правил самодержавно. Это показывает, что все нынешние отечественные авторы неглубоко проанализировали события того времени и поверили тому, что было заявлено ещё Карамзиным, который даже наделил Василия III *«проницанием необыкновенным»*.

Если же пристальнее всмотреться в дела Василия III, то он далеко не во всём следовал по стопам Ивана III. Если говорить о самодержавном правлении, то действительно он следовал правилам, установившимся в последние годы жизни Ивана III. Недаром один из его придворных в частных беседах говорил, что великий князь не любит тех, кто ему противоречит, а все дела решает, *«запершись сам – третий у постели»*. Австрийский барон Герберштейн, посетивший в те времена Московию, был поражён *«рабством»*, которым Василий III *«одинаково гнетёт»* и знатных лиц страны, и рядовых дворян. Это также указывает на то, что в организации управления страной произошли резкие перемены.

В отличие от лучших времён Ивана III, перестал действовать Великокняжеский Совет, определявший идейно-концептуальную стратегию развития государства. По существу, он был превращён в Думу, наделённую исполнительскими функциями. **Именно с этого времени появляется в нашей стране *чиновник*, действующий только по распоряжению сверху, безропотно выполняющий волю верховного правителя и безотчётный перед народом.** Следующим важным моментом отступления от установок отца явилась практическая ликвидация постоянного великокняжеского войска. Ссора со стрельцами в 1505 году так и не была урегулирована.

Ушедшие в Дикое поле стрелецкие дружины быстро там освоились и теперь манили к себе остальных. Вскоре большинство стрельцов ушло казаковать на Дон и Днепр. Это подорвало основу постоянного великокняжеского войска, и оно перестало существовать. Великому князю теперь пришлось опираться лишь на мобилизуемое боярское ополчение, боеспособность которого, конечно же, была низкой, поэтому побед ждать не приходилось. Вот почему при Василии III мы не знаем ни одной выигранной войны. Взятие Смоленска является следствием крайней слабости Литвы и не более того.

Было допущено серьёзное отступление и в геополитике. Иван III начинал своё царствование с победы на востоке, со взятия Казани и посажения на казанский престол своего ставленника. Только после этого он обратился против Новгорода, а затем и Литвы. Василий III после двух поражений под Казанью сделал для себя вывод, что Казань для него слишком прочный орешек, чтобы можно было добиться победы. А поэтому он поворачивает против Литвы, чем увеличивает число сильных врагов. Это показывает, что не обладал Василий III «проницанием необыкновенным». Это был серый и недалёкий человек, оказавшийся неспособным понять изменившуюся ситуацию в связи с разгромом Большой тюркской орды и усилением враждебности Казани.

В этих условиях Литва могла стать и должна была стать союзницей Москвы. Во-первых, это нужно было для того, чтобы продолжить и победоносно завершить войну с Казанью. Во-вторых, после разгрома Большой тюркской орды территория от Волги до Днепра южнее Оки выпала из государственного управления. На неё реально могли претендовать только Московское великое княжество и Крымское тюркское ханство. В следствие этого Василию III необходимо было в скорейшем порядке закрепить территорию до Верхнего Дона за Москвою и построить по Верхнему Дону новую засечную линию, используя при этом сохранившиеся пока хорошие отношения с Менгли-Гиреем.

Некоторые историки полагают, что переориентация усилий на юг могла столкнуть слабую Москву с Османской империей. Союз с Литвой, разгром Казани и выдвижение границы на Верхний Дон, а также активизация казачества против крымчаков и турок дали бы намного лучшие результаты, нежели та политика Василия III, которая привела к изоляции Москвы и позволила Османской империи претендовать на главенство над Крымским, Астраханским, Казанским ханствами и Диким полем. Всё это будет осознано, хотя и не до конца, во времена Ивана Грозного. Вишой же всему этому явилось установление самодержавия, опиравшегося на византийскую христианскую ортодоксию, создававшего Третий Рим, **страшно далёкого от национально-государственных интересов Русского Народа**.

Рассения, Джунгария и Кайсакская орда

Московская Русь, поднявшаяся при Иване III, при его сыне Василии III переживала серьёзный кризис. Она смогла сохраниться лишь потому, что на востоке, в Рассении, в это время ситуация складывалась не лучшим образом. Сибирское татарское княжество и Ногайская орда, будучи уделами Рассении, прикрывали её с запада. Однако с юга она оказалась подверженной ударам со стороны *джунгар* и *кайсаков* (казахов). Предысторию появления кайсаков (казахов) мы уже рассмотрели выше, сейчас самое время вкратце осветить предысторию появления джунгар.

После погрома учинённого Тимуром в ***Монголистане*** в 1389 году, это государство, по существу, распалось. **Камар ад-дин**, возглавлявший его, пытался сопротивляться до конца, но, спасаясь от преследования, был вынужден пересечь границу Рассении. Здесь он был схвачен и казнён, так как Рассения благоволила Тимуру. Поэтому после 1392 года о нём никто ничего не слышал. В 1390 году один из корпусов Тимура вторгся в Восточный Тюркестан и пытался им овладеть, но встретил здесь организованное сопротивление.

Это сопротивление организовал **Хызр-Ходжа**, который ранее скрывался от Камар ад-дина в горах Памира, а затем в 1390 году объявился в ***Хотане*** и ***Лоб-Норе*** и вместе с *уйгурами* попытался создать самостоятельное ханство. Когда корпус Тимура вторгся в Восточный Тюркестан, Хызр-Ходжа со своим войском выступил ему навстречу. В состоявшемся сражении победы не добилась ни та, ни другая сторона. Тимур, узнав об этом, немедленно двинул в Восточный Тюркестан дополнительные силы. Войско Хызр-Ходжи было разбито и рассеяно, а сам он вынужден был бежать в пустыню Гоби.

После гибели Камар ад-дина и возвращения Тимура в Западный Тюркестан, Хызр-Ходжа вернулся в Монголистан и с помощью монгольского племени *дуклат* восстановил погибавшее ханство. Однако возобновить войну с Тимуром у Хызр-Ходжи не было никаких возможностей. Поэтому он счёл необходимым замириться с Тимуром и послал ему свою дочь в жёны, после чего спокойно правил Монголистаном до своей смерти в 1399 году.

Последующие сто лет были временем постепенного становления и консолидации нового народа и нового государства. Уйгуры и монголы смешивались и роднились. В конце XV века появился новый народ *ойраты*, который состоял из четырёх племён: *торгоутов, дербетов, хошоутов* и *чорос*. Торгоуты обитали к востоку от Тарбагатая, дербеты – по верхнему течению Иртыша, хошоуты – в районе современного г. Дихуа, а чорос – в верховьях реки Ии. Ойраты составляли основное население Западной Монголии. В Восточной Монголии основное население составляли монголы.

Так как монголы считали своим главным врагом Китай, а ойраты Рассению и тимуридов, между ними развернулась борьба за главенство. К началу XVI века ойраты победили в этой внутренней борьбе. Вновь Монголия была объединена, но уже на враждебных для Рассении позициях. А коль ойраты имели тесные отношения с уйгурами, обитавшими в Хотане и Лоб-Норе и тоже враждебно относившимися к Рассении, издревле мешавшей им контролировать шёлковый путь, они заключили между собой тесный союз. В результате, образовалось ойратско-уйгурское государство – ***Джунгария***.

Правители Джунгарии понимали, что воевать против Рассении и тимуридов временно было невозможно, поэтому они поначалу сосредоточили свои силы против Рассении. Был ещё один источник озлобления, действовавший против Рассении, который распространялся по тайным каналам. Он исходил от византийской христианской ортодоксии Москвы, которая после гибели Византии взвалила на себя её религиозную миссию и была крайне заинтересована не только в борьбе с ведическим мировоззрением в Московской Руси, но также **в уничтожении центра истинного православия, которым была Рассения,** и возрождении христианских диаспор ранее существовавших в Центральной Азии и Монголии.

Именно поэтому византийские христианские ортодоксы Москвы через Ногайскую и Кайсакскую орды организовали связь вначале с уйгурами, а затем и с джунгарами и стали подталкивать их к войне в Рассенией. Около 1500 года начались систематические походы джунгар на север в междуречье Иртыша и Оби. В это же время в Московской Руси византийские христианские ортодоксы развернули гонения против нестяжателей, большинство из которых были людьми, разделявшими славянское ведическое мировоззрение. Походы джунгар на север сопровождались выжиганием лесов, так как джунгары понимали, что славяне-татары, привыкшие к оседлой жизни, не смогут быстро приспособиться к степным условиям.

За эти тридцать с лишним лет войны джунгары не раз терпели поражения. Но систематическое выжигание лесов способствовало их продвижению. В результате, за эти годы были выжжены огромные пространства, почти до реки Оми. Кроме этого, в 1523-33 годах у них появился союзник. Этим союзником стала укрепившаяся Кайсакская (казахская) орда. В предыдущее время эта орда переживала период внутренних раздоров и неурядиц, борьбы между различными претендентами на ханский стол. К 1480 году киргиз-кайсакская орда консолидировалась, и её возглавил **Гирей-хан**. После его смерти орду возглавил его сын **Бурундук**. Второй претендент на ханский стол **Шейбани** отвоевал для себя южные области и, благодаря поддержке Ногайской орды, захватил весь ***Мавераннахр***.

После смерти хана **Джанибека** его сын **Касим-Султан** быстро выдвинулся и вскоре стал вторым лицом в Кайсакской орде после Бурундук-хана. Поначалу они дружно управляли ордой, так как

Касим-султан не претендовал на лидерство. Однако в последнее десятилетие правления хана Бурундука вся полнота власти постепенно перешла в руки Касима. Этому способствовали походы Шейбани-хана против Кайсакской (казахской) орды, пытавшегося восстановить державу своего деда **Абулхаира**. Походы из Мавераннахра на восток и северо-восток шли один за другим в 1503-04 гг., 1505-06 гг., 1509 г. Война велась ожесточённо. Однако разбить кайсаков Шейбани-хану не удалось. В этой войне Касим-султан проявил себя как дальновидный государственный деятель и талантливый полководец.

Хан Бурундук, видя растущий авторитет Касим-султана и, не имея возможности для соперничества, уехал в Самарканд, где и скончался. Так Касим-султан стал полновластным ханом Кайсакской (казахской) орды. В конце 1510 года Шейбани-хан в сражении с шахом Ирана **Исмаилом I** потерпел поражение и был убит. После его гибели наследники на некоторое время прекратили борьбу за ханский стол Кайсакской (казахской) орды, так как началась война с тимуридом **Бабуром**.

Авторитет и влияние Касим-султана после отражения походов Шейбани-хана резко возросли. Многие теперь старались обрести его покровительство. Эти процессы шли на юге и в Ногайской орде, которая разрывалась между юго-восточным и западным направлениями. На сторону Касим-султана перешли некоторые узбекские города, в частности, Сайрам, а также часть племён Ногайской орды. Таким образом, защитный барьер, с юго-запада противостоящий походам против Рассении, был разрушен. Появились благоприятные возможности для их осуществления.

Однако в 1518 году Касим-хан умер. После его смерти последовала междоусобица, в которой погиб наследник ханского стола Мамаш. Власть в Кайсакской (казахской) орде захватил племянник **Тагир**, который правил более десяти лет с 1523 по 1533 год. Именно при нём было осуществлено несколько походов на Рассению вдоль западного берега Иртыша. Нашествие, как и у джунгар, сопровождалось выжиганием лесов, что заставляло славян-татар Рассении отходить на север. И хотя кайсаки потерпели немало поражений, выжигание лесов помогло им закрепить территорию на севере. Эта совместная война джунгар и кайсаков (казахов) против славян-татар Рассении привела к тому, что в 1535 году джунгары взяли и разрушили столицу Рассении ***Асгард***, который до этого времени находился на месте нынешнего Омска. Славяне-татары были вынуждены уйти за реки Омь и Обь.

Недальновидная политика Тагир-хана привела к тому, что кайсаки, обременённые тяжёлой войной, стали от него уходить. Орда ослабла. Тагир-хан пытался силой заставить кайсаков воевать, однако процесс их ухода от этого только усилился. Осознавшего, что цель его жизни – победа над Рассенией – рушится на глазах, Тагир-хана хватил удар, и он умер. Но это было не самое страшное для Кайсакской орды. Самое страшное было впереди. Тагир-хан помог Джунга-

рии победить Рассению и тем самым способствовал созданию для Кайсакской (казахской) орды серьёзного противника в будущем. И этот противник не замедлил проявить себя уже в скором времени.

После смерти Тагир-хана на его место вступил брат **Буйдаш**, который правил недолго. Он погиб в войне с шейбанидами, которые вновь начали претендовать на ханский стол Кайсакской (казахской) орды. После гибели Буйдаша ханом стал сын Касим-султана **Хакк-Назар**, который правил долго: с 1538 по 1580 годы. Ему удалось объединить и сплотить кайсаков (казахов). Именно при нём начались первые столкновения с джунгарами, которые, оттеснив славян-татар за реки Омь и Обь, развязали себе руки и теперь могли выделить силы для покорения кайсаков. Однако Хакк-Назару удалось отразить эти первые походы джунгар и отстоять семиреченские и прииссыккульские земли. Но это стало возможным благодаря тому, что в эти годы Китай усилил своё давление на Джунгарию.

В то время как Хакк-Назар-хан был занят на востоке, шейбаниды Мавераннахра, желая расширить своё влияние на севере и создать условия для последующей борьбы против Кайсакской (казахской) орды, в 1563 году совершили успешный поход против Сибирского татарского княжества и захватили там власть. На княжеский стол был посажен **Кучум**, который объявил себя ханом и стал править, насаждая ислам и расправляясь с непокорными.

Отразив походы джунгар, Хакк-Назар-хан обратил внимание на запад в сторону Ногайской орды. Пользуясь тем, что основные её силы были втянуты в войны с Московской Русью, Крымским и Астраханским ханствами, подчинил все её племена, вплоть до реки ***Яик*** (Урал). После этого годы существования Ногайской орды были сочтены. Чтобы укрепить свои позиции и не допустить новых походов шейбанидов против Кайсакской (казахской) орды, Хакк-Назар-хан возобновил походы против Рассении, теперь уже больше для расширения степного пространства.

Таким образом, и Кайсакская (казахская) орда, и шейбанид Кучум выступили противниками до крайности ослабевшей Рассении. Казалось, для неё наступили безвыходные времена. Но так только казалось. Естественно, сложившийся союз с шейбанидом Кучумом Хакк-Назар-хан дополнил, заключив «клятвенный договор» с шейбанидским ханом Бухары Абдаллахом II. Теперь его позиции настолько упрочились, что шейбаниды отказались его тревожить.

Не удовольствовавшись успехами на юге, Хакк-Назар-хан решил утвердиться в присырдарьинских городах. Для этого он развернул давление на правителя Ташкента **Баба-султана**. Однако Баба-султан не поддался давлению. Более того, он убил двух сыновей Хакк-Назар-хана, отправленных к нему в качестве послов, а в 1580 году подослал убийц и к Хакк-Назар-хану. Так закончил жизнь человек, который возвёл Кайсакскую (казахскую) орду на вершину её могущества.

Правление Елены Глинской

Василий III умер 3 декабря 1533 года. Перед смертью он объявил своё решение о престолонаследии жене Елене Глинской: *«Иоанн будет государём; а тебе, следуя обыкновению наших отцов, я назначил в духовной своей грамоте особенное достояние»*. То есть Е.Глинская становилась регентшей и в период малолетства Ивана IV должна была править страной. Главным её советником Василий III назначил её престарелого отца М.Глинского. Все дела должны были решаться в Боярской Думе, в которую входили братья Василия III и двадцать бояр: *князья Бельские, Шуйские, Оболенские, Одоевские*, Горбатый, Пеньков, Кубенский, Барабшин, Микулинский, Ростовский, Бутурлин, Воронцов, Захарьин, Морозовы.

Некоторые из них были наместниками уделов, жили в других городах и в заседаниях Боярской Думы не участвовали. Руководили Думой князья М.Глинский и **И.Овчина-Телепнёв-Оболенский**. Последний был молод и связан с Е.Глинской интимными отношениями. Вскоре эта связь дала свои отрицательные плоды. Е.Глинская и её фаворит, опасаясь антигосударственных выступлений со стороны брата Василия III **Юрия**, некоторых князей и бояр, заточили его и князя А.Шуйского в темницу. Это заточение выявило опасность для его сторонников князей Бельских. Князь С.Бельский и окольничий И.Лятицкий, занимавшиеся подготовкой войск в Серпухове на случай войны с Литвой, не дожидаясь расправы, бежали в Литву.

В результате, пострадали князья И.Бельский, готовивший стан для войска в Коломне, и Воротынский с юными сыновьями. Их схватили, заковали в цепи и посадили в темницу. М.Глинский выступил против беззакония, самоуправства и разврата своей дочери и её фаворита, за что его возненавидели. И.Оболенский обвинил М.Глинского в замысле возглавить государство, Елена с ним согласилась. М.Глинского вместе с ближним боярином М.Воронцовым схватили и заточили в темницу, ту самую, где он сидел ранее. Там он и умер.

Затем настала очередь младшего брата Василия III **Андрея**, которого обманом забрали в Москву, якобы, для примирения, схватили и посадили в темницу. Его приближённых бояр и советников пытали, несмотря на княжеский сан. Некоторые умерли в муках, другие в темницах. Более тридцати боярских детей повесили как изменников вдоль дороги на Новгород. В темнице умертвили Андрея через шесть месяцев после заточения. Таким образом, за четыре первых года правления Е.Глинской было погублено множество людей, которые ранее входили в окружение Василия III. **Так самодержавие пожирало своих собственных создателей.**

Елена, будучи супругой Василия III, усвоила, что самодержавие – *единственная ценность*, ради которой возможна любая жестокость, которую она считала всего лишь проявлением твёрдости правления.

Вот почему по свидетельству Н.Карамзина: *«Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!»* Избиение ни в чём не повинных людей, бегство других в Литву ослабляло государство и вело к возникновению войн, несмотря на то, что Е.Глинская и её окружение стремились установить с сопредельными странами дружественные отношения.

Таковые связи были налажены со Швецией, Ливонией, Молдавией, Астраханью и Ногайской ордой. Особенно выгодными для Москвы были дружественные отношения с Валахией (Молдавией) и Ногайской ордой. Господарь валашский П.Стефанович ещё не подчинялся Турции и смело противостоял Литве. Хорошие отношения с Ногайской ордой Москва начала налаживать ещё при Василии III, после того как ногаи помогли Казани отразить походы московских ратей. Для налаживания дружественных отношений с Ногайской ордой было несколько причин. Во-первых, ногаи не раз громили крымчаков и тем самым, время от времени, ослабляли их давление на южные рубежи Московии.

Во-вторых, через Ногайскую орду поддерживались связи с востоком, вплоть до Китая. Как сообщает Н.Карамзин, уже в то время в Москве знали название всех главных рек Сибири и некоторых городов. В частности, он пишет о *г.* ***Грустина*** и ***Китайском озере***. Город назван неверно. У восточных славян в начале названия города ставилось название рода его построившего, и затем добавлялось слово гард или град. То есть Грустина на самом деле назывался ***Стингард***. Чаще называли ***град Стина***. Иноземцы, коверкавшие названия славянских городов, называли ***Грустина***. Этот город находился на месте нынешнего ***Томска***. Что касается Китайского озера, то это не Аральское море, не о.Зайсан, не о.Иссык-Куль и не о.Балхаш. Это озеро ***Лоб-Нор***. До образования монгольской державы это озеро принадлежало Китаю, по имени которого его и называли долгое время. Отсюда же, от уйгуров, и привозили жемчуг, который те, в свою очередь, доставляли из Индии и Цейлона, населённого чёрными людьми. Кстати, Аральское море у славян называлось ***Синим морем***.

В-третьих, московская византийская христианская ортодоксия, взвалившая на Москву преемственность Византии, была крайне заинтересована в возрождении христианства в Азии, которое там ранее существовало, а также в уничтожении **центра истинного православия,** которым была Рассения. Для этого и посылались тайные посольства к уйгурам, чтобы подтолкнуть их к походам на Рассению и тем самым лишить нестяжателей поддержки.

Ногайская орда в то время была на вершине своего могущества. Она делилась на три удела, принадлежавшие трём князьям-братьям: **Шидаку, Кошуму** и **Шиг-Мамаю**. Первый жил в *г.* ***Сарайчике*** на Яике. Второй повелевал территорией между Кумой, Яиком и Вол-

гой. Третий господствовал над частью Сибири. Правители Ногайской орды Шийдяк, Кощум и Мамай также были заинтересованы в союзе в Москвой, рассчитывая, что она осадит донских казаков, которые серьёзно досаждали ногаям, тысячами угоняли у них лошадей и брали людей в полон. То есть донские казаки в то время совершенно не думали об интересах Москвы, более того, они часто были с нею и её союзниками в конфронтации. И Москва, и Ногайская орда были заинтересованы в развитии торговли. Только в 1534 году с ногайскими послами прибыло 5 тысяч купцов, 50 тысяч лошадей и множество другого скота. Такая торговля обогащала обе стороны.

То есть внешняя политика Москвы в то время была крайне своекорыстной и недальновидной, не выходила за рамки внешней политики Василия III. Более того, она консервировала внутреннюю нестабильность в государстве и враждебное отношение к казакам, которые в начале XVI века создали по Дону и Днепру своеобразное воинское образование – ***Казакию***. Это воинское образование не имело централизованного управления, но тем не менее оно было способно выставить достаточное число профессиональных воинов, которые могли серьёзно угрожать сопредельным централизованным царствам и ханствам. В то время донские и днепровские казаки успешно нападали не только на ногаев, но также на казанцев, астраханцев, крымчаков и даже на черноморское побережье Турции и окраины московского государства.

И всё-таки ни ногаи, ни казаки, ни астраханцы серьёзной угрозы для Москвы не представляли. Серьёзно угрожать Москве могли Литва, Крым и Казань. Именно они были главными противниками, как и при Василии III. Москва предложила крымскому хану Сагиб-Гирею – союз, литовскому королю Сигизмунду – мир, а казанскому хану **Еналею** – покровительство. Казань согласилась с предложением. Король литовский требовал всех городов, отнятых у него Василием III. Не надеясь на согласие Москвы, он собирал войско и склонял крымского хана к союзу. Крымский хан не замедлил оказать помощь, и орда крымских тюрок вторглась в рязанские земли, естественно, не без помощи казаков.

На берегах Прони князья **Пунков** и **Гатев** разбили орду, за что им было объявлено великокняжеское благоволение. Война с Литвой становилась неминуемой. Стали собирать рати. Однако Сигизмунд упредил начало войны, рассчитывая отвоевать все территории, которые отошли к Москве при Иване III и Василии III. Первым выступил киевский наместник Сигизмунда **А.Немиров**. Он вступил с войском в северские земли и осадил ***Стародуб***. Но осаждённые, во главе с воеводой **А.Левиным**, осуществили смелую вылазку. В среде литовцев возникла паника и они ушли в беспорядке, бросив часть пушек. 40 литовских пушкарей с их начальником Суходольским были взяты в плен.

Чтобы как-то сгладить неудачу, литовцы напали на плохо укреплённый ***Радогощ*** и сожгли его. В огне сгорел мужественно сопротивлявшийся воевода **М.Лыков**. Затем литовцы обступили Чернигов и несколько часов стреляли из орудий. Воевода Чернигова **Ф.Мезецкий** умело организовал стрельбу из пищалей и пушек и не дал неприятелю приблизиться к стенам. Ночью же организовал против литовцев вылазку и опрокинул их. Литовцы бежали, оставив свою добычу, обоз и пушки. Киевский наместник А.Немиров был вынужден ни с чем вернуться в Киев. В это же время другой военачальник Сигизмунда **А.Вишневецкий** подошёл к Смоленску. Но и здесь литовцев ждала неудача. Наместник Смоленска князь **Н.Оболенский** не дал ему даже сжечь посады, вывел своё войско из города, отразил нападение и гнал литовцев несколько вёрст.

Узнав о неприятельских действиях, московское правительство поздней осенью 1534 года двинуло свои рати в Литву. Главными воеводами были князья М.Горбатый и Н.Оболенский. Московские рати, не встречая сопротивления, продвинулись почти до Вильны. В начале марта 1535 года они с большой добычей и пленными через Псковскую область возвратились в пределы Московии. Другая рать, во главе с князем Ф.Телепнёвым, двинулась к ***Мозырю***, ***Турову*** и ***Могилёву***. Здесь тоже сопротивления не было. Захватив большую добычу, эта рать возвратилась назад.

Столь лёгкая и победная для Москвы война стала возможной только по причине крайней слабости Литвы и неосмотрительности, проявленной Сигизмундом, поддавшимся на росказни Бельского и Лятицкого о её слабости. Но эта крайняя слабость Литвы уравновешивалась количеством врагов, которых у Москвы становилось всё больше и больше. В это время в Крыму произошла смена власти. Царевич **Ислам** сместил Сагиб-Гирея и просил дружбы Москвы, сообщая, что вельможа прежнего хана **Булгак** перешёл ***Перекоп***, но не посмеет тревожить московские земли.

Однако Булгак объединился с атаманом днепровских казаков **Дашковичем** и вторгся в северские земли, причинив немало вреда её жителям. Через некоторое время в Москве объявились люди изменников Бельского и Лятицкого, которые убеждали, что литовское войско идёт к Смоленску. В Москве решили отразить врага и двинули к Смоленску рать, во главе с князем В.Шуйским и фаворитом Елены И.Оболенским. Рать нигде не встретила сопротивления, выжгла предместье ***Мстиславля***, взяла острог и пошла дальше к Себежу.

Из Новгорода выступили к Себежу **Б.Горбатый** и **М.Воронцов**. Но они с главными силами остановились в Опочке, отрядив к Себежу воеводу **Бутурлина**, который там заложил ***Ивангород***, укрепил его, наполнил всякими припасами. Стоял там около месяца, никто ему не противился. О походе неприятеля слухов не было. В то время Сигизмунд решил нанести удар в другом месте. Он направил почти всё своё

войско, около 40 тысяч человек, во главе с коронными гетманами **Ю.Радзивиллом**, А.Немировым, гетманом **Я.Тарновским**, князьями И.Острожским и С.Бельским к Стародубу. Из Москвы немедленно отправили рать для отражения противника.

Однако тут узнали, что к Оке движутся орды крымцев и по пути жгут рязанские сёла. Москва немедленно возвратила рать, шедшую на Стародуб и повернула её против крымчаков. Князья Д.Бельский и Мстиславский отразили налёт крымчаков и прогнали их в степи. В это время литовцы, пользуясь содействием крымцев, подступили к Гомелю. Князь Оболенский-Щепин струсил, покинул город и двинулся к Москве, где его схватили и посадили в темницу. Заняв ***Гомель***, литовское войско подошло к Стародубу.

Но здесь они встретили ожесточённое сопротивление, которое организовал воевода князь Ф.Телепнёв. Литовцам удалось сделать подкоп и взорвать часть стены, после чего они ворвались в город. Началась резня. В ходе её князь Ф.Телепнёв с князем **Ситцким** попали в плен. Князь **П.Ромодановский** пал в ходе сражения, а **Н.Колычев** умер от ран через два дня. 13 тысяч горожан и ратников погибло в ходе резни и пожара. О взятии Стародуба скоро стало известно во всей Северской земле. В плохо укреплённом ***Почёпе*** руководил воевода **Ф.Сукин**. Он приказал жителям сжечь город, а самим уйти. Литовцы, обнаружив кучи пепла, возвратились ни с чем.

Шуйский тем временем предал огню все селения вокруг ***Княжичей***, ***Шклова***, ***Копаса***, ***Орши***, ***Дубровны*** и отошёл к Смоленску. Тем не менее, число врагов Москвы продолжало увеличиваться. На этот раз восстала ***Казань***. Её жители, подбиваемые Сагиб-Гиреем, надеялись, что Москва не в состоянии справиться с ними. Под руководством царевны Горшадны и князя **Булата** казанцы свергли и убили **Еналея**, снова призвали к себе **Сафа-Гирея** из Крыма, женили его на супруге Еналея – дочери ногайского бека **Юсуфа**.

Началась война с Казанью. Против Казани была направлена из Мещеры рать во главе с князьями **Гундоровым** и **Замыцким**. Встретив казанцев вблизи Волги, они повернули назад, даже не известив Москву об этом. Тем временем казанцы вторглись в Нижегородскую область и разоряли её. Ополчение из ***Балахны*** выступило против казанцев, но было разбито. Пришёл черёд выступить воеводам Нижнего Новгорода. Сошлись под ***Лысковым***. Но ни те, ни другие не хотели сражаться. Наступила ночь, казанцы и московитяне бежали в разные стороны. Нужно было принимать меры, чтобы преодолеть трусость военачальников и ратников.

Князей Гундорова и Замыцкого посадили в темницу. Вместо них назначили Сабурова и Карпова, которые одержали победу над казанцами и черемисами в Корякове. Пленников отослали в Москву, где их казнили. Этот успех дополнился успехом в Литве. ***Собежская крепость*** не давала покоя Сигизмунду. Он решил её взять и напра-

вил туда А.Немирова с 20 тыс. войска. 27 февраля 1536 года его войско обступило городок, и пушкари начали стрельбу. Но стреляли плохо. Ни одно ядро не попало в крепость, зато изрядно побили своих литовцев. Московские пушкари стреляли намного лучше, а затем осаждённые сделали вылазку.

Литовцы начали пятиться и вступили на лёд Себежского озера. Под тяжестью людей лёд стал проламываться. Воеводы себежские князья Засекины и Тушин усилили натиск. Литовцы были смяты и тонули во множестве. Были взяты их знамёна, пушки и обоз. Спаслись немногие. А.Немиров едва не попал в плен, его спас быстрый конь. Эта победа позволила возвратить северские земли, восстановить Почёп, Стародуб и другие города. В апреле 1536 года крымчаки, не без содействия казаков, подступили к ***Белёву***, но были разбиты его гарнизоном.

После поражения под Себежем, Сигизмунд решил замириться. В начале 1537 года в Москву приехало его посольство, возглавляемое **Я.Глебовичем**. По обыкновению, обе стороны требовали невозможного. Литва – Смоленска и Новгорода, Москва – Киева и всей Беларуси. Не только спорили, но и бранились. Однако в конце споров заключили перемирие на пять лет. К Москве отошли крепости Себеж и Заволочье, а к Литве – Гомель.

Пока воевали с Литвой, вновь обострились отношения на востоке. Казанцы собрали новые силы и вновь стали нападать на московские земли, вторглись в ***Мещёру***. Но здесь они были разбиты и рассеяны казаками. В то же время имели успехи. Между Галичем и Костромою напали на рать князей Сабуровых и Залеского-Пёстрого и разбили её. В сражении погиб князь Залесский-Пёстрый. Ободрённые успехом, казанцы, уже во главе с ханом Сафа-Гиреем, подступили к Мурому, сожгли посад, но город не взяли и отступили, узнав о подходе новых воинских сил из Москвы. В Москве уже было приняли решение об организации большого похода на Казань, однако события в Крыму заставили отложить этот поход. В Крыму вновь сменилась власть. Сагиб-Гирей сместил Ислама и усилил поддержку Казани, грозя опустошительным походом на Москву. А здесь ещё хорошо помнили события 1521 года, поэтому сочли обострение отношений с Крымом неуместным.

Перепитии этого периода показывают, что Москва имела значительный перевес в численности воинских сил. По свидетельству Н.Карамзина, она имела *«триста тысяч боярских детей и шестьдесят тысяч сельских ратников»*, а поэтому при максимальном напряжении могла выставить от 200 до 250 тысяч ратников. Литва с большим трудом могла выставить около 100 тысяч человек. Крымский хан без посторонней помощи мог двинуть в поход около 50 тысяч всадников, Казань примерно столько же. То есть перевес в силах у Москвы был подавляющий над каждым из трёх тогдашних противни-

ков. Можно было вполне успешно вести боевые действия даже на трёх направлениях. Нужно было только правильно распорядиться этими силами.

Но вот этого умения как раз и не хватало. Н.Карамзин по этому поводу пишет: *«В битвах мы надеялись более на силу, нежели на искусство; обыкновенно старались зайти в тыл неприятелю, окружить его, вообще действовать издали, не врукопашь; а когда нападали, то с ужасным стремлением, но непродолжительным... Щадя людей и худо употребляя снаряд огнестрельный, мы редко брали города приступом, надеясь изнурить жителей долговременною осадою и голодом... На великокняжеских знамёнах изображался Иисус Навин, останавливающий солнце».* **С таким умением и такой духовной поддержкой, в лице иудейского пророка Иисуса Навина, трудно было добиться существенных результатов.** Более того, благодаря мужеству и мастерству отдельных военачальников, Москва иногда побеждала своих противников, но не умела реализовать эти победы в виде территориальных приобретений.

Слишком никчёмными были московские стратеги. Единственное, на что они были способны, так это более или менее удачно отбивать неприятельские походы и наскоки. Внутренняя напряжённость, вызванная беззаконием, несправедливостью и жестокостями власти, порождала озлобление, которое вот-вот должно было прорваться. И оно прорвалось. 3 апреля 1538 года Е.Глинская, ещё цветущая здоровьем, будучи довольно молодой, внезапно умерла. Австрийский барон Герберштейн считал, что её отравили. Так совершилась справедливая месть за многих безвинно казнённых князей, бояр и простых людей, волею судеб оказавшихся на пути Е.Глинской и её фаворита Ивана Овчины-Телепнёва-Оболенского.

Боярская усобица

После смерти Е.Глинской несколько дней в среде бояр и князей проходили тайные совещания, строились различные планы, создавались группировки в дальнейшей борьбе за власть. Конечно же, никто не претендовал на великокняжеский престол, но многие хотели быть первыми у этого престола для своего только блага. Князь Телепнёв-Оболенский при содействии воспитательницы Ивана IV **Агриппины Челядниной** пытался сохранить своё влияние на малолетнего великого князя и надеялся на помощь своих друзей. Но как часто бывает в таких случаях, его бывшие друзья начали его покидать, и их число резко сократилось.

В то же время резко усилилась группировка князя В.Шуйского, который при Василии III занимал первое место в Боярской Думе, но был отстранён фаворитом Елены на второй план, с чем не мог смириться, озлобился и вынашивал планы смещения Телепнёва-Оболен-

ского. Ему удалось многих склонить на свою сторону. Как только он убедился, что большинство его поддержало, В.Шуйский объявил себя главой думского правления. На седьмой день после смерти Елены приказал схватить воспитательницу А.Челяднину и её брата И.Телепнёва-Оболенского, заковать в цепи и заточить в темницу. И это несмотря на слёзы и вопли державного наследника.

Телепнёва-Оболенского уморили голодом, как были умерщвлены М.Глинский и братья Василия III Юрий и Андрей. Его сестру, боярыню А.Челяднину, сослали в Каргополь и постригли в монахини. Теперь Боярская Дума находилась в полной власти В.Шуйского и его брата князя Ивана. Спорить с ними о старейшинстве в Думе мог только Д.Бельский – родственник великого князя. Желая иметь с Д.Бельским равные права, В.Шуйский женился на юной сродной сестре Ивана IV **Анастасии**, хотя самому уже было более пятидесяти лет. Из темниц были выпущены И.Бельский и А.Шуйский.

Однако вскоре И.Бельский, минуя В.Шуйского, стал хлопотать перед юным великим князем дать князю **Ю.Булгакову-Голицыну** боярство, а сыну знаменитого Х.Симского сан окольничего. Шуйские обозлились, затем разразился скандал. Шуйские обвинили И.Бельского в неблагодарности, в свою очередь, И.Бельский упрекал Шуйских в самовластии и тиранстве. Шуйские пересилили, И.Бельского вновь заточили в темницу, а его приближённых разослали по деревням, главному из них **Ф.Мишурину**, измученному войнами и пытками, отсекли голову на плахе перед городской тюрьмой. Но В.Шуйский недолго наслаждался властью. Вскоре он заболел и умер, вполне возможно, не без помощи своих противников.

Его место занял И.Шуйский, мало чем отличавшийся от своего брата. Первой его жертвой стал митрополит Даниил, который с И.Бельским пытался противостоять Шуйским. Даниила сослали в Иосифов монастырь, взяв обязательство не участвовать в делах государства. На его место поставили **Иоасафа Скрипицына**. Так закончился 1538 год. И.Шуйский узурпировал власть в Думе, но и с Иваном IV вёл себя бесцеремонно, подавая юному великому князю примеры презрения к людям. Родственники Шуйских тоже вели себя отвратительно, грабили народ без милосердия во всех областях, где находились на кормлении. Так прошёл весь 1539 год.

И.Шуйский считал нового митрополита своим другом, но грубо ошибся. Иоасаф, видя неспособность Шуйских управлять государством, осмелился ходатайствовать перед Иваном IV и в Думе за Бельского. Многие бояре пристали к нему. Одни просили о милосердии, другие о справедливости. Сговорившись, бояре от имени Ивана IV освободили И.Бельского из темницы. И.Шуйский не смог воспрепятствовать этому освобождению, удалился от Думы и затаился. Сторона Бельских, одержав верх, имела теперь в ней большинство. При Бельских не было гонений и жестоких опал, сменили только своеко-

рыстных наместников. Освобождён был двоюродный брат Ивана IV **Владимир Андреевич** с матерью, заточённые ещё Еленой. Внуку Василия Тёмного **Дмитрию** были даны послабления в темнице, с него сняли цепи и дали больше света и воздуха, на большее пойти не хватило духа. Вскоре после этого высокопоставленный узник умер.

Боярская усобица не могла не иметь отрицательных последствий во внешней политике. Крымский и казанский ханы вконец обнаглели. Крым грозился вторжением совместно с турецкими войсками, а казанцы беспрерывно нападали и грабили окрестности Нижнего, Балахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Владимира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы, Галича, Тотьмы, Устюга, Вологды, Вятки и Перми. Сын крымского хана Сагиб-Гирея **Эмин** с ордой тюрок-крымчаков, не встречая противодействия, грабил в Каширском уезде. Дума никак не реагировала на эти враждебные действия. **И, как водится в таких случаях, враг наглел день ото дня, пока не решился, наконец, на большой поход.**

Тайно готовясь к большому походу, крымский хан уговаривал казанского хана идти на Москву. В декабре 1540 года Сафа-Гирей, обойдя Нижний Новгород, подступил к Мурому, но взять его не смог. Воины и жители города встали на его защиту. Мужественно отбивали приступы и даже совершали успешные вылазки. В это время из ***Владимира*** с ратью двинулся князь Д.Бельский, а из ***Касимова*** – князь Шах-Гали. Им удалось разгромить и уничтожить немало казанских отрядов, грабивших окрестности Мурома. Сафа-Гирей, видя бесперспективность борьбы, поспешно отошёл к Казани, так что догнать его не было никакой возможности.

Этот неудачный поход умножил число недовольных Сафа-Гиреем в Казани. Часть казанской знати, в число которой входил князь Булат, тайно писала в Москву, что готова убить или выдать Сафа-Гирея, который отнимает у них и народа собственность, а казну шлёт в Крым. Боярская Дума распорядилась, чтобы воинство из семнадцати городов собиралось во Владимире для похода на Казань. Возглавить его должен был отошедший от дел князь И.Шуйский. С князем Булатом вели переписку, но с походом не спешили, ждали перемен в Казани. Сдерживало этот поход и ещё одно обстоятельство: догадывались, что крымский хан может тоже начать поход. На этот случай стали собирать рати в Коломне.

Здесь впервые Иван IV осмотрел стан войска. Предположение бояр о походе крымского хана оправдались. Весной 1541 года Сагиб-Гирей двинулся в поход со всей ордой. Кроме этого, с ним были отряды из Ногайской орды, Астрахани и Османской империи. Благодаря этому Сагиб-Гирею удалось собрать около 100 тыс. человек. На этот раз казаки не участвовали в походе крымского хана (прежние обиды на Москву подзабылись), но и не препятствовали предпринятому походу. После обнаружения начала похода Сагиб-Гирея, рати были до-

полнительно двинуты к Серпухову, Калуге, Туле, Рязани. Князья И.Шуйский и Шах-Гали оставались со своим войском во Владимире стеречь казанского хана. Князь Д.Бельский, назначенный главным воеводой, прибыл в Коломну и вывел войско в поле.

В это время Сагиб-Гирей подступил к ***Зарайску***, но не смог его взять. Воины и жители, воодушевлённые воеводой **Назаром Глебовым**, отразили приступ. 30 июля войско Сагиб-Гирея подошло к Оке и стало на высотах, расставив пушки. Противоположный берег был занят передовой ратью князей **И.Турунтая-Пронского** и **В.Охлябина-Ярославского**. Полагая, что больше войска у них нет, Сагиб-Гирей приказал туркам начать обстрел, а остальным спустить плоты и переправляться. Стрельба турок из пушек возымела действие, московская рать пришла в замешательство, так как у неё не было огнестрельного наряда.

Но здесь подошла рать князей **Пункова-Микулинского** и **Серебряного-Оболенского**, замешательство прекратилось. Вскоре подошли рати князей **М.Кубенского**, **И.Шуйского-младшего** и самого Д.Бельского, которые поставили свои знамёна на высотах. Сагиб-Гирей, видя подход всё новых и новых московских сил, хотел уже было отойти, но военачальники удержали его от этого. Весь день с обеих сторон велась стрельба. Наступила ночь. Из Москвы подходили всё новые и новые рати. Слыша увеличивающийся шум московского воинства, Сагиб-Гирей не выдержал и начал отступать, да столь поспешно, что часть обоза уничтожил, другую часть и часть турецких пушек бросил. Они-то и достались московскому войску в качестве трофеев.

Д.Бельский отправил князей Микулинского и Серебряного преследовать крымчаков, а **И.Кашина** сообщить в Москву, что Сагиб-Гирей повернул обратно. Однако крымский хан двинулся к ***Пронску*** и 3 августа 1541г. подступил к городу. В Пронске начальствовал воевода **В.Жулебин**, который имел мало людей, но так организовал оборону, что отбил приступ. Сагиб-Гирей приказал готовить туры для нового приступа, но узнав, что к Пронску приближаются московские рати, сжёг их и 6 августа ушёл от Пронска на юг. Московские рати преследовали его до Дона, уничтожая и пленяя отставших. В это время князь Воротынский разбил царевича Эмина, который пытался грабить ***Одоевский уезд***.

Срыв похода Сагиб-Гирея был, безусловно, большим успехом князя **И.Бельского**, который возглавил тогда Боярскую Думу. Однако этот успех ещё больше разозлил **И.Шуйского-старшего** и его сторонников, которые не дремали и склонили на свою сторону князей **Кубенских**, **Д.Палецкого**, казначея **Третьякова**, многих людей в Москве и других городах, особенно в Новгороде. Войско во Владимире также поддержало И.Шуйского. Как только он узнал о поддержке в Москве, немедленно отправил туда сына Петра с тремястами надёж-

ными всадниками. Ночью 3 января 1542 года заговорщики схватили князя И.Бельского, князя **П.Щенятева**, сановника **Хабарова** и посадили в темницу.

Затем окружили митрополитовы кельи и забросали их камнями. Иоасаф едва убежал на Троицкое подворье, а затем попытался скрыться во дворце Ивана IV. Но тщетно, бояре ворвались во дворец, схватили Иоасафа и отправили в Кириллов монастырь на Белоозере. Утром прискакал И.Шуйский из Владимира и вновь объявил себя главой Боярской Думы. Князя И.Бельского послали в заточение на Белоозеро, П.Щенятева в Ярославль, Хабарова в Тверь. Однако И.Шуйский на этом не успокоился. Опасаясь перемены в настроениях людей и возвращения И.Бельского, он сговорился с другими боярами и приказал убить своего соперника. В темнице И.Бельский был убит. Так закончилась жизнь человека, подозреваемого в излишнем миролюбии и взяточничестве, которые он проявил в двух казанских войнах, но под конец своей жизни прославился отражением очередного большого нашествия турок-крымчаков.

Через два месяца избрали митрополита. Им стал архиепископ **Макарий**, состоявший с И.Шуйским в сговоре. Теперь И.Шуйский самовластно распоряжался в стране. Льготы и права, данные жителям областей при И.Бельском, были отняты. Всё теперь находилось в руках клевретов и слуг **И.Шуйского**. Но недолго он господствовал. Обострившиеся болезни заставили его отойти от дел. Своё место он уступил ближним родственникам **Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским** и **Ф.Скопину**. Эта троица продолжала бесчинствовать, в том числе и по отношению к Ивану IV. Особенно нагло вёл себя князь А.Шуйский. Иван IV, видя это, стал благоволить противникам Шуйских. Особенно ему нравился советник Думы **Ф.Воронцов**.

Осознав нарастающую для них опасность, Шуйские при помощи князей Кубенских, Палецкого, Шкурлятева, Пронского и Басманова обвинили Ф.Воронцова в вымышленных грехах, избили его и посадили в темницу. Не убили лишь потому, что воспротивился малолетний великий князь, да вступились митрополит Макарий и бояре Морозовы. Однако Шуйские добились того, что Ф.Воронцов был сослан в Кострому. В 1543 году Ивану IV *исполнилось 13 лет. Рано лишившись* матери, он оказался под влиянием «буйных вельмож», ослеплённых корыстолюбием и непомерным властолюбием, что не могло не сказаться на характере монарха уже в скором будущем.

Иван IV с детских лет стал проявлять своё **буйство**. Он уже тогда любил мучить домашних животных, сбрасывая их с высокого крыльца на землю. Скакал на лошади в окружении сверстников, давя женщин *и стариков, и приходил в* весёлое возбуждение от их криков. **Явно сказывались в нём отрицательные черты характера неизвестного отца, да и матери Елены тоже.** Замечаний за такие безобразия ему никто не делал, более того, бояре относились к этому поощри-

тельно. Всё это не могло не обернуться против самих Шуйских. Тем более, к этому времени сформировалась группа лиц, желавших свести с ними счёты. В эту группу вошли Глинские, дядья Ивана IV – **Юрий** и **Михаил**. С ними заодно оказался и митрополит Макарий. Именно они наущали Ивана IV проявить волю и наказать тиранов Шуйских.

Осенью 1543 года Иван IV уехал в Сергиеву Лавру молиться, а затем весело праздновал Рождество в Москве. И вдруг созвал бояр, обвинил их в беззаконии, убийстве людей, грабежах и объявил своё решение казнить А.Шуйского, как главного заводилу всех бесчинств. А.Шуйского затравили собаками на улице. Остальные Шуйские и их друзья в страхе молчали. Большинство московского люда было довольно. После этой казни на вершину власти поднялись князья Глинские. В последующие три года с 1544 по 1546 год опалы и жестокости продолжились. Сослали князей **Ф.Шуйского-Скопина**, **Ю.Тёмкина**, **Ф.Головина** и много других бояр в отдалённые места. Князя **И.Кубенского** посадили в темницу, но через пять месяцев освободили. Придворному сановнику **А.Бутурлину**, обвинённому в дерзких высказываниях, отрезали язык на глазах у народа.

Вскоре последовала новая волна опал. Ей вновь подвергся князь И.Кубенский, а также князья П.Шуйский, Горбатый, Ф.Палецкий, боярин Ф.Воронцов, которому Иван IV ранее благоволил. По ходатайству митрополита Макария Иван IV снял с них опалу, но не надолго. Вскоре прошёл слух, что крымский хан вновь собирается в поход. Войско стали собирать в Коломне. Однако поход крымской орды не состоялся. В воинском стане Ивана IV начались козни одних бояр против других. Случайно произошла стычка между охраной Ивана IV и новгородцами. Великий князь приказал дьяку **В.Захарову** разобраться в причинах этой стычки. В.Захаров, по наущению Глинских, обвинил И.Кубенского и братьев Воронцовых в том, что они подтолкнули новгородцев к выступлению. Этого было достаточно, чтобы Иван IV приказал всем троим отрубить головы.

В этот период ни Литва, ни Крымское ханство не предпринимали против Москвы серьёзных враждебных действий. Только Казань вела себя неспокойно, что вывело Ивана IV из себя, и он послал две рати из Москвы и Вятки к Казани. Эти рати дошли до Казани, опустошили окрестности, побили многих людей у города и на берегах Свияги, захватили немало знатных людей в плен и благополучно вернулись. Хан Сафа-Гирей столь успешные действия московских ратей приписал предательству некоторых своих приближённых. Начались их казни и изгнания.

В Казани поднялось недовольство Сафа-Гиреем. Образовалась партия, писавшая Ивану IV, что желает выдать хана или убить, и просила прислать войско. Иван IV обещал помочь, но после того, как Сафа-Гирей будет свергнут. Недовольные подняли восстание и

Сафа-Гирей вынужден был бежать в Ногайскую орду. Казанское общество присягнуло новому хану Шах-Гали, торжественно возведённому на престол князьями Д.Бельским и Палецким. Казанцы веселились и праздновали, но потом опять изменили. Шах-Гали перестали признавать, держали как пленника, не разрешая выезжать. Верных ему слуг посадили в темницу, некоторых даже убили.

Верным Москве остался только казанский князь **Чур**, славянские корни которого несомненны. Он пытался усовестить казанскую знать, но она решила вновь призвать Сафа-Гирея, который с Ногайской ордой уже был на Каме. Участие ногаев в походе Сагиб-Гирея и их помощь Сафа-Гирею показывали, что ногаи не были и не могли быть верными союзниками Москвы, поэтому дружба с ними могла быть только временной и не в ущерб отношениям с казаками. К сожалению, Москва тогда думала по-иному. Князь Чур сообщил Шах-Гали о заговоре, посоветовал бежать и подготовил лодки. Воспользовавшись тем, что народ вместе с казанскими вельможами праздновал какой-то праздник, Шах-Гали по Волге уплыл в Москву.

Сафа-Гирей в третий раз занял казанский престол. Естественно, решил расправиться с неугодными. Убил князя Чура и многих знатных людей. Окружил себя крымчаками и ногаями. В результате, семьдесят шесть князей и мурз, включая братьев князя Чура, бежали в Москву. Вслед за ними приехали послы горных черемисов с уверениями, что черемисы готовы присоединиться к московскому войску, если оно пойдёт на Казань.

В это время Иван IV ездил по разным областям, посещал монастыри, забавлялся охотой и звериной ловлей. Он побывал во Владимире, Можайске, Волоке-Ламском, Ржеве, Твери, Новгороде, Пскове. В окружении бояр пировал и забавлялся, принося везде печали и страдания народу, так как всякое гуляние разрушительно, а великокняжеская забава вдвойне. Почему он и бояре так себя вели? Да потому, что в Московской Руси утвердилось **самодержавие**. Эта форма правления не что иное, как **стяжательство** власти. Стяжательство как таковое более касается богатства. Самодержавие обеспечивает вместе и стяжательство власти, и стяжательство богатства.

Но стяжательство власти и богатства невозможно без угнетения и порабощения людей. Причём все становились рабами: и богатые, и бедные. А царствующие особы ещё превращались в заложников самодержавной системы, на сохранение которой уходили главные силы властвующих. Государство и народ превращались в механизмы этой системы власти, их интересы всецело подчинялись ей и от неё непосредственно зависели. Стоило сесть на трон слабому и недалёкому монарху, либо жестокому тирану, а таких встречается в истории большинство, как дела в государстве начинали идти вкривь и вкось, бедствия народа умножались, росло и количество внешних врагов. Худшую систему власти было трудно придумать.

Самодержавие, как система организации власти, возникло и утвердилось в результате разрушения родовой системы организации власти, предтечей которого был мировоззренческий переворот. Смена, в основном насильственная, славянского ведического мировоззрения на христианское религиозное мировоззрение как раз и породила эту худшую систему власти. Причём подверженной ей оказались, прежде всего, правящие верхи. Именно они и сторонники византийской христианской ортодоксии воздвигли Голгофу, на которой отныне будут перемалывать и уничтожать лучших людей нашей страны и нашего народа.

И в наши дни мы являемся свидетелями функционирования этой системы власти. Раньше самодержавие и бояре-олигархи давили и душили народ, сейчас слабость центральной власти и беспредел олигархическо-криминальных кланов душат страну и уничтожают народ. **Эта косная и страшная система организации власти может быть устранена только в результате утверждения истинной демократии, основанной на возрождении родовой организации общества и непременной защите национально-государственных интересов страны.**

Правление Ивана IV в юности 1547-57 гг.

В 1546 году **Ивану IV** исполнилось 17 лет. Желая закрепить свою личную власть над народом, он, после длительного совещания с митрополитом, объявил боярам своё решение ***«ещё до своей женитьбы исполнить древний обряд предков его и венчаться на царство»***. Поставление на царство состоялось 16 января 1547 года. Царскую корону (шапку Мономаха) на него возложил митрополит Макарий. Ранее такой обряд проходил только внук Ивана III Дмитрий, на которого царский венец возложил сам великий князь. То есть Иван IV в данном плане пошёл дальше по пути единения с христианской церковью, и это его желание церковь была готова отработать. Митрополит Макарий при возглашении многолетия царю сказал примечательную фразу, чтобы Всевышний ***«даровал ему ужас для строптивых и милостливое око для послушных»***.

Очень скоро эти пожелания христианского пастыря будут приведены Иваном IV в жизнь. С этого момента российские монархи во всех бумагах, внешних и внутренних, стали именоваться ***царями***. Церковники, воспользовавшись этим обстоятельством, стали вешать народу лапшу на уши, чтобы, якобы, *«исполнилось пророчество Апокалипсиса о шестом царстве»*, которым, дескать, стала Москва. В это же время искали для Ивана IV невесту. Его выбор пал на *«юную Анастасию, дочь вдовы Захарьиной»*, муж которой *«Роман Юрьевич, был окольничим, а свёкор боярином Иоанна III»*. Родословную они вели от **Андрея Кобылы**, выехавшего из Пруссии в Москву в XIV веке. Венчание состоялось 13 февраля 1547 года.

Однако женитьба не остепенила Ивана IV. Он продолжал свирепствовать, и этим очень ловко пользовались Глинские. Казалось, этому не будет конца. Но тут 12 апреля 1547 года в Москве случился пожар, столь сильный, что огонь добрался до Высокой башни, где хранился порох. Этот порох взорвался, разрушены были Высокая башня и часть городской стены. Кирпичи от взрыва упали в реку и запрудили её. Пожар разрастался. 24 апреля в полдень разразилась буря, пожар охватил весь город. К середине ночи буря стихла, огонь тоже стал гаснуть. Бедствие было огромное. Сгорело множество людей, ещё больше разного добра и богатства. В ту пору царь уехал в село Воробьёво. После пожара он велел немедленно восстановить Кремлёвский дворец. Все богачи тоже поспешили строиться. На бедняков внимания никто не обращал.

Этим воспользовались противники Глинских. Протоиерей **Феодор**, князь **Скопин-Шуйский**, боярин **И.Фёдоров**, князья **Ю.Тёмкин**, **Нагой** и дядя царицы **Г.Захарьин** выступили против Глинских. Простой люд поддержал их. Эта группа сообщила Ивану IV, что Москва сгорела от волшебства злодеев. Царь повелел выявить их. Бояре созвали московский люд и требовали указать на злодеев. Естественно, народ указал на Глинских. Тут же началось избиение их сторонников и слуг. **Ю.Глинского** настигли в церкви Успенья и тут же убили. Имение Глинских разграбили, побили немало их слуг. Затем двинулись в *с.* ***Воробьёво***, чтобы покарать бабку царя **Анну Глинскую** и её сына **Михаила**.

Но на их счастье, в это время в Воробьёво объявился священник из Новгорода **Сильвестр**. Он обвинил Ивана IV в злонамеренных действиях, которые, якобы, были причиной пожара в Москве, сгоревшей по велению свыше. Говорил о страшных событиях, которые ждут самодержца, если он будет вести себя по-прежнему. Слова Сильвестра возымели действие, Иван IV был потрясён, заплакал и стал просить своего обличителя дать силы и возможности для исправления. Сильвестр согласился быть у трона для ободрения и поучения юного царя. К этому большому делу он привлёк молодого, но умного и прозорливого **Алексея Адашева**. Современник Ивана IV Андрей Курбский писал, что Сильвестр возбудил в царе стремление делать добро, а Адашев указал пути его достижения.

Естественно, вначале пришлось подавить бунт, который разрастался. Мятежники, не удовлетворившись убийством Ю.Глинского, явились в Воробьёво и стали требовать от самого царя выдачи его бабки Анны Глинской с сыном Михаилом. Царь приказал стрелять, толпа рассеялась. Некоторых схватили и казнили. После разгона мятежников позаботились о бедных, чтобы никто не остался без хлеба и жилья. Зачинщиков бунта Иван IV не тронул, но и к себе не приблизил. Так закончилось боярское правление и самоуправство. Затем, по совету своих новых приближённых, царь распорядился прислать в

Москву избранных людей из всех городов страны. Когда избранные съехались, собрали московский люд, к нему вышел царь с церковниками, боярами и дворцовой стражей.

Царь выступил перед народом, обвинил бояр в желании самовластия, своекорыстия, угнетении народа. Призвал всех делать добро и не делать зла. Объявил А.Адашева своей правой рукой и назначил его рассматривать жалобы и челобитные от бедных, сирот и обиженных. Был образован Царский Совет, куда наравне с боярами вошло немало толковых людей из избранных. Сильвестр и Адашев стали самыми ближними советниками. Дума, превращённая Василием III в исполнительный орган власти, в это время начала обретать свою завершённость. В ней стали создаваться приказы, ведавшие различными областями деятельности государства. Таким образом, в молодости Ивана IV, по существу, была восстановлена система управления государством, которая сложилась при Иване III. Самодержавие Ивана IV не подвергалось сомнению, но все дела в государстве стали решаться после рассмотрения в Царском Совете.

В Совете была рассмотрена новая редакция «Уложения», писаного при Иване III. Это обновлённое «Уложение» (Судебник) вышло в свет в 1550 году. После издания «Судебника» Иван IV 23 февраля 1551 года собрал в Москве Собор, на котором присутствовала вся светская и церковная знать. На этом Соборе царь распорядился избрать в каждом городе и волости старост и присяжных (целовальников), чтобы они осуществляли судопроизводство вместе с наместниками или их помощниками (тиунами), как это было установлено в Новгороде и Пскове. Были избраны также сотники и пятидесятники, которые должны были заниматься земским управлением, наряду с царскими чиновниками. Собор согласился со всеми предложениями Ивана IV и его советников. Это была, несомненно, демократизация власти, и этим она, безусловно, была положительна.

Реформе подверглась вооружённая сила и оборонная политика. Были приняты меры по привлечению казачества на свою сторону. Некоторым казачьим атаманам стали оказывать помощь в строительстве городков и снабжении их пушками, пищалями и порохом. Уже в 1549 году атаман **Сарыасман** от имени Ивана IV строил казачьи городки на Дону. Вспомнили и о стрелецком войске Ивана III и приступили к его возрождению. Это побудило потомков стрельцов, ушедших от Василия III в Дикое поле, переходить на службу в Москву. К началу похода на Казань стрельцов и пушкарей насчитывалось около 15 тысяч. В корне пересматривалась внешнеполитическая стратегия. Теперь главными врагами объявлялся Крым и Казань. Литва, хотя и не становилась дружественной, но с нею стремились замириться. Всё это дало впоследствии положительные плоды.

Собор также принял меры по укреплению и реформированию церкви. Исправлению подвергались книги, обряды, нравы церковников. Всё это очищалось от славянского мировоззрения. Усиливалась

христианская догматика, вводилось обучение священнослужителей, ограничивались возможности монастырей в стяжании земель, запрещалось строительство новых церквей только из тщеславия, а также келий в лесах и пустынях. Церковная реформа была двоякой. **При минимальном ограничении церкви в вопросах мздоимства и стяжательства резко усиливался духовно-нравственный гнёт.**

Нет сомнения, что инициаторами этих реформ были Сильвестр и Адашев. Особую роль играл Сильвестр. Так как он не претендовал на сколько-нибудь значимый церковный сан и был выходцем из Новгорода, можно без сомнения утверждать, что Сильвестр знал славянские традиции и в соответствии с ними пытался переустроить жизнь Московской Руси. Конечно, он понимал, что отказаться от христианства Иван IV не сможет, да и церковь, конечно же, будет всячески препятствовать этому. Вот почему дальше демократизации власти, устройства вооружённой силы, разворота внешней политики, ограничения церковного стяжательства и обучения священнослужителей Сильвестр не пошёл. Но для того времени эти меры были большим шагом вперёд, они обеспечивали очередной рывок Москвы в её развитии.

В это же время пытались завязать более тесные связи со Священной Римской империей **Карла V**. Однако эти связи наладить не удалось из-за противодействия Ливонского ордена и Ганзы. С Казанью шла беспрерывная война. В декабре 1547 года Иван IV двинул рать на Казань и хотел даже возглавить поход. Но его постигла неудача. Вместо снега шёл дождь. Обозы и пушки тонули в грязи. Вода покрыла лёд на Волге, и он начал трескаться. Повозки и орудия стали проваливаться. В районе Нижнего Новгорода поход пришлось остановить. И всё же Иван IV не успокоился. Летом 1548 года он отправил войско, во главе с князем Д.Бельским, к Казани. Шах-Гали, выйдя из Мещёры, присоединился к нему в устье Цивили.

Сафа-Гирей собрал своё воинство на Арском поле. Здесь князь **С.Микулинский**, возглавлявший передовую рать, разгромил Сафа-Гирея, который отошёл в город с остатками своего войска. Были пленены батыр **Азик** и многие другие знатные казанцы. Однако казанцы совершили успешный набег на окрестности Галича. Костромской воевода Яковлев с ратью настиг и на берегах р. Еговки разгромил эту орду казанцев. В бою был убит предводитель орды Батыр Арак. И всё же Казань вновь устояла, что вызвало неудовольствие Ивана IV. Приходило понимание, что нужно принимать более решительные меры. В этой связи нужен был мир с Литвой и Крымом. Литва после долгих переговоров согласилась на перемирие. Крымский хан Сагиб-Гирей вёл себя наглее. Он только что подчинил Астрахань, а потому грозил новым походом на Москву. Таким образом, нужно было действовать на двух направлениях – казанском и крымском.

В марте 1549 года Сафа-Гирей, любивший выпить, в пьяном состоянии упал и скоропостижно скончался. После него остался двух-

летний сын Утемиш-Гирей и его мать Сююнбеке. Казанцы возвели младенца на престол, но хотели, чтобы крымский хан послал в Казань своего сына. В то же время, на период устройства власти, желали замириться с Москвой, для чего послали туда гонца просить мира. Иван IV ответил, что о мире говорят с послами, а не с гонцами, и стал собирать войско. 14 февраля 1550 года московское войско подошло к Казани. Весь следующий день велась стрельба по городу. В нём погибло много людей, в том числе крымский мурза **Челбак**. В следующие дни началась оттепель, пошли дожди, лёд на реках взломало, дороги раскисли. Пришлось снять осаду и отойти, не доводя войско до голода. 25 марта Иван IV вернулся в Москву.

Но здесь пришло известие, что крымский хан идёт на Москву. Немедленно рати двинулись к окской линии и сосредоточились в Коломне и Рязани, где и провели остаток лета и осень. Крымчаки так и не пришли. Вместо них зимой совершили набег ногаи, подбитые к походу крымским ханом. Но московские рати встретили их организованно, разбили и гнали до ***Шацка***. Естественно, эти победы не могли обойтись без казаков, которые и ранее нападали на ногаев. Эти совместные действия способствовали сближению казаков с Москвой, которая, облегчая взаимодействие с казаками и желая продвинуть границу на юг, построила две крепости: ***Михайлов*** и ***Шацк***. В этих сражениях было взято много пленников, в их числе мурза **Теляк**.

В 1551 году Иван IV вновь собрал войско для похода на Казань. Это войско обступило Казань с запада и севера по Каме. Было немало стычек, победителями в которых были московские ратники. Эти победы внесли в среду казанцев раздоры и желание подчиниться Москве. Крымчаки, во главе со ставленником Крыма мурзой **Кощаком**, противились этому. Казанцы восстали, и Кощак вынужден был бежать. Однако все дороги были перехвачены московскими ратниками. Большинство крымцев было перебито. Кощак и ещё более сорока его единоверцев были пленены и казнены в Москве. Шах-Гали вновь стал царём Казани. Однако отделение от Казани Иваном IV Горной области, присоединение её к Москве и постройка там города ***Свияжска*** вызвала у казанцев недовольство новым царём. Они стали требовать смещения Шах-Гали и назначения московского наместника.

Шах-Гали устроил расправу над некоторыми недовольными. Но вскоре ему пришлось уехать из Казани. Вместо него туда были направлены свияжские князья **Чапкун** и **Бурнаш** в качестве наместников. Однако князь Чапкун по прибытию в Казань изменил Москве и возглавил мятежников. Оставался один способ подчинить Казань – это война. 24 марта 1552 года Иван IV узнал об очередной измене Казани. На заседании Совета было принято решение о походе на Казань и окончательном её покорении. Эта весть дошла и до донских казаков. Князья А.Горбатый и П.Шуйский собирали рати в Нижнем

Новгороде. Князь М.Глинский со стрельцами, волжскими казаками, устюжанами и вятчанами расположился по р. Каме. Свияжские воеводы заняли своими отрядами все перевозы на Волге.

Помня об угрозе из Крыма, стали собирать рати в Коломне, Кашире и Муроме. Ситуация на юге для Москвы к этому времени сильно изменилась в лучшую сторону. Видя усиление противостояния Москвы и Крыма, донские казаки всё более и более брали сторону Москвы. Постройка крепостей Михайлов и Шацк, помощь казакам в постройке городков и снабжение их оружием, а также совместная победа над ногаями в 1550 году укрепили эту тенденцию.

На казанском направлении ситуация вначале складывалась не очень хорошо. Весной в Свияжске началась цинга. Много людей умерло, свияжские воеводы плохо следили за обстановкой и развлекались. Этим воспользовались казанцы, подбили народы Горной области на мятеж. Начавшийся мятеж позволил астраханскому царевичу **Едигеру Магомету** с пятью сотнями всадников без препятствий прибыть в Казань, занять престол и дать клятву воевать против Москвы. В это время князья И.Мстиславский и М.Воротынский возглавили войско в Коломне. Рати в этом войске возглавляли: передовую – князья И.Турунтай-Пронский и Д.Хилков; правой руки – князья П.Щенятев и А.Курбский; левой руки – князья Д.Микулинский и Плещеев; стражу князья В.Оболенский-Серебряный и С.Шереметев; царскую дружину – князья В.Воротынский и И.Шереметев.

По Оке и Волге были отправлены суда с припасами и пушками к Нижнему Новгороду. Но ещё не было единого мнения в окружении царя, когда идти к Казани: летом или зимой. Многие думали, что лучше идти зимой. Пока собирали рати и раздумывали, 21 июня из Тулы пришло сообщение, что крымцы подошли к городу. Воеводы князья Щенятев, Курбский, Турунтай-Пронский, Хилков и Воротынский со своими ратями двинулись к Туле. Следом прискакал гонец тульского наместника Г.Тёмкина и сообщил, что хан осадил город, имеет много янычар турецких с пушками. 22 июня войско крымского хана подступило к городу и начало обстреливать Тулу из пушек. Янычары стреляли каменными ядрами. В городе начались пожары. Затем крымчаки пошли на приступ.

И, хотя в городе было мало ратников, но среди жителей было немало потомков стрельцов. Как один, они встали на защиту Тулы. Одни тушили пожары, другие отбивали приступ. Крымчаки откатились. Крымский хан **Девлет-Гирей** решил возобновить приступ следующим утром. Однако ночью приказал отходить, узнав, что сильные рати идут из Каширы. Защитники Тулы, увидев отход крымчаков, сделали успешную вылазку, в ходе которой перебили немало крымцев, в том числе ханского шурина мурзу **Камбирдея**, а также захватили турецкие пушки.

Вскоре подошла рать Щенятева и Курбского и стала на том месте, где был стан войска крымского хана. В это время отдельные отряды

крымцев, грабившие окрестности Тулы, стали возвращаться в свой стан, не зная, что хан с главными силами уже ушёл, и встретились с московской ратью. Все они были разбиты, хотя численно превосходили московскую рать. В сражении отличился А.Курбский, который участвовал в сече. В ней он получил ранение головы и плеча. Затем началось преследование, в котором активное участие приняли подошедшие казаки. Крымцев настигли на берегах речки Шевороны и вновь разгромили. Здесь отличились казаки, они шли в передовом отряде. В ходе разгрома крымчаков был освобождён захваченный ими полон, а также обоз и табуны верблюдов.

После этих побед Иван IV распорядился идти на Казань. 3 июля войско выступило. К этому времени князья Микулинский, Серебряный и Д.Романович разгромили мятежников Горной области, а в Свияжске прекратилась цинга. 19 августа царь во главе войска, в котором было около 150 тысяч человек, уже находился на Луговой стороне Волги. В состав этого войска входила рать, сформированная из мещерских казаков и стрельцов, общей численностью около 7 тыс. человек. 20 августа московское войско развернулось в шести верстах от Казани. На царском совете определили, где быть полкам. Большому и передовому повелевалось занять Арское поле, полку правой руки берег Казанки, полку левой руки стать выше его, рати Шах-Гали – за Булаком у кладбища, царской дружине под началом брата Ивана IV князя Владимира Андреевича – на Царском лугу. Было строго запрещено самовольно вступать в сражение.

Обращает на себя внимание, что распределение сил имело серьёзный недостаток. Оно было направлено только против Казани, как будто вне её не было вражеских сил и они не могли внезапно подойти к городу. Данное распределение показывает, что военное искусство Московской Руси того времени было на порядок ниже военного искусства славяно-татарского ордынского войска, которое в подобных случаях всегда выделяло силы для очистки местности от вражеских отрядов и организации заслонов. Кроме того, распределение московского войска приводило к скученности с одной стороны, а с другой, обретало на бездействие большую часть войска.

23 августа на рассвете войско двинулось к городу. Впереди шли князья **Ю.Шемякин-Пронский** и **Ф.Троекуров** с пешими казаками и стрельцами. За воеводами атаманы и стрелецкие головы, а за ними сотники со своими подчинёнными. Когда солнце взошло, Иван IV дал знак и полки остановились, распустили знамёна и отслужили молебен. Иван IV сел на коня и войско вновь двинулось. Стрелецко-казачья рать Ю.Шемякина и Ф.Троекурова, соорудив мост, перешла тинный Булак и начала подниматься на высоту, чтобы пройти к Арскому полю мимо крепости. Рать шла двумя колоннами, справа стрельцы, слева казаки. Каждая колонна имела по шесть человек в ряду. Но тут открылись ворота, и до 15 тысяч казанцев конных и пеших устремились из города на стрельцов. Стрельцы развернулись

вправо и открыли огонь из пищалей. Им на помощь с флангов бросились казаки и шедшая за этой ратью дружина детей боярских. Завязалась жестокая сеча. Так впервые московским стрельцами был применён линейный боевой порядок.

Профессиональная подготовка стрельцов и казаков оказалась выше. Казанцев смяли и гнали до самых стен, несмотря на сильную пальбу из крепости. Казаки и стрельцы взяли немало пленников и не спеша отошли из-под обстрела. Тем временем полки окружили Казань, в которой заперлось 30 тысяч казанских и 2 700 человек ногайских воинов. Ночь на 24 августа прошла спокойно. На следующий день разразилась сильная буря. Не только шатры были повалены, но и потоплены суда с продовольствием. Войско пришло в уныние, им стал овладевать страх. Без продовольствия рассчитывать на победу не приходилось. Но Иван IV не растерялся, немедленно послал в Свияжск и Москву за съестными припасами, тёплой одеждой и повелел готовиться зимовать под Казанью.

25 августа стрелецко-казачья рать князей Шемякина и Троекурова двинулась с Арского поля к реке Казанке выше города, чтобы отрезать его от луговых черемис, соединиться с полком правой руки и стать ближе к стене. Казанцы сделали вылазку. Князь Шемякин был ранен. Князь Д.Хилков, воевода всех передовых отрядов, помог ему дружинами боярских детей. Казанцы вновь были отбиты с большими потерями и отошли в город. Ночью сторожевой полк и полк левой руки без боя расставили пушки и туры. Стрельцы окопались рвом, а казаки засели в каменной Даировой бане у самой городской стены. 26 августа большой полк перед вечером начал движение. Пешие ратники под началом князя М.Воротынского катили туры. Конница, включая часть царской дружины, под началом князя И.Мстиславского, двигалась в готовности отразить вылазку неприятеля.

Казанцы высыпали из города и с криками бросились на наступавших. Со стен города началась пальба из пушек и пищалей. Московские ратники отразили казанцев стрельбой из тур, ударами копий и сабель и продолжали идти вперёд. И вновь казанцы были вынуждены с потерями отойти в город. Стрельцы и казаки, утвердясь на валу, стреляли до самой ночи и дали время большому полку установить туры в пятидесяти саженях от рва, между Арским полем и Булаком. После этого князь М.Воротынский разрешил стрельцам и казакам отойти к турам и окопаться около них. Но бой на этом не прекратился. Он шёл всю ночь. К утру казанцы утомились.

27 августа к турам подкатили пушки и открыли из них и пищалей огонь по городу. Казанцы скрывались за стенами, но продолжали делать вылазки, отвлекая внимание. Внезапный и сильный удар казанцы должны были нанести с другой стороны. 28 августа казанцы, собранные мурзой **Епанчей** в укреплении на пути в *г.* ***Арск***, прошли через лес и вышли на Арское поле, перебили стражу передового полка

и атаковали его стан. Воевода князь Хилков со своим полком мужественно оборонялся, но значительное превосходство в силах было на стороне неприятеля. На помощь передовому полку двинулись рати князей Пронского, Мстиславского, Оболенского. Им удалось разбить неприятеля и загнать его в лес.

29 августа воеводы полка правой руки князья Щенятев и Курбский ещё ближе подошли к городу и под прикрытием огня стрельцов стали ставить туры вдоль реки Казанки. Казацко-стрелецкая рать князей Шемякина и Троекурова была возвращена на Арское поле, где рати князей Мстиславского, Хилкова и Оболенского в боевых порядках ждали неприятеля. Рати Палецкого, Адашева и царская дружина ставили туры от Арского поля до Казанки. С обеих сторон велась стрельба из пушек, пищалей и луков. Казанцы, пришедшие с Епанчей, видя изготовившиеся московские рати, не выходили из леса, продолжая накапливать свои силы. К вечеру вся Казань была окружена укреплениями московского войска. С этого момента пушкари боярина Морозова, расставив пушки, начали систематический обстрел стен и города из 150 орудий.

Однако обстановка складывалась не очень хорошо. Епанча занял своими отрядами все дороги, ведущие к Казани, и перехватил пути подвоза: начинал сказываться недостаток в продовольствии. Иван IV собрал Совет, на котором решили разделить войско на две части. Первой части, окружавшей город, продолжать находиться в укреплениях и станах и обстреливать его. Второй части, под началом воеводы князя А.Горбатого-Шуйского, выступить против Епанчи, разгромить его отряды, очистить лес и обезопасить тылы осаждающих.

Князь Горбатый-Шуйский сосредоточил свои основные силы, около 30 тысяч всадников и 15 тысяч пеших ратников, за горами. Для выманивания казанцев из леса направил несколько дружин к Арскому полю. Епанча увидел их и решил ударить. Его отряды атаковали московские дружины, которые стали отступать, чтобы казанцы как можно дальше отошли от леса. Дружины отошли к обозу и усилили сопротивление. Казанские всадники, не имея возможности прорваться через обоз, начали скакать кругами, осыпая засевших в обозе стрелами. Основные силы Епанчи развернулись и шли неспешно на главный стан московского войска.

В это время князь Шемякин со своей стрелецко-казачьей ратью ударил из засады во фланг наступавшим казанцам, которые, уже будучи далеко от леса, вынуждены были вступить в сражение. Вскоре с главными силами подошёл князь А.Горбатый-Шуйский. Конники обрушились на главные силы казанцев, а пешие ратники стали обходить их с фланга. Казанцы обратились в бегство. Их гнали на протяжении 10 вёрст до реки Килари, пока не утомились кони. После чего князь остановил войско и повернул его обратно. При движении через лес было перебито и пленено много казанцев, пытавшихся спрятаться в чаще и кустарниках. Пленников, пригнанных в стан, привязали к

столбам и выставили перед стенами. Казанцам же объявили, если они покорятся, то пленникам будет сохранена жизнь. Казанцы выслушали объявление, а затем расстреляли пленников из луков. Так остервенение сторон дошло до крайности.

Осаждавшие в это время вели стрельбу по городу и рыли подкопы. Первый подкоп вели от р. Булак между Аталаковыми и Тюменскими воротами. Второй подкоп вели, чтобы подорвать подземный ход к ключу. В самой Казани ключей не было. Чтобы иметь воду на случай осады, казанцами был сделан подземный ход к ключу у реки Казанки. Подземный ход начинался у Муралеевых ворот. Поэтому второй подкоп вели от каменной Даировой бани, занятой казаками. Работы возглавлял талантливый русский самородок **И.Выродков** под присмотром князя В.Серебряного и А.Адашева. Второй подкоп казаки рыли 10 дней. Когда услышали над собой голоса казанцев, носивших воду, вкатили в подкоп 11 бочек пороха.

Рано утром 5 сентября заряд был взорван. Обрушился подземный ход и часть стены. Только часть московских ратников устремилась к обрушенной стене и ворвалась в пролом. Но подкреплений и помощи с других направлений они не получили и под натиском опомнившихся казанцев вынуждены были отойти. Продолжать приступ Иван IV не разрешил. Так была упущена возможность взять Казань 5 сентября. Разрушение подземного хода к ключу лишило казанцев качественной воды. Однако они стали рыть колодцы и нашли ключ. Вода была плохой, но казанцы продолжали мужественно сопротивляться.

Всё это время московские пушкари обстреливали Казань и добились своего. Разрушены были Арские ворота, многие пушки казанцев разбиты. Но приступа вновь не последовало. Казанцы воспользовались этим и заградились тарасами. Тем временем Епанча в укреплении перед Арском вновь стал собирать силы и тревожить тылы московского войска. 6 сентября Иван IV повелел князю Горбатому-Шуйскому взять это укрепление. Для этого были выделены рати князя С.Микулинского, Д.Романовича и З.Яковлева, князей Булгакова и Палецкого, часть царской дружины, дружины детей боярских, казацко-стрелецкая рать. Мордва и черемисы служили проводниками.

Укрепление (острог) было срублено городнями, засыпанными землёй. Перед ним находились засеки. Само укрепление находилось на высоте между двумя болотами. Войско князя Горбатого-Шуйского, с двух сторон пройдя через болота, поднялось на высоту и ворвалось в укрепление. Большая часть защитников была перебита. В плен попало 200 человек. Далее войско двинулось к Арску, жители которого бежали в леса. Победителям досталась большая добыча. Ими же были освобождены многие пленники, ранее захваченные казанцами, содержавшиеся на положении рабов. Теперь со стороны г.Арска угрозы больше не было, а захваченная добыча, в том числе продовольствие, с лихвой обеспечивали потребности московского войска. Но ещё оставалась угроза со стороны Галича, где луговые че-

ремисы постоянно тревожили тыл полка правой руки. Этот полк занимал низины вдоль Казанки и поэтому более других страдал от обстрелов из крепости и непогоды.

Чтобы было удобно обстреливать территорию, была построена башня высотой в шесть сажен. Ночью её подвезли к Царским воротам. На ней установили десять больших пушек, пятьдесят меньших и разместили дружину стрельцов. Утром они начали стрельбу. Казанцы вынуждены были рыть ямы и сооружать землянки, чтобы укрыться. В то же время полк князя М.Воротынского продолжал двигать туры к Арской башне. Наконец, они достигли рва шириной в три и глубиной в семь сажен. Стрельцы и другие ратники, сменяя друг друга, почти непрерывно вели огонь по казанцам. Стрельба прерывалась только для того, чтобы остудить оружие. В это время принимали пищу.

В очередной раз, когда стрельбу прекратили и у пушек остались только караульные стрельцы, казанцы сделали успешную вылазку, перебили караульных и захватили пушки. Князь М.Воротынский поднял полк и бросился их отбивать. Завязалась жестокая сеча. Воевода *П.Морозов и князь Ю.Кашин* были тяжело ранены. Князь М.Воротынский был ранен в лицо, а весь его доспех был иссечён саблями, но он не оставил поле боя. Здесь на помощь пришли муромские ратники. Сопротивление казанцев сломили, сбросили в ров, заставили уйти в город с большими потерями. После этого стали рыть подкоп вблизи Арских ворот.

До этого момента донские казаки участия в осаде Казани не принимали. Они стерегли крымского хана на Дону. В начале сентября стало ясно, что крымчаки не осмелятся повторить поход. Тогда донские казаки, собрав войско численностью около 7 тыс. человек, двинулись к Казани. 12 сентября они были уже вблизи стана московского войска. Царь направил к казакам своих послов с дарами. Казаки от даров отказались, но сами одарили присланных воевод звериными шкурами и просили разрешить им участвовать во взятии Казани. Им это разрешили и выделили место у реки Казанки. Заняв своё место в расположении московского войска, казаки тоже начали рыть подкоп. Таким образом, если учесть всех донских, мещерских и волжских казаков, то их под Казанью было более 12 тысяч.

30 сентября подкоп у Арских ворот был завершён. Затем произвели взрыв. За взрывом подкатили туры к Арским, Аталыковым и Тюменским воротам. Казанцы высыпали на стены. Сражение закипело. Московские ратники, стрельцы и казаки теснили казанцев на мостах в воротах, многие уже были на стене, в Арской башне и даже на улицах города. Князь М.Воротынский сообщил об этом царю и предлагал всеми полками идти на приступ. Но Иван IV не согласился с предложениями Воротынского и распорядился отступить. Вновь была упущена возможность взять город. **Причиной тому была самодержавная спесь царствующей особы.** Князь М.Воротынский ис-

полнил приказание царя только отчасти. Он отвёл только своих подчинённых. Донские казаки, засевшие в Арской башне, отходить отказались и сорвали все попытки казанцев её отбить.

И всё же успех 30 сентября подействовал на Ивана IV, он повелел всему войску готовиться к приступу, тем более, что другие подкопы тоже были готовы, а заряды общей массой 48 бочек пороха заложены. На этот раз для противодействия нападению извне были выставлены заслоны. Рать князя Мстиславского – на Арской дороге. Рать Шах-Гали – на Чувашской дороге. Князья Оболенские и Мещёрские с частью царской дружины – на Ногайской дороге. Рать князя Ромодановского – на Галицкой дороге. Дворянские дружины расположились вверх по Казанке.

В первой волне наступающих должны были идти казаки, стрельцы и дворовые люди. Во второй волне – воеводские полки. Полк князя **Воротынского** с окольничим **Басмановым** должен был идти на приступ в пролом, образованный в стене между Булаком и Поганым озером. Полк князя **Хилкова** нацеливался на Збойливые ворота. Полк князя **Курбского** нацеливался на Ельбугины ворота. Полк князя **Шереметева** нацеливался на Муралеевы ворота. Полк князя **Плещеева** нацеливался на Тюменские ворота. Из построения ратей видно, что казаков, стрельцов и дворовых людей жалеть царь не хотел.

Заряды были взорваны по очереди. Разрушения были большими. Первая волна пошла на приступ. Под прикрытием огня стрельцов и пушкарей она подошла к стенам. Казанцы оказывали отчаянное сопротивление: стреляли из оставшихся пушек, пищалей и луков; бросали брёвна и лили кипяток и смолу. Но казаки, стрельцы и дворовые люди ворвались в проломы, взобрались на стены, проникли в город. Началась сеча в городе, на улицах, в домах. Казанцы сопротивлялись, но отходили к центру города, где находился хан Едигер, возглавлявший казанцев. В это время двинулись воеводские полки.

Казалось бы, победа вот-вот свершится, но тут в среде московских ратников взыграла алчность. Вместо усиления напора на неприятеля, ратники воеводских полков бросились грабить жилища казанцев, которые не растерялись, а усилив сопротивление, начали теснить поредевшую первую волну. Следствием было то, что мародёры бросились бежать, прыгали со стен с криками: ***«Секут! Секут!»***. Иван IV, видя такое дело, по совету своих более опытных военачальников, двинул в сражение половину своей двадцатитысячной дружины. Казанцы были опрокинуты. Часть из них отступила к мечетям и продолжала ожесточённо сопротивляться, но была вся перебита.

Другая часть, с Едигером во главе, засела в укреплённом царском дворе и продолжила сражение. После того как передние ворота были отбиты, московские ратники ворвались во двор. Казанцы бились, отходя к задним воротам и нижней части города. В нижней части города путь им преградил А.Курбский с двумя сотнями ратников и сдер-

живал их в тесных улицах, сколько мог. У Забойливых ворот к нему присоединилось ещё несколько сот ратников. Но казанцы по трупам своих воинов взобрались на стены и решились пойти на хитрость: стали кричать, что хотят вступить в переговоры. Воевода Палецкий остановил бой. Казанцы выдали ему Едигера и несколько знатных вельмож, а затем вновь стали стрелять и перевалив за стену, двинулись, было, к стану полка правой руки.

Но, встреченные сильной пальбой из пушек и пищалей, повернули влево, бросили тяжёлое оружие, разулись, перешли по мели реку Казанку и устремились к лесу. Князья Курбские, Андрей и Роман, видя, что казанцы, которых было ещё около 5 тысяч, могут уйти в леса, пытались с малой дружиной остановить их. Завязался бой. Казанцы окружили дружину и всю её перебили, затем бросились к лесу. Андрей Курбский был тяжело ранен в этом бою. Но уйти казанцам не удалось. Князья Микулинский, Глинский и Шереметев с конной ратью обошли Казанку, отрезали прорвавшихся от леса, настигли и всех перебили. Смерти избежали только раненые.

Город был взят и горел. Рассвирепевшие московские ратники убивали всех, кого находили в ямах, домах и мечетях. Брали в плен только женщин и детей. Весь город был покрыт трупами людей. Победа совершилась. Иван IV распорядился тушить пожары. Всю добычу, все богатства казанцев, всех пленников, кроме Едигера, он отдал воинству. Себе оставил только утварь царскую, венец, жезл, знамя державное и пушки. Были одарены и казаки донские. От богатств они отказались, просили только, чтобы царь пожаловал их рекою Доном, в чём Иван IV им не отказал. Не просто жаловал, но утвердил это жалование грамотой с клятвою о нерушимости её ***«во веки веков»***. Так были отмечены отважные дела донских казаков.

3 октября, после погребения мёртвых, очистили город. С 7 по 10 октября Иван IV организовал управление городом и областью. Назначил князя А.Горбатого-Шуйского наместником в Казани, а князя В.Серебряного его помощником. Дал им письменные инструкции, как управлять Казанью. Выделил полторы тысячи детей боярских, три тысячи стрельцов и часть волжских и мещерских казаков. 11 октября приготовился к отъезду. Опытные восначальники советовали ему остаться с войском в Казани до весны, чтобы закрепить завоёванную область, где проживали: *тюрки, булгары, мордва, чуваши, вотяки, черемисы* и *башкиры*. Не вся знать этих народов перешла на сторону Москвы, а это означало, что она могла поднять восстание против неё.

Но Иван IV не посчитался с этими советами. Он хотел быть в Москве как можно быстрее. Одобряли это решение братья царицы и другие сановники, желавшие отдохнуть после столь тяжёлой победы. 12 октября царь с частью войска отправился к Свияжску. Князь М.Воротынский повёл конницу к ***Васильгороду***. Донские казаки

самостоятельно ушли на Дон. В Свияжске царь пробыл сутки. Назначил для управления и смирения Свияжской области князя П.Шуйского и 14 октября отбыл в Нижний Новгород. Там его встретили посланцы из Москвы с сообщением, что 2 октября у него родился сын **Дмитрий**. В начале ноября царь прибыл в Москву.

На всём пути следования царя встречал народ и славил за взятие Казани. И было за что славить. Только из казанского плена было освобождено более 100 тысяч русских людей. 8 ноября Иван IV дал пир в Большой Грановитой палате. На пиру присутствовали церковные иерархи, многие отличившиеся князья, бояре и дворяне. На этом пиру царь щедро одарил отличившихся. Всех подарков и наград было роздано на сумму 48 тысяч рублей. По нынешним временам эта сумма просто огромная, исчисляемая несколькими десятками миллиардов рублей.

Взятие Казани имело огромное значение для Москвы. Хотя Казань и не могла тягаться с Москвой за первенство в Волжско-Уральском регионе, она отвлекала значительные силы и существенно препятствовала усилению её мощи. Сокрушение Казани открыло дорогу для продвижения Москвы на восток, юго-восток и юг. Причём это продвижение отвечало *чаяниям Русского народа и славянства*, так как за Уралом тоже проживали славяне. Ещё в сочинениях Марко-Поло, который побывал в Восточном Тюркестане и Монголии, описывалась Сибирь, заселённая, якобы, *гогами* и *магогами*. Естественно, Марко-Поло взял эти названия у иудейских пророков, которые так называли ***славян*** в далёком прошлом. К моменту покорения Казани не только Рассения переживала трудные времена. Сибирское татарское княжество и Ногайская орда подвергались мощному давлению Кайсакской орды и Шейбанидов Западного Тюркестана.

Складывалась благоприятная обстановка для закрепления этих территорий за Москвой. Во всяком случае, включить Сибирское татарское княжество в состав Московской Руси на правах удельного правления и выдвинуть границу в юго-восточном направлении на реку Урал вполне было можно. Нужно было только проявить желание и стратегическую прозорливость. К сожалению, ни желания, ни стратегической прозорливости у Ивана IV не наблюдалось. Его поспешный отъезд в Москву не только отодвинул на отдалённую перспективу продвижение на восток, но чуть не привёл к очередной потере Казани.

На южном направлении также складывалась благоприятная обстановка. Хорошие отношения, завязавшиеся с казаками Дона, позволяли не только овладеть Астраханью, но и выдвинуть южную границу на Терек и Нижний Дон, стеснив тем самым Крымское ханство до крайности. Но и эта проблема была решена только отчасти, что создало для нашей страны немало проблем в будущем. В целом, следует сказать, что даже в этот наиболее успешный период царствования Ивана IV было наделано немало просчётов, которые дорого обошлись нашему Отечеству.

Вскоре Иван IV крестил своего сына Дмитрия, а в феврале 1553 года были крещены цари Казанские **Утемиш-Гирей** и **Едигир**. Последний хорошо помнил предательство казанцев, поэтому легко согласился на крещение. Ему был отведён большой дом в Кремле. Кроме того, при нём находился боярин, несколько дворян и много слуг. Позднее Едигер женился на дочери знатного сановника **А.Кутузова – Марии**. Он всегда пользовался расположением царя, выражая любовь к Москве. Однако радость от взятия Казани вскоре омрачилась новыми бедами, свалившимися как снег на голову.

Уже в октябре 1552 года в ***Пскове*** началась язва, которая перекинулась в ***Новгород***. Болезнь свирепствовала до осени 1553 года и унесла жизни полумиллиона человек. Кроме того, луговые черемисы и население Горной области стали грабить и убивать на Волге московских купцов и людей боярских, занимавшихся торговлей. Разбойников частью выловили и казнили 74 человека. Однако вскоре вспыхнул бунт. Вотяки и луговые черемисы не захотели платить дань, вооружились, перебили московских чиновников, соорудили на высокой горе стан и окружили его засеками.

Посланных для подавления бунта стрельцов и казаков им удалось разбить. Около 800 человек из них погибло в этом бою. Возник мятеж и в другом месте. В 70 вёрстах от Казани, на реке ***Меше***, мятежники соорудили земляную крепость и стали систематически нападать на Горную область. Воевода **Б.Салтыков** выступил против них из Свитяжска зимой с отрядом пехоты и конницы. Его отряд тонул в снегах, а мятежники, встав на лыжи, окружили отряд и в длительном беспорядочном бою нанесли ему поражение. Около 500 человек погибло. Воевода Б.Салтыков был захвачен в плен и зарезан ими.

В Свияжск возвратились немногие. После этих двух побед мятежники осмелели и стали действовать ещё наглее. Весть о восстании вскоре достигла Москвы. И как часто бывало, в ней поначалу возобладало уныние. Даже некоторые члены Царского Совета стали предлагать навсегда покинуть эту бедственную землю. Но Иван IV решительно воспротивился паническим настроениям и решил исправить свою ошибку. Но вдруг сильно заболел. Стали ходить слухи, что он не выздоровеет и, скорее всего, умрёт. Боярство, обсуждая состояние царя, уже склонялось к тому, чтобы определить наследника.

Царский дьяк **Михайлов** советовал Ивану IV написать духовную. Царь согласился и объявил малолетнего сына Дмитрия своим преемником, единственным государём Московской Руси. Духовную написали, но действительной она становилась только после присяги всех знатнейших сановников. Тут-то и обнаружилось, что не все согласны с содержанием духовной. Начались споры. Сановники разделились на два лагеря. Одни соглашались присягнуть, другие нет. В числе несогласных оказался двоюродный брат Ивана IV **Владимир Андреевич**. На его стороне оказался **Ф.Адашев**, отец А.Адашева, который

выразил позицию несогласных следующими словами: *«Тебе государю, и сыну твоему мы усердствуем повиноваться, но не Захарьиным-Юрьевым, которые, без сомнения, будут властвовать именем младенца бессловесного. Вот что страшит нас! А мы до твоего возраста уже испили всю чашу бедствий от боярского правления».*

Страшась Захарьиных-Юрьевых, эта группа делала ставку на Владимира Андреевича, одарённого многими хорошими качествами: острым и любознательным умом, мужеством и твёрдым характером. Но требовавшие присяги были в большинстве. Они давили на несогласных, чтобы те тоже присягнули. Главной мишенью этого давления, естественно, стал Владимир Андреевич. Сильвестр, друживший с князем Владимиром Андреевичем и хорошо понимавший, к чему может привести правление Захарьиных-Юрьевых, в очередной обвинительный напор против князя вступился за него, чем навлёк на себя подозрение близких родственников царя.

И всё же, после долгих препирательств, присягнули все, в том числе князь Владимир Андреевич. Однако болезнь и споры о престолонаследии вновь всколыхнули в душе Ивана IV отрицательные черты его характера, утверждая ещё большее стремление к неограниченному самодержавию. Поначалу он не показывал этого, держался со всеми ровно и даже приветливо. Но несогласие, зашедшее столь далеко, не могло уже быть изменено. Сторонники присяги, особенно Захарьины-Юрьевы, понимали, что без устранения Сильвестра и Адашева, которого тоже подозревали в симпатиях к Владимиру Андреевичу, внушали царю, что они оба были на стороне его двоюродного брата. Царица тоже настроилась против них. Постепенно отчуждение стало накапливаться.

Свою первую независимость от советников он проявил сразу же после выздоровления, когда решил исполнить свой обет и ехать в монастырь Св. Кирилла Белозёрского. Ближние советники ему говорили, что он ещё слаб, дорога трудна и может быть вредна для младенца, что мятежи и бунты казанские требуют, чтобы он был в Москве. Царь их не послушал и в мае 1553 года поехал в обитель Св.Кирилла. Там в старости жил **Максим Грек**, сосланный Василием III, но освобождённый им самим. Царь посетил его келью. Касаясь путешествия царя, Максим Грек сказал ему, что царское дело требует государственного устроения после столь тяжёлой войны с Казанью и что неблагоразумные обеты вряд ли угодны Богу.

Но царь его не послушал. Тогда Максим Грек попросил А Адашева и А.Курбского передать, что в результате упрямства Ивана IV умрёт его сын Дмитрий. Но и это предупреждение не остановило царя. Он продолжил путешествие, заехав в Песношский монастырь, где сидел бывший коломенский епископ **Вассиан**, который пользовался в былые времена особой милостью Василия III. В боярское правление он был лишён епархии за лукавство и жестокость. В заточении он ещё

более обозлился на всех. Иван IV имел с ним беседу, выспрашивая, как лучше править государством. Вассиан ответил ему на ухо: ***«Если хочешь быть истинным самодержавцем, то не имей советников мудрее себя; держись правила, что ты должен учить, а не учиться; повелевать, а не слушаться. Тогда будешь твёрд на царстве и грозою вельмож. Советник мудрейший государя неминуемо овладеет им.»***

Эти слова проникли в глубину души Ивана IV, всколыхнув в нём весь негатив, накопившийся в последнее время. Царь схватил и поцеловал руку Вассиана, воскликнув: *«Сам отец мой не дал бы мне лучшего совета!»* Он продолжил путешествие, в ходе которого в июне умер его первенец Дмитрий. Сбылось предсказание Максима Грека. Но на первых порах, пока Иван IV чувствовал себя слабым в государственном управлении, он продолжал следовать некоторым советам Сильвестра и Адашева, которому дал сан окольничего и доверил, вместе с дьяком Михайловым, дела внешней политики.

В этом же году в мае из Англии отправились три судна с целью открыть новые торговые пути с Китаем через Северный ледовитый океан. Возглавлял эту экспедицию адмирал **Гиг Виллоби** с капитанами **Ричардом Ченслером** и **Дуффортом**. Отряду английских кораблей почти удалось достичь Новой Земли, но далее двигаться помешали льды. Пришлось возвратиться для зимовки на Лапландский берег, где в одном из заливов он погиб от стужи вместе с экипажами двух кораблей. Замёрзших было 65 человек. Корабль Р.Ченслера зашёл в устье Северной Двины, после чего экипаж высадился на берег. Капитан отправился в Москву и был принят Иваном IV, который даровал английской компании право торговли с Москвою.

Здесь, правда, уместно сказать, что славяне-поморы с незапамятных времён плавали для промыслов к ***Мурманскому берегу, Шпицбергену (Груманту)*** и ***Новой Земле***. Вели торговлю с поселениями, находившимися в устьях Оби и Енисея. При этом они проплывали Карское море, огибали полуостров Ямал или перетаскивали ладьи волоком через него из Карского моря в Обскую губу. Плавание из района нынешнего Архангельска до Оби продолжалось от 3 до 4 недель, а из Оби в Енисей от 2 до 3 недель. Эти плавания были периодическими и осуществлялись через каждые 350 лет. В очередной раз, из-за ухудшения природно-климатических условий, они были прекращены в конце XVI века.

Через девять месяцев после путешествия в марте 1554 года у Ивана IV родился второй сын, которого назвали **Иваном**. Находясь под страхом болезни, Иван IV немедленно написал завещание, в котором оказал величайшее доверие к брату Владимиру Андреевичу, назначив его, в случае смерти, не только опекуном юного царя и государственным правителем, но и наследником трона, если царевич Иван умрёт в юности или малолетстве. В этом же году дала свои плоды

церковная реформа. Усиление духовно-нравственного гнёта и несоответствие христианского мировоззрения существующей реальности выявило появление нового учения, проповедовал которое царский дьяк **Матвей Башкин**.

В то время связь с Рассеянией ещё сохранялась, и её волхвы не раз появлялись в Московской Руси. Вот и на этот раз волхвы-старцы, пришедшие из-за Волги, просветили М.Башкина, раскрыв перед ним лживость христианского учения. После чего он начал отвергать таинства христианской веры, «божественность» Христа, деяния Соборов и «святость Угодников». К нему пристали **Иван** и **Григорий Борисовы**, монах **Балобаев** и другие. Рязанский епископ **Кассиан**, ближе других знакомый с казаками и потомками ушедших в Дикое поле стрельцов, поддерживал учение волхвов и М.Башкина. Царь и митрополит на Соборе осудили опасных еретиков, после чего их всех заточили в темницы. Только Кассиан, разбитый параличом, избежал заточения.

С еретиками справились легко, так как их тогда было немного. По-другому обстояли дела с мятежами казанскими. Здесь требовалось усмирить завоёванные земли силой оружия. Для этого Д.Адашева с детьми боярскими отправили на Каму, а князей С.Микулинского, И.Шереметева и А.Курбского в Казань с многочисленными ратями. Они выступили зимою в трескучие морозы. Воевали у Камы и Меши. Взяли и разрушили земляную крепость, построенную мятежниками, дошли до вятских и башкирских земель. Почти ежедневно сражались в снежных лесах и степях. Убито было около 10 тысяч человек мятежников, в их числе мурза **Янчур Измаилтянин** и черемисский батыр **Алек**. Пленили около 6 тысяч человек из разных народов, а также около 15 тысяч женщин и детей.

Князья И.Мстиславский и М.Глинский разгромили луговых черемис. Захватили около 1 600 представителей знати и всех перебили. Но бунты не утихали. Казанские беглецы укрылись в ближних и дальних местах, возбуждали народ, вновь строили крепости, грабили и убивали купцов на Волге. Московские ратники 5 лет не опускали оружия. Без пощады стреляли, жгли и рубили мятежников. Наконец, силы мятежников ослабели, укрепления были разрушены, вожди перебиты. Для удержания казанского населения в повиновении были восстановлены некоторые крепости, а некоторые (Чебоксары и Лаишев) вновь построены и заняты стрельцами. Вотяки, черемисы, башкиры, желая милосердия, стали давать дань. После столь решительных действий казанцы смирились. Наместником был назначен князь П.Шуйский, который много приложил усилий для водворения спокойствия и восстановления хозяйственной жизни края. О дальнейшем продвижении на восток и юго-восток никто не думал.

Взятие Казани возбудило в Османской империи негодование. Турецкий султан предпринял активные действия по созданию коалиции

против Москвы. Он требовал от ногаев и астраханцев, чтобы они присоединились к **Девлет-Гирею** и выступили против Москвы. Ногайский князь **Юсуф**, мстя за пленение дочери и внука, согласился выступить против Москвы и подбил на это астраханского царя **Ямгурчея**. Однако у ногайского князя была сильная оппозиция во главе с **Исмаилом**, который убеждал Ивана IV, чтобы тот помог изгнать Ямгурчея и передать престол астраханского царства изгнаннику **Дербышу**.

Весной 1554 года Иван IV призвал Дербыша из ногайских степей, дал ему сравнительно немногочисленное войско, в которое вошли: царские дворяне, дети боярские, стрельцы, *вятчане* и *мещёрские казаки*. Начальствовать над этим войском были поставлены князь **Ю.Шемякин-Пронский** и постельничий **И.Вешняков**. В конце июня, достигнув Переволоки, Шемякин направил вперёд отряд князя А.Вяземского. Пока московская рать плыла по Волге, донские казаки, узнав о походе на Астрахань, поспешно двинулись к Переволоке под начальством своих походных атаманов **Фёдора Павлова**, **Андрея Шадры** и **Ляпуна**, всего собрать успели около 1,5 тысячи человек. У Переволоки они соединились с небольшим отрядом князя Вяземского, около 500 стрельцов, и устремились вперёд.

Так как стрельцы были пешими и двигались на повозках, основная тяжесть боёв легла на казаков. Астраханцев было около 3 тысяч человек. Они расположились около Чёрного острова. Казаки с ходу атаковали войско царя Ямгурчея и разгромили его, да так, что астраханцы, отступая, проскочили мимо самой Астрахани и остановились ниже её в 5 верстах. Подошедшие казаки вновь обратили их в бегство. Атаман Ф.Павлов настиг жён и детей царя Ямгурчея в ***Базцыж-Мачаке*** и забрал их в плен. Сам Ямгурчей, преследуемый казаками до самого Азова, едва успел скрыться в нём с 20 всадниками.

Князь Шемякин в начале июля 1554 года занял Астрахань без боя. В лагере, брошенном Ямгурчеем, князю Вяземскому досталось немало пушек и пищалей. Так как народ астраханский разбежался кто куда, то князю Шемякину пришлось принять меры, чтобы собрать его. В результате, было собрано около 500 мурз и 10 тысяч простых людей. Все они присягнули на верность Дербышу, а вместе с ним и царю московскому. Обязывались ежегодно выплачивать 40 тысяч алтын и 3 тысячи рыб в качестве дани. Обязывались также не препятствовать рыбной ловле русских людей от Казани до моря. Устроив власть в Астрахани, князь Шемякин оставил в ней отряд мещерских казаков во главе с дворянином Тургеневым для охраны Дербыша и присмотра за ним. Сам же с Вешняковым возвратился в Москву с пленными царицами и освобождёнными из плена русскими людьми.

Однако изгнанный Ямгурчей, получив помощь от крымского хана в 1555 году, попытался вновь овладеть Астраханью. Но казаки, узнав об этом, вновь прогнали его. Дербыш, вступив на престол в Астрахани, тяготился контролем установленным за ним, и стремился выйти

из повиновения Москве. Он тайно вошёл в союз с Девлет-Гиреем и ногайским князем Юсуфом. Из Крыма к нему приехал царевич **Казбулат**, которого Дербыш назначил на должность *калги*. В свою очередь, ногайский мурза Исмаил взял сторону Москвы и сообщил туда об изменнических планах Дербыша. Москве стало ясно, что Дербыш затеял измену.

Для приведения Астрахани к покорности, туда был направлен стрелецкий голова **Иван Черемисинов** с войском. Пока московское войско плыло по Волге на судах, донские казаки узнали об измене Дербыша. Походный атаман Ляпун быстро собрал казаков и не мешкая прибыл к Астрахани, значительно опередив Черемисинова. Дербыш и его сообщники пришли в ужас, *оставили город и рассеялись по* улусам. Казаки преследовали их, громили улусы, убивали и брали в плен бегущих. В 1557 году Дербыш бежал в Азов. И.Черемисинову оставалось только привести перепуганных астраханцев к присяге и организовать хозяйственную жизнь области, что он и сделал. Таким образом, Астрахань была окончательно присоединена к Москве.

Покорение Казани и Астрахани в корне изменили обстановку на восточных и юго-восточных границах Московской Руси. Вслед за покорением Астрахани, в Ногайской орде произошли крутые перемены. Князь Исмаил убил Юсуфа и подчинил себе всех западных ногаев. Советовал Москве построить крепость на Переволоке и Иргизе, чтобы переловить беглых ногайских мурз, не желавших ему повиноваться и тяготевших к Девлет-Гирею. Предложение крайне целесообразное, не столько потому, что нужно было переловить ногайских мурз, сколько для того, чтобы закрепить присоединённые земли за Москвой и иметь на Среднем Дону крепость для сбора войска и организации походов как в сторону Северного Кавказа, так и против Крыма.

После захвата власти Исмаилом, Ногайская орда вновь успокоилась и с нею вновь становилась возможной прибыльная торговля. На *самом деле убийство* Юсуфа *раскололо* и ослабило Ногайскую орду. Восточные ногаи всё более и более стали переходить на сторону Кайсакской орды. От Исмаила отходили и те, кто взял сторону Ямгурчея и Дербыша. Оказавшись под властью Исмаила, Ногайская орда настолько ослабла, что годы её существования практически были сочтены.

В начале 1555 года в Москву прибыли послы Сибирского татарского княжества. Князь Едигер поздравил Ивана IV со взятием Казани и Астрахани, обязывался платить дань Москве, если та окажет помощь воинскими силами для обеспечения безопасности Сибирского татарского княжества, изнемогавшего в борьбе с Кайсакской ордой и шейбанидами Тюркестана. Царь уверил послов в своей милости, взял с них клятву в верности и дал им жалованную грамоту. Послы Едигера сообщили, что в их княжестве 30700 жителей. Едигер соглашался с каждого жителя платить по соболю и белке.

Царь послал к Едигеру своего посла **Дмитрия Непейцина**, которому велел привести к присяге всё Сибирское княжество, переписать

чёрных людей и собрать с них дань полностью. Войска никакого не выделил. Едигер, видя стяжательство московского царя и его нежелание помочь воинской силой, отправил в Москву с послом **Бояндой** только 700 шкурок соболей, да разъяснение, что не может больше, так как шейбаниды напали на княжество и увели в полон много людей. В 1556 году Д.Непейцын и посол Едигера Боянда прибыли в Москву, где Д.Непейцын, вопреки Боянде, сообщил, что можно было собрать всю обещанную Едигером дань.

Царь повелел посадить сибирского посла в темницу, а к Едигеру направил служилых татар **Девлета Хосю** и **Собаню Рязанова** с увещевательной грамотой, чтобы Едигер и его люди выплатили обещанную дань. Едигер, всё ещё надеясь на помощь воинскими силами, в 1557 году собрал и полностью отправил обещанную дань с послом **Ивтемиром**. Но воинской помощи так и не получил, чем как раз и воспользовались шейбаниды, возведя **Кучума** на престол Сибирского татарского княжества в 1563 году.

Сильвестр и Адашев советовали послать войско на помощь Едигеру. С этим согласились и опытные военачальники. Однако были и противники. Против посыла войска выступали иерархи церкви и близкие к царице сановники. Помня ересь М.Башкина, они полагали, что посыл войска в Сибирское татарское княжество не только облегчит появление новых сторонников восточных славянских волхвов в Москве, но может привести к измене этого войска и возрождению былой мощи Татарии (Рассении), которая после многочисленных походов *джунгар* и *кайсаков* казалась погубленной.

Было и ещё одно опасение, связанное со старшинством рода и правами на престол. Род царствующей династии неоднократно прерывался ранее. Последнее случилось при Василии III. Иван IV, рождённый Еленой Глинской, не являлся сыном Василия III. В то же время первая жена Василия III, **Анастасия Сабурова**, после заточения в монастырь родила сына. Создалась интересная коллизия. На престоле находился человек, имевший на него сомнительные права, в то же время на свободе гулял разбойник **Кудеяр**, помнивший о своём царственном происхождении. В этих условиях появление представителей более древнего рода в Москве, а таких в Рассении был не один, означало крах для царствующей династии. Все эти опасения давали основательную почву для страхов. А в те времена даже цари страхами руководствовались намного чаще, чем анализом и разумом.

В результате, государственные мужи советовали, а царедворцы нашёптывали, естественно, понося государственных мужей. Эти нашёптывания всё более и более настраивали Ивана IV против Сильвестра и Адашева. Войско не послали, таким образом, отложили присоединение Сибири (Татарии) на добрых тридцать лет. Ещё больший промах был допущен на юге и юго-востоке. После присоединения Астрахани к Москве, в Ногайской орде началась усобица. Представлялась хоро-

шая возможность, оперевшись на сторонников Москвы, ввести на реку Яик (Урал) войско и установить юго-восточную границу по реке Эмбе. Строительство крепостей по этим рекам закрепило бы за Москвой эти территории и создало благоприятные предпосылки для последующего продвижения в Тюркестан. Но Иван IV не понимал важности для Москвы этого направления, как, впрочем, и других.

Не менее благоприятную ситуацию упустили на кавказском направлении. В то время на Северном Кавказе ислам ещё не был так глубоко внедрён. Народы этого региона тогда исповедовали различные религиозные учения. Не исчез ещё иудаизм. Даже славянское мировоззрение кое-где ещё сохранялось. Взятие Астрахани всколыхнуло все кавказские народы. Некоторые из них, прежде всего, исповедовавшие христианство, устремили свои взоры к Москве. Не только черкасы, ещё не вытесненные оттуда, но и грузины, и армяне изъявили желание войти в подданство Москвы. Сыновья черкасских князей **Сибека** и **Темрюка**, – **Кудадек** и **Салтанук**, – учились грамоте в Москве в Кремлёвском дворце.

И хотя грузинские и армянские желания были явно преждевременными, Северный Кавказ, оперевшись на донских и днепровских казаков, присоединить тогда было вполне можно и нужно. Не только Сильвестр и Адашев, но также некоторые думные дьяки советовали сокрушить Крымское ханство. Тем более, что оно тогда переживало огромные трудности, а донское и днепровское казачество было на подъёме. Такие возможности в истории случаются крайне редко. Поэтому к ним нужно быть готовым любому государству. **Московское государство, загнанное самодержавием Василия III в скорлупу собственных внутренних проблем, не смогло из этих проблем вырваться даже в молодые годы Ивана IV. Оно оказалось неспособным правильно оценить открывшиеся перспективы и поступить, сообразуясь с ними – утвердить своё государство там, где его удалось установить только через 200 лет.**

В 1555 году прошёл слух, что Девлет-Гирей выступил из Перекопа против черкасов. Иван IV повелел воеводе И.Шереметеву с 13-тысячной ратью, состоявшей из детей боярских, стрельцов и казаков, выйти из Белева Муравской дорогой к Перекопу, чтобы захватить ханские табуны и стада. Однако Девлет-Гирей у Июмского кургана повернул влево и устремился к границам Московского государства. И.Шереметев, находясь с ратью у Донца, обнаружил движение крымского войска в направлении Тулы и повернул за ним, сообщив в Москву о движении неприятеля. Царь немедленно выступил из Москвы с войском, но не к Оке, а к Туле, желая встретить крымского хана в поле.

Кроме царя, войско возглавлял Владимир Андреевич и бывший казанский царь Едигер (**Семеон**). Казалось, крымский хан попал в ловушку и ему обеспечен полный разгром. Но так только казалось.

Неумение хранить военную тайну московскими дьяками и наместниками спасла его. Дьяки сообщили наместникам, что хан попал в ловушку, те, в свою очередь, оповестили об этом народ. Захваченные тюрками-крымчаками жители сообщили эту весть хану. Девлет-Гирей решил уйти в Крым, но тут узнал, что его обоз, 60 тысяч лошадей, 200 аргомаков и 180 верблюдов захвачены И.Шереметевым, который всю добычу отправил в ***Мценск*** и ***Рязань***, а сам с семью тысячами казаков и стрельцов остановился в 150 верстах от Тулы, у Судбищ, где и встретил рассвирепевшего хана.

Передовую орду ширванцев казаки и стрельцы разбили наголову, захватили их знамя и заночевали на месте сражения. Однако неприятель захватил двух московских ратников, один из которых под пытками рассказал, что у И.Шереметева малочисленное войско. Девлет-Гирей распорядился с рассветом обрушиться всеми силами на стрельцов и казаков. Сражение длилось почти весь день (8 часов). Несколько раз казаки и стрельцы опрокидывали неприятеля. Только турецкие янычары стояли твёрдо, охраняя хана и пушки. На беду, был ранен И.Шереметев. В рядах стрельцов и казаков возникло замешательство и даже панические настроения. Кое-кто бросился в бегство. Но тут **А.Басманов** и **С.Сидоров** дали команду музыкантам бить в бубны и трубить в трубы. Бегущие остановились.

С двумя тысячами оставшихся в живых стрельцов и казаков они засели в буераке. Трижды крымцы пытались овладеть буераком, но всякий раз откатывались, неся большие потери. К вечеру, опасаясь подхода большого московского войска, хан повелел своим ордам уйти в степи. Прибывший в Тулу Иван IV наградил отважных сподвижников воеводы И.Шереметева, многие из которых потом скончались от ран, включая воеводу С.Сидорова. Удостоверившись, что хана настичь не удастся, Иван IV возвратился в Москву.

Девлет-Гирей, потеряв обоз, значительную часть своих табунов и войска, всё же не успокоился. В 1556 году он стал вновь собирать войско для похода и расположился станом у Конских Вод. Казаки под началом воеводы **Ржевского** стерегли его между Доном и Днепром. Сбор ханского войска они обнаружили весной и в мае сообщили об этом царю. Московское войско собралось в Серпухове и готовилось идти к Туле. Но войско хана собиралось медленно и никак не могло начать похода. Воевода Ржевский, видя такое дело, решил воспользоваться обстоятельствами, обратился к днепровским черкасам с предложением ворваться в Тавриду. Это предложение поддержали атаманы днепровских черкасов **Млынский** и **Еснович**, которые с несколькими сотнями казаков примкнули к Ржевскому.

Сборное казачье войско двинулось по Днепру в Крым. Вначале оно напало на ***Ислам-Кермень***, затем на ***Очаков***. Казакам удалось разогнать жителей и забрать их табуны. Затем они начали отходить. Крымчаки опомнились и бросились в погоню. Но Ржевский с казака-

ми устроил засаду и разгромил преследователей наголову. Узнав об этом, крымский калга вооружил всех, кого смог, и поспешил оказать помощь жителям Ислам-Керменя, у которого встретил Ржевского с казаками. Сражение длилось 6 дней, но калга не смог осилить Ржевского и вынужден был просить хана вернуться, чтобы спасти Крым.

Хан из-за неспешного сбора войска уже отказался от похода на Москву, но собирался ударить по днепровским черкасам, оказавшимся вдруг между Донцом и Миусом. Возглавлял их храбрый князь **Д.Вешневецкий**, по народным песням **«казак Байда»**. Ранее он служил Литве и был Каневским наместником. Спокойная служба его не устраивала. Он собрал днепровских черкас и двинулся на Дон, занял земли по Северному Донцу почти до Азова и предложил службу московскому царю. Главный стан его располагался на Донце в балке, до настоящего времени носящей название ***Вешневецкой***. Однако сразиться хану с Вешневецким не пришлось. Крым был важнее. Хан повернул в Крым, принудил Ржевского уйти и стал укреплять Ислам-Кермень, установив там пушки.

Тем временем Д.Вешневецкий не бездействовал. Он занял остров Хортицу в нижней части Днепра, против Конских Вод. Затем двинулся вниз по Днепру. Взял и сжёг Ислам-Кермень. Забрал из него все пушки и перевёз их в своё укрепление на о.Хортицу. 24 дня Девлет-Гирей пытался взять это укрепление. Все его попытки были отражены Вешневецким с казаками. И ещё одна неудача подстерегала крымского хана на Тамани. Здесь черкасы, объединившись, овладели двумя городами азовскими ***Темрюками*** и ***Таманом***. Крымский хан был в страхе. Он полагал, что Ржевский, Вешневецкий и черкасы Тамани – только первый эшелон большого наступления Москвы на Крым.

С ужасом он ждал подхода главного московского войска. В то же время просил у московского царя мира, а у турецкого султана помощи, так как считал положение практически безнадёжным. И это несмотря на то, что к нему откочевали многие западные ногаи. В зиму 1557 года Ногайскую орду постигли новые несчастья. Скот и люди гибли в степях от жестоких морозов. Некоторые ногайские мурзы надеялись поправить положение в Крыму. Но здесь свирепствовала засуха, связанный с ней голод и язва. По этой причине Крым мог выставить лишь около 10 тысяч всадников, ногаи и того меньше.

Знала ли Москва об этом? Конечно, знала. В Крыму (Тавриде) некоторые вельможи хотели сместить Девлет-Гирея и посадить на крымский престол брата Шах-Гали астраханского царевича **Тохтамыша**. Но заговор не удался. Тохтамыш бежал в Москву и сообщил Ивану IV о слабости Крыма. Однако необходимого решения не последовало. Этому были две причины. Во-первых, низкая боеспособность войска, его неспособность совершать дальние походы и закреплять завоёванное. Во-вторых, Иван IV, по заключению договора с

англичанами, ввязался в войну со Швецией, которая вполне могла перерасти в войну с Литвой и Ливонией.

Войско Московской Руси того времени представляло собой слабо организованную и низко боеспособную вооружённую силу. Оно включало: дворянское ополчение, стрельцов, пушкарей и пищальников; городовых и вольных казаков. Общая численность стрельцов, пушкарей и казаков составляла в 1556 году около 20 тысяч человек. Это было всего около 10% общей численности войска. Большую его часть составляло дворянское ополчение, в котором важную роль играли князья и бояре, имевшие свои воинские дружины. Боеспособность этих дружин прямо зависела от воинских способностей князя или боярина. Чем талантливей был князь или боярин в ратном деле, тем боеспособней была его дружина, тем большую угрозу этот князь или боярин и его дружина представляли царствующей династии.

Такое войско могло успешно действовать, если в нём было единодушие, если оно было объединено волей и авторитетом талантливого военачальника, либо волей и авторитетом самого царя. Однако царь не всегда мог возглавить поход войска. Поэтому большое войско чаще доверялось не талантливым, а преданным царю военачальникам. Такой подход имел свои негативные последствия. Как правило, малочисленные, в несколько тысяч человек, но боеспособные рати, успешно действовали. В то же время войско в несколько десятков тысяч человек оказывалось неспособным ни разбить равносильного противника, ни закрепить захваченную территорию.

Большую часть дворянского ополчения составляли мелкопоместные дворяне. О состоянии их вооружения красноречиво говорит смотр каширских мелкопоместных дворян, проведённый в 1556 году. Из 222 дворян лук со стрелами и колчаном (саадак) имел 41 человек, копьё – 19 человек, рогатину – 9 человек, топор боевой – 1 человек, остальные 152 человека вообще не имели никакого вооружения. Причины такого состояния дел крылись в сохранявшейся долгое время системе кормлений, призванной привлечь на сторону Москвы князей и бояр её противников. Однако эта система имела и свои недостатки. Кормленщики не были заинтересованы в благополучии мелкопоместного дворянства, так как это привело бы к снижению боеспособности дружин князей и бояр.

Поэтому кормленщики очень часто холопили и разоряли мелкопоместных дворян, что отрицательно сказывалось на боеспособности всего дворянского ополчения. **Таким образом, дворянское ополчение времён Ивана IV ни по организации, ни по вооружению, ни по умению воевать в подмётки не годилось ордынскому войску.** Кроме того, кормленщики очень редко организовывали обучение подчинённых им дворян. В этой связи в 1556 году **«Приговором царским о кормлениях и о службе»** был определён порядок привлечения дворян к ратной службе. В соответствии с этим «Приговором» с каждых 100 четвертей (около 57 га) «доброй земли» должен был

являться один дворянин на коне в полном доспехе, а в дальний поход с двумя конями. За ратника в полном доспехе владельцу земли стали выплачивать по два рубля, а в *тегиляе* (защитном кожаном доспехе с прошитыми между кожами костяными или дубовыми пластинами) по одному рублю. Денежное вознаграждение удваивалось за каждого из выставленных сверх нормы людей. Кроме того, в 1557 году царь *запретил взимать с мелкопоместных* дворян «рост» (проценты) за старые долги, а сами проценты ограничил 10% годовых.

Эти меры позволили улучшить вооружение мелкопоместного дворянства, значительно увеличили численность дворянского ополчения с 200 до 300 тысяч человек и усилили подчинение князей и бояр центральной власти, так как эти меры серьёзно подрывали основы содержания и формирования княжеских и боярских дружин. Естественно, эти меры вызвали недовольство многих князей и бояр, так как они серьёзно ущемили их права и привилегии. Тем самым закладывались основы для конфликта между двумя служилыми сословиями Московской Руси. По разные стороны баррикад были разведены, с одной стороны, князья и бояре, с другой, мелкопоместное дворянство. Всё это вело к потрясениям с непредсказуемыми последствиями. В то же время эти меры не могли серьёзно улучшить подготовку ратников, которая продолжала оставаться низкой. Такое войско могло иметь высокую боеспособность, если оно почти непрерывно вело войны. Причём война должна была вестись с решительными целями. В случае прекращения войны и наступления длительного мирного периода такое войско быстро деградировало.

Выявлялась настоятельная необходимость создания постоянного регулярного войска, подобного ордынскому. Опыт его создания тоже имелся. Немногочисленные стрельцы могли послужить основой для его создания. Однако у Ивана IV были другие планы на этот счёт. **Эти планы он до поры, до времени хранил в своей душе и голове, сосредоточивая все усилия на укреплении и сохранении самодержавия, искоренении всякой оппозиции ему и христианскому мракобесию.**

Так как казаки и стрельцы были задействованы на юге и в казанских землях, то в войне против Швеции, в основном, действовало дворянское ополчение и сравнительно небольшое число пушкарей и пищальников. Инициатором войны была Швеция, встревоженная начавшейся торговлей Москвы с Англией, тем более, что обе стороны претендовали на чужие земли в приграничье. Противостояние здесь зашло столь далеко, что новгородские жители, вооружившись, заняли некоторые спорные места. Шведы побили их. Иван IV повелел князю **Ноггеву** с новгородскими воеводами защитить свои земли. Король Швеции **Густав Ваза**, опасаясь, что Иван IV двинет большое войско, прибыл в Финляндию для организации обороны и предотвращения вторжения.

Но его адмирал **Иван Багге** убедил короля в необходимости организации похода против Москвы, ссылаясь на то, что Иван IV вот-вот умрёт и тогда можно будет легко завоевать часть северных территорий Московии. Старый король согласился, и Багге немедленно осадил русскую крепость ***Орешек*** (*Нотебург*). В его распоряжении был флот, пехота и конница. Началась стрельба из пушек по городу. Отдельные отряды разоряли и жгли русские селения в окрестностях крепости. Жители Орешка мужественно оборонялись. Князь Ногтев и дворецкий С.Шереметев с двух сторон теснили шведов, били их отряды, захватывали суда и снабженцев. Наступила осень. Потеряв в течение месяца немало людей, И.Багге вынужден был возвратиться в Финляндию.

К зиме в Новгороде собралось многочисленное московское войско. Шведы пытались в переговорах предотвратить его вторжение. Но это им не удалось. Воеводы князья П.Щенятев и Д.Палецкий с войском вступили в Финляндию. Взяли и сожгли городок ***Кивень***, далее двинулись на ***Выборг***. В пяти верстах от него передовые отряды натолкнулись на шведское войско, которое энергично атаковало их и оттеснило на юг, овладев господствующей высотой. Московским воеводам хватило ума обойти высоту и напасть на шведов с тыла. Шведы были разбиты, в плен попало немало знатных королевских сановников. Остатки шведского войска заперлись в Выборге.

Московские пушкари три дня стреляли по Выборгу, но из-за малочисленности пушкарского наряда и непродолжительности стрельбы не смогли серьёзно повредить крепостных стен. В это время дворянское ополчение опустошило берега ***Воксы*** и разорило ***Нейшлот***. На этом, собственно, боевые действия закончились. Эта война ярко показала, что дворянское ополчение могло использоваться только для осуществления непродолжительных грабительских походов. Из Финляндии было выведено множество пленников. Летописцы сообщают, что победители продавали мужчину за гривну, а молодую женщину за полгривны. В 1557 году Густав Ваза направил в Москву посольство, чтобы заключить мир.

После долгих переговоров заключили мир на сорок лет. Чего хотели стороны в этой войне? Швеция, не имея сил, но опасаясь усиления Москвы, пыталась воспользоваться эфемерным случаем и отхватить у неё кусок территории и прервать торговлю с Англией. Москва имела силы, была заинтересована в торговле с Англией, но не имела ума превратить эту войну в победоносную, открывающую ей выход в Балтийское море. Не понимали, что, отказываясь от закрепления территорий на юге и юго-востоке, на севере нужно будет решать те же самые вопросы, чтобы установить надёжные связи с Европой. То есть нужно было вести войну на завоевание Финляндии.

Однако ни стратегической прозорливости, ни желания, ни умения использовать благоприятно складывающуюся обстановку у Ивана IV

не было. Да и откуда им было взяться. **Христианский религиозный фанатизм и мистицизм мог ориентировать молодого правителя только на укрепление личной власти и стремление построить Царство Божие, создать которое на Земле невозможно по определению.** Более того, стремление создать такое царство неизбежно приводило к серьёзным неудачам, внутренним разногласиям, раздорам, репрессиям и неустойчивости государства, ещё более губительным, чем те, которые переживала Москва при Василии III. На этом, собственно, заканчивается наиболее удачный период правления Ивана IV, обеспеченный деятельностью его ближних советников – Сильвестра и А.Адашева.

Правление Ивана IV в молодости 1558-73 гг.

Нерешительность и стратегическая недальновидность Ивана IV явились причиной растущего усиления Швеции в перспективе и быстрого активного противодействия Турции. Султан обратил внимание на мольбы крымского хана и направил ему в помощь турецкие войска и волошские дружины. Князь Д.Вешневецкий не удержался на Хортице. Истощив силы и запасы, он был вынужден оставить свою крепость и отойти в пределы Литвы. Заняв ***Черкассы*** и ***Канев***, жители которых приняли его, Д.Вешневецкий писал Ивану IV, что готов *вновь идти против хана и подчинить нижнеднепровские* области Москве. От Ивана IV требовалось согласие и помощь войском.

Так как это предложение приводило к разрыву с Литвой, Иван IV, не желая с ней воевать, велел Д.Вешневецкому возвратить Литве Канев и Черкассы и пригласил его в Москву. Отмечая усердие Д.Вешневецкого, царь дал ему в кормление город Белев со многими богатыми волостями. Тем самым он хотел иметь в лице Д.Вешневецкого на юго-западе Московской Руси форпост и угрозу, как для Крыма, так и для Литвы. Долго ли могла существовать эта угроза? Вряд ли. Люди смертны, и обстоятельства тоже меняются, а случаи благоприятные столь редко повторяются в истории, что пренебрегать ими крайне неразумно.

И даже когда крымский хан стал требовать уплаты дани за походы против Литвы, Иван IV имел полную возможность заключить союз с Литвой и выступить против Крыма. Но ограничился только переговорами с ней и посылкой 5 тысяч войска Д.Вешневецкому, да советом – совместно с черкасскими князьями воевать Тавриду. В то время как для успеха дела надо было иметь на Днепре, Дону и Тамани три войска по 30-60 тысяч человек с энергичными военачальниками. Тем более, что союзу с Литвой препятствовала Ливония, которая старалась не пропускать в Москву людей искусных в ремёслах, художествах, ратном деле, металлургии, а также гонимых и притесняемых в немецких землях.

Ливония настраивала императора Священной Римской империи против Москвы, сообщая ему, будто бы Иван IV стремится покорить все окрестные страны: Литву, Польшу, Пруссию и Швецию. **Именно с тех пор, с подачи ливонских политиков, родился устойчивый миф об агрессивности Москвы и её стремлении завоевать Европу. Этот миф вытаскивается всякий раз и используется враждебными России силами, как только ей удаётся добиться каких-либо успехов во внешней и внутренней политике.** Главной причиной такого отношения Ливонии к Москве было то, что Ливония не хотела платить дань, согласно договору с Плеттенбергом от 1503 года, и стремилась заручиться поддержкой европейских государств на случай войны с Москвой.

Москва требовала выплаты дани за все предыдущие 50 лет, а затем выплату регулярной дани ежегодно. Магистр Ливонии **Генрих фон Гален** был вынужден согласиться почти со всеми требованиями Москвы, однако не спешил их выполнять. По совету епископского канцлера было решено обмануть Ивана IV: *«Царь силён оружием, а не хитёр умом. Чтобы не раздражать его, утвердим договор, но объявим, что не можем вступить ни в какое обязательство без согласия императора римского, нашего законного покровителя; отнесёмся к нему, будем ждать, медлить – а там, что Бог даст!»*

Договор подписали и передали московскому послу **Терпигореву**, который усомнился в искренности ливонских вельмож, о чём и сообщил Ивану IV. Царь промолчал, но имея договор, стал в государственных бумагах писаться *«Государём Ливонския земли»*. В феврале 1557 года в Москву вновь прибыли послы магистра и дерптского епископа. Узнав, что они приехали без дани, Иван IV велел им ехать обратно, сказав при этом: *«Вы свободно и клятвенно обязались платить нам дань; дело решено. Если не хотите исполнять обета, то мы найдём способ взять своё»*.

Таким образом, христианско-самодержавная мишура и стяжательство взяли верх, и Москва по собственному неразумию вползла в войну почти со всей Европой, на первых порах полагая, что она легко одолеет Ливонию. Ведя переговоры, Иван IV в то же время собирал войско к границам Ливонии. К исходу осени 1557 года 40 тысяч человек было готово к походу под начальством царевича Шах-Гали, бояр Глинского, Д.Романовича, И.Шереметева, князей Серебряных, А.Курбского и других воевод. Кроме русских ратников, в этом войске были казанские тюрки, черемисы и пятигорские черкасы. Очередное ливонское посольство вновь приехало без дани, и московский царь распорядился начать поход. В январе 1558 года московское войско вступило в Ливонию.

До августа было взято 20 городов, в том числе сильная крепость Дерпт, в которой московскому войску досталось 552 пушки, а также много другого добра. В этих делах отличился князь И.Шуйский, которого Иван IV отозвал из войска и щедро наградил. Вместо него в

Ливонию были направлены **Д.Курлятев** и **М.Репнин**. Но они были менее искусны и удачливы. Им удалось взять городок ***Кавелехт***, сжечь ***Верполь*** и нанести поражение немцам в предместье ***Ревеля***. В то же время магистр и воевода рижского епископата **Фелькерзам**, собрали более 10 тысяч ладскинехтов и осадили Ринген. Отряд стрельцов численностью в три сотни человек, во главе со стрелецким головой **Русиным-Игнатьевым**, удерживал городок в течение пяти недель, пока были огнеприпасы.

Московские рати были недалеко, но помощи не оказали. Московские воеводы оправдывались, что у противника стан был хорошо укреплён, а рати утомились. В то же время хвалились победой над **И.Кетлером**, братом магистра, которого пленили вместе с 260 немцами между Рингеном и Дерптом. Войско магистра первым нанесло удар, опрокинуло рать князя Репнина и чуть не овладело Дерптом, в котором почти не было защитников. Только усилиями большей части московского войска воинство магистра было разбито. В осаде Рингена и сражении под Дерптом немецкое войско потеряло много людей. Его численность сократилась до 6 тысяч человек, поэтому в конце октября магистр отвёл своё войско к Риге.

В 1558 году произошло ещё одно важное событие на востоке Московской Руси. **Аника Строганов** послал в Москву своего сына **Григория**, чтобы тот выпросил у царя земли по реке Каме до реки Чусовой, которые располагались южнее Великой Перми. Григорий Строганов просил разрешения поставить в тех местах городок, снабдив его пушками и пищалями, нанять пушкарей, пищальников и воротников для охраны тех мест от ногайских и других орд. Просил также разрешения по речкам и озёрам рубить лес, ставить дворы, пахать пашни, людей приглашать нетяглых, искать залежи соли и её добывать. Грамотой царь пожаловал Григория Строганова этими землями с просимыми им правами и предоставил ему льготы на 20 лет от платежа всякой дани, посошной службы и городового дела.

Людей, которые должны были селиться у Строгановых, освободили от суда пермских наместников и тиунов, предоставив их судить Строганову. Принимать людей разрешалось при условии, что это будут не беглые, не тати, не разбойники. Разрешался поиск руд: серебряной, медной и оловянной при условии, что при обнаружении таковых немедленно сообщат в Москву. Разрабатывать руды Строгановым запрещалось. В 1559 году Строгановыми был построен городок ***Канкор*** в 20 верстах от устья речки Усолки. Через 5 лет после этого, при Орловских соляных варницах, возник городок ***Кергедан***, называвшийся также слободою ***Орёл***.

В 1558 году англичанин Дженкинсон ездил из Астрахани в Бухару, чтобы определить возможность сухопутной торговли между Московским государством и Китаем. При этом он первый из европейских путешественников сообщил об Аральском море, которое на его карте

носит название ***Китай-озеро***. Это ложное название вошло в употребление, в то время как славяне издревле, а затем и русские периода Московской Руси называли его ***Синим морем***. Настоящим Китай-озером было и остаётся озеро ***Лобнор***, расположенное на северо-западе нынешнего Китая.

Иван IV, недовольный Курлятевым и Репниным, в декабре 1558 года послал им на смену воевод князей С.Микулинского, Василия и Петра Серебряных, И.Шереметева, М.Морозова, царевича Тохтамыша, князей черкасских, а также усилил войско, чтобы, наконец, заставить Ливонию платить дань. В январе московское войско вступило в Ливонию и двинулось на ***Мариенбург***. Вблизи Тирсина рать князя В.Серебряного встретила немецкое войско под предводительством Фелькерзама. Несмотря на то, что в рядах немцев были знатнейшие рыцари ордена и служители рижского архиепископа, В.Серебряный со своей ратью разгромил это войско. Фелькерзам и около 400 рыцарей были убиты в этом сражении. Канцлер рижского архиепископа и ещё тридцать рыцарей были пленены. Остальные бежали – кто куда.

Так князь В.Серебряный и его рать открыли путь на Ригу и решили судьбу кампании 1559 года. Московское войско устремилось к морю. Крупных городов и крепостей не осаждали. Брали только небольшие городки, которые немцы часто сами бросали и уходили. Только жители городка ***Шмильтен*** оказали сопротивление. Однако наши казаки числом 3 тысячи человек, во главе с атаманом Черкашениным, ломами расковыряли каменную стену и ворвались в город, а затем долго рубились с отчаянным неприятелем. Тем временем главные силы подошли к Риге и три дня стояли у её стен. Разграбили окрестности и сожгли много судов в устье Двины, опустошили её берега, приморские земли и Курляндию до Литвы и Пруссии. Захватили огромную добычу, множество пленников и в феврале вышли к Опочке. Воеводы сообщили Ивану IV, что *Ливония разбита и выжжена*. Но всё же главная задача не была решена. Крупнейшие города-крепости ***Венден*** и ***Рига*** взяты не были.

После этого погрома у Ливонии появились заступники. Первым претензии предъявил литовский король **Август**, за ним шведский король **Густав** и датский король **Фредерик II**. Переговоры с Литвой обозначали рост напряжённости и возможность возникновения войны с нею. Перемирие согласились соблюдать только до 1562 года. Советы шведов отвергли. Требования датчан уважили заключением перемирия с Ливонией на шесть месяцев – с мая по ноябрь 1559 года. Главной причиной этой уступки явилось агрессивное поведение крымского хана Девлет-Гирея. Это ещё раз показывало, чтобы иметь успехи на западе и северо-западе, нужно было прочно закрепиться на Северном Кавказе, Нижнем Дону и Нижнем Днепре. И такая возможность была. Князь Д.Вишневецкий, посланный против Крыма, дошёл до устья Днепра, не встречая крымчаков. Хан со своими ордами сидел за Перекопом, боясь показаться за его пределы.

Д.Вешневецкий возвратился в Москву, оставив на Днепре дьяка Ржевского с казаками. Крымский хан, видя, что московское войско ушло, стал посылать мелкие отряды к ногаям и Казани, желая узнать положение дел. Некоторые из этих отрядов были перехвачены донскими казаками. И всё же ему удалось склонить на свою сторону часть ногаев, не желавших подчиняться Исламу, и узнать о войне Ивана IV с Ливонией. Полагая, что большая часть московского войска находится в Ливонии, он решил совершить поход против Москвы. В декабре 1558 года он направил своего сына **Мухаммед-Гирея** к Рязани, улана **Мухаммеда** – к Туле, а князей **Ширинских** и ногаев – к Кашире.

Войско Мухаммед-Гирея достигло реки Мечи и здесь от пленников узнало, что Иван IV находится в Москве, князь Д.Вешневецкий – в Белеве, М.Воротынский – в Туле, а И.Шереметев – в Рязани, и каждый имеет сильную рать. Мухаммед-Гирей не решился идти дальше и повернул назад. Двигаясь через степи зимой, потерял немало лошадей и всадников. Князь М.Воротынский преследовал его до ***Оскола***, но догнать не смог. В это время донские казаки, воспользовавшись отсутствием крымского войска, напали на ногайские улусы вблизи Перекопа и разграбили их, угнав 15 тыс. лошадей. Желая наказать крымского хана, Иван IV направил Д.Вешневецкого с пятью тысячами лёгкого войска к Азову, чтобы оттуда он своими нападениями тревожил Крым.

Такая задача не могла быть успешно решена. Не взяв Азова, невозможно было с этого направления серьёзно угрожать Крыму. А для взятия Азова и закрепления его за Москвой нужно было посылать значительно большее войско. В следствие этого успехи Д.Вешневецкого были незначительны. Ему удалось истребить всего лишь несколько сотен крымчаков. Более успешно действовал брат А.Адашева **Данила Адашев**. С восемью тысячами стрельцов и казаков он около ***Кременчуга*** построил ладьи и в них спустился к устью Днепра. Захватил два корабля в море, высадился в Крыму и более двух недель громил западную часть полуострова, жёг селения, захватывал стада и людей, освобождал московских и литовских пленников.

Крым охватила паника. Жители бросали улусы и с воплями: ***«Русские! Русские! Царь с ними!»*** уходили в горы, прятались в дебрях. Никто не оказывал сопротивления, хан был в ужасе. Наполнив ладьи добычей, Д.Адашев повернул назад. Турки в Очакове не посмели ему препятствовать, так как он заявил, что не воюет против султана, но наказывает Девлет-Гирея за вероломство. Пока Д.Адашев со своими удальцами медленно плыл вверх по Днепру и преодолевал пороги, крымский хан, наконец-то, собрал войско и настиг его. Казаки и стрельцы высадились у Монастырского острова и изготовились к сражению. Девлет-Гирей, опасаясь поражения, не решился вступить в сражение и ушёл в Крым.

Успешные действия Д.Адашева и его рати чуть было не побудили Ивана IV к более решительным действиям в отношении Крыма. Он даже повелел Д.Адашеву и его товарищам прибыть в Москву для совета по поводу войны с Крымом. Но этому не суждено было случиться. Затеянная по неосмотрительности и мелочности война с Ливонией разразилась с новой силой, и Ивану IV стало не до Крыма. Дав перемирие и выведя большую часть войска из Ливонии, Иван IV сам способствовал восстановлению её сил и приобретению ею союзников. Получив перемирие, ливонцы не теряли время даром. Вначале они склонили на свою сторону литовского короля Августа, отдав ему в залог крепости ***Мариенгаузен, Лубан, Ашерат, Дюннебург, Розиттен, Луцен*** и обещая заплатить ему 700 тысяч гульденов по окончании войны.

Август согласился и обязывался все силы выставить против Москвы, защитить Ливонию, восстановить её целостность и разделить с нею будущие завоевания в Московии. Оказывать помощь стали и другие. Герцог мекленбургский **Христоф** собрал в Германии новое наёмное войско. Священная римская империя обещала магистру 100 тыс. золотых. Герцог прусский и ревельская община ссудили магистра большими деньгами. Не меньшие деньги выделили ему другие граждане. У тех, кто хотел бежать в Германию, изъяли всё золото и серебро в орденскую казну. Получив значительные денежные средства, магистр в два раза увеличил число своих ландскехтов и за месяц до окончания перемирия выступил из Вендена, быстро появился у Дерпта и наголову разгромил рать воеводы **З.Плещеева**, который только убитыми потерял более тысячи человек.

Иван IV счёл действия магистра актом нового вероломства и направил в Ливонию своих знаменитых военачальников князей И.Мстиславского, П.Шуйского и В.Серебряного. Их рати двинулись спасать завоёванные ранее земли Ливонии. Осенняя слякоть препятствовала походу. Враждебность населения также создавала известные трудности. Казалось, жители Ливонии во взаимодействии с войском магистра смогут противостоять московским ратям. Но так только казалось. Вместо того, чтобы поднять население Ливонии на восстание, магистр **Кетлер** осадил Дерпт. Оборонявший город воевода князь **А.Ковтырёв-Ростовский** заточил опасных граждан города в ратуше, встретил воинство магистра сильной пушечной стрельбой и осуществил удачную вылазку. Кетлер с войском десять дней стоял у города, обстреливая его из пушек, но не принёс никакого вреда осаждённым.

Морозы, метели и скудная пища вызвали недовольство ландскнехтов, не привыкших воевать в таких условиях. Кроме того, умножались день ото дня силы противника. Кетлер вынужден был снять осаду Дерпта и отошёл к Лаису, желая его взять. Лаис обороняли около 400 стрельцов, во главе со стрелецким головой **Кошкаровым**. Ландскнехты поставили туры, разбили стену, но взять крепость не смогли.

Стрельцы сопротивлялись отчаянно. Два дня воинство Кетлера пыталось взять Лаис. Но безуспешно. На третий день Кетлер вынужден был отступить к Вендену.

Потери в людях были значительными, ещё большим было уныние и подавленность. Всё это надолго отбило у магистра желание сражаться с московскими ратями. Он наверняка рассчитывал, что король Август выступит одновременно с ним, но просчитался. Август, конечно же, приступил к сбору войска, но столь быстро подготовить его не смог. Собирая войско, он пытался оказать дипломатическое давление на Ивана IV. С этой целью послал для переговоров в Москву своего секретаря **Володковича**. Давление не удалось. Отношения Москвы и Литвы ещё более испортились. В это время активизировалась Священная римская империя. Император **Фердинанд** просил не трогать Ливонию.

Между тем московские рати вслед за Кетлером устремились вглубь Ливонии и подошли к ***Тарвасту***. Здесь находился престарелый магистр **Фирстенберг**. Он организовал вылазку, но неудачно. Московские ратники смяли его людей, затем подошли к Феллину, разбили у него немецкий отряд и сожгли предместье. В это время главные московские воеводы Мстиславский, Шуйский, Серебряный разгромили всю ливонскую землю от Пскова до Рижского залива, взяли крепость Мариенбург. Здесь вновь отличился боярин **М.Морозов**, который ранее умело организовал обстрел Казани. Пушкари, управляемые им, за несколько часов разбили до основания стену крепости. После чего немцы сдались. Всё это происходило в 1560 году.

Весной 1561 года московские рати из Дерпта ходили в Эстонию. Им удалось выманить немцев из Вернеля и завлечь в засаду, где все они были перебиты. Псковские вольные ратные люди ходили по всей ливонской земле, захватывали крестьян и толпами гнали их для продажи в Москву. Предвидя войну с Литвой, Иван IV хотел быстрее расправиться с Ливонией. В конце зимы 1561 года он направил туда новую рать во главе с князем А.Курбским, выказав при этом ему особое доверие. Помощником А.Курбского был Д.Адашев. В конце мая рать А.Курбского и Д.Адашева выступила из Дерпта, взяла замок ***Фегефеер***, опустошила ***Коскильскую область*** и разгромила немецкий отряд под ***Виттенштайном***.

Узнав от пленников, что бывший магистр Фирстенберг стоит с девятью конными и пешими полками в восьми милях от города за болотами, А.Курбский и Д.Адашев решили обойти его через болото с пятью тысячами стрельцов и казаков. Целый день стрельцы и казаки вязли в болотах, но не напрасно. Фирстенберг караулил московскую рать на широком поле в десяти верстах от места, где А.Курбский и Д.Адашев решил выйти ему в тыл. Когда солнце село и кони отдохнули, стрельцы и казаки тихо двинулись на противника. В полночь вышли к немецкому лагерю, который был освещён кострами, развернулись и открыли стрельбу, которая длилась около двух часов.

С подходом резерва московская рать бросилась вперёд, опрокинула немцев и гнала шесть вёрст до реки. Мост, через который бегущие пытались спастись, обрушился. Немало немцев утонуло, ещё больше погибло в сече. Фирстенберг спасся чудом. За два месяца А Курбский и Д.Адашев одержали ещё шесть побед, среди которых заметным было сражение у Феллина. Фирстенберг заперся в крепости, но, видя перед собой всего несколько сотен казанских всадников, решил их разгромить и организовал вылазку. Его отряд вышел из крепости и стал преследовать казанцев, которые, притворно отходя, навели немцев на засаду. Фирстенберг вновь спасся, благодаря своему боевому коню. Что касается рыцарей его отряда, то они почти все погибли в этом бою.

Несмотря на многочисленные тактические успехи московских ратей, крупные города-крепости взять не удалось. **Для этого нужно было менять стратегию ведения войны. Не принуждение Ливонии к уплате дани, а её территориальное завоевание могло в корне изменить ситуацию. Казанский опыт ясно показывал, что нужно делать. Однако Иван IV не способен был этого понять.** Три года войны не дали победного результата. Иван IV попал в положение Василия III, какое случилось с последним в отношениях с Казанью. Благо, крупных поражений не было. Естественно, в таких случаях обострились отношения царя со своими ближними советниками. Тем более Сильвестр и Адашев были противниками войны с Ливонией, считали ливонцев христианами, хотя и не греко-византийского вероисповедания, полагая их неопасными, выступали за перенесение воинских усилий на юг против Крыма.

Они всегда высказывали своё мнение прямо и смело, не угождали желаниям Ивана IV, которому в 1560 году исполнилось 30 лет и который всё более и более тяготился своими советниками. Мнения Сильвестра и Адашева, высказанные в независимом тоне, он стал считать непристойной грубостью, оскорбительной для него. Тем более за прошедшие 13 лет при дворе образовалась большая группа людей, поддерживавшая их, что ставило под сомнение самовластие царя, угрожая самим основам самодержавия. Вырастала необходимость перехода к ограниченной монархии. Чувствуя это, Иван IV всё более и более прислушивался к их противникам, в числе которых были братья его жены Анастасии и многие обычные завистники, не терпящие умных людей, тем более поднявшихся выше по общественной лестнице.

Наушничанье усиливалось, а вместе с ним усиливалось отрицательное отношение царя к своим ближним советникам. К весне 1560 года дело зашло так далеко, что Сильвестр и Адашев решили удалиться от больших государственных дел. Это показывает, что они не были готовы пойти на ограничение монархии, возможно, полагали, что это может привести к очередной усобице. Однако их благородный уход не спас страну от усобицы, её организовал сам Иван IV. Адашев

испросил сан воеводы и назначение в Ливонию. Сильвестр, дав царю благословление, ушёл в монастырь. Их друзья и сторонники остались без поддержки, а неприятели торжествовали, старались как можно больше насолить свергнутым фаворитам.

Но пока А.Адашев ещё имел возможность послужить Отечеству, сменив внешнеполитическое поприще на воинское. Он принял активное участие во взятии города-крепости Феллин, где укрылся бывший магистр Ливонии Фирстенберг. В 1560 году царь послал в Дерпт дополнительное войско 60 тысяч конницы и пехоты, 40 осадных и 50 полевых пушек. Возглавили войско князья И.Мстиславский и П.Шуйский. Им была поставлена задача взять Феллин. Московские рати медленно шли по берегу реки Эмбах, пушки и припасы везли на судах. Так как прошёл слух, что Фирстенберг, в целях спасения богатой казны, собрался отправить её в ***Габзаль***, была выделена передовая рать (12 тысяч всадников) под начальством воеводы князя **Барабашина-Шуйского**, чтобы перехватить все дороги, ведущие к морю.

Проделав большой переход и утомив людей и лошадей, Барабашин дал им отдых в пяти верстах от ***Эрмиса***. В жаркий полдень, когда его ратники отдыхали, 500 немецких всадников и столько же пеших ландскнехтов, под начальством ландмаршала **Филиппа Беля**, внезапно с криками атаковали отдыхающих московских ратников. Только в первые минуты в среде московского воинства возникло замешательство. Затем оно остановило немцев, с флангов охватило их, стеснило и большую часть перебило. В плен взято было 11 командоров и 120 рыцарей, в их числе Филипп Бель, ревностный защитник Ливонии. Его отвезли в Москву к царю, с которым он держал себя дерзко. Иван IV приказал отсечь ему голову, что и было исполнено.

Тем временем московские рати осадили Феллин, стрельбой из пушек разбили стены и зажгли город в нескольких местах. Тогда ландскнехты потребовали от Фирстенберга, чтобы он вступил в переговоры об условиях сдачи крепости. Фирстенберг не соглашался и предлагал все свои сокровища, чтобы они обороняли город. Однако наёмники не захотели обрекать себя на верную смерть, ибо ждать помощи было неоткуда. Фирстенберг вступил в переговоры и требовал выпустить его с казной. Совет московских воевод не принял его условий, выпустили только наёмников, которые взломали сундуки Фирстенберга и разграбили их. Князь Мстиславский распорядился отнять у них награбленное, даже их собственные драгоценности, и изгнать их из города.

В Ригу они пришли нищими, и магистр Кетлер распорядился повесить их как изменников. В Феллине московским ратникам достались три каменные крепости с глубокими рвами, 450 пушек и множество всяких припасов. Это показывает, что город мог успешно противостоять осаждающим, если бы не малодушие наёмного гарнизона. Это, конечно, был большой успех московского войска, но это не была

столица Ливонии Рига, после взятия которой можно было надеяться на окончание войны. Фирстенберг был доставлен в Москву, где его благосклонно принял царь, который дал ему в кормление селение ***Любим*** в Костромской области, где он и дожил до своей кончины, кляня судьбу и хваля милосердие Ивана IV.

Взятие Феллина предвосхитило падение ордена. Города ***Тарваст, Руя, Верполь*** и многие укреплённые замки сдались. Московские рати повсюду сеяли смерть и разорение. А.Курбский разбил войско нового орденского ландмаршала вблизи Вольмара. Узнав, что литовские отряды приблизились к Вендену, быстро напал на них, разбил, обратил в бегство и выгнал из пределов Ливонии. Воевода **Яковлев** в приморской части Эстонии, где скрывались знатнейшие жители ***Гаррии***, захватил множество скота и других богатств. Проходя мимо Ревеля, разгромил отряд его граждан, около тысячи человек, пытавшихся сделать вылазку. В это время главное московское войско на пути к Ревелю осадило крепкий и окружённый топкими болотами Вейсенштайн. Войско Мстилавского простояло около него шесть недель, истратило припасы и, не решившись на приступ, возвратилось назад. Это говорит о том, что многие московские полководцы того времени не могли отличить второстепенное от главного и потому часто растрачивали силы впустую.

Возможно, в пылу ведущейся войны всё бы со временем забылось, а Сильвестр и Адашев спокойно бы дожили до своей естественной кончины, не случись нового происшествия, связанного с очередным пожаром в Москве и смертью жены Ивана IV **Анастасии**. До этого времени Анастасия, пышущая здоровьем и молодостью, родила Ивану IV сына **Фёдора** и дочь **Евдокию**. Но в июле 1560 года Анастасия тяжело заболела. Болезнь усугубилась испугом от большого пожара, вновь случившегося в Москве. Загорелся Арбат, тучи дыма с искрами и летящими головнями неслись в сторону Кремля. Больную Анастасию увезли в село ***Коломенское***. Царь сам участвовал в тушении пожара. Многие люди погибли либо были изувечены. Царице от страха и беспокойства стало хуже.

Старания медиков были напрасны, в августе Анастасия умерла. Иван IV тяжело переживал смерть жены, обессилел и, стеная, рвался из рук во время похорон, когда его вели братья и приближённые. Увещевания митрополита не действовали. Пожар и смерть жены настолько серьёзно повлияли на психику Ивана IV, что давно дремавшая в нём деспотия и жестокость, а также неприязненность к своим бывшим ближним советникам вновь вырвались наружу и принесли нашей стране массу потрясений и бедствий. Вначале это коснулось Сильвестра и А.Адашева.

Смертью Анастасии и глубокими переживаниями царя воспользовались враги Сильвестра и Адашева. Они обвинили бывших ближних советников Ивана IV в том, что те, якобы, посредством чародейства изве-

ли добродетельную царицу и так долго управляли самим Иваном IV. Узнав о клевете, Сильвестр и Адашев писали к царю, требуя суда и очной ставки с обвинителями. В свою очередь, клеветники не хотели открытого суда и убеждали Ивана IV в том, что Сильвестр и Адашев, если такой суд состоится, очаруют его и могут поднять мятеж, так как любимы войском и народом. Царь велел судить обвиняемых заочно.

На суд собрались: митрополит, епископы, бояре, другие духовные и светские чиновники, в том числе главные неприятели Сильвестра – монахи Вассиан Беский и Мисаил Сукин. Зачитана была масса обвинений, позднее изложенных Иваном IV в *письме А.Курбскому*. Все эти обвинения касались, в основном, того, что Сильвестр и Адашев ограничивали самовластие царя. О виновности их в смерти Анастасии не было ни слова. Все остальные обвинения были явно сомнительного толка и вызваны болезненным воображением 30-летнего самодержца, сожалевшего о своей былой несамостоятельности. Таким образом, **своими нелепыми обвинениями сам Иван IV признавал, что успехами молодых лет своего царствования он обязан Сильвестру и Адашеву.**

Выслушав *обвинения в адрес* Сильвестра и Адашева, некоторые из присутствующих на суде заявили, что злодеи уличены и достойны казни. И только митрополит **Макарий** заявил царю, что нужно пригласить и выслушать судимых. Все добропорядочные сановники согласились с ним. Однако большинство оказалось на стороне обвинителей, которые считали Сильвестра и Адашева виновными и требовали их казни. Царь же решил сослать Сильвестра в Соловецкую обитель, а А.Адашеву находиться в Феллине, взятию которого он сильно содействовал своими переговорами с наёмниками. Однако такое наказание не успокоило его противников. Они вскоре добились того, чтобы Адашев был заключён в каземате Дерпта, в котором через два месяца он и умер. Его гонители и губители донесли царю, что А.Адашев отравил себя сам.

Но оставались друзья, дела, мысли и правила Сильвестра и А.Адашева. Следовало уничтожить все последствия пребывания их у власти опасные как их клеветникам и губителям, так и самому Ивану IV. Стали требовать от всех бояр и знатных людей клятвы, чтобы они не поддерживали ни словом, ни делом бывших ближних советников царя. Одни присягали с радостью, другие с печалью, догадываясь, какие последствия их ждут. Всё, что прежде считалось достоинством, теперь становилось предосудительным. Так и в семейной жизни. Вскоре Иван IV не пожелал исполнять посмертный обычай. Угождая ему, уже через восемь дней после смерти Анастасии, митрополит, святители и бояре торжественно предложили ему жениться вновь. Раздав по церквям в память об умершей несколько тысяч рублей, отослав богатое подношение в Иерусалим и такое же в Грецию, царь 18 августа 1560 года объявил, что намерен жениться на сестре польского короля.

С этого момента в царском дворце начали веселиться. Вначале занимались отвлечёнными беседами, шутками, затем пирами, убеждая друг друга, что вино радует сердце, перестали соблюдать умеренность в его употреблении, не желали соблюдать посты, называя постничество лицемерием. Ежедневно придумывали новые потехи, на которых трезвость, пристойность и серьёзность считались неприемлемыми. Вскоре царский дворец стал тесен для разгульного веселья. Тогда из него выселили и перевели в новые дома юных царевичей, брата Ивана IV **Юрия и Александра Казанского**. Затейниками и изобретателями новых потех, игрищ и пьяных оргий были новые любимцы царя боярин **Алексей Басманов**, его сын **Фёдор**, князь **Афанасий Вяземский**, **Василий Грязной**, **Малюта Скуратов-Бельский**.

Эти люди были готовы на всё, чтобы угодить царскому и своему властолюбию. Особое угодничество проявлял чудовский архимандрит **Левкий**. Новый образ жизни двора, естественно, должен быть дать ещё более страшные результаты. И они вскоре последовали. Выразились они в гонениях против тех, кто не желал участвовать в разгульном веселье и широко распространившемся разврате. Тех, кто на пирах-трапезах не желал пить и поддерживать пьяное веселье, высмеивали, унижали, лили им вино на голову. В разврате сам царь подавал пример. Это повергло московский люд в удивление и уныние. Люди не понимали, как царь мог унизиться до распутства.

От оскорблений несогласных вскоре перешли к их преследованию и наказанию. Естественно, они начались с гонений против всех близких к Адашеву людей. Их стали лишать собственности и ссылать в дальние места. Обвинили в чародействе, желании извести царя и казнили дружившую в Адашевым знатную женщину **Марию** с пятью сыновьями, знаменитого воинскими подвигами **Данилу Адашева** с двенадцатилетним сыном, трёх **Сатиных**, сестра которых была замужем за А.Адашевым, его родственника **Ивана Шишкина** с женой и детьми. Князю **Дмитрию Оболенскому-Овчине** за резкие слова, сказанные Ф.Басманову, Иван IV за обедом, находясь в бешенстве, вонзил нож в сердце. Боярина **М.Репнина** умертвили в храме во время молитвы за то, что он не стал надевать маску во время очередного гуляния и плясок. Царь сам пытался надеть ему маску, но М.Репнин сорвал её с головы, растоптал ногами и сказал: *«Государю ли быть скоморохом? По крайней мере, я, боярин и советник Думы, не могу безумствовать»*.

Доносительство расцвело пышным цветом, ибо доносы нравились царю, который не требовал доказательств. Главное состояло в том, чтобы человек был обвинён. По доносу убили князя **Юрия Кашина**, члена Думы и его брата, друга Адашева князя **Дмитрия Курлятева** со всем семейством. Знатного воеводу, сыгравшего большую роль во взятии Казани, князя **Михаила Воротынского** с женой, сыном и дочерью сослали в Белоозеро. Другого знаменитого воеводу князя **Ивана Шереметева** заточили в темницу, пытали, заковали в

цепи. Царь лично требовал от него выдачи всех родовых сокровищ. Не добившись ничего, выпустил его из темницы, но продолжал гонения и вынудил Шереметева уйти в Кирилло-Белоозёрский монастырь, где, по требованию царя, монахи продолжали его травить. Его брата воеводу и советника Думы **Никиту Шереметева**, израненного в сражениях, просто удавили. Но это было только начало, которое объяло московский люд страхом.

Тем временем в Ливонии дела близились к развязке. После взятия Феллина московскими ратями, ливонскому магистру Кетлеру стало ясно, что Ливонию спасти не удастся. Он вёл интенсивные переговоры с Данией, Швецией и Литвой, склоняясь к переходу под державную руку Литвы. И хотя недоброжелательство части европейских государств: Священной римской империи, Польши, Литвы, Дании и Швеции против Москвы уже было свершившимся фактом, тем не мене единого фронта ещё образовано не было. Каждое из этих государств пыталось решить свои проблемы, используя войну между Московским государством и Ливонией.

Король датский **Фридрих** хотел присоединить к Дании Эстонию и Эзельские острова. Эти острова он получил, купив для своего брата **Магнуса** эзельское епископство. Что касается основной части Эстонии, то она досталась Швеции. Шведский король **Эрик**, будучи более решительным, чем его отец, предложил управителям Эстонии защиту и спасение, если они объявят себя подданными Швеции. Эстонцы, видя беспомощность магистра и неумолимое приближение московских ратей, согласились на это предложение шведского короля, который немедленно ввёл своё войско в Ревель и вступил в переговоры с Москвой, дабы закрепить Эстонию за собой. После ряда препирательств Москва пошла на заключение договора со Швецией, так как понимала, что остальная Ливония, по инициативе магистра Кетлера, отойдёт к Литве и тогда придётся воевать уже с ней. Поэтому Швеция как противник Москве была не нужна.

Ливонский магистр Кетлер, архиепископ рижский и депутация Ливонии, видя, что Эстония уже отошла к Швеции и Дании, поспешили в Вильно. **Здесь 28 ноября 1561 года, в присутствии короля и литовских вельмож, знатное ливонское посольство подписало клятвенный договор о присоединении Ливонии к Литве, по которому Сигизмунд становился государём Ливонии, а Кетлер – наследственным герцогом Курляндии и вассалом польского короля.** В Ригу прибили Кетлер и князь **Николай Радзивил**, которому первый передал печать Ливонского ордена, грамоты императоров и городские ключи.

Так прекратил существование Ливонский орден, образованный на базе ордена Меченосцев. Ливония была разделена на пять частей. Завоёванные московскими ратями земли отошли к Москве. Эстония к Швеции. Эзельские острова к Дании. Курляндия досталась Кетлеру. Остальная часть Ливонии с важнейшими городами-крепостями

Ригой и Венденом к Литве. На этом, собственно, закончилась война с Ливонией. В дальнейшем велись войны за ливонское наследство между Данией, Швецией, Польско-Литовским государством и Московским государством.

Теперь Москве нужно было выбирать, либо продолжать войну за ливонское наследство, либо замириться с Литвой. Заключение мира со Швецией естественным образом вело к войне с Литвой. В условиях, когда Иван IV изъявил желание жениться на сестре короля Сигизмунда **Екатерине**, следовало замириться с Литвой и отвоевать у Швеции Эстонию и Выборгскую область. Но царь всё сделал наоборот. В результате, женитьба не состоялась, Эстония досталась Швеции, а Московское государство втянулось в длительную войну с Польско-Литовским государством. Сигизмунд, будучи ревностным сторонником Ливонии, не пожелал выдавать Екатерину за Ивана IV. Более того, он направил в Москву своего посла **Шимковича**, который стал требовать для Литвы Новгорода, Пскова, Смоленска и Северских земель.

Москва не согласилась, началась война. Литовский гетман Радзивил осадил город Тарваст. Осада длилась пять недель. Московское войско осаждённым помощь не оказало. В условиях начавшихся в Москве гонений и репрессий, никто не хотел брать на себя ответственность и подчиняться назначенным воеводам, тем более когда представлялась возможность, опорочив старших начальников, занять их место. Гетман Радзивил взял Тарваст. Кое-как уладив споры о старшинстве, московское войско двинулось против Радзивила и нанесло ему поражение вблизи Пернау. После чего Радзивил вынужден был оставить Тарваст. Ситуация между Литвой и Москвой ещё более обострилась. Обе стороны грозили друг другу суровыми карами и готовились к сражениям.

Ивана IV подстёгивало к войне ещё и оскорблённое честолюбие, связанное с нежеланием Сигизмунда выдать за него сестру Екатерину. **Это лишний раз доказывает, что московский царь в основном руководствовался личными страстями (честолюбием, корыстолюбием, стяжательством и т.д.), нежели государственными интересами и стратегическим расчётом.** Оставив, наконец, мысль жениться на Екатерине, Иван IV женился на дочери черкасского князя **Темгрюка – Марии**. Брак был заключён 21 августа 1561 года. Поначалу боевые действия обеих сторон были недостаточно активны. Иван IV, опасаясь крымского хана, держал большую часть войска на юге. Для этого были веские причины.

Ногайский князь **Ислам** доносил, что крымский хан ведёт активную внешнеполитическую деятельность, подбивая ногаев на совместные действия против Москвы, что он даже установил контакты с шейбанидами Тюркестана, подбивая их к совместному походу, сообщал им, что Иван IV увяз в войне с Ливонией и Литвой, а поэтому не сможет выставить большое войско для защиты своих владений на

востоке. Шейбаниды заинтересовались этими сообщениями и стали готовиться к походу на север.

Сигизмунд разместил своё войско по крепостям в Ливонии, желая их удержать. В поле действовали только небольшие рати, которые подступали к Опочке и Невелю. Князь П.Серебряный разбил литовцев около Мстиславля. Князь А.Курбский выжег предместье Витебска. Другие московские воеводы с ратями из Смоленска ходили к Дубровне, Орше, Копысу и Шклову. Больше грабили, чем сражались. Пытались даже вести переговоры, но безуспешно.

В 1562 году крымский хан, заручившись согласием шейбанидов, начал поход и дошёл до Мценска. Однако шейбаниды оказались не готовы и не выступили. Когда орды крымского хана дошли до Мценска, московские рати двинулись им навстречу. Девлет-Гирей вынужден был повернуть назад. Не опасаясь более крымского хана, Иван IV решил нанести поражение Литве. В конце 1562 года московское войско собралось в Можайске. 23 декабря царь с князем Владимиром Андреевичем, царевичами казанскими и астраханскими **Александром, Симеоном, Ибаком, Тохтамышем, Бекбулатом, Кайбулой**, знатнейшими воеводами, двенадцатью думскими боярами, пятью окольничими и 16 дьяками, прибыл к войску. Ратников собралось около 280 тысяч человек, обозников свыше 80 тысяч человек и около 200 пушек.

Это огромное войско в начале 1563 года вступило в Литву. В конце января оно осадило ***Полоцк***, и уже через неделю были взяты внешние укрепления. Сигизмунд спешно направил к Полоцку 40-тысячное войско под началом гетмана Радзивила, который однако не смог к нему пробиться. Московские воеводы князья Ю.Репнин и С.Палецкий встретили его и заставили отказаться от дальнейшего продвижения к Полоцку, который к тому же вскоре сдался на милость победителя. Гетман Радзивил отступил к Минску. Дорога на Вильно была открыта. Сигизмунд и его приближённые были в страхе.

Но Иван IV не воспользовался результатами столь важной победы. Он поручил защищать город князю П.Шуйскому, а сам в конце февраля выступил из него с большей частью войска, которую распустил в ***Великих Луках***. Упиваясь взятием Полоцка, Иван IV пытался склонить крымского хана Девлет-Гирея к дружбе. Московский посол А.Нагой привёз хану богатые дары и сообщил, что Иван IV удалил от себя недругов Крыма братьев Адашевых, воеводу И.Шереметева и дьяка И.Михайлова. Прельщённый богатыми дарами, но ещё больше этой новостью, Девлет-Гирей раскрыл важную тайну, которая касалась планов турецкого султана.

Султан **Солиман**, по совету астраханского мурзы Ярлыгаша, захотел соединить Дон с Волгой каналом, построить крепость на Дону у Переволоки, другую на Волге, а третью вблизи Каспийского моря, чтобы укрепить безопасность своих азовских владений. Затем взять

Астрахань и Казань и тем ослабить Московское государство. Осуществить этот грандиозный план должен был Девлет-Гирей с помощью войск и людей, присланных султаном. Крымский хан считал эту затею эфемерной и доказывал султану, что успех невозможен. В тот период ему удалось отговорить султана от исполнения задуманного плана. Заигрывая с крымским ханом, Иван IV не забывал и о Ногайской орде, в которой правил дружественный Москве князь Ислам, поспособствовавший покорению Астрахани. В 1563 году Ислам умер. Его трон наследовал сын **Тин-Ахмет**, который продолжил политику отца в отношении Москвы.

В это время разразилась война между Польшей и Данией, с одной стороны, и Швецией, с другой стороны, за ливонское наследство. Шведы отняли у Сигизмунда Пернау и Вайсенштайн, а у датчан Леаль и Габзаль. Король датский Фридрих, желая союза с Москвой, предложил заключить мир. Но Иван IV на союз с Данией не пошёл и велел наместнику в Ливонии Морозову заключить перемирие со Швецией на семь лет. И вновь мы видим нецелесообразное решение. Вновь представлялась возможность замириться с Литвой, вступить в союз с Данией и отвоевать у Швеции Эстонию и Выборгскую область. Это нужно было сделать для обеспечения беспрепятственного выхода в Балтийское море и организации постоянной торговли с Западной Европой. Вместо этого, Иван IV предоставлял Швеции возможность для укрепления её позиций в Прибалтике.

В 1563 году шейбаниды Тюркестана, прослышавшие о готовящемся большом походе султана на восток, сами решились на поход против Сибирского татарского княжества. Для организации похода была использована Алтаульская орда, отколовшаяся от Ногайской орды и перешедшая под власть шейбанидов. Мурза **Маметкул** возглавлял эту орду. Кучум **Муртаза Шейбанид** породнился с Маметкулом и возглавил поход, взял город Сибир, убил князя Едигера и его брата Бекбулата. Назвал себя сибирским царём и прекратил посылать дань в Москву. Так московский царь расплачивался за свою недальновидную политику на востоке. В случае, если бы Кайсакская орда объединила свои действия с Кучумом и подчинила себе остатки Ногайской орды, положение в Поволжье резко бы обострилось. Образование единого фронта от Сибири до Балтийского моря против Москвы в тот год было вполне возможно. Этот фронт не образовался тогда только потому, что Кайсакская орда была связана на востоке войной с джунгарами.

В этом же году скончался митрополит Макарий, знаменитый тем, что установил празднества в честь российских святых, да способствовал учреждению в Москве первой типографии. В этом плане Москва отставала от Европы на добрые сто лет. Ещё в 1553 году, по совету А.Адашева и с согласия митрополита Макария, в Москве был устроен дом книгопечатания, под руководством мастеров **Ивана Фёдорова** и **Петра Мстиславца**, которые в 1564 году издали ***«Деяния и По-***

слания апостолов». Это издание возбудило негодование переписчиков церковных книг, к которым присоединились суеверные люди, устрашённые этой новостью. Начались разговоры о возникновении новой печатной ереси.

Лишённые заступничества Макария, И.Фёдоров и П.Мстиславец бежали в Литву от московских гонений. Царь перевёл типографию в Александровскую Слободу, где было напечатано Евангелие. И.Фёдорова и П.Мстиславца на Волыни принял князь Константин Константинович, учредивший свою типографию. Там-то Фёдоров и Мстиславец издали в 1581 году Библию в полном объёме. В феврале 1564 года был избран новый митрополит. Им стал инок Чудова монастыря, духовник царя **Афанасий**, который в ответном слове молил Всевышнего о ниспослании здоровья и побед Ивану IV. О добродетелях даже не заикался. Так христианские иерархи ревностно охраняли самодержавие в Московской Руси, получая за это богатые дары, земельные угодья, крепостных и т.д.

После взятия Полоцка в отношениях между Москвой и Литвой сложилось состояние ни мира, ни войны. В этих условиях московские отряды завершали завоевание Полоцкой области. В свою очередь, литовцы нападали на черниговские и стародубские земли. Гетман князь **М.Вишневецкий** с казаками и белгородскими татарами частыми нападениями опустошал их. Северский воевода князь **И.Щербатый**, в конце концов, разбил его. В то же время хотели вести переговоры. Послов короля Сигизмунда долго ждали в Москве. Они приехали только в конце 1563 года.

Начались переговоры, которым, по обыкновению, предшествовали препирательства, касающиеся завышенных требований и величания государей. В ходе этих переговоров Иван IV, уже показавший ранее умение обвинять своих противников и обелять себя, проявил недюжинный *талант сказочника*. Он заявил литовским послам, что ведёт родословную от кесаря **Августа Римского**. Его клевреты, естественно, доказывали, что **Рюрик** происходил от брата Августа **Пруса**, который, якобы, оставил Рим и стал владетелем Пруссии. Литовские послы не стали спорить по этому вопросу, но в то же время не хотели отдавать ни Полоцкой области, ни Ливонии и уехали из Москвы в начале 1564 года.

Тогда московский царь вновь двинул свои рати в поход. Князь П.Шуйский из Полоцка, а князья Серебряные-Оболенские из Вязьмы устремились к Орше, где Иван IV повелел им соединиться и затем идти к Минску. Однако князь П.Шуйский, проявивший ранее недюжинный талант при взятии Дерпта, на этот раз опростоволосился. Его войско шло налегке, доспехи и тяжёлое оружие везли в санях. Порядка во время перехода никакого не было, охранение выслано не было. Этим воспользовался гетман Радзивил, который с литовским войском стоял вблизи ***Витебска***. Он заранее выслал лазутчиков, которые известили его о движении московского войска.

Радзивилл около Орши, в местах лесистых и стеснённых, организовал засаду. И когда московское войско зашло в те места, литовцы внезапно напали на него. Никто даже не пытался оказывать сопротивление. Всеми овладела паника, все бросились бежать и воеводы, и ратники. Князь П.Шуйский погиб в этой суматохе. Погибли также братья Семён и Фёдор Палецкие. Воевода З.Плещеев-Очин, князь И.Охлябинин и несколько детей боярских попали в плен. Убито было из всего 20 тысяч войска около 200 человек. Все остальные бежали в Полоцк, оставив литовцам весь обоз с вооружением и все пушки. Это постыдное поражение было следствием того, что князь П.Шуйский был слишком человеколюбивым начальником и стремился максимально облегчить тяготы ратников. Тело князя П.Шуйского Радзивил отправил в Вильну, а пленников московских представил больному королю в Варшаве. Это радостное известие оказало на него столь сильное воздействие, что он быстро выздоровел.

Победа Радзивила имела то последствие, что князья Оболенские, уже подошедшие к Орше, узнав о поражении войска князя П.Шуйского и его гибели, отошли к Смоленску. При отходе отхода выжгли все литовские селения от Бубровны до Кричева и увели с собой множество крестьян. Но это не восполняло приобретений, связанный с походом на Минск, который был сорван из-за чрезмерного человеколюбия князя П.Шуйского. В дальнешем продолжались взаимные нападения московских ратей и отрядов на Литву, а литовских на Дерптскую область. Вскоре однако наступил перелом в пользу литовцев. Причиной был переход на литовскую сторону выдающегося воеводы А.Курбского. Но его переход упредил князь Д.Вишневецкий.

Репрессии и казни людей, близких к А.Адашеву, устрашили и обратили в бегство многих, кого они ещё не коснулись, но кто чувствовал и разумом понимал, что колесо репрессий рано или поздно коснётся и его. Д.Вишневецкий находился с войском на юге, но внезапно заболел от отравления. Естественно, ему показалось, что его отравили по указанию Ивана IV. Не теряя времени он бежал к Сигизмунду, который его милостиво принял и дал ему своего лекаря, чтобы вылечить от отравления. После излечения Д.Вишневецкий не проявил рвения к войне с Москвой, а заинтересовался молдавскими делами. И это не было спонтанным решением. Когда он обосновался на о.Хортица, турецкий султан направил против него своё войско с молдавскими (волошскими) дружинами и заставил его оставить этот остров.

Поэтому Д.Вишневецкий считал себя обязанным поквитаться со Стефаном Молдавским за прошлые дела, тем более некоторые молдавские вельможи подталкивали его к этому. Д.Вишневецкий, с дружиной верных казаков, двинулся в Молдавию. Однако он стал жертвой обмана. Его никто не поддержал. Стефану удалось пленить Вишневецкого, которого он отправил в Константинополь. Там султан повелел умертвить знаменитого казачьего гетмана. Так, по вине Ивана IV, погиб славный сын Русского народа, много сделавший для усиле-

ния Москвы и ослабления Крыма. Бегство и гибель Д.Вишневецкого, как, собственно, казнь Д.Адашева и князя И.Шереметева, отрицательно повлияли на отношения Москвы с донскими и днепровскими казаками.

Теперь последних мы часто видим воюющими на стороне Литвы против Москвы. На сторону Литвы также перешли два брата Д.Вишневецкого Алексей и Гаврила Черкасские. Донские казаки, в связи с изменением политики Ивана IV, были брошены один на один с Крымом и Османской империей и вынуждены до изнеможения биться с их превосходящими силами, чтобы отстоять земли родного Дона. Но донские казаки не забыли эту измену. Уже в недалёком будущем они отомстят Ивану IV за его подлость.

Но самым страшным ударом для царя московского в это время был переход на сторону Литвы героя сражений под Тулой, Казанью, завоеваний в Башкирии и Ливонии князя А.Курбского. Сам царь был виновен в этом. Так как А.Курбский был другом А.Адашева, то царь уже перестал доверять ему. Назначив его воеводствовать в Дерпте, царь придирался, выговаривал, оскорблял и угрожал ему, искал случая обвинить в каких-либо провинностях или грехах. А.Курбскому удалось узнать, что ему готовится гибель, и он принял решение бежать. Жена его поддержала. Ночью он тайно вышел из дома, перелез через городскую стену. Верный слуга подвёл к нему двух осёдланных коней. А.Курбский сел на одного из них и благополучно добрался до Вольмара, занятого литовцами.

Там воевода **Сигизмунд** принял А.Курбского как друга, обещая благосклонность короля, которому он стал служить не за страх, а за совесть. В то же время А.Курбский не забыл Ивана IV, посылая ему обвинительные письма. С первого его письма завязалась та знаменитая переписка, которая проливает свет не только на отношения этих известных в истории нашей страны людей, но, что самое важное, на те события, которые происходили в то время. Обласканный Сигизмундом, отдавшим ему в кормление богатое ковельское поместье, А.Курбский стал активным сторонником войны с Москвой, советовал и убеждал короля, как лучше действовать, чтобы добиться победы.

Вскоре 70 тысяч литовцев, ляхов, венгров, немцев, волохов, во главе с гетманом **Радзивилом**, двинулись к Полоцку, а 60 тысяч крымчаков устремились к Рязани. Уверенный в дружелюбии хана, Иван IV распустил свои рати на юге. В результате, южные московские области оказались без защиты. Даже в Рязани не оказалось ни одного ратника. Её жители могли полагаться только на самих себя. На этот раз донские казаки не предупредили Москву о походе крымчаков. Рязань спасли отец и сын **Басмановы**. Они находились в своём поместье. Холопы им донесли о движении крымского войска. Басмановы собрали своих людей, вооружили их и разбили несколько передовых отрядов хана.

Затем они отошли к Рязани и засели в городе. Вскоре крымское войско подступило к Рязани и начало обстреливать город. Ветхие стены местами обрушились, но жители, воодушевляемые Басмановыми и епископом **Филофеем**, мужественно сражались. Крымчаки днём и ночью пытались осуществить приступ, но безуспешно. Осаждённые отбивали один приступ за другим, удачно обстреливали из пушек стан неприятеля. Груды трупов лежали под стенами. В это время из Москвы, Михайлова и Дедилова к Рязани двинулись московские рати, которые начали теснить передовые отряды хана и угрожать его главным силам.

Девлет-Гирей, не желая вступать с ними в сражение, ушёл назад быстрее, чем пришёл. За ним гнаться не стали. В районе Пронска задержался только ширинский князь **Мамай**, поэтому был разбит и вместе с пятью сотнями крымчаков взят в плен. На поле боя осталось около трёх тысяч их соплеменников. Удачной обороной Рязани Басмановы завоевали ещё большее доверие Ивана IV, который наградил их золотыми медалями. Эти медали были прототипом орденов, которыми стали награждать в более позднее время.

Литовское войско подошло к Полоцку. Возглавлял его гетман Радзивил, помощником у него был А.Курбский. Войско расположилось в двух верстах от города, но решительных действий не предпринимало. Военачальники рассчитывали склонить полоцкого воеводу к измене. Но князь П.Щенятев отвечал на их предложения выстрелами. Тем временем бывший казанский царь Едигер (Семион), князья И.Пронский, Пётр и Василий Серебряные-Оболенские спешили из Великих Лук оказать помощь московской рати в Полоцке.

А.Курбский, после отклонения предложения о сдаче, советовал приступом взять город. Но гетман Радзивил не решился на такой шаг. Семнадцать дней простоял у стен города, теряя людей от пушечного огня из крепости, и в начале октября перешёл на литовскую сторону Двины. Московские воеводы, через месяц после ухода Радзивила, приступом взяли Озерище, а князь В.Прозоровский отразил литовцев от Чернигова, захватив знамя гетмана Сапеги. Литовцы нигде не имели успеха. В Ливонии боевые действия шли с переменным успехом.

Измена А.Курбского и объединённый поход Радзивила и Девлет-Гирея ещё более ожесточили Ивана IV. Его сердце кипело гневом и подозрениями. Теперь почти все сановники и вельможи казались ему тайными предателями и единомышленниками А.Курбского. Царь провоцировал доносы и обижался, что их недостаточно много. Жажда репрессий и истязаний бурлила в нём, не давая покоя. Он настойчиво искал предлога для осуществления полного самовластия. В начале зимы 1564 года в Москве узнали, что царь уезжает неведомо куда. В начале декабря на Кремлёвской площади собралось множество саней, в которые погрузили драгоценности из царского дворца. Затем Иван IV вместе с духовенством и боярами отслужил обедню, сел

в сани с царицей, двумя сыновьями, **А.Басмановым, М.Салтыковым, А.Вяземским, И.Чеботовым** и другими любимцами, сопровождаемый целой ратью вооружённых всадников, уехал в село Коломенское и жил там две недели. Затем переехал в Александровскую Слободу.

Народ в Москве волновался. В начале 1565 года Иван IV прислал митрополиту грамоту, в которой обвинял бояр в беззаконном правлении, охаивал воевод, упрекал духовенство за заступничество, требовал бесконтрольной власти и расправы над любым человеком только по собственному подозрению или доносу. Другую грамоту царь прислал к рядовым москвичам. Дьяки **П.Михайлов** и **А.Васильев** читали её собравшемуся народу. Здесь тон был другой, царь уверял московский люд в своей милости, в том, что его гнев касается бояр, воевод и прочих изменников. Народ пришёл в ужас, безначалие казалось более страшным, чем репрессии. Москвичи стали требовать от митрополита, чтобы он уговорил царя вернуться, были согласны, чтобы царь казнил всех, кого считает злодеями, только не оставлял царства.

Просить царя возвратиться двинулось всё духовенство, за ним князья, бояре, окольничие, дворяне, приказные люди и прочий московский люд. Царь принял депутацию, выслушал её представителей, затем сам долго повторял свои обвинения, поставил в укор боярам, что они хотели извести его самого, сыновей и царицу. Это было уже что-то новое. Условием своего возвращения в Москву поставил беспрепятственно казнить изменников смертью. Наказывать опалой, лишать достояния без всякой жалости и мольбы со стороны духовенства. Депутация приняла эти условия.

В начале февраля царь возвратился в Москву, собрал духовенство, знатнейших сановников и бояр. Заявил им, что учреждает особенных *телохранителей-опричников*, и предложил им устав *опричнины*. Этим была начата административная реформа, по которой страна была разделена на *опричнину* и *земщину*. К опричнине относились почти все центральные города и земли Московского государства. Владения в ней распределялись между опричниками, выбранными самим царём. Их поначалу насчитывалась тысяча человек. Все остальные земли относились к земщине, которую возглавляли земские бояре князья **Бельский**, **Мстиславский** и другие.

Остальные государственные чиновники: конюший, дворецкий, казначей и приказные дьяки должны были решать все гражданские дела. В некоторых случаях разрешалось обращаться к земским боярам, которым дозволялось, в чрезвычайных случаях, прежде всего, по ратным делам, ходить с докладом к царю. Таким образом, создавалась трёхступенчатая система управления страной, окончательно ликвидировался Царский Совет, Дума превращалась в строго исполнительный орган власти. Кроме того, создавалось особое сословие, которое должно было со временем заменить боярство, отныне подлежащее гонениям и репрессиям. **Этой реформой Иван IV перекладывал**

львиную долю своих обязанностей на плечи нижестоящих, не давая им прав. Таким образом, он хотел царствовать, не управляя, хотел казнить либо миловать тех, кого допустил к управлению.

Царствование по-новому вполне естественно началось с казней. Первыми казнёнными были мнимые изменники, якобы замышлявшие убийство самого Ивана IV, его первой жены Анастасии и его детей. Первой жертвой стал славный воевода, герой осады Казани, потомок Всеволода Великого и древних князей суздальских князь **Александр Борисович Горбатый-Шуйский**. Его казнили вместе с сыном **Петром**, семнадцатилетним юношей. В тот же февральский день были казнены шурин князя Горбатого-Шуйского **П.Ховрин**, окольничий **Головин**, князь **И.Сухой-Кашин** и князь **П.Горенский**. Князь **Д.Шевырёв** посажен на кол. Князей **И.Курадкина** и **Д.Немого** постригли в монахи. У многих детей боярских и дворян отняли поместья, других с семействами сослали в Казань.

Закончив казни, Иван IV занялся созданием своей опричной дружины. К этому были привлечены А.Басманов, М.Скуратов, А.Вяземский и другие любимцы. **Вместо тысячи, царь набрал 6 тысяч человек, взял с них присягу служить только ему, доносить на изменников, не знать ни отца, ни матери, не дружиться с земскими. За эту присягу царь дал им собственность 12 тысяч бывших владельцев, высланных из пределов опричнины с голыми руками.** Естественно, новые хозяева стремились затмить старых богатством и пышностью, чрезмерно обременяли крестьян, что вело к разорению деревень. Но самое главное было в том, что опричники были неподсудны. Они же могли теснить и грабить безнаказанно.

Земские люди: и дворяне, и мещане – были безгласны и безответны перед опричниками. Такие права опричникам Иван IV дал неслучайно. **Ему нужны были разбойники-телохранители для расправы с неугодными и, прежде всего, с высокородным боярством, которое при случае могло его или его потомков если не сместить, то ограничить во власти.** Изобретательный на подлости ум Ивана IV выдумал для своих новых слуг своеобразный символ, они ездили с собачьими головами и метлами, привязанными к сёдлам. Этот символ требовал, чтобы опричники грызли царских противников и выметали их из Московского государства.

Занятому репрессиями и административной реформой Ивану IV уже было мало дела до войны и внешней политики, где ситуация складывалась всё хуже и хуже. Война с Литвой не прекращалась. Крымский хан, подбиваемый Литвой и бежавшими казанцами, уже требовал Астрахани и Казани, собирал войско и грозил походом. Наконец, решился, получив от Сигизмунда 30 тысяч золотых. В сентябре 1565 года хан перешёл Донец и в начале октября подошёл к Болхову. Но здесь его организованно встретили воеводы князья **И.Золотой** и **В.Кашин**. Они сделали удачную вылазку и не дали крымчакам

сжечь посада. К тому же взяли пленников. В это время воеводы князья Бельский и Мстиславский с ратями быстро приближались. Девлет-Гирей вынужден был повернуть назад и возвратиться в Крым ни с чем, обижаясь на Сигизмунда, что не помог, хотя и обещал.

Не успели отбить орды крымского хана, как на Московское государство обрушилась новая напасть. Начала свирепствовать язва, которая пришла из Швеции и Эстонии. В июле 1566 года моровое поветрие охватило Шелонскую пятину, Новгород, Полоцк, Озерище, Навлю, Великие Луки, Торопец, Смоленск и дошло до Можайска. Люди умирали скоропостижно. Ратники заболевали реже, чаще болели и умирали обычные граждане. В Можайске царь распорядился выставить заставу и запретил пускать в столицу кого-либо из мест, подверженных заразе. Моровая язва утихла в начале 1567 года, но её вспышки ещё несколько раз повторялись в меньших размерах. Кроме язвы, в некоторых областях случились неурожаи, а в Казани и соседних с ней областях нашествие мышей, которые тучами выходили из лесов и съедали хлеб на корню в скирдах и житницах. Земледельцы были в отчаянии, не имея возможности сохранить хлеб.

Московское государство оказалось в тяжёлых условиях. Иван IV искал выхода и не находил его. Тогда он вновь обратился к народу, желая знать, следует ли заключать мир с Литвой или нет? В июле 1566 года царь собрал Земскую Думу, состоявшую из всех сословий. В неё вошли 339 человек. Каждое сословие высказывало только своё мнение. Все сословия сходились в одном, что заключать мира нельзя и что необходимо закрепить завоевания в Ливонии. Было ли такое мнение свободным. Вряд ли. Скорее это была очередная провокация царя, искавшего очередных врагов в народе. Высказываясь за продолжение войны с Литвой, Земская Дума в то же время соглашалась на время прекратить боевые действия и разменяться пленниками с Литвой, с которой вскоре вновь начали переговоры.

В это же время Иван IV невзлюбил Москву и уехал в Александровскую Слободу, которую перестроили по своему желанию, отведя каждому сословию свою улицу. Никто не мог ни въехать, ни выехать без его ведома. Освободившись от массы государственных дел, царь занялся набожной деятельностью, посвящая этому большую часть своего времени. Он даже собирался превратить свой дворец в монастырь, а своих подручных в иноков, называя их братией. Себя называл *игуменом*, А.Вяземского – *келарем*, М.Скуратова – *параклисиархом*, сочинил монашеский устав и сам ревностно его исполнял. Устроив жизнь приближённых по-церковному, за исключением чревоугодия, пьянства и блудодеяния, сам после молитв и трапезы либо отдыхал, либо ехал пытать очередного несчастного.

После пытки возвращался удовлетворённым. Это прямой показатель того, что происходит с человеком, свихнувшимся на почве религиозного фанатизма и шизофрении. Издеваясь и уничтожая

представителей древних русских родов, Иван IV в то же время благоволил к вывезенным из Ливонии немцам, позволил построить им в Москве лютеранскую церковь, бахвалился перед ними своим немецким происхождением. Иноземцы, чувствуя расположение московского царя, хвалили его. Вскоре скончался митрополит **Афанасий**, беспрекословно исполнявший желания царя. Поначалу царь обратил внимание на казанского архиепископа **Германа**. Но тот при первом разговоре стал поучать Ивана IV быть добродетельным. Германа немедленно изгнали.

Затем пригласили игумена **Филиппа**, обитавшего на Соловецком острове и знавшего Сильвестра. Филипп просил отменить опричнину и отказывался принять сан митрополита. Многим казалось, что его царь тоже удалит с бесчестьем. Но этого не произошло. Иван IV привлёк других церковных иерархов, чтобы они уговорили Филиппа принять сан митрополита без всяких условий и думать только о благе церкви, молиться и наставлять царя ради спасения души, но не в делах государственных. Особенно старались в уговорах **Пимен Новгородский** и **Филофей Рязанский**, главные угодники царя. В конце концов, уговорили.

Для чего нужно было Ивану IV поставление на митрополию Филиппа? На это ни Н.Карамзин, ни современные официальные историки не дают ответа. Хотя он лежит на поверхности. Нужно было выявить среди бояр тех, кто ещё желал жить по старине, не заискивая перед царём. Но не только через митрополита выискивали несогласных. Иван IV пошёл на явный подлог и обман. Его приближёнными были составлены грамоты, якобы исходящие от Сигизмунда и гетмана Ходкевича, в которых земским боярам князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему И.Фёдорову предлагалось перейти на службу в Литву. Все они понимали, от кого исходит эта инициатива, а поэтому сообщили о грамотах Ивану IV и категорически отказались переходить на службу в Литву. Провокация провалилась. Но царь на этом не успокоился.

Так как И.Фёдоров не имел детей, которые бы могли наследовать его богатства, да и к тому же был приверженцем старых обычаев, его-то и решили оклеветать, обвинив в том, что он, якобы, хочет стать государём всея Руси. Иван IV лично устроил издевательство над старым человеком, надел на него царскую одежду, венец и посадил на трон со словами: *«Здрав буди, великий царь земли Русския! Но имея власть сделать тебя царём, могу и низвергнуть с престола!»* Затем ударил его в сердце ножом. Опричники добили старца, вытащили тело из дворца и бросили собакам на съедение. Убили и престарелую супругу Фёдора – Марию.

Потом началась вакханалия расправ над мнимыми единомышленниками убитого. Казням подверглись князья **И.Куракин-Бугаков, Д.Ряполовский**, трое **Ростовских**. Князя П.Щенятева, ушедшего в монастырь, нашли в келье, мучили, жгли на сковороде,

загоняли иглы под ногти, наконец, умертвили. Князя **И.Турунтая-Пронского**, седого старца, который тоже хотел стать монахом, утопили. Царского казначея **Х.Тютина** вместе с женой, двумя сыновьями и двумя дочерьми изрубили на куски. Эту казнь совершил князь **Михаил Темгрюкович Черкасский**, брат новой царицы. Здесь причиной была не только воля царя, но также давно таившаяся месть. Ему было за что мстить. В пору обострения борьбы между Д.Донским и Мамаем черкасы поддерживали Мамая. Они были в первом эшелоне Мамая. Богатырь **Челубей** был из их числа. Поэтому они почти все полегли на поле Куликовом. Не лучше себя вела и царица **Мария**. Очень часто именно она была инициатором травли бояр и князей.

Таким же способом умертвили думского дьяка-печатника **К.Дубровского**. Много других именитых людей убили, когда они шли либо в церковь, либо в приказы. Опричники, вооружённые длинными ножами и секирами, бегали по городу, разыскивали оговорённых и убивали на глазах других людей до двадцати человек в день. Трупы лежали на улицах, и никто не смел их хоронить. Люди боялись выходить из домов, но шли к митрополиту искать защиты. Тот просил царя, но вместо прекращения репрессий Иван IV ещё больше распалялся. Всё это творилось в 1567 году.

Между тем московское посольство девять раз встречалось с литовскими вельможами, но успеха не добилось. Сигизмунд отказывался признать права Ивана IV на всю Ливонию, кроме Курляндии и выдать А.Курбского. Вновь начали собирать рати в ***Великих Луках***. Царь в октябре 1567 года выехал к войску. В Новгороде он пробыл 8 дней. Здесь он занимался организацией ратей, чтобы затем идти к ливонским городам ***Луже*** и ***Резице***, да ещё усердно молился. Однако конкретное управление ему скоро наскучило, тем более, что выявились трудности и опасности, о которых он и не предполагал.

Царь собрал всех главных воевод на совет. Совет состоялся в селении ***Оршанском***. На нём выяснилось, что обозы с огнестрельным нарядом тонут в грязи и двигаются крайне медленно, лошади массами гибнут от непосильной поклажи, обозники разбегаются. Чтобы собрать сильное войско в таких условиях, нужно много времени и продовольствия, которого явно не хватало, так как местность была крайне скудна хлебом. Выяснилось также, что Сигизмунд собирает войско в ***Борисове*** с целью осуществления похода на Полоцк и Великие Луки. Но больше всего боялись язвы, которая, по слухам, свирепствовала в Ливонии. Было решено царю ехать в Москву, а воеводам с ратями стоять в Великих Луках и Торопце и следить за действиями неприятеля.

Вновь мы видим полную стратегическую беспомощность Ивана IV, который в осеннюю слякоть тащил войско в поражённую заразой Ливонию, в то время как нужно было сосредоточить рати в Смоленске и Полоцке и зимой идти на Минск и Вильно. Только так можно

было заставить Сигизмунда отказаться от Ливонии и отдать её Москве. Досадуя на неудачу, царь возвратился в Москву и продолжил репрессии. Теперь они коснулись митрополита **Филиппа.** В очередное посещение обедни в Соборной церкви Успенья, в непотребном виде самого царя и его телохранителей Филипп высказал Ивану IV резкие слова, за что тот приказал казнить князя В.Пронского, а главных митрополитовых сановников заточить в темницу и пытать, добиваясь раскрытия тайных замыслов Филиппа. Но ничего не добились.

На время царь отложил расправу над Филиппом, так как был занят уничтожением старых боярских гнёзд. Он с опричниками и своими ближними друзьями ездил вокруг Москвы, жёг усадьбы опальных бояр, казнил их слуг и даже истреблял скот. Примером для него в этом избиении были библейские иудеи, которые таким образом уничтожали своих противников в Палестине. Особенно досталось коломенским сёлам убитого конюшего И.Фёдорова. В этом кровавом путешествии Иван IV забавлялся развратом. А.Вяземский, М.Скуратов, В.Грязной, организуя эту поездку, в полночь вломились в дома к знатным людям: дьякам, купцам и другим мещанам, взяли их жён, славившихся красотой, и увезли с собой. На первом ночлеге Иван IV отобрал для себя нескольких, остальных предоставил своим клевретам. И это несмотря на то, что царь имел около 50 наложниц из среды немок, взятых в Ливонии. После кровавого путешествия и содомского разврата, женщин возвратили домой. Некоторые из них от стыда и унижений покончили с собой.

После поездки царь появился в Новодевичьем монастыре, где Филипп осуществлял службу, в сопровождении опричников, один из которых был наряжен в тафью. Митрополит, увидев такое кощунство, с негодованием сказал о том царю. В это время опричник быстро снял тафью и спрятал её. Царь весь свой гнев обрушил не на опричника, а на митрополита, ругая его, называл лжецом, мятежником и злодеем, клялся, что уличит его во всём этом. Для собирания компромата в Соловецкую обитель были отправлены епископ суздальский **Пафнутий**, архимандрит андрониковский **Феодосий** и князь В.Тёмкин, которые то запугивали монахов, то добром просили их лгать на бывшего игумена Филиппа.

Среди соловецких монахов нашёлся некто **Паисий**, который, надеясь стать епископом, оклеветал Филиппа. Затем собрали суд, который лишил Филиппа сана митрополита. Это было объявлено народу во время обедни А.Басмановым. Несколько дней Филиппа держали в темнице в цепях. Наконец, его отправили в Тверской монастырь. Расправляясь с Филиппом, Иван IV расправился и с его родом Колычевых. Там же вскоре был избран новый митрополит, которым стал троицкий архимандрит **Кирилл**.

Теперь Иван IV решил ещё более расширить репрессии. Начав с отдельных людей, он постепенно расширял круг репрессированных.

Вначале это касалось Москвы, затем рядом расположенных волостей, теперь дело дошло и до удалённых областей. Первым на этом пути оказался ***Торжок***. И не случайно. В Торжке ранее располагалось поместье конюшего И.Фёдорова. В день ярмарки опричники организовали драку с жителями города. Царь объявил жителей Торжка мятежниками и бунтовщиками, повелел их мучить и топить в реке. Перебито было множество народа. Никто погибших не считал.

Тем временем война с Литвой продолжалась, несмотря на то, что Сигизмунд тоже распустил войско. В 1568 году состоялось несколько стычек. Под ***Улой*** литовцы потерпели поражение, но затем отквитались под крепостью ***Копие***, организаторами строительства которой были князья П.Серебряный и В.Палецкий. Литовцы внезапно напали и убили В.Палецкого. П.Серебряный едва ускакал в Полоцк. Затем литовцы около *Велижа* захватили знатного дьяка **П.Головина**, разграбили и сожгли несколько селений в Смоленской области. Всё это показывало, что Москва, скованная репрессиями и страхом, стала неспособной продолжать серьёзную войну. Иван IV вынужден был искать замирения, как, собственно, и Сигизмунд.

Ещё одна причина заставила искать замирения с Сигизмундом. Это изменившиеся отношения со Швецией. Поначалу всё шло хорошо. Король шведский **Эрик** арестовал своего брата **Ивана**, герцога финляндского с женой **Екатериной**, на которой в своё время хотел жениться Иван IV, и пообещал выдать её, если царь согласится навеки уступить Эстонию Швеции. С этими предложениями он направил своих послов в Москву. Договор написали, и московские послы уехали в Стокгольм, где должны были утвердить договор. **Это показывает, что Иван IV ради исполнения своих прихотей был способен согласиться на любую подлость, которую не могли остановить даже национально-государственные интересы страны.** Однако договор утвердить не удалось, так как в Стокгольме произошёл переворот. Младший брат Эрика – **Карл** – арестовал его и сорвал утверждение договора.

Иван IV был взбешён неудачей, распорядился ограбить шведских послов и решил отвоевать Эстонию у Швеции. Для этого необходимо было замириться с Сигизмундом. Количество врагов, таким образом, возросло. К этому добавилась новая угроза со стороны Турции. То, что задумал султан **Солиман**, решил осуществить его преемник **Селим**. Он решил восстановить мусульманское царство на берегах ***Ахтубы***, к чему склоняли Селима некоторые ногайские князья и шейбаниды. Кроме того, он хотел прорыть канал от Дона до Волги, а постройкой там и у Астрахани крепостей закрепить за Турцией завоёванные земли. Крымский хан Девлет-Гирей отговаривал его от этой затеи, но безуспешно.

Весной 1569 года Селим прислал кафинскому паше **Касиму** 15 тысяч спагов и 2 тысяч янычар, во главе с пашой **Пелеги**, а также 300 галер с 3 тысяч гребцов, огнестрельный наряд для будущих крепо-

стей и приспособления для рытья канала. Касиму было приказано вместе с крымским ханом идти к Переволоке, соединить Дон с Волгой, а море Каспийское с Азовским, взять Астрахань и построить около неё крепость. Донские казаки поначалу не препятствовали движению столь большого войска, тем более, что от Москвы ждать помощи не приходилось. Они ушли в степи и послали гонцов собирать казачье войско. Гонцы с Дона дошли до Днепра и убедили литовского гетмана Д.Вишневецкого идти на помощь. Д.Вишневецкий собрал около 2 тысяч днепровских казаков и двинулся на помощь донцам.

Тем временем войска Касима и Девлет-Гирея соединились у станицы ***Качалинской*** на Переволоке. Начались работы по рытью канала. Работа абсолютно непосильная для того времени. Рабочие и войско, видя невозможность выполнить повеление султана, начали роптать и отказываться работать. Тогда паша Касим велел тащить суда волоком из Дона в Волгу, но и этого не хотели делать. Девлет-Гирей советовал вернуться назад. Но тут явились послы из Астрахани и сказали: *«На что вам суда? Мы дадим их вам сколько хотите; идите, только избавьте нас от власти Москвы»*. Паша усмирил войско и в начале сентября отправил галерный флот с пушками и приспособлениями для рытья канала в Азов.

Девлет-Гирей, в свою очередь, отправил большую часть своего войска в Крым. Оставшись с небольшим отрядом, он присоединился к войску паши Касима, который с ним и двенадцатью пушками двинулся к Астрахани. На Переволоке был оставлен небольшой отряд для сторожевой службы и охраны наспех созданных укреплений. Через две недели войско паши Касима вышло к Астрахани и расположилось на правом берегу Волги на старом городище, где прежде была нудо-хазарская крепость. Московский отряд, усмирив жителей Астрахани, сдаваться не захотел. Касим повелел ногаям прикочевать к Волге и приступил к строительству крепости.

Тем временем Иван IV был извещён послом в Крыму **А.Нагим** о движении турецкого войска. Царь начал собирать большое войско в Нижнем Новгороде, но в войну вступать не собирался. Он панически боялся войны с Турцией. Для разведки сил противника и выяснения его намерений к Астрахани была отправлена небольшая лёгкая рать, во главе с князем П.Серебряным, а к кафинскому паше Касиму послы с дарами. Паша принял дары, но затем заточил московских послов в темницу. Князь П.Серебряный вскоре подошёл к Переволоке. Здесь к нему присоединился Д.Вишневецкий с 5 тысяч днепровских и донских казаков. Вначале они уничтожили турок у Переволоки, затем на судах и верхом на лошадях двинулись к Астрахани.

Подошли к Астрахани ночью, высадились и внезапно напали на неприятеля. Турки и крымчаки с большим уроном отступили из лагеря и засели в возведённых ими укреплениях. Однако вскоре стали испытывать недостаток в продовольствии. Отряд крымцев, вышедший

из укрепления в поисках продовольствия, казаки истребили. Приближались холода. В конце сентября турки зажгли свои деревянные укрепления, оставили лагерь и устремились к Азову по кратчайшему расстоянию. Но этот путь пролегал по полупустынной местности скудной продовольствием.

Так как князь П.Серебряный остался в Астрахани, преследование осуществляли одни казаки. Затем к ним присоединились черкасы. Вместе с казаками они преследовали и уничтожали турок. Но больше всего турки страдали от холода и голода. Из 15-тысячного турецкого войска в Азов возвратилось лишь около 3 тысяч человек. Шедший обратно галерный флот был захвачен казаками. А так как на нём было много пороха, то казаки подвели галеры под стены и пристань города и взорвали их. Стены, пристань с судами и большая часть домов превратились в пепел и развалины, так что остаткам турецкого войска негде было приютиться. Казаки из этого похода возвратились с большой и богатой добычей.

Н.Карамзин, описывая эти события, рисует картину никчёмности затеи султана Селима. На самом деле всё обстояло несколько иначе. Никчёмность касалась только рытья канала. Эту задачу тогда, конечно же, выполнить было невозможно. Что касается отторжения от Москвы Астрахани, то эта задача вполне была выполнима. Требовалось только правильно рассчитать необходимые для похода воинские силы и места для строительства крепостей. Естественно, 17-тысячного войска для решения такой задачи было мало. По крайней мере, необходимо было не менее 50 тысяч человек, из которых 20 тысяч пеших и 30 тысяч конницы, кроме всадников крымского хана. Эти силы турок должны были быть сосредоточены на строительстве двух крепостей у Переволоки на Дону и Волге, а также привлечены для сбора и подчинения ногаев и недовольных казанцев.

Ногаи и недовольные казанцы могли ещё выставить более 50 тысяч человек. Объединённые силы турок, ногаев и недовольных казанцев могли составить серьёзную угрозу не только Казани, но и Москве. Так что ситуация на юге для Москвы могла сложиться крайне отрицательно. **От этого Москву спасли авантюризм цели похода, неправильный расчёт сил турецким султаном Селимом, да лихие действия казаков и черкасов.** В очередной раз выявилась необходимость пересмотра Москвой своей завоевательной политики. После столь блистательной победы казаков, юг должен был стать полем приложения основных воинских усилий Москвы.

Те крепости, которые не построили турки, должны были построить московские воеводы. Эти крепости должны были стать базами для сбора войск при организации походов к Азову и на Северный Кавказ. Но этого не произошло. Иван IV не желал отказываться от своего порочного плана завоевания Ливонии и продолжал ужасать страну репрессиями. Таким образом, донские казаки и черкасы оста-

вались один на один в борьбе с крымским ханством и Турцией. Весть о разгроме казаками турецкого войска и разрушении азовской крепости широко разнеслась по Литве и Московии. На берега Дона стало стекаться казачество с Днепра и окраинных областей Московского государства: Северской и Рязанской. Репрессии царя этому очень способствовали. Способствовали они и тому, что казачество стало не просто настороженно, но даже враждебно относиться к Москве.

Кроме этого, донское казачество стало интенсивно пополняться черкасами, которые с Тамани двинулись на Дон, вытесняемые оттуда крымчаками и турками. В 1570 году Девлет-Гирей, по требованию турецкого султана, не забывшего участия черкасов в гибели его войска, совершил внезапный и потому успешный поход на Тамань. Силы были не равны. Крымчаки более чем в пять раз превосходили черкасов. Несмотря на мужественное сопротивление, черкасы были разбиты, а их селения выжжены. Князь **Темгрюк Черкасский** с двумя сыновьями попал в плен. Оставшиеся в живых вынуждены были бежать либо на Дон, либо на Терек и Волгу. Так прекратило своё существование славное славянское воинство, просуществовавшее на Тамани несколько тысяч лет. Вскоре казачество на Дону, Волге и Тереке численно значительно выросло.

В 1569 году **Кучум Муртаза Шейбанид** прочно утвердился у власти в Сибирском татарском княжестве, превратив его в ханство. Его опорой были пришедшие с ним среднеазиатские тюрки и ногаи Алтаульской орды **Маметкула**. Славян-татар стали настойчиво обращать в ислам. Способствовал этому перешедший на сторону Кучума князёк Карача. Так от славян-татар Сибири (Татарии) откололось несколько родов, принявших ислам и давших начало современным сибирским татарам. Столица княжества г.Искер был переименован в столицу ханства ***Кашлык***. Он подчинил себе московских данников: югров, остяков и вогуличей. Желая, чтобы Кучум возобновил выплату дани, Иван IV отправил к нему грамоту с **Аисой**, татарином Сибирского княжества. Он надеялся, и не без основания, что Кучум согласится на эти требования, так как шейбаниды **Абдула Бухарский**, **Сеид Самаркандский**, **Азиз Хивинский**, видя провал похода турецкого султана, а также нарастающую угрозу со стороны Кайсакской орды, слали в Москву дары и просили, чтобы царь московский разрешил их подданным торговать не только в Астрахани и Казани, но и в других городах Московского государства.

Однако наибольшую заинтересованность Иван IV проявлял к сношениям с Англией. Её купцам он разрешил беспошлинно торговать по всей стране. Вёл интенсивную переписку с королевой Елизаветой. Сам её одаривал и от неё получал подарки. Именно ей он доверил свои страхи, опасаясь бунтов, изгнания и даже казни, на этот случай просил убежища, на что получил благосклонный ответ. В это же время в окружении Ивана IV появляются иностранцы: голландский док-

тор **Елисей Бомелий**, изгнанный из Германии, немец доктор **Арнольд Лензей**, ливонцы **Таубе** и **Крузе**, которых он возвысил и сделал думными людьми. **Выкашивая древние русские рода, тащил к себе прохвостов из Европы, дозволяя им наживаться и плести интриги в ущерб нищавшей и корчившейся в репрессиях Московии.**

Страх, овладевший Иваном IV ещё в детские годы, не подавлял его, а подталкивал к бурной и неоправданной репрессивной деятельности. Очередной жертвой на этот раз стал **Владимир Андреевич Старицкий** и многие связанные с ним люди. Тем более, что он, во время болезни Ивана IV, не хотел присягать малолетнему царевичу Ивану, полагая, что сам может возглавить государство. Этого Иван IV не забыл и решил, наконец, поквитаться. Весной 1569 года Иван IV доверил собирать войско в Нижнем Новгороде Владимиру Андреевичу. По дороге в Нижний Новгород в Костроме жители встретили его хлебом и солью, с крестами и хоругвями, с изъявлением любви.

Узнав об этом, царь вызвал костромских начальников в Москву и казнил их. Самого же Владимира Андреевича пригласил в Александровскую Слободу. Князь Владимир с семьёй остановился в трёх верстах от Александровской Слободы. Здесь его и схватили подручные царя, обвинили в том, что он хотел отравить Ивана IV. Сам царь предложил князю Владимиру, его супруге и детям выпить яд, что те и сделали после некоторого замешательства. Затем были казнены слуги и мать Владимира Андреевича, которую утопили в р.Шексне вместе с невесткой князя инокиней **Александрой**.

Раскручивая маховик репрессий, Иван IV в этом же году вывел из Пскова 500 знатных семейств, а из Новгорода 150 и отослал их в Москву. Но это было только начало. Волынский бродяга по имени Пётр, наказанный в Новгороде за воровство, сочинил письмо, якобы от имени новгородского архиепископа и граждан Новгорода к королю польскому, в котором изложил, что Новгород желает предаться королю, и спрятал это подложное письмо за икону Богоматери в церкви Св.Софии. После чего бежал в Москву и донёс царю, что Новгород готовится ему изменить. Иван IV поверил ему и обрёк новгородцев на гибель. В декабре 1569 года он двинулся вершить казнь в Новгороде.

По пути пришёл в ***Клин***, первый город бывшего Тверского княжества. Не предъявляя обвинений, велел убивать и грабить, несмотря на то, что жители встретили его как государя и защитника. Жителей убивали в домах и на улицах, не щадили ни женщин, ни детей. От Клина до Твери опричники шли и убивали, убивали, убивали. В Твери в монастыре М.Скуратов задушил осуждённого ранее старца Филиппа. В Тверь царь даже не заехал, отдав её на разграбление, а жителей на смерть своим головорезам. Затем последовали расправы в Медном и Торжке. В Торжке в одной башне сидели ливонцы, в другой – крымчаки. И тех, и других умертвили.

При этом тюрки-крымчаки оказали сопротивление и тяжело ранили М.Скуратова, чуть не поранили самого Ивана IV. Вышний Воло-

чок и все места до Ильменя были опустошены огнём и мечом. Чтобы сохранить тайну похода на Новгород, всех, кто встречался по дороге, убивали. В начале 1570 года царь подошёл к Новгороду. Войско окружило город сильными заставами, чтобы ни один человек не смог выйти. Передовая многочисленная дружина царя вошла в город и началась расправа, которая длилась около шести недель. Новгород и все его земли были разграблены, а городские и сельские жители по большей части перебиты. Погибло более 60 тысяч человек.

Новгородского архиепископа Пимена отвезли в Александровскую Слободу. Началось следствие, которое вели для того, чтобы к единомышленникам Пимена присовокупить других знатных людей. И они вскоре нашлись. Ими стали: печатник (канцлер) **И.Висковатый**, казначей **Н.Фуников**, боярин **С.Яковлев**, думные дьяки **В.Степанов** и **А.Васильев**. На этот раз не миновала коса смерти первых любимцев Ивана IV А.Басманова, его сына Фёдора и А.Вяземского. Всех их обвинили в том, что они хотели убить царя и отдать Новгород и Псков – Литве. В конце июля была организована казнь. Только на площади всенародно было казнено около 200 человек. Затем печальная участь постигла близких и домочадцев казнённых. Через три дня казни продолжались. Ещё было казнено около ста человек, а жёны казнённых, 80 женщин, были утоплены.

Между казнями Иван IV нехотя занимался внешнеполитическими и воинскими делами. Не полагаясь больше на силу войска и умение полководцев, которых осталось немного, надеялся на удобный случай и фантазии иностранных советников. Таубе и Крузе внушили ему мысль образовать из бывших земель Ливонского ордена королевство под протекторатом Москвы. Стали искать того, кто бы возглавил такое королевство. И такой «чудак» нашёлся. Им оказался владелец о.Эзеля датский принц **Магнус**. Иван IV освободил многих ливонских пленников и передал их Магнусу. Кроме того, выделил 5 тысяч московских ратников. В августе Магнус подошёл к Ревелю.

В осаде простояли до поздней осени. Умения проявили мало, больше ограничивались грабежом окрестностей Ревеля и надеялись на сдачу города. Но жители, снабжённые из Швеции всем необходимым, сдавать Ревель не собирались. Войско Магнуса начало роптать, сам он пришёл в отчаяние и стал обвинять Таубе и Крузе в авантюре. Простояв до марта и не взяв Ревель, Магнус с немецкой ратью ушёл в Оберпален, а московские ратники остались в восточной части Эстонии. Таубе и Крузе, понимая, что царь не простит им неудачи, вступили в сношения с поляками и шведами, подбивая их к походу на Дерпт. Чтобы подтолкнуть их к действиям, пошли даже на авантюру. С малым отрядом своих сторонников внезапно ворвались в город и призвали жителей встать на их сторону.

Однако никто не пристал к изменникам. Московские ратники, опомнившись, в короткий срок часть отряда изрубили, а часть вытес-

нили из города. Таубе и Крузе спаслись бегством в Курляндию. Здесь-то они и поведали о зверствах Ивана IV и о том, что с Москвой можно успешно воевать, так как она самим царём до крайности обессилена. Однако ни Литва, ни Швеция тогда на войну не решились. Магнус, опасаясь, что может быть обвинён в предательстве Таубе и Крузе, из Оберпалена уехал на о.Эзель. Потерпев неудачу в очередной своей авантюре, Иван IV не отказался однако от завоевания Эстонии и подчинения всей Ливонии. В то же время всячески заискивал перед турецким султаном, желая, чтобы тот сдерживал крымского хана. В угоду Турции он даже распорядился срыть крепость в Кабарде. Но это угождение и заискивание не помогло Ивану IV. Турецкий султан требовал передачи Астрахани и Казани Турции, либо признания себя её данником. Это требование показалось Ивану IV чрезмерным и он оставил его без ответа. Однако турецкий султан не забыл своих требований и ополчил на Москву крымского хана, который, расправившись с черкасами Тамани, рвался осуществить успешный поход на север. Опасаясь похода крымского хана, московское войско весь 1570 год простояло на Оке. Крымчаки появлялись в течение лета и осени неоднократно, но в малом числе и вскоре уходили назад. Наступила зима, и царь распустил войско.

Девлет-Гирей однако деятельно готовился к походу. Ему удалось получить серьёзную помощь от султана, привлечь на свою сторону часть ногаев и недовольных казанцев. Войско собралось большое, более 100 тысяч человек. С наступлением весны оно двинулось в поход. Казаки, устрашённые репрессиями царя, не препятствовали этому походу. Успеху похода способствовали также те, кто, опасаясь репрессий, бежал в южные окраины Московского государства и занял по отношению к Москве враждебную позицию. От них Девлет-Гирей узнал, что в результате казней, голода и язвы московское войско значительно уменьшилось, большая часть его находится в Ливонии, другая часть слаба и даже с опричниками не в состоянии выйти в поле. Некоторые согласились быть проводниками.

Не успели князья Бельский, Мстиславский, Воротынский, бояре Морозов и Шереметев со своими ратями занять берега Оки, как хан обошёл их и вышел к Серпухову, где был Иван IV с опричным войском. Царь струсил и бежал. За ним бросилось бежать и опричное войско. Никто даже не пытался остановиться и вступить в сражение. Вначале царь бежал в Коломну, оттуда в Александровскую Слободу, затем в Ярославль. Ивану IV казалось, что все воеводы его предали и хотят выдать Девлет-Гирею. Крымский хан уже был в тридцати верстах от Москвы. Царским воеводам удалось отвести рати от Оки к Москве и упредить Девлет-Гирея.

Однако вместо того, чтобы в поле встретить неприятеля, заняли предместья Москвы, где скопилось большое количество беженцев из окрестных селений. Решили оборониться здесь, перегородив тесные улицы с деревянными строениями. Князь Бельский с боярином Мо-

розовым и большим полком стали на Варламовской улице. Князь Мстиславский с боярином Шереметевым и полком правой руки на Якимовской улице. Князь Воротынский и боярин Татев с полком левой руки на Таганском углу. Князь Тёмкин с опричным войском за р.Неглинной. На другой день, 24 мая, хан подошёл к Москве. Увидев московское войско среди деревянных строений, хан повелел поджечь предместья.

Дома и хижины сразу вспыхнули в десятке мест. Через некоторое время поднялся вихрь, и огненное море с рёвом охватило все предместья. Огонь никто не тушил. Все бросились спасаться. Полки правой и левой руки с небольшими потерями вышли из огня. Большой полк, стеснённый с двух сторон другими полками, потерял немало людей. Люди сгорали в огне и задыхались в дыму. Едва успели завалить Кремлёвские ворота. Немало спасшихся от огня утонуло в реке. Девлет-Гирей, видя Москву в огне, отошёл к селу Коломенскому. За три часа Москвы не стало, выгорели все посады и Китай-город. Уцелел только Кремль. Погибли сотни тысяч людей, в том числе часть войска. Главный воевода князь Бельский задохнулся в погребе на своём дворе, так же погиб боярин М.Вороной. Сгорел первый доктор Ивана IV Арнольд Линзей, а также 25 лондонских купцов.

Князь Воротынский собрал войско за пределами Москвы. Видя, что сил не так уж и много, послал гонцов распространить слух, что из Ливонии движется король Магнус с большим войском. Девлет-Гирей с Воробьёвых гор ещё раз осмотрел Москву и увидел груды дымящихся развалин на протяжении тридцати вёрст. Грабить было нечего. К тому же ему стали доносить, что сильные отряды Воротынского стали появляться в разных местах, а также о движении большого войска из Ливонии. Девлет-Гирей решил не испытывать судьбу и повернул назад. Разорив и ограбив южные области Московского государства, крымчаки увели в полон более 100 тысяч пленников. Князь М.Воротынский двигался по пятам войска крымского хана. По причине малочисленности и дезорганизованности своих сил всё же не решился вступить с Девлет-Гиреем в сражение.

В 1571 году Кучум Муртаза Шейбанид, извещённый уже о неудачном походе турецкого войска к Астрахани и не зная ещё об удачном походе Девлет-Гирея на Москву, отправил туда своего посла **Тамаса** в сопровождении служилого московского татарина Аисы. Тамас привёз с собой дань тысячу соболей и грамоту к московскому царю, чтобы он принял Сибирское татарское ханство под свою державную руку и соглашался платить дань. Такое решение Кучума вызывалось тем, что правитель Кайсакской орды **Хакк-Назар-хан** вступил в длительную борьбу с шейбанидами Тюркестана за обладание землями в Средней Азии. По этой причине участились нападения его орд на Сибирское татарское ханство. Кучуму, как в прошлом Едигеру, нужна была помощь. Получить её он надеялся от Москвы. Но это уже зависело от московского царя.

Посланцы Кучума исполнили его поручение, принесли присягу московскому царю, но к шертной грамоте не могли приложить ни печатей, ни подписей, так как не умели ни читать, ни писать. В Алтаульской орде, кроме Кучума и его приближённых, грамотных не было. Иван IV отправил в Сибирское татарское ханство боярского сына **Т.Чабукова**, который привёл его к присяге и с шертной грамотой, на которой теперь имелись печати и подписи Кучума и его знатных людей, в 1572 году благополучно вернулся в Москву. Однако это не помешало царю в этом же году направить воеводу князя **А.Лыченицына** с ратью для отвоевания югров, остяков и вогуличей у Кучума. Войско Маметкула разбило рать А.Лыченицына. В сражении погибло много ратников, захвачен был весь обоз, все пушки и припасы.

В середине июня царь приблизился к Москве и остановился в Братовщине. Здесь к нему явились два посла крымского хана, которые изложили требования Девлет-Гирея. Иван IV согласился почти со всеми требованиями. Унижаясь перед врагом, царь радовался новому поводу учинить казни. Поводом он считал измену бояр и воевод в пользу Девлет-Гирея. И они вновь начались. Схватили и отрубили голову воеводе князю **П.Серебряному**. Кроме него были казнены: думский советник **З.Плещеев**, сановник **Хабаров-Добрынский, И.Воронцов, В.Разладин**, потомок боярина **Квашни**, воевода **Кирик-Тырков**, защитник Лаиса **А.Кошкаров**, нарвский воевода **М.Лыков**. Воеводу **Н.Казаринова-Голохвастого** взорвали на бочке пороха. **М.Вислому** отрубили голову, а его жену обесчестили и повесили. Погубили десять **Колычевых**, многих князей **Ярославских, Прозоровских, Ушатых, Заболоцких, Бутурлиных**.

Своего шутника князя **О.Гвоздева** царь облил горячими щами, а затем ударил ножом и убил. Воеводе старицкому **Б.Титову** отрезал ухо. Он пировал и истязал. Иногда прекращал пировать и мчался совершать массовые убийства по 100 человек и более. В 1571 году захотел вновь жениться. Собрали две тысячи девушек знатных и не знатных. Вначале он выбрал 24, затем оставил 12. В конце концов, для себя выбрал **Марфу Собакину**, а для сына Ивана – **Евдокию Сабурову**. Но царская невеста Марфа Собакина вдруг занемогла, начала худеть и сохнуть. Клевреты сказали, что на неё навели порчу злодеи. Подозрение пало на родственников умерших цариц Анастасии и Марии. Обвинили и казнили князя **М.Черкасского**. Его посадили на кол. Вельмож **Ивана и Василия Яковлевых**, воеводу **З.Сабурова** засекли до смерти. Боярина **Л.Салтыкова** постригли в монахи, а потом умертвили. Отравили **Г.Грязного** и князя **И.Гвоздева-Ростовского**. Женившись на Марфе в конце октября, царь прожил с ней всего две недели. В ноябре она умерла.

Приостановив на время убийства, пытался заниматься государственными делами. Боясь очередного нашествия крымчаков, уничтожил все посады Москвы. Купцам и мещанам запретил строить высо-

кие деревянные дома, всех перевёл в город. Собрал войско. Часть его, во главе с касимским царём **Саин-Булатом**, отправил против шведов к Орешку. Сам уехал в Новгород. С ним в Новгород убыл и его двор. В Походной Думе тогда состояли: князья и бояре **Мстиславский, Воротынский, Пронский, Трубецкой, Одоевский, Сицкий, Шереметев, Шийдяков-Ногайский**, окольничий **В.Собакин**, думные дворяне **М.Скуратов** и **П.Черемисинов**, печатник **Олферьев**, дьяки **Андрей** и **Василий Щелкаловы**.

Полки собирали в Дерпте и Орешке, намереваясь воевать со Швецией в Финляндии и Эстонии. Однако оскудение страны, сокращение войска, сожжение Москвы и новое намерение крымского хана повторить поход не позволили этого сделать. Пришлось Ивану IV ограничиться переговорами со Швецией, которой он выставил невыполнимые требования, но не добился ничего значительного. Пробыв в Новгороде 26 дней, он оставил там наместниками князей Мстиславского и Пронского, а сам вернулся в Москву в конце января 1572 года.

Вернувшись в Москву, совершил церковное беззаконие. Без святительского благословения женился в четвёртый раз на **Анне Колтовской**. Но вскоре опомнился и собрал церковный Собор, на котором просил епископов утвердить брак. Епископы утвердили брак разрешительной грамотой. На этом же Соборе избрали нового митрополита. Им стал архиепископ **Антоний**. Кроме мирских дел царь занялся также укреплением границы на юге. Интересовался строительством крепостей в Болхове и Орле. Продолжал переговоры с Данией, Литвой и германским императором.

Однако, опасаясь движения войска крымского хана к Москве, вновь уехал в Новгород и увёз с собой всю государственную казну на 450 подводах. Забрал с собой супругу, её родственников, обоих сыновей, царевича астраханского, воеводичей молдовского и волошского, всех любимцев и отборную часть войска. Оборону Москвы возложил на **Ю.Токмакова** и **Т.Долгорукого**. Войско в поле поручил князю М.Воротынскому и боярину Шереметеву с князьями **Н.Одоевским** и **А.Хованским**. Им же была подчинена семитысячная немецкая дружина, во главе с **Г.Фаренсбахом**. В Новгороде Иван IV продолжил переговоры со Швецией и Литвой.

В конце июня 1572 года Девлет-Гирей вновь двинул своё войско на Москву и в конце июля вышел к переправам на Оке у Серпухова. Но здесь его ждало войско М.Воротынского, занявшее построенные укрепления. Развернув огнестрельный наряд, Девлет-Гирей распорядился открыть стрельбу, надеясь связать этим московские рати. Большую же часть войска отправил искать другие переправы, и на следующий день, переправившись через Оку, оно оказалось на московской дороге. М.Воротынский оставил укрепления у Серпухова и двинулся на перехват Девлет-Гирея, которого он догнал в 50 верстах от столицы.

Девлет-Гирей имел войско численностью свыше 100 тысяч человек. У М.Воротынского было немного более 80 тысяч человек. Сильной стороной его войска было наличие огнестрельного наряда. Девлет-Гирей оставил свой огнестрельный наряд за Окой. М.Воротынский, понимая, что крымчаки численно превосходят его войско, решил максимально использовать огнестрельный наряд. После того, как большая часть его войска завязала сражение, в его тылу М.Воротынский распорядился устроить несколько засад, где расположились пушкари и пищальники.

В это время сражение развернулось не на жизнь, а на смерть. Берега Лопасни и Рожая обагрились кровью. Стреляли, секлись саблями, давили друг друга конями, стремились сломить отвагой и упорством. И когда, во второй половине дня, московские ратники утомились и стали ослабевать, М.Воротынский разрешил им отходить в промежутках между засадами. Тюрки-крымчаки бросились в погоню и нарвались на засады. Пушкари и пищальники открыли огонь. Вражеские всадники гибли сотнями и даже тысячами.

Сам М.Воротынский, не теряя времени, с резервом узкой долиной зашёл в тыл неприятелю. Тюрками-крымчаками овладела паника и они побежали. Девлет-Гирей бросил обозы, шатры, собственное знамя и ночью бежал в степи. В Крым возвратилось всего около 20 тысяч всадников. Лучшие воины Девлет-Гирея погибли. В плен попал знатнейший ногайский боец мурза Дивий. Его пленил суздальский витязь **Алалыкин**. Этой победой М.Воротынский надолго отбил охоту у тюрок-крымчаков ходить на Москву. Эта победа стала верхом славы князя М.Воротынского.

6 августа князь **Ногтев** и сановник **Давыдов** сообщили Ивану IV о победе. Он осыпал вестников и воевод своими милостями и поспешил возвратиться в столицу со всем двором. Перед отъездом написал шведскому королю письмо, в котором грозился наказать Швецию за то, что она избегает заключить мир. Иван IV вернулся в Москву, оставив в Ливонии 80 тыс. войско. Победа князя М.Воротынского смирила крымского хана, да и султан турецкий не изъявлял больше желания грозить Москве, которую охраняло 70-тысячное войско победителей крымского хана. Таким образом, от 350-тысячного войска, которое ранее имел Иван IV, осталось всего 150 тысяч.

С такими силами успешно воевать с Литвой, Швецией и Крымом не представлялось возможным. Требовался отдых и накопление сил. Правда, Литва тоже была слаба, а потому подумывала замириться, даже не пренебрегая объединением с Москвой через избрание королём Ивана IV, либо его сына Фёдора. Московский царь вёл теперь активную внешнеполитическую деятельность, не забывая и о переустройстве государства. За прошедшие четыре периода репрессий были уничтожены почти все представители знатных родов. Иван IV чувствовал, что настала пора самому вновь заняться государственным управлением и вернуть себе доверие и признательность народа.

Опричнина была отменена, разделение власти в государстве ликвидировано. И как всегда в таких случаях, находились виновные, которых казнили. Первым в этом ряду был лукавый Паисий, оклеветавший Филиппа. Епископ рязанский Филофей был лишён святительства. С.Кобылин, жестоко и грубо притеснявший Филиппа, был сослан в монастырь Каменного острова. Множество других подручных, ранее беспрекословно выполнявших его повеления, удалили. Из прежних опричников при нём остались Малюта Скуратов, да **Борис Годунов**. Впрочем, последний не занятнал себя кровавыми расправами, проявив немало хитрости и дальновидности.

В то же время продолжали добивать представителей знатных родов. Через 10 месяцев после победы над ордами крымского хана под Москвой был схвачен и казнён князь **М.Воротынский**. Князя оклеветал собственный слуга, обвинил его в чародействе, в сношениях с ведьмами, в замыслах извести царя. 60-летнего князя пытали. Сам царь подгребал к его телу горящие угли. Измученного, едва живого М.Воротынского повезли в Белоозеро. По дороге он умер. Так закончился знатный род князей Воротынских, потомков М.Черниговского.

Вместе с М.Воротынским замучили воеводу князя **Н.Одоевского**, брата **Евдокии**, невестки Ивана IV. Тогда же предали смерти знаменитого пушкаря боярина **М.Морозова** с двумя сыновьями и супругой Евдокией. Так закончился второй самый страшный период правления Ивана IV, знаменовавший собой полную расправу над представителями знатных родов, способных заменить Ивана IV в управлении государством. **Теперь у Москвы не осталось ни опытных дипломатов, ни военачальников. Иван IV должен был теперь сам быть и государственным правителем, и дипломатом, и полководцем.**

На востоке в это время ситуация продолжала обостряться. Основу войска Кучума составляли всадники Алтаульской орды. Их возглавлял породнившийся с Кучумом мурза Маметкул. В 1573 году, после победы над А.Лыченицыным и его ратью, Маметкул осуществил удачный поход против тех остяков, которые ещё самостоятельно платили дань московскому царю. Разбил их, полонил женщин и детей. При возвращении из похода встретил посланника московского царя Т.Чабукова, ехавшего в сопровождении служилых татар. Перебил его отряд, а часть взял в плен. От пленных узнал, что московские ратные люди собираются в чусовских городках. Не дойдя до них пяти вёрст, остановился и повернул назад в Кашлык – столицу ханства.

После поражения под Москвой крымское ханство вновь сильно ослабело, тем более, что от него откачнулись ногаи, потерявшие многих своих людей. Пользуясь этой слабостью, донские и днепровские казаки опустошали его улусы. Крымский хан находился в постоянной тревоге, опасаясь мятежа и гнева турецкого султана. В этих условиях перенесение воинских усилий Москвы на юг могло закончиться для крымского ханства полной катастрофой. Девлет-Гирей хорошо

понимал это, посему он вступил с Москвой в интенсивные переговоры, чтобы предотвратить угрозу с её стороны. Скрывая свою слабость, требовал Астрахани и Казани. Не надеясь их получить и не желая обострять отношения с Москвой, отпустил московского посла **Афанасия Нагого**. В свою очередь, Иван IV освободил крымского посла **Ян-Болдыя**, который находился в неволе 17 лет. После освобождения, на пути в Крым, он скончался в Дорогобуже.

Девлет-Гирей, заинтересованный также в союзе с ногаями, предлагал освободить ногайского мурзу Дивия в обмен на **Василия Грязного**. Московский царь на это не согласился. Дивий вскоре умер, В.Грязного Иван IV выкупил за две тысячи рублей. Однако Девлет-Гирей напрасно опасался угрозы со стороны Москвы. Все помыслы Ивана IV были связаны с Ливонией. Ради её приобретения он готов был на всё. В частности, он предлагал Литве вернуть Полоцк и вместе с ним отдать некоторые наследственные владения, если Литва уступит Ливонию до Западной Двины.

Ожидая согласия Литвы, Иван IV глубокой осенью 1573 года двинул своё войско, около 80 тысяч человек, в Эстонию, чтобы отнять её у шведов. Вплоть до крепости Виттенштайн сопротивления не было. В этой крепости 50 шведов с жителями из окрестных мест организовали оборону, но безуспешно. Крепость была взята московскими ратниками приступом. В ходе приступа был убит **Малюта Скуратов**. Иван IV в ярости от потери своего любимца распорядился сжечь на костре всех взятых в плен шведов и немцев. После этого написал увещевательное и требовательное письмо шведскому королю и вернулся в Новгород.

Правление Ивана IV в зрелости 1574-84 гг.

Московское войско тем временем взяло ***Нейгоф*** и ***Каркус***. Но вскоре случилась неудача. Шведский военачальник **Акесон**, с 2 тысячами человек, разбил 16-тысячную московскую рать, захватил весь обоз, все пушки и знамёна. Таким образом, начали сказываться результаты репрессий московского царя по отношению к заслуженным воеводам. Это известие не на шутку встревожило Ивана IV и он написал шведскому королю более благожелательное письмо, с предложением о заключении мира. Однако шведский король, ободрённый этим успехом, отказался присылать послов в Москву, полагая, что о перемирии нужно было вести разговор тремя годами ранее, а не тогда, когда шведское войско имеет успехи в поле.

Этот ответ ещё более подействовал на Ивана IV, который не вступился за своего посла, оскорбляемого и унижаемого в Швеции, то есть снёс все насмешки со стороны шведов и выслал своих послов,

князя **Сицкого** с дьяками, на границу для ведения переговоров с адмиралом **К.Флемингом**. В результате, заключили перемирие на два года. Москва отказалась вторгаться в Финляндию, а Швеция в Новгородскую область, Карелию и другие места. Эстония оставалась театром вооружённой борьбы.

Боевые действия против Швеции в 1574 году осложнялись тем, что в Казанской области поднялся сильный бунт. Нежелание московского царя воевать с Крымом не спасало его от желания Девлет-Гирея отнять ***Казань*** и ***Астрахань***. Подбиваемые им луговые и горные черемисы подняли восстание. Пришлось посылать многочисленную рать в Казанскую область. Одновременно приходилось опасаться похода Девлет-Гирея на Москву и выделять рати на Оку. Не получив поддержки от крымского хана, восставшие, при появлении московского войска, смирились.

Восставшие в Казанской области могли получить помощь и от Кучума, на что указывал разгром московского посольства мурзой Маметкулом. Просчёты прошлых лет вновь грозили перерасти в очередную катастрофу. Чтобы не допустить объединения восставших с отрядами Кучума, Иван IV в конце мая 1574 года жалованной грамотой разрешил детям **А.Строганова – Якову** и **Григорию** строить крепости на ***Тахчее*** и ***Тоболе***, иметь огнестрельный наряд, нанимать пушкарей, пищальников, других служилых людей для охраны от набегов людей Кучума. Им разрешалось также по обе стороны реки Тобол, рекам в него впадающим и озёрам строить дома и хозяйственные постройки, валить лес, пахать пашни, владеть угодьями. Для этого разрешалось нанимать нетяглых людей, но не беглых, не воров и не разбойников. Поселившиеся на землях Западной Сибири освобождались от всякой службы и всяких повинностей.

Ратные люди, согласившиеся нести службу в этих крепостях, могли ловить рыбу и зверя, не платя налогов. Все эти привилегии были пожалованы на 20 лет. Вместе с тем грамота обязывала Строгановых оберегать инородцев и русских поселенцев от нападений отрядов Кучума, вести с ними войну наступательно, посылать на него ратников, остяков, вогуличей, югров, самоедов и казаков с огнестрельным нарядом, чтобы захватывать в полон людей Кучума в качестве дани, которую он перестал платить. Кроме того, разрешалось искать руду железную, медную, оловянную, свинцовую, серу, плавить из них металл и делать из него разные изделия для продажи и получения прибыли казне.

Строгановы, получив эту жалованную грамоту, развернули бурную деятельность. Они разослали своих людей с письмами на Дон и Волгу, приглашая вольных людей к себе для охраны русских поселений и организации походов против Кучума. Строгановы не случайно добивались такой грамоты. Их люди неоднократно, в малом числе, ходили через Урал в Сибирь (Татарию) и знали положение дел там.

Но из Сибири (Татарии) к Строгановым тоже ходили гонцы. Большей частью это были **славянские волхвы**, рассказывавшие о стране и её богатствах, о походах джунгар и кайсаков, в ходе которых погибло много славян-татар, прежде всего, мужчин, об узурпации власти Кучумом, чтобы заинтересовать Строгановых и подтолкнуть их к организации похода. Именно славянские волхвы показали людям Строгановых ***золотую статую богини Лады***, которую Н.Карамзин называет драгоценным идолом, якобы принадлежащим остякам.

Строгановы, в конце концов, проявили интерес к организации похода и стали добиваться у московского царя разрешения. В то же время думали, кто должен возглавить этот поход? Возглавить этот поход должен был такой человек, который бы не только хорошо знал военное дело, но в то же время знал саму Сибирь (Татарию) и имел знатное происхождение, чтобы ему подчинились без особого сопротивления и подданные Кучума, и прочие инородцы, населявшие север Сибири (Татарии). Вот мы и подошли вплотную к моменту появления у Строгановых **ЕРМАКА** и началу подготовки похода в Сибирь (Татарию). Здесь нам просто необходимо дать комментарий к мнению Н.Карамзина относительно Ермака и его похода, на котором, собственно, базируются все позднейшие сочинения официальных историков.

Вот что он пишет: «*Призывая донских атаманов, Строгановы имели в виду не одну защиту городов своих: испытав бодрость, мужество и верность казаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главного вождя, Ермака Тимофеева,* ***родом неизвестного****, душою знаменитого, как сказано в летописи…*

Он был видом благороден, сановит, росту среднего, крепок мышцами, широк плечами; имел лицо плоское, но приятное, бороду чёрную, волосы тёмные, кудрявые, глаза светлые, быстрые, зерцало души пылкой, сильной, ума проницательного…

Начиная описание Ермаковских подвигов, скажем, что они, как всё необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истинною и под именем летописаний обманывали самих историков. Так, например, сотни Ермаковских воинов, подобно Кортецовым или Пизарровым, обратились в тысячи, месяцы – в годы, плавание трудное – в чудесное. Оставляя баснословие, следуем в важнейших обстоятельствах грамотам и достовернейшему современному повествованию о сём завоевании любопытном, действительно удивительном, если не чудесном».

Во-первых, когда Н.Карамзин, со ссылкой на летописи пишет, что Ермак был **«рода неизвестного»**, это ясно показывает, что сам Н.Карамзин вряд ли так считал. Если он доподлинно не знал, то вполне догадывался по косвенным источникам о знатности рода Ермака, иначе он бы не писал, что Ермак **«видом благороден, сановит»**. Скорее всего, у Н.Карамзина были веские причины, почему он не стал

писать о знатности рода Ермака. И эти причины были связаны с династическими проблемами, как у Ивана IV, так и у Романовых.

Во-вторых, Н.Карамзин указывает, Ермак ***«имел лицо плоское, но приятное»***, что выдаёт в нём восточного славянина, который ничего общего не имеет с выходцами из Юрьевца-Подольского и Суздаля, откуда происходили **Аленины**, которым официальные историки приписывают родство Ермака. ***«Крепок мышцами, широк плечами»*** – это общие признаки ордынских воинов, которые вырабатывались в процессе многолетних специальных тренировок при стрельбе из лука и владели саблей и копьём.

В-третьих, Н.Карамзин, описывая поход Ермака, опирался, в основном, на летопись Строгановых, которая составлялась под влиянием отрицательного отношения Ивана IV к походу, вследствие чего значительно занижалась численность ратных людей, ушедших с Ермаком, а, следовательно, и ответственность за организацию похода. В этом вопросе Карамзин оказался добровольным заложником строгановской летописи. Тем более, что ему очень хотелось поставить Ермака в один ряд с Кортесом и Писарро, превратив таким образом данный поход в не менее чудесный, чем поход конквистадоров в Америку. Ему, гордившемуся победами над Наполеоном, хотелось показать, что у России в прошлом тоже были люди, ничем не уступавшие европейцам.

В-четвёртых, летописи о походе составлялись не в ходе похода, а после него, причём людьми, имевшими прямое отношение к христианству. Уже поэтому они не могли написать правду ни о Ермаке, ни о походе. Даже сподвижник Ермака Савва Есипов, приставший к нему на Дону, оставляя свою летопись потомкам, желал лишь того, чтобы память о походе сохранилась, перекрашивал Ермака и его воинство в христиан, с великими победами покоривших инородцев в Сибири. Хотя на самом деле они христианами не были. И обращение Ермака было не к Богу, а к Богам, как у славян всегда было принято. И в поход с Ермаком шли не христианские попы, а славянские волхвы.

В-пятых, Н.Карамзин и другие официальные историки придают большое значение огнестрельному оружию, якобы, наводившему ужас на сибирских жителей, благодаря которому и состоялось завоевание Сибири. На самом деле сибиряки никакого ужаса не испытывали. Они уже знали о существовании огнестрельного оружия и не боялись вступать в сражение с московскими ратями. Достаточно напомнить о разгроме Маметкулом рати князя А.Лыченицына и захвате его обоза с пушками.

Естественно, придётся разрушить фальсификацию, изобретённую Карамзиным, и шаг за шагом показать, кто такой был Ермак, как шла подготовка к походу, как совершался сам поход и чем он закончился, не отрываясь, естественно, от повествования о правлении Ивана IV. К моменту получения Строгановыми жалованной грамоты московского

царя славянские волхвы нашли превосходного воина, имевшего знатное происхождение. Им стал **Ярмен из рода Темучинов**, тысячник, прекрасно проявивший себя в сражениях с джунгарами и кайсаками.

Не раз и не два он бил их отряды, которые вторгались в Барабинскую степь. Находясь в меньшинстве, проявлял воинское мастерство, находчивость, решительность и неустрашимость, благодаря чему и побеждал своих противников. Враги боялись и уважали его. Джунгарские тайши и кайсакские мурзы обещали дорого заплатить за убийство Ярмена Темучина и обладание его доспехами, так как они считались символами победы. Даже в 1650 году тайша калмыков **Аблай**, хвастался **И.Ремезову**, что ему удалось заполучить доспехи этого великого воина.

Здесь следует сказать, что Татария (Рассения) до своего поражения в войнах с джунгарами и кайсаками управлялась представителями великих славянских родов. Там никогда не было ни фараонов, ни царей, ни императоров. В число великих входили следующие рода: асов, тархов, демиурков, темучинов, словен, скифов, русов, вендов, кимров, гетов, стинов, гуннов и др. Представители этих родов были более знатными, чем все династии Европы и Азии, царствовавшие в XVI веке. Поэтому выбор на Ярмена Темучина пал не случайно. Только прославленному выходцу из великого рода могли беспрекословно подчиняться князья и князьки подвластных Кучуму народов. Более того, он имел большие права на царский престол, чем Иван IV, рождённый Еленой Глинской неизвестно от кого.

Именно **Ярмен Темучин**, которого потом казаки будут звать **Ярёмой**, а потомки – **Ермаком**, в 1574 году с полусотней отборных храбрецов и воинов появляется у Строгановых. Со Строгановыми он уславливается, что отправится на Волгу и Дон набирать дружину и после возвращения начнёт поход, а также, чтобы Строгановы без него за Каменный пояс (Урал) никого не отправляли и не отпускали. Весной 1575 года он появляется на Волге.

В это время в 1574-76 годах Иван IV вёл интенсивные переговоры с Литвой и Австрией, пытаясь утвердить на польско-литовском троне, если не себя, то своего сына Фёдора. Однако его старания оказались безуспешными. Поляки и литовцы в 1576 году избрали королём семиградского правителя **Стефана Батория**, сторонника турок, который обязался отвоевать у Москвы все, ранее завоёванные ею земли. Раздоры в Польше и Литве закончились. Московские сторонники умолкли, так как они составляли явное меньшинство. Поляки и литовцы дружно провозглашали: *«Да здравствует король Баторий!»*

Ведя переговоры, не забывал заниматься расправами. В 1575 году последовала новая череда казней. В этом году лишили жизни старого боярина князя **П.Куракина**, который в течение тридцати пяти лет успешно воеводствовал. Вместе с ним казнили боярина **И.Бутурлина**, который пережил многих своих родственников и, в конце концов,

подвергся опале и был предан смерти. В этот и последующие два года казнили окольничих: **П.Зайцева**, ревностного опричника; **Г.Собакина**, *дядю* умершей царицы **Марфы**; князя **Тулупова**, дворового воеводу и любимца царя; крайчего **К.Собакина**, *брата* царицы Марфы; оружничего князя **И.Девтелевича**. Умертвили псковского игумена **Корнелия** и его ученика **Вассиана Муромцева**, новгородского архиепископа **Леонида**, алчного корыстолюбца.

Завершая уничтожение представителей знаменитых, древних родов, он уничтожал и тех, кого сам выдвинул и кто не угодил ему чем-либо. Его необузданность и жестокость прямо касалась его жён, родных и близких. Супругу **Анну** он вскоре отверг, и её заточили в Тихвинский монастырь. В пятый раз Иван IV женился на **Анне Васильчиковой** в 1575 году, не венчаясь и без благословения епископов. Через некоторое время её схоронили в Суздальском женском монастыре. В шестой раз царь женился на **Василисе Мелентьевой**, красивой вдове, также без благословения и венчания.

Тем временем война в Эстонии продолжалась. Однако шведы не смогли в Эстонии добиться большего, несмотря на победу Акесона и наём трёх тысяч шотландцев и двух тысяч англичан. Их попытки взять ***Везенбург*** провалились. Московское войско, в свою очередь, опустошило все места у Ревеля и взяло ***Пернау***, потеряв во время осады и приступа 7 тысяч человек. Московский воевода **Е.Захарьин-Юрьев** предложил жителям либо присягнуть царю, либо выехать со всем имуществом. Благодаря этому немцы в 1576 году сдали замки: ***Гельмет, Эрмис, Руэн, Пургель, Леаль, Лоде*** и ***Фиккель*** без сопротивления. Вскоре сдали и крепость ***Габзаль***, где находилось множество всяких припасов. Но этот успех Иван IV не сумел закрепить, хотя обстоятельства ему благоприятствовали.

В Пруссии началось восстание, и Стефан Баторий вынужден был осадить ***Данциг***. Осада была длительной и кровопролитной. В Швеции также начались раздоры на религиозной почве. Ивану IV казалось, что теперь он сможет решить судьбу Ливонии. Однако угроза из Крыма и угроза восстания на Волге отвлекли большие силы. В 1576 году Девлет-Гирей вновь попытался осуществить поход на Москву, но без успеха. Не решённые на юге и юго-востоке проблемы постоянно давали о себе знать. Так что для завоевания Эстонии московский царь смог выделить лишь около 50 тысяч человек войска. Оно осадило Ревель в январе 1577 года. Оборону города возглавил шведский военачальник **Горн**.

Московское войско возглавляли князь Ф.Мстиславский и И.Меньший-Шереметев, который дал слово царю взять Ревель или сложить там свою голову. Пушечным нарядом управлял князь **Н.Приимков-Ростовский**. Шесть недель велась стрельба по городу и крепости из орудий. Церкви и дома загорались, но жители тушили пожары, отвечали стрельбой и делали вылазки, часто успешные. В

результате, московское войско несло существенные потери. Не сумев разрушить стены, московские воеводы не решились организовать приступ. В ходе очередного обстрела из крепости пушечным ядром был убит воевода И.Шереметов. Его тело отвезли в Москву.

Тогда московские воеводы распустили слух, что сам царь с дополнительным войском идёт к Ревелю, надеясь, что ревельцы сдадут город. Но слух не помог. Его опроверг мурза **Булат**, который изменил Москве и ушёл в крепость к шведам. В середине марта московское войско зажгло стан и ушло от стен Ревеля. Эта неудача привела к восстанию эстонцев, которых возглавил талантливый предводитель эстонского народа **Ив Шенкенберг**. Отряды шведов, немцев и эстонцев везде нападали на московских ратников. Была взята крепость Виттенштайн, сожжён Пернау, ограблен ряд городков и замков в Ервенской и Вирландской областях и вблизи Дерпта. Шведский адмирал **Гилленанкер** на судах подошёл к Нарве и огнём из пушек сжёг там деревянные укрепления, убил и взял в плен несколько десятков московских ратников.

Эти неудачи привели Ивана IV в ярость. Пользуясь весенней распутицей, он собрал почти всё своё войско в Новгороде, общей численностью около 100 тысяч человек. Во главе войска были поставлены: касимовский царь Саин-Булат, князья И.Шуйский, В.Сицкий, Шейдяков, Ф.Мстиславский и боярин Н.Захарьин-Юрьев. Некоторые думали, что войско двинется к Ревелю. Но царь решил по-другому. 15 июня из Новгорода он уехал в Псков, где пробыл целый месяц. Здесь к нему прибыл Магнус, которому он повелел с немецкой дружиной идти к Вендену. Сам же с главными силами вступил в Южную Ливонию, которая уже подчинялась полякам. Так началась война Ивана IV со Стефаном Баторием.

Гетман Хоткевич не ожидал внезапного нападения и вынужден был бежать. За ним бежали и другие. Московское войско в несколько дней овладело Мариенгаузеном, Луиценом, Розиттеном, Дюнебургом, Крейцбургом, Лаудоном. Только в последнем поляки и немцы оказали сопротивление. Остальные сдались без боя. Лаудон был разрушен до основания. Затем Иван IV направил воеводу Ф.Бутурлина с ратью к городу Зесвегену, где обороняющихся возглавлял брат изменника Таубе. Бутурлину удалось овладеть посадом, но немцы засели в крепости, изъявляя желание сражаться.

Царь сам прибыл к городу с новыми силами и огнестрельным нарядом. Московские ратники расставили пушки, и царь повелел открыть стрельбу. Стены были быстро разрушены, и немцы сдались, но царь не проявил милости. Всех знатных посадили на кол, остальных продали в неволю. Города ***Берсон*** и ***Кальценау*** покорились без сопротивления. Их жителей Иван IV отпустил в Курляндию. В свою очередь Магнус тоже брал города без сопротивления. Без ведома царя им были взяты ***Кокенгузен, Ашераден, Ленвард, Роннебург, Венден*** и ***Вольмар***, где жители выдали ему князя А.Полубенского.

Будучи недалёким человеком, Магнус известил об этом Ивана IV и требовал, чтобы московские ратники не беспокоили ливонцев, так как они уже находятся в подчинении своему королю, т.е. Магнусу. В этом извещении в числе городов, ему подвластных, значился и ***Дерпт*** (Юрьев). Царь московский пришёл в изумление и негодование. Он немедленно выступил к Кокенгаузену и захватил его. Затем отправил других воевод занять все города, которые были захвачены отрядами Магнуса. Все они были быстро заняты московскими ратями. Только в Вольмаре немцы оказали сопротивление. Б.Бельский с московскими стрельцами окружил крепость и стал готовиться к приступу.

Г.Вильке, возглавлявший отряд в крепости, видя приготовления к приступу, сдал крепость, желая уйти к Магнусу. Но его с двадцатью немцами отправили к московскому царю. Остальных семьдесят человек убили. Всех жителей заковали в цепи, а строения опечатали. Иван IV наградил Б.Бельского золотой цепью, а бывших с ним дворян золотыми медалями. Магнус в это время находился в Вендене. Не желая ехать к Ивану IV, он отправил к нему князя А.Полубенского с двумя своими людьми. Царь ласково принял князя и от него узнал, что Магнус поддерживает связь с герцогом Курляндии и желает вместе с ливонскими городами отойти к Баторию.

Людей Магнуса высекли и отправили в Венден с приказом, чтобы Магнус немедленно прибыл к царю, что тот и сделал. По прибытии его вместе со свитой заперли в старом, ветхом доме, где он провёл несколько суток. Московские ратники вступили в Венден. Воеводы Голицын и Салтыков не разрешили им трогать жителей, везде поставили крепкую стражу. Всё было тихо и мирно. Однако немцы, преданные Магнусу, боясь мести царя, с жёнами, детьми, драгоценностями заперлись в замке. Московские ратники попытались силой открыть его. Немцы начали стрелять, убили немало ратников и ранили воеводу Салтыкова.

Царь, узнав об этом, приказал посадить на кол Г.Вильке, разрушить замок и перебить всех немцев. Три дня из пушек стреляли по стенам замка. Они стали рушиться. Осаждённые поняли, что наступает гибель и тогда решили себя взорвать. Все собрались в магистровом доме, стащили туда весь порох, какой был, и после молитвы запалили шнуры. Взрыв погубил всех. Затем страшная месть постигла и всех жителей города. Их мучили, казнили, жгли и резали, насиловали женщин и девиц. Эта венденская кара только удвоила ненависть ливонцев к Москве и её царю.

12 сентября 1577 года Иван IV с войском двинулся к ***Роннебургу, Трикату*** и ***Шмильтену***. Эти крепости были заняты литовцами, но они сопротивления не оказали. Литовцы были отпущены в Литву, немцы взяты в плен. Оставалось только взять Ригу. Но царь, опьянённый успехами, вернулся в Вольмар праздновать свои победы. Здесь он устроил пир в честь своих воевод и знатных литовских пленников, одарил

их шубами и кубками. Особую честь оказал князю А.Полубенскому. Литовским пленникам советовал склонить Стефана Батория к миру. После пира Иван IV, не закончив войну в Ливонии взятием Риги, видимо, полагая, что всё само по себе образуется, уехал в Дерпт.

Войско он доверил касимовскому царю Саин-Булату, князьям И.Шуйскому и В.Сицкому. Отправил также часть конницы к Ревелю опустошать шведские владения. За царём везли изменника Магнуса, которого он в Дерпте простил и возвратил ему ***Оберпален*** и ***Каркус***, прибавив к этим городам ***Гельмет***, ***Зигесвальде***, ***Розенберг*** и другие замки. Оставил также Магнусу титул короля, но взял с него клятву, что он выплатит Москве 40 тысяч венгерских гульденов. Будучи ещё в Дюнебурге, вновь начал сноситься с Таубе и Крузе, которые вновь обещали способствовать его завоеваниям.

Сомнительным успехом этого похода Иван IV в значительной мере был обязан тому, что Стефан Баторий оказался связанным у Данцига, а Крымское ханство вместе с Турцией втянулось в войну с Персией. С ней Иван IV поддерживал хорошие отношения и подталкивал её к этой войне, посылая туда, кроме обычных посольских даров, ещё и огнестрельное оружие. В этой связи его гнев вызвали своевольные действия донских и волжских казаков, которые после очередного ослабления Ногайской орды в результате гибели многих воинов во время похода Девлет-Гирея на Москву в 1572 году, стали полными хозяевами на Нижней Волге и не стеснялись грабить купцов и царских посланников.

Так в 1576 году волжские казаки во главе с атаманами **Иваном Кольцо** и **Богданом Барабошей** ограбили на волжском перевозе, близ Сосновского острова, ногайских послов и боярского сына **Василия Перепелицына**, чем навлекли на себя царскую опалу. Царь заранее осудил их на смерть ***«лютую и позорную»***, распорядился переловить казаков на Нижней Волге, о чём послал грамоты в Казань, Астрахань и все украинные города. Кроме грамот, направил на Нижнюю Волгу сильную рать, во главе со стольником **Иваном Мурашкиным**. Атаманов было велено изловить и доставить в Москву.

И.Кольцо, Б.Барабоша и **Н.Пан** узнали о повелении царя и движении московской рати по Волге. Они собрали большую часть казаков и устремились на р. Яик (Урал). Там они разгромили остатки Ногайской орды, захватили и до основания разрушили её столицу г. Сарайчик. В поисках добычи разрывали даже могилы ногаев. Так перестала существовать Ногайская орда, которая в течение ста лет была то союзником Москвы и врагом Крыма, то наоборот. Небольшая часть казаков, которая не успела уйти, подверглась истреблению московской ратью. Ермака с волжскими казаками ни в период ограбления ими ногайских послов и В.Перепелицына, ни во время их похода на Яик не было.

Дело в том, что в 1575 году, когда Ярмен Темучин (Ермак) появился на Волге и стал призывать волжских казаков к походу в Си-

бирь, их атаманы не заинтересовались его предложением. На сытной Волге им было вольготно, и в суровую Татарию идти не хотелось. К Ермаку пристала едва сотня казаков, с которыми возвращаться к Строгановым было бессмысленно. Тогда он решил идти на Дон, чтобы продолжить сбор дружины. В конце 1575 года он со своими полутора сотнями казаков уходит на Дон, где продолжает собирать казаков. В 1577 году ему удаётся собрать около тысячи человек, после чего, наряду с атаманами **Яновым** и **А.Шадрой**, он входит в число главных предводителей донских казаков. Ему удаётся близко сойтись с атаманом Яновым.

Тысяча казаков – это уже было кое-что. Но эта тысяча была ещё плохо вооружена и сплочена. Нужно было испытать её в серьёзных боях, прежде чем идти в Сибирь (Татарию). Сплотить дружину можно было, воюя с тюрками-крымчаками или Ливонией. Огнестрельное оружие можно было получить только у царских воевод, которые для войны с Крымом оружия не давали, так как царю нужен был мирный Крым. Оставалось одно – идти воевать с Ливонией. Но для этого нужно было убедить донских казаков в необходимости похода в Ливонию. Не один круг атаманов и казаков собрался, прежде чем было принято решение о походе в Ливонию. Это решение далось нелегко. Дело дошло до раскола. Низовые казаки с А.Шадрой во главе отказались идти в Ливонию. Верховые казаки во главе с Ермаком и Яновым согласились. Теперь оставалось дождаться удобного момента для совершения похода. И он скоро представился. В 1577 году Иван IV организовал свой очередной поход в Ливонию. Около 3 тысяч донских казаков во главе с Ермаком и Яновым приняли в нём участие, получив неплохой опыт в организации осады и взятии городов и замков.

Тем временем война в Эстонии и Ливонии продолжалась, становясь для Москвы всё тяжелее и тяжелее. Литовцы и немцы взяли Дюнебург и Венден, причём московские ратники почти не оказали сопротивления. Видя такое дело, Магнус вновь вступил в переговоры с Баторием, заключил с ним договор и тайно перебрался из Оберпалена в Курляндию, в городок ***Пильтен***. Иван IV послал к Вендену войско во главе с князем И.Мстиславским и боярином **Морозовым**. Войско подступило к Вендену и начало подготовку к приступу. Удачно стреляли из пушек и сделали пролом в стене. Однако вскоре узнали, что против них идут литовские военачальники **Дембинский, Бюринг** и **Хоткевич**, сняли осаду и ушли от Вендена.

Как видим, качество московских военачальников резко понизилось. Они уже не надеялись выигрывать сражения в поле, и только прослышав о приближении неприятеля, поспешно покидали поле боя. В конце лета 1578 года московские воеводы князья **И.Голицын, В.Тюменский, Хворостинин** и **Тюфякин** подошли к Оберпалену, покинутому Магнусом и занятому шведами. Им удалось взять эту крепость и захватить двести человек в плен, которых отправили в Моск-

ву на казнь, и принялись спорить о старшинстве над войском, хотя должны были идти к Вендену.

Иван IV вынужден был прислать в Дерпт дьяка **А.Щелкалова** и своего любимого дворянина **Д.Салтыкова**, с целью сменить воевод, если они будут продолжать выяснять старшинство. Это подействовало, и воеводы с войском выступили. К этому времени шведы соединялись с литовцами. Московское войско осадило Венден, но 21 октября к Вендену подошли литовцы и немцы во главе с гетманом **Сапегой**, и шведы во главе с генералом **Бое**. Они атаковали 18-тысячную московскую рать, едва успевшую развернуться вне своих укреплений. Долго мужественно сражались. В решительный момент сражения московская конница, набранная из покорённых инородцев, бежала. Пешие ратники отступили к укреплениям, откуда стрельбой сдержали неприятеля. Наступившая ночь остановила сражение.

С наступлением рассвета Сапега и Бое рассчитывали его возобновить. Однако сражаться не пришлось. Князья И.Голицын, А.Палицкий, окольничий В.Шереметев вместе с дьяком А.Щелкаловым струсили и бежали в Дерпт. За ними бежала большая часть войска. В укреплениях осталась горстка людей во главе с князьями **В.Сицким, М.Тюфякиным**, начальником огнестрельного наряда окольничим **В.Воронцовым** и Д.Салтыковым. Утром неприятель ворвался в укрепление и перебил немногочисленных его защитников. В плен попали князья Хворостицын, Тюфякин, окольничий **Татев** и дьяк **Клобуков**. Общие потери московского войска составили около 6 тысяч человек. Неприятелю достался обоз и 17 пушек.

Это была первая победа воинства С.Батория, открывшая полосу поражений московских ратей. Узнав о поражении под Венденом, Иван IV, ранее не пожелавший принимать гонца С.Батория, немедленно написал ему письмо и просил прислать послов для заключения мира. Но теперь С.Баторий не желал вести переговоры. Он овладел Данцигом и готов был вести войну с Москвой, тем более, что добился от сейма одобрения войны с нею и повышения налогов на её ведение. Римский папа всячески содействовал усилению С.Батория. Поставкой оружия помогал курфюрст Бранденбурга. Датский король, хотя и выжидал, но тайно способствовал С.Баторию. О Швеции и говорить нечего, с ней немедленно был заключён оборонительный союз. Из Трансильвании прибыла его старая опытная дружина, из немецких земель наёмное войско. Крымский хан, получив дары, также согласился способствовать Баторию.

Отправив послов к С.Баторию, царь московский тоже собирал силы со всех концов страны и стягивал их к Новгороду и Пскову. В этих приготовлениях прошла зима, весна и часть лета. В июле 1579 года царь выехал из Москвы в Новгород, где воеводы ждали дальнейших распоряжений. Баторий принял московских послов, но договор подписать отказался и велел послам ехать обратно. Московские

послы убыли, вслед за ними С.Баторий отправил в Москву своего посла Лопатинского с письмом к Ивану IV, а сам с войском выступил к границам московского государства. В Свире он провёл совет, на котором было решено идти к Полоцку и взять его.

Там же был составлен манифест к московскому народу, в котором С.Баторий объявлял, что воюет он с царём московским, но не с его народом, обещал щадить мирных жителей. Обещал и выполнил. Никогда ранее война для простолюдинов не была столь неразорительной. В начале августа войско Батория осадило Полоцк. Там было мало сил, так как Иван IV не ожидал нападения с этой стороны и собирал свои рати для действий в Ливонии. Полоцк имел две крепости: Стрелецкую и Острог, обтекаемые Двиной и Полотой. Крепости были возведены на крутых высотах и служили защитой городу, который, в свою очередь, был окружён глубокими рвами, деревянными стенами и башнями. Слабостью было то, что все укрепления были деревянными.

В городе начальствовал князь В.Телятевский, в Остроге – П.Волынский, в Стрелецкой крепости – Д.Щербатый и дьяк Ржевский. В городе и крепостях имелось достаточно запасов и снарядов. Когда подошло войско С.Батория, оборонявшиеся сами сожгли город и ушли в крепость, где держались более трёх недель. Этому благоприятствовала погода. Лили дожди, осаждающие не могли эффективно использовать огнестрельный наряд, их обозы тонули в грязи, лошади падали, сами они голодали.

Ситуация складывалась вроде бы не в пользу С.Батория. И если бы Иван IV поспешил направить к Полоцку свои главные силы, то поражение противника было бы неминуемо. Однако он этого не сделал. Желая объять необъятное, московский царь распылил свои силы. Ещё будучи в Пскове, он направил воевод князя **Хилкова** и **Безнина** с 20 тысячами всадников в Курляндию для грабежа и захвата пленников. Надо сказать, это была излюбленная метода Ивана IV. В тоже время другое войско отправил защищать Карелию и Ижорскую область от нападения шведов, а также усилил гарнизоны городов в Ливонии.

Встревоженный известиями об осаде Полоцка, он направил к нему рать во главе с князьями **Шеиным, Лыковым, Палицким, Кривоборским** с задачей прорваться к Полоцку силой или хитростью. В случае неудачи занять крепость Сокол и, ожидая подхода главных сил московского войска, внезапными нападениями тревожить неприятеля, перехватывая его сообщения с Литвой. Князь Шеин с выделенной ратью приблизился к стану войска С.Батория, но из-за явного превосходства сил противника не решился вступить в сражение, занял крепость ***Сокол*** и распустил слух, будто сам Иван IV идёт с сильным войском к Полоцку.

Но этот слух не устрашил польского короля, подтолкнув его к скорейшему взятию города. Видя слабое действие огнестрельного на-

ряда, он предложил своим венгерским удальцам подойти вплотную к крепости и зажечь её стены, обещая щедро наградить их. В это время установилась сухая, солнечная погода. Венгры с пылающими факелами устремились к стенам крепости. Осаждённые открыли огонь из пушек и пищалей. Многие венгерские смельчаки были убиты либо ранены, но некоторые достигли стен и подожгли их.

Через несколько минут полыхала вся крепость. Видя удачное начало, венгерская рать бросилась на приступ. Поражаемые ядрами, пулями и головнями, венгры сквозь огонь пылающих и падающих стен ворвались в крепость. Осаждённые встретили их организованно, рубились отчаянно и вытеснили неприятеля. Но венгры, подкреплённые немцами и поляками, вновь возвратились. Осаждённые оказали мужественное сопротивление и вновь отбили неприятеля. Баторий, презирая опасность, сам бросился в сражение, чтобы восстановить порядок и остановить отступающих. Наступала развязка, а помощи не было.

Шеин со своей ратью не мог оказать помощи осаждённым по трём причинам. Во-первых, С.Баторий выставил против него сильный заслон. Во-вторых, донские казаки, возглавляемые Ермаком и Яновым, входившие в рать Шеина, в течение прошедших двух лет участвовали во многих делах, насмотрелись на бестолковость московских воевод и свирепость московского царя. И когда появился манифест С.Батория, в их стане начался ропот. Донские казаки, ранее не воевавшие с Литвой, были поставлены перед выбором. С.Баторий оказался для них ближе, чем жестокий московский царь. Ермак и Янов были вынуждены подчиниться требованиям казаков и увести их на Дон. Поэтому донские казаки самовольно оставили Сокол и ушли восвояси. В-третьих, главная же причина, почему осаждённые в Полоцке не получили помощи, состояла в том, что Иван IV, не желая ослаблять своих сил в Ливонии, ничего более не сделал, чтобы помочь осаждённым и воеводе Шеину.

Отбив приступ, осаждённые погасили пожары в крепости. Неприятель построил новые укрепления, приблизился к крепости, подтянул пушки и открыл стрельбу калёными ядрами по стенам и башням. Вновь загорелись башни. Осаждённые ещё несколько дней держались. С трудом стояли на ногах от усталости, дыма и огня, гася пожары, гибли от пушечных ядер. Ждали освобождения, но напрасно. Наконец, утратив надежду, вступили в переговоры. Поначалу воеводы и архиепископ **Киприан** яростно возражал против переговоров. Они же предложили взорвать крепость. Но воевода П.Волынский и стрельцы не позволили им исполнить это намерение.

Тогда они вступили в переговоры, и С.Баторий, опасаясь продолжения осады, согласился на почётную сдачу крепости. Он согласился отпустить осаждённых защитников острога и крепости в Москву с семействами и имуществом. Желающим поступить к нему на службу обещал большие милости. Однако никто из воевод не пошёл на служ-

бу к польскому королю. В свою очередь, С.Баторий не скоро отпустил пленников, опасаясь передавать Москве добрых воинов. После очищения города и крепости от трупов Баторий торжественно въехал в Полоцк, объявив его литовским воеводством. Так легко завоёванный и бесславно утраченный Полоцк, 18 лет бывший областью Москвы, вновь стал территорией Литвы.

Затем С.Баторий, не теряя времени даром, направил главные силы своего войска к крепости Сокол, а лёгкую конницу к Пскову, чтобы извещать его о движениях московского войска. 19 сентября литовцы осадили Сокол. 25 сентября зажгли башни и под звуки труб устремились к стенам крепости. Осаждённые пытались погасить огонь, но напрасно, он перебросился на здания внутри крепости. В результате, в ней не осталось безопасного места для оставшихся в ней 5 тысяч воинов. Осаждённые сделали вылазку и долго рубились с противником, но не выдержали напора превосходящих сил неприятеля и отошли в крепость. За ними туда ворвались немцы.

Сеча ожесточилась. Осаждённым удалось закрыть ворота и опустить железную решётку, не оставив путей спасения ни себе, ни врагам. Рубились в огне, задыхались и горели до того момента, когда литовцы и поляки ворвались в крепость, истребив свыше 4 тысячи защитников. В плен попали Шереметев, да несколько сотен боярских детей, дворян и стрельцов. После взятия Сокола литовцы взяли ***Красный, Козьян, Ситну, Туровль, Нещедру***, опустошили Северскую землю до Стародуба, выжгли около 2 тысяч селений в Смоленской области.

В это время московский царь с большим войском стоял в Пскове. Страшась войны с С.Баторием, он пытался вести с ним переговоры о вечном мире и дружбе. Одновременно усиливал оборону городов в Ливонии. Единственное, чего ему удалось добиться, так это то, что в Эстонии был схвачен вождь восставших эстонцев Ив Шенкенберг, позднее казнённый в Москве, да отражены шведы от Нарвы. Их отбили и отогнали до Ревеля. Видя, что Баторий намерен продолжать войну, и не надеясь на силу собранного им войска, Иван IV в конце 1579 года убыл в Москву для принятия мер по увеличению своих воинских сил.

В то время, когда в войне с польско-литовским государством московское государство терпело одно поражение за другим, на Волге вновь появились казаки. После разгрома ногаев и уничтожения их орды малая часть казаков осталась там и слилась с потомками **Василия Гугни**, дав начало образованию уральского казачества, большая их часть с атаманами И.Кольцо, Б.Барабошей и Н.Паном весной 1579 года вернулась на Волгу. Здесь они узнали, что московский царь распорядился строить на Средней и Нижней Волге остроги, размещать в них стрельцов для спасения от казаков и пресечения восстаний бывших казанских народов.

Узнали они также о письмах Строгановых, которые приглашали вольных людей на Урал (Камень) для охраны русских поселений и организации походов против Кучума. Видя, что на Волге уже не может быть былой вольности, казаки заинтересовались предложениями Строгановых. На Нижний Дон они идти не захотели, так как там уже сложилось казачество, которое быстро христианизировалось, а это могло привести к столкновениям, чреватым трагическими последствиями. Казацкие атаманы **Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан** и **Матвей Мещеряк** собрали всех, кого было можно, а это около 6 тысяч казаков, и двинулись вверх по Волге и Каме на Урал. В середине лета 1579 года они уже были на Урале и предложили свои услуги Строгановым. Последние, соблюдая уговор с Ермаком, предложили атаманам до его прибытия ограничиться охраной русских поселений.

Однако И.Кольцо, не особенно веривший Строгановым и опасавшийся карательных мер московского царя, проявил нетерпение и решил идти со своей дружиной в поход без проводников, которых Строгановы отказались ему дать. 26 сентября 1579 года дружина И.Кольцо поплыла вверх по Чусовой. Не зная пути, свернула в речку Сылву и, когда наступили заморозки, вынуждена была остановиться на зимовку. Весной 1580 года И.Кольцо вернулся назад, чтобы подготовиться к новому походу, тем более ему стало ясно, что собственных сил для похода в Сибирь недостаточно.

Но Строгановы вновь отказались дать проводников. Тогда И.Кольцо решил совершить разведывательный поход, который начался 12 июня 1580 года. Его дружине удалось подняться вверх по Чусовой, затем в устье речки Серебрянки, где следовало перевалить в речку Жаровлю. Но, видя голую и безлюдную пустыню и не имея проводников, казаки построили укрепление у небольшой речки *Кокуй*, сами же вернулись назад. В укреплении остался небольшой отряд казаков.

Тем временем на Дону разворачивались драматические события. После окончания похода в Ливонию в 1579 году донские казаки вернулись на Дон, где и произошло столкновение Ярмена Темучина (Ермака) с **А.Шадрой**. Ермак продолжал собирать казаков, доказывая необходимость похода в Сибирь. А.Шадра всячески этому походу противился. Он был сыном Нижнего Дона и родословную вёл от черкасов, поэтому не понимал, да и не хотел понимать необходимости похода в Татарию (Сибирь). Вскоре распря переросла в столкновение. Лучше организованная и вооружённая дружина Ермака одолела отряд А.Шадры и преследовала его до станицы Ногавской, где Дон делает поворот с западного направления на юго-западное.

После этого А.Шадре ничего не оставалось, как с тремя сотнями казаков уйти с Дона на Терек, где ими были основаны станицы ***Щедринская, Червлённая*** и другие. А так как А.Шадра на Дону жил в станице ***Гребенской***, то его казаки на Тереке положили начало *гре-*

бенскому казачеству. Ермак же со своей дружиной численностью 540 человек весной 1580 года сел в струги и двинулся по Волге и Каме к Строгановым. 21 июня дружина Ермака у Строгановых соединилась с дружинами Якова Михайлова, Никиты Пана, Матвея Мещеряка и другими отрядами казаков, ранее пришедших на Урал. Вскоре вернулся И.Кольцо со своими казаками.

По прибытии к Строгановым Ермак не терял времени даром. Он немедленно приступил к организации рати. С атаманами И.Кольцо, Н.Паном, Я.Михайловым, М.Мещеряком, сотником **Иваном Грозой**, пятидесятником **Богданом Брязгой** и четырьмя выборными есаулами, как указывалось выше, прибыло около 6 тысяч казаков. Добавим к этому дружину Ермака в 540 человек, да ещё дружину, созданную Ермаком из выкупленных Строгановыми литовцев и немцев. Всего набралось свыше 7 тысяч человек. В поход отобрали 6,4 тысяч человек, здоровых, способных владеть холодным и огнестрельным оружием. Затем организовали из них дружины, сотни, полусотни и десятки. Поэтому правы те исследователи, включая Е.П.Савельева, которые считают, что с Ермаком пошло в поход от 6 до 7 тысяч человек. К сожалению, эти исследователи не выяснили, куда делась основная масса этих казаков.

Именно эта численность рати соответствует всем успешным походам, которые осуществлялись Москвой ранее. Ни 540, ни 840 человек не могли осуществить успешного похода, при условии столкновения с войском Мамсткула численностью свыше 10 тысяч человек, имевшим опыт сражений с московскими ратями, обладавшими огнестрельным оружием. В этом плане Н.Карамзин, считавший, что Ермак имел всего 540 человек, сам стал сказочником, желая поставить Ермака в один ряд с Кортесом и Пизарро.

Возникает, естественно, вопрос, почему казачья вольница, имевшая своих атаманов, ни в грош не ставившая царские указы, подчинилась Ермаку без каких-либо серьёзных дрязг и столкновений. На это есть несколько причин. Во-первых, как уже говорилось выше, Ярмен Темучин (Ермак) имел знатное, древнее, родовое происхождение и заслуженную славу умелого военачальника. Всё это ценилось тогдашними казаками значительно выше, чем царское назначение, а тем более самозванство. Во-вторых, в силу этого они были уверены, что Ермак не будет узурпировать власть и безоговорочно подчинятся царю, предавая казаков. В-третьих, Ярмен Темучин (Ермак) хорошо знал Сибирь (Татарию), куда предлагал идти казакам. В-четвёртых, он не только хотел свергнуть Кучума, но обещал казакам вывести их из московского государства на вольные территории Татарии, где славянско-татарские скиты (поселения) крайне нуждались в мужчинах. В-пятых, после прибытия Ермака сразу же появились славянские волхвы – проводники, которые дожидались его прихода.

Перед походом Ярмен Темучин собрал всех атаманов, есаулов, сотников, пятидесятников, десятников и объявил им цели похода

(свержение Кучума, восстановление порядков, существовавших в Сибирском татарском княжестве ранее, выводе казаков на вольные территории Сибири), правила поведения (запрещалось грабить и убивать безвинных людей, дань собирать только в размере десятины); напомнил законы ассы (войны), по которой всякий не исполнивший воли главного атамана и установленных правил, подлежал смертной казни. Поэтому нечего удивляться, что во время похода случаев нарушения установленных им правил было крайне мало. После проведения всех организационных мероприятий рать Ермака в конце июля 1580 года двинулась в поход.

В течение месяца рать Ермака поднялась вверх по реке ***Чусовой***, попала в устье речки ***Серебрянки***, затем перевалила в речку ***Жаровлю*** и потом по речке ***Бараче*** на плотах спустилась до реки ***Тагил***. Здесь пришлось строить струги, чтобы двигаться дальше. Постройка стругов заняла более недели, что позволило местным жителям вогулам обнаружить казаков, которые известили об этом своего князя **Епанчу**. Как только казаки сели в струги и вышли в реку ***Туру***, их встретила рать Епанчи. Произошло первое столкновение у села ***Усеиново***, победное для казаков. Затем последовало второе удачное столкновение, после чего казаки овладели городком князя Епанчи. Сейчас на этом месте находится город ***Туринск***. Занятие городка и окрестных селений по реке Туре тоже отняло около недели времени. В конце сентября рать Ермака достигла города ***Чинги-Тура*** и овладела им без сопротивления. Здесь Ермак решил остановиться, подтянуть отставших, использовать оставшееся до зимы время на сбор продовольствия и дани, а также на постройку стругов и ладей.

Пока казаки организовывали поход в Сибирь (Татарию), московский царь в январе 1580 года в поисках финансовых средств для ведения войны, собрал духовенство и обратился к нему, чтобы оно согласилось отказаться от части церковного достояния в пользу государства. В своё время Ивану III церковники отказали в таком требовании. Иван IV уменьшил требование, и собор церковников постановил: а) земли и сёла княжеские, когда-либо отказанные митрополитам, епископам, монастырям и церквям или купленные ими, становились государственными, все другие оставались навеки неотъемлемым достоянием церкви; б) впредь церковь не должна была присваивать себе имений недвижных ни в качестве подарков, ни в качестве покупки; в) заложенные церкви земли также становились государственными. Решив проблему увеличения государственных доходов, Иван IV принялся пополнять и увеличивать войско. Его дьяки ездили по областям со списками боярских детей, отыскивали всех, кто уклонялся или избегал службы. Многих наказывали плетьми и батогами, а затем отсылали в Новгород и Псков, где стояли главные силы войска. Но все эти меры Ивана IV не дали нужного ему результата. Войско было рассредоточено по крепостям в Ливонии, а главные силы, находясь в

Новгороде и Пскове, продолжали бездействовать, так как московский царь никак не мог отважиться на решительные действия.

Полной противоположностью ему был С.Баторий. Имея значительно меньшие по численности силы, он активно наращивал их и решительно применял, как только убеждался, что готов к действиям. Причём нерешительность, если не сказать трусливость Ивана IV, а также его примирительно-укоряющие письма лишний раз показывали его слабость и толкали Батория к более решительным действиям. Свою решительность польско-литовский король сформулировал в послании Ивану IV, где говорилось: *«... ты должен отдать Литве Новгород, Псков, Луки со всеми областями Витебскими и Полоцкими, а также всю Ливонию, если желаешь мира».*

После истечения пятинедельного срока, установленного С.Баторием, его войско вновь выступило в поход и опять не в том направлении, где его ждал московский царь. Польско-литовское войско, пополненное и усиленное, делилось на конницу и пехоту. В коннице на правах простых всадников было немало знатных гражданских и придворных чиновников. В пехоту входил огнестрельный наряд. Большая часть пехоты этого набора не участвовала ранее в боевых действиях, но её неопытность компенсировалась наличием в войске семиградской и немецкой ратей. Немецкая рать, созданная Иваном IV для личной охраны и руководимая датским полковником **Георгием Фаренсбахом**, после измены Магнуса перешла на сторону Батория, пополнилась и представляла теперь внушительную силу.

Войско С.Батория устремилось к Великим Лукам. По пути были взяты ***Велиж*** и ***Усвят***. На подходе к ***Великим Лукам*** была разбита конная московская рать. К исходу августа 1580 года польско-литовское войско осадило Великие Луки, в которых находилось до 6 тысяч московских ратников. Кроме этого, в Торопце находился воевода князь **Хилков** с многочисленной ратью. Осаждённые действовали смело и решительно, неоднократно делали удачные вылазки. Однажды даже захватили королевское знамя. Рать князя Хилкова, не вступая в решительное сражение, перекрыла все дороги, ведущие к Пскову, Старой Руссе и Смоленску, нападала на литовские разъезды и отряды, истребляла их и ждала подхода других ратей из Смоленска, Пскова и Новгорода.

Но вместо того, чтобы двинуть свои многочисленные рати на помощь защитникам Великих Лук, Иван IV вновь направил к С.Баторию своих послов для ведения унизительных переговоров. Иван IV соглашался уступить Полоцк, Курляндию и ещё 24 города в Ливонии. Баторий стоял на своём, уверенный в своей силе. Послы не знали, что делать, и отправили гонца к московскому царю.

Тем временем осада начала давать результаты. 5 сентября от взрыва башни, в которой находился порох, взлетела на воздух часть крепости. Пожар завершил разрушение стен. Осаждающие ворвались в

крепость и добили оставшихся. С.Баторий вступил на пепелище, покрытое истерзанными телами московских ратников. После чего он распорядился восстановить укрепления в Великих Луках, а сам с главными силами своего войска двинулся к Торопцу, у которого он атаковал рать князя Хилкова и разбил её. В этом сражении были пленены царский сановник **Г.Нащёкин**, любимец Ивана IV, дипломат, думный дворянин **Черемисинов** и ещё около 200 боярских детей.

Решимость С.Батория, его неуступчивость и внезапность появления его войска там, где не ожидал Иван IV, повергли его в полную прострацию. Он вновь укрылся в ***Александровской Слободе***, а государственные дела передал главным воеводам: касимовскому царю и великому князю тверскому **Симеону Бекбулатовичу** и князю **Ивану Мстиславскому**, написав им письмо: *«Промышляйте делом государевым и земским, как Всевышний вразумит вас и как лучше для безопасности России. Всё упование моё возлагаю на Бога и на ваше усердие»*. Но эти воеводы тоже побоялись выступить в поле против С.Батория. Единственное, на что они решились в 1580 году, так это организовали отвлекающее вторжение в Литву.

Князьям **М.Катырёву-Ростовскому, Д.Хворостинину, Щербатому, Туренину, Бутурлину** было повелено собрать свои рати в Можайске. Затем это сборное войско двинулось к ***Дубровне***, ***Орше***, ***Шклову***, ***Могилёву*** и ***Радомлю***. Во время этого вторжения в Литву было разорено и сожжено множество сёл и деревень. Литовцы спешно собрали войско у Шклова, но оно было разбито московскими ратями. В этом сражении погиб мужественный князь Бутурлин. После этого, захватив множество пленников, войско московское вышло к Смоленску. За это удачное дело Иван IV наградил воевод золотыми медалями, но своего подхода в стратегии ведения войны не изменил, несмотря даже на то, что было ещё одно удачное дело под тем же Смоленском. Пока С.Баторий был связан осадой Великих Лук и сражением с ратью князя Хилкова, а московские воеводы осуществляли поход в Литву, литовский гетман **Филон Кмита** с ратью около 10 тысяч человек подошёл к Смоленску и попытался опустошить его предместья. Но в поле его встретили воеводы Д.Ногтев и князь Мосальский с ратью. Ф.Кмита был разбит и бежал, бросил знамёна, обоз, 60 лёгких пушек и пищалей. Московские ратники захватили в плен около 400 человек. Все трофеи были отправлены в Москву. За это удачное дело Иван IV также наградил воевод золотыми медалями.

Но эти успехи московских ратей не могли перекрыть успехов, достигнутых войском Батория, тем более, что он продолжал действовать, расширяя сферу своих завоеваний. Глубокой осенью ему сдались ***Невель*** и ***Озерище***. Воевода **Сабуров** со своими ратниками мужественно оборонял ***Заволочье***. Эта оборона дорого стоила неприятелю, но всё же воевода Сабуров, не получив помощи, сдал Заволочье. С.Баторий за сдачу крепости выпустил московских ратни-

ков с честью. На этом закончился его второй поход. Сам он заболел и был вынужден уехать в Варшаву на сейм, чтобы добиться продолжения войны в следующем году.

Несмотря на то, что главным силам войска был предоставлен отдых, отдельные литовские отряды продолжали действовать. Внезапным набегом был взят ***Холм*** и сожжена ***Старая Русса***. В Ливонии литовцы взяли ***Шмильтен***, а вместе с Магнусом опустошили часть дерптских и даже псковских земель. Активизировались и шведы. Они взяли ***Кексгольм*** и осадили ***Падис***. Оборону Падиса возглавлял старый воевода **Д.Чихачёв**. Когда шведы овладели замком, то нашли в нём не людей, а тени, которых умертвили, за исключением молодого князя **М.Сицкого**. В течение зимы они ещё взяли ***Везенберг***, который осаждённые стрельцы сдали, выйдя оттуда с одними иконами.

Пока Баторий, будучи больным, прилагал максимум усилий для продолжения победоносной войны, Иван IV занимался свадьбами и писанием ему укорительных посланий, которые лишь распаляли короля на новые завоевания. В 1580 году Иван IV женил своего сына **Фёдора** на сестре Бориса Годунова – **Ирине**. Сам тоже женился в седьмой раз, без какого-либо церковного разрешения, на дочери Ф.Нагого – **Марии**. Обе эти свадьбы позднее будут иметь большое значение для будущего московского государства. В это же время был казнён медик **Бомелия**, тот самый тайный советник, по наущению которого Иван IV сгубил не одного невинного человека. Выходец из Европы, состоявший в нескольких европейских тайных обществах, ненавистник древних русских родов, в конце концов, был уличён в связях с польско-литовским королём и сожжён на костре.

Особый интерес вызывает переписка Ивана IV и С.Батория того времени. Она ярко показывает тщеславие, бессилие, злобу, трусливость и сутяжничество Ивана IV и в то же время уверенность, правоту и знание положения дел Баторием. Вот образчик их переписки того времени. Иван IV пишет С.Баторию: *«Мы, смиренный государь всея России, Божиею, а не человеческою волею... Когда Польша и Литва имели также венценосцев наследственных, законных, они ужасались кровопролития: ныне нет у вас христианства! Ни Ольгерд, ни Витовт не нарушали перемирия; а ты, заключив его в Москве, кинулся на Россию с нашими злодеями Курбским и другими; взял Полоцк изменою, и торжественным манифестом обольщаешь народ мой, да изменит царю, совести и Богу! Воюешь не мечом, а предательством и с каким лютым зверством! Воины твои режут мёртвых... Наши послы едут к тебе с мирным словом, а ты жжешь Луки калёными ядрами (изобретением новым, бесчеловечным); они говорят с тобою о дружбе и любви, а ты губишь, истребляешь! Как христианин, я мог бы отдать тебе Ливонию; но будешь ли доволен ею? Слышу, что ты клялся вельможам присоединить все завоевания моего отца и деда. Как нам согласиться? Хочу мира, хочешь*

убийства; уступаю, требуешь более, и неслыханного; требуешь от меня золота за то, что ты беззаконно, бессовестно разоряешь мою землю!.. Муж кровей (кровопийца – прим. автора) *вспомни бога!»*

Ответом на это послание было третье выступление С. Батория с войском в поле и письмо следующего содержания: *«Хвалишься своим наследственным государством, не завидую тебе, ибо думаю, что лучше достоинством приобрести корону, нежели родиться на троне от Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзанием мёртвых: я не терзал их; а ты мучишь живых; что хуже? Осуждаешь моё вероломство мнимое, ты, сочинитель подложных договоров, изменяемых в смысле обманом и тайным прибавлением слов, угодных единственно твоему безумному властолюбию! Называешь изменниками воевод своих, честных пленников, коих мы должны были отпустить к тебе, ибо они верны отечеству! Берём земли доблестию воинскою и не имеем нужды в услуге твоих мнимых предателей. Где же ты, Бог земли русской, как велишь именовать себя рабам несчастным? ещё не видали мы лица твоего, ни сей крестоносной хоругви, коею хвалишься, ужасая крестами своими не врагов, а только бедных россиян. Жалеешь ли крови христианской? Назначь время и место; явися на коне и един сразися со мной единым, да правого увенчает Бог победою!»*

В ответе С.Батория чётко просматривается родословная Ивана IV. В частности, говорится, что Иван IV рождён Е.Глинской, дочерью предателя короля Сигизмунда. Здесь ничего не говорится об отце. Значит, в то время, если не знали точно, то не без оснований подозревали незаконнорожденность Ивана IV. Московский царь пытался привлечь Ватикан для того, чтобы остановить Батория, но безуспешно. Посол папы **Антоний Поссевин** не смог убедить его прекратить войну. Послу папы ничего не оставалось, как благословить С.Батория на *героические* и *христианские дела* и уехать в Москву. Следом за ним польский король в августе 1581 года с войском, вновь усиленным, двинулся к Пскову.

Тем временем, благополучно перезимовав в Чинги-Туре, 9 мая 1581 года Ермак со своей ратью выступил из неё и поплыл вниз по р.Туре, проявляя необходимую осторожность. Кучум и его войско ещё не вступало в сражение, поэтому подвластные ему народы ещё не вышли из подчинения и продолжали оказывать сопротивление. Для противодействия казакам объединили свои силы шесть князьков, которые со своими дружинами поджидали казаков в устье р. Туры. Трое из этих князьков именовались: **Кашкара**, **Варвара** и **Майтмас**. В устье Туры произошло первое упорное сражение. Оно длилось несколько дней и закончилось победой рати Ермака. Казаки захватили множество разной добычи. Часть её пришлось даже бросить.

8 июня рать Ермака выплыла из Туры в реку Тобол. Здесь у урочища Березовый яр случилась первая стычка с воинством Кучума.

После этой стычки, тоже победной для казаков, на всём продолжении пути рати Ермака до Кашлыка (Искера-Сибира), столицы Кучума, её сопровождали воины Маметкула. Не имея сильного огнестрельного вооружения, они не могли нанести серьёзного поражения казакам. От обстрелов с берега из луков и немногочисленных пищалей и пушек казаки несли незначительные потери. Сами же наносили противнику куда более ощутимый урон.

29 июня у села ***Караульно-Ярского*** состоялось сражение рати Ермака с передовыми отрядами Маметкула. Эти отряды были разбиты и казаки вышли на широкую воду по р.Тоболу. Доплыв до устья реки Тавды, Ермак остановил движение рати и дал недельный отдых казакам. За полтора месяца почти непрерывного движения с боями люди изрядно устали. Во время этого отдыха случайно был захвачен в плен воин Маметкула **Таущан**. Он рассказал об унынии в войске Кучума, вызванном постоянными поражениями и потерями, плохих укреплениях Кашлыка и недостаточном вооружении войска Маметкула. Эти сведения ободрили казаков и воодушевили их на продолжение похода. 8 июля рать Ермака вновь двинулась по реке Тобол.

21 июля у Бабасанских юрт состоялось сражение с главными силами войска Маметкула. Они были разбиты, и Маметкул вынужден был поспешно отходить.

26 июля рать Ермака доплыла до устья реки Турбы. Около села ***Худяково*** (Долгоярского) вновь произошло столкновение с воинством Маметкула. И вновь Маметкул был вынужден оставить поле сражения и отойти.

1 августа рать Ермака, не дойдя до устья Тобола 25 вёрст, остановилась в Карачине улусе (ныне село Карачино). Здесь жил знатный мурза, советник Кучума татарин **Карача**, который, желая сохранить свои владения, добровольно перешёл на сторону Кучума. В ходе жаркого сражения казаки заняли его городок и захватили много разной добычи. Здесь Ермак вновь дал казакам отдохнуть.

14 сентября рать Ермака выступила из Карачина и в устье Тобола встретила войско Маметкула, с которым вновь произошло жаркое сражение. Казаки одержали новую победу. Потери убитыми были небольшие, однако раненых было много. В ночь на 15 сентября казаки заняли городок мурзы Атика. Здесь Ермак хотел перезимовать, так как уже наступила осень. Но Кучум сорвал его планы.

1 октября Кучум с войском вышел из леса на ***Чувашском мысу*** и напал на казаков, стремясь изгнать их из городка Атика. Натиск воинов Кучума был сильным, поэтому сражение было жарким. Но казаки остановили натиск воинов Кучума и опрокинули их. После победы они возвратились в городок.

23 октября Кучум и Маметкул, собрав все свои силы, вновь попытались разбить казаков. Сражение было решительным и кровопролитным. И вновь казаки опрокинули воинство Кучума и Маметкула

благодаря тому, что Маметкул был ранен и вынужден покинуть поле боя. Лишившись своего предводителя, войско Кучума отступило. Первыми с поля боя ушли остяцкие дружины, затем отступили ногаи и тюрки Алтаульской орды. В этом сражении казаки потеряли 107 человек убитыми, имена которых потом были занесены в синодик Тобольского собора. Это сражение окончательно решило судьбу Кашлыка (Искера) и Сибирского татарского княжества. Узнав о победе казаков, 24 октября от Кучума отделились низовые остяки, а 25 октября вогуличи.

В ночь с 25 на 26 октября Кучум, забрав родных, родственников и свои богатства из ***Кашлыка*** (Искера), ***Бицик-тура*** (Панин бугор в Тобольске), Сузге-тура (ныне Сузгунские юрты), ***Абалака*** и других, бежал в Ишимскую степь. 26 октября рать Ермака вступила в столицу Сибирского татарского княжества г. Искер (Сибир), таким образом, произошло воссоединение Московии и Сибири (Татарии). **Название Московского государства РАССЕЯ (Россия) впервые появляется при Иване III. После путешествия тверского купца Афанасия Никитина в Индию, где ещё хорошо помнили Рассению, это название начинает входить в обиход. Но в тот период и вплоть до похода Ермака с казаками в Сибирь (Татарию-Рассению) это название не вполне соответствовало Московскому государству. С момента взятия Кашлыка (Искера-Сибира) казаками происходит фактическое объединение в одно целое Московской Руси и Сибири (*Татарии-Рассении*). С этого момента объединённая страна обретает полное право называться Рассеей (Россией), как правопреемницей Великой Славянской Державы Рассении.**

30 октября к Ермаку первым прибыл остяцкий князь Бояр с дружиной, который привёз с собой ясак (дань) и продовольствие для казаков. Поход длился уже более полутора лет, и многие казаки стремились обзавестись женщинами. Остяцкие женщины и девушки приглянулись казакам, и они стали уходить в их селения. Ермак этому не препятствовал. Он хорошо понимал, что свержение Кучума и восстановление прежних порядков в Сибирском татарском княжестве состоялось. Состоялся также уход казаков из московского государства на вольные территории Сибири. Теперь можно было отпустить тех казаков, которые не желали служить московскому царю. А таких было подавляющее большинство.

И он отпустил этих казаков, указав им, где находятся скиты славян-татар в бассейнах рек Иртыша и Оби. После этого численность рати Ермака стала быстро сокращаться. За время похода казачья рать потеряла около 500 человек. На момент овладения Кашлыком в ней было уже менее 6 тысяч человек. Массовый уход казаков в остяцкие поселения и славяно-татарские скиты, пока ещё не замёрзли реки, не остался незамеченным для воинов Маметкула, которые продолжали следить за казаками. Этот уход и подтолкнул Маметкула к

нападению на казаков, выехавших ловить рыбу на Абалацкое озеро (в 26 верстах от будущего Тобольска) в начале декабря 1581 года.

Во время внезапного нападения 20 казаков были убиты. Узнав об этом, Ермак немедленно организовал погоню. Казаки настигли отряд Маметкула, разбили его и отняли тела убитых рыболовов, которых затем похоронили вблизи г.Искера на Саускапском мысу. Но это внезапное нападение не остановило уход казаков, задержала его наступившая зима. Видя, что Маметкул не желает покоряться, Ермак организовал за ним наблюдение и стал ждать случая, чтобы его схватить. Вслед за остяками стали возвращаться и размещаться в своих поселениях скрывавшиеся в окрестных лесах и подчинявшиеся ранее Кучуму татары. К концу года прибыли ещё два вогульских князька: **Ишбердей** из Ескальбинских болот и **Суклем** с речки Суклема, впадающей в Тобол. Постепенно жизнь в городе Искере и вокруг него стала налаживаться.

В то время, когда на востоке усилиями казаков московское государство соединялось с Сибирью (Татарией), на западе разразились драматические события у Пскова. Доселе непобедимое войско С.Батория взяло Опочку, Красный, Остров, на берегах Черехи разбило конную московскую рать и 18 августа подошло к Пскову. Оборону Пскова Иван IV поручил воеводам князьям И.Шуйскому, В.Скопину-Шуйскому, А.Хворостинину, боярам Н.Очину-Плещееву, Бахтеярову, Ростовскому-Лобанову. С них царь взял торжественную клятву, что они не сдадут Пскова Баторию. Воеводы такой же клятвой обязали всех защитников сражаться за город и крепость. Всего защищать Псков было собрано около 30 тысяч человек войска. Готовясь к осаде, исправили ветхие укрепления, расставили пушки и другое тяжёлое огнестрельное оружие, определили места, где находиться каждому воеводе со своей дружиной при обороне кремля, среднего и большого города, Запсковья и окольней (внешней) стены, построенной на протяжении семи с лишним вёрст. Для поддержки Пскова в Новгороде было сосредоточено войско численностью около 40 тысяч человек во главе с князем **Ю.Голицыным**. Во Ржеве также находилась многочисленная рать, около 15 тысяч человек, предназначавшаяся для помощи Пскову.

На берегах Оки стояли с войском князья В.Шуйский и Шестунов, чтобы отразить орды тюрок-крымчаков, если крымский хан решится на вторжение. В ***Волоке-Ламском*** стояли главные силы во главе с великим князем тверским Симеоном (Едигером), князьями Мстиславским и Курлятевым. Общая численность вооружённой силы Ивана IV доходила до 300 тысяч человек. Это в три раза больше, чем смог собрать к Пскову Баторий. Учитывая противодействие крымскому хану, московский царь мог выставить против Батория до 200 тысяч человек. Вполне можно было двинуть эти силы вперёд, и если не разгромить врага, то наверняка заставить его отступить. Однако Иван IV стремил-

ся действовать хитростью и лестью, а не полагаться на силу, единственно способную в то время дать положительный эффект.

Псковские воеводы 18 августа узнали, что войско С.Батория на подходе, распорядились звонить в осадный колокол и зажечь предместье. Вскоре они увидели густые облака пыли, которые сильным ветром несло в сторону города. Затем показалось само войско, шедшее осторожно. Оно заняло порховскую дорогу и стало вдоль реки Великой. Осаждённые сделали вылазку. С обеих сторон были взяты пленники, которые рассказали о силе своих войск. В разноплеменное войско Батория входили рати: *поляков, литовцев, мазовшан, венгров, немцев (брауншвейгских, любских, австрийских, прусских, курляндских), датчан и шотландцев* общей численностью до 100 тысяч человек. Всё войско было хорошо вооружено и красиво одето, что отметил турецкий посол, сказавший в восторге: *«ежели султан и Баторий захотят действовать единодушно, победят вселенную»*. Однако Псков был крепким орешком даже для такого войска.

Ещё в Вильне изменник князь Д.Бельский советовал королю не ходить к Новгороду и Пскову, которые были окружены болотами и реками, а также каменными стенами, а жители уже имели твёрдое стремление быть с Москвой, а не с Литвой. Советовал также осадить Смоленск, менее укреплённый и менее преданный Москве. Однако С.Баторий отверг этот вполне разумный совет и в своём стремлении преодолевать трудности решил начать осаду Пскова. 26 августа его войско обступило город под грохот выстрелов псковских пушек. И хотя движение войска проходило под прикрытием леса, оно несло немалые потери, что удивило Батория.

Вначале ему поставили шатры у московской дороги. Но даже здесь то и дело пролетали пушечные ядра, грозя погибелью в случае попадания. Пришлось перемещать ставку короля за холмы к берегам речки ***Черехи***. Пять последующих дней прошли в тишине. Войско С.Батория возводило стан на берегу реки Великой, осматривало город и 1 сентября приступило вести подкоп к Покровским воротам. Работали день и ночь, строили и подкатывали туры, делали насыпь для защиты пищальников. Псковские воеводы видели эти работы и угадали намерения неприятеля. В угрожаемом месте возвели новое внутреннее укрепление – деревянную стену с раскатами, собрали к нему дополнительную рать из стрельцов и боярских детей с князем **А.Хворостининым** во главе. Тут же были постоянно князья **Шуйские** и государевы дьяки.

7 сентября неприятель, установив туры, на рассвете открыл сильную стрельбу из 20 тяжёлых осадных орудий. Обстреливали стену между Покровскими и Свиными воротами. На следующий день сбили их в нескольких местах. Видя это, С.Баторий призвал своих военачальников начать приступ. Венгры, немцы и поляки устремились к проломам с распущенными знамёнами и громкими криками. Осаж-

дённые встретили их организованно. От их огня многие осаждавшие полегли, но их соратники по трупам своих достигли крепостных стен, ворвались в проломы, взяли башни Свиную и Покровскую, водрузив на них королевские знамёна.

Поляки в проломах стены рубились с московскими ратниками. Венгры и немцы, заняв башни, осыпали пулями псковских защитников, которые стали слабеть. Псковские воеводы, чтобы не допустить неприятеля в крепость, сняли с других участков необходимые силы и двинули их в пролом, одновременно распорядились взорвать Свиную башню. Эта башня взлетела на воздух с королевскими знамёнами и телами неприятелей. Ров наполнился камнями и трупами немцев и ляхов. В это время подоспели дружины из других частей города. Дружным натиском они вытеснили неприятеля из пролома. Дольше всех держались венгры в Покровской башне. Но и их выбили огнём и мечом. Рубились до вечера, но уже вне крепости. С.Баторий усилил поляков свежими дружинами, но они не смогли переломить ход сражения, так как все жители Пскова бросились помогать своим защитникам. Наконец, оттеснённый неприятель отступил. Защитники, захватив знамёна, трубы и пленников, возвратились в город.

Воеводы послали гонца в Москву с сообщением, что отбили первый приступ с большим уроном для неприятеля. Гонец благополучно миновал неприятельский стан. Распорядились также успокоить и лечить раненых, которых набралось свыше 1,5 тыс. человек, и хоронить убитых, которых оказалось свыше 850 человек. Венгров, поляков и немцев было убито около 5 тыс. человек. В числе убитых оказалось более восьмидесяти знатных сановников, среди которых был **Бекези** – венгерский военачальник, уважаемый и любимый С.Баторием. Его гибель произвела на польского короля такое большое впечатление, что он заперся в своём шатре и не хотел никого видеть долгое время.

Однако на следующий день он вышел к войску, собрал военный совет и твёрдо заявил, что Псков нужно взять этой осенью или зимой, невзирая ни на какие трудности, либо умереть. Велел делать подкопы, стрелять день и ночь и готовиться к новым приступам. В то же время написал письмо псковским воеводам с предложением сдать крепость и обещаниями королевских милостей. Псковские воеводы на его предложения и обещания ответили отказом. В то же время, видя приготовления неприятеля, спешили обезопасить пролом. В нём довершили возведение деревянной стены и закрыли ею пролом, выкопали между ними ров, в котором установили дубовый частокол. И в продолжение следующих пяти недель успешно отражали все попытки неприятеля взять крепость.

Неудачи, ненастье и периодический голод подорвали боевой дух неприятеля. В стане осаждающих начался ропот. Не смея винить короля, винили коронного гетмана **Замойского**. С.Баторий распоря-

дился рыть землянки, запасаться хлебом и порохом, не обращал внимание на ропот, надеялся на успешный подвод и подрыв подкопов. Но его надежды были напрасными. Псковские воеводы узнали о девяти подкопах от литовского перебежчика. Некоторые подкопы удалось перехватить осаждённым, другие сами обрушились. Тщетным оказалось всё искусство Батория. Ни калёные ядра, принесшие успех у Великих Лук и Сокола, ни отчаянная смелость королевских гайдуков, пытавшихся поджечь деревянную стену, не принесли успеха.

Наконец, его войску удалось проделать пролом в стене от реки Великой. С.Баторий приказал идти на приступ Литовцы густыми толпами шли по льду реки, вначале даже смело и отважно. Осаждённые дали залп из крепости и осыпали их пулями и ядрами. Литовцы остановились и попятились. Военачальники Батория, разъезжая на конях, пытались заставить литовцев идти на приступ, но безуспешно. Второй залп осаждённых обратил в бегство и воинов, и военачальников. Тут к радости осаждённых и горечи осаждающих стрелецкий голова **Фёдор Мясоедов** со свежей стрелецкой ратью подошёл из Новгорода, прорвался между неприятельскими полками и вступил в Псков.

С.Баторий, видя крушение всех своих надежд, велел вывезти пушки, разобрать туры, оставить укрепления и отойти от города, рассчитывая ещё изнурить осаждённых голодом и блокадой. При отходе Баторий пытался взять Печёрский монастырь, находившийся в 56 верстах от Пскова. Кроме монахов, монастырь защищали 300 стрельцов *во главе с* **Ю.Нечаевым**. К монастырю подступили немцы с Г.Фаренсбахом и венгры с королевским гетманом **Борнемиссой**. Они требовали сдачи, но получили отказ. Тогда начался приступ, который защитники отбили. Затем последовал второй приступ, его также отбили, да ещё захватили в плен племянника герцога Курляндии молодого **Кетлера** и двух знатных ливонских сановников.

С этого времени войско С.Батория сражалось больше с холодом и голодом. Воины замерзали на часах, коченели в шатрах. Баснословно взлетели цены на продовольствие. Казна истощилась. Войску перестали выплачивать жалование. Около 3 тысяч немцев покинули стан и ушли восвояси. Гибель войска Батория вполне могла состояться, если бы князь Ю.Голицын из Новгорода, а князь Мстиславский из Волока-Ламского двинулись против Батория. Однако они стояли на месте и ждали повеления Ивана IV, который, перепугавшись успехов шведов в Эстонии и приближения рати Радзивила к Ржеву, ускакал из Старицы в Александровскую Слободу. Хотя у Ржева Радзивил встретил превосходящие силы московских воевод и вынужден был поспешно отступить. При отступлении пытался взять Торопец, но не смог и возвратился к королю ни с чем.

В Эстонии успехи шведов действительно были значительными. Находясь в союзе со С.Баторием, они однако не спешили выполнять его авантюристические предложения и требования. В частности, Ба-

торий предлагал шведам, чтобы они осуществили поход морем и напали на северное побережье Белого моря, взяли ***гавань Св.Николая***, ***Холмогоры*** и ***Белозёрск***, где находилась царская казна. Но шведы не решились на столь отдалённую приманку и действовали в Эстонии более прагматично. Пользуясь бездействием московского царя и его воевод, шведы за два с небольшим месяца взяли ***Лоде, Фиккель, Леаль, Габзаль*** и ***Нарву***, где в кровопролитном сражении погибло около 7 тысяч московских ратников и жителей. Здесь шведы захватили множество товаров и богатств, предназначенных для торговли с Данией, Германией и Нидерландами.

Но на этом шведы не остановились и продолжили свои завоевания. Шведский военачальник, француз по происхождению, **де ла-Гарди** взял ***Ивангород***, ***Ям*** и ***Копорье***, пленил там дружину московских дворян, в числе которых оказался изменник Афанасий Бельский, который предложил свои услуги шведам. Вскоре де ла-Гарди овладел крепостью Виттенштайн. Свои победы он торжественно отметил в Ревеле и навёл такой ужас на Москву, что были даже установлены молебны в церквях о спасении от этого лютого врага. Не столько, видимо, это страшило жителей Москвы, сколько московского царя, устрашённого разного рода видениями и природными явлениями (полётом кометы, разрядом молнии в зимнее время, в результате чего сгорела спальня Ивана IV в Александровской Слободе и т.д. и т.п.)

Эти мистические, религиозные страхи московского царя дорого обошлись московскому государству. Не надеясь на свою воинскую силу, Иван IV направил к С.Баторию своих послов, которые сколько можно тянули переговоры. Но, в конце концов, вынуждены были заключить мирный договор, отдав С.Баторию Ливонию и Полоцк с Велижем. Послы Батория, видя плачевное состояние своего войска, согласились не требовать с Москвы денег на издержки войны, не упоминать о шведском короле и его интересах, возвратить Москве Великие Луки, Заволочье, Невель, Холм, Себеж, Остров, Красный, Изборск, Гдов и другие псковские земли и селения. Установили также десятилетнее перемирие. И это был вполне хороший для Батория выход из сложившегося положения. Катастрофа, созданная псковским воеводой князем **И.Шуйским** и его подчинёнными и висевшая над С.Баторием и его войском, благодаря мистической и религиозной предрасположенности московского царя к разного рода страхам, спасла Батория и его воинство. При этом польско-литовская сторона получила ещё Ливонию, на завоевание которой московский царь затратил 24 года, сгубив несметное количество людей и разного богатства.

Окончание войны с Литвой не означало окончания зверств Ивана IV. Не имея уже около себя тех, на ком можно было бы выместить свой несправедливый гнев, Иван IV всё более и более придирался к своим близким. **Царевич Иван** вместе с отцом занимался любострастием и зверством над людьми. В это время уже третий раз был женат

на **Елене Ивановне Шереметевой**. Две первые жены Сабурова и **Параскева Соловая** были пострижены в монахини. Кроме жён, царевич Иван ещё имел наложниц. Однако он не утратил ещё до конца чувства сострадания к бедам Отечества и в последнее время часто проявлял несогласие с отцом по поводу войны с Литвой. Стал проситься повести войско к Пскову. Не имея возможности убедить сына не делать этого, Иван IV прибег к шантажу посредством преследования его беременной супруги.

В один из дней, когда Иван IV попытался изнасиловать беременную жену царевича Ивана, она оказала ему сопротивление. Тогда царь стал её избивать. В это время вошёл царевич Иван и бросился защищать свою супругу. Завязалась драка. В суматохе драки Елена ускользнула в свои комнаты. В это время царь нанёс сыну несколько смертельных ран. Во время драки вошёл Б.Годунов, извещённый Еленой. Он пытался оттащить рассвирепевшего царя от сына, но, получив несколько ранений, вынужден был бежать. После этого Иван IV обернулся к сыну, истекающему кровью. Побледнев от ужаса, он воскликнул: ***«Я убил сына!»*** Затем бросился обнимать его и пытался остановить кровь, бьющую из глубокой раны.

Несмотря на все старания лекарей, царевич Иван скончался через четыре дня 19 ноября 1581 года. 22 ноября состоялось его погребение. Убийство сына вновь сильно повлияло на Ивана IV. Находясь в подавленном состоянии, он созвал всех знатнейших сановников и вельмож и заявил им, что решил уединиться в монастыре, а так как его сын Фёдор не способен управлять страной, бояре должны избрать себе достойного государя, которому он передаст державу и царство. Однако бояре, опасаясь очередного коварства царя, единодушно ответили: *«не оставляй нас; не хотим царя, кроме Богом данного, тебя и твоего сына!»* Эти слова хорошо показывают, насколько репрессии Ивана IV изменили психологию бояр. Они уже не мыслили о благе государства, хотели только, чтобы не возобновились массовые репрессии. Однако репрессии, хотя и в меньших масштабах, но продолжались. На этот раз московский царь казнил некоторых воинских людей, обвинив их в умышленной сдаче городов и крепостей Баторию.

В это же время вёл интенсивные переговоры с папским посланником Антонием Поссевиным, который домогался объединения вер под главенством Ватикана и вступления Москвы в войну с Османской империей. Желая заслужить благосклонность папы, Иван IV вёл переговоры, ублажая и увещевая А.Поссевина. Грамоты папе и европейским государям писал, начиная молитвой к Св.Троице, что не принято было в Москве, то есть московский царь в политических целях заискивал перед католиками. Естественно, такие переговоры не могли окончиться результативно. Соглашаясь на союз христианских держав против турок, но без конкретных обязательств, он в то же время не хотел объединения вер. Результатом этих переговоров явился дол-

гий перерыв в сношениях между Римом и Москвой, от которых ни та, ни другая сторона не видела больше никакой пользы.

Замирившись с Литвой и подношением даров умилостивив крымского хана, освободившегося от войны с Персией и желавшего вернуться к делам казанским и астраханским, московский царь попытался расправиться со Швецией. Его воеводы князья М.Котырев-Ростовский, Тюменский, Хворостин, М.Щербатый со своими ратями двинулись к Нарве, Ямe и в Финляндию. Там, в Вотской пятине, у села Лялицы, разбили шведов наголову. Здесь особенно отличился князь Дмитрий Хворостинин, который ударом своей передовой дружины смял шведов и обеспечил победу. На берегах Невы так же дела окончились победой. Де ла-Гарди по совету изменника А.Бельского хотел овладеть Орешком (Нотебургом). Оборону крепости возглавляли воеводы князь В.Ростовский, Судаков и Хвостов.

Их рати сражались отважно. Войско де ла-Гарди никак не могло их одолеть. Вскоре на подмогу из Новгорода подошёл А.Шуйский с конной ратью. Де ла-Гарди, до того не имевший поражений от московских войск, вынужден был бежать. Но эти тактические успехи не принесли ожидаемой победы над Швецией. Этому были две причины. Во-первых, мир с Литвой не был прочным. Находившиеся в Москве послы С.Батория предъявили новые требования, которые с большим трудом удалось умерить. На границе литовские воеводы вели себя дерзко, захватывали московские земли и даже пытались строить там крепости. По этим причинам неприятельские действия со стороны Литвы могли начаться в любой момент.

Во-вторых, внезапно разразился сильный бунт в казанской земле. Луговые черемисы, озлобленные жестокостями царских чиновников, восстали. Им стали помогать подбиваемые Кучумом ногаи, в помощь которым он отрядил часть своего войска во главе с сыном **Алеем**. Это была одна из причин, почему казакам Ермака удалось сравнительно легко победить войско Кучума и Маметкула. На сторону восставших, несмотря на перемирную грамоту, решил встать и крымский хан, готовый устремиться на Москву. Вновь мы видим, что нерешённость проблем на востоке и юге страны грозила обернуться большой бедой. Казанские воеводы никак не могли усмирить бунт. Встревоженный разрастающимся восстанием московский царь в октябре 1582 года направил в Казань дополнительное войско во главе с князем **Елецким**.

Но и этого оказалось недостаточно. Тогда Иван IV повелел туда идти из Мурома воеводам И.Воротынскому и Д.Хворостинину. Пришлось отрядить войско на Каму и сильную рать к Свияжску. Кроме того, приходилось беречься и от крымского хана. Поэтому к Оке выдвинули многочисленное войско во главе с воеводами князьями Ф.Мстиславским, Кулятевым и Шуйскими. Таким образом, были задействованы почти все силы. Однако восстание черемисов и других народов в Поволжье, поддержанное ногаями и Кучумом, продолжа-

лось до конца жизни Ивана IV. Восставшие ожесточённо резались с московскими ратниками в лесах и степях, летом и зимой, даже на пепелищах своих жилищ. Свою независимость ставили выше смерти. Для стеснения бунтовщиков воевода князь Туренин построил тогда крепость *Козмодемьянск*. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Иван IV очень болезненно воспринимал даже малейшие неудачи, которые случались тогда на востоке, и страшился появления новых врагов. В этих условиях не оставалось ничего другого, как заключить мир со Швецией. 28 мая 1583 года в Шелонской пятине на реке Плюсе заключили перемирие на три года, уступив шведам Ям, Ивангород и Копорье.

Тем временем на востоке в Сибири дела шли значительно лучше. Поражение войска Кучума и оставление им Кашлыка привели к тому, что в его окружении начались раздоры. Они вызывались ещё и тем, что ближнее окружение Кучума не любило самостоятельного Маметкула, но до поры до времени не могло без него обойтись. Ранение Маметкула и уход значительной части его ногайских воинов в Поволжье обострили отношения до крайности. Близкий к Кучуму мурза **Сенбахта Тагин** решил, наконец, свести счёты с Маметкулом, с которым уже давно враждовал. Именно он сообщил казакам о том, где разбил свой стан мурза Маметкул на Вагае. Ермак поверил сообщению С.Тагина и направил на Вагай отряд казаков.

Ночью 20 февраля казаки внезапно напали на стан Маметкула, перебили стражу и захватили Маметкула в плен. 28 февраля 1582 года Маметкул был доставлен в Кашлык (Искер) к Ермаку, который распорядился содержать его под крепким караулом. После пленения Маметкула последние ногайские воины ушли от Кучума. Военная опора Кучума до предела ослабла. Знать, окружавшая его, стала уходить. Здесь сразу же подняли голову его враги. Объявился племянник свергнутого Кучумом Едигера – **Сеид**, которому в своё время удалось бежать в Бухару. Он вернулся в Сибирь и стал серьёзно угрожать Кучуму, не без оснований претендуя на стол Сибирского татарского княжества. Всё это позволило казакам укрепиться в Кашлыке (Искере) и продолжить приведение к присяге северных народов.

Весной в марте-мае 1582 года состоялся поход **Богдана Брязги** с дружиной вниз по реке Иртышу. В ходе этого похода казаками без особого сопротивления были заняты один за другим городки: ***Аремзянский, Туртайский, Демьянский, Рачевский, Цынгалинский, Нарымский, Колпуховский*** и городок князя ***Самара***. Здесь к Б.Брязге явился из Коды остяцкий князь **Алача**, которому он поручил управление всем краем от Самарова до Сумгу-ваша (ныне город ***Берёзов***). В ходе этого похода дружина Б.Брязги, насчитывавшая свыше 500 человек, резко сократилась. Казаки продолжали интенсивно уходить в остяцкие и славяно-татарские селения бассейна рек Оби и Иртыша. В Кашлык (Искер) 29 мая вернулось менее 50 человек.

После похода дружины Б.Брязги Ермак, имевший ещё достаточно сил и не стеснённый активными действиями воинства Кучума, ввязавшегося вместе с ногаями в восстание в Поволжье и на Каме, в июне 1582 года двинулся с частью оставшихся казаков вверх по реке Тавде. У этого похода было две причины. Во-первых, необходимо было привести к присяге вогуличей, проживавших по Тавде. Во-вторых, Ермак хорошо знал Обь-Иртышский бассейн, а вот северные территории для него не вполне были ведомы. Поэтому он хотел севернее найти менее трудный путь из Сибири (Татарии) на Каму.

Поначалу казакам оказали сопротивление дружины вогульских князей **Лабутана** и **Паченки**. Казаки разбили эти дружины, потеряв несколько человек, и взяли ***Лабутинский городок***. Затем без сопротивления были заняты городки: ***Кошуки***, ***Кондырбай*** и ***Табары***. Вскоре с вогулами установились хорошие отношения. Они согласились давать ясак *«по старине»*. В свою очередь, Ермак, оказывая уважение обычаям и верованиям вогулов, вместе с казаками участвовал в их празднествах и обращался за советом к их шаманам, когда это было необходимо. Для атамана-христианина такое отношение к вогулам совершенно не свойственно. Это лишний раз доказывает, что Ермак христианином не был. Как видим, северные народы Сибирского татарского княжества после поражения войска Кучума осенью 1581 года почти не оказывали сопротивления казакам и быстро присягнули Ермаку и Москве.

От шаманов Ермак узнал, что путь в сторону Перми летом преграждают болота, а зимой глубокие снега. Уже наступил сентябрь, и Ермак повернул в Кашлык (Искер). Таким образом, он не дошёл до пелымских вогулов, которые в это время совершили нападение на ***Чердынь*** и его окрестности. В начале октября 1582 года казаки вернулись в Кашлык на зимовку. Здесь он обратил внимание на существенное сокращение своей рати. Ещё осенью 1581 года казачья рать, насчитывавшая почти 6 тысяч человек, осенью 1582 года насчитывала уже менее тысячи человек. Этот процесс Ермак остановить не мог, понимая, что силой удержать казаков не удастся. Поэтому перед Ермаком встал вопрос, как быть? Уйти вместе с остальными казаками значило вновь предоставить возможность Кучуму восстановить свою власть и подтолкнуть его к походам как против Москвы, так и на восток против славян-татар совместно с кайсакскими и джунгарскими ордами. Этого допустить было нельзя. Нужно было переложить борьбу с Кучумом и Кайсакской ордой на плечи Москвы.

Он немедленно снаряжает гонцов к Строгановым и посольство к Ивану IV и отправляет их в середине октября 1582 года. В этой связи он пишет два письма. Одно Строгановым, другое Ивану IV. В письме Строгановым он сообщает, что одолел Кучума, взял его столицу, подчинил многие его земли и захватил Маметкула-царевича Алтаульской орды. Народы, ранее подчинявшиеся Кучуму, привёл к присяге на

верность Москве. В письме к Ивану IV он писал, что его опальные и бедные казаки, мучась угрызениями совести и исполненные раскаяния, шли на смерть и присоединили знаменитую *«державу»* к России, что они ждут указа и его воевод, сдадут им царство Сибирское без всяких условий, готовые умереть в новых подвигах чести или на плахе, как будет угодно царю. Упоминая *«державу»*, Ярмен Темучин (Ермак), конечно же, имел в виду не Сибирское татарское княжество, а Славянскую Державу Рассению (Татарию).

С письмом к царю в Москву поехал Иван Кольцо, не побоявшийся своего осуждения на лютую казнь. С И.Кольцо убыла станица из 50 казаков. На двух стругах, кроме казаков, находился собранный казачьей ратью ясак (дань), в основном пушнина. Выделить 50 казаков для посольства, когда их численность, по уверениям многих официальных историков, составляла около 3 сотен осенью 1582 года. Это уже было слишком. Это говорит о том, что осенью 1582 года казаков у Ермака было значительно больше.

Послание от Ермака для Строгановых было как нельзя кстати. Дело в том, что в то время в Чердыни наместником был Василий Перепелицын, тот самый, которого ограбили казаки на Волге. Когда казаки стали собираться к Строгановым, В.Перепелицын, опасаясь их более, чем вогуличей, свои воинские силы развернул против казаков и держал их в таком состоянии даже тогда, когда казаки ушли в Сибирь. Этим воспользовались пелымские вогуличи, которые 1 сентября 1582 года сделали нападение на селения у города Чердыни. В.Перепелицын, понимая, что царь не простит его оплошность, решил во всём обвинить Строгановых и казаков.

Он написал донос Ивану IV, в котором доказывал, что казаки ходили против вогуличей и грабили их, чем привели их в ярость и возбудили желание отомстить, а теперь казаки пошли против сибирского царя, который тоже будет недоволен и станет вредить Москве. Донос наместника дошёл быстро. И ответ тоже последовал немедленно. Строгановым была отправлена опальная грамота московского царя, датируемая 16 ноября 1582 года. В этой опальной грамоте царь выражал негодование по поводу известий, полученных от В.Перепелицына, повелевал воров волжских казаков и их атаманов вместе с Ермаком вернуть из Сибири для охраны Пермских земель от нападений пелымцев, остяков, вогуличей и сибирских людей. В случае ослушания угрожал Строгановым большой опалой, а казаков обещал перевешать: *«а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати»*.

Строгановы, первыми получившие известие от Ермака, а оно пришло раньше опальной царской грамоты, поспешили в Москву для оправдания и доклада обо всех подробностях организации похода казаков и присоединения Сибирского царства. Кроме известий от Ермака, они везли в Москву вогульского князька **Бегбелия Агтакова**, который совершил со своими людьми численностью около 700 человек

нападение на Чусовские городки в конце июня 1581 года. Оставшиеся казаки разбили дружину вогульского князька, а его самого взяли в плен, что и было записано в Строгановской летописи. Оправдавшись перед царём, они просили его принять Сибирь под свою высокую руку, ибо они, Строгановы, не имеют возможностей удержать столь обширную территорию.

Строгановы появились в Москве в середине декабря 1582 года, а в конце этого месяца 22 декабря в Москву прибыл атаман Иван Кольцо, отправленный Ермаком к царю ***«бить челом ему Сибирским царством»***. И.Кольцо привёз с собой ясак из 60 сороков соболей, 20 чёрных лисиц и 50 бобров, а также грамоту Ермака. Неудачи, преследовавшие царя последнее время, переменили его настроение. Известие об успешном походе и присоединении Сибири бальзамом легло на душу Ивана IV. Царь принял казаков, явил к ним милость, даровал прощение казакам и их атаманам, жаловал прибывших казаков деньгами, сукнами, камками. Повелел отправить в Сибирь остальным казакам полное жалование, а так же царские подарки Ермаку: дорогую шубу с царского плеча, серебряный с позолотой ковш, два дорогих панциря и 100 рублей денег. Так были пожалованы казаки *«за их государеву службу и за пролитие их крови»*. Не оказались обделёнными и Строгановы. Иван IV за их *«службу и радение»* пожаловал **Семёну Строганову** два местечка, Большую и Малую Соль, на Волге, **Максиму** и **Никите** право торговать во всех своих городках беспошлинно. В Москве по поводу присоединения Сибири звонили колокола и пели благодарственные молебны.

Наградив казаков и Строгановых, московский царь повелел направить воеводу князя **С.Болховского**, письменного голову стольника **Ивана Глухова** и стрелецкого голову **Ивана Киреева** с 500 стрельцами к Ермаку в Сибирь. Весной 1583 года князь С.Болховский должен был взять ладьи у Строгановых и плыть рекой Чусовой по следам рати Ермака. Повелел И.Кольцо на обратном пути искать желающих для переселения в Сибирь. Велел епископу вологодскому отправить туда десять священников с их семействами для христианского богослужения. 1 марта 1583 года И.Кольцо вернулся из Москвы в Кашлык. Там он вручил казакам жалованье, а атаманам ещё и богатые дары. Зачитал также грамоту, в которой московский царь объявлял казакам вечное забвение старых вин и вечную благодарность за присоединение Сибири, называл Ермака ***«князем сибирским»***, повелевал ему распоряжаться и начальствовать, как было дотоле, чтобы утвердить порядок в сибирской земле и государеву власть над нею. И.Кольцо сообщил также, что царь распорядился отправить дружину стрельцов в г.Искер. Она действительно отправилась из Москвы 10 мая 1583 года.

Узнав об этом, Ермак решил упрочить своё положение и стать полным хозяином северной части Сибирского татарского княжества.

В мае он отправился в поход вниз по реке Оби, где подчинил ***Кодское остяцкое княжество***. Во время похода пришлось приступом брать городок ***Казым***. Во время приступа погиб атаман Никита Пан и ещё некоторое число казаков. 20 июня 1583 года Ермак возвратился в Искер. По возвращении он отпустил последних казаков, которые желали уйти. Его рать, таким образом, сократилась до 500 человек. Поджидая со дня на день подхода стрелецкой дружины князя С.Болковского, он решил принять меры предосторожности.

Понимая, что стрельцы и их начальники все христиане, он решил организовать раздельное размещение стрельцов и казаков, чтобы не допустить столкновений. На Карачинском острове казаки поставили срубы и отрыли тёплые землянки. Искер и его помещения были освобождены и подготовлены для стрельцов. Всё лето ушло на оборудование нового укреплённого городка. Поэтому летом 1583 года не было больше походов. Для охраны от нападения тюрок Кучума высылались сравнительно небольшие разъезды до полусотни казаков.

10 сентября к Ермаку явился посланец от мурзы **Карачи**, который, якобы, откололся от Кучума и откочевал к Таре. Мурза Карача через посланца просил Ермака оказать ему помощь в борьбе с кайсаками и ногаями. Ермак знал, что Карача происходил из славян-татар, а посему его отложение от Кучума посчитал вполне правдоподобным и не заподозрил ничего плохого. Более того, он считал, что обрёл в его лице надёжную опору в войне с Кучумом и кайсаками, посему послал к нему И.Кольцо с 40 казаками.

На самом же деле после пленения Маметкула вместо него был выдвинут мурза Карача, ставший визирем у Кучума. Он предложил план истребления казаков, который заключался в том, чтобы выманивать небольшие казачьи отряды в поле, уничтожать их превосходящими силами и постепенно продвигаться к Искеру. Не подозревавший ничего плохого, Кольцо со своими казаками попал в засаду. Все казаки были убиты. Ермаку стали ясны подлинные намерения Карачи, но поквитаться с ним уже не оставалось времени. Наступила осень и нужно было готовиться к зиме.

В первых числах ноября в Искер прибыли стрельцы с воеводой князем С.Болховским во главе. Стрелецкий голова И.Киреев умер во время похода. Прибытие стрелецкой дружины было запоздалым. Начиналась зима, а стрельцы не имели ни шуб, ни валенок, ни продовольствия в достаточном количестве. Воевода князь С.Болховский, определённый царём наместником в Сибири, полагал, что Ермак будет у него в услужении, а потому обеспечит его всем необходимым. И когда С.Болховский стал требовать от него необходимые припасы, Ермак отказал ему, упрекнув в позднем прибытии, нераспорядительности и невыполнении царского указа.

Произошла ссора, грозившая перерасти в столкновение. Царский воевода, не будучи уверен в силе стрельцов, не решился пойти на

столкновение. Ермак, в свою очередь, вынужден был уже беречь каждого казака, поэтому тоже не пошёл на столкновение. Однако по требованию царского воеводы 21 ноября в Москву был отравлен Ермаком пленённый ранее Маметкул в сопровождении отряда казаков под начальством **И.Грозы**. По прибытию в Москву Маметкул был принят царём, освобождён из-под стражи, пожалован титулом сибирского царевича и принят на службу полковым воеводой. В 1590 году он участвует в походе против Швеции, а в 1598 году находится в Серпухове с царём Борисом Годуновым в ожидании нападения тюрок-крымчаков.

С конца ноября между стрельцами и казаками не было никаких сношений. Оба лагеря жили и несли службу независимо друг от друга. В это же время воевода С.Болховский отправил своих гонцов к царю с доносом на Ермака, в котором он обвинял казацкого атамана в том, что тот не захотел выделить продовольствие и не подчиняется требованиям царского наместника. Его гонцы добрались до Москвы, так как С.Болховскому и Ермаку были отправлены грамоты с требованием, чтобы Ермак прибыл в Москву для ответа. Пока ездили гонцы из Сибири в Москву и обратно, а езда тогда занимала около четырёх месяцев, в Искере из-за недостатка продовольствия и неумения сохранять здоровье в сибирских условиях началась цинга среди стрельцов.

Христианские попы могли только молиться и отпевать умерших. Как лечить от цинги, они понятия не имели. Казаки цингой почти не болели, так как славянские волхвы заготовили на зиму лечебные травы. И когда среди стрельцов началась цинга, волхвы стали поить казаков отварами из трав и хвои. Сотня за сотней уходили стрельцы в могилу. К середине февраля умерло свыше 300 стрельцов. Вскоре умер и воевода князь С.Болховский. Как только Ермак узнал о смерти царского воеводы, он немедленно направил 200 казаков с волхвами спасать оставшихся в живых стрельцов. Остальные казаки остались на Карачинском острове.

В результате, смертность среди стрельцов пошла на убыль и удалось спасти около 100 стрельцов. Они восполнили численность дружины Ермака, которая несла потери от нападений воинов Карачи. В начале марта прибыли гонцы из Москвы с грамотой от царя. Ермак прочитал грамоту, но отказался ехать в Москву на ответ. Пока цинга косила ряды стрельцов, Карача, разославший своих лазутчиков по окрестным селениям и к городу Искеру, наблюдал за похоронами стрельцов и собирал силы для нанесения последнего решительного удара. В этот период Ермак ещё высылал разъезды для выявления сил противника. Воины Карачи, не вступая в открытый бой, старались устраивать засады. В одну из таких засад попал разъезд атамана **Якова Михайлова**. Все казаки вместе с атаманом были убиты.

12 марта войско Карачи вплотную подступило к Искеру и организовало блокаду. Сам Карача расположился вблизи города в урочище ***Саускан***. Блокада продолжалась два месяца. После того как про-

шёл ледоход, 9 мая 1584 года **Матвей Мещеряк** с 200 казаков почью на ладьях скрытно покинул Карачинский остров, подплыл поближе к урочищу Саускан, высадился и внезапно напал на расположение Карачи. Последний, не ожидая внезапного нападения, бросился бежать. В это время из Искера сделал вылазку Ермак с 250 казаками и стрельцами. Войско Карачи, оставшись без управления, вначале пришло в замешательство, потом им овладела паника, и оно бросилось бежать, бросая шатры, припасы, имущество, скот и вооружение.

Когда рассвело, с других участков блокады подошли свежие силы и остановили бегущих. Воинство Карачи сплотилось и попыталось отбить лагерь и обозы и уничтожить казаков. Но казаки, засев в обозе, отбили все нападения воинства Карачи и заставили его отступить. С богатой добычей дружина Ермака вернулась в Искер. Хотя была одержана новая блестящая победа, положение казаков было скверным. Кроме Карачи, был ещё Кучум и появился новый претендент на княжение – **Сейдяк** – сын свергнутого и убитого Кучумом Бекбулата, являвшийся племянником Едигера. Он вошёл в сношения с Кайсакской ордой и получил от неё помощь воинами, которых возглавил салтан **Уразмахмет**.

Ермак понимал, что Москва, требуя его к ответу, не отступится от своих намерений и обязательно пришлёт если не новую рать, то сильную дружину, противостоять которой он будет не в силах. Понимал он также, что его служение московскому царю потеряло всякий *смысл, тем более, что все задачи*, которые он ставил в начале похода, были выполнены. Оставалось только изгнать Карачу из славяно-татарских скитов Нижнего Иртыша. Затем можно было со своими ближними казаками уйти в славяно-татарские скиты правобережья Иртыша и оставаться там до конца жизни.

В мае 1584 года Ермак разделил свою дружину на две части. Большая часть, около 250 казаков, не исповедовавших христианство, была подготовлена для похода и ухода. Меньшая часть, включавшая стрельцов, уцелевших литовцев, немцев и часть казаков, христиан по преимуществу, всего около 150 человек во главе с М.Мещеряком и письменным головой И.Глуховым, остались в Искере дожидаться подхода новой стрелецкой дружины. В составе меньшей части оказался и **Савва Есипов** – христианский летописец похода Ермака. Перед уходом Ермак имел беседу с М.Мещеряком и С.Есиповым, на которой состоялся уговор, как рассказывать и описывать поход казаков, не выдавая их истинной численности, вероисповедания, целей похода, кроме свержения Кучума.

После этого Ермак с большей частью своей дружины двинулся вверх по Иртышу. Один за другим ему подчинялись городки (скиты): ***Бегишевский, Шамшинский, Рячинский, Залу, Каурдак, Саургат*** и ***Тебенда***, принадлежавшие роду князя **Еличая**. Вместе с этим князем старейшины рода признали Ермака как пред-

ставителя великого рода **Темучинов** и предоставили ему дань. Князь Еличай даже предложил Ермаку в жёны свою дочь. Однако Ермак, уже принявший решение посвятить остаток жизни волхованию, отказался взять в жёны дочь князя. Вблизи устья Ишима в кровопролитном бою с кайсаками Ермак потерял часть казаков, но взял городок Ташаткан. У городка-крепости Кулары, построенной Кучумом для удержания славян-татар Нижнего Иртыша в подчинении и противодействия кайсакам, Ермак простоял несколько дней, так и не решился на приступ.

Затем отряд Ермака доплыл до речки *Шиш*, где тогда начинались степи, и, не встретив нигде воинство Карачи, повернул назад, полагая, что Карача бежал неведомо куда. Действительно, Карача бежал к набиравшему силу Сейдяку, а Кучум вместе с сыном Алеем и среднеазиатскими тюрками, теснимый кайсаками, прикочевал в ишимские степи. Здесь-то и начинается самое главное расхождение с официальными историками и Н.Карамзиным, которые утверждают, что Ермак вернулся в Искер, а затем, якобы, вновь поплыл вверх по Иртышу в начале августа спасать бухарских купцов, доплыл до степи, но не обнаружил ни Кучума, ни купцов и повернул назад. Но 5-6 августа *попал в засаду и погиб.*

Всякий здравомыслящий человек обратит внимание на то, что доплыть до степей из Искера за 5 дней вверх по Иртышу на ладьях невозможно. Поэтому после похода на Шиш Ермак в Искер не возвращался. Он собрал казаков и объявил им своё решение. Все, кто желает, могут уйти в славяно-татарские скиты, располагающиеся по восточному бассейну Иртыша. Кто не желает, могут возвратиться в Искер. Дружина разделилась на несколько небольших отрядов. Один из этих отрядов численностью около 50 человек решил вернуться в Искер. Он в основном состоял из донцов.

Прощаясь с казаками, Ермак роздал присланные царём подарки, в том числе панцири. Панцири он отдал тем донцам, которые возвращались в Искер. Ермаку они были не нужны, так как у славян-татар было правило, согласно которому доспехи с чужого плеча надевать запрещалось, так как *считалось, что они* могут принести несчастье. Донцы этих правил уже не соблюдали. Донские есаулы одели эти панцири на себя. При расставании условились не рассказывать в Искере, куда ушёл Ермак и другие казаки, чтобы царёвы стрельцы не могли их найти, когда придут. Образовавшиеся отряды поплыли в разные стороны. С одним из них уплыл Ермак, поселившийся затем в славяно-татарском скиту, существовавшем ранее на севере нынешней Омской области. Есть версия, что он стал волхвом и прожил более 90 лет.

Отряд донцов, который поплыл в Искер, сопровождали лазутчики Кучума, за которыми шла дружина его сына **Алея**, выбиравшая случай напасть на отряд казаков. В одну из ненастных ночей с 5 на 6 августа донцы остановились на острове вблизи устья реки Вагая, решили переночевать и переждать ненастье. Отделённые от берега широ-

кой протокой донцы не выставили охранения и стали жертвой внезапного нападения. Погибли почти все казаки. Спасся только один казак, который добрался до Искера и сообщил, что все казаки сгинули.

Есаул, возглавлявший отряд донцов и надевший на себя один из царских панцирей, утонул. 13 августа его выловил внук мурзы Бегиша **Янши**, ловивший рыбу у Епанчинского юрта. Поиздевавшись вдосталь над трупом донца есаула, поначалу схоронили его на Бегешевом кладбище. Но затем в юрте начались распри по поводу захоронения, так как это противоречило установленным правилам. На мусульманском кладбище нельзя было хоронить людей других вероисповеданий. Противники этих похорон взяли верх, и труп, якобы, принадлежавший Ермаку, вырыли и перезахоронили в неизвестном месте.

В среде подвластных Кучуму людей пошёл слух о гибели Ермака, которая на некоторое время сплотила их вокруг Кучума. Пополнив дружину Алея, Кучум двинулся к Искеру. Стрельцы и казаки, оставшиеся с М.Мещеряком и И.Глуховым, стали роптать и требовать возвращения в Москву. Стали обсуждать пути ухода. М.Мещеряк настаивал на возвращении по старому пути. Глухов доказывал, что нужно идти по другому пути, по Иртышу и Оби к поморам, а затем в Москву. Дружину пришлось разделить на два отряда. Около 60 человек с М.Мещеряком пошли по старому пути, а около 90 человек с И.Глуховым поплыли новым путём.

Выступили в обратный путь 15 августа, буквально через 2-3 дня, как прибыл спасшийся казак. Ермак не ошибся в своих предположениях. Когда отряд М.Мещеряка двинулся по старому пути, московская стрелецкая дружина численностью 700 человек уже перевалила Уральские горы. Но стрелецкая дружина и отряд Мещеряка разошлись. Стрельцы во главе с князем Мансуровым добрались до Искера, который уже был занят воинами Алея. Не ввязываясь в сражение, они поплыли вниз по Тоболу и при впадении Иртыша в Обь у Белых гор остановились на зимовку.

Пока происходили эти драматические перипетии в Сибири, в Москве тоже произошли важные перемены. Ивану IV шёл 54 год. Имея крепкое сложение, царь мог надеяться на долголетие. Но образ жизни, избранный им, ни в чём не знавшем меры, подорвал его здоровье. Он всё чаще стал чувствовать болезненность, но не поддавался ей, поэтому не было заметно приближение кончины. Зимой 1584 года появилась крестообразного вида комета между церковью Ивана Великого и церковью Благовещения. Царь из любопытства вышел на Красное крыльцо, долго смотрел на неё, потом изменился в лице и сказал окружающим: ***«Вот знамение моей смерти!»***

Взбудораженный видением кометы, он повелел собрать астрологов и волхвов со всей страны, включая Лапландию. Собрали около 60 человек. Царь отвёл им дом в Москве. Ежедневно посылал к ним своего любимца Бельского расспрашивать о комете и вскоре тяжело заболел.

Все внутренности его начали гнить, а тело пухнуть. Астрологи и волхвы предсказали ему смерть 18 марта. Царь повелел им молчать с угрозой всех сжечь на костре, если проговорятся. В течение февраля он ещё занимался делами, но 10 марта повелел остановить литовского посла на пути в Москву. Он ещё надеялся на выздоровление, однако позвал Б.Годунова и дьяка Фёдорова и велел писать завещание.

В минуты облегчения он приказывал носить себя в палату, где лежали сокровища, и часами рассматривал драгоценные камни, а 15 марта даже показывал их англичанину **Д.Горсею**, давая при этом пояснения алмазам и яхонтам. Не остыли в нём и чувства любострастия. Когда невестка, супруга Фёдора, пришла к нему высказать свои утешения, то была вынуждена бежать от всколыхнувшихся в нём любострастных порывов. Но постепенно он стал ослабевать, лежал на ложе в беспамятстве, громко звал к себе убитого сына, видел его в своём воображении и ласково с ним говорил. 17 марта ему стало лучше от тёплой ванны, так что он разрешил литовскому послу из Можайска ехать в Москву.

На другой день сказал Бельскому: *«Объяви казнь лжецам астрологам: ныне, по их басням, мне должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее»*. Бельскому астрологи и волхвы на это ответили: *«Но день ещё не миновал»*. По требованию царя снова изготовили ванну. Он пробыл в ней около трёх часов, затем лёг на кровать, встал, попросил шахматную доску. Сидя в халате на постели, расставил фигуры, хотел, видимо, играть с Бельским, но вдруг упал и скончался. Врачи пытались привести его в чувство, но напрасно. Митрополит, исполняя волю умершего царя, читал молитву пострижения над покойным, названным в монашестве **Ионой**. Погребение было совершено в храме Св. Михаила Архангела.

Здесь мы подошли к моменту, когда Н.Карамзин, описывая жизнь и деятельность Ивана IV, прежде упрекавший его в губительстве безвинных людей и некоторых просчётах в деле ведения войны, по-существу, стал обелять царя ссылками на то, что у других народов тоже были тираны, что Иван IV имел превосходный ум и образование, был деятельным государём и завоевателем, сам вникал при случае во все дела, казнил не только безвинных, но и угнетателей народа, любил спорить о вере и был терпим к разным верам, изъявлял уважение к искусствам и наукам, привечал просвещённых иноземцев, занимался законодательством, строительством церкви и государства и т.д. и т.п. А посему в народе его плохие дела позабылись, а добрая слава осталась, и она выразилась в Судебнике и трёх завоеваниях Казани, Астрахани и Сибири. В результате, его именуют **Грозным**, более в хвалу, нежели в укоризну, не различая с **действительно *Великим* дедом Иваном III**.

Да, это действительно так, что плохие дела позабылись. Это произошло по двум причинам. Во-первых, потому, что мелкопоместное

дворянство, церковники и государственная бюрократия, сложившаяся и окрепшая при нём, были прямо заинтересованы в той системе управления страной и народом, которую он создавал. В этом плане он обеспечил себе мощную социальную поддержку, которая позволила угасить память о губительстве безвинных людей и крупнейших просчётах в государственном управлении. Во-вторых, много постарались историки разных времён, в том числе и сам Н.Карамзин, стремившиеся найти в нём максимально много положительного, в то же время максимально много искали отрицательного в боярстве и удельном княжении, чтобы хоть как-то оправдать кровавые репрессии.

С Карамзиным, в основном, всё ясно. Если касаться современных официальных историков, то они очень недалеко ушли от классика российской истории. Авторы учебника «История России с древнейших времён до конца XX века» А.Н.Сахаров, В.П.Дмитриенко, И.Д.Ковальченко, А.П.Новосельцев так же, как Н.Карамзин, высказывают недовольство репрессиями Ивана IV и поражениями, которые потерпела Россия в войнах с Литвой, Швецией и Крымом: *«Самодержавие без границ требовало тысяч жертв, режим террора и репрессий мог существовать только при натравливании одной части политически значимых сословий на другие. Это единственное, в чём царь преуспел.»*

Но в то же время они не видят ничего отрицательного в становлении и укреплении самодержавия: *«Но вот что важнее. Безумства царя Ивана не поколебали принципиально институтов социальной организации, политической формы государственного устройства России. В исторической перспективе вторая половина правления Ивана IV – кровавый зигзаг самодержавной монархии, когда она живёт в тоталитарно-репрессивном режиме. Этот зигзаг вовсе не выражает сути того государственно-политического и социального устройства, которое сложилось в стране в 50-е годы XVI века. Налицо тяжкая болезнь, но не нормальное, естественное функционирование российской государственности».*

Ещё как поколебали. И если в 50-е годы XVI столетия в России почти сложились условия для перехода к ограниченной монархии, позволявшей ей в полной мере реализовать себя как во внутриполитическом развитии, так и на международной арене, то репрессии Ивана IV, по существу, ввергли её в пучину гражданской войны, дезорганизовали её государственное управление, растратили массу сил и средств, окончательно разрушили славянский общественный уклад, отбросили её социальное развитие во времена Василия III и закрепили его в этом состоянии на долгие годы, ввергли государство в полосу нестабильности, поставив его на грань существования, не говоря уже о пресечении династии, уничтожении старой московской полководческой школы, воспитывавшейся со времён Д.Донского и т.д. и т.п. **Не видеть всего этого – значит абсолютно не понимать того, что Иван IV, по сущест-**

ву, закрыл для нашей страны пути и направления прогрессивного развития, обрёк её на системное отставание в будущем. Вот такие у нас современные официальные историки, которые считают себя научившимися писать историю России до революции 1917 года.

В этой связи нам незачем скрывать ни кровавые репрессии, ни просчёты во внешней и внутренней политике, ибо старый отрицательный опыт, правильно осознанный, даёт больше полезного для будущего, нежели положительный опыт, часто являющийся результатом случая или удачи, или просчётов других правителей либо государств, или деятельности других более талантливых людей. Поэтому необходимо отдать должное всем персонажам истории и их деятельности, чтобы развеять те иллюзии в отношении тирана и человеконенавистника Ивана IV, которые ещё до сих пор сохраняются у некоторой части нашего общества, полагающей, что за годы своего правления этот московский царь сгубил всего лишь около 4,5 тыс. человек. **В то время как на самом деле только в результате репрессий им были погублены СОТНИ ТЫСЯЧ людей, по большей части безвинных, и упущены такие возможности в государственном строительстве, которые более чем на 200 лет отодвинули обретение нашей страной своих естественных границ, загнали её в системное отставание по сравнению с быстро развивающейся Европой.**

В этом отношении деятельность Ивана IV по большей части является отрицательной. И если бы в начале его царствования у него не оказалось толковых советников, то нашу страну постигла бы сокрушительная катастрофа, которая была подготовлена правлением Василия III и Елены Глинской. Она, собственно, и разразилась через 20 лет после кончины Ивана IV. Для понимания того, почему это произошло, необходимо проанализировать комплекс международных и московских династических проблем.

В «реформаторские» 90-е годы XX столетия в рядах оппозиции много говорили об *агентах влияния*. Эти разговоры были связаны с массовостью явления, проявившегося в последнее время. Подобные явления в более или менее массовом масштабе неоднократно применялись в прошлом. Христианизация славянских народов в IX и X веках была именно таким массовым явлением, которое привело к подчинению западных славян Византии и Риму и их частичному уничтожению и покорению западными народами. В этой связи **Владимир «Святой», крестивший Киевскую Русь, по уровню предательства славян мало чем отличается от М.Горбачёва**, развернувшего СССР в сторону подчинения Западу.

Христианство, пришедшее на славянские земли, подготовило и развернуло христианско-крестоносное нашествие против славянских народов в XI и XII веках, результатом которого явилось завоевание славянских земель почти до Волги. Однако это нашествие было остановлено и отброшено на запад славянским ордынским войском, стре-

мительность и победоносность которого привели в трепет и ужас всю Европу. Лишь благодаря проделкам Туракины, её китайских и уйгурских советников, обострившим отношение между Славянской и Монгольской державами, Европе удалось избежать нашествия, подобного тому, которое осуществили славяне-арии (гунны).

Запад и, в частности, Ватикан, уже перехвативший у Византии пальму первенства, был напуган настолько, что стал лихорадочно искать способы и средства спасения на случай, если ордынское славянское войско вновь двинется на запад. Ватикан вынужден был открыть часть знаний о прошлом, хранящихся в его библиотеке, и форсировать технический прогресс в Европе. После этого там, прежде всего, в Венецианской и Генуэзской республиках, начинает интенсивно развиваться металлургия, производство огнестрельного оружия и различные искусства. Развитие металлургии и огнестрельного оружия было необходимо для противодействия славянскому ордынскому войску, соперничать с которым в лучном вооружении было просто невозможно.

Весь этот период технического и культурного подъёма в Европе позднее будет назван ***эпохой Возрождения***. Именно в этот период, с XIV по XVI век, Европа сделала мощный технический рывок вперёд. Благодаря открытию некоторых знаний и поощрений искусств, Ватикан возвысился над всеми европейскими государствами, которые признали его главенство в духовной и цивилизационной областях.

Но не только на этом направлении Ватикан искал спасения. Так как явления массового предательства крайне редки в истории, то пришлось обратиться к старому и проверенному опыту воздействия на противника малыми группировками и даже отдельными лицами. Для этого династический самодержавный строй предоставляет неограниченные возможности, что позволяет манипулировать деятельностью царствующих особ без каких-либо ограничений. Хорошо известно, кто владеет информацией, тот если и не владеет миром, то может на него существенно влиять. Поэтому Ватикан почти с момента своего появления стал готовить и рассылать в разные страны своих разведчиков и агентов влияния, чтобы внедрить их в среду правящего слоя враждебного государства: во-первых, с целью выяснения намерений и сбора информации об истории и деятелях того или иного государства; во-вторых, с целью изменения политики того или иного государства в угодную Ватикану и Европе сторону.

Позднее, когда Ватикан утратил своё влияние в Европе, принципы его политики стали руководящими во Франции, Англии, Австрии, а затем и в Германии. Вплоть до Ивана IV Москва интересовала Ватикан и остальные европейские страны только с точки зрения получения информации и организации выгодной для себя торговли. Его устраивали процессы разложения, которые шли в Славянской Державе благодаря веротерпимости к христианству и исламу. Держава, поражённая христианизацией и исламизацией, постепенно разлагалась

и распадалась на мировоззренческо чуждые и враждующие друг с другом государственные образования. Однако в XV веке на базе Москвы образуется мощное государство, не приемлющее ислам и к тому же не особенно руководствующееся христианством, проявляющее настойчивое стремление к движению на запад.

Точно такое же движение на запад проявили в это время *тюрки-сельджуки*, создавшие Османскую империю. Для Ватикана и других европейских государств эти действия Москвы и Стамбула вырисовывали мрачную перспективу. В случае объединённого похода Османской империи и Московского государства Европу ждали, вполне возможно, ещё более катастрофические последствия, чем во времена похода гуннов (славян-ариев), не говоря уже о походе славянского ордынского войска. Размышляя над способами и средствами противодействия этому объединённому походу, в Ватикане пришли к выводу, что повлиять на Османскую империю, в которой господствовал ислам, не представляется возможным. Поэтому против неё избрали в основном силовое противодействие, *объединив для его реализации* Венгрию, Австрию, Венецию, Геную, Испанию, некоторые балканские славянские страны и Польшу.

Что касается Москвы, то против неё уже выступали Литва, Швеция и Ливония. Но здесь имелась также возможность влиять и через христианскую диаспору византийского толка, так как после взятия Царьграда турками потомки византийских императоров вошли в сношение с Ватиканом и проживали на побережье Адриатики. И когда московские византийские ортодоксы стали искать невесту Ивану III среди потомков византийских императоров, в Ватикане смекнули, что это тот случай, когда при помощи жены можно будет дезорганизовать управление Московским государством и если не разрушить его, то до крайности ослабить его давление на Европу. Поэтому **женитьба Ивана III на Софье Палеолог является результатом заинтересованности византийских христианских ортодоксов в сохранении своего духовно-религиозного господства в Москве и Ватикана в дезорганизации управления Московским государством.**

Однако, не рассчитывая особо на успех, Ватикан искал и другие пути спасения и отступления на случай, если Москва всё же двинется на запад. Открываются новые знания о существовании на западе материка или пути достижения Индии. В результате, организуются экспедиции, *«открывшие»* Америку. Но бежать не понадобилось. Как мы видели выше, Софье Палеолог и византийским ортодоксам Москвы удалось дезорганизовать управление страной, по существу, ввергнуть её в гражданскую войну и на пятьдесят лет остановить её движение на запад. Появление Глинских в Москве тоже не было случайным. Это была умело организованная Ватиканом операция по внедрению своих агентов влияния, прежде всего, Елены Глинской, в московское общество. То, что Москва не любила Глинских, это известно. Но Глинские тоже не любили Москву.

Особенно не любила Москву Елена Глинская. Именно она воспитала в малолетнем сыне Иване ненависть к Москве, к старым русским родам, тягу к западной культуре, стремление жить по самодержавному абсолютизму, уже сложившемуся на Западе. Поэтому царевич Иван рос своевольным, властолюбивым, проказливым, злопамятливым *и в то же время трусливым мальчишкой*. За ним требовался постоянный присмотр, которого он не хотел, и злился, когда его поучали бояре за очередную шалость. Особенно его проказы не нравились возглавлявшему Думу и государство И.Шуйскому, который после очередной выходки царевича, о чём сохранились *слухи*, сказал ему: *«Ты, Ивашка, уймись! Царь Василий не твой отец. С кем тебя прижила твоя потаскуха-мать, мы ведаем. Родство можешь вести только по роду Глинских, которые не ровня нам, Шуйским. Мы род свой ведём от Всеволода Великого. И много ещё родов боярских старше твоего. Не уймёшься, сотрём, как гниду»*.

Царевич Иван перепугался, съёжился и притих на время, но затаил злобу и ненависть к И.Шуйскому, поджидая случая поквитаться за оскорбление и обиду. Ему это вскоре удалось осуществить благодаря тому, что в среде боярства и церковников сложились уже две партии. Причём самодержавно-клерикальная партия оказалась более сплочённой и целеустремлённой в борьбе за власть. Противная же партия, так или иначе включавшая высокородных князей и бояр, в силу их соперничества между собой, оказалась менее способной в борьбе за власть. Если мы учтём всё вышесказанное, тогда нам станут понятны мотивы поступков Ивана IV, той внутренней и внешней политики, которую он проводил с 1558 года и до конца своей жизни.

Первый период, к которому относятся наибольшие успехи его царствования, всецело принадлежат двум деятелям того времени, Сильвестру и А.Адашеву, которые, собственно, и были создателями знаменитого «Судебника», в основе которого было «Уложение» Ивана III. Покорение Казани также является результатом политики, которую проводили Сильвестр и А.Адашев, да умелым действиям славных воевод того времени князей Горбатого-Шуйского, Воротынского, Старицкого, Курбского и др., а также стрельцов и казаков. Покорение Астрахани не является заслугой царя и даже не является заслугой его войска. Это всецело заслуга донского казачества, которое неимоверными усилиями к тому же удержало за собой донские территории, сохранив их для будущей России. Нет в этом периоде сколько-нибудь серьёзных заслуг самого царя, кроме одной, он вынужденно слушал своих деятельных, умных, ближних советников и талантливых *военачальников, соглашаясь с их предложениями*.

Во втором периоде Иван IV правил самодержавно. Именно в этот период он начинает военную и административную реформы, которые ведут к разделению общества, натравливанию мелкопоместного дворянства против князей и бояр, опричнины против земщины, раскручиванию репрессий против представителей древних боярских родов и

населения, связанного с ними. В это время его завоевательная политика упирается в Ливонию, которую больше грабят, чем завоёвывают, озлобляя европейские государства против Москвы. Раскручивая маховик репрессий, он сам больше страшится их результатов, а потому всё более опирается в делах на иностранцев.

Рядом с ним появляются агенты влияния Ватикана и других европейских государств: доктор Арнольд Лензей, Елисей Бомелий, Таубе, Крузе, Джером Горсей, которые ещё более настраивают его против княжеских и боярских родов. Не надеясь даже на стрельцов, начинает формировать для своей защиты наёмную немецкую рать. Заводит сношения с Англией и добивается у королевы Елизаветы убежища на случай изгнания. Сочиняет сказку о своём европейском происхождении от Цезаря Августа. Во время походов Девлет-Гирея на Москву дважды бежит в Новгород, рассчитывая, видимо, в случае её захвата отделиться и править Новгородской землёй и Ливонией, как европейский король. Все эти действия царя приводят к ослаблению государства и вооружённой силы. Москва становится неспособной защитить саму себя. И только полководческое искусство князя Воротынского спасает её от захвата Девлет-Гиреем. Но это не спасает самого князя Воротынского от мучительно смерти, организованной Иваном IV. Что из всего перечисленного можно назвать положительной заслугой? **Ничего!**

В третьем периоде самодержавное правление продолжается. Продолжаются и репрессии, хотя и в меньших масштабах. Завоевательная политика царя по-прежнему упирается в Ливонию. Но дезорганизованная им самим, хотя и многочисленная, вооружённая сила не может принести победы. Более того, она начинает терпеть *системные* поражения от войск С.Батория и шведов, что явилось результатом уничтожения славных военачальников предыдущих периодов правления. Под конец своей жизни Ивану IV приходится вообще отказаться от какой-либо завоевательной политики и сосредоточиться на подавлении восстаний на Волге и Каме. Присоединение Сибири казаками произошло вопреки его воле. Что положительного было в его действиях в этот период? Только то, что уважил просьбу казаков и присоединённую ими Татарию согласился взять под державную руку Москвы.

Общий итог его деятельности состоит в том, что внутренняя и внешняя политика Ивана IV была тщеславной, корыстолюбивой, беспринципной, жестокой и даже беспощадной, прежде всего, по отношению к собственным подданным. Смело и решительно он вёл себя только со слабыми. Встречаясь с сильным противником, он становился нерешительным и даже трусливым, в панике сдавал города и области, не надеясь даже вернуть утраченное. **Вся его политика базировалась на устрашении, но не на истинном могуществе, стратегическом предвидении и здравомыслии. Собственно, ничего другого от него ждать не приходилось. Человек, страдающий религиозным**

мистицизмом и ярко выраженной шизофренией, подверженный внезапным приступам страха и различным внушениям, ненавидевший всех, кто был старше родством, умнее и дальновиднее, не мог поступать иначе. В этом плане его царствование является отрицательным примером для потомков.

Что касается территориального расширения Московского государства того времени, то оно состоялось благодаря деятельности Сильвестра и А.Адашева, многих славных и погубленных царём военачальников, стрельцов и особенно казаков. Последние внесли важный вклад в покорение Казани, осуществили покорение Астрахани, удержали за собой донские территории, распространили своё влияние на Терек и Яик (Урал), осуществили присоединение Сибири (Татарии). Уйдя туда с Ермаком в количестве шести с лишним тысяч человек, они не только разбили завоевателя Кучума и восстановили старые порядки Сибирского татарского княжества, но также осели в остяцких городках и славяно-татарских скитах, смешались и сроднились с этими коренными славянскими народами и дали особый тип русских сибиряков, который до сих пор называют ***чалдонами***. Тип наиболее стойкий к жизненным невзгодам, инициативный, предприимчивый, целеустремлённый. И не случайно, что именно их потомки прошли потом до Тихого океана и даже проникли в Америку. Но это уже происходило в иные времена, когда цари, правившие подчас не лучше Ивана IV, не были в состоянии препятствовать мощному казачьему движению, направленному на территориальное восстановление ***Славянской Державы***.

Правление царя Фёдора

В конце жизни Ивана IV Россия оказалась в международной изоляции, несмотря на его активную внешнеполитическую деятельность. Войны с Речью Посполитой и Швецией были проиграны. Пока был жив С.Баторий, обе эти страны намеревались возобновить боевые действия против России. Положение спасли польско-литовские паны, которые после неудачи под Псковом отказали Баторию в реализации его завоевательных замыслов. Однако от этого положение России стало не намного лучше. В Поволжье полыхало восстание луговых и горных черемис, подогреваемое Крымом. Да и крымский хан, освободившись от войны с Персией, искал новый объект для нападений. И уже весной 1584 года возобновил вторжения в Россию.

В этом году тюрки-крымчаки вместе с азовскими ногаями жгли русские селения в Белевском, Козельском, Воротынском, Мещерском и Мосальском уездах. Так что почти вся вооружённая сила Москвы была сосредоточена на подавлении восстания и отражении тюрок-крымчаков. Однако в плачевном состоянии оказалось не только международное положение России, но также государственное управ-

ление и состояние династии. Ликвидировав опричнину, Иван IV однако не изменил систему управления страной, которую он создал. Она по-прежнему оставалась трёхступенчатой. На первом месте был *царь*, на втором – *ближний двор*, в который входили его зять А.Нагой, Б.Бельский и Б.Годунов, на третьем – *земщина*, которую возглавляли И.Мстиславский, Н.Романович-Юрьев и герой Пскова И.Шуйский. Именно эта система власти и династические интересы Ивана IV определяли содержание завещания, которое было написано под диктовку умирающего царя дьяком Саввой Фёдоровым.

Иван IV прекрасно понимал, что **Фёдор** не только был слаб в государственном управлении, но он также не имел детей, что в перспективе создавало проблемы для династии. Чтобы сохранить созданную им систему власти и продолжить династию, Иван IV завещал престол не Фёдору, как утверждает Н.Карамзин и многие другие официальные историки, а малолетнему Дмитрию, определив ему в государственные советники деда А.Нагого, Б.Бельского и Б.Годунова. Причём в воспитатели Дмитрия определил Б.Бельского, которому он тогда доверял больше всех и который был наиболее ревностным и последовательным исполнителем его воли. Б.Годунову Иван IV уже не вполне доверял, потому что он ранее вступился за сына Ивана, а во-вторых, потому что он был в родстве с Фёдором, которого Иван IV не хотел видеть на престоле.

Вот тут-то и сказал своё слово Б.Годунов, который хорошо понимал, что в случае выполнения завещания царя его придворная карьера могла очень быстро закончиться, вполне возможно, на плахе. И родство с Фёдором могло только усугубить положение. Поэтому Годунов, не отходивший от Ивана IV всё это время, изъял у дьяка С.Фёдорова завещание и поспешил к земцам И.Мстиславскому, Н.Романовичу-Юрьеву и И.Шуйскому, которым сообщил, что не является сторонником репрессий царя Ивана и что нужно избрать слабовольного Фёдора, чтобы избежать новых репрессий, к которым не приминут прибегнуть Нагие и Бельский, если это завещание станет им известно.

Земцы не долго раздумывали. Тут же составили новое завещание, по которому, якобы, царь Иван передавал престол Фёдору и назначал ему в государственные советники И.Мстиславского, Н.Романовича-Юрьева, И.Шуйского, Б.Годунова и Б.Бельского. Так была образована Верховная Дума, и так была ликвидирована трёхступенчатая система управления государством Ивана IV. Оставляли в подложном завещании воспитателем царевича Дмитрия Б.Бельского, да назначение в удел царевичу города Углича. Тут же решили быстро организовать присягу Фёдору и устранить Нагих с Бельским из столицы, чтобы не дать опомниться нижним чинам «двора» Ивана IV, в руках которых находился тогда контроль над Москвой.

Приняв на себя государственную власть, Верховная Дума в ночь с 18 на 19 марта 1584 года повелела выслать из столицы многих сторонников Нагих, так или иначе замешанных в репрессиях Ивана IV, а к родственникам вдовствующей царицы приставить стражу. Люд московский взволновался, так как это касалось лиц, особо приближённых к Ивану IV. Верховной Думе пришлось принять решительные меры для водворения спокойствия. Стрельцов с огнестрельным нарядом вывели на площади и улицы, чтобы воспретить беспорядки. В срочном порядке была организована торжественная присяга Фёдору. Большинство бояр с дьяками присягнули Фёдору. Большую роль в привлечении приказных людей к торжественной присяге сыграл глава Посольского приказа **А.Щелкалов**, сразу ставший в один ряд с И.Мстиславским, Н.Романовичем-Юрьевым, И.Шуйским и Б.Годуновым. Утром следующего дня письменно обнародовали это воцарение. Немедленно было послано распоряжение в области, в котором повелевалось молиться за усопшего Ивана IV и о счастливом царствовании Фёдора.

Верховные бояре вскоре созвали Великую Земскую Думу, в которую вошли представители духовенства, дворянства и всех людей именитых, чтобы осуществить некоторые безотлагательные меры для укрепления государства. Земская Дума назначила день восшествия на царство Фёдора, определила меры укрепления державы и облегчения налогового бремени. Было также решено отправить вдовствующую царицу Марию Нагую с сыном Дмитрием и всеми родственниками в город Углич, предоставив им царского слугу, стольников, стряпчих, детей боярских и стрельцов для охраны. Конечно, это был государственный переворот, в котором Б.Годунов и А.Щелкалов сыграли главную роль, что затем отразилось в их соперничестве на ниве государственного управления и что стало известно даже за пределами России.

Этот переворот хотя и преследовал цель укрепления государства, на самом деле создавал серьёзную оппозицию правлению Фёдора в лице бывшей царицы, её сына Дмитрия и их родственников. Назначенный Иваном IV воспитателем царевича Дмитрия Б.Бельский ехать в Углич не захотел, рассчитывая остаться в Москве и заседать в Думе среди верховных бояр. Но это уже не устраивало остальных верховных бояр, считавших Б.Бельского особо приближённым к Ивану IV и замаранным в его злодеяниях. Шуйские издавна не ладили с Бельскими, поэтому воспользовались случаем и распустили слух, что Б.Бельский отравил Ивана IV, желает погубить Фёдора, умертвить всех бояр и возвести на престол своего друга и советника Б.Годунова. Последнего приплели специально, чтобы он не слишком выделялся среди верховных бояр и не противился Шуйским.

Рязанские дворяне **Ляпуновы** и **Кикины** возмутили московский народ, который поднялся, чтобы спасти царя Фёдора и царство. Около 20 тысяч человек взбунтовались и двинулись к Кремлю. Мятежники овладели Китай-городом и огнестрельным нарядом, и стали гото-

виться к приступу. Тогда к мятежникам вышли князь И.Мстиславский, боярин Н.Романович-Юрьев и дьяки Андрей и Василий Щелкаловы. Они спросили у восставших, что было причиной бунта и чего они требуют. Естественно, восставшие назвали Бельского и причину, что он, якобы, хочет погубить царя и боярские рода. Б.Бельский, перепуганный восстанием, скрылся в царской спальне и молил о спасении. Бояре и дьяки, опасаясь кровопролития и не будучи готовыми к отпору мятежникам, уговорили их согласиться на ссылку Б.Бельского. Его отправили восводствовать в Нижний Новгород, а восставшие спокойно разошлись по домам.

Шуйские наносили свой удар одновременно и по Б.Бельскому, и по Б.Годунову. Но Н.Карамзин не ставит им в вину организацию бунта, а перекладывает её на Б.Годунова, которого обвиняет в расправе над Ляпуновыми и Кикиными, возмутившими московский люд. Их отправили в дальние города и заточили в темницы. Хотя один Б.Годунов тогда этого сделать не мог. Всё это делалось по решению верховных бояр И.Мстиславского, Н.Романовича-Юрьева, А.Щелкалова и Б.Годунова с согласия царя Фёдора. Таким образом, между Шуйскими и Годуновым затаилась вражда, которая ослабляла позиции последнего. Ещё более его позиции ослаблялись действиями дьяка Щелкалова, который очень добивался расположения боярина Н.Романовича-Юрьева, чтобы вместе с ним управлять Думой.

Так что Б.Годунов уже в начале царствования Фёдора оказался между двумя недолюбливающими его группировками. Спасти его могло только доброе отношение и доверие царя Фёдора, которое было обеспечено родственными узами. Поэтому его противники силились, но ничего поделать с ним не могли. 31 мая 1584 года состоялось постановление на царство царевича Фёдора. Оно было пышным и торжественным. Пиры, забавы и народное веселье длились целую неделю. В конце торжеств вне города был устроен воинский праздник. На обширном лугу, в присутствии всех московских жителей стреляли 170 медных пушек. За пушками стояло 20 тыяч стрельцов, построенных в восемь рядов. 50 тысяч всадников находилось за ними справа и слева от царя.

После празднования Фёдор одарил митрополита, святителей, сам принял дары от князей, бояр, дьяков, купцов российских и гостей иноземных, а также объявил разные милости: уменьшил налоги; возвратил свободу и достояние многим знатным людям, которые уже давно сидели в темницах; дал боярство князьям Д.Хворостинину, Андрею и Василию Шуйским, Н.Трубецкому, Шеступову, двум Куракиным, Ф.Шереметеву и трём Годуновым. Герою Пскова И.Шуйскому пожаловал все доходы Пскова. Но эти милости были ничтожными по сравнению с теми, которые были оказаны Б.Годунову. Фёдор дал ему древний знатный сан конюшего, который последние 17 лет никому не давался, а также титул ближнего великого боярина и наместника двух царств Казанского и Астраханского.

Если учесть, что Б.Годунов, по существу, возвёл Фёдора на престол, то эти милости лишний раз подчёркивали роль Годунова в возведении нового царя на царство. Беспримерному положению Б.Годунова соответствовало и беспримерное богатство. Фёдор дал ему лучшие земли и доходы Двинской области и Ваги, на берегах Москвы-реки прекрасные луга с лесами и пчельниками, казённые московские, рязанские, тверские, северские сборы, сверх особого денежного жалования. Вместе с доходами его родовых поместий в Вязьме и Дорогобуже это давало около 900 тысяч серебряных рублей времён Александра I. Такого богатства не имел ни один вельможа ни в Московском государстве, ни в Российской Империи. Б.Годунов на собственные деньги мог выставить и содержать до 100 тысяч ратников.

Получив из рук царя Фёдора столь огромные богатства, он, наряду с царём, становился самым богатым человеком в стране. Богатство, сан и титулы давали ему реальную власть, но вместе с нею ненависть, зависть и козни тех, кто был призван вместе с ним решать дела в Верховной Думе. На этот уровень Б.Годунова вывел царь Фёдор, крайне заинтересованный в прочной опоре в среде своего ближнего окружения, хотя Н.Карамзин полагал, что Годунов всё это присвоил себе сам. Поэтому не сразу Б.Годунов стал реальным правителем и затмил собой остальных верховных бояр. Вначале ему пришлось доказать свою способность управлять страной, тем более действительно царь Фёдор был к этому почти не способен.

Заступивший на престол 27-летний Фёдор был небольшого роста, слаб телом, бледен лицом, от слабости в ногах двигался медленно, ходил неровным шагом. Всегда улыбался, не проявляя при этом здорового веселья. Всё это показывало преждевременное увядание физических и духовных сил. Он не имел ни твёрдой воли, ни знаний государственного управления, ни воинских способностей, чрезвычайно важных для успешного управления государством того времени. Единственное, что он усвоил от своего отца, так это безудержную набожность. Это пристрастие хорошо описано в книге англичанина Д.Флетчера «О Государстве Российском». В этой книге автор так описал царя Фёдора: *«Фёдор вставал обыкновенно в четыре часа утра и ждал духовника в спальне, наполненной иконами, освещённой днём и ночью лампадами. Духовник приходил к нему с крестом, благословением, Святою водою и с иконою Угодника Божия, празднуемого в тот день церковью. Государь кланялся до земли, молился вслух минут десять и более, шёл к Ирине, в её комнаты особенные, и вместе с нею к Заутрене; возвратясь, садился на креслах в большой горнице, где приветствовали его с добрым днём некоторые ближние люди и монахи; в 9 часов ходил к Литургии, в 11 обедал, после обеда спал не менее трёх часов; ходил опять в церковь к Вечерне и всё остальное время до ужина проводил с царицею, с шутами и карлами, смотря их кривлянья или слушая песни – иногда же любуясь работой своих ювелиров, золотарей, швецов, живопис-*

цев; ночью, готовясь ко сну, опять молился с духовником и ложился с его благословением. Сверх того всякую неделю посещал монастыри в окрестностях столицы и в праздничные дни забавлялся медвежьей травлею. Иногда челобитчики окружали Фёдора при выходе из дворца: избывая мирские суеты и докуки, он не хотел слушать их и посылал к Борису!»

Одним словом, Фёдор царствовал, но не управлял. Государь, поражённый чрезмерной религиозностью, не имеющий навыков ни государственного, ни воинского управления, естественно, нуждался в умных и деятельных советниках. Не имея способностей к государственному управлению, он мог доверять только тому, кто был связан с ним родственными узами. И этим человеком, конечно же, стал Борис Годунов – брат жены Фёдора Ирины. Поэтому уже с самого начала своего правления Фёдор отдаёт предпочтение Годунову, к неудовольствию и зависти остальных своих советников, родственников и сторонников малолетнего царевича **Дмитрия**, что явилось причиной начала скрытой, а затем и явной борьбы в среде боярства в стремлении разных его группировок приблизиться к трону.

Естественно, в перспективе это несло всеобщее недовольство Б.Годуновым. И когда Н.Карамзин все грехи возлагает на него, приписывая ему хитрость, скрытое властолюбие, узурпацию власти и трона, то он явно грешит против истины. На самом деле вина лежит на Иване IV, оставившем страну без дееспособного преемника, а также на Фёдоре, передавшем бразды правления государством в руки Годунова. *Понимал ли Б.Годунов своё положение? Беспристрастное рассмотрение показывает – понимал.* Именно поэтому вынужден был хитрить, действовал поначалу мягко, рассчитывая привлечь на свою сторону некоторых недовольных.

Имея опыт государственного управления и стремясь к величию России, он не имел полководческих способностей и боевого опыта, а вместе с ними стратегической прозорливости, что в чрезвычайных обстоятельствах делало его слабым правителем. Поэтому в международных делах он часто проявлял чрезвычайную активность, в то же время в воинских делах действовал крайне осторожно, часто просто нерешительно. В этом он мало чем отличался от Ивана IV. Ученик от учителя ушёл недалеко. А поэтому и результат его правления не мог быть иным. Он был заложником Ивана IV, его системы правления, создавшим предпосылки крушения собственной династии, ввергнувшим государство в смуту, а самого Годунова в трагедию. Волею церкви и дворянских низов Б.Годунов стал царём, но не смог справиться с набравшим силу антикрепостническим движением, которым воспользовались его противники в боярской среде.

Ввергнув государство в смуту и устранив Б.Годунова, они оклеветали его в глазах общественности. Н.Карамзин в этом плане всего лишь завершил летописную клевету, сочинив историческое повествование для потомков, так как выполнял волю царствующей династии

Романовых. Нигде в его сочинениях мы не увидим, чтобы Романовы хоть с какой-то стороны оценивались отрицательно. Везде только хорошие отзывы. Но так не бывает в действительности. Тем более так не было в то время. И, тем не менее, Романовы, по Н.Карамзину, безвинные жертвы властолюбия Б.Годунова, которому он приписывает отрицательные поступки и черты, какие только может найти, начиная с его родословной.

Н.Карамзин, основываясь на крайне сомнительном ***«Сказании о Чете»***, считал, что Б.Годунов был потомком *«могольского племени»*. На самом деле Годунов вёл своё происхождение от рода мелкопоместных дворян из Костромы, почему и выдвинулся в опричное время при Иване IV. Именно в интересах этого сословия он проводил все свои социально-экономические реформы. Это его происхождение подтверждается также отношением к вольным казакам. Даже тюркские царевичи (Шах-Гали, Саин-Булат, Симсон, Мамсткул и т.д.) не относились к казакам отрицательно. Ибо они уважали и ценили воинскую доблесть и воинское мастерство казаков, что однако не ценил Годунов, относившийся к вольным казакам отрицательно и при случае стремившийся притеснять и даже репрессировать казаков.

Это как раз и стало одной из причин оказания донскими казаками поддержки Лжедмитрию. Б.Годунов был насквозь московским русским того времени, последовательным сторонником Ивана IV по отношению к казакам, усвоившим его великодержавную спесь и пренебрежение. Поэтому дальнейшее повествование будет сосредоточено: во-первых, на опровержении мнимых злодейств Годунова; а во-вторых, на кратком и последовательном описании событий. Ибо Н.Карамзин изложил их сумбурно, многословно и путано, так как главной целью для него было не правдивое изложение событий, а доказательство злодейских умыслов Годунова.

Понимал ли обласканный и пожалованный царём Фёдором Годунов, что отношение к нему в среде высокородных бояр не будет положительным? Конечно, понимал. Чтобы оправдать надежды царя, заслужить доверие народа и признательность Отечества, он с рвением занялся государственными делами, направляя его на исправление злоупотреблений власти и укрепление внутренней и внешней безопасности. Он предложил сменить своекорыстных наместников, воевод и судей, избрать вместо них лучших; удвоить жалование чиновникам, чтобы они могли нормально жить без взяток, но также усилить спрос с них за нерадивое исполнение обязанностей; собрать войско и распределить его согласно выявившимся угрозам; воинские усилия сосредоточить на подавлении восстаний в Поволжье, отражении нашествий тюрок-крымчаков, а также продвижении в Сибирь и закреплении её за Москвой; международную политику направить на сдерживание Речи Посполитой и Швеции, а также на создание союзов с Персией и европейскими государствами для противодействия Османской империи.

Его предложения были рассмотрены верховными боярами и активно поддержаны главой Посольского приказа А.Щелкаловым. После чего верховные бояре приняли его. С этого момента Б.Годунов захватил лидерство в среде верховных бояр, но он тогда ещё не стал полноправным *правителем*. Реализацию предложений начали с отражения вторжения тюрок-крымчаков, которые весной 1584 года разорили окрестности Белева, Козельска, Воротынска, Мещевска и Мосальска, захватив большое число пленников. На отражение вторжения был направлен думный дворянин воевода **М.Безнин** с войском. От Воротынска тюрки-крымчаки с азовскими ногаями повернули к Калуге и попытались переправиться через Оку. Здесь-то у Монастырской Слободы и встретил их воевода М.Безнин, разбил наголову, отбил пленников и захватил обозы. Царь Фёдор по предложению Годунова и с согласия остальных верховных бояр наградил его золотой медалью.

Следом занялись Поволжьем, где не утихало восстание, поднятое черемисами. Здесь Б.Годунов вновь предложил, прежде чем применить силу, обратиться к мятежникам от имени царя с уверениями, что новый царь готов забыть старые преступления и, как добрый отец, миловать виновных, если они изъявят искреннее раскаяние. Был составлен царский указ и доведён до мятежников. Мятеж пошёл на убыль. Бунтовщики прислали старейшин в Москву и дали клятву верности. Кроме обращения к мятежникам, Годунов предложил строить крепости и остроги на Горной и Луговой стороне Волги. Это предложение также было принято. В результате, началось строительство Цивильска, Царева-города, Уржума, Сенчурска и других городов и острогов. Все они были населены русскими людьми. Так было усмирено восстание черемисов.

В отличие от Ивана IV, Б.Годунов считал необходимым, не полагаясь на казаков, закрепить Сибирь за Москвой. Донос на Ермака, сочинённый воеводой **С.Болховским**, пришёл ещё при жизни Ивана IV, который немедленно отправил в Сибирь воеводу князя **И.Мансурова** с дружиной стрельцов численностью 700 человек и наказом отправить Ермака в Москву для ответа, *«а буде не согласится, оковать и доставить силой»*. Князь И.Мансуров со стрельцами доплыл до Искера и нашёл его занятым воинами Алея, сына Кучума. Так как он был послан найти Ермака, то не стал ввязываться в сражение за Искер и поплыл дальше, полагая, что Ермак ушёл на восток. Ему удалось спуститься вниз по Тоболу до Белых гор при впадении Иртыша в Обь, где он вынужден был остановиться на зимовку. В то же время он рассчитывал выяснить, куда ушёл Ермак.

Против устья Иртыша, на правом берегу Оби стрельцы возвели укрепление, которое было названо ***Большим Обским Городком***. Остяки, подчинившиеся Ермаку, не желали подчиняться новым воинским людям, непохожим на казаков. Видя нерешительность воеводы и стрельцов, они отважились осадить зимовавших. Но после пер-

вого выстрела из пушки бежали. Но вскоре стали приходить и изъявлять И.Мансурову покорность. Однако остяки ничего вразумительного о Ермаке сказать не могли, знали только, что он ушёл назад. Перезимовав и *полагая свою миссию* выполненной, И.Мансуров со стрельцами двинулся к поморам, у которых московские воеводы **Нащокин и Волохов** в 1584 году основали на берегу Северной Двины город Архангельск. Затем его дружина уже в конце 1585 года возвратилась в Москву.

Во время зимовки стрелецкой дружины воеводы И.Мансурова в Большом Обском Городке, представитель шести остяцких городков: ***Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юильского*** и ***Сумгут-ваша*** – князёк **Лугуй** лично отправился в Москву и получил от Б.Годунова охранную жалованную грамоту. Этой грамотой запрещалось ратным русским людям требовать дань, либо какие-то подарки с князька Лугуя и его людей. Сам же Лугуй обязывался выплачивать дань добровольно, привозя семь сороков соболей на р.Вым.

Тем временем, зимой 1584-85 годов, в Москве объявились казаки с М.Мещеряком во главе. Они были холодно встречены московскими стольниками, хотя царь Фёдор *«на них не опалился»*. Не опалился на казаков, конечно же, Б.Годунов, знавший истинные причины посыла дружины воеводы Мансурова. Он выслушал сказку казаков, которые в своём рассказе сообщили, что они пошли в Сибирь по призыву Строгановых, желая заслужить прощение московского царя, малым числом. В походе терпели всякие невзгоды и трудности, сражались с многочисленными инородцами, покорили их и под руку Москвы подвели. Много казаков потеряли. Последние сгинули вместе с Ермаком. Всего-то осталось чуть более 50 человек. Но эти труды могут пропасть даром, если не будут направлены в Сибирь дополнительные силы. Чтобы победить ослабевшего Кучума и вновь занять Искер, нужно послать большую дружину стрельцов и казаков, что они готовы возвратиться в Сибирь и быть проводниками новой стрелецкой дружины.

Б.Годунов, не дождавшись известий от воеводы И.Мансурова, направил в Сибирь новую дружину из 300 стрельцов и казаков под начальством двух воевод – **В.Сукина** и **И.Мясного**. В эту дружину вошли казаки Мещеряка. В июле 1585 года стрелецко-казачья дружина уже была у реки Туры. Здесь воевода В.Сукин решил занять бывшее городище Чинги-Тура, на месте которого стрельцами и казаками было построено укрепление, названное Тюменью. Дальше воеводы идти не осмелились, так как узнали, что враги Кучума пришли к Искеру с большими силами и захватили город. Поэтому они ограничились сбором дани с окружающих поселений и стали ждать подхода подкреплений, с просьбой о присылке которых были отправлены гонцы в Москву.

После ухода стрельцов и казаков из Искера Кучум занял его и во главе управления поставил своего сына Алея, под началом которого

находилось около 2 тысяч воинов. В основном это были среднеазиатские тюрки. Татар почти не было, так как Карача изменил Кучуму и ушёл с ними к князю Сейдяку. Зиму Кучум и Алей перезимовали спокойно. Однако летом 1585 года князь Сейдяк с кайсаками Уразмахмета и небольшим числом татар Карачи подошёл к Искеру и осадил его. Силы были явно неравны. Воинство Сейдяка более чем в три раза превосходило воинство Кучума и Алея. В ходе приступа Кашлык (Искер) был взят. В сражении погибло несколько сыновей Кучума, хотя больного хана они заблаговременно увезли из города. Кучум с последними оставшимися воинами, около тысячи человек, ушёл на юг в сторону Тары и продолжил борьбу с князем Сейдяком.

После получения известий от воеводы В.Сукина Б.Годунов распорядился направить в Сибирь ещё одну стрелецкую дружину. Весной 1586 года эта дружина численностью 500 человек во главе с письменным головой **Д.Чулковым** прибыла в Тюмень. Письменному голове Д.Чулкову Годунов предписал отправиться со стрельцами и казаками в устье реки Тобол и основать там новый город. Чулков со стрельцами и казаками М.Мещерякова, всего около 600 человек, спустился по Тоболу мимо Искера и при слиянии Иртыша и Тобола построил городок Тобольск. На строительство города-крепости на горе ушёл остаток 1586 года.

В это время на юге происходили не менее драматические события. В 1586 году тюрки-крымчаки вторглись в Рязанскую область. Против них был направлен воевода князь Д.Хворостинин с войском, который своевременно выдвинулся к Шацку и заставил тюрок-крымчаков повернуть назад. Первые 16 месяцев правления царя Фёдора были наиболее спокойными для Б.Годунова. Он старался быть деятельным, избегал конфронтации, расположил к себе главных бояр, не обращал внимания на недоброжелателей, обрёл дружбу с боярином Н.Романовичем-Юрьевым и князем И.Мстиславским. Глава Посольского приказа А.Щелкалов в это время тоже не подавал признаков разногласий. Шуйские, оставшиеся в меньшинстве, затаились и выжидали момент для выступления и нанесения удара. В совете с Н.Романовичем-Юрьевым, И.Мстиславским и А.Щелкаловым Б.Годунов правительствовал без особых затруднений, развернув активную внешнеполитическую деятельность. Интенсивные переговоры велись с Литвой, Швецией, Англией, Австрией, Крымом, Турцией, Персией и Грузией (Иверией).

Переговоры с западными странами и Персией, кроме Швеции, велись с целью заинтересовать их созданием единого фронта против Османской империи (Турции). Правда, привлечение к этому Англии было грубой ошибкой. Англия вела войну с Испанией, поэтому, по определению, становилась союзницей Турции. Там Англия имела своего посланника, который извещал турецкого султана обо всех сколько-нибудь значимых шагах европейских государств, в том числе и Москвы. На этой почве между Б.Годуновым и А.Щелкаловым воз-

никли первые разногласия, так как А.Щелкалов был противником Англии. Со Швецией, Речью Посполитой и Крымом велись переговоры о заключении мира, избегая уступок со стороны Москвы и пресекая всякое силовое давление с их стороны. Особенно успешными были переговоры с Персией, которая даже готова была признать право Москвы на Иверию (Грузию), нынешний Дагестан и Бакинскую область, если Россия отвоюет их у Турции.

Однако спокойное правление Н.Романовича-Юрьева, И.Мстиславского, Б.Годунова и А.Щелкалова вскоре закончилось по причине кончины **Никиты Романовича-Юрьева**. Как только это произошло, князь И.Мстиславский попал под влияние Шуйских. А.Щелкалов, явно не выступая против Б.Годунова, держался независимо, хотя по отдельным позициям начинал брать сторону Шуйских. Против Б.Годунова явно выступили сторонники Шуйских Воротынские и Головины, замыслившие его убийство. Поддержавший их Мстиславский должен был пригласить Б.Годунова на пир, где и должно было состояться убийство. Сторонники Годунова случайно узнали о заговоре и сообщили о нём ему и царю Фёдору.

Последовали репрессии. Князя И.Мстиславского постригли в монахи и сослали в Кирилловский монастырь. Воротынских и Головиных сослали в места отдалённые. Некоторых заточили в темницы. Шуйских не коснулись, отчасти потому, что не нашли явных доказательств их участия в заговоре, а отчасти потому, что за них вступился митрополит, явно им благоволивший. Нужно отдать должное, в это время не казнили ни одного человека. Несмотря на мягкость репрессий, число противников Годунова пополнилось новыми недоброжелателями. Б.Годунов, как мог, старался не увеличивать их число. Даже оставил сына Мстиславского князя Фёдора первым, или старейшим, боярином Думы.

Несмотря на мягкость наказаний, некоторые бояре, связанные с заговорщиками родственными и иными узами, не на шутку перепугались и даже бежали к противникам Москвы. В частности, так поступил знатный вельможа **Михайло Головин**, бежавший в Литву к С.Баторию. Он стал активно подбивать польско-литовского короля к походу против России. И если раньше польско-литовская шляхта отказывала С.Баторию в поддержке, то теперь, когда узнала, что в Москве, в лице Шуйских и их сторонников, образовалась сильная оппозиция Б.Годунову и в его лице царю Фёдору, она стала соглашаться начать войну против России. Началась непосредственная подготовка войска к походу.

В это время на юге обстановка тоже продолжала накаляться. В 1586 году в набеги на южнорусские уезды участвовали крымчаки и азовские ногаи. По сообщениям московского правительства, их численность доходила до 30 тысяч. Бои с ними носили упорный характер всё лето 1586 года. В плен тогда попало только 374 человека. В

этих боях участвовало не всё московское войско. Крымчаки и ногаи были разбиты передовым полком воеводы князя М.Одоевского, выступившим из Коломны. К месту боёв подошёл полк левой руки князя П.Буйносова. В условиях непрекращавшихся набегов тюрок-крымчаков и азовских ногаев и усилившейся подготовки С.Батория к войне Россия попадала в тяжелейшую ситуацию. Становилось ясно: без вынесения границы на Верхний Дон невозможно надёжно обезопасить внутренние области страны и даже защитить Москву.

В условиях усиления внешней опасности недоброжелатели подняли голову. И это несмотря на то, что Б.Годунов умел привлекать к себе и обольщать людей, старался не нарушать старины. Даже после смерти Н.Романовича-Юрьева и пострижения И.Мстиславского в Думе сидел на четвёртом месте, уступая первые места представителям более знатных родов. Но этот, как и многие другие поступки Годунова, слабо работали. Среди боярства и среди москвичей крепло мнение, что Годунов правит самовластно, закрывая собой слабого Фёдора, и потому является хищником царских прав. Из-за этого жители столицы изъявляли недовольство Борисом.

Больше всех Б.Годунову противодействовали Шуйские, имевшие немало своих сторонников в Думе и в народе, особенно в купечестве. Они даже высказывали мысль в случае смерти Фёдора перейти под руку С.Батория всей России. Вольные порядки Речи Посполитой всё больше нравились представителям знатных боярских родов. Годунов, в свою очередь, хотел мира с Шуйскими. Митрополит Дионисий согласился быть миротворцем. Он организовал примирительную встречу Годунова и Шуйских в кремлёвских палатах. Сам говорил много и убедительно, нажимал на пользу Отечества и Веры. В вопросах перехода под руку С.Батория он Шуйских не поддерживал. В конце встречи произошло примирение, Б.Годунов подал руку Шуйским. Они вместе поклялись помогать друг другу, вместе радеть о государственной пользе. Князь И.Шуйский вышел на площадь и известил собравшийся народ о состоявшемся примирении.

Однако примирения не случилось. И, как ни странно, по вине митрополита Дионисия, которому не нравились независимость и непреклонность Б.Годунова в суждениях и делах. Митрополит Дионисий, сговорившись с Шуйскими, решил организовать депутацию из числа купцов, гражданских и воинских чинов, чтобы она от имени всей России подала прошение царю Фёдору, в котором содержалось требование к нему, чтобы он развёлся с Ириной, якобы, бесплодной, и взял в жёны другую женщину, чтобы иметь наследников. Выбрали даже невесту, сестру князя Ф.Мстиславского. Собирались также организовать волнения низов для большей убедительности депутации и прошения. Написали текст и утвердили его целованием креста.

Однако Б.Годунов благодаря своим сторонникам и осведомителям, узнал о заговоре против царя и царицы и разрушил его беседой с митрополитом Дионисием. Он привёл в качестве доводов, что развод

– дело беззаконное, что Фёдор и Ирина ещё могут иметь детей, что трон не останется без наследника, пока жив царевич Дмитрий. Дионисий пошёл на попятную, извинялся, обелял единомышленников, дал слово за себя и за них не замышлять более разлучения Фёдора и Ирины. В результате, была наказана только княжна Мстиславская, согласившаяся в случае развода Фёдора с Ириной выйти за царя замуж. Её постригли в монахини, чтобы она не могла больше претендовать на место Ирины Годуновой.

Однако Б.Годунов понимал, что главными зачинщиками этого дела были Шуйские, которые продолжали плести интриги и вести разговоры о никчёмности Фёдора, нежелании ему служить и желательности перехода под руку С.Батория. От слов перешли к делу. В.Шуйский под видом охоты побывал в Литве и вёл там переговоры о воцарении Батория в Москве. Ситуация начинала обретать опасный поворот. Ненависть к абсолютному самодержавию Ивана IV перекладывалась на его приемников и перерастала в государственную измену, чреватую гибелью державы. Осведомители сообщали Б.Годунову, что Шуйские в сговоре с торговыми людьми собираются изменить царю Фёдору. Шуйских взяли под стражу.

Потом взяли под стражу их друзей князей Татевых, Урусовых, Колычевых, Быкасовых, многих дворян и купцов. Организовали суд. Допросили обвиняемых и свидетелей. Некоторых слуг и купцов пытали. Но так как круг заговорщиков был узким и пытаемые к нему не имели никакого отношения, заговора в пользу С.Батория установить не удалось. Тем не менее Шуйских не оправдали. Их только удалили от двора благодаря заслугам героя защиты Пскова. Князя А.Шуйского сослали в Каргополь, князя И.Шуйского в Белоозеро, князю В.Скопину-Шуйскому разрешили жить в Москве, но отняли каргопольское наместничество. Остальных выслали в Буй-городок, Галич, Шую. Князя И.Татева отправили в Астрахань, Крюка-Колычева – в Нижний Новгород, Быкасовых со многими дворянами – в Вологду, Сибирь и отдалённые пустыни. Купцам московским Фёдору Нагаю с шестью активными сообщниками на площади отрубили головы.

Однако мягкие репрессии по отношению к Шуйским возмутили митрополита **Дионисия**. Он выступил против Б.Годунова и в присутствии царя Фёдора назвал его клеветником и тираном, доказывал, что Шуйские репрессированы, якобы, безвинно, что они хотели блага России, что они жертвы алчного властолюбия Б.Годунова. От Дионисия не отставал крутицкий архиепископ **Варлаам**, тоже сторонник Шуйских. И Дионисия, и Варлаама лишили санов и заточили: Дионисия в Хутынский монастырь, а Варлаама – в Новгородский Антониев монастырь. После изгнания Дионисия из митрополитов на его место был поставлен ростовский архиепископ **Иов**.

Пока разбирались с Шуйским и их сообщниками, ситуация вокруг России разрядилась в пользу Москвы. Переговоры с московскими

послами от Швеции вёл знаменитый **де ла-Гарди**, который был наместником шведского короля в Эстонии. Ведя переговоры с московскими послами, он ни в чём не хотел уступать. В августе 1586 года при ведении очередных переговоров о вечном мире де ла-Гарди утонул во время кораблекрушения. Ушёл из жизни один из самых непримиримых врагов России. В декабре 1586 года скончался другой непримиримый противник России С.Баторий. В результате, готовившийся им поход не состоялся, что спасло Россию от новых несчастий. Насколько боялись в Москве этого короля, показывает мнение Н.Карамзина, который считал, что если бы не эта смерть, то С.Баторий мог завоевать Россию и уже в начале XVII века от неё не осталось бы и следа. Думается, это явное преувеличение. Фактом является только то, что Баторий был действительно серьёзным противником, много навредившим России, но это, прежде всего, благодаря несостоятельности абсолютно самодержавного правления Ивана IV.

Не успели ещё избавиться от серьёзной угрозы на западе, как навлекли на себя большую угрозу с юга. 5 октября 1586 года в Москву прибыло посольство от князя Иверии **Александра**, который слёзно молил царя Фёдора, чтобы он взял Иверию под свою высокую руку. Не обдумав всех последствий предложений иверского князя, Б.Годунов и царь Фёдор согласились взять Иверию под высокую руку Москвы. Этому много поспособствовал возглавлявший Посольский приказ **А.Щелкалов**, который после смерти Н.Романовича-Юрьева, пострижения И.Мстиславского и устранении И.Шуйского стал фактическим соправителем Б.Годунова. К тому же он был ярым приверженцем войны против Турции, в союзе с другими государствами. Так что роль А.Щелкалова в принятии этого решения была даже большей, чем роль Б.Годунова. Не меньшую роль в принятии этого решения сыграла церковь. Византийским христианским ортодоксам Москвы, мечтавшим о третьем Риме, крайне важно было поднять свой статус в глазах международной общественности. В этом плане стремление сделать Москву защитницей единоверных народов, не важно, где они находились, было громадным. Поэтому роль церкви в принятии этого решения тоже была исключительно большой. С этого момента, т.е. с конца 1586 года, московский царь Фёдор стал писаться в титуле *«государём земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкасских и горских князей»*.

Таким образом, в принятии этого решения и царь Фёдор, и А.Щелкалов, и иерархи христианской церкви, и в меньшей степени Б.Годунов, как более осторожный политик и государственный деятель, руководствовались не столько национально-государственными интересами России, сколько мишурой присоединения новых царств и религиозными интересами христианской церкви, стремившейся к освобождению единоверных народов Закавказья от турецкого владычества. В это время национально-государственные интересы России, ес-

тественно, ограничивались на юге Нижним Доном и Северным Кавказом, на закрепление которых за Россией и нужно было употребить все усилия. Всё, что выходило за рамки этих территорий, было излишним и сильно вредило продвижению России на юг.

Не укрепившись на Северном Кавказе и опрометчиво пойдя на формальное присоединение Иверии (Грузии), царское правительство ввергло Россию в жёсткую конфронтацию с мощной Османской империей. Действительно, желая помочь Иверии, царское правительство распорядилось восстановить терский городок-крепость в Кабарде. Эта крепость при Иване IV была оставлена московскими стрельцами. Там некоторое время обитали вольные казаки. В терский городок был послан воевода князь А.Хворостинин со стрельцами. Городок был занят и восстановлен. Вышедшее из Астрахани войско овладело берегами Койсы, оттеснив горцев правителя Дагестана Шавкала в горы. Это позволило доставить в Иверию огнестрельный наряд.

Ободрённый решительными действиями России, князь Александр увеличил своё войско до 15 тысяч человек и приступил к его обучению. Но действовал крайне неосторожно, несмотря на требования Б.Годунова. Отрицательную роль в этом сыграли и московские послы. Наставляемый А.Щелкаловым посол князь С.Звенигорский уверил князя Александра, что Россия защитит Иверию и поможет восстановить её города, селения и монастыри. В данном вопросе Щелкалов явно проявлял излишнюю инициативу потому, что соперничал с Годуновым и хотел опередить его в решении государственных дел.

А.Щелкалов и его послы не обладали необходимым стратегическим предвидением и не понимали, что Россия не в состоянии была тогда защитить Иверию (Грузию) и даже для удержания позиций на Тереке должна была напрячь максимум усилий. В противном случае её ждала если не катастрофа, то крупная неудача. Не понимал этого и князь Иверии Александр, тоже не имевший необходимой стратегической прозорливости. Он слишком верил в тогдашнюю Россию, и, когда турки потребовали от него, чтобы Иверия поставила в Бакинскую область и Дербент различные припасы, Александр им отказал и заявил: «*Я холоп великого царя* московского!» Турки ему напомнили, что Москва далеко, а Турция близко. Александр ответил: «*Терек и Астрахань недалеко*».

Восстановление крепости на Тереке, формальное присоединение Иверии, переговоры с Персией, усилившиеся набеги донских казаков на побережье Турции, естественно, вызвали негодование турецкого султана. Он стал давить на Москву по дипломатическим каналам, упрекая её в том, что она нарушает прежние договорённости и захватывает не принадлежащие ей земли, а также натравливает казаков на Турцию. Требовал уйти с Терека, отказаться от Грузии и унять донских казаков, которые во главе с атаманом Кишкиным совершили не один поход к берегам Турции. Москва отвечала, что Иверия христианская страна, сама попросилась под руку Москвы и отказать ей в

этом невозможно, что крепость на Тереке не угрожает Турции, а её побережье грабят не донские, а литовские казаки, что атаман Кишкин отозван в Москву.

Но не одному только турецкому султану досаждали казаки. В 1584 году оставшиеся на Яике (Урале) казаки во главе с атаманом И.Барабошей, численностью свыше 600 человек, в выбранном ими привольном месте возвели городок. Окружили его земляными укреплениями для отражения набегов ногаев. И сами стали грозой для них. Особенно для подданных князя Уруса, который постоянно жаловался московскому царю на их разбои. Московский царь на это отвечал, что уральские казаки – это беглецы, бродяги и живут там самовольно. Собственно, ничего другого он сообщить не мог. Так было на самом деле, за исключением, что казаки бродягами не были. От Дуная до Иртыша гремела казачья слава, раздражая турецкого султана, устрашая крымчаков, ногаев, кайсаков и прочих инородцев, закрепляя для будущей России земли по Днепру, Тереку, Уралу и в Сибири.

Досаждали они часто и московскому правительству. Через десять лет после ухода большей части волжских казаков к Строгановым, в низовьях Волги вновь собралось немало казаков, которые, построив свои городки, принялись грабить купеческие караваны и ногайские улусы. Пока дело касалось купцов и ногаев, Москва сквозь пальцы смотрела на эти разбои, рассчитывая при случае использовать этих казаков в войне с Турцией. Однако в 1587 году казаки вновь ограбили персидских послов, что ставило под сомнение заключение союза между Россией и Персией в их противодействии Турции. Терпение Москвы лопнуло и она направила на Нижнюю Волгу карательную рать, которая разрушила казачьи городки, захватила и казнила около 400 казаков, включая их атамана, которого посадили на кол. Большинство казаков, конечно же, ушло на Яик, Терек и Дон. После погрома казаков и было принято решение построить Царицыну крепость, в честь царицы Ирины, ставшую позднее городом ***Царицыным***.

Видя, что Москва не желает уступать, турецкий султан Амурат решил не только восстановить своё господство в Иверии, но и вытеснить Россию с Северного Кавказа, где она ещё слабо укрепилась. Он развернул широкую дипломатическую и военную подготовку. Воспользовавшись тем, что в Персии к власти пришёл шах Аббас, турки вступили с ним в переговоры и вскоре заключили мирный договор. Москва хотя и продолжала вести переговоры с Персией о союзе, по существу, осталась один на один с могущественной Турцией. Поэтому её притязания на Грузию и Северный Кавказ оказались под большой угрозой.

Но и сама Россия в это время постоянно находилась под угрозой вторжения тюрок-крымчаков и азовских ногаев. По большому счёту, граница московского государства тогда проходила по Оке. В Диком поле, от Оки и до Верхнего Дона, были расположены немногочисленные сторожевые крепости, да казачьи городки. Россия явно запазды-

вала с закреплением этой территории, что не позволяло ей успешно противостоять Турции на Северном Кавказе, не говоря уже о Закавказье. Просчёты царствований Василия III и Ивана IV давали себя знать всё острее и острее. Обострение отношений с Турцией привело к значительному расширению масштабов вторжений тюрок-крымчаков и азовских ногаев. В 1587 году в пределы России вторглось около 40 тысяч всадников. Однако оно оказалось неудачным. Путивльские сторожа своевременно обнаружили движение тюрок-крымчаков и ногаев от Донца к границе России и послали гонцов в Москву.

30 мая 1587 года воевода князь Д.Хворостинин спешно выступил на Оку с войском. Не дожидаясь подхода противника к укреплённым переправам на Оке, воеводы соединили свои полки в пяти верстах от Тулы на реке *Вороне* и в течение недели ждали крымско-ногайскую орду. Но она всеми силами обрушилась на Крапивну, захватила и сожгла этот небольшой острог. Затем, узнав о сосредоточении московского войска у Тулы, не решилась вступать с ним в сражение и повернула назад в степи.

Смерть С.Батория породила в польско-литовском государстве борьбу между сторонниками и противниками умершего короля. Москва вмешалась в эту борьбу и поначалу не без успеха. Она предложила польским панам военный союз против Турции и Крыма и объединение Речи Посполитой с Россией на правах сохранения каждой стороной своих обычаев и религиозных особенностей. Однако польско-литовский сейм хотел иного объединения. Он хотел полного объединения государств и принятия Россией католичества. Это, естественно, не входило в планы Москвы, и союз не состоялся. Переговоры продолжились, но уже о заключении мира. Москва требовала для себя Дерпта, а Литва Смоленска и земель Северских. В конце концов, заключили перемирие на 15 лет без уступок и выгод. Вскоре польско-литовская шляхта избрала себе королём **Сигизмунда**, который был шведским королевичем. Это случилось благодаря активности канцлера Речи Посполитой коронного гетмана **Замойского**. Теперь Речь Посполитая и Швеция были соединены королевскими родственными узами, что предполагало усиление военной опасности для России.

Пока на западе и юге обстановка то обострялась, то разряжалась, на востоке, в Сибири, случились новые успехи. Укрепившись в Тобольске и благополучно перезимовав, Д.Чулков стал думать, как избавиться от опасного соседства с князем **Сейдяком**, **Уразмахметом** и **Карачей**. Общая численность их войска составляла около 10 тысяч человек. Поэтому вступать с ним в открытое сражение было полным безрассудством. Д.Чулков, посоветовавшись с М.Мещеряком, принял решение при случае заманить князя Сейдяка, Уразмазмета и Карачу в крепость на пир, схватить их, а затем, разбив их ближайшие отряды оттеснить на юг. Рассчитывали также, что большинство войска князя Сейдяка состоит из кайсаков, которые, лишившись своего предводителя, должны были уйти в Кайсакскую орду.

Выполнить план Д.Чулкову помог сам князь Сейдяк. Ведя войну с Кучумом, он не собирался воевать с Москвой. Сейдяк рассчитывал договориться с ней жить в дружбе и платить дань, как в своё время пытался делать его дядя Едигер и как жили уже волжские ногаи, ставшие, по существу, подданными Москвы и воевавшие с азовскими ногаями. Поэтому он не опасался столкновения, держал при себе не более 1000 воинов и стремился завязать переговоры. Воспользовавшись этим, Д.Чулков пригласил князя Сейдяка и его приближённых на пир в Тобольск. Сейдяк принял приглашение и с Урузмахметом, Карачей и 500 воинами прибыл к крепости. Когда приглашённые прибыли к воротам Тобольска, Д.Чулков согласился впустить в крепость не более 100 человек.

Перед тем, как сесть за стол, предложил снять оружие и доспехи. За столом расселись также предводители стрельцов и казаков. Через некоторое время после начала пира Д.Чулков подал сигнал, и казаки со стрельцами бросились на кайсаков. Князя Сейдяка, Уразмахмета и Карачу схватили, связали и посадили под стражу. Свиту всю перебили. Затем неожиданно напали на дружину князя Сейдяка, расположившуюся у крепости. Завязался кровопролитный бой, в котором погиб последний казачий атаман М.Мещеряк. Но дружина кайсаков была разбита. Потом важные пленники были отправлены в Москву.

Как и предполагали, кайсаки, узнав о захвате в плен Уразмахмета, покинули г.Искер и ушли в Кайсакскую орду. Кучум со своим воинством вновь занял ишимские степи и продолжил войну с Москвой, не решаясь однако отбить Каплых (Искер). Поначалу, не разобравшись ещё в обстоятельствах пленения Сейдяка, Уразмахмета и Карачи, Б.Годунов ходатайствовал перед царём Фёдором о поощрении Д.Чулкова и назначении его воеводой Тобольска. После того, как Сейдяк и Уразмахмет в Москве доказали, что не имели злых умыслов против Тобольска и хотели быть в подданстве у Москвы, царское правительство наложило опалу на Чулкова, который поступил подло и тем обострил отношения с Кайсакской ордой, с которой Москва хотела иметь мирные отношения.

Вместе с Д.Чулковым опале подверглись тюменские воеводы В.Сукин и И.Мясной, потому что они не обеспечили выполнение царского указа добром и лаской привечать инородцев Сибири. И всё же благодаря этой подлой победе Чулкова сибирские области стали давать Москве 200 тысяч шкурок соболя, 10 тысяч шкурок чёрной лисицы, 500 тысяч шкурок белок, не считая шкурок бобров и горностаев. По Н.Карамзину *«Ясак положил государь на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду меньшую, и на Иртыш, и на Иргизское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь Великую, и на все городки на Обские, на девяносто на четыре города, с году на год иметь по пяти тысяч сороков соболей, по десяти тысяч лисиц чёрных, да по пяти сот тысяч белки большие Сибирские и Илецкие».*

К этой выписке Н.Карамзина следует дать некоторые пояснения. В некоторых сочинениях утверждается, что *«Пегие колмаки»* – это, якобы, орда калмыков, подчинявшаяся джунгарам. На самом деле это были славяне-татары, которые проживали в то время в Сургутском округе по Тоболу и Иртышу. Поэтому власть Москвы тогда распространялась чуть южнее Тюмени, Тобольска и слияния Оби с Иртышом, охватывая только территории, что были севернее этой линии. До Алтая и южных степей было ещё далеко, и ушёл на это не один год.

В 1587 году в России случился неурожай, который повторился и в 1588 году. Неурожай нанёс наибольший ущерб крестьянству. Коснулся он и мелкопоместного дворянства. Недовольство *«скудеющих»* служилых людей явилось фактором политического кризиса. В связи с голодом в ряде городов сложилось напряжённое положение. В стране появилась масса бродяг и нищих, которые объявились в столице. Голод и крайняя нужда изнуряли и обозляли жителей до предела. В городах участились грабежи и убийства. В городе Ливны произошло выступление посадских людей. Царское правительство 24 мая 1588 года отрядило в Ливну думного дворянина **Е.Безобразова** *«для сыску про смятение градцких людей»*.

В этих условиях положение царского правительства, и особенно Б.Годунова, становилось непрочным. Пришлось укрепить его рядом политико-религиозных и репрессивных мер. Понимая, насколько велика роль церкви, он решил привлечь на свою сторону митрополита Иова. Воспользовавшись прибытием в Москву в 1586 году антиохийского патриарха Иоакима и в 1588 году константинопольского патриарха Иеремии, Б.Годунов и царь Фёдор добились от них учреждения патриархии в Москве. При этом даже написали уставную грамоту, в которой утверждалось, что Ветхий Рим пал от ереси Аполлинариевой; что Новый Рим, Константинополь, захвачен безбожными племенами Агарянскими; что третий Рим есть Москва. Идея преемственности Москвы Константинополю прямо была сформулирована в 20-х годах XVI века монахом Псковско-печёрского монастыря **Филофеем**: *«Два Рима пали, третий стоит, а четвёртому не быть»*. Теперь, после учреждения патриархии в Москве, эта преемственность была окончательно узаконена. Б.Годунов, поднимая в глазах современников церковь и её главу Иова, поднимал и себя в их глазах и умах.

В 1588 году неожиданное облегчение Россия получила на юге. В этом году умер крымский хан Ислам. Сменивший его Кази-Гирей изменил отношение к Москве. Он решил с ней дружить и воевать с Литвой. С 1589 года он начал опустошать Литву, известив об этом Москву. В то же время Кази-Гирей отговорил султана от похода на Астрахань. Угроза этого похода заставила Москву принять решительные меры по укреплению Астрахани. В феврале 1588 года в Астрахань на судах были отправлены воеводы князь И.Воротынский и Ф.Шереметев, а в апреле туда же отправился боярин князь Ф.Троекуров. Нача-

лось спешное сооружение в Астрахани каменной стены. И хотя отношения с новым крымским ханом Кази-Гиреем улучшились, Москва не забывала об опасности внезапного вторжения. С наступлением весны 1589 года главные московские воеводы заняли укрепления на Оке своими ратями. В этом же году началось строительство крепости у Переволоки на Волге, которую назвали в честь Ирины Годуновой *Царицыной*. Позднее это название трансформировалось в *Царицын*.

С наступлением весны 1589 года возникла реальная опасность восстания в Москве. На улицах Москвы появилось немало бродяг и нищих. Среди них шатался юродивый, который всячески поносил Б.Годунова. Нищие, бродяги, да и московские жители слушали речи юродивого и разносили по столице. Правительство вынуждено было принять меры. В Москве на улицах были размещены усиленные военные наряды. Б.Годунов понимал, что за всем этим стоят Шуйские, которые желают воспользоваться тяжёлой международной и внутренней обстановкой и возглавить низы в борьбе с властью. Ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля. Тем более, что второй соправитель А.Щелкалов тоже стал проявлять свой характер, пытаясь показать в стране и за границей, что он является ровней Б.Годунову. Всё это создавало обстановку его изоляции внутри страны и за границей. Поэтому вначале он решил расправиться окончательно с Шуйскими.

В обстановке нарастающего кризиса правительство завершило следствие по делу измены Шуйских. Следствие вели с применением пыток. Некоторые из арестованных, убедившись, что их дело проиграно, поспешили перейти на сторону властей. Дворянин **Фёдор Старой**, служивший у Шуйских, написал донос на своих бывших покровителей. Власть получила важные улики, изобличавшие Шуйских в измене в пользу Речи Посполитой. Оба князя **Андрей** и **Иван Шуйские** были умерщвлены в темницах. Были также приняты меры в отношении вдовствующей супруги Магнуса **Марии Владимировны**, внучки Ивана III. Так как её и её дочь **Евдокию** могли использовать в борьбе с царём Фёдором, Б.Годунов и А.Щелкалов организовали их выезд из Курляндии, из городка Пильтена, пообещав богатое содержание в России. Но после прибытия в Москву их заточили в монастырь, где вначале умерла её дочь Евдокия, а затем через восемь лет и сама Мария Владимировна. Все эти смерти Н.Карамзин объясняет преднамеренным злодейством одного Годунова, не находя при этом очевидной необходимости в защите государственных интересов.

Новый король Речи Посполитой Сигизмунд III был сыном шведского короля и сторонником наступления против России. Он неоднократно заявлял, что намерен вернуть Речи Посполитой Псков и Смоленск. В 1589 году шведский король сосредоточил в Ревеле флот и сухопутное войско около 10 тысяч человек. Одновременно Сигизмунд III собрал сейм и вынес вопрос о войне с Россией. Польско-литовская шляхта как всегда долго спорила, но, в конце концов, от-

казала королю в поддержке, тем более, что приходилось отражать вторжения крымчаков. Шведская сторона рассчитывала на помощь Речи Посполитой, а потому вела себя нагло, часто нападала и грабила российские территории.

Мирный договор с ней истекал в начале 1590 года. Используя изменение политики Крыма и нерушимость мира с Литвой, московское правительство решило прибегнуть к силе. Стали собирать войско. Всего было собрано около 300 тысяч человек с 300 лёгкими и тяжёлыми пушками. Конечно, не все эти силы были задействованы против Швеции. Почти половина их была оставлена для противодействия Литве и Крыму. С войском выступили все бояре и все царевичи (Маметкул, Урузмахмет и др.). Все воеводы в назначенный срок прибыли под царские знамёна. Ибо царь Фёдор тоже сел на коня, так хотел Б.Годунов, чтобы воодушевить войско и пресечь споры о старшинстве среди воевод. Князь Ф.Мстиславский и князь Ф.Трубецкой возглавляли большой полк. Передовым полком командовал князь Д.Хворостинин, выдающийся воевода того времени.

Б.Годунов и Ф.Романов-Юрьев (будущий **Филарет**) находились при царе, были его дворовыми или ближними воеводами. Царица Ирина тоже была взята в поход и ехала от Москвы до Новгорода. В Новгороде в начале 1590 года царь с главными воеводами определил задачи полкам. Полку правой руки повелевалось воевать Финляндию, полку левой руки – Эстонию. Передовой и большой полки, с которыми находились царь Фёдор и ближние воеводы, двинулись к Нарве. В конце января, несмотря на морозы, взяли Ям и направились к Нарве. Шведский военачальник **Густав Банер** вывел в поле около 20 тысяч конных и пеших шведов. Вблизи Нарвы они столкнулись с передовым полком Д.Хворостинина. Последний разбил их. Г.Банер, не имея необходимого продовольствия, оставил в Нарве часть войска, а с остальными отступил к Везенбергу.

Преследуемый азиатской конницей, он бросил обоз и все пушки. Кроме них, преследователи захватили немало пленников, среди которых находились и знатные шведские чиновники. В начале февраля московское войско обложило Нарву. Вскоре, установив батареи, открыли сильную методичную стрельбу. Обстрелом крепости взялся руководить Б.Годунов, который сосредоточил огонь орудий на стенах крепости. По башням стрельба не велась. После двухнедельной стрельбы в западной и северной стенах крепости образовались большие проломы. Главные воеводы предложили шведам сдать крепость. Возглавлявший оборону Нарвы **Карл Горн** отказался сдавать крепость и предложил идти на приступ.

Крепостные стены подверглись приступу в семи местах. Рать, устремившаяся в главный пролом, насчитывала около 6 тыс. человек. В их числе было 1850 стрельцов и 1000 казаков. Но, несмотря на громадное численное превосходство, московское войско не смогло овла-

деть Нарвой. Приступ был отбит с большими потерями для осаждающих. Особенно эффективно шведы поражали московских ратников из башен. Рать, пытавшуюся прорваться в Нарву через главный пролом, возглавляли воевода Сабуров и князь Токмаков. Они оба погибли со многими ратниками в проломе. Приступ пришлось прекратить и возобновить стрельбу из орудий.

Но и шведы понесли большие потери. Восполнить их они уже не могли. Не надеясь на помощь извне, К.Горн обратился к царю с предложением мира. Б.Годунов, не желая в дальнейшем иметь Швецию в стане врагов, когда на юге отношения с Турцией всё более и более обострялись, упросил Фёдора заключить мир. Современники осуждали Б.Годунова за то, что он вмешался в осаду крепости и неправильно организовал стрельбу орудий, а также за то, что он помешал воеводам взять Нарву, даже подозревали его в измене и помощи шведам. На самом деле такое поведение Б.Годунова было следствием его слабой полководческой подготовки и отсутствием стратегической прозорливости.

Тем временем московские рати опустошили Эстонию до самого Ревеля, а Финляндию до Абова. Шведы вынуждены были запросить мира. Начались переговоры. Московские послы требовали Нарвы и Эстонии. В конце концов, согласились на восстановление старого рубежа. В конце февраля заключили перемирие на год, по которому Швеция уступала Москве Ям, Ивангород и Копорье. Шведы также обещали уступить Карелу, Нарву и другие города в Эстонии на следующих переговорах. Оставив в отвоёванных городах своих воевод с дружинами и ратями, царь Фёдор уехал в Новгород, а затем в Москву. Но расчёты Б.Годунова не оправдались.

Шведы, рассчитывая на уход главных сил московского войска, решились нарушить перемирие. Шведский король выслал своих послов-наместников упсальского и вестготского на реку Плюсу требовать возврата Яма, Ивангорода и Копорья. Туда же приехали московские послы воевода князь Д.Хворостинин и думный дворянин **Писемский**. Не только московские послы, но и шведские воины были возмущены поведением короля. Узнав о его новых требованиях, они кричали московским ратникам: *«не хотим кровопролития!»*. Их нежелание воевать сломило упорство шведских послов, которые отказались от требований, выдвинутых шведским королём, которые согласились на мир и уступили России Карельскую область. Московские послы требовали Нарвы, но шведы не согласились.

На том послы и разъехались. В ту же ночь шведский генерал **Бое** осадил Ивангород. Но воевода Иван Сабуров организовал успешную вылазку и наголову разбил шведов, несмотря на то, что к Бое подошёл со своими силами герцог **Зюдерманландский**. Главные московские силы находились в Новгороде. Они не успели к сражению и только издали видели поспешное бегство неприятеля. Вывод из вой-

ны Швеции с Россией может быть один. Московское правительство, хотя и действовало более решительно, чем Иван IV, тем не менее, из-за личной слабой ратной подготовленности бестолково использовало вооружённую силу и не смогло реализовать её возможности в полной мере. Вместе с этим оно не смогло добиться решительной победы, которая бы надолго устранила опасность, исходящую для России от Швеции.

Воюя со Швецией, московское правительство вело интенсивные переговоры с Речью Посполитой. Последнюю заверили, что Москва будет соблюдать Варшавский договор и не вступит во владения Речи Посполитой. Более того, в Вильно был послан гонец с письмом, в котором Москва предупреждала польского короля о новом походе **Кази-Гирея** в Литву. Эта двуличная политика Москвы не обманула польско-литовскую сторону, которая хорошо знала, что Москва всегда стремилась толкнуть Крым против Литвы. Но посыл этого письма вскоре самым отрицательным образом отразился на России. Его содержание стало известно Кази-Гирею и он повернул свои орды с Литвы против России.

Но и сама Литва не особенно соблюдала мир. Мелкие литовские отряды часто вторгались в наши пределы. Стремясь защитить свои южные области, московское правительство стало отодвигать границу на юг, на Верхний Дон. Туда стали посылать московские рати, которые начали занимать некоторые казачьи городки и превращать их в сторожевые крепости. Так был основан новый город-крепость Воронеж. Эта политика московского правительства вызвала недовольство донских казаков, которые уже прочно обосновались на Верхнем Дону и не хотели его уступать Москве. Это ещё раз показывает, что Москва сильно запоздала в своём продвижении на юг. На недовольство донских казаков, естественно, откликнулись литовские казаки. Весной 1590 года около 600 литовских казаков напали на Воронеж, взяли его и сожгли, убив воеводу князя И.Долгорукова. Литовской стороне был выражен протест, а в Чернигов была направлена рать во главе с царевичем **Арслан-Алеем**.

В октябре 1590 года в Москву прибыли послы короля Сигизмунда III **С.Радоминский** и **Г.Война**. В первой же беседе с московскими боярами они заявили, что Россия нарушила перемирие взятием шведских городов, а потому должна их возвратить. Им ответили, что Швеция не Речь Посполитая, а в межгосударственных делах родственные связи королей не имеют силы. Тогда переговоры перевели в русло о заключении вечного мира, о котором говорили долго. Впрочем, переговаривались не о вечном мире, а об удовлетворении претензий сторон. Эти претензии обеих сторон удовлетворены не были. Оставался ещё вопрос о союзе европейских держав против турок. По этому поводу переговаривались около двух месяцев, но так ни о чём не договорились. Истощив запас доказательств, московское прави-

тельство в начале января 1591 года собрало на совет церковников, бояр и представителей дворянства, который решил подтвердить заключённое в Варшаве перемирие ещё на двенадцать лет с условием, что ни шведы против России, ни Россия против шведов не будут выступать в течение года.

В то время, когда обострились отношения со Швецией, в Сибири тоже положение изменилось к худшему. Кучум оправился от поражения, нанесённого ему князем Сейдяком и салтаном Уразмахметом, прикочевал в ишимские степи, мало-помалу подчинил татар-мусульман и стал продвигаться к Тобольску. В 1589 году он даже появился в его окрестностях. Это произошло потому, что Д.Чулков, не будучи ратным человеком и настоящим воеводой, упустил возможности для укрепления власти Москвы в западной части Нижнего Иртыша. Он тихо сидел в Тобольске, занимаясь его строительством. Такое бездействие не устраивало Москву. Д.Чулков вместе с тюменскими воеводами В.Сукиным и И.Мясным были сменены и попали в опалу.

На их место был направлен опытный воевода князь **В.Кольцов-Мосальский**. Прибыв в Тобольск в начале 1590 года, он сразу же был вынужден оборонять его от Кучума, который грабил окрестности и разорял поселения русских и славян-татар. Воеводе В.Кольцову-Мосальскому удалось разбить Кучума и отогнать его от города. В этом же году воевода И.Нагой подчинил городок на реке Лозьве. В Лозвинском городке была построена пристань и организовано строительство стругов и ладей для обеспечения пути в Сибирь и обратно.

Вскоре Кучум снова появился в окрестностях Тобольска и повторил нападения. Опытный воевода понял, что нужно принять более решительные меры. Он также понимал, что 500 стрельцов для решительной победы над Кучумом недостаточно. Тогда он обратился к славянам-татарам, среди которых было немало переродившихся за последние годы казаков Ермака. Они дружно взялись за оружие и образовали вторую дружину численностью около 500 человек во главе с атаманом **Ч.Александровым**. С этими силами теперь было можно выступать против Кучума. Со своими дружинами воевода Кольцов-Мосальский двинулся в поход в начале лета 1591 года.

Кучум собрал своё воинство у озера Чиликул вблизи реки Ишим. Стрелецкая и славяно-татарская дружины воеводы В.Кольцова-Мосальского 1 августа 1591 года высадились на берег недалеко от озера. Сразу же они подверглись нападению тюрок и татар-мусульман Кучума. Более чем двойное превосходство не спасло его от поражения. Стрельцы и казаки тогда уже повсеместно применяли линейный боевой порядок, что позволяло одновременно использовать большую часть огнестрельного оружия. Первый смертоносный залп выкосил ряды нападавших. Затем последовало ещё несколько залпов, и нападавшие бросились бежать. Дружины стрельцов и славян-татар бросились в погоню. В ходе погони были захвачены две жены и сын

Кучума – **Абулхаир**. Кучум спешно ушёл на юг. Идти дальше за ним не имело смысла, тем более приближалась осень. Пришлось возвратиться назад в Тобольск. Закрепление южных степей нужно было вести по реке Иртыш, для чего нужно было организовывать новые походы. В конце 1591 года воевода В.Кольцов-Мосальский был отозван в Москву и получил назначение воеводой в большом полку.

В период некоторых успехов Москвы, во время войны со Швецией и Кучумом, в Угличе разыгралась трагедия, которая имела большие последствия для будущего государства и самого Б.Годунова. Царевич Дмитрий со своей матерью Марией Нагой проживал в Угличе. В начале 1590 года в Углич был направлен государев дьяк **М.Битяговский**, которому было повелено усилить контроль за бывшей царицей и её родственниками, так как они находились в связях с Шуйскими и продолжали всячески интриговать против Б.Годунова. Углич стал источником многих слухов, порочивших московское правительство. Бывшая царица и её братья постоянно ссорились с М.Битяговским из-за денег, так как он не разрешал тратить более того, что было разрешено московским правительством.

Нагие с нетерпением ждали кончины царя Фёдора и даже пользовались услугами ведунов, о чём стало известно М.Битяговскому. В свою очередь Мария обвиняла дьяка, что он приютил у себя юродивую, якобы накликавшую «падучую болезнь» на её сына. То, что царевич Дмитрий страдал эпилепсией, часто не учитывается при рассмотрении его гибели. Но именно этот факт позволил Нагим обвинить М.Битяговсого и Б.Годунова в злостных намерениях погубить царевича Дмитрия. Могла ли юродивая навлечь «падучую болезнь» на царевича Дмитрия, это большой вопрос. А если посмотреть на его родословную, то становится абсолютно ясно, что царевич Дмитрий не мог вырасти здоровым.

Его отец Иван IV, без сомнения, страдал многими недугами, в том числе ярко выраженной шизофренией, чрезмерной мнительностью и манией божественного предназначения. Всё это так или иначе отразилось на детях. Старший сын Иван тоже страдал шизофренией. Средний сын Фёдор имел очень слабое здоровье и обладал чрезмерной набожностью. Младшему Дмитрию досталась *«падучая болезнь»* – эпилепсия. Так что главная причина болезни царевича кроется в его родословной, а не в стараниях юродивой, если даже она была, и кознях М.Битяговского.

После рождения дочери царь Фёдор, поверив в то, что может иметь наследников, запретил духовенству поминать имя царевича Дмитрия при богослужениях на том основании, что он рождён в седьмом браке, а потому является незаконнорожденным. Это ещё более обозлило Нагих, так как в корне нарушало их планы. Нападки на московское правительство стали ещё более яростными. Естественно, при этом главной мишенью для нападок был не царь Фёдор, а Б.Го-

дунов и его люди, исполнявшие государственные обязанности. Накануне гибели царевича Дмитрия конфронтацию обострило распоряжение из Москвы, по которому необходимо было выделить 50 человек под город Гуляй. Это вызвало недовольство не только Нагих, но и большей части городских жителей, уже настроенных Нагими против правительства.

Днём 15 мая 1591 года царевич Дмитрий под присмотром взрослых, гулял с дворовыми ребятами на задворках. При этом ребята играли с ножами в *тычку*. Игра несложная, но требовавшая точного попадания в круг острием лезвия ножа. Нож лезвием брался в руку и метался в цель. Тогда этим занимались все отроки, так они учились метать ножи. Сейчас таким обучением занимаются только военнослужащие специальных подразделений. Во время игры с царевичем случился припадок. В падении на землю он шеей наткнулся на лезвие ножа и тут же скончался.

О том, как погиб царевич, на следствии рассказали мальчишки, которые играли с ним: **Баженко Тучков, Петрушка Колобов** и ещё два мальчика *«жильца»*. Рассказ мальчишек подтвердили женщины, присматривавшие за царевичем: постельница Мария Колобова, кормилица Арина Тучкова и боярыня Волокова. Эти женщины подняли переполох, увидев гибель царевича. Дворовые люди ударили в колокол. Народ начал сбегаться. Мария Нагая и прискакавший вскоре М.Нагой перед собравшимися жителями обвинили М.Битяговского и его сына в гибели царевича. Недовольные властями жители Углича учинили погром приказной избы, убили государева дьяка Битяговского, его сына и ещё несколько человек.

Следственная комиссия прибыла в Углич через четыре дня. Ею были допрошены 140 свидетелей. В результате, версия Нагих, доказывавших, что гибель царевича является делом рук Битяговских, рассыпалась. По показаниям вдовы Битяговского следовало, что *«муж мой Михайло и сын мой в те поры ели у себя на подворьишке, а у него ел священник... Богдан»*. Поп Богдан, несмотря на то, что был духовником Г.Нагого, подтвердил, что обедал у Битяговских. Следственную комиссию возглавлял князь В.Шуйский, который совсем недавно вернулся из ссылки. Его помощником был окольничий **А.Клешнин**. Само следствие вёл глава Поместного приказа думный дьяк **Е.Вылузгин** и его подчинённые. Так что следственная комиссия была вполне независимая и способная разобраться в существе дела.

Следственная комиссия В.Шуйского вернулась в Москву в конце мая, в самый разгар борьбы правительства с оппозицией, которая, естественно, приписала смерть царевича Дмитрия козням Б.Годунова. По всей столице *«тайно шептали, что всё устроено Годуновыми»*. В 20-х числах мая неизвестные люди в трёх местах подожгли Москву, в результате выгорел весь Белый город. Оппозиция вновь обвинила Годунова в организации поджога, тем самым пыталась спровоци-

ровать москвичей, оставшихся без крова, на выступление. Слухи, порочившие Б.Годунова, распространялись по всей стране и даже проникли за рубеж.

Московское правительство приняло меры, начались аресты лиц, подозреваемых в поджогах. В руки властей попали слуга Нагих **Иван Михайлов**, банщик **Лёвка** и ещё несколько человек. Банщик Лёвка сознался, что поджог Москву, после того, как получил деньги от Ивана Михайлова. Причастность Нагих к поджогам в Москве стала несомненной. Началось следствие и по этому делу.

По прибытии в Москву комиссия В.Шуйского представила отчёт о следственных действиях. 2 июня дьяк А.Щелкалов зачитал текст углического *«обыска»* высшему духовенству в Кремле. Собор согласился с работой комиссии, выявившей нечаянность смерти царевича **Дмитрия**. Кроме того, патриарх Иов в своём выступлении коснулся измены Нагих, которые вместе с угличскими мужиками напрасно побили государева дьяка Битяговского и других приказных людей. Он также заявил, что мятеж М.Нагого и мужиков-угличан *«дело земское, градское, в том ведает бог да государь... всё в его царской руке»*.

На основании патриаршего заявления царь Фёдор повелел схватить Нагих и виновных угличан. Началось новое расследование измены Нагих. Михаила и Андрея Нагих пытали в присутствии Б.Годунова. Завершив следствие, правительство осуществило казни мужиков-угличан. Было казнено около 200 человек. Многие были сосланы в Сибирь, в Пелым вместе с угличским колоколом, что привело к запустению Углича. Правительство конфисковало собственность Нагих, а их самих заточило в темницу. Вдову Ивана IV Марию насильственно постригли в монахини и сослали в Белоозеро.

Чем, как не предвзятостью и угождением Романовым, можно оценить точку зрения Н.Карамзина, который категорически считает Б.Годунова основным виновником смерти царевича Дмитрия. Всё было бы ничего, если бы эта предвзятость и угождение не вылились в массу художественных произведений, породивших вместе с некоторыми *«историческими»* исследованиями устойчивое мнение о преднамеренности злодейств Годунова и узурпации им власти и трона.

Не успели навести порядок в Москве и Угличе, как накатилась угроза с юга. Крымский хан Кази-Гирей, собрав силы, двинулся в пределы России. Изменению его поведения способствовали следующие обстоятельства. Во-первых, он был вынужден выполнить повеление султана, желавшего, чтобы Россия отказалась от Иверии и ушла с Северного Кавказа. Во-вторых, он узнал от короля Сигизмунда III, что московское правительство известило литовских панов о его намерении вновь вторгнуться в Литву. В-третьих, царь Фёдор не отпустил царевича **Мурата**, о чём просил Кази-Гирей. Более того, царевич Мурат скоропостижно умер, что позволило хану обвинить Москву в его смерти. В-четвёртых, происками шведов, которые убеждали хана,

что всё московское войско занято войной со Швецией. Шведский король никак не мог успокоиться после потери Яма, Ивангорода и Копорья. Он собрал и сосредоточил в Эстонии войско численностью около 20 тысяч человек под начальством **К.Флеминга**. В-пятых, подстрекательством подданных самого хана, считавших, что каждый хан обязан хоть однажды видеть берега Оки для удовлетворения воинской чести и захвата добычи.

Несмотря на то, что Москва всегда имела своих лазутчиков в Крыму, чтобы знать не только действия, но и замыслы ханов, Кази-Гирею удалось ввести её в заблуждение. Он уверял в письмах, что собрался разорять Вильну и Краков. Назначил большое посольство в Москву для заключения союза с Россией. Требовал, чтобы московский царь прислал к нему кого-нибудь из первых лиц государства. По ходу собирал воинские силы. Улусы тюрок-крымчаков и ногаев пришли в движение. Все годные к войне люди садились на коней. Турецкий султан также прислал подкрепления в несколько тысяч янычар с огнестрельным нарядом.

Наступила весна, однако Дума не тревожилась, выслав в апреле месяце, как обычно, воевод с ратями охранять переправы на Оке. Князья Мстиславский, Ноготков, Трубецкие, Голицын, Ф.Хворостинин убыли в Серпухов, Калугу и другие места. Главные силы этого войска сосредоточились как всегда в Серпухове. Ещё в мае сторожевые разъезды не встречали противника в поле, а уже 10 июня сообщили о движении хана со всей ордой к Москве. Численность определяли от 100 до 150 тысяч человек. Не задерживаясь на грабежи и обходя сторожевые крепости, орда устремилась к Туле. Князь Ф.Мстиславский находился с главными силами у Серпухова. Однако численно, около 50 тысяч человек, они сильно уступали Крымской орде. Большие силы московского войска находились в Новгороде, но они не могли уже успеть подойти к Москве.

Нужно было как-то выходить из положения, и Б.Годунов разослал указы к воеводам всех степных крепостей, чтобы они спешили к Серпухову на соединение с Ф.Мстиславским. Объявили Москву в осаде. Дворец поручили охранять И.Глинскому, Кремль – боярину князю Д.Шуйскому, Китай-город – Голицыну, Белый город – Ногтеву-Суздальскому и М.Туренину. Но в конце июня поняли, узнав о стремительном движении неприятеля к столице, что невозможно соединить полки на Оке. Хан упреждал в подходе. Тогда изменили решение и начали собирать силы у Москвы.

Туда же было отозвано войско Ф.Мстиславского, которое двинулось к Пахре 28 июня, чтобы надёжнее прикрыть ближние подступы к столице. На следующий день с новым собранным войском из Москвы выступил Б.Годунов. В войско вошли: государева дружина, около 15 тысяч человек, ополчение детей боярских, дворян и других граждан, а также московский огнестрельный наряд. Это войско насчитывало свыше 50 тысяч человек. Чтобы не допустить крымчаков в Москву, укре-

ипли предместье за Москвой-рекой деревянными стенами с бойницами, вооружили монастыри: Даниловский, Новоспасский, Симонов.

Стан войску Ф.Мстиславского назначили между Калужской и Тульской дорогами. Б.Годунов расположил свой укреплённый обоз – *«гуляй-город»* в Замоскворечье между Серпуховской и Калужской дорогами, за пределами посада. Как только войска соединились, Б.Годунов уступил место главного воеводы Ф.Мстиславскому. Сам же стал вторым воеводой в большом полку. Не имея основательного опыта в организации и ведении сражений, он создал для себя небольшой воинский совет из шести воевод, среди которых оказался и знаменитый изгнанник Б.Бельский.

3 июля для наблюдения за движением орды был выслан на Пахру воевода князь **В.Бахтияров** с 300 боярскими детьми и дворянами. Спустя несколько часов он прискакал весь израненный и сообщил о переходе орды через Пахру. Ф.Мстиславский спешно оставил Котлы и отошёл к Данилову монастырю. Туда же подошёл Б.Годунов со всеми своими силами. В середине дня 14 июля Кази-Гирей занял Котлы. Воеводы выслали по Серпуховской дороге дворянское конное ополчение. Ожесточённые стычки продолжались до глубокого вечера. Степняки были лучше в рубке, а московские ратники в использовании огнестрельного оружия. Однако степнякам удалось потеснить дворянское конное ополчение и подойти к «гуляй-городу». Но здесь они были остановлены дружной стрельбой из пушек и пищалей.

Потери были с обеих сторон. Но потери орды были несравненно больше. Кази-Гирей остановился в селе ***Воробьёве*** и, наблюдая с горы стан московского войска, увидел непрерывное движение людей из Москвы к стану. И хотя это были жители, желавшие удостовериться в здравии своих близких, Кази-Гирей воспринял это за подход нового войска, о котором также говорили пленники. К тому же стрельба из укреплений и монастырей всё усиливалась. Позднее утверждали, что это было распоряжение Б.Годунова. Вряд ли. Тогда московское войско по дисциплине и порядку мало чем отличалось от крымской орды. Поэтому стрельбу вели кто из страха, кто для устрашения противника. Так же действовали небольшие дружины.

В частности, как только стрельба начала усиливаться, дружина **В.Янова** численностью около 1 000 человек вышла из царского стана и напала на крымчаков в ***Коломенском***. В их лагере возникла паника. Кази-Гирей, не дожидаясь рассвета, повелел отходить. Отход превратился в паническое бегство. Бросая добычу, табуны лошадей и запасы, тюрки-крымчаки и ногаи за сутки оказались на Оке. Их преследовали только передовые конные дружины, которые настигли отставших у Тулы, побили их и захватили около 1 000 пленников, в числе которых оказалось несколько знатных мурз. Кази-Гирей при переправе через Оку повредил руку и 2 августа вернулся в Бахчисарай на простой телеге.

Основные силы московского войска далее Серпухова не пошли. Догнать хана ему было невозможно. Что невозможно было для московского войска, то отчасти осуществили донские и запорожские казаки, которые настигли крымские *«коши»* (тылы) и разгромили их. Ф.Мстиславский отписал царю об изгнании крымской орды только от своего имени. Царь Фёдор строго выговорил ему за то, что он не указал *рядом с собой* Б.Годунова, так как двор считал его главным победителем. Собственно, отчасти это было так. *Именно Годунов* собрал и вывел в поле вторую половину войска. Поэтому в награждении соблюли равенство. 10 июля в Серпухов приехал стольник И.Юрьев и от имени царя вручил главным воеводам Ф.Мстиславскому и Б.Годунову золотые португальские медали, другим воеводам корабельники и венгерские червонцы.

Оставив младших воевод на берегах Оки, царь велел всем остальным быть в Москве. Там царь Фёдор надел на Бориса со своего плеча русскую шубу с золотыми пуговицами в 1 000 рублей (по временам Александра I это 5 000 серебряных рублей), а также снял с себя и одел на Б.Годунова драгоценную цепь; вручил ему золотой ковш Мамая, взятый в сражении на поле Куликовом, отдал в наследственное владение три города на Баге, а также пожаловал титул слуги, самое знаменитое боярское отличие, которое в XV и XVI веках носили всего три вельможи: князь **С.Ряполовский**, князь **И.Воротынский** и князь **М.Воротынский**. Князю Ф.Мстиславскому царь Фёдор со своего плеча также дал шубу с золотыми пуговицами, кубок с золотой чаркой и пригород ***Кашин*** с уездом.

Других воевод, голов, дворян и детей боярских жаловали шубами, сосудами, вотчинами и поместьями или деньгами, камками, бархатами, атласами, шкурками соболей и куниц. Стрельцов и казаков тафтами, сукнами и деньгами. Словом, никто из добрых воинов не остался без награды. Не было конца великолепным пирам в Грановитой палате. Все эти пиры были в честь Б.Годунова, ибо царь Фёдор *повелел торжественно объявить в России и за её пределами*, что бог даровал ему победу *«радением и промыслом Борисовым»*. После всех этих наград и признаний Б.Годунов действительно становится **полноправным правителем**, которому уже нет равных.

Глава *посольского приказа* А.Щелкалов после этого триумфа Годунова уходит на второй план. И было за что. Его ведомство не смогло своевременно известить царя Фёдора о походе крымской орды на Москву. Если сравнивать Б.Годунова в период войны со Швецией и при отражении вторжения крымской орды, то становится ясно, что его участие в осаде Нарвы было неудачным, так как он пытался заниматься не своим делом. В то же время под Москвой он занимался своим делом, выступая не как военачальник, а как государственный деятель. Понимая, что сил войска Ф.Мстиславского может не хватить, собрал, организовал и вывел в поле столько же сил, сколько было в

полевом войске, воодушевлял и ратников, и жителей Москвы на отпор Кази-Гирею.

Но даже в этот торжественный момент победы над крымской ордой, отмеченный личным вкладом Б.Годунова, вновь проявили себя недоброжелатели, распустившие слухи, что, якобы, Годунов сам привёл хана к Москве, желая погасить в народе негодование по поводу убийства царевича Дмитрия. Этот слух распространялся в уездных городах, особенно в Алексине. Б.Годунов понимал, что это может иметь далеко идущие последствия, поэтому направил своих стольников в места, где ходили эти слухи, со строгим наказом изыскивать, допрашивать и наказывать всех, кто занимается распространением этих слухов. Полномочные представители Годунова не церемонились: хватали и пытали людей; заточали в темницы и резали языки; многих осудили на смерть. Угличское и Алексинское дела достойны времён Ивана IV. Но это всё же были дела, направленные на подавление действительных противников, а не мнимых, как при Иване IV.

Во всех остальных случаях Б.Годунов проявлял редкое милосердие. Было немало случаев, когда люди, заслужившие опалу и искренне раскаявшиеся, прощались. Тогда в указе писали: *«Государь прощает из уважения к ходатайству слуги, конюшего боярина»*. Даже М.Головину, бежавшему в Литву, Б.Годунов предлагал мирное возвращение в Россию, знатнейший сан и лучшее поместье. По поводу осуждённых на казнь писали: *«так приговорили бояре, князь Фёдор Иванович Мстиславский со товарищи»*. О Б.Годунове не упоминали. Казалось, после победы над крымской ордой и подавления оппозиции для России настали благоприятные времена. Однако они серьёзно осложнялись династическими проблемами. Рождённую Ириной дочь назвали **Федосьей**. Хотя это рождение не разрешало династических проблем, однако подавало надежды, что может появиться и наследник. Тем не менее, вскоре Федосья умерла, а новых рождений не последовало. Смерть Федосьи недоброжелатели и враги, естественно, приписали Б.Годунову.

Поражение крымской орды под Москвой резко изменило международную ситуацию и обрекло шведов на неудачи. Войско маршала Флеминга летом 1591 года вторглось в Псковскую область у Гдова, разбило московскую рать и взяло в плен воеводу князя В.Долгорукова, ограбило окрестности и удалилось в Эстонию. В то же время другой шведский отряд из Каяни двинулся к Сумскому острогу на Белом море, взял его и пытался овладеть другими местами и пристанями. Московское правительство направило туда воевод князей Андрея и Григория Волконских с ратью, которые разбили неприятеля, отбили Сумской острог, а затем опустошили Каянию.

Эти действия чуть не сорвали подписание мирного договора с Литвой, ибо Сигизмунд долго не хотел утвердить перемирия, заключённого в Москве, без обязательств Москвы не трогать Швеции. Он вся-

чески удерживал московских послов, но узнав, что крымский хан потерпел поражение, утвердил московский договор, настояв на том, чтобы московские послы внесли в него пункт, по которому ни царь московский, ни Литва не мыслили о завоевании Нарвы в течение двенадцати лет. Давая присягу московскому послу Салтыкову, он сказал: *«Мы будем в мире с царём до его первого нападения на Швецию, ибо сын должен вступиться за отца»*. Но этот пункт не спас шведских владений от вторжения московских ратей.

В конце 1591 года московское правительство, желая добиться мира от Швеции, сосредоточило значительные силы на границе с Финляндией. Это войско возглавляли воеводы князья Мстиславский, Трубецкие, Годуновы, Ноготков и Бельский. В конце января 1592 года московские рати подошли к Выборгу. Шведы не отважились выйти в поле и засели в Выборге и Абове. Окрестности этих городов были разграблены и выжжены. Лёгкие московские дружины дошли до г.Карелы и сожгли её посад. В этом деле как раз и участвовал тобольский воевода князь В.Кольцов-Мосальский. Могли быть ещё большие успехи, но среди московских воевод начались споры о старшинстве, и войско вернулось в Новгород. Несмотря на уход московского войска, шведы были вынуждены пойти на переговоры и выслали своих послов Флеминга, Бое и других сановников на реку Плюсу, где с окольничим М.Салтыковым в январе 1593 года заключили двухлетнее перемирие.

Пока воевали со шведами, крымский хан, стремясь загладить неудачу и обелить себя в глазах султана, с одной стороны, стремился переговорами усыпить бдительность Москвы, просил прислать послов для заключения мира, с другой, деятельно готовился к новому вторжению. Московское правительство, хотя и не верило уверениям крымского хана, всё же предполагало, что он не способен повторить вторжение, а потому не сосредоточило необходимых сил на Оке. В 20-х числах мая 1592 года крымские царевичи **Фети-Гирей** и **Нурадин-Бахта** вторглись в российские пределы, грабили и жгли в рязанских, каширских и тульских уездах. Противодействия не было.

Захватив множество пленников, тюрки-крымчаки ушли назад, оставив после себя развалины и пожарища. Крымский хан, ободрённый этим успехом, сказал царскому послу: *«Куда делося войско московское? Царевичи и князья наши не вынимали ни сабли из ножен, ни стрелы из колчана и плетью гнали тысячи пленников, слыша, что ваши храбрые воеводы прячутся в лесах и дебрях»*. Это внезапное нападение тюрок-крымчаков окончательно подорвало положение А.Щелкалова, люди которого не смогли своевременно известить Москву о вторжении орды.

Желая всё же смирить крымского хана, Москва действовала по трём направлениям. Во-первых, отправила ему 15 тысяч рублей вместо 30 тысяч рублей, которые он требовал. Во-вторых, обратилась к

султану Амурату, чтобы он смирил хана. Но тот потребовал, чтобы Москва отказалась от Иверии, ушла с Северного Кавказа, отдала Астрахань и Казань, а также усмирила донских казаков. Условия были неприемлемые, хотя Москва и попыталась усмирить донских казаков. Московское правительство направило в Раздоры (казачью крепость) дворянина **П.Хрущова** в качестве головы казачьего войска. Однако донцы не приняли царского воеводу и заявили: *«... прежде сего мы служили государю, а голов у нас не было... и ныне-де рады государю служить своими головами, а не с Петром»*. Отказ вызвал раздражение в Москве. В 1593 году казакам пригрозили, что царь пошлёт на них *«Доном большую свою рать и поставить велит город на Раздорах»*. Но эта угроза не была осуществлена.

В-третьих, московское правительство развернуло строительство крепостей по Верхнему Дону и Донцу. К построенным уже на месте казачьих городков в 1585-86 годах Воронежу и Ливнам, последняя находилась на перекрёстке двух важных тюрко-ногайских шляхов (дорог) Муравского и Кальмиусского, в 1592 году восстановило Курск, построило Елец и Кромы, в 1593 году Валуйки, Оскол и Белгород. Крепость Белгород имела наибольшее военное значение как ключ ко всему Донскому региону. Запоздавшее на 100 лет продвижение на юг, наконец-то, началось, но оно сопровождалось обострением отношений с казачеством и не могло быстро исключить вторжения крымской орды.

Эти крепости заселили ратными людьми, стрельцами и служилыми казаками, так что теперь крымская орда уже не могла незаметно пройти в центр России. Видя приготовления Москвы, хан пошёл на заключение мира. В ноябре 1593 года в Ливнах, на мосту через реку Сосну, встретились московские послы Ф.Хворостинин и Б.Бельский с крымским послом. Договорились прекратить боевые действия, освободить пленников, утвердить мир и союз навеки. Для скрепления союза надлежало крымскому ширинскому князю **Ишимамету** ехать в Москву, а князю М.Щербатому в Крым. Посланники дружелюбно разъехались. Весной 1594 года крымский хан отправил в Москву клятвенную шертную грамоту с золотой печатью, подтверждавшей заключение мира. В это же время началась очередная война Турции с Австрией, в которой Крым принял самое активное участие. Так что в течение трёх лет крымчаки не нарушали договора. Тем не менее Москва, наученная горьким опытом, теперь постоянно выдвигала свои рати на Оку.

В то же время закончилась и деятельность А.Щелкалова. В апреле 1594 года ***«великий»*** дьяк в последний раз принимал крымского посла, а 30 июля того же года крымский гонец вручил грамоты его брату – **Василию Щелкалову**. Это событие было радостным для англичан, так как А.Щелкалов был их врагом. Причина отставки, наряду с уже упоминавшимися, состояла в том, что А.Щелкалов не хотел ми-

риться ни с Крымом, ни с Турцией. Он выступал за продолжение войны, чего не хотел Б.Годунов без заключения прочного союза с Австрией. Разрыв между соправителями был крайне острый. А.Щелкалов подвергся опале с конфискацией имущества. Но это не коснулось его родственников, так как его брат В.Щелкалов возглавил Посольский приказ и даже в июне 1597 года получил думный чин печатника.

Пока воевали и мирились со шведами и Крымом, в Сибири продолжали укрепляться. В 1592 году на смену воеводе князю В.Кольцову-Мосальскому прибыл воевода князь **Ф.Лобанов-Ростовский**, бывший до того наместником в Астрахани. Он там отличился организацией скрытого наблюдения за царевичем **Муратом** и строительством каменной крепостной стены. Пробыв не один год в Астрахани, он также усвоил, что прочность её положения зависела не только от крепостных стен, но и от того, кто был хозяином Терека и Яика (Урала). В Тобольске он сразу определил, что его прочность всецело зависит от того, кто будет контролировать Обь выше и ниже её слияния с Иртышом, а также, кто будет контролировать Иртыш выше Тобольска.

Прибыв в Тобольск, новый воевода развернул активную деятельность по колонизации края. Половину Тобольского гарнизона он вскоре отправил в другие места. В 1592 году воеводы **Н.Траханиотов** и князь **П.Горчаков** совершили поход против Пелымского княжества. Им было велено схватить и повесить местного князька Аблегерима с верными ему людьми, которые длительное время выступали против Москвы. Воеводы разбили дружину Аблегерима, его самого и ещё несколько его сподвижников схватили и повесили. Подчинённых им вогулов привели к присяге. Воевода князь П.Горчаков с частью стрельцов остались строить город ***Пелым***, а воевода Н.Траханиотов с меньшей частью стрельцов доплыл до Тобольска. Здесь весной 1593 года он получил от князя Ф.Лобанова-Ростовского подкрепление и поплыл вниз по Тоболу, Иртышу и Оби. В устье р.Сосьвы на месте остяцкого городка ***Сумгу-ваш*** он построил город-крепость *Берёзов*.

Чтобы обезопасить Тобольск от нападений отрядов Кучума с юга, воевода Ф.Лобанов-Ростовский сформировал другой отряд в составе 250 стрельцов, литовцев и казаков под начальством воеводы **Ф.Елецкого**. Этот воевода имел славяно-татарское происхождение. Сформированный отряд предназначался для строительства крепости в городе Тара и последующих действий против Кучума. Однако оба воеводы понимали, что столь малочисленный отряд вряд ли способен решить эту задачу. Тогда воевода Ф.Лобанов-Ростовский разрешил воеводе Ф.Елецкому и атаману Ч.Александрову набирать ратников из числа славян-татар. Вторая половина 1593 года и вся зима ушли на формирование рати.

Весной 1594 года рать воеводы Ф.Елецкого, насчитывавшая около 1,5 тысячи человек, из которых более тысячи были славяне-татары, двинулась вверх по Иртышу. Прибыв в Тару, рать Ф.Елецкого при-

ступила к строительству крепости. Одновременно пришлось очистить левобережье Иртыша от сторонников Кучума, которым не оставалось ничего другого, как уйти в Барабинскую степь, так как на левом берегу Иртыша вплоть до Ишимской степи уже господствовали кайсаки. В этом же 1594 году выше слияния Оби и Иртыша был основан город ***Сургут*** воеводами князьями **М.Волконским** и **М.Львовым**.

Отправив стрельцов и казаков закреплять новые места, тобольский воевода князь Ф.Лобанов-Ростовский приступил к своему любимому делу – строительству города. Б.Годунов, живо интересовавшийся сибирскими делами, поставил две задачи. Во-первых, установить хорошие отношения с татарами и, опираясь на них, подчинить отдалённые местности Сибири. Именно благоволение Б.Годунова к татарам стало причиной, что его стали считать выходцем из *«могольского племени»*. Во-вторых, завязать прочные торговые связи с Джунгарией, Кокандом и Бухарой.

Чтобы выполнить поставленные задачи, нужно было не только иметь крепость выше по Иртышу, но также отстроить Тобольск, чтобы он стал привлекательным для иноземных купцов. При Ф.Лобанове-Ростовском ***Тобольск*** был заново отстроен на Троицком мысу. Здания и церкви были украшены резьбою. У стен острога появились высокие башни. Всё делалось для того, чтобы Тобольск стал центральным городом Сибири и затмил остальные своим великолепием. Годунов непрерывно слал в Сибирь воевод с небольшими отрядами стрельцов для основания тех или иных городов, а также распорядился вербовать переселенцев в Сибирь. Не брезговал отправлять туда в ссылку провинившихся. Первыми сосланными в Пелым были угличане вместе со своим колоколом.

Заключив перемирие с Крымом, московское правительство продолжало настойчиво вести переговоры с Австрией о заключении союза и дало согласие на участие запорожцев в войне против Турции на стороне Австрии. Австрийская сторона, избегая заключения союза, требовала помощи деньгами. Москва послала императору **Рудольфу** на покрытие воинских издержек 40 360 соболей, 20 760 куниц, 120 чёрных лисиц, 337 235 белок и 3 000 бобров стоимостью в 44 тысяч тогдашних московских рублей. Эти богатства в Прагу доставил думный дворянин **Вельяминов**, которому там оказали необыкновенные почести. Войско было выстроено на улицах на всём протяжении, пока московский посол ехал ко двору в императорской карете. Богемские торгаши оценили стоимость мехов в восемь бочек золота.

Однако австрийский двор, сославшись на второстепенные причины, не стал подписывать договор о союзе с Москвой. Переговоры продолжились, и выяснилось, что австрийский двор хотел бы, чтобы Россия препятствовала Крыму в войне с Австрией своими воинскими силами, а также миру шаха с султаном, помогала Австрии золотом и серебром, а не мехами, в любое время и в определённом количестве.

Воевать с Крымом и вредить Турции Россия могла и без посыла золота в Австрию. Поэтому московские бояре решительно отвергли это требование и заявили, что царь Фёдор без взаимного письменного обязательства Австрии не намерен расточать сокровища России, что союз христианской Европы и Персии можно было бы давно утвердить, если бы император не манил нас пустыми обещаниями.

Велись также переговоры с Данией и Англией, которые хотели удовлетворить свои корыстные интересы, на что московское правительство не согласилось. Лучше дела обстояли в переговорах с Персией. Шах **Аббас** высказал твёрдое намерение воевать с Турцией, после того, как смирит Хиву, соглашался отдать Иверию, но указывал, что князь **Александр Иверский** обманывает Россию и платит дань Турции. Это действительно было так, потому что князь Александр начал понимать, что возможности России не беспредельны, хотя она искренне старалась помочь Иверии. В 1593-94 гг. московское правительство дважды посылало своих воевод **Г.Засекина** и **А.Хворостинина**, чтобы они смирили правителя Дагестана **Шавкала** и обезопасили Иверию с севера. Г.Засекин загнал войско Шавкала в неприступные горы. А.Хворостинину надлежало завершить покорение Дагестана, чтобы отдать его другому дагестанскому князю – тестю Юрия, сына Александра.

Воевода князь А.Хворостинин взял столицу Дагестана ***Тарки*** (вблизи нынешней Махачкалы). Не дождавшись ни сына, ни свата князя Александра, разорил Тарки и ушёл в Терскую крепость. В этом походе в горах и дебрях погибло около трёх тысяч московских ратников. После этого московские воеводы построили ещё несколько крепостей на берегах Койсы, чтобы стеснить Шавкала и хоть как-то загладить неудачу князя А.Хворостинина. Так Россия стремилась удержать под своей рукой Иверию (Грузию).

Переговоры с Австрией, Персией, Иверией показывали, что царь Фёдор и его окружение в то время руководствовались больше эфемерными желаниями, нежели серьёзными расчётами и здравомыслием. Ещё один образчик таких желаний. Ведя борьбу с Кучумом, Москва решила привлечь к этому Кайсакскую орду. В 1594 году в Москву прибыл посол хана **Тевеккеля – Кул-Мухаммед**. Он просил отпустить Уразмахмета на родину. Царь Фёдор соглашался отпустить к нему племянника и даже обещал защиту и огнестрельный наряд, но требовал взамен сына Тевеккеля в аманаты, признания подданства Кайсакской орды Москве, выступления его против Кучума и Бухары, эмир которой Абдула покровительствовал Кучуму и в своих письмах грубил царю Фёдору. Хан Тевеккель на это не согласился, вместе с этим не исполнилось желание Фёдора стать царём царей.

В 1595 году Псков поразил мор. В нём осталось так мало жителей, что московское правительство перевело туда жителей из других городов. В этом же году спокойствие России было нарушено вторжением

тюрок-крымчаков в Мещерскую, Козельскую, Воротынскую и Перемышльскую области. Калужский воевода **М.Безнин** встретил их на берегах р.Высы и разбил наголову. Летом 1595 года в отсутствие царя Фёдора сгорел весь Китай-город. Через несколько месяцев вновь отстроился, но едва снова не сгорел. Нашлись люди, в том числе из числа чиновников, князь **В.Щепин**, дворяне **Лебедев** и двое **Байковых**, отец с сыном, а также другие. Они тайно сговорились зажечь ночью столицу в разных местах, чтобы в суматохе пожара похитить казну, хранившуюся в церкви Василия Блаженного. Власти узнали о заговоре, схватили и казнили заговорщиков. Князю Щепину и Байковым на лобном месте отрубили головы. Других либо повесили, либо на всю жизнь заточили в темницу.

В это время по всей стране велось большое строительство. Строились города, крепости, остроги. В крупных административных центрах возводились каменные строения и каменные крепостные стены. Развернув крепостное строительство на юге, московское правительство побеспокоилось и о защите западной границы. В 1596 году Б.Годунов настоял на строительстве каменной крепости в Смоленске. Сам туда ездил, останавливался в городах и сёлах, удовлетворял жалобы, угощал богатых, раздавал деньги бедным. По возвращении из Смоленска в Думе правитель сказал царю, что Смоленск будет ожерельем России. Однако ему возразил князь **Трубецкой**: *«Но в сём ожерелье могут завестись насекомые, коих мы не скоро выживем»*. Так оно и случилось в Смутное время. В Смоленск для строительства крепости были собраны каменщики со всей страны. Строили быстро. Её строительство было закончено в 1600 году.

В эти годы власти занимались упорядочиванием землевладения. Принятые Иваном IV меры только отчасти решали проблемы мелкопоместного дворянства. Поэтому в неурожайные годы страдали не только крестьяне, но и мелкопоместные дворяне. Уже в конце жизни Ивана IV были приняты меры по ограничению перехода крестьян в Юрьев день. В 1597 году, желая расширить социальную базу правительства, царским указом отменялся переход крестьян в Юрьев день от одного владельца другому. Это в первую очередь способствовало укреплению хозяйств мелкопоместных дворян, но основательно ущемляло права крестьян, которые начали проявлять недовольство. Бегство на Дон и в украинные области приобрело большие масштабы. Это бегство усиливало казачество, которое тоже было недовольно захватом казачьих городков и строительством крепостей на казачьих землях. Накопление горючего человеческого материала в украинных местностях обрело постепенно большие масштабы. Однако, пока не было никаких серьёзных бедствий, это нарастание было почти незаметным и не вызывало тревоги властей.

В эти годы также продолжалось активное закрепление Сибири. В 1595 году на реке Полуй, недалеко от её впадения в Обь, был основан

город ***Обдорск***. Весной этого года дружина письменного головы **Доможирова**, численностью около 500 человек, из Тары совершила поход в Барабинскую степь. Так как в дружине большинство, около 400 человек, составляли славяне-татары, хорошо знавшие местность, то дружина скрытно подошла к городку ***Тунусу***, где находился Кучум, и внезапно напала на него. Дружина Кучума была разбита, и он опять был вынужден бежать. Городок Тунус был сожжён, а на захваченную волость наложен ясак.

Таким образом, город ***Тара*** становился важным административным центром Москвы при её движении на юг Сибири. Учитывая это, московское правительство учредило в Таре Бухарское купечество. В наказе по этому поводу предписывалось: *«если Бухарские и Ногай торговые люди со всякими товарами, лошадьми и скотом в город Тару приедут, то иметь тамошним жителям с ними вольное купечество и поступать с ними с учтивостью, дабы их к себе привлекать, а по продаже товаров отпускать их назад без всякого задержания; если же некоторые из них пожелают со своими товарами и скотом ехать в Тобольск или Тюмень, то им и это дозволяется»*.

Не всё в Сибири, конечно же, шло благополучно. В этом же году случился бунт вогуличей в Берёзовском округе, но он был быстро подавлен. Московские ратные люди после подавления бунта спустились вниз по Оби до остяцкого городка *Вой-Карра*, взяли его, подчинили местных остяков Москве и с несколькими пленниками вернулись в Берёзов. В 1596 году сургутский казачий атаман **Тугарник Фёдоров**, несомненный выходец из славян-татар, на территории Пегой орды основал *Нарымский острог* (*нарым* – по-остяцки *болото*). Позднее он несколько раз переносился. Изменён был и статус, из острога он был превращён в город. В этом же году воеводой Молчановым основан *Кетский острог* (ныне село *Кетское* в Томской области). В Тобольске, Тюмени и Пелыме начали строиться мукомольные мельницы присланными из Москвы мастерами.

После поражений в 1595 году от Кучума откололся и перешёл на московскую службу мурза **Чин Юсупов**. Положение Кучума становилось безвыходным. Поэтому в 1597 году он решил вступить в переговоры с Москвой. Кучум написал грамоту, в которой просил оставить его правителем Барабы, отказывался от Сибирского татарского княжества: *«А Сибирь не я отдал: сами её взяли!»*, просил также прислать послов, чтобы *«правдою помириться»*. В расчёты московского правительства не входило замирение с Кучумом, а тем более оставление его правителем Барабы. Москва гнула свою линию на собирание царств, поэтому просьбы Кучума не были удовлетворены. Ему было отправлено письмо сына **Абдулхаира** и царская грамота.

Абдулхаир в своём письме сообщал, что он сам и другие соплеменники несут службу в Москве, получили в удел города и волости, предлагают и ему, Кучуму, перейти на службу к царю. В царской

грамоте предлагалось самому Кучуму явиться пред *«царские пресветлые очи»*, давались также щедрые обещания: *«и мы, великий государь, тебя, Кучума-царя, пожалуем на Сибирской земле царём и в нашем царском жаловании учнём тебя держати»*. Но такие предложения Москвы не устроили Кучума, который поддерживал связи с Бухарой и надеялся ещё на помощь хана **Абдуллаха**. Однако надежды Кучума оказались призрачными. Хан Абдуллах был связан войной за Хорезм и помощь оказать не смог. Посему дни Кучума были практически сочтены.

В этом же году казаком **Артемием Бабиновым** был найден более короткий и менее труднодоступный путь через Соликамскую и Югорскую горы до верховьев р. Туры. Этот путь сокращал прежний на 1000 вёрст. За это Артемий Бабинов был пожалован вотчиной. Московское правительство издало два указа. Одним запрещалось служилым людям торговать мехами, другим предписывалось всех бежавших в Сибирь за последние шесть лет оставить в Сибири и в Москву не возвращать. Было также дозволено вогулам продавать неопасные изделия из железа (топоры, ножи и т.д.), чтобы привлечь их на сторону Москвы. Таким образом, при царе Фёдоре и под непосредственным присмотром Б.Годунова инородцы Сибири смирялись, а русские, смешиваясь со славянами-татарами, расширяли территории, переходившие под руку Москвы.

В последние годы жизни царь Фёдор заметно ослабел. В конце 1597 года он тяжело заболел. Народ московский вообще-то любил царя Фёдора и приписывал благосостояние страны действию его многочисленных и ревностных молитв. Нужно сказать прямо, в его царствование без излишнего напряжения Москва раздвинула свои пределы на юге до Верхнего Дона и Терека. В Сибири проложенный Ермаком путь закреплялся, территория, подвластная Москве, стремительно расширялась, серьёзных противников там не было, что обещало мощно укрепить Москву новыми территориями и новыми доходами в казну. В международных отношениях Москва вышла из изоляции, завела связи, хотя и не всегда полезные, со многими европейскими и азиатскими странами. Начала делать первые шаги в создании нужных ей коалиций. Смирила своих постоянных противников Швецию, Речь Посполитую и Крым.

Душой всех этих дел и начинаний были Б.Годунов и А.Щелкалов – соправители-соперники. Эта пара, конечно же, не может равняться Сильвестру и А.Адашеву по причине не всегда уместного между ними соперничества. Тем не менее, их соправительство было исключительно полезно для России. Но это соправительство не могло изменить тех гибельных основ, которые были созданы во времена Василия III и Ивана IV. Более того, по некоторым направлениям оно отягощало эти основы. **Прежде всего это касалось нарастания напряжённости с донским казачеством, закрепощения крестьян, усиления династических**

проблем и неурегулированности отношений в среде правящего слоя. Поэтому Россия этого периода представляла собой внешне вполне благополучное государство. Внутри же она была поражена серьёзными недугами. Пока был жив царь Фёдор, этих болезней не было видно. Как только он умер, все они обострились и вылезли наружу.

Правление царя Бориса Годунова

Царь Фёдор при смерти завещал государство воле Божьей, а жене **Ирине** *«не повеле царствовати, но повеле ей приняти иноческий образ»*. Незадолго до смерти в одной из бесед с Б.Годуновым он сказал: *«Ты не можешь стать царём, разве что тебя изберут по общему согласию, однако сомневаюсь, что тебя изберут, ты происходишь из незнатного рода»*. Указав затем на Ф.Романова-Юрьева, добавил: *«предполагаю, скорее изберут его»*. Эти заявления показывают, что царь Фёдор не был слабоумным. Это был вполне нормальный человек, правда, излишне религиозный, но со здравыми суждениями, хорошо разбиравшийся в династических проблемах и проблемах престолонаследия. Для понимания особы царя Фёдора следует учитывать и его поведение во время отражения крымской орды у стен Москвы в 1591 году. В отличие от своего отца Ивана IV, царь Фёдор не побежал куда глаза глядят, а остался в Москве и в присутствии плакавшего Б.Годунова спокойно сказал: *«Будь спокоен! Завтра не будет хана!»* По этому поведению и суждению царя Фёдора можно сделать вполне логичный вывод, что он не был лишён мужества и известной доли проницательности. Так что выводы Н.Карамзина и многих других историков, приписавших царю Фёдору слабоумие, не соответствуют действительности.

Своими предсмертными заявлениями царь Фёдор, по существу, сконструировал все последующие события, оставив у руля государства правителя Б.Годунова, патриарха Иова, двоюродного брата царя Фёдора Ф.Романова-Юрьева и старейшину Думы Ф.Мстиславского. В 7 часов 7 января 1598 года царь Фёдор скончался. Царица Ирина и Б.Годунов, совершив печальный обряд: раздали немалые средства бедным, церквям и монастырям, распорядились открыть двери темниц и выпустить всех узников, включая убийц, так хотели подчеркнуть добродетели умершего царя. Сразу после похорон развернулась борьба за царский престол. Б.Годунов не больше, но и не меньше других желал его занять. **Вся предыдущая его деятельность, по большей части успешная, показывала, что он был вполне достойным претендентом. Причём претендентом по заслугам, а не знатности.**

Б.Годунов прекрасно понимал, что немедленное пострижение в монахини сестры Ирины резко уменьшит его шансы на избрание. По-

этому он уговорил Ирину взять на себя царское бремя до созыва Земского Собора, чтобы другие претенденты не пытались утвердиться у власти силой. Тут же была сочинена присяга, в которой говорилось, что Ирина принимает царское бремя *«на малое время, покамест бог царьство строит от всех мятежей и царя даст»*. За ней последовала сама присяга царице Ирине. Дума целовала крест не по велению начальных бояр, а по велению *«изрядного правителя»* Б.Годунова. Вслед за столицей к присяге была приведена вся страна. В разосланной присяге требовалось не поддаваться полякам и шведам, хранить свою веру и верность патриарху, царице Ирине, её брату Борису Фёдоровичу и его сыну – наследнику и другим детям, которые у него когда-нибудь родятся.

Этот текст у большинства присягавших создавал уверенность, что они присягают княгине-царице и её сыну. Правда, некоторые присягать отказались (псковитяне), видимо, по наущению Шуйских. Вскоре разобрались и другие. По сложившейся уже московской традиции присяга вдове-царице была неслыханным делом. При жизни Фёдора имя Ирины часто называли рядом с именем царя. После его смерти согласны были называть её *«великой государыней»*, но не царицей, так как этот титул не был равнозначен царскому. До и после Лжедмитрия цариц не только не короновали, но даже не допускали к участию в царском венчании. На коронации Фёдора Ирина не присутствовала. Ей было только позволено наблюдать за коронацией. Не будучи коронованной, она не могла ни обладать властью, ни передать её брату.

Московский люд был изумлён и возмущён, услышав в церквях многолетие царице. Возмущение и негодование переросло в действие. Перед Кремлём собралось множество народа. Люди шумели и звали царицу. Ирина вышла на Красное крыльцо, *«дабы избежать великого несчастья и возмущения»*, и объявила, что хочет исполнить *«волю покойного царя и своё обещание о пострижении»*. Когда же её спросили, кто будет править, она ответила: *«У вас есть князья и бояре, пусть они начальствуют и правят вами»*. После этого она 15 января уехала в Новодевичий монастырь и стала инокиней Александрой. Заявление Ирины отвечало чаяниям боярства.

В этих условиях руководство Думы и стольники взяли на себя всю работу по созыву Земского Собора, который должен был избрать царя. Не дремал и Б.Годунов со своими сторонниками. В ходе подготовки к Собору они разработали проект ***«Соборного определения»***, где значилась только его кандидатура. Этот проект был составлен 15 января 1598 года. В силу того, что избрание царя было прерогативой высокородного боярства, этот проект, несмотря на все старания сторонников Б.Годунова, на январском заседании Земского Собора не прошёл. После смерти царя боярство перестало скрывать свою неприязнь к Б.Годунову. Сановитые бояре и их сторонники не хотели передавать ему корону. Все они считали, что на троне должен сидеть наследник *«царского корени»*.

Ближайшими родственниками царя Фёдора были князья Шуйские, которые вели свою родословную от Всеволода Великого. Они надеялись на то, что займут трон и активно противодействовали Б.Годунову. Ему также противодействовали Романовы, Мстиславские, Бельские и их сторонники. В ходе этой закулисной и явной борьбы выявилось четыре претендента: Ф.Мстиславский, Ф.Романов, Б.Бельский и Б.Годунов. Наибольшие шансы имели Ф.Романов и Б.Годунов. Ход избрания изобиловал острой политической борьбой и драматическими моментами. Ход этой избирательной кампании переломила позиция руководства церкви и, прежде всего, патриарха Иова.

Он добился отсрочки избрания под предлогом; во-первых, 40 дневного траура по умершему царю; во-вторых, из-за необходимости дождаться пока в Москву съедутся *«многих городов служилые и всякие люди»*. 17 февраля истекло время траура по умершему царю. Земской Собор немедленно приступил к избранию царя. Однако на этот раз в его составе не было большинства бояр членов Думы и собрался он не в Кремле, а на подворье патриарха Иова. На данном заседании Земского Собора и было принято решение об избрании царём Б.Годунова. Так что старания Б.Годунова возвысить митрополита Иова и сделать его патриархом не пропали даром. Но это избрание было под большим вопросом, так как Дума провела своё заседание в Кремле, на котором было решено, обратиться к народу, с предложением принести присягу Думе.

Глава посольского приказа и лучший оратор Думы В.Щелкалов дважды выходил на Красное крыльцо и настойчиво убеждал собравшихся присягнуть боярам. Однако народ не поддержал обращение Думы, так провалилась попытка ввести в стране боярское правление. Главную роль в этом сыграло мелкопоместное дворянство, которое от Б.Годунова получило известные выгоды, от бояр ему нечего было ждать. Таким образом, высокородных бояр не поддержали: половина *«младших»* бояр, мелкопоместное дворянство и церковь. Стрельцы также оказались на стороне Б.Годунова, потому что он уделял им большое внимание. После избрания Земский Собор организовал шествие к Борису и инокине Александре в Новодевичий монастырь.

Чтобы покончить с клеветой насчёт убийства царевича Дмитрия, Б.Годунов отказался занять трон, заявив, что он никогда не мыслил посягнуть на *«превысочайший царский чин»*. Патриарх и члены Собора с удвоенной энергией взялись за подготовку нового шествия. Церковь пустила в ход весь свой авторитет. Ночное богослужение привлекло множество народа. Наутро духовенство с самыми почитаемыми иконами и множеством народа двинулось к Новодевичьему монастырю. Когда Б.Годунов вышел на паперть, народ встретил его оглушительными криками. Эти крики создавали видимость всенародного избрания. Поначалу казавшийся непреклонным, Годунов смягчился и великодушно объявил собравшемуся народу о своём согласии

принять корону. Не теряя времени, патриарх Иов увёл его в ближайший монастырский собор и венчал на царство.

Однако Дума отказалась присягать Б.Годунову, и он был вынужден вернуться в Новодевичий монастырь к инокине Александре. В начале марта 1598 года патриарх Иов вновь созвал соборных чинов на своём подворье. Мартовское заседание Земского Собора подтвердило избрание царём Б.Годунова. Опираясь на его решение, патриарх в середине марта направил провинциальным священникам послание с повелением зачитать грамоту об *«избрании»* Годунова на царство всем служилым и посадским людям. Это подействовало, и на сторону правителя мало- помалу стали переходить бывшие сторонники Думы. В марте на его сторону перешёл Щелкалов.

Тогда руководство Думы решило выдвинуть для воцарения бывшего казанского царя Едигера, крещённого Симеоном и привечаемого в прошлом Иваном IV, который сохранил за ним царский титул. Симеон был уже стар и слеп, править он не мог, но боярам он вполне подходил. Им хотели прикрыться, чтобы править самим. Патриарх и другие руководители Земского Собора, чтобы нейтрализовать новую интригу бояр, организовали очередное шествие к Новодевичьему монастырю. Здесь патриарх обратился к царице-инокине, чтобы она издала указ и повелела брату ехать в Кремль и короноваться. Она издала такой указ. 30 апреля Б.Годунов во второй раз торжественно въехал в Кремль и после богослужения в Успенском соборе водворился в царских палатах. Переезд в царский дворец покончил с неопределённым положением, но это не решило проблемы коронации.

Предвидя упорную борьбу с Думой, сторонники Б.Годунова, чтобы ускорить процесс избрания, распустили в марте слухи о том, что крымский хан собирается в поход на Москву. В апреле Б.Годунов как правитель распорядился собирать войско. В начале мая оно было собрано, и бояре оказались перед выбором: либо занять высшие посты в войске, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. В этой ситуации высокородное боярство сдало свои позиции, и Годунов достиг своей цели. В начале мая он выехал к ратям на Оку. Крымский хан не пришёл, и войско простояло на Оке два месяца.

За это время правитель постарался завоевать симпатии массы детей боярских, дворян и других ратных людей. Их щедро угощали за царским столом, раздавали денежное жалование. Шум военных приготовлений заглушил голос оппозиции. Все его главные противники получили высшие назначения и вынуждены были приглушить своё отрицательное отношение к Б.Годунову. Серпуховской поход закончился в июле. После него ещё некоторое время шла подготовка к коронации, которая состоялась 3 сентября 1598 года в Успенском соборе Кремля. По этому случаю многие знатные лица получили высшие думные чины. В числе особо удостоенных были Романовы и Б.Бельский. Б.Годунов дал клятву не проливать крови в течение 5 лет. Ми-

лости коснулись также дворянства и служилых людей: *«на один год вдруг три жалованья велел дать»*. Ряд льгот получили посады. В Сибири простили ясак за целый год.

Пока в Москве развивались драматические события на почве избрания нового царя, в Сибири состоялся последний акт драмы в борьбе с Кучумом. Прибывшая в Тару с воеводой **Ф.Елецким** полуратысячная рать имела в своём составе свыше 1200 славян-татар. Большинство из них было повёрстано в стрельцы и служилые казаки. За прошедшие четыре года они прошли необходимое обучение. В течение прошедших лет собирали также сведения о местонахождении Кучума. От переходивших на сторону Москвы татар удалось узнать, что Кучум обитает восточнее Барабинской степи у реки Оби (на месте нынешнего Ордынского района Новосибирской области).

Из подготовленных в Таре 1000 стрельцов и 500 служилых казаков тарский воевода **И.Воейков** в поход против Кучума выделил 700 стрельцов и 300 служилых казаков. Эту большую дружину возглавил сам воевода И.Воейков и атаман служилых казаков Черкас Александров, ранее уже отличившийся в боях с отрядами Кучума. 4 августа 1598 года дружина воеводы Воейкова двинулась в поход. В передовом отряде дружины шли служилые казаки Ч.Александрова, который выслал разъезды для захвата сторожей Кучума и разведки его местонахождения. Все стрельцы были в составе главных сил. 19 августа разъезд казаков обнаружил стан Кучума и сообщил о нём атаману Ч.Александрову и воеводе И.Воейкову. Воевода и атаман решили оставить обоз и идти всю ночь, чтобы утром напасть на стан Кучума. Как решили, так и сделали. Шли быстро, делая короткие привалы на отдых. На рассвете 20 августа подошли к стану Кучума, который оказался укреплённым. Атаковать этот укреплённый стан можно было с двух направлений. С третьего направления пути отхода затрудняла река.

Обороняли стан около 500 воинов Кучума. Как только стрелецко-казачья дружина развернулась и пошла на приступ, воины Кучума оказали ожесточённое сопротивление. Целый день шёл бой. Огнестрельное оружие стрельцов сыграло в нём решающую роль. От его огня погибли царевичи **Илитек** – брат Кучума и **Канай** – сын Кучума, 6 князьков, 10 мурз и 150 воинов. К вечеру воинов Кучума вытеснили из укрепления и прижали к реке. Около ста воинов Кучума под огнём стрельцов и казаков утонуло в реке. В плен попало около 50 человек. Кроме них в плен попали: пять сыновей Кучума – **Асманак**, **Шаим**, **Бабаджа**, **Молла** и **Кумыш**; восемь жён Кучума; восемь дочерей Кучума от 3 до 14 лет; две невестки – жёны царевичей Алея и Каная; два внука и две внучки Кучума. Однако он сам с телохранителями и частью дружины, всего около 150 человек, под покровом ночи сели в лодки и пытались спастись. В погоню за ними были отправлены две сотни служилых казаков, которые настигли беглецов и большую их часть перебили. И всё же Кучуму с небольшим отрядом телохранителей менее 50 человек удалось скрыться.

Упорство и продолжительность этого последнего боя с воинами Кучума показывает, что тюрки и татары-мусульмане даже в меньшинстве упорно и ожесточённо сражались. Это напрочь опровергает мнение, будто Ермак с малыми силами одолел полчища татар. После боя воевода И.Воейков распорядился разрушить и сжечь укрепление, а затем с пленниками и другой добычей вернулся в Тару. По возвращении в Тару отправил в Москву знатных пленников с сообщением, что Кучум разбит окончательно. Но, зная, что Кучум спасся, организовал его поиск, чтобы предложить побеждённому Кучуму сдаться, уехать в Москву и соединиться с семьёй. Один из посланцев, татарин **Тулмахмет**, нашёл Кучума в лесу, вблизи того места, где лежали тела убитых татар-мусульман и тюрок. Слепой старец сидел под деревом в окружении трёх сыновей и тридцати телохранителей. Татары окрестных мест отказались ему повиноваться. Выслушав речи посланца И.Воейкова, рассказавшего о милостях московского царя, Кучум спокойно ответил: *«Я не поехал к нему и в лучшее время доброю волею, целый и богатый; теперь поеду ли за смертию?.. Теперь посылаю остальных детей в Бухарию, а сам еду к ногаям»*.

После этого он возвратился на место боя и в присутствии посланца два дня занимался погребением убитых. Закончив погребение, он, в сопровождении оставшихся воинов двинулся вверх по Оби к калмыкам. В 1599 году он пытался подбить их на выступление против Москвы. Но калмыки уже переживали острое соперничество с уйгурами. Поэтому выступить против Москвы они отказались. Тогда Кучум со своим небольшим отрядом в 1600 году захватил табун лошадей и пытался уйти к ногаям, чтобы отколоть часть их от Кайсакской орды. Однако он был настигнут калмыками у озера Кургальчина, потерял весь табун и большинство своих телохранителей. Спасся сам Кучум и всего несколько человек. Эта группа во главе с Кучумом в начале 1601 года и явилась к ногаям, которым он предложил отколоться от кайсаков и продолжить войну с Москвой. Однако ногаи не согласились быть игрушкой в руках царя-неудачника. Они хорошо помнили, как попал в плен **Маметкул**, как их втянули в бесперспективную войну с Москвой в Поволжье, где они потеряли многих своих воинов. Поэтому они посчитали за благо убить Кучума и его спутников. После 1601 года о Кучуме нигде не упоминается.

Поражение и гибель Кучума были следствием порочности его политики. Насильственный захват власти в Сибирском татарском княжестве и убийство законных князей Едигера и Бекбулата, насильственная исламизация славян-татар Прииртышья привели к тому, что после прихода Ермака с казаками они стали в массовом порядке переходить на сторону Москвы. Остановить этот процесс Кучум оказался не в состоянии, как ни старался. Таким образом, Сибирь воссоединилась с Московской Русью стараниями казаков Ермака и славян-татар, не пожелавших поддерживать Кучума, да стараниями Б.Годуно-

ва, правильно угадавшего, на кого нужно опираться в Сибири. По этому поводу у Н.Карамзина есть очень интересное замечание: *«...и самих коренных жителей сибирских употребляли на ратное дело, вселяя в них усердие к службе льготою и честию, так что с величайшей ревностию нам содействовали в покорении единоземцев»*. Здесь Н.Карамзин говорит не о единородцах, а о единоземцах, считая татар коренным народом Сибири. То есть, не желая того, он разделяет татар и представителей других народов Сибири.

Победа воеводы И.Воейкова над Кучумом означала устранение последнего и самого упорного противника Москвы в Сибири. Его гибель в среде ногаев также показывала, что ни калмыки, ни ногаи воевать с Москвой по большому счёту не хотели. После получения известия о поражении Кучума в столице и во всех городах это событие было отмечено молебнами, колокольным звоном и празднествами. Воеводу И.Воейкова Б.Годунов наградил золотой медалью, а его сподвижников деньгами. Знатных пленников привезли в Москву и разместили в отдельных домах купцов и дворян. Им определили умеренное, но вполне пристойное содержание. Затем отпустили жён и дочерей Кучума в Касимов и Бежецкий Верх к Уразмахмету и Маметкулу, согласно обоюдному желанию. В это самое время крестился сын Кучума **Абдулхаир**. При крещении был назван ***Андреем***.

В этом же году из Москвы был отправлен **Фёдор Дьяков** на Енисей для отыскания Мангазеи. На севере Рассении (Татарии) издревне располагался Мангазейский удел, славный тем, что он вёл обширную торговлю со многими западными странами, в первую очередь с поморами побережья Белого моря и Кольского полуострова. Не случайно англичане неоднократно пытались туда пробиться, несмотря на суровые природно-климатические условия. Ф.Дьяков с двумя целовальниками из Тобольска почти добрался до тех мест. В местах, до которых он дошёл, собрал ясак в казну, с чем и возвратился в Москву в 1600 году. Построенный в 1590 году ***Лозвинский городок*** был оставлен в 1598 году, а жители и казаки были переведены для строительства нового города в верхнем течении р.Туры ~ Верхотурья, который и был основан воеводой В.Головиным на месте вогульского городка ***Неромкарра***.

Но не только празднествами в честь восшествия на престол и победы над Кучумом пришлось заниматься царю Б.Годунову. Дела внутренние и внешние тоже требовали внимания. Тем более, что здесь не всё обстояло благополучно. В делах внутренней политики нужно было решать несколько важных проблем. Во-первых, пришлось оказать признательность церкви за содействие в воцарении. В 1599 году царь Борис возобновил жалованную грамоту, данную ещё митрополиту Афанасию. В ней постановлялось: *«что все люди первосвятителя, его монастыри, чиновники, слуги и крестьяне освобождаются от управления царских бояр, наместников, волостелей, тиунов и не*

судятся ими ни в каких преступлениях, кроме душегубства, завися единственно от суда патриаршего; увольняются также от всяких податей казённых». Стяжательство церкви взяло верх, и Б.Годунов вынужден был расплачиваться за её помощь, лишая казну известной части доходов.

Закон о закрепощении крестьян уже вызвал недовольство, и появилось немало беглых, которые уходили в украинные области и к вольным казакам на Дон, усиливая их. Чтобы сгладить действие этого закона, царь Б.Годунов в 1601 году объявил его временным и частично разрешил переход крестьян от одних владельцев земли к другим. Естественно, он не мог отменить этот закон совсем, так как это вызвало бы недовольство *всего боярства и всего дворянства*. Однако данная полумера не решила крестьянской проблемы. Она лишь несколько приглушила её. С другой стороны, донским казакам повелевалось не принимать беглых, что, естественно, не выполнялось. В этой связи был введён запрет на посещение вольными казаками сторожевых крепостей, что вызвало рост их недовольства.

К моменту воцарения Б.Годунова в России широко распространилось пьянство. Хлебное вино (брагу) варили и бедные, и богатые. Царь Борис строго запретил вольную продажу крепких напитков. Своих чиновников обязал строго наказывать корчемников, которые занимались торговлей вином, хотя в казённых корчмах вино продолжали продавать без запрета. В 1600 году царь Борис, видя, что Россия отстаёт от Европы в вопросах образования и науки, решает завести школы и университеты. *В этом году он посылает в Европу немца* **Иоанна Крамера**, уполномочив его вербовать профессоров и докторов переехать в Москву. Однако он тут же натолкнулся на мощное сопротивление церкви, которая не захотела упускать свою паству. Царю Борису пришлось отказаться от своего проекта просвещения России и ограничиться *посылом* 18 *боярских детей в Европу для обучения иноземным языкам*.

Не прекращались выступления оппозиции, которая, потерпев поражение при избрании царя, усилила свою подрывную работу. Только теперь, кроме Нагих и Шуйских, этим стали заниматься все, кто претендовал на царский трон. И больше всех из них Романовы. Именно они подхватили слух об убийстве Годуновым царевича Дмитрия и упорно распространяли его среди своих холопов и москвичей. Распустили также слух, что, якобы, царь Фёдор собирался передать престол Ф.Романову-Юрьеву, но был отравлен Б.Годуновым. Им способствовали Мстиславские и Бельский. За всеми ими Годунов установил наблюдение. Решил также устранить всех и начал с Бельского.

В 1600 году царь послал его в Дикое поле строить новую крепость ***Царёв-Борисов*** на берегу Северского Донца. Эта крепость находилась на удалении 300 вёрст от Воронежа и 150 вёрст от Белгорода. Она имела большое значение в противодействии тюркам-крымчакам,

так как отделяла восточную их часть от западной. Построить эту крепость и утвердиться на юге, держа крымского хана в страхе, было безусловно почётно для любого военачальника. И если бы Б.Бельский это осуществил, вероятно, он стал бы вновь другом и советником Б.Годунова. Но Б.Бельский уже свёл дружбу с Романовыми и при строительстве крепости проявил свой норов. Он велел заложить город-крепость своим, а не царским людям. Ежедневно угощал стрельцов и казаков, давал им одежду и деньги, ничего не требуя от царя.

В результате, новую крепость построили быстрее и лучше других. Все участники строительства работали на совесть и не забывали славить Б.Бельского. В свою очередь, Б.Бельский, отдавая распоряжения, то ли в шутку, то ли всерьёз любил говорить: *«Борис царь в Москве, а я царь в Борисове»*. Осведомители Б.Годунова эти слова истолковали таким образом, что Б.Бельский, прельстив ратных людей, собрался объявить себя независимым. Всё это было доложено царю Борису и Думе. Дума решила предать Б.Бельского смерти. Но царь Борис при коронации обещал не проливать крови в течение 5 лет, поэтому Б.Бельскому выщипали всю его густую и пышную бороду и заточили в одном из низовых городов.

В это время Романовы продолжали распускать слухи и плодить недовольных Б.Годуновым, осведомители царя присматривали за ними. Холопы Романовых не только распространяли слухи, порочащие Годунова, но между собою стали вести беседы о том, что неплохо было бы Годунова убить, а ещё лучше отравить. Холопы боярина **Александра Никитича Романова** вскоре привлекли знахарей изготовить яд. Об этом стало известно казначею Романовых. Он-то и сообщил о приготовлениях. **С.Годунов**, ведавший сыском, направил к А.Романову окольничего **М.Салтыкова** для обыска. Естественно, там нашли мешки с травами и кореньями.

Собрали синклит и всех знатных чиновников к патриарху **Иову** и в присутствии Романовых высыпали мешки. Всех, естественно, охватил ужас и страх. Сторонники Б.Годунова набросились на Романовых, требуя ответа. Вразумительного ответа не последовало. Тогда Романовых заключили под стражу и велели судить как преступников. Кроме Романовых, аресту подверглись все их сторонники, уличённые в распространении слухов. Под стражу посадили князей **Черкасских**, **Шестуновых**, **Репниных**, **Карповых**, **Сицких**. Всех допрашивали, а слуг ещё и пытали. Одни сознались, другие – нет. Следствие после этого уже не сомневалось в замысле преступления. Всем виновным полагалась смертная казнь. Однако вновь царь Борис, выполняя клятву, распорядился приговорить всех виновных только к заточению в темницах.

Боярский приговор определил: **Фёдора Никитича Романова** постричь в монахи, назвать ***Филаретом*** и сослать в Сийскую Антониеву обитель. Супругу его, **Ксению Ивановну**, тоже постриженную

в монахини и названную ***Марфой***, в один из заонежских погостов. Двое Романовых, Иван и Василий, оказались сосланными в Сибирь в Пелым. Сюда же были сосланы служившие Романовым **Остафей Михайлович** с братьями и **Василий Никитич Пушкины**. За всеми ними, кроме того, было установлено строгое наблюдение. Однако заточение Романовых и их сторонников не прекратило слухов. Их холопы с ещё большим усердием принялись убеждать народ в виновности Годунова и безвинном наказании их господ. Многие из них бежали в украинные области и там развернули бурную деятельность.

Князья Ф.Мстиславский и В.Шуйский не были замешаны в заговоре. Но они или их дети могли стать соперниками сына Б.Годунова **Фёдора** в случае нового избрания царя. Б.Годунов, не имея повода к их устранению, запретил им жениться, чтобы не создавать династических проблем в будущем. Естественно, этим он только увеличил число своих врагов. Получалось, что кроме Годуновых и их сторонников в среде незнатного боярства и дворянства Б.Годунову опираться было не на кого.

В эти годы, кроме дел внутренних, Б.Годунов занимался и внешнеполитическими проблемами. Здесь он шёл той дорогой, по которой шёл и ранее. Ни с кем не хотел воевать, но стремился к приобретениям без войны. В то же время вредил недругам без нарушения договоров. Вёл активные переговоры с Крымом, Турцией, Речью Посполитой, Швецией, пытаясь натравить их друг на друга. С Австрией и Персией вёл переговоры о союзе против Турции без взаимных обязательств. Конечно, такие переговоры таили в себе опасность. Неисполнение договорённостей и обещаний могло друзей превратить во врагов. Так случилось с Персией, которая, одержав победу над Хивой, вступила в войну с Турцией. *Россия же не оказала ей помощи.* Персидский шах Аббас изменил тогда своё отношение к Москве и решил подчинить Иверию себе.

Пока хитрили и мудрили во внешней политике, не решаясь начать серьёзную войну с Крымом и Турцией, *накаляли недоброжелательство* донских казаков, недовольных такой политикой. В данном вопросе наблюдался парадокс. Желали вреда Крыму и Турции, но всячески сдерживали донских казаков. Вместо того, чтобы с ними укреплять отношения, располагать к себе, переманивать на службу и закрепляться на Дону, предоставив казакам активно действовать против Крыма и Турции, поступали трусливо, сдерживали, ущемляли и даже наказывали казаков. Что не могло не вызвать недовольства и даже озлобления в их среде. Беглые крестьяне усиливали это недовольство и озлобление. Не хватало только искры, чтобы произошёл взрыв. И эта искра вскоре появилась.

В 1601 году дожди непрерывно лили десять недель. Хлеба не успели созреть, как 15 августа ударил сильный мороз. Все посевы и посадки погибли. И хотя в стране у богатых хозяев было немало хлеба,

они начали поднимать цены. Царь Борис, видя наступление голода, велел открыть царские житницы в Москве и других городах, убедил духовенство и некоторых вельмож продавать зерно по установленным им ценам, начал раздавать деньги бедным. Но голод усиливался. Ибо его противники и откровенные корыстолюбцы скупали дешёвый хлеб у царских и церковных житниц и продавали его по высоким ценам. Беднота же на полученные деньги не могла купить хлеб. Голод достиг своего максимума, тем более, что посеянное весной 1602 года плохое зерно не проросло.

Люди начали умирать массами. Только в Москве и ближайших областях умерло около 500 тысяч человек. И хотя Б.Годунов не оставил ни одной области без помощи, даже закупал зерно за границей, голод свирепствовал невероятный. Пытались доставлять хлеб из областей, где он имелся. Но обозы доходили до голодных местностей, если они охранялись. Если не охранялись, тут же разворовывались. За 1601 и 1602 годы не только погибло много людей, но также истощилась казна. Однако более всего переменилось умонастроение людей. Обычное недовольство и слухи, усугублённые голодом, упали на благодатную почву – в среду массы крестьян и боярских холопов, которые без выхода изгонялись из поместий.

Они стали собираться в разбойничьи шайки и отряды и грабить дворянские и боярские усадьбы, не стеснялись уже доходить до самой Москвы. Так как многие из них ранее находились в составе боярских и дворянских дружин и отрядов, то они неплохо знали ратное дело, а потому не боялись сыскных дружин. Между Москвой и Смоленском атаман **Хлопко (Косолап)** создал многочисленную рать, против которой царь Борис двинул целое войско, во главе с окольничим И.Басмановым. Бунтовщики и царское войско встретились вблизи Москвы. Сражались упорно. В ходе сражения погиб воевода И.Басманов, но царское войско одолело, и бунтовщики были разбиты.

Израненный Хлопко (Косолап) попал в плен. Вместе с ним было захвачено немало бунтовщиков. Хлопко от ран умер, остальных пленников казнили. Но тысячи их бежали на юг в украинные области и к казакам. Царские воеводы их ловили и вешали, ещё более озлобляя беглецов, местных жителей и казаков. Однако всех переловить не могли. Теперь нужен был только умелый предводитель, чтобы пожар восстания заполыхал на всём юге России. Большой урожай 1603 года уже не мог исправить бедственного положения. Почва начала уходить из-под ног царя Бориса.

В эту голодную и неспокойную пору Б.Годунову пришлось заниматься также проблемами Иверии (Грузии). Пока персидский шах Аббас победоносно воевал с Турцией, князь Александр Иверский неустанно просил у России помощи. Не желая терять Иверию, царь Борис в 1601 году направил туда своих послов Нащокина и Леонтьева, чтобы разобраться во всех обстоятельствах, так как прошёл слух, что Александр уже не княжит в Иверии, и с терскими воеводами выработ-

тать меры по её защите. После возвращения из Иверии послы сообщили, что Александр правит в Иверии, но недостоин царской милости, так как является усердным рабом турецкого султана, к тому же укоряет царя Бориса в алчности к дарам. Послы ничего не прибавили и ничего не убавили. И если бы Б.Годунов отказал тогда Иверии в помощи, это было бы правильно, потому что эффективно помочь Александру Россия тогда не могла.

Б.Годунов доверяя послам и понимая, что Россия не в состоянии обеспечить защиту Иверии, поначалу не хотел принимать нового посла Александра архимандрита Кирилла. Но здесь вмешался патриарх Иов, который уговорил царя Бориса принять посла Иверии и оказать ей помощь. Б.Годунов принял архимандрита Кирилла, который обелил князя Александра в глазах московского царя, свалил всю вину на Нащокина и Леонтьева, будто они неверно определили отношение Александра к России, однако просил не наказывать их. Кроме того, советовал для будущего прочного соединения России с Иверией (Грузией) построить крепость в Тарках, другую в Тузлуке, а третью на реке Буйнак. Для этого дела царь Борис назначил двух знатных воевод окольничих Бутурлина и Плещеева, которым повелевалось взять рати в Казани и Астрахани, и, совместно с терскими воеводами, основать эти крепости. Предполагалось, расширив своё присутствие в Дагестане, соединиться затем с иверским войском и Иверией. Для реализации похода и строительства крепостей царь Борис выделил воеводам из своей казны 300 тысяч рублей. Однако осуществить этот план не удалось по нескольким причинам.

Во-первых, решение о закреплении в Дагестане сильно запоздало. Персидский шах Аббас, не получив помощи от России в войне с Турцией, уже принял решение вновь подчинить себе Иверию. Во-вторых, закрепление в Дагестане носило только военный характер и не подкреплялось переселением туда русских людей и казаков, то есть его административно-хозяйственным закреплением. В-третьих, в России начался новый период гражданской войны, которая была развязана Иваном IV в 1565 году с момента организации опричнины. Она тянулась всё это время, то усиливаясь, то ослабевая, даже во времена царя Фёдора. После его смерти гражданская война вспыхнула с новой силой и захлестнула страну, отбросила её в вопросе территориальных завоеваний на юге и северо-западе на добрые 100 лет.

В это время в Сибири дела шли значительно лучше. В 1599 году тагильские вогулы были переведены в земледельцев. Вместо пушного ясака с них стали брать налог хлебом. В 1600 году письменными головами князем **Мироном Шаховским** и **Данилом Хрипуновым**, посланным из Тобольска, заложен острог Мангазея на реке Тазе. Этот острог был построен значительно западнее Мангазейского удела Рассении (Татарии) и древнего города Мангазеи, которые находились в нижнем течении реки Енисей. На реке Пуре, притоке Таза, тобольские посланцы встретились с воинственными юраками – древним сла-

вянским народом, ранее господствовавшим над всеми окрестными угорскими народами. Основная масса их проживала по Нижнему Енисею. Именно они возглавляли Мангазейский удел Рассении (Татарии). Вскоре тазовские юраки были крещены и постепенно смешались с русскими.

В 1601 году острог Мангазея был укреплён князем **Василием Масальским** и Савлуком **Пушкиным**. В этом же году основан город ***Туринск*** воеводой Фёдором Яновым на месте городка вогульского князя Епанчи. С построением г. Туринска и поощрением московским правительством занятий земледелием местные вогулы и остяки стали заводить пашни и огороды. В этом же году обдорский князь Мамрук получил царскую грамоту, которая утвердила его княжеское достоинство и предоставила ему право управлять ясачными остяками и самоедами. В городе Берёзове были построены шесть стругов, на которых казаки по Оби проплыли до устья, обследовали Обскую и Тазовскую губы, собрали дань с местных жителей, а затем доплыли до Ледовитого океана.

В 1602 году воевода острога Мангазея С Пушкин по подозрению в утайке хозяйских денег замучил до смерти торгового приказчика Василия. Позднее он был признан мучеником Василием Мангазейским, а его тело в 1670 году перенесено в Туруханский монастырь.

В 1604 году князь **Таян**, возглавлявший славян-татар ***рода Стинов***, проживавших по реке Томи, отправился в Москву и принял её подданство. Причиной было то, что долгое время ему пришлось противостоять теленгутам, киргизам и калмыкам, которые напирали с юга, захватывали славяно-татарские земли. По его предложению посланные из Москвы казацкий голова **Гаврило Писемский** и боярский сын **Василий Тырков** основали на реке Томи, на старом городище рода Стинов, город ***Томск***. Принимая присягу на подданство Москве, князь Таян обязывался также способствовать покорению своих воинственных соседей.

Однако этот договор из-за чрезмерных требований и даже грабежа письменных голов Врасского и Бартенева чуть было не нарушился, так как славяне-татары, недовольные их чрезмерным мздоимством, восстали, и московским чиновникам пришлось умерить свои непомерные требования. Вскоре под руку Москвы перешли и славяне-татары, проживавшие южнее – в нынешнем Кузбассе. Они издревле плавили металл и делали из него холодное оружие. Перейдя на сторону Москвы, они перестали продавать холодное оружие киргизам, теленгутам и калмыкам. Переход славян-татар на сторону Москвы и строительство в их землях острогов с размещёнными в них стрельцами и служилыми казаками умиротворяюще подействовало на киргизов и теленгутов. Вскоре киргизы, кочевавшие в Мариинской области, стали давать ясак в Кетский острог. Казацкий голова Г.Писемский пытался обратить в московское подданство теленгутов и в 1605 году пригласил их

князя **Обака** в Томск. Однако последний, опасаясь попасть в плен, ограничился отправкой подарков, которые он посылал до 1609 года.

Новый период гражданской войны, начатый репрессиями против Б.Бельского и Романовых, продолжился бунтом и разбоями голодных крестьян и боярских холопов. Однако этим он не закончился. Его продолжение было уже тесно связано с династическими проблемами. Поднял её на эту высоту Григорий Отрепьев. В отрочестве его звали Юрием. Он был сыном стрелецкого сотника Богдана Отрепьева, погибшего в пьяной драке. В юные годы он служил в доме у Романовых и князя Б.Черкасского. От природы был умён, к тому же был грамотен. У своих хозяев узнал о царевиче Дмитрии. Запомнил из разговоров хозяев, что царевич был убит по велению Б.Годунова. Не имея возможности выдвинуться у своих покровителей, по примеру своего деда, который уже давно был монахом Чудова монастыря, решил связать свою жизнь с монашеством.

Пострижение Ю.Отрепьева осуществил вятский игумен Трифон. При пострижении Отрепьев получил иноческое имя ***Григория***. После пострижения он пустился в странствия. Некоторое время был в Суздале, в обители Св.Евфимия, затем в Галиче, в обители Иоанна Предтечи, потом в других местах и, наконец, оказался в Чудовом монастыре, в келье своего деда. Там патриарх Иов увидел его, выявил его способности, посвятил в дьяконы и взял к себе переписчиком книг, так как Григорий умел не только хорошо переписывать, но и сочинять каноны святым лучше, чем это делали другие. Находясь при патриархе Иове, он часто бывал в царском дворце, видел царскую пышность, с жадностью слушал разговоры придворных.

Особенно интересовался судьбой царевича Дмитрия. Рассказы записывал для себя. После того, как один инок сказал ему, что он похож на убитого царевича, в голове Г.Отрепьева созрела мысль, что этим можно воспользоваться, выдав себя за Дмитрия. Будущий самозванец начал с прилежанием изучать летописи и поначалу иногда в шутку говорил чудовским монахам: *«Знаете ли, что я буду царём на Москве?»* Его высказывания дошли до ростовского митрополита Ионы, который сообщил патриарху и царю, что *«недостойный инок Григорий хочет быть сосудом диавольским»*. Патриарх Иов не обратил внимания на это сообщение. Однако царь Борис велел своему дьяку **Смирнову-Васильеву** отправить Отрепьева в Соловки или Белозёрские пустыни на вечное покаяние.

Дьяк Смирнов рассказал об этом дьяку **Евфимьеву**, который был родственником Отрепьевых. Евфимьев умолил Смирнова не спешить с исполнением царского повеления. Сам же сообщил Г.Отрепьеву и его товарищам-монахам, **Варлааму** и **Михаилу Повадину** о готовящейся ссылке. Все трое в феврале 1602 года бежали из Чудова монастыря. Смирнов в страхе, что упустил преступника, не доложил царю о побеге. В те времена всякая церковь или монастырь привечали

бродяг-иноков, обеспечивали им ночлег, а на дорогу давали продовольствие. Беглецы-иноки без особых препятствий достигли Новгорода Северского. Там в Спасском монастыре их дружелюбно принял архимандрит, дал им слугу и лошадей доехать до Путивля. Но беглецы отпустили провожатого, а сами направились в Киев.

В келье, где ночевал Г.Отрепьев, архимандрит нашёл записку, в которой говорилось: *«Я царевич Дмитрий, сын Иоаннов, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престол отца моего»*. Архимандрит испугался и решил молчать. Так впервые в России появился и объявился самозванец. **Только так тогда в России можно было поколебать действующую власть, ибо присяга царю избранному была менее священной, нежели претензии претендента наследственного, которого считали представителем Бога на Земле.** Естественно, что Г.Отрепьев оказался в Речи Посполитой, где всегда принимали и помогали изменникам России. Добравшись до Киева и получив поддержку гетмана В.Острожского, Г.Отрепьев некоторое время жил в Печёрском монастыре, а затем в Никольском и Дермановском.

Везде выступал как дьякон, но сам христианских канонов не соблюдал. Хвалился свободою мнений, любил разговаривать по религиозным вопросам с иноверцами, в частности, с анабаптистами. Попутно в разговорах распускал слухи, что царевич Дмитрий спасся и нашёл убежище в Литве. В это же время познакомился с другим бродягой-иноком Крыпецкого монастыря, Леонидом, которого уговорил взять себе имя Г.Отрепьева. Сам же, освободившись от монашеской одежды, стал мирянином, чтобы приобщиться к светской жизни. Поначалу он свёл дружбу с *запорожцами*, у которых научился владеть конём и саблей в дружине атамана **Герасима Евангелика**. Побывал в походах, приобрёл некоторый ратный опыт. Ему понравилась лихая жизнь и добыча. Но этого ему было мало.

Нужно было поближе познакомиться с жизнью польской шляхты и он начал изучать польскую и латинскую грамматику в школе волынского городка ***Гащи***. Из школы он переходит на службу к князю **Адаму Вишневецкому**, жившему в Брагине. Здесь он вёл себя скромно, избегал низких забав, но любил воинские, ловко фехтовал саблей и скакал на лошадях. Роста он был среднего, имел широкую грудь, рыжеватые волосы, лицо круглое и белое, глаза белёсые, нос широкий, бородавки под правым глазом и на лбу. Одна рука у него была короче другой. В то же время он обладал живым и любознательным умом, красноречием и благородной осанкой.

Чтобы склонить князя на свою сторону, он написал бумагу, в которой говорилось, что он является царевичем Дмитрием, спасённым от убийства своим верным медиком, что убийцы вместо Дмитрия умертвили сына иерейского, а самого его укрыли добрые вельможи дьяки Щелкаловы, исполнявшие наказ царя Иоанна, данный на сей случай, затем отправили его в Литву. Сочинив бумагу, он свернул её

в свиток и положил под постель, затем притворился больным, позвал духовника и сказал ему тихо: *«Умираю. Предай моё тело земле с честию, как хоронят детей царских. Не объявляю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза навеки, ты найдёшь у меня под ложем свиток и всё узнаешь; но другим не сказывай. Бог судил мне умереть в злосчастии»*.

Духовник-иезуит поспешил сообщить князю столь важную новость. Князь же поспешил узнать её, вошёл в комнату Г.Отрепьева и обыскал постель заболевшего. Нашёл и прочитал бумагу, изумился и потребовал доказательств. Но когда мнимо больной, пеняя духовнику, что прежде времени открыл князю тайну, распахнул на груди рубаху, на ней засверкал золотой крест, усыпанный драгоценными камнями, да ещё со слезами заявил, что эта святыня дана ему крёстным отцом князем И.Мстиславским, А.Вишневецкий поверил увиденному и сказанному. Где украл этот крест Г.Отрепьев? Скорее всего, у Романовых, так как именно они были всегда приближены к Ивану IV.

Князь А.Вишневецкий смекнул, что ему предоставляется возможность бывшего своего слугу увидеть на московском троне. Он предпринял все меры, чтобы мнимого Дмитрия поднять со смертного ложа. Пока самозванец продолжал притворяться больным, князь подготовил для него великолепное жилище, богатые одежды, слуг и распустил слух по всей Речи Посполитой о чудесном спасении сына Ивана IV. Самозванцем вскоре заинтересовались князь К.Вишневецкий, его тесть сандомирский воевода Ю.Мнишек, папский нунций **Рангони** и сам король Сигизмунд III. Все понимали, сколь важен случай, позволявший решить многие проблемы, которые долгое время не удавалось решить ни силой, ни уговорами.

Рентони быстро установил связи с самозванцем и добился от него заключения договора, по которому Лжедмитрий письменно обязывался подчинить Россию латинской церкви, взамен становился его ходатаем перед Сигизмундом III, Ватиканом и остальной Европой. В начале 1604 года Лжедмитрий появляется в Кракове в сопровождении сандомирского воеводы и князя Вишневецкого. Здесь его принял нунций Рангони, а затем Сигизмунд III, определивший на содержание самозванцу 40 тысяч злотых, согласился также, чтобы ему помогали другие вельможи Речи Посполитой. После столь щедрого приёма самозванец согласился перейти в католичество тайно и написал папе **Клименту VIII** искреннее письмо, в котором обещал помощь в распространении апостольской веры.

Не обращая внимания на немногочисленные протесты видных сановников, Сигизмунд III велел Ю.Мнишеку и князьям Вишневецким собирать рать для похода на Москву. Отдал на её жалованье доходы сандомирского воеводства. Объявил панам, что богатство и слава ждут их в России. Снял с себя золотую цепь и возложил её на Лжедмитрия. Затем отпустил его из Кракова в Галицию, где в районе

Львова и Самбора уже собиралась шляхта и её холопы, чтобы идти на Москву. Ю.Мнишек, будучи душой всех этих приготовлений, не забыл и своей выгоды. Имея юную дочь **Марину**, он решил соединить её с Лжедмитрием, чтобы после восшествия его на московский трон можно было поправить свои финансовые дела.

В конце мая 1604 года написали и заключили договор, который был подписан Лжедмитрием. По этому договору Россия должна была утратить не только многие территории, но и значительные финансовые ресурсы. Однако в Речи Посполитой сильное воинство собрать было практически невозможно. На первых порах собрались пьяницы, бродяги и прочие люди, которые больше желали набить брюхо, чем идти воевать. Среди русских, живших в Польше и Литве и питавших к Б.Годунову неприязнь, немногие пошли за самозванцем. К нему пришёл только дворянин **И.Борошин** с десятком преданных ему людей. Однако Лжедмитрий хорошо знал настроения донских казаков, которые отрицательно относились к Б.Годунову, приказавшему казнить многих из них за разбои. Поэтому самозванец послал на Дон шляхтича **Свирского** с грамотой, в которой призывал донских казаков свергнуть Годунова с престола.

Два атамана, **Андрей Корела** и **Михайло Нежакож**, поехали к Лжедмитрию и увидели его у Сигизмунда III. Возвратившись на Дон, они объявили, что донцов зовёт к себе истинный царевич. Донские казаки, в своём большинстве, сели на коней, чтобы присоединиться к самозванцу. Тем временем староста города Остера пан **М.Ратомский** рассылал лазутчиков по украинным местностям юго-запада России, которые распространяли слухи о том, что царевич Дмитрий жив и скоро появится. Недовольные московскими властями двинулись кто к Львову и Самбору, кто к Киеву, где М.Ратомский тоже собирал вольницу. Последний также поднял запорожских казаков, которых воодушевил поход на Москву во главе с царевичем Димитрием.

Б.Годунов, конечно же, вскоре узнал о появлении самозванца, известия о котором шли с разных концов. Вскоре удалось выяснить, кто он есть на самом деле. Б.Годунов направил в Речь Посполитую дядю Г.Отрепьева Смирного-Отрепьева к польским вельможам, чтобы в их присутствии обличить племянника. Но польские вельможи не захотели показывать ему Лжедмитрия и ответили, что им нет дела до мнимого царевича. К казакам Годунов отправил дворянина **Хрущова**, чтобы он вразумил их и отвратил от самозванца. Однако казаки его слушать не стали, схватили, заковали в цепи и привезли к Лжедмитрию. Увидев самозванца, Хрущов признал в нём царевича и перешёл на его сторону. Новые попытки Б.Годунова усовестить Сигизмунда и польских вельмож ни к чему положительному не привели.

Собрав около 1500 пеших и конных воинов, кроме значительного количества безоружных пьяниц и бродяг, самозванец двинулся к Киеву, где соединился с 2 тысячами донских казаков, приведёнными Свирским, и толпами киевской и северской вольницы, собранной М.Ратомским. 16 октября 1604 года Лжедмитрий вступил в пределы Московского государства. Он шёл с мечом и манифестом, объявляя россиянам, что Всевышний спас его от смерти и сейчас во главе сильного и храброго войска направляет его в Москву, чтобы взять наследие своих предков; напоминал всем гражданам о присяге, данной Ивану IV; убеждал бросить хищника трона Бориса Годунова; обещал мир, тишину, благоденствие, которых, якобы, не было при Годунове.

Этот манифест сыграл большую роль в том, что не только сподвижники Хлопка и слуги опальных бояр, ненавистники Б.Годунова, но и многие ратные люди поверили самозванцу, окружённому знатными ляхами, ловко владевшему мечом и конём, бодрому и бесстрашному, ибо Лжедмитрий был всегда впереди, презирал опасность и спокойным взором искал, так казалось, не врагов, а только друзей России. Все попытки наместников и градоначальников Б.Годунова противодействовать были напрасными, грамоты и листы самозванца ходили в среде граждан и передавались из рук в руки. Им верили больше, чем властям.

На левом берегу Днепра Лжедмитрий разделил своё войско. Часть его он направил к ***Белгороду***. С остальной частью двинулся в верховья Десны вслед за отрядом переметнувшихся к нему ратных людей и чиновников. 18 октября на его сторону перешли жители ***Моравска***, которые встретили его хлебом и солью и отдали ему связанных воевод. Лжедмитрий жаловал изменников, воевод же освободил. Этот поступок самозванца был воспринят как поступок истинного царя, и добрая молва о Лжедмитрии понеслась от литовской границы вглубь России. 26 октября на сторону самозванца перешёл Чернигов, где ратники и граждане также встретили его с хлебом и солью, выдали своих воевод, из которых князь **И.Татев**, ненавидевший Б.Годунова, перешёл на сторону самозванца и сдал ему воеводскую казну.

Раздав своим людям жалование и усилив рать несколькими сотнями стрельцов и жителей, а также 12 пушками, Лжедмитрий поспешил к Новгороду Северскому. Но там воеводствовал решительный и смелый **П.Басманов**, брат убитого И.Басманова. Вместе с боярином **Н.Трубецким** он был послан Б.Годуновым в Чернигов. Не доехав 15 вёрст, они узнали, что город уже находится в руках самозванца. Тогда П.Басманов с 500 стрельцов сжёг предместье Новгорода Северского и заперся в крепости, забрав с собой много знатных граждан. Лжедмитрий 11 ноября подступил к Новгороду Северскому, но здесь его встретили ядрами и пулями. Попытки взять крепость успеха не имели.

Если бы в это время подошла сильная московская рать, то положение самозванца стало бы катастрофическим. Однако Б.Годунов повелел собирать войско в Брянске только в конце октября, поэтому сколько-нибудь значительных сил собрать ещё не успели. Тем временем на юге один город за другим переходил на сторону самозванца. В ***Путивле*** воевода князь **В.Рубец-Мосальский** возмутил ратников и жителей, повязал окольничего М.Салтыкова и 18 ноября сдал город самозванцу, став у него любимцем и советником. Вскоре сдались ***Рыльск, Севская область, Борисов, Белгород, Валуйки, Оскол, Воронеж, Кромы, Ливны, Елец***. Была перехвачена также казна, которую тайно, в бочках с медом, московские купцы пытались провезти воеводам северских городов. Часть этой казны Лжедмитрий отправил к князю Вишневецкому и пану Рожинскому, чтобы они начали новый набор ратных людей.

Б.Годунов не мог возглавить войско, у него болели ноги и он уже плохо ходил. Поэтому войско он доверил Ф.Мстиславскому, повелев всем ратным людям спешить в Брянск. Сам же остался в Москве, пытаясь удержать власть в своих руках. При помощи церкви и проявлении строгости собрал в Брянске около 50 тысяч ратников. Ещё можно было разбить неорганизованные толпы мятежников. Бояре князья Ф.Мстиславский, А.Телятевский, Д.Шуйский, В.Голицын, окольничие князь М.Кашин, И.Годунов, В.Морозов с войском выступили из Брянска. Но в этом войске не было ни решительности, ни смелости. Около 12 тысяч человек из его состава подошли к Новгороду Северскому и столкнулись с главными силами самозванца.

Хотя московская рать превосходила противника, действовала она крайне осторожно, можно сказать, робко. Лжедмитрий оставил свой лагерь и вывел мятежников в поле. 21 декабря началось сражение. Вначале всё шло не очень активно. Но затем польские дружины с воинственными криками ринулись на правое крыло московской рати, которое возглавляли князья Д.Шуйский и М.Кашин. Оно не вступило в сражение и побежало, увлекая за собой центр, где находился Ф.Мстиславский. Он мечом пытался удержать своих и неприятеля, но получил пятнадцать ранений и упал на землю. Дружина стрельцов едва спасла его от плена. Если бы Лжедмитрий в это время ударил всеми своими силами, то вся московская рать была бы разбита.

Но этого не случилось. Положение выправили 700 немецких всадников-наёмников, которые ударили во фланг полякам и заставили их отступить. В это же время из крепости сделал вылазку воевода П.Басманов и зажёг стан самозванца, который прекратил сражение, и обе стороны отступили. Лжедмитрий хвалился победой и 4 тыс. убитых московских ратников. Московским воеводам хвалиться было нечем. Им пришлось сочинять сказку, что ляхи испугали их коней, нарядившись в медвежьи шкуры. Видя отступление московской рати, воевода П.Басманов тоже отошёл в крепость. На следующий день к

Лжедмитрию подошли 4 тысяч запорожцев, и московская рать отошла к *Стародубу*, где и сосредоточилось всё московское войско.

Однако не лучше обстояло дело и в стане самозванца. Ляхи увидели, что нужно сражаться, да ещё в зимних условиях. Они не захотели больше поддерживать Лжедмитрия и поспешили уйти в Речь Посполитую вместе с Ю.Мнишеком. Впрочем, последний обещал Лжедмитрию вернуться с новой ратью. После ухода поляков самозванец не отчаялся. Со всеми обрядами он похоронил своих и чужих убитых, снял осаду Новгорода Северского и расположился станом в Северской (Комарницкой) волости, заняв Севский острог. Здесь он развернул бурную деятельность по созданию войска, вооружая местных и пришлых граждан и земледельцев.

Это неудачное сражение под Новгородом Северским столь удручающе подействовало на царских воевод, что они не осмелились сразу же сообщить о нём царю Борису. Вследствие чего он узнал о неудачном сражении только 1 января 1605 года. Царь немедленно послал князя В.Шуйского к войску в качестве второго воеводы, а чашника Вельяминова к израненному Ф.Мстиславскому с изъявлениями благодарности. Всем остальным воеводам повелел объявить своё неудовольствие за молчание, а войско уверить в милости. Царь искренне был доволен только П.Басмановым, который не сдал Новгород Северский. Он отозвал Басманова в Москву и щедро наградил: вручил ему из рук тяжёлое золотое блюдо, полное червонцев; 2 тыс. рублей денег; множество серебряных сосудов из царской казны; доходное место и сан думного боярина. Кроме того, царь Борис оставил Басманова в Москве как своего советника. Однако щедрое и явно несоразмерное награждение П.Басманова подстегнуло недовольство и зависть в среде знатного боярства.

Войско царь Борис доверил В.Шуйскому, который помнил свои опалы и, естественно, желал неудач царю Борису. В.Шуйский нашёл московское войско вблизи Стародуба, которое окружило себя засеками и тихо сидело в лесах. В это время другое войско собиралось у Кром. Предводительствовал им Ф.Шереметев. Ф.Мстиславский, изнемогавший от ран, с В.Шуйским и первым войском выступил против самозванца и встретился с ним у ***Добрыничей***. Царское войско имело около 40 тысяч человек, а Лжедмитрий около 15 тысяч человек. Ночью самозванец узнал, что московское войско вошло в Добрыничи. Поэтому он распорядился поджечь населённый пункт, чтобы затем напасть на московских ратников и в суматохе пожара нанести им поражение. Но караулы московского войска обнаружили движение неприятеля, подняли тревогу и заставили его отойти.

Утром 21 января Лжедмитрий разделил своё войско на три части. Около 4 тысяч пеших воинов с пушками приготовились обстреливать московское войско. 2 тысяч донских казаков и 400 ляхов, имевших сверх доспехов белую одежду, предназначались для первого удара.

8 тысяч запорожцев должны были развить успех первого отряда. Царское войско выстроилось своим обычным порядком. В центре пехота около 20 тысяч человек и 40 пушек. Справа и слева от неё конница. Лжедмитрий приказал обстреливать московское войско, осмотрел его построение и решил, как у Новгорода Северского, ударить по его правому крылу, отрезать его от центра и затем обратить всех в бегство.

Он сел на коня и повёл первый отряд для удара по узкой долине. Ф.Мстиславский, видя малочисленность сил неприятеля, двинул правое крыло войска навстречу противнику. Но самозванец не испугался и решительно ринулся со своим отрядом в сечу. Так как московские конники двинулись не одновременно, то плотные ряды отряда Лжедмитрия смяли передовых московских всадников, затем иноземную дружину и обратили их в бегство. Потом он повернул против московской пехоты, которая стояла перед Добрыничами. Когда всадники самозванца оказались на дальности выстрела из ручной пищали, грянул залп из 40 пушек и нескольких тысяч пищалей. Много всадников и коней противника упало. Уцелевшие бросились бежать назад.

Запорожцы, увидев первый успех, бросились в сечу. Но после залпа московских ратников повернули назад и стали поспешно отступать. За ними побежали донцы и пешие воины. Около 5 тысяч конных московских ратников бросились в погоню и преследовали бегущих на протяжении восьми вёрст. Было убито около 6 тысяч мятежников, а также захвачено немало пленников, 15 знамён и 13 пушек. Московское войско потеряло около 500 человек убитыми. Видимо, могли уничтожить всех мятежников, убить или захватить в плен самого Лжедмитрия, если бы московское войско продолжило преследование. Но московские воеводы остановили войско, полагая, что победа достигнута. С сообщением о победе в Москву отправили сановника Шеина. Царь Борис обрадовался победе, распорядился выставить трофеи в Москве, гонцу дал сан окольничего, послал со стольником князем Мезецким золотые медали воеводам, а войску 80 тысяч рублей наградных.

Но Москва рано радовалась победе. Лжедмитрий остался жив. Ему удалось на раненом коне ускакать в Севск вместе с ляхами, князем Татевым и другими изменниками. Затем в ту же ночь он бежал в город Рыльск. На следующий день к нему явились запорожцы. Но Лжедмитрий не впустил их в город как малодушных трусов, так что они вынуждены были уйти в Запорожье. Не имея возможности оборонять Рыльск, он отошёл в Путивль, который был лучше укреплён и находился вблизи границы. Здесь он было собрался уходить в Литву, но его сподвижники воспротивились, а вскоре подошло 4 тысяч донских казаков. Другие донские казаки засели в сторожевых крепостях и обещали защищать их до последнего человека.

Самозванец воспрянул духом и вновь начал деятельно собирать рать и рассылать мятежные грамоты и письма. Вновь подняться Лжедмитрию помогли и московские воеводы, которые начали хватать и вешать всех беглецов и местных крестьян. Это усилило остервенение

мятежников, ненависть к Б.Годунову и в то же время доброе расположение к самозванцу. Под влиянием казней и преследований жители юго-западных волостей потянулись в Путивль, требуя оружия и высказывая желание умереть за Дмитрия. Узнав, что самозванец жив, московские воеводы двинулись к Рыльску и осадили его, не изъявляя желания кого-либо щадить.

Жители Рыльска, возглавляемые князем **Г.Долгоруким-Рощей** и **Я.Змеевым**, дружно встали на защиту своего города. Московское войско две недели простояло под городом без успеха и отошло назад в Комарницкую волость на отдых, рассчитывая весной вновь начать преследовать неприятеля. Но царь Борис расценил такое решение неверным. Недовольный Ф.Мстиславским, он направил к войску окольничего П.Шереметева и думного дьяка Власьева выразить недовольство: укорял всех в нерадении, винил в том, что упустили самозванца. Это недовольство царя вызвало ответное недовольство войска, которое посчитало его действия и укоры несправедливыми. Особенное недовольство выражали недруги царя.

Постепенно в среде войска мнение стало склоняться в пользу самозванца и против царя Бориса, стало расти стремление от него избавиться. Следуя строгому повелению царя, Ф.Мстиславский и В.Шуйский вывели войско в поле и пошли не к Путивлю, где был самозванец, а к Кромам, где соединились с войском Ф.Шереметева. Объединённое войско, численностью около 80 тысяч человек осадило Кромы, где засело 600 донских казаков во главе с атаманом **А.Корелой**. Осаждающие ночью сожгли город, заняли пепелище и вал. Но казаки меткой стрельбой не допустили их к острогу. Стоило московскому войску пойти на приступ, и острог был бы взят. Однако воевода боярин М.Салтыков, предводитель передовой рати, не сказав ни слова главным воеводам, велел своей рати отступить. Ни Мстиславский, ни Шуйский не отменили его решения.

Они рассчитывали в дальнейшем взять острог голодом, стреляли из пушек, но бесполезно. Осаждённые с внутренней части вала выкопали землянки и укрывались в них от огня осаждающих, а иногда даже делали успешные вылазки, всё более утомляя московских ратников, которые находились в мокром снегу и подвергались повальным заболеваниям. Усталость, болезни, недовольство царём усилили нерадивость осады. Дело дошло до того, что самозванец направил в Кромы 500 казаков и 100 возов с хлебом из Путивля, которые средь белого дня смогли без какого-либо противодействия пройти в острог. Ситуация начала явно складываться в пользу самозванца.

Точку в этом деле поставила смерть самого Б.Годунова. Последние годы царь тяжело болел подагрой, которая продолжала усиливаться. Нервное напряжение последних четырёх лет усугубляло состояние его здоровья. 13 апреля 1605 года царь Борис заседал с вельможами в Думе, принимал знатных иноземцев, обедал с ними в золочёной пала-

те. Едва встал из-за стола, почувствовал себя плохо. Кровь хлынула у него изо рта, носа и ушей. Врачи никак не могли её остановить. Он начал терять память, но успел благословить сына на царство. Через два часа царь Борис скончался там же, где пировал с боярами и иноземцами. Его смерть оборвала последние надежды, что удастся справиться с самозванцем. Последняя стена на пути воцарения Лжедмитрия пала, путь в Москву для него, по существу, был открыт.

Все недруги возрадовались кончине Б.Годунова, а, придя к власти, постарались опорочить его в веках. Многие историки, включая Н.Карамзина, последовали их примеру, поэтому до сих пор люди считают Б.Годунова убийцей царевича Дмитрия и человеком, который вверг *«Россию в бездну злополучия почти неслыханного – предал в добычу ляхам и бродягам...»* Естественно, забыли всё хорошее, что было сделано им. Конечно, всё было не так, как утверждали и утверждают его недруги. Закрепление Сибири, стремление закрепить земли на Тереке, избежать крупных войн и успокоить страну – всё это его достижения, которые ни умалить, ни отнять у него нельзя.

Что действительно можно поставить ему в вину? Во-первых, закрепощение крестьян. Во-вторых, отрицательное отношение к донским казакам. В-третьих, стремление, во что бы то ни стало избежать войны с Крымом и Турцией. В-четвёртых, непонимание необходимости реформировать вооружённые силы. Та вооружённая сила, которая была создана во времена Ивана IV и досталась после царя Фёдора Б.Годунову, ни по подготовленности военачальников, ни по организации и боеспособности уже не отвечала запросам растущего государства. Она не была в состоянии осуществлять большие походы, брать хорошо укреплённые города и закреплять за собой территорию.

Против слабого противника такая вооружённая сила могла действовать успешно. Перед сильным противником она оказывалась слабой. Наиболее прочным компонентом этой вооружённой силы были стрельцы. Но их было недостаточно. Вся вооружённая сила включала: конную царскую дружину (рать) численностью 15 тысяч человек, состоящую из дворян, разделённых на три степени: больших, средних и меньших; дворянское конное ополчение численностью 65 тысяч человек, состоявшее из боярских холопов; стрельцов численностью 17 тысяч человек, из которых 2 тысяч стремянных и 5 тысяч иностранцев; служилых казаков численностью около 10 тысяч человек; земского ополчения, выставляемого всеми городами, уездами и волостями. Каждый территориальный субъект мог выставить от 300 до 1200 ратников. Сюда же входят отряды (орды) инородцев.

Это, собственно, даже не войско, а толпы плохо вооружённых людей, способных разве что на вспомогательные действия и непродолжительные грабительские походы. В земское ополчение собиралось иногда свыше 300 тысяч человек. Его численность могла поразить лишь неопытного наблюдателя. В серьёзной войне от него толку, конечно, было мало. Таким образом, серьёзную силу представляли: конная царская

дружина, дворянское конное ополчение, стрельцы и служилые казаки. Общая численность этих компонентов составляла около 110 тысяч человек. Для России того времени этого, конечно же, было недостаточно.

Вся вооружённая сила делилась на дружины и рати. Дружина, как правило, имела несколько сот человек. Редко её численность достигала тысячи. Рати делились на многочисленные, обычные и малочисленные. Малочисленная рать состояла из 2-3 дружин и насчитывала от 1 до 2 тысяч человек. Обычная рать имела свыше 2 тысяч человек, чаще всего от 5 до 8 тыс. человек. Многочисленная рать имела от 10 до 20 тысяч человек. Объединённые вместе, рати образовывали войско численностью свыше 20 тысяч человек. Чаще всего войско насчитывало от 50 до 100 тысяч человек. В редких случаях оно превышало 100 тысяч человек. Но бывали случаи, когда войско насчитывало даже более 300 тысяч человек. При ведении сражения войско делилось на полки: сторожевой, правой и левой руки, большой, а иногда выделялся и засадный, по образцу построения на поле Куликовом. Полки не были постоянными войсковыми единицами, они были элементами боевого порядка войска.

Сильной стороной московского войска того времени было наличие огнестрельного оружия, не уступавшего лучшим европейским образцам. Пушкарское и ружейное производство, созданное Иваном III, получило развитие. Причём появились уже отечественные мастера, способные отливать отменные орудия. При царе Фёдоре проявил себя литейщик пушек **Андрей Чехов**. Его стараниями были отлиты: ***«Дробовик»*** (Царь-пушка), массой 2400 пудов (38,4 т) в 1586 году, а в 1590 году пищали ***«Троил»*** и ***«Аспид»*** – самые мощные осадные орудия того времени. **При несомненных технических достижениях вооружённая сила России того времени была слабо организованной, плохо обученной и скверно управляемой, хотя и встречались отдельные воеводы, не лишённые полководческого таланта.** Требовалась военная реформа, осуществить которую Б.Годунов не мог, так как не знал, как к ней подступиться.

Царя Бориса похоронили в храме Св.Михаила. Никто не ставил под сомнение его завещание, поэтому все от патриарха до земледельца присягнули *«царице Марии и детям её, Фёдору и Ксении, обязываясь страшными клятвами не изменять им, не умышлять на их жизнь и не хотеть на государство московское ни бывшего великого князя тверского, слепца Симеона, ни злодея, именующего себя Дмитрием; не избегать царской службы и не бояться в ней ни трудов, ни смерти».*

Смутное время. Убийство царя Фёдора Годунова

Несмотря на хорошее образование, близкое к европейскому, отменное здоровье, ум, не уступающий отцовскому, некоторый опыт в делах управления, 16-летний царь **Фёдор Годунов**, конечно же, нуждался в советниках. Поэтому было велено трём знатнейшим боярам князьям

Ф.Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским оставить войско и прибыть в Москву, чтобы правительствовать в Думе. Вернули из ссылки Б.Бельского и возвратили ему всё его достояние. Возглавлять войско доверили П.Басманову, так как не сомневались в его способностях и верности. Басманову дали в помощники знатного боярина князя **М.Катырёва-Ростовского** – человека доброго, но слабовольного.

С ними послали новгородского митрополита Исидора, чтобы войско в его присутствии целовало крест и клялось в верности новому царю Фёдору Годунову. Басманов и его помощники прибыли к войску 17 апреля, собрали и построили его. Затем Басманов сообщил о воцарении Фёдора, прочитал его грамоты, в которых обещалось после 40-дневных поминок царя Бориса войску выдать большое вознаграждение. Многие сокрушались об умершем царе, а его старые недруги радовались. И тем не менее, войско присягнуло Фёдору. С этим известием митрополит Исидор возвратился в Москву. Басманов возглавил войско. Однако, усердно служа царю Борису, он не захотел также служить юному Фёдору, несмотря на то, что дал клятву и целовал крест.

Басманов некоторое время изучал положение дел и настроение людей, которое было далеко не радужным. Многие давали присягу нехотя, уже уверенные в том, что самозванец и есть царевич Дмитрий. Узнав настроение большей части ратников, Басманов вступил в тайные переговоры с Лжедмитрием и заручился его содействием. В это время самозванец деятельно собирал силы и укреплял города. Слал письма в Речь Посполитую с требованиями прислать новые дружины. Вскоре к нему прибыл М.Ратомский с дружиной, обещали прибыть и другие ляхи. Но эти приготовления вряд ли спасли бы самозванца, если бы московское войско, воодушевлённое верным воеводой, решительно двинулось против него.

Однако такого действия не последовало, ибо главный воевода Басманов уже агитировал других воевод склониться на сторону Лжедмитрия. Его поддержали князья Василий и Иван Голицыны и М.Салтыков. Они быстро договорились и ещё несколько дней тайно подбивали к предательству других, которых набралось немало. На их сторону перешли боярские дети Рязани, Тулы, Каширы и Алексина. 7 мая заговорщики собрали войско. Басманов сел на коня и объявил Лжедмитрия московским царём. Верные присяге воеводы князья М.Катырев-Ростовский, А.Телятевский, И.Годунов и незначительное число других ратников пытались бежать в Москву. Но их настигали и убивали. Схватили И.Годунова и связанным привели в стан.

Теперь уже никто не мешал войску присягнуть на верность самозванцу. Осада Кром была снята. Осаждённые и осаждающие побратались. После прибытия Лжедмитрия и присяги войска большая его часть двинулась к Орлу, куда ей повелел идти самозванец. В Кромах часть войска он распустил на месяц на отдых. Другую часть послал к Москве. Сам с 3 тысячами надёжных сподвижников шёл следом за

ней. Везде ратные люди и жители встречали его хлебом и солью, сдавали города и сёла. Даже из далёкой Астрахани привезли к нему в цепях воеводу М.Сабурова, ближнего родственника царя Фёдора. Волна измены катилась к Москве. Первыми её вестниками были бежавшие воеводы М.Катырев-Ростовский и А.Телятевский со своими дружинами.

Царь Фёдор изъявил им благодарность, но положение час от часу ухудшалось. Думские советники не могли найти действенных мер для исправления положения. Все оставались в бездействии: и начальники, и воины. Единственное, что ещё делали, так это ловили гонцов самозванца, пытавшихся распространять его грамоты среди московских жителей. Грамоты жгли, гонцов садили в темницы. Лжедмитрий, чувствуя, что грамоты не доходят до Москвы, направил туда двух смелых и расторопных сановников Плещеева и Пушкина, снабдил их грамотами и велел ехать вначале в ***Красное Село*** для возмущения его жителей, а затем с ними пробиться в столицу.

Жители Красного Села присягнули самозванцу и двинулись в Москву. Высланные царём ратники, увидев большую толпу народа, вооружённого чем попало, повернули назад и бежали. Красносельцы, славя самозванца, 1 июня вместе с его посланцами торжественно вошли в Москву, в которой нашли множество единомышленников. Огромная толпа устремилась к лобному месту. Там она остановилась, чтобы услышать грамоту Лжедмитрия к народу. Посланцы самозванца читали грамоту, а толпа благоговейно слушала. В то время, когда народ слушал грамоту, патриарх молил бояр действовать, но сам от страха не решился выйти к народу и усовестить его и только плакал.

Бояре Ф.Мстиславский, В.Шуйский, Б.Бельский и другие думцы вышли из Кремля к народу, сказали ему несколько увещевательных слов и пытались схватить гонцов Лжедмитрия. Но народ воспротивился и не позволил их взять. С воплями толпа ринулась в Кремль. Стража и телохранители исчезли, бросив царя Фёдора. Мятежники ворвались во дворец, стащили юного царя с престола, но не убили. Самого царя, его мать и сестру перевели из Кремлёвского дворца в дом Б.Годунова. Там к ним приставили стражу. Всех царских родственников Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых схватили и заключили под стражу, собственность растащили, а дома сломали.

Во время грабежа и разбоя появился Б.Бельский, который заявил мятежникам, что всё казённое принадлежит Дмитрию. Вместе с другими боярами он старался уменьшить погром, ссылаясь на нового царя. 3 июня все присягнули самозванцу. Князья И.Воротынский, А.Телятевский, П.Шереметев, думный дьяк Власьев, другие знатные чиновники и граждане выехали из столицы к самозванцу в Тулу с повинной. Лжедмитрий уже знал всё, что произошло в Москве. Чтобы довершить переворот, он направил туда князей В.Голицына, Мосальского и дьяка Сутупова с тайным наказом, а П.Басманова с воинской дружиной.

Эти новые опричники начали со смещения патриарха Иова. Его одели в чёрную ризу, водили и позорили в храме и на площади. Наконец, вывезли на телеге из города и заточили в Старицком монастыре. Затем решили судьбу Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых. Их всех отправили скованными в темницы дальних низовых и сибирских городов. Начальника сыска С.Годунова задушили в Переславле. Следом решили судьбу юного царевича, его матери и сестры. Князья Голицын и Мосальский, дьяки Молчанов и Шерефетдинов взяли с собой трёх здоровенных и зверовидных стрельцов и пришли в дом Б.Годунова. Юный царь Фёдор и его сестра Ксения сидели рядом с матерью.

Их оторвали друг от друга, растащили в разные комнаты и велели стрельцам задушить юного царя и его мать, что те и сделали. Правда, юный царь Фёдор, наделённый необыкновенной силой, долго боролся с четырьмя убийцами. Ксению самозванец приказал доставить к себе в дом и сделал своей наложницей. Затем выкопали тело царя Бориса, переложили его в деревянный гроб, перенесли в девичий монастырь Св.Варсонофия на Сретенке и похоронили уединённо, вместе с телами Марии и Фёдора. Так трагически завершилось царствование и правление Б.Годунова, взлёт и падение его семейства и рода. Теперь мы вполне можем определить круг лиц, которые виноваты в том, что Россия оказалась под пятой самозванца, ляхов и предателей. Н.Карамзин, как мы видели выше, всю вину свалил на Б.Годунова. На самом деле всё было иначе.

Выше уже приходилось говорить, что главным виновником всех бед того времени был Иван IV. Именно он был зачинателем гражданской войны в России, которая с новой силой вспыхнула после смерти его сына Фёдора. Именно он был виновником пресечения династии. Именно он уничтожил старую полководческую московскую школу и многих представителей знатных родов и т.д. и т.п. Второе место по значимости вины несут Романовы. **Именно они в конце XVI века выдвинулись вперёд в борьбе против Б.Годунова. Именно в их среде возникали, муссировались и распространялись слухи** о виновности Б.Годунова в гибели царевича Дмитрия и необходимости покарать его. Эти слухи плодились и распространялись среди боярских холопов Романовых. В конце концов, эта подрывная работа дала свои результаты, появился человек – Г.Отрепьев, их холоп, который внял этим слухам и со свойственными ему способностями взялся за самозванчество.

Третья степень вины без сомнения, лежит на П.Басманове, обласканном и приближённом Б.Годуновым, служившем ему вполне усердно, но отказавшемся служить его сыну и повернувшим войско против законного царя. Четвёртая степень вины лежит на князьях Голицыне и Мосальском, дьяках Сутупове, Молчанове, Шерефетдинове и других, которые непосредственно участвовали в убийстве юного царя Фёдора, его матери, заточении патриарха Иова, Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых, удушении С.Годунова. Были, конечно,

многие другие изменники, но их роль во всей этой трагической истории значительно меньше, чем роль перечисленных выше.

Пока разворачивались эти драматические и трагические события на юге и в центре России, на Тереке они тоже отразились катастрофически. В 1604 году собранное воеводами окольничими Батурлиным и Плещеевым войско выступило с берегов Терека к Каспийскому морю. Правитель Дагестана **Шавкал**, уже старый, лишённый зрения и здоровья, бежал со своими отрядами в высокогорные районы Кавказа. Московские рати заняли его столицу ***Тарки***. На высоте, где стоял дворец Шавкала, московские ратники построили стену. Эту крепость назвали ***Новым городом***. Кроме этого, заложили крепость на Тузлуке. Одни строили крепость, другие воевали, совершая походы до Эндрена и Тёплых вод. Впрочем, сильного сопротивления не встречали, пленяли жителей в селениях, забирали хлеб, угоняли табуны и стада.

В то же время опасались недостатка в продовольствии. Чтобы избежать голода, воевода Батурлин глубокой осенью 1604 года отправил 5 тысяч ратников зимовать в Астрахань. Московская рать двинулась в Астрахань со всей предосторожностью, в готовности отразить нападение неприятеля. Противник всё же решился напасть. Кумыки, возглавляемые сыновьями Шавкала, напали на московскую рать в степи. Сражение было упорным и длилось целый день. Московские ратники построили из повозок четырёхугольный гуляй-город и отразили все наскоки кумыков, потерявших убитыми около 3 тысяч человек. Ночью кумыки ушли, и московская рать благополучно дошла до Астрахани. Об этом кровопролитном сражении воеводы написали в Москву и князю **Александру Иверскому**.

Воеводы рассчитывали, что весной его войско соединится с московскими ратями, тогда можно было бы очистить горы от неприятеля, овладеть всем Дагестаном и уже беспрепятственно строить в нём города. Но войско Александра Иверского, который вместе с Иверией стал жертвой шаха **Аббаса**, не подошло. Не возвратилось и войско из Астрахани, так как в центральной России полыхала гражданская война и уже никому не было дела до терских завоеваний. В марте 1605 года по повелению шаха Аббаса сын Александра **Константин** убил своего отца и стал правителем Иверии, теперь уже полностью подконтрольной шаху Аббасу. Посол Б.Годунова М.Татищев заявил, что московский царь не уступает Иверии шаху Аббасу, который сам разрушил дружбу России и Персии.

Тем не менее, Иверия (Грузия) была надолго потеряна для России. М.Татищев уехал из Загема и перебрался Картлинию в поисках невесты для юного царевича Фёдора. Правитель Картлинии **Юрий** согласился отдать свою дочь Елену за Фёдора и присоединиться к России. Но договориться окончательно не успели. Виной всему было поражение и гибель всех московских ратей в Дагестане. Весной 1605 года турецкий султан подкрепил своими силами Шавкала и его воин-

ство. В поход против московских ратей двинулись *турки, кумыки, лезгины, аварцы*, которые подступили к Койсе. Там начальствовал воевода князь В. Долгорукий. Имея мало ратников, он зажёг деревянную крепость и на судах морем приплыл в Терский городок.

Тогда собранное турками ополчение осадило рать воеводы Бутурлина в Тарках. Этот воевода, уже старый летами, славился доблестью и мужеством. Несмотря на недостроенную стену и потери в людях, ему удалось отбить несколько приступов. Часть стены была разрушена до основания. Взлетела на воздух подорванная осаждающими каменная башня с дружиной московских стрельцов. Бутурлин понимал, что отстоять крепость не удастся, поэтому решил хотя бы спасти остатки своей рати. Он пошёл на переговоры с турками. Главный турецкий паша был у него в крепости, пировал и клялся выпустить россиян с честью и доспехами. Обещал выделить продовольствие на путь до Астрахани.

Но вероломные кумыки, выпустив рать Бутурлина из крепости, окружили её в степи и напали со всех сторон. Началась резня. Московские ратники бились отчаянно, но противник на этот раз оказался сильнее. На глазах отца погиб сын Бутурлина, а затем и он сам. Также погибли воевода Плещеев с сыновьями и воевода Полев. Погибли почти все, кроме тяжелораненого князя В.Бахтеярова и ещё немногих оставшихся в живых. Все они потом были освобождены султаном. В сражении погибло почти 7 тысяч московских ратников. **В результате этого поражения Россия была лишена своего присутствия в Дагестане на долгих 118 лет.**

Смутное время. Царствование и гибель Лжедмитрия

Вслед за князьями Воротынскими и Телятевским, для изъявления признания самозванца царём в Тулу поспешили Ф.Мстиславский, Шуйские и другие, чтобы встать в ряды изменников и предателей. В это время в Тулу к Лжедмитрию прибыла новая дружина донских казаков во главе с атаманом **Смагой Чертенским**. Лжедмитрий им первым подал руку и только потом боярам. Донские казаки в присутствии Лжедмитрия на чём свет стоит поносили бояр, унижали их, особенно князя А.Телятевского. Прибывшие бояре передали Лжедмитрию государственную печать, ключи от кремлёвской казны, одежды и доспехи царские.

Узнав, что патриарх свержен, юный Фёдор Годунов и его мать мертвы, а их родственники изгнаны из Москвы, самозванец выступил из Тулы и 16 июня расположился станом на берегах Москвы-реки у села Коломенского. Здесь знатные горожане поднесли ему хлеб-соль, золотые кубки и соболей, а бояре драгоценную царскую утварь. Лжедмитрий оказывал внимание признавшим его, миловал, определял на службу согласных, особенно иностранцев, рассылал

письма во все концы, стремясь побыстрее взять управление в стране в свои руки. 20 июня самозванец торжественно и пышно въехал в Москву. Её жители высыпали на улицы встречать его. Все признавали его: и знатные, и рядовые. Даже Б.Бельский, не раз видевший царевича Дмитрия, признал в самозванце сына Ивана IV.

Желая увеличить число своих сторонников, Лжедмитрий возвратил свободу, чины и собственность Нагим. М.Нагого пожаловал в сан великого конюшего. Многих дворян пожаловал в бояре и окольничие, в том числе В.Щелкалова. Князя В.Голицына назначил великим дворецким, князя Б.Бельского великим оружничим, князя М.Скопина-Шуйского великим мечником, князя Лыкова-Оболенского великим крайчим, Пушкина великим сокольничим, дьяка Сутупова великим секретарём и печатником, дьяка Власьева также великим секретарём и надворным подскарбием (казначеем). Кроме новых чинов, он первым ввёл в России иностранные звания и должности, заимствованные у поляков.

Из Сийской пустыни был освобождён Филарет (Ф.Романов) и назначен ростовским митрополитом. Его жена Марфа и сын Михаил также были освобождены и с этого момента жили вместе. Был освобождён и князь **Симеон Бекбулатович**, которому разрешено было вновь именоваться царём. Сняли опалу с Годуновых. Их отправили воеводствовать в Сибирь и другие дальние места. Тела мёртвых Нагих и Романовых выкопали, доставили в Москву и похоронили в соответствии с боярскими почестями там, где лежали их предки и родственники.

Кроме этого, Лжедмитрий удвоил жалование сановникам и войску, велел заплатить все казённые долги Ивана IV; отменил многие торговые и судные пошлины, строго запретил всякое мздоимство и наказал многих корыстолюбивых судей, взялся сам принимать челобитные от жалобщиков каждую среду и субботу, отменил закон о закрепощении крестьян и холопов, распорядился всех беглых возвратить их господам, кроме тех, которые ушли во время голода, освободил слуг, лишённых личной воли силой, отпустил своих иноземных телохранителей и всех поляков, дав каждому в награду за верную службу по 40 злотых деньгами и мехами, но не удовлетворил их желаний, посему они не выехали из Москвы, требовали большего и пировали.

Лжедмитрий решил также изменить состав Государственной Думы. По образцу Польши он распорядился называть всех членов Думы сенаторами и расширил её состав до 70 человек за счёт введения в неё представителей церкви: патриарха, четырёх митрополитов, семерых архиепископов, трёх епископов. Сам почти ежедневно принимал участие в её работе. Приближённые самозванца советовали ему ускорить венчание на царство, чтобы укрепить его власть. Лжедмитрий внял их советам и избрал на место патриарха чужеземца грека Игнатия, рязанского митрополита. Для того, чтобы осуществить этот обряд успешно, нужно было добиться согласия инокини Марфы Нагой, матери царевича Дмитрия, чтобы она признала в самозванце своего сына.

После некоторых переговоров она это сделала 18 июля 1605 года. Что руководило этой женщиной? Скорее всего, желание выжить, так как несогласие было равносильно смерти, ибо она становилась опасным свидетелем. 21 июля состоялось венчание на царство. Казалось, все дела Лжедмитрия шли успешно. Но так только казалось. Самозванец, бывший холопом у Романовых и Черкасских, иноком в церкви, товарищем запорожцев, другом польских вельмож, за годы странствий и самообразования освободился от мертвящей косности московской христианской церкви и пресса самодержавия. Он отчасти забыл, а по большей части не знал их канонов и порядков. Поэтому, осуществляя управление государством, постоянно натыкался на них, не выполнял и не соблюдал их.

Всё это замечалось знатными и рядовыми москвичами, **которые за прошедшие 100 лет гонений против инакомыслия и репрессий против неугодных уже почти полностью утратили стремление к свободе, усвоили порядки христианской церкви и царского самодержавия, воспринимая их как дар Бога и его всевышнюю волю**. Поэтому нововведения самозванца, свобода поведения и нравов нового двора, нарушение церковных и самодержавных канонов были чужды московскому обществу, непонятны ему, нагоняли страх и опасения. К этому добавлялось недоверие, которое проявлял Лжедмитрий к россиянам. На первое место он ставил поляков, хвалил и награждал их. При всяком случае ставил их в пример перед россиянами. Самозванец с ними разговаривал как с равными, также стремился говорить и с московскими боярами. Но последние не привыкли к такому обхождению и считали такое поведение нарушением царского сана, не говоря уже о благоволении иезуитам и прочим нарушениям московских порядков.

К тому же Лжедмитрий вёл расточительную жизнь. За время своего короткого царствования истратил около 7 миллионов рублей. Московский народ не любил такой расточительности, так как страшился повышения налогов. Но самозванец не только роскошествовал, он также занялся развратом, стремясь быть похожим на своего мнимого родителя. Однако Москва уже отвыкла от развратных оргий, и эти действия самозванца всё больше и больше настраивали москвичей против него. Постепенно хвала в его адрес угасла, а слухи, что он является самозванцем, стали звучать всё больше. Тут-то и вышел на арену князь В.Шуйский, который решил начать борьбу с Лжедмитрием пока только на поприще распространения слухов. Но у Лжедмитрия ещё оставалось немало сторонников, первым среди них был И.Басманов. Он донёс самозванцу, что Шуйский замышляет измену.

Князя В.Шуйского с братьями схватили и заключили под стражу. Самого В.Шуйского пытали. Но он мужественно терпел и никого не выдал. Затем его судили собором, в котором были собраны люди всех чинов и званий. Но он не отступился от своих обличительных слов в адрес самозванца. Тогда его приговорили к смертной казни. Москов-

ский народ, издавна любивший Шуйских, ужасался приговору. Но казнь не состоялась. Мария Нагая, бывшая с Шуйскими в дружбе во времена Б.Годунова и знавшая отношение к ним москвичей, уговорила самозванца отменить казнь. Лжедмитрий отменил казнь, чем вызвал бурю восторгов в среде москвичей и несколько поправил своё пошатнувшееся положение. Князей Шуйских Василия, Дмитрия и Ивана сослали в Галич. Их имения описали, а дома разграбили.

Однако начатое Шуйскими разоблачение не прекратилось. Оно утихло только на короткое время, а затем слухи поползли вновь. Разоблачителей хватали, ссылали и даже казнили. Опасаясь подосланных убийц, Лжедмитрий создал себе дружину телохранителей-иностранцев из 300 человек, разделил её на три сотни и поставил во главе каждой из них капитанов: француза **Маржерета**, служившего ещё у Б.Годунова, ливонца **Кнутсена** и шотландца **Вандемана**. Всех их богато одел и прекрасно вооружил. Сверх поместий каждому наёмнику определил денежное жалование от 40 до 70 рублей в год. Усмирив, как ему казалось, Москву, Лжедмитрий решил исполнить слово, данное Марине Мнишек.

Всё это время он переписывался с ней и её отцом. Наконец, отправил в Краков великого секретаря и казначея **А.Власьева** для торжественного сватовства. 1 ноября Власьев добрался до Кракова и был представлен Сигизмунду III. Там он говорил о воцарении сына Ивана IV, о его желании сокрушить Оттоманскую державу, завоевать Грецию, Иерусалим, Вифлеем и Вифанию. Так же говорил о намерении самозванца сочетаться браком с Мариной Мнишек. 12 ноября в присутствии Сигизмунда III, его сына Владислава и сестры шведской королевы Анны совершилось торжественное обручение. Однако отъезд Марины в Москву задержался из-за её отца, который пожертвовал своим состоянием ради самозванца, неудовольствовался дарами и требовал денег. Лжедмитрию пришлось отправить Ю.Мнишеку вначале 100, а затем ещё 200 тысяч рублей. Только после этого, уже весной, Ю.Мнишек с Мариной тронулись в далёкий путь.

Окружив себя телохранителями-иностранцами и видя спокойствие в столице, самозванец успокоился. Занимаясь делами, занимался и весельем. Часто пировал с боярами на их свадьбах. Разрешил им свободно выбирать невест и жениться, что было запрещено при Б.Годунове. Этим воспользовался уже пожилой князь Ф.Мстиславский, который женился на двоюродной сестре Марии Нагой. Привечая поляков и казаков, он раздал немалую часть казны. В свою очередь поляки и казаки кутили к радости и обогащению купечества. Самозванец, желая умилостивить всех и привлечь на свою сторону как можно больше людей, простил Шуйских. Возвратил им богатство и знатность к удовлетворению их многочисленных друзей. Князь В.Шуйский по примеру Ф.Мстиславского тоже выбрал себе невесту свояченницу Нагих, княжну **Буйносову-Ростовскую**, на которой должен

был жениться после свадьбы самозванца и Марины Мнишек. Эта милость самозванца развязала руки В.Шуйскому в подготовке заговора и переворота.

Казаки, бывшие рядом с самозванцем, подталкивали его к войне с Крымом. Вскоре он заинтересовался их настоятельными требованиями. Чтобы убедить казаков в серьёзности своих намерений, он зимой организовал военную игру, целью которой было взятие ледяной крепости, возведённой в 30 верстах от Москвы у села Вяземы. Туда он выехал со своими телохранителями, дружиной поляков, боярами и лучшим дворянством. Россияне защищали крепость, а немцы осуществляли приступ. Тем и другим вместо оружия позволили использовать снежки. Когда начался приступ, немцы стали бросать не только снежки, но и камни. В результате, быстро появились проломы в стенах, а получившие многочисленные ранения россияне отошли от стен в глубь крепости.

Тогда немцы, возглавляемые самозванцем, ворвались в крепость. Лжедмитрий торжествовал победу и говорил, что так возьмёт Азов. А то, что немцы использовали камни и поранили многих дворян, он оставил без наказания и даже не осудил нарушителей установленных правил. Эта игра и милостливое отношение самозванца к иноземцам озлобили многих дворян. Лжедмитрий, желая избежать столкновения, поспешил развести обе стороны и возвратился в Москву. Донские казаки тоже подливали масла в огонь недовольства. Они презрительно относились к москвичам. **По свидетельству современника тех событий А.Палицына, донские казаки называли москвичей за их приверженность к христианству ЖИДАМИ**.

Это показывает, что донские казаки тогда далеко не все были христианами. Христианами была только часть казаков Нижнего Дона. Причём это была меньшая часть казаков. Большая их часть христианами не была. В силу этой и других причин злейшими врагами Лжедмитрия стали церковники. Тем более, что он всячески срамил иноков, в случае совершения ими гражданских преступлений и даже казнил некоторых. Занимал деньги у монастырей и не отдавал их, распорядился описать всё достояние церковное с целью оставить ей только самые необходимые средства для содержания старцев, остальное предполагалось забрать в казну на содержание войска. Кроме того, он выгнал всех арбатских и чертольских священников из их домов и поместил в них иноземных телохранителей, которые до того жили далеко от Кремля, в Немецкой слободе, разрешил лютеранам и католикам читать им молитвы в самом Кремле. Церковь теперь тайно поносила его как самозванца и заклятого врага.

Далеко не все заблуждались относительно самозванца. Особенно это касается казаков. В их среде хорошо знали, кто есть кто. Поэтому вскоре волжские и терские казаки, видя, что донцы в чести у Лжедмитрия, выдвинули своего самозванца, назвав молодого казака **Илейку** сыном царя Фёдора Ивановича – ***Петром***. Естественно, со-

чинили легенду его происхождения. В эту легенду поверили многие, и вскоре вокруг нового самозванца собралось около 4 тысяч человек, которые двинулись вверх по Волге, грабя купцов и других знатных людей. Им удалось награбить добычи на 300 тысяч рублей. Конечно, это вредило первому самозванцу. Чтобы как-то нейтрализовать эту новую для себя опасность, Лжедмитрий пригласил **Лжепетра** в Москву, который, конечно же, согласился, но не успел прибыть до свержения Лжедмитрия.

Всё это и многое другое изменило отношение московского общества к самозванцу. В это время Шуйские не дремали, увеличивая число своих сторонников и готовя дружины за пределами Москвы. Переворот решили совершить во время свадьбы. 25 апреля Ю.Мнишек с Мариной торжественно въехал в Москву и встретился с будущим зятем, который сидел на великолепном троне. Справа находился патриарх и другие церковники. Слева бояре и знатные дьяки. В честь приезда Ю.Мнишека несколько дней пировали и забавлялись звериной ловлей. Во время звериной ловли Лжедмитрий сам бил медведей рогатиной и отсекал им головы саблей.

В это же время решали вопросы веры для Марины Мнишек. В конце концов, условились, что она будет ходить в греческие церкви и приобщаться Святых Тайн у патриарха. Но так же будет иметь свою латинскую церковь, поститься в среду и соблюдать остальные каноны католической веры. Патриарх Игнатий согласился с таким порядком вероисповедания Марины. Однако с ним не согласились казанский митрополит Гермоген и коломенский епископ Иосиф. Они утверждали, что невесту нужно крестить, иначе женитьба будет незаконной. Но на их утверждения не обратили внимания.

2 мая Марина въехала в Москву, сопровождаемая своими ближними, боярами, чиновниками, царскими телохранителями и множеством всадников. В Кремле карета Марины остановилась у Девичьего монастыря. Здесь её встретили царица-инокиня и жених-самозванец. В Девичьем монастыре она жила до свадьбы, отложенной на шесть дней в связи с некоторыми приготовлениями. Вместе с приготовлениями к свадьбе усиливалась тревога москвичей. Для размещения Ю.Мнишека и его людей выделили дом Б.Годунова и лучшие дома в Китай-городе и Белом городе. При этом выгнали хозяев, и не только купцов, дьяков, дворян, священников, но даже первых вельмож, включая мнимых царских родственников Нагих. Поднялся вопль и крик.

Возмущение и тревога усилились, когда тысячи гостей, с ног до головы вооружённых, стали вынимать из своих телег запасные сабли, копья, пистолеты. Стали распространяться слухи, что поляки хотят захватить столицу. Прибытие польского посольства с панами Олесницким и Госевским во главе породило слух, что самозванец хочет отдать Ю.Мнишеку Смоленск и Северскую область. И хотя это была неправда, Шуйские и их сторонники не опровергали этих слухов. Увеселительные мероприятия требовали больших расходов. Только

на шкатулку с узорами Марине ушло 50 тысяч рублей. Ещё 100 тысяч злотых досталось Ю.Мнишеку. Да на остальные дары ушло 650 тысяч рублей. Ещё несколько миллионов было потрачено на путешествие и угощение Марины и её ближних. Эта роскошь незванных гостей озлобляла народ всё больше и больше. Видя их великолепие, москвичи думали, что это результат расхищения царской казны, достояния отечества, собранного умом и трудом московских государей.

7 мая, ночью, Марина вышла из монастыря и в колеснице, окружённой телохранителями, переехала во дворец, где утром совершилось обручение по канонам греческой церкви. Лжедмитрий хотел ускорить брак, и, вопреки церковным канонам, 8 мая состоялась свадьба. Невесту для обручения в столовую палату ввели княгиня Мстиславская и Ю.Мнишек. Во время обручения присутствовал ограниченный круг лиц, ближайшие родственники невесты и свадебные чины: тысяцкий князь В.Шуйский, дружки (его брат и Г.Нагой), сваxи и весьма немногие бояре. После обручения прошли в Грановитую Палату, где были все бояре и сановники двора, знатные ляхи и послы Сигизмунда III. Там ждала россиян новая важная новость. На престоле стояли два трона: один для Лжедмитрия, другой для Марины.

Князь В.Шуйский сказал ей: «*Наияснейшая великая государыня, цесаревна Мария Юриевна! Волею Божию и непобедимого самодержца, цесаря и великого князя всея России, ты избрана быть его супругою: вступи же на свой цесарский маестат и властвуй вместе с государём над нами!*» Она села. Князь М.Нагой держал перед нею корону Мономаха и диадему, которые она поцеловала. Затем все двинулись в храм Успенья, где состоялся обряд венчания Марины на царство. Среди храма, на возвышенном месте, сидели Лжедмитрий и Марина. Самозванец на золотом персидском троне, а Марина на серебряном. Лжедмитрий сказал речь, которую продолжил патриарх. В конце речи с молитвой патриарх возложил Животворящий Крест на Марину, бармы, диадему и корону. Лики пели многолетие государю и благоверной цесаревне Марине, которую патриарх украсил цепью Мономаха, помазал и причастил.

Так дочь Ю.Мнишека, ещё не будучи супругой царя, уже была венчана царицей. Духовенство и бояре целовали ей руку с обетом верности. Затем благовещенский протопоп обвенчал Лжедмитрия с Мариной. После обеда бояре проводили новобрачных до спальни. Всё утихло во дворце. Москва казалась спокойной. Только ляхи праздновали и шумели в ожидании царских брачных пиров, новых даров и почестей. Не праздновали и не дремали сторонники Шуйских. Наступило время действовать. Свадьба, пышное венчание на царство Марины Мнишек и последовавшие затем свадебные празднества ещё более накалили обстановку в Москве, так как они противоречили устоям московского общества. Терпение москвичей истощила наглость ляхов, которые уже во время свадьбы стали унижать московских бояр и всвод, обвиняя их в трусости и малодушии.

Дело дошло до того, что знатные и рядовые поляки в пьяном угаре стали рубить москвичей, вламываться в дома, хватать жён и девиц и бесчестить их, включая знатных. Пострадавшие подняли шум и требовали суда. В это время и решился В.Шуйский со своими сторонниками поднять восстание. Ночью с 16 на 17 мая в Москву с разных сторон вошло 18 тысяч ратников, которые овладели двенадцатью московскими воротами. Они никого не впускали в столицу и не выпускали из неё. Лжедмитрий ничего не знал о случившемся и продолжал веселиться. Поляки хотя и опасались, мирно спали в домах, помеченных восставшими для расправы. 17 мая, в 4 часа утра, ударил колокол церкви Св.Илии, за ним загремел набат по всей Москве. Жители и вошедшие ратники устремились из домов на Красную площадь с копьями, мечами, самопалами.

Здесь смешались дворяне, дети боярские, стрельцы, приказчики и торговцы, знатные и рядовые граждане. На лобном месте сидели на конях в полном вооружении бояре. Собралось множество народа. В этот момент открылись Спасские ворота, и князь В.Шуйский, с мечом в одной руке и распятием в другой, въехал в Кремль. За ним устремились толпы восставших, которые с громкими криками подступили к дворцу, где находился самозванец. Лжедмитрий проснулся от набата, увидел толпы вооружённых людей, почуял опасность, позвал Басманова и велел узнать, в чём причина мятежа.

Басманов попытался задержать восставших, но не смог остановить их. Тогда он бросился в покои и запер дверь. Пока восставшие её ломали, для защиты самозванца собралось всего около сотни человек. Басманов, видя малочисленность защитников, решился выйти и усовестить восставших. Вышел и стал говорить об ужасах бунта, вероломства, безначалия. Но ему не дали договорить. М.Татищев с криком *«Злодей! Иди в ад вместе с твоим царём!»* вонзил нож в сердце Басманова, который тут же скончался и был сброшен с крыльца. Восставшие вломились во дворец, обезоружили телохранителей, которые от страха не оказали сопротивления. Самозванец пытался бежать, выскочил из палат в окно на жилой двор, вывихнул ногу, разбил грудь и голову, лежал в крови.

Стрельцы, стоявшие здесь на страже, узнали его, подняли, посадили на фундамент разрушенного дворца Б.Годунова, поливали водой и отмывали ему раны, изъявляя жалость. Самозванец пришёл в себя, просил стрельцов быть ему верными, обещал богатство и чины. Тем временем восставшие окружили стрельцов и самозванца и попытались его взять. Но стрельцы не дали это сделать, требуя к ответу царицу-инокиню Марфу Нагую, чтобы она признала в нём своего сына или отказалась от него. В случае признания обещали умереть за него. Марфа Нагая отказалась признать в самозванце сына и подтвердила, что царевич Дмитрий умер у неё на руках в Угличе. Тогда стрельцы выдали самозванца.

Бояре велели нести его в палаты, где устроили скорый допрос. На вопрос *«кто ты, злодей?»* он отвечал: *«... я Дмитрий»*. Это только распалило восставших. Дворяне И.Воейков и Г.Волуев двумя выстрелами убили его. Толпа бросилась терзать мёртвого. Затем вытащили его на лобное место, положили на стол с маской, дудкой и волынкой в знак любви к скоморошеству и музыке. Басманова положили на скамье в ногах самозванца. Убив Лжедмитрия, бояре спасли Марину. К ней приставили стражу и опечатали её достояние. Однако восстание не ограничилось избиением самозванца и Басманова.

Оно выплеснулось на улицы Москвы при первых звуках набата. Восставшие окружили дома, в которых находились ляхи, загородили улицы рогатками и завалили ворота. Паны крепко спали, слуги с большим трудом разбудили их. Даже Ю.Мнишек, который лучше других видел опасность, тоже крепко спал. Мнишек, его сын и князь Вишневецкий, послы Сигизмунда III, поняв, что началось восстание, поспешили вооружиться и изготовились к сопротивлению. Многие ляхи пытались спрятаться, но бесполезно. Восставшие с криками ***«смерть ляхам!»*** стали избивать их. Самыми жестокими карателями были священники и монахи. Многие были убиты.

Восставшие не тронули только подворье польских послов. Дома Мнишеков и князя Вишневецкого подверглись приступу, но засевшие в них поляки выстрелами остановили нападавших. Тогда москвичи решили подвезти пушки, чтобы выстрелами из них разбить эти дома. Мнишеков и Вишневецкого спасли бояре. Мстиславский, Шуйский и другие бояре скакали на лошадях из улицы в улицу, усмиряя восставших и рассылая стрельцов для спасения оставшихся поляков. Число убитых составило более тысячи, кроме раненых и избитых. Знатнейшие поляки остались живы, хотя оказались в одних рубахах и на соломе. К 11 часам утра восстание утихло. Бояре не сходили с коней, дружины стрельцов и дворян взяли под стражу поляков и приступили к разгону мародёров. Восставшие, утомлённые мятежом, увидев твёрдость власти, стали быстро расходиться по домам.

Так закончили жизнь многие поляки и россияне, вовлечённые в смуту самозванцем Г.Отрепьевым. Выходец из низов Русского народа, он обладал многими способностями, которые вознесли его на вершину власти. Но он также обладал многими недостатками, которые не позволили ему реализовать приобретённую власть. К этим недостаткам следует отнести, прежде всего: его авантюризм; стремление решить все проблемы сразу, не считаясь с московскими условиями; чрезмерное преклонение перед поляками и опора на иностранцев; склонность к празднествам, оргиям и расточительству; самонадеянность и беспечность при осуществлении властных полномочий. Всё это вместе с отсутствием у него деятельных и действительно умных советников послужило причиной его быстрого падения. Поэтому не имеет смысла гадать, что было бы, если бы Лжедмитрий остался у

власти. Он не мог остаться у власти в силу многих причин и обстоятельств как личного, так и общественного характера, свойственных тогдашнему состоянию московского общества.

Смутное время. Правление Василия Шуйского (1606-1610 гг.)

Нет сомнения, что душой и главным организатором восстания был **В.Шуйский**. Человек, пострадавший от Б.Годунова, перешедший на сторону самозванца и первым обличивший его, организовавший восстание и переворот, был не лишён властолюбия, стремился к нему и был, наконец, вознаграждён судьбой. Смерть Лжедмитрия открыла ему путь к царскому трону и возвела его на вершину власти. Не имея достойных соперников, Шуйский поспешил утвердиться на престоле немедленно. Не успели ещё утрястись впечатления от восстания, как его сторонники развернули бурную деятельность по избранию нового царя. На следующий день В.Шуйский собрал Думу и выступил с обдуманной и не оставляющей сомнения речью относительно кандидатуры будущего царя. Все понимали, чего хотел Шуйский. Никто не противился его желанию. Однако многие утверждали, что без Великой Земской Думы нельзя решать столь важное дело.

Но сторонники В.Шуйского не прислушались к здравым и обоснованным мнениям и настояли на немедленном избрании В.Шуйского царём. Дума согласилась. 19 мая, во втором часу дня, под звуки литавр, труб и колоколов бояре и знатные дворяне вывели князя В.Шуйского из Кремля на лобное место, где ратные люди, граждане, гости и купцы, по большей части его сторонники, приветствовали его как нового царя. Он было попытался поначалу избрать патриарха, вместо Игнатия, верно служившего самозванцу, но толпа закричала: *«Государь нужнее патриарха для Отечества!»* Тогда Шуйского проводили в храм Успенья, где митрополиты и епископы благословили его на царство. Это поспешное избрание исключало участие многих россиян, даже москвичей, в столь важной церемонии и не могло не послужить предлогом для новых измен и смятений, которые теперь ожидали В.Шуйского.

Тем временем очистили столицу от трупов, вывезли и схоронили их за городом. Тело П.Басманова отдали родственникам для погребения. Тело самозванца, служившее в течение трёх дней предметом любопытства и поношения, также было вывезено и схоронено за Серпуховскими воротами в заброшенном доме. Но вскоре его оттуда достали. С 18 по 25 мая 1606 года в Москве случились жестокие морозы, сильно повредившие сады и посевы. Люди приписали это природное

явление злому волшебству самозванца. Чтобы пресечь различные слухи по этому поводу, его тело вынули из земли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с порохом, выстрелили из пушки в сторону Литвы.

Ставший царём В.Шуйский был невысокого роста, толст, лицом смугл, имел суровый взгляд, красноватые и подслеповатые глаза, широкий рот. Он не обладал сановитостью и этим многим проигрывал. Он, без сомнения, уступал в способностях Б.Годунову, но, имея преклонный возраст, был достаточно опытен в государственных делах, вполне начитан для того времени, часто высказывал здравые суждения, так что его считали даже волхвом. В то же время он имел холодное сердце и чрезмерную скупость, ревностно соблюдал старые обычаи, был доступен, ласков в обхождении, зависим от внушения, склонен к легковерию и недоверчивости, твёрд душой. Он искренне хотел добра России и ещё больше стремился угодить россиянам. Будучи свидетелем неограниченной самодержавной власти, В.Шуйский хотел искоренить её злоупотребления.

В момент своего воцарения, когда все клялись ему в верности, он, к общему удивлению, дал неслыханную присягу: не казнить никого смертью без боярского суда; преступников не лишать состояния и оставлять его в наследство жёнам и детям невинным; в доносах требовать явных улик и наказывать клеветников тем же, чему они подвергали винимых. Он хотел быть хранителем мира и тишины в государстве. Этой клятвой В.Шуйский намного опередил время. Но современники его не поняли. Вместо признательности, многие люди изъявляли недовольство и напоминали Шуйскому правило, установленное ранее, что не государь народу, а народ государю даёт клятву. Стремление В.Шуйского, без сомнения, было похвально, но в условиях того времени оно порождало слабость царской власти, чем и не премишули воспользоваться его недруги.

Отменив нововведения Лжедмитрия и восстановив прежнюю Думу, В.Шуйский поспешил окончательно развенчать самозванца, разослав всюду своих чиновников, чтобы образумить народ и привести его к присяге. 1 июня 1606 года совершилось венчание в храме Успенья с соблюдением всех торжественных обрядов, но без расточительной пышности. Церковники и народ славили царя с усердием. Гости и купцы отличились щедростью в дарах царю. Однако с его стороны не было ни милостей, ни пиров, но были незначительные опалы. Они коснулись людей, верных самозванцу. Эта мягкость царской власти породила новое шатание в умах, своевольство и энергичные действия недругов нового царя.

Стремясь устроить государственную власть, Шуйский ускорил избрание патриарха, которым стал казанский митрополит Гермоген. Затем собрал и распределил войско. Часть его была послана в Украйну, другая часть на Оку, чтобы быть в готовности для усмирения врагов. Сам же занялся внешними делами. Нужно было срочно решить вопросы отношений с Литвой. Война была нежелательна, но и уступать что-

либо было нельзя. В этом вопросе решили воспользоваться польскими пленниками, посему бояре обещали им не только безопасность, но и свободу, если король пойдёт на заключение мира с В.Шуйским. Для переговоров в Краков был отправлен князь Г.Волконский. Олесницкий и Госевский остались в Москве под стражей. Ю.Мнишека и Марину отправили в Ярославль, Вишневецкого в Кострому, а их товарищей в Ростов и Тверь. Они получили разрешение писать к королю и писали миролюбиво, желая как можно быстрее освободиться из плена.

Король Швеции Карл IX, находившийся во вражде с Польшей, искал союза с Россией. Даже крымский хан Кази-Гирей уверял В.Шуйского в своей дружбе. Дружественное расположение Швеции и Крыма тогда было как нельзя кстати. Но успешно продолжить внешнеполитическую деятельность В.Шуйскому не удалось, так как вновь возобновились мятежные действия. Главной их причиной явилось то, что В.Шуйский, присягнув народу, стремился выполнить свою присягу и даже к явным и последовательным сторонникам самозванца оказывал доверие. В частности, необоснованное доверие было оказано любимцу самозванца князю Г.Шаховскому, который был послан воеводой в Путивль, вместо князя Бахтиярова, человека честного, но недостаточно смелого и расторопного.

В.Шуйский хорошо знал важность Путивля. Нигде граждане не оказали столько верности и усердия самозванцу, сколько в Путивле. Тем более, после его гибели многие сторонники устремились именно туда. И, несмотря на это, В.Шуйский вверяет этот город Г.Шаховскому. Чем он руководствовался – трудно сказать. Затмение разума, чрезмерная доверчивость, желание выполнить данную присягу, не подозревая никого без явного доказательства. Скорее всего, все эти моменты сыграли роль. В результате, случился новый мятеж и появился второй Лжедмитрий. При отправке в Путивль Г.Шаховский говорил В.Шуйскому похожие слова, что и П.Басманов несчастному Ф.Годунову, и поступил так же.

Вкусивший власть и чины во времена Лжедмитрия, Г.Шаховский питал ненависть к виновникам его гибели. Уже в ночь московского восстания он сообразил, чем всё кончится. На следующий день похитил государственную печать, чтобы иметь возможность от имени самозванца поднять новое восстание. Кроме того, он сговорился с дворянином Михаилом Молчановым, убийцей юного царя Ф Годунова, о том, чтобы М.Молчанов, выдавая себя за Дмитрия, распустил слух, что царь Дмитрий Иванович спасся, а в Москве убили другого человека. Затем Г.Шаховский помог бежать ему из Москвы с двумя охранниками и сообщниками. М.Молчанов и его сподвижники двинулись к Путивлю и далее в Литву. По дороге везде они распространяли слух о спасении Дмитрия.

Так что прибывший в Путивль Г.Шаховский без труда убедил граждан города в спасении царя Дмитрия и необходимости поднять восстание. Народ не усомнился и восстал. Городам южной России, ока-

залось, нужен был только пример. Следом восстали Моравск, Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Белгород, Борисов, Оскол, Трубчевск, Кромы, Ливны, Елец. Граждане, стрельцы, казаки, боярские холопы, крестьяне толпами стекались к Г.Шаховскому и другому ещё более знатному сановнику, *черниговскому воеводе князю* А.Телятевскому. Последний верно служил Б.Годунову и не пожелал перейти вместе с войском к самозванцу. Однако после воцарения В.Шуйского, враждовавшего с Б.Годуновым, не захотел ему служить и вступил на путь мятежа. Всех, кто не хотел изменять новому царю, *убивали*, вешали, сбрасывали с башен, распинали. Так погибли воеводы: князь Буйносов в Белгороде, Бутурлин в Осколе, Плещеев в Ливнах, двое Воейковых, Пушкин, князь Щербатый, Бартенев, Мальцов. Многих заточили в темницы.

Тем временем М.Молчанов добрался до Сандомира и оказался в окружении жены Ю.Мнишека, которая признала его своим зятем. Вместе с ним оказался один дворянин Заболоцкий. Но ему сразу же оказали содействие многие знатные россияне, в том числе князь Василий Мосальский. Новый Лжедмитрий внешне не походил на первого. Он имел чёрные, кудрявые волосы, *большие глаза, густые навислые* брови, бородавку на щеке, стриженые усы и бороду. Но так же, как и Г.Отрепьев, он твёрдо говорил на польском и понимал латинский. Всё это удалось узнать московскому послу князю Волконскому, находившемуся в Кракове. По причине несхожести он не пытался выезжать из Галиции.

Имея государственную печать, Г.Шаховский от имени Дмитрия писал и рассылал грамоты и письма, призывал всю Россию соединиться с Украйной. Эти грамоты, указы и письма доходили до Москвы и волновали умы людей. Многие начали жалеть о весёлых днях правления Лжедмитрия. Легковерие некоторых ещё не могло изменить общественное мнение москвичей, но оно порождало волнение и беспокойство народа, которое легко могло перестроиться под воздействием внешних обстоятельств. Эти обстоятельства вскоре появились и начали расти. Под влиянием деятельности Г.Шаховского и А.Телятевского рать изменников значительно усилилась. Наступило время, и она выступила в поход.

Появился и достойный вождь для этой рати. Им оказался бывший холоп князя А.Телятевского **Иван Болотников**. В своё время он попал в плен крымчакам, ими был продан в неволю туркам, но затем выкуплен немцами в Константинополе, некоторое время жил в Венеции, а потом в Польше, где услышал о Дмитрии и захотел вернуться в Россию. В Польше он отыскал нового Лжедмитрия, предложил ему свои услуги и с его письмом явился к Г.Шаховскому в Путивле. И.Болотников имел сметливый ум, неплохо знал ратное дело, был смелым до дерзости и мужественным человеком. Рассказами о себе привлёк любопытных и вскоре стал первым атаманом в мятежном войске. К нему пристали двое князей Мосальских и М.Долгорукий.

В.Шуйский, видя разрастание мятежа, вслед ратям идти к Ельцу и Кромам. Возглавляли войско князья Воротынский и Трубецкой. Воротынский вблизи Ельца рассеял отряды мятежников. Но у Кром И.Болотников внезапно напал на 5 тысяч царских всадников во главе с князем Трубецким. Царская рать бежала. Воротынский у Ельца узнал об этом и тоже бежал. Бежавшие воеводы перепирались, обвиняя друг друга, и не решились прибыть в столицу. Разъехались по домам, сложив с себя воеводские полномочия.

Тем временем И.Болотников шёл вперёд и брал города один за другим. Ему сдались Орёл, Мценск, Тула, Калуга, Венёв, Кашира. Вся Рязанская земля пристала к мятежникам. Рязанцы вооружились и избрали себе предводителей: венёвского сотника **Истому Пашкова**, рязанского воеводу **Григория Сунбулова** и рязанского дворянина **Прокопия Ляпунова**, одарённого красотой, умом, силой духа, смелостью, мужеством и большой физической силой. Восставшие схватили рязанского наместника князя Черкасского, воевод князей Тронстенского и Каркадинова, Вердеревского, Измайлова, сковали их и отправили в Путивль на суд. Вслед за Рязанью, пожар мятежа охватил Дорогобуж, Вязьму, Ржев, Зубцов, Старицу.

Ни разрастание мятежа, ни бегство воевод и ратников не смутили В.Шуйского. Не имея ни опытных военачальников, ни значительной части казны, растраченной Лжедмитрием, он однако делал всё, что мог. Всенародно объявив причину мятежа, обман мятежниками людей и желание ими злодействовать, царь собрал и выслал новое войско. Но оно оказалось не способным противостоять мятежникам. Только юный князь **Михаил Скопин-Шуйский** имел успех в сражении с отрядами мятежников на берегах реки Пахры. Главные воеводы Ф.Мстиславский, Д.Шуйский, Воротынский, Голицыны, Нагие, имея с собой всех московских дворян, стольников, стряпчих, жильцов, встретились с мятежниками в селе Троицком, в пятидесяти верстах от Москвы, сразились с ними и бежали, оставив в их руках множество знатных пленников.

И.Болотников, И.Пашков и П.Ляпунов взяли и опустошили Коломну и в октябре 1606 года стояли уже под Москвой в селе Коломенском. Они объявили В.Шуйского низложенным и требовали, чтобы москвичи, духовенство и весь народ вновь присягнули Дмитрию. Пока мятежники, уповая на агитацию, ждали сдачи Москвы и разоряли её окрестности, В.Шуйский спокойно организовал оборону города, предместий и слобод. Воеводы М.Скопин-Шуйский, Голицын и Татев расположились станом у Серпуховских ворот. Высланные из Москвы дружины восстановили её сообщение с другими городами. Патриарх и другие священники писали всюду грамоты, воодушевляя людей к борьбе с мятежниками.

Тверь и Смоленск послужили примером. Их жители поднялись и двинулись спасать Москву. К ним присоединились жители Зубцова, Старицы, Ржева, Вязьмы, Дорогобужа, Серпейска. Они изгнали мя-

тежников из Можайска, Волоколамска, обители Св.Иосифа. Тем временем в среде мятежников в селе Коломенском начались разногласия. И.Болотников считал себя царским воеводой и требовал подчинения со стороны остальных воевод и атаманов мятежников. Однако остальные, особенно рязанцы, требовали от него и Шаховского скорейшего прибытия Дмитрия. Но новый самозванец не появлялся, и выбранные мятежными городами и местностями воеводы и атаманы стали сомневаться, что Дмитрий жив.

Первым удостоверился в обмане П.Ляпунов и первым явился с повинной в столицу. За Ляпуновым явились все рязанцы. В.Шуйский простил их и даже дал П.Ляпунову сан думного дворянина. Постепенно и другие прозревшие перешли из Коломенского в Москву. Но главные силы мятежников укрепили стан в Коломенском валом и тыном и пытались взять Симонов монастырь и Рогожскую слободу, но были отражены с большими потерями. Однако, воодушевляемые Болотниковым, не унывали и готовились к решительному сражению.

В.Шуйский доверил войско двадцатилетнему князю М.Скопину-Шуйскому, который объединил его с тверским и смоленским ополчением воеводы Колычева у Даниловского монастыря, замышляя окружить мятежников в Коломенском стане. Но Болотников и Пашков упредили царских воевод. 2 декабря Пашков, не обнажив меча, перешёл на сторону царского войска со всеми своими дворянами. У Болотникова остались казаки, холопы, крестьяне и северские мятежники, но они сражались до полного изнурения своих сил. Однако одолеть численно превосходящее царское войско им оказалось не под силу. Многие соратники И.Болотникова полегли в этом сражении, с оставшимися он отошёл к Серпухову. Часть казаков с атаманом Беззубцевым ещё держалась в селе Заборье, но, окружённая царским войском, сдалась и присягнула на верность В.Шуйскому.

В этом сражении взяли в плен многих беглых крестьян и северских мятежников. Всех, которые не поместились в темницах, утопили в реке как злостных мятежников. Казаков не тронули и даже приняли на царскую службу. Победителю князю М.Скопину-Шуйскому дали сан боярина, а воеводе смоленско-тверского ополчения Колычеву сан боярина и дворецкого. Москва радовалась победе над мятежниками. Но эта радость была преждевременной. И.Болотников хотел остановиться в Серпухове, но жители не впустили его. Тогда он засел в Калуге. За несколько дней укрепил город глубокими рвами и валом. К нему стеклось около 10 тысяч беглецов, и он изготовился к осаде.

Понимая, что сил не хватит, он писал к Северской Думе, что ему нужна помощь, но ещё нужнее Дмитрий, так как молва о нём уже перестала действовать. Г.Шаховский тоже понимал, что без появления нового Лжедмитрия успеха добиться будет невозможно, предпринимал отчаянные меры в поисках новой кандидатуры, так как М.Молчанов на эту роль не подходил, его хорошо знали в России. Не имея возможности быстро найти нового человека, который бы заменил

убитого самозванца, Г.Шаховский обратил внимание на Лжепетра. Последний после гибели первого самозванца повернул назад в низовья Волги, по пути грабил всё, что было можно, затем с ратью терских, волжских и яицких казаков ушёл на Дон.

Тогда царь отправил к Калуге многочисленное войско во главе с И.Шуйским. Последний в сражении в устье реки Угры одержал победу над мятежниками и 30 декабря осадил Калугу. Однако быстро взять её он не смог, понадобилась продолжительная осада. Тем временем в Тульской области поднялось восстание. Восставшие овладели Тулой. Поднялось восстание также в Арзамасском и Алатырском уездах. Там мордва, холопы, крестьяне утопили алатырского воеводу Сабурова, убивали царских чиновников, грабили дворян, осадили Нижний Новгород. В Астрахани восстание поднял знатный воевода окольничий князь **И.Хворостинин**. Он встал на сторону Г.Шаховского. В Вятке и Перми низы славили Дмитрия, а ратники не желали идти в Москву воевать с мятежниками. В Новгороде к тому же началась язва. В результате, умерло много народа, в числе этого множества боярин Катырев.

Тем временем в Путивле собралось целое войско мятежников и несколькими путями двинулось к Туле, Калуге и Рязани. Только в Сибири было спокойно. Там воеводствовали Годуновы, не желавшие участвовать в смуте. В.Шуйский, видя разрастание мятежа, решил упредить объединение мятежников и разгромить их по отдельности, чтобы сразу погасить мятеж везде. Реализуя своё решение, он послал к Калуге князей Мстиславского и Скопина-Шуйского, к Туле Воротынского, к Венёву Хилкова, к Козельску Измайлова, к Михайлову Хованского, к Астрахани Шереметева, к Арзамасу Пушкина. Сам же с царской дружиной (ратью) остался в Москве и вместе с церковниками взялся за укрепление духа своих сторонников. В распределении сил В.Шуйский допустил грубую ошибку, он слишком их раздробил, не обеспечив необходимого превосходства на важнейших направлениях. К тому же хорошо проявившему себя под Москвой воеводе князю М.Скопину-Шуйскому не дал самостоятельного воеводства.

Власть и церковь старались как могли. Но судьба решалась не молитвами, а активными и успешными действиями ратей. А здесь почти всё шло плохо. Мстиславский со своим войском осадил Калугу, но как ни пытался, взять её не смог. Безуспешная осада продолжалась четыре месяца. Другие воеводы столкнулись с неприятелем в поле и бежали. Хованский от Михайлова в Переславль-Рязанский. Хилков от Венёва в Каширу. Воротынский, разбитый наголову князем А.Телятевским, от Тулы бежал в Алексин. А.Телятевский занял и Тулу, и Дедилов. Ф.Шереметев не смог взять Астрахань, укрепился на острове Болдинском и отражал приступы астраханских мятежников.

Поначалу неплохо шли дела у Измайлова и Пушкина. Измайлов рассеял отряды князя М.Долгорукова и осадил мятежников в Козельске. Пушкин подавил мятеж в ***Арзамасе*** и ***Ардатове*** и оказал

помощь Хилкову в Кашире. Вместе они двинулись к Серебряным прудам, где разгромили отряды мятежников, взяли в плен их предводителей князя И.Мосальского и литвина Сторовского. Затем двинулись к Дедилову. Но здесь потерпели поражение от князя А.Телятевского и отступили к Кашире, потеряв много ратников в сражении, в том числе утонувшими в реке Шате.

Мстиславский, узнав о неудаче Воротынского и Хилкова и движении В.Мосальского с мятежной ратью к Калуге, отрядил против него бояр И.Романова, М.Нагого и князя Мезецкого с многочисленной ратью. Выступив от Калуги по белевской дороге, они сразились с мятежниками. Сражение длилось целый день. Исход сражения решила гибель В.Мосальского. Его сподвижники яростно сопротивлялись, но были разбиты. Не хотели ни бежать, ни сдаваться, умирали в сече. Некоторые подрывали себя на пороховых бочках вместе с царскими ратниками. За эту победу ничем не отмеченный ранее И.Романов удостоился благодарности и золотой медали царя.

Не успели отбить мятежников со стороны Белева, как со стороны Тулы выдвинулся со своей ратью А.Телятевский. Мстиславский выслал против него воевод князей Татева, Черкасского и Борятинского тоже с многочисленной ратью. На реке Пчелне произошло сражение, в котором погибли Татев и Черкасский со многими московскими ратниками. Остальные бежали в калужский стан, которым овладела паника. И.Болотников воспользовался смятением в царском войске и сделал успешную вылазку. Многочисленное московское войско бросилось бежать, бросив пушки и обоз. Около 15 тысяч царских ратников и 100 немцев перешли на сторону Болотникова. Разгром мог быть полным, если бы не М.Скопин-Шуйский и И.Пашков, которые прикрывали бегство основных сил войска.

Благодаря им Мстиславскому и другим воеводам удалось собрать бежавших в Боровске. Узнав о поражении под Калугой, Измайлов снял осаду Козельска. Эти неудачи обеспокоили Москву. В.Шуйский однако не растерялся и принял решительные меры к сбору нового войска. На этот раз он не медлил, но зато промедлили мятежники, поджидая Лжепетра с Г.Шаховским, которые с последними мятежными дружинами ещё только шли к Туле. 21 мая царь сел на ратного коня и сам вывел войско в поле. Москву он оставил на брата Д.Шуйского, князей Одоевского и Трубецкого. Вблизи Серпухова царь соединился с Мстиславским и Воротынским. В результате, собралось около 100 тысяч ратников.

Узнав, что главные силы мятежников собрались в Туле, царь, прежде чем идти к ней, решил обезопасить себя с юга и направил к Кашире многочисленную рать во главе с князьями А.Голицыным, Лыковым и думным дворянином П.Ляпуновым, чтобы отбить её у мятежников, которых возглавлял князь А.Телятевский. Рати сошлись на берегах реки Восми 5 июня. Состоялось кровопролитное сражение. Поначалу мятежники имели успех. Но А.Голицын и Лыков с ре-

зервными дружинами ринулись в сражение и сильным ударом опрокинули неприятеля. Мятежники бежали. Царские воеводы преследовали их на протяжении 30 вёрст, взяли все пушки, знамёна, обоз и около 5 тысяч пленников. 1700 терских, яицких и донских казаков засели в оврагах и отстреливались. Когда кончился порох, продолжали сопротивляться, но были взяты в плен и затем казнены. А.Телятевский с небольшим отрядом ушёл в Тулу.

Обрадованный этим успехом и геройством воевод царь изъявил им свою искреннюю благодарность. Затем двинул войско к Алексину, взял его и устремился к Туле. Мятежники преградили путь к Туле на речке Вороне. Между двумя болотами, в лесу, попытались задержать наступление царского войска. Передовой полк возглавлял князь М.Скопин-Шуйский. Главные силы его полка связали мятежников боем. В это время обходящий отряд вышел мятежникам во фланг и тыл. Обнаружив обход, мятежники смешались и поспешно отошли к Туле. Часть полка князя М.Скопина-Шуйского следом за ними ворвалась в город. Но удержаться там не смогла, так как главные силы московского войска ещё были далеко от города. Мятежники успели изготовиться к обороне, и царское войско вынуждено было приступить к осаде.

Рать князя А.Голицына заняла каширскую дорогу. Рати Мстиславсого, Скопина-Шуйского и других воевод кропивинскую дорогу. Огнестрельный наряд расставили за турами близ реки Упы. Осада началась 30 июня 1607 года. Кроме того были выделены силы для взятия Дедилова, Кропивны, Епифани и недопущения мятежников к Туле. Распределение сил в целом было правильное. А вот действие отдельных сил не очень. Огнестрельный наряд располагался слишком далеко, поэтому стрельба велась неэффективно. Московское войско плохо умело осаждать и брать крепости. Болотников знал это, поэтому стремился активными действиями вселить в осаждающих неуверенность и заставить их снять осаду. Он ежедневно по три-четыре раза делал вылазки и нападал на осаждающих, которые отражали атаки только благодаря численному превосходству своих сил.

В то же время предводители мятежников хорошо понимали, что нужна серьёзная помощь, причём в лице самого самозванца, чтобы поддерживать боевой дух осаждённых и воодушевить новых его сторонников. Они писали Мнишекам и в Краков, просили помощи и соглашались на все условия. Письма и посланцы, наконец, достигли цели. Мнишеки отыскали жителя Украины, иерейского сына Матвея Верёвкина, который владел тремя языками: русским, польским и еврейским. Он знал Св. Писание, Круг Церковный, талмуд, другие иудейские книги и считал себя мудрым, способным предвидеть будущее. По характеру был грубым, корыстолюбивым, изворотливым и дерзким. Пан Маховецкий, бывший другом первого самозванца, стал его руководителем и наставником.

Он собрал новому самозванцу сподвижников, став среди них гетманом. На этот раз поляки более активно пошли к новому самозванцу, так как хотели отомстить за кровь погибших в Москве соотечественников и сместить с престола В.Шуйского. Маховецкому и новому самозванцу удалось собрать войско и двинуться в пределы России. В начале августа 1607 года новый самозванец занял Стародуб. Здесь его поддержал атаман запорожских казаков И.Заруцкий, который несколько тысяч казаков объединил с северскими мятежниками. От Стародуба новый самозванец с паном Маховецким и атаманом Заруцким двинулись к Туле. В.Шуйский с появлением нового самозванца отправил воевод князей Литвинова-Мосальского и Третьяка Сеитова к границе. Первый стал у Козельска, а второй занял Лихвин, Белев и Болхов.

Однако мятежники начали обходить эти города. Князь Литвинов-Мосальский оказался отрезанным от своих главных сил у Мещовска. Он вступил в сражение с мятежниками и был разбит. Дорога на Тулу была открыта. Болотников со своими сподвижниками продолжал оборонять город. Ещё немного и В.Шуйскому пришлось бы снять осаду. Но ему помог случай. Муромчанин **Сумин Кровков** предложил царю затопить Тулу. Ниже города ратники построили деревянную плотину и завалили реку Упу мешками с землёй. Вода поднялась, вышла из берегов, затопила острог, улицы и дома. Осаждённые оказались разделёнными и сосредоточились на высоких местах. Вылазки прекратились.

Страх потопа и голода смирил мятежников. Телятевский, Шаховский и Болотников сообщили царю, что готовы сдать Тулу и отдать в его руки Лжепетра, если им будет обещано помилование. Зная, что новый самозванец недалеко, В.Шуйский обещал помиловать всех. 10 октября боярин Колычев с московскими ратниками вступил в Тулу и схватил самозванца Лжепетра (казака Илейку). Болотников в полном вооружении сам подъехал к царю, сошёл с коня, стал на колени и сказал: *«Я исполнил обет свой: служил верно тому, кто называл себя Дмитрием в Сендомире: обманщик или царь истинный, не знаю; но он выдал меня. Теперь я в твоей власти: вот сабля, если хочешь головы моей; когда же оставишь мне жизнь, то умру в твоей службе, усерднейшим из рабов верных».*

В.Шуйский не хотел нарушать обещание. Болотникова, Шаховского и других предводителей мятежа вслед за закованным Лжепетром (казаком Илейкой) отправили в Москву под стражей. Князя Телятевского, самого знатного изменника, из уважения к его именитым родственникам не лишили ни свободы, ни боярства. Такое мягкотелое отношение к предводителям мятежа не способствовало его прекращению. Наоборот, явная безнаказанность знатных мятежников провоцировала других бояр и дворян к измене. Новый Лжедмитрий, узнав, что Тула пала, отошёл к Трубчевску. Здесь В.Шуйский вновь допустил непростительную ошибку. Вместо того, чтобы всеми силами добить разрозненные отряды мятежников, он послал лёгкую конную

рать к Брянску, а казанскую и черемисскую конную рать в Северскую землю для грабежа и казни её жителей.

Для взятия Калуги, которую удерживал атаман **Скотницкий**, царь оставил немногочисленную рать. Сам же вернулся с главными силами в Москву. Начались празднества по случаю победы. В эти дни повесили Лжепетра (казака Илейку) на серпуховской дороге. И.Болотникова, Ф.Нагибу и некоторых других опасных мятежников отвезли в Каргополь и утопили. Г.Шаховского сослали в пустыню Кубенского озера. Немцев, взятых в Туле, сослали в Сибирь. Всех остальных оставили без наказания и на свободе. Жестокое отношение к холопам, казакам и крестьянам толкало их на отчаянное сопротивление и продолжение мятежа. В то же время снисходительное отношение к знатным поощряло их участие в мятеже. Так что мятеж не мог сам по себе утихнуть в условиях сохранения его очагов на юго-западе России.

В марте 1608 года царь, после совещания с патриархом и духовенством, издал соборную грамоту о беглых крестьянах, подтверждавшую закон о закрепощении крестьян 1593 года. Эта грамота была дополнена рядом положений, которые усиливали крепостной гнёт и зависимость крестьян от землевладельцев. Это тоже не могло способствовать быстрому прекращению мятежа. За прошедшее время В.Шуйский понял, что московское войско недостаточно боеспособно, в первую очередь по причине плохого знания ратного дела военачальниками. Осаждая Тулу, он понял это достаточно хорошо.

Поэтому по прибытии в Москву он велел перевести с немецкого и итальянского «**Устав дел ратных**». В предисловии к нему записали, чтобы *«россияне знали все новые хитрости воинские, коими хвалятся Италия, Франция, Испания, Австрия, Голландия, Англия, Литва, и могли не только силою, но и смыслу смыслом противиться с успехом, в такое время, когда ум человеческий всего более вперен в науку необходимую для благосостояния и славы государства: в науку побеждать врагов и хранить целость земли своей».*

В этом уставе были определены: правила создания войска и его структурного деления; правила организации строя, похода, стана, обоза; правила движения пехоты и конницы, пушечной и ружейной стрельбы; правила организации осады и ведения приступов; правила организации деятельности воевод по воодушевлению ратников перед сражением или боем. Перевод этого устава был шагом вперёд к реформе вооружённой силы государства. Но он требовал времени на понимание и усвоение, которого у царя В.Шуйского не было.

В это же время царь женился на Марии, дочери боярина князя П.Буйносова-Ростовского. Не успели ещё отпраздновать бракосочетание, как междоусобная гражданская война вновь заполыхала, охватив весь юго-запад России. Осаждённые в Калуге держались крепко. Царь отправил к ним атамана Беззубцева, чтобы склонить к сдаче. Но осаждённые ему сказали: *«Не знаем царя, кроме Дмитрия; ждём и скоро его увидим!»* В.Шуйский, помня неудачи войска Б.Го-

дунова под Кромами, не решился утомлять своё войско зимней осадой Калуги, так как не верил в успех этой осады. В то же время желание взять Калугу подтолкнуло его к привлечению донских казаков, перешедших на его сторону под Москвой.

4 тысячи донцов, выражая желание загладить свою вину, согласились взять Калугу. Они прибыли в калужский стан, но через несколько дней восстали. К ним присоединилась значительная часть осаждавшей рати. Перепуганные воеводы бежали от них в Москву. Часть мятежников вступила в Калугу, другая часть ушла к новому самозванцу. Пока царь бракосочетался и занимался решением некоторых государственных дел, новый самозванец спокойно укрепился в Трубчевске. К нему подходили всё новые и новые дружины из Литвы и юга России. Из Литвы к нему пришли мозырский хорунжий Будзило, паны Тышкевич и Лисовский. Последний имел немалый ратный опыт, был смелым и мужественным человеком.

Зная, что В.Шуйский распустил главное войско, Лисовский посоветовал Лжедмитрию II немедленно выступить с имеющимися силами. Тем более, что их собралось немало: около 7 тысяч ляхов, около 8 тысяч казаков и большое число мятежных россиян. С этим войском новый самозванец двинулся к Брянску, который защищала рать во главе с воеводами М.Кашиным и Ржевским. Мятежники осадили Брянск. Но быстро взять его не смогли. В.Шуйский для спасения Брянска направил из столицы князя И.Куракина с ратью, а из Мещевска князя Литвинова-Мосальского. Литвинов первым достиг Брянска, но путь к нему преграждала р.Десна.

Видя бедственное положение осаждённых, Литвинов 15 декабря 1608 года на своём коне бросился в реку. За ним бросились в воду его ратники. Под огнём противника они преодолели реку и схватились с мятежниками и поляками. Кашин и Ржевский сделали вылазку. Мятежники и поляки смешались и отступили. В это время подошёл со своей ратью И.Куракин, но он в сражение не вступил, а укрепился на берегу реки и обеспечил Брянск припасами. Эта пассивность Куракина дала возможность мятежникам организоваться. Лжедмитрий II собрал своё войско, обошёл Брянск и напал на рать Куракина. Сражались мужественно несколько раз, но победы не добилась ни та, ни другая сторона. Царское войско, видя, что противник всё усиливается, оставило Брянск и отошло к Карачеву.

Лжедмитрий II не стал преследовать царское войско, а двинулся к Орлу, который сдался ему. Здесь он написал грамоту своему мнимому тестю Ю.Мнишеку, которая на самом деле предназначалась для тех, кто хотел видеть на престоле не В.Шуйского, а любого, кто выдаёт себя за царевича Дмитрия. Зная об усилении мятежников, В.Шуйский, наконец, решил собрать большое войско. Управлять им он поручил своему любимому брату Д.Шуйскому и князьям В.Голицыну, Лыкову, Волконскому и Нагому. Повелел присоединиться к ним Куракину и инородческой коннице. Всего собралось около 70 ты-

сяч ратников. Однако главный воевода Д.Шуйский не был ни любим, ни уважаем войском. Он не имел ни ратного духа, ни прозорливости. Отличался величавостью, спесью, да завистью к более способным людям. Привечал подхалимов и угодников. Поэтому вместо князя М.Скопина-Шуйского взял к себе вторым воеводой В.Голицына, который уже не раз изменял. Царское войско остановилось в Болхове и находилось там до весны.

Наступил 1609 год. Спокойно перезимовав в Орле, новый самозванец вновь значительно увеличил свои силы. В Орёл к нему прибыли знатные литовские князья **Рожинский** и **Адам Вишневецкий** с тремя тысячами всадников. Князь Рожинский, желая быть гетманом в мятежном войске, поссорился с паном Меховецким и убил его, встал во главе этого войска и подчинил себе нового самозванца. Пока царское войско отдыхало, мятежники и поляки не сидели сложа руки. Они разослали своих подстрекателей, собрали новые отряды и, не боясь морозов и снегов, брали города и сёла, неуклонно приближаясь к Москве. Рязанский воевода князь Хованский и думный дворянин П.Ляпунов пытались отбить у мятежников Пронск. Овладели его внешними укреплениями и даже ворвались в город. Но П.Ляпунова тяжело ранили. Хованский вынужден был отойти к Зарайску, где его настиг пан Лисовский и разгромил наголову.

Становилось ясно, что для защиты Москвы нужно собирать новое войско. Царь писал брату, чтобы он немедленно начал действовать. Д.Шуйский, наконец, выступил из Болхова 13 апреля и в 10 верстах от него встретился с новым самозванцем. Первым вступил в сражение с передовым полком В.Голицын и первым бежал. Под влиянием бежавших смешался большой полк. Спас положение запасной полк под начальством Куракина, который решительным ударом остановил мятежников. Сражались долго, но победы не добилась ни та, ни другая сторона. На следующий день сражение возобновилось. Однако Д.Шуйский, опасаясь, что его пушки достанутся мятежникам, распорядился везти их назад к Болхову.

Царское войско пришло в замешательство, чем и воспользовались мятежники. Они сильным ударом смяли расстроенные ряды царских ратников и обратили их в бегство. Большая часть царского войска устремилась к Москве. Часть разошлась по домам. Около 5 тысяч ратников во главе с **Т.Сеитовым** поначалу засели в Болховe, но затем сдались Лжедмитрию II, присягнули ему и выступили с ним к Калуге. Москву объял страх. Многие уже стали думать, что первый самозванец действительно спасся и теперь может казнить их за убийство поляков в Москве. Нашлись и такие, которые стали думать, как перейти на сторону мятежников, не гнушаясь выдачей своих господ и царских слуг.

Однако В.Шуйский развернул бурную деятельность по сбору нового войска, которое удалось быстро организовать. В него влилась и рать Т.Сеитова, которая шла отдельно от главных сил мятежников и

под Москвой перешла на сторону царского войска. Новое войско было поручено И.Романову. Вторым воеводой был назначен князь М.Скопин-Шуйский. Их помощники, воеводы Катырев, Трубецкой, Троекуров, полагая, что пришёл конец Шуйским, думали предательством обелить себя в глазах нового самозванца, стали подбивать дворян и боярских детей к измене. Их действия стали известны царю. В.Шуйский велел схватить их и доставить в Москву. Там их пытали и уличили в измене, затем сослали Катырева в Сибирь, Трубецкого в Тотьму, Троекурова в Нижний Новгород. Менее знатных изменников Желябовского и Невтева казнили.

Войско стало между Москвой и Калугой на реке Незнани. Но Лжедмитрий II обошёл его севернее и устремился по волоколамской дороге к ***Тушино***. Царь распорядился отвести войско к Москве для её защиты. Новый самозванец овладел с.Тушино и начал рассылать грамоты, чтобы подбить жителей Москвы к восстанию, но царское войско перекрыло дороги с западной стороны, и грамоты в Москву не попадали. Были кровопролитные столкновения, которые однако не дали перевеса ни той, ни другой стороне. Войско мятежников насчитывало около 75 тысяч человек. Подавляющая их часть была плохо вооружена и обучена. Только около 15 тысяч поляков и казаков представляли из себя серьёзную боевую силу. Царское войско насчитывало около 80 тысяч человек и имело множество пушек. Причём всё войско было хорошо вооружено и находилось под прикрытием городских стен.

Но дух этого войска, изначально слабый, постепенно становился всё слабее и слабее. Его могла спасти активность и решительность действий, но их как раз и не было, что развязало самозванцу руки. Он попытался отрезать Москву от северных городов и областей, заняв село Тайнинское. Однако сам оказался отрезанным от украинных городов и областей, так как царское войско заняло калужскую дорогу и прервало его сообщение с городами и областями юго-запада России. Поняв свою ошибку, он отбил Тушино. Между реками Москвой и Всходней, у волоколамской дороги, избрал выгодное место для стана и укрепил его валом с глубокими рвами.

Главные силы царского войска встали между Тушиным и Москвою, на Ходынке. За ними на Пресне встал царь со своим двором, царской дружиной и засадным полком. При этом рассчитывали, что новый самозванец также потерпит поражение, как Болотников, поэтому царь вступил в переговоры, совершенно не думая о решительных действиях. Этим он предоставил новому самозванцу возможность для того, чтобы укрепиться и расширить сферу своего влияния. Царь, вступив в переговоры с поляками, надеялся таким путём отвратить их от нового самозванца и пошёл даже на то, чтобы освободить польских пленников. По этому поводу заключили договор 25 июля 1609 года.

Во время переговоров польские послы свободно ездили в Москву и из Москвы, всё выведывали и высматривали. Царское войско, уз-

нав о переговорах и предстоящем заключении мирного договора с поляками, утратило бдительность и несло службу кое-как. Гетман мятежников Рожинский, видя такую беспечность, с поляками и казаками внезапно ударил на ходынский стан, захватил обоз и пушки, рубил и гнал сонных, почти безоружных, объятых ужасом московских ратников до Пресни. Здесь поляков и казаков встретили высланные царём его дружина (рать) и засадный полк. Значительное численное превосходство было на стороне царского войска, поляки и казаки были оттеснены и отошли к Ходынке.

Этот случай показал, что поляки, заключив договор, не собирались прекращать войны. Идя на переговоры, они преследовали только одну цель – дать возможность выехать из Москвы Ю.Мнишеку, Марине и польским послам. Тем временем численность поляков увеличилась ещё на 7 тысяч человек. Эту рать привёл усвятский староста **Я.Сапега**, который по прибытии предложил взять Москву приступом. Но гетман Рожинский не согласился с ним, подобно В.Шуйскому, он вступил в переговоры с некоторыми московскими боярами и князьями, надеясь на предательство и восстание в Москве против В.Шуйского.

Оба они, и В.Шуйский, и Рожинский, абсолютно неверно оценивали ситуацию, полагаясь в основном на успех переговоров. Любые переговоры в таких случаях только тогда дают положительный результат, когда они подкреплены активными и успешными действиями войск. Здесь, конечно, нужно признать, что Рожинского на этот путь толкала слабость войска мятежников. Рассчитывать на успех приступа после отбитого царским войском внезапного удара он не мог. И это было правильно. Но в то же время он не предложил сколько-нибудь продуманного плана действий мятежников, продолжал удерживать главные их силы у Москвы. В результате, действия поляков и российских мятежников оказались слабо согласованными и сумбурными. То есть, гетман Рожинский оказался плохим стратегом.

Сторонники активных действий Сапега и Лисовский со своими ратями и примкнувшими к ним российскими мятежниками вышли из тушинского стана и начали действовать на свой страх и риск. Сапега с 15-тысячной ратью двинулся к Троице-Сергиевской лавре, а Лисовский к Коломне. Так предводители поляков и мятежников допустили стратегический просчёт. Вместо того, чтобы все силы бросить на организацию плотной блокады Москвы и расширение сферы влияния мятежников севернее и восточнее её, начали сумбурные действия слабыми силами на различных направлениях. Лисовский объединил свою рать с тульскими и рязанскими мятежниками, собрал до 30 тысяч человек, взял Коломну и двинулся к Москве.

Царь выслал из Москвы рать Куракина и Лыкова. Они на берегах Москвы-реки, в Медвежьем бору, разбили слабо организованное и шедшее без охранения войско Лисовского. Последний с дружинами польских всадников бежал в Тушино. Царские воеводы И.Бутурлин и Глебов вновь заняли Коломну. Второе 30-тысячное войско, возглавляемое

князьями И.Шуйским и Г.Ромодановским, царь направил против Сапеги. Это войско настигло поляков между сёлами Здвиженским и Рахманцовым. Сапега развернул часть своей рати с пушками и дважды пытался опрокинуть царское войско, но оба раза потерпел неудачу, потерял пушки и был ранен в лицо. Однако не растерялся и не побежал. Он развернул всю свою рать и дружно ударил по царскому войску, которое смешалось и побежало. Поляки и российские мятежники преследовали бегущих 15 вёрст, взяли 20 знамён, все пушки и множество пленников. Царские воеводы бежали в Москву, а ратники разбрелись по домам.

В это время польские паны Зборовский и Стадницкий со своими дружинами напали на московский отряд, сопровождавший Ю.Мнишека, Марину и польских послов. Отряд не принял боя и разбежался. Воевода отряда Долгорукий ускакал в Москву. Марина была доставлена в тушинский стан, где 1 сентября 1609 года признала нового самозванца своим мужем, о чём стало широко известно в Москве и всей остальной России. Положение царя В.Шуйского резко осложнилось, а положение противников усилилось. К Лжедмитрию II перебежали князья Трубецкой, Черкасский, Сицкий, Засекины, Бутурлин, дьяки Граматин, Третьяков и другие. Перешёл на его сторону и сподвижник первого самозванца князь В.Рубец-Мосальский.

Колеблющиеся, не надеясь более на царя, разъехались по домам. Видя начавшиеся измены и ежедневное уменьшение войска, царь решил прибегнуть к помощи шведов, которые добивались союза с Россией против Польши. Он направил к шведам князя М.Скопина-Шуйского, чтобы получить от них помощь и удержать трон. Стало расти число перевёртышей, которые брали деньги из царской казны, а потом ехали к самозванцу и брали деньги у него. Всё колебалось в среде москвичей и царских ратников. Но ещё не наступил момент полного распада, и Москва держалась, хотя и слабела день ото дня. В эту пору всеобщей шаткости, измен и предательства появились образцы истинного мужества и стойкости. Сапега, Лисовский, К.Вишневецкий, Тышкевичи и другие знатные польские паны с 30-тысячным войском 23 сентября 1609 года осадили Троице-Сергиеву лавру. Осаждённых возглавляли воеводы Г.Долгорукий и А.Голохвастов. Как ни пытались поляки и мятежники взять лавру, им это не удалось осуществить. До 9 мая 1610 года в лавре погибло 2 125 ратников и 797 монахов. Здесь Сапега потерял большую часть своего войска. После первых неудач от него ушёл Лисовский и другие польские паны. Сапега, будучи талантливым тактическим начальником, был слабым стратегом. Упорствовал там, где этого не нужно было делать.

Через некоторое время Лжедмитрий II и гетман Рожинский, увидев бесполезность осады лавры, поняли свою ошибку. Ведя переговоры с изменниками и находя новых, они решили не ограничиваться Москвой и разослали отряды к северным городам России в надежде переманить их на свою сторону. Первым на сторону нового самозванца перешёл Суздаль, затем Переславль-Залесский. Потом мятежники

взяли Ростов, где митрополитом был Ф.Романов (Филарет). Здесь сопротивление им оказал небольшой отряд ратников. Воинов перебили, а Филарета доставили в тушинский стан, где он стал центром притяжения противников В.Шуйского. После взятия Ростова города стали сдаваться один за другим. Вскоре сдались Владимир, Углич, Кострома, Галич, Вологда и другие.

Только Шуя и Кинешма, наследственные владения царя, оказали сопротивление и были взяты и разорены Лисовским. Взята была Тверь, её просто некому было защищать. Отряд лёгкой конницы Сапеги добрался даже до отдалённого Белозёрска, где освободил Г.Шаховского, ставшего новым усердным сподвижником Лжедмитрия II. Сдался Ярославль и обещал выставить тысячу всадников и выделить 30 тыс. рублей новому самозванцу. Сдался Псков. Воеводу П.Шереметева со многими знатными жителями схватили. Вначале их заточили в темницу, а затем умертвили. Мятежники грабили и убивали невинных и славили тушинского царя. Так было тогда по всей России.

Свидетель тогдашних ужасов Авраамий Палицын записал: *«Россию терзали свои более, нежели иноплеменные: путеводителями, наставниками и хранителями ляхов были наши изменники, первые и последние в кровавых сечах: ляхи, с оружием в руках только смотрели и смеялись безумному междоусобию»*. Верность В.Шуйскому, кроме Москвы, хранили Коломна, Переславль-Рязанский, Смоленск, Нижний Новгород, Саратов, Казань и сибирские города. На сторону нового самозванца перешёл даже кайсак **Уразмахмет** и ногайский князь **Арслан Урусов**.

Польский король Сигизмунд III, наблюдавший за событиями в России и опасавшийся, что В.Шуйский пригласит в страну шведов, решил действовать более активно. Тем более в России появилась партия, которая вместо нового самозванца желала пригласить на московский трон сына Сигизмунда III Владислава. Польский король собрал сейм и добился одобрения войны с Россией и даже не оповестил об этом Лжедмитрия II. В июне месяце он выехал из Кракова к войску и после недолгих размышлений повёл его к Смоленску по совету канцлера Льва Сапеги и бывшего посла пана Госевского, которые уверили польского короля, что Смоленск желает ему сдаться.

По мере того, как мятеж охватывал Россию и мятежники захватывали власть, у населения стало меняться отношение к ним. Насилия, грабежи, убийства добропорядочных граждан сделали своё дело. Первыми начали сопротивляться земледельцы. Они уходили в леса, прятали хлеб и скот, нападали на мелкие отряды мятежников. По мере изменения общественного мнения и нарастания сопротивления появились и способные воеводы, проявившие своё умение на поле брани. Первыми отличились царские воеводы князь Прозоровский и Сукин, которые разбили рать пана Хмелевского. Часть его людей бежала во Владимир. Через некоторое время там собралась многочисленная рать, которая двинулась к Коломне.

На этот раз честь защиты Коломны досталась воеводе князю **Дмитрию Михайловичу Пожарскому**. Он вёл свой род от **Всеволода III** и князей Стародубских. Царедворец без чина во времена Б.Годунова, был стольником во времена первого самозванца, стал сторонником В.Шуйского и верно ему служил. Князь Д.Пожарский со своей ратью выступил навстречу мятежникам и в 30 верстах от Калуги, в селе Высоцком, устроил засаду. Когда подошли неорганизованные толпы мятежников, он внезапно ударил всеми силами. Мятежники, охваченные паникой, бросились бежать, практически не оказывая сопротивления. Поэтому победа досталась ему малыми потерями. Его рать захватила много пленников, обоз и богатую казну.

В это время мятежные черемисы, мордва, россияне и ляхи во главе с воеводой князем Вяземским осаждали ***Нижний Новгород***. Его жители оказали сильное сопротивление. Видя неорганизованность мятежников, они совершили успешную вылазку, разбили неприятеля и взяли в плен князя Вяземского, которого повесили как изменника. Но на этом они не остановились. Зная, что боярин Ф.Шереметев по велению царя оставил свой стан у ***Астрахани*** и идёт вверх по Волге, смиряя мятежников, нижегородцы вышли из города, взяли ***Балахну*** и другие волжские города, подчинили их жителей царской власти. Под их влиянием восстали жители Юрьевца, Гороховца, Луха, Решмы, Холуя. Под предводительством сотника Красного, мещан Кувшинникова, Нагавицына, Денгина и крестьянина Лапши они разбили мятежников в Лухе и селе Дунилове. Возглавлявший мятежников **Ф.Плещеев** бежал с остатками своих отрядов к Лисовскому в Суздаль.

В это же время поднялись жители северо-восточной России. Там возглавляли восстание **Пётр Строганов** и немец **Даниил Эйлоф**. Первый удержал Соль-Вычегодскую и распространил царскую власть на другие пермские и казанские города. Второй поднял восстание в северных городах: Устюге, Вологде, Костроме и Ярославле, чем встревожил Сапегу и Лжедмитрия II и отвлёк значительную часть их сил против себя. Паны Тышкевич и Лисовский со своими ратями выступили против северян, сожгли предместье Ярославля, Юрьевец и Кинешму. Князь Г.Шаховский и пан Зборовский сожгли Старицу. Полякам и мятежникам удалось убить несколько тысяч северян.

Но они продолжали сопротивляться в городах, в селениях строили остроги, в лесах засеки, нападали на мелкие отряды и уничтожали их. Схватили и казнили воевод мятежников Застолпского, Нащокина, пана Мартиаса, немца Шмита. Вести об успехах россиян в борьбе с поляками и мятежниками всё чаще стали доходить до Москвы. В.Шуйский писал к северянам, чтобы они шли к Ярославлю, затем на соединение с Ф.Шереметевым и вместе с ним на Москву. Царь не понимал, что осуществить его план северяне не могут, так как силы поляков и мятежников ещё были значительными, а умения у сторонников царя явно не хватало.

Однако писать такие письма царя заставляли обстоятельства, так как Москва уже стала центром козней и жила в преддверии мятежа, который 17 февраля 1610 года подняли царедворец князь **Р.Гагарин**, воевода **Г.Сунбулов** (прощённый изменник) и дворянин **Т.Грязной**. Внезапно случилась тревога. Заговорщики созвали граждан на лобное место, силой привели туда патриарха Гермогена. Позвали всех думных бояр и предложили им сместить с престола В.Шуйского. При этом утверждали, что он избирался не всей Россией, а только своими угодниками и тем возбудил мятеж и междоусобие. Мятежников поддержал только князь В.Голицын. Остальные думные бояре, патриарх, духовенство, граждане и воины ещё оставались верны царю. Гагарин, Сунбулов, Грязной и с ними ещё около трёхсот человек бежали к Лжедмитрию.

Однако этот неудавшийся мятеж не усилил власть царя. Она начала *таться по другой причине*. Москва, *литённая* путей подвоза, так как мятежники вновь осадили Коломну, начала *ощущать* недостаток продовольствия. Москвичи впали в отчаяние. Люди требовали победы и хлеба или смещения В.Шуйского. Царь, жалея бедных и опасаясь бунта, убедил троицкого келаря **Арамия** открыть житницы обители и продавать хлеб по низким ценам. Волнения в Москве утихли. Кроме того, новое радостное известие ободрило жителей.

Ушедший к новому самозванцу князь Гагарин вернулся и сообщил, что в стане мятежников тревога, так как князь М.Скопин-Шуйский заключил союз со шведами, собрал войско и движется к столице, усмиряя мятежников. Эта весть укрепила верноподданность царю. В результате, перестали уходить в Тушино. Прежде чем перепугать поляков и мятежников, князю М.Скопину-Шуйскому *пришлось приложить* немало усилий чтобы собрать войско. В Новгороде воеводствовал боярин князь А.Куракин. Помогал ему Татищев. По прибытии в Новгород князь М.Скопин-Шуйский вступил в переговоры со шведами, направив в Выборг своего шурина – воеводу Головина. Одновременно пытался поднять против Лжедмитрия II весь северо-запад России.

Новгородцы, узнав о ведении переговоров со шведами, начали бузить, *предъявляя претензии царским чиновникам*. Князь М.Скопин-Шуйский вынужден был покинуть Новгород и обратиться к жителям других городов. Но жители Пскова, Ивангорода, Орешка, Копорья и Яма ему тоже отказали, так как уже признали нового самозванца. Положение сложилось почти безвыходное. И всё же ситуацию спасли новгородцы. Там верх одержали сторонники царя. Большую роль в этом сыграл митрополит Исидор. В это время узнали, что воевода Лжедмитрия II Керносицкий с ратью движется из Тушино к берегам *Ильменя*. Новгородцы *решились выступить* против него.

Татищев взялся вести передовой отряд к Бронницам. Однако царские враги и его собственные оклеветали Татищева, обвинив его в измене. Князь М.Скопин-Шуйский хотел принародно судить обвиняе-

мого. Но обвинявшие не стали ждать этого суда. Они возмутили народ, и Татищева убили. Это событие осложнило сбор сил, так как многие дворяне бежали из Новгорода к Керносицкому, который уже занял Хутынский и другие окрестные монастыри, жёг и грабил близлежащие селения. Спасли Новгород пленники. Они заявили Керносицкому, что сильное войско, верное царю, вступило в Грузино и спешит на помощь к Новгороду. Он поверил этим сказкам, повернул и поспешил назад. На самом деле к Новгороду спешила тысячная дружина Горихвостова и Рязанова, которая собралась в Тихвине и теперь шла к Новгороду. Эта дружина по численности в шесть раз уступала рати Керносицкого.

Наконец, пришли хорошие вести от Головина. Шведский король действительно решил оказать помощь. 28 февраля 1609 года в Выборге подписали договор, по которому шведский король выделял 2 тысяч конных и 3 тысяч пеших солдат. На их содержание царь В.Шуйский обязывался выделять 100 тысяч ефимков в месяц. 26 марта 1609 года шведское войско, состоящее из шведов, французов, англичан, шотландцев, немцев и голландцев вступило в Россию и соединилось с малочисленной ратью (около 2 300 человек) князя М.Скопина-Шуйского. Шведское войско возглавлял сын погибшего ранее шведского военачальника **де ла-Гарди – Яков**, которому тогда было 27 лет. Князю М.Скопину-Шуйскому в то время было 23 года.

Де ла-Гарди предлагал вначале взять Ям, Копорье и Ивангород, а как только просохнут дороги, двинуться к Москве. Его план, с точки зрения обычной войны, был правильным. В гражданской войне, когда соотношение сил быстро меняется, осада этих городов могла отнять много времени и людей, – это, во-первых; во-вторых, мятежники в помощь этим городам могли направить сильное войско. В этих условиях вряд ли удалось бы нанести поражение мятежникам и полякам. Князь М.Скопин-Шуйский не столько понимал, сколько чувствовал, что нужно отодвинуть угрозу Новгороду как можно дальше на юг и как можно ближе подойти к Москве, чтобы иметь базу для накопления сил. Ему удалось убедить шведского военачальника, и объединённое шведско-русское войско двинулось на юг. Воевода **Чулков** и шведский генерал **Э.Горн**, возглавлявшие передовые дружины, взяли Руссу и преследовали мятежников до Торопецкого уезда.

25 апреля 1609 года они одержали победу над частью рати Керносицкого в селе Каменке, захватили 9 пушек, несколько знамён и немало пленников. После этого Порхов и Торопец сдались. Торжок сдался другому воеводе Чоглокову. Мятежники почувствовали опасность и попытались отбить Торжок, направив к нему пана Зборовского и князя Г.Шаховского с 3 тысяч поляков и российских мятежников. Узнав об их движении, князь М.Скопин-Шуйский отправил в помощь Чоглокову дружины Головина и Горна всего около тысячи человек. Всего в Торжке собралось около 1,5 тысячи воинов, но они решительно вступили в бой. Мятежники подходили к городу не одно-

временно, без соответствующего охранения и порядка. Чоглоков, Головин и Горн, видя эту неорганизованность, сделали успешную вылазку, разбили мятежников и заставили их отступить к Твери.

10 мая 1609 года князь М.Скопин-Шуйский вывел из Новгорода, некогда могущественного, всего 2 тысяч ратников. В былые времена Новгородская земля выставляла от 30 до 50 тысяч ратников, из которых, собственно, Новгород выделял от 15 до 25 тысяч ратников. Погромы Ивана IV не прошли даром. Новгород не смог после них оправиться даже через 40 лет. Вместе со шведами у него было в это время около 6 тысяч воинов. С этими силами он и двинулся к Торжку. Здесь 24 июня 1609 года он соединился с Чоглоковым, Головиным и Горном. Общая численность рати достигла 7,5 тысяч человек. Но вскоре она увеличилась ещё на 3 тысяч ратников. К Торжку подошёл князь Борятинский, который собрал ратников в Смоленском уезде и по пути смирил Дорогобуж и Вязьму. Силы шведов и россиян почти уравнялись.

Союзное войско устремилось к Твери, где засели паны Зборовский и Керносицкий. Подойдя к Твери, М.Скопин-Шуйский и Я. де ла-Гарди развернули войско для сражения. На правом крыле встали шведы, голландцы, шотландцы и англичане. В центре россияне. На левом крыле финны, немцы и французы. Зборовский и Керносицкий вывели своё войско из города и ринулись в сражение, нанося главный удар по левому крылу союзников. Так как начался дождь, стрельба из огнестрельного оружия сделалась невозможной. Главное преимущество наёмников было нейтрализовано. В этих условиях всё решало холодное оружие. Поляки и мятежники опрокинули французов, немцев и финнов и потеснили россиян. Зато Я. де ла-Гарди со шведами, голландцами, шотландцами и англичанами опрокинул противостоящих им поляков и мятежников и загнал их в город. Пан Зборовский был ранен и едва не попал в плен.

Несмотря на этот успех, союзники вынуждены были отойти. Дождь лил целые сутки. Мятежники, уповая на дождь, не особенно береглись. В следующую ночь, когда гарнизон острога, в котором находились мятежники, беспечно спал, князь М.Скопин-Шуйский с российскими ратниками напал на острог и взял его почти без потерь. Де ла-Гарди тут же предложил взять Тверь приступом. Но князь Михаил, жалея людей, предложил подождать. Он угадывал, что мятежники и поляки либо сдадут город на договор, либо оставят его, так как сил его оборонять у них уже явно не хватало. Действительно, через несколько часов мятежники ушли из Твери. Таким образом, юный полководец за два месяца изгнал мятежников и поляков из большой части новгородских и тверских земель и подошёл к московским пределам.

До этого момента он был доволен шведами. И хотя лазутчики Зборовского пытались возмутить их, они ловили и казнили подстрекателей. Князь М.Скопин-Шуйский, уже более полагаясь на своих ратников, оставил шведов в Твери и двинулся к Городне. Там он узнал,

что шведы двинулись не за ним, а к Новгороду. Первыми не пожелали идти вглубь России финны. За ними не захотели выступить и остальные. Главной причиной называли, что им не выдано полное жалованье. Понимая, что без шведов он ещё не может обойтись, князь М.Скопин-Шуйский направил к ним воеводу **Ододурова**, чтобы удержать их при себе ещё на некоторое время. Убеждения Ододурова и присланное с ним серебро подействовали. Генерал Зоме с тысячей пехоты и конницы присоединился к князю Михаилу. Это было как нельзя кстати.

Князь Зборовский с остатками своей рати и вестью, что Тверь взята сильным союзным войском, прибежал к Сапеге, стоявшему у Троице-Сергиевой лавры. Пан Зборовский стал упрекать Сапегу в бездействии и напросился взять лавру. Сапега позволил ему осуществить приступ. Ночью пан Зборовский двинул на приступ свои расстроенные, ослабленные и утратившие боевой дух дружины. Сильный огонь защитников лавры, которых осталось едва 200 человек, заставил мятежников прекратить приступ. В ходе этого приступа мятежникам удалось убить только одну женщину на стене. Сапега оставил осаду лавры на российских мятежников, сам же с главными своими силами двинулся против союзного войска.

Князь М.Скопин-Шуйский отправил в Москву Безобразова с известием о победах, сам же вёл себя осторожно. Имея сравнительно небольшие силы, он не решился идти прямо на Москву, а двинулся берегом Волги к монастырю Колязину, чтобы установить сообщение с богатым и многолюдным Ярославлем. В Колязине к нему прибыл дворянин Волуев от царя. Там же была получена другая весть, что Сапега и Зборовский находятся уже близ Колязина, в селе Пирогове. Имея около 10 тысяч российских ратников и тысячу шведов генерала **Зоме**, князь М.Скопин-Шуйский решил дать сражение неприятелю.

Он выделил Борятинского, Головина, Волуева и Жеребцова с сильными дружинами в передовой отряд. Они столкнулись с передовой ратью мятежников на топких берегах Жайны. Удар для мятежников был неожиданным. Их загнали в болота, не дав даже изготовиться к бою. За это время главные силы рати изготовились, заняли выгодные места и определили направления для ударов. Сапега с главными силами напал стремительно, с громкими криками. Но россияне и шведы стояли твёрдо, отражая нападения поляков и мятежников. Стрельба и сеча длились несколько часов. К исходу дня поляки и мятежники начали слабеть. На закате солнца рать князя Михаила двинулась вперёд. Утомлённые поляки и мятежники не смогли удержаться и отступили. Их оттеснили до Рябова монастыря.

Князь М.Скопин-Шуйский не стал преследовать разбитых поляков и мятежников, слишком мало было у него для этого сил. Он вернулся в Колязин с пленниками и трофеями. Здесь, в Колязине, на берегу Волги, князь Михаил неустанно сносился с северными городами, принимал от них дары, денежные пожертвования и ратников. Ге-

нералу Зоме он поручил организацию и обучение дружин. В то же время с нетерпением ждал подхода оставшихся в Твери шведов. Однако Я. де ла-Гарди, увлечённый новыми волнениями, опять шёл к Новгороду. Послы князя догнали его в Крестцах, заплатили ему 6 тысяч рублей деньгами и 5 тысяч рублей соболями. Кроме того, князь М.Скопин-Шуйский без разрешения царя согласился отдать шведам Кексгольм. В этих переговорах прошло шесть недель. Де ла-Гарди, наконец, двинулся к Колязину.

Тем временем в тушинском стане вновь разгорелись споры, подобные спорам между Сапегой и Зборовским. Некий пан **Бобовский** стал настойчиво обвинять гетмана Рожинского в слабости духа и необходимости осуществить приступ Москвы. Лжедмитрий II и гетман Рожинский выделили ему несколько дружин, с которыми пан Бобовский устремился к Москве. Но царские воеводы не допустили его даже до предместья. Они вышли из Москвы, ударили навстречу, разбили и заставили эти дружины отступить в тушинский стан. Бобовский вернулся и набросился на гетмана Рожинского, что тот не поддержал приступ всеми силами, обвинял в измене. Гетману ничего не оставалось, как организовать новый приступ.

Через несколько дней приступ повторили. Сам Лжедмитрий II, гетман Рожинский, атаман Заруцкий, все знатные изменники вели дружины и рати на приступ, хотели сжечь деревянный город. Но царь успел поднять войско, во главе которого стоял Д.Шуйский. Неприятель вломился в центр царского войска, смял конницу и смешал пехоту. Но тут с одной стороны воевода князь И.Куракин, а с другой воеводы князья А.Голицын и Б.Лыков со своими ратями ударили на противника. Началась страшная сеча. Поляки и мятежники, охваченные с трёх сторон, не выдержали и побежали. Их преследовали до Ходынки и взяли 700 пленников. Паника среди отступавших была такая, что царское войско могло взять и Тушино, если бы оно не остановилось на Ходынке.

Неуверенность царских воевод, прежде всего, Д.Шуйского, не сумевшего организовать преследование разбитого противника, спасли его от полного поражения, что в конечном счёте обернулось для царя В.Шуйского катастрофой. И это несмотря на то, что успешно действовал не только князь М.Скопин-Шуйский, но и боярин Ф.Шереметев, который близ Юрьевца уже разгромил Лисовского, взял Муром и Касимов, освободил там многих россиян, заточённых в темницах изменниками. Царь направил к нему князя Прозоровского с указом спешить к Москве, не понимая того, что сил у Ф.Шереметева было так же недостаточно, как и у князя М.Скопина-Шуйского.

Все необходимые силы были в Москве, но царь и его окружение не умели ими правильно распорядиться. Тем временем жители Владимира восстали, свергли воеводу Вельяминова, верного сторонника Лжедмитрия II, и вновь присягнули царю. Казалось, вот-вот к Москве подойдут верные царю силы, и мятежники будут окончательно

разбиты. Но события гражданской войны часто переменчивы, а силы, кажущиеся большими, неожиданно рассыпаются, не оправдывая надежд людей, на них полагающихся. Так случилось и в то время. Московское войско не пошло дальше Ходынки и дало возможность Лжедмитрию II укрепиться.

К тому же к нему на помощь подошли казаки из Астрахани с новыми самозванцами: **Августом**, **Осиновиком** и **Лавром**. Первый звался сыном, второй и третий внуками Ивана IV. По пути движения они пытались захватить Саратов. Осуществили приступ, но Осиновик со своими людьми на приступ не пошёл. Воевода Саратова **З.Сабуров** поднял воинов и жителей и отбил приступ. Тогда казаки обвинили Осиновика в измене и убили его. С Августом и Лавром они прибыли к Лжедмитрию II. Но он не захотел признавать в них братьев и распорядился казнить. Таким образом, Лжедмитрий II контролировал ещё значительную территорию: от Тушино до Астрахани, Борисова и Путивля.

Коломна вновь была в осаде. Рязанцы пытались её освободить, но были разбиты мятежниками во главе с паном Мезецким. Неудачно сложилась ситуация и для боярина Ф.Шереметева. Повинуясь указу царя, он со своими плохо организованными и обученными ратниками из Владимира двинулся к Суздалю. Подойдя к нему, стал на равнине и решил дать сражение Лисовскому. Последний ударом польской конницы смял многочисленную, но плохо организованную и обученную пехоту Шереметева. В этом кровавом и беспорядочном сражении погибло большое число его ратников. С оставшимися силами Ф.Шереметев поспешно отступил к Владимиру.

Все эти поражения и усиление Лжедмитрия II вскоре стали известны Москве. Дух москвичей вновь упал, тем более, что вновь обострились проблемы с хлебом. Народ требовал хлеба и даже высказывался в поддержку Лжедмитрию II. В часы этого волнения как раз и прибыл в Москву с дружиной Безобразов, посланный князем М.Скопиным-Шуйским. Безобразов благополучно обошёл разъезды мятежников и вручил царю письмо от князя Михаила, который писал, что скоро освободит Москву. Исчезло отчаяние и сомнение. Мятеж, готовый вот-вот разразиться, утих.

Тем временем князь М.Скопин-Шуйский решил изгнать мятежников из Переславля-Залесского, чтобы обеспечить связь с Ф.Шереметевым и низовыми волжскими областями. Он направил к Переславлю-Залесскому Головина, Волуева и Зоме с сильными дружинами. 1 сентября 1609 года город был взят. Только убитыми поляки и мятежники потеряли около 500 человек. 150 поляков и мятежников попали в плен. 16 сентября 1609 года, наконец, подошёл Я. де ла-Гарди. Князь Михаил выдал шведам жалованье 15 тысяч рублей мехами, чем воодушевил их. Теперь можно было двигаться на юг. 26 сентября 1609 года союзное войско двинулось в поход, оставив в Переславле-Залесском сильную дружину.

По пути к Александровской Слободе встретили отряд поляков, разбили его и на его плечах ворвались в этот населённый пункт. Здесь князь М.Скопин-Шуйский остановился, распорядился немедленно делать новые укрепления, выслать новые разъезды на все дороги и установил постоянное сообщение с Москвой. Ежедневно писал царю, ободряя его и уславливаясь о дальнейших действиях. Кроме шведов, князь Михаил имел уже 18 тысяч вполне подготовленных ратников. Однако он воздерживался от вступления в решающее сражение, желая накопить и подготовить больше сил. Поэтому он решил отражать поляков и мятежников, используя укрепления Александровской Слободы.

Занимаясь укреплением этого населённого пункта, князь Михаил решил оказать помощь Троице-Сергиевской лавре. Он выделил в распоряжение воеводы Жеребцова 900 ратников и велел пробиться к лавре любым путём. Жеребцов с дружиной, соблюдая все меры предосторожности, двигался только ночами. При подходе к лавре на рассвете он внезапно напал на разъезд поляков и мятежников, который, не приняв боя, бежал. После чего Жеребцов с дружиной, к великой радости защитников, вошли в лавру. Встревоженный этим событием и близостью войска князя Михаила, Сапега 18 октября 1609 года с 4 тысячами поляков вышел из своего стана и двинулся к Александровской Слободе. В селе Коринском встретил передовую дружину россиян и преследовал её до укреплений Александровской Слободы. Здесь завязалось сражение. Вначале в бой вступили шведы, затем россияне. Превосходство в силах явно было на стороне союзников. И хотя поляки сражались отчаянно, однако вынуждены были отступить. Сапега отвёл свою сильно поредевшую рать к лавре и возобновил её осаду. Хотя сам уже находился на положении осаждённого, так как его сообщения прерывались разъездами царских войск из Александровской Слободы, Владимира и Москвы.

Последняя теперь имела сообщение с Александровской Слободой, Владимиром и Коломной. Пан **Млоцкий**, узнав, что союзное войско вступило в Александровскую Слободу, снял осаду Коломны и отошёл к Серпухову. Конечно, нужно иметь в виду, что успехи князя М.Скопина-Шуйского были обусловлены рядом причин. Во-первых, всё это время он побеждал относительно слабые рати поляков и мятежников. Во-вторых, слабость выделяемых против него сил была следствием несговорчивости главных военачальников поляков и мятежников Рожинского и Сапеги. Эти гордые и властолюбивые поляки не хотели действовать совместно, несмотря на обозначившуюся серьёзную опасность с севера. После поражения рати Сапеги под Александровской Слободой они съехались для совета. После жаркого спора поссорились и разъехались. Гетман ускакал в Тушино, а Сапега вернулся в свой стан у лавры.

Тем временем войско князя М.Скопина-Шуйского быстро увеличивалось. К нему подошли новые дружины из Ярославля, боярин

Ф.Шереметев из Владимира с низовой ратью, князья И.Куракин и Б.Лыков из Москвы с царской ратью. Александровская Слобода стала затмевать Москву своей важностью. Туда спешили все толпами и порознь. С Александровской Слободой теперь связывали судьбу страны. Ожидали также новой помощи от Швеции. Де ла-Гарди писал королю, что Сигизмунда III можно и нужно победить не в Ливонии, а в России. В это время всё благоприятствовало князю М.Скопину-Шуйскому: доверие царя и союзников; усердие и преданность своих ратников; разногласия и раздоры в среде поляков и мятежников.

В нём россияне увидели ум, мужество, удачу и умение. Его стали славить всё больше и больше. Но эта слава имела несчастные последствия. Князь Михаил служил царю В.Шуйскому по закону и совести, не изъявляя своего властолюбия, не пленяясь свалившейся на него славой. Однако по-другому думали некоторые его современники. Многим стало казаться, что если он освободит Россию, то должен стать царём вместо В.Шуйского. Первым с таким предложением выступил П.Ляпунов. В своём письме князю Михаилу он торжественно предложил от имени всей России занять престол, обвиняя В.Шуйского в неспособности управлять государством. Рязанские послы вручили это письмо князю Михаилу.

Не дочитав письмо, он разорвал его, велел схватить рязанцев и отправить их к царю. Посланцы Ляпунова упали на колени, стали винить последнего в умысле, клялись в верности В.Шуйскому. Князь Михаил простил и отпустил рязанцев. На что он надеялся, трудно сказать. По молодости лет он, видимо, просто пожалел рязанцев, видя в П.Ляпунове дерзкого, но знаменитого сторонника Отечества, который отступился от Болотникова, не пристал к Лжедмитрию II и удерживал Рязань от посягательств мятежников. Князь Михаил спас Ляпунова, но не спас себя от клеветы и гибели. Вскоре В.Шуйскому донесли, что князь Михаил милует злодеев, которые предлагают ему измену и царство. Этот донос возбудил у В.Шуйского подозрение, но он ещё вполне доверял молодому князю и нуждался в талантливом военачальнике. Однако его окружение уже увидело в князе Михаиле своего врага.

В ту пору мятежники тоже имели успехи. Пан Млоцкий превратил Серпухов в свой надёжный стан и организовал частые нападения на царские обозы, идущие по коломенской дороге. К нему присоединились многочисленные отряды разбойников, возглавляемых хатунским крестьянином атаманом **Салковым**. Царь выслал очистить коломенскую дорогу князя Литвинова-Мосальского с ратью. Но объединённые рати Млоцкого и Салкова разбили его. Слободскую дорогу перекрыл изменник князь А.Урусов с ногаями. Цена хлеба в Москве вновь поднялась. Случались измены и в московском царском стане, которые способствовали мятежникам.

В Красном селе на страже стоял атаман Гороховый с казаками и детьми боярскими. Он сговорился с мятежниками и ночью впустил их отряд в село. Дети боярские бежали в Москву, а казаки перешли

на сторону Лжедмитрия II, сожгли Красное село и ушли в Тушино. Другие изменники в другую ночь подвели неприятеля к деревянному городу и зажгли стены. Однако московские ратники отбили неприятеля и потушили пожар. Вскоре Салков добился новой победы. В 15 верстах от столицы он одержал победу над воеводой Сукиным и перехватил владимирскую дорогу. Царю стало ясно, что на этом направлении нужно принимать решительные меры. Против Салкова был направлен воевода князь Д.Пожарский. Он встретил рать разбойников на берегах реки Пехорки и почти всю её истребил. Осталось всего около 30 человек, которые вместе с атаманом явились в Москву с повинной. Другие царские рати оттеснили Млоцкого к Можайску.

Собирая силы, князь М.Скопин-Шуйский размышлял, как лучше бить врага. В это время его внимание привлёк Суздаль, который прерывал его связи с Владимиром и другими низовыми городами. Он направил к Суздалю Борятинского и Лыкова с ратью из россиян и шведов и распорядился взять город внезапным нападением. Находившийся там Лисовский хорошо организовал службу и встретил воевод князя Михаила во всеоружии. Не надеясь на внезапность и успех, они не стали ввязываться в сражение и ушли назад в Александровскую Слободу.

Пока разворачивались эти события, польский король Сигизмунд III в сентябре 1609 года вступил в Россию и подошёл к Смоленску с сильным войском. В его составе было около 12 тыс. польских всадников, около 10 тысяч запорожских казаков и около 8 тысяч немецких пехотинцев. Это войско расположилось станом на берегу Днепра между монастырями Троицким, Спасским и Борисоглебским. Король написал и объявил универсал (манифест), призывая жителей и воинов Смоленска сдаться. На этот универсал (манифест) король получил словесный ответ воеводы боярина Шеина, второго воеводы князя Горчакова и архиепископа Сергия, в котором был отказ сдаться. Затем осаждённые выжгли посады и заперлись в крепости, чтобы выдержать длительную осаду.

Видя, что универсал (манифест) не подействовал на защитников, король распорядился стрелять по стенам крепости из пушек. Однако стрельба оказалась бесполезной, так как ядра в лучшем случае долетали до подножия стен. Зато осаждённые с высоты крепости стреляли удачно. Огнём из пушек они выгнали ляхов из Спасского монастыря. Не имея успеха в разрушении стен, Сигизмунд III всё же решился на приступ. 23 сентября 1609 года, за два часа до рассвета, поляки подкрались к стене и разбили Авраамовские ворота взрывом, но не смогли ворваться в крепость. Осаждённые бодрствовали и отбили приступ.

26 сентября 1609 года ночью полякам удалось захватить острог Пятницкого конца. Надеясь на успех, в следующую ночь они всеми силами подошли к Большим воротам. Завязалось кровопролитное сражение. Неприятель везде был отбит с большими потерями. После этого поляки не выходили из стана, день и ночь обстреливали кре-

ность из пушек, делали подкопы, но безуспешно. Осаждённые всегда узнавали места подкопов и взрывали их вместе с неприятельскими командами. Наступила зима. Сигизмунд III, проявляя упрямство, подобно С.Баторию, непременно хотел взять Смоленск. Но при этом терял людей и время в неудачной осаде.

В то же время он страстно желал свергнуть В.Шуйского, но уже без помощи Лжедмитрия II. Чтобы ослабить последнего, польский король приказал запорожским казакам занимать украинные города и области. В результате, были заняты Путивль, Чернигов, Брянск вместе с многими северскими областями. Эти действия встревожили и обозлили польских сподвижников Лжедмитрия II, настроили их против короля. Дело в том, что вознаграждение и возмещение убытков они связывали с Лжедмитрием II, а не с королём. Занятие королевским войском украинных областей лишало их экономической базы этого возмещения и вознаграждения. Поэтому они объединились и объявили себя конфедератами, то есть создали союз шляхты, которая на законных основаниях не желала теперь подчиняться королю.

Конфедераты отправили ему послание, которое, в свою очередь, настроило против них вельможных панов. Однако Сигизмунд III не собирался строго относиться к полякам, окружавшим Лжедмитрия II. Он хотел, чтобы эти поляки действовали заодно с королевским войском. Для урегулирования взаимоотношений к конфедератам было направлено посольство, в которое вошли пан Стадницкий, князь Збарский, Тышкевич и сильная дружина поляков. С этим посольством он отправил также грамоты к В.Шуйскому и отдельно к россиянам. В последней он, в частности, обещал прекратить бедствия народа, если народ прибегнет к его державной власти.

Послы короля добились своего, они перетянули поляков на свою сторону. Кроме того, они заручились поддержкой знатных изменников, среди которых был и Ф.Романов (Филарет), которые согласились, чтобы Сигизмунд III стал царём России. Но была у послов и неудача. Царские осведомители перехватили письмо Сигизмунда III к россиянам, что позволило В.Шуйскому представить его как козни и вероломство польского короля. Лжедмитрий II тоже догадался, что от него хотят избавиться. Он позвал к себе гетмана Рожинского и спросил, что здесь делают послы короля и почему до сих пор к нему не явились.

Буйный гетман ответил бранью и хотел избить Лжедмитрия II. Но тот в страхе убежал к Марине и заявил ей: *«Гетман выдаёт меня королю; я должен спасаться: прости»*. Ночью 29 декабря, надев крестьянскую одежду, Лжедмитрий II в навозных санях уехал из стана в неизвестном направлении. Лишившись своего предводителя, российские изменники-мятежники частью бежали в поисках самозванца, частью убыли в Москву, а частью пристали к конфедератам и вместе с ними направили посольство к Сигизмунду III.

Лжедмитрий II в начале 1610 года благополучно добрался до Калуги и был принят её жителями, хорошо помнившими ещё Болотни-

кова. Затем к нему присоединился князь Г.Шаховский с казаками из Царёва-Займища, где он наблюдал движение польского войска. Потом к нему пришли его сподвижники из тушинского стана. Образовался двор, правительство, дружина телохранителей и войско. Первым указом после бегства в Калугу Лжедмитрий II объявил истребление ляхов и немцев за неприятельские действия Сигизмунда III и шведов. Хватали и казнили не только ляхов и немцев, но также верных В.Шуйскому людей.

Лжедмитрий II направил свои грамоты также в тушинский стан, в котором предлагал своим бывшим сподвижникам наказать изменников и дать ему клятву верности, обещал за это всех хорошо наградить. В тушинский стан прибыли его послы: поляк **Казимирский** и **Глазун-Плещеев**. Вместе с Мариной они взбудоражили мятежников. В тушинском стане началось брожение. Донцы сели в телеги и выступили к Калуге. Гетман Рожинский со своими ратниками настиг их, изрубил свыше тысячи человек, а остальных принудил возвратиться. После этого случая Марина 11 февраля 1610 года в морозную ночь ускакала верхом в Калугу, сопровождаемая слугой и служанкой. Её бегство и оставленное письмо породили новый всплеск недовольства в тушинском стане. Недовольные много кричали и много стреляли, но затем опять примирились с гетманом и стали ждать королевского решения.

Сигизмунд III принял посольство тушинских поляков и россиян 31 января 1610 года. Послы россиян много говорили о бедствиях страны и в конце предложили венец Мономаха не Сигизмунду III, а его сыну **Владиславу**. Это удивило и даже возмутило Сигизмунда III, но переговоры продолжились. Послы-россияне настаивали, чтобы Владислав принял греко-византийскую веру. Им ответили, что вера есть дело совести и не терпит насилия, что можно слушать и склонять, но не велеть. Однако россияне стояли на своём. Польский современник писал о них: *«Сии люди мало заботились о правах и вольностях государственных: твердили единственно о церкви, монастырях, обрядах; только ими дорожили, как главным, существенным предметом, необходимым для их мира душевного и счастья»*.

Эта характеристика, данная польским современником российским изменникам, очень точно определяет их морально-нравственное состояние. **Все они: от П.Басманова до М.Салтыкова абсолютно утратили способность понимать национально-государственные интересы Русского народа и России. Для них светочем стал самозванец, прикрывавшийся именем сына Ивана IV Дмитрия, да греко-византийское христианское вероисповедание. Всё, что было дорого изуверу царю, стало движущей силой самозванческого движения, утратившего полностью ответственность за судьбу государства и народа.** Причём самозванчество, прежде всего, базировалось на самодержавной почве. В Московском государстве, при Иване IV, сложилась такая система власти, которая закрывала возможности способным людям пробиться к вершинам власти.

И даже те, которые находились вблизи этой вершины, не могли реализоваться, так как система их отторгала и отвергала. В этих условиях самозванчество снизу подпитывалось сторонниками наверху и привело общество и государство в состояние нестабильности. Самодержавие и самозванчество, а вместе с ними неустойчивость общества, бунты, мятежи и революции стали неразделимыми спутниками российского государства. Самодержавие и греко-византийское христианское вероисповедание разрушили основы родового строя, его истинно демократическую составляющую – выборность: глав родов, князей и великих князей. Когда на вершину власти избирали, как правило, по способностям и заслугам. И знатность определялась верным служением народу.

Самодержавие и христианство, разрушив эту систему, устранило способности и заслуги как главные критерии организации власти и ввело косную и мертвящую систему закрепления власти за теми, кто имел лишь знаменитую в прошлом родословную, но в большинстве случаев не имел ни способностей, ни заслуг. Прежде всего, это касается царей. **Таким образом, чтобы избавиться от самозванчества, бунтов, мятежей и революций, нужно окончательно расстаться с иллюзиями в отношении самодержавия (тоталитаризма) и греко-византийского христианского («православного») вероисповедания, восстановить истинно демократическое родовое славянское общество, в котором властные полномочия должны осуществлять люди, имеющие соответствующие способности и заслуги перед русским народом и славянством.**

В этой связи крайне удивительно, что многие люди, называющие себя патриотами и даже националистами, в качестве идейной опоры уповают на самодержавие и греко-византийское христианское вероисповедание. Этим они обнаруживают своё полное непонимание национально-государственных интересов нашей страны и Русского народа в частности, которые ничего общего ни с самодержавием, ни с христианством не имеют. Кроме новых бед и катастроф, самодержавие (народная монархия) и греко-византийское христианство («православие») нам дать ничего не могут. Пора бы нашим людям одуматься и начать возрождать то общество, которое было целенаправленно разрушено в прошлом. **Без возрождения славянского родового общества возрождение страны и Русского народа по определению невозможно.**

В конце концов, польские сенаторы согласились, чтобы Владислав был венчан патриархом. После чего российские тушинские послы дали клятву служить ему и его отцу Сигизмунду III. Затем разослали грамоты в разные города, в которых призывали присягнуть Владиславу. Ржев и Зубцов первыми присягнули королевичу. Воевода Шеин, уже пять месяцев осаждаемый в Смоленске, встретился с изменниками, но присягнуть отказался. Желающих набралось немного. Тушинцы, не дождавшись обещанных королём денег, вновь

начали волноваться. Причиной этого было также то, что до них доходили слухи об усилении Лжедмитрия II. И всё-таки гетману вновь удалось обуздать недовольных, но уже в последний раз.

Тем временем князь М.Скопин-Шуйский начал действовать. Его войско значительно увеличилось. К тому же из Выборга и Нарвы прибыло ещё 3 тысяч шведов. Вначале решили идти против Сапеги, затем против Рожинского. Для того, чтобы обеспечить успех, направили рати Борятинского, Хованского и Горна занять южную часть Тверской и северную часть Смоленской областей и прервать сообщения конфедератов с Сигизмундом III. В то же время дворянин Волуев с 500 ратниками должен был осмотреть укрепления стана Сапеги. Однако он сделал больше. Ночью 4 января 1610 года он вступил в лавру и вместе с дружиной Жеребцова утром напал на поляков, взял пленников и возвратился к князю Михаилу, известив его о слабости противника.

Сапега, имея всего около 6 тысяч человек, изнурённых сражениями и болезнями, не стал ждать подхода главных сил князя Михаила. 12 января он снял осаду лавры и отступил к Дмитрову. Так после 16 месяцев осады освободилась Троице-Сергиева лавра. В то время россияне требовали только хлеба и оружия, чтобы сражаться, а шведы требовали денег. Троицкие иноки отдали князю Михаилу всё, что имели в житницах, а шведам несколько тысяч рублей монастырской казны.

Снега затрудняли боевые действия. Князь И.Куракин выступил с россиянами и шведами на лыжах к Дмитрову, где находился Сапега. Там состоялось кровопролитное сражение. Россияне в этом кровавом деле проявили отменное мужество и заслужили похвалу шведов. Сапега был разбит, бросил пушки, знамёна, оставил Дмитров и, преследуемый лёгкими отрядами, отошёл к Клину. Но, не найдя там ни жителей, ни хлеба, пошёл дальше к калужским и смоленским границам, рассчитывая присоединиться либо к королю, либо к Лжедмитрию II, смотря по обстоятельствам.

До этого времени Сапега служил щитом для тушинского стана с севера, заслоняя его от Александровской Слободы. Теперь этого щита не стало. Более того, воеводы князя Михаила заняли Старицу, Ржев и подошли к Белому. Узнав об этом, конфедераты не стали медлить. Они вышли из Тушино с распущенными знамёнами, под звуки труб, зажгли свой стан и двинулись на соединение с королём. Российские изменники во главе с М.Салтыковым пошли с поляками. Некоторые ушли к Лжедмитрию II. Многие, менее заметные, ушли в Москву и другие города, надеясь на милосердие царя или свою неизвестность. Через несколько часов на месте тушинского стана остался только пепел.

Преследуемый ратями князя Михаила, выбитый из стен Иосифовой обители и разбитый мужественным Валуевым, который тогда захватил Ф.Романова (Филарета), гетман Рожинский, князь рода Гедимина, будучи ещё молодым, жалуясь на измену фортуны, безумие Лжедмитрия II, буйство сподвижников и медлительность короля, ис-

тощил свои физические и душевные силы, заболел и скончался в Волоколамске. Его смерть подтолкнула распад тушинского войска. Оно рассеялось. Часть его бежала к Сигизмунду III, другая к Лжедмитрию II, третья к Сапеге, который стал на берегах Угры и вступил в переговоры с польским королём и Лжедмитрием II.

Так исчезло главное и самое сильное ополчение поляков и российских изменников, удальцов и разбойников, которые были очень близки к достижению своей цели – захвату власти в Москве. Но это войско оказалось погубленным их собственной несогласованностью и раздорами, сплочением и ратными победами верных В.Шуйскому россиян, а также действиями политики Сигизмунда III, внёсшей в их ряды раскол и смятение. И только один Лисовский с изменником атаманом Просовецким, отрядами казаков и вольницы ещё некоторое время держался в Суздале. Но и он весной 1610 года ушёл оттуда в мятежный Псков. По пути взял и разграбил Колязинский монастырь, где погиб мужественный воевода Д.Жеребцов, незадолго до того прибывший воеводствовать.

2 марта 1610 года князь М.Скопин-Шуйский по троицкой дороге вступил в Москву. Царь повелел знатным царедворцам встретить князя Михаила. Народ упредил царедворцев, встретил князя хлебом и солью, бил челом за спасение государства, называл отцом Отечества, благодарил и шведского военачальника Я. де ла-Гарди. В.Шуйский встретил их обоих и благодарил вполне искренне. Начались пиры в честь победы и победителей. Князь Михаил, не упоённый ни честью, ни славой, требовал от царя продолжения изгнания Лжедмитрия II и Сигизмунда III. Однако царь никак не мог принять решение и выступить против польского короля и предводителей мятежников.

Тем временем в среде его окружения росла неприязнь и враждебность к князю М.Скопину-Шуйскому. Тем более, что многие граждане тогда действительно считали, что спаситель России и должен править ею. В этих условиях, вполне естественно, главным противником князя Михаила стал брат царя Д.Шуйский. Будучи спесивым, высокомерным и бездарным, он оказался первым и злостным клеветником, обвинял князя Михаила в сговоре с народом и желании похитить трон и царство. Многие другие царедворцы поддерживали Д.Шуйского. Умный де ла-Гарди в частных разговорах с ближними царедворцами уловил их плохое отношение к князю Михаилу и предостерегал его, как мог. Двор казался ему опаснее ратного поля.

Оба с нетерпением ожидали похода к Смоленску и неохотно участвовали в московских пирах. Видя опасливость князя Михаила, его враги решили ускорить развязку. 23 апреля 1610 года князь Д.Шуйский решил дать обед в честь князя Михаила. Последний не мог отказать брату царя и приехал на обед. Во время встречи Д.Шуйский завёл весёлую и дружественную беседу. Вскоре появилась жена Д.Шуйского **Екатерина** с чашей в руках и ласково предложила отведать мёда, изготовленного ею. Отказать хозяйке было невозможно.

Князь Михаил взял чашу и приложился к ней. Через некоторое время ему стало плохо, из носа хлынула кровь. Буквально через несколько минут он скончался.

Выше мы говорили, что самодержавно-христианская власть отторгала, отвергала и порочила лучших представителей Русского народа. Только с конца XV века и до конца Смутного времени ею были уничтожены и (или) оболганы: сыновья Ивана III Иван Иванович и Дмитрий Иванович; князь В.Шемякин; братья Курицыны и нестяжатели; братья Адашевы; Сильвестр; князья Горбатый-Шуйский, Шереметев, Воротынский; боярин Морозов – первый русский артиллерист; Ермак с ушедшими с ним в Сибирь казаками; царь Фёдор; царь Б.Годунов; царь Ф.Годунов; князья М.Скопин-Шуйский и многие, многие другие. ***Все они хотели и могли обеспечить истинное величие и могущество России. И несмотря на гибель, именно они составляют её гордость, славу и честь.***

Весть о смерти князя Михаила мгновенно разнеслась по столице. Жители Москвы онемели от ужаса и недоумения. Но народ быстро опомнился и, понимая, что князя Михаила отравили ядом, двинулся к дому Д.Шуйского с криками ярости. Царская дружина защитила дом Шуйского и его самого. В результате, народ стал винить в гибели князя Михаила не только Д.Шуйского, но и царя. И хотя В.Шуйский распорядился пышно похоронить любимого народом князя, отношение к царю резко ухудшилось и уже не могло измениться к лучшему.

Завистники и злопыхатели молодого князя, думая, что уже смогут обойтись без него, вскоре увидели, что созданное им единство царя с народом начало рушиться. Царь поставил во главе войска Д.Шуйского, которого и раньше-то не любили, а теперь стали просто ненавидеть. Войско двинулось в поход, но без воодушевления. Российские ратники были в унынии, а шведы требовали денег. Не имея в наличии отпечатанных серебряных монет, царь потребовал их от иноков Троице-Сергиевой лавры. Те ответили, что уже дали Борису 15 тысяч, Лжедмитрию I – 30 тысяч и ему, Василию Шуйскому, 20 тысяч рублей, остальные нужны для восстановления лавры. В.Шуйский силой забрал у них деньги, множество золотых и серебряных сосудов для переплавки. Иноки роптали. Народ тоже изъявлял негодование, называл действия царя святотатством. Довольными были только шведы, получившие жалование. После чего де ла-Гарди выступил в поход вслед за Д.Шуйским. Но начавшийся поход не спас царя.

Первая плохая весть пришла из Рязани. П.Ляпунов уже проявил себя противником царя, написав письмо князю Михаилу. Понимая, что этим он навредил князю и что царь, в конце концов, не простит измены, П.Ляпунов в Рязани всенародно объявил, что Д.Шуйский и царь являются убийцами, отравившими князя Михаила, предложил отомстить и нашёл многих согласных с ним. Рязань, за исключением Зарайска, отделилась от Москвы. В Зарайске в это время находился князь Д.Пожарский, который выгнал гонца Рязани, а грамоту П.Ля-

пунова отправил в Москву с просьбой о помощи. Царь послал в Зарайск стольника Глебова с дружиной, и город остался верным царю. В то же время московские стрельцы, посланные изгнать из ***Шацка*** мятежника князя **Черкасского**, были встречены Л.Ляпуновым и перешли на его сторону. Рязанский мятеж сильно осложнил обстановку и встревожил Москву. За рязанскими событиями последовали другие, ещё более страшные.

Пока князь Д.Шуйский и де ла-Гарди собирались и нехотя шли к Смоленску, шведы вновь начали требовать жалование. Д.Шуйский отдал им 10 тысяч рублей, но не смог их успокоить, несмотря на содействие де ла-Гарди. Шведы явно не желали подчиняться и всё больше высказывали желание перейти на сторону Сигизмунда III, который тоже обратил внимание на движение московского войска к Смоленску. Для того, чтобы задержать его, Сигизмунд III выделил коронному гетману **Жолкевскому** 2 тысячи конных и тысячу пеших воинов. Гетман поначалу подошёл к Белому и оказал помощь засевшим там мятежникам. Хованский и Гори, имея 6,5 тысяч ратников, не решились вступить в сражение с коронным гетманом и ушли на соединение с Д.Шуйским.

Последний, имея более 30 тысяч россиян и около 7 тысяч шведов, хотел действовать осторожно, как князь Михаил. Он отправил 6 тысяч ратников с князем Елецким и Волуевым в Царёво-Займище, чтобы они там укрепились и служили щитом для главных сил. Сам же продолжал медлить и терял время. Коронный гетман действовал более энергично. Он соединился с остатками тушинского войска (около 8 тысяч человек), которое привёл пан Зборовский, 13 июня подошёл к Займищу и сразился с россиянами, потеснил их, но не смог разгромить и взять укреплений. Тогда он решил повернуть против Д.Шуйского. Польские сподвижники смутились, опасаясь малочисленности своих сил. Сам же гетман и российские изменники настаивали на необходимости удара по войску Д.Шуйского, обещая склонить многих на свою сторону. Ручались Жолкевскому за победу и бежавшие от Д.Шуйского немцы, французы, шотландцы и англичане, которые поодиночке и толпами прибывали к нему.

Оставив малочисленную пехоту и обоз у Займища, вечером 23 июня гетман с 10 тысяч всадников и лёгкими пушками скрытно выступил навстречу Д.Шуйскому. Елецкий и Валуев не заметили его ухода. Гетман вёл свою рать ночью, по узкой дороге, вёрст двадцать. На рассвете вышел к селу Клушино, где обнаружил обширный стан царского войска. Стан не был готов к сражению. Ратники беспечно отдыхали. Караулы выставлены не были. Не были высланы и разъезды. Гетман дождался подхода отставших дружин и пушек, затем распорядился зажечь плетень, ограждавший стан.

Треск горящего плетня и дым разбудил спящих. Изумлённые внезапным появлением поляков, Д.Шуйский и де ла-Гарди пытались построить войско, россиян отдельно от шведов. Но гетман ударил одновремен-

но на тех и других. Царская конница дрогнула, но, подкреплённая новыми дружинами, остановила поляков. Завязалась сеча. Шведы, построившись, дружными залпами остановили поляков. Тогда гетман сосредоточил огонь своих пушек по шведам, а резервные дружины двинул во фланг россиянам, которые дрогнули и побежали. Шведы отступили к лесу, а французы, немцы, шотландцы и англичане сдались полякам.

Паника овладела российскими ратниками. Все смешались и бежали без памяти. Князья Д.Шуйский, А.Голицын и Мезецкий было засели в стане с пехотой и пушками, но затем тоже бежали в лес, бросая драгоценности, чтобы отвлечь и остановить преследователей. Де ла-Гарди не смог удержать шведов от измены, вступил в переговоры с гетманом, дал ему слово не помогать царю В.Шуйскому, захватил войсковую казну (5 450 рублей деньгами и мехами на 7 тысяч рублей) с генералом Горном и 400 шведов, ушёл к Новгороду, жалуясь на трусость россиян, предательство англичан и французов. Письменно обещал царю новую помощь, а шведскому королю лёгкое завоевание городов на северо-западе России для Швеции. Д.Шуйский потерял у села Клушино всё, что имел, и едва спасся, пешим добрался до Можайска, а затем в Москву.

Гетман Жолкевский в тот же день вернулся к Займищу и склонил Елецкого и Волуева присягнуть Владиславу. Затем он двинулся к Можайску и занял его. Здесь жители тоже присягнули королевичу. Царь В.Шуйский пытался собрать новое войско, но города не отправили ни одного ратника. В это время вновь активизировался Лжедмитрий II вместе с Сапегой. Царь выслал против них Воротынского, Лыкова и Измайлова с ратью, но они были разбиты мятежниками. Вскоре им сдались Пафнутьев монастырь и Коломна. Южнее Москвы только Зарайск, усмиряемый князем Д. Пожарским, остался верен царю.

Лжедмитрий II подошёл к Москве и расположился в селе Коломенском. Вскоре начался мятеж и в Москве. Инициаторами этого мятежа были рязанцы. Народ взволновался и уже не хотел, чтобы В. Шуйский царствовал. Сторонники П. Ляпунова провозгласили: *«Ни самозванца, ни ляхов!»* Они осилили остальных, съехались со знатными мятежниками и договорились, что свергают В. Шуйского, отказывают Лжедмитрию II и выбирают нового царя. За В. Шуйского вступился только патриарх Гермоген. Но его уже не слушали. Так Народная Дума сместила царя В. Шуйского.

К нему послали свояка князя И.Воротынского, З.Ляпунова, других знатных мятежников и объявили решение Народной Думы. Посланцы народа требовали от В.Шуйского, чтобы он отдал венец и скипетр. Он отказался. Тогда атрибуты власти у него забрали силой, а 17 июля его перевезли из Кремля в его старый дом, где оставили ждать участи под стражей. В следующее утро в его дом явились З.Ляпунов, князь П.Засекин, ещё несколько сановников с чудовскими иноками, священниками и толпою вооружённых людей. Велели В.Шуйскому готовиться к пострижению. Он отказался.

Тогда его постригли силой. Во время пострижения он молчал, и за него обеты монашества произносил князь **Туренин**. Постригли и его молодую жену Марию. Затем их разлучили силой. В.Шуйского отправили в Чудовский монастырь, а Марию – в Ивановский. Братьев В.Шуйского посадили в их домах под стражу. Так закончил своё царствование В.Шуйский, ставший неугодным неудачами своего правления. Желая царствовать, он не смог опереться на людей, которые действительно хотели и могли ему помочь, не смог понять, в отличие от царя Фёдора, что нужно опираться не столько на близких родственников, сколько на способных к государственному и ратному делу людей. Родственники, если они не обладают такими способностями, всегда должны быть на вторых и третьих ролях.

Бурные перипетии царствования В.Шуйского и полыхавшая в западной части России гражданская война заслонили на время всё, что происходило на востоке нашей страны. Но и там эта Смута отразилась не лучшим образом. Слабость царской власти, отмена правил поведения царских чиновников, установленных Б.Годуновым, привели к тому, что они стали своевольничать. Первыми в этом ряду были письменные головы Врасский и Бартенев, которые принялись грабить и притеснять славян-татар. Главы их родов Басандай, Бадаглы и Лачи подняли восстание и заставили царских чиновников умерить свои притязания.

В 1606 году киргизский князь **Немча**, желая добровольно войти в подданство России, отправил свою жену в Томск с соответствующей грамотой. Царские чиновники, прельстившись дорогой собольей шубой, ограбили её, чем и оттолкнули киргизов. Князь Немча в отмщение за оскорбление жены прекратил выплату ясака в Кельтский острог, сжёг все селения славян-татар и русских по р.Чулуму и стал непримиримым врагом России. В этом же 1606 году калмыки, вытесненные русскими и славяно-татарами из нынешнего Кузбасса в Барабинскую степь, слыша о слабости царской власти, начали набеги на селения Тарского округа. Однако положение калмыков было крайне непрочным. С юга их теснили джунгары, от которых калмыки откололись ранее, а с запада кайсаки. Поэтому в 1607 году они направили послов в Томск, чтобы их приняли в подданство России. В этом же году отряд казаков из построенной царскими чиновниками новой Мангазеи спустился по реке Турухан и доплыл до Енисея, где выстроил зимовье Туруханское.

В 1608 году к царю В.Шуйскому прибыли от калмыцких тайшей (князей) послы: **Баучин** и **Арлай** в сопровождении **Богдана Литвинова**. Вскоре после этого томский воевода получил царский указ, чтобы калмыцкие тайши (князья) сами прибыли в Москву и тем изъявили своё желание быть в подданстве, согласясь платить дань лошадьми. Томский воевода послал казаков к калмыцким тайшам, но последние не исполнили поручения и вернулись по причине междоусобной войны в среде самих калмыков, так как калмыцкие улусы, заинтересованные в набегах на селения Тарского округа, не пропустили их.

В 1608 году восстали нарымские и кетские остяки, притесняемые царскими чиновниками. Это восстание томские воеводы подавили с трудом. В этом же году в подданство России перешёл знаменитый древний род арийцев, проживающих по реке Каче и на левом берегу Енисея. В прошлом это был многочисленный народ. Село Ария на реке Каче долгое время напоминало о существовании этого славяно-татарского рода. После перехода в подданство России род арийцев стал переселяться в Минусинскую котловину, на свою древнюю родину, и с помощью русских вытеснил оттуда киргизов. Со временем арийцы быстро смешались и переродились с русскими. Последнего арийца исследователь Гмелин видел в 1735 году. Переход арийцев в подданство России создал благоприятные предпосылки для перехода на сторону Москвы кемцев, модорцев, тубинцев и джесар, которые ранее платили дань то Алтын-хану, то чёрным калмыкам, то бурятам.

В 1609 году томский воевода направил к теленгутскому князю **Обаку** князя **Таяна** с казаками, который склонил Обака приехать в Томск. Князь теленгутов по прибытию в Томск признал над собой власть Москвы. При этом выговорил для себя помощь в защите против Алтын-хана, могущественного правителя Восточной Монголии, имевшего северный стан на р. Кемчик, впадающей в Енисей, а также разрешение переселиться со своим народом ближе к Томску. Ещё один славяно-татарский народ влился в набирающий силу русский этнос. Монголы и буряты оказались в Прибайкалье и верховьях Енисея в результате походов китайцев в период их войны с монголами в 1360-1390 гг. Тогда китайцами был разрушен ***Каракарум***, а монголы были оттеснены на север. В результате, дружественные им киргизы ушли в Минусинскую котловину, а арийцы из Минусинской котловины переместились на реку Качу и левобережье Енисея.

Однако эти успехи часто осложнялись злоупотреблениями царской власти. Обосновавшиеся в нынешней Хакасии киргизы продолжали оказывать сопротивление и использовали любой случай, чтобы подбить славян-татар на восстание. В 1609 году отряд казаков из Томска был отправлен для сбора ясака в южные волости Томского округа. Киргизы схватили казаков и высекли их плетьми, затем подбили на восстание часть чулымских и кузнецких славян-татар и разорили чулымские волости, уведя многих жителей в плен. Для наказания киргизов была отправлена дружина из 300 казаков. Но дружина понесла большие потери и была вынуждена вернуться назад.

В 1610 году в Сибирь была отправлена грамота с воззванием о защите государства, разоряемого самозванцами и поляками. Но эта грамота имела обратное воздействие. Ногаи, находившиеся в верховьях рек Тобол и Миасс, начали набеги на селения Тюменского округа. К кузнецким славянам-татарам из Томска был послан атаман **И.Павлов** с 40 казаками – для уговоров, а также с требованиями, чтобы они в знак верности дали *аманатов* (заложников). Естественно, славяне-

татары отнеслись к казакам недружелюбно, отказались дать аманатов (заложников) и выделили совсем незначительный ясак.

Калмыцкие *тайши* (князья) в условиях нарастающего давления с юга джунгар, вновь направили в Тару своих послов. В их числе от торгоутского тайши Хоорлека были люди, которые должны были осмотреть места по рекам: ***Тобол***, ***Яик***, ***Эмба*** и низовьям ***Волги***. Уже тогда дальновидные калмыцкие тайши готовились к переселению. В этом же 1610 году состоялось плавание отряда казаков по р. Енисею до Ледовитого океана и по нему до реки Пясины. Таким образом, за годы царствования В.Шуйского, без какой-либо его помощи, часто вопреки деятельности царских чиновников, граница России на востоке передвинулась до Енисея, на добрых 700 вёрст. В 1611 году киргизы напали на Ачинскую волость на реке Чулуме, захватили многих жителей и увели их в плен. В 1612 году вогулы узнали, что в Москве нет царя, восстали и пытались сжечь Пелым. На Тюменский округ всё это время осуществляли набеги ногаи и татары-мусульмане, сторонники погибшего Кучума.

Смутное время. Междуцарствие. 1610-1613 гг.

Народная Дума, возглавляемая Ляпуновыми и В.Голицыным, свергнув В.Шуйского с престола, выступила против Лжедмитрия II и против ляхов, желая избрать нового царя. Народная Дума от имени духовенства, приказных и воинских людей, стольников, дворян, боярских детей, гостей и купцов призвала всех воевод и жителей других областей и городов устремиться к столице, сокрушить её врагов и выбрать всей российской землёй нового самодержца. Но Народная Дума с её вождями не имела авторитета в народе. Лжедмитрий II грозил Москве нападением, а гетман **Жолкевский** стремительно приближался. Народ же, не видя уважаемых вождей, начал своевольничать. Бояре, дворяне, чиновники рангом пониже, опасаясь расправы, стали уходить из Москвы, чтобы обеспечить свою безопасность. Некоторые даже подались к Лжедмитрию II.

В этих условиях сторонников Ляпуновых и В.Голицына победили сторонники князя Ф.Мстиславского. Он считал, что избрание царя в таких условиях не получится. Ему удалось убедить некоторых знатных бояр, что царский скипетр в целях спасения державы нужно вручить Владиславу. С ним согласились. После чего это желание виднейших сановников торжественно объявили остальным боярам, духовенству, всем гражданам. Они в своём большинстве тоже согласились. Против был только патриарх Гермоген, который предлагал в цари В.Голицына, либо юного Михаила сына Ф.Романова (Филарета). Пока шли переговоры и уговоры, гетман Жолкевский подошёл к Москве и стал на Сетуни. Каждый час был дорог, и большинство народа на лобном месте решило: *«принять совет Мстиславского!»*.

Немедленно направили к гетману гонцов спросить, друг или враг он Москве. Умный гетман ответил: *«Желаю не крови вашей, а благо России, предлагаю вам державство Владислава и гибель Самозванца»*. Затем взаимно дали аманатов (заложников), вступили в переговоры на Девичьем поле, где князья Ф.Мстиславский, В.Голицын, Шереметев, Мезецкий, дьяки Телепнёв и Луговской с честью встретили гетмана и объявили, что Россия готова признать Владислава царём, но с соблюдением ряда условий. Дьяк Телепнёв развернул свиток и зачитал эти условия.

Гетман Жолкевский внимательно выслушал их и вступил в обсуждение, не дожидаясь на то королевского согласия и разрешения. 17 августа 1610 года эти условия были приняты. Главным их содержанием было то, что Владислава на царство должен был венчать московский патриарх; сохранялись привилегии греко-византийского вероисповедания в России; объединялись усилия для изгнания Лжедмитрия II; ослаблялась неограниченная царская власть. Этого теперь хотели бояре, ранее упрекавшие В.Шуйского в желании умерить самодержавие, а также гетман Жолкевский, который хотел приучить Владислава, наследника польского королевского престола, к уважению свобод и вольностей шляхетства.

Затем состоялась присяга, которую вначале дал гетман и его воеводы за короля и королевича. Потом присягнул народ московский и войско. После присяги гонцы Боярской Думы разъехались по городам объявить об избрании нового царя. Таким образом, умный гетман добился того, что Владислав, избранный только Москвой, так же, как и В.Шуйский, не вполне законно, мог остаться царём в России и наверняка бы изменил её судьбу и отношения с Европой ослаблением самодержавия, значительно опередив время. Но этому помешал отец Владислава, не имевший ума гетмана Жолкевского. Не успели ещё убрать атрибуты присяги с Девичьего поля, как прибыли гонцы от короля с грамотой, в которой предписывалось гетману занять Москву именем короля, а не Владислава. Гетман удивился такому решению, но выполнять его требования не стал, надеясь отговорить короля и убедить соблюдать подписанные условия.

Соблюдая условия договора, гетман Жолкевский сделал ряд шагов, чтобы поляки покинули Лжедмитрия II. Начались переговоры с Сапегой и другими панами. В свою очередь, Лжедмитрий II и Марина попытались вступить в переговоры. Но переговоры только обострили отношения сторон. Тогда гетман решил употребить силу. Вместе с его ратью против Лжедмитрия II и Сапеги выступило 15 тысяч московских ратников с Ф.Мстиславским. После первых столкновений Сапега, видя слабость мятежного войска, перешёл на сторону гетмана Жолкевского. После этого многие россияне тоже оставили Лжедмитрия II, который вместе с Мариной, атаманом Заруцким, оставшимися мятежными россиянами, казаками и ногаями ночью 26 августа ускакал в Калугу.

После этого началось правление поляков от имени Владислава в Москве, Коломне, Туле, Рязани, Владимире, Ярославле и других городах. Многие люди, уставшие от бунтов, мятежей, убийств и разорений, искренне желали тишины и покоя, надеялись, что Владислав способен их обеспечить. Но были и такие, как патриарх Гермоген, которые ничего доброго от поляков не ожидали. И это недоброе скоро случилось. Гетман Жолкевский, как мог, старался соблюсти условия подписанного им договора. Он писал к королю и уговаривал его, чтобы король утвердил эти условия. Для большей убедительности уговорил московских бояр отправить к Сигизмунду III большое посольство, чтобы склонить короля соблюдать условия заключённого договора.

В посольство вошли представители претендентов на московский престол: Ф.Романов (Филарет), князья В.Голицын, Мезецкий, дворянин Сукин, дьяки Луговский и Сыдавный-Васильев, архимандрит Евфимий, келарь Аврамий, игумен Иона, протоиерей Кирилл. После молебна и присяги посольство в сопровождении немалого числа чиновников и пяти сотен ратников 11 сентября 1610 года выехало из Москвы к Смоленску. И всё-таки гетман Жолкевский был вынужден выполнить требования Сигизмунда III и занять Москву. Воспользовавшись тем, что волнения в низах не прекращались, а Лжедмитрий II находился недалеко в Калуге, гетман убедил М.Салтыкова и его сторонников, а также Ф.Мстиславского и других московских бояр, что нужно ввести польское войско в Москву.

Эти люди согласились и не слушали возражений Гермогена и других его сторонников. Поляки вошли в Москву, заняли все укрепления, башни, ворота в Кремле, Китай-городе, Белом-городе. Захватили пушки и снаряды, расположились в царских палатах и лучших домах целыми отрядами для лучшей безопасности. На первых порах не своевольничали, не грабили, не оскорбляли жителей. Назначили чиновников для снабжения войска разными припасами и продовольствием, а также судей для разбора жалоб. Всё управление в Москве и окрестных городах от имени Владислава осуществлял гетман Жолкевский. Он искренне стремился наладить отношения с московским боярством и немало в том преуспел.

Я.Сапеге дали 10 тысяч злотых, и он, покинув Лжедмитрия II, ушёл в Северскую землю. Жолкевский добился также, чтобы стрельцов возглавил поляк Гонсевский. 18 тысяч стрельцов, участвовавших в спасении поляков во время восстания В.Шуйского и его сторонников, представляли большую силу. Но Гонсевский расположил их к себе добрым обхождением, щедростью и пирами. Один Гермоген продолжал настороженно и враждебно относиться к полякам, несмотря на то, что гетман Жолкевский всячески пытался расположить его к себе. Обеспечив спокойствие в Москве, Жолкевский занял своими отрядами все города до Смоленска для безопасности сношений с королём. Он сделал всё, что мог, для утверждения Владислава на московском престоле, но не так думал король, завидовавший успехам гетмана.

Поэтому у последнего, так же, как у князя М.Скопина-Шуйского, появились недоброжелатели и враги в ближайшем окружении короля. И хотя гетмана Жолкевского поддержал Лев Сапега, большинство, в том числе князья Потоцкие, настаивали на присоединении России к Польше и восшествии на её престол Сигизмунда III. Король настроился на такое решение и с нетерпением ждал московское посольство, чтобы навязать ему свою волю. Однако посольство по дороге к Сигизмунду III узнало, что поляки грабят Осташковский, Ржевский и Зубцовский уезды, заставляя присягать жителей и Владиславу, и Сигизмунду III. Эти действия поляков настроили послов на твёрдое противодействие. 7 октября московское посольство прибыло к Смоленску. В королевский стан посольство не впустили, а отвели ему место на голом берегу Днепра, где оно расположилось в шатрах, чтобы терпеть ненастье, холод и голод.

Начались переговоры, в ходе которых московские послы настаивали на своём, а Сигизмунд III на своём. Об этом узнал гетман Жолкевский, который решил оставить Москву и лично переговорить с королём. Московские бояре его не отпускали, опасаясь безначалия и мятежа, но он уговорил их. Вместо себя оставил **Гонсевского**, а в помощниках у него боярина М.Салтыкова и дьяка Ф.Андронова, назначенного государственным казначеем. Оставшимся полякам советовал вести себя тихо. В то же время, не особо надеясь на москвичей, он забрал с собой с согласия Боярской Думы двух братьев В.Шуйского. Но этого гетману показалось мало и он заехал в Иосифов монастырь, забрал с собой и самого В.Шуйского. Королевские воеводы и сенаторы пышно встретили гетмана и славили его как героя. Жолкевский представил царя-пленника В.Шуйского. Поляки хотели, чтобы он поклонился королю, но В.Шуйский ответил: *«Царь московский не кланяется королям. Судьбами Всевышнего я пленник, но взят не вашими руками: выдан вам моими подданными изменниками»*.

Гетман Жолкевский напрасно доказывал королю необходимость согласиться с условиями договора. Сигизмунд III стоял на своём, а в конце потребовал от Жолкевского, чтобы он уговорил московских послов с возведением его на московский престол. Однако последние ни на какие уступки не пошли. Тогда король решил на их глазах осуществить приступ, надеясь на успех. 24 ноября 1610 года поляки наконец-то прорыли подкоп до Грановитой башни, взорвали её и часть городской стены. Затем немцы и казаки три раза бросались на приступ, но все три раза были отражены осаждёнными. Этот неудачный приступ ещё более укрепил волю московских послов. Переговоры продолжились, но ни та, ни другая сторона успеха не добилась.

Гонсевский, узнав о том, что Сигизмунд III не согласился с условиями договора, предвидя негативные последствия, принял ряд мер для усиления безопасности поляков в Москве. Чтобы уменьшить число ратных россиян, начал отправлять в другие города стрельцов, распорядился убрать с улиц рогатки, запретил москвичам носить оружие

и выходить из домов ночью, везде усилил стражу. Из Китай-города и Белого-города выселил всех дворян и купцов. В их домах разместились немцы и поляки. Во всём остальном пока соблюдали наказы гетмана Жолкевского. Между тем Боярская Дума, ожидая Владислава, начала сноситься с королём, минуя посольство.

Сигизмунд III, пользуясь таким попустительством, стал слать ей свои *универсалы* (указы), в которых требовал вознаграждения бояр и сановников, к нему расположенных: Салтыковых, Мосальского, Хворостинина, Мещерского, Долгорукого, Молчанова, печатника Грамотина и других противников В.Шуйского. Жаловал чины, места, земли и деньги. Одним словом, действовал как властелин России, не имея на то никакого права. Знатные люди уже ездили в королевский стан просить милостей и привилегий. Но низы, не видя Владислава, начинали волноваться. Бояре, опасаясь мятежа, просили Сигизмунда III прислать Владислава, не дожидаясь сейма. Но Сигизмунд III к этим мольбам был глух, его интересовал лишь Смоленск. Такое поведение короля всё более и более обостряло обстановку.

Находившийся в Калуге Лжедмитрий II с 6 тысячами казаков и других российских мятежников тоже раскачивал обстановку. Верность ему сохраняли Псков, Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Великие Луки. Неожиданно на его сторону встала Казань. Там убили Б.Бельского, пытавшегося уговорить её жителей. Лжедмитрий II, не имея уже серьёзной поддержки, стал было склоняться к уходу в Астрахань и созданию собственного государства с опорой на мусульман. Он грозил Москве и полякам: «*Христиане мне изменили: итак, обращусь к магометанам, с ними завоюю Россию, или не оставлю в ней камня на камне: доколе я жив, ей не знать покоя*».

Узнав об этом, к нему прибыл касимовский царь кайсак Уразмахмет, который во время бегства Лжедмитрия II из Тушино не пристал ни к полякам, ни к россиянам. Однако сын Уразмахмета, за что-то ненавидевший отца, донёс, что отец хочет тайно уехать в Москву. Лжедмитрий II без расследования велел Бутурлину и Михневу умертвить Уразмахмета, что те и сделали, сбросив его тело в реку. Ногайского князя **А.Урусова**, хотевшего наказать сына-клеветника, схватили и посадили в темницу, но через некоторое время выпустили. А.Урусов затаился и ждал своего часа. 11 декабря 1610 года Лжедмитрий II выехал на охоту. С собой он взял и ногайского князя, который всё время находился рядом с самозванцем.

Когда они вдвоём оказались в уединённом месте, ногайский князь выстрелом убил его, сказав при этом: «*Я научу тебя топить ханов и сажать мурз в темницу*». Затем отсёк голову саблей и со своими ногаями ускакал в Ногайскую орду. Так бесславно окончил свою жизнь Лжедмитрий II, отличившийся тем, что имел подлый и дерзкий характер.

Весть об убийстве Лжедмитрия II стала известна в Калуге от шута **Кошелева**. Сообщники ударили в набат, началось волнение среди мятежников. Марина, полуодетая, разъярённая, с горящим факелом в

руке, бегала из улицы в улицу, требуя мести. К утру не осталось в живых ни одного сторонника Уразмахмета, ни одного ногая. Их всех убили казаки и мятежные россияне. Тело Лжедмитрий II схоронили в Соборной церкви. Марина, не теряя ни ума, ни жажды власти, объявила себя беременной и вскоре родила сына, которого торжественно крестили и назвали царевичем Иоанном. Однако сподвижники Лжедмитрия II – Трубецкой, Черкасский, Бутурлин, Микулин и другие уже не хотели служить Марине и её сыну. Они сообщили об этом Боярской Думе, взяли власть в Калуге в свои руки и посадили Марину под стражу.

Упорство Сигизмунда III вылилось для него и поляков в очередную катастрофу, хотя и растянутую во времени. Волнение народа почувствовали и подтолкнули два человека: патриарх Гермоген и рязанский дворянин П.Ляпунов. Брат П.Ляпунова **Захарий** находился с посольством и знал всё, что замышляли поляки. Оттуда он сообщал своему брату в Рязань об этих планах. Настал момент, когда появилась возможность поднять народ. Патриарх Гермоген в Москве, а П.Ляпунов в Рязани стали подговаривать надёжных людей, призывая их к восстанию. При этом особо подействовали грамоты уездных смолян и москвичей ко всем россиянам.

Кроме Рязани, поднялись Владимир, Суздаль, Нижний Новгород, Романов, Ярославль, Кострома и Вологда. В Москве в Боярской Думе произошёл раскол. А.Голицын, Воротынский и Засекин были в сговоре с Гермогеном и обличали думское большинство в предательстве. Сторонники М.Салтыкова и Ф.Мстиславского заключили их под стражу как крамольников, донесли Сигизмунду III на П.Ляпунова как на мятежника и требовали казни его брата Захария. Для подавления бунта во Владимире выслали рать во главе с князем И.Куракиным. Близ Владимира войско, выставленное городами, встретило и разбило рать И.Куракина, который не особенно-то и хотел победить восставших. П.Ляпунов призвал другие уезды и города не отправлять в Москву казённые доходы и хлеб. Всенародно объявил Боярскую Думу богоотступниками.

Узнав о восстании городов, москвичи то же стали враждебно относиться к полякам. М.Салтыков требовал от Гермогена, чтобы тот воспретил П.Ляпунову ополчаться против Москвы. Боярская Дума ещё надеялась удержаться до прибытия Владислава или Сигизмунда III. Но напрасно, Сигизмунд III не отпускал королевича, писал универсалы (указы) Боярской Думе, а сам желал лишь взятия Смоленска. Поэтому напрасно пан Гонсевский ждал помощи от короля. Те временем Рязань ополчилась. Гонсевский вынужден был отправить против неё днепровских казаков со сторонником Боярской Думы И.Сунбуловым, передовой отряд которых захватил ***Пронск***.

П.Ляпунов, собрав имевшиеся силы, изгнал отряд казаков из Пронска. Но вскоре подошли главные силы **И.Сунбулова** и осадили Пронск. Ляпунов оказался в ловушке. Из этой ловушки его спас князь **Дмитрий Пожарский**. Со своей немногочисленной ратью он

внезапно напал на казаков у Пронска и разбил их. Затем объединил свои силы и силы рязанцев и настиг днепровских казаков у Зарайска, где разбил их наголову. Остатки казаков ушли в Украйну, а И.Сунбулов в Москву. Однако весть о поражении казаков не испугала Гонсевского. Он с презрением относился к россиянам, надеясь с несколькими тысячами поляков и немцев удержать Москву.

Собранное российскими городами и областями ополчение состояло из разных людей – ратных и гражданских, добрых граждан и разбойников, бывших ранее у Лжедмитрия и воевавших против него. Многие шли не столько воевать за Отечество, сколько грабить. Колоритными фигурами этого ополчения были атаманы братья Просовецкие. Бывшие сторонниками и сподвижниками пана Лисовского, в Пскове они рассорились с ним и после кровопролитного столкновения ушли в Суздаль, уведя с собой около 6 тысяч казаков. Поэтому они вошли в число главных воевод этого ополчения.

В ополчение приглашали всех. Приняли князя Трубецкого, атамана Заруцкого и всю их тушинскую рать. Готовились около трёх месяцев. Наконец, в марте 1611 года выступили: П.Ляпунов – из Рязани; князь Д.Трубецкой – из Калуги; атаман Заруцкий – из Тулы; князь Литвинов-Мосальский и Измайлов – из Владимира; атаманы Просовецкие – из Суздаля; князь Ф.Волконский – из Ярославля; князь Козловский – из Романова. Что можно было ждать от этого ополчения? Единства добиться было невозможно. Раздоры и беспорядок должны были, в конечном счёте, разрушить начатое снизу объединение антипольских сил.

Пан Гонсевский, имея вместе с немцами около 9 тысяч человек, узнал о подходе П.Ляпунова и Заруцкого и хотел выступить из Москвы и разбить их поодиночке. Поляки, узнав, что выступают из столицы и, возможно, навсегда, решили поживиться и сорвали планы Гонсевского. 19 марта в полдень в Китай-городе поднялась тревога, раздались вопли и стук оружия. Гонсевский прискакал из Кремля и увидел кровопролитие между поляками и москвичами. Он попытался остановить его, но не смог. Тогда он отказался от роли миротворца, и поляки ринулись рубить купцов, грабить лавки, вламываться в дома. В частности, ворвались в дом князя А.Голицына, противника поляков, и зверски убили его.

Жители Китай-города искали спасения в Белом городе и за Москвой-рекой. Конные ляхи настигали их, гнали, рубили и топтали. Однако в Тверских воротах их встретили стрельцы, закипел бой, и поляки были остановлены. На Сретенке тоже разгорелся упорный бой. Туда подоспел со своей дружиной князь Д.Пожарский. Он объединил людей, разбил их на дружины, снял пушки с башен и встретил ляхов ядрами и пулями. Отбил натиск поляков и загнал их в Китай-город. В Яузских воротах встал И.Бутурлин со своей дружиной и народом. За Москвой-рекой Колтовский остановил бегство, объединил людей и воодушевил на сопротивление.

Сражались и в других местах: на улицах Тверской, Никитской, Чертольской, Арбате и Знаменке. Гонсевский подкреплял своих. Но

численность сражающихся россиян увеличивалась быстрее. При звуке набата москвичи, старые и малые, вооружённые, в доспехах и имеющие лишь дубины, оглобли, топоры, – все устремились в сражение. Из окон и с крыш домов сбрасывали на поляков камни, чурки, дрова. С энтузиазмом, но без порядка больше толкались, мешая друг другу. Гибли десятками и сотнями под ударами организованных поляков. Но численно превосходя поляков, начали оттеснять их на всех направлениях. Тогда Гонсевский двинул в бой последний свой резерв – немецкую дружину (рать) Маржерета. На какое-то время полякам удалось задержать россиян. Однако их многолюдство преодолело и они стали всё настойчивее теснить поляков и немцев к Кремлю.

Видя, что россияне одолевают, М.Салтыков стал кричать: *«Огня! огня!»*, – и собственной рукой поджог свой дом. Сильный ветер раздувал пламя. Густой дым и сильный жар в горящих тесных улицах развели сражающиеся стороны. Поляки и немцы удержались в Китай-городе и до крайности уставшие желали только отдыха. Среди них было много раненых, убитых же не очень, всего около тысячи человек. Россияне, потерявшие убитыми на порядок больше, бросились тушить пожары и искать своих близких и родных.

В Кремле собрались польские военачальники и мнимое российское правительство. Связав себя окончательно с поляками, изменники предложили сжечь Москву. Гонсевский принял совет. Утром, когда москвичи после жестокого побоища и пожара ещё отдыхали, 2 тысячи немцев с конной дружиной поляков вышли из Китай-города в Белый город и к Москве-реке, зажгли в разных местах дома, церкви и другие постройки и погнали россиян из улицы в улицу не столько оружием, сколько огнём. В полдень к стенам горящего деревянного города от П.Ляпунова прискакал воевода И.Плещеев с дружиной, а из Можайска королевский полковник **Струс** – каждый для помощи своим. Численность дружин была примерно одинакова.

Полковник Струс, увидев дружину россиян, воскликнул: *«За мной, храбрые!»*, – и ринулся на дружину Плещеева. Ополченцы последнего, не приняв боя, обратились в бегство. Поляки повернули в город и сквозь дым, огонь, треск горящих и падающих стен ворвались в него, круша всех, кто попадался на пути. Жители уже не оказывали сопротивления. Они бежали из города куда глаза глядят. До 200 тысяч жителей рассыпалось по дорогам к лавре, Владимиру, Коломне, Туле, Симоновой обители. Но в Москве между Сретенкой и Мясницкой шёл бой. Князь Д.Пожарский ещё твёрдо стоял в созданном его ратниками укреплении. Упорно сражался с ляхами и не давал зажечь город за каменной стеной. Не берёг себя от пуль и сабель. Получил многочисленные ранения и упал на землю. Верные сподвижники вынесли его из боя и отвезли в лавру.

Ляхи с немцами до самой ночи жгли Москву. Затем они возвратились в Китай-город и Кремль и любовались пожаром, который обеспечил им безопасность на некоторое время. Никто из них не задумал-

ся о вековых последствиях устроенного ими пожара и избиения москвитян. Пустая Москва горела двое суток. Остались только чёрные стены, печные трубы, обгорелые церкви, да каменные погреба. На третьи сутки в окружении 20 вёрст ещё курились отдельные очаги. Поляки и немцы среди этого пепла и развалин радовались победе и грабили всё, что ещё осталось. Бражничали, играли в карты и зернь. Имели все: от царской драгоценной утвари до вин, сукон и холстов. Не имели только хлеба.

Российские изменники, зная о подстрекательских действиях патриарха Гермогена, свергли его и посадили под стражу на Кирилловом подворье. Вновь восстановили на патриаршем престоле Игнатия, сторонника Лжедмитрия I. Весть о пожаре и побоище в Москве быстро распространилась и дала толчок новому подъёму народного движения. Иноки Троице-Сергиевой лавры, кроме отправки ратных людей, писали грамоты к областным воеводам, требовали немедленно идти к Москве и выбить оттуда поляков и изменников. Воеводы ускорили движение, и к ним стали толпами присоединяться москвичи. 25 марта ляхи увидели на владимирской дороге дружину казаков атаманов Просовецких, вышли из Китай-города напали на дружину и рассеяли её. На следующий день подошёл П.Ляпунов из Коломны и Заруцкий из Тулы. 28 марта эти силы соединились с ратями других воевод близ Угрешской обители и двинулись к московскому пепелищу.

Поляки встретили ополчение за Яузскими воротами, но не смогли противостоять громадному численному превосходству россиян и отошли в Китай-город и Кремль. Вместе с немцами и дружиной полковника Струса поляков было около 9 тысяч человек, в то время как россиян насчитывалось около 100 тыс. человек. П.Ляпунов со своей с многочисленной ратью стал на берегах Яузы, князь Трубецкой с атаманом Заруцким напротив Воронцовского поля. Ярославско-костромская рать у Покровских ворот. Рать Измайлова у Сретенских ворот. Князь Литвинов-Мосальский со своей ратью у Тверских ворот, внутри сожжённого Белого города.

Начались стычки с поляками. Особенно жаркое дело разгорелось 6 апреля, когда поляки напали на рать П.Ляпунова. Воодушевлённые Ляпуновым россияне отбили нападение и оттеснили поляков в Китай-город, а ночью заняли берег Москвы-реки и Неглинной. Поляки как ни пытались, не смогли выбить их оттуда. Потери были с обеих сторон. Причём плохо вооружённые и обученные россияне несли потери несравненно большие, чем поляки и немцы. Но многолюдство земского ополчения скрадывало эти потери. У поляков потери вели к ощутимой убыли в численности. Поэтому россияне, ведя осаду ни шатко, ни валко, могли надеяться на время и истощение сил неприятеля. Поляки рассчитывать на время не могли из-за нехватки людей и хлеба. Гонсевский понимал тяжесть своего положения, писал к королю и требовал скорейшей помощи. Однако король был глух к его мольбам. Он думал только о Смоленске.

8 апреля 1611 года Сигизмунд III вновь вступил в переговоры с послами, требуя Смоленска. И вновь послы отказались ему содействовать. Тогда король распорядился пленить посольство и отправить его в Литву. Послов взяли, ограбили и в ладьях отправили в Киев. Гетман Жолкевский, видя провал всех своих планов и угадывая бедственные последствия для Польши, оставил службу у короля и уехал в свои поместья, несмотря на то что король предлагал ему главное начальство в Москве и России. Не сумев заставить посольство сдать Смоленск, король решил во что бы то ни стало взять его силой.

Уже двадцать месяцев продолжалась осада. Силы и запасы осаждённых истощились. Защитники умирали более от цинги, нежели от ядер и пуль. В живых осталась едва пятая часть защитников, но они продолжали мужественно сражаться, отбивая приступы осаждающих. Но как часто бывает, мужество оказывается преодолённым предательством. Перебежчик из Смоленска **Андрей Дедишин** показал полякам слабое место крепости, новую стену, которую клали осенью. На ней-то и сосредоточили Потоцкий и Л.Сапега огонь всех своих пушек. Стена обрушилась в полночь 3 июня 1611 года.

Воевода Шеин почти все силы сосредоточил в проломе. Но поляки ворвались в крепость и через пролом, и в других местах, покинутых защитниками, которых осталось очень мало. Они долго сражались на улицах, в развалинах, на стенах. Поляки везде одолели и устремились к храму Богоматери, где укрылись многие жители. Понимая, что спасения не будет, они зажгли пороховые заряды и взлетели на воздух с детьми и драгоценностями, которые забрали с собой. Крепость внутри была охвачена огнём, в котором погибли многие жители Смоленска.

Воевода Шеин с женой и детьми с окровавленной саблей стоял на башне и хотел погибнуть со всеми. Но его ближние упросили сдаться. Тронутый их мольбами, Шеин сдался Потоцкому. Его заковали в цепи и пытали, добиваясь выдачи Смоленской казны, якобы им спрятанной. Королю были нужны деньги для расчёта с войском, а их в Смоленске не оказалось. Жители со всем ценным взорвали себя, вот король и его клевреты изобрели миф о казне. Кроме Шеина, в плен попали архиепископ Сергий, воевода князь Горчаков и около 300 смоленских ратников.

Пока Сигизмунд III упорствовал во взятии Смоленска, Гонсевский решил воздействовать на Гермогена. Он стал требовать от патриарха, чтобы П.Ляпунов с ополчением удалился. Гермоген ответил: *«Пусть удалятся ляхи!»*. Сломить его волю полякам так и не удалось. Время работало на земское ополчение, а его неорганизованность и разногласия воевод работали против. Воеводы не слушали друг друга и не помогали, когда поляки нападали на ту или иную часть ополчения. Поэтому больших успехов ему добиться не удалось. Наконец, решили избрать главных начальников. Ими стали думный дворянин П.Ляпунов, князь Д.Трубецкой и атаман И.Заруцкий.

Этот триумвират был слишком антагонистичен, чтобы действовать победно, хотя на первых порах он добился некоторых успехов.

Вскоре ополчение признала Казань, и подошла небольшая рать уездных смолян. Прищёл Я.Сапега со своей ратью, стал на Поклонной горе и объявил себя другом россиян. Но ему не поверили, а его предложения отвергли. Тогда Сапега напал на россиян у Лужников, но был отбит. Вновь напал у Тверских ворот, но не смог одолеть численно превосходящих россиян. Тогда по совету Гонсевского, Сапега взял от него 1,5 тысячи ляхов и князя Г.Ромадоновского в проводники и ушёл к Переславлю, чтобы возбуждать мятежи внутри России и тревожить осаждающих. Гонсевского к этому вынуждал недостаток продовольствия. Вслед за Сапегой П.Ляпунов отрядил рать, но Сапега разбил её в Александровской Слободе и осадил Переславль, грабил и жёг окрестности.

Вскоре среди осаждённых разнеслась весть, что коронный гетман Жолкевский с сильным войском скоро подойдёт к Москве. Тогда П.Ляпунов и его товарищи решили не медлить. На рассвете 22 мая 1611 года они внезапно приступом взяли одну башню Китай-города, где оборонялось 400 ляхов. Из неё можно было обстреливать всю внутреннюю территорию Китай-города. Гонсевский, понимая важность этой башни, собрал всех смельчаков и просил во что бы то ни стало её отбить. Поляки решительно ринулись по узкой стене в бой и отбили башню. Затем отбили все приступы, которые предпринимали россияне. Но это был единственный успех поляков. В других местах Ляпунов и Трубецкой действовали успешно. Они отбили у поляков весь Белый город, взяли укрепление на Козьем болоте, башни Никитскую, Алексеевскую, тресвятские, чертольские и арбатские ворота. Вскоре им сдался Девичий монастырь с двумя сотнями ляхов и пятью сотнями немцев, испытывавших большой недостаток в продовольствии, практически голодавших.

За Москвой-рекой осаждавшими были возведены укрепления, из которых начались систематические обстрелы Кремля. Гонсевский, имевший уже мало людей, к тому же изнуряемых недостатком продовольствия, ещё ждал помощи и избавления от неминуемой гибели. Однако король в это время в очередной раз организовал приступ Смоленска, который завершился удачно взятием крепости. Взятие Смоленска дорого обошлось Сигизмунду III. Из его 30-тысячного войска в живых осталось едва 10 тысяч человек, которые так и не получили обещанных королём наград. Взяв Смоленск, Сигизмунд III успокоился, почивая на лаврах. Для похода на Москву, он вызвал из Ливонии гетмана Ходкевича. Сам же уехал в Варшаву праздновать победу и глумиться над пленниками.

Тем временем в московском стане обстановка резко изменилась к худшему. Собственно, по-другому и быть не могло. Ибо триумвират абсолютно несхожих людей, имеющих разные интересы, неизбежно должен был дать раскол. И если Ляпунов и Трубецкой ещё как-то

могли действовать совместно, то атаман Заруцкий имел уже свои планы. Марина Мнишек находилась с ним и уговорила его, чтобы он помог утвердить её сына на престоле. Разумеется, Заруцкому она пообещала, что он станет фактическим правителем России при малолетнем Иване. Марина недолго уговаривала атамана Заруцкого, который вскоре согласился и начал вести себя крайне самостоятельно, подбивать дворян и чиновников в пользу сына Марины.

Но самой главной причиной раскола стали острые противоречия между двумя служилыми сословиями того времени дворянством и казачеством. Собранное П.Ляпуновым земское ополчение было разнородным по своему составу. В него входили казаки, около 15 тысяч человек, дворяне примерно такой же численности и ратники от городов и уездов около 70 тысяч человек. Следовательно, его боеспособность была крайне низкой. Большая часть дворянства, не видя крепкой царской власти, либо втайне поддерживала изменников в Москве, либо находила причины уклониться от участия в ополчении. Дворянству вообще нужен был ратный пример, за которым можно было пойти. Пока был жив князь М.Скопин-Шуйский, дворянство, хотя и не всё, потянулось за ним, и страна начала быстро освобождаться от изменников и поляков. Но как только его не стало, в среде дворянства вновь проявилась апатия.

Ещё до этого дворянство было расколото на четыре группировки. Точно определить численность этих дворянских группировок крайне сложно, так как во время гражданской войны они быстро меняются и по численности, и по составу. Ясно одно, что первая вместе с казаками пошла за самозванцами и продолжала бороться за законно избранного царя, имеющего родственную связь по якобы рюриковской династии. Вторая, на почве желания избрать царём Владислава, пошла на союз с поляками и превратилась в изменников. Третья часть выступала за независимость страны и избрание своего царя. Четвёртая часть, пожалуй, самая большая, составлявшая около 50% всего дворянства, не имевшая собственного мнения и выжидавшая, кто кого осилит, стремилась уклониться от активных действий.

В первое ополчение пошли первая и третья группы дворянства, которые возглавляли князь Д.Трубецкой и думный дворянин П.Ляпунов. Вторая и четвёртая группы, представлявшие несомненное большинство дворянства, либо втайне были на стороне их противников, либо уклонялись участвовать в составе ополчения. Главной причиной крушения первого ополчения как раз явилось то, что резко обострились отношения между казаками и этой четвёртой, самой многочисленной группой дворянства.

Дело в том, что дворяне, находившиеся в ополчении, получали всё необходимое из своих поместий, а ратники от городов получали довольствие из своих городов. Казаки, по большей своей части, должны были содержаться за счёт жалованья. Но П.Ляпунов и Д.Трубецкой не смогли обеспечить сбор необходимых денежных средств на выпла-

ту жалованья казакам и вынуждены были пойти на применение системы кормлений, под которые были отданы многие волости и даже целые уезды. Естественно, казаки, получив в своё распоряжение эти волости, стали требовать и брать всё необходимое, прежде всего, с тех дворян, которые уклонились от участия в ополчении. Разумеется, при этом не обошлось без злоупотреблений, так как казаки в каждом отлынивавшем от ратной службы видели изменника. Недовольство этой части дворянства казаками стало резко нарастать. На имя П.Ляпунова посыпались жалобы, которые нужно было каким-то образом разрешить.

Обстановка продолжала накаляться. П.Ляпунов понимал, что необходимо обуздать наметившееся противостояние. Поэтому из состава ополчения была созвана Ратная Дума, которая установила правила деятельности своих предводителей и остальных ратных людей. Этот документ был направлен на противодействие казачеству и поощрение тех дворян, которые состояли в ополчении. Эту грамоту подписали представители 25 городов и ополчения. Заруцкий, не желая показывать перед всеми своё несогласие, разрешил от себя подписаться П.Ляпунову. Заручившись этой грамотой, Ляпунов стал вести себя как первый среди трёх предводителей ополчения. Он взял на себя ответственность начать искать кандидатуру нового царя не в среде российских князей и бояр, а за пределами России.

Естественно, теперь эту кандидатуру он увидел в шведском королевиче Филиппе. Поводом было успешное взаимодействие князя М.Скопина-Шуйского с шведским военачальником Я. де ла-Гарди, а также желание в союзе со Швецией противостоять Речи Посполитой. По этой причине П.Ляпунов решил вступить в переговоры с Я. де ла-Гарди. А между тем шведы уже осадили Орешек и Кексгольм. Кексгольм вскоре сдался. Из 3 тысяч его защитников, погибших в боях и от цинги, осталось едва сто человек. Их шведы с честью выпустили из крепости, опасаясь, что они взорвут себя вместе с крепостью. После занятия Кексгольма де ла-Гарди двинулся к Хутынской обители. В Новгороде тем временем случился переворот. Новгородцы убили воеводу И.Салтыкова, который противился шведам, якобы за его приверженность Сигизмунду III.

На его место П.Ляпунов прислал воеводу Бутурлина, а вслед за ним князя Троекурова, дворянина Собакина, дьяка Васильева, чтобы немедленно вступить в переговоры с генералом Я. де ла-Гарди. Переговоры начались в его стане. Послы П.Ляпунова просили в цари королевича Филиппа, а де ла-Гради требовал Орешек, Ладогу, Ям, Копорье, Ивангород и Гдов. Но на это послы согласиться не могли. Не пошёл на это и П.Ляпунов. Поэтому договор и союз Швеции и России не состоялся. Было заключено только перемирие. Но это не спасло северо-запад России от шведского завоевания. Де ла-Гарди крайне нуждался в деньгах, необходимых для выплаты жалованья войску. Шведский король денег не высылал, полагаясь на успешные завоевания.

Поэтому Я.де ла-Гарди вошёл в дружеские отношения с Бутурлиным, вёл с ними переговоры и под их прикрытием подготовил нападение на Новгород. С 15 на 16 июля 1611 года де ла-Гарди с помощью изменника **Ивана Швала** внезапно ворвался в западную часть города через чудиновские ворота. Стража беспечно спала. Шведы рубили безоружных. Вскоре поднялся крик и суматоха. В панике люди бежали кто куда: в крепость, в реку, в поля и леса. Бутурлин со своей дружиной ограбил лавки и дома знатных купцов и устремился по московской дороге к ополчению.

Противостояла шведам только небольшая дружина под начальством стрелецкого головы В.Гаютина, атамана Шарова, дьяков Голенищева и Орлова. Все они полегли на месте сопротивления. Никто не сдался. На Торговой стороне оказала сопротивление группа, возглавляемая протоиереем Софийского храма **Аммосом**. Они заперлись в доме, который шведы долго не могли взять. Затем они зажгли дом, где и погибли все защитники. После этого какое-либо сопротивление прекратилось. Шведы начали было грабить город, но огонь вдруг охватил сразу несколько улиц, и им оказалось нечем поживиться.

Тогда Я.де ла-Гарди навязал князю И.Одоевскому и новгородскому митрополиту Исидору, которые находились в крепости с людьми, не желавшими сражаться, постыдный договор. По этому договору Новгород, от имени всей России, признавал покровительство шведов, царём королевича Филиппа, обязывался платить шведскому войску жалованье. В заключение записали: *«И мы, Исидор митрополит с духовенством, бояре, чиновники, купцы и всякого звания люди новгородские, также клянёмся в верном исполнении договора нашему покровителю, его величеству Карлу IX и сыну его, будущему государю нашему, хотя бы, сверх чаяния Московское царство и не приняло сего договора»*. Как видим, церковники в те времена тоже торговали Россией, лишь бы сохранить свою собственность и власть. **Христианская церковь, как мы уже неоднократно видели выше, всегда ставила свои интересы выше государственных, тем более, выше национально-государственных интересов Русского народа и славянства. Так было и так есть до настоящего времени.**

Шведы вошли в новгородскую крепость. Там они нашли много пушек, но мало припасов. В казне обнаружили всего 500 рублей. Жалованье войску платить было нечем, и Я. де ла-Гарди вынужден был требовать денег от короля. Тем временем наёмники изъявляли недовольство и целыми дружинами стали уходить в Финляндию. Новгородцы вели себя смирно, и де ла-Гарди удалось погасить волнение войска. Не надеясь на своих наёмников, он вновь вступил в переговоры с Бутурлиным, который задержался в Бронницах. В ходе этих переговоров он убедил Бутурлина, что Новгород шведы взяли для того, чтобы не позволить ляхам овладеть им, и поэтому готовы вместе с россиянами стоять против ляхов. Бутурлин вместе с посланником Я. де ла-Гарди **Георгом Бромме** поспешил в московский стан, чтобы известить воевод земского ополчения о новом союзе со Швецией.

Однако в московском стане уже произошли крутые перемены. О ведении переговоров П.Ляпунова со шведами за спиной других предводителей земского ополчения узнал атаман Заруцкий. Последний долгое время был в тени Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Но он воспринял идею Лжедмитрия II, что ляхи и немцы (шведы) не хотят добра России, посему должны быть изгнаны или перебиты, а московским царём должен быть избранник из отечественной среды. Эта позиция Заруцкого находила отклик в среде значительной части земского ополчения. Его сторонников становилось всё больше и больше, а положение П.Ляпунова всё более шатким.

Ослаблял свои позиции и сам Ляпунов. Будучи властолюбивым, обуреваемым гордыней, считал себя выше других, редко понимал и соглашался с чужими доводами, часто изъявлял презрение к людям, установил такие порядки, что даже самые раболепные уставали ждать его выхода и решения дел. К этому добавилось ревностное исполнение постановлений Ратной Думы, предписавшей наказывать всех за злоупотребления при сборе необходимых припасов. Естественно, эта мера коснулась, прежде всего, казаков. По его распоряжению воевода Плещеев схватил 28 казаков, якобы, за разбой и хотел утопить их в реке близ Угрешской обители. Казаков связанными сбросили в реку, но другие казаки спасли их.

Спасённых привели в стан и потребовали П.Ляпунова к ответу. Негодование его действиями было всеобщим. Никто не хотел быть на его стороне, хотя большинство ещё не было готово его отвергнуть. Видя это негодование, Ляпунов вскочил на коня и поскакал по рязанской дороге. Вслед за ним устремилась целая станица казаков. Поэтому далеко уйти ему не удалось. Казаки догнали его у Симонова монастыря и потребовали, чтобы он дал ответ всему казачьему кругу. П.Ляпунову пришлось заночевать в Никитском укреплении. После того, как ускакали П.Ляпунов и казачья станица, его сторонники собрались и решили отбить Ляпунова у казаков и вернуть его в ополчение. К вечеру большая дружина его сторонников выступила вслед за казаками.

Утром следующего дня эта дружина появилась у Никитского укрепления, станица казаков в несколько десятков человек не решилась вступить в бой с дружиной дворян в несколько сот человек. Они оставили П.Ляпунова и возвратились к своему казачьему войску. Произошедшее ещё больше обострило отношения между казаками и дворянством, а также между их предводителями. Вскоре у казаков появился написанный Ляпуновым указ ко всем воеводам городов, выставившим земское ополчение. В этом указе говорилось, чтобы в установленный день и час воеводы приняли меры к истреблению казаков. Этот указ был отнят у гонца, который выехал из московского стана в сторону г. Владимира, казаками атамана Заварзина. Почерк и печать сомнений не вызывали.

П.Ляпунова вновь призвали к ответу. Он поначалу не хотел выходить, но уверенный в безопасности Толстым и Потёмкиным, обещавшим помощь сторонников, вышел к казакам. Выслушал обвинения и увидел

перехваченный указ. Но не смутился, уже привык властвовать, твёрдо и уверенно заявил: *«писано не мной, а врагами России»*. Даже клялся богом. Но казаки в христианского бога тогда не верили. Не поверили они и словам П.Ляпунова. Группа казаков бросилась на него. И.Ржевский пытался заслонить Ляпунова, но напрасно. Казаки убили их обоих.

Так погиб человек, перешедший на сторону И.Болотникова и предавший его; перешедший на сторону В.Шуйского и замысливший заменить его князем М.Скопиным-Шуйским, вызвавший к нему подозрение, послужившее причиной его гибели, организовавший свержение В.Шуйского и первое антипольское земское ополчение; склонившийся к союзу со Швецией и избранию на московский престол шведского королевича, наконец, погибший от собственного властолюбия, гордыни, неуважения и презрения к сподвижникам, ненависти к казакам и их преданности Славянской Державе, готовности стоять за неё до конца.

Отомстить за П.Ляпунова поднялись его сторонники, но их оказалось мало. Все они были перебиты казаками, а его собственность разделена между ними. Большая часть земского ополчения, видя распрю между предводителями, дворянами и казаками, начала разбегаться. В это время от Переславля подошёл Я.Сапега и напал на эту часть земского ополчения. Навстречу ему вышел Гонсевский. Действовали дружно. Они быстро овладели всем Белым городом и укреплениями за Москвой-рекой. Большая часть земского ополчения почти не сопротивлялась, разбегаясь по своим городам и уездам. Малочисленный неприятель отбил у них даже Девичий монастырь. Я.Сапега вошёл в Кремль с победой и различными припасами.

Сопротивление оказали только казаки, которые удержали свой стан. Но их численность составляла всего около 10 тысяч человек. Разумеется, они не могли взять Китай-город с Кремлём, где засело польское войско почти такой же численности, да к тому же защищённое стенами и имевшее множество пушек. Вскоре к Заруцкому и братьям Просовецким присоединился князь Д.Трубецкой, собравший около 5 тысяч дворян и служилых казаков, пожелавших продолжить борьбу с поляками. Таким образом, казачье войско увеличилось до 15 тысяч человек. Однако в осаде могли принять участие менее 10 тысяч человек, остальные занимались сбором припасов. Более того, атаманы братья Просовецкие для обеспечения контроля над волостями, где казаки собирали припасы, вынуждены были со своими людьми уйти в Суздаль.

Естественным образом казачье войско разделилось на три части (полка), в каждом из которых было около 5 тысяч человек. Казаки уже не желали называть свои воинские образования по московскому образцу – *ратями* и *дружинами*. Они начали применять широко используемое в Польше понятие *полк*, как самостоятельной войсковой единицы, и станицы, как естественного поселенческого образования. Полк Д.Трубецкого состоял из дворян и служилых казаков. Причём дворян в нём было больше, чем служилых казаков. Полк атамана Заруцкого состоял из вольных и служилых казаков. Вольных казаков

было больше, чем служилых. Полк атаманов братьев Просовецких состоял из служилых и вольных казаков. И здесь вольных казаков было больше, чем служилых.

Обозначившееся противостояние и враждебность дворянства и казачества стало новым явлением в ходе гражданской войны. И если в период царствований Василия III, Ивана IV, Фёдора и Б.Годунова противостояние шло между царской властью и казаками, а дворянство вполне дружелюбно к ним относилось, то теперь всё поменялось наоборот. Дворянство отныне и надолго стало относиться к казакам враждебно. Эта враждебность и борьба между дворянством и казачеством будут сохраняться весь XVII и большую часть XVIII века. Обозначившееся противостояние и враждебность вели к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Всё теперь зависело от того, насколько быстро консолидируется дворянство. Ибо численно оно намного превосходило казаков и имело свою материальную базу – территорию Московского государства. Казаки своей материальной базы в пределах Московского государства не имели. Кроме того, слабостью казаков было их деление на вольных и служилых. Вольное казачество Дона, Днепра, Волги, Терека и Яика было принципиальным противником дворянства, ценило свободу человека и славянскую родовую вольность, когда не было ни господ, ни крепостных. Служилые казаки, численность которых при Б.Годунове достигала 10 тысяч человек, а в годы Смуты сократилась до 7 тысяч человек, всё-таки тяготели к государственной службе. Поэтому полагаться на них в борьбе с дворянством вольному казачеству было не вполне оправдано. Новый период гражданской войны подтвердил это со всей очевидностью.

Распад земского ополчения обнаружил плачевное состояние государства. Западные области Смоленск, Псков, Северские земли и Москва оказались в руках поляков. Они считали себя победителями, радовались и праздновали свои победы. Тон всем празднествам задавал король Сигизмунд III. 19 октября 1611 года ему в Варшаве вновь представили В.Шуйского и его братьев. Сигизмунд III сказал напыщенную речь, в которой хвалился победами над московским царём. Затем В.Шуйского и его братьев отправили в Гостинский замок близ Варшавы. Здесь В.Шуйский скончался 12 сентября 1611 года. Здесь же умерли и его братья. Сигизмунд III в честь своей победы воздвиг памятник с претенциозной надписью, в которой говорилось о сокрушении царя царей и пленении В.Шуйского, как венценосца беззаконного, и его брата Дмитрия. Ф.Романова (Филарета), В.Голицына, Мезецкого и Шеина держали в неволе 9 лет. Ф.Романов (Филарет) и воевода Шеин дожили до освобождения. Новгород, северо-западные земли и города, кроме Орешка, оказались в руках шведов. Астрахань и многие украинные города и земли управлялись сами по себе. Расстройство государственного управления было полным, а ситуация почти безнадёжной.

Здесь мы расстаёмся с Н.Карамзиным и его трудом ***«История государства Российского»***, в котором он скрупулёзно и дотошно описал события, предшествовавшие 1612 году. Подробное описание событий является сильнейшей стороной его труда. Впрочем, без более или менее подробного описания событий нет исторического повествования. Без описания событий сочинение превращается либо в мертвящую, лишённую деятельности людей, хронологию, либо в философствование на ту или иную историческую тему. Труд Н.Карамзина описывает деятельность людей своего времени, поэтому он по-прежнему является ценнейшими источником.

Но есть у Карамзина и слабые места. Эти слабые места касаются выводов, характеристик деятельности многих исторических личностей и целых социальных групп, неверности объяснения причинно-следственных связей, перестановок событий, слабого знания им военного дела. Естественно, это явилось следствием его принадлежности к дворянству и приверженности самодержавно-христианским ценностям, которые наложили мощный отпечаток на его творчество. Причём особо мощное влияние на него оказала династия Романовых, которая, по существу, сформулировала и отстаивала все неверные положения, которые изложил Н.Карамзин. Всё это нам и пришлось пересматривать в ходе вышеизложенного исследования. Далее придётся опираться на труды разных историков. Однако при этом будет по-прежнему стоять задача объективно изложить исторические события, роль в них различных социальных групп и личностей.

После распада и бегства большей части земского ополчения в Москве и около неё сложилось два центра управления. В Москве князь Ф.Мстиславский со своими сообщниками рассылал призывы, убеждая россиян подчиниться полякам и признать Сигизмунда III московским царём. Князь Д.Трубецкой и атаман Заруцкий тоже создали своё правительство и призывали россиян оказать помощь в борьбе с поляками и изменниками. Однако провинциальные города и земства не спешили помогать ни тем, ни другим. До настоящего времени считается, что образование второго ополчения и изгнание поляков из Москвы было результатом всенародного подъёма. Эту точку зрения отстаивали и насаждали как дореволюционные историки, так и их советские продолжатели.

На самом деле это не соответствует действительности. Всенародный подъём на отпор польским интервентам имел место в 1609 году, когда поднялись северные и восточные области, чем как раз воспользовался князь М.Скопин-Шуйский, освободивший Москву и В.Шуйского от осады поляками и изменниками. Второй всенародный подъём состоялся в начале 1611 года, когда по призыву патриарха Гермогена и рязанского дворянина П.Ляпунова поднялись 25 городов и выставили почти 100-тысячное земское ополчение. Оба эти подъёма были реакцией на грабёж и разбои польских интервентов и изменников.

После распада и бегства большей части ополчения поляки и изменники сидели в Москве. Никаких грабежей и разбоев по отношению к другим областям они осуществлять не могли. Поэтому вызвать новый всенародный подъём они тоже не могли. К тому же их сторожило казачье войско князя Д.Трубецкого и атамана Заруцкого. Их представители при сборе припасов часто злоупотребляли положением, чем вызывали нарастающее недовольство, прежде всего, в среде дворянства. Поэтому враждебное отношение дворянство питало больше к казакам, нежели к полякам и изменникам. Земства удалённых от казачьего влияния местностей вообще вели себя тихо. К этому времени они наладили земское самоуправление и не спешили стать под государеву руку, которая обещала лишь усиление налогового бремени и гнёта.

Земства, читая призывы тех и других, выжидали, кто кого осилит, потому что им по большей части было безразлично, кто будет московским царём, лишь бы налоги были поменьше, да власть помягче. Собственно, в 90-е годы XX столетия, в период новой смуты, картина повторилась как на региональном, так и на производственном уровне. Не секрет, что многим людям, работавшим тогда на предприятиях, было абсолютно безразлично, кто будет хозяин их предприятия, лишь бы зарплату платили вовремя, да побольше. И сейчас, и тогда шкурническая позиция преобладала. В этих условиях ни о каком очередном всенародном подъёме мечтать не приходилось. Чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, нужен был пример личного самопожертвования и воодушевления. И этот пример как раз состоялся в лице трёх личностей: патриарха Гермогена, мещанина Минина и князя Пожарского.

Патриарх Гермоген, прежде воодушевлявший и возбуждавший россиян против поляков, продолжал действовать. Он хотя и находился под стражей на Кирилловом подворье, однако находил способы отправлять свои письма духовенству других городов, прежде всего, волжских, где ранее он был митрополитом. Не надеясь уже только на письма и призывы, он стал наставлять церковников, чтобы они распространяли слухи и сказки о всякого рода катастрофах, если русские люди не изгонят поляков и не выберут себе нового царя. И то, и другое стало действовать, прежде всего, в волжских городах, где Гермоген имел большой авторитет.

Земские миры Поволжья стали вступать в переписку и призывать друг друга *«всем быть в любви и соединении и прежнего междуусобия не учинять»*, помнить, что *«за конечное разоренье»* государства придётся держать ответ на страшном суде. Это движение со временем могло породить новое земское ополчение, боеспособность которого была бы невысока. Следовательно, победы можно было бы и не добиться. Положение спасло то, что в процесс влилась новая струя. Дворяне, поссорившиеся с казаками и покинувшие московский стан, *«учали совещатися со всеми городы, чтоб всем православным христианам быти в совете и соединении и выбрати государя всею землёю»*.

Призывы служилого дворянства, прямо заинтересованного в избрании своего царя, подтолкнули процесс собирания дееспособных сил. Однако на первом этапе инициатива сохранилась за сторонниками патриарха Гермогена. Нижегородское духовенство, подталкиваемое им, подбило главу земского самоуправления (посадской избы) Нижнего Новгорода мещанина Минина на выступление. До избрания главой земского самоуправления **Козьма Минин**, по прозвищу ***Сухорук***, был обыкновенным купцом. Он понимал, что для создания ополчения требуется авторитетный воевода и деньги. Авторитетного воеводу нашли быстро. Тем более, что князь Пожарский к концу 1611 года оправился от ран и уже сам рассылал письма с призывами к восстанию и освобождению.

Нижегородским инициаторам не стоило труда уговорить князя Д.Пожарского возглавить ополчение. После чего К.Минин собрал сход нижегородцев и призвал их вступать в ополчение. Выступил и Д.Пожарский, который сказал, что готов возглавить ополчение. После чего нижегородцы ответили: *«Ладно, Козьма, ты лучше нас знаешь, и ежели князь Дмитрий нас поведёт, так мы пойдём»*. Однако когда дело коснулось денег, необходимых на вооружение ополчения и организацию похода, произошла заминка. Нижегородцы ответили: *«А у нас денег нет»*. Одни божились, что товары ушли на Каспий, другие клялись, что деньги находятся в Архангельске, а третьи доказывали, что их приказчики уехали в Сибирь и ещё не вернулись.

Такое поведение нижегородцев, как, собственно, многих русских людей того времени, показывает, что никакого пассионарного подъёма, о котором пишет Л.Гумилёв, не было. Это ещё один миф, изобретённый самим Гумилёвым. На самом деле всё решал личный пример и находчивость инициаторов создания ополчения. Именно такую находчивость проявил К.Минин. Хорошо зная своих нижегородцев, К.Минин тогда бросил клич: ***«Заложим жён и детей наших, но спасём Русскую землю!»*** Тут нижегородцы поняли, что опростоволосились. Возражать было нечем. Жёны и дети сидели по домам. С выборными людьми К.Минин силой забрал жён и детей у состоятельных граждан и выставил их на продажу.

Главам семейств ничего не оставалось, как достать кубышки с деньгами и драгоценными вещами, спрятанными на чёрный день, и выкупить собственные семьи. На эти средства была собрана и вооружена нижегородская рать. Князь Д.Пожарский, возглавивший её, понимал, что настоящего боевого элемента в ней было мало, а собрать его в волжских городах было практически невозможно, да и возможности их были почти исчерпаны. Поэтому он ведёт нижегородскую рать не в Москву, где она могла стать лёгкой добычей если не казаков, то поляков, а в Ярославль. Здесь он организует пополнение и обучение ополчения.

Как человек достаточно опытный в государственном управлении, он понимает, что нужно приобщить к этому управлению как можно

больше земств. Поэтому от имени ополчения он приглашает все земства к участию в государственном управлении: *«советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разоренье быти не безгосударным»* и предлагает прислать в Ярославль *«по всемирному своему совету»* по два человека от всякого чина людей, а с ними *«совет свой отписати, за своими руками»*. Многие земства откликнулись и прислали в Ярославль своих людей с советами. Так в Ярославле впервые образовался истинно всенародный Земский Собор. Созыв этого Земского Собора знаменовал собой возникновение достаточно авторитетной власти, способной организовать освобождение Москвы и восстановление государства.

Именно эта власть теперь отражала всенародные интересы, и она сразу же стала более влиятельной, чем кремлёвские изменники и их антиподы – Д.Трубецкой и Заруцкий. И те, и другие для этой власти были теперь врагами, которых нужно было изгнать или уничтожить. Земства, конечно, могли создать и, под руководством князя Д.Пожарского, создали авторитетную власть. Они же смогли обеспечить ополчение различными припасами. Но они не могли создать боеспособного войска, от которого зависела победа. Это могли сделать только опытные воеводы. Князь Д.Пожарский был таким воеводой.

Он понимал, что многолюдство ополчения, слабо подготовленное в ратном деле, может принести больше вреда, чем пользы. Организуя набор людей, он делал ставку на приём в ополчение дворян и стрельцов, *прежде уже знакомых с ратным делом*. Остальные шли на создание земских дружин для охраны своих городов и селений. Поэтому этот набор и отбор шёл довольно медленно. В мае 1612 года ополчение насчитывало всего около 25 тысяч человек, из которых дворян было около 15 тысяч человек, стрельцов около 5 тысяч человек. остальные 5 тысяч человек были из мещан и селян, более или менее хорошо владевших оружием. Сбор ополчения и его подготовка стали возможны благодаря тому, что поляки не могли этому противодействовать, а казаки братьев Просовецких враждебности не проявляли, полагая, что ополчение готовится для оказания помощи им под Москвой. Но так было примерно до середины мая.

В период подготовки ополчения решался также вопрос об избрании царя. Инициатива исходила от князя Д.Пожарского. Полагая, что предстоит тяжёлая война с Речью Посполитой при отвоевании Смоленска и Северских земель, и опираясь на договор, заключённый новгородским митрополитом Исидором со шведами, он сам склонялся к кандидатуре шведского королевича Филиппа. Однако Земский Собор после долгих споров не согласился с немедленным избранием царя. Большинство считало, что избрание царя в Ярославле без Москвы и многих других городов было бы не вполне законным, а это грозило продолжением смуты. В конце концов, было решено сперва начать поход и освободить Москву.

Но на пути к ней стояли казаки атаманов **Просовецких**, которые были достаточно большой силой для ополчения, не имевшего ещё боевого опыта. Так как казаки располагались станицами по населённым пунктам, князь Д.Пожарский решил вытеснить их с занимаемых территорий, действуя на широком фронте. Против каждой казачьей станицы в несколько десятков человек выделялась дружина в несколько сот человек. Первые столкновения показали, что казаки не собираются уступать подконтрольные территории. Имея большой боевой опыт, они стали концентрировать свои силы против передовых дворянских дружин и наносить им поражения. Князю Д.Пожарскому пришлось существенно подкрепить свои передовые дружины, казаки стали терпеть поражения и отходить к Москве. Потерпев ряд поражений, вольные казаки частью рассеялись, а частью ушли к атаману Заруцкому. Служилые казаки, в своём большинстве, ушли к князю Д.Трубецкому, значительно пополнив его полк. Борьба с казаками заняла много времени: конец мая, июнь и почти весь июль.

В начале августа 1612 года ополчение подошло к Москве. Его численность составляла около 30 тысяч человек, из которых свыше 20 тысяч составляли дворяне, около 6 тысяч – стрельцы и около 3 тысяч – мещане и селяне. Князь Д.Трубецкой, как только узнал от казаков о движении ополчения, сразу же послал к князю Д.Пожарскому гонцов, чтобы условиться о дальнейших действиях. Атаман Заруцкий тоже узнал о движении ополчения и переговорах Трубецкого с Пожарским. Он ясно понимал, что места ему и его вольным казакам в ополчении нет, поэтому поднял свой полк и ушёл на юг в надежде продолжить борьбу. Из полка, насчитывавшего около 6 тысяч человек, с ним ушло около 3 тысяч человек. Это произошло 28 июля 1612 года. Остальные влились в полк князя Д.Трубецкого. Уход атамана И.Заруцкого объясняется следующими причинами. Во-первых, нарастанием враждебности между дворянами и казаками. Во-вторых, личными враждебными отношениями между Д.Пожарским и И.Заруцким, который ранее организовал покушение на Пожарского. В третьих, Заруцкий выступал за избрание царём сына Марины Мнишек, а второе ополчение хотело избрать царя либо из боярской среды, либо пригласить представителя шведской стороны.

С подходом ополчения к Москве значительно усилился полк князя Д.Трубецкого. К нему пришли служилые казаки, а также казаки Заруцкого. Так что к моменту объединения с ополчением в нём насчитывалось около 10 тысяч человек. Вольные и служилые казаки имели в нём приблизительно равную численность. И хотя полк Трубецкого составлял только четвёртую часть всех сил, но боеспособность этой части была выше, чем у любой другой части ополчения, что и отразилось в ходе боёв с поляками. Выручить поляков и изменников, засевших в Москве, попытался коронный гетман **Я.Ходкевич**. Он собрал в Смоленске войско численностью около 15 тысяч человек и двинулся к Москве. Князь Д.Пожарский от своих разъездов узнал о подходе поль-

ского войска и развернул половину своих сил, используя укрепления стана, против внешнего врага. Некоторое превосходство в силах было на стороне ополчения. Сражение развернулось 22-24 августа 1612 года. 22 и 23 августа конница гетмана Ходкевича пыталась ворваться в стан. Но все её попытки были отбиты с большими потерями.

24 августа в дело вступил полк князя Д.Трубецкого, который ранее воздерживался от участия в сражении из-за того, что предводители ополчения не хотели обеспечивать казаков припасами. Вступление полка князя Трубецкого переломило ход сражения. Гетман Я.Ходокевич вынужден был прекратить налёты и уйти назад. Однако Д.Пожарский продолжал отрицательно относиться к казакам и не хотел выделять припасов. Дело дошло до того, что полк Трубецкого в середине сентября чуть не ушёл из-под Москвы в северные города. Опасность потерять базы снабжения заставила князя Пожарского пойти на уступки и начать обеспечивать этот полк наравне с другими полками ополчения. В результате, фактическое объединение полка Д.Трубецкого с ополчением состоялось только во второй половине сентября. После этого полк Трубецкого активно включился в осаду Китай-города и первым ворвался в него, предопределив его захват и сдачу в плен поляков.

В этой связи роль князя Д.Трубецкого в ополчении значительно возросла. Кроме того, по установленным в московском государстве порядкам, князь Трубецкой оказался самым знатным из всех воевод ополчения. Именно поэтому он и занял место главного воеводы. Князь Д.Пожарский стал вторым воеводой. Бои с поляками шли целых три месяца: август, сентябрь и октябрь. Накануне капитуляции поляков отношения между казаками и дворянами вновь испортились. Казаки непримиримо относились к сотрудничавшим с поляками членам боярского правительства Ф.Мстиславского. Когда 22 октября 1612 года поляки согласились на капитуляцию, эти бояре вышли из Кремля и двинулись в ополчение князя Пожарского, казаки попытались их захватить, но дворянские дружины ополчения не позволили им этого сделать. 26 октября 1612 года воеводы князья Трубецкой и Пожарский торжественно въехали в Кремль в сопровождении своих отборных дружин.

Сразу после капитуляции казаки «полка» Д.Трубецкого перебили часть сдавшихся в плен поляков. Войдя в Китай-город и Кремль, они разграбили дворы наиболее видных польских сторонников, в частности, **Ф.Андронова**, в прошлом кожевника, затем думного дворянина Лжедмитрия II, позднее бежавшего к Сигизмунду III и ставшего казначеем в занятой поляками Москве. Самого Ф.Андронова казаки повесили. Возглавлял казаков, громивших его двор, атаман **С.Карамышев**, первый ударивший П.Ляпунова на казачьем круге 22 июля 1611 года. Эти своевольные действия казаков шли вразрез с объединительными тенденциями, которые начались в среде дворянства. Примирение изменников дворян с патриотами дворянами не устраивало казачество. Как, собственно, дворян не устраивало казачество, претендовавшее на первое место в среде служилых сословий.

Антагонизм зашёл столь далеко, что погасить его мирным путём практически было невозможно. Это состояние было прекрасно отражено М.Загоскиным в диалоге К.Минина и боярина Ю.Мстиславского, наблюдавших за отрядами казаков князя Д.Трубецкого, которые врывались в Кремль Троицкими и Боровицкими воротами 22 октября 1612 года по старому стилю: *«С одними супостатами мы справились, как-то справимся с другими?»* Борьба с казаками началась вскоре после занятия Кремля. Обладая верховной властью, но не имея возможностей справиться с казачеством силой, дворянство первоначально приняло решение разделить казаков. Воеводы и бояре отобрали 11 тысяч *«лучших и старших казаков»*, которым были розданы захваченные в Москве вещи, оружие и деньги в размере 8 рублей на каждого казака. Остальным казакам, которых оказалось около 7 тысяч человек, но исключённым из разряда казаков, позволили построиться в Москве и других городах, не платя два года налогов и долгов. Эти меры привели к тому, что часть казаков осела и перестала казаковать, другая часть, около 5 тысяч человек, ушла к Смоленску с князем Д.Черкасским воевать с поляками. Несогласные с разбором казаки разделились. Часть их ушла в украинные уезды к атаману Заруцкому. Другая, большая часть, свыше 5 тысяч казаков, осталась в Москве и сыграла большую роль в выборе нового царя.

После занятия Кремля бояре-изменники во главе с Ф.Мстиславским были удалены из Москвы и отправлены по другим городам. Земское ополчение, сделав своё дело, как в былые времена, разъехалось. В Москве осталось 2 тысяч дворян, свыше 5 тысяч казаков, не согласных с разбором, да тысяча стрельцов. Все дворяне и казаки были из полка Д.Трубецкого. Эти дворяне и казаки хотели получить за службу жалованье, либо помощь на восстановление хозяйства от нового царя. В этой связи расстановка политических сил в Москве резко изменилась не в пользу Д.Пожарского, зарекомендовавшего себя противником казаков. Князь Пожарский понимал, что в таких условиях его кандидатура не пройдёт, хотя и затратил на своё избрание 20 тысяч рублей.

К тому же он уступал князю Трубецкому в знатности. Тогда он сговорился с поддержавшими его боярами и предложил избрать московским царём шведского королевича Филиппа. Это предложение разослали земствам для обсуждения. Кроме того, решили расширить состав Земского Собора. Разослали грамоты по городам, чтобы те прислали выборных людей *«по десяти человек»* с *«советом и договором крепким»* по кандидатуре будущего царя. Пока группировки князей Трубецкого и Пожарского искали силы для поддержки своей кандидатуры, на арену политической борьбы почти незаметно вышла **группировка Романовых**.

При Лжедмитрии I Романовы были восстановлены в правах и получили доходные места в управление, в том числе в Сибири. Воеводствовали не без корысти и скопили немало серебра. К тому же обзавелись сторонниками даже среди изменников тушинского стана. Ф.Романов (Филарет) употребил на это всю свою изворотливость, объеди-

няя и направляя мятежное боярство на борьбу с В.Шуйским. После освобождения Москвы их многочисленные сторонники оказались в составе Земского Собора. Кроме этого, Романовы пообещали находившимся в Москве служилым казакам, дворянам и стрельцам выплатить жалованье за все годы смуты, если они предложат и помогут избрать царём сына Ф.Романова – **Михаила**.

Когда собрался Земской Собор с намерением избрать царя, под давлением недовольных разбором казаков, дворян и стрельцов было решено избрать царя из числа русских бояр. Так провалилось предложение Д.Пожарского избрать царём шведского королевича **Филиппа**. Но и торжество князя Д.Трубецкого было недолгим, так как была предложена кандидатура Михаила Фёдоровича Романова. И оказалось, что у него нет серьёзных противников. В его пользу говорили не способности и заслуги, а: родство Романовых с угасшей царской династией; авторитет погибшего патриарха Гермогена, впервые выдвинувшего Михаила, как претендента на престол; популярность деда и отца; личная незапятнанность по малолетству возраста в период смуты; положительное отношение многих земств, казаков, дворян и стрельцов.

Таким образом, кандидатура Михаила Романова оказалась наиболее приемлемой. Поэтому Земский Собор 7 февраля 1613 года **«яко единым усты»** нарёк **Михаила Фёдоровича Романова** царём. Однако, опасаясь возможного несогласия и новой смуты, Земский Собор отправил в другие города своих людей, чтобы проверить *«во всяких людях мысли их про государское обиранье»*. Кроме того, в Москву были возвращены высланные бояре во главе с Ф.Мстиславским. И только убедившись, что избрание будет единогласным и нерушимым, торжественно провозгласили избрание нового царя 21 февраля 1613 года. Избрание царём М.Романова завершило смутное время, поставило точку в длительной борьбе различных боярских группировок за власть, хотя и не прекратило ещё гражданской войны, которая вступила в завершающую фазу – фазу непримиримой борьбы дворянства с казачеством.

Правление царя М.Романова

Избрание царём сына Ф.Романова (Филарета) Михаила в принципе решило несколько проблем. Во-первых, прекратились претензии на верховную власть в среде различных боярских группировок. Во-вторых, расколотое прежде дворянство консолидировалось. В-третьих, малолетство М.Романова и его неспособность управлять страной **естественным образом привели к ограничению самодержавия и возрождению боярского правления, реализуемого на более широкой основе – на основе сложившегося на местах земского са-**

моуправления. Главными деятелями боярского правления того времени были князья Д.Трубецкой, Д.Пожарский, Д.Черкасский, И.Черкасский, Б.Лыков, И.Одоевский, А.Хованский, Д.Долгорукий. В результате, Земский Собор, как представительный орган, управлявший тогда страной, был выразителем интересов боярства и земств. То есть была создана авторитетная власть, которая оказалась способной приступить к возрождению государства на самодержавно – христианской идеологической основе.

Обстановка в стране была сложной, но уже не катастрофической, несмотря на то, что поляки захватили и удерживали Смоленск и северские земли. Шведы овладели многими северо-западными городами, включая Новгород. Почти все украинные города и волости находились во власти атамана И.Заруцкого. Тревожные вести приходили из Казани и Астрахани. Многочисленные отряды днепровских казаков, состоявших на польской службе, в конце 1612 – начале 1613 годов действовали в ряде северных уездов, разгромили Вологду и Сольвычегодск, держали в осаде Тотьму и Каргополь. В этой связи необходимо было организовать сбор сил, включая казаков, на борьбу с поляками, шведами и мятежным атаманом И.Заруцким. Однако вплоть до избрания царём М.Романова и его воцарения в Москве Земскому Собору никак не удавалось отправить казаков из Москвы воевать против поляков и шведов. Казаки не торопились идти воевать, не получив от нового царя вознаграждения за службу и не обеспечив своей дальнейшей судьбы.

После избрания царя, несмотря на то, что многие требования казаков не были удовлетворены, они не могли уже отказываться от службы, так как присягнули новому царю, которого по существу сами навязали стране. Теперь любое незаконное действие казаков наталкивалось на противодействие царской власти. Это противодействие проявилось уже во время переезда царя М.Романова в Москву и его пребывания в с.Сватково. 23 апреля 1613 года к нему явились ограбленные и израненные саблями смоленские и мещевские дворяне. Двое из них были посланы к царю с грамотами, другие отправлены собирать служилых людей по городам. Но в Мытищах на них напало около 200 конных и пеших казаков. 26 апреля другой отряд казаков оказал сопротивление царской дружине и был выбит из посада г.Дмитрова.

На следующий день царь М.Романов в Троице-Сергиевской лавре принял делегацию Земского Собора и объявил, что из-за *«великих грабежей»* на дорогах от монастыря к Москве он *«не хочет»* ехать в столицу. Сообщая об этом в Москву, митрополит Ефрем просил принять меры к усмирению казаков: *«И вам бы, господине, созвав к себе всех чинов людей и атаманов и казаков, и говорити им, чтоб оне помнили крестное целование»*. Это были последние казацкие своевольные выступления близ Москвы в 1613 году, так как весной и летом этого года подавляющее большинство казаков, входивших в ополчение, в составе царских ратей двинулось к Смоленску, Путив-

лю и Новгороду. Царь М.Романов призвал освободителей Москвы показать *«первоначальную службу свою и раденье»* и обещал пожаловать их *«великим жалованьем»*, *«смотря... по службе»*. Кому что досталось, увидим ниже. И всё же использовать казаков в борьбе с атаманом И.Заруцким царское правительство не решилось.

Ликвидация мятежных казаков атамана И.Заруцкого

Атаман И.Заруцкий увёл своих казаков из-под Москвы 28 июля 1612 года. Из полка, насчитывавшего около 6 тысяч человек, с ним ушло около 3 тысяч человек. Остальные примкнули к князю Д.Трубецкому. Уход казаков атамана Заруцкого на юг из-под Москвы имел несколько причин. Во-первых, из-за разногласий между дворянством и вольным казачеством. Во-вторых, И.Заруцкий организовал в своё время неудавшееся покушение на жизнь князя Д.Пожарского. В-третьих, Заруцкий опасался разоблачения в связях и сношениях с литовским гетманом Я.Ходкевичем.

Цели атамана И.Заруцкого и его сторонников были традиционными для антиправительственных сил начала XVII века. После неудачи с Лжедмитрием III (*«псковским вором»*), которого, в конце концов, признали самозванцем даже казаки, атаман И.Заруцкий решил посадить на московский трон сына *«настоящего»* царя Дмитрия (сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек). Тем более, что кандидатура малолетнего «царевича» Ивана Дмитриевича, с подачи самого И.Заруцкого, уже не раз прежде обсуждалась казаками под Москвой.

До ухода из-под Москвы И.Заруцкий отправил Марину с сыном в Коломну, где она не оставляла надежд на триумфальное возвращение в столицу. В то же время пыталась заручиться поддержкой Речи Посполитой, обменивалась посланиями, в частности, с А.Гонсевским, рассылала грамоты в Астрахань и даже Персию. В то же время И.Заруцкий отсылает своих «советников» **Г.Житова** и **И.Мажарова** в Рязань, чтобы они сменили тамошних воевод князя И.Хворостинина и М.Бутурлина. Однако ещё до приезда в Рязань Г.Житова и И.Мажарова рязанские воеводы и рязанский архиепископ **Феодорит** обратились в ***Шацк*** к воеводе второго ополчения дворянину **М.Вельяминову** с просьбой о помощи. Последний, несмотря на молодость, к 1612 году уже зарекомендовал себя способным военачальником и решительным противником атамана И.Заруцкого.

В марте 1612 года М.Вельяминов после настоящей осады захватил Шацк и превратил его в оплот второго ополчения. Отсюда исходила постоянная угроза казакам И.Заруцкого. И когда воеводы последнего прибыли в Рязань, на следующий день в город вступила дружина численностью в 400 человек под началом мещерского дворянина **И.Лачинова**, посланная Вельяминовым из Шацка. Таким образом, подчинить Рязань воеводам И.Заруцкого не удалось. Вначале полк Заруцкого

двинулся к Коломне. Пребывание казаков в Коломне было непродолжительным, но накладным. Жители города были ограблены, так как казаки крайне нуждались в деньгах и продовольствии.

Из Коломны казаки двинулись к Переславлю-Рязанскому. Причём полк И.Заруцкого двигался разрозненно. Многие станицы собирали корма. Поэтому к Переславлю-Рязанскому И.Заруцкий подошёл с небольшими силами. Тем временем сын П.Ляпунова Владимир предупредил М.Вельяминова, и тот с сильной дружиной ратных людей, в первой половине сентября из Шацка прибыл в Переславль-Рязанский на два дня раньше казаков Заруцкого и не дал ему захватить город. После этого И.Заруцкий повернул на юго-восток Рязанской земли и захватил Сапожок и Песочню. У Переславля-Рязанского в селе *Китрус* он оставил сильную станицу казаков. Воспользовавшись уходом основных сил Заруцкого на юго-восток, Вельяминов внезапно напал на казаков в селе Китрус и разгромил их.

Заняв Сапожок и Песочню, И.Заруцкий решил захватить Шацк. Тем временем для усиления дружины Шацка туда из Рязани было направлено 300 стрельцов. В городе находилась также мордовская дружина во главе с кадомским князем К.Кильдеяровым. Шацкую дружину возглавлял родственник М.Вельяминова – Ратман. У Шацка казаки И.Заруцкого появились в середине сентября, но они недолго осаждали город. Вскоре к нему подошёл со своей ратью Вельяминов и занял село *Тырнову слободу*. Казаки решили напасть на него. Однако рать Вельяминова успела хорошо укрепиться в селе. Все приступы казаков были отбиты с большими потерями, и они вынуждены были отойти в Сапожок.

Видя, что в Рязанской земле ему не удаётся переломить положение в свою пользу, И.Заруцкий решает поднять против московских *«бояр и воевод»* Мещерский край и примыкавший к нему Арзамасский уезд. Он послал туда перебежавшего к нему из Шацка кадомского мордвина Тардайка и алатырского казака Дружину с грамотами в Темников, Кадом и Арзамас. Посланцы Заруцкого вручили грамоты известным сторонникам Лжедмитрия II князю Б.Еникееву и О.Трубникову. Но прежние времена изменились. Руководители второго ополчения, щедро раздавая поместья и бортные угодья, уже привлекли многих сторонников Лжедмитрия II на свою сторону. Поэтому посланцев Заруцкого схватили, посадили в темницу, допросили, а затем отправили в Москву.

Таким образом, положение И.Заруцкого в конце сентября 1612 года, после неудач под Рязанью, Шацком и отказа мещерских и поволжских городов перейти на его сторону, стало критическим. Но неожиданно к нему пришла помощь с другой стороны. Его поддержали ***Михайлов, Пронск, Ряжск, Данков*** и ***Епифань***. Таким образом, надежды Заруцкого на поддержку служилых людей украинных городов отчасти оправдались. Заруцкий появился в Михайлове 11 де-

кабря 1612 года. Кроме этих городов и волостей, к ним относящихся, Заруцкого поддержали татары, возглавляемые Я.Рындиным. К концу 1612 года Заруцкому удалось собрать около 7 тысяч человек. После этого он осадил в Серебряных Прудах сторонников земского правительства князя Г.Волконского и Н.Пильемова.

Тем временем рязанским воеводам, имевшим для действий в поле около 4 тысяч человек, оказала помощь ***Казань***. Казанские дьяки **Н.Шульгин** и **С.Дичков** сообщили в Алатырь, что Н.Шульгин вскоре выступит на *«земскую службу»* во главе казанской рати. В его распоряжении находилась многочисленная рать казанских дворян, стрельцов и служилых татар. Ещё до выступления главных сил казанской рати местные дьяки отправили в Рязань со стрелецким головой **И.Чуркиным** и князем **А.Тугушевым** рать свияжских татар численностью 4,6 тысяч человек. Это изменило соотношение сил в Рязанском крае в пользу М.Вельяминова, и он перешёл к более активным действиям.

Так как И.Заруцкий продолжал распылять свои силы, М.Вельяминову удалось разбить одну из его станиц у села Долгино. Затем Вельяминов разгромил большую дружину Я.Рындина, посланного Заруцким к Переславлю-Рязанскому. В бою под Мервиным острогом Рындин только пленными потерял 727 человек, все пушки и обоз. Заруцкий был вынужден снять осаду острога в Серебряных Прудах. Казалось, с подходом главных сил казанской рати с И.Заруцким и его казаками будет покончено. Однако надежды рязанских воевод на казанскую рать не оправдались. Она так и не подошла, так как служилые люди отказались воевать с казаками, сославшись, что кончились припасы. За это Н.Шульгин, возглавлявший казанскую рать, вскоре был арестован.

1 марта 1613 года рязанская рать М.Вельяминова была приведена к присяге на верность царю М.Романову. Избрание М.Романова царём внесло брожение в ряды сторонников атамана И.Заруцкого, что облегчило захват царскими ратями некоторых городов, в частности, Пронска. Ещё раньше Вельяминов установил контроль над Мещерской стороной Старорязанского стана. Но несмотря на эти успехи, Вельяминов писал в Москву, что сил для борьбы с Заруцким у него недостаточно, а обещанные дружины из Мурома, Касимова, Темникова, Коломны и Зарайска запаздывают. И это была правда, так как уже обнаружились волнения в среде рати свияжских татар. Царское правительство разослало гонцов по городам с повторными грамотами, требовавшими немедленно отправить ратных людей в Рязань и известило М.Вельяминова, что *«ныне мы с Москвы посылаем в Рязань воевод со многими людьми»*.

Пока эти воеводы и ратные люди собирались, И.Заруцкому удалось захватить ***Дедилов***. Расширив своё влияние на западе и севере, Заруцкий решил перенести свой главный стан из Михайлова в Епифань, так как Михайлов уже находился в пределах досягаемости

рати М.Вельяминова. В Михайлове он оставил небольшую станицу, в основном, из местных казаков. Этим воспользовались жители Михайлова, недовольные поборами казаков. 2 апреля 1613 года они осуществили переворот и взяли казаков И.Заруцкого под стражу. Атаман станицы **Пётр Кириллов**, из числа михайловских казаков, был убит дворянином **Ф.Чевкиным**.

Но если в Михайлове всё решило восстание местных жителей, то Ряжском пришлось овладевать с боем. В нём И.Заруцкий оставил сильную станицу, поэтому посланный к нему с сильной дружиной стрелецкий голова **П.Зайцев** занял вначале Городецкую слободу и выманил казаков на нападение. Приступ казаков ратные люди Зайцева отбили с большими потерями, а затем, преследуя их, взяли ***Ряжск***. После чего жители Ряжска целовали крест царю М.Романову. Другая дружина, посланная М.Вельяминовым из Пронска к Печерникам, поначалу была отражена казаками. Им даже удалось захватить в плен рязанца **А.Редькина**, которого изрубили на мелкие куски. Но затем к Печерникам подошли главные силы рати Вельяминова, и Печерники были взяты 4 апреля 1613 года.

В конце марта 1613 года Земский Собор направил в Епифань к И.Заруцкому трёх атаманов *«полка Трубецкого»* **В.Медведя, Т.Иванова** и **Б.Твердикова** с боярскими и земскими грамотами. В Епифани эти посланцы были схвачены, ограблены и брошены в темницу. Но через некоторое время были выпущены и отправлены в Москву с ответными грамотами. За понесённый ущерб в Москве им выдали компенсацию по 10 рублей. В грамотах царю Заруцкий просил простить ему все вины и предлагал взамен отдать Марину с сыном. Этот поступок указывает на низкие моральные качества атамана И.Заруцкого, готового пойти на любую подлость ради достижения своей цели, что, конечно же, не способствовало сплочению казаков. Царское правительство не пошло на предложение Заруцкого.

Тем временем рать М.Вельяминова численностью около 8,5 тысяч человек, включая казанские дружины, заняла ***Михайлов*** и стала серьёзно угрожать И.Заруцкому с востока. Перед казаками встал вопрос: что делать? Заруцкий распорядился оставить Дедилов и собраться всем казакам в Епифани на круг. На этом круге некоторые казаки призывали перейти на службу к царю М.Романову. После круга более 200 боярских детей и казаков бежали из Епифани, среди них бывший воевода Сапожка **И.Толстой** и атаман **М.Мартинов**. Оба они были прощены царским правительством и получили поместья и чины.

В результате поражений, потерь и ухода части казаков и боярских детей с декабря 1612 года по апрель 1613 года численность казаков И.Заруцкого сократилась с 7 до 5 тысяч человек. Встала также проблема: куда идти? Марина Мнишек звала в Речь Посполитую, но И.Заруцкий понимал, что это будет означать конец движения. Поэтому 10 апреля он вновь ведёт казаков в Дедилов. Здесь он пробыл все-

го день и отразил рать тульского воеводы князя **Г.Тюфякина**. Затем он двинулся к Крапивне и 13 апреля появился под её стенами.

Несмотря на малочисленность ратных людей, крапивинский воевода тульский дворянин **М.Ивашкин** вместе со своими ратниками оказал яростное сопротивление казакам. После того, как острог был подожжён со всех сторон, а сам воевода во время вылазки ранен и попал в плен, И.Заруцкий овладел Крапивной. Осуществляя поход на Крапивну, Заруцкий рассчитывал закрепиться у Тулы и поднять восстание в *«заугорских городах»*, которые с начала смуты поддерживали самозванцев. Но в Крапивне его положение оказалось более опасным, чем в Рязанской земле. Весь район к востоку от Крапивны, включая Данков и Епифань, к этому времени перешли под контроль царских ратей.

К северу находилась ***Тула***, овладеть которой казаки были не способны. К западу от Крапивны против поляков действовало войско князя **А.Хованского**, в котором только казаков, присягнувших царю М.Романову и пришедших из Москвы 1 апреля 1613 года, было свыше 2,3 тысяч человек. К тому же на юго-западе рыльский воевода **П.Боейков** в середине марта 1613 года с ратью рыльских, путивльских и черниговских дворян начал осаду Путивля, занятого поляками. Ему в помощь 11 апреля 1613 года был направлен воевода князь Д.Долгорукий с ратью. Объединив усилия, Д.Долгорукий и П.Боейков летом 1613 года взяли ***Путивль***.

19 апреля 1613, после многих задержек, против казаков И.Заруцкого выступило войско из Москвы во главе с одним из виднейших руководителей второго ополчения князем **И.Одоевским**. Незадолго до выступления из Москвы узнали о появлении И.Заруцкого в Крапивне, поэтому князь И.Одоевский направился в Тулу, а не в Рязань, как ранее предполагалось, где к нему должны были подойти дружины из других городов. 21 апреля И.Заруцкий, чтобы не попасть в окружение, повёл своих казаков на юг. В Черни он пробыл неделю. Здесь он жестоко казнил (четвертовал) крапивинского воеводу М.Ивашкина. Затем Заруцкий повёл казаков через Мценский и Новосильский уезды к ***Ливнам***. По пути они жгли и опустошали поместья.

В мае 1613 года И.Заруцкий попытался овладеть Ливнами, но дважды был отбит. Царские воеводы далеко от него отстали. М.Вельяминов, лишившись казанских дружин, которые из-за недостатка припасов возвратились домой, с 4-тысячной ратью занял Данков. В это время князь И.Одоевский ещё находился в Туле, поджидая дружины из других городов. Воспользовавшись их нерасторопностью, Заруцкий ещё раз попытался перехватить инициативу. От Ливен он повернул на северо-восток, пересёк Елецкий уезд и в конце мая-начале июня захватил ***Лебедянь***. Здесь ему никто не оказал сопротивления.

Появление почти 5 тысяч казаков в 70 верстах от Данкова, где находилась рать М.Вельяминова, привела её в смятение до такой степе-

ни, что *«послыша...ратные люди, что с вором многие воровские люди, и от того, убоявся, розбежались»*. Князю И.Одоевскому пришлось послать в Рязань стряпчего **М.Мотовилова**, чтобы он собрал рязанских дворян и детей боярских, что тот и сделал. После чего он направил их во главе с А.Гагариным, И.Чеботаевым, и Л.Сумниковым-Измайловым к М.Вельяминову. Со своей стороны Вельяминов сам принял меры к сбору ратных людей. В то же время князь Одоевский поспешил выступить к Данкову.

Получив подкрепление и организовав рать, М.Вельяминов вновь возобновил боевые действия против И.Заруцкого, направив передовую дружину И.Чеботаева, чтобы она напала на заставы казаков под Лебедянью. Вскоре к Данкову подошло войско князя И.Одоевского, к которому присоединился и Вельяминов со своей ратью. У князя Одоевского М.Вельяминов стал одним из воевод, возглавившим передовую рать. В войске князя Одоевского были собраны рати и дружины из Рязани, Тулы, Владимира, Суздаля, Мурома, Луха, Гороховца, Нижнего Новгорода, Ливен, Оскола, Ельца, Тарусы, Серпухова, Алексина, Коломны, Дорогобужа, Вязьмы, Арзамаса, Мещеры. Кроме того, в нём были *«немцы»* и днепровские казаки из Тулы, а также темниковские и кадомские татары. Общая численность войска составляла около 30 тысяч человек. Это показывает, что главным врагом для правительства царя М.Романова были не поляки и шведы, а казаки атамана Заруцкого, так как именно против них летом 1613 года были сосредоточены главные воинские силы Москвы.

Вступить в сражение с таким войском И.Заруцкий не решился, оставил Лебедянь и двинулся к Воронежу. При подходе к нему ряды мятежных казаков пополнили усманские и ступинские казаки, а также другие отряды, преследуемые царским войском. Общая численность мятежников вновь составила около 7 тысяч человек. Подойдя к Воронежу, Заруцкий оказался в непосредственной близости от Донского казачьего войска, численность которого значительно превышала его силы. Царское правительство понимало, что объединение казаков Заруцкого с Донским казачьим войском может резко изменить обстановку на юге в худшую для царского войска сторону.

Поэтому в начале июня 1613 года из Москвы на Дон выехала станица донских казаков численностью 45 человек с тремя атаманами, чтобы отговорить Донское войско от союза с Заруцким. Следом за ними с назначенным в Турцию послом **С.Протасьевым** и **М.Даниловым** на Дон было отправлено царское жалование: сукна, селитра, свинец, вино и продовольствие. В результате, Донское войско хотя и не оказало помощи царскому войску, тем не менее, не поддержало и Заруцкого. А позднее даже обратилось к волжским казакам, сторонникам Заруцкого, с призывом последовать их примеру и признать царём М.Романова.

Решающее сражение между казаками И.Заруцкого и царским войском произошло под ***Русским Рогом***, в четырёх верстах от Воронежа. Дружина, оборонявшая Воронежский острог, отказалась впус-

тить казаков Заруцкого. Не имея времени на приступ, Заруцкий решил создать укрепление на возвышенности у Русского Рога и дать сражение царскому войску. Казаки едва успели возвести укрепление, как подошло царское войско. 29 июня царские воеводы двинули свои рати на приступ. Сражение длилось два дня. Все попытки царского войска овладеть укреплением были отбиты с большими потерями. Царское войско потеряло около 8 тысяч человек. Казаки тоже понесли ощутимые потери, около 2 тысяч человек.

Не имея успеха, царские воеводы отвели свои рати от укрепления на добрый десяток вёрст и организовали стан. Во время сражения к царским воеводам из Москвы прибыли гонцы с документами, раскрывавшими связи И.Заруцкого с польским королём, гетманом Я.Ходкевичем и А.Гонсевским. Царские воеводы, не надеясь на победу в следующем сражении, решили внести раскол в среду казаков и передали им через верных людей эти документы. Тем временем казаки Заруцкого, воспользовавшись, что царское войско отошло, 1 июля внезапно взяли Воронеж и разграбили его. Здесь им как раз и стало известно о переписке И.Заруцкого с поляками.

В этот же день, ближе к вечеру, состоялся казачий круг, где содержание бумаг стало известно всем казакам. Многих казаков возмутил сам факт, что без разрешения казачьего круга И.Заруцкий вёл эту переписку. Такой поступок по казачьим правилам был равносилен преступлению. В результате, случился раскол. Из оставшихся 5 тысяч казаков 2250 казаков покинули И.Заруцкого, перешли на сторону царского войска и присягнули М.Романову. 19 июля 1613 года посланный из Москвы дворянин **О.Коноплёв** отвёл этих казаков в войско князя Д.Черкасского под Смоленск.

С уходом почти половины казаков силы И.Заруцкого резко ослабли. Поэтому царские воеводы решили вновь попытать счастья в сражении, тем более, что численное превосходство царского войска над казаками теперь было 7-кратным, тогда как в первом сражении только 4-кратным. На этот раз сражение разгорелось в Воронеже, у переправы 2 июля. Казаки были прижаты к Дону и разделены речными старицами и заливами. 3 июля сражение продолжилось, но уже победно для царского войска. Казаки были вынуждены отходить и переправляться через Дон с боем. Многие из них погибли в бою, либо утонули в реке. С Заруцким через Дон переправилось всего около 500 человек. Царское войско захватило обоз, все пушки и знамёна.

Не имея поддержки Донского казачьего войска, И.Заруцкий вынужден был бежать в Астрахань. По дороге от него ушла ещё часть казаков. В степи за Доном дворянские конные сотни пять дней преследовали Заруцкого, но так и не смогли его догнать. После того, как царские воеводы узнали, что Заруцкий ушёл в Астрахань, они с войском двинулись к ней. По прибытии в Астрахань Заруцкий поначалу сумел объединить и подчинить себе стрельцов, посадских людей, волжских казаков и ногаев, заявив им, что Москвой «*литва за-*

владела». Но с подходом царского войска эти люди ушли от И.Заруцкого и присягнули царю М.Романову.

Атаман И.Заруцкий вместе с Мариной Мнишек, её сыном и несколькими сотнями казаков бежал на реку Яик (Урал) и пытался укрыться на Медвежьем острове. Здесь они и были схвачены царской ратью. Пленников привезли в Москву. Заруцкого посадили на кол. Сына Марины Мнишек – Ивана – повесили. Саму Марину Мнишек посадили в темницу, где её умертвили весной 1615 года, распустив слухи, что она умерла *«с тоски»*. Однако Марина была женщиной без предрассудков, энергичной и волевой. Такие не ломаются от ударов судьбы. Таких могут только насильственно устранить их противники.

Таким образом, упорная борьба, которую вело дворянство с И.Заруцким, началась ещё летом 1612 года, когда второе ополчение только подошло к Москве, и продолжалось до 3 июля 1613 года, когда его казаки потерпели поражение в сражении под Воронежем. Одиннадцать месяцев непрекращавшихся походов, боёв и сражений, сопровождавшихся массой драматических событий, в конце концов, переломили ход борьбы в пользу дворянства. Поражение И.Заруцкого было обусловлено следующими причинами. Во-первых, его идею утверждения на престоле сына Марины Мнишек поддержала меньшая часть казаков и мизерная часть дворянства. Во-вторых, Донское казачье войско вообще не оказало ему никакой помощи. В-третьих, во время похода по Рязанской земле И.Заруцкий, по существу, распустил полк на кормление, а не на собирание сил. Тем самым позволил воеводе М.Вельяминову бить его по частям, в результате чего самое драгоценное время, когда земское ополчение стояло под Москвой, им было утрачено.

Все эти причины привели к тому, что самый принципиальный и последовательный противник новой царской власти оказался разбитым и уничтоженным первым. Таким образом, поражение остальных отрядов российского казачества, не отличавшихся этой принципиальностью и последовательностью, боровшихся, по большей части, за своевременную выплату жалования, либо получение в кормление необходимого количества сёл и крестьян, было предопределено. Тем более что царское правительство продолжало политику разделения казаков. Самых заслуженных казаков и их атаманов оно выделяло и награждало поместьями и деньгами. Поэтому атаманы, есаулы, да и рядовые казаки, сразу или спустя некоторое время после получения поместий, переставали служить в составе той или иной станицы.

Разгром мятежных казаков атамана М.Баловнева

Реформирование части российского казачества не изменило его внутренней организации и взаимоотношений с правительством. И при царе, которому присягнули, казаки продолжали борьбу за свои права. На притеснения воевод или выдачу недостаточного жалования

они отвечали коллективными челобитными, уходом со службы, самовольным сбором *«кормов»*. Ареной следующего крупнейшего казацкого мятежа стала обширная территория к северу от Москвы. Романов, Углич, Пошехонье, Бежецкий Верх, Кашин, Белоозеро, Новгород, Каргополь, Вологда, Вага, другие города и уезды стали ареной этого мятежа. Дело в том, что все заволжские территории были меньше разорены, чем другие, имели много посадского населения и уже поэтому представляли для казаков особый интерес. Значительное число казаков появилось на севере, в частности, в Вологде, уже в конце 1612 года. Поводом для их отправки на север стали опустошительные набеги днепровских казаков (*«черкас»*), служивших в польском и шведском войске. С ними неравную борьбу вели местные крестьянские ополчения, собранные с *«дыма по человеку»*.

В марте 1613 года около тысячи казаков во главе с воеводами князем **С.Прозоровским** и Л.Вельяминовым были посланы в Псков против шведов. По дороге к ним присоединились ещё несколько сот казаков, самовольно ушедших из Торжка 1 марта 1613 года и стоявших некоторое время на границе Новоторжского и Новгородского уездов. Дойти до Пскова казакам не позволили шведы, после чего воеводы получили указ идти к Тихвину, занятому небольшим отрядом шведов. Казаки двинулись туда и освободили Тихвин в июне 1613 года. Из Тихвина и Вологды казаки расходились по окрестностям в поисках продовольствия, так как царское правительство не смогло обеспечить своевременную выплату жалования и обеспечение продовольствием. Естественно, местные крестьяне и дворяне жаловались на своевольство казаков.

В августе 1613 года С.Прозоровский и Л.Вельяминов были осаждены в Тихвине шведами. Посланная к ним на помощь дружина **И.Сунбулова**, в основном состоявшая из казаков, потерпела от шведов поражение и отступила в Рахин острог. Тем не менее, шведам не удалось взять Тихвин. В свою очередь многие станицы казаков проникли на шведскую территорию и парализовали там деятельность шведской и новгородской администрации. В сентябре 1613 года сборщик *«государева хлеба»* **П.Ногин** писал Я. де ла-Гарди и новгородскому воеводе И.Одоевскому, что всеми старорусскими погостами *«владеют»* *«воровские»* казаки.

Осенью 1613 года из Москвы к Новгороду, захваченному шведами, выступило войско князя Д.Трубецкого, в составе которого первоначально было 1045 казаков. В Торжке, где Д.Трубецкой стоял несколько месяцев, его войско пополнилось ещё несколькими казачьими станицами, в том числе теми, которые в составе его полка стояли под Москвой. Попытки Д.Трубецкого собрать *«корма»* для казаков встретили яростное сопротивление местного населения: дворян, монахов и крестьян. Поэтому казаки самовольно, силой собирали себе «корма»: *«Казаки беспрестанно...ходили войною и дворян и детей боярских, и их людей, и крестьян до смерти побивали, жгли и мучили»*.

Помочь князю Д.Трубецкому освободить Новгород должен был **А.Ф.Палицын**, дальний родственник Троицкого келаря Авраамия Палицына. Он был направлен в сентябре 1613 года под Старую Руссу с дружиной новгородских дворян и четырьмя казачьими станицами атаманов **И.Балаша, Б.Гаврилова, А.Звенигородца** и **М.Елисеева**. Казаки этих станиц тоже своевольничали, обирая местное население. В начале 1614 года у А.Ф.Палицына было около 2,5 тысяч казаков. Шведы, хорошо знавшие обстановку в России, пугали новгородцев казацкими грабежами в случае перехода Новгорода под власть царя М.Романова: *«... ведомо же Новгородского государства людем о нынешнем московском владетельстве...что казаки в московских столнех сильнейшие и того ради большую власть имеют, по своей воле и по своему мнению чинят»*. Так писал новгородцам в январе 1614 года шведский генерал Э.Горн, призывая их присягнуть новому шведскому королю Густаву Адольфу.

С осени 1613 года своевольные действия казаков всё больше тревожат царское правительство. В сентябре в Устюжну и другие города были разосланы грамоты, в которых говорилось, что *«казаки и ратные всякие люди, отставая от полков, в уездах, отъезжая, воруют, крестьян побивают и домы их разоряют»*. Городовым воеводам предписывалось: *«посылки посылая, тех воров имать и, приводя в городы, чинити им наказанье»*. К тому же численность своевольных казаков увеличилась за счёт днепровских казаков (*«черкас»*), находившихся под Тихвином в войске шведов. Они рассорились со шведским военачальником Я. де ла-Гарди из-за жалованья и во главе с полковниками **Барышпольцем** и **Острожским** ушли в Белозёрский уезд.

В начале 1614 года уход казаков со службы из-за невыплаты жалования и необходимости сбора продовольствия приобрёл массовый характер. Представление об этом даёт отписка казаков, присланная 17 марта в Белозёрск. Казаки сопровождали в Москву пленных, захваченных под Тихвином. На обратном пути им стало известно, что в казачьих станицах под Тихвином нет *«людцкого запасу и конского корму»*. Тогда казаки остановились в Белозёрском селе ***Фёдорово***: *«чтоб нам своим запасом и конским кормом поиспастися и чтоб нам, прошедши в полки, самим не померети голодною смертью и лошадей не поморити»*. Собрав *«запасы»*, казаки обещали белозёрскому воеводе направиться на службу. Свои действия тихвинские казаки рассматривали как законное кормление, положенное им за службу, и пытались поначалу поддерживать дружественные отношения с царской администрацией.

Чтобы остановить нарастание своевольных действий казаков, царское правительство само принимает чрезвычайные меры, чтобы изыскать средства для выплаты жалованья войску. В начале 1614 года Земский Собор постановил собрать с населения *«ратным людям на жалованье»* невиданный по тяжести налог – *«пятинные деньги»* (1/5 часть с наличного имущества). Однако большая его часть по-

ступила в казну лишь в 1615 году. Поэтому данное решение не могло быстро снять остроту проблемы, которая стала фактом, грозившим выйти из-под контроля.

Тем более, что в земском ополчении казаки находились под началом воевод, а в 1614 году они действовали вполне самостоятельно. На сбор кормов вначале выходили, как правило, станицами. Но уже во второй половине года стали создаваться дружины в несколько сот человек. Начался естественный процесс образования казачьего войска. Первой такая дружина появилась в Белозёрском уезде, в которую вошли станицы шести казачьих атаманов **Н.Маматова, А.Трусова, Т.Астраханца, Ф.Ослоповского, Г.Обухова** и **Л.Алексеева**. К ним присоединилась также станица татар. **Однако нужно сказать, что естественный процесс образования войска, как, собственно, любого общественного явления, включая экономические структуры, носит длительный, хаотичный и противоречивый характер. Осознанность, упорядоченность и ускорение таким процессам может придать только государственная власть.**

Но **царская власть вопросами создания постоянного казачьего войска не занималась, она стремилась корыстно использовать казаков для ведения войны с поляками и шведами**. Благодаря этому процесс объединения казачьих станиц привёл к тому, что царская власть начала утрачивать своё влияние в северных уездах. В конце мая дружина атамана Н.Маматова вновь появилась в Белозёрском уезде. 13 июня воевода Белозёрска сообщал: *«От тех казаков сидим в остроге с лошадьми и со всякою животиною с великим обереганьем»*. Не лучше обстоят дела и в других северных уездах. В некоторых уездах казаки даже собирались идти на помощь И.Заруцкому. Но, получив известие о его неудачах, некоторые казачьи дружины помирились с властями и пошли под Новгород к князю Д.Трубецкому. Один из современников писал: *«Мятежные казаки, видя, что им на Заруцкого надеяться нельзя, пустились снова все под Новгород, грабя дорогою»*.

В начале апреля 1614 года войско князя Д.Трубецкого подошло к Новгороду и остановилось в Бронницах. Тысяча казаков засела в Бронницком остроге на другом берегу реки *Мсты*. В Новгородской земле казаки действовали как на вражеской территории. В 1615 году новгородские власти писали царю, что казаки *«чинили насильство и беды такие, чего и бессермены не чинят»*. По словам современника, новгородская дорога была опустошена: *«Кормов конских, овса и сена, не было, и от черкас, и от воров казаков побиты и пограблены, и сёла и деревни пожжены»*. Кроме того, между казаками и дворянами в войске отношения были накалены до враждебности.

Освободить Новгород князю Д.Трубецкому не удалось. Подошедшее к городу шведское войско 14 июля взяло Бронницкий острог. Дворяне отказались оказывать помощь казакам, оборонявшим острог. Многие казаки попали в плен, в их числе атаманы **Ч.Степанов**,

Д.Мальцов, С.Беляев, С.Балака и другие. Войско князя Трубецкого отступило, оставило Старую Руссу и Порхов. Во время отступления к Торжку войско, собранное с большим трудом, начало распадаться. Дворяне разбежались по своим поместьям, а казаки станицами разошлись в разные стороны собирать корма. Это красноречиво описал казак **С.Емельянов** в своей челобитной: *«И как, государь, грех учинился над твоим государевым боярином над князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким на Бронницах и князь Дмитрей пришол в Торжок, а мы, холопы твои, не изтерпя голоду, разбрелись розно».*

После неудачи князя Д.Трубецкого под Новгородом, казачье вольное движение широко разлилось по всем северным уездам России. Освободившись от службы, казаки *«учали пуще прежнего воровать»*. Вологодский источник так описывает события того времени: *«Лета 7123-го казаки, вольные люди, в Русской земле многие грады и сёла пожгли и крестьян жгли и мучили»*. Царское правительство решило принять срочные меры для обуздания вольницы. 1 сентября 1614 года Земский Собор постановил направить в Ярославль для переговоров с казаками соборную дружину *«изо всяких чинов крепких и разумных людей»*. В неё вошли архиепископ **Герасим**, архимандрит **Авраамий**, казначей Троице-Сергиева монастыря **М.Куровский**, боярин князь **Б.Лыков**, дьяк **Б.Ильин**, несколько торговых и посадских людей, три атамана, есаул и 250 дворян, детей боярских, стрельцов и служилых казаков.

Князь Б.Лыков не был тем человеком, к которому казаки испытывали доверие и у которого хотели бы служить. Видный воевода царя В.Шуйского, ставший потом членом семибоярщины Ф.Мстиславского, в 1611-12 годах находился в Москве вместе с поляками. Он был самым последовательным и непримиримым врагом казачества в окружении царя М.Романова, с которым был связан близкими родственными узами. Посланцы Собора были уполномочены обещать казакам жалованье, *«корм»* и свободу, *«должным и крепостным людям по приговору»*. От казаков требовалось прислать в Москву именные списки по станицам и возвратиться на службу.

В случае отказа казаков возвращаться на службу, князю Б.Лыкову было предписано возглавить вооружённую борьбу с казаками. Для этого разрешалось собрать дворян Костромы, Ярославля, Галича, Вологды, Суздаля, Владимира, Луха, Переславля-Залесского, Ростова, Мурома, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Юрьева-Польского, а также даточных людей, монастырских слуг и *«охочих всяких людей боярских»*. Людям, назначенным сопровождать Б.Лыкова, выдали жалованье 12-14 сентября 1614 года. Почти одновременно с Б.Лыковым, 4 сентября 1614 года, получил воеводский наказ идти в Торжок А.Ф.Палицын. Там он должен был возглавить тысячу казаков, занять с ними Старую Руссу и затем вновь идти под Новгород. А.Ф.Палицыну надлежало также призвать атамана *«Балаша со товарищи»* возвратиться *«на государеву службу к нему в полки»*.

В наказах Б.Лыкову и А.Ф.Палицыну не определялось, каким именно *«должным и крепостным людям»*, ушедшим в казаки, была обещана *«воля»*. Но именно сохранение статуса казака за всеми, кто им стал в последние годы, имел большое значение на переговорах. Особенно остро этот вопрос стоял для тех, кто стал казаком после воцарения М.Романова, но их службу указ обходил молчанием. Поэтому главная причина конфликта российских казаков и царского правительства была в том, что царь *«подтвердил старые боярские привилегии и дал боярам право возвращать к себе прежних слуг, которых они считали своими рабами, куда бы те не ушли во время войны; между тем большинство из них пошло в казаки. Требование о возвращении вызвало новые мятежи»*. Таким образом, *«воля»*, о которой говорилось в наказе соборной дружине, вряд ли могла удовлетворить большинство казаков.

Казаки ничего хорошего не ждали от приезда Б.Лыкова в Ярославль, полагая, что он направлен не *«уговаривать их»*, а воевать. К этому времени мятежные казаки действовали уже недалеко от столицы. Никогда раньше движение мятежных казаков не было столь открыто направлено против церковных и боярско-дворянских сословий, как в конце 1614-15 гг. На значительной части территории Северной России мятежные казаки убивали, пленяли, изгоняли дворян и представителей церковной администрации, занимая их вотчины и поместья.

Соборная дружина появилась в Ярославле 21 сентября 1614 года. Оттуда князь Б.Лыков немедленно послал сборщиков ратных людей в Ростов и Переславль-Залесский. Однако до конца сентября дворяне этих городов не смогли прибыть в Ярославль. Собственно, и ярославских дворян было собрано всего 50 человек. Не особенно-то дворяне стремились служить. Положение усугублялось ещё тем, что незадолго до прибытия Б.Лыкова из Ярославля отозвали 200 московских стрельцов. Попытки набрать стрельцов из местных вольных людей успеха не имели, так как эти люди не соглашались служить за жалованье в 2 рубля денег и 10 четвертей ржи, которое в два раза уступало жалованью московских стрельцов.

Представители Земского Собора неоднократно ездили к казакам на переговоры, но все они закончились неудачей. Большего успеха добился А.Ф.Палицын, который в начале 1615 года собрал около 2 тысяч казаков. Пытаясь справиться с мятежными казаками, царское правительство обратилось с воззваниями ко всему населению Северной России. В грамоте жителям Углича, в частности, говорилось: *«...казаки по ся места в непослушанье, воруют, нашу землю пустошат и православных крестьян побивают и из животов мучат различными муками, чего и в бессерменских государствах не бывало»*. Грамота требовала прекращения торговли с казаками, которые будто бы *«на Угличе на посаде и в Углицком уезде всякую воровскую рухлядь продают и сами зелье и свинец, и всякий товар покупают и к ворам отвозят»*.

Кроме того, грамота требовала выставить против казаков *«подымных людей»*. И крестьянские миры выставляли этих людей и оказывали посильное сопротивление казакам. В сентябре 1614 года князь Б.Лыков начал вооружённую борьбу с казаками. Однако поначалу он не имел успехов. Недалеко от села Прилуки, у Колязина монастыря, дружина костромского дворянина **А.Алалыкина** потерпела поражение. Посланный из Ярославля в Вологду встречать английских послов **М.Викентьев** был вынужден вернуться назад, спасаясь от казаков, находившихся в районе села Даниловского.

Воевода **Г.Волуев** с дружиной дворян, стрельцов и поместных атаманов численностью 170 человек вышел из Ярославля 16 ноября, дошёл до села Даниловского. Там он остановился на много дней, прося подкреплений у князя Б.Лыкова. Во второй половине ноября в помощь Г.Волуеву из Москвы был отправлен сотник **И.Измайлов** с большой дружиной служилых иноземцев. Он должен был действовать под началом Б.Лыкова и безжалостно расправляться с мятежными казаками: *«...где их ни сведают, за их многое воровство и непокорство и за крестьянское кроворозлитие побивать без милости»*. Только 24 ноября Г.Волуев вошёл в Вологду, где два с половиной месяца находились английские послы, ожидая освобождения дороги на Москву.

Так что до этого времени ***Вологда***, по существу, находилась на осадном положении. И это несмотря на то, что в Вологде находилась большая дружина ратных людей. Только стрельцов там было около 500 человек. Однако увеличить свои силы вологодские воеводы не могли, так как казаки всячески этому мешали. 1 декабря 1614 года Г.Волуеву было велено казнить всех пленных казаков, приведённых в Вологду. Одних посадили на кол, других повесили по ярославской дороге. Так теперь должен был воевода поступать со всеми пленными казаками. В тот же день Волуев выступил из Вологды в Ярославль уже с ратью в 1,5 тысячи человек, которая должна была охранять *«казну»* и английских послов, на которых, по слухам, собирались напасть казаки. В помощь Волуеву Б.Лыков направил ещё более 300 ратников.

Вологда вновь оказалась в окружении казаков. В декабре 1614 года между некоторыми казачьими станицами установилось довольно тесное взаимодействие, а местом их сбора стала Чаронда. В начале декабря к Кирилло-Белозёрскому монастырю подошли станицы **Ф.Лабутина, М.Титова, Т.Чёрного** и **Бесчастного**. Через два дня они соединились с казаками **В.Булатова** и **А.Колынского**, к которым перебежали некоторые монастырские стрельцы, и вместе двинулись к ***Чаронде***. Помимо вотчин Кирилло-Белозёрского монастыря, казаки разорили Ферапонтов монастырь.

Кирилловский служка **И.Мороз** 14 декабря рассказал, что там делали казаки: *«...на чудотворцевой-де раки был бархат чёрн, и той-де бархат казаки взяли, и в церквах-де ходили, и божии-де престолы обругали по церквам, и ворота-де и по кельям двери все призже-*

ны, и в кельях, и в сенех лошади стояли». Это к вопросу, как тогда казаки относились к христианству. Затем дружина атамана В.Булатова численностью около 700 человек остановилась в Чаронде. Тогда же от Вологды к Чаронде направился атаман М.Баловнев *«со многими людьми»*. Казаки тогда намеревались взять Каргополь, а в случае неудачи Вологду, либо Белозёрск. Затем думали приступом взять Кирилло-Белозёрский монастырь. Но отсутствие единства в среде казаков не позволило перейти к решительным действиям.

В конце 1614 года в районах действий мятежных казаков появилась сильная дружина днепровских казаков брата атамана И.Заруцкого – **Захарьяша** и казацкого полковника **Я.Яцкого**. Первоначально его целью была помощь брату. Но уже во время похода стало ясно, что с помощью он опоздал. В августе 1614 года он попытался взять Белый, в ноябре действовал в районе Осташкова, 15 декабря безуспешно приступал к Устюжне. Затем вдоль Мологи и Шексны дошёл до Волги. Проводив английских послов до Ярославля, Г.Волуев в декабре 1614 года вновь направился к Вологде. В это время Б.Лыков начал преследование З.Заруцкого.

27 декабря Г.Волуеву удалось нанести под Вологдой поражение станице казаков атамана Р.Корташова. А 4 января 1615 года Б.Лыков разбил З.Заруцкого под Балахной и захватил его походный обоз. В конце января З.Заруцкий увёл остатки своей дружины в Речь Посполитую после неудачной попытки взять ***Карачев***. Одержав победу над З.Заруцким, Б.Лыков через Ярославль двинулся к Вологде. Везде, где карательная рать князя Б.Лыкова брала пленных, их вешали. Карательная рать Б.Лыкова состояла из дворян, стрельцов, служилых татар, иноземцев и насчитывала около 2,5 тысяч человек. Хотя казаков на севере было значительно больше, однако из-за внутренних разногласий и отсутствия единства действий они не могли успешно противостоять хорошо вооружённой и организованной рати князя Лыкова.

Ещё до подхода карательной рати князя Б.Лыкова к Вологде, в которую он вошёл 29 января 1615 года, значительная часть казаков выразила готовность возвратиться на службу под началом присланных к ним из Москвы воевод князя Н.Волконского и С.Чемесова. *«Вину свою государю принесли»* отдельно В.Булатов *«со товарищи»* и М.Баловнев *«со товарищи»*. Оба атамана прислали в Белозёрск к воеводам Н.Волконскому и С.Чемесову *«из своих станиц казаков»*. Каждый из них возглавлял к тому времени крупную дружину, состоявшую из нескольких станиц.

27 января воеводы Н.Волконский и С.Чемесов приехали к казакам в Белозёрское село ***Мегры***. В пяти верстах от села их встретил М.Баловнев, объявивший воеводам, что казаки готовы идти на службу *«под Новгород, и под Ладогу, и под Орешек»*. В начале февраля к этим воеводам присоединились станицы атаманов Ф.Лабутина, Т.Фёдорова и С.Артемьева, составлявшие тоже единую дружину.

Ещё две недели после приезда в Мегры воеводы собирали мятежных казаков. В целом, удалось собрать около 6 тысяч человек. После чего многочисленная делегация казаков во главе с атаманом **М.Титовым** подала в Москву *«повинные»* челобитные с просьбой о жалованье.

Перед воеводами встала непростая задача, как придать облик войска своевольным казачьим дружинам и станицам. За время своей вольной жизни казаки успели обзавестись не только учениками (чурами), но и жёнами, и наложницами. Воеводы Н.Волконский и С.Чемесов проявили твёрдость, и казаки вынуждены были уступить. В соответствии с казачьим приговором женщин отвезли в Белозёрск. Местные дворяне и правительственная администрация с трудом привыкали к тому, что должны были относиться к казакам как к государевым служилым людям. Белозёрский воевода **П.Чихачев** даже после возвращения казаков на службу продолжал запрещать им делать покупки в городе, ссылаясь на то, что нет соответствующего царского указа.

Неприязнь к казакам распространилась и на их воеводу Н.Волконского. В феврале 1615 года над Тихвином нависла новая угроза шведского нападения. Узнав о приближении шведского войска, тихвинские воеводы обратились к Волконскому и Чемесову за помощью. 12 февраля казаки вышли из села Мегры и двинулись к Тихвину, где они должны были остановиться в 15 верстах от города на реке Паше. В марте 1615 года на российскую службу перешла большая дружина днепровских казаков **С.Острожского**. В мае эти казаки получили награды за переход на службу. Сам полковник был отправлен *«на житьё»* в Казань. В Поволжье и Сибири были поселены рядовые *«черкасы»*.

Однако многие казаки не возвратились под начало царских воевод и продолжали своевольничать в северных уездах, нападая на дворян и иноземцев. 19 февраля в Вологде появились израненные и ограбленные служилые иноземцы, которых воевода И.Измайлов отпустил в их белозёрские поместья. В Карачевской волости они подверглись нападению 300 казаков, которых возглавляли атаманы **Ворон, Волк, Голеницкий** и **В.Кулага-Кривой**. На протяжении весны 1615 года продолжались столкновения казаков с царскими дружинами в Каргапольском, Белозёрском, Пошехонском, Угличском и других уездах, в которых принимала участие карательная рать князя Б.Лыкова и дружины городовых воевод.

Столкновения с мятежными казаками происходили и на северо-западной окраине России. В 1614-15 гг. *«на воров на казаков»* была направлена дружина из Белой во главе с **М.Кашинцевым**. Весной 1615 года мятежные казаки появились в окрестностях Москвы. 30 мая против *«казаков, которые воруют по Переяславской дороге»*, был направлен воевода А.Палицын, награждённый перед этим за победу над польской дружиной под Торопцом куньей шубой и серебряным кубком.

Большая часть казаков, пришедших с царскими воеводами под Тихвин, оставалась там на протяжении всей весны 1615 года. Несколько тысяч казаков были размещены в Заонежских погостах, Белозёрском и Вологодском уездах на кормлении. В задачу казаков входило овладение Ладогой, которую обороняли около 200 шведов. Освободить город не удалось по причине крайней неорганизованности в среде казаков. Однако казаки *«своими грабежами и убийствами»* причинили значительный вред находившимся под контролем шведов Ладожскому, Копорскому, Ивангородскому уездам, Кексгольмской и Нотебургской областям. Но вскоре новый казачий мятеж перечеркнул планы царского правительства использовать казаков в войне со Швецией.

Возвращение доброй половины мятежных казаков на службу в начале 1615 года было для них временной передышкой, так как вопрос о статусе *«новых»* казаков так и не был решён. В марте 1615 года *«разбор»* казаков происходил под Москвой. А в мае воеводы Н.Волконский и С.Чемесов попытались провести разбор казаков под Тихвином. Но их постигла неудача, казаки на разбор не прибыли. Более того, они стали угрожать воеводам. Вскоре между мятежными и верными царю казаками произошло столкновение. Мятежные казаки победили, захватили много пленных и ограбили воевод, которые с казачьими станицами Т.Фёдорова, Д.Белого, Д.Орлова, П.Яковлева, Д.Иванова, С.Артемьева и А.Маркова отступили в Тихвин.

Из Тихвина они направились в столицу, где дворянин **М.Ловчиков** и дьяк Разбойного приказа **Н.Нельянов** провели *«разбор»* казаков. Затем дворянин **В.Вешняков** и дьяк **В.Семёнов** выдали жалование тем, кто был оставлен на службе. Некоторые молодые казаки, не надеявшиеся на благоприятный для себя исход царского *«разбора»*, бежали ещё во время перехода станиц от Тихвина к Москве. Мятежных казаков под Тихвином возглавил атаман М.Баловнев. План действий казаки обсудили на круге, на котором решили идти к Москве, чтобы предложить свою службу под Смоленском, либо у Пскова, если царь их всех примет на службу и выдаст жалованье. Но если царь повелит разобрать, *«которые были в казаках боярские люди или крестьяня, и им было за то помереть всем за один, и итти по городом, а иным на Дон»*.

Таким образом, угроза *«разбора»* и исключения из служилых казаков вновь вступивших в станицы крестьян и холопов была главной причиной конфликта между казаками и воеводами под Тихвином. Желание казаков идти под Москву показывает, что, несмотря на антиказачий опыт первых трёх лет царствования М.Романова, большинство казаков всё ещё не теряло веры в нового царя. Но были и такие, которые не последовали за М.Баловневым. Первое известие о движении казаков к Москве в столице получили из ***Устюжины***, вблизи которой прошли казаки. Князю Б.Лыкову и каширскому воеводе **Ф.Баящеву** было велено проверить это сообщение и, если оно подтвердится, идти к Москве вслед за казаками.

К Москве казаки подошли в начале июля, что было неожиданностью для царского правительства, несмотря на сообщение из Устюжны. Даже 2 июля в Москве ещё не было известно о приближении казаков. В этот день стольник **П.Измайлов** выехал из столицы к рати Б.Лыкова с наградами. Однако раздать награды всем участникам карательного похода он не успел. Воевода Б.Лыков спешно выступил к Москве. В мятежной казачьей рати, подошедшей к Москве, было около 30 станиц. Фамилии атаманов этих станиц сохранили расспросные листы и челобитные казаков: Л.Алексеев, П.Андреев, М.Баловнев, П.Булгаков, М.Губарь, Р.Гурьев, Т.Долгов, Л.Домбровский, И.Ефремов, С.Заварзин, Г.Иванов, З.Киреев, Р.Корташов, В.Крылов, Ф.Лабутин, Л.Мельников, Г.Обухов, В.Осокин, Г.Попов, Е.Семёнов, М.Семёнов, А.Стародубов, Б.Татаринов, Е.Терентьев, В.Тимофеев, А.Трусов, П.Чёрный и Т.Чёрный. Из войсковых есаулов в среде мятежных казаков были известны С.Омельянов, Н.Зубахин и Г.Леонтьев. Таким образом, с М.Баловневым к Москве пришло около 5 тысяч казаков.

Но и такое число казаков в то время представляло для Москвы большую угрозу. Ситуация усложнялась тем, что почти все наличные воинские силы во главе с князем Д.Пожарским, в конце июня 1615 года пришлось из Москвы направить против А.Лисовского, который незадолго до этого появился под Брянском. Первоначально казацкие станицы расположились в районе села ***Ростокино*** на Яузе. Опасаясь внезапного подхода карательной рати князя Б.Лыкова, казаки организовали сторожевую службу на дорогах, ведущих к Москве с севера. В стан казаков сразу же потянулись посадские люди с товарами. Вскоре в Ростокино прибыли представители царского правительства – дворяне И.Урусов и Ф.Челюскин с дьяками И.Шевырёвым и И.Фёдоровым. Они должны были *«переписать и разобрать»* казаков.

Их приезд вызвал возмущение в казацком стане: *«...атаманы и казаки к дворянам и к дьяком к смотру не шли долгое время и переписывать себя едва дали, а говорили: то они, атаманы, ведают сами, сколько у кого в станицах казаков»*. Таким образом, казаки по-прежнему стояли на том, что состав станиц – их внутреннее дело, как у казаков Дона. После 10 июля царское правительство запретило посадским людям ездить в Ростокино, что вызвало новое недовольство казаков. С челобитной от казаков в Москву 14 июля отправился атаман Г.Обухов в сопровождении семи человек. Под угрозой неприятельских действий казаков царское правительство согласилось снять запрет на торговлю с казаками. В остальном царские чиновники стояли на своём, а казаки на своём. Переговоры зашли в тупик.

Тем временем карательная рать князя Б.Лыкова, насчитывавшая уже около 5 тысяч человек, подошла к Москве и остановилась в Дорогомиловской ямской слободе. 18 июля князь Лыков присутствовал на обеде у царя, где был награждён собольей шубой и позолочённым серебряным кубком. С приходом карательной рати положение резко

изменилось в пользу царского правительства. Московские посадские люди, общавшиеся с мятежными казаками, сообщали: *«На казаков хотят бояря приходить и их побити»*. Среди части казаков начались колебания. 17 человек из казацкого стана ушли к князю Б.Лыкову. Они были прощены и получили денежное жалование. Другие казаки, опасаясь расправы, ушли из казацкого стана в разные стороны. И всё же таких было меньшинство. Большинство ещё пыталось добиться своего. С приходом карательной рати царское правительство потребовало, чтобы казаки переместили свой стан к Донскому монастырю. Здесь свобода их действий была сильно ограничена и стеснена Москвой-рекой, обтекавшей этот монастырь с трёх сторон. Место стана казаки сменили 20 июля. Они неохотно покидали Ростокино. Некоторые даже подговаривали уйти к Лисовскому.

Разгром казаков М.Баловнева царское правительство приурочило к воскресному дню 23 июля. В этот день предводители казаков были вызваны в Москву, якобы, для получения жалованья. Многочисленную делегацию, в которую входили в основном станичные атаманы, возглавляли М.Баловнев, Е.Терентьев и Р.Корташов. Казаки не ожидали нападения, несмотря на предупреждения, полагая, что царь пошёл им навстречу. Многие из них находились в Москве у друзей и знакомых. В полдень царские дружины начали выходить из Москвы. Вскоре в стан прискакал неизвестно каким образом выбравшийся из столицы Е.Терентьев, сообщивший, что схвачены М.Баловнев, Р.Карташов и другие атаманы.

Таким образом, в решающий момент казаки не только остались без своего предводителя, но и лишились многих станичных атаманов. Возглавил казаков Е.Терентьев, который распорядился седлать и запрягать лошадей и готовиться к отходу. В это время рать окольничего А.Измайлова прошла от Рогожской слободы к Симонову монастырю и остановилась против казаков на другом берегу Москвы-реки. Выполняя наказ, посланцы А.Измайлова пытались уговорить казаков оставаться на месте. В это время сам воевода Измайлов двинулся со всей ратью к казачьему стану.

Бой завязался у плавучего моста под Даниловым монастырём и в Даниловой слободе. Вскоре с Воробьёвых гор подошла карательная рать князя Б.Лыкова, которая тоже обрушилась на казаков, чтобы не дать им уйти из-под Москвы. Однако основные силы казаков во главе с Е.Терентьевым с боем пробились и устремились на юг по серпуховской дороге. Оказавшихся в Москве казаков хватали стрельцы, недельщики и холопы столичных дворян и отводили их в Разбойный, Стрелецкий и Казачий приказы, оттуда их отправляли по тюрьмам. Разбойный приказ 23 июля отправил в Серпухов, Тулу, Коломну и Рязань гонцов с грамотами о *«казатцком побеге»*. 24 и 25 июля такие же грамоты были доставлены в Боровск и Суздаль.

В уездах вокруг столицы воеводы обязаны были перекрыть все дороги и тропы. В случае появления казаков, предписывалось вести

против них боевые действия. Пленных казаков требовалось допрашивать под пыткой и вешать. Тем временем карательная рать неотступно преследовала казаков, хватая отставших и отправляя их в тюрьмы. 27 июля каратели, будучи все верхом на лошадях, настигли казаков, отступивших большей частью на телегах, на берегах реки Лужи под Малоярославцем. Казаки вступили в бой, но потерпели поражение и сдались карателям.

Князь Б.Лыков взял с казаков крестное целование и привёл их к Москве. В столице приведённые карательной ратью Лыкова 3256 казаков были *«разобраны»*. Таким образом, самая организованная часть мятежных казаков, возглавляемая М.Баловневым, перестала существовать. После месяца следствия главные предводители казаков были приговорены к смертной казни: *«Старшин же их, тово Баловня с товарыщи, повесиша, а иных по тюрьмам разослаша»*. Так погибли атаман М.Баловнев и 36 его соратников. Ещё 35 атаманов, есаулов и казаков 23 сентября 1615 года были отправлены в тюрьмы других городов. В августе-сентябре 1615 года были казнены или отправлены в тюрьмы только представители казачьей старшины.

Помимо них в тюрьмах Москвы и других городов находилось немало казаков, схваченных 23-27 июля в самой Москве и во время их преследования. Некоторых рядовых казаков в 1615-16 гг. возвратили их прежним владельцам или записали вновь в посадские сотни и стрелецкие дружины. Условием освобождения из тюрем служило поручное обязательство, что *«ему не изменить, в Литву, и в Немцы, и в Крым, и в иные ни в которые государства, и в изменничьи городы, и к Лисовскому не отъехать, и к воровским казакам к изменникам не приставать, и с воры с изменники не знатца, и грамотками и словесно не ссылатца, и не лазутчить, и иным никаким воровством не воровать»*. *«Тюремные сидельцы»*, которым было трудно найти поручителей, вскоре стали лёгкой добычей столичных дворян. Некоторые казаки вышли из тюрем только в 1619 году по случаю освобождения из польского плена митрополита Филарета (Ф.Романова).

Осада шведами Пскова

Тем временем на северо-западе России развивались не менее драматические события. Новый король Швеции Густав Адольф, желая окончательно закрепить за собой северо-западные территории и города России, решил овладеть Псковом. В январе 1615 года шведы предприняли очередную попытку овладеть Псковом, но были разбиты на подступах к городу. Отступив от Пскова, они расположились в 12 км к западу от города у деревни Куя, где построили укрепление. Укрепление располагалось на высоте, где был вырыт ров и насыпан вал. На валу сооружён частокол. Это укрепление наряду с занятыми шведами Гдовом и Порховым завершало окружение Пскова. Все пути подвоза

к нему были перехвачены. Город начал ощущать недостаток продовольствия. Цены на него начали расти. Люди, в том числе ратные, стали уходить из города.

Весной 1615 года большая часть шведов из-за недостатка продовольствия ушла к Печёрам. Этим не преминули воспользоваться псковские воеводы. Они направили к укреплению дружину ратных людей, которые ранним утром внезапно напали на укрепление, разбили оставшихся шведов и захватили его. Догадываясь, что шведский король не оставит Псков в покое, воеводы начали готовиться к осаде. Пока шведы собирали войско, псковичи успели убрать рожь и заготовить другое продовольствие. Всё оно было учтено и распределено среди населения и ратных людей. Оружия и снарядов в крепости было достаточно.

В мае 1615 года шведский король отправил Я. де ла-Гарди в Нарву для сбора финских ратных людей. От генерала Э.Горна, находившегося в Новгороде, король узнал о состоянии шведского войска. Генерал сообщил о сокращении численности войска и мятежном его состоянии, постоянном требовании жалованья и нежелании идти к Пскову. Сообщал также, что доставил продовольствие к Печёрам, хотя и в недостаточном количестве. 9 июля Густав Адольф прибыл в Нарву и 29 июля с войском, насчитывавшим около 7 тысяч человек, подошёл к Пскову. В середине августа к нему подошло ещё 7 подразделений, примерно по 200 человек каждое, состоявшие из англичан, шотландцев, французов и других наёмников, а в сентябре ещё пять подразделений. Таким образом, шведский король под Псковом собрал рейтарской конницы свыше 2 тысяч человек, наёмной пехоты свыше 6,4 тысяч человек и 200 артиллеристов. Всего было собрано свыше 9 тысяч человек.

В Пскове находилось свыше 4 тысяч ратников. Вскоре из Москвы подошла дружина во главе с воеводой **Плещеевым**, численностью свыше 300 человек. Таким образом, в Пскове было собрано около 4,5 тысяч человек. Возглавил оборону Пскова воевода Плещеев. Утром 30 июля шведский король расположился в Снетогорском монастыре, а затем выдвинулся с частью своего войска и генералом Э.Горном к Пскову. Эта часть войска расположилась в 3 верстах от крепости, не выставив охранения. Псковские воеводы заметили беспечность неприятеля и осуществили успешную вылазку. Российская конница внезапно напала на противника. В завязавшемся бою был убит инициатор взятия Пскова генерал Э.Горн, а король был ранен.

Эта удачная вылазка псковичей заставила Густава Адольфа отойти от Пскова на 7 вёрст. В дальнейшем продвижение шведов к городу было более осторожным. Во второй половине августа они построили плавучий мост через реку ***Великая***. В начале сентября шведы подвезли осадные орудия. Из них были созданы три осадные батареи. Большая, из 20 орудий, располагалась на гдовской дороге. Две мень-

шие – на новгородской дороге и за рекой Великой, у церкви Иоанна Предтечи. Установка большой батареи в непосредственной близости от крепости, всего в 200 метрах, также не была обеспечена необходимым охранением. 14 сентября псковичи осуществили новую успешную вылазку. В ходе боя шведы оставили большую батарею и потеряли около 300 человек.

Оставшиеся в живых были вынуждены отходить к Снетной горе, куда Густав Адольф перенёс свою ставку. Шведы с большим трудом отбили батарею. После её восстановления 17 сентября шведский король распорядился начать обстрел крепости, разрушение её стен и башен. В результате интенсивного обстрела шведам удалось разрушить Варлаамовскую и Высокую башни, а также часть прилегающей стены. Как только обрушились башни и часть стены, шведы пошли на приступ (штурм) и захватили Наугольную башню. Но не успели в ней закрепиться, как были выбиты оттуда псковичами. В результате, приступ шведов осаждённые псковичи успешно отразили. Затем они быстро заделали проломы.

В начале октября в среде шведов из-за начавшихся холодов и ненастья начали распространяться болезни. В результате, около трети наёмников выбыло из строя. Поэтому шведский король поспешил осуществить новый приступ (штурм). 8 октября он распорядился начать обстрел крепости *«огненными»* ядрами. Однако защитникам Пскова удалось потушить пожары и продолжить сопротивление. 9 октября шведы под непосредственным руководством короля пошли на второй приступ (штурм) в районе Варлаамовской наугольной башни и Варлаамоской башни с воротами за рекой Псковой. Сражение шло весь день. Но и на этот раз псковичи отразили атаку шведов. В этот же день шведы на плотах подплыли по реке Пскове и выломали ворота у нижних решёток. Затем они ворвались в Запсковье и даже продвинулись *«до Званицы улицы»*. Но псковичи не дали им там укрепиться. Они дружно ударили на врага с разных сторон и выбили шведов из крепости.

Шведский король, потерпев новую неудачу, сразу же решил готовить новый приступ (штурм). 11 октября осадные орудия вновь открыли интенсивный огонь. Однако одно орудие от выстрела перевернулось и упало в пороховой погреб. Раздался мощный взрыв, уничтоживший основные запасы пороха и нанёсший потери шведам в людях. Шведский король, оставшись без порохового запаса, с массой раненых и больных людей, отменил штурм. Вечером того же дня он распорядился погрузить орудия на суда и снять осаду Пскова. 13 октября часть его войска ушла к Нарве, а другая часть направилась к Новгороду. 17 октября из своего лагеря уехал и сам король. После этого он вынужден был вступить в переговоры с Россией о мире.

Неудача Густава Адольфа под Псковом, равнозначная поражению, была тяжёлым, но поучительным уроком для шведского короля, который неверно организовал осаду крепости, сосредоточив раз-

рушение крепостных сооружений, по существу, в одном месте. Там же он стремился осуществить приступы (штурмы). При этом силы своей пехоты он рассредоточил по пяти лагерям, что затруднило маневрирование ею во время приступов. В то же время эта неудача (поражение) была результатом организованного сопротивления защитников Пскова. Псковские воеводы внимательно наблюдали за действиями противника и немедленно использовали ошибки неприятеля, смело делали вылазки, нанося ему ощутимые потери, а также сосредотачивали все имеющиеся силы на отражении штурмов и восстановлении сооружений.

Неудача под Псковом для Швеции грозила перерасти в катастрофу. Дело в том, что в 1611-13 гг. Швеция потерпела поражение от Дании, следствием которого стало господство датчан на Балтике. Россия, ободрённая успехом защитников Пскова, тоже могла начать более активно освобождать свои северо-западные города. Но больше всего Густава Адольфа тревожила Речь Посполитая. Война с нею в Прибалтике не была окончена. Кроме того, началось её сближение с испанскими и австрийскими Габсбургами, что позволяло ей,все свои силы сосредоточить против Швеции. В этой связи нужно было не только спешно заключить мир с Россией, но и поскорее найти союзников. Таким естественными союзниками для Швеции стали Англия и Голландия.

При посредничестве этих стран и был заключён Столбовский мир, по которому Новгородская земля возвращалась России. Королевич Карл Филипп полностью отказывался от любых претензий на московский престол. Швеции отдавалась Ижорская земля, Карела с уездом и все города северо-запада России, которыми Швеция овладела ранее. Шведы также контролировали российскую торговлю на Балтике. Столбовский мир был заключён в феврале 1617 года. Заключение этого мира способствовало оформлению двух враждебных блоков в Европе. С одной стороны создавался испано-австро-польско-датский блок, а с другой враждебный ему англо-франко-голландско-шведский блок. Создание этих блоков, в конечном счёте, привело к развязыванию 30-летней войны в Европе. В результате этой войны силы Речи Посполитой были отвлечены от России, что, в конечном счёте, подорвало её возможности в последующей борьбе с Москвой.

Участие казаков в войне России с Речью Посполитой

Поражение и *«разбор»* мятежных казаков М.Баловнева резко уменьшили численность мятежного казачества. Служилое казачество к этому времени тоже значительно сократилось. И хотя казачьи станицы находились в Тихвине, Вязьме, Дорогобуже, Путивле и под Смоленском, их численность неуклонно сокращалась. Особенно заметно это прослеживается на казаках, находившихся под Смоленском. Осa-

да города, начавшаяся в 1613 году, затянулась. Первоначально под Смоленском было более 7 тысяч казаков, включая казаков И.Заруцкого, оставивших его под Воронежем. Однако в начале 1615 года их численность сократилась до 2,5 тысяч человек. Казаки гибли в боях, умирали от голода и болезней, бежали на Дон и в другие местности, недовольные условиями службы и невыплатой жалованья.

Недовольство условиями службы и невыплатой жалованья выражали не только казаки, служившие под Смоленском. Такое недовольство выражали и казаки, служившие в других районах страны. Главной причиной этого недовольства была несвоевременная выплата и недостаточная величина казачьего жалованья. Поэтому казаки обеспечивали себя как могли, что приводило к конфликту с властями. Положение в западных уездах России ещё более осложнилось с появлением в Северской земле А.Лисовского. На этот раз он был на стороне Речи Посполитой. В его задачу входило ослабить давление московских ратей на Смоленск.

Первоначально его хоругвь (дружина) насчитывала около 600 всадников. После захвата Карачева к Лисовскому из Речи Посполитой подошла ещё одна хоругвь (дружина) численностью тоже около 600 всадников. Летом 1615 года против А.Лисовского была направлена рать князя Д.Пожарского, имевшая около 700 дворян с иноземцами и более 1200 казаков. Когда князь Пожарский с ратью прошёл Калугу, от него бежали 15 казаков во главе с А.Кумой, которого они избрали своим атаманом. В октябре 1615 года, когда его дружина расположилась в медынской вотчине князя Д.Мезецкого, в ней насчитывалось уже около 500 человек.

По свидетельству князя Д.Пожарского, *«он такого вора не видал»*. Казаки А.Кумы убили верейского воеводу **В.Загряжского**, приступали к острогу в Рузе, разграбили Верейский, Рузский, Звенигородский, Можайский и Медынский уезды, Кременск и Вышгород. Сам атаман, после его пленения в ноябре 1615 года, утверждал, что отъехал из войска *«для кормов»*. Некоторые казаки бежали из рати Пожарского даже в Речь Посполитую. Сложным положением служилого казачества России как раз и попытался воспользоваться польско-литовский полковник А.Лисовский. После сражения под Орлом, состоявшимся 23 августа 1615 года, Лисовский не добился победы и отошёл к Кромам, а затем быстро двинулся к Болхову и уже 31 августа оказался под его стенами.

Воевода С.Волынский трижды отбил его приступы. На следующий день А.Лисовский сжёг посад в ***Лихвине***. 4 сентября он захватил ***Перемышль***, а 5 сентября он взял ***Белев***. Везде он старался переманить казаков на свою сторону. К 5 сентября на его сторону перешло около 100 казаков, бежавших от князя Д.Пожарского и из *«иных мест»*. Обойдя Калугу, куда переместился Пожарский, А.Лисовский прошёл между Вязьмой и Можайском и осадил ***Ржев***. Во время безуспешных попыток захватить город погибли многие перешедшие на его сторону казаки. Не удалось Лисовскому взять и ***Погорелое Городище***.

В первой половине ноября А.Лисовский направился к Торжку. Одновременно он вёл переговоры с бывшими казаками атамана И.Заруцкого, находившимися под Смоленском. Но эти переговоры закончились неудачей. Во второй половине ноября Лисовский двинулся в Каширский, а затем в Угличский уезды. Пройдя между Костромой и Ярославлем, он проник в Суздальский уезд и попытался захватить Муром. Однако Муром ему взять не удалось, и он через Рязанский, Тульский и Алексинский уезды в начале 1616 года вывел свой полк в Северские земли, а затем в Речь Посполитую. **Поход А.Лисовского со всей очевидностью показал, насколько деградировала вооружённая сила России. Всего чуть более тысячи профессиональных вояк прошли всю Центральную Россию, не потерпев ни одного поражения в поле, даже сумели взять некоторые города, в конце концов, благополучно возвратились в Речь Посполитую.**

Преследовавшие его царские воеводы не смогли нанести ему поражения. По маршруту движения полк А.Лисовского грабил и мучил крестьян, жёг деревни, царские рати довершали разорение этих крестьян. В октябре 1616 года, во время подготовки нового похода в Россию, А.Лисовский умер. Соратники легендарного полковника ещё долго искали удачи на полях сражений в России и Речи Посполитой, в Австрии и Пруссии, в Ломбардии и Чехии, неизменно называя себя *«лисовчиками»*. Их облик увековечила впоследствии кисть великого Рембрандта. В сентябре 1616 года сейм Речи Посполитой под впечатлением успехов Лисовского дал согласие на организацию похода Владислава в Россию, всё ещё претендовавшего на московский престол. Польскому королевичу исполнился тогда 21 год.

В это время царское правительство двумя путями боролось с казачеством. Карательные меры не прекращались. Наряду с ними применялось разделение казаков. Весь 1616 год прошёл под знаком казацких выступлений. Поздней осенью 1616 года, после боя с верными царю М.Романову казаками, из Новгорода-Северского отъехали к польскому королевичу Владиславу казачьи станицы атаманов **С.Кругового**, **Я.Шишова** и **Т.Чёрного** и стояли станом у Днепра недалеко от Дорогобужа. В январе 1617 года королевич Владислав, выражая Т.Чёрному и другим казакам благодарность за службу, напомнил им о стеснении казачьих вольностей при *«Михалке Филаретове сыне»* и других *«неприрождённых»* царях и о разгроме казаков М.Баловнева под Москвой.

В польском войске российскими ратными людьми, включая казаков, ведал В.Янов, исполнявший свои старые обязанности разрядного дьяка. Для многих казаков переход на сторону Владислава, без сомнения, имел социальный смысл. С его помощью казаки надеялись свести счёты с правящей верхушкой тогдашней России. Уговаривать казаков, которые перешли на сторону Владислава, царское правительство направило **В.Яковлева**. Но он не выполнил поставленной за-

дачи и присоединился к казакам-изменникам. В 1616-17 гг. осложнились отношения царского правительства и с донскими казаками, несмотря на то, что Москва пыталась убедить донцов в том, что репрессии против мятежных казаков не имеют к ним никакого отношения.

Для того, чтобы удержать донских казаков от выступления, в сентябре 1616 года донцам было предоставлено право беспрепятственного проезда в приграничные города и беспошлинной торговли в них. И всё же среди донцов нашлись сторонники Владислава. В 1616 году атаман **Б.Юмин** ездил со станицей донских казаков к Владиславу с предложением услуг в борьбе за московский престол. В 1617 году на Дону дело дошло до конфронтации, когда донцы *«выбили из круга»* сторонника царя М.Романова атамана **Смагу Чертенского**. И хотя опасения царского правительства имели под собой серьёзные основания, худшие из них не оправдались. Донское войско не поддержало Владислава, хотя и не оказало никакой помощи правительству царя М.Романова.

Ко времени бегства из Новгорода-Северского станиц атаманов Кругового и Шишова, царскую службу оставили многие казаки. Только они отправились не к Владиславу, а в юго-западные уезды России. За Угрой в первой половине 1617 года собралось значительное число мятежных казаков. Кроме 1940 рядовых казаков, в их среде было 14 войсковых и станичных есаулов и 14 атаманов. Возглавляли этих мятежных казаков атаманы **И.Орефьев** и **И.Филатьев**. Весной 1617 года мятежные казаки появились в окрестностях Погорелого Городища и на Можайской дороге. 12 мая из Москвы за Угру выехала представительная делегация. В неё входили дворянин **М.Евреев**, атаман **Д.Попов**, войсковой есаул **А.Кондратьев** и казак **В.Петров**.

«Заугорские» казаки в ответ на царскую грамоту отправили в Москву челобитную, в которой объяснили причины ухода со службы, просили оставить их служить вместе и прислать царских воевод. Тем временем к маю 1617 года войско королевича Владислава было собрано. 6 мая царское войско, возглавляемое воеводой боярином М.Бутурлиным, вынуждено было отойти от Смоленска. В июле 1617 года польско-казачьи дружины А.Гонсевского появились северо-восточнее Смоленска у Белой. И хотя они потерпели поражение от ратей воевод **И.Благого** и дворянина **С.Травнина**, положение для Москвы было тяжёлым. В этой обстановке царское правительство поспешило успокоить казаков, согласившись на их службу в составе единой рати. Посланным царём воеводам Н.Гагарину и Я.Дашкову сопутствовала удача. К августу 1617 года казаки возвратились в Вязьму.

В начале октября 1617 года войско Владислава численностью более 10 тысяч человек подошло к *Дорогобужу*, который находился между Смоленском и Вязьмой. Перед этим Владислав освободил из смоленской тюрьмы 50 казаков, надеясь произвести впечатление доброго царя. Некоторые их них действительно стали под знамёна поль-

ского королевича. При подходе поляков к Дорогобужу, в нём подняли мятеж казаки, которых там было более 600 человек. Дорогобужский воевода **И.Одадуров**, в прошлом постельничий В.Шуйского, присягнул Владиславу. Несколько ранее сдали полякам Долгомосский острог казаки атамана **Д.Кондратьева**, которые тоже присягнули Владиславу. 11 октября казаки, перешедшие на его сторону, пытались захватить Верею, но были отбиты. Успешное начало похода, казалось, оправдывало самые смелые надежды Владислава на народное восстание против царя М.Романова.

Тем временем в Москву из Вязьмы выехали с челобитной представители бывших *«заугорских»* казаков **А.Петров** и **Е.Назарьев**. 11 октября им выдали в Казённом приказе по 4 аршина сукна. В это время гетман Ходкевич обратился к казакам, находившимся в Вязьме, с призывом признать Владислава своим царём. В ответной грамоте казаки отвергли его предложение. Тогда послал свой универсал с воззванием сам Владислав, который был доставлен в Вязьму и попал в руки казачьего дьячка **Ю.Десятого**. Последний представил универсал атаманам, а не казачьему кругу, как полагалось. В результате, универсал с воззванием был отправлен в Москву.

Но казаки всё же узнали об универсале и неправомерном поступке дьячка и едва не казнили его по приговору круга. Собравшийся круг грозил перерасти в измену, и вяземские воеводы князья **П.Пронский** и **М.Белосельский** бежали в Москву, за что подверглись опале. Царское правительство попыталось удержать казаков в Вязьме, направив им и стрельцам 1487 рублей серебром. Но казаки уже возвратились на Угру и захватили Воротынск, Козельский, Белевский и другие уезды. Стрельцы и многие посадские люди тоже покинули Вязьму. 18 октября 1617 года Владислав без сопротивления занял город. Чтобы преградить Владиславу дорогу к Москве, царскому правительству пришлось отправить в Можайск карательную рать воевод князя Б.Лыкова и Г.Волуева численностью свыше 10 тысяч человек, среди которых было около 2 тысяч казаков и татар. Всю зиму казачьи станицы на лыжах отправлялись воеводами за *«языками»* под Вязьму, Товарков и Погорелое Городище.

Уход казаков из Вязьмы на Угру требовал срочного решения. На этот раз из Москвы в Воротынск выехали дворянин **Д.Замыцкий** и атаман **Б.Каменное Ожерелье**. Их переговоры с казаками были успешными. В результате, казаки направили в Москву своих посланцев с просьбой выдать им годовое жалованье, *«учинить»* указ *«о кормах»* и прислать к ним нового воеводу. Посланцев казаков встретили в столице милостиво и пожаловали *«багровыми»* английскими сукнами. Осенью 1617 года польский полковник **С.Чаплинский**, возглавивший *«лисовчиков»*, численность которых составляла около 2 тысяч человек, захватили Мещевск, Козельск и создал угрозу Калуге. Калужане просили царя прислать в их город князя Д.Пожарского с ратными людьми. Царское правительство решило удовлетворить просьбу калужан и казаков.

Князю Д.Пожарскому, долгое время находившемуся в конфликте с казачеством, теперь предстояло разрядить обстановку, чтобы не допустить перехода казаков на сторону *«лисовчиков»*. Сделать это было трудно не только в силу антипатий, но и по причине недостатка денег. Для выплаты жалованья казакам он имел 5 тыс. рублей, тогда как требовалось в два раза больше. Ему пришлось, скрепя сердце, дополнительно к выданному жалованью организовать сбор *«кормов»*, для чего были расписаны царские земли в Козельском, Мещевском, Карачаевском и Белевском уездах. В результате, Пожарскому удалось справиться с этой трудной задачей. Большинство казаков прибыло в Калугу и затем приняло активное участие в боях с *«лисовчиками»*.

В начале ноября 1617 года атаман И.Орефьев одержал победу над *польско-литовской* хоругвью (дружиной) в Медынском уезде. В это же время была одержана победа над поляками в Боровском уезде, где казаки атамана И.Филатьева сыграли главную роль. В декабре атаман И.Орефьев разгромил поляков в Оболенском уезде, захватил немало пленных, которых лично препроводил в Москву. Основные силы «лисовчиков» полковника С.Чаплинского зимовали в Козельске. Сам Владислав зимовал в Вязьме, где с ним находилось подобие российского двора: смоленский архиепископ, бояре **Салтыковы**, князья **Ю.Требецкой**, **И.Шуйский**, **М.Шеин**, думный дьяк **В.Янов**. Пленник М.Шеин вёл себя стойко, говорил казакам, что надеяться на поляков не стоит, за что его отослали в Речь Посполитую. В захваченных городах Владислав поставил воеводами российских дворян. В Дрогобуже – **Л.Корсакова**, *а в Вязьме – князя* **И.Енгальдеева**.

Однако надежды казаков-изменников на Владислава не оправдались. В его войсковой казне не было денег даже для выплаты жалованья иностранным наёмникам. В конце 1617-начале 1618 годов многие казаки, перешедшие к Владиславу, перестали связывать с ним изменение своего положения к лучшему. Первой перешла на царскую сторону станица атамана **Д.Конюхова**. Она оставила Фёдоровский острог 16 февраля 1618 года. На изменение отношения казаков к Владиславу влияло также то, что польские хоругви (дружины) продолжали терпеть поражения. В мае 1618 года войсковой есаул рати Д.Пожарского **Л.Иванов** заманил в засаду польскую хоругвь и разбил её наголову под Товарковым.

Видя, что его силы убывают, Владислав решил активизировать боевые действия. 6 июня 1618 года польское войско выступило из Вязьмы. В Кременске к нему присоединились полки Чаплинского, Опалинского и Казановского. Численность войска Владислава достигла 20 тысяч человек. После чего Владислав направился к Можайску. В 20-х числах июня у стен города начались тяжёлые бои. Все попытки поляков захватить Можайск и находившуюся неподалёку небольшую крепость Борисово Городище не имели успеха. Борисово Городище защищали станицы атаманов **А.Синеглаза, И.Утицкого,**

Д.Котова, Д.Белого, И.Адамова, Ф.Патрикеева. Общая численность казаков в крепости составляла около 700 человек.

Обе стороны ежедневно теряли людей и одинаково страдали от голода. Неудачи Владислава под Можайском подтолкнули переход казаков на сторону Москвы. 20 июня 1618 года бежала в Можайск из польского стана станица атамана **Г.Черницына**. Оставили королевича также станицы атаманов **Т.Чёрного** и **Е.Клокова**. В конце июля, во время обстрела Можайска, был тяжело ранен князь Д.Черкасский, пришедший со своей ратью на помощь осаждённому в Можайске Б.Лыкову. Вскоре во время обстрела был ранен князь В.Болховский. Немало московских ратников: дворян, стрельцов и казаков было убито. Многие сотни их были ранены. Ещё большие потери несли поляки. Только полк Владислава убитыми потерял около 100 человек. К тому же обострились отношения с наёмниками, требовавшими жалованья. Они грозились уйти в Речь Посполитую, чтобы обеспечить себя кормами.

Чтобы ослабить давление на Можайск, князь Д.Пожарский перешёл из Калуги в Боровск. Ранее он отправил несколько станиц казаков к Пафнутьеву монастырю у Боровска для строительства острога. Находившийся там воевода князь **В.Ахамашуков-Черкасский** решил совместно с казаками напасть на поляков, находившихся в семи верстах от монастыря. Казаки первыми пошли на приступ польского стана. Но поляки обнаружили их подход, изготовились и отбили приступ. Дворянская дружина князя **В.А.Черкасского** не пожелала оказывать помощь казакам. В результате, казаки потеряли убитыми около 150 человек.

В начале августа 1618 года из-за отсутствия продовольствия князь **Д.Лыков** отвёл от Можайска большую часть войска к Боровску, а затем к Москве. Многие дворяне недолго оставались в столице. Не дождавшись разрешения царя, они уехали в свои поместья. В столице остались казаки и стрельцы. Царское правительство вынуждено было раздать в кормление казакам многие дворцовые земли, включая Домодедовскую волость и село Быково. Эти события, как и многие другие, показывают, что казаки, в случае выплаты им жалованья и обеспечения продовольствием, воевали лучше, чем дворяне. **Вырисовывалась настоятельная необходимость реформирования вооружённых сил России, создания постоянного профессионального стрелецко-казачьего войска, постепенного сокращения дворянского ополчения, превращения дворян в податное сословие.**

Однако война с Польшей не позволяла заняться мирным строительством, внося всё новые и новые осложнения. Пока Владислав пытался овладеть Можайском, с юго-запада в Россию вторглось около 8 тысяч запорожцев во главе с гетманом **П.Сагайдачным**. Они овладели Ливнами, Ельцом, Данковым, захватили в плен царских послов, направлявшихся в Крым, а затем направились к Рязани. За собой за-

порожцы уводили молодёжь, способную выполнять обязанности слуг и помощников. Только в Ельце и Елецком уезде они захватили около тысячи детей и юношей в возрасте от 9 до 20 лет.

Прикрыть Москву с юга мог только Д.Пожарский, направленный из Боровска в Серпухов. Но подчинённые ему казаки вновь проявили недовольство и стали требовать выплаты жалованья. Часть из них взбунтовалась и отказалась идти в Серпухов, а ушла за Оку и начала грабить местное население. В Серпухове Д.Пожарский провёл смотр. В строю осталось 1270 казаков, бежало 178 казаков. Из них 21 человек к Владиславу. Бежавшие от Пожарского казаки присоединились к объявившимся уже в Каширском уезде мятежным казакам. Для уговоров этих мятежных казаков из Москвы был послан вёрстаный атаман **М.Козлов**. Его уговоры успеха не имели.

Царскому правительству пришлось посылать новую грамоту. Тем временем мятежные казаки появились у Крапивны. Они пытались захватить острог, но затем двинулись к Дедилову и Туле. Посланные за ними боярский сын **Е.Ростовцев** и стрелецкий пятидесятник **П.Коршунов** догнали казаков под Алексиным. Они составили весьма подробные сведения о мятежных казаках. По их подсчётам, число мятежных казаков составляло около 3 тысяч человек. Помимо **К.Новикова (Чермного)**, казаков возглавляли 11 атаманов: Т.Чёрный, А.Гринев, П.Васильев, Ф.Федотов, Г.Чёрный, С.Болдырь. П.Кок, Е.Клоков, А.Проскурняк, Г.Данилов, Рагоза, а также два войсковых есаула: П.Васильев и Т.Губарь. Грамоту, привезённую Ростовцевым и Коршуновым, казаки обсудили на круге. Сторонники возвращения на царскую службу оказались в меньшинстве. Дальнейший путь мятежных казаков лежал к Рязани и далее в Мещеру. Разорив несколько дворянских владений в Алексинском уезде, казаки действительно двинулись к Рязани. В районе Рязани они пробыли довольно долго, продолжая разорять дворянские поместья.

Оставшиеся в Серпухове казаки тоже выражали недовольство, но царское правительство не спешило удовлетворить их требования. Вскоре заболел воевода князь Д.Пожарский, которого отвезли в Москву. Рать возглавил второй воевода-окольничий Г.Волконский. В конце августа он перешёл из Серпухова в Коломну, в направлении которой двигались запорожцы. Большинство дворян однако не последовало за воеводой, за что позднее у них были уменьшены поместные и денежные оклады. К 25 августа у П.Волконского осталось всего 275 дворян и боярских детей. Ссылаясь на отсутствие служебного рвения у хорошо обеспеченных дворян, казаки писали царю: *«а которые дворяне и дети боярские емлют твоё государево жалованье, да за ними ж поместья и вотчины, и те-де все из Серпухова не пошли»*. Поэтому казаки всё настойчивее требовали жалованье.

Они отказались посылать делегацию к мятежным казакам, утверждая, что, если указ о жаловании будет, все казаки вернутся на службу без уговоров. Г.Волконский пытался усмирить казаков телес-

ными наказаниями, но безуспешно. И когда ему понадобилось отправить казаков в Каширу, то они отказались туда идти. В результате, отношения между казаками и воеводой крайне обострились. К тому же в городе распространился слух, что князь Б.Лыков с 1,5-тысячной ратью столичных дворян и стрельцов готовится к походу в Коломну, чтобы *«побить»* казаков. Воевода Г.Волынский поспешил успокоить казаков, но поверили ему не все. В тот же день более 100 человек ушли к мятежным казакам.

2 сентября 1618 года гетман П.Сагайдачный получил от Владислава универсал с требованиями ускорить поход на Москву. 6 сентября запорожцы прекратили осаду Зарайска и двинулись к Коломне. Численность запорожского войска составляла около 7 тысяч старых казаков и 3 тысяч чур (учеников). Передовая дружина запорожцев уже 6 сентября появилась у Коломны и начала переправу через Оку в устье реки Осётр. Воевода Г.Волконский, имея едва 1,5 тыс. человек, спешно двинулся к переправе. Бой на Оке длился два дня. Сначала передовая дружина запорожцев была отброшена на правый берег.

Затем подошли главные силы запорожцев и начали переправу сразу в нескольких местах, что позволило им преодолеть реку и потеснить казаков Г.Волконского, принудив их отойти к Коломне. Здесь между казаками и дворянами произошло столкновение. Коломенские дворяне первыми ранили и сбросили в реку несколько казаков. В ходе схватки угрожали расправиться с ними так же, как с казаками *«войска»* М.Баловнева. Это столкновение увидели стрельцы крепости, которые подумали, что казаки изменили, и открыли по ним огонь из пушек. Дворяне скрылись в крепости, а казаков туда не пустили.

В ночь на 8 сентября 1618 года собрался казачий круг. На нём было решено уйти с царской службы. Воеводе они объявили, что идут кормиться в село Высокое, что в 40 верстах от Коломны. 8 сентября, за два часа до рассвета, они ушли от воеводы Г.Волконского, захватив с собой часть ратного обоза. За ними последовали служилые татары и астраханские стрельцы. После ухода казаков у Волконского осталось около 250 коломенских дворян, 200 московских стрельцов, шацкий поместный казак **Ульянов**, да войсковой дьячок Ю.Десятый. Вскоре почти все дворяне тоже ушли от Г.Волконского и бежали в Москву. Не успели ещё все запорожцы переправиться через Оку, как в столицу был отозван и сам воевода с московскими стрельцами. Коломной гетман П.Сагайдачный овладел без боя.

Тем временем казаки, миновав село Высокое, перешли во Владимирский уезд. Затем они остановились в Туголесской волости и нанесли поражение большой дружине запорожцев пана Миневского. В ходе боя было захвачено много пленных, знамёна и литавры. Затем казаки пошли дальше на восток в Ярополческую волость и в Вязниковской слободе организовали свой стан.

6 сентября польское войско от Можайска двинулось к Москве и 13 сентября вошло в Звенигород. С юга к столице приближался гетман

П.Сагайдачный. Москва вновь готовилась к осаде. 9 сентября 1618 года вопрос о её обороне обсуждали на Земском Соборе. Была спешно построена стена Деревянного города, проходившая по линии современного Садового кольца, на которой установили пушки. В подмосковных деревнях жгли сено и хлеб, чтобы они не достались неприятелю. 17 сентября в Ярославль и Нижний Новгород для сбора ратных людей выехали князья И.Черкасский и Б.Лыков. Помимо дворян, они должны были *«прибрать»* на службу *«охочих»* людей, записывая их в стрельцы, а в случае отказа в казаки. В минуту новой опасности царское правительство вновь обратило свои взоры к тем городам и местностям, которые в 1611-12 гг. послужили базой первого и второго ополчений.

Черкасский и Лыков разослали в другие северные и поволжские города грамоты о сборе ратных людей и отправке в Ярославль и Нижний Новгород налогов за 1618-19 гг. и недоимок за прошлые годы. Аналогичные грамоты от своего имени отправили представители ярославского духовенства и местного посадского мира во главе с земскими целовальниками и видными купцами: **Г.Никитниковым, В.Лыткиным, Н.Светешниковым** и **И.Чистым**.

В самой столице было неспокойно. После прихода из Можайска войска Б.Лыкова в Москве произошли волнения. Ратные люди во главе с тремя видными дворянами ярославцем **Б.Тургеневым**, смолянином **Я.Тухачевским** и нижегородцем **А.Жедринским** *«приходяху на бояр з большим шумом и указываху, чево сами не знаху»*. 30 сентября ратные люди подали челобитную *«о жалованье»*. Но казна была пуста. Привезти деньги из Ярославля долгое время было невозможно, так как дороги были блокированы польско-казачьими дружинами. Только в декабре деньги привезли в столицу.

Едва воевода Б.Лыков прибыл в Нижний Новгород, как узнал о появлении в Ярополческой волости мятежных казаков. Но на этот раз у него не было ни сил, ни полномочий, чтобы расправиться с вязниковским станом. Первоначально в Вязниках собралось около 2 тысяч казаков и 160 служилых татар. Среди них *«старших»* казаков было около тысячи. Чуть позднее к ним присоединились 170 казаков, прибывших из Москвы. В конце октября 1618 года в Вязниках уже было около 3 тысяч казаков. Среди них было 12 атаманов и 16 войсковых есаулов. Возглавляли вязниковских казаков *«заугорские»* атаманы И.Орефьев, И.Филатьев и К.Терентьев.

Для обеспечения своей безопасности казаки возвели в Вязниках острог, который был сложен из заострённых сверху брёвен. Местные крестьяне вырыли вокруг него ров. В остроге сделали двое ворот с надвратными башнями. Площадь острога равнялась четырём десятинам. Сбор *«кормов»* и денег в Ярополческой волости подчас осуществлялся в жёсткой форме. Казаки забирали у крестьян больше, чем было необходимо для пропитания и экипировки. А затем продавали за бесценок коров и лошадей приезжим к ним *«закупщикам»*. Многие крестьяне, спасаясь от казаков, бежали в другие уезды.

Ездили казаки за добычей и в другие уезды Муромский, Нижегородский, Луховский, Гороховецкий, Кинешемский. В этот период вязниковские казаки имели несколько стычек с запорожцами гетмана П.Сагайдачного. В то же время они вели переговоры с князем Б.Лыковым и мятежными казаками К.Чермного. В переговорах с царскими властями казаки требовали невыдачи всех вступивших в казачьи станицы, независимо от времени вступления и социального происхождения, а также увеличения и выдачи полного жалованья и ежемесячного содержания (*«корма»*).

Пока вязниковские казаки переговаривались с Москвой, Нижним Новгородом и казаками К.Чермного, польское войско и запорожские казаки гетмана П.Сагайдачного подошли к Москве. Приступ Москвы в ночь на 2 октября был отбит с большими потерями для осаждающих. 20 октября, в преддверии зимы, Владислав пошёл на мирные переговоры. А 19 октября в Москву прибыли посланцы вязниковских казаков. Они быстро распространили весть о своих требованиях среди служилых казаков в Москве. В результате, московские казаки подняли мятеж и численностью около 3 тысяч человек двинулись из Москвы к Вязникам. Князьям Д.Трубецкому и Д.Мезецкому удалось догнать казаков и с большим трудом уговорить возвратиться.

Однако казаки остановились у стен Деревянного города, отказавшись в него войти. Царское правительство не на шутку перепугалось. И было от чего. Объединение московских служилых казаков с вязниковскими казаками и мятежными казаками К.Чермного грозило созданием настоящего казачьего войска численность свыше 10 тысяч человек, что могло стать предвестием продолжения смуты. Поэтому уговаривать служилых казаков отправилась вся Боярская Дума. В ходе переговоров царскому правительству пришлось пойти на уступки: *«Государь же им в вину того не поставил и пожаловал своим государевым жалованьем»*.

Соглашение с казаками, поднявшими мятеж в Москве, легло в основу боярского приговора о вязниковских казаках от 9 ноября 1618 года. Бояре обещали казакам жалованье *«перед прежним с прибавкою»* и оставление в станицах *«всяких людей»*, но казакам надлежало прислать в Москву *«имян списки»* и в дальнейшем не принимать никого в станицы *«без государева указу»*. Казаки освобождались от ответственности за собранные *«животы»*, им были обещаны поместные оклады и денежное жалованье из приказов-четвертей, а также представлялось на выбор идти на службу в Нижний Новгород к воеводе князю Б.Лыкову или в Ярославль к И.Черкасскому.

В соответствии с боярским приговором 12 ноября в Вязники была послана царская грамота. 15 ноября грамоты о боярском приговоре были направлены в Ярославль и Нижний Новгород. Князьям И.Черкасскому и Б.Лыкову предписывалось в случае прихода казаков на службу провести смотр казаков в соответствии со взятыми у них именными списками, а затем выплатить им жалованье и месячный

«корм». Но при этом размеры жалованья и *«корма»* в грамотах не указывались, что создавало условия для обмана казаков.

Полякам было известно, что происходило в Москве. Велижский староста А.Гонсевский говорил российским послам: если даже войско Владислава уйдёт из России, у казаков появится новый Лжедмитрий. Не имея сил воевать, царское правительство, серьёзно опасавшееся казаков, поспешило заключить перемирие. 1 декабря 1618 года в деревне Деулино с Речью Посполитой был заключён договор, по которому Россия отказывалась от претензий на Ливонию и отдавала Смоленск, Новгород-Северский и Стародуб полякам. По этому договору граница была значительно передвинута на восток. По существу, пограничными стали Вязьма, Можайск, Зубцов, Козельск, Мещевск и другие города.

Перемирие было заключено на 14 лет и 6 месяцев. 2 декабря состоялся новый приговор Боярской Думы о казаках. Этот приговор составлялся уже в менее напряжённой обстановке, а поэтому предусматривал перевод на положение вёрстаных помещиков не всех казаков, а лишь тех, кого *«поверстать доведётся»*. Остальные казаки могли рассчитывать на переход в служилые люди *«по прибору»*. Получив свободу выбора между Б.Лыковым и И.Черкасским, казаки двинулись из Вязников в Ярославль. Пришли сюда и казаки К.Черемного. В общей сложности прибыло более 7 тысяч казаков.

В Ярославле были составлены списки казаков, служившие позднее основанием для невыдачи записанных в них беглых холопов и крестьян бывшим владельцам: *«И в Розряде в казачьих списках, как казаки пришли в Ярославль к боярину ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому, которые из них боярские люди и крестьянские дети перестали внове и по государеву указу дана им воля»*. Иноземцы, присоединившиеся к казакам К.Чермного в селе Кузьминском, были от них отделены и посланы на службу в Казань. В ходе смотра казакам выплатили жалованье не по первому указу, а по прежней его величине, что не способствовало успокоению казачества.

Однако смотром вязниковских и мятежных казаков в Ярославле дело не окончилось. Оставались ещё казаки, служившие Владиславу, и мятежные казаки севера России. В сентябре 1618 года российско-польским дружинам атамана **И.Мещерского** после годовой осады удалось овладеть крепостью Белой. Его дружины два дня преследовали ушедшую из Белой дружину царских ратников, а затем вернулись в крепость. 2 октября его дружины безуспешно пытались взять ***Торжок***. Затем они прошли через Ржевский и Старицкий уезды и у города Кимры разделились. Часть их во главе с атаманами И.Мещерским, Ф.Болдыревым и В.Селиверстовым ушла в стан Владислава у Троице-Сергиева монастыря. Другая часть двинулась на север, где соединилась с ушедшими из Москвы станицами атаманов С.Кругового и Я.Шишова. Но ещё до их прихода на север в Пошехонском уезде в августе появилась большая дружина пана **Соколовского**, в которой находилось около сотни российских казаков.

Получив известия о приближении неприятеля, воеводы северных городов разослали приставов, чтобы увести в остроги крестьян *«з женами и з детьми и со всеми животы»*. В октябре в северных уездах начался сбор крестьянских ополчений. В октябре-начале ноября 1618 года атаман Я.Шишов находился под Угличем, который осаждали *«лисовчики»*. Город защищал казачий атаман Т.Евсеев с *«охочими людьми»*. Спустя месяц казаки Я.Шишова вместе со станицами С.Кругового, Ф.Бороды и Лома перешли в Вологодский уезд. На Мологе в их среде произошла ссора и драка. В результате, станица атамана Кругового около 170 человек ушла в Белозёрский уезд.

Остальные казаки прошли через Кубенскую волость Вологодского уезда и направились к ***Тотьме***. При попытке захватить Тотемский острог они потеряли 50 человек и отступили в Рубежскую волость Вологодского уезда. Неудача была вызвана тем, что попытка взять острог была возложена только на российских казаков. Поляки и *«черкасы»* уклонились от приступа. Сил российских казаков не хватило для взятия острога. Неудача вызвала новую ссору и драку вначале между атаманами, а затем и казаками. Я.Шишов вместе с поляками и *«черкасами»* пытался убить атаманов И.Чермного, Ф.Бороду и П.Жарика. С двумя сотнями казаков эти атаманы бежали к Ферапонтову монастырю. Сам же *«Шиш»*, с которым осталось около 600 поляков и казаков, не считая чур (учеников), двинулся к Ваге.

20 декабря 1618 года целый полк днепровских и российских казаков численностью около 5 тысяч человек во главе с *«черкасом»* **В.Москвитиным** пытался взять Вологду. До этого В.Москвитин побывал под Галичем и Костромой. Из города по казакам ударили из пушек и отбили приступ. Отступив от крепости, казаки взяли Спасо-Прилуцкий монастырь, который они использовали для своего стана. После заключения Деулинского мира казаки получили универсалы Владислава о прекращении боевых действий на территории России. В.Москвитин начал готовиться к походу в Речь Посполитую.

Я.Шишов и черкасский полковник Я.Яцкий в это время находились в районе Шенкурского острога. Они повернул на юг, расположились в Каргопольском уезде и тоже стали заготовлять запасы перед уходом на запад. Вначале 1619 года среди российских казаков, сторонников Владислава, усилился разброд. Многие хотели отъехать в Москву, но опасались суровых наказаний. Для этого были веские основания. Согласно боярскому приговору выходцев от Владислава следовало ссылать в Поволжье и Сибирь.

Нашествие мятежных казаков на север в 1618-19 годах привело к новому разорению некоторых северных уездов. С приходом вязниковских казаков в Ярославль у воеводы князя И.Черкасского появились силы для очищения северных уездов. В конце января 1619 года карательная рать, по большей части состоявшая из вязниковских казаков, во главе с воеводами Г.Тюфякиным и И.Бутурлиным, высту-

пила из Ярославля в Вологду. Главной целью был разгром дружины Я.Шишова и Я.Яцкого. За день до прихода в Вологду Г.Тюфякина, 9 февраля Я.Шишов направился в Белозерский уезд. 20 февраля в Белозерском уезде Г.Тюфякин разгромил дружину Барановского, а через три дня в 45 верстах от Устюжны разбил дружину Я.Яцкого.

Сам полковник, его хорунжий и поручики попали в плен. В этом бою произошёл характерный для всякой гражданской войны случай. Казак С.Фёдоров взял в плен своего брата Тимофея. На этом поход рати Г.Тюфякина закончился. Станицы российских казаков во главе с атаманами С.Круговым, И.Чёрным, Ф.Бородой ушли в Речь Посполитую. Я.Шишов, внесший в казачью среду много ссор и раздоров, в Речь Посполитую не пошёл, а скрылся в дебрях севера. Через южные уезды России увёл в Поднепровье своих запорожцев гетман П.Сагайдачный. Под Калугой запорожцы отпустили более 2 тысячи пленных. Но один их полк во главе с **Жданом Коншей**, не рассчитывая, что Владислав оставит их в числе реестра, в конце декабря 1618 года остался в Калуге. Отсюда *«черкасы»* отправили челобитную царю М.Романову с просьбой принять их на службу, на что царское правительство ответило согласием.

Окончание польской интервенции позволило царскому правительству заняться проблемами служилого казачества. Вольному казачеству в Центральной России места явно не оставалось. Поэтому некоторые казаки подались в автономные казачьи области на Яик (Урал), Волгу и Дон, чтобы сохранить *«волю»* и свою особую казачью организацию. Туда в частности, ушли известные атаманы Т.Чёрный, А.Гринев и другие.

Несмотря на беды причинённые казаками гетмана П.Сагайдачного, устройство казаков полка Ждана Конши рассматривалось Москвой как особо срочное и важное дело, которое должно было показать днепровским казакам преимущества службы царю М.Романову. В январе 1619 года было решено направить казаков Ж.Конши служить в 18 городов (Коломну – 25 человек, Рязань – 30, Пронск – 25, Шацк – 50, Темников – 30, Алатырь – 50, Касимов – 20, Курмыш – 10, Арзамас – 50, Нижний Новгород – 100, Казань с пригородами – 100, Астрахань – 50, Кострому – 30, Галич – 20, Переславль Залесский – 20, Ярославль – 50, Вологду – 50, Белозерск – 30).

Всем казакам назначалось стрелецкое жалованье. Ж.Конше и сотникам назначалось жалованье стрелецких сотников от 7 до 30 рублей в год. Казачьим десятникам назначалось жалованье стрелецких пятидесятников по 5 рублей в год. Рядовым казакам назначалось жалованье рядовых стрельцов от 2 до 4 рублей в год. Однако днепровские казаки сочли подобное жалованье недостаточным. После нескольких челобитных и бегства некоторых казаков со службы, в апреле 1619 года, боярским приговором было определено новое жалованье. Рядовым казакам от 5 до 6 рублей в год. Десятникам по 6,5 рублей в год. Кроме того, каждому казаку выдавалось по 8-10 четвертей ржи и овса в год.

Решение вопроса с казаками полка Ж.Конши способствовало урегулированию отношений царского правительства с запорожским казачеством. В 1620 году в Москву прибыло посольство от Запорожского войска. И хотя соглашение о подданстве не заключили, однако запорожцам вскоре отправили *«лёгкое»* жалованье. Сами запорожские казаки позднее рассматривали свой поход на Москву как ошибочный, а гетман П.Сагайдачный от имени всего войска даже просил иерусалимского патриарха об отпущении им *«грехов разлития крови христианской»* в России.

Поместье никогда не было идеалом казаков. Не случайно многие казаки предпочли положение служилых людей *«по прибору»* или вёрстанных помещиков, более обеспеченную службу в холопах, иногда у своих прежних господ. Привлекали казаков на службу так же монастыри и церковные иерархи. Были и такие казаки, которые пытались заняться ремеслом. Другие подались в разбойники, но были и такие, которые превратились в бродяг.

Таким образом, правительство царя М.Романова, пойдя на известные уступки, смогло расчленить мятежное казачество на вёрстанных казаков и служилых казаков. Служилых казаков к тому же рассредоточили по многочисленным городам. Сложились благоприятные условия для полного уничтожения казачества на территории Центральной России. На протяжении 20-х годов XVII столетия численность большинства городовых казачьих корпораций постепенно сокращалась из-за недостатка и плохого качества земель, отсутствия крестьян, давления со стороны дворян, служилых людей *«по прибору»*, посадских людей и церкви. Так что к началу 30-х годов XVII века численность поместных и служилых казаков сократилась почти на половину.

Только малой части казаков удалось войти в состав мелкопоместного дворянства. И только единицы стали крупными помещиками, имевшими крупные вотчины и поместья, обеспеченные крестьянскими руками. И тем не менее расселение служилых казаков по российским приграничным городам способствовало восстановлению приграничных оборонительных линий.

Вместе с тем обеспечение казаков землёй или постоянным содержанием ликвидировало конфликт между царской властью и основной массой казачества. В результате, мятежное казачество на территории Центральной России перестало существовать, что знаменовало окончание длительной гражданской войны, начатой ещё царём Иваном IV в 1560 году и окончившейся поражением мятежного казачества, свято верившего в доброго царя, в лице его сына Дмитрия, а затем и в М.Романова.

Мятежное казачество потерпело поражение в силу ряда причин. Во-первых, после выборов царя М.Романова, оно не смогло выработать долгосрочных целей своей борьбы с дворянством и царизмом. Во-вторых, все мятежи казаков не выходили за рамки требований

выплаты полного жалованья и прекращения *«разборов»* казаков, были хаотичными и противоречивыми. В-третьих, естественных своих союзников: крестьян и боярских холопов, казаки угнетали и разоряли сильнее, чем дворяне. В-четвёртых, они не смогли создать дееспособную войсковую организацию, чтобы можно было вести успешные организованные боевые действия против своих врагов, так как опыт создания ордынского войска к этому времени был полностью утрачен.

И тем не менее, казаки доказали, что во многих случаях они воевали лучше дворян. **Опыт борьбы с казачеством не прошёл бесследно для российского дворянства. Он способствовал сплочению различных групп дворянства, осознанию им общности своих интересов, а также выявил настоятельную необходимость реформ в организации и подготовке вооружённых сил государства.**

Итоги развития страны в XVI и начале XVII веков.

Выводы о функционировании власти и перспективах развития России в последующие времена

Уважаемый читатель, нам пришлось столь подробно описать события XVI и начала XVII веков для того, чтобы сделать достаточно правильные выводы о функционировании власти в тот период и перспективах развития России в последующие времена. Если в целом оценивать итоги развития России в XVI и начале XVII века, то они оказываются плачевными. При настойчивом вмешательстве тайных и явных врагов и византийской христианской ортодоксии в государственные дела России в нашей стране утвердилась самодержавно-христианская власть. Эта власть развернула яростную борьбу с инакомыслящими, ликвидировала все положительные достижения царствования Ивана III, ввергла общество в пучину гражданской войны, уничтожила цвет Русского народа того времени, загнала страну в социально-экономическую отсталость, разрушила вооружённые силы государства, ввергла страну в Смутное время и поставила её на грань уничтожения.

Преодоление Смуты было результатом инициативы, самопожертвования и активности лучших людей нашей страны того времени. Их деятельность обеспечила на определённое время ограничение самодержавия и возрождение государства. Благодаря этому были созданы условия для успешного развития России в перспективе. И если бы это развитие пошло по пути: дальнейшего ограничения самодержавия и христианства; расширения сословного представительства в органах государственной власти; увеличения роли земского самоуправления; экономического и промышленного подъёма; реформирования вооружённой силы государства, на базе создания постоян-

ного профессионального стрелецко-казачьего войска; активизации внешнеполитической деятельности на основе повышения стратегической прозорливости правящих верхов, можно не сомневаться, что наша страна достигла бы невиданных успехов.

Однако самодержавно-христианская власть пустила в стране слишком глубокие корни. К концу гражданской войны сложился единый самодержавно-дворянско-христианский правящий класс, который ставил свои интересы выше интересов Русского народа и славянства. Уже в конце гражданской войны стали ликвидироваться завоевания лучших людей России, которых удалось добиться в Смутное время. Люди и целые сословия, их поддерживавшие и продвигавшие, стали отодвигаться от власти и заменяться верными сторонниками самодержавия. Прежде всего, это коснулось князя Д.Пожарского, создавшего Земский Собор, а вместе с ним авторитетную власть в стране.

Его поначалу оттеснили на второстепенные, а затем на третьестепенные роли. Человек, переборовший в себе неприязнь к казакам и обеспечивший верность большей их части Москве в период её войны с Владиславом, оказался ненужным самодержавию. Ненужными самодержавию стали и казаки, которые сыграли большую роль в изгнании поляков из Москвы. Их разделили, разослали по городам и постепенно ликвидировали. С момента возвращения из польского плена в 1619 году отца царя М.Романова Филарета процессы укрепления и усиления самодержавно-дворянско-христианской власти обрели системный и последовательный характер.

Возникает вопрос: *так ли уж была необходима самодержавию ликвидация казачества?* Конечно, нет. Ликвидировав его, самодержавие лишило себя самой боеспособной части своих вооружённых сил. И это катастрофически сказалось уже в следующей войне с Речью Посполитой. Можно ли было сохранить казачество при вполне очевидной его конфронтации с дворянством? При желании, конечно, можно. Нужно было не разделять казаков, а отделить их от дворянства. В этом плане можно было использовать их желание служить, выплату жалованья и подчинённость казаков царским воеводам. Царскому правительству нужно было перевести казаков в Сибирь, где в это время ощущалась большая нужда в воинских силах.

Нападения ногаев, татар-мусульман, кайсаков, калмыков и киргизов на российские поселения в Сибири не прекращались. Выявлялась настоятельная необходимость отодвинуть границу в Сибири на рубеж нынешних городов Челябинска, Кургана, Петропавловска, Омска и создать новую оборонительную линию. Для решения этой задачи вполне хватило бы 10-15 тысяч казаков, стоило только правильно организовать их боевую деятельность и расселение. Эту задачу можно было решить уже в первой четверти XVII века. Затем, опираясь на эту оборонительную линию, можно было развернуть продвижение на юг. Если бы это произошло, то *Россия уже в конце XVII века имела бы границу по Балхашу и Аралу.*

Таким образом, российское самодержавие, имевшее все возможности в XVI веке прочно закрепить за собой Донскую область, Северный Кавказ и Нижнее Приднепровье, оказалось неспособным это осуществить. Точно так же оно оказалось неспособным закрепить за собой Южную Сибирь в XVII веке, что отбрасывало Россию по части территориальных приобретений на юге почти на 200 лет назад. Причиной этому было то, что самодержавно-христианское мировоззрение не способствует накоплению соответствующих знаний и воспитанию стратегического и геополитического кругозора у правителей страны, а также принятию соответствующих этому кругозору решений. Как, собственно, оно не способствует постоянному развитию страны во всех других областях, сосредотачивая внимание на ложных, мистических, а потому крайне вредных для общества и государства целях. **Неспособность самодержавия стратегически верно мыслить и принимать соответствующие решения вновь загоняло Россию в социально-экономическую и военную отсталость, в непрекращающуюся войну царского правительства с вольным казачеством, в период вспыхивающих время от времени мятежей, бунтов, дворцовых переворотов и инициируемых извне революций.**

Обо всём этом можно было бы и не писать, если бы в конце XX века наша страна не оказалась почти в такой же ситуации, как и 300 лет назад. Сейчас перед нами стоят почти те же проблемы: демократизация властных структур; организация местного самоуправления; реформирование вооружённых сил; обеспечение экономического и промышленного подъёма; социальная реструктуризация общества; усиление международного влияния страны в мире. Все эти проблемы, по сравнению с прошлым временем, отягощены: тяжелейшей демографической ситуацией; непрекращающимся вмешательством внешних сил в дела нашей страны; архаичностью административно-территориального деления; клановым составом общества; низким уровнем национального самосознания, обусловленным широким влиянием интернациональных и общечеловеческих ценностей, а также поверхностным и фальсифицированным знанием истории собственной страны.

Неслучайно поэтому в 90-е годы XX столетия в нашей стране на смену коммунистической власти пришла авторитарно-олигархическо-христианская власть, которая по сути мало чем отличалась от самодержавно-дворянско-христианской власти. **Усиление и упрочение авторитарно-олигархическо-христианской власти вновь может привести к плачевной ситуации. Ибо природа такой власти состоит в том, что она душит развитие государства, общества и экономики, загоняя их в отсталость. Неважно, путём ли введения крепостного права, или превращением страны в сырьевой придаток. Способы, методы и цели разные, а суть остаётся та же.**

Правда, в самом начале XXI века эта власть подверглась некоторой реконструкции. Несколько снизилась роль олигархии и связан-

ных с нею кланов. Наметился процесс перехода от господства олигархии (плутократии) к настоящей демократии. Сделаны первые шаги к становлению местного самоуправления. Началась реализация военной реформы и повышения профессионализма личного состава вооружённых сил. Наступила стабилизация экономики, и наметился экономический подъём. Заметно выросла роль страны на международной арене и компетентность власти по обеспечению её авторитета.

Однако эти положительные сдвиги сами по себе ещё не гарантируют, что страна и государство опять не скатятся через некоторое время в новую яму. Дело в том, что многие вопросы, касающиеся упрочения положения страны, остаются вне внимания этой власти. Главной причиной такого положения является невосприимчивость этой власти к нуждам и интересам Русского народа и славянства, её чрезмерная увлечённость общечеловеческими, христианскими ценностями и *«рыночными»* жупелами, которые сковывают и сдерживают деятельность этой власти по модернизации страны. **Всё это идёт от явного недопонимания, что демократизация страны, государства и общества прямо противоречат их христианизации, исламизации и иному религиозному воздействию, которые способствуют становлению авторитарного и олигархического господства.**

И если в прошлом для успеха государственного строительства и усиления его влияния в мире достаточно было иметь профессиональные вооружённые силы, обладать здравым разумом и уметь стратегически мыслить, то сейчас всего этого уже недостаточно. Сейчас борьба за упрочение влияния страны в мире, при умении стратегически мыслить, перенесена и в другие области. Во-первых, в область национального самосознания, ослабление которого позволяет враждебным силам манипулировать им. Во-вторых, в область технических инновационных технологий, обеспечивающих экономическое и промышленное лидерство. В-третьих, в область экономической и политической интеграции. В-четвёртых, в область этно-цивилизационного строительства. В-пятых, в область международных отношений и реализации наиболее приемлемых путей развития всего человечества. В силу этого профессиональные вооружённые силы в современных условиях должны решать, в основном, оборонительные задачи. Они должны обеспечивать военную безопасность страны и её целостность, а также защищать союзников от агрессивных посягательств. Только тогда, когда всё вышесказанное будет воспринято властью нашей страны, можно будет надеяться, что Россия обретёт, наконец, устойчивость развития и займёт самое высокое место среди мировых держав.

Сибирь в конце гражданской войны

В 1612-19 годах российских подданных в Сибири своими нападениями тревожили ногаи, башкиры, татары-мусульмане, приверженцы Кучума, киргизы и калмыки. Противодействовать им могли толь-

ко местные малочисленные дружины ратных людей. Оказать помощь Центральная Россия не могла, так как там шла одновременно гражданская война и война с поляками. В 1613 году в Сибири были основаны Тагильская и Мугальская слободы. Были затоплены, а затем перенесены на новые места Нарымский и Кетский остроги. В этом же году издан указ, дававший льготу в податях и пособие хлебом и деньгами переселяющимся с Сибирь крестьянам. На первых порах для переселенцев назначалось почти полное обеспечение их насущных нужд. Бесплатно выдавались семена, земледельческие орудия, лес для постройки дома, земля под пашню и домашний скот.

В 1614 году киргизы вторглись в Томский уезд и взбунтовали часть томских славян-татар. Затем они подошли к Томску, разграбили окрестности и осадили его. Ратные люди, совместно с жителями Томска, разбили неприятеля и заставили его уйти. В этом же году в Сибирь был сослан казанский восвода дьяк **Н.Шульгин**. Английский посол **Д.Мерих** просил в Москве разрешение на основания вольной торговли в верховьях реки Оби с Индией и Китаем. Однако он получил отказ. Московские бояре не захотели допускать англичан до прямых контактов с Китаем и Индией.

В 1615 году к кузнецким славянам-татарам был послан стрелецкий сотник **И.Пущин** с 200 казаков. Но неожиданно на землях кузнецких славян-татар появились *киргизы* и *калмыки*. Некоторые источники дают цифру 5 тысяч человек. Эта численность явно завышена, сообщалась она самими казаками, вырвавшимися из окружения, а потому здесь не обошлось без преувеличений. На самом деле киргизов и калмыков было около 500 человек. Они-то и окружили дружину И.Пущина. Сначала казаки огородились возами, окопались и начали отстреливаться. Киргизы и калмыки не уходили, рассчитывая на то, что у казаков кончится продовольствие и они сдадутся. И когда продовольствие закончилось, казаки решили пробиться или умереть. На следующий день утром они сели на коней и внезапным налётом прорвали окружение и захватили в плен не успевших сесть на коней инородцев. Затем благополучно возвратились в Томск.

Другой крупный бой в 1615 году состоялся на берегу Енисея. Здесь казачья дружина воеводы **Молчанова** столкнулась с большой дружиной тунгусского князя **Данула**. Тунгусы были разбиты, после чего некоторые их селения стали давать ясак. Другие тунгусы разбежались и долго скрывались в лесах. На севере тунгусы появились в XIII веке, когда часть чжурженей, потерпевших поражение в войне с монголами, под напором войска князя Чинги с Амура была вынуждена уйти в Восточную Сибирь. Большая часть чжурженей оставалась на Нижнем Амуре. Позднее они образовали народ – манчжур, который в начале XVII века переживал подъём и устремился обратно на юг на свою прошлую родину, которая и получила наименование ***Манчжурия***, а затем в 1644 году манчжуры завоевали Китай.

В 1616 году состоялся очередной бунт остяков в Сургуте, который был также подавлен. Киргизы тоже были разбиты и на время притихли. Чтобы окончательно утихомирить киргизов, царским правительством было организовано посольство к монгольскому князю **Алтын-хану**. К нему были посланы казацкий атаман **В.Тюменец** и казацкий десятник **И.Петров** с предложением, чтобы Алтын-хан со своими людьми вошёл в подданство России. В этом же году на воеводство в Тобольск был сослан боярин князь И.Куракин, сторонник польского королевича Владислава. Он исходатайствовал в Москве запрещение вывозить с сибирского морского побережья меха, под предлогом прекращения насилий торговцев над инородцами. Архангельские поморы в этот год совершили плавание-поход в Обскую губу и в устье Енисея. Сын Кучума – **Ишим**, провозгласивший себя ханом Сибири, женился на дочери торгоутского тайши (князя) **Хоорлека** и поставил свой стан на месте нынешнего Семипалатинска. Из приверженцев Кучума татар-мусульман и калмыков собрал небольшое войско и начал нападать на российские поселения. Однако во время одного из таких походов был разбит дружиной воеводы Л.Вельяминова между реками Иртыш и Ишим и вынужден был бежать.

В 1617 году теленгутский князь **Обак**, получив помощь от калмыков, напал на чатских славян-татар и осадил Чатский городок, но был отбит с большими потерями и вынужден был отступить. В российское подданство перешла ***Буклинская волость*** на реке Енисее. В Москву прибыли послы монгольского князя Алтын-хана **Мергель** и **Кичень** с просьбой принять его со всеми людьми в подданство России. К этому Алтын-хана принудили постоянно враждовавшие с монголами джунгарские калмыки и поднимавшиеся на востоке манчжуры. 8 июля был подписан царский указ, в котором было изложено согласие принять Алтын-хана и его людей в подданство России.

В 1618 году татарским головой **О.Кокоревым** с товарищами построен *Кузнецкий острог*, ставший позднее городом ***Кузнецком***. Он был построен на землях славян-татар абинцев, издревле занимавшихся выплавкой металлов. В этом же году боярским сыном **П.Албычевым** и казачьим сотником **Ч.Рукиным** заложен *Енисейский острог* в 12 вёрстах выше устья реки Кеми. Тогда же в Сибири было запрещено торговать медными деньгами и использовать табак для курения, который доставлялся из Китая.

В 1619 году на берегу реки Кети заложен *Маковский острог* для противодействия непокорившимся тунгусам. Но вскоре он был преобразован в пристань на пути, соединяющем обскую и енисейскую речные системы. Тогда же были основаны *Бельский острог* и *Невьянская слобода*. Построенный на реке Тазе город ***Мангазея*** полностью сгорел и потому был заброшен. Управление краем было переведено в ***Туруханск***, которому дали статус города.

В этом же году тобольским воеводой князем И.Куракиным для установления контактов с Китаем были направлены два казака: **И.Петлин** и **П.Киселёв**. Они прибыли к Алтын-хану и были сопровождены его людьми в Китай. По прибытии в Китай они были приняты самим императором, который направил с ними царю М.Романову свою грамоту и подарки. В это же время Алтын-хан отправил своих посланцев в Москву с просьбой, чтобы ратные сибирские люди объединились с его войском и разгромили калмыков, так как они продолжали препятствовать сношениям россиян с монголами. Начальствовал над калмыками джунгарский тайша Харахула. Также Алтын-хан просил, чтобы ему прислали образцы огнестрельного оружия и мастеров, которые бы обучили его людей делать это оружие.

В 1620 году джунгарский тайша Харахула, узнавший о союзе Алтын-хана с Россией, направил послов к тобольскому воеводе М.Годунову, чтобы уверить его в своём дружественном расположении к России и недоброжелательстве Алтын-хана. Но обмануть тобольского воеводу Годунова ему не удалось. Тогда же туруханские казаки сообщили в Тобольск о якутах, проживающих на реке Лене.

В 1621 году джунгарский тайша Харахула был разбит Алтын-ханом. В результате, джунгарские калмыки бежали на запад и появились в междуречье Оби и Иртыша. В этом же году стрелецким головой **М.Лавровым** на реке Чулыме основан *Мелецкий острог*, позднее названный ***Ачинском***. Киргизы после поражения в 1616 году оказались в подданстве Алтын-хана. Но в 1621 году объединились с тубинцами и моторами, вышедшими из подданства России, и напали на Кузнецкий округ, разорили волость ачинских славян-татар. Но вновь были отбиты и ушли в хакасские степи. Таким образом, в ходе гражданской войны и войны с Речью Посполитой Россия на западе потеряла некоторые области. На востоке она продолжала приобретать новые территории и новых подданных, в основном, благодаря усилиям казаков и славян-татар.

Развитие России после окончания гражданской войны

Потрясения гражданской войны и, в частности, Смутного времени отбросили народное хозяйство страны далеко назад. Немалое число селений было сожжено и разграблено. Многие города и сёла обезлюдели. Наблюдался сильный упадок в сельском хозяйстве, ремёслах и торговле. Крестьянство и податные сословия были разорены. Налоги собирать было почти не с кого. Казна была пуста. Но больше всего деградировали вооружённые силы. С разгромом казачества в них резко сократилось количество боеспособного элемента. Большинство дворянства также ослабело. Не имея достаточного количества крестьян, оно едва

сводило концы с концами, а потому не могло представлять серьёзной боевой силы ни с качественной, ни с количественной стороны.

И если в середине XVI века обычным явлением был сбор 150 тысяч войска, то при освобождении Москвы от поляков в 1612 году удалось собрать всего около 40 тысяч ополченцев, а в конце гражданской войны едва могли собрать около 20 тысяч человек. Это не могло не отразиться на прочности оборонительных линий на юге и юго-западе России. Численность ратных людей в городах и острогах оборонительных линий резко сократилась. Сами оборонительные сооружения частью были разрушены, а частью пришли в запустение. Тюрки-крымчаки, в начале Смутного времени ещё опасавшиеся вторгаться в российские пределы, осмелели и в последние годы гражданской войны всё чаще стали нападать на пограничные российские селения.

Поэтому перед царским правительством встала многоплановая задача восстановления хозяйства страны и её обороноспособности. Царь М.Романов с этой задачей не мог справиться по определению. Его хорошо охарактеризовал современник боярин Ф.Шереметев, который однажды сказал: *«Миша Романов молод, разумом не дошёл и нам будет поваден»*. К тому же он был слаб здоровьем и набожен. Во всём напоминал царя Фёдора, но не имел его прозорливости. С положением могла справиться Боярская Дума и Земские Соборы, если бы в них взяли верх знающие и умелые люди. Однако в Боярской Думе уже в конце гражданской войны развернулась борьба между сторонниками неограниченного самодержавия и сторонниками широкого народного представительства во власти. Последние оказались в меньшинстве, в их числе князь Д.Пожарский. Теперь всё зависело от того, кто возглавит самодержавную партию.

В июне 1619 года из польского плена возвратились отец царя М.Романова Фёдор Романов (Филарет) и герой обороны Смоленска воевода М.Шеин. По случаю возвращения Филарета в Москве и других городах были проведены празднества, сопровождающиеся церковными молебнами и крестными ходами, как будто в честь великой победы. После возвращения из плена он не только стал главой церкви, но и, по существу, возглавил государство. Его, как и М.Романова, официально именовали *«великим государём»*. Ф.Романов (Филарет) сразу же занялся всеми вопросами государственного и церковного управления. Таким образом, самодержавная партия получила в его лице умного, целеустремлённого и авторитетного руководителя, отличавшегося честолюбием и властностью, поднаторевшего в дворцовых интригах и борьбе за царский престол.

Не для того он положил свои лучшие годы, борясь за царский престол, чтобы вдруг уступить вершину власти Боярской Думе и, тем более, Земскому Собору, когда его сын стал царём России. Поэтому главной задачей и главной целью Филарета было восстановление и укрепление самодержавия, ограничение до минимума прав Боярской Думы и Земских Соборов. В конце гражданской войны основным

распорядительным органом власти в стране стали Земские Соборы, в которых было значительное представительство низших сословий. Они представляли интересы земств и могли говорить об их нуждах *«вольно и бесстрашно»*.

Естественно, такой орган самодержавию был не нужен. Поэтому Ф.Романов (Филарет), понимая, что распустить Земские Соборы невозможно, начал ограничивать их деятельность. В конце гражданской войны Земские Соборы собирались ежегодно. Теперь, при Филарете, они стали собираться реже, и роль их стала меняться. Земские Соборы из авторитетного распорядительного органа власти стали превращаться в орган, возбуждающий различного рода ходатайства перед царём. Естественно, не стали нужны царскому окружению люди, создавшие Земские Соборы, и, прежде всего, князь Д.Пожарский.

Боярская Дума тоже стала претерпевать существенные изменения. Её, как правило, возглавлял царь, либо кто-нибудь из знатных бояр по поручению царя. Решения (приговоры) Боярской Думы имели характер закона или разъяснения того или иного вопроса. Численность Боярской Думы постепенно возрастала за счёт привлечения к работе грамотных и знающих людей. Это постепенно приводило к демократизации Боярской Думы. Но это тоже не было нужно самодержавию. Поэтому в её среде Филарет начинает создавать «малую» Боярскую Думу, состоящую из ярых приверженцев самодержавия. В этой связи роль «малой» Боярской Думы стала возрастать, в то же время роль *«большой» Боярской Думы стала неуклонно падать*.

Параллельно он занимался церковными проблемами, так как прекрасно понимал, что христианство является мощным союзником самодержавия. К тому же в церковной жизни выявились неприкрытое мздоимство сторонников византийско-греческой ортодоксии, вольнодумство и нарушение канонов людей, не особенно разделявших ортодоксальные византийско-христианские установки. Филарет принял активные меры против религиозного вольнодумства и нарушения канонов, а также стал пресекать особо злостные случаи мздоимства. Восстановив единство церкви и светской власти, он приступил к решению других государственных дел. Прежде всего, нужно было обеспечить подъём хозяйства и наполнение казны.

По его инициативе был организован учёт земельного фонда. Были проведены *«дозоры»* – описания запустевших селений и заброшенных пашен. Введена *«дворовая четверть»*, как единица податного обложения. Были приняты меры по упорядочению судопроизводства, а также по восстановлению пограничных оборонительных линий. По всем этим вопросам Земский Собор 1619 года принял соответствующее решение (приговор). Все эти меры осуществлялись обычным для того времени методом-сыском посадских и служилых людей. В результате реализации этих мер улучшилось положение дворян,за счёт увеличения числа крестьянских рук в их владениях, а также к 1632 году увеличилось число ратных людей в городах и острогах юга

России на 1786 человек. На западе дружины пограничных городов и острогов пополнялись за счёт ратных людей городов, которые отошли к Речи Посполитой.

Однако эти меры для своей реализации требовали времени, людей и денег, которых явно не хватало, а восстановление народного хозяйства, прежде всего, крестьянского, шло крайне медленно. На юге этому восстановлению, кроме того, мешали участившиеся набеги турок-крымчаков. В 1622 году они совершили внезапный большой набег на Данковский, Епифанский, Дедиловский, Одоевский и Белевский уезды. Воевод украинных городов и острогов тюрки-крымчаки застали врасплох. Крымчаки захватили большой *«полон»*. Разрядный приказ за *«дурость и нерадение»*, *«простоту и глупость»* объявил украинным воеводам выговор. В то же время было ясно, что без восстановления пограничных сооружений и всей оборонительной линии решить проблему безопасности будет невозможно.

Царскому правительству пришлось принять дополнительные меры по восстановлению этой оборонительной линии. Прежде всего, восстанавливалась *«Черта»*, находившаяся на подступах к реке Оке и включавшая 12 *«засек»*: Белевскую, Козельскую, Перемышлянскую, Лихвинскую, Одоевскую, Крапивинскую, Тульскую, Венёвскую, Каширскую, Рязанскую, Ряжскую и Шацкую. Общее протяжение *«Черты»* превышало тысячу километров. Она была создана в своё время с использованием участков естественных препятствий: рек, лесов, болот, озёр, оврагов, которые в проходимых местах были дополнены и соединены между собой искусственными сооружениями: лесными завалами (засеками), валами, рвами, частоколами, столбами, кольями, вбитыми в дно реки, плавающими брёвнами с множеством гвоздей и крючьев, опущенных с камнями в воду.

На дорогах сооружались остроги, вооружённые пушками и другим огнестрельным оружием. Остроги охранялись станицами сторожевых казаков или небольшими (до 100 человек) стрелецкими отрядами. Кроме этого, на больших дорогах (шляхах) строились города-крепости, которых в 20-е годы XVII века насчитывалось около 25. Такие города-крепости имели дружины от нескольких сот до 1,5 тысячи человек и количество пушек от нескольких единиц до нескольких десятков единиц. Для укомплектования дружин этих городов-крепостей требовалось большое количество ратников. Только для дружин Курска, Оскола, Валуек, Воронежа, Ельца, Ливен, Брянска, Рыльска, Путивля, Севска и Белгорода нужно было почти 14 тысяч ратников. В общей сложности, для обеспечения *«Черты»* ратными людьми требовалось около 30 тысяч ратников.

Кроме того, летом каждого года собиралось полевое войско, которое сосредотачивалось на рубеже: Одоев, Тула, Рязань. Передовой полк находился в Мценске. В зависимости от обстановки это войско в разные годы имело разную численность от 5 до 20 тысяч человек. Таким образом, почти вся вооружённая сила России того времени пред-

назначалась для обеспечения военной безопасности юга страны. По этой причине главной задачей было обеспечение оборонительных линий ратными людьми и выставление полевого войска на случай активных боевых действий. Это вело к экстенсивному развитию вооружённых сил. На качество внимание не обращалось. И, тем не менее, принятые меры заставили тюрок-крымчаков прекратить набеги на сравнительно длительное время, вплоть до 1633 года.

Выявившаяся в ходе гражданской войны необходимость реформирования вооружённой силы не была осознана правящими верхами тогдашней России. Даже наоборот, всё делалось для того, чтобы наиболее боеспособный элемент вооружённых сил – казачество превратилось в дворян, либо в сторожевых стрельцов. Собственно, и осознать эту необходимость было некому. Царь М.Романов, по определению, был на это не способен. Его отец Ф.Романов (Филарет), фактически управлявший страной, имел солидные навыки лишь по части дворцовых интриг и борьбы за царский трон. В военном деле он разбирался плохо, не имея ни стратегической прозорливости, ни опыта в ратном деле.

Вследствие этого в 20-е годы XVII века шло постепенное количественное увеличение вооружённой силы России. Но к началу 30-х годов XVII столетия даже количественно вооружённые силы России не могли эффективно противостоять одновременно Крыму и Польше. Однако Ф.Романов (Филарет) не понимал этого. Он лелеял мечту во что бы то ни стало отбить у Польши Смоленск. Не желая воспользоваться отечественным опытом строительства вооружённых сил, толкавшим к созданию постоянного профессионального стрелецко-казачьего войска, Филарет становился заложником европейской системы строительства вооружённых сил, ставившей страну в зависимость от иностранных военных специалистов, далеко не всегда соответствующих своему предназначению.

В сентябре 1624 года царь М.Романов женился в первый раз на княжне **М.Долгорукой**. Царь не хотел этой женитьбы, так как любил дворянку **М.Хлопову**. Но вынужден был уступить требованиям своей волевой матери, которая категорически не хотела, чтобы Михаил женился на М.Хлоповой. После смерти М.Долгорукой через год М.Романов женился во второй раз на **Е.Стрешневой**. В этом браке он прожил десять лет и оставил, помимо сына **Алексея**, дочерей **Ирину**, **Анну** и **Татьяну**. В раннем возрасте умерли: Иван, Василий, Пелагея, Марфа, Софья и Евдокия.

Замышляя победить Польшу и отбить у неё Смоленск, Ф.Романов (Филарет) решает всё же несколько повысить боеспособность своих вооружённых сил. В 1630 году он приглашает из-за границы иностранцев для создания и обучения двух солдатских полков. Первоначально планировалось укомплектовать эти полки боярскими детьми. Но оказалось, что боярских детей, желающих идти в солдаты, собра-

лось очень мало, всего 60 человек. И даже когда установили солдатам жалованье 5 рублей в год и выдали кормовые деньги (алтын в день), а вооружением обеспечили бесплатно, желающих всё равно было мало. Пришлось расширить контингент набора. В полк стали брать служилых казаков, татар и «вольных охочих» людей.

После этого набор состоялся. Новые солдатские полки имели и новую организацию. Солдатский полк состоял из 8 рот по 200 человек. Из них 120 мушкетёров и 80 копейщиков. Численный состав солдатского полка насчитывал 1600 человек рядовых и 176 человек начальствующего состава. Возглавлял солдатский полк полковник-иностранец. Солдатским полкам повелевалось в *«ратном учении»* находиться у полковников-иностранцев. Эти два полка постоянно обучались и к 1632 году приобрели неплохие навыки ведения боя. Используя этот опыт, Филарет в 1632 году распорядился сформировать ещё четыре солдатских полка. Но они не успели пройти необходимую подготовку до начала войны с Речью Посполитой.

В середине 1632 года был сформирован рейтарский полк, положивший начало созданию полков новой организации в коннице. Рейтарский полк комплектовался дворянами, малопоместными и беспоместными детьми боярскими и вольными людьми. Рейтарский полк имел 2 тысяч человек и делился на 12 рот по 167 человек в каждой. Он тоже не успел пройти соответствующую подготовку. В составе всех полков нового строя было немало иностранцев. То есть, осознав необходимость создания профессионального войска, Филарет понимал эту необходимость поверхностно. Он считал вполне достаточным иметь полки нового строя во главе с иноземцами, чтобы добиться победы. На самом деле профессионализм любого войска (армии) обуславливается постоянным, систематическим, умелым обучением и воспитанием.

Готовясь к войне с Польшей, Филарет (Ф.Романов) стремился установить если не союзные, то дружественные отношения с Турцией и Швецией. Но это ему осуществить не удалось. То есть царское правительство опять совершало крупную стратегическую ошибку. Вместо того чтобы интенсивно продвигать свою границу на юге и накапливать силы для последующей борьбы, оно вновь влезло в бесперспективную войну на два фронта. Для войны с Речью Посполитой было собрано войско численностью 32,5 тысячи человек. В него вошли шесть солдатских полков, рейтарский полк, дворянское конное ополчение, стрельцы и служилые казаки. Главным воеводой был назначен герой обороны Смоленска **М.Шеин**. Ему помогали воеводы князья **С.Прозоровский** и **Б.Нагой**.

Назначение главным воеводой М.Шеина было не вполне верным решением. Хорошо показавший себя в обороне Смоленска, М.Шеин не имел опыта в ведении наступательных боевых действий, тем более в штурме крепостей. Это, естественно, сказалось на ходе осады. К тому же ему не удалось наладить отношения с иностранцами, коман-

довавшими большей частью пехоты. По существу, повторялась ситуация, которая случилась с Д.Шуйским в 1610 году. Поначалу войско М.Шеина было разделено на три части. Главные силы во главе с самим Шеиным к октябрю 1632 года сосредоточились в районе Вязьмы и должны были через Дорогобуж выдвинуться к Смоленску.

Рати воевод С.Прозоровского и Б.Нагого должны были действовать на флангах главных сил и овладеть городами-крепостями севернее и южнее Дорогобужа и Смоленска, а затем присоединиться к главным силам. В октябре-декабре 1632 года они овладели городами-крепостями Белая, Серпейск, Стародуб и другими. А в январе 1633 года присоединились к воеводе М.Шеину под Смоленском, к которому он подошёл в середине декабря 1632 года. Осаду Смоленска начали, не установив полной блокады и не имея осадной артиллерии. По существу, осада превратилась в осадное сидение. В Смоленске находилось свыше 3 тысяч поляков и литовцев. В конце февраля поляки усилили осаждённых ещё тысячей человек.

В марте к Смоленску была подвезена осадная артиллерия. С этого времени начался обстрел крепости, а также рытьё подкопов. В мае и июне были осуществлены приступы (штурмы), но успеха добиться не удалось из-за разногласий в командовании и несогласованности действий полков, командовавшие которыми иностранцы игнорировали распоряжения главного воеводы М.Шеина. После неудач с приступами Шеин решил перейти к общей блокаде. Тем временем ситуация в войске продолжала накаляться. Иностранцы стали требовать выплаты жалованья, при этом грозили уйти к польскому королю. Царскому правительству удалось собрать деньги и выдать жалованье. На некоторое время иностранцы успокоились. К осени 1633 года положение усугубили тюрки-крымчаки, которые вторглись в пределы России с юга. Вся дворянская конница и казаки были направлены из-под Смоленска на юг.

Под Смоленском, в осадном стане, остались солдаты, стрельцы и артиллеристы. Общая численность этой части войска составляла около 15 тысяч человек. В сентябре на помощь осаждённым подошёл польский король Владислав IV с войском свыше 17 тысяч человек. Видя крушение своих планов, Филарет (Ф.Романов) пришёл в полное отчаяние, хотя и повелел собирать новое войско. Это войско он поручил находившимся по его вине не у дел князьям Д.Черкасскому и Д.Пожарскому. Началось формирование четырёх солдатских и драгунского полков. Драгунский полк по численности был равен солдатскому, но имел 12 рот по 120 человек в каждой и 12 малых пушек.

Однако быстро собрать и обучить новое войско не представлялось возможным. Положение продолжало катастрофически ухудшаться. Отчаяние Филарета достигло предела и завершилось тем, что его хватил удар и он скончался 1 октября 1633 года. В начале октября Владислав захватил Дорогобуж и перехватил все пути подвоза от Москвы к Смоленску. Положение полков М.Шеина становилось кри-

тическим. Продовольствие было на исходе, начались болезни. Иностранцы стали вновь проявлять недовольство и покидать осадный стан. Естественно, они уходили к польскому королю.

Воевода М.Шеин отстранил иностранцев от командования и подчинил всех российских ратников российским воеводам, надеясь ещё на подход нового войска из Москвы. Но ждать долго он был не в состоянии. Понимая, что быстро создать новое войско и направить его к Смоленску Москва не сможет, и не желая губить людей голодной смертью, Шеин пошёл на переговоры с Владиславом и самостоятельно, без разрешения царского правительства, подписал соглашение о капитуляции 15 февраля 1634 года. В соглашении он оговорил право российского войска беспрепятственно отойти от Смоленска в российские пределы с личным оружием, но без артиллерии.

После чего польский король попытался двинуться к Москве. Но эта попытка была пресечена действиями войска князей Д.Черкасского и Д.Пожарского, которые к этому времени собрали свыше 10 тысяч человек ратников. Силы, которые Владислав использовал для продвижения к Москве, были незначительными, так как большая часть его войска была задействована для блокирования полков М.Шеина и осады Белой. Тем более, что с конца 1633 года против Польши выступила Турция. Владислав IV вынужден был пойти на переговоры, которые царское правительство предложило ещё в конце 1633 года. 4 июня 1633 года был подписан *Поляновский мир*. По этому договору польский король Владислав IV навсегда отказывался от претензий на московский престол и признавал М. Романова законным царём. В то же время он сохранял за Польшей Смоленскую и Северскую земли.

Московское общество, прежде всего, сторонники и клевреты Филарета, были страшно возмущены капитуляцией российского войска, естественно, обвиняли во всём воеводу Шеина. То есть валили всю вину с больной головы на здоровую. В результате, М.Шеина судили и приговорили к смертной казни. Ему на плахе отрубили голову. Кроме яростного возмущения, царское правительство объял страх перед любым внешним противником. Вследствие чего оно на долгие годы отказалось от каких-либо завоеваний. Даже тогда, когда донские казаки в 1637 году взяли Азов и в течение 5 лет удерживали его, царское правительство не оказало им сколько-нибудь серьёзной помощи. Оно страшилось осложнения отношений с Турцией.

Пока на западе царское правительство проводило неудачные эксперименты и терпело поражения, на востоке дела шли своим чередом. В 1622 году патриарх Филарет (Ф.Романов) попытался навести «порядок» в Сибири среди казаков и вообще среди сибиряков. 11 февраля этого года он отправил грамоту Сибирскому и Тобольскому архиепископу Киприану, в которой требовал: во-первых, отправить в Москву грамоту, данную казакам ещё при Иване IV, по которой им разрешалось увозить с собой из городов жён и девиц; во-вторых, выска-

зывалось возмущение тем, что в Сибири не носят крестов, не соблюдают постных дней, живут с некрещёными жёнами, кумами и сёстрами своих жён, и т.д. **Эти возмущения патриарха Филарета (Ф.Романова) говорят о том, что не только казаки Ермака, но и казаки более позднего времени христианами не были.**

В этом же году енисейский воевода **Я.Хрипунов** узнал о приходе бурят на реку Кану за сбором ясака с живущих там народов. Он отправил к ним казака Козлова с предложением принять российское подданство. Однако буряты, собрав ясак и забрав с собой Козлова, ушли в свои пределы. Тобольский воевода М.Годунов также направил боярского сына Д.Черкасова к калмыцкому тайше **Талаю** с предложением принять российское подданство. Но калмыки едва не убили Д.Черкасова, помня о союзе России с монгольским князем Алтын-ханом. В 1623 году вышел царский указ, по которому запрещалось впредь пропускать в Москву послов от калмыков и от монголов. Предписывалось выслушивать их предложения в тех городах, куда они приедут, и давать им надлежащий ответ. Затем сведения о переговорах присылать в Москву. Новый тобольский воевода князь **Сулешов** установил хлебный сбор с земледельческого населения Сибири, чтобы обеспечить служилых людей продовольствием.

В 1624 году князь теленгутов Обак вначале предпринял нападения на селения под Томском, но был разбит казаками и ушёл на левый берег Оби. Здесь он объединился с сыном хана Ишима и внуком Кучума **Аблаем**, а также мурзою чатских татар **Тарловым** (примечательная, не правда, ли фамилия) и стал нападать на российские селения по левому берегу Оби. Но эти союзники также были разбиты казаками. В этом же году тайша дербетских калмыков со своей дружиной грабил селения по реке Вагай, которая является притоком Ишима и Иртыша.

Эти набеги теленгутов и калмыков показывали, что необходимо было принимать решительные меры для закрепления территорий на юге Сибири. Но Филарет не слишком-то заботился о делах на востоке. Сибирь его больше беспокоила с точки зрения отрицательного отношения к христианству, да как место для ссылки туда неугодных людей. Не случайно в 1625 году на воеводство в Тобольск был отправлен виднейший деятель Смутного времени, предводитель российского казачества князь Д.Трубецкой.

В 1627 году из Енисейска были отправлены на Лену и Ангару два отряда казаков. Первый в составе 10 человек с казачьим десятником **В.Бугром** во главе – для разведки реки Лены. Второй в составе 40 человек с атаманом **М.Порфильевым** во главе должен был подняться по Ангаре и склонить бурят принять российское подданство. Казаки добрались до бурятских стойбищ, но склонить бурят к принятию российского подданства не смогли. Тогда они силой забрали дань у местных тунгусов.

В 1628 году дворянином **А.Дубенским** на берегу реки Енисей, близ устья реки Качи, был построен острог, названный *Красным Яром*, ставший позднее городом Красноярском. Вскоре после постройки острога Красный Яр был основан *Канский острог*. Поводом послужило стремление властей подчинить народ *коттов*. Для этой цели из Красного яра был отправлен атаман **Ермак Евставьев**, который поднялся вверх по реке Кану и выстроил острог. Позднее, в 1640 году, острог был перенесён на место сегодняшнего города ***Канска***. Казачий сотник **П.Бекетов**, отправленный с 30 казаками против бурят, дошёл до устья реки Оки. Калмыцкий тайша Хоорлек, теснимый монголами, джунгарами и кайсаками, с 40 тысячами кибиток вышел из Ойратского стана, перекочевал к рекам Тоболу, Яику и Эмбе и подчинил себе остатки ногайской орды.

Эта калмыцкая орда была в состоянии выставить от 25 до 50 тысяч воинов и вполне могла обрушиться на западные сибирские российские территории и захватить их, отрезав остальную Сибирь от России. Тогда стратегический просчёт царского правительства мог обратиться в катастрофу, в результате которой присоединение Сибири пришлось бы осуществлять заново. Спасло эти территории от захвата калмыками то, что они потерпели перед этим не одно поражение от монголов, джунгар и кайсаков, в результате, их морально-боевой дух был сильно подавлен. Это спасло западные сибирские российские территории от захвата калмыками, но не спасло от их набегов.

В 1629 году управление Сибири было разделено на две области: Тобольскую и Томскую. В подчинение томского воеводы отходили: Нарым, Катайск, Енисейск, Красноярск, Кузнецк с малыми острогами и зимовьями. В подчинении тобольского воеводы оставались: Верхотуринск, Пелым, Туринск, Тюмень, Тара, Сургут, Берёзов и Мангазея с малыми острогами и зимовьями. В этом же году енисейский воевода Я.Хрипунов на 20 ладьях дошёл до реки Илим и послал оттуда 30 казаков разведать путь на реку Лену и узнать у бурят, где они добывают серебро.

С остальными казаками он пошёл сухим путём вверх по Ангаре и достиг устья реки Оки, где вступил в сражение с многочисленной бурятской дружиной. Ему удалось разбить бурят. Вскоре после сражения Я.Хрипунов умер. В этот год выгорел Нарым, посему в очередной раз он был перенесён на новое место, что в 16 вёрстах от старого городища вниз по Оби. **Случился также большой пожар в Тобольске. В ходе этого пожара сгорели все свитки сибирских воевод со всеми бумагами канцелярии. Это указывает на то, что истинная история присоединения Сибири была утрачена. Затем начали составляться поповские и чиновничьи сказки о завоевании Сибири и её цивилизации.**

В 1630 году атаман **И.Галкин** с 30 казаками был отправлен для сбора ясака на реку Лену с наказом построить там острог и собрать

сведения о реке и народах, там проживающих. Достигнув реки Илим, он послал десятника **И.Ермолина** с 10 казаками перебраться через хребет и попасть на реку Купу, затем идти дальше. Сам же остался на реке Илиме строить для сбора ясака зимовье. Позднее это зимовье было названо Ленским-Волоком. В следующем году оно было укреплено и переименовано в *Илимский острог*. В этом же году был основан *Никольский погост*, который в 1655 году был переименован в *острог Киренский*, ставший в 1675 году городом ***Киренском***.

Направляемые в небольшом количестве в Сибирь служилые, приказные и церковные люди шли сюда без женщин, что заставляло их искать связей с инородными женщинами, а это грозило изменой вере и ростом вольнодумства. Обеспокоенный этим Филарет для ограничения этих связей распорядился в 1630 году направить первую партию женщин численностью 150 человек, набранных в Тотьме, Устюге и Сольвычегодске. В том же году теленгутский князь Обак и мурза чатских татар Тарлов вторглись со своими людьми в Томскую область. Мурза Тарлов вскоре умер.

В 1631 году атаман И.Галкин при впадении реки Куты в Лену заложил зимовье, ставшее позднее *острогом Усть-Кут*. Атаманом М.Перфильевым у Падунского порога по реке Ангаре заложен *Братский острог*. Позднее он перенесён к устью реки Оки. Туруханские казаки, приводившие в российское подданство тунгусов по реке Вилюю, узнали, что эта река впадает в великую реку Лену и что там проживает народ, зовущий *себя саха* (якуты). Казаки под предводительством **В.Мартынова** выплыли из Вилюя в Лену, нашли стойбище якутов и обложили их ясаком.

В 1632 году енисейский казачий сотник П.Бекетов, пройдя вверх по Ангаре, потом по Илиму, волоком вышел на реку Лену. Спускаясь по ней, он приводил в российское подданство встречавшихся якутов и облагал их ясаком. Для закрепления края за Россией он заложил *острог Якутский* в 70 вёрстах ниже ныне существующего ***Якутска***. В 1638 году Якутский острог был выделен в самостоятельную воеводскую единицу. В том же году основан *Тутурский острог* при впадении реки Тутуры в Лену. Внук Кучума Абай, несмотря на смерть мурзы чатских татар Тарлова, начал совершать набеги на Тюменский уезд.

В 1633 году 60 томских казаков под началом Ф.Пущина были посланы для возведения острога при слиянии Бии и Катуни. Идя вверх по Оби, они едва достигли устья реки Чумыш, как были встречены теленгутами князя Обака. Пришлось вступить в бой, который длился пять суток. После чего казаки, опасаясь окружения, отступили. Но эта неудача не остановила томского воеводу. В этом же году к верховьям Бии был отправлен боярский сын **П.Сабанский** с казаками. Его отряд достиг озера, где встретил племя *телесов*. По имени племени озеро было названо *Телеским* (в нынешней транскрипции – ***Телецким***).

Князем у телесов был **Мандрака**. После первого столкновения Мандрака бежал, оставив казакам свою жену, сына **Айдара** и невестку, которые были отправлены в Томск. К монгольскому Алтын-хану был отправлен боярский сын **Я.Тугачевский** и подьячий **Огарков** с жалованной грамотой и царскими подарками: серебряным кубком, серебряной братиной, тесаком, атласами и сукнами. В 1634 году князь племени телесов Мандрак прибыл в Томск и вступил в российское подданство, обязавшись ежегодно платить по 10 соболей ясака с каждого своего подданного. Однако после того как семейство Мандрака вместе с ним было отпущено, присылать ясак он не стал.

Начиная с 1634 года, якуты неоднократно пытались уничтожить Якутский острог. Способствовала этому вражда, начавшаяся между енисейскими и туруханскими казаками за право владеть богатствами края. Потеснённые монголами, джунгарами и кайсакми в район Тобола калмыки начали нападать на селения Тюменского и Тарского уездов.

В 1635 году енисейскими казаками основан *Олёкминский острог*. Первоначально он имел значение ясачного зимовья и сборного пункта отрядов, отправлявшихся позднее на реку Амур. Внуки Кучума продолжали делать набеги на *Тарский уезд*. Для усиления дружины города ***Тары*** присланы служилые вологжане и нижегородцы с жёнами и детьми общей численностью около 300 человек, которые были записаны в сторожевые казаки и стали нести службу в пеших заставах-сторожах и конных разъездах.

Таким образом, все 20-ые и начало 30-х годов XVII столетия *сибиряки* – этот симбиоз российских казаков и славян-татар, отбивались от врагов, в основном, своими собственными силами. Нельзя же считать 150 женщин, направленных в Сибирь, и около сотни служилых людей, вместе с женщинами и детьми около трёхсот человек, присланных в Тару, серьёзной помощью. И тем не менее, отбиваясь на юге от многочисленных враждебно настроенных народов, на востоке продолжали неуклонно продвигаться. Прочно закрепившись на Енисее, казаки по Ангаре добрались до реки Лены и на ней основали Якутский острог. Вследствие чего владения России за прошедшие 15 лет распространились на восток ещё почти на тысячу вёрст. К тому же был основан Олёкминский острог, который стал служить базой для дальнейшего продвижения на юго-восток, на реку Амур.

Россия после Ф.Романова (Филарета)

Ограничение земских органов власти при Филарете (Ф.Романове), конечно же, не нравилось многим. Его смерть позволила некоторым людям высказать своё мнение на будущее Земских Соборов. Стряпчий И.Бутурлин в 1634 году составил интересный проект преобразования Земского Собора. Он предложил, чтобы все представители Земского Собора были выборными, в том числе и от Москвы.

Земский Собор должен был функционировать постоянно. Проект И.Бутурлина предполагал превратить Земский Собор, по существу, в постоянно действующий парламент. Но замыслам Бутурлина не суждено было сбыться. Возродившееся и укрепившееся самодержавие не желало иметь рядом с собой постоянный и представительный орган. Поэтому Земский Собор уже был обречён на постепенную смерть, так как собираться он стал всё реже и реже, и только тогда, когда в нём нуждалась самодержавная власть.

После смерти Филарета никаких крупных событий не происходило. Царское правительство, напуганное очередным поражением в войне с Польшей, сидело тихо, страшась малейшей опасности, спровоцировать которую могли в то время только донские казаки. Все предыдущие годы донцы то ссорились, то мирились с турками и крымчаками. Брали с них за мир золотом и котлами, сетями и солью. Эти постоянные ссоры и стычки очень беспокоили царское правительство, желавшее жить в мире с Турцией. Но донские казаки, как и прежде, с политикой и интересами царского правительства часто вовсе не считались. С 1622 по 1627 годы донские казаки в союзе с запорожцами навели такой страх на турок и крымчаков своими внезапными морскими набегами на крымское и анатолийское побережье, что султану ничего не оставалось, как просить содействия московского царя в усмирении казаков.

В 1635 году царь, направляя своих послов к султану, попутно прислал с ними донским казакам за их службу второе знамя. Но при этом дал послам наказ, если турки спросят о казаках, то послы должны были отвечать: *«Ведомо вам самим, что воры, донские казаки, от Московского государства поудалели и живут кочевым обычаем, переезжая по рекам, а не городовым житьём»*. В случае, если турки спросят о знамени, то царские послы должны были отвечать: *«знамени государь к ним никогда не посылал; это кто-то сказал, чтобы нас поссорить»*. В то же время перед отправкой в Турцию царь писал крымскому хану: *«Хотя бы Вы их* (казаков) *и всех побили, нам стоять за них не за что»*.

Так унижало и порочило донское казачество перед соседними государствами изворотливое и лживое царское правительство, которое всякими неправдами старалось добиться своих политических целей и выгод. В то же время запугивало донских казаков то опалой, то анафемой, а во времена казачьих побед разыгрывало из себя *«роль всепрощающей матери, роль старшей руководительницы»*, льстя казакам, посылая жалованье, прося *«вы бы нам послужили»*. Однако донское казачество мало обращало внимания на интриги российского самодержавия и продолжало действовать на юге самостоятельно, обеспечивая будущее России.

При этом донские казаки, прежде всего, стремились отбить крепость Кафу в Крыму и Азов, которые в своё время принадлежали Черкасскому уделу Славянской Державы. Азов, к тому же, являлся

столицей этого удела. Захватив Азов, турки превратили его в опорный пункт своего влияния в Восточном Причерноморье, запиравшем выход из Дона в Азовское и Чёрное моря. Он также являлся исходным пунктом для организации набегов на украинные российские территории.

Турки построили крепость Азов на левом берегу Дона. Крепость имела внешнюю каменную стену толщиной 6 метров с 11 башнями. На ней было установлено около 200 орудий. Кроме этого, высокие земляные валы и глубокие рвы (по дну шириной 8 метров) окружали предместья города-крепости. Внутри самой крепости было немало каменных построек, которые тоже можно было использовать для обороны. В Азове постоянно находилось около 4 тысяч турецких янычар. Кроме того, за пределами города-крепости располагались ногайские улусы, преграждавшие путь к Азову.

В 1637 году Турция вела очередную кровопролитную войну с Персией, а крымский хан предпринял поход против Молдавии. С собой он забрал и ногаев. Казачий круг Войска Донского решил воспользоваться предоставленной возможностью и овладеть Азовом. В поход могло пойти около 4 тысяч низовых донских казаков. Конечно, этого количества было недостаточно для взятия сильной турецкой крепости. В этой связи был брошен клич к запорожским и верховым казакам о помощи. Откликнулись и те, и другие. Первыми однако пришли запорожцы в составе около 4 тысяч человек. Походным атаманом был избран **М.Иванов**.

После избрания атамана к Азову были отправлены несколько станиц казаков для захвата языков. Им удалось внезапно напасть на азовцев, находившихся вне оборонительных сооружений, и захватить пленных, от которых узнали о состоянии крепости и её вооружении. Затем 21 апреля 1637 года казаки подошли к Азову, частью на судах, часть на лошадях. Походный атаман М.Иванов решил обложить крепость днём, чтобы показать моральное превосходство казаков над турками. Всё казачье войско было разделено на четыре полка, примерно по 2 тысячи человек в каждом. Полки обложили крепость и выкопали *«рвы великие, и туры плетенные землёю насыпаша, и подкопша под стену около сего града, как мочно из рук друг на друга камением метати. И битвы многие быша день и нощь»*.

Таким образом, казацкое осадное укрепление было заложено в непосредственной близости от каменной стены на расстоянии 30-50 метров. Крепостные орудия турок не смогли нанести казачьим укреплениям серьёзного вреда, так как земляной вал от попадания ядер не рушился, а только незначительно осыпался. Для охраны своего тыла полки выставили конные дозоры, которые своевременно обнаружили ногаев и тюрок-крымчаков, которые возвращались с полоном из набега на пограничные российские территории. Казаки внезапно напали на ногаев и тюрок-крымчаков, разбили их и отбили весь полон.

В течение первых трёх недель осады донские казаки израсходовали все свои припасы, так как им пришлось делиться с запорожцами. Но вскоре из Москвы прибыли дворянин **С.Чириков** и войсковой атаман **И.Каторжный**, которые привезли жалованье, хлеб и порох. Вместе с ними прибыло около 3 тысяч верховых казаков на 100 *«больших будар»* (большие лодки). Эти припасы и подкрепления воодушевили донцов и запорожцев. Начались активные действия по взятию Азова. Стрельба из малого числа осадных пушек не могла причинить серьёзных разрушений. Поэтому одновременно начали делать подкопы, чтобы взорвать часть стены. В казачьем войске нашёлся немец по имени **Иван**, который знал, как вести подкопы. Ему и поручили это делать вместе с другими казаками.

Однако первый подкоп оказался неудачным, и казаки принялись рыть другой подкоп. В то же время стали готовиться к приступу (штурму), имитируя, будто собираются снять осаду. Для этого донцы и запорожцы стали собираться в своих станах, оставив на валу лишь пушкарей и охрану. Приступ решено было организовать с двух сторон, чтобы заставить осаждённых разделить свои силы. Донцы должны были ворваться в крепость через пролом в стене, а запорожцы приготовили лестницы для преодоления стены сверху. 18 июня, около 8 часов утра, заряд в подкопе был взорван, часть стены была разрушена. Донские казаки через пролом ворвались в крепость. Затем запорожцы тоже преодолели стену. Завязалось ожесточённое сражение в городе-крепости.

Части азовцев удалось вырваться через ворота в степь. Но конное казачье войско настигло их на берегу реки Кагальник, в 10 верстах от Азова, и порубило всех, кто пытался спастись. Тем временем в крепости, благодаря использованию каменных строений, турки оказали ожесточённое сопротивление. Бои продолжались несколько дней и стоили казакам больших потерь. Во время штурма и взятия крепости казаки потеряли около тысячи убитыми и около двух тысяч ранеными. Таким образом, чтобы взять Азов казакам хватило девяти недель. Насколько казаки были более умелыми вояками, можно сравнить по истории взятия казаками Азова с попытками шведского короля Густава Адольфа взять Псков. При примерно равной численности сторон и наличии более мощной осадной артиллерии он не смог взять Псков, а казаки смогли довольно быстро взять Азов.

Взятие Азова казаками, естественно, привело к осложнению отношений Москвы с Турцией. Царское правительство трусливо и лицемерно оправдывалось, что казаки взяли Азов *«без нашего царского повеленья»*. Тем временем для закрепления Азова за Московским государством донские казаки просили помощи. Тем более, что уже в 1638 году тюрки-крымчаки предприняли поход к Азову, но были вынуждены уйти. Крепости они брать не умели. Несмотря на громадное стратегическое значение Азова, царское правительство не спешило оказывать казакам помощь, прежде всего, людьми, в которых они крайне нуждались.

После взятия Азова там, в основном, осталось около 4 тысяч донских казаков. Поэтому в 1640 году, по мере усиления опасности со стороны Турции, в Азов прибыло 500 запорожцев, а в 1641 году ещё около тысячи днепровских казаков. Таким образом, в крепости собралось около 5,5 тысяч казаков с атаманом **О.Петровым** во главе, решивших умереть, но не сдавать Азов. Проломы в крепостной стене казаки заделали тарасами, плетёными сооружениями, засыпанными хрящем (мелким камнем с песком) и землёй. В 1641 году турецкий султан собрал и направил под Азов сильное войско, около 30 тысяч человек, с многочисленной осадной артиллерией. Тылы этого войска прикрывала Крымская орда численностью около 40 тысяч человек, расположившаяся в 3-4 верстах от Азова под Черкасским городком. По численности турки превосходили казаков примерно в 5 раз.

24 июня 1641 года турки обложили Азов с суши и с моря. С моря блокировали Азов 70 каторг и 90 ушкулов. Вначале туркам пришлось брать земляные валы и предместья крепости. Казаки, понимая, что валы удержать не удастся, заложили в ряде мест фугасы и при отходе подорвали их. В результате, турки потеряли около 3 тысяч человек. Этим казаки внесли новшество в военное искусство, применив метод преднамеренного и заблаговременного минирования объектов на поле боя. Затем турки пытались взять крепость приступом (штурмом), не подготовив его огнём осадной артиллерии. Они забросали ров у каменной стены камышом и землёй и пошли на приступ, но казаки отразили турок с большими для них потерями.

После чего турки начали осаду крепости по всем правилам. У крепостной стены они насыпали земляной вал, установили на нём осадные орудия и начали обстрел каменной стены и башен. Им удалось разрушить многие башни и часть стены до основания. Тогда казаки выкопали в крепости ров и насыпали земляной вал, за которыми создали острог, в котором сделали для себя укрытия. Такие укрепления казаки неоднократно применяли и ранее. Против земляного вала и острога осадные орудия оказались бессильны. От попадания пушечных ядер земляной вал не разрушался. Он лишь незначительно осыпался и оседал, поэтому его легко было восстановить.

Видя бесполезность стрельбы орудий, турки приступили к рытью подкопов. Но казаки оказались мастерами в контрминной борьбе. Некоторыми своими подкопами они пресекали работу турок. Другие использовали для заманивания турок, а затем подрывали их в этих подкопах. Как ни старались турки одолеть казаков, всё было напрасно. Три месяца казаки героически сопротивлялись, пресекая все попытки турок взять город-крепость. Они отразили 24 приступа и заставили турок отступить. 26 сентября 1641 года турки, понеся громадные потери, более половины войска, отступили от Азова. Командующий турецким войском силистрийский паша **Гуссейн-дели** не вынес поражения и скончался при отступлении. Крымский хан **Бегадир-Гирей** был ранен и при отходе умер. Кафинский паша был убит в ходе штурмов.

Потери казаков убитыми тоже были большими, около 3 тысяч человек, остальные были ранены. Силы казаков практически иссякли. После того как турки и крымчаки ушли, казаки отправили в Москву лёгкую станицу с атаманом **Н.Васильевым** во главе с извещением об успехе и просьбой к царю принять Азов в свою вотчину, так как сами казаки крайне изнурены, изранены, раздеты, разуты и удерживать Азов больше были не в состоянии. По этому поводу в Москве даже был созван Земский Собор, на котором решался вопрос: *«Азов у казаков принимать?»*.

Было решено не принимать. Царское правительство *«отделалось посылкой на Дон нескольких тысяч рублей, двухсот поставов сукна, съестных припасов, свинцу и пороху»*. В остальном оставила донских казаков наедине с Турцией и Крымом. Более того, Москва убеждала казаков во имя спасения христиан в Турции покинуть Азов и уйти в свои городки. В этой связи царь писал казакам: *«Сего требует польза отечества, и послушание ваше будет новым доводом вашей верной службы ко мне»*. Конечно, ни о какой пользе отечества говорить не приходилось. Ранее мы уже неоднократно сталкивались с тем, что царская власть на первое место ставила свои самодержавно-династические интересы, а не национально-государственные интересы страны (пользу Отечеству).

Национально-государственные интересы России требовали безотлагательно присоединить Азов к России, что позволяло ей покончить с набегами турок и тюрок-крымчаков на пограничные российские территории и получить важный плацдарм для дальнейшего продвижения в Причерноморье. С точки зрения национально-государственных интересов России, отказ присоединить Азов являлся крупным стратегическим просчётом царизма. Однако с точки зрения укрепления и усиления самодержавия, отказ был вполне логичен и даже необходим.

В данном вопросе царское правительство руководствовалось не только и не столько страхом столкновения с Турцией, сколько стремлением ослабить, а, по возможности, и уничтожить вольное казачество Дона. И делало оно это настойчиво и последовательно. Казачество Центральной России самодержавие уничтожило самостоятельно, а казаков Дона стремилось уничтожить силами Турции и Крыма. Так царское правительство отплатило донским казакам за то, что они не поддержали атамана И.Заруцкого и призывали волжских и уральских казаков присягнуть царю М.Романову.

Не найдя поддержки у Москвы, казаки в мае 1642 года оставили Азов и переправились на Махан-остров, который расположен близ *Ольгинской станицы*. После ухода казаков из Азова турки спешно заняли его и немедленно приступили к восстановлению и укреплению крепости. Затем они начали жестоко мстить казакам. Пользуясь их малочисленностью, турки двинулись вверх по Дону, взяли и сожгли в 1644 году городки: Монастырский, Черкасск, Маныч и другие. Их

жителей частью перебили, частью увели в плен. В этом походе турок погибла большая часть раненых и увечных казаков.

Пока донское казачество, напрягая последние усилия, отбивалось на своей территории от многочисленных турок и крымцев, царское правительство, преследуя свои далеко не национальные интересы, уверяло Турцию и Крым в том, что российский государь в судьбе казаков участия принимать не желает, помощи им не оказывает, и если они будут просить этой помощи, то их просьба не будет удовлетворена. Благо ещё царское правительство продолжило строительство Белгородской пограничной оборонительной линии («Черты»), которую начали возводить в 1630 году, а закончили к концу 40-х годов.

Эта оборонительная линия проходила по рубежу Ахтырка-Белгород-Нижний Оскол-Усерд-Ольшанск-Воронеж-Козлов-Тамбов. Под прикрытием этой оборонительной линии стало быстро расти население юга России. В частности, была быстро и густо заселена *Комарицкая волость*, где до 1646 года было построено три городка-крепости, восемь острогов и сформировано из крестьян три драгунских полка по 1700 человек, сведённых в шесть рот. Все станицы острогов, дружины городов-крепостей и полки подчинялись главному воеводе всей пограничной оборонительной линии. **Дальше этого военное строительство не пошло. Полки нового строя после войны с поляками в 1632-34 годах были распущены, во-первых, из-за неудачного использования иностранных военных специалистов, а во-вторых, из-за отсутствия необходимых финансовых средств.**

Интересы самодержавия, вновь не позволившие стране обрести уверенность в своих силах на западе, не препятствовали сибирякам на востоке продвигаться дальше и укреплять там позиции России. В 1636 году из Енисейска был отправлен казачий десятник **Е.Буза** с наказом осмотреть реки, текущие в Ледовитый океан. После зимовки в Олёкминском остроге к 10 его казакам присоединилось ещё 40 человек, занимавшихся разными промыслами. Этот отряд двинулся по Лене и за две недели достиг её западного устья. Оттуда Е.Буза отправился на запад по океану и дошёл до устья реки Оленёк. В этом же году продолжились контакты на уровне послов с монгольским Алтын-ханом и тунгусским князем **Лабой.**

В 1637 году в Москве учреждён Сибирский приказ, в котором было сосредоточено всё управление Сибирью. Из Вологды, Тотьмы, Устюга и Солвычегодска в Сибирь были отправлены 300 семейств и 150 женщин в жёны казакам. В этом же году состоялось прошение Алтын-хана к царю М.Романову, в котором он подтверждал своё российское подданство и просил прислать ему 8-10 тысяч российского войска для приведения других земель в подданство России. В 1638 году основан ***Верхоянск***. В Якутске учреждено отдельное воеводство. С этого времени Якутск стал центральным местом всего северо-востока Сибири. Атаман **М.Перфильев** по реке Витиму пытался отыскать реку ***Амур***. Ка-

зачий десятник Е.Буза из устья реки Лены поплыл на восток и открыл реку ***Яну***, а в следующем году дошёл до реки Чендоны. И.Постник открыл реку ***Индигирку*** и основал там ясачное зимовье. Его спутники в следующем году спустились на двух судах в океан и добрались до устья реки Алазеи. К Алтын-хану был отправлен посол боярский сын **В.Старков**, который при возвращении привёз в числе подарков чай, вскоре вошедший в употребление в Москве.

В 1639 году основан ***Ялуторовск***, а на востоке ясачные зимовья: Устьялдан, Устьмай, Амге, Устьулье, Устьуди, Устьтауе. **Е.Хабаровым** близ Устькутского острога устроена соляная варница, ставшая позднее *Устькутским солеваренным заводом*. В Москву прибыло посольство от **Ердени-Батура** – контайши Джунгарии, сына Харахулы.

В 1640 году были составлены чертежи местности и путей от Енисейского острога до Ленского-Волока и от Куты-реки вверх по Лене. Потомок Кучума Девлет-Гирей с калмыками делает набеги на селения по реке Тоболу. В 1641 году казацкий пятидесятник М.Васильев заложил *Верхоленский острог*. Джунгарский контайша Ердени-Батур предъявляет права на Барабу и киргизов, кочующих по рекам Июсу и Чулыму. Но его претензии отвергаются. Тогда он организует набеги на Тарский уезд. Эти набеги удаётся отразить при участии служилых людей из Тобольска. В 1642 году посланный из Томска боярский сын П.Сабанский с казаками переплыл Телецкое озеро и после слабого сопротивления пленил князя Мандрака и его сына Айдара со всем семейством. В Томске Мандрак был оставлен в качестве заложника. Остальные были освобождены с обязательством ежегодно платить дань.

В 1643 году якутский воевода отправил казацкого старшину В.Пояркова со 130 казаками для отыскания реки Амур. Поднявшись по рекам Алдану, Учуру и Гонаму, дружина В.Пояркова перевалила через Становой хребет и попала на реку Брянду. По ней казаки спустились до реки Зеи, по которой приплыли в реку Амур. На Амуре по отношению к инородцам В.Поярков проявил чрезмерное насилие, что их крайне ожесточило и они отказались снабжать дружину продовольствием. Поэтому дружина едва спаслась, добравшись морем до устья реки Ульс, впадающей в Охотское море. В том же году под началом пятидесятника К.Иванова казаки добрались до западного берега озера Байкал и побывали на острове Ольхон. Тайша Хоорлек под давлением джунгар и кайсаков откочевал с калмыками за реку Яик, в низовья Волги. В 1644 году десятник **В.Колесников** с партией казаков добрался до северной оконечности озера Байкал. **М.Стадухин** основал *Нижнеколымское ясачное зимовье* и добыл сведения о воинственных чукчах. Буряты трижды осаждали Верхоленский острог.

В 1645 году на помощь Верхоленскому острогу, осаждённому бурятами, из Якутска прибыло подкрепление в 130 человек казаков под началом боярского сына **А.Бедарева**. Объединив усилия с людьми К.Иванова, он разгромил бурятов. Затем вместе они начали опусто-

шать их улусы. В этом же году восстали юкагиры. Им удалось убить несколько российских служилых людей и освободить своих аманатов. Купцы среднеазиатских стран получили льготы для торговли в Сибири. Воспользовавшись предоставленными льготами, бухарские купцы организовали кожевенное производство около Тюмени.

И в эти десять лет продвижение на восток продолжалось без какой-либо серьёзной помощи Москвы. Царское правительство даже не утруждало себя заботами по отражению набегов калмыков, кучумовцев и джунгар на Тюменский, Тарский и Томский уезды. Отбиваться сибирякам приходилось своими силами. Центральная Россия по вине самого царского правительства крайне медленно набирала силы. К концу жизни царя М.Романова Россия имела около 10 млн. жителей, тогда как Австрия около 14 млн., а Франция около 18 млн. жителей. **Этот недостаток силы усугублялся неспособностью стратегически правильно мыслить и действовать.** Бездарное антиказачье царствование первого Романова заканчивалось. Царь М.Романов скончался в ночь на 13 июля 1645 года.

Правление царя А.Романова

Царь **Алексей Михайлович** Романов родился 19 марта 1629 года. До пяти лет воспитывался в окружении «мамок». Потом его воспитанием занимались «дядьки»: боярин **Б.Морозов**, В.Стрешнев и другие. «Западник» Б.Морозов был сторонником некоторых нововведений. Ему удалось сделать так, что царевич и его приближённые стольники стали носить иноземную одежду. На 14-м году жизни об А.М.Романове сообщили народу. Царём ему пришлось стать в 16 лет. К тому времени он прошёл обучение, полагавшееся тогда царскому отпрыску, и мог считаться подготовленным в духе времени молодым человеком.

По отзыву его современника Котошихина, он смолоду был добродушным, благочестивым и богобоязненным человеком, осознанно относившимся к своим царским обязанностям: *«Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе, и на юге, и на севере вправду»*. Однако свою власть он стремился ограничить смирением и кротостью: *«Лучше слезами, усердием и низостью перед Богом промысел чинить, чем силой и славой»*. Такое его понимание роли царя со всей очевидностью показывает, что он не получил необходимых ему знаний ни в государственном управлении, ни в ратном деле.

Да и от кого он мог всё это получить? Ни его дед Ф.Романов (Филарет), ни его отец Михаил такими знаниями не обладали. В этой связи в первые годы его царствования всеми делами в государстве за-

правлял его воспитатель Б.Морозов. Он был человеком прозападных взглядов, а потому убедил молодого царя, что Россия сильно отстала от европейских стран в просвещении, военном деле и промышленности, доказал необходимость приглашения на службу в Москву иноземцев. Многие его предложения позднее были реализованы царём.

Большую роль сыграл Б.Морозов и в личной жизни царя А.Романова. По достижении 17-летнего возраста царь должен был жениться. В 1647 году в кремлёвский дворец собрали 200 девушек. Сам царь выбрал себе в невесты дочь дворянина **Р.Всеволжского**. Естественно, Морозову такая незнатная женитьба была не нужна, тем более, что он сам собирался жениться на дочери боярина князя **И.Милославского – Анне**. Желая сорвать наметившуюся свадьбу, он организовал распространение слухов, что, якобы, невеста страдает *падучей болезнью* (эпилепсией). В результате, невесту, избранную царём, отставили, а затем вместе с родственниками выслали из столицы.

16 января 1648 года царь А.Романов женился на **Марине Милославской**, а 26 января на её сестре Анне Милославской женился сам Б.Морозов. Эти браки говорят сами за себя. Морозов чётко спланировал и осуществил не только женитьбу царя, но и свою собственную, а также сформировал ближайшее окружение молодого царя. Поэтому вполне естественно, что царские и морозовские родственники и их друзья приобрели большое влияние при дворе. Царь А.Романов был женат два раза. М.Милославская родила ему 13 детей: Дмитрия, Евдокию, Марфу, Алексея, Анну, Софью, Екатерину, Марию, Фёдора, Феодосью, Семёна, Ивана и Евдокию (вторую). Многие из них умерли в раннем возрасте. В марте 1669 года умерла и царица М.Романова-Милославская. Вторая жена – **Наталья Нарышкина** – родила троих детей: Петра, Наталью и Фёдора, из которых в живых остался Пётр, будущий император России.

В зрелые годы царь А.Романов отличался дородством (полной, даже толстой фигурой), имел низкий лоб, белое лицо с красивой бородой, пухлые румяные щёки, русые волосы. Черты лица и глаза были мягкими, что являлось следствием его довольно незлобивой натуры. В быту и придворных отношениях он был вспыльчив, но отходчив. Мог обругать и побить палкой или пинками кого угодно, даже своего тестя боярина И.Милославского. И такие сцены случались довольно часто. Однако на жизнь приближённых и их имущество царь А.Романов не посягал. Бывали случаи, что он проявлял сердечность, даже просил прощения у обиженного им человека, стремился примириться с ним. Именно поэтому современники прозвали его **«Тишайшим»**. Однако по отношению к бунтующим подданным он таких качеств не проявлял и беспощадно подавлял все их выступления.

Царь А.Романов был хорошим хозяином своих личных царских владений. Он довольно много писал. Будучи страстным почитателем соколиной охоты, сочинил устав сокольничей службы. Пытался даже

писать историю военных походов своего царствования. **Но было бы ошибкой считать царя А.Романова хорошим правителем. Для этого он не имел ни хороших навыков государственного управления, ни ратного опыта, ни стратегической прозорливости, ни воли.** В этой связи он вольно или невольно вынужден был опираться на тех или иных людей, которые в силу тех или иных качеств либо создавали трудности государству, либо способствовали его успеху.

Вначале он опирался на боярина Б.Морозова, князя И.Мстиславского и их клевретов. Дело докатилось до соляного бунта. Затем настала пора князя **Н.Одоевского**, дьяка **Л.Ордина-Нащёкина** и патриарха **Никона**, при которых к России была присоединена польско-литовская Украйна, но в то же время началась война со Швецией, принёсшая поражение России, медный бунт и церковный раскол. За ними пришли к власти бояре А.Ордин-Нащёкин и **А.Матвеев**, при которых добились победы над Речью Посполитой, но усилился церковный раскол и поднялась череда новых восстаний и бунтов.

Эти люди в разные годы правят страной, а царь присутствует возле них, хвалит их или спорит с ними, пишет разного рода сочинения, беспокоится о внешнем благополучии, то есть суетится вокруг настоящих правителей и работников. Но ни работать с ними, ни увлечь их своими примером и волей он не в состоянии. Таким образом, он царствовал, но не правил, собственно, как и его отец М.Романов. При всех достаточно положительных личных качествах царь А.Романов не мог исправить стратегические просчёты своих предшественников и вывести Россию того времени из тупика отсталости и косности, в которой она находилась со времён Василия III вот уже добрые 150 лет.

Влияние 30-летней войны на Речь Посполитую

Некоторые удачи во внешней политике царя А.Романова были следствием не столько его деятельности, сколько изменившейся в пользу России ситуации в Европе, в том числе в Речи Посполитой, в конце 30-летней войны. Разразившаяся в Европе во второй четверти XVII века 30-летняя война была результатом противостояния двух сформировавшихся в начале 20-х годов блоков. Испано-австро-польско-датский блок с одной стороны противостоял англо-франко-нидерландско-шведскому блоку с другой. Главной причиной противостояния этих блоков были религиозные и национальные мотивы. Они же явились основой тех революций, бунтов и восстаний, которые прокатились по многим странам Европы, включая Речь Посполитую. Недаром английский диктатор Кромвель писал гетману днепровских казаков: *«Богдану Хмельницкому, божией милостью генералиссимусу войска и старой греческой религии и церкви, вождю всех запорожских казаков, грозе и искоренителю польского дворянства, завоевателю крепостей, истребителю римских священников ...»*.

Причём религиозные мотивы причудливо переплетались с национальными. В этом плане показательна Франция, которая, будучи католической страной, но преследуя национальные интересы, оказалась в противоположном лагере. Конечно, в конце этой войны она выступила против революций и за резкое ограничение территориальных притязаний победившего блока и своих собственных. Но при этом она всё же реализовала часть своих национальных интересов. Больше всех в этой войне выиграли Швеция и Нидерланды. Последние окончательно стали самостоятельными, а Швеция захватила немало германских территорий.

Разумеется, это произошло благодаря стратегической прозорливости шведского короля Густава Адольфа, который верно оценил складывающуюся обстановку в Европе и после неудачи под Псковом заключил с ослабленной до крайности Россией *Столбовский мир*. Благодаря этому он обезопасил свои тылы и смог сосредоточить усилия на реформировании вооружённых сил и завоеваниях в Европе. **Тем всегда и отличались великие от посредственностей, что они стратегически правильно мыслили и умели стратегию наполнить силами и средствами.**

Проиграли в этой войне Испанская и Германская империи. Испания и Австрия потеряли не только часть своих территорий, но откатились на вторые роли в Европе. Последствия для народов были ужасающими. Только в Германии численность населения сократилась с 18 до 4 млн. человек. Однако больше всех потеряла Речь Посполитая. Выбрав себе союзников по религиозному признаку в ущерб своим национальным интересам, *она лишила себя исторической перспективы*. Для Речи Посполитой, зажатой между Швецией на севере, Россией на востоке и Турцией на юге, бессмысленно было мечтать о победе над какой-либо из этих стран. Смутное время и гражданская война в России это неопровержимо доказали.

Перспектива для неё вырисовывалась только на западе, так как аморфная Германская империя была не в состоянии противостоять сколько-нибудь сильному напору извне, что и произошло в ходе 30-летней войны. Поэтому национальные интересы Польши требовали вступления в войну на стороне Франции и Швеции для завоевания Силезии и других германских территорий до Одера. Это завоевание было бы также актом исторической справедливости, так как оно возвращало Польше исконно польские (пястовские) земли. Кроме того, это завоевание создавало лично для польского короля Владислава IV базу для укрепления его власти. Но Владислав IV не был Густавом Адольфом, он был ярым приверженцем католицизма и поэтому искал побед там, где по определению не мог их добиться.

В 1629 году он ввязался в войну со Швецией за Балтийское побережье и в 1632 году начал строить большой польский балтийский флот. Но этому, во-первых, помешала война с Россией за Смоленск, в результате которой пришлось отказаться от претензий на москов-

ский престол. Во-вторых, ему помешала шляхта, не желавшая воевать со Швецией и принудившая его пойти на заключение Стумсдорфского мира в 1635 году. По этому договору ему пришлось отказаться также и от притязаний на шведскую корону. Шляхта ограничила субсидирование строительства флота на Балтике, а затем, к 1645 году, добилась его ликвидации.

Такое поведение шляхты обуславливалось ведением многочисленных и бесперспективных войн в начале XVII века, в результате которых её силы были основательно подорваны. Упустив время вступления в войну в начале 20-х годов на западе за пястовские земли, Владислав IV оказался неспособным выправить ситуацию в 40-е годы. Время было окончательно и бесповоротно упущено. **Опыт Польши говорит о том, что в любом государстве не должно быть превалирования какой-либо религиозно-идеологической системы над национальными интересами страны. Собственно, этот опыт подтверждается и опытом России.** В нашей стране реализация интересов христианской церкви, направленных на присоединение единоверной Грузии (Иверии) в конце XVI века, привела к вытеснению России с Северного Кавказа. В Польше интересы католической церкви не позволили усилить её положение в Европе и тем самым закрыли для неё перспективу на будущее.

Впрочем, перспективы ещё оставались, но для этого польскому королю Владиславу IV нужно было успокоиться и заняться внутренними проблемами укрепления страны. Однако, не имея возможности решить проблемы завоеваний законным путём через согласие сейма, он пустился в авантюру, имевшую для Речи Посполитой гибельные последствия. Он решил вновь развязать войну со Швецией, используя для запугивания шляхты запорожских казаков, надеясь и добиваясь союза с Москвой и собирая деньги с заинтересованных государств Европы якобы для войны с Турцией.

Для подготовки запорожских казаков к войне он выделил 18 тысяч злотых, полученных от Венеции. Одновременно стал наводить мосты с Москвой, пытаясь договориться о союзе против Крыма. Его усилия облегчались тем, что в Москве в последние годы жизни царя М.Романова всеми делами государства заправляли боярин Ф.Шереметев и дьяк И.Грамотин. Они являлись сторонниками мира с Речью Посполитой и противниками мира со Швецией. Они были поборниками заключения датско-польско-российской коалиции против Швеции. Эта позиция была стратегически близорукой.

Она создавала для неокрепшей ещё России опасность в одиночку ввязаться в войну с могущественной Швецией, что было чревато выступлением против России Крыма и Турции, которые всегда использовали возможность насолить России, как только она ввязывалась в войну с Речью Посполитой или Швецией. Эти два деятеля абсолютно не понимали, что главным стратегическим направлением для России тогда было южное направление. Овладение Азовом и Северным Кавка-

зом должно было стать главным направлением внешней и внутренней политики тогдашней России. Тем более, что большая часть вооружённых сил России с конца гражданской войны была постоянно задействована на юге. Здесь строилась Белгородская оборонительная линия и сюда впервые в 1646 году было выдвинуто российское войско, чтобы встретить и отразить тюрок-крымчаков на дальних рубежах.

В этом случае ни Речь Посполитая, ни Швеция не стали бы противодействовать России. Более того, многие государства Европы хотя и не оказали бы ей помощь деньгами, однако поддержали бы её морально, не говоря уже о донских и запорожских казаках, готовых в любой момент ринуться в сражение за исконно славянские земли. Решение вопроса с Азовом и Северным Кавказом создавало прочные основы для последующей борьбы как на западе, так и на северо-западе. И тогда никакие усилия Речи Посполитой или Швеции не смогли бы ей долго противодействовать. Однако южное направление не стало в то время для Москвы главным. В Речи Посполитой в 1648 году разразилось казацкое восстание, которое увлекло правительство царя А.Романова на запад против Польши, а затем и против могущественной Швеции.

Для оправдания борьбы с Речью Посполитой и забвения южного направления советские историки выдумали даже сказку о генеральной и прогрессивной задаче Московского государства, решавшей, якобы, проблему воссоединения *«двух Россий»*. Из этих двух Россий восточная (московская), якобы, освободилась от монголов и должна была *освободить западную*, угнетаемую польскими и литовскими иноземцами. На самом же деле литовцы не были иноземцами. Они создали и подняли Литовскую Русь, объединив при этом ряд русских княжеств, существовавших ранее на территории нынешних Украины, Беларуси и Литвы.

Вплоть до начала XV века Литовская Русь была *«языческой»* страной. Именно это было главной причиной яростной борьбы христианизировавшейся Москвы с Литовской Русью. Затем, после объединения Литовской Руси с католической Польшей и образования Речи Посполитой, эта борьба ещё более усилилась. **Поэтому не генеральная и не прогрессивная задача объединения «двух Россий» лежала в основе этой борьбы, а исключительно враждебное отношение византийской христианской ортодоксии Москвы вначале к славянской Литовской Руси, а затем и католической Речи Посполитой.**

Впрочем, и католики отвечали не меньшей враждебностью. **Москва действительно пыталась объединить, но не «две России». Она стремилась объединить всех тех, кто исповедовал византийскую христианскую ортодоксию.** Поэтому после крещения Речи Посполитой и присоединения многих её территорий к России **борьба не прекратилась, она была загнана внутрь и вырывалась наружу при любом удобном случае, обостряя отношения между русским, польским, литовским и украинским народами.**

Таким образом, коренные устремления русских людей, казаков и славян-татар были направлены на восстановление Славянской Державы. Отсюда их движение на Северный Кавказ, Южный Урал, а из Сибири на Алтай, в Семиречье и к Тихому океану. Это движение действительно было генеральной и прогрессивно-цивилизаторской задачей. Чего нельзя сказать о российском самодержавии и христианской церкви, которые, устремив свои взоры на запад, желали лишь одного – сокрушения религиозно-мировоззренческого противника.

Ослеплённое этой ненавистью и этой борьбой, российское самодержавие не заметило, как втянулось в затяжную войну со всей Европой, растратило массу сил и средств и, в результате, уклонилось от той цивилизаторской миссии на юге и востоке, которая действительно могла превратить Россию в мировую державу, соперничать с которой никто не был бы в состоянии. Поэтому никакой необходимости в объединении «двух России» не было, а следовательно, не было никакой генеральной и прогрессивной задачи по их объединению. Генеральной и действительно прогрессивной для России задачей в то время было объединение с донским и запорожским казачеством, освобождение от турок Азова и Черкасского удела (Тмутаракани) и присоединение их к России. Но эта действительно генеральная задача была осознана только в начале XVIII века, а реализована – только в его конце.

Славянский же вопрос, на который ссылаются многие официальные историки, так и не стал ни для самодержавно-имперской России, ни для Советского Союза идеологической основой укрепления позиций страны в мире. И если осознание государственной властью необходимости движения на юг, хотя и с большим опозданием, почти через 150 лет после того как оно было высказано, всё же произошло, то осознание государственными мужами необходимости возрождения славянства и славянского единства до сих пор находится втуне.

А ведь эта идея была высказана Н.Данилевским более 150 лет назад! Время осознания пришло, но способны ли на это государственные мужи современности – это большой вопрос. Хотя от этого прямо зависит судьба России. Правильно взятое в начале XXI века направление активизации внешней политики не только на западе, но также на юге и востоке может быть реализовано, если оно будет опираться на прочную этно-цивилизационную основу, которой является славянство. Без опоры на славянство данная политика, в лучшем случае, будет иметь очень скромные успехи.

Соляной бунт и «Соборное уложение»

В успехах внешней политики царя А.Романова было больше случая, чем трезвого расчёта, так как в самой России далеко не всё было хорошо. После его воцарения у кормила государственной власти стали бояре **Д.Морозов**, **Милославские**, **Л.Плещеев** и **П.Траханиотов**.

Милославские, заняв видное придворное положение, управляли приказами, воеводствовали, поддерживали и продвигали наверх своих родственников, свойственников и приятелей. Но они не дали Московскому государству ни одного талантливого деятеля. Их фамилия неизменно связывалась с самыми острыми жалобами на хищения и вымогательства. С их возвышением своевольство приказного чиновничества усилилось, что привело к обострению недовольства народа царской администрацией.

Особенно мздоимствовали близкие к Милославскому Л.Плещеев и П.Траханиотов. Фамилия первого даже стала нарицательной. Всякий жестокий произвол стали звать *«плещеевщиной»*. Для проведения активной внешней политики требовались деньги. А их собиралось недостаточно. Правительство царя А.Романова решило провести реформу налогообложения. Это, прежде всего, касалось крестьянства. Если прежде налог уплачивался с количества земли у владельца, то теперь решено было его собирать с каждого крестьянского двора. Это усилило угнетение крестьянства и его недовольство. Чашу терпения переполнила пошлина на соль. Как всякий налог на продукты первой необходимости, соляная пошлина на практике легла невыносимой тяжестью на беднейшие слои населения, обострила общее недовольство. Этот сверхчувствительный налог наложился на притеснения приказных чиновников, что исчерпало терпение народа.

«Смятение в мире» вырвалось наружу 2 июня 1648 года. Царя А.Романова, возвращавшегося с богомолья, на улице окружила негодующая толпа и *«всею землёй»* била челом против царского судьи Л.Плещеева, называя его вором, грабителем, притеснителем народа. Затем толпа стала выступать и против его помощников. Убили думного дьяка Чистого в его доме и стали требовать выдачи Л.Плещеева, П.Траханиотова и боярина Б.Морозова. Царь вынужден был распорядиться вести Плещеева на казнь, но толпа отбила его у стражи и сама с ним расправилась. Тогда вышли к народу уважаемые бояре Н.Романов и князь Д.Черкасский.

Они обещали устранить ненавистных притеснителей. Но толпа не хотела верить, пока царь сам не подтвердил обещания, целуя крест. Однако толпа продолжала волноваться и требовать расправы над П.Траханиотовым и Б.Морозовым. Первого царь распорядился казнить перед «миром», а Б.Морозова, своего «дядьку», выслал из Москвы по согласию с народом без права впредь заниматься *какими-либо делами*. Прямой бунт, в котором приняло участие около 20 тысяч человек, утих. Преддверием бунта в Москве были волнения в других городах весной 1648 года, включая Воронеж, Курск, посады Поморья и другие местности.

Известия о московских событиях всколыхнули народ и в других городах. У многих людей появилась надежда, что нашлась, наконец, управа на приказных людей. Посадские люди поднялись против притеснений воевод и их чиновников в Сольвычегодске и Устюге. В вол-

нениях прошли 1648 и 1649 годы. В начале 1650 года возникли новые, более серьёзные выступления в Пскове и Новгороде. Эти выступления были связаны ещё с уплатой шведам крупной партии хлеба и изрядной суммы денег за перебежчиков, которых правительство не захотело выдавать. В народе это истолковали как измену во вред своей земле. Псковичи побили иноземцев, расхитили их имущество, выбрали себе *«начальных людей»*, не слушая воеводу и архиепископа. Их поддержали новгородцы, которые тоже выбрали себе *«начальных людей»* и выступили против воеводы и митрополита Никона.

И те, и другие послали к царю челобитчиков. Псковичи полагали, что защищают *«государево и земское дело»*, коль выступают против приказных людей, притеснявших народ. В своей челобитной они просили царя восстановить прежний порядок судейства, чтобы воеводы и дьяки судили вместе с земскими старостами и с выборными людьми (присяжными заседателями) по правде и не возили в Москву людей для судебного разбирательства. Этот порядок, утверждённый Земским Собором в 1612 году, был отменён при Филарете (Ф.Романове). Но в Москве челобитчики получили ответ, что *«холопы государевы и сироты великим государям никогда не указывали, псковичам надобно было челом бить до нынешнего смятения, а самим не управляться; а того никогда не бывало, чтоб мужики с боярами, окольничими и воеводами у расправных дел были, и впредь того не будет»*. **Так закладывалась идеологическая основа, создававшая предпосылки для пересмотра истории нашей страны.**

В подкрепление своего ответа царское правительство направило в Новгород ратных людей для подавления волнений. Новгородцы повинились сами, отчасти благодаря ораторским способностям и демагогии митрополита Никона, грозившего отлучением новгородцев от церкви. Что касается псковичей, то они отступили от своих требований только после тщетной попытки сопротивления. Подавлением восстаний в Пскове и Новгороде царское самодержавие окончательно разрушило земское самоуправление, дорога к установлению самодержавного абсолютизма была расчищена.

В ходе восстания в Москве в 1648 году дворянство поставило вопрос об упорядочении нового свода законов. В распоряжении царской власти, согласившейся с данным требованием дворянства, уже накопился большой материал из «новоуказных статей». Для составления свода законов был образован приказ из пяти человек: бояр князей Одоевского, Прозоровского, окольничего князя Волконского, дьяков Грибоедова и Леонтьева. «Приказ князя Одоевского» как раз и составил новый свод законов «Соборное уложение». В октябре 1648 года его текст зачитали членам Земского Собора. В январе 1649 года «Соборное уложение» утвердили на специально собранном для этого Земском Соборе. Затем новый свод законов отпечатали и разослали по всем городам и уездам страны.

«Соборное уложение» 1649 года определяло охрану чести и здоровья царя, членов государева двора и церкви, неприкосновенность и незыблемость царской власти. Устанавливалось монопольное сословное право дворянства на землю и крестьян. В то же время дворянство обязывалось служить, коль получило поместья и вотчины. Детально были прописаны вопросы, касающиеся крепостной зависимости крестьян по писцовым, переписным, отдельным и отказным книгам. Были отменены «урочные лета» и введены штрафы за укрывательство беглых. Узаконилось возвращение в тягло посадских людей-задолжников (закладчиков). Вводилась также система наказаний за служебные преступления, с целью устранения злоупотреблений приказных людей, воевод и их помощников. **Таким образом, «Соборное уложение» 1649 года окончательно узаконило крепостничество в России и установило законодательные формы, облегчившие переход к самодержавному абсолютизму в нашей стране.** Внутренняя неустойчивость России не позволила царскому правительству положительно ответить на обращение Б.Хмельницкого, пожелавшего присоединиться к России.

Национально-освободительная война днепровского казачества с польским шляхетством

Б.Хмельницкий, содействовавший Владиславу IV в его замыслах, не собирался поначалу выступать против поляков, хотя ситуация на польско-литовской Украйне уже была взрывоопасной. Здесь следует пояснить, что в то время никакой Украины не существовало. Тогда на Дону существовала российская Украйна, а по Днепру, Черноговщине, Волыни и Подолии существовала польско-литовская Украйна, населённая русскими людьми. Поэтому ниже мы будем говорить о польско-литовской Украйне. В *Польше сами паны не управляли* своими поместьями. Для управления ими они нанимали евреев, которые, будучи хорошими финансистами и экономистами, изыскивали всё новые и новые способы обирания русских людей.

Кроме того, что они заставляли работать на панов по три-четыре дня в неделю, ещё требовали выполнения других повинностей: возить дрова и осуществлять другие работы; расплачиваться зерном и птицей за аренду земли; выплачивать десятину со всей живности и собранного урожая. Кроме того, евреи откупили право варить пиво и горилку (водку). Последним и, пожалуй, самым изуверским способом унижения явился сбор мзды за посещение *«православных»* церквей. Весь этот гнёт и притеснения вот-вот должны были вырваться наружу. Достаточно было искры, чтобы пламя восстания вспыхнуло и охватило всю польско-литовскую Украйну. И эта искра случилась.

Летом 1647 года польский пан **Чаплинский** осуществил налёт на родовой хутор Б.Хмельницкого, который тогда был уже войсковым писарем казацкого реестрового войска. Такие налёты в те времена были вполне обычным делом. Поляки разорили пасеку, сожгли мельницу, а сына Б.Хмельницкого, пытавшегося воспрепятствовать разбою, забили насмерть. Этот случай до крайности возмутил Б.Хмельницкого и он решил не оставлять без последствий это разбойное нападение. Обиженный и оскорблённый он поехал в Варшаву жаловаться польскому сейму и королю Владиславу IV.

Однако польские сенаторы не захотели его защищать, наоборот, они осмеяли Хмельницкого. Тогда он пришёл к королю, который ласково его принял. Будучи недовольным сеймом, не дававшим ему права и денег на войну со Швецией, и шляхтой, не желавшей воевать, Владислав IV сказал Б.Хмельницкому: *«Знаю об утеснениях казаков, хотя помочь вам не в силах. У вас есть сабли; кто вам запрещает постоять за себя? А я всегда буду вашим благодетелем»*. Б.Хмельницкий понял, что нужно делать, тем более, что запорожцы уже вооружились.

Вернувшись назад, он собрал верных казаков и рассказал о том, что видел и слышал в Варшаве и по пути возвращения, рассказал также об угнетении Русского народа нанятыми поляками евреями и призвал собравшихся казаков на борьбу. Однако положиться на реестровых казаков он не мог. Пропольские настроения среди них были велики. Вот тут *он и обратился к запорожцам*, которым давал деньги Владислава IV, якобы, для организации похода против Крыма и Турции. В декабре 1647 года он бежит в Запорожье. Получив согласие старшин Запорожского войска на выступление, он отправляется в Крым, чтобы заручиться поддержкой крымского хана.

В Крыму Б.Хмельницкому пришлось присягнуть на ханской сабле в присутствии всех мурз. После чего хан **Ислам-Гирей** одарил его подарками и разрешил перекопскому мурзе **Тугай-Бею** воевать с поляками. Тугай-Бей согласился, тем более, что в Крыму была засуха и начался падёж скота. В середине апреля 1648 года его орда уже кочевала у речки Бузулук. Б.Хмельницкий вернулся к запорожцам. Они немедленно собрали круг и дали слово Б.Хмельницкому. Он рассказал о своих несчастьях и своевольстве польских панов, угнетении русских людей поляками и евреями, а также необходимости борьбы с ними.

Казачий круг решил: *«Слава и честь Хмельницкому! Пусть он будет нашей головой, а мы до последнего издыхания будем ему помогать!»* После этого старшины вынесли из войсковой скарбницы королевскую хоругвь, бунчук с позолочённым шаром, булаву с каменьями и печать. Они вручили на глазах собравшихся казаков эти предметы гетманской власти Б.Хмельницкому. Но он отказался их принять, пока не будет избран своими реестровыми казаками, как требовала традиция. На узком круге старшин решили двинуть в поход пока 8 тысяч запорожцев. Остальные должны были быть наготове. Между

тем народ уже скрытно волновали нищие и странники. Начались тайные сходки уговоры, угрозы. Засновали гонцы между городами с *«возмутительными листами»* и посылками.

Поляки вскоре обнаружили брожение и заволновались. Однако польские гетманы не думали, что Б.Хмельницкому удастся собрать большие силы. Они полагали, что бежавший войсковой писарь сможет собрать разве что степных бродяг, которых не составит труда разогнать. И всё же, на *всякий случай, отправили* 6 тысяч реестровых казаков вниз по Днепру, чтобы изловить Хмельницкого. Столько же поляков направили степью под началом сына коронного гетмана **Потоцкого**, который перешёл речку Жёлтые Воды и расположился станом.

22 апреля Б.Хмельницкий выступил из Запорожья, обошёл острог Кодак, где находился польский отряд, и расположился станом неподалёку от речки Жёлтые Воды. Тюрки-крымчаки находились в отдалении, не выражая признаков ни дружелюбия, ни враждебности. Б.Хмельницкий отправил часть запорожцев к берегу Днепра с задачей переманить реестровых казаков на свою сторону. Им это удалось. Реестровые казаки перебили неугодных им старшин и на виду у поляков ушли в стан Хмельницкого.

Поляки, видя такое дело, отошли за речку Жёлтые Воды, построили из возов укрепление, окопали его валом, на котором установили пушки. Б.Хмельницкий тоже передвинул свой стан на берег речки, после чего начались перестрелки. Тем временем орда крымчаков зашла в тыл полякам. В один из дней начала мая казаки решили приступом взять созданное поляками укрепление. Они построились, выслушали призыв Хмельницкого, вышли из стана, преодолели реку и двинулись к польскому укреплению всей массой.

Потоцкий выпустил свои конные хоругви и велел открыть стрельбу из пушек. Однако казаки дружным натиском опрокинули поляков и загнали их в укрепление. Драгуны, набранные из числа реестровых казаков, также перешли на сторону Б.Хмельницкого. В это время в тылу польского укрепления появились тюрки-крымчаки. Поляки оказались в окружении, без продовольствия, воды и без всякой надежды на помощь. В безнадёжном ожидании прошло двое суток.

Потоцкий вынужден был вступить в переговоры и согласился отдать пушки за пропуск оставшегося войска в сторону Корсуня. Это показывает, что Б.Хмельницкий собирался лишь попугать поляков и заставить их пойти на уступки, поэтому казаки не препятствовали уходу поляков. Однако тюрки-крымчаки думали по-другому, они вообще редко выполняли договоры. И в этот раз они настигли поляков у Княжьих байраков и всех перебили. Изрублен был и молодой Потоцкий, скончавшийся в степи. Оставшиеся в живых попали в крымскую и турецкую неволю. Так началась жестокая и бескомпромиссная национально-освободительная война днепровского казачества с Речью Посполитой, окончательно подорвавшая её возможности в борьбе с внешними врагами. Затем последовала победа восставших

под Корсунью. После чего казацкие *«загоны»* (отряды) разошлись по Волыни, Подолии и всей польско-литовской Украйне. Казачьи «загоны» грабили и жгли панские усадьбы, нападали на замки и города, не щадили ни старых, ни малых и особенно жестоко расправлялись с евреями. Их вешали, топили, рубили, бросали с круч. Лишь немногим удалось бежать и спастись от праведного гнева восставшего народа. Всё живое в ужасе бежало за Вислу.

Б.Хмельницкий, конечно же, не предполагал, что дело примет такой оборот. Поначалу он рассчитывал попугать поляков, заставить их уважать казачество, добиться от них послаблений и признания и затем организовать жизнь с панами в мире. Однако его расчётам не суждено было сбыться. Вместо испуга, началась беспощадная, не на жизнь, а на смерть, народная война, целью которой было полное истребление ляхов и их пособников.

В сентябре 1648 года на речке Пиляве поляки вновь потерпели поражение. Казакам досталась огромная добыча: 120 тысяч возов с лошадьми, 80 пушек, оружие, доспехи, драгоценности, меховые шубы, персидские ткани, сукна, другие материи, продовольствие и вина стоимостью в 10 млн. злотых. Победа у Пилявы открыла Б.Хмельницкому путь в практически беззащитную Польшу. Однако он ещё надеялся на благоразумие шляхты. Поэтому решил вернуться в Киев. Но для этого нужно было добиться согласия казачьего круга. Пришлось собрать круг и здесь оказалось, что большинство казаков стало требовать: *«Веди на ляхов, кинчай ляхов!»*.

Тогда Б.Хмельницкий предложил поступить так, как разделились мнения. Тем, кто решил *бить ляхов, он разрешил действовать* самостоятельно. С оставшимися казаками занялся ни шаткой, ни валкой осадой городов, выжидая окончания работы польского сейма, собравшегося по случаю избрания нового короля. Казацкие представители тоже приехали в Варшаву и предложили избрать королём **Яна-Казимира**, брата покойного Владислава IV. Его-то и избрал сейм королём Речи Посполитой. Хмельницкий, видимо, рассчитывал таким образом замириться с поляками. Казаки, получив от нового короля милостивое послание, оставили польские земли и отошли в свои пределы.

В январе 1649 года Б.Хмельницкий въехал в Киев. Народ встречал его восторженно. Бывший в то время в Киеве иерусалимский патриарх Паисий поздравил Хмельницкого от себя и всей *«греко-российской»* церкви, а также благословил его на новую борьбу. В Киев приехали послы Крыма, Турции, Молдавии. Приехал московский посол думный дворянин **Унковский** с грамотами и подарками от царя А.Романова. Приехали и королевские послы. Они поднесли гетману Б.Хмельницкому королевскую грамоту, булаву, осыпанную сапфирами, и красное знамя с изображением белого орла.

Но Б.Хмельницкий не поддался на подношения польских послов и твёрдо изложил свои требования: чтобы казаки, минуя панов, подчинялись прямо королю; чтобы унии, костелов и евреев больше не было

в польско-литовской Украйне; чтобы гетману И.Вишневецкому не разрешалось начальствовать над польским войском. Польские послы расценили требования казачьего гетмана как крайне дерзкие. По их понятиям, русские люди польско-литовской Украйны должны были быть холопами и рабами, а казаки не сами должны были добывать себе право на свободу, а получать её с согласия польского шляхетства.

Польша начала готовиться к войне не на жизнь, а на смерть. Б.Хмельницкий тоже готовился и, прежде всего, на внешнеполитическом направлении. Его особенно беспокоил Крым, который в любой момент из союзника мог превратиться во врага. Поэтому он заключает с Турцией соглашение и становится данником турецкого султана. Это позволило удержать на время Крым в качестве союзника. Польское войско было собрано под Збаражем. Начальствовал над этим войском коронный гетман И.Вишневецкий. Вскоре туда же подошло казацкое войско и крымская орда. Сражение под Збаражем было длительным и тяжёлым. Войско И.Вишневецкого оказалось в окружении.

Тем временем король Ян-Казимир собрал и подготовил новое войско, численностью около 30 тысяч человек и двинулся с ним спасать окружённых под Збаражем поляков. Б.Хмельницкий оставил часть своих сил для блокирования осаждённых поляков, а с главными силами, около 60 тысяч казаков, двинулся против войска короля. Сражение с его войском состоялось 5-6 августа 1649 года. В первом столкновении 5 августа поляки потеряли около 5 тысяч человек и были вынуждены запереться в укреплении, построенном из телег. 6 августа казаки попытались приступом овладеть польским укреплением.

Однако крымский хан **Ислам-Гирей** опасался, что разгром польского войска может настолько усилить Б.Хмельницкого, что последний отвоюет для себя значительную часть Речи Посполитой и перестанет считаться с ним и Турцией. Он захватывает Хмельницкого и не позволяет ему руководить приступом, одновременно вступает в переговоры с польским королём. Казаки, лишившись руководства со стороны своего гетмана и натолкнувшись на яростное сопротивление, прекратили приступ. Крымский хан предъявил польскому королю свои условия прекращения боевых действий и заключения мира. Польша должна была заплатить Крыму немедленно 200 тысяч злотых и затем платить ежегодно по 90 тысяч, а казакам простить лишь их вины.

Польский король Ян-Казимир, видя безвыходность своего положения, согласился. Б.Хмельницкий в данных условиях попытался всё же отстоять интересы казачества. Он потребовал: чтобы киевский митрополит заседал в польском сейме наравне с польскими сенаторами; чтобы греческая церковь пользовалась теми же правами, что и римско-католическая; чтобы число реестровых казаков было увеличено с 20 до 40 тысяч человек. Польская сторона приняла и эти требования. Реестровые казаки сосредотачивались в Киевском, Черниговском и Брацлавском воеводствах, где запрещалось находиться польскому войску и иезуитам. В состав казацкой автономии входил также

Чигирин с округом, ставшим её столицей. Киев, Волынь, Подолия и Полесье оставались в ведении поляков. Крестьяне, не попавшие в реестр, возвращались в крепостную зависимость от польских панов.

Зборовский договор от 8 августа 1649 года отвечал интересам казацкой старшины, включая и самого Б.Хмельницкого. Но он не отвечал интересам основной массы Русского народа польско-литовской Украйны, поднявшейся на борьбу с поляками. По всей польско-литовской Украйне началось неповиновение крестьян и сопротивление польским панам, пытавшимся вернуть свои права. То есть, поляки тоже не собирались соблюдать этот договор. Б.Хмельницкий, видя накалявшуюся атмосферу, даже пытался силой заставить крестьян повиноваться. Но это привело к тому, что народ разуверился в нём, его авторитет резко упал.

Сопротивление полякам продолжало нарастать. Тогда Хмельницкий, чтобы восстановить доверие народа, отправил в Варшаву требование, чтобы католическая уния в польско-литовской Украйне была уничтожена. Польские паны не приняли этого требования, посчитав его оскорблением католической веры, и единогласно объявили ему войну. Польша вновь стала собирать войско. Б.Хмельницкий, опасаясь оказаться в зависимости у Крыма, решил обратиться за помощью к России, предложив войти в её состав.

Но занятое своими внутренними проблемами царское правительство не пожелало заниматься проблемами единоверного населения польско-литовской Украйны. Ни в 1649, ни в 1650 годах царское правительство положительно не отреагировало на обращение Б.Хмельницкого. Более того, оно опасалось связываться с мятежным гетманом, считая его поначалу главарём разбойников, выступившим против законной власти. В Москве ещё хорошо помнили войну с вольным казачеством 30-летней давности и всерьёз опасались её повторения, так как тогда пришлось пойти на значительные уступки. Вполне возможно, что восстание русских людей в польско-литовской Украйне было бы подавлено. Однако походы поляков против восставших продолжились, и потому в верхах российского общества отношение к обращению Б.Хмельницкого стало меняться в лучшую сторону.

Большую роль при этом сыграла церковь, которую не столько волновали вопросы угнетения народа польско-литовской Украйны, сколько ущемление прав греко-византийской церкви. В начале восстания в Москву из Киева по приглашению патриарха прибыли монахи **Е.Славинецкий**, **А.Сатановский** и **Д.Птицкий**, знатоки греческих церковных писаний. Ознакомившись с церковными книгами Московской патриархии, они увидели многочисленные несоответствия греческим оригиналам и засели за исправление этих книг. В то же время в Москве образовалось общество *«ревнителей древлего благочестия»*, которых тоже волновали вопросы исправления книг и обрядов, а также вольного поведения монахов, повсеместно тогда предававшихся пьянству и разгульному образу жизни.

В это общество вошли: царский духовник **С.Вонифатьев**, царский любимец окольничий **Ф.Ртищев**, приехавший из Новгорода архимандрит Новоспасского монастыря **Никон**, протопоп Казанского собора **Неронов**, дьякон Благовещенского собора **Фёдор**, протопопы: **Аввакум**, **Даниил**, **Лазарь**, **Логгин** и др. Это были незаурядные и энергичные люди. Никон, Нерон и Аввакум были прирождёнными ораторами, послушать проповеди которых были не прочь многие знатные люди Москвы, включая самого царя. Они считали, что исправлять книги и обряды нужно по старым церковным российским рукописям и решениям Стоглавого собора. Своё мнение они обосновывали тем, что после падения Византии греческая вера исказилась: *«их книги все растлены суть и римских ересей наполнены»*.

Патриарх **Иосиф** и созванный им в феврале 1649 года церковный собор не поддержал их. Но царь А.Романов не только сочувствовал им, но и поддерживал, хотя и не во всём. Он полагал, что книги следует исправлять по греческим образцам. Позиция царя была обусловлена желанием сохранить единство греко-византийской церкви. В случае если бы были приняты намерения ревнителей древлего благочестия, пришлось бы отказаться от поддержки киевских иерархов и даже признать их еретиками, что грозило расколом всей греко-византийской церкви. К тому же, при изучении древних церковных рукописей обнаружилось немало ошибок, исправлений, описок и т.д. Тут-то и было принято решение взять за основу греческие оригиналы и просить киевских знатоков церковных писаний приступить к совместной работе по исправлению книг и обрядов. Эту работу возглавил архимандрит Никон, на которого обратил внимание царь А.Романов.

В ходе работы по исправлению книг киевскими знатоками, Никон всё больше и больше стал проявлять интерес к притесняемой поляками греко-византийской вере в польско-литовской Украйне. И он всё чаще начинает муссировать этот вопрос в обществе. Интересы греко-византийской веры для него становятся главными и он разрывает отношения с друзьями из общества ревнителей древлего благочестия. Ему удалось поднять этот вопрос на такой уровень, что в феврале 1651 года был созван Земский собор, который высказался за присоединение польско-литовской Украйны к России. Однако каких-либо предложений Б.Хмельницкому сделано не было. Этому было две причины. Во-первых, русское общество было тяжело на подъём и не хотело войны с Речью Посполитой, синдром неоднократно битого давал себя знать. Во-вторых, казна не имела соответствующего количества денег, чтобы можно было собрать войско.

Однако бурная деятельность Никона по сохранению единства греко-византийской церкви и присоединению киевской епархии к московскому патриархату была услышана и понята царём А.Романовым. В 1652 году скончался патриарх Иосиф. На его место и был избран Никон, который развернул ещё более активную деятельность как по вопросам церковной реформы, так и по церковному объедине-

нию с Киевом, а также поиску денег для ведения войны. В вопросе поиска финансовых средств Никону помог его давнишний приятель по обществу ревнителей, царский любимец окольничий Ф.Ртищев. Он предложил царю провести финансовую реформу. Поначалу стали рубить серебряные монеты *«ефимки»* на четыре части. На этом царская казна выиграла до 25% от общей суммы. Но этого явно не хватало для финансирования ведения войны. Тогда решили выпустить медные деньги. На первых порах это дало увеличение казны в два раза и позволило собрать достаточно большое войско. Только после того, как финансовая реформа дала ощутимые результаты, решено было оказать помощь Б.Хмельницкому.

Тем временем война на уничтожение всего русского в польско-литовской Украйне продолжалась. Польско-литовская Украйна обезлюдела и обеднела. Сёла, местечки, хутора и города были либо разграблены и сожжены, либо покинуты жителями. Больше половины крестьян ушли на восток за Днепр. Многие казаки и крестьяне погибли в сражениях, либо были казнены. Уже не хватало сил отбиваться от наседавших поляков. Ситуация складывалась катастрофическая. В этих условиях царское правительство 1 октября 1653 года вновь собрало Земский Собор, на котором была высказана решимость идти сражаться с поляками и готовность принять казаков в российское подданство.

К Б.Хмельницкому было направлено московское посольство. В январе 1654 года состоялась Переяславская Рада, на которой гетман Хмельницкий предложил собравшемуся народу выбрать себе государя. Были предложены: турецкий султан, крымский хан, польский король и российский царь. Охарактеризовав всех четырёх, Хмельницкий высказался в пользу московского царя. Народ с ним согласился. После этого было организовано крестное целование на верность царю А.Романову. После Переяславской Рады война с Польшей становилась неизбежной.

В мае-июне 1654 года начался сбор российского войска. Главное войско под началом главного воеводы князя Я.Черкасского собиралось в Вязьме и нацеливалось на Смоленск. Ему же 1 июня удалось взять крепость Белую. Это был первый успех российского воинства. Войско воеводы В.Шереметева собиралось в Великих Луках и нацеливалось на Полоцк. Войско воеводы князя А.Трубецкого собиралось в Брянске и нацеливалось на Стародуб и Гомель. Во взаимодействии с ним должны были действовать казаки полковника И.Золотаренко, сосредоточившиеся у Новгород-Северского. Казацкое войско Б.Хмельницкого с ратью воеводы А.Бутурлина должно было действовать на юге Речи Посполитой.

Столь большое выделение сил по разным направлениям говорило о количественном росте вооружённой силы России. *«Соборное уложение»* 1649 года вполне этому способствовало. Теперь не поместное, а денежное жалованье становилось материальной основой службы дворян, которые должны были являться на службу *«конно, людно и*

оружно». В 1651 году насчитывалось более 39 тысяч дворян и детей боярских. Но они уже не составляли большинство войска. Из более чем 133 тысяч человек российского воинства дворяне составляли менее 30%. Остальную часть войска составляли служилые люди *«по прибору»*: стрельцы, казаки, драгуны, татары, пушкари, иноземцы и прочие. Казачество формально ещё сохранялось, но уже мало чем отличалось от стрельцов. Изменился не только состав войска, но и его организация. Был осуществлён переход на полковую организацию. Вновь появились полки иноземного строя. Вместе с казачьим войском Б.Хмельницкого возможности позволяли выставить в поле около 150 тысяч человек. Речь Посполитая, при крайнем напряжении сил, едва могла выставить 50 тысяч человек.

В конце июня войско главного воеводы князя Я.Черкасского подошло к Смоленску и осадило его. В это время князь А.Трубецкой выделил часть своих сил для поддержки восставших у Рославля, который был взят 27 июня 1654 года. С главными силами воевода князь А.Трубецкой двинулся к Стародубу, где соединился с казаками полковника И.Золотаренко. Затем И.Золотаренко двинулся к Гомелю и овладел им лихим налётом 13 августа 1654 года. После чего он направил свои отряды к Рогачёву, Жлобину и Речице, но они были отражены поляками и отошли.

Собрав вновь свой полк, И.Золотаренко двинулся на соединение с воеводой князем А.Трубецким, который овладел Пропойском и с основными силами двинулся к Могилёву, выделив И.Золотаренко рать для овладения селом Новым Быховом и крепостью Быховом. В конце августа эта крепость была взята российскими ратниками и казаками И.Золотаренко. Могилёв был взят главными силами войска воеводы А.Трубецкого, после чего завязались тяжёлые бои с польско-литовским войском коронного гетмана Радзивилла, подошедшего к Могилёву.

К этому времени войско воеводы В.Шереметева вышло к Полоцку. Но взять его не смогло. Затем оно захватило окрестные селения Дисну и Друю и повернуло на Глубокое, к которому выдвигался крупный польский отряд. 30 июля 1654 года В.Шереметев разбил этот отряд и, не желая попусту тратить время на осаду Полоцка, двинулся к крепости Озерище. 10 августа овладел ей, а 23 августа взял Усвят, после чего сосредоточился на осаде Витебска.

Тем временем осада Смоленска продолжалась. Осаждённые стали испытывать недостаток в припасах. Помощи ждать было неоткуда, так как коронный гетман Радзивилл застрял под Могилёвом. 23 сентября поляки сдали Смоленск. Войско главного воеводы князя Я.Черкасского двинулось к Дубровне, которой овладело 12 октября 1654 года. Возросшее сопротивление поляков, усталость ратников, недостаток припасов и наступившие холода заставили воевод князей Черкасского и Трубецкого приостановить наступательные действия. 17 ноября 1654 года воевода В.Шереметев овладел Витебском и тоже прекратил наступление.

Гетман Б.Хмельницкий с воеводой А.Бутурлиным в это время взяли Острог, Ровно и ещё несколько городов в Подолии и на Волыни. Польская сторона находилась в критическом положении. Наибольшую угрозу для неё представляло войско Хмельницкого, которое вот-вот могло ворваться в саму Польшу. Чтобы устранить эту угрозу, польский король вступил в переговоры с Крымом и получил от него помощь. Зимой 1654-55 годов крымчаки напали на тылы войска Хмельницкого, а поляки, собрав дополнительно новое войско, начали теснить его с запада. Москве пришлось помогать ему своими силами. На помощь Хмельницкому было направлено вновь собранное войско под началом воеводы Шереметева, в которое вошли и многие полки воевод Черкасского и Трубецкого.

Совместными усилиями Б.Хмельницкому и В.Шереметеву удалось нанести поражение крымчакам и полякам. Неудача постигла поляков под Могилёвом. Здесь войско воеводы А.Трубецкого, уступая *полякам в численности*, в течение трёх месяцев отбило 6 приступов (штурмов). В течение зимы и весны 1655 года силы поляков значительно ослабли. Тюрки-крымчаки *ушли в Крым*. Российское войско пополнилось и подвезло припасы. В начале июля оно вновь приступило к активным действиям. На этот раз силами не разбрасывались. Войско главного воеводы князя Я.Черкасского с полком И.Золотаренко двинулось на Минск и овладело им 3 июля, 31 июля был взят Вильнюс, в августе Каунас и Гродно. После чего это войско повернуло к Брест-Литовску, где собирались основные силы поляков.

Тем временем войско воеводы А.Трубецкого двинулось на Слуцк, у которого произошло сражение с поляками. Поляки были разбиты, а Слуцк захвачен. Затем 29 августа 1655 года поляки потерпели поражение у Клецка, который тоже был захвачен российским войском. Затем были взяты Ляховичи, Столовичи, Слоним. К этому времени войско Б.Хмельницкого и воеводы А.Бутурлина осадило Львов.

В июне Швеция, воспользовавшись ослаблением Польши, объявила ей войну. Она начала быстро захватывать польские территории в Прибалтике. В это время в Москве подняли голову сторонники дружбы с Польшей. Глава Посольского приказа дьяк Л.Ордин-Нащёкин убедил царя А.Романова прекратить войну с Польшей и обратиться против Швеции. Ординым-Нащёкиным в данном случае руководили не только дружеские отношения с польской короной, но и корыстные собственные интересы, выражавшиеся в стремлении получать хороший доход от торговли с Европой по Балтийскому морю. Царь А.Романов, не обладавший необходимым стратегическим кругозором, с ним согласился.

Главные силы российского войска были отведены в район Быхова. После чего начало создаваться войско для войны со Швецией. С поляками заключили только перемирие, не оговорив даже территориальных притязаний. Естественно, поляки воспользовались предоставленной царём А.Романовым передышкой и немедленно приступи-

ли к восстановлению своих сил. Против начала войны со Швецией выступил патриарх Никон, активно проводивший в это время церковную реформу. Человек фанатичной веры, большого ума, твёрдой воли, решительного характера, да к тому же отменный оратор, проповедник и целитель, он начал упрекать царя в неверности решения.

Царю это не нравилось, но он пока молчал, терпя все упрёки Никона, тем более, что в церковных делах последний делал то, чего хотел царь – твёрдо укреплял незыблемость греко-византийской веры. Царское самодержавие не случайно взялось очищать церковные книги и приводить их в соответствие с греческими оригиналами. Это была не только проблема сохранения единства греко-византийской веры. Но также это была проблема избавления от неугодных влияний, случившихся в годы Смутного времени и гражданской войны. В эти годы многие церковные книги, в том числе в Москве, были исправлены или переписаны, в них были внесены подчас существенные изменения.

Делали это сторонники дохристианского славянского родноверия. В частности, они заменили многие непонятные слова и понятия на понятные тогдашнему русскому человеку. В частности, понятие православие определяли с точки зрения славянского родноверия. Поэтому киевские знатоки церковных книг не случайно ужаснулись, прочитав некоторые московские книги. Вот Никон и принялся за церковную реформу с присущим ему антагонизмом, решительностью и бескомпромиссностью.

Первое и самое главное, чего он добился, это изменение трактовки понятия *православие*. Он требовал забвения славянского понимания Православия и утверждения его как понятия, определявшего, как правильно славить единого бога. Славянское понимание Православия исходило из того, что мир в представлениях славянина делился на три мира: Прави (Слави), Яви и Нави. **Мир Прави-Слави** – это мир Светлых Богов и Великих Предков. **Мир Яви** – это мир живущих людей. **Мир Нави** – это потусторонний мир, мир ложных представлений, гибельных для славян. Поэтому **славяне славили своих Светлых Богов и Великих Предков, почему и назывались *славянами* и *православными***. Именно это крайне не нравилось Никону, боровшемуся за укоренение греко-византийского догмата в России.

Вот он и решил подменить понятия. **Эта подмена понятий дала Никону возможность отождествить христианство с Православием. Это был подлог, совершённый Никоном в интересах греко-византийской церкви.** В обрядах он требовал заменить земные поклоны поясными, а двуперстие троеперстием. Двуперстие, крест в обрамлении восьмиконечной или девятиконечной звезды, хождение во время обряда посолонь, то есть по солнцу – всё это были остатки славянского влияния на христианство, сохранившегося ещё со времён Владимира. Двуперстием славяне во время своих обрядов осеняли своё

лицо перуницей. Позднее старообрядцы стали двуперстием креститься. Восьми- и девятиконечные звёзды славяне устанавливали на шпилях своих капищ, святилищ и храмов.

Все его нововведения натолкнулись на активное сопротивление со стороны ревнителей «древлего благочестия», среди которых староверов было немного и они находились практически в подполье. Борьба развернулась, в основном, между последователями Никона и старообрядцами, которых возглавлял Аввакум. Сторону противников Никона приняли многие знатные и богатые люди, часть церковных иерархов и, конечно же, значительная часть посадских людей и крестьян. Знатные и богатые люди опасались установления единого христианского церковного канона, что способствовало крайнему усилению царской и патриаршей власти, ущемлению их прав и привилегий. Посадские люди и крестьяне видели в противниках Никона людей, протестующих против гнёта знатных и богатых.

Борьба разгоралась не на шутку. Никон стал требовать применения репрессий против несогласных. Царь воздерживался от крутых мер, опасаясь бунтов и восстаний, тем более что шла война со Швецией, которую Никон осуждал. В то же время царь не принимал сторону старообрядцев, которые в нём скоро разочаровались. Аввакум перестал считать его *«благочестивейшим и православнейшим»* царём. Напряжение в обществе и в отношениях царя с патриархом нарастало по мере обострения просчётов царской власти. По-другому и быть не могло. Никон происходил из мордовских крестьян.

Мордва – это народ, ранее принадлежавший к семито-сарматам. В начале I тысячелетия по современному летоисчислению, во время семито-сарматского нашествия этот народ с юга пришёл в междуречье Дона и Оки, где и остался. Долгое время сохранял свою самобытность. Никон как яркий представитель своего народа в момент выбора между греко-византийским вероисповеданием и «древлим благочестием», естественно, встал на сторону тех, кто этнически был к нему ближе, то есть на сторону семитской греко-византийской церкви. Вот почему он так яростно боролся с остатками славянства в общественных и церковных делах: душил славянское народовластие в Новгороде; предал ревнителей «древлего благочестия»; поддержал киевских богословов и довёл ситуацию до гонений и физического уничтожения своих религиозно-идеологических противников.

Первым индикатором этого плана была война со Швецией, начатая в 1656 году. Никон, живо интересовавшийся не только делами церкви, следил также за внешними событиями. Будучи умным человеком, он увидел рост могущества Швеции. Поэтому ему не составило труда предсказать поражение России в начавшейся войне с ней. Так оно и случилось. Российское войско было разделено на две части. Меньшая часть двинулась в Ингерманландию, а главные силы двинулись от Полоцка к Риге. Вначале российское войско действовало успешно. В 1656 году оно захватило несколько городов-крепостей в

бывшей Ливонии и осадило Ригу. Однако шведская армия в это время была лучшей в Европе. Подтянув новые свежие силы против россиян, шведы в 1657 году начали теснить их, нанося одно поражение за другим.

За прошедшие два года войны со Швецией поляки отчасти восстановили свои силы и в 1658 году возобновили войну с Россией. Обстановка для царского правительства резко осложнилась не только вне, но и внутри страны. Царь, поняв свой просчёт, отстранил дьяка Л.Ордина-Нащёкина от управления Посольским приказом и подверг его опале. В этих условиях Никон стал не только ревнителем чистоты и единства греко-византийской церкви, искоренителем еретиков, но и провидцем, предсказавшим неизбежное. Это ещё более вознесло его гордыню и властолюбие. Он стал требовать, чтобы царь тоже ему подчинялся, так как считал: *«Яко же месяц емлет себе свет от солнца, такожде и царь поемлет посвящение, помазание и венчание от архиереа»*.

Царь уже не смог более терпеть его притязания на первую роль в государстве. Он перестал посещать службы, которые осуществлял патриарх, а также приглашать его на приёмы в царский дворец. Гордый, обидчивый и вспыльчивый Никон не выдержал. В одну из своих служб в Успенском соборе он отказался от патриаршества и уехал из Москвы в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь под Истрой. Никон думал, что царь будет умолять его вернуться, но ошибся. Царь, выждав некоторое время, потребовал созвать церковный собор. На этом соборе в 1660 году Никон был лишён патриаршего сана.

Тем временем пришлось в 1658 году заключить Валиесарский договор со Швецией, а в 1661 году Кардисский договор, по которому все завоевания российского воинства были утрачены. Потому что возобновившаяся война с Речью Посполитой потребовала больших сил, а взять их было негде, кроме как решительно прекратить войну со Швецией. К тому же осложнилось положение дел в польско-литовской Украйне. Возглавлявший до середины 1657 года казацкое войско Б.Хмельницкий неожиданно умер. Разумеется, это случилось благодаря происках поляков, которые подослали к его жене своего человека. Он-то и уговорил попотчевать гетмана «славной» горилкой. Отведав этой «горилки», Б.Хмельницкий тяжело заболел и скоропостижно скончался 27 июля 1657 года. Его похоронили в Чигирине, в каменной церкви, которая была построена на деньги гетмана.

Но его гроб находился там недолго. После смерти Б.Хмельницкого гетманом был избран **И.Выговский**, который изменил России, что значительно осложнило ведение войны с Речью Посполитой. Выговский восстановил господство польских панов в польско-литовской Украйне. Они стали вновь занимать свои поместья и устанавливать свои порядки. Пан Чарнецкий, претендовавший на Чигирин с округом, захватил его. После чего распорядился вывезти тело ненавистного ему гетмана в поле и выбросить на съедение хищным зверям и пти-

цам. Однако И.Выговский недолго возглавлял днепровских казаков. Недовольство им вскоре обострилось до крайности, и он вынужден был бежать в Польшу.

В 1659 году в Переяславле гетманом был избран **сын Б.Хмельницкого – Юрий**. Он подтвердил договор своего отца с Россией, согласился увеличить численность российского войска на левобережье Днепра и подчинить своих военачальников царским воеводам. В 1660 году Москва оказала Ю.Хмельницкому помощь войском для отражения объединившихся поляков и крымцев. Хмельницкому было направлено российское войско под началом боярина В.Шереметева, лучшего военачальника тогдашней России. Российско-казацкое войско встретилось с польско-крымским войском под Чудновом. Ю.Хмельницкий под давлением своих старшин, не желавших подчиняться царским воеводам, не вступил в сражение с польско-крымским войском и пошёл на сговор с поляками. Российское войско было окружено и пленено поляками и крымцами, которые численно значительно превосходили россиян. Боярин В.Шереметев после этого 20 лет провёл в крымском плену.

После этого поражения и обострившихся отношений с казацкой старшиной российское войско полностью отошло в российские пределы. Но днепровское казачество на левом берегу Днепра не захотело признавать этот сговор и отвергло Ю.Хмельницкого. Гетман, не сумевший подчинить казаков Речи Посполитой, стал не нужен самим полякам. И они вскоре заменили его на своего ставленника **Тетерю**. Однако казачья старшина тоже не пожелала иметь такого гетмана. Назначение Тетери гетманом она расценила как прямое ущемление своих прав. Казачья старшина уже не желала подчиняться ни России, ни Речи Посполитой. На правом берегу Днепра начались новые восстания. Теперь эту борьбу возглавил **П.Дорошенко**. Ему удалось изгнать поляков со значительной части Правобережья. Тетеря бежал в Польшу.

По инициативе казачьей старшины П.Дорошенко был избран гетманом. Он был сторонником самостоятельности (*«самостийности»*) польско-литовской Украйны, не понимая очевидного факта, что отстоять эту «самостийность» вряд ли удастся. Поэтому он попытался подчинить себе и Левобережье. Но его притязания закончились неудачей. Измена И.Выговского, затем измена под Чудовом сына Б.Хмельницкого Юрия, вскоре сменённого поляками на своего ставленника Тетерю, самостийность П.Дорошенко ослабляли и разделяли днепровское казачество, способствовали его истощению и усилению поляков.

Осложняли ведение войны с Речью Посполитой и финансовые проблемы. Введение в оборот медных денег явилось инфляционной мерой, которое поначалу дало положительный результат. Но к 1660 году выявились и отрицательные последствия этой меры. Иноземцы не стали продавать свои товары на медные деньги. А они ведь приво-

зили для продажи немало оружия и других воинских припасов. В результате, усилился отток серебряных и золотых денег за границу. Стоимость медных денег стала быстро падать. Усилили это падение фальшивомонетчики. Меди в стране выплавлялось много, поэтому делать медные деньги стали все, кому не лень, включая тестя царя боярина И.Милославского. Не гнушались контрабандой завозить медные деньги иностранцы.

Обесценивание медных денег привело к росту цен и обнищанию населения. В некоторых местах люди даже не могли купить хлеба и голодали. 25 июля 1662 года в Москве начался *«медный бунт»*. Многие тысячи москвичей, в их числе часть стрельцов, солдат, рейтар, собрались на Лубянке и слушали чтение *«воровских листов»*. Затем около 5 тысяч восставших с этими «листами» и челобитной двинулись в село Коломенское, где находился царь, постоянно выезжавший туда в летнее время. В Москве начались погромы дворов приказных чиновников, иноземцев и дворян. Подойдя к Коломенскому, восставшие преодолели сопротивление охраны и вручили свои требования царю.

Царь вместе с боярами призывал проявить терпение, обещал расследовать вину *«изменников»* и уменьшить налоги. Ему и боярам удалось уговорить бунтующих, которые, было, успокоились и повернули в Москву. Однако им навстречу уже двигалась другая, ещё более разъярённая толпа. Обе толпы объединились и уже численностью около 10 тысяч человек опять двинулись в Коломенское. Эта толпа вновь преодолела сопротивление охраны и стала *«сердито»* разговаривать с царём и боярами. Восставшие требовали снижения налогов, отмены медных денег и расправы над «изменниками» – боярами.

Но в это время к Коломенскому подошла царская дружина численностью около 7 тысяч стрельцов. Царь закричал и велел стрельцам, придворным и холопам бить восставших, *«сечь и рубить без милости, имавши их, вешать...и в реках топить и в болотах»*. Началась беспощадная расправа. Было убито около тысячи человек. Ещё около 2 тысяч человек были схвачены и посажены в темницы. Однако волнения продолжились и перекинулись из Москвы в другие города. Опасаясь ещё более страшного бунта, царское правительство в начале 1663 года отменило медные деньги.

В силу вышеизложенных причин и обусловленного ими ослабления вооружённых сил России война с Речью Посполитой затянулась. В июне 1663 года в Нежине собралась *«Чёрная Рада»*, в которой, помимо меньшей части казачьей старшины, участвовало много *«черни»* – рядовых казаков, крестьян и мещан, гетманом был избран И.Брюховецкий. Произошёл раскол в днепровском казачестве. Все эти измены и расколы в среде днепровского казачества ослабляли и истощали его. Это помогало полякам добиваться своих целей. Захватив инициативу в войне с Россией в 1660 году, Речь Посполитая к 1664 году вновь овладела Северскими землями. Все эти годы царское пра-

вительство занималось решением внутренних проблем и изысканием средств для ведения войны. К 1664 году удалось изыскать эти средства и подготовить войско, которое возглавил боярин князь **Юрий Долгорукий**. Способствовало успеху российского войска также восстание, начатое днепровскими казаками на Левобережье.

В этом году российское войско начало теснить поляков в районе Глухова. Поляки потерпели поражение у Новгорода-Северского. В районе Витебска, осаждённого россиянами, поляки сделали вылазку и совместно с подошедшими подкреплениями разбили осаждавших. Однако большего добиться они не смогли, так как подошедшие из Москвы полки принудили поляков отойти к Могилёву. Крайнее взаимное истощение сторон заставило пойти на переговоры и подписание Андрусовского договора, которое состоялось 30 января 1667 года. По этому договору устанавливалось перемирие на 13,5 лет. Речь Посполитая возвращала России Смоленские, Северские, Черниговские земли и признавала переход Левобережья польско-литовской Украйны в подданство России. Обеспечивая права греко-византийской церкви, Москва также добилась, чтобы Киев на два года отошёл к России. Запорожская Сечь была объявлена под совместным управлением России и Речи Посполитой. Предусматривались совместные действия против Крыма. В случае нападения крымчаков на казаков оба государства обязывались оказывать последним помощь.

При нападении крымчаков на Речь Посполитую или Россию в отдельности ни та, ни другая сторона не должна была поддерживать Крым. Андрусовский договор осуществлял поворот польской шляхты от агрессивных устремлений на восток к союзу с Россией и общим действиям против Крыма и Турции. **В то же время этот договор явно показывал, что никакого воссоединения польско-литовской Украйны с Россией не произошло, так как Подолия, Полесье, Волынь, Киевщина и Брацлавщина, а это около 70% всей польско-литовской Украйны, по-прежнему оставались в составе Речи Посполитой. Поэтому решения Переяславской Рады не имели того значения, которое им придали, преследуя политические цели в более поздние времена.**

Церковный собор 1666 года и народные восстания последнего периода царствования А.Романова

В конце войны с Речью Посполитой царь А.Романов решил завершить церковную реформу и определить дальнейшую судьбу Никона. С 1660 года ждали прибытия вселенских патриархов для организации суда над ним. Однако патриархи не торопились ехать, большинство из них сочувствовали Никону по вполне понятным причинам. Никон для них был страдальцем за греко-византийскую церковь. Только в 1666 году прибыли два патриарха, а два других передали им

своё представительство. Состоялся суд, на который доставили Никона под стражей. Царь сам изложил его вину: *«Самовольно и без нашего царского величества повеления церковь оставил и патриаршества отрёкся»* и потребовал его наказания.

Присутствующие патриархи, исполнявшие к тому же представительство отсутствующих патриархов, поддержали российского царя. Собственно, по-другому и быть не могло, ибо они в значительной мере существовали на богатые подачки московских царей. Свергнутого Никона сослали в Ферапонтов монастырь, а затем в Кирилло-Белозёрскую обитель, где он и скончался в 1681 году. Но его дела и старания не были забыты ни царём, ни христианской церковью. Церковный собор 1666-67 годов проклял всех противников реформы и приговорил отдать их в руки *«грацких властей»*. Этот собор положил начало расколу церкви и общества. Сторонники Аввакума – ***старообрядцы*** и другие подвижники *«древлего благочестия»* – ***староверы*** объявлялись вне закона и стали подвергаться преследованиям.

В глазах угнетённого люда, среди которого их взгляды были популярны, они сразу же стали борцами против ненавистного греко-византийского ортодоксального христианства и государственного гнёта. Их поддержала и часть знати. Боярыня Ф.Морозова, воспетая художником В.Суриковым, её сестра княгиня Е.Урусова, князья Хованский, Мышецкий и другие. Ф.Морозову и Е.Урусову схватили и посадили в Боровскую земляную темницу, где они скончались от голода и пыток. По существу, **началась новая гражданская война**.

Народное недовольство и протест выражались в различных формах. Уклонение от повинностей, неподчинение властям, самосожжение и голодная смерть стали обычным явлением. От самосожжения в 37 гарях только за 20 лет с 1675 по 1695 года лишили себя жизни около 20 тысяч человек. Дошло дело и до восстаний. Восстание монахов Соловецкого монастыря было самым продолжительным. Оно началось в 1668 году и окончилось только в 1676 году. Много сил и времени пришлось потратить правительству царя А.Романова, чтобы подавить это восстание.

Одной из причин длительности этого восстания, без сомнения, была начавшаяся через некоторое время после церковного собора грандиозная казацко-крестьянская война под предводительством **Степана Разина**. К этой войне подталкивали все мероприятия, которые проводило правительство царя А.Романова в предыдущие годы. «Соборное уложение» 1649 года, жестокий сыск беглых, рост налогов, обесценивание денег, неурожаи и эпидемии разоряли основную массу крестьянского и посадского населения. Многие бежали в украинные местности и на Дон. Крайне нерегулярная выплата жалованья стрельцам также вызывала у них недовольство и даже озлобление.

В это время на Дону тоже шли сложные процессы структурной перестройки вольного казачества. К тому же донцам приходилось отбиваться от наседавших турок и крымчаков. Возможно, они бы вообще

искоренили донских казаков. Но тем на помощь пришли калмыки, которые под давлением кайсаков и джунгар преодолели Волгу и стали расселяться в Сальских степях. В феврале 1661 года тайша калмыков **Дайчин** прислал к казакам своего посла **Баатыршу Янгильдеева** для переговоров о том, чтобы казаки и калмыки друг на друга никаких нападений не делали и обоюдно помогали в борьбе с их общими врагами. Эти договорные условия были утверждены со стороны калмыцкого посла присягой.

В ходе переговоров калмыков с казаками выяснилось, что калмыки (ойраты) издавна состояли в союзе с московскими царями и воевали против славян-татар. Это лишний раз доказывает, что ойраты (джунгары) сыграли существенную роль в гибели Тартарии (Рассении). В этом же году калмыки в присутствии князя К.Черкасского и дьяка Горохова принесли присягу на верность российскому царю и вступили в подданство России. Приход калмыков облегчил борьбу казаков с ногаями и крымчаками.

С середины XVII века жизнь на Дону стала принимать всё более оседлый характер. Наряду с рыбным промыслом и звероловством казаки стали заниматься коневодством, скотоводством, овцеводством и даже земледелием. Это несмотря на то, что эти занятия, как отвлекающие казачество от ведения войны, само Донское войско не одобряло. В это же время на Дону, и в особенности в Черкасске, появился слой казаков, имевший впоследствии большое влияние на ход истории войска. Этот слой образовали домовитые казаки, разбогатевшие в ходе войны, либо от торговли и захватившие в свои руки лучшие пастбища для своих табунов, богатые рыбой тони, плодородные земельные участки и др.

Наряду с домовитыми казаками из среды казачества стали выделяться и лица, обладавшие хорошими способностями в ратном деле, которых Войсковой Круг выбирал в атаманы, есаулы и на другие войсковые должности. Как на тех, так и на других, выдвинувшихся из общей массы казачества лиц обратило своё внимание царское правительство. Оно всеми мерами, ласками и подкупом, старалось привлечь этих казаков на свою сторону. Опыт борьбы с вольным казачеством Центральной России не пропал даром. Эти ласки и подкупы имели успех и на Дону. Благодаря этой политике царского правительства во второй половине XVII века на Дону образовалась сильная партия сторонников Москвы. Это был слой домовитых казаков и старшин войска во главе с войсковым атаманом **К.Яковлевым**. Объединяли их с российским самодержавием не только ласки и подкупы, но и христианская церковь, которая, как мы уже выяснили выше, на Нижнем Дону имела глубокие корни.

После заключения в 1667 году *перемирия*, а в 1670 году мира с Крымом масса простых казаков-воинов, живших военной добычей, осталась без дела. В результате, образовался слой казаков-голытьбы, *голутвенных*, мечтавших о морских походах против турок и крымцев,

а также о набегах на Каспийское побережье и захватах персидских купеческих кораблей, чтобы добыть себе зипуны, драгоценности и чеканное оружие. Но атаман К.Яковлев, опираясь на преданных ему старшин и домовитых казаков, удерживал их на месте, не желая, в угоду царскому правительству, нарушать мир с турками и крымцами.

К этому времени область Войска Донского с севера, запада и востока была охвачена царскими владениями. Выход на Каспий преграждала ***Астрахань***, имевшая мощную крепость и достаточно большое количество ратных людей. В 1660 году турки перегородили цепями Дон у Азова. Прорваться на азовские и черноморские просторы стало почти невозможно. К тому же к концу 60-х годов XVII века на Дону скопилось большое число беглых. Голутвенные казаки и беглые начали голодать. Недовольство нарастало. Рост недовольства подхлестнули репрессивные меры царского правительства против староверов и старообрядцев, а также против казаков.

В 1665 году донские казаки, помимо постоянного противостояния с Крымом, выделили несколько полков против поляков под началом походного атамана **Ивана Разина**, старшего брата Степана Разина. Осенью 1665 года казаки по прежней традиции стали думать о возвращении на Дон и требовать, чтобы их отпустили. Князь Ю.Долгорукий казаков на Дон не отпустил. Тогда они попытались уйти самовольно. Главный воевода князь Долгорукий часть казаков вернул силой. После чего распорядился повесить походного атамана И.Разина. Его повесили на глазах казаков, что привело их в состояние недоумения и скрытого возмущения.

В душах же близких людей казнённого атамана поднялась буря негодования. В особенности эта казнь привела в бешенство Степана Разина, видевшего позорную смерть своего брата. Вернувшись на Дон, он стал собирать вокруг себя голутвенных казаков, недовольных войсковым атаманом. Но первую вспышку открытого недовольства возглавил **В.Ус**. В 1666 году около 700 донских казаков с Дона пришли к Туле. Василий Ус направил в Москву казачью станицу с челобитной, чтобы казаков приняли на государеву службу. Но царское правительство им в этом отказало, что толкнуло казаков на восстание. К ним примкнуло много крестьян и холопов, бежавших из Центральной России. Против восставших было направлено войско под началом князя **Ю.Барятинского**. Казаки повернули на Дон. С ними ушли многие крестьяне и холопы, готовые уже подняться на борьбу с угнетателями.

Степан Тимофеевич Разин был выходцем из домовитых казаков Верхнего Дона. В то же время он имел отношение к староверам, которых ещё было много тогда на Верхнем Дону. Староверы на Верхнем Дону обосновались после того, как стрельцы (славяне-татары) ушли туда от московского царя Василия III. До восстания С.Разин не раз бывал в Москве. В 1660-62 годах участвовал в переговорах с калмы-

ками. Дважды побывал в Соловецком монастыре. Его отличали пытливый ум, свободолюбие, смелость, сноровка, умение руководить людьми и вести переговоры.

Голландец **Стрейс**, видевший его в Астрахани, дал ему такую характеристику: *«Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; обладает способностью внушать страх и вместе любовь; что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно»*. Все эти качества создали ему авторитет. **И когда начались гонения против староверов и старообрядцев, народ поверил ему и пошёл за ним. Всё, что сложилось в московском государстве под влиянием греко-византийского культа за прошедшие 170 лет: закон, общество, церковь и порядки – им было отвергнуто и стало попираться самым решительным образом.**

В 1667 году, с окончанием войны с Речью Посполитой, на Дон хлынули новые ватаги беглых. Обстановка на Дону продолжала накаляться. Противоречия между домовитыми и голутвенными казаками усиливались. К С.Разину и его сподвижникам ранней весной 1667 года пришло несколько сот казаков, готовых к походу на Волгу и Каспий. У Переволоки на Волгу, у Паншинского городка, на островах (*«буграх»*) казаки организовали свой стан. Численность казачьей дружины составила около 600 человек. Одновременно с организацией стана казаки начали собирать оружие, лодки, продовольствие и другие припасы. В это время С.Разин обдумывает порядок своих действий, ведёт переписку с яицкими казаками, которые предлагали *«сесть в том городке»*, то есть превратить его в базу для организации походов.

В середине мая дружина С.Разина переволоклась с Дона на Волгу. Затем, захватив несколько больших стругов, начала нападать на караваны, принадлежавшие царскому правительству, патриарху и богатым купцам. «Начальных» людей казаки убивали, кандальников освобождали, товары и ценности забирали. Работные люди и стрельцы добровольно присоединялись к казакам: *«неволею де они никако с собою не емлют»*. Вскоре численность дружины возросла до 1,5 тысячи человек. После чего С.Разин двинулся с ней к Астрахани на 35 стругах. По пути к Чёрному Яру казаки разбили отряд стрельцов, пытавшихся преградить им путь. Захваченного воеводу высекли плетьми и отпустили. Затем одним из протоков казачья дружина прошла мимо Астрахани, вышла в море и поплыла к яицкому городку.

В Яицком городке казаки подчинялись царскому воеводе, с которым находились три сотни стрельцов, несших караульную службу. Яицким городком разинцы овладели, используя хитрость. С.Разин оставил дружину в укрытии, а сам с небольшим отрядом напросился войти в городок, якобы для совершения молитвы. Стрельцы их впустили. Оказавшись в городке, казаки овладели воротами, открыли их и впустили всю дружину. Все, оказавшие сопротивление, были переби-

ты. После захвата Яицкого городка в его дружине насчитывалось свыше 1600 человек. Зиму 1668 года разинцы провели в Яицком городке. Тем временем против казаков царское правительство направило 3-тысячную рать под началом дворянина **Я.Безобразова**. Но казаки нанесли ей поражение и заставили отойти к Астрахани. По весне, оставив в Яицком городке несколько сот человек, С.Разин разместил свыше тысячи казаков на 24 морских стругах и вышел в Каспийское море.

У Астрахани казаки разбили большую дружину дворянина **Г.Авксентьева**. Затем дружина С.Разина поплыла к Терскому городку, где он рассчитывал усилить свой отряд донскими казаками. Под Тарками к нему действительно присоединились 400 запорожцев с атаманом **Бобой** и 700 донцов с атаманом **С.Кривым**. Собралась целая казачья рать около 2,5 тысяч человек, которая на 40 стругах поплыла вдоль западного побережья Каспия в сторону Дербента, Баку и Решта. Из Дербента казаки отправили своих послов к персидскому шаху для переговоров о поселении их на реке Ленкуре. Эти переговоры были затеяны для притупления бдительности персов, чтобы обеспечить внезапность нападения на богатые персидские города: ***Решт, Фарабат*** и ***Астрабат***.

Зиму 1668-69 гг. казачья рать провела близ Фарабата, на косе, выдававшейся в море, где ими был построен деревянный городок с земляным валом. Здесь казаки обменивали пленных, захваченных на море и во владениях шамхала Дагестана. За трёх-четырёх русских пленников отдавали одного перса. Кроме освобождённых пленников, к казакам присоединяются *«иноземные скудные люди»*. Так казаки восполняли свои потери. Весной 1669 года казаки напали на Трухмянские улусы, которые находились на восточном берегу Каспия. Затем они направились к Баку и остановились на Свином острове. Из-за недостатка продовольствия, неблагоприятных климатических условий и плохой воды среди казаков началась дизентерия. Дело дошло до смертей. Болезнь ослабила казаков, чем персы и попытались воспользоваться. В июле 1669 года к Свиному острову приплыла флотилия из 50 судов, на борту которых находилось свыше 3,5 тысячи персов. Но казаки разбили их, захватив много пленных и богатую добычу.

Тем временем с Дона приходили вести, что голутвенное казачество (голытьба) объединяется вокруг атамана В.Уса и собирается сместить войскового атамана К.Яковлева. С.Разин принял решение возвратиться на Дон. В Астрахани казацкую рать С.Разина уже ждал воевода Прозоровский. У него находилась царская грамота о прощении казаков за *«воровство»*, если они сдадут пушки, пленных и выдадут стрельцов, перешедших на их сторону. С.Разин с казаками согласились отдать пушки и отпустить *«служилых астраханцев и иных низовых городов»*. Казаки сдали бунчук, знамёна и 21 пушку. Пленных С.Разин предложил воеводе выкупить, на что тот согласился. Но

ценности, струги и 20 пушек казаки отказались сдать. Они заявили: *«Те-де пушки надобны им на степи от Царицына до донского казачья Паншина городка, для проходу от крымских и от азовских и ото всяких воинских людей»*. Отказались казаки и от переписи: *«Переписки-де казаков на Дону и на Яике и нигде по их казачьим правам не повелось»*.

4 сентября 1669 года казачья рать С.Разина в сопровождении 50 стрельцов отплыла в сторону Царицына. Во время плаванья казаки освободили астраханских стрельцов-колодников, которых везли вверх по Волге, а в Царицыне выпустили колодников из темницы. На Дон Разин вернулся с большим триумфом. Голутвенные казаки стали называть его батькой. Домовитые казаки приняли активное участие в выкупе части добычи. Персидский поход поднял авторитет С.Разина. В его лице угнетённый народ увидел защитника против угнетателей: дворян, приказных людей, церковников и богатого купечества. Поход обеспечил казаков большими материальными средствами, которые позволяли начать войну с самодержавно-христианским режимом.

Прибыв на Дон, казаки расположились близ *Кагальницкого Городка* на острове, где был оборудован стан с земляным валом. К концу ноября С.Разин собрал уже около 2,7 тысяч казаков, среди которых добрую половину составляли крестьяне и холопы. В это же время обдумывали планы похода на Москву. Вначале хотели идти по кратчайшему направлению через Тамбов. Но затем был принят более надёжный вариант. Решили вначале овладеть Царицыном и Астраханью, а уже затем по Волге идти на Москву.

Весной 1670 года казаки С.Разина двинулись к Царицыну. Пешие плыли на 80 стругах, на которых были установлены пушки. Конные во главе с Разиным двигались берегом. У Паншина городка к С.Разину присоединился В.Ус. Численность образовавшегося войска составляла уже около 7 тысяч человек. Донских казаков среди них оказалось всего около 3 тысяч человек. То есть действительно боевого элемента было сравнительно мало. Поэтому восставшие могли добиваться побед только там, где им либо не оказывали сопротивления вообще, либо оказывали слабый отпор.

Стрелецкая дружина, засевшая в крепости Царицына, изготовилась к отражению приступа. Крепость имела стену, окружённую глубоким рвом, впереди которого были вертикально вкопаны в землю столбы, расположенные в несколько рядов с расчётом, чтобы нельзя было ни пролезть между ними, ни перебраться через них. На подступах к столбам были вкопаны толстые доски с вбитыми в них длинными гвоздями, присыпанными травой, листьями и ветками. К тому же по Волге к крепости плыла рать стрельцов, которых должны были поддержать *едисанские ногаи*, кочевавшие в 30 верстах от Царицына. Поэтому С.Разин решил вначале разгромить едисанских ногаев и предотвратить объединение сил противника. Его войско разделилось.

С конными казаками С.Разин двинулся против едисанских ногаев, а В.Ус с пешими казаками организовал приступ крепости.

Пока С.Разин громил едисанских ногаев, В.Ус блокировал город и овладел крепостью. Сопротивление оказала лишь небольшая часть стрельцов во главе с воеводой, засевшая в крепостной башне, которую казаки взяли приступом (штурмом). В июне к Царицыну приплыла рать московских стрельцов, воеводы которой ничего не знали об обстановке в Царицыне. Разинцы воспользовались этим и внезапно напали на стрельцов в 7 верстах выше Царицына, как со стругов, так и с берега. Стрельцы были ошеломлены, поэтому оказали лишь неорганизованное сопротивление. В результате, были разбиты, большинство из них погибло. В Царицыне С.Разин ввёл казацкое управление. Жители были организованы в десятки и сотни. Городские дела стал решать круг. Исполнительную власть осуществлял атаман **П.Шумливый**. Церковь тоже была отвергнута. Жизнь людей возвращалась к славянским и казачьим традициям. Праздники и свадьбы стали играть в дубовых рощах. **Везде, куда приходили разинцы, восстанавливались славянские и казачьи порядки.**

Из Царицына С.Разин стал рассылать грамоты, призывая народ выступать против воевод, дворян, приказных людей и церковников. Получив сообщение о движении из Астрахани целой рати стрельцов во главе с воеводой князем **Львовым**, Разин выступил ему навстречу. Пеших на стругах возглавил сам С.Разин. Конных повели атаманы В.Ус и П.Еремеев. Всего он имел около 9 тысяч человек пеших и конных. В столкновении под Чёрным Яром большинство стрельцов перешло на сторону разинцев, перебив своих *«начальных»* людей. Воеводу Львова спас С.Разин. Силы восставших возросли до 12 тысяч человек, которых Разин и повёл к Астрахани, значительная часть жителей и ратных людей которой сочувствовала восставшим. Астрахань имела более сильную крепость, чем Царицын. Она со всех сторон была окружена водой и имела около 400 орудий. Наиболее ответственные места воевода Прозоровский поручил оборонять иностранцам. Подступы с Волги охраняла флотилия стругов с флагманским кораблём «Орёл». Это был первый морской фрегат московского государства. Стрельцам воевода выдал жалованье, заняв деньги у митрополита и монастыря. Но все его усилия оказались напрасными.

В ночь на 22 июня 1670 года большая часть восставших имитировала приступ в районе Вознесенской башни, куда воевода Прозоровский направил все свои резервы. Тем временем меньшая часть восставших, в основном казаки, с помощью местных жителей перебралась через стену в другом месте и напала на оборонявшихся с тыла. Большая часть стрельцов сразу же перешла на сторону восставших и перебила своих начальников. Мощная крепость оказалась в руках восставших. В Астрахани также было введено казацкое управление. Атаманами города Астрахани стали В.Ус, **Шелудяк** и **Терский**. Это

была первая крупная ошибка С.Разина. Самые способные атаманы оставались в Астрахани, тогда как предстоял поход на Москву. Астраханскую казну С.Разин отправил на Дон под охраной своего брата **Фрола**. Это была его вторая крупная ошибка.

Всё нижнее течение Волги теперь оказалось в руках восставших, которые имели в своём распоряжении значительные силы и средства. Войско возросло до 15 тысяч человек. Вследствие чего изменился его состав. Более половины были стрельцами. Ещё около 4 тысяч человек были крестьяне и работные люди. Казаков насчитывалось около 3 тысяч человек. Благодаря захвату Астрахани тыл восставших был обеспечен, а база значительно расширилась. Теперь можно было начинать поход на Москву. Для похода на север С.Разин выделил около 10 тысяч человек. Это была его третья крупная ошибка, так как в Астрахани он оставил слишком много сил. 20 июля 1670 года около 8 тысяч пеших разинцев на 200 стругах из Астрахани двинулись вверх по Волге. Около 2 тысяч конных разинцев шли берегом.

В составе флотилии находились две баржи. Одна была обита красным бархатом. В ней, якобы, находился царевич **Алексей Алексеевич**, на самом деле умерший в 1669 году. Другая была обита чёрным бархатом. В ней, якобы, находился опальный Никон. **По всей вероятности, эти персонажи были нужны С.Разину для того, чтобы внести раскол в самодержавно-христианскую массу Центральной России. Здесь нужно сказать, что казаки были мастерами всяких мистификаций и самозванщины. Опыт смутного времени, видимо, решили использовать и на этот раз, чтобы одних ввести в заблуждение, а других настроить против власти.** В очередной раз агитационный порыв был направлен против «изменников»-бояр.

Чем выше поднималась флотилия по Волге, тем шире становилась база восстания. Крестьяне повсеместно восставали и создавали вооружённые отряды. Общая численность восставших на пике казацко-крестьянской войны достигала примерно 200 тысяч человек. Но эти силы были разрознены, плохо вооружены и не имели опытных руководителей. Поначалу, пока власть не организовалась, восставшим сопутствовал успех. С.Разин со своим войском легко овладел *Саратовом*, затем – *Самарой*. В этих городах ему никто не оказал сопротивления. В начале сентября разинцы подошли к *Симбирску*. Симбирск был центром одной из засек Окской оборонительной системы (*«Черты»*). Он имел сильную крепость и около 4 тыс. ратных людей. Возглавлял их родственник царя по жене князь И.Милославский.

31 августа к нему на помощь подошёл князь Ю.Баратинский с двумя полками рейтар и несколькими сотнями дворян. Разинцы подошли к городу 4 сентября. Как и в других местах, под Симбирском восстали крестьяне, холопы, посадские люди. Силы разинцев увеличились до 20 тысяч человек. Однако им теперь противостояло организованное и готовое сражаться царское войско численностью около 8 тысяч чело-

век. Царские воеводы решили дать сражение в поле и вывели свои полки из города. Против восставших они выставили около 7 тысяч человек. 5 сентября завязалось сражение. Царские ратники стойко отражали нападения восставших. В этот день ни тем, ни другим не удалось добиться победы. 6 сентября сражение продолжилось.

В этот раз донцы и запорожцы дружно ударили в стык полков Ю.Барятинского и И.Милославского и отделили их друг от друга. Барятинский со своими основательно потрёпанными полками отступил к Тетюшам, а Милославский отвёл своих ратников в острог. И здесь С.Разин допускает четвёртую крупную ошибку. Вместо того чтобы преследовать и добить рать Барятинского, а затем двинуться к Москве, он ввязался в осаду острога Симбирска. Восставшим удалось взять острог, но князь Милославский отвёл оставшихся ратников в Кремль, взять который разинцы так и не смогли. Весь сентябрь и начало октября Разин простоял под Симбирском.

Находясь под Симбирском, он к тому же ослаблял свои силы рассылкой дружин в другие местности, желая поднять как можно больше людей на восстание. Ещё из Саратова он отправил дружину атамана **Фёдорова** на ***Пензу***, ***Конобеево*** и ***Шацк***. Из Симбирска были отправлены две дружины. Дружина **Харитонова** – на ***Корсунь***, ***Саранск***, ***Темников***, а дружина **Осипова** – на ***Алатырь***, ***Васильсурск***, ***Мурашкино***. Ещё в Астрахани, отправляя брата Фрола с казной на Дон, он приказал ему собрать голутвенных казаков и с ними идти по кратчайшему пути на Москву. 27 сентября донские казаки под началом Ф.Разина осадили ***Коротояк***, но вынуждены были отступить под напором царских войск. Тем не менее их поддержали жители ***Острогожска***, ***Чугуева***, ***Змиева***, ***Изюма*** и других городов Украйны.

Расширение территории восстания сыграло бы свою положительную роль, если бы сам С.Разин не допускал крупных ошибок. Безуспешно осаждая симбирский кремль, С.Разин дал самодержавной власти время собрать силы. Три приступа царские ратники отбили. Попытки поджечь деревянный кремль успеха тоже не имели. 1 августа 1670 года последовал указ царя, предписавший собрать войско. В конце августа войско было собрано. В него вошли солдатские, рейтарские и другие полки нового строя, а также дворянское ополчение. Стрельцов в войско не включали. Главным воеводой был назначен князь Ю.Долгорукий. Царь лично провёл смотр 60-тысячного войска.

1 сентября войско выступило из Москвы к Арзамасу. Несмотря на превосходство в силах, главный воевода активности не проявлял. Его действия носили больше оборонительный характер. В это время под Казанью воевода Ю.Барятинский пополнил свои полки. Кроме того, к нему прибыло усиление – ещё один рейтарский полк, и 15 сентября он вновь двинулся к Симбирску. По пути он нанёс поражение двум крупным отрядам восставших, что укрепило боевой дух его рати.

1 октября полки князя Барятинского подошли к Симбирску и расположились в двух верстах от него на берегу Свияги.

С.Разин поднял казаков и часть стрельцов и напал на полки князя Ю.Барятинского. Завязалась ожесточённая сеча. Два раза казаки накатывались на рейтар, чтобы опрокинуть их, но вновь и вновь откатывались, неся большие потери. В ходе сечи погибли почти все запорожцы вместе с атаманом Бобой. С.Разин тоже был тяжело ранен. После чего казаки отступили, и полки князя Ю.Барятинского вошли в кремль. Один из своих полков он оставил за рекой Свиягой для связи с другими царскими полками и для имитации подхода свежих сил. Эта «хитрость» удалась. Донские казаки, полагая, что к противнику подошли свежие силы, погрузились на струги и с раненым С.Разиным отплыли к Царицыну. Таким образом, приступ, назначенный на 4 октября, не состоялся.

Оставшиеся у Симбирска восставшие 4 октября потерпели тяжёлое поражение. После того как стало известно о поражении восставших под Симбирском, войско главного воеводы князя Ю.Долгорукого перешло к активным действиям. Вначале оно взяло село ***Мурашкино***, укреплённое восставшими, затем – ***Лысково***. Потом воевода Долгорукий двинулся к Нижнему Новгороду, отрядив часть своего войска в направлении Темникова, где действовал большой отряд около 7 тысяч человек под началом крестьянки **Алёны**. Несмотря на то что её отряд объединился с отрядом атамана Сидорова, царские полки их одолели. Атаманша Алёна была схвачена, подвергнута пыткам и затем сожжена в срубе. 12 ноября воевода Ю.Барятинский разбил крупные силы восставших в Усть-Уранске.

Раненый С.Разин с остатками донцов ушёл на Дон и попытался собрать силы для нового похода. Однако времени для этого не оставалось. Царское войско широким фронтом приближалось к Дону. К тому же и в самом Донском войске сложилась крайне неблагоприятная обстановка. Домовитые казаки во главе с атаманом К.Яковлевым уже собрали силы для противодействия голутвенным казакам. Теперь перевес был на их стороне. Собрав круг, они решили не помогать С.Разину. 14 апреля 1671 года казаки Черкасска захватили и разрушили Кагальницкий Городок. Там же схватили Степана и Фрола Разиных. Оба они были доставлены в Москву и после жестоких пыток казнены 6 июня 1671 года. Во время казни С.Разин *«ни единым вздохом не обнаружил слабости духа»*.

Многие отряды восставших отошли к Астрахани. Что позволило атаманам В.Усу и Шелудяку в 1671 году повторить поход на север. Но эта попытка также окончилась неудачей. Восставшие вновь отошли к Астрахани и попытались её удержать. Но силы были слишком неравны. 27 ноября 1671 года Астрахань была взята царскими войсками. Но дольше всех держались монахи Соловецкого монастыря. Царские войска смогли его взять только в 1676 году. С гибелью С.Ра-

зина Донское войско вступило в новый период своей деятельности, определяемый указаниями из Москвы. 24 августа 1671 года из Москвы в Черкасск прибыли стрелецкий голова **Г.Касогов** и дьяк **А.Богданов**, которые привели Донское войско к присяге царю. Дав вынужденное клятвенное обещание с целованием креста этой *«страсти христовой»*, Донское войско окончательно попало в зависимость от царского правительства.

Сибирь периода правления царя А.Романова

Пока царское правительство на западе бездарно вело войны с Речью Посполитой и Швецией, а также беспощадно подавляло восстание собственного народа, в Сибири дела шли почти в отрыве от этих событий. Сибиряки продвигались на восток по двум направлениям. Первое направление в сторону Чукотки и Камчатки, второе в сторону Амура. В 1646 году **И.Игнатьев** плавал на восток от реки Колымы, но встретил льды. Пробираясь между берегом и льдами, он дошёл до Чаунского залива, где вступил в торговые отношения с чукчами, затем вернулся на Колыму. В июле 1647 года казак **С.Дежнёв** вместе с холмогорцем **Ф.Алексеевым** на четырёх кочах (судах) пытались из устья Колымы по морю доплыть до устья реки Анадырь, но льды заставили их возвратиться.

Однако С.Дежнёв на этом не успокоился. 20 июня 1648 года С.Дежнёв, с 210 промышленниками на 7 кочах (судах) из устья реки Колымы двинулся на восток. Во время плавания по морю четыре кочи вместе с людьми пропали без вести. Три оставшиеся под началом С.Дежнёва, **Г.Анкудинова** и Ф.Алексеева обогнули мыс Шелагский, который назвали *Святым носом*. Здесь разбилась коча Г.Анкудинова. Спасшиеся промышленники пересели в кочи к С.Дежнёву и Ф.Алексееву. 20 сентября, когда они пристали к берегу, им пришлось вступить в бой с чукчами. Затем они обогнули Чукотский мыс, который является оконечностью Азии. Здесь во время шторма разбилась коча Ф.Алексеева. Коча С.Дежнёва была выброшена на берег за устьем реки Анадырь в губе Олюторской.

В этом же году казак **С.Шелковник** на реке Охте поставил зимовье, на месте которого в 1649 году был построен *Косой острожек*, ставший позднее городом ***Охотском***. В этом же году С.Дежнёв и его товарищи добрались до реки Анадырь, где встретились с другими российскими промысловиками. В 1650 году казак *Мотора* сухим путём прошёл от реки Анюя до устья реки Анадырь. В 1652 году была организована экспедиция во главе с **И.Ребровым** для отыскания северного материка. Сохранившиеся сведения о Даарии, видимо, тогда волновали людей не меньше, чем сейчас. Эта экспедиция, выйдя в море из устья реки Лены, бесследно исчезла. В 1655 году на Чукотке

гиляки перебили отряд из 30 казаков под началом **Логинова**. Но на Чукотку прибывали всё новые и новые партии промысловиков, поэтому сопротивление гиляков и чукчей было сломлено, и она вошла в состав России.

Не менее успешно продвигались россияне и в сторону Амура. В 1649 году казацкий атаман **Е.Хабаров**, возглавив сотню промысловиков, отправился из Якутска по рекам *Лене*, Олекме, Тунгиру и Урку к Амуру. Ему удалось достичь этой великой реки. Там он построил ладейную флотилию и начал завоевание окрестных мест. В ходе завоевания казаками были разрушены все даурские городки. За два года он отвоевал почти всю реку Амур. В 1651 году им был основан *острог Албазин*. Название острогу было дано по имени даурского князя **Албазы**, владевшего ранее этими местами. Этот острог стал центром столкновений с манчжурами и китайцами. Эти столкновения продолжались почти 40 лет.

Весной 1652 года манчжуры напали на *Ачанский Городок*, находившийся за устьем реки Сунгари, где зимовал Е.Хабаров. Но их нападение было отбито. В 1653 году Е.Хабаров был вызван в Москву, где над ним был устроен суд за самовольный уход на Амур. Суд признал его невиновным. Более того, за присоединение земель по Амуру его пожаловали в сыны боярские и назначили государевым приказчиком над поселениями по реке *Лене*. Его место на Амуре занял О.Степанов. Узнав о присоединении Даурии к России, жители Илимского острога самовольно туда ушли.

По распоряжению енисейского воеводы **А.Пашкова**, казачьим сотником **Бекетовым** в 1654 году на левом берегу речки Нерчи основан *Нерчинский острог*. В это же время шло интенсивное переселение россиян на берега рек Амура и Зеи, а также укрепление Албазина. В 1655 году казаки под началом **О.Степанова** выдержали осаду манчжурского войска в выстроенном в 1654 году *Комарницком остроге*. Тогда манчжурское правительство Китая велело всем жителям Приамурья оставить этот край и уйти за реки Сунгари и Наун. Российские промысловики, прибывавшие сюда в большом числе с Лены под влиянием рассказов Е.Хабарова, оказались лишёнными средств для существования. Тогда они разделились на отряды и разошлись в разные стороны, но вскоре все были перебиты манчжурами и китайцами.

В 1658 году погиб и сам О.Степанов. С этого времени Амур на несколько лет оказался потерянным для России. В 1665 году сотня беглых преступников под предводительством **Н.Черниговского** восстановила *Албазинский острог*. За это они были прощены, после чего занялись у острога земледелием. В 1666 году основан *Селенгинский острог*. В 1667 году князь киданьского племени **Гантимур** со всем своим племенем переселился из Китая на реку Амур и был принят в российское подданство. Китай долго требовал его возвращения, но кидани отказались возвращаться обратно.

Присоединение новых территорий на востоке сопровождалось закреплением территорий Центральной и Западной Сибири и расширением связей с восточными странами и народами. В 1646 году томский воевода **Б.Зубов** направил казачий отряд на Алтай против телесов, которые после смерти князя **Мандрака** прекратили платить дань. Телесы в нескольких столкновениях были разбиты. Многие из них попали в плен. Потомок Кучума **Девлет-Гирей** продолжил свои нападения на российские поселения в Тарском и Тюменском уездах. В 1647 году казачий атаман **В.Колесников** заложил Ангарский острог.

В этом же году боярский сын **И.Похабов**, собрав ясак с бурят, кочевавших по реке Иркуту, перешёл Байкал по льду и вышел на южный берег. Там он установил дружеские отношения с монгольским князьком **Турукаем**. Благодаря его помощи И.Похабов даже достиг ***Урги***, столицы Монголии, и встретился с её правителем **Сецен-ханом**. Это смелое предприятие И.Похабова способствовало отправке послов Сецен-хана в Москву. В том же году отправлено посольство к джунгарскому тайше **Ердени-Батуру**.

В 1648 году боярским сыном **И.Галкиным** основан *Баргузинский острог*, а также положено начало городу ***Нижнеудинску***. В этом же году верхоленские буряты подняли восстание и осадили острог. На помощь осаждённым в *Верхоленском остроге* приплыли из Илимска около 200 вооружённых промысловиков под началом **В.Нефедьева**. Они разгромили бурят и двинулись вслед за ними на Ангару. Томский воевода уведомил Посольский приказ о прибытии в Томск монгольского посла с жалобой. Жалоба была вызвана тем, что посылаемые от Алтын-хана послы не только задерживаются в России, но и отправляются в ссылку, так как не желают исполнять требования царских стольников.

В 1649 году буряты перебили казаков Удинского острога и в большом числе собрались на берегах реки Ии, чтобы дать россиянам отпор, если они попытаются на них напасть. Однако на бурят вначале напали не россияне, а монголы. Борьба с бурятами затянулась. В этом же 1649 году пришло второе послание из Китая. В 1650 году калмыки вновь перекочевали с Волги в Сибирь. Большой падёж скота вызвал среди них голод. В 1651 году буряты, не имея возможности противостоять россиянам, двинулись на юг по реке Ангаре. Потомок Кучума **Абугай**, объединившись с калмыками, грабил Барабу, а теленгуты нападали на окрестности Кузнецка.

В 1652 году казачьим старшиной боярским сыном И.Похабовым в верховьях Ангары основано Иркутское зимовье на Дьячем острове, позднее ставшее городом Иркутском. В этом же году россиянам удалось рассеять бурятские дружины и подчинить их России. В 1653 году боярским сыном **Д.Фирсовым** основан *Балаганский острог* в месте, богатом железной рудой и плодородной почвой. Вскоре туда было переселено 60 семей крестьян.

В 1654 году состоялось первое российское посольство в Китай. 2 февраля было предписано боярскому сыну **Ф.Байкову** отбыть в Китай, в город ***Ханбалык*** (так тогда называли ***Пекин***), с грамотой царя А.Романова к китайскому богдохану **Шунь-чжи**. Российский посол, кроме грамоты, привёз в Китай подарки. Однако это посольство оказалось неудачным, так как у Байкова возникли споры с мандаринами по поводу церемониала, принятого при китайском дворе. Ф.Байкова выпроводили из Пекина. В 1655 году сын Ердени-Батура Джунгарского **Сенге** пытался подчинить себе теленгутов.

В 1656 году в Сибирь был сослан Аввакум. Но царь вскоре вернул его назад, так как положение и влияние христианской церкви в Сибири было тогда неустойчивым и слабым. Ослаблять его ещё и усилением влияния старообрядцев было крайне нежелательно для царской власти. В 1657 году в Сибири запрещается пользоваться медными деньгами, обесцениванием которых особенно пользовались иноземные (бухарские) купцы. В 1658 году буряты вновь восстали вследствие притеснений балаганского воеводы И.Похабова.

Буряты перебили собиравших ясак казаков и ушли в монгольские владения. В Китай из Тары были отправлены гонцы боярский сын **И.Перфильев** и бухарец **С.Аблин** с торговым наказом и подарками от российского царя. В ответном послании богдохана царю А.Романову наряду с прочим было написано: *«дань, которая от тебя послана, мы приняли и против того посылаем к тебе от нас жалованье и милость»*. Этот ответ ясно показывал, что в лице китайской стороны самодержавно-христианский миссианизм и патернализм столкнулся с китайским миссианизмом и патернализмом.

В 1659 году сменивший И.Похабова дворянин **Тургенев** за всеобщий бунт бурят, отправил И.Похабова под стражей в ***Енисейск***. Однако И.Похабов от стражи сбежал, добрался до Илимска и вновь вошёл в доверие к воеводам. Потомок Кучума Абугай с торгоутами вновь грабил Барабу. В 1660 году в Тобольске сформирован солдатский полк в тысячу человек. В этом же году был сослан в Сибирь старообрядец **Иосиф Истомин**, который во время поездки в ссылку в Енисейск приобщил многих христиан к старообрядчеству. Власть оказалась в данном случае менее дальновидной, чем в случае с Аввакумом.

В 1661 году по решению енисейского воеводы **Ржевского** Иркутское зимовье перенесено на правый берег реки Ангары и сделано острогом. На Байкале буряты захватили и убили российского посла Заболоцкого. В Сибирь был сослан серб Юрий Крыжанич. В 1662 году для усмирения бунта башкир был отправлен солдатский полк из Тобольска. В 1663 году основана слобода *Царёво Городище*, ставшее позднее городом ***Курганом***. Название дано в честь кургана, который находится в черте города. На этом кургане до прихода Кучума находился воинский стан князей Сибирского татарского княжества. Поэтому этот курган называли *Царёв Курган*.

Джунгарский тайша Сенге сообщает томскому воеводе о подчинении теленгутов Джунгарии. В этом же 1663 году вышел указ о ссылке в Сибирь навечно фальшивомонетчиков вместе с семьями. В 1664 году в подданство России принят монгольский хан **Лоузан**, сын Алтын-хана. Ему позволено было называться монгольским царём. В 1665 году киргизы вновь грабят окрестности Кузнецка, требуя выдачи своих князей. В 1668 году состоялась вторая посылка в Пекин тобольского бухарца С.Аблина с разведывательной и торговой целью.

В 1669 году в Иркутске построена крепость, состоящая из двух укреплений: внутреннего и внешнего. Внутреннее укрепление называлось *Кремлём* и имело четыре башни и стены. Внешнее укрепление называлось *Палисад*, имело вал и деревянную стену. Город ***Тара*** из-за наводнения перенесён на возвышенное место в 30 верстах от прежнего. В 1670 году из Нерчинска в Китай посольство было отправлено, состоящее из шести человек, во главе с боярским сыном **И.Милованов**ым. Оно отвезло в Пекин царскую грамоту с ответными претензиями на старшинство и покровительство. Но это послание царя А.Романова осталось без ответа. На левом берегу реки Ишим основана деревня Коркино, ставшая позднее городом Ишимом.

В 1675 году в Пекин отправлен послом переводчик Посольского приказа **Н.Спафарий**. В ***Цицикаре*** он имел спор с мандаринами о церемониале и добился некоторых уступок. Но договор с Китаем ему заключить не удалось, несмотря на согласие, чтобы инородцы по Амуру и Зее подчинялись Китаю. Причина неудачи состояла в том, что Россия отказалась выдать Китаю князя кидапей Гантимура. Н.Спафарий пробыл в Китае до 1678 года и составил подробное описание Китайского государства на русском языке, а также пути от Тобольска до границы с Китаем. В том же году был отправлен в Индию посол **М.Касимов**.

Как видим, закрепление Сибири за Россией и продвижение на восток происходило во многом по инициативе самих сибиряков. В Сибирь приглашались, как правило, начальные и приказные люди, да незначительное число переселенцев. Какой-либо серьёзной помощи воинскими силами не было. Даже наоборот, сформированный в Тобольске солдатский полк был отправлен для подавления бунта башкир. Царское правительство на востоке желало присоединения новых народов и новых стран для сбора дани, пополнения казны и усиления своей власти. Всё остальное её почти не интересовало.

В последние четыре года своего правления царь А.Романов усиленно занимался искоренением ереси и реформой вооружённой силы. При расследовании причин восстаний и церковного раскола выяснилось, что старообрядцы, и особенно староверы, защищая свои взгляды, опирались не только на церковные книги, но и на родовые книги, сохранившиеся тогда ещё в среде россиян, особенно в Поморье, Сибири и на Верхнем Дону. Именно в них было сосредоточено то зна-

ние, которое противоречило греко-византийским писаниям. Чтобы окончательно искоренить эту ересь, царь А.Романов распорядился собрать и сжечь церковные книги старообрядцев и родовые книги славян. Всё это осуществлялось уже в 1676 году, в царствование Ф.Романова.

Войны с Речью Посполитой и Швецией, а также восстание С.Разина показали, что вооружённая сила России не годится для ведения серьёзной войны. Царь А.Романов понял это и начал реформу вооружённой силы, делая ставку на иноземцев, полки нового строя и новое оружие. Стрельцы окончательно превращались в сторожевой компонент войска, исполняющий охранные функции. В конце жизни царя А.Романова Москву наводнили иноземцы, быстро занявшие важные посты при дворе. По существу, страна окончательно была развёрнута на запад. Там теперь царская власть искала опору во всём. Но на проведение реформ нужно было время, а его катастрофически не хватало. Своему сыну Фёдору он оставил страну ослабленной, едва способной противостоять внешней агрессии, которая не заставила себя долго ждать.

Правление царя Фёдора Романова

Родился **Фёдор Романов** 30 мая 1661 года. Царём он стал, не достигнув 15-летнего возраста, 29 января 1676 года. Так как он был сыном **М.Милославской**, с его воцарением к власти вновь пришли Милославские и их сторонники. Нарышкины, родственники второй жены царя А.Романова, были лишены этой власти. Учителем и воспитателем царевича Ф.Романова был знаменитый богослов литвин Симеон Полоцкий. Помимо грамоты и греко-византийского канона, он обучил царевича латинскому и польскому языкам. При таком образовании и воспитании царь Ф.Романов был абсолютно не подготовлен к государственному управлению. К тому же он был слишком молодым и слабым здоровьем.

В этих условиях управление страной быстро сосредоточилось в руках бояр князей Милославских, Г.Ромодановского и Ю.Долгорукого. Царскому правительству уже в 1676 году пришлось столкнуться с агрессивными устремлениями турок в отношении России. Поход турецкого войска против России был обусловлен шаткостью положения, сложившегося на бывшей польско-литовской Украйне после Андрусовского мира. Там у власти оказались два гетмана. П.Дорошенко захватил власть на правом берегу Днепра. Он отстаивал идею самостийной Украйны, то есть идею создания самостоятельного государства, независимого ни от Польши, ни от России.

Гетман И.Брюховецкий, возглавлявший запорожских казаков, захватил власть на левом берегу Днепра. Поначалу он демонстрировал верность России, но только до тех пор, пока ему не удалось захватить власть. Став гетманом на левом берегу Днепра, он вступил в открытую борьбу со сторонниками Москвы полковниками **Само** и **Золотаренко**. К этому его подталкивали запорожцы, которые не желали находиться под совместным управлением России и Польши. Они хотели быть самостоятельными, как прежде. В борьбе со сторонниками Москвы Брюховецкий как раз и опёрся на запорожцев. В 1663 году полковники Само и Золотаренко были казнены. Вместе с ними лишились голов и другие представители казацкой старшины.

Отношения гетмана И.Брюховецкого с Москвой резко осложнились. Понимая, что ему не удастся долго продержаться, он вступил в переговоры с турецким султаном и даже добился от него помощи. Её Брюховецкому должен был оказать крымский хан. Но этой помощью ему воспользоваться не удалось. Сторонники полковников Само, Золотаренко и единения с Россией объединились, восстали и убили И.Брюховецкого в 1668 году. После его устранения гетманом на левом берегу Днепра стал **Демьян Многогрешный**. Он был сторонником Москвы и находился у власти с 1668 до 1672 года. Во время восстания С.Разина запорожцы, хотя и в малом числе, поддерживали восставших. Царское правительство обвинило Д.Многогрешного в пособничестве восставшим и отправило его в ссылку в Сибирь.

Новым гетманом на левом берегу Днепра стал **И.Самойлович**. Тем временем, пока в среде левобережного казачества развивались драматические и трагические события, П.Дорошенко настойчиво добивался своей идеи создания независимого государства. Пользуясь тем, что Россия была занята своими внутренними проблемами, Дорошенко решил избавиться от угрозы со стороны Польши. Он полагал, что, пойдя на вассальную зависимость от Турции, он сможет добиться самостоятельности, вполне сопоставимой с самостоятельностью Крыма. Поэтому он активно подталкивал Турцию к войне с Польшей. Эта война разразилась в 1672 году. В результате, Польша потерпела тяжёлое поражение и вынуждена была уступить Турции Подолию. Положение П.Дорошенко на правом берегу Днепра упрочилось, и он, как полноправный гетман, оказался в Чигирине.

Однако Турция не могла всё время держать в Подолии большое войско. Как только главные силы турок ушли, царское правительство, по предложению князя В.Голицына, бывшего советником у гетмана И.Самойловича, в 1676 году двинуло на правый берег Днепра своё войско вместе с казаками Самойловича. П.Дорошенко, не имея сил для сопротивления большому российскому войску, сдался и был прощён, но свергнут с гетманского поста. Гетманом левого берега и части правого берега Днепра стал ставленник Москвы И.Самойлович.

Но так как российско-казацкое войско заняло незначительную часть левобережья Днепра, то большая часть Киевщины, Брацлавщины и Подолья остались у Турции. Там турки поставили гетманом **Ю.Хмельницкого**. Последний не мечтал об объединении бывшей польско-литовской Украйны под эгидой Турции. Его по большей части интересовали стяжательские дела. Для пополнения своей казны он даже ввёл налог на свадьбы. Не получив с одного бракосочетания назначенную им мзду, Хмельницкий напал со своими охранниками на дом родителей невесты и погубил её мать. Муж погибшей был богатым купцом и находился в то время в Стамбуле. Узнав о случившемся, он обратился к визирю с жалобой. Дело было расследовано, Ю.Хмельницкого схватили, судили и в 1681 году по приговору суда утопили.

Однако турки не смирились с потерей Чигирина. В 1677 году они собрали и двинули к нему большое войско. 3 августа 1677 года турецко-крымское войско **Ибрахим-паши** численностью около 80 тысяч турок и 40 тысяч крымчаков с 60 орудиями осадило Чигирин. В нём находилось около 4 тысяч российских ратников и днепровских казаков. Турки организовали несколько приступов (штурмов), которые были отбиты с большими потерями для осаждающих. Тем временем собралось российско-казацкое войско под началом князя Г.Ромоданского и гетмана И.Самойловича численностью около 60 тыс. человек. 27 августа 1677 года российско-казацкое войско переправилось на правый берег Днепра. Навстречу ему Ибрахим-паша двинул крымчаков, усиленных янычарами, всего около 50 тысяч человек. В сражении под Бужином российско-казацкое войско разбило крымчаков с янычарами и заставило Ибрахим-пашу снять осаду Чигирина.

Но турецкий султан на этом не успокоился. На следующий год он собрал и направил к Чигирину войско численностью около 120 тысяч турок и 30 тысяч крымцев со 180 орудиями под началом своего визиря **Кара-Мустафы**. Это огромное войско подошло к Чигирину 9 июля 1678 года и начало осаду. В Чигирине находилось около 12 тысяч российских ратников и днепровских казаков с 60 орудиями под началом воеводы И.Ржевского. Кроме этого, в районе Бужина собиралось российско-казацкое войско князя Г.Ромодановского и гетмана И.Самойловича. Его численность на этот раз составляла около 80 тысяч человек. Командовавший турецким войском визирь Кара-Мустафа большую его часть, около 60 тысяч турок и 30 тысяч крымцев, направил к Бужину. Оставшиеся около 60 тысяч турок со всей осадной артиллерией приступили к осаде Чигирина.

Возведя валы и установив осадные орудия, турки приступили к систематическому обстрелу укреплений Чигирина. В это время главные силы визиря Кара-Мустафы, с середины июля и до конца августа, пытались разбить у Бужина российско-казацкое войско. Но успеха им добиться не удалось. В начале августа российско-казацкое вой-

ско оттеснило турок и крымцев за реку Тясмин и выдвинулось на ближние подступы к Чигирину. Однако чигиринцы не выдержали месячного систематического обстрела и беспрерывных приступов янычар. В ночь на 12 августа они оставили Чигирин и пробились на соединение с российско-казацким войском.

19 августа 1678 года завязалось решающее сражение. Турки и крымчаки попытались наступлением всех своих сил сломить сопротивление российско-казацкого войска. Но их наступление было отбито с большими потерями. Затем российско-казацкое войско само перешло в наступление, и турки с крымцами потерпели новое поражение. Здесь впервые российское войско применило большое каре в полевом сражении, а полки нового строя малое каре, и вместо громоздких щитов, гуляй-города стали широко применять рогатки для противодействия налётам конницы. Турки вынуждены были отступить к Бугу и вступить в переговоры о заключении мира.

Чигиринские походы показали потенциальные возможности России, которая при наличии нормального управления могла очень быстро стать сильнейшей державой. Нужно было только правильно организовать внешнюю и военную политику государства. Они показали также, что полки нового строя воевали лучше, чем стрелецкие. Хуже всех воевало дворянское поместное ополчение. Необходимость реформирования вооружённой силы вновь напомнило о себе с очевидной неизбежностью. Однако для того чтобы эту реформу осуществить, нужны были деньги и более эффективное государственное управление. С этой целью в 1678-79 гг. было проведено общее описание (учёт) всех земель и дворов. После чего в 1679-81 гг. была проведена налоговая реформа.

Параллельно с ними была организована административная реформа. В России до этой реформы существовало несколько десятков приказов. Очень часто они дублировали друг друга, резко снижая эффективность управления. Начальников наплодилось много, а работать было некому. Поэтому первым шагом административной реформы было объединение родственных приказов. Этим достигалось некоторое сокращение количества приказных людей и улучшалась эффективность управления. Дела по управлению уездами и городами, а также все казённые сборы с 1679 года сосредотачивались в руках воевод.

Для реформирования вооружённой силы была создана особая комиссия во главе с боярином князем В.Голицыным, которая в 1680 году подготовила и приступила к осуществлению преобразований в области военного управления и организации вооружённых сил. Князь **Василий Васильевич Голицын** родился в 1643 году. Происходил он из литовского рода Гедиминовичей. В юности князь получил хорошее по тогдашним меркам образование. Он изучал богословие, историю, философию, астрономию и медицину, читал

и мог говорить на греческом, латинском, польском и немецком языках. За свою жизнь собрал большую библиотеку.

В 1658 году начинается его служба при дворе в стольниках московского царя. Полученное образование и увиденное при дворе невежество, сделали его сторонником преобразований и расширения контактов с иноземцами. После избрания гетманом И.Самойловича начинается возвышение В.Голицына. Его царь назначает к гетману советником. Главная задача, которую они решают совместно, это смещение П.Дорошенко, сторонника самостийной Украины и вассала Турции. В 1672-76 гг. эту проблему удаётся решить. С уходом большей части турок за Буг российско-казацкое войско занимает Чигирин.

За успешную деятельность по смещению П.Дорошенко князя В.Голицына царь возводит в ранг боярина. Во время чигиринских походов 1677-78 годов он возглавляет *воеводский полк* (*корпус* – по современному значению) в войске князя Г.Ромодановского. По возвращению из второго чигиринского похода князь В.Голицын возглавил Владимирский судный приказ. Он вновь при дворе и входит в узкий круг лиц, которым доверяет царь, что позволяет ему активно включиться в подготовку реформ. В это же время он устанавливает близкие отношения с царевной Софьей, которая имела большое влияние на своего брата царя Ф.Романова.

С её помощью В.Голицыну удаётся убедить царя и его окружение в необходимости проведения реформ, прежде всего, в управлении государством и вооружённых силах. К этому времени вооружённые силы России в XVII веке пережили два периода реформирования. Первый, кратковременный период начала 30-х годов XVII века. Этот период зарождения элементов новой военной организации, появление в российском войске полков иноземного строя. Второй период – это период середины XVII века. С этого времени начался процесс постепенно перехода на новую военную организацию, главным содержанием которого был отказ от отечественной военной организации и переход на иноземную военную организацию. **Не умея организовать развитие отечественной военной машины, самодержавие окончательно взяло для себя за образец иноземную военную организацию.** В 1647 году был издан военный устав ***«Учение и хитрость ратного строю пехотных людей»***, полностью копировавший таковые в Европе.

На уровне высшего военного управления был осуществлён отказ от разделения войска на полки: *большой, правой руки, левой руки, сторожевой* и *запасной* (засадный). В старой военной организации полки были элементами боевого порядка войска при организации похода и сражения, а поэтому они не были самостоятельными боевыми единицами. К последней четверти XVII века им на смену пришли воеводские полки, которые уже стали вполне самостоятельными единицами войска. Каждый воеводский полк формировался на базе разря-

дов, на которые была поделена часть страны: Московский, Северский, Владимирский, Новгородский, Казанский, Смоленский, Рязанский, Белгородский, Тамбовский.

В каждом разряде формировалось по два воеводских полка и два отдельных отряда. В каждом воеводском полку было от 4 до 6 солдатских, рейтарских и стрелецких полков. Была составлена *«Роспись перечневая ратным людем, которые в 1680 году росписаны в полки по разрядам»*. В девяти вышеперечисленных разрядах состояло 164 600 служилых людей. То есть был окончательно осуществлён переход на военно-разрядную территориальную систему. Разряд – это не округ в современном понимании слова. Разряд определял лишь отношение служилых людей к той или иной территории, на которой формировались воеводские полки. По данной росписи основную массу войска составляли: солдаты свыше 61 тысячи человек; копейщики и рейтары свыше 30 тысяч человек; московские стрельцы чуть более 20 тысяч человек. Сюда не входили государев полк численностью 7 тысяч человек и 50 тысяч черкас гетманского войска.

Старые и новые строевые полки имели не только разную организацию, разную систему обучения и разную тактику, но и разную систему воинских чинов. Для устранения этого многообразия в 1680 году был издан указ, повелевающий *«быть из голов в полковниках, из сотников в капитанах ...и впредь прежними чинами не именовать»*. С целью устранения всех остальных различий 12 ноября 1680 года был издан указ, по которому стрельцы (кроме московских и казанских), городовые казаки и дети боярские переписывались в солдатскую службу и расписывались по полкам. Этим указом начиналось упразднение стрельцов и дворянского поместного войска. В 1682 году специальное совещание приняло решение об упразднении местничества и окончательной отмене сотенно-полковой организации. Ротно-полковая организация теперь стала представлять собой единую и всеобщую организацию войска.

Сущность военной реформы 1680-82 гг. заключалась в повышении эффективности управления вооружёнными силами, создании единой организационной структуры войска. Фактически эта реформа завершила начатый в середине XVII века период перехода от старой отечественной военной организации на новую иноземную организацию. Но в это время вооружённые силы России ещё не становятся ни постоянными, ни *профессиональными* (регулярными). Воеводские и строевые полки собирались по мере необходимости для отражения крымчаков или для совершения походов. В результате, их обучение происходило эпизодически, что, конечно же, не способствовало росту их боевого мастерства. В области оборонительного строительства был сделан новый шаг. Для продвижения на юг начала интенсивно строиться Изюмская «Черта».

В этот же период царское правительство занимается внешнеполитическими делами. Ведутся активные переговоры с Турцией, Кры-

мом, Польшей и Швецией. 13 января 1681 года в Бахчисарае был заключён мирный договор с Турцией и Крымом на 20 лет. Турция и Крым признали переход к России территорий, расположенных восточнее Днепра. Западнее Днепра к России отходил только Киев. Граница устанавливалась по Днепру. Киевщина, Брацлавщина, Подолия оставались под властью султана и вассального ему гетмана. Волынь и Полесье по-прежнему принадлежали Польше. Между Бугом и Днепром, в нейтральной зоне, стороны не имели права строить и восстанавливать укрепления, заселять эти земли и принимать перебежчиков. Крымцам разрешалось кочевать, охотиться в степных просторах по обе стороны Днепра, а запорожцам и россиянам заниматься рыбной ловлей, охотой, добычей соли по Днепру и его притокам. Из этого договора ясно видно, что польско-литовская Украйна была разделена между Россией, Польшей и Турцией. К России отошло только то, что ей удалось отвоевать у Польши и Турции. Поэтому ни о каком воссоединении Украины с Россией говорить не приходится. Тем более, что Польша продолжала оспаривать принадлежность Киева. Со Швецией удалось продлить *Кардисский мир*, заключённый в 1661 году.

Сибирь в период царствования Ф.Романова продолжала жить почти так же, как и прежде. Однако влияние Москвы на её дела усилилось. В 1676 году ***Енисейск*** стал областным городом. Из него стало осуществляться управление всеми территориями по Ангаре и Забайкалью, включая Перчинск. В 1677 году взбунтовались тунгусы, не вытерпевшие притеснений сборщика ясака **Ю.Крыжановского.** Они собрали около тысячи человек, перебили казаков, собиравших ясак, и осадили Охотск. Но потом отступили. Следствие вскрыло, что, кроме мздоимства, сборщик брал у инородцев жён и детей для совершения блуда. За это он вместе с приказным человеком Ярышкиным был нещадно бит кнутом и отправлен в даурские остроги.

20 мая в Тобольске случился пожар. От удара молнии сгорели 8 церквей, архиерейский дом, приказы, гостиный двор, торговые ряды и 150 других домов. В 1678 году царь Ф.Романов рассмотрел жалобу сибиряков на тобольского митрополита. Он повелел всех крестьян и бобылей, которые оказались у митрополита сверх пожалованных, отправить в Томск и наделить землёй. Вместе с тем запретил монастырям продавать и уступать поместья по вкладам без указа на то государя.

Галдан-Бокошту овладел Кашкаром и установил свою власть в Джунгарии, направив своё посольство в Москву. Укрепившись в Джунгарии, он подчинил себе киргизов и теленгутов. В 1679 году последовал царский указ, предписывавший преступников, вместо отсечения рук и ног, ссылать в Сибирь. Под влиянием старообрядцев по Сибири покатилась волна самосожжений. Царское правительство в качестве одной из мер преодоления раскола стало собирать штрафы по 5 копеек с человека за то, что он не приходил на исповедь. Это только усилило противодействие старообрядцев, и самосожжения

участились. В 1680 году основан *Абацкий (Абакский) острог* (ныне ***Абацк*** Ишимского района Тюменской области). Монгольскому хану **Лоузану** направлена похвальная царская грамота за верность подданству России. 17 ноября вышел царский указ, предписывающий, чтобы людей, совершивших две кражи, не подвергать лишению рук, ног и пальцев, а ссылать их в Сибирь с жёнами и детьми для последующих занятий земледелием.

В 1681 году в Западную Даурию отправлена церковная миссия, в которой состояли: игумен **Феодосий**, иеромонах **Макарий** и ещё несколько монахов, так как собравшийся в этом году церковный собор принял решение: *«в дальние городы, на Лену в дауры, посылать людей духовных, архимандритов, игуменов или священников, добрых и учительных, для просвещения неверующих христианским законам»*. В этом же году Феодосий и Макарий на восточном берегу Байкала основали *Посольский Преображенский монастырь*. **Это решение церковного собора ясно показывает, что царская власть и никонианская греко-византийская церковь всерьёз занялись искоренением инакомыслия во всех уголках страны.**

В 1682 году в Тобольске *«за презорство и гордость и за неистовое его житие и блудодеяние, и за непристойные и поносные речи»* от церкви был отлучен младший тобольский воевода **М.Приклонский**. Главной причиной отлучения, разумеется, было его отрицательное отношение к церкви, которое он не скрывал. Всё остальное, по традициям тогдашних светских и церковных властей, приплеталось, чтобы как можно сильнее опорочить неугодного человека. В этом же году в Иркутске учреждено самостоятельное воеводство. Тогда же киргизы, подталкиваемые правителем Джунгарии, сожгли Ачинский острог. Тогдашние киргизы занимали территорию нынешней Хакассии и Тувы. В том же году китайское правительство направило свои войска для вытеснения россиян с Амура и Зеи.

В 1682 году исполнилось 100 лет с начала похода Ермака (Ярмена Темучина) в Сибирь. За эту сотню лет его соратники и последователи (казаки и славяне-татары) прошагали от Урала и до Тихого океана, воссоединив Сибирь (Тартарию-Рассению) с Московской Русью. В результате, образовалась огромная держава – **РОССИЯ**, которая сменила на сцене мировой истории **Славянскую Державу Тартарию-Рассению**. За эти 100 лет значительно изменился этнический состав Сибири.

В начале похода Ермака население Сибири, включая Дальний Восток, насчитывало около 800 тысяч человек, и это не считая кайсаков, телесгутов, киргизов и монгол, которые занимали некоторые районы Южной Сибири. Официальный учебник «История России с древнейших времён до конца XVII века» даёт численность населения Сибири в 200 тысяч человек. Цифра, явно не соответствующая действительности, как, собственно, и другая, которая определяет численность войска крымского хана в период крымских походов 1687-89 го-

дов в 250 тысяч человек. Тогда как крымский хан в то время максимально мог собрать в поход около 70 тысяч человек. Обе эти официальные цифры являются политически и исторически ангажированными. В одном случае чтобы скрыть просчёты царских властей, в другом – чтобы показать Сибирь, в соответствии с установками Миллера, вне истории, местом вечных снегов и непуганных зверей.

Для того чтобы более или менее точно определить численность населения Сибири, вспомним численность населения Сибирского татарского княжества в середине XVI века, во время правления князя **Едигера**. В налоговой отписке Ивану IV он даёт численность свыше 37 тысяч семей. Если учесть, что тогда количество детей в семье, как правило, было более трёх человек, то общая численность населения княжества составит свыше 200 тысяч человек. Однако Сибирское татарское княжество занимало территорию от Урала до Иртыша. Причём эта территория была не самой заселённой. Как сейчас, так и тогда основная масса населения Сибири была сосредоточена от Иртыша до Енисея. Поэтому если мы экстраполярно посчитаем, то окажется, что на территории от Урала до Енисея тогда проживало около 600 тысяч человек, из которых славян-татар было около 350 тысяч человек. Далее на восток от Енисея и до Чукотки, надо полагать, проживало не менее 100 тысяч человек и столько же в Забайкалье и по Амуру. Таким образом, общая цифра численности населения Сибири составит около 800 тысяч человек.

Славяне-татары, в основном, были сосредоточены в междуречье Иртыша и Енисея. Западнее Иртыша часть славян-татар была при Кучуме исламизирована и откололась от основного массива. Во время похода Ермака, в основном, к славянам-татарам ушло почти 5 тысяч казаков. В результате, начались процессы ассимиляции. Через 40 лет в Сибири, по подсчётам исследователя Словцова, русских людей насчитывалось чуть более 15 тысяч человек. Словцов, естественно, учитывает только людей, направленных царскими и церковными властями и новокрещёных сибиряков. Значительная часть – та, что составила потомство от казаков Ермака, но не была крещена – в учёт не попала. А это уже пошло третье поколение, что даёт нам ещё около 15 тысяч человек. Итого, численность будет составлять около 30 тысяч человек. Если учесть, что до этого времени и вплоть до 40-х годов XVII века в Сибирь направлялись, в основном, русские люди мужского пола, то станет ясно, что в ходе ассимиляции, в основном, со славянами-татарами начал формироваться новый этнос – *сибиряки* (челдоны). В последующие 40 лет отправка женщин тоже была незначительной, а численность русских (по Словцову) возросла до 70 тысяч человек, среди которых было 7,4 тысячи человек ссыльных. То, что это были не чисто русские, а в подавляющем своём числе сибиряки, вполне очевидно. К тому же цифра эта не вполне точна, так как Словцов в подсчёт не включает некрещёных. Но даже если их не учи-

тывать, в 1682 году численность сибиряков (русских) уже составляла около 100 тысяч человек. Столь быстрое увеличение численности сибиряков (русских) шло за счёт сокращения, в основном, численности славян-татар и некоторых других народов в ходе ассимиляции.

Внутренние проблемы в период царствования Ф.Романова также требовали своего решения. При нём сопротивление ревнителей «древлего благочестия» продолжалось. Более того, оно усилилось. Старообрядцы даже перешли в наступление. Царь Ф.Романов много внимания уделял вопросам благочестия, в соблюдении которого был крайне щепетилен. Зная характер нового царя, Аввакум попытался воспользоваться этим и отвратить его от никонианства. Он написал молодому царю письмо, в котором передал содержание якобы виденного им сна, будто умершего царя А.Романова он видел горящим в аду за отпадение от истинной веры. Кроме того, он призывал царя Ф.Романова отказаться от никонианства, чтобы избежать участи отца.

Но Аввакум просчитался. Царь Ф.Романов и мысли не допускал, что его отец может быть грешником. Чтобы покончить со старообрядцами и другими ревнителями «древлего благочестия», по инициативе царя Ф.Романова в 1681 году собирается церковный собор, на котором были выработаны меры, пресекающие всякое инакомыслие. Как мы видели выше, в основном это были запрещающие и репрессивные меры. Письмо Аввакума только подлило масла в огонь. Борьба и враждебность усилились, Аввакум был приговорён к сожжению, что и было исполнено в 1682 году.

Церковные книги старообрядцев, а вместе с ними родовые книги славян, были объявлены вне закона. Ими запрещалось пользоваться. Они подлежали сбору и сожжению. Так царская власть совместно с церковной начала новый поход против славянской истории. Церковный собор 1666 года санкционировал раскол церкви и преследование ревнителей «древлего благочестия». Церковный собор 1681 года, защищая интересы греко-византийской ортодоксии, пошёл дальше, **он санкционировал искоренение всякого инакомыслия, уничтожение церковных и иных книг, в том числе хранивших древнюю историю славян**. Сам царь Ф.Романов скончался 27 апреля 1682 года, не оставив после себя наследников.

Правление регентши Софьи

После смерти царя Ф.Романова встал вопрос об избрании нового царя. Претендентов было двое: царевичи **Иван** и **Пётр**. Царевич Иван вёл родословную по линии **Милославских**, а царевич Пётр по линии **Нарышкиных**. Причём царевич Иван был старше царевича Петра, а потому формально имел больше преимуществ. Однако царевич Иван был больным мальчиком. Вопрос престолонаследия решила позиция патриарха **Иоакима**, на тот момент являвшегося первым лицом в го-

сударстве. Иоаким, учитывая интересы престолонаследия и государства, высказался за избрание царевича Петра. В результате, **к власти на короткое время пришли Нарышкины**. Милославские, опасаясь опалы и ссылки, искали выход из создавшегося положения.

Но здесь в отношения между Милославскими и Нарышкиными вмешались стрельцы. Московские стрельцы в последнее время переживали не лучшие времена. После восстания С.Разина их жалованье было уменьшено наполовину, да и оно выдавалось нерегулярно. Вместо этого им разрешили заниматься торговлей, ремёслами, огородничеством, а также иметь собственные дома в тех городах, где они служили. Реформы конца 70-х годов прямо коснулись их благополучия, так как с этих дополнительных занятий они теперь обязаны были платить налоги. Кроме этого, положение стрельцов усугубляли их начальники, которые, пользуясь бесконтрольностью правительства, стали всё чаще задерживать жалованье, брать взятки за послабления по службе, заставлять стрельцов и их жён работать на себя.

Всё это переполнило чашу терпения. Уже зимой и весной 1682 года стрельцы не раз жаловались царскому правительству на своих начальников. Но оно не обратило на эти жалобы никакого внимания. В апреле стрельцы начали собираться на тайные сходки, проводить открытые обсуждения и составлять списки лиц, замеченных в злоупотреблениях. В это же время стрельцы выработали свои требования к правительству. Сразу же после смерти царя Ф.Романова, 30 апреля, они потребовали: выдать всё причитающееся им жалованье; оплатить подневольные работы на своих начальников; сместить и наказать всех уличённых в злоупотреблениях командиров стрелецких полков. Царица-регентша **Наталья Романова-Нарышкина** и её окружение, не имея сил справиться с выступлением стрельцов, поддержанных значительной частью москвичей, пошли на уступки.

Командиров стрелецких полков сняли с должностей, по мере вины били кого кнутом, а кого батогами. С них взыскали немалые суммы для погашения стрельцам, а их имения конфисковали. Казалось, бунт должен был успокоиться. В это же время отозвали из ссылки боярина **А.Матвеева**, который ранее возглавлял правительство царя А.Романова. Милославские понимали, что возвращение А.Матвеева неизбежно повлечёт их опалу и ссылку. Желая избежать этой участи, они решили использовать бунт стрельцов в своих интересах. Милославские через своих людей распустили слух, будто Нарышкины хотят *«извести»* царевича Ивана. Сказка об изведении царевича Ивана оказалась на редкость живучей. После его смерти в 90-е годы XVII века Милославские и их клевреты распустили слух об умышленном убийстве царевича Ивана сторонниками Петра I, который продолжает будоражить умы людей до сих пор.

15 мая 1682 года под звон набатных колоколов стрельцы ворвались в Кремль и потребовали показать им царевича Ивана. Обоих ца-

ревичей вывели на крыльцо и показали взбунтовавшимся стрельцам. Но они не успокоились и стали требовать выдачи *«изменников-бояр»* по списку, заранее составленному Милославскими. Возглавлявший Стрелецкий приказ князь Ю.Долгорукий принял представителей стрельцов, угостил их пивом и попытался утихомирить. Ему почти удалось договориться с бунтующими. Но после их ухода, негодование старого князя вырвалось наружу и он сказал: *«Висеть им на китайгородских стенах!»* Его холоп, присутствовавший при этом, передал эти слова стрельцам. Они вернулись, и начались убийства.

Князя Ю.Долгорукого изрубили саблями. Сына князя сбросили с кремлёвского крыльца на копья стрельцов. Были схвачены и убиты, вернувшиеся из ссылки бояре А.Матвеев, **И.Языков**, **И.Нарышкин** и другие представители партии Нарышкиных. Оставшихся в живых отправили в ссылку. Расправа стрельцов над боярами произвела неизгладимое впечатление на 10-летнего царевича Петра. Он был испуган, до глубины души возмущён, оскорблён и озлоблен на стрельцов. По наущению Милославских царевну **Софью** провозгласили правительницей при «великих государях» Иване и Петре. Но реальная власть находилась у стрельцов, которые продолжали громить усадьбы и погреба бояр. Софья и её окружение понимали, что необходимо хотя бы на время успокоить разбушевавшееся стрелецкое воинство. Она распорядилась изъять у населения серебряные кубки и чеканить деньги, чтобы срочно расплатиться со стрельцами.

Восстанием стрельцов также попытались воспользоваться старообрядцы. Они потребовали проведения свободного обсуждения, с соответствующими гарантиями безопасности со стороны стрельцов, для окончательного выяснения вопроса: чья вера правильнее? Правительство Софьи было вынуждено согласиться. Состоялись прения между патриархом Иоакимом и суздальским священником **Н.Добрыниным**, человеком, искушённым в богословии. Но так как судейство назначено не было в силу невозможности найти таких судей, то после прений каждая сторона посчитала себя победительницей. Патриарх о своей победе сообщил правительнице Софье, а старообрядцы пришли на площадь и рассказали о своей победе стрельцам.

Софья тут же распорядилась схватить старообрядцев как не доказавших своей правоты. Стрельцы не стали заступаться за старообрядцев, но потребовали за это *«наградных денег»*. Как только эти деньги были выплачены, стрельцы успокоились. Н.Добрынину отрубили голову, остальных старообрядцев, участвовавших в прениях, отправили в ссылку. **Предательство московских стрельцов, которые деньги ценили выше того или иного канона христианской веры, показывает, что в глубинах Русского народа тогда отношение к христианской церкви было ещё безразличное. Церковь существовала сама по себе, а народ сам по себе.** Проблемы церкви затрагивали, в основном, правящий слой. Низов это касалось только тогда, когда происходили крупные перемены.

Именно это не устраивало саму христианскую церковь, которая делала всё, чтобы навязать греко-византийский догмат Русскому народу. В то же время поведение стрельцов показало, что никакой серьёзной идеологической основы они не имели. Все их интересы сводились к своевременной выплате жалованья и ликвидации притеснений со стороны начальников. Это роднило их с вольными казаками начала века. Коренное различие состояло в том, что вольные казаки были вояками и желали оставаться таковыми при своевременной выплате им жалованья. Стрельцы конца XVII века уже не были вояками, они превратились в земледельцев, ремесленников, мелких торговцев, получавших к тому же жалованье от случая к случаю.

По существу, они превратились в вооружённых люмпенов, которые, кроме личного благополучия, ничего не хотели знать. Но и воевать они тоже не хотели. **Однако виновато в этом было царское самодержавие, которое, не умея перестроить службу стрельцов, в течение XVII века превратило их в этих вооружённых люмпенов и теперь пожинало плоды своей собственной бестолковости.** Отличием от казаков было также то, что стрельцы были организованы в войско. Это делало их большой силой в столице. Тем более, во главе Стрелецкого приказа был поставлен человек, по своему характеру соответствовавший стрельцам. Возглавить Стрелецкий приказ, после гибели князя Ю.Долгорукого, был назначен князь **И.Хованский**, по прозвищу ***Тараруй***. В данном случае его больше всего интересовало собственное возвышение. Будучи посредственным военачальником, он однако понял, что его личное возвышение возможно только с помощью стрельцов.

Поэтому он принялся возбуждать у стрельцов недовольство правительством и одновременно старался укрепить их положение. Он жаловался стрельцам на недостаток денег, выдаваемых Стрелецкому приказу, что, по его мнению, мешало регулярно выплачивать жалованье и повышать статус стрельцов в войске. Конец весны, лето и начало осени 1682 года показали всесилие стрельцов. Их стали именовать *«надворной пехотой»*. В честь событий 15-17 мая и особых заслуг стрельцов на площади у Кремля соорудили обелиск (*«столп»*). Укрепляя своё положение, стрельцы начали освобождать боярских холопов, объявив всех, кто стал холопом в последние два года, свободными. Но эта мера популярности стрельцам не принесла.

Князь И.Хованский не мешал делать стрельцам то, что они хотели. Поэтому его личная популярность среди стрельцов росла. Однако, занимаясь мелочами, стрельцы оказались не способными к государственному управлению. Князь И.Хованский тоже был мало к этому способен. Правительница Софья, видя эту беспомощность стрельцов и Хованского, летом назначила своего фаворита боярина **В.Голицына** главой правительства и канцлером. Князь В.Голицын, имевший уже немалый авторитет в войске, приступил к сбору полков нового

строя и дворянского ополчения в разных городах Подмосковья. В это время сама Софья с царевичами Иваном и Петром, сопровождаемая свитой, покинула Москву и выехала в село *Коломенское*. Из Коломенского она направилась к Троице-Сергиеву монастырю.

Отъезд правительницы поверг стрельцов в смятение. Они понимали, что их действия непопулярны в войске, так как повышение содержания стрельцам уменьшало таковое у солдат, рейтар и дворян. Столкновение с ними не сулило стрельцам ничего хорошего. Спасением для них было сохранение порядка, при котором Софья и царевичи находились бы в их окружении. Поэтому стрельцы направили в Коломенское своих представителей, чтобы убедить Софью вернуться. Софья естественно, отказалась возвращаться, притворившись глупой, ничего не соображающей женщиной, чтобы успокоить стрелецких представителей и выиграть время, необходимое для подхода верных полков.

При её отъезде в село *Воздвиженское*, что на пути к Троице-Сергиеву монастырю, всем боярам, включая князя И.Хованского, было направлено повеление, чтобы они явились в это село для встречи сына гетмана **И.Самойловича**. Князь И.Хованский, ничего не подозревая, выехал в Воздвиженское с обычной охраной – сотней стрельцов. К этому времени к Воздвиженскому подошёл полк рейтар под началом боярина **М.Лыкова**. Софья поручила ему схватить князя Хованского. Как только слуги и охрана последнего поставили шатры и разошлись на ночлег, Лыков поднял роту своих рейтар и напал на расположение князя Хованского. Рейтары быстро разогнали охрану и слуг князя.

Сам боярин М.Лыков лошадью смял шатёр И.Хованского, извлёк из него ошалевшего от неожиданности и сна князя, оглушил его, перекинул через седло и доставил к правительнице Софье. Тут же в пыли, у дороги, И.Хованскому отрубили голову. Стрельцы, предавшие старообрядцев, оказались не в состоянии постоять за своего начальника. Зная о подходе всё новых и новых полков, стрельцы согласились на все условия правительства, выдали зачинщиков и не возражали против назначения нового начальника Стрелецкого приказа. Им стал преданный правительнице, крутой на расправу думный дьяк **Ф.Шакловитый**. Подавив бунт стрельцов, правительство Софьи теперь могло более активно заняться внешними и внутренними делами.

Во внутренних делах была продолжена политика беспощадного подавления инакомыслящих. В 1685 году против радетелей «древлего благочестия» вышел указ, состоящий из двенадцати статей. Это было одно из самых безжалостных узаконений в российской карательной практике. Правительство Софьи думало таким образом окончательно задушить инакомыслие. Но, как мы увидим ниже, все эти меры привели к обратным результатам, трагичным для неё и её окружения. В это же время князь В.Голицын всячески старается укрепить

войско и подготовить его к действиям против Турции совместно с католическими странами. Для этого он приглашает многих иноземных офицеров и генералов.

Московские цари и ранее принимали иноземцев на ратную службу. У Ивана IV даже была 7-тысячная рать из ливонских немцев. В середине XVII века в российском войске было свыше 2,7 тыс. иноземцев. В.Голицын сократил общую их численность, так как рядовые иноземцы требовали значительно более высокое жалованье, чем отечественные ратники. Стали принимать только офицеров и генералов. Однако при общем сокращении численности иноземцев их роль в российском войске возросла. Эти иноземцы, находясь на российской службе, имели чётко определённую роль. Большинство из них разделяло интересы сложившейся уже «Священной лиги». Некоторые из них состояли в масонских ложах и имели задание втягивать Россию в войны за чуждые ей интересы. **Именно в это время появляются в Москве швейцарцы-масоны генерал Патрик Гордон и Лефорт**. Эти два человека сыграли большую роль как в воспитании царевича Петра в антирусском духе, так и во внешней политике России, поворачивая её в интересах своих масонских лож.

Тем временем в Европе назревали большие перемены. Вооружённая борьба европейских стран: Речи Посполитой, Австрии и Венеции с Турцией – длилась значительную часть XVI и XVII веков. Во второй половине XVII века турки, несмотря на ряд поражений, продолжали удерживать Подолию и часть Венгрии. Заключив в 1681 году с Россией *Бахчисарайский мирный договор*, турки собрали почти все свои силы и в 1683 году направили их к Вене. Началась её осада, которая в случае успеха обещала поставить Австрию на колени. Польский король **Ян Собесский,** понимая, что после поражения Австрии Польша тоже подвергнется вторжению турок, оказал помощь Австрии. Собрав 26 тысяч польских всадников, он поспешил на помощь Вене.

Одновременно к Вене подошло 40-тысячное австрийское войско. Турки у Вены имели около 180 тысяч человек, из которых «обслуживающий персонал» насчитывал около 60 тысяч человек. Кроме того, осаду города-крепости продолжали осуществлять около 40 тысяч человек. Так что в полевом сражении с обеих сторон участвовали примерно равные силы. Со стороны турок около 80 тысяч человек, а со стороны австрийцев и поляков около 76 тысяч человек. Турки были разбиты и сняли осаду Вены. Успех был достигнут в значительной степени благодаря героизму польского рыцарства, которое понесло громадные потери. Это была его лебединая песня.

Этот успех подтолкнул европейские католические страны к продолжению войны с Турцией. В 1684 году была создана «Священная лига», в которую вошли Речь Посполитая, Австрия, Венеция и Мальтийский рыцарский орден. Участники этой коалиции стремились вовлечь в борьбу с Турцией и Россию. Это было для них крайне необхо-

димо, чтобы отвлечь силы крымского хана от Речи Посполитой и Австрии. Была ли необходимость для России помогать «Священной лиге»? Если смотреть на данный вопрос с точки зрения бескорыстного участия в войне с Турцией, то, конечно же, нет.

Тем не менее «Священная лига» настаивала на организации похода российского войска в Крым по левому берегу Днепра к Перекопу, который в то время никаких территориальных приобретений не давал, так как надежды на успех были крайне призрачны. Другой небескорыстный поход, гарантировавший почти 100-процентный успех, – это поход с целью взятия Азова, не устраивал «Священную лигу». Впрочем, князь В.Голицын, будучи неплохим государственным деятелем, был посредственным военачальником и никудышным стратегом, поэтому данное направление действий он даже и не предлагал.

Тем более, что церковные иерархи настаивали на решении проблемы Киева. Интересы греко-византийской церкви здесь сыграли главную роль. По *Андрусовскому мирному договору* Киев на два года отошёл к России, а с ним вместе к России присоединялась киевская епархия. Присоединение к Москве этой епархии было главным желанием московских властей. Переговоры по Киеву длились 17 лет. Ни Польша, ни Россия не желали его уступать. «Священная лига», в конце концов, убедила Речь Посполитую, и та в обмен на обязательство России выступить на стороне «Священной лиги» против крымского хана в 1686 году согласилась подписать *«Вечный мир»* с Россией, по которому Киев окончательно отходил к России. Кроме того, Россия за Киев выплачивала изрядную сумму денег 146 тысяч рублей золотом. Вновь мы видим, что интересы греко-византийской церкви были поставлены не только выше стратегической целесообразности, но и выше национально-государственных интересов страны. А расплачивались за это российские ратники, десятки тысяч которых погибли в безводных степях Дикого поля.

Против похода в Крым выступил опытный военачальник гетман И.Самойлович, который считал, что воевать за интересы католиков глупо, нарушать мир с турками и крымцами нет причин, а захватить Крым в ходе похода не удастся. Несколько сдержаннее высказывался генерал П.Гордон, заинтересованный в походе. Он доказывал, что успеха добиться можно, если правильно организовать поход. Он предупреждал главного воеводу В.Голицына о главной трудности похода – необходимости преодоления безводной степи. Однако его предложения приняты не были, как, собственно, не было налажено снабжение войска водой.

В конце 1686 года *началась подготовка к первому крымскому* походу. Был объявлен указ «великих государей» Ивана и Петра о сборе ратных людей, составлении разрядной росписи их по полкам, определении пунктов сбора, изыскании денежных средств, подготовки огнестрельного наряда, заготовки продовольствия и комплектовании обоза. Для сбора войска были назначены районы: Ахтырка, Сумы, Хот-

мыжск, Красный Кут. Войско должно было собраться к 1 марта 1687 года. 22 февраля назначенные возглавлять войско воеводы выехали из Москвы к полкам. Однако сбор в установленные сроки не состоялся. Полки подходили долго из-за медленного сбора ратных людей, немало которых оказалось в *«нетчиках»*, то есть не прибыли на службу. Войско собралось только к началу мая. По росписи полагалось иметь 112 902 человека. Однако свыше 10 тысяч человек вообще не прибыли.

Поэтому в войске оказалось около 100 тысяч человек, из которых около 47 тысяч человек конницы и 54 тысяч человек пехоты. Обращает на себя внимание большое количество пехоты, что при действиях в степях лишало войско необходимой маневренности и инициативы в нападениях. Кроме российского, войска против Крыма выступили черкасы гетмана И.Самойловича около 40 тысяч человек и Донское войско около 7 тысяч человек. В общей сложности к походу было привлечено почти 150 тысяч человек. Обременённое громадным обозом в 20 тысяч повозок, российское войско за пять недель прошло 300 вёрст. Но при этом В.Голицын считал, что идёт в Крым с *«великим поспешанием»*. 13 июня российское войско переправилось через реку Конские Воды и остановилось недалеко от Днепра.

Здесь стало известно, что крымцы подожгли степь, которая выгорела от Конских Вод до самого Крыма. Образовалась 200-вёрстная полоса выгоревшей степи. Конница и лошади обоза лишились подножного корма. Тем временем на флангах российского войска, где действовали конные черкасы и донцы, были достигнуты некоторые успехи. Донцы у Овечьих Вод разгромили большую орду ногаев, а черкасы, выдвигавшиеся к Казыкермену, нанесли крымчакам поражение в районе урочища Каратебель. В этой связи собранный В.Голицыным военный совет принял решение продолжить поход. За последующие двое суток удалось пройти всего 12 вёрст. Жара, отсутствие подножного корма, недостаток воды обессилили людей и лошадей.

17 июня состоялся новый военный совет, который решил прекратить поход. 20 июня российское войско отошло к Конским Водам, где отдыхало две недели. 14 августа оно отошло в район сбора. После чего В.Голицын распустил полки по городам. Единственным положительным результатом этого похода было то, что в 1688 году в устье реки Самары была заложена *Новобогородская крепость*. В то же время этот поход, не принеся России ни славы, ни территориальных приобретений, очень посодействовал успехам стран «Священной лиги», так как войско крымского хана было скована этим походом и не смогло участвовать в сражениях на стороне турецкого войска. В результате, вооружённые силы стран «Священной лиги» разбили турецкое войско в Венгрии, Далмации и Морее. Австрийцы взяли Белград. Эти неудачи вызвали восстание в Турции. Возмущённые янычары свергли султана **Магомета IV**. Эти поражения заставили Турцию пойти на переговоры о мире, которые начались в Вене.

Неудача первого крымского похода только подстегнула рост недовольства в стране, спровоцированного усилением репрессий против инакомыслящих. Неблагоприятная внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка не способствовали продолжению войны с Крымом. Однако правительница Софья и князь В.Голицын приняли решение повторить поход в Крым, чтобы военными успехами укрепить своё пошатнувшееся положение. Естественно, всех несогласных подвергли опале. Это, прежде всего, коснулось гетмана И.Самойловича, против которого интриговал полковник **И.Мазепа**. Поэтому в провале первого похода обвинили гетмана Самойловича. Его подвергли опале и сослали в Сибирь. Гетманскую булаву за содействие в смещении И.Самойловича получил И.Мазепа.

Главным воеводой вновь стал В.Голицын. Теперь он решил осуществить поход ранней весной, чтобы избежать пожаров и иметь достаточное количество подножного корма и воды. Генерал П.Гордон советовал Голицыну: взять в поход стенобитные машины; заготовить штурмовые лестницы; построить на Днепре ладейный флот для действий против крымской крепости Казыкермен; через каждые четыре перехода строить укрепления для обеспечения тыла. Почти ничего из его предложений учтено не было. В поход по росписи собиралось 117 446 российских ратников. Однако приняло участие в походе вновь около 100 тысяч человек. Черкасс было собрано вновь около 40 тысяч человек. Донцы на этот раз в походе не участвовали. Общая численность войска таким образом составила около 140 тысяч человек.

Российское войско выступило в поход 17 марта 1689 года. Весна была холодной, поэтому ратные люди вначале мёрзли, а затем, когда начало таять и грунт раскис, пришлось тащиться по грязи. Огромный обоз и тяжёлый огнестрельный наряд (пушки) отягощали движение. Недостаточное количество материалов мешало наведению переправ. Так что через разлившиеся реки перебирались с трудом. В следствие чего движение было крайне медленным. 15 мая, когда российское войско вышло на дорогу от крепости Казыкермен к укреплённому селению Чёрная Долина, значительные силы крымцев напали на авангард, которым командовал генерал П.Гордон. Это нападение было отбито, и войско продолжило поход.

16 мая на подступах к Перекопу крымчаки крупными силами напали на тыл войска. Полки успели изготовиться к нападению и отбили его стрельбой из огнестрельного наряда. Вслед за этим крымцы напали на левый фланг российского войска и нанесли тяжёлое поражение Ахтырскому и Сумскому полкам дворянской конницы. После этого дворянскую конницу стали держать внутри пехотного каре. Вообще в этом походе дворянская конница показала себя с худшей стороны. И всё же стрельба огнестрельного наряда заставила крымцев отойти. 17 мая крымцы пытались остановить российско-казацкое войско у Каланчака. Но их нападения были отражены пушечным и ружейным огнём. 20 мая на ближайших подступах к Перекопу крым-

ский хан ещё раз попытался нанести поражение российско-казацкому войску. Он окружил его своей конницей. Но и на этот раз ему не удалось добиться успеха. После чего он отвёл своё войско за Перекоп.

Перекоп. Это название получило то место перешейка, соединяющего Крым с большой землёй, где крымчаками были созданы оборонительные сооружения. Поперёк перешейка на семивёрстном пространстве был вырыт глубокий ров, от 23 до 30 метров глубиной. Дно рва было выстлано камнем. Насыпанный с крымской стороны вал был усилен семью каменными башнями. Единственные ворота защищались расположенной за ними крепостью, за которой находился город. В крепости и башнях были установлены пушки. Укрепления Перекопа были первоклассными по тем временам. Они до крайности затрудняли ведение подкопов. Для войска, имевшего слабую осадную артиллерию и не имевшего заготовок, необходимых для штурма вала, эти укрепления были практически непреодолимыми.

Как только войско приступило к подготовке приступа (штурма), сразу же обнаружились просчёты, допущенные ранее, хотя генерал П.Гордон предупреждал о необходимости такой подготовки. В дополнение к этому началась жара, трава высохла, лошади лишились подножного корма, стал ощущаться недостаток воды, которой вблизи Перекопа практически не было. Хлеба тоже не хватало. Назревал кризис. Но и у крымского хана дела были не блестящи. Наши официальные источники дают численность его войска от 150 до 250 тысяч человек, что, конечно же, не соответствует действительности. Крымский хан мог собрать тогда максимум 70 тысяч человек. В предыдущих боях его потери убитыми и ранеными были большими. В строю осталась едва половина его войска. Поэтому, не надеясь, что российско-казацкое войско быстро повернёт назад, он вступил в переговоры о мире с В.Голицыным.

Не договорившись о мире, так как хан хотел только подтверждения Бахчисарайского мира, В.Голицын собрал военный совет, который высказался за отступление. В арьергарде шли полки генерала Гордона. Крымцы вновь подожгли степь и преследовали российско-казацкое войско всеми имеющимися силами в течение восьми суток. Однако все их нападения отбивались огнём пехоты и артиллерии. 29 июня российско-казацкое войско отошло к реке Мерло, где князь В.Голицын распустил полки по городам. Неудачи крымских походов крылись не только и не столько в недостатках материального обеспечения войска к походам, сколько в стратегических просчётах.

Стратегические просчёты состояли в следующем. Во-первых, не был учтён опыт успешных походов в XVI веке Ржевского, Шереметева и Д.Адашева, а также донских казаков против Крыма. Во-вторых, не было обеспечено приближение районов сбора войска к Крыму, что без взятия Азова и создания новой оборонительной линии (*«Черты»*) по реке Конские Воды сделать было невозможно. Слишком за-

поздалое продвижение России на юг сказалось здесь самым отрицательным образом. В-третьих, реформирование вооружённой силы было недостаточно глубоким и не обеспечивало кардинального повышения её боеспособности, особенно конницы.

И хотя российско-казацкое войско избежало поражения, потери были большими. Ещё большим было недовольство российского общества репрессиями против инакомыслящих и этими походами, так как они резко увеличили налоговые тяготы. На этот раз неудачей походов и растущим недовольством воспользовались сторонники Нарышкиных. Ещё до прибытия князя В.Голицына из похода обстановка в обществе стала резко накаляться. В Москве стали ходить слухи, что якобы стрельцы по наущению Софьи и начальника Стрелецкого приказа Ф.Шакловитого замыслили убить царевича Петра и вдовствующую царицу Н.Романову-Нарышкину. Напуганный этими слухами семнадцатилетний Пётр ночью бежал из своего села Преображенское в Троице-Сергиев монастырь. Противостояние Петра и Софьи приняло открытый характер.

Патриарх Иаков выехал к Петру для переговоров, да так у него и остался. И не мудрено, он ещё раньше хотел, чтобы Пётр стал царём. Вслед за патриархом потянулись бояре, за которыми с развёрнутыми знамёнами двинулись конные и пешие полки. Оставшиеся в Москве стрельцы тоже не проявили рвения в защите правительницы Софьи и князя В.Голицына. Сказалось подавление стрелецкого бунта и усиление гонений против инакомыслящих. Более того, стрельцы выдали Петру дьяка Ф.Шакловитого, которому отрубили голову, как и его предшественнику князю И.Хованскому. Софья была заключена в Новодевичий монастырь. А князь В.Голицын был лишён чинов, имущества и сослан на север, где он и умер в 1713 году. Так **партия Нарышкиных при несомненном содействии московской патриархии вновь пришла к власти** на гребне недовольства крымскими походами, преследованием инакомыслящих и усилением налогового бремени.

Можно без преувеличения сказать, что недовольство большей части народа возвело на престол царевича Петра вместе с его партией и его окружением. Наступило время, когда у власти оказались: патриарх **Иоаким**, вдовствующая царица, её брат **Л.Нарышкин**, родственник Петра по бабушке **Т.Стрешнев**, дядька царя князь **Б.Голицын**, князь-кесарь **Ф.Ромодановский**. Наряду с ними в окружение Петра I вошли генерал П.Гордон, занимавшийся подготовкой его потешных полков Семёновского и Преображенского, а также Лефорт. Начался новый период развития России...

Во время правления Софьи в Сибири разразились серьёзные события. Драконовские меры к инакомыслящим вызвали поток беженцев из Московии в Сибирь. Чтобы предотвратить массовый уход людей в Сибирь, в 1683 году воеводе **Ю.Барятинскому** в Пермь, Чердынь и Соликамск был отправлен указ, согласно которому требова-

лось выставить сильные заставы, чтобы воспретить самовольный уход русских людей на восток. В 1684 году китайское правительство отправило сильное войско на Амур для взятия и разрушения острогов и крепостей, построенных россиянами. В 1685 году началась первая осада Албазина манчжурами. 450 казаков и промысловиков под началом воеводы **А.Толбузина** выдержали осаду почти 4 тысячи манчжур. Албазин был сожжён и почти полностью разрушен. Но в этом же году казаки и промысловики восстановили острог и город, возведя вокруг него вал с деревянной стеной.

В этом же году царским указом вятчане были освобождены от сбора хлеба для Сибири, так как *«хлеб в Сибирских городах пашут и хлеб в Сибири родится многой»*. Собственно, хлеб в Сибири всегда растили, даже в глубокой древности. Привозить хлеб из Московии приходилось для обеспечения им районов, которые лежали севернее Тюмени и Тобольска. В том же году в Тобольске митрополиту Павлу I были выданы стольник **И.Приклонский** и тюменский воевода **Т.Ртищев** за их оскорбительные речи. Свёл-таки счёты со своими идеологическими противниками христолюбивый митрополит.

В 1686 году в Китай было отправлено посольство **Ф.Головина**, которое в январе выехало из Москвы. В июне 1686 года началась вторая осада манчжурами Албазина. Около 8 тысяч манчжур противостояло 736 казаков и промысловиков. Вначале российских ратников возглавлял А.Толбузин. После его смерти осаждённых возглавил иноземец Бейтон. Несмотря на явное превосходство в численности осаждающих, им так и не удалось взять Албазин. В 1687 году манчжуры сняли осаду Албазина и вернулись в Айгун. В конце этого года посольство Ф.Головина достигло ***Селенгинска***. В 1688 году буряты, воодушевлённые походами манчжур, осадили *Верхнеудинский* и *Селенгинский остроги*, но были отбиты с большими потерями. В этом же году в Тобольск был сослан гетман И.Самойлович.

В 1689 году манчжуры численностью около 17 тысяч человек подошли к Нерчинску и осадили его. В Нерчинске находилось около 1,5 тысячи казаков и промысловиков. Прибывший в Нерчинск во главе посольства Ф.Головин больше мешал в обороне крепости ратным людям, чем содействовал. Опасаясь, что он может не выбраться из Нерчинска, Головин настоял на ведении переговоров и заключении мира. 27 августа 1689 года в Нерчинске был заключён мирный договор между Россией и Китаем, по которому Россия уступала Китаю значительные территории. Граница определялась по реке Аргуни. Албазин, столь успешно оборонявшийся, подлежал разорению до основания. Выдавались перебежчики, устанавливались правила торговли и обращения с ворами и разбойниками, определялись меры по сношениям России с Китаем.

Правительство Софьи, отстаивая интересы греко-византийской церкви и усиливая гонения против инакомыслящих, подпало под

влияние стран «Священной лиги». Сосредоточив свои воинские силы и растратив значительную их часть без толку в походах против Крыма, оно абсолютно выпустило из виду осложнение обстановки на Амуре и не обеспечило это направление даже минимальными силами. А ведь требовалось всего-то около 5 тысяч ратников. **В результате, Россия на этом направлении утратила значительные территории. Но самое главное, продвижение россиян на Дальнем Востоке было остановлено более чем на 150 лет, что, естественно, катастрофически сказалось в начале XX века.**

Мало занять территорию, нужно ещё время, чтобы закрепить её за собой. Поэтому продвижение нужно осуществлять в своё время, то есть когда для этого вырисовывается необходимость и появляются возможности. Таким образом, в XVI и XVII веках царизм, более всего озабоченный укреплением самодержавно-христианской власти, упустил благоприятные возможности для продвижения на Дон и Северный Кавказ, а из Сибири в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Этим он связал себе руки в будущем, ограничив влияние России в мире и создав для неё непреодолимые препятствия во внешней и внутренней политике.

Правление императора Петра I

Царевич **Пётр** родился 30 мая 1672 года. После смерти отца царя А.Романова он вместе с матерью находился в Кремле. Царь Фёдор заботился о нём, так как Пётр был его крестником. Он же назначил царевичу Петру учителя, которым стал подъячий Приказа Большой казны **Н.Зотов**. Пётр выучил с ним азбуку, научился читать и писать. Затем осилил Часослов, Евангелие, Псалтырь и Апостол. После смерти царя Ф.Романова состоялся бунт стрельцов. Расправа стрельцов над близкими царевичу Петру людьми очень сильно подействовала на него, заронив в его душе озлобление против стрельцов. Годы правления Софьи были годами фактической ссылки царевича Петра и его матери. Они находились в селе *Преображенском*. К государственным церемониям он допускался только изредка.

Это наложило отпечаток на его занятия. Царевич занимался со своими *сокольниками и кречетниками*, оставшимися от отца. По мере взросления его всё более тянуло к военному делу. Он начинает изучать математику, оружие, фортификацию, строительство кораблей. Затем он начинает заниматься манёврами и организацией штурма крепостей. Всё это он осуществляет со своими *«потешными робятками»* – солдатами Преображенского и Семёновского

полков, в организации которых большую роль сыграли Гордон и Лефорт. В результате свержения Софьи в августе 1689 года к власти пришла партия Нарышкиных. Формально царями были Иван и Пётр. Иван по слабости здоровья в государственные дела не вмешивался. Поначалу государственное управление не особенно интересовало и Петра.

Как и раньше, он продолжал заниматься с потешными полками, находясь уже под полным контролем Гордона и Лефорта. Именно они воспитали в Петре I жажду необъятной власти, неуважение ко всему национально-русскому, стремление переделать всё в России на европейский образец. Собственно, им пришлось приложить немного усилий, сама организация жизни царского двора настойчиво толкала Петра I к этому. Благодаря их помощи все иностранцы перешли на сторону Петра и приняли участие в его воинских потехах, улучшая обучение его полков. Под их влиянием он начал активно приглашать на службу иноземцев и собрал вокруг себя сотни и даже тысячи людей, из среды которых впоследствии вышло немало генералов и адмиралов. В это же время он избавляется от каких-либо сдерживающих его поведение морально-этических принципов.

Чтобы правильно понять его реформы и его роль в истории России, мы не можем пройти мимо исследований русского военного историка А.А.Кресновского, написавшего очень даже хороший труд ***«История русской армии»***. Историка куда более правдивого, объективного и беспристрастного, нежели Изместьев, в то же время относящегося к русскому зарубежью. Однако при анализе правления Петра I и правления других российских императоров я не буду в буквальном смысле переписывать изложенное А.Кресновским, так как считаю не все его высказывания правильными. В особенности это касается оценки самодержавного абсолютизма Петра I, приверженцем которого он является, а также роли христианской церкви, так как по этим вопросам его взгляды не выходят за рамки официальной истории. Поэтому придётся уточнить многие детали и по ходу повествования связать события тех лет с современностью.

Несмотря на своё отрицательное отношение к правительнице Софье и князю В.Голицыну, Пётр I не мог отказаться от совместных действий со странами «Священной лиги» против Турции. На соблюдении договора, естественно, настаивали Гордон и Лефорт. К тому же Пётр I имел собственные честолюбивые намерения, а именно хотел доказать, что нанести поражение Крыму и Турции можно, но только действуя на другом направлении. К тому же война против Крыма и Турции должна была проверить правильность, организованной им практической подготовки полков.

Готовясь к войне с Турцией, Пётр I в 1694 году организовал первые манёвры своей армии. В них участвовало около 30 тысяч чело-

век. К манёврам были привлечены полки старой и новой организации. Лучше всех показали себя полки новой организации: Преображенский, Семёновский, Первомосковский Лефорта и Бутырский – П.Гордона, потому что они постоянно занимались обучением. Остальные полки показали низкую выучку. Стрелецкие полки уже давно были лишены возможности заниматься обучением. Солдатские и рейтарские полки тоже недополучали средств на своё содержание и обучение. В ходе манёвров было убито 70 человек, а изрядное число покалечено. Вместо того чтобы расширить контингент обучающихся полков, Пётр I в 1695 году предпринимает поход против турецкой крепости Азов и против крымских крепостей на Днепре.

Во время планирования походов был учтён опыт предыдущих походов против Крыма, а также опыт действий в прежние времена донских и днепровских казаков против Азова и Крыма. Для действий на различных направлениях было образовано два войска. Первое численностью около 120 тысяч человек под началом боярина **Б.Шереметева** должно было взять и разрушить крымские крепости на Днепре. Второе численностью около 30 тысяч человек под началом Петра, Гордона, Лефорта и Головина должно было овладеть Азовом. Единого командования в этом войске не было. Причём действия первого войска, кроме взятия крепостей крымцев на Днепре, должны были сковать главные силы крымского хана. С точки зрения стратегии это было исключительно правильное решение. Всё теперь зависело от умелых действий военачальников и вверенных им полков.

В январе 1695 года всем служилым людям объявили указ собираться у Севска и Белгорода под началом боярина Б.Шереметева для действий против крепостей крымцев на Днепре. Весной 1695 года войско собралось и двинулось в поход. Тем временем, в начале марта из Москвы к Азову выступил авангард второго войска под началом Гордона численностью 9,5 тысяч человек с 53 орудиями. По прибытии авангарда в район Донского войска к нему присоединилось около 5 тысяч донских казаков. В конце апреля на судах по рекам Москве, Оке, Волге и Дону двинулись отряды Ф.Лефорта, А.Головина во главе с Петром I. 5 июля всё войско сосредоточилось у Азова. В течение месяца шла подготовка к штурму крепости.

5 августа был осуществлён первый штурм, который был отбит турками. 25 сентября штурм повторили, но он также был отбит. Большие потери и приближающаяся зима заставили Петра I снять осаду Азова. Главные причины неудачи крылись в том, что начальники отрядов Гордон, Лефорт и Головин не подчинялись друг другу и действовали несогласованно. Многие полки были слабо подготовлены и не имели опыта штурма крепостей. Турки имели возможность подвозить подкрепления и припасы по морю, своевременно восстанавливая воинские силы крепости. Тем временем войско боярина Шереметева захватило четыре крепости крымцев на Днепре. Две из них были разрушены, а в двух других воевода Б.Шереметев оставил гарнизоны.

Успех воеводы Б.Шереметева и неудача под Азовом только раззадорили Петра I. Он решил на следующий год повторить поход. Войско под Азовом он распорядился возглавить боярину **А.Шеину**, а будущий флот – Ф.Лефорту, уроженцу сухопутной Швейцарии. Тогда же осенью он распорядился возвести верфи в Воронеже и приступить к постройке кораблей и судов. К началу апреля из сырого леса было построено: 2 корабля, 4 брандера, 23 галеры и 1 300 стругов. Для взятия Азова теперь выделялось войско в 75 тысяч человек. В конце апреля к Азову на судах отплыли 8 полков, в том числе полки Петра, Гордона и Лефорта. Остальные полки двигались к Азову по суше. 3 мая отрядами по 5-8 кораблей отплыл из Воронежа флот. В начале июня он вышел в море и блокировал Азов с морского направления, воспретив подвоз подкреплений и припасов. Тем временем войско осадило крепость с суши. Началась подготовка к штурму крепости. 19 июля Азов был взят. Тем временем 70-тысячное войско воеводы Б.Шереметева успешно действовало в низовьях Днепра, угрожая крымской крепости Аслан-Кермен и Перекопу.

В результате взятия Азова Россия отвоевала земли от Дона до Запорожья. Тем самым были созданы благоприятные условия для дальнейшего продвижения в Крым, на Тамань и Северный Кавказ. Но это теперь не устраивало не только Турцию. Это не устраивало теперь Австрию, которая, отвоевав Венгрию и Сербию, уже не желала серьёзно воевать с Турцией. Это не устраивало теперь и Речь Посполитую, которая, отвоевав Подолию, вовсе не хотела испытывать судьбу в войнах с Крымом и Турцией. Эти страны теперь хотели восстановить своё положение на севере, где господствовала Швеция. Но без активного участия России победить Швецию не представлялось возможным. Поэтому масонские католические круги и их клевреты в России стали активно обрабатывать Петра I, чтобы он отказался от продолжения войны на юге и обратился против Швеции. Именно они предложили Петру I совершить поездку в Голландию в составе посольства, рассчитывая заинтересовать его связями с ней, а также строительством флота на Балтике, чтобы можно было поддерживать связи с другими европейскими странами, минуя посредников. Успешные действия импровизированного флота у Азова уже вызвали у Петра I желание иметь флот, не уступающий другим европейским странам.

Поэтому на следующий год после взятия Азова началось *«Великое посольство»* Петра I в Европу. Молодой царь и его помощники уделили много внимания изучению опыта в кораблестроении и кораблевождении, строительства фабрик и заводов, ремёсел и художеств. Пётр I был в составе посольства под именем ***Петра Михайлова***. Но это никого на западе не ввело в заблуждение. При европейских дворах снисходительно-высокомерно наблюдали за молодым московитом. Расчёт масонов оказался верным. Петра многое, что он увидел, привело в восхищение. А нежелание европейских стран содейст-

вовать России в Причерноморье было воспринято им как действие Провидения, поворачивающего его на север. В 1698 году Пётр I получил из Москвы сообщение о стрелецком восстании и быстро вернулся в столицу.

Перед отъездом с посольством Пётр I оставил за себя князя-кесаря Ф.Ромодановского, которому повелел отправить всех стрельцов из Москвы в украинные города для несения службы. В столице были оставлены только Преображенский, Семёновский, Первомосковский и Бутырский полки под началом Гордона. Высланные в пограничье стрельцы были недовольны службой. Они уже отвыкли от неё и привыкли заниматься собственным хозяйством в Москве. В 1698 году около 40 тысяч стрельцов самовольно оставили службу на границе и отправились к столице. Четыре полка Гордона насчитывали всего около 7 тысяч человек. Развернув полки и расставив пушки, Гордон выехал навстречу стрельцам и предложил возвратиться назад на службу. Стрельцы даже не подумали развернуться, сбились в толпу и начали через речку ругать Гордона. Ругательства разозлили генерала. Он приказал открыть стрельбу. После первого залпа стрельцы обратились в бегство, а затем сдались властям.

Вернувшийся из-за границы Пётр распорядился провести новый сыск и подверг стрельцов пыткам и казням. В ходе казней погибло более 2 тысяч стрельцов. Сам Пётр I и его сподвижники рубили головы стрельцам. После чего 16 московских стрелецких полков были расформированы. Стрельцов вместе с семьями выслали в разные города и там записали в посадские люди: земледельцы, ремесленники и мелкие торговцы. Эти меры Петра I названы были в народе *«стрелецким разореньем»*. Стрелецкий бунт дал повод Петру I для проведения военной реформы. Солдатские и стрелецкие полки, набранные из *вольнонаёмных* (в переводе на современный язык – *по контракту*), ещё под Азовом проявили мало боеспособности и ещё меньше дисциплины. В то же время полки, сформированные из призванных *«на время войны в порядке повинности земских людей-дворян и даточных крестьян обнаружили большое рвение при всех неизбежных недостатках войск милиционного типа»*.

Всё это дало повод Петру I для роспуска всех *«янычар»* – солдат, рейтар и стрельцов. После чего он решил набрать новых *« профессионалов на этот раз из подневольных, из среды дворян и даточных»*. Все старые полки были расформированы, за исключением четырёх упомянутых выше Преображенского, Семёновского, Первомосковского и Бутырского. В эти четыре полка были включены все, кого Пётр посчитал надёжными и пригодными для дальнейшей службы. Всего осталось около 28 тысяч человек. Стрельцов, поднявших бунт, на службу не брали совсем. **Таким образом, в основу своей новой армии Пётр I положил принципы отбора из числа подневольных людей. Так была создана постоянная (регулярная) крепостная армия.**

Не умея и не желая вникать в проблемы службы стрельцов, солдат, рейтар, которые могли служить в случае своевременной выплаты жалованья и организации соответствующего обучения, Пётр I начал ломать сложившуюся военную организацию, применяя драконовские меры, которые не могли быстро привести к положительным результатам. В этом же году Гордон переработал воинский устав 1647 года. В следующем 1699 году Гордон умер. Это явилось тяжелой потерей как для Петра I, так и для масонов, так как этот человек умел навязывать свою волю окружающим.

С 1698 года начались и другие реформы. Расправляясь со стрельцами, он начал обрезать бороды у старозаветных московских бояр, заставлять московское общество носить европейское платье. Боярская Дума была заменена *«конзилией министров»*. Было произведено сокращение приказов за счёт их объединения и создания новых. Перестройке подверглось управление городов и их торгово-ремесленного населения. После взятия Азова Пётр обратил внимание на церковь. Он открыто называл монахов бездельниками. Потребовал отчёты о доходах церкви, заставил её строить на свои средства корабли, запретил возводить в монастырях новые здания, а тем из церковников, которые имели поместья, платить жалованье. **Все эти меры в отношении церкви были вполне оправданными и крайне необходимыми для государства.** В 1700 году умер патриарх **Адриан**. Вместо нового патриарха Пётр I ввёл новую должность – *местоблюстителя патриаршего престола*, который имел только функции духовного пастыря. Имущество церкви поступило во вновь образованный Монастырский приказ во главе с **И.Мусиным-Пушкиным**, светским лицом. Доходы от него шли в государственную казну. Этим в значительной мере были укреплены финансы государства.

Реформирование государственного управления, церкви и армии он осуществлял для ведения войны со Швецией. Эта война не была задумана им самим. В эту войну Петра I ловко втянули масоны, сторонники стран «Священной лиги». Эта война не отвечала национально-государственным интересам России. Она обеспечивала интересы Австрии, Речи Посполитой и отчасти Турции. На самом деле национально-государственные интересы России уже в XVI веке состояли в продвижении на Северный Кавказ, Тамань и Крым. Причём это продвижение после взятия Азова могло получить планомерность, постепенность и неуклонность. Здесь не нужно было совершать дальних походов и собирать большие силы. Здесь необходимо было строить новые оборонительные линии, крепости и остроги и шаг за шагом отодвигать границу в гор Кавказа к Чёрному морю и Крыму.

Единственное, что требовалось, так это держать три постоянных войска на Тереке, у Азова и на реке Конские Воды численностью по 30 тысяч человек. В зависимости от решаемых задач, союзниками могли быть либо Персия, либо Турция. В этой связи не было никако-

го смысла рушить сложившуюся организацию вооружённой силы и рубить головы стрельцам. Их всех можно было за небольшое жалованье и разрешение заниматься ремёслами и мелкой торговлей разослать по пограничным городам для их обороны. Солдат и рейтар следовало собрать в постоянное войско, чтобы они активно действовали на том или другом направлении и служили за жалованье. Для того чтобы к этому прийти, Петру I нужно было обладать стратегическим предвидением и быть вне влияния иноземцев. К сожалению, влияние иноземцев на него было слишком большим, а стратегическим предвидением он не обладал, так как все действия в Причерноморье он связывал только с походами в Крым.

В этой связи нет оснований считать, как полагает официальная историческая наука, что Пётр I имел *«незаурядные, выдающиеся способности государственного деятеля, полководца, флотоводца и дипломата»*. И уже совсем **нет оснований для утверждения, что Пётр I прорубил окно в Европу**. Легенда о мудром царе-преобразователе, прорубившем окно в Европу и открывшем России путь для восприятия *«единственно ценной западной культуры и цивилизации»* родилась при Екатерине II. Ставшая официальной в конце XVIII века, эта легенда не была опровергнута ни в XIX, ни в XX веках. Эту легенду российской императрицы, имевшей немецкое происхождение и узурпировавшей трон, подавляющее большинство наших людей воспринимает как истину в последней инстанции.

На самом деле всё обстояло совсем не так. Рушили традиции и привносили новшества в Московию и Иван III, и Иван IV, и А.Романов, и Софья. Контакты России с Европой не прерывались начиная с Ивана III. Разве Екатерина II всего этого не знала? Конечно, знала. Но при этом она выделила Петра I особо. Возникает вопрос за что? Да за то, что он положил все силы России для сокрушения Швеции и тем самым обеспечил подъём Пруссии. То есть, он много потрудился для обеспечения интересов не только Австрии, Речи Посполитой, Турции, но и будущей Германии, загоняя миллионы русских людей в гроб ради реализации своих авантюрных и антинациональных планов.

В 1699 году было призвано 32 тысячи даточных крестьян. Это был первый рекрутский набор в России. Одновременно было принято на службу в армию много иностранцев. Им были предоставлены большие преимущества как в отношении окладов, так и в занятии большинства командных должностей. Естественно, по большей части это были авантюристы и прохвосты, устремившиеся из Европы в Россию, чтобы поживиться русскими деньгами. Но Петру до этого не было дела. Так самодержавный абсолютизм начал закладывать ненависть к себе в святая святых государства – в армии. Пётр I уже вынашивал планы новой войны. В 1700 году ему удалось собрать значительные силы. Кроме сверхкомплекта 4 старых полков, из новопризванных дворян и даточных крестьян было сформировано 29 пехотных полков, а также три драгунских, образовавших три сильные дивизии.

Однако Пётр I, готовясь к новой войне, не слишком разборчиво занимался поиском союзников и ещё меньше обучением войск. Обратив излишнее внимание на любезную ему Голландию, Пётр не только упустил возможность привлечь к борьбе со Швецией Францию, но и обрёл в её лице серьёзного противника. Это к вопросу о выдающемся дипломате. Причём противника, который вредил России на протяжении всего XVIII века. Во внешнеполитической стратегии Пётр I изначально показал свою полную несостоятельность. В армии, созданной им, дела обстояли ещё хуже. Призванные на службу даточные люди не были обучены и дисциплинированы, к тому же были плохо одеты и вооружены. Большую часть высших и значительную часть средних командных должностей занимали иностранцы, не знакомые ни с российскими условиями, ни с обычаями и традициями, ни с языком.

В своём большинстве они презирали и третировали своих российских сослуживцев и ещё больше подчинённых, плативших им не меньшей ненавистью. Это взаимное недоверие, в связи с общей дезорганизацией войск, грозило катастрофой при столкновении со шведской армией, считавшейся тогда, и не без оснований, лучшей в мире. В сентябре 1700 года российская армия под командованием герцога **де Сент Круа** численностью 42 тысячи человек при 145 орудиях осадила Нарву. Пётр I, вступая в войну, рассчитывал быстро одолеть Швецию в союзе с Данией и Польшей. К этому времени шведский король **Карл XII** заставил капитулировать Данию, затем принудил польского короля Августа снять осаду Риги. После чего с войском 8 тысяч человек при 37 орудиях двинулся к Нарве. 19 ноября 1700 года Карл XII подошёл к Нарве и опрокинул российскую армию. Большей её части пришлось сложить оружие. Остатки бежали к Новгороду.

В ходе сражения кем-то был пущен слух: *«немцы изменили»*. Началась паника. Солдаты стали избивать иностранцев, которым оставалось лишь одно спасение – сдаться шведам. При капитуляции русская армия сдала шведам всю свою артиллерию, обоз, знамёна и оставляла военнопленными всех генералов. Остальные отпускались. Если говорить о военной безопасности петровского государства, то стоило Карлу XII не проявить великодушия и не отпустить пленных русских *«мужиков»*, Петра I постигла бы полная катастрофа и ему никогда бы не удалось дойти до Полтавы, Гангута и Гренгама. Однако Карл XII, на своё горе, посчитал этих русских «мужиков», для себя неопасными.

После нарвского разгрома Петру I пришлось вручить армию Шереметеву и Репнину. С этого момента армия начала постепенно выправляться и учиться бить врага. Однако отношение к иностранцам у Петра I не изменилось. Он по-прежнему в немалом количестве набирал их на службу, особенно во флот. Правда, отбор стал более жёстким. К тому же вся армия была переодета в иностранную форму. В обучение введена палочная дисциплина. Нет необходимости перечис-

лять, сколько раз армия вручалась Петром I иностранцам и сколько раз она по этой причине терпела поражение. Для нас важно то, насколько успешно руководил боевыми действиями сам Пётр I. Часто победу в полтавском сражении приписывают Петру I.

Однако эту победу добыли полковник **Келин**, командовавший полтавским гарнизоном, князь **Меньшиков**, командовавший кавалерией, и граф **Шереметев**, командовавший всей армией, а также те безвестные солдаты и офицеры российской армии, которые почти за десять лет непрерывной войны уже научились воевать. Однако воевать против небольших, хотя и высокобоеспособных, армий шведов вблизи своей территории – это одно дело. И совсем другое дело – воевать против огромной армии Турции и вдали от своей территории. Пётр I абсолютно не понял этого обстоятельства. Поэтому, предпринимая поход в Молдавию, он вновь переоценил возможности своей армии и армий союзников. Хотя сама инициация этого похода могла принести большую пользу России, так как султан, опасаясь общего восстания славян, предложил Петру I мир при посредничестве патриарха Иерусалимского и господаря Валахии **Бранковану**. Турция предлагала Петру I все земли до Дуная: Новороссию с Очаковым, Бесарабию, Молдавию и Валахию.

Опыт войны со Швецией красноречиво показывал, что на союзников не стоит серьёзно рассчитывать. Влияние Дании и Польши на ход войны со Швецией было незначительным. Поэтому рассчитывать на Молдавию, Валахию и Польшу как на серьёзную силу тоже не имело смысла. Однако Пётр I прельстился *«огромностью»* выставляемых сил и очертя голову бросился в авантюру. Это показывает, что в вопросах военно-политической стратегии он как был профаном, так и остался. Ответив отказом на предложение султана, он поставил себя в катастрофическое положение. Турция двинула против коалиции, возглавляемой Петром I, огромную армию – около 300 тысяч человек при 500 орудиях.

В этих условиях ни Бранкован, ни **Кантемир** не смогли собрать обещанных ими 60 тысяч человек. К тому же боеспособность собранных была на крайне низком уровне. Не лучше обстояли дела и у поляков. Таким образом, пришлось оперировать, в основном, российской армией численностью 50 тысяч человек. 9 июля 1711 года турки окружили российскую армию в *Станилештах*. У Петра I в это время было только 38 тыс. человек при 122 орудиях. Турки имели 170 тысяч человек при 469 орудиях. И, хотя три штурма российского лагеря были отбиты с большими потерями для турок, положение российской армии оказалось безнадёжным. Петру I пришлось пойти на переговоры и заключение невыгодного мира. По *Прутскому договору* Россия возвращала Турции Азов с его округом, обязывалась срыть укрепления на Дону и Днепре, которые успешно удерживала ещё при Фёдоре и Софье. Разрушению подвергалась также *Таганрогская кре-*

пость. Кроме того, Пётр I обязывался не вмешиваться в польские дела и давал Карлу XII пропуск в Швецию.

Хорошо ещё, что командовавший турецкими войсками визирь **Балтаджи** согласился на эти переговоры и заключение мира. А если бы он не согласился и пленил русскую армию вместе с Петром I? Нетрудно догадаться, что произошло бы с Россией. Можно с уверенностью утверждать, что Россия попала бы в вассальную зависимость от Турции, её территория сократилась бы до территории Московского государства Ивана III 1480 года, но с меньшими перспективами развития на будущее. Однако заключение Прутского мира тоже следует считать катастрофой, так как этот договор обрекал Россию на многочисленные войны с Турцией в течение 200 последующих лет. Поэтому дальше инициации похода Петру I идти не следовало.

Более того, в то время Турция ему была нужна в качестве союзника, так как России тогда было крайне необходимо укрепиться на северо-западном побережье Каспия и северо-восточных отрогах Кавказа. Чтобы успешно воевать с Турцией в будущем, необходимо было оттеснить Персию, владения которой доходили почти до Калмыкии, за Дербент. Такая попытка позднее была сделана. Но она ограничилась основанием порта Петровск и нескольких казачьих станиц на реке Терек. Основные силы были двинуты Петром I для преждевременного завоевания Закаспийского края. Этот поход дал значительно большую пользу Турции в её борьбе с Персией, чем России. Для России он принёс непомерную тяжесть по содержанию Закаспийского Низового Корпуса, состоявшего из 9 полков. Не случайно во времена Анны Иоанновны закаспийские завоевания Петра I были ликвидированы.

Поэтому когда поют хвалу Петру I в вопросах ведения войн и активной внешней политики, я не могу разделять эту хвалу и соглашаться с ней. **Проигрышей было значительно больше, чем приобретений.** Не раз Пётр I своими безграмотными и недальновидными действиями ставил страну в тяжелейшее положение, буквально на грань катастрофы. Такое поведение Петра I обуславливалось чертами его собственного характера, полученными им как при воспитании, так и данными от природы. Выше мы говорили, что Петра I воспитывали швейцарцы-масоны: Гордон и Лефорт. Именно они привили Петру I жажду необъятной власти, неуважение ко всему национально-русскому, стремление переделать его на европейский образец. Эти негативные качества накладывались на дарованные ему природой: любознательность, способность к наукам, неуёмную энергию и огромную работоспособность. **В результате, явился миру МОНСТР, который в своих мечтах и планах возносился столь высоко, что перестал замечать значительную часть трудностей на пути осуществления своих прожектов. Поэтому очень часто эти прожекты оборачивались банальными катастрофами.**

Петру I уже не нужны были вдумчивые советчики, ему нужны были только активные исполнители его воли. В этой связи *«чрезмерное форсирование европеизации»*, которая *«влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всего русского»*, шло в русле борьбы со славяно-казачьей (демократической) традицией. Самодержавному абсолютизму нужны были люди-автоматы, действующие без рассуждений. **Именно преклонением русских людей перед малограмотным иностранцем Петру I удалось заковать в кандалы всё русское общество.** Всё общество оказалось бесправным. Крестьянство было превращено в рабочий скот. Оно стало работать на барских полях по 5 дней в неделю, да ещё выделять даточных людей для службы в армии. Дворяне тоже не были свободны. Они должны были отбывать обязательную воинскую повинность. Боярство принуждено было исполнять обязательную государственную службу.

На базе этого закабаления российского общества **было насаждено не только преклонение перед всем иностранным, но также авантюризм во внешней и внутренней политике, пренебрежение национально-государственными интересами страны, беспощадная эксплуатация народных низов.** Его отношение к Русскому народу очень хорошо характеризуется задокументированной и сохранившейся до настоящего времени фразой Петра I: ***«С другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так... Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей»***. Именно за эту фразу масоны именуют его ***«Петром Великим»***.

Национально-государственные интересы, которыми всегда пренебрегала самодержавно-христианская власть в России, при Петре I вообще утрачивают своё значение. Их заменяют прихоти и капризы царствующих особ и их фаворитов. Идея собирания русских земель, сыгравшая большую роль в XIV и XV веках, при Петре I трансформируется в идею освобождения христиан от турецкого владычества. При Екатерине II она дополняется идеей возрождения византийской империи во главе с её внуком Константином. В таком виде идея уже не могла быть осуществлена, так как на пути её реализации сразу же возникли два существенных препятствия. Во-первых, на византийский трон тут же нашлись другие претенденты. Во-вторых, христианизация идеи уводила венценосных монархов в заоблачные выси. Это как раз и случилось с Александром I, который довёл самодержавный абсолютизм до полного маразма. Если к тому же учесть, что авантюристы и масоны с Петра I прочно прописались при дворе, то станет понятно, что Россия, по существу, превратилась в руках многих европейских государств в средство для реализации их далеко идущих планов.

При Петре I продолжала углубляться борьба со славянской историей. До Петра I в России пользовались славянским летоисчислением и вели его от Сотворения Мира в Звёздном Храме Асгарда. В 7208 году Пётр I распорядился перейти на летоисчисление по христианскому григорианскому календарю, после чего стали вести летоисчисление от рождения еврея Иисуса Христа и **7208 год** превратился в ***1700 год от Р.Х.*** То есть **начатый Никоном и церковным собором 1666 года процесс уничтожения последних остатков славянской истории продолжился и при Петре I.**

Он решил вообще переписать отечественную историю. Для чего в конце своей жизни он пригласил из Германии двух немцев для *«исправления русской истории»*. После его смерти, при Екатерине I, в Россию в 1725 году прибыли *«выдающиеся историки, крупные лингвисты, знатоки древних языков»* **Готлиб-Зигфрид Байер** и **Герард-Фридрих Миллер**. Первому было 29 лет, а второму – 25 лет. Сама молодость этих историков, лингвистов и *«знатоков»* древних языков говорит о том, какими они были специалистами. Однако это не помешало им создать норманнскую теорию происхождения российской государственности. Без поддержки императорской власти это было вряд ли возможно. Это был важный шаг в уничтожении славянской истории, создавший основу фальсифицированной официальной версии прошлого Русского народа и славянства.

Этот шаг Петра I был обусловлен тем, что демократическая традиция в русском народе продолжала теплиться и время от времени прорывалась в виде бунтов и восстаний. В первые годы царствования Петра I не было серьёзных волнений. Тем более что походы под Азов отвечали чаяниям донских и запорожских казаков. Когда же Пётр I обратился против Швеции и потерпел первые поражения, понадобилось восстанавливать армию и возобновлять пушечное литьё. На всё это требовались деньги. Их можно было взять, увеличив налоги и повинности. Рост налогов и повинностей вёл к росту недовольства в среде крестьянства и посадского населения. Катализатором же выступлений, как правило, являлось самодурство царских чиновников и воевод, а также усилившаяся с 1700 года борьба с инакомыслием и стариной.

Резание бород, поношение старой русской одежды, административное принуждение приказных и ратных людей стали вызывать в их среде озлобление, которое начало выливаться в открытые восстания. Первое серьёзное восстание случилось в Астрахани в 1705 году. Там самодурство воеводы **Ржевского** и других начальных людей толкнуло стрельцов на восстание. Нужно сказать, что в Астрахани со времён восстания С.Разина витал мятежный дух. Здесь было много людей из числа староверов и старообрядцев, которые с большим недовольством восприняли новые реформы Петра I. Поводом, поднявшим астраханцев на восстание, был слух, что все молодые женщины будут вы-

даны замуж за иноземцев. Народ заволновался, спешным образом 30 июля было справлено около 100 свадеб. Естественно, многие на этих свадьбах перепились. Ночью же всех поднял набатный колокол и началась расправа. Восставшие астраханцы в первый же день убили около 300 человек. Это были командиры полков, офицеры, приказное начальство и иноземцы.

Восстание организовали **Г.Артемьев, Г.Агеев, И.Шелудяк, Я.Носов** и другие. Они тут же организовали *сход* (круг) и избрали исполнительную власть из старшин. Власть была организована по славяно-казачьему образцу. Однако стремление астраханцев привлечь к восстанию другие города Поволжья и казачьи городки Дона потерпело неудачу. Сообщение о восстании в Астрахани застало Петра I в Митаве. 12 сентября царь поручил Б.Шереметеву подавить восстание. Для того чтобы астраханцы не оказали серьёзного сопротивления, он принял их станицу во главе со стрельцом **И.Кисельниковым** в Гродно и выдал им умиротворяющую грамоту. После её оглашения в среде восставших возникло раскаяние. 13 января 1706 года астраханцы целовали крест на верность царю. Вскоре к городу подошёл фельдмаршал и штурмом взял Астрахань. Под следствием оказалось более 500 человек. В ходе пыток и казней погибло более 350 человек.

Но это было первое и не самое мощное выступление недовольных. За ним через два года разразилось восстание **К.Булавина** на Дону. Причины, поднявшие казаков на восстание, были те же, что и во времена С.Разина. Эти причины были чётко сформулированы думным дьяком **Е.Украинцевым** и высказаны гетману И.Самойловичу в 1684 году: *«Теперь многие люди ищут и желают службы, без войны жить не привыкли, а прокормиться им нечем. Донские казаки беспрестанно бьют челом великим государям, что у них река улюднела. Беспрестанно казаки думают о войне, без которой прокормиться им нечем. Если не посылать их на войну, то надобно давать большое жалованье».*

Крымские и азовские походы на время отодвинули восстание казачества. Однако в начале XVIII века ситуация вновь обострилась до крайности. Её обострение обуславливалось следующими причинами. Во-первых, в свою бытность в Черкасске в 1695 году Пётр I забрал у донских казаков грамоту Ивана IV, даровавшего реку Дон казачьему войску за взятие Казани в 1552 году. Во-вторых, после похода к Азову 1696 года с Турцией начались мирные переговоры и казакам было запрещено выходить в море, вследствие чего на Дону и Запорожье стало быстро расти число голутвенных казаков. В-третьих, вблизи Дона и в Поволжье народ был доведён до критического состояния мобилизациями на строительство флота ещё во время азовских походов. Война со Швецией усилила эти тяготы и разорения. В-четвёртых, усилившиеся гонения против староверов и старообрядцев, обрезание бород и отрицание старорусской одежды вызывали у массы казаков

желание вернуть старину. В-пятых, на Дон зачастили карательные экспедиции в поисках беглых, что вызывало у казаков недовольство особого рода, так как нарушалось правило ***«с Дона выдачи нет»***. Все эти причины обострили ситуацию на Дону до крайности и взрыв стал неизбежен.

Осенью 1707 года карательный отряд под началом гвардии майора князя Ю.Долгорукого отыскивал беглых на Дону. В начале октября его отряд разбил лагерь у *Шульгина-городка*. Тем временем, занимавшийся солеварением атаман К.Булавин вернулся на Дон. К.Булавин был из верховых донских казаков. Родился он в *Трёхизбянской станице* на Северском Донце. Когда усилились притеснения царской власти, он оставил добычу соли и с верными людьми двинулся на Дон поднимать людей. К моменту столкновения с карательным отрядом Долгорукого он уже собрал большую дружину, двигаясь по Дону. 9 октября его дружина напала на отряд Долгорукого и уничтожила его. Дружина Булавина, в основном, состояла из беглых холопов и крестьян, а потому большой воинской силы не представляла.

Этим воспользовался войсковой атаман **Л.Максимов**, который собрал домовитых казаков, усилил их отрядом царских войск из Азова, объединился с калмыками и разбил неорганизованные толпы у городка ***Закотного***. К.Булавин бежал в Запорожскую Сечь. Запорожцы оказали ему помощь, так как у них с донцами были одинаковые проблемы. Булавин организовал свой стан в Пристанском городке на реке Ворона. Отсюда во все концы российской Украйны стали направляться булавинские *«прелестные письма»* с призывами к восстанию. К апрелю 1708 года восстание охватило всю российскую Украйну. 9 апреля 1708 года восставшие разбили силы, собранные войсковым атаманом Л.Максимовым, и 28 апреля вошли в Черкасск, который сдали восставшие казаки. К.Булавин собрал круг, на котором было принято решение казнить войскового атамана Максимова и поддержавших его старшин, раздать народу войсковую казну и понизить цены на хлеб. На этом же круге К.Булавин был избран войсковым атаманом.

После круга Булавин разделил свои силы на отряды и некоторые из них направил к Царицыну, Изюму и Саратову. С основными силами он готовился взять Азов. У Изюма к восставшим присоединилось 1,5 тысячи запорожцев. Отряд **И.Павлова**, направленный к Саратову, взял ***Дмитриевск*** и пытался соединиться с восставшими башкирами. Отряд атамана **И.Некрасова** в начале июня взял ***Царицын***. Тем временем Булавин с основными силами восставших двинулся к Азову. Это была его трагическая ошибка. В Азове находился сильный и преданный царю гарнизон. В то время как в Астрахани было немало сочувствующих. Но К.Булавин не хотел оставлять Черкасска, поэтому сделал попытку обезопасить себя со стороны Азова. Однако под Азовом он потерпел поражение и понёс большие потери.

Домовитые казаки воспользовались этим. Ещё до выступления Булавина к Азову в их среде созрел заговор. После его возвращения в Черкасск заговорщики напали ночью на его курень. Предвидя захват и выдачу его царским властям, К.Булавин застрелился. Это случилось ночью 7 июля 1708 года. После гибели К.Булавина восстание пошло на убыль. Атаман И.Павлов с беглыми отошёл от Саратова к Царицыну, где и остановился. Атаман И.Некрасов с казаками ушёл в городок ***Голубые***. Запорожцы были разбиты под Бахмутом, а отряд И.Павлова в Царицыне осадили войска полковника **Левингстона**, прибывшие из Астрахани. Вскоре они взяли и город, и крепость. Тем временем брат убитого Ю.Долгорукого **В.Долгорукий** в июле 1708 года двинулся к Черкасску. Избранный старшиной войсковой атаман **Зарыщиков** со своими сторонниками повинился, был прощён и остался атаманствовать. 28 июля большая часть казаков принесла присягу царю и целовала крест. Около 200 булавинцев были схвачены и казнены. Восстание К.Булавина было самым мощным из тех выступлений, которые охватывали тогда Россию.

Отразилось это восстание и на отношениях с днепровским казачеством. Запорожцы, оказавшие помощь К.Булавину, имели большое влияние на гетманское войско и самого гетмана И.Мазепу. Собственно, и сам Мазепа хорошо видел, что в России все: от крестьянства и до бояр высшего ранга – превращены в рабов. Становиться в их ряд он не хотел, поэтому начал сноситься с **Лещинским**, оппозиционным **Августу II** польским королём и шведским королём Карлом XII. Порядки в Швеции и Польше ему больше нравились. Помощь запорожцев Булавину ещё больше укрепила его решимость, так как он понимал, что Пётр I не оставит это без последствий. Тем более в его окружении генеральный судья **В.Кочубей** интриговал против Мазепы. Причиной доносов была связь его дочери **Матрёны** со старым гетманом. Пётр I, опасаясь, что И.Мазепа может перейти на сторону шведского короля, даже передал В.Кочубея в руки И.Мазепы.

После поражения восстания К.Булавина и начавшегося сыска его зачинщиков, в том числе и среди запорожцев, И.Мазепа не стал испытывать судьбу и в октябре 1708 года открыто перешёл на сторону шведского короля. С ним ушло около 5 тысяч черкас. Во время восстания Булавина запорожцы вышли из-под контроля Москвы. Они вновь занялись морским разбоем и дважды ограбили греческих купцов, прибывших из Турции. Султан за это потребовал огромную компенсацию. Пётр I, опасаясь вступления Турции в войну, выполнил требование султана, при этом запорожцы были лишены жалованья. Не получив жалованья, запорожцы стали переходить на сторону Мазепы. В итоге, около 8 тысяч запорожцев в марте 1709 года оказались в лагере шведского короля Карла XII. В ответ на это в мае 1709 года Пётр I распорядился разгромить Запорожскую Сечь.

Волнения по всей стране, восстание Булавина, измена Мазепы и уход запорожцев к шведскому королю ясно показывают – всё это было результатом недальновидной внешней и внутренней политики Петра I, втянувшего Россию, в угоду европейскому масонству, в войну со Швецией, которая абсолютно не соответствовала национально-государственным интересам страны. Всё это только обострило вторую гражданскую войну в России, развязанную самодержавно-христианской властью против собственного народа и длившуюся уже свыше 40 лет. Выявившиеся в ходе неё центры сопротивления были разгромлены самодержавным абсолютизмом. Многие инакомыслящие бежали за границу. Некрасовцы и запорожцы нашли приют в Турции. Некоторые уехали в Европу. Большинство же вынуждено было скрываться в Поморье, на Урале и Сибири. Инакомыслие было изгнано, либо загнано внутрь, в подполье, что неизбежно вело к повторению бунтов и восстаний, как только для этого складывались обстоятельства.

В период правления Петра I Сибирь продолжала наращивать свой потенциал. Активно шли процессы ассимиляции и укрепления этноса сибиряков. Устраивалась внутренняя жизнь края. Росло число рудников, в том числе по добыче серебряной руды. Расширились связи с Китаем и другими странами. Но происходили и более существенные события. В 1690 году киргиз-кайсаки и каракалпаки передвинулись на север и стали нападать на *Тарханский острог* Тюменского округа. В 1691 году они взяли и разграбили Царёво Городище, Утяцкую и Куртамышскую слободы, чего следовало, конечно, ожидать. Никакой оборонительной системы для защиты этих российских поселений в XVII веке создано не было.

В 1695 году буряты под началом **П.Тайшина** и **И.Степанова** напали на Иркутск, но были отражены. Десять бурят, захваченных в плен, были повешены. В 1696 году буряты вновь осадили Иркутск и вновь были отбиты. В 1697 году казачий пятидесятник **Атласов** с 60 казаками и 60 юкагирами из Анадыря отправился на Камчатку, взял 3 городка. Затем казачья дружина разделилась на два отряда, которые прошли по западной и восточной стороне полуострова. После этого вновь соединились и основали *Верхнекамчатское ясачное зимовье*. У Ямышевского озера, около реки Иртыш, организовалась меновая торговля россиян, джунгар и узбеков. В этом же году в Нерчинск послано 624 человека беглых крестьян с жёнами и детьми. Но к месту назначения прибыла едва третья часть, так как царские власти не заботились о переселенцах, *ограничиваясь казачьим конвоем*.

В 1698 году кузнецкому воеводе **Л.Нарыкову** царской грамотой было запрещено строить монастыри, так как *«в Сибири мужских и женских монастырей, где всякого чина православным христианам постригаться и спасаться довольное число есть»*. По свидетельству Словцова, в то время в Сибири было 37 монастырей, из которых 21 монастырь был упразднён. В этом же году боярским сыном **Ремезо-**

вым был составлен в двух экземплярах новый *чертёж Сибирской земли*. За этот труд был пожалован 5 рублями денег и выходом. Киргизы по наущению джунгар вновь стали нападать на окрестности Томска. В 1699 году оставленный Атласовым в Вехнекамчатском зимовье **Серяков** с 16 казаками, не дождавшись подкреплений, направился в Анадырь, но по дороге казаки были перебиты коряками.

В 1700 году Атласов в Москве пожалован казачьим головой. Ему было велено набрать 100 человек казацких детей в Тобольске, Енисейске и Якутске и вновь отправиться на ***Камчатку***. Из Якутска на Камчатку был отправлен боярский сын **Кобелев**, который отомстил корякам, убившим Серякова и его товарищей. Он разорил городок ***Кохча***, восстановил *Верхнекамчатский острог* и основал *Большерецкий острог*. В 1701 году в Сибирь сосланы единомышленники типографщика **Г.Талицкого**, печатавшего воровские письма, в которых Пётр I назывался *антихристом*. Боярским сыном Ремизовым вместе с сыновьями был начертан атлас Сибири. В 1702 году из Якутска на Камчатку отправлен казак **М.Зиновьев** с командой, построившей *Нижнекамчатский острог*.

В 1703 году Петром I была направлена грамота с подарками хивинскому хану **Аран-Маметю**. В грамоте говорилось о милостивом его содержании в российском подданстве и позволении приезжать хивинцам для торговли в Россию. Подарки хану включали тысячу золотых рублей, сорок соболей и трёх кречетов. В 1704 году на Камчатку направлен пятидесятник **В.Колесов**. Ему удалось присоединить к России один из островов Курильской гряды. В 1705 году в Сибирь сосланы астраханские стрельцы и казаки. Их разделили на мелкие группы и разослали по зимовьям на Колыме, Анадыре и Уде. Но они не смирились. От лишений и голода стали заниматься разбоем. И только когда их перевели на юг и разрешили заниматься земледелием, они успокоились.

В 1706 году восстали камчадалы, перебили сборщиков ясака, разрушили Большерецкий острог и распространили восстание на всю Камчатку. В 1707 году на Камчатку из Якутска отправлен **П.Чириков**. В 1708 году указом от 18 декабря образована ***Сибирская губерния*** со столицей в ***Тобольске***. В 1709 году основана *Бийская крепость*. На Камчатке казаки убили трёх царских приказчиков Атласова, Мартынова и Чирикова и вновь восстановили Большерецкий острог. В 1710 году первым Сибирским губернатором назначен боярин князь **М.Гагарин**. В 1711 году камчадалы и курильцы осадили казаков в *Камчатском остроге*. Но казаки вышли из острога, разбили осаждавших и многих из них потопили в реке. После этого камчадальские селения покорились и стали платить ясак, как ранее. В 1713 году князь М.Гагарин подал Петру I проект о необходимости построить ряд крепостей по реке Иртыш и создать укреплённую линию через всю Джунгарию до Яркенда, где добывали золото.

В 1714 году бригадир **Бухгольц** был отправлен из Тобольска вверх по Иртышу для овладения Яркендом и золотоносными приисками. Сибирскому митрополиту **Фёдору** направлен указ *«об уничтожении кумиров и кумирниц у вогуличей, у остяков, у татар и у якутов, и о крещении этих народов в христианскую веру»*. Так царская власть продолжала усиливать гонения против инакомыслящих и в Сибири. В 1715 году бригадир Бухгольц с отрядом около 3 тысяч человек дошёл до Ямышевского озера, но был встречен численно превосходившими джунгарами, потерял много людей и вынужден отойти к устью реки Оми. Петровские авантюры всегда заканчивались неудачами, так как никогда не обеспечивались необходимыми силами. Вновь мы видим, что данный провал связан с тем, что в прежние годы не было осуществлено продвижение на юг с соответствующим закреплением территории строительством оборонительных линий. Приказчиком на Камчатке был назначен **Петриковский**, который превзошёл своих предшественников в лютости и алчности. Одного из казаков он замучил вилами до смерти. Впоследствии казаки добились его смены и ареста. У него в казну было отнято 5640 соболей, 207 бобров и 169 выдр.

В 1716 году бригадиром Бухгольцем на южном (левом) берегу Оми основана *Омская крепость*. В 1758 году она была перенесена на северный (правый) берег Оми. Казак **К.Соколов** в Охотске построил судно и первым совершил путешествие на Камчатку по морю. Так был открыт кратчайший и менее опасный путь на Камчатку. После этого Охотск стал портовым городом. В этом же году в Хиву с 3-тысячным отрядом был отправлен ревностный поборник этого похода капитан гвардии князь **Бекович-Черкасский** для того, чтобы привести хивинского и бухарского ханов в российское подданство. Отряд двинулся в Хиву с северного берега Каспийского моря через плато Устюрт и далее вдоль высохшего русла Амударьи. Большего количества людей привлечь было невозможно из-за ограниченности запасов продовольствия и воды. Для обследования Каспийского моря и обнаружения водных путей из Средней Азии в Индию был отправлен поручик Кожин с экспедицией.

В 1717 году отряд князя Бековича-Черкасского стал жертвой вероломства хивинского хана под стенами Хивы. Разумеется, очередная авантюра, не обеспеченная ни связью, ни подкреплениями, по-другому закончиться не могла. От реки Урал до Хивы было слишком далеко, чтобы хивинский хан легко мог принять российское подданство. Этот случай ясно показывает, что у Петра были проблемы не только со стратегической прозорливостью, но и с дипломатией. В 1718 году полковник Ступин повторил поход к Ямышевскому укреплению Бухгольца и основал там крепость. Затем между нею и Омской крепостью была основана *Железинская крепость*. После чего полковником Ступиным была основана *Семипалатная крепость* на правом берегу Иртыша. Крепость по причине неоднократных наводне-

ний часто переносилась. Позднее эта крепость стала городом Семипалатинском. Поручик князь **Урусов** был отправлен для осмотра старого русла реки Амударьи и нанесения на карту Каспийского моря с промером глубин и описанием его берегов.

В 1719 году обер-фискал **Нестеров** донёс Сенату о злоупотреблениях в Сибири, включая губернатора князя **В.Гагарина**, который был отозван в Петербург. В Сибирь на место князя В.Гагарина назначен комнатный стольник **А.Черкасский**. По табелю губерний 1719 года в сибирских городах насчитывалось следующее количество дворов: в Тобольске – 18135, Тюмени – 2075, Таре – 1671, Верхотурье – 3483, Туринске – 863, Пелыме – 301, Берёзове – 248, Сургуте – 146, Нарыме – 193, Кетске – 73, Томске – 2532, Кузнецке – 617, Енисейске – 1406, Красноярске – 927, Мангазее – 174, Илимске – 1302, Якутске – 429, Иркутске – 1740, Нерчинске – 782. Всего по городам было 37096 дворов. В 1720 году на правом берегу Иртыша в устье реки Ульбы построена *Устькаменогорская крепость*. В этом же году **Лихарев** с отрядом в 440 человек переплыл озеро Нор-Зайсан и затем перебрался в реку Чёрный Иртыш, где ему пришлось отразить нападение джунгар. Издан указ о наборе в Сибирской губернии 4-тысячный рекрут из солдатских, казачьих, ямщичьих, а в случае необходимости из дворянских и духовных семейств.

В 1721 году, после продолжительного тюремного заключения, бывший сибирский губернатор князь В.Гагарин приговорён к смертной казни, которая была совершена в Петербурге 16 марта. Повелено заселить *Ямышевскую крепость* и организовать в ней торговлю с Джунгарией, Тибетом и китайскими городами. В 1722 году из Пекина был выслан российский агент Ланг и вместе с тем китайским правительством воспрещена всякая российская торговля. Поводом послужили: перекочёвка в Сибирь 700 монголов, перебивших китайский пограничный караул, и постоянное пьянство и буйство российских купцов в Пекине. В 1724 году сибирским губернатором был назначен князь **М.Долгорукий**. В 1725 году в Китай в качестве чрезвычайного посланника направлен граф Иллирийский **С.Владиславич-Рагузинский**. Повелено снарядить экспедицию во главе с капитаном **Берингом** для исследования существования пролива между Азией и Америкой. Запрещено рекрутов из Сибирской губернии высылать в другие губернии страны. Все они должны были идти на укомплектование сибирских гарнизонных полков.

Правление Петра I перетряхнуло Россию, но не сделало её ни по-настоящему могущественной, ни по-настоящему образованной. Сменено было только верхнее платье, которое внешне стало походить на европейское. Дворянство было приобщено к европейской культуре, и от этого только увеличился разрыв с низами народа. Таким образом, противостояние дворянства и низов усилилось. Кроме социальных последствий, в конце жизни Петра I выявились и другие негативы.

Войны Петра требовали создания большой армии. В конце его жизни под ружьём находилось около 340 тысяч человек, не считая личного состава флота. Однако содержать столь многочисленную армию было не на что. Инфляционные меры, принятые Петром I, также быстро себя исчерпали, как и во времена царя А.Романова. Медные деньги себя вновь не оправдали.

«В последние годы царствования Петра I из жалованья чинов производились вычеты (20 копеек с рубля у генералов, 15 – у штаб-офицеров, 10 – у обер-офицеров и 5 – у офицеров гарнизонных войск). Задержка в получении жалованья на несколько месяцев стала обычным явлением. Был период (1724-1725), когда армия не получила жалованья за целых 15 месяцев». Всё это было следствием петровских войн-авантюр. Численность населения России в 1700-25 годах сократилась с 18 до 16 миллионов человек. Длительные войны, строительные и экспедиционные авантюры опустошили страну и казну. Сокращение податного сословия привело к резкому сокращению доходов государства. Война в Персии требовала значительных сил. Тем более, что там большой урон наносили болезни. В 1723-25 годах 20 батальонов Низового Корпуса поглотили 29 тысяч человек рекрутского пополнения.

Немалых расходов требовал флот. К началу похода против Персии в 1722-23 годах у России было уже около 300 кораблей и судов. После смерти Петра I и окончания войн весь флот стал деградировать. Причин было две. Первая – недостаток финансов на его содержание. Вторая – отсутствие войны, которое привело к постановке судов и кораблей у причалов. Построенные из сырого дерева корабли и суда стали попросту гнить. Промышленность, созданная Петром I, в основном, обслуживала военные потребности. С окончанием войны и она стала деградировать. Самодержавный абсолютизм Петра I до предела напряг усилия страны, которые оказались, по большому счёту, напрасными. И как тут не вспомнить советское время, когда развитие шло по схожему сценарию.

Но если тогда этот сценарий привёл лишь к некоторому временному успокоению амбиций российских правящих кругов, то в XX веке он привёл нас к национально-государственной катастрофе. Таким образом, петровские «реформы» надорвали силы России, и она уже была не в состоянии вести столь же активную внешнюю политику, какая осуществлялась при Петре I. Стране требовался продолжительный отдых. Апологеты Петра I утверждают, что Пётр I вздыбил Россию, осуществляя «прогрессивные» реформы. Я полагаю, что всё здесь обстоит ровным счётом наоборот. **Пётр I вздёрнул Россию на дыбу крепостничества, авантюризма и пресмыкательства перед западом, от которого мы не можем избавиться до настоящего времени.**

Так что я не разделяю хвалебных од официальной исторической науки в отношении Петра I. У него не было ни стратегической прозорливости, ни таланта полководца, ни предусмотрительности дипло-

мата. Вся его деятельность была построена на авантюризме, бешеной энергии и невосприятии невозможного. Вследствие чего его правление, *по большей части*, было отрицательным. Пётр I скончался в результате обострения болезни 28 января 1725 года.

Правление императриц

После Петра I демократическая традиция несколько трансформировалась. Она как бы расслоилась. Высшие сановники государства теперь добивались ограничения императорской власти и защиты своих привилегий. Дворянство желало вольностей только для себя. Нужно сказать, что это было уже *общеевропейское дворянство*. Принятые на службу выходцы из Европы составляли добрую половину всего дворянства. В XIX веке их будет уже *больше половины*. Отсюда понятно, что это дворянство уже *не могло* отражать интересы Русского народа. Ему теперь были ближе сословные интересы. Крестьянство хотело избавиться от крепостной зависимости. Интересы общества, таким образом, *разошлись*. Каждый слой требовал демократии для себя, не считаясь с интересами других слоёв. В данном случае добивались *успеха те*, на чьей стороне была сила. После короткого царствования **Екатерины I** и **Петра II**, скончавшегося на 15 году жизни, управлявшие страной члены Верховного тайного совета остановили свой выбор на дочери **Ивана V Алексеевича – Анне**, которая, будучи замужем за герцогом **Курляндским**, овдовела и жила в прибалтийском городе Митаве.

Члены Верховного тайного совета разработали условия (кондиции), на основании которых Анна должна была управлять страной. Разумеется, они содержали ограничения самодержавной власти. Однако сила оказалась на другой стороне. По прибытии Анны в Москву она получила около 20 дворянских проектов, в которых говорилось, что она должна *«царствовать неограниченно и самодержавно»*. Получив такую поддержку, она уже через две недели разорвала кондиции на глазах членов Верховного тайного совета и заявила о *«восприятии ею самодержавия»*. Верховный тайный совет был заменён кабинетом из трёх министров во главе с немцем **Остерманом**. Затем всю полноту власти Анна отдала своему фавориту **Бирону**. Остерман возглавил ведение иностранных дел. **Минних** возглавил армию. **Левенвольде** получил в командование гвардию. **Шумахер** получил в управление академию наук.

Засилье **немцев**, обворовывавших страну, всколыхнуло русское национальное самосознание. Первым против него выступил князь **А.Волконский**, организовавший заговор, который закончился неудачно. Сам А.Волконский и его ближайшие сторонники были казнены. Большую роль в удержании власти над страной в то время играла *Тайная канцелярия*, возглавляемая **А.Ушаковым**. При Анне через

неё прошло около 10 тысяч человек. Понимая шаткость своего положения, Анна и её приближённые пошли навстречу требованиям дворянства. Стали расширяться их права и привилегии. Введённое Петром I в 1714 году единонаследие было отменено в 1731 году. Имения теперь признавались полной собственностью дворян. Срок службы дворян с пожизненного ограничивался 25 годами. К тому же дворянские недоросли с 1730 года приписывались к гвардейским полкам, но обучение могли проходить дома. После экзамена их производили в офицеры. Крестьяне были поставлены в полную зависимость от дворян. В 1731 году на дворян был возложен сбор подушных денег от крестьян. Дворянин-помещик получил право устанавливать наказание за побег крестьянина. С 1736 года заводские рабочие пожизненно прикреплялись к заводам и не могли быть проданы отдельно от них.

Внешняя политика России вплоть до 1735 года была миролюбивой, более того, уступчивой по отношению к Персии. В 1732 году по *Рештскому договору* Россия передала Персии ***Мазендаран***, ***Астрабад*** и ***Гилян***. А после победы персов над турками в войне в 1730-36 годов Россия уступила Персии все земли вплоть до Терека. Невозможность их защищать была очевидной, а затраты на содержание Низового Корпуса огромными, так как там было сосредоточено 17 пехотных и 7 драгунских полков, что составляло около четверти всей вооружённой силы страны. Заключённый в 1735 году *договор* между Россией и Персией предусматривал не только передачу Персии указанных выше территорий, но и обязательство, по которому Персия должна была вступить в войну с Турцией на стороне России.

Основания для заключения такого договора с Персией были веские. После поражения в Европе Турция перенесла свои завоевания в Азию, в основном, против Персии. Но не оставляла в покое и Россию. Этому способствовало возвращение Азова и ликвидация оборонительных укреплений на Днепре. В 1725-35 годах набегам крымчаков неоднократно подвергались территории Правобережья и Левобережья Днепра, донские территории. Это ещё раз доказывает, что главная задача – защита южных территорий России при Петре I решена не была, а все его войны вели к отсрочке решения этой главной задачи. После заключения в ***Гяндже*** договора 1735 года между Россией и Персией и своих поражений в войне с Персией турецкий султан решил подключить конницу крымского хана к войне на востоке. Передвижение крымской конницы на восток естественным образом приводило к разорению российских поселений на Тереке.

Российский посланник в Константинополе **И.Неплюев** заявил визирю: *«Я не ручаюсь за последствия, если татары не переменят своей дороги и коснутся земель Её Величества»*. Но крымцы своей дороги не переменили, прошли через российские владения, нанеся им большой ущерб и имея столкновения с гарнизонами редких крепостей и острогов. Вскоре стало известно о новом походе 70-тысячного

крымского войска против Персии. Осенью 1735 года, когда орды **Каплан-Гирея** двигались к Дербенту, корпус генерала **М.Леонтьева** спешно был двинут в Крым. Плохо подготовленное российское войско еле двигалось. Потеряв тысячи людей и лошадей от болезней и голода, генерал М.Леонтьев, не дойдя до Перекопа, повернул назад.

В 1736 году войска возглавил фельдмаршал **Б.Миних**. Поход был неплохо подготовлен. На пути к Перекопу были оборудованы укреплённые пункты. Оставив резерв в Казыкермене, фельдмаршал построил свою армию численностью свыше 50 тысяч человек в громадное каре, с обозом посредине, и двинулся к Перекопу. Ему приходилось постоянно отбивать слабые налёты крымцев. В начале мая 1736 года Миних подошёл к Перекопу, защищать который было некому, так как главные силы крымского хана были на Кавказе. Оставив у Перекопа гарнизон, фельдмаршал двинул армию вглубь полуострова. Вскоре ему удалось взять Бахчисарай и Султан-Сарай. После этого стала ощущаться нехватка продовольствия и воды. Не рискуя оказаться запертым в Крыму возвращавшимися с Кавказа крымцами, Б.Миних покинул Крым. За время похода он потерял около 25 тысяч человек, что составляло почти 50% его армии.

Однако в этом же году, кроме похода армии Миниха в Крым, развернулась также осада Азова. В марте были взяты две наблюдательные каланчи на берегах Дона и форт Лютик. Затем два месяца около 20 тысяч российских солдат возводили осадные укрепления. После возведения этих сооружений начался обстрел крепости из осадных орудий. К середине июня часть укреплений крепости была взята россиянами. Комендант Азова **Мустафа-ага**, не имея подкреплений, сдал крепость на милость победителя. Взятием Азова вновь были созданы предпосылки для наступления на Тамань и постепенного продвижения к Крыму. **Но иностранные полководцы думали не об успехах общего дела, а о собственном прославлении.**

Поэтому они вновь предпринимают походы в Крым и Причерноморье. В 1737 году Б.Миних с 90-тысячной армией осуществил поход к Очакову и взял его ценой огромных потерь. Из-за вспыхнувших болезней войска пришлось отвести. В этом же году другой военачальник **П.Ласси** с 40-тысячной армией, перейдя вброд и на плотах ***Гнилое море*** (Сиваш), вторгся в Крым. После ряда сражений ему удалось взять ***Карасу-Базар***. Однако жара и отсутствие воды вынудили П.Ласси оставить Крым. В 1738 году П.Ласси вновь прорвался в Крым и вновь вынужден был отступить. Тем временем Б.Миних со 100-тысячной армией предпринял поход за Днестр, который закончился неудачей, и фельдмаршал отошёл к Киеву. В конце лета 1738 года в Причерноморье разразилась эпидемия чумы, российские гарнизоны оставили Очаков и Кинбурн.

В это время Франция вмешалась в войну между Турцией с одной стороны, Россией и Австрией с другой. Успехи под Азовом, взятие

Очакова и Кинбурна Россией, а также успехи австрийцев в Боснии и Валахии встревожили Францию. Естественно, она включилась в дипломатическую подготовку войны Швеции против России. Весной 1739 года состоялась очередная попытка России и Австрии оружием добиться мира на их условиях. Армия Миниха двинулась через ***Черновцы*** к ***Хотину***. 17 августа под ***Ставучанами*** она встретила войско **Вали-паши**. Сражение было выиграно в значительной степени благодаря умелым действиям корпуса генерала **А.Румянцева**. Вскоре был взят Хотин. Российская армия вступила в Молдавию, которая приняла российское подданство.

Тем временем Австрия терпела одно поражение за другим. В результате, она заключила с Турцией сепаратный мир, изменив союзу с Россией. В условиях надвигающейся войны со Швецией и разрыва союза с Австрией канцлер А.Остерман отдал Турции почти всё, что было завоёвано ценой огромных жертв солдат и офицеров России. Очаков, Кинбун, Хотин, Молдавия вновь были отданы Турции. За Россией оставался только Азов. Но все его укрепления по мирному договору были срыты. Россия не имела права держать корабли на Азовском море. Вновь с юга Россия оказалась не защищённой.

Касаясь стратегии ведения войны, следует сказать, что только на первом этапе она преследовала национально-государственные интересы России. Походы к Очакову и в Молдавию этим интересам абсолютно не соответствовали. Они обеспечивали защиту австрийской армии от ударов конницы крымского хана. Впрочем, эта война России с Турцией как бы повторяла войны Петра I против неё как по целям, так и по результатам. Дурной пример заразителен. Тем не менее, мирный договор с Турцией мог быть иным. Если бы канцлер А.Остерман не преувеличивал опасности со стороны Швеции, которая уже не обладала силами, способными серьёзно угрожать России.

Однако канцлер А.Остерман на такую стратегическую прозорливость не был способен. Он был человеком австрийской партии. В то время при российском дворе сильные позиции занимали австрийская и французская партии. Начинала усиливать позиции *прусская партия*. Поэтому никакой собственной национальной внешней политики Россия не имела. Фактом усиления прусской партии явилось заключение союза с Пруссией под давлением фельдмаршала Б.Миниха. Последний был обижен на австрийцев за выход из войны с Турцией и уговорил канцлера А.Остермана заключить союз с Пруссией. Тем более, что прусский король **Фридрих II**, решив отторгнуть от Австрии Силезию, сам предложил заключить этот союз. В декабре 1740 года этот союз был заключён. Но ещё до его заключения Фридрих II вступил в Силезию.

Фридрих II, как всякий выдающийся государственный деятель, не особенно полагался на договоры. Поэтому он, наряду с Францией, подталкивал Швецию к войне с Россией, чтобы не допустить её вме-

шательства в войну Пруссии и Австрии из-за ***Силезии***. С захватом Силезии Пруссией австрийская партия активизировалась. Канцлер А.Остерман осознал свой личный просчёт. К тому же стала известна двойная игра Фридриха II. Б.Миних был отстранён от дел и ушёл в отставку. Канцлер А.Остерман вновь поддержал австрийскую партию и вновь стал главным лицом в государстве. Но это была лишь первая неудача прусской партии, которая ещё вовсе не означала её полного поражения.

В это же время усиливает своё влияние *французская партия*. Французскому посланнику маркизу **де Шетарди** удаётся наладить связи с царевной **Елизаветой Петровной**, после чего он начал готовить дворцовый переворот, чтобы устранить *проавстрийскую партию* от власти и добиться отказа России от завоеваний Петра I в Прибалтике. 27 июля 1741 года Швеция объявила войну России. Фридрих II в связи с изменением внешнеполитического курса Петербурга отказал России в помощи. Шведские войска вступили в Финляндию. 20 тыс. корпус П.Ласси в августе 1741 года разбил шведов. Однако эта война продолжилась уже в царствование Елизаветы Петровны.

Царствование Анны Ивановны со всей очевидностью показывает, что Россия была превращена в средство внешней политики Австрии, Франции и Пруссии для реализации ими своих национально-государственных интересов. **Интересы нашей страны отстаивались только благодаря мужеству и самопожертвованию лучших людей России.** Единственным положительным, но крайне запоздалым было принятие решения в 1734 году о строительстве на Южном Урале города-крепости ***Оренбурга*** для поддержки кайсакского хана **Абулхаира**, возглавлявшего Младший жуз. К этому царские власти подтолкнули начавшиеся между джунгарами и кайсаками войны. А также раздоры в самой Кайсакской Орде. С началом строительства Оренбурга начала активно строиться *Яицкая оборонительная линия*, состоявшая из 14 крепостей: *Переволоцкой, Рассыпной, Илецкой, Яицкой, Сахарной, Калмыкова, Кош-Уральской, Кулагина, Тополева, Баксаева, Гурьева*. Эта оборонительная линия была соединена рядом укреплений с Орском и Оренбургом. Она разделила владения калмыков и кайсаков, обеспечив поддержку хану Абулхаиру.

Кутежи императрицы, неудачи в войне с Турцией, засилье немцев во власти, их непомерное мздоимство и воровство – всё её царствование озлобляли российское дворянство, которое желало устранения фаворита императрицы Бирона и возврата власти в свои руки. Выразителем этой оппозиции стал кабинет-министр А.Волынский, составивший проект государственных реформ под названием: *«Генеральный проект о поправлении внутренних государственных дел»*. Его поддерживали **А.Хрущёв, П.Мусин-Пушкин, П.Еропкин, Ф.Соймонов**. Его деятельность натолкнулась на противодействие Бирона, который стал защищать двух немцев, уволенных А.Волынским. После

того, как Волынский в ответ на жалобы написал императрице письмо, в котором осудил безобразия двора, на него и его сторонников начались гонения. Окончательный разрыв произошёл после того, как Волынский не согласился выплачивать чрезмерную компенсацию полякам за проход российских войск через их территорию. Бирон же требовал выплаты этой компенсации. Бирон поставил после этого перед императрицей вопрос ребром: *«Либо он, либо я»*. Вскоре А.Волынский был арестован и казнён. Казнены были также П.Еропкин и А.Хрущёв. П.Мусина-Пушкина, Ф.Соймонова и многих других отправили в ссылку и на каторгу. Однако эти люди были только частью недовольных. Другая, более мощная оппозиция Бирону объединялась и усиливалась вокруг царевны Елизаветы Петровны.

После смерти Анны в 1741 году, при активном содействии французских и шведских дипломатов, чрезвычайно заинтересованных в переориентации внешней политики России против Пруссии, состоялся очередной переворот. Гренадёры Преображенского полка возвели на престол дочь Петра I **Елизавету**. При восшествии на престол она обещала не применять смертную казнь в России и слово своё сдержала. В результате, приговорённые к четвертованию Б.Миних и А.Остерман оказались в ссылке. При Елизавете главные роли при дворе стали играть: братья **Разумовские, Шувалов, Воронцов, Бестужев-Рюмин**. Был провозглашён курс на восстановление основанных Петром I учреждений. *Сенат, Берг* и *Мануфактур-коллегии, Главный магистрат* были восстановлены. Кабинет министров был упразднён, а при дворе создана *Конференция*. Тайная канцелярия стала заниматься, в основном, слежкой и поимкой шпионов других государств.

В отношении крестьянства политика оставалась прежней. С 1746 года за дворянами было закреплено право владения землёй и крестьянами. С 1760 года поместные дворяне получили право ссылать непокорных крестьян в Сибирь. Крестьянам было запрещено без разрешения помещика вести денежные операции. К тому же помещики стали выполнять по отношению к крестьянам полицейские функции. Когда официальные российские историки пишут, что золотой век русского дворянства начался с Петра III и длился сто лет, то они показывают свою плохую осведомлённость. Золотой век российского дворянства начался с Елизаветы и длился до Павла I всего 55 лет.

Было бы грубой ошибкой полагать, что с восшествием на престол Елизаветы Петровны внешняя политика России обрела национальные черты. Этого не произошло, так как при дворе продолжали действовать проавстрийская и профранцузская партии. При императрице Елизавете в профранцузскую партию входили французский посланник маркиз **де Шетарди** и её личный врач лейб-медик **Г.Лесток**. Проавстрийскую партию возглавил вице-канцлер **А.Бестужев**. Поэтому позиция России колебалась в зависимости от влияния этих партий и их взаимодействия, так как сама императрица государственны-

ми делами, кроме наследственных, почти не занималась. Весёлая, красивая и энергичная Елизавета любила празднества. Она обожала танцевать, устраивать спектакли и маскарады. Любила наряжаться и переодеваться, в том числе и в мужскую одежду. В её гардеробе было около 15 тысяч платьев. Дважды она не надела ни одно платье. Императорский двор не видел теперь грубых и жестоких развлечений. Должности шутов она ликвидировала.

С её воцарением Швеция однако не прекратила войну, хотя поводом к ней послужил ***манифест Левенгаупта***, в котором говорилось, что Швеция начинает войну в интересах наследников Петра I. После воцарения Елизавета заявила, что причин для продолжения войны нет, и просила французского посланника де Шетарди о посредничестве. Однако де Шетарди заявил Елизавете, что Россия должна уступить Швеции территории, завоёванные её отцом. Несмотря на внешнюю простоту в поведении, Елизавета была далеко не простодушна и далеко не всегда подчинялась влиянию других людей. И даже лейб-медик Г.Лесток не смог склонить её к этому. Тогда они попытались привлечь к воздействию на Елизавету нового вице-канцлера А.Бестужева, но просчитались. В присутствии Елизаветы Бестужев заявил французскому посланнику, *«что он заслуживал бы смертную казнь, если бы стал советовать уступить хотя бы вершок земли – надобно вести войну!»*

Несмотря на все старания французской партии, Елизавета приняла сторону А.Бестужева. Военные действия против Швеции были продолжены. Шведские войска в течение 1742 года отступали, сдавая крепость за крепостью. В марте 1742 года Елизавета издала манифест с обещанием предоставить независимость Финляндии. В шведской армии по этой причине началось брожение. В августе 1742 года шведская армия под ***Гельсингфорсом*** капитулировала. После капитуляции десять финских полков шведской армии сложили оружие и разошлись по домам. Переговоры, начатые в крепости *Або*, длились целый год. 7 августа 1742 года со Швецией был заключён выгодный для России мир. Ряд городов-крепостей в Финляндии отошли к России.

После заключения мира между Россией и Швецией Франция отказалась от давления на Россию, так как неизбежно встал вопрос о её конфронтации с Пруссией, что Францию вполне устраивало. Поэтому проавстрийская и профранцузская партии при российском императорском дворе стали действовать в унисон. На этот раз вдохновителем антипрусского внешнеполитического курса оказался вице-канцлер граф А.Бестужев. В 1745 году с Австрией был заключён *Петербургский договор* сроком на 25 лет. Это был антипрусский договор. Но граф А.Бестужев не был бы самим собой, если бы по мелкому не насолил французам. Одновременно с заключением союза с Австрией, Россия заключила ряд соглашений с Англией, что позволяло последней использовать российские войска для защиты своих владений в Европе от Франции и Пруссии, хорошо, ещё за её деньги.

Нужно ли было России ввязываться в конфронтацию с Пруссией? Конечно же, нет. Когда официальные историки называют вице-канцлера графа А.Бестужева выдающимся русским дипломатом, тем самым они показывают свою плохую осведомлённость в истинном положении дел. России не было никакой необходимости вступать в конфронтацию с Пруссией. И для этого были две причины. Во-первых, чтобы насолить Франции за её провокации и за подготовку войны Швеции против России, достаточно было заявить о своём нейтралитете по отношению к Пруссии. Тем самым Франция, враждовавшая с Австрией, как, собственно, и последняя, тоже не раз вредившая России, оказывались один на один с Пруссией. То, что битыми были бы и Австрия, и Франция, действуя даже совместно, сомнений не вызывает. При этом Россия после истощения противоборствующими сторонами своих сил могла сказать своё веское слово. И вообще по отношению к Европе в то время Россия должна была занять позицию арбитра, не гнушаясь при этом сталкивать европейские страны друг с другом, как, собственно, поступали европейские страны по отношению к России, толкая её к войнам, выгодным им самим. Поэтому вице-канцлер граф А.Бестужев не был выдающимся российским дипломатом. Он был зависимым от Австрии человеком, работавшим на обеспечение её безопасности.

Во-вторых, у России было немало проблем на юге и востоке, которые нужно было решать безотлагательно и которые не были решены за прошедшие два века. Это отвоевание Северного Кавказа и Крыма, а также продвижение в Среднюю Азию и на Дальний Восток. Скорейшее решение этих проблем могло превратить Россию в могучую мировую державу, поэтому зацикливаться только на европейских делах ей было не к лицу. Стратегически это было чрезвычайно близоруко. **Но так как Россия тогда, в лице императорского двора, не понимала своих национально-государственных интересов, она находилась под безоговорочным влиянием масонских кругов европейских стран и отстаивала их интересы, оставляя собственные в забвении.** Вот почему её военная политика на западе была наступательной, а на юге и востоке оборонительной, хотя всё должно было быть наоборот. И если бы в середине XVIII века Россия развернула осмысленное наступление в сторону Северного Кавказа, Средней Азии и Дальнего Востока, то она ещё успела бы стать **самой могучей державой мира**. Однако этого не произошло. Именно в это время Россия вновь была втянута в европейские дрязги, расплачиваясь своим будущим и десятками тысяч жизней солдат и офицеров, обеспечивая военную безопасность Австрии и Франции.

Насколько близорукими были российские дипломаты, можно судить по переговорам между Россией и Англией в 1756 году. Англии нужна была помощь войсками для охраны её владений в Европе от Франции. Однако российские дипломаты пытались создать союз

России, Англии и Австрии против Пруссии. И, когда российские дипломаты предложили свои войска не для защиты от Франции, а от Пруссии, естественно, англичане от такого предложения отказались и заключили 27 января 1756 года с Фридрихом II договор о ненападении. Это вызвало бурю возмущений во Франции, а российские дипломаты остались в дураках. Французам теперь ничего не оставалось, как заключить союз с Австрией, который состоялся в мае 1756 года. Так Россия под влиянием проавстрийской и профранцузской партий, а также по глупости собственных российских дипломатов оказалась втянутой в войну с Пруссией.

В этой новой европейской войне участвовали две коалиции. Пруссия в союзе с Англией воевала против Австрии, Франции, России и Саксонии. Фридрих II понимал, что превосходство в силах было на стороне его противников, поэтому он решил бить их по отдельности. 19 августа его войска без объявления войны вторглись в Саксонию и заняли ***Лейпциг*** и ***Дрезден***. Им в помощь выступили австрийцы, но потерпели поражение. Саксония капитулировала. Однако война продолжилась. В мае 1757 года Франция и Австрия заключают повторное соглашение. В антипрусскую коалицию вступает Швеция. Россия тоже принимает решение вступить в войну. В июле 1757 года российские войска под командованием фельдмаршала **С.Апраксина** вступили в Восточную Пруссию. На пути к Кёнигсбергу они заняли ***Тильзит*** и ***Мемель***. Под Кенигсбергом находилась 40-тысячная прусская армия под началом фельдмаршала **Левальда**.

19 августа 1757 года между российскими и прусскими войсками состоялось сражение у местечка ***Гросс-Егерсдорф***. Фельдмаршал Апраксин не был сторонником этой войны. Он, видимо, понимал, что российские войска вынуждены были сражаться за чуждые интересы. Поэтому стремился обороной ограничить действия своих войск и заставить пруссаков отойти. Однако его позицию не понимали подчинённые ему командиры, требовавшие решительного сражения. В результате, без ведома фельдмаршала дивизия генерала **П.Румянцева** нанесла внезапный удар и прусские войска потерпели поражение. Фельдмаршал С.Апраксин за нерешительность действий был обвинён в измене в пользу Фридриха II и предан суду.

Назначенный командующим генерал **Фермор** в январе 1758 года взял Кёнигсберг и всю Восточную Пруссию. Но Россия не была самостоятельной даже в ведении войны. Австрия и Франция настояли, чтобы её войска были переброшены для отвоевания Силезии для Австрии. Российские войска оставили Восточную Пруссию и Померанию и двинулись в Силезию, где осадили крепость *Кюстрин*. Фридрих II, узнав об этом, совершил стремительный переход к Кюстрину. Фермор растерялся, снял осаду и отвёл свою армию к деревне *Цорндорф*, где расположил её на неблагоприятной позиции, так как высоты (холмы) оказались перед позицией российских войск. Здесь и со-

стоялось одно из кровопролитных сражений семилетней войны. Фридрих II излюбленным ударом во фланг опрокинул первую линию российских войск. Фермор, полагая, что всё погибло, бежал с поля боя. Однако российские войска перестроились и, в итоге, заставили Фридриха II отступить. Фермора сняли. Войска возглавил фельдмаршал **П.Салтыков**.

Пока российская армия сражалась с главными силами Фридриха II и побеждала их, австрийцы и французы терпели одно поражение за другим. В 1759 году в июне П.Салтыков взял ***Бранденбург***, а 12 июля у деревни *Пальциг* разбил корпус **Веделя**. Затем российские войска овладели ***Франкфуртом-на-Одере*** и создали реальную угрозу ***Берлину***. Фридрих II, вынужденный сражаться одновременно на трёх направлениях, понимал, что, не нанеся поражение российским войскам, он не сможет добиться победы. Тогда он собрал свои главные силы, около 50 тысяч человек, и двинулся к Берлину. К российским войскам должна была присоединиться австрийская армия. Однако к моменту сражения подошёл только 18-тысячный корпус **Лаудона**.

Фельдмаршал П.Салтыков, знавший мощь первого удара прусской армии, решил обороной на выгодной позиции лишить её этих преимуществ. Российская армия закрепилась на высотах у деревни *Кунерсдорф*. 1 августа 1759 года у деревни Кунерсдорф произошло знаменитое сражение. Фридрих II обошёл позицию и атаковал её с тыла. Однако российские войска быстро перестроились и отразили первый натиск противника. Фридрих II усилил нажим вводом в сражение своих резервов, но российские войска вновь устояли и отбили этот второй натиск двумя дружными контрударами. Затем последовала общая штыковая атака российской армии, пруссаки были смяты и бежали. Вместе с войсками бежал раненый Фридрих II. Австрийцы в контрударе не участвовали. Они снялись и ушли в Силезию. Дорога на Берлин была открыта. Но австрийцы потребовали, чтобы российская армия тоже ушла в Силезию. Фельдмаршал Салтыков хотя и не был против войны с Пруссией, тем не менее, он не желал подчиняться австрийцам. В условиях, когда императорский двор России плясал под дудку проавстрийской и профранцузской партий, фельдмаршалу П.Салтыкову ничего не оставалось делать, как уйти в отставку.

Во главе российской армии был поставлен фельдмаршал **А.Бутурлин**. За прошедший год Фридрих II отчасти восстановил свои силы и, пользуясь бездействием российской армии, нанёс ряд поражений австрийским и французским войскам. В конце сентября 1760 года, когда основные силы Фридриха II вели боевые действия против австрийцев, российские войска устремились к Берлину. 28 сентября должен был состояться штурм, но город сдался. Однако через 3 дня им пришлось оставить город, так как главные силы армии далеко отстали.

В 1761 году основные силы российской армии были вновь направлены в Силезию. В Померании действовал только корпус генерала П.Румянцева. Последний при поддержке российского флота взял крепость *Кольберг*. Это был первый серьёзный выход эскадры Балтийского флота в море в послепетровское время. Взятие Кольберга обеспечивало создание условий для захвата Померании и Бранденбурга, а вместе с этим создания новой угрозы Берлину. Положение Пруссии становилось безнадёжным. Но случилось непредвиденное. 25 декабря 1761 года умерла императрица Елизавета Петровна. Это и спасло Фридриха II от полного поражения. Новый император России **Пётр III** немедленно прекратил военные действия против Пруссии и заключил с Фридрихом II союз, по которому российские войска должны были воевать уже с бывшими своими союзниками.

На востоке при Елизавете Петровне интенсивно строятся оборонительные линии. Угроза вторжения джунгар и частые нападения кайсаков заставили царские власти побеспокоиться о защите своих рубежей в Сибири. В 40-х годах XVIII века завершилось создание *Уйской оборонительной линии* протяжённостью 770 вёрст от Верхнеяицкой крепости до Звериноголовской. Здесь были построены крепости: *Карагайская, Каракумская, Крутоярская, Усть-Уйская*. В 1752 году было закончено строительство *Ново-Ишимской оборонительной линии* протяжённостью 540 вёрст, соединявшей Уйскую оборонительную линию с Иртышской. Она имела девять крепостей: *Звериноголовскую, Покровскую, Николаевскую, Лебяжью, Полуденную, Петропавловскую, Пресновскую, Кабанью, Пресногорьковскую* и 53 укрепления (редута). В 50-х годах XVIII века было закончено строительство *Иртышской оборонительной линии* протяжённостью 930 вёрст с крепостями: *Омская, Железинская, Петропавловская, Ямышевская, Семипалатинская, Усть-Каменогорская*. Запоздавшее на 150 лет строительство оборонительных линий не способствовало активному продвижению в Среднюю Азию.

Елизавета Петровна царствовала более двадцати лет. Уже при жизни она задумывалась о том, кому передать трон. С этой целью из Голштинии был выписан её племянник **Карл Пётр Ульрих**, который был внуком Петра I по материнской линии. После смены вероисповедания он получил имя **ПЁТР**. С достижением совершеннолетия Пётр III, по совету Фридриха II, у которого он воспитывался, женился на дочери обедневшего немецкого князя **Софье Августе Фредерике Ангальт-Цербской**, которая после переезда в Россию и смены вероисповедания получила имя **ЕКАТЕРИНА**. В 1747 году у них родился сын **Павел**. Пётр III стал императором в возрасте 33 лет. Вздорный, неуравновешенный Пётр III не любил русских, зато боготворил Фридриха II. Поклонник прусской

муштры, Пётр III говорил, что предпочитает быть полковником прусской армии, нежели в России императором. Этот *«взрослый ребёнок»* не сложился как зрелая личность, большую часть времени он проводил в кутежах, обожал вахтпарады. Любимым занятием его была игра в солдатики. Пётр III оскорбительно вёл себя по отношению к гвардейцам, которых он называл янычарами. Он хотел вывести гвардию из столицы, избрав своей опорой голштинцев. Его действия отличались бесцеремонностью, бестактностью, сочетавшимся с грубостью и неуважением к семье и близким, пьянством и дурачествами. Таким изображают Петра III официальные российские историки.

Однако отношение к нему его сына Павла и затеянные им реформы позволяют усомниться в этой характеристике. Тем более бесцеремонность, грубость, бестактность, неуважение к семье и близким, пьянство и дурачество характерно было, прежде всего, для его деда Петра I. Однако ему официальные историки это в вину не ставят. Здесь выявляется клевета тех лиц, которые были крайне заинтересованы в устранении Петра III. А официальные российские историки не смогли разобраться в сути дела и оказались в плену их чьих-то россказней.

Позволим себе охарактеризовать Петра III, анализируя его воспитание и начатые им реформы. Детские и отроческие годы он воспитывался в Пруссии при дворе Фридриха II, который оказал на него огромное влияние. В то время по Европе уже бродили идеи свободы, равенства и братства, которыми отчасти баловался и Фридрих II. Однако он эти идеи использовал при строительстве своего государства. Ему нужно было привлечь в Пруссию побольше талантливых людей и увеличить податное сословие. С этой целью он вёл переписку и разговоры о свободе и равенстве. Решая задачу увеличения податного сословия, он начал интенсивно создавать бюргерство, предоставляя землю свободным крестьянам и освобождая их от воинской службы. Всё, что должны были крестьяне, так это платить *твёрдый налог*. Армия создавалась наёмная, благо, авантюристов разных мастей по Европе того времени шаталось немало. А чтобы они подчинялись, была введена палочная дисциплина. Все эти меры способствовали тому, что Германия, в лице Пруссии, из проходного двора Европы стала на глазах превращаться в мощное государство. Разумеется, большую роль при этом играла личная скромность и даже скаредность Фридриха II. Расточительностью он не страдал. Его двор был самым скромным в Европе.

В этой связи нечего удивляться, что Петр III *боготворил* Фридриха II и считал образцом заведённые им порядки. Оказавшись при дворе Елизаветы Петровны и столкнувшись с его расточительностью, со своевольством вельмож и гвардейцев, казнокрадством, полновластием дворянства и забитостью крестьян, будущий император не мог не возмутиться всеми этими пороками. Разумеется, он неоднократно и в резкой форме высказывал своё недовольство, которое впоследствии его врагами было трансформировано в бестактность, бесцеремон-

ность, грубость и т.д. Будучи к тому же бедным, он не мог себе позволить кутежи, какие закатывали другие российские вельможи. Всех его денег едва хватало на скромное содержание личного войска в несколько сот человек. Естественно, каждая копейка была на счету и требовала соблюдения строгого порядка во всём. Но этим как раз и была недовольна его жена Екатерина. Вырвавшись из полунищеты, она была шокирована роскошью двора и открывавшимися для нее лично возможностями погулять и весело провести время. Уже в этот период она проявила неограниченное любвеобилие. Попытки Петра III урезонить жену приводили к скандалам, которые ему же одному поставят в вину. Так что кутежами занимался не Пётр III, а его жена Екатерина с теми гвардейцами, которые её и возведут на престол.

Естественно, когда он стал императором, Пётр III решил искоренить эти пороки. Причём сразу все. Вот почему за шесть месяцев своего царствования он издал 192 указа. Наиболее значительными были следующие. Манифестом от 18 февраля 1762 года он даровал вольности российскому дворянству. Теперь дворянин мог оставить службу в любое время, кроме войны. Таким образом, дворянин теперь мог выбирать: оставаться ему на службе или заниматься поместьем, или чем-либо ещё другим. Объявлялась секуляризация земель церкви в пользу государства, что значительно пополнило государственную казну. Пётр III прекратил гонения против инакомыслящих и высказывал мысли уравнять в правах все религии. Возвратил из ссылки людей, осуждённых при Елизавете Петровне. Ликвидировал Тайную канцелярию, чем значительно ослабил свои позиции и позиции государства. Гвардейцев собирался вывести из столицы, заменив их своими голштинцами. Подготовил указ об отмене крепостного права, но этого он уже не успел осуществить.

Некоторым кажется, что его действия были хаотичными и не имели продуманной программы. Всё как раз наоборот. В этих реформах он практически ничего сам не придумал. Он хотел сделать так, как было у Фридриха II в Пруссии. К тому же Пётр III руководствовался его поучениями о том, что всякий человек должен поступать разумно, и тем более разумно должен поступать государь. Ему казалось, что его действия разумны, а поэтому их все поддержат. Для него это было настолько очевидно, что он даже не задумывался над тем, как воспримут его реформы разные слои российского общества. Однако верхи этого общества уже более 250 лет руководствовались не разумом, а своекорыстными интересами и эмоциями. Разум был только на третьем месте. Такая расстановка руководящих приоритетов в среде правящих верхов характерна также для XIX и XX веков. Поэтому нечего удивляться, что разум редко посещал головы государственных деятелей России того времени. Как будет в XXI веке, покажет будущее. Мне бы хотелось, чтобы руководящие приоритеты сменились и на первом месте закрепился разум.

В силу этого Пётр III оказался в среде тогдашнего российского общества белой вороной. Против него выступила гвардия, духовенство, значительная часть двора и собственная блудливая жена. К тому же, как ни странно, противником Петра III оказался и Фридрих II. Дело в том, что он хорошо понимал, если Петру III удалось бы провести все начатые и задуманные реформы, то Россия настолько укрепилась бы и развила свои силы, что не только Пруссии, но и всей Европе уже нельзя было бы за ней угнаться. Такая Россия Фридриху II была не нужна. В этом случае для него предпочтительней была Екатерина, выполнявшая к тому же его шпионские поручения.

В силу этого дни императора-реформатора, замыслившего намного опередить своё время, были, конечно же, сочтены. 28 июня 1762 года гвардейцы, руководимые братьями **Орловыми**, совершили переворот и возвели на престол Екатерину. После ареста Пётр III понял, что люди, схватившие его, разумом не руководствуются, поэтому на второй день он подписал отречение. Но это не спасло его от смерти. Заговорщики хорошо понимали, что слух о желании Петра III отменить крепостное право уже пополз по стране. В случае осложнения внутренней обстановки Пётр III мог стать знаменем, что сулило заговорщикам верную смерть. Оставалось одно – убить Петра III. Что они и сделали. Пётр III был похоронен в Александро-Невской лавре без оказания царских почестей. А чтобы память о нём была недолгой, враги его оклеветали. И эта клевета легла во все исторические источники и учебники. Но как клеветники не старались, в низах Русского народа о нём сохранилась добрая память. Эта память через десять с небольшим лет полыхнёт новой гражданской войной под руководством Е.Пугачёва, выдававшего себя за Петра III.

Царствование **Екатерины II** не особенно отличалось от царствования Елизаветы Петровны. Но если Елизавета Петровна была открытым человеком, то Екатерина, обученная Фридрихом II шпионскому ремеслу, была мастерицей пустить пыль в глаза и разыграть ту или иную интригу. Для этого она заигрывала с идеями Вольтера и Дидро, ведя с ними переписку, организовывала разного рода конференции и прочие мероприятия. Всё это делалось не для того, чтобы реализовывать какие-то идеи, а для того, чтобы выявить сторонников идей, а затем погасить и идеи, и людей, их исповедующих. Когда говорят, что Екатерина II умела подбирать себе помощников, то здесь есть доля лукавства.

Дело в том, что Екатерина II, как показывает анализ развития событий, выполняла две задачи, которые перед ней поставил Фридрих II. Первая задача сводилась к тому, чтобы, используя Россию, обеспечить безопасность и усиление Пруссии. Вторая задача предполагала к концу царствования Екатерины так дезорганизовать управ-

ление Россией, чтобы она была не опасна Пруссии в будущем. С обеими задачами она справилась успешно. Решая первую задачу, она под давлением противников Петра III разорвала союз с Фридрихом II, но не отменила заключённый Петром III мир с Пруссией и тем самым подарила ему Восточную Пруссию, завоёванную русскими войсками в ходе семилетней войны.

Через некоторое время, 31 марта 1765 года она заключила с Фридрихом II военно-политический союз, более того, она перенацелила русскую армию с западного направления на южное против Турции. Расчёты Фридриха II в этом плане были дальновидными. Ввязавшись в войну с Турцией, Россия практически выпадала из европейской политики, что надолго обеспечивало безопасность Пруссии. По инициативе Фридриха II и при участии Екатерины начались и осуществлялись разделы Польши. Пруссия без какой-либо войны получила громадные приращения. Некоторые утверждают, что первоначально Екатерина была против раздела Польши. Если она такое и высказывала, то это не более, чем пыль в глаза, чтобы скрыть истинное своё отношение к Пруссии и к Фридриху II. Таким образом, тем, чем стала Пруссия в XIX веке, она во многом обязана Екатерине II.

Решая вторую задачу, она не готовила и не допускала к управлению страной своего сына Павла, несмотря на то что он неоднократно просился в армию. Постоянно держала его под своим контролем, позволяя третировать Павла своим приближённым. Сама отняла у него внука Александра и воспитала так, как считала нужным, то есть привила ему, в основном, страсть к позе и высокопарным фразам, неуважение к отцу, высокопарное отношение к русским людям и т.д. Открыла двери для въезда евреев в Россию. **К концу царствования Екатерины евреи так укрепились, что затем они уже завоёвывали одну позицию за другой, пока не закончили 1917 годом. Таким образом, немцы и евреи имеют полное право называть Екатерину II *Великой*, что они и делают.**

Немцы всегда умели оценить по достоинству тех, кто на них работал. Позднее они назовут ***Благословенным*** Александра I, а в наше время звание почётного немца получил М.С.Горбачёв. Зато русские люди от таких «великих», «благословенных» и «почётных», как правило, получали одни тумаки да подзатыльники. И если в этот период в России выдвинулась большая плеяда крупных государственных, общественных деятелей, дипломатов, полководцев, то лишь потому, что, не допустив к управлению государством этих людей, Екатерина II рисковала не выполнить те задачи, которые перед ней поставил Фридрих II. В этой связи вывод может быть такой: она была научена царствовать, не мешая другим управлять государством.

Касаясь успехов России в период царствования Елизаветы Петровны и Екатерины II, следует сказать, что они были достигнуты не благодаря, а вопреки самодержавному абсолютизму. Выше мы уже

говорили, что после царствования Петра I стране нужен был длительный отдых. От понесённых потерь страна не оправилась даже к 1732 году. Население хотя и составило 17 миллионов человек, не могло содержать армию в 250 тысяч человек. Поэтому Анне и её окружению пришлось эвакуировать Низовой Корпус из Закаспийского края. Однако и эта мера оказалась недостаточной. Поэтому, когда в 1735-39 годах разразилась война с Турцией, российская армия имела незначительные успехи. Большая вина за это лежит на Минихе, авантюризм которого был больше направлен на личное прославление, чем на достижение серьёзного успеха государства. В последующие годы, вплоть до 1756 года, страна отдыхала и набиралась сил. Набирала силы и армия.

Важное значение при этом имело то, что именно армия во главе страны ставила женщин. Зависимость императриц от армии не позволяла им глубоко вмешиваться в армейские дела, что как раз дало возможность вырасти целой плеяде российских офицеров и генералов, обладавших национальным духом и имевших военные таланты. К ним мы с полным основанием можем отнести Салтыкова, Румянцева, Потёмкина, Суворова, Кутузова и многих других. После окончания периода женщин-императриц на троне утвердились мужчины-самодержцы, которые стали некомпетентно вмешиваться во все мелочи организации армейской жизни и ведения войны. С этого времени победы покинули армию и Российская Империя покатилась к катастрофам. **В этой связи вывод должен быть один: необходимо исключить некомпетентное вмешательство в дела армии кого бы то ни было, чтобы сохранить её боеспособность – важнейшую составляющую военной безопасности страны.**

Несмотря на то что окончание войны с Пруссией освобождало вооружённые силы России для действий на юге, Екатерина и её окружение не спешили начать войну с Турцией. Точки столкновения интересов России и Турции оставались прежними. От набегов крымцев постоянно страдали украинные территории России, расположенные по Дону и Днепру и в междуречье. Россию просили о помощи кабардинцы, осетины, армяне и грузины на Кавказе. Народы Молдавии и Валахии тоже взывали о помощи к России. Но их интересы Екатерину II волновали в этот период менее всего. Её интересовали вопросы урегулирования отношений с Фридрихом II и с Польшей.

В это время канцлер России граф **Н.Панин** пытался создать коалицию, в которую, по его мнению, должны были войти Россия, Пруссия, Швеция, Англия, Дания и Польша. Эта коалиция замышлялась Н.Паниным в противовес франко-испано-австрийскому блоку. Однако предложенная Паниным коалиция была противоестественной из-за противоречивости интересов этих стран, изучением которых тогда в России никто не занимался. Это как раз показывает, насколько российская дипломатия была оторвана от реалий. Поэтому предложения

Панина были отвергнуты Фридрихом II, который заявил, что он нуждается только в союзе с Россией. Екатерина II тоже заявила, что она за *«счастливую анархию, в которую погружена Польша и которой распоряжаемся мы по своей воле»*.

Таким образом, Фридрих II и Екатерина II устранили все внешние влияния, которые могли помешать разделить Польшу, за счёт которой Фридрих II хотел серьёзно упрочить положение Пруссии. В Польше тогда обострилась борьба между католиками и диссидентами (православными и протестантами). Последние требовали уравнения в правах. Давнишний приятель Екатерины II **С.Понятовский**, ставший королём под давлением России, собрал сейм, на котором требования диссидентов были приняты. Тогда католики в 1768 году собрались в городе Баре, образовали конфедерацию в противовес С.Понятовскому и начали вооружённую борьбу. Россия ввела войска в Польшу для подавления конфедератов. Российские войска заняли ***Гнезно*** и ***Люблин***. Конфедераты устремились на юг к турецкой границе. Следуя за ними, российские войска взяли ***Бар*** и ***Бердичев***. Конфедераты бежали в ***Санок***. В августе российские войска штурмом взяли ***Краков***.

Как и в прежние времена, появление российских войск в польской Украйне вызвало восстание народа, который симпатизировал диссидентам. Ещё до подхода российских войск на Правобережной и Карпатской Украйне началось национально-освободительное движение *опришек*. В 1768 году эти движения слились в общее восстание под названием *«Колиивщина»*. Возглавили его запорожские казаки во главе с атаманом **М.Зализняком**. Вскоре к ним присоединились отряды казацкого сотника **Гонты**. Восстание разрасталось. Им была охвачена Киевщина, Брацлавщина, Подолия. Оно уже докатилось до Львова. Помня о восстании К.Булавина и опасаясь, что новое восстание может перекинуться на левый берег Днепра, царское правительство предпочло его подавить.

В то же время оно продолжало вести борьбу с конфедератами. В этой связи судьбой конфедератов всерьёз обеспокоилась Франция. Её посланники в Константинополе всё твёрже требовали вмешательства Турции в дела России и Польши. Предводители конфедератов также просили Турцию о помощи. В конце концов, разрыв отношений России с Турцией стал неминуем. 25 сентября 1768 года великий визирь потребовал от российского посланника **Обрезкова** предоставления твёрдых гарантий отмены всех постановлений федерального сейма Польши по вопросу о диссидентах. Посланник, конечно же, таких гарантий дать не мог, за что был арестован. Тем самым Турция объявила войну России.

Вооружённые силы России после семилетней войны были в хорошем состоянии. Армия накопила солидный опыт боевых действий. Выросла плеяда талантливых военачальников. На вооружение посту-

пило немало образцов нового оружия. В начале ноября у императрицы был собран военный совет, на котором было решено: выставить армию для действий в Молдавии и Валахии; срочно восстановить крепости в Азове и Таганроге; пресечь попытки крымского хана вторгнуться в Россию; оборудовать гавани и строить флот для Чёрного моря; по получении согласия Грузии отправить туда корпус генерала **Тетлебена** и денежную субсидию; второй корпус направить в Кабарду; для подрыва тылов Турции в Грецию и Черногорию направить своих эмиссаров, а из Кронштадта направить эскадру флота под командованием адмирала **Г.Спиридова** в Средиземное море.

Несмотря на ускоренные приготовления, первым боевые действия начал крымский хан **Крым-Гирей**. В середине января его войско вторглось в пределы Польши. Опустошив территории своих «друзей-поляков», хан возвратился в Крым. В полон было угнано около тысячи человек. Второе вторжение хан осуществил в направлении ***Бахмута***. Но здесь его встретила 2-я армия П.Румянцева численностью около 35 тысяч человек. Отразив нападение крымцев, 2-я армия вышла к Азовскому морю и приступила к восстановлению крепостей Азов и Таганрог.

В апреле 1769 года 1-я армия генерала **А.Голицына**, численностью около 90 тысяч человек двинулась к крепости Хотин, чтобы взять крепость и не допустить соединения турок с конфедератами. Генералу А.Голицыну удалось осадить Хотин. Однако два штурма Хотина к успеху не привели. Турки тем временем быстро наращивали свои силы, и генерал Голицын в июне 1769 года отвёл войска за Днестр. Однако сообщения Хотина с турками продолжали прерываться российскими войсками. Из-за недостатка продовольствия 10 сентября 1769 года турецкий гарнизон оставил Хотин. Вступивший в командование 1-й армией генерал П.Румянцев занял Хотин и затем двинулся к Яссам, которые взял 26 сентября 1769 года.

Тем временем 2-я армия генерала **П.Панина** вела боевые действия вдоль Южного Буга, воспрещая крымскому хану действовать в Молдавии. Закавказский корпус генерала Тотлебена добрался до Грузии, а кубанский корпус генерала Медема подошёл к Кабарде. Крымский хан требовал от *кабардинцев* сопротивления российским войскам, но они объявили о поддержке России. Следом в подданство России вошли и *осетины*. В июле 1769 года в Средиземное море прибыла эскадра адмирала Спиридова. Но она была сильно потрёпана штормами, поэтому стала на якорь у берегов Мореи, поджидая подкрепления и ремонтируя корабли. В помощь адмиралу Г.Спиридову была послана вторая эскадра.

В 1770 году главные боевые действия развернулись в Молдавии. 1-я армия генерала П.Румянцева долго стояла в Подолии, так как запасы продовольствия были незначительными, а Молдавия была разорена турками. Это не позволило начать боевые действия всей армией.

Для обеспечения армии продовольствием генерал Румянцев обещал не взимать никаких налогов с местного населения. Благодаря этому ему удалось накопить к маю трёхмесячный запас продовольствия для того, чтобы обеспечить действия 40-тысячной армии. В мае 1770 года 1-я армия перешла Днестр у Хотина и двинулась на юг. Это был тяжёлый поход, лили дожди, дороги раскисли. В июне 1770 года 1-я армия у Рябой Могилы встретила авангард турецкой армии и разгромила его, затем в июле она подошла к устью реки Ларги, где встретила войско турок и крымцев численностью около 80 тысяч человек. Тем не менее, турки и крымцы были разбиты. Спустя две недели у реки Кагул было разгромлено войско турок численностью около 100 тысяч человек.

Тем временем 2-я армия генерала П.Панина осадила ***Бендеры***. В сентябре 1770 года, после долгого и упорного сопротивления, 2-я армия штурмом взяла Бендеры и двинулась к Аккерману. 1-я армия в июле-сентябре взяла ***Измаил, Киликию, Браилов***. В конце 1770 года был взят ***Бухарест***. Молдавский и Валашский господари попали в плен. Население Молдавии и Валахии приветствовало российские войска и оказывало им поддержку. Молдавия даже заявила о своём подданстве России. В ноябре совместными усилиями 1-й и 2-й армий был взят ***Аккерман***. Летом 1770 года на Северном Кавказе корпус генерала **Медема** добился новых успехов. Он вновь нанёс ряд поражений ногаям, которые вынуждены были выйти из войны. Успехи могли быть большими, если бы не возникли новые проблемы.

Создали проблемы для ведения войны на Северном Кавказе давнишние друзья российского самодержавия калмыки. Этноним *калмыки* происходит от джунгарского *элеть*, что в переводе означает *отколовшиеся*. В первой половине XVII века они в числе около 40 тысяч кибиток (около 200 тысяч человек) двинулись на запад, на Волгу, и первоначально расселились в междуречье Яика и Волги. Затем с согласия царского правительства они перебрались на правый берег Волги и стали расселяться в междуречье Дона и Терека, вытесняя оттуда ногаев на Тамань. В этот период они дружественно относились к русским и казакам, с которыми совместно воевали против ногаев. Попав в благоприятные условия, калмыцкий народ стал увеличиваться. К середине XVIII века калмыков уже было около 70 тысяч кибиток (т.е. свыше 350 тысяч человек)

В этой связи они стали претендовать на земли терских и донских казаков, с которыми начались столкновения. В то же время калмыки с ногаями стали завязывать дружественные отношения. Когда началась война с Турцией в 1768 году, царское правительство потребовало от калмыков начать войну с ногаями. Однако тайша калмыков **Убаши** уже получил от Турции и ногаев немало подарков, а поэтому желания вступать в войну с ногаями не проявил. Вследствие чего сложилась ситуация, приводящая к разрыву с Россией. Этот разрыв под-

толкнуло сообщение о послаблениях китайского императора в бывшей Джунгарии и о его желании, чтобы калмыки вернулись в свои земли. В 1770 году основная масса калмыков, около 58 тысяч кибиток (примерно 290 тысяч человек), поднялась и ушла в Китай. В степях остались только хоитские калмыки, бежавшие на запад от китайского погрома в более поздние времена, в числе 12 тысяч кибиток (это около 60 тысяч человек). В этой связи вся тяжесть войны с ногаями легла на плечи корпуса генерала Медема и донских казаков, которым пришлось отбиваться от ногаев.

Российские войска добились успехов также на Днепре и побережье Азовского моря. Граница была выдвинута на реку Конские Воды. В её устье была построена крепость Александровская, а на побережье крепость Петровская. Так были созданы опорные пункты для продвижения в Крым, между которыми была организована связь и взаимодействие. От армии не отставал и флот. Лето 1770 года было отмечено блестящими победами российского флота в Эгейском море. В мае обе балтийские эскадры соединились и приступили к поиску турецкого флота. 24 июня у входа в Хиосский пролив российские моряки увидели огромный турецкий флот. Началось морское сражение, которое длилось четыре часа. Турки не выдержали и отступили, укрывшись в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня 1770 года российские линейные корабли блокировали выход из бухты, а флотилия брандеров двинулась к турецким кораблям. Брандеры сцеплялись с турецкими кораблями, после чего их команды поджигали брандеры, а сами на шлюпках отплывали к своим кораблям. Так началось знаменитое Чесменское морское сражение. Когда отдельные горящие корабли турок начали взрываться, пожар охватил и другие турецкие корабли, скученность которых в бухте была чрезмерной. Бухта превратилась в море огня. К утру турецкого флота не стало.

В феврале 1771 года 1-я армия генерала П.Румянцева с помощью созданной им Дунайской флотилии взяла ***Журжу*** (Джуржу), после чего её положение в Валахии значительно укрепилось. В марте 1-я армия блокировала крепости Тульча и Исакча в низовьях Дуная. Силы 1-й армии, около 45 тысяч человек, были растянуты на фронте в 1000 вёрст, чем и попытались воспользоваться турки. Они собрали войско около 120 тысяч человек и пытались овладеть левым берегом Дуная, но все их попытки были отбиты 1-й армией. Главные же боевые действия на этот раз развернулись на крымском направлении. 2-я армия генерала **В.Долгорукого** численностью около 80 тысяч человек весной 1771 года устремилась к Перекопу. В Крыму находилось около 60 тысяч крымцев, способных носить оружие. С Азовского моря 2-й армии оказывала помощь Азовская флотилия адмирала Сенявина. 14 июня Перекоп был взят штурмом. После чего 2-я армия заняла Кафу, Керчь и Еникале. Поражение заставило крымцев пойти на переговоры. Селим-Гирей был смещён, а его место занял **Сахиб-**

Гирей. 27 июля генералу В.Долгорукому крымцы объявили об утверждении вечной дружбы с Россией, а также вручили лист присяги со 110 подписями крымских вельмож.

Успешное действие российского флота в Средиземном море способствовало тому, что в 1771 году начались антитурецкие восстания арабов в Египте и Сирии. Неудачи на Дунае, поражение в Крыму, восстания в Египте и Сирии заставили Турцию пойти на переговоры и заключение перемирия, которое было подписано 19 мая 1772 года. На этих переговорах Россия добивалась: независимости Крыма от Турции; свободы плавания российских судов по Чёрному морю; независимости Молдавии и Валахии; передачи России одного из островов в Эгейском море для обеспечения прав подданных России.

Оценивая выдвинутые Россией требования, можно совершенно точно констатировать, что екатерининская Россия не осознавала своих национальных интересов. Заботились о независимости Крыма, Молдавии, Валахии, о правах эфемерных подданных в Эгейском море, тогда как свои собственные интересы сводились к свободе плавания по Чёрному морю. Никаких требований по присоединению территорий на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье выдвинуто не было. И это не случайно. Ибо, вступая в первую войну с Турцией, не знали чего хотели. Отсюда вытекает и неудовлетворительная стратегия ведения войны.

В 1769-70 годах основные силы были направлены для действий в Подолии и Молдавии. Тогда как на Северный Кавказ был направлен лишь корпус генерала Медема. А ведь завоевание Северного Кавказа тогда наиболее полно отвечало национальным интересам России. Именно здесь должны были быть сосредоточены основные усилия вооружённых сил России в 1769-70 годах. Что касается крепости Хотин, то в направлении её нужно было осуществить хорошо организованную демонстрацию. И уже абсолютной глупостью, повторившей времена Б.Годунова, было направление в Закавказье под влиянием церкви корпуса генерала Тотлебена. Это свидетельствовало о том, что екатерининское правительство плохо представляло себе элементарные вопросы стратегии. А они состояли в том, что, не завоевав Северного Кавказа, Тамани и Крыма, невозможно было изгнать турок из Закавказья.

Кроме этого, успешное продвижение в Молдавии и Валахии неизбежно обостряло отношения с Австрией, которая уже давно претендовала на Валахию. Поэтому, как только российские войска взяли Бухарест, Австрия стала противодействовать России. Вот почему в ходе этой войны побед было много благодаря блестящим действиям войск, а реальных территориальных завоеваний, которые можно было бы закрепить, оказалось мало. Таким образом, недальновидная стратегия екатерининского правительства привела к осложнению международной обстановки для России, затягиванию переговоров, продолжению войны и получению незначительных территориальных приобретений.

Теперь, кроме Франции, подталкивавшей Турцию к продолжению войны, противодействовать России стали Австрия и даже Пруссия. Причём и Австрия, и Пруссия осознавали свои национальные интересы гораздо лучше России. В Австрии был составлен проект *Конвенции Тугута*, по которому она должна была получить от Турции Малую Валахию и 34 млн. гульденов. В то же время России предлагалось довольствоваться: Азовом с округом, Большой и Малой Кабардой; свободой плавания по Чёрному морю; денежной компенсацией за потери в войне. Не довольствуясь только выработкой своих условий, Австрия уже в 1770 году захватила ряд польских территорий: *Ципсе, Новиторга, Чорыстани, Велички* и *Бохни*. Столь нахальное поведение Австрии обуславливалось тем, что в Польше начался внутренний распад.

Католики потянулись к Австрии, протестанты к Пруссии, а православные уже давно стремились к России. Это вполне устраивало Фридриха II, так как ускоряло раздел Польши, и он одобрил захват польских территорий Австрией. В то же время, он не хотел чрезмерного усиления Австрии. Поэтому он соглашался на независимость Крыма, которая мало что давала России, выступал за возврат Валахии и Молдавии Турции. В то же время предлагал большую долю польской территории. Екатерина II, не зная что делать с Польшей, которой хотела управлять, но не знала, как надобно управлять, под давлением Австрии и особенно Фридриха II вынуждена была объявить, что Дунайские княжества можно будет вернуть Турции в случае принятия ею других пунктов условий, и согласилась на раздел Польши.

В ходе длительных переговоров между Австрией, Пруссией и Россией было решено: Померанию и часть Польши передать Пруссии; Галицию передать Австрии; Восточную Беларусь передать России. Граница России теперь проходила по Западной Двине, Друти и Днепру. Важным моментом договора по разделу Польши было обязательство Австрии содействовать России в заключении мира с Турцией. После объявления Россией об отказе от требований независимости Молдавии и Валахии Турция пошла на заключение перемирия в мае 1772 года и согласилась на продолжение переговоров в Фокшанах. Конгресс в Фокшанах начался 27 июля 1772 года. Однако переговоры быстро зашли в тупик и он был распущен.

Через две недели Турция предложила переговоры в Бухаресте и просила продлить перемирие. Конгресс в Бухаресте начался 29 октября. Сразу же договорились продлить перемирие до 9 марта. На этот раз почти все пункты будущего договора были оговорены. Однако Турция не соглашалась на передачу России Керчи и Еникале. В марте 1773 года переговоры были прерваны. Командующий Дунайской армией фельдмаршал П.Румянцев ещё в феврале получил указ совершить поход за Дунай и принудить Турцию к миру силой оружия. России срочно нужен был мир, так как резко ухудшилась обстановка на севере.

В Швеции произошёл дворцовый переворот, который привёл к усилению королевской власти **Густава III**. В этой связи усилилась опасность шведского нападения на Россию. Эта опасность, конечно же, преувеличивалась и не могла не сказаться на подготовке войск к походу. В июне армия фельдмаршала П.Румянцева перешла Дунай и осадила крепость *Силистрию*. В мае-июне дивизия генерала **Александра Суворова** произвела успешный поиск (рейд) на Туртукай. Но недостаток сил, слабость артиллерии и малочисленность инженерных припасов вынудили П.Румянцева отвести армию за Дунай. Попытка российских войск в сентябре-октябре взять Варну и Шумлу оказалась тоже неудачной.

В июне 1774 года 52-тысячная дунайская армия под началом фельдмаршала П.Румянцева вновь перешла Дунай. 9 июня дивизии генералов А.Суворова и **М.Каменского**, численностью около 25 тысяч человек разбили у Козлуджи 40-тысячное турецкое войско. Тем временем дивизия генерала И.Салтыкова разгромила 15-тысячный отряд турок у Туртукая. Войска фельдмаршала П.Румянцева вновь блокировали крепости Шумла, Рущук, Силистрия. Передовой отряд армии даже продвинулся за Балканы. Турки, не имея свободных войск для противодействия передовому отряду, запросили мира. Немало поспособствовали этому донские казаки. Крымский хан Девлет-Гирей в 1773 году направил на Кубань часть своего войска, которое вместе с ногаями пыталось напасть на Дон. Но на реке Ея они были разбиты казаками. В 1774 году крымцы и ногаи потерпели новое поражение на речке Калалы, впадающей в Егорлык. Эта победа досталась нам благодаря твёрдости и мужеству молодого казачьего полковника **Матвея Платова**. Фельдмаршал П.Румянцев, выждав некоторое время, вступил в переговоры. На этот раз турки не стали затягивать переговоры.

10 июля 1774 года в деревне *Кучук-Кайнарджи* был подписан мирный договор, по которому: Крымское ханство объявлялось независимым; крепости *Керчь*, *Еникале* и *Кинбурн* со степью между Бугом и Днепром отходили России, к ней же отходила Кабарда; Грузия освобождалась от дани юношами и девушками, отправляемыми в Турцию; Чёрное и Мраморное моря объявлялись свободными для плавания торговых судов подданных России; права подданных Турции молдаван, румын, греков, славян, грузин и т.д. несколько расширялись; Турция выплачивала России 4,5 млн. рублей за военные издержки. Этот договор показывает, что талантливый военачальник справился с дипломатическими вопросами намного лучше профессиональных дипломатов и царедворцев, потому что он лучше императрицы понимал национально-государственные интересы России.

Заключение этого мира было кстати не потому, что нужно было опасаться нападения Швеции, а потому, что в России в 1773 году разразилась новая казацко-крестьянская война, теперь уже под предводительством **Емельяна Пугачёва**. На подавление этого восстания

пришлось посылать войска из действующей армии. Внутренняя политика Екатерины II почти ничем не отличалась от политики её предшественников. В связи с начавшейся войной начали резко расти налоги. Рекрутские наборы следовали один за другим, сокращая число рабочих рук в среде податного сословия. Усиление центральной власти на окраинах вызывало недовольство казачества на Дону, Тереке и особенно на Яике. Усиление гнёта в целом по стране неизбежно приводило к волнениям.

На рубеже 70-х годов волнения охватили приписных крестьян Олонецкого края. К лету 1771 года их численность достигла 7 тысяч человек. В июне в Кижском погосте 2 тысячи восставших крестьян были разбиты карателями. Вожаков восстания **К.Соболева, А.Сальникова, С.Костина** схватили, вырвали ноздри, наказали кнутом, а затем сослали на каторгу в Нерчинск. Подавленные в одном месте, волнения начинались в другом. В 1771 году Москву поразила чума. Болезнь косила людей тысячами. Люди устремились к «чудотворной» иконе Богородицы, которая находилась у Варварских ворот. Опасаясь усиления эпидемии, архиепископ велел убрать икону. После этого «чёрный люд» поднял восстание. Три дня в Москве шли столкновения, пока туда не прибыли гвардейцы во главе с **Г.Орловым**, которые подавили это восстание.

Однако покой не наступил. На Яике заволновались казаки. С началом строительства Яицкой оборонительной линии вольности уральских казаков неуклонно урезались. С началом войны с Турцией возникли новые проблемы. В связи с набором казаков в Московский легион для отправки на войну с Турцией в 1771 году на Яике вспыхнул острый конфликт. Туда были посланы царские войска. Казачий круг и канцелярия войска были ликвидированы. Виновных били кнутом, рвали ноздри и ссылали в Сибирь. На уральское казачье войско был наложен тяжелейший денежный штраф. Яицкое казачество затаилось, готовое в любой удобный момент выступить.

Большую роль в подготовке казацко-крестьянского восстания сыграло *самозванчество*, которое вновь охватило Россию. В 1765 году дворянин однодворец **Г.Кремнев** объявил себя ***Петром III***. Он ездил по сёлам Воронежской губернии и при торжественном богослужении приводил народ к присяге, обещал освободить от рекрутчины, подушной подати и т.д. Его схватили, водили по сёлам, где он бывал, и жестоко били кнутом. Затем клеймили и отправили на пожизненную каторгу в Нерчинск. Вскоре появился другой самозванец – армянин **Асланбеков**, который тоже выдавал себя за ***Петра III***. Его тоже схватили, били плетьми и сослали в Нерчинск. Тем не менее, опять появился новый самозванец. Им стал беглый солдат **Л.Евдокимов**, называвший себя ***Петром II***, видимо, по незнанию.

Почти в одно время с ним другой беглый солдат брянского полка **П.Чернышов**, из однодворных дворян, объявил себя ***Петром III***.

Он также был схвачен, бит кнутом и сослан на каторгу в Нерчинск. Слухи о том, что Пётр III жив и заточён в Троицкой крепости, ходили среди казаков. Распространением этих слухов занимались беглые солдаты и крестьяне, а также казаки. За год до появления Е.Пугачёва на Дону объявился беглый крестьянин **Ф.Богомолов**, выдававший себя за *Петра III*. Богомолов умер во время следствия. Но там, где он бывал, и в Заволжье ходили упорные слухи о том, что Пётр III *жив*. Так память о добрых намерениях царя Петра III подготовляла грандиозное казацко-крестьянское восстание.

Е.Пугачёв был родом из верховых донских казаков станицы Зимовейской, в которой на сто лет раньше родился С.Разин. Это говорит о том, что он принадлежал к *староверам*, а потому любил личную свободу и народную волю. Во время семилетней войны он сражался в составе действующей армии. С началом войны с Турцией вновь садится в седло и вскоре получает за храбрость чин хорунжего. На зимних квартирах под ***Елизаветградом*** Е.Пугачёв простудился и у него стали гнить ноги и грудь. Выздоровев, он отправился на Дон и хотел получить отставку от службы. Но выхлопотать её не смог. Затем он служил в Таганроге. Там Пугачёв задумал бежать в *«вольные земли»*. Но эта задумка не состоялась. В Запорожскую Сечь с женой уйти было нельзя. В Пруссию – слишком далеко.

Желание бежать в Пруссию говорит о том, что Пруссия была тогда значительно более свободной страной, чем Россия. Таких казаков, как он, было тогда немало. Нескольким из них он помог бежать на Терек. После того как его заподозрили, он *бежит* и скрывается некоторое время дома. Здесь ему удаётся пристать к отряду *«сказочных»* казаков, которых набирали на Дону для отправки на Моздокскую оборонительную линию. Желающих переселиться на Терек оказалось на 21 человека больше, в их числе оказался Е.Пугачёв. По прибытию в ***Моздок*** они просили войскового атамана семейного терского войска **Татаринцева** зачислить их в состав этого войска. Просьбу этих казаков войсковой атаман 12 января 1772 года представил на утверждение коменданта Моздока. Комендант удовлетворил эту просьбу. Так началась служба Пугачёва в Моздоке. Однако войсковой атаман Татаринцев был под большим влиянием царских властей и не защищал интересы казаков.

Недовольство им вырвалось наружу с прибытием Е.Пугачёва. Казаки объединились вокруг него и составили челобитную в столицу на злоупотребления войскового атамана и царских военачальников. Е.Пугачёв *согласился* ехать с челобитной в столицу, но по дороге его схватили сторонники Татаринцева. Его привезли в Моздок, обвинили в смуте и посадили под стражу. Однако слух о вольнолюбивом казаке Пугачёве уже распространился среди личного состава гарнизона Моздока. Среди солдат у него тоже появились сочувствующие. Когда в караул заступил солдат **Венедикт Лаптев**, Е.Пугачёв сговорился с ним, они вместе бежали и пробрались на Яик.

В конце ноября 1772 года Е.Пугачёв добрался до Яицкого городка. Там он попал в напряжённую ситуацию, в которой находились казаки городка, ожидавшие репрессий за убийство царского администратора **Траубенберга**. К тому же по городу ходил слух о государе ***Петре Фёдоровиче***. И тут Е.Пугачёв решил воспользоваться ситуацией, тем более что он свёл знакомство с казаком-старовером **Д.Пьяновым**, в доме которого остановился. В разговоре с Пьяновым он выдаёт себя за Петра Фёдоровича. Д.Пьянов рассказал об этом казакам, после чего они решили встретиться с императором на Рождество, когда соберутся все казаки. Однако царская охранка не спала. Е.Пугачёва схватили по доносу и доставили в Казань. В мае 1773 года закованные в колодки Пугачёв и Дружинин подговорили одного из стражников, чтобы он напоил другого, после чего освободились от колодок и вместе с освободившим их стражником бежали. Вскоре они уже были на постоялом дворе *Ерёминой Курицы*. Но теперь Е.Пугачёв уже был ***«Государь Пётр Фёдорович»***.

К нему примкнуло немало яицких казаков, в их числе **Д.Караваев, М.Шигаев, И.Зарубин-Чика, И.Ульянов, Д.Лысов**. Затем Е.Пугачёв направился к хутору *Толкачёвых*. На хуторе было много народа и здесь можно было пополнить свой отряд. По дороге рассуждали о программе восстания. Пугачёв поручил грамотному казаку **Почиталину** изложить обсуждаемые вопросы на бумаге. Конечно, этот манифест, прежде всего, преследовал интересы казаков, в нём говорилось, что государь Пётр Фёдорович жалует их *«рякою с вершины до устья, и землёю, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным* правиянтом». Но были в нём учтены и интересы местных народов: калмыков, башкир и тюрок.

Ночью отряд Е.Пугачёва прибыл на хутор, а утром 17 сентября манифест был зачитан перед собравшимися казаками, калмыками и башкирами. После чего Пугачёв двинулся к *Яицкому городку*. Его отряд рос не по дням, а по часам. Под его знамёна стекались все недовольные: русские, казаки, калмыки, башкиры, казахи, марийцы и др. Взять Яицкий городок сразу не удалось. Не теряя времени, пошли вверх по реке. Вскоре им удалось овладеть крепостями *Илецкой, Рассыпной, Нижне-Озёрной, Татищева, Киргизовским* и *Гниловским форпостами, Сакмарским городком* и другими, гарнизоны которых, как правило, сами переходили на сторону восставших. После взятия *Чернореченской крепости* у Е.Пугачёва уже было около 2,5 тысячи человек.

С этими силами он подошёл к Оренбургу и осадил его. Попытка овладеть крепостью штурмом не удалась. Пугачёв организует свой главный стан в слободе *Берда*, которую назвал *«новой Москвой»*. Осада Оренбурга была его первой и главной ошибкой. Во время её он потерял слишком много времени и дал властям возможность принять меры для подавления восстания. Но, несмотря на то что ряды вос-

ставших росли, в перспективе их положение было безнадёжным. Пока власти не стянули войска, к Е.Пугачёву подошли башкиры во главе с **К.Арслановым**, марийцы во главе с **Мендеем**, калмыки во главе с **Ф.Дербетовым**. В ноябре подошёл со своими башкирскими конниками **Салават Юлаев**.

Тем временем к Оренбургу была направлена бригада генерал-майора **В.Кара**. Однако на подходе к Оренбургу эта бригада была разбита крупными отрядами **А.Овчинникова** и И.Зарубина-Чики. В середине ноября Е.Пугачёв разбил бригаду полковника **Чернышова** у самого Оренбурга. Причём и в том, и в другом случае солдаты перешли в основной своей массе на строну восставших. Неудачи приступов заставили Пугачёва реорганизовать своё войско. Основной единицей стал полк. Полки имели казачью организацию. Кроме этого, в ноябре 1773 года была образована Государственная военная коллегия, которая ведала всеми без исключения делами от военных до издания манифестов и указов. Осада Оренбурга продолжалась.

Тем временем генерал-майор В.Кар с небольшим числом подчинённых отошёл к Казани, а затем убыл в Москву. Власти близлежащих к восстанию губерний были в панике. Эта тревога докатилась и до Петербурга. Екатерина II, наконец, поняла, что это не очередная *«глупая казацкая история»*, а серьёзная и всевозрастающая опасность. Она срочно издала ряд манифестов, в том числе о заключении мира с турками и отзыве части войск из действующей армии для подавления восстания. В этой связи характерным было обращение Екатерины II к донским казакам. В нём говорилось, что императрица надеется на *«несомненную и известную ей верность и усердие донского войска»*, что оно примет меры к пресечению и отвращению *«злодейских замыслов этого бездельника»*. Донское войско, вот уже сто лет находившееся под беспрекословным управлением царизма, выполнило требование императрицы. Станицу ***Зимовейскую***, в которой родился Е.Пугачёв, по решению войскового круга перенесли на новое место, на левый берег Дона. Кроме того, её переименовали в ***Потёмкинскую***, назвав в честь фаворита Екатерины II **Г.Потёмкина**, в управление которого с 1775 года перешло Войско Донское.

Между тем восстание разрасталось. Осознав, что он застрял под Оренбургом, Е.Пугачёв разослал некоторых своих сподвижников и меньших командиров в разные края для формирования новых полков и расширения сферы восстания. В декабре 1773 года И.Зарубин-Чика направился на Урал и поднял там мастеровых на восстание. Набрав на Урале до 4 тысяч человек, он двинулся к ***Уфе***. Под Уфой его войско быстро увеличилось до 10 тысяч человек. Это воодушевило его на приступ Уфы. Однако приступ был отбит. Но это не остановило И.Зарубина-Чику и он 25 января 1774 года повторил приступ. Но его 12-тысячное войско не смогло и на этот раз взять город-крепость. Разгадка неудачи проста: восставшие не имели ни опыта взятия кре-

постей, ни выучки, необходимой для этого, ни соответствующего вооружения. И.Зарубин-Чика осаждал Уфу до марта 1774 года.

К концу 1773 года восстание докатилось до ***Перми*** и ***Кунгура***. Здесь восставшими руководил опытный артиллерист, хорошо знавший военное дело **И.Белобородов**. Ширилось восстание и в сторону Самары. В конце 1773 года здесь действовало более 10 крупных отрядов. В руках восставших оказались ***Бузулук, Самара*** и ряд других городов. К февралю 1774 года восстание охватило 92 завода Урала, что составляло 5 горнозаводского производства страны. И.Белобородов уже реально угрожал Екатеринбургу. Территория восстания была огромной. Восстание уже не на шутку встревожило власти. Для координации действий войск главнокомандующим был назначен генерал **А.Бибиков**. За голову Е.Пугачёва императрица назначила награду в 10 тысяч рублей. А.Бибиков по этому случаю писал: *«Не Пугачёв важен, важно общее негодование»*.

Решительные меры правительства привели к перелому ситуации. В конце февраля-начале марта правительственные войска взяли *Шайтанский завод* – основную базу И.Белобородова на Среднем Урале и сожгли его. В конце марта восстание на Среднем Урале, в основном, было подавлено. В марте потерпел поражение под Уфой и погиб И.Зарубин-Чика. Разгромили его правительственные войска под командованием бригадира **И.Михельсона**. В марте 1774 года потерпел поражение под *Татищевой крепостью* сам Е.Пугачёв. Здесь он потерял почти всё своё войско. В апреле 1774 года ему удалось с отрядом в несколько сотен казаков уйти на Урал. К лету 1774 года восставшие потеряли многих своих предводителей. В сражениях погибли Подуров, Почиталин, Толкачёвы, Витошнов, Зарубин-Чика, Хлопуша (А.Соколов).

Однако народное возмущение ещё не иссякло. Продолжали сражаться И.Белобородов, К.Арсланов, С.Юлаев. Людские потери быстро восполнялись притоком новых сотен и тысяч восставших. Движение Е.Пугачёва по Южному Уралу было успешным. Но за ним быстро шли правительственные войска, не давая закрепиться восставшим. Приходилось оставлять за собой сожжённые селения, разрушенные мосты и запруды. У *крепости Магнитной*, взятой Е.Пугачёвым, произошло объединение восставших. К нему присоединились И.Белобородов, А.Овчинников и А.Перфильев со своими людьми. Наиболее боеспособным из всей 10-тысячной рати Пугачёва был полк И.Белобородова. 21 мая 1774 года у *Троицкой крепости* произошло ожесточённое сражение с войсками генерала **Деколонга**. Восставшие потерпели сокрушительное поражение, потеряв около 4 тысяч человек убитыми и пленными, весь обоз и всю артиллерию.

И несмотря на это, через месяц у Е.Пугачёва снова было около 8 тысяч человек. Такое бывает возможным только в случае крайнего народного возмущения. В июне 1774 года произошло объединение

Е.Пугачёва с 3-тысячным отрядом конников С.Юлаева. После этого решено было двинуться в Поволжье. По пути движения к Казани войско Е.Пугачёва увеличивается до 20 тысяч человек. К Казани из-под Уфы устремляется и бригадир И.Михельсон. Пугачёв опережает Михельсона и пытается взять Казань ударом с четырёх сторон. Восставшие 12 июля ворвались в Казань, но не смогли взять казанский кремль. Они попытались взять кремль приступом, но здесь подошли войска И.Мехельсона. Восставшие обратились против передового отряда правительственных войск и остановили его продвижение. Надеясь на удачу, Е.Пугачёв 15 июля 1774 года вновь попытался взять кремль приступом, но его войско было разбито подтянувшимися главными силами Мехельсона.

С отрядом в несколько сот человек Е.Пугачёв переправился на правый берег Волги и двинулся на запад. При приближении Пугачёва крестьяне повсеместно поднимали восстания, расправлялись с помещиками и царскими чиновниками, создавали отряды и уходили к Пугачёву. Во многих местах образовались самостоятельные отряды. Восстание подняли жители городов ***Инсар, Краснослободск, Троицк, Наровчат, Нижний Ломов, Темников***. Восстание охватило *Инсарский, Краснослободской, Тамбовский, Новохопёрский* и *Борисоглебский уезды*. Нигде по пути следования Е.Пугачёв не встречал сопротивления. Только под ***Камышиным*** ему пришлось вступить в бой. Складывались благоприятные условия для похода на Москву. Но здесь он допускает серьёзную ошибку. Рассчитывая на поддержку казаков Дона, он поворачивает на юг. Поволжские города ***Алатырь, Саранск, Пенза, Петровск, Саратов, Дмитриевск*** (Камышин) сдались без боя.

Везде народ восставал и сводил счёты с угнетателями. В этот период крестьяне расправились с 3 тысячами дворян и царских чиновников. Такого разгула народной ненависти не было даже при С.Разине. Е.Пугачёв не мог оказать серьёзного сопротивления правительственным войскам. Его войско – это многочисленные, плохо организованные, обученные и вооружённые толпы. Поэтому он не брал с собой всех желающих, а только конных. А следом за ним шёл неутомимый И.Михельсон с хорошо обученными войсками. На Дону развернулось 14 полков донских казаков. На востоке была полноводная Волга. Ему пришлось идти только к Царицыну.

21 августа войско Е.Пугачёва подошло к Царицыну и пыталось взять его, но успеха не добилось. Пугачёв оставил его и двинулся к ***Чёрному Яру***. Здесь его и настиг Михельсон, к которому подошли и донские казаки. В завязавшемся сражении восставшие были разбиты. Их потери составили около 2 тысяч убитыми и около 6 тысяч пленными. С двумя сотнями казаков Пугачёв ушёл в степи Заволжья. Но преследование его не прекратилось. Самым неутомимым преследователем по заволжским степям был казачий донской полковник

А.Иловайский. С отрядом в 400 конных казаков он переправился через Волгу и устремился по следам уходившего на Яик Е.Пугачёва.

В безлюдных и пустынных степях казаки следовали за Е.Пугачёвым по сакмам. Однако не все донские казаки враждебно относились к Пугачёву и восставшим. Поэтому почти половина отряда А.Иловайского потерялась по пути. Возможно, Пугачёву удалось бы скрыться от преследования, но на его несчастье в его окружении нашлись предатели. Казаки **Творогов, Чумаков, Железнов, Федульев** и **Бурнов** организовали заговор. На двенадцатый день пути, когда Пугачёв отъехал от стоянки к бахче за дынями, они схватили его. Однако он вырвался, вскочил на коня и понёсся к камышам. Но его поймали и связали. Затем передали подоспевшему с донскими казаками А.Иловайскому. 15 сентября Пугачёва доставили в Яицкий городок, а оттуда в железной клетке его отвезли в Москву. За поимку Е.Пугачёва Екатерина II назначила А.Иловайского наказным атаманом вместо Сулина. Ему также был присвоен чин армейского полковника. Через год он был назначен войсковым атаманом и было повелено *«считать его в сей степени против 4-го класса чином армии»*. В то же время Донскому войску были пожалованы бунчук, булава и насека.

31 декабря 1774 года начался суд, а уже 9 января Е.Пугачёва приговорили к четвертованию. 10 января 1775 года в Москве на Болотной площади Е.Пугачёва казнили. Екатерина II отменила четвертование и ему отрубили голову. Вместе с Пугачёвым казнили некоторых его соратников: **Перфильева, Шигаева, Подурова** и **Тернова**. Салавата Юлаева возили по многим башкирским сёлам, били там кнутом, вырвали ноздри и сослали на каторжные работы. Тысячи участников восстания были подвергнуты казням, наказаниям и ссылке. И тем не менее, ещё в 1775 году на Верхнем Дону и в Поволжье действовало немало отрядов восставших.

Могли ли победить восставшие? Конечно, нет. Во времена С.Разина эта возможность ещё была, так как власть тогда имела относительно слабое войско, на Дону Разина поддерживали многие казаки, а стрельцы почти по всей стране. Боевого элемента среди восставших тогда было немало, его только нужно было правильно организовать и применить. У Е.Пугачёва, кроме тысячи уральских казаков, боевого элемента почти не было. Восставшие крепостные крестьяне и работные люди воинскому делу обучены не были. В то же время царское правительство имело профессиональную (регулярную) армию, с которой народные толпы тягаться, конечно же, не могли. Обширность территории восстания не могла заменить побед народного войска, которых было очень мало. По этой причине поражение было неизбежным.

И всё-таки царизм не доверял казакам. Награждая Донское войско и его старшин за верную службу, царизм всячески стремился урезать права самого войска и казаков. В 1775 году был ликвидирован *Войсковой круг*. Вместо него было учреждено *«Войсковое граждан-*

ское правительство», то есть область Войска Донского, по существу, превратилась в губернию. Верхушка Донского казачества получила российское дворянство, что ещё более разделило донских казаков. Ещё более крутые меры были приняты против Запорожской Сечи. В период казацко-крестьянского восстания 1773-75 годов запорожцы частенько нападали на правительственные войска.

По *Кучук-Кайнарджийскому мирному договору* к России отходили земли между Днепром и Бугом. Роль Запорожской Сечи как пограничной крепости, противоборствующей туркам и крымцам, была сведена к минимуму. Это позволило царскому правительству покончить с очагом, поддерживавшим и возбуждавшим время от времени восстания на юге России и Польши. Летом 1775 года отряд правительственных войск генерала **П.Текели** занял Запорожскую Сечь. 3 августа вышел манифест об упразднении Запорожского войска. Запорожская старшина также получила российское дворянство. Посполитое крестьянство превращалось в крепостных. Рядовые казаки были вынуждены либо уходить на Дон, либо бежать за рубеж, что многие и сделали.

Южное Причерноморье в последней четверти XVIII века начинает активно заселяться. Общая численность населения к концу века возросла в несколько раз. Это произошло благодаря потоку беглых крестьян, устремившемуся из северных районов России на юг, где поначалу помещичьего землевладения не было, а власть принимала лихорадочные усилия для заселения края. Интенсивно строятся города и сёла. В 1778 году был основан ***Херсон***, в 1784 году – Мариуполь, в 1787 году – ***Екатеринослав***, в 1789 году – ***Николаев***, в 1794 году – ***Одесса***. Параллельно со стихийной колонизацией активную роль в освоении территорий сыграло царское правительство. Особенно активно заселению и обустройству края способствовал фаворит Екатерины II князь **Г.Потёмкин**.

Он не щадил ни сил, ни денег, ни труда в стремлении скорейшим образом превратить пустынный край в провинцию с городами, сёлами, садами и различными сооружениями. Закладывались города, разводились леса и виноградники, плантации тутовых деревьев, строились фабрики, корабельные верфи, школы, типографии, церкви и т.д. Много сил и энергии Г.Потёмкин отдал строительству флота. Немало его начинаний осталось в проектах. Было и немало таких, которые получили нарицательное название *«потёмкинских деревень»*. Тем не менее, край был присоединён к России и успешно развивался.

Став благодаря пиратству первой морской державой мира, Англия продолжала использовать пиратство для удержания своих позиций на морях и океанах. В этом плане её действия натолкнулись на растущее недовольство многих европейских стран, желавших свободы торговли на морях и океанах. А так как многие из них торговали с Северной Америкой, в которой началось восстание против Англии, обста-

новка на морях обострилась. Обострилась она и на Балтийском море, где англичане тоже доминировали. В 1775 году Англия попросила Россию послать 20-тысячный корпус для войны в Северную Америку. Но ей в этом было отказано. Это произошло не потому, что царизм начал понимать национальные интересы страны, а потому, что хотел, чтобы торговые операции двора по Балтийскому морю приносили большой доход. Национальные интересы и коммерческий доход – это далеко не всегда одно и то же.

В 1778 году началась война между Пруссией и Австрией из-за Баварии. Россия вмешалась в эту войну и она была прекращена. По этому поводу официальная историческая наука считает, что Екатерина II проявила *«свою силу и влияние в Европе»*. На самом деле всё было не так. Фридрих II, затевая эту войну, как всегда, преследовал несколько целей. Первая цель – это захват Баварии. Но эта цель могла не осуществиться из-за вмешательства России, обязанной Австрии за Кучук-Кайнарджийский мир. В этом случае можно было отказаться от Баварии, но серьёзно поставить вопрос перед Россией о повторном разделе Польши, противодействовать которому она была уже не в состоянии, так как ситуация там продолжала накаляться. Протестанты и католики настойчиво требовали удовлетворения своих интересов. От них не отставали и православные. Получилось так, как, собственно, и рассчитывал Фридрих II. Екатерина II оставалась орудием в его руках вплоть до конца его жизни.

В то же время становится очевидным, что Кучук-Кайнарджийский мирный договор, как и следовало ожидать, никакой независимости Крыма от Турции не обеспечил. Оставалось одно – присоединить Крым к России. Однако к развязыванию новой войны с Турцией Россия была ещё не вполне готова. Поэтому было решено на первых порах экономически ослабить ханство и сделать его, таким образом, более зависимым от России. С этой целью в 1778 году около 30 тысяч армян и греков были переселены из Крыма в южные губернии России. Естественно, переселение армян и греков шло за счёт ущемления положения русских и казаков. В частности, на Дон было переселено около 15 тысяч армян будто бы для развития торговли и экономического подъёма края.

Переселенцам были даны такие льготы, какими не пользовались ни казаки, ни жители соседних губерний. На берегу Дона, близ крепости св.Дмитрия, был основан армянский город Нахичевань. Для поселения армян у Войска Донского было отторгнуто около 68 тысяч десятин плодороднейшей земли. Переселенцы были перевезены со всей своей недвижимостью за казённый счёт, на 10 лет освобождены от всех повинностей, постоев, рекрутчины и т.д. Каждому домохозяину-армянину было отведено по 30 десятин земли, выданы безвозмездно семена, лес на постройку, скот, инвентарь и т.д. с возвращением их стоимости только через 10 лет.

Так царизм распоряжался лучшей казачьей землёй, политой в течение многих веков кровью казачества, отдавая его достояние чуждому элементу, ничего не сделавшему для блага России. Удалось ли подорвать экономический потенциал ханства? Вряд ли. А вот из государственной казны утекли большие деньги, да ещё обозлены были на власть русские и казаки, жившие в южных губерниях. Не дало серьёзных результатов и смещение хана **Сахиб-Гирея** в 1779 году. По *Айналы-Кавакской конвенции* он был заменён ханом **Шагин-Гиреем**, сторонником России. По этой конвенции Россия уступала Турции земли между Южным Бугом и Днестром, что было крайне неразумно. Это только подтолкнуло Турцию к более активным действиям.

Вообще в этот период российская дипломатия делает ряд крупных стратегических ошибок. В 1780 году, продолжая преследовать мелочные меркантильные интересы, Екатерина II, любившая пустить пыль в глаза, выступила со знаменитой «Декларацией вооружённого нейтралитета», направленной против действий Англии на море. К этой декларации сразу же присоединились Дания, Швеция, Голландия, Пруссия, Австрия. Её признали Франция, Испания и США. Никакой пользы, кроме вреда, эта декларация России не принесла. Россия не имела ни коалиции держав, ни мощного флота, чтобы заставить Англию соблюдать эту декларацию. В то же время Англия теперь становилась надолго врагом России. А вот она могла серьёзно навредить и навредила России, помогая Турции и другим её противникам. **Это только лишний раз доказывает, что коммерческие интересы далеко не всегда совпадают с национальными.** Национальные же интересы России тогда требовали, чтобы Англия была дружественной страной.

В 1780 состоялась встреча Екатерины II и **Иосифа II Австрийского**. Её итогом было соглашение о взаимной помощи в случае начала войны с Турцией. Этим соглашением также предусматривалась целостность Польши, так как Фридрих II допекал Екатерину II требованиями о разделе. Не имея возможности отказать ему прямо, Екатерина II попыталась прикрыться Иосифом Австрийским. Но это привело к тому, что Пруссия стала скрыто вредить России. Почти сразу же после заключения Айналы-Кавакской конвенции Турция предпринимает попытку захвата кубанских владений крымского хана. Она переманивает на свою сторону ногаев, обосновавшихся на Кубани.

Стратегические просчёты войны 1769-74 годов дали о себе знать со всей очевидностью. Не заняв Тамань, нельзя было гарантировать подчинение Крыма России. Дальше – больше. В 1782 году Турция организует мятеж против Шагин-Гирея, который бежал в Еникале под защиту российских войск. России пришлось принять экстренные меры. В 1783 году Екатерина II публикует манифест об отречении Шагин-Гирея и присоединении Крыма к России. Через два месяца крымцы официально присягнули Екатерине II. Однако ногаи на Тамани отказались присягать Екатерине II. Пришлось применить силу.

Против ногаев был направлен генерал А.Суворов с войсками. Ему помогали донские казаки и калмыки во главе с **Дундуком Омбой**. Близ устья Лабы к Суворову присоединился А.Иловайский с 10 донскими казачьими полками. Вскоре подошли и калмыки. Всего у него собралось около 15 тысяч человек

После переправы через Кубань близ урочища *Керменчик* войска генерала А.Суворова 1 октября 1783 года одержали победу над ногаями и захватили большую добычу. Ногаи даже сдали Суворову свои боевые белые знамёна. О доблестных действиях в этом походе донских казаков А.Суворов писал Г.Потёмкину: *«Храбрость, стремительный удар и неустрашимость Донского войска не могут довольно похвалить пред вашею светлостью и высочайшим троном»*. Эта похвала скупого на слова великого полководца заслуживает достойного внимания. Ногаи принуждены были войти в подданство России. За умелое командование казачьими полками А.Иловайский был награждён орденом Владимира 2-й степени. Кроме того, ему был присвоен чин *генерал-поручика*. Все полковые командиры получили чины бригадиров.

Эти победы А.Суворова закрепили присоединение Крыма и части Тамани к России. Они же позволили упрочить положение России в Закавказье. 27 июля 1783 года в крепости *Георгиевск* между Россией и царём Кахетии и Картли был подписан Георгиевский трактат, по которому он признавал верховную власть лишь российского императора. Турки ещё оставались в Западной Грузии, поэтому победы Суворова удержали их от немедленного начала крупномасштабной войны с Россией. Однако подготовка к войне в Турции шла полным ходом. Теперь ей в этом помогали Франция, Англия и скрытно Пруссия. Недальновидная политика Екатерины II, наплодившая для России врагов, позволила Турции неплохо подготовиться к очередной войне с Россией. В международных делах Россия оказалась в изоляции. Соглашение с Австрией далеко не восполняло то, что было утрачено. К тому же Австрия всегда была ненадёжной союзницей. Могли появиться и другие противники. Смерть Фридриха II в 1786 году не изменила расстановку сил в Европе. Наоборот, позиция Пруссии по отношению к России стала ещё более враждебной.

Летом 1787 года Турция потребовала от России признания своей власти над Грузией и допуска в Крым турецких консулов. Затем турки нарушили соглашение, касающееся смещения молдавского и валашского господарей. 15 августа 1787 года турки предложили российскому посланнику в Константинополе **Булгакову** немедленно вернуть Крым. Посланник, конечно же, не мог этого сделать, за что был подвергнут аресту, что и послужило поводом для начала боевых действий. Уже 21 августа 1787 года турецкие корабли напали на российские возле ***Кинбурна***. Сюда же в сентябре был направлен турецкий десант, но его разгромил гарнизон Кинбурна, возглавляемый генера-

лом А.Суворовым. В начале октября к Кинбурну подошёл десант в 5 тысяч человек. Но он был также полностью истреблён, как и первый. А ведь у Суворова было всего около 3 тысяч человек. Разгром десанта не позволил туркам высадиться с моря и овладеть Крымом.

С началом боевых действий международная обстановка для России стала ухудшаться. Австрия в январе 1788 года вступила в войну с Турцией, но действия её армии были больше демонстративными. Стремясь сорвать поход балтийского флота в Средиземное море, весной 1788 года Англия запретила России нанимать английские транспортные суда и моряков, делать закупки продовольствия. Летом 1788 года Англия, Пруссия и Голландия создали тройственный союз, направленный против России. Затем эти страны и Турция добились вступления Швеции в войну против России. Порочность стратегии российского царизма была очевидна. Россия осталась без серьёзных союзников перед фактом ведения войны на два фронта. Теперь спасти положение могли только армия и флот.

В июне 1788 года шведы осадили крепости *Нейшлот* и *Фридрихсгам*. Начал боевые действия и шведский флот, который вошёл в Финский залив. Шведский король **Густав III**, подталкиваемый Тройственным союзом, предъявил России на редкость хамские требования: вернуть Швеции все земли, завоёванные Россией со времён Петра I; возвратить Турции Крым, Тамань и отказаться от Грузии. В 1788 году активные действия против Швеции развернулись только на Балтийском море. Сражение у острова *Гогланд* в июле 1788 года выиграл Балтийский флот России.

На юге боевые действия были ещё более успешными. Турция выставила против России армию численностью около 200 тысяч человек и флот в составе 19 линейных кораблей, 16 фрегатов и 5 бомбардировочных корветов. Российские вооружённые силы в Причерноморье имели: Украинскую армию генерал-фельдмаршала П.Румянцева численностью 37 тысяч человек; Екатеринославскую армию генерал-фельдмаршала Г.Потёмкина численностью около 82 тысяч человек; Крымский и Кубанский корпуса; Черноморский флот под командованием контр-адмирала **М.Войновича**, насчитывал 24 корабля. Боевые действия вначале развернулись на море. В сражении у острова Змеиного эскадра **Фёдора Ушакова** разгромила турецкую гребную флотилию. Турки потеряли убитыми и ранеными около 6 тысяч человек, около 2 тысяч человек были взяты в плен. Сильная турецкая крепость Очаков оказалась блокированной с моря. Осенью 1788 года армия П.Румянцева взяла Хотин, а в декабре армия Г.Потёмкина овладела Очаковом.

В 1789 году Украинская и Екатеринославская армии были объединены в южную армию под командованием Г.Потёмкина. Он развернул боевые действия с целью овладения турецкими крепостями в Подолии и Бесарабии, прикрывшись дивизией генерала А.Суворова со

стороны Молдавии. Малочисленность наличных сил, всего около 8 тысяч человек, он компенсировал быстротой и решительностью действий. При появлении под Фокшанами крупных сил турок А.Суворов немедленно со своими главными силами около 5 тысяч человек двинулся на соединение с корпусом австрийского **принца Кобургского**, насчитывающего около 12 тысяч человек. 21 июля 1789 года под *Фокшанами дивизия* А.Суворова и корпус принца Кобургского объединились и разгромили 30-тысячный турецкий корпус **Османа-паши**. В начале сентября турки стянули в Молдавию около 100 тыс. человек под командованием великого визиря **Юсуфа-паши**.

Против него вновь выступили объединённые силы дивизии А.Суворова и корпуса принца Кобургского общей численностью около 25 тысяч человек. Собрали всех, кого могли. В сражении на реке Рымник турецкая армия была разгромлена. Турки потеряли только убитыми около 20 тысяч человек. Дивизия А.Суворова потеряла убитыми 45 человек и 133 человека ранеными. Секрет этой блестящей победы был обусловлен блестящей выучкой войск. Здесь все официальные отечественные исторические издания делают упрёк Потёмкину, что он ввязался в осаду крепостей и не предпринял решительных действий на Дунае. Однако эти упрёки не основательны. Упрекают Г.Потёмкина те, кто не разбирается в большой стратегии.

Г.Потёмкин хорошо помнил просчёты стратегии в предыдущей войне с Турцией, когда продвижение российской армии на Дунай вызвало враждебную позицию Австрии. В условиях, когда против России действовал Тройственный союз и воевала Швеция, лишиться последнего союзника было крайне неосмотрительно. К тому же Потёмкин собирался присоединить к России территорию между Южным Бугом и Днестром. Именно поэтому нужно было очистить её от турок. До конца года были взяты турецкие крепости *Бендеры, Хаджибей* (Одесса) и *Аккерман*. После чего армия Г.Потёмкина продвинулась до низовьев Дуная и заняла позиции между реками Днестр и Серет. Турция под влиянием крупных поражений вступила, было, в переговоры о мире, но под давлением Англии и Пруссии прекратила их. Война России с Турцией и Швецией продолжалась. Хотя Швеция в 1789 году тоже потерпела ряд крупных поражений, российские войска начали наступление в Финляндии. Балтийский флот выиграл ряд сражений: у ***Поченсальма*** и дважды у ***Красной Горки***. Одно сражение было проиграно. Поражения заставили Швецию пойти на переговоры. В августе 1790 года состоялось заключение мира на условиях «Status quo».Это было крупное поражение английских и прусских дипломатов.

Пруссия и Англия продолжали энергично противодействовать России. Прусская агентура в Польше способствовала росту недовольства поляков Россией. Антироссийские силы в Польше резко увеличились, так как объединились католические и протестантские круги в

Польше. Дело дошло до того, что Россия в 1789 году была вынуждена вывести свои войска из Польши. **Недальновидность политики Екатерины II в отношении Польши была очевидной. Раздел Польши, который предлагал Фридрих II, в условиях начавшегося распада польского общества был неизбежен. Однако российская императрица не понимала этого.**

Любительница пускать пыль в глаза, она продолжала изображать из себя защитницу Польши. Результатом этой политики явилось то, что Польша с Пруссией в 1790 году заключили *союзный договор*. Не понимавшая очевидных вещей, Екатерина II осталась с носом. И это не «ирония судьбы», как считают наши отечественные официальные историки, а крупный стратегический просчёт. За Польшей последовала Австрия. Под давлением Пруссии и Англии, угрожавших объявить войну, Австрия в 1790 году выходит из войны, заключив с Турцией *сепаратный мир*. Это был ещё один крепкий щелчок по носу *«великой»* Екатерины. Однако несмотря на осложнение международной обстановки для России, боевые действия в 1790 году были для неё успешными. Армия и флот своими победами поправляли порочную стратегию императрицы.

В связи с неустойчивостью Австрии Г.Потёмкин вновь сосредоточил усилия своей армии на взятии порубежных крепостей. Турки, не надеясь победить в Молдавии, решили попытать счастья на Тамани. Они направили в район крепости Анапа армию **Батал-паши** численностью около 40 тысяч человек. Подготовлен был также десант для высадки в Крыму. Вновь давали о себе знать стратегические просчёты прошлой войны. Тамань не была до конца завоёвана российскими войсками, чем и воспользовались турки. Турецкие планы во многом расстроил Черноморский флот, которым с марта 1790 года командовал контр-адмирал Ф.Ушаков. В сражениях у Синопа, в Керченском проливе и у острова Тендера Ушаков нанёс тяжёлое поражение турецкому флоту.

С помощью флота Южная армия овладела крепостями *Килия, Тульча, Исакча*. Успех сопутствовал российским войскам и на Кубани. Турецкая армия Батал-паши, наступавшая на Кабарду, потерпела поражение и отошла к Анапе. В сентябре 1790 года Австрия вышла из войны, но это не облегчило положения турок. 11 декабря 1790 года корпус генерала А.Суворова взял мощную турецкую крепость Измаил. Потери турок убитыми составили около 26 тысяч человек. Около 9 тысяч человек были пленены. Потери корпуса А.Суворова составили около 5 тысяч человек убитыми. **Этот штурм вошёл в историю отечественного военного искусства как образец непревзойдённого мастерства солдат и офицеров, взявших сильнейшую турецкую крепость, как показатель высочайшего полководческого таланта Александра Суворова.**

Выход из войны Швеции и тяжёлое поражение Турции в 1790 году переломило ход войны в пользу России. Тем не менее, Англия

продолжала делать попытки восстановления и усиления антироссийского блока. Правительство **У.Пита** пыталось создать вместо Тройственного союза более широкий блок, в который должны были войти Англия, Пруссия, Турция, Дания, Швеция, Польша и даже Австрия. Были выработаны ультимативные требования к России в 10-дневный срок отказаться от Очакова и принять английское посредничество в переговорах с Турцией. Сама Англия уже собиралась начать войну с Россией. Но планам У.Пита не суждено было сбыться. Этому было несколько причин. Во-первых, успехи французской революции создали серьёзную опасность для абсолютистских режимов многих стран Европы и, прежде всего, для Австрии и Пруссии, поэтому против России никто не захотел выступить, кроме Турции. Во-вторых, значительная часть английской буржуазии была заинтересована в торговле с Россией, а потому составила мощную оппозицию правительству У.Пита.

Тем временем российская армия и флот шли от победы к победе. 4 июня дивизия генерала **Михаила Кутузова** переправилась через Дунай и разбила 23-тысячный турецкий корпус при Бабадаге. Главные силы Южной армии под командованием генерал-фельдмаршала **А.Репнина** 28 июня нанесли поражение турецкой армии в Мачинском сражении. На Тамани Кубанский корпус генерала **И.Гудовича** 22 июня штурмом взял Анапу. 31 июля Черноморский флот под командованием Ф.Ушакова разгромил турецкий флот у Калиакрии. Эти победы заставили Турцию пойти на переговоры и подписание мирного договора. 23 декабря в Яссах был подписан *мирный договор*, по которому Турция уступила России все земли между Южным Бугом и Днестром, как и рассчитывал Г.Потёмкин. Турция обязывалась также не допускать нападений на Картлию и Кахетию.

Этот мирный договор не полностью реализовывал победы армии и флота. Бесарабия, Молдавия, Валахия, Западная Грузия и Анапа оставались в руках Турции. Причиной тому были новые увлечения и пристрастия императрицы. Французская революция взбудоражила умы свободолюбивой общественности всей Европы. В Петербурге вначале не поняли серьёзности происходящих во Франции событий. Но через некоторое время дворянство опомнилось и начало проявлять открытую враждебность. Российский императорский двор немедленно отказался от *«просветительских»* затей, предал анафеме сочинения французских энциклопедистов.

Екатерина II прониклась ненавистью к любым революционным течениям. Всем подданным России было велено покинуть Францию. Начались гонения против отечественных демократов **А.Радищева, Н.Новикова** и других. И самое важное, Екатерина II взяла на себя главную роль в организации объединения монархических государств Европы *против революционной* Франции. Она немедленно завязала связи с контрреволюционными кругами Франции и способствовала

ликвидации раздоров между королевской *«партией»* и *«партией принцев»*. Она стала оказывать щедрую финансовую поддержку этим кругам. Только на наём войска она выделила громадную сумму в 2 млн. рублей.

Она же организовала демарш европейских государств с требованием освободить **Людовика XVI**. Она также выделила большие финансовые средства Швеции для похода её войск против Франции. К России и Швеции примкнули Австрия, Пруссия, Испания, Сардиния, Неаполь. В этих условиях Англия заявила о своём нейтралитете. Екатерина II, **Леопольд II Австрийский** и Густав III Шведский приступили к составлению плана интервенции против Франции. В этой ситуации императрице не было дела до национальных интересов России. Она вся без остатка была поглощена организацией борьбы с революционной Францией. Именно она настроила большую часть российского общества на войну с революционной Францией и совместные действия с Австрией, Пруссией и Англией, в результате чего Россия при Александре I сделалась послушным орудием в реализации политики этих стран.

Но не всё ладилось у российской императрицы. В разгар подготовки интервенции неожиданно умер Леопольд II Австрийский. В середине марта 1792 года в результате заговора погиб шведский король Густав III. Выступление интервентов опередила революционная Франция, объявившая войну Австрии и Пруссии. Смерть австрийского императора заставила Екатерину II искать союзника в Пруссии. Однако Пруссия соглашалась выступить против Франции только после раздела Польши. На этот раз Екатерина II не противилась. Тем более что Польша запретила проход российских войск через свою территорию к границам Турции, а в 1791 году приняла новую конституцию, по которой укреплялась власть в стране, что грозило России новыми проблемами. Летом 1792 года между Россией и Пруссией был подписан союзный договор, а в январе 1793 года последовал договор о втором разделе Польши. Пруссия получила часть Великой Польши и другие коренные польские земли с городами ***Гданьск*** и ***Торунь***. К России отходила Центральная Беларусь и вся Правобережная Украйна Речи Посполитой.

В январе 1793 года был казнён Людовик XVI. Эта казнь потрясла петербургский двор, Екатерина II *«слегла в постель и больна и печальна»*. Дипломатические и торговые отношения с Францией были прерваны, в России установилась строжайшая цензура. Поражение австро-прусских войск при Вельми 20 сентября 1792 года не на шутку встревожило Англию. Она выставила французскому Конвенту ряд невыполнимых требований. 1 февраля 1793 года Франция объявила войну Англии, а 25 марта между Англией и Россией было заключено соглашение, предусматривающее координацию действий против Франции. Новое поражение интервентов в июне 1794 года заставило

Австрию, Англию и Пруссию просить помощи у России. Но Россия не могла немедленно двинуть свои войска во Францию, так как в Польше развернулось национально-освободительное движение под предводительством **Т.Костюшко**.

Это движение имело широкий размах, к тому же оно носило ярко выраженный антифеодальный характер. Весь 1795 год ушёл на подавление этого восстания. После чего Россия, Пруссия и Австрия осуществили последний (третий) раздел Польши. По этому разделу к России отошли Западная Беларусь, Литва, Курляндия и часть Волыни. Австрия получила южную Польшу с Краковом, а Пруссия Центральную Польшу с Варшавой. После этого раздела Екатерина II решила направить во Францию 60-тысячную экспедиционную армию. Почти весь1796 год шла подготовка к походу. 6 ноября 1796 года Екатерина II умерла и поход на некоторое время был отложен.

В правление императриц Сибирь жила своей обычной жизнью. Строились города, сёла, крепости и остроги, заводы и прочие заведения. Шла интенсивная ассимиляция между русскими и славянами-татарами. Более теснными становились отношения с Кайсакской ордой, Джунгарией и Китаем. В целом, Сибирь развивалась мирно. В то же время произошло несколько крупных событий. В конце 20-х годов XVIII века джунгары совместно с киргизами разгромили Кайсакскую орду и подчинили себе старший и средний жусы. **Обеспокоенная усилением Джунгарии, Россия начала строить в Сибири пограничные оборонительные линии. Упущенные ранее возможности для продвижения на юг теперь оборачивались необходимостью осуществления оборонительных мероприятий.**

В 1733 году была организована большая Сибирская экспедиция под началом В.Беринга для исследования земель, находившихся по соседству с Камчаткой. Она должна была также обследовать устье реки Амура и Чукотский полуостров. Под началом Беринга проводили исследования **Чириков, Шпамберг, Челюскин, Минин, Овцын, Лаптевы, Прончищев, Делиль, Штеллер, Крашенниников, Красильников, Попов** и другие. Отдельно от этой экспедиции исследованиями древностей Сибири занимались **Миллер** и **Гмелин**. После завершения своих исследований Миллер вывез 112 портфелей (чемоданов) различных письменных материалов и сделал «вывод» о *«неисторичности»* Сибири. Для того он в Сибирь и ездил, чтобы стереть всю древнюю историю этого огромного края и разработать основы фальсифицированной истории России.

В 1741 году экспедиция Беринга открыла Алеутские острова. Численность жителей Алеутских островов тогда составляла около 25 тысяч человек. Греко-византийская церковь, получив указ Петра I о крещении инородцев, развернула в Сибири насильственную деятельность по обращению славян-татар в христианство. В результате, в 1745 году Барабинские славяне-татары приняли ислам. Его приняли

свыше 47 тысяч человек. Кроме этого, ислам приняли свыше 780 тысяч киргизов, проживавших и кочевавших в пограничье. В Восточной Сибири стали интенсивно принимать буддизм буряты. К XIX веку ислам и буддизм основательно закрепились в Сибири.

В 1754 году тайша хоитских калмыков **Амурсан** заключил союз с Китаем, стремясь захватить власть в Джунгарии. С помощью китайских войск ему это удалось. Затем в 1756 году он попытался изгнать китайцев из страны. Однако китайцы разгромили его и перебили около миллиона джунгар. Сам Амурсан скрылся в Сибири. Хоитские калмыки под предводительством тайши **Шеренга** в числе 10 тысяч кибиток бежали из Джунгарии на Волгу. Это обстоятельство послужило поводом для прекращения всех отношений между Китаем и Россией, что продолжалось до тех пор, пока калмыки не вернулись в Китай в 1771 году. Разбив джунгар, китайские войска вступили в земли старшего и среднего кайсакских джусов. Султан **Аблай** вынужден был подчиниться Китаю. В то же время Китаем была завоёвана Монголия.

Как видим, нерешительная политика России в конце XVII века позволила Китаю остановить её продвижение на Дальний Восток. Затем эта же нерешительная политика позволила Китаю перейти в наступление в Центральной Азии, захватить Джунгарию, Монголию и продвинуться в пределы Южной Сибири. В 1758 году весь Восточный Туркестан был покорён китайцами, которые приступили там к строительству городов и укреплённых пунктов. В *Илийской области* ими было начато строительство центра провинции города ***Кульджа***. С разгромом Джунгарии киргизы откочевали на север и заняли территорию от ***Усть-Каменогорска*** до ***Омска***.

В 1757 году киргизские султаны Аблай и **Абулфеиз** отправились в Пекин и получили там княжеское достоинство. После этого России срочно пришлось укреплять Иртышскую оборонительную линию. Таким образом, стратегические просчёты царизма навсегда закрыли для России дорогу в Центральную Азию и Тибет. Под большим вопросом теперь оказалось и продвижение в Среднюю Азию. **С этого момента Россия начала опаздывать в распространении своего влияния в мире. Стратегия китайских императоров оказалась более дальновидной, чем стратегия российских императоров**.

В 1792 году киргизы, видя усиление воинских сил России на Иртышской оборонительной линии, перешли в подданство России. В этом же году 34 промысловика вместе со своим предводителем **Дружининым** были убиты алеутами за то, что творили по отношению к ним *«страшные жестокости»*. С тех пор российские промысловики начали беспощадную войну с алеутами. Особенно свирепствовали команды **Глотова** и **Соловьёва**, каждая из которых перебила по несколько тысяч алеутов. Вследствие чего их численность резко сократилась.

Нововведения Екатерины II в Сибири, на словах предполагавшие защитить инородцев, на деле оказались очередной пылью в глаза, вы-

званной желанием понравиться иностранцам. Кончилось это тем, что численность инородцев из-за усиления гнёта всё равно сократилась, но за ними были закреплены многие земли, что позднее стало сказываться на заселении Сибири русскими людьми. В 1763 году была отправлена экспедиция **Генезера** и **Зелёного** к озеру *Нор-Зайсану* и *Чёрному Иртышу*, с целью выяснения вопроса, могут ли китайцы на судах по Иртышу добраться до Сибири. Экспедиция возвратилась с известием, что китайцы не имеют леса для постройки судов. Ни в Зайсанском крае, ни в долине Чёрного Иртыша леса нет.

И всё же генерал-поручику **Шпрингеру**, начальствовавшему над укреплениями в Сибири, было повелено построить *Бухтарминскую крепость* для воспрещения перехода китайцев из озера Зайсан в реку Иртыш. После разгрома Джунгарии её степи оказались без кочевого поселения. Китайский император, желая иметь кочевое податное население, издал указ, согласно которому киргизам разрешалось кочевать в степях бывшей Джунгарии. За это устанавливалась минимальная плата: одна лошадь со 100 голов и одна овца с 1000 голов. Разрешалось также торговать в Кульдже и Чугучаке, а также посылать своих людей в Пекин. Вскоре киргизы стали интенсивно переселяться в бывшую Джунгарию.

В 1766 году в ***Барнауле*** механиком **Ползуновым** была сделана первая в России паровая машина, которую использовали в заводском производстве. В 1770 году калмыки (торгауты) под предводительством тайши **Убаши**, прослышав о послаблениях китайского императора, в числе около 300 тысяч человек откочевали с Волги в Китай. Китайский император распорядился принять их, так как считал возврат калмыков славным событием своего правления. Естественно, он отказался возвращать их России. После этого российские власти разрешили киргизам кочевать в Сибири, вместо пошлины стали брать только аманатов. В 1774 году кайсакский хан Аблай пытался склонить башкир перейти в его подданство. Однако башкиры отказались это сделать. Переход на сторону Китая киргизов и калмыков вскоре создал проблемы для Аблай-хана, так как они начали теснить его орду. Поэтому в 1776 году он отправил посольство в Петербург просить помощи. Царское правительство предложило ему принять подданство России. Однако он отказался это сделать, опасаясь китайского императора.

В 1783 году кроме *Тобольского наместничества* учреждены *Колыванское* и *Иркутское наместничества*. В то время в Тобольском наместничестве проживало чуть более 514 тысяч жителей, в Колыванском – около 170 тысяч жителей, а в Иркутском – чуть более 375 тысяч жителей. Таким образом, **в Сибири на этот момент проживало около 1 миллиона 60 тысяч человек, из которых русских уже было свыше 550 тысяч человек**. Общая численность населения Сибири за прошедшие 200 лет возросла лишь на 260 тысяч человек. Оно было

связано с тем, что численность инородческого населения из-за усиления гнёта и превращения Сибири в место для ссыльных и каторжников неуклонно сокращалась. Но при этом стремительно росла численность сибиряков (русских).

Эти данные говорят о том, что подавляющее большинство славян-татар было ассимилировано и превратилось в *сибиряков*, которых стали считать *русскими*. На самом деле появился совершенно новый этнос. Наряду с тем, что на Дону и Днепре в прежние времена сложился *казачий (черкасский) этнос*, Россия в конце XVIII века имела три близкородственных этноса. Кроме упомянутых выше, самым большим был *русский этнос*, сформировавшийся на территории: от Верхнего Дона до Ладоги, Онеги и Ледовитого океана, и от Западной Двины и Днепра до Волги. Все остальные пространства были по большей части заняты другими народами. Поэтому в то время Россия действительно была многоэтничной страной.

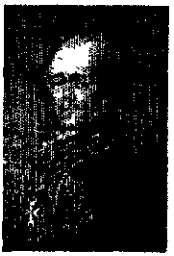
И нельзя было тогда говорить, что уже сформировалась русская нация. Русский народ уже сложился, но русской нации ещё не было. Её формирование происходило постепенно в течение XIX века. За этот период и сибиряки, и казачество, в основном, влились в Русский народ, который стал преобладающим по всей стране. **Поэтому неправомерно называть население России XVIII века *русскими*.** Это были ещё ***россияне*** в полном смысле этого слова. А коль так, то в данном исследовании я называю население России *россиянами*.

В 1791 году царские власти добрались до староверов и старообрядцев, скрывавшихся на Алтае и живших в Бухтарминской и Уймонской долинах, которые они называли ***Беловодьем***. Таинственная страна, в которую стремились многие, объявилась. Так как староверы и старообрядцы согласились платить подати и охранять от киргизов и калмыков пограничье, то их не стали преследовать. В связи со свободой перекочёвок в Сибири *киргизы* и *кайсаки* в значительной степени перемешались. В результате, образовалась *Киргиз-Кайсакская орда*. Пользуясь тем, что за кочевье в Сибири киргизы не платили никаких пошлин, султан **Тогум** с киргизами большой орды в 1793 году перекочевали к реке Иртыш. В 1796 году Сибирь была разделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую.

Царствование Екатерины II не было столь замечательным, каким его считают официальные историки. И, если бы рядом с ней не оказалось таких поистине выдающихся деятелей и полководцев, как П.Румянцев и Г.Потёмкин, это царствование было бы вряд ли лучше царствования царя А.Романова. Благодаря деятельности этих двух людей и целой плеяды талантливых полководцев, среди которых А.Суворов и Ф.Ушаков, несомненно, звёзды первой величины, Россия в XVIII веке смогла вытеснить Турцию из Причерноморья и Крыма, а также расширить свою территорию и своё влияние в мире.

В конце своего царствования Екатерина II вышла из-под влияния талантливых людей и её сразу же понесло в авантюры. Включившись в борьбу с революционной Францией, она поставила возможности России на службу интересам Австрии, Пруссии и Англии. При дворе укрепилось положение сразу нескольких чуждых интересам России масонских партий: *пропольской, проавстрийской, проанглийской, пропрусской* и *проеврейской*. В то же время управление страной фактически было развалено, так как наследники Павел I и тем более его сын Александр, по большому счёту, управлять Россией были не способны. Поэтому тот и другой стали марионетками в руках вышеназванных партий и государств, их контролировавших.

Правление императоров Павла I, Александра I и Николая I



После смерти Екатерины на трон вступил её сын **Павел I**. Екатерина не любила сына, потому что он любил своего отца Петра III. Павлу не нравились кутежи матери и то невнимание к нему, которое она проявляла. Эти отношения с отроческих лет со временем переросли в глубокую неприязнь. Вследствие чего и по причине решения задач, поставленных перед ней Фридрихом II, Екатерина не готовила его к исполнению императорских обязанностей, хотя Павел проявлял готовность служить в армии и участвовать в войнах. Постепенно у Павла сложилось отрицательное отношение к порядкам, царившим при дворе. Двор платил ему тем же. Негативное отношение заставило его замкнуться в ***Гатчине***, где он занимался с потешными войсками, доставшимися ему от отца и организованными на прусский манер.

Неприязненное отношение матери и презрительное отношение к Павлу её окружения вызывали у него чувства досады и озлобленности, которые вылились позднее в полное неприятие всего, что задумывалось и делалось при Екатерине. Особенно это касалось *«вольностей дворянских»*, которые в конце царствования Екатерины, по существу, разложили армию. Служебными делами, особенно в столице, почти никто не занимался. Не имея в своём окружении авторитетных наставников из числа русских людей, он попал под влияние масонов и в бытность свою наследником престола стал *«гроссмейстером Мальтийского рыцарского ордена (госпиталитов), интересы которого особенно близко принимал к сердцу»*. Таким образом, масонство втягивало в свои ряды не только представителей знати, но также царствующих особ.

К моменту восшествия на престол Павел I был уже зрелым и сложившимся человеком 42-летнего возраста, противником свободомыс-

лия и либерализма. Он считал, что в стране всё должно быть подчинено установленным императором порядкам. На первое место всегда ставил исполнительность и точность. Качества сами по себе очень хорошие. Однако в обращении с людьми проявлял резкость, неуравновешенность, вспыльчивость. Не терпел возражений, доходя порой до самодурства. Всё это показывает, что Павел I не имел широты души своего отца, а самое главное, он не получил системообразующих знаний, которые определяют перспективу развития общества. Исполнительность и точность прямо вытекали из прусской системы воинского обучения, которые он и смог достаточно легко воспринять. Всё остальное ему оказалось недоступным.

Вступив на престол, он сразу же взялся за проведение реформ. В 1797 году Павел I издал ***«Учреждение об императорской фамилии»***, по которому отменялся петровский указ о престолонаследии. По указу Петра I, царствовавший государь мог завещать престол тому, кого сочтёт *«достойнейшим»*. Этот указ позволял вольно обходиться с престолонаследованием, что как раз и выявилось на примере Анны, Елизаветы и Екатерины. По указу Павла I престол должен переходить строго по мужской линии от отца к сыну, а при отсутствии сыновей – к старшему из братьев. В этом же году, ограничивая вольности дворянские, Павел I издал ***«Манифест о трёхдневной барщине»***. Он запрещал помещикам использовать крестьян на полевых работах по воскресеньям и устанавливал для отработки на барских полях три дня в неделю. Это был, несомненно, первый серьёзный удар по крепостному праву, причём нанесённый сверху.

Был ужесточён порядок службы дворян в армии и на государственной службе. Павел I придирчиво вникал во все мелочи армейской службы. Вот здесь точность, качество само по себе хорошее, стало доводиться до абсурда. От былых вольностей не осталось и следа. С нарушителями расправлялись быстро и жестоко. Павел I сам за плохое равнение прямо с вахтпарада отправил в Сибирь Конную Гвардию. Организация войск, их обмундирование и обучение переводились на прусский образец. Естественно, такие новшества не прибавляли ему авторитета, прежде всего, в среде дворянства, которое в то время всё-таки было опорой государственного строя.

Будучи противником Екатерины во всём, он и во внешней политике отказался от возрождения Византийской империи. Для него интересы Мальтийского ордена оказались значительно ближе, нежели национально-государственные интересы России. Собственно, это понятно. Человек, лишённый русского национального воспитания, за христианизированной идеей уже не мог разглядеть славянских (русских) интересов. В этой связи, когда **Наполеон** в 1798 году захватил Мальту, Павел I в союзе с Англией и Австрией объявил войну Франции и направил в Италию войска во главе с Суворовым воевать за абсолютно чуждые России интересы. После того как Англия отвоевала

у французов Мальту, Павел I разорвал отношения с Англией и Австрией, заключив союз с Францией.

По договорённости с Наполеоном Павел I, чтобы досадить Англии, начинает очередную авантюру. Он задумал осуществить поход в Индию по тому же направлению, что и отряд **Бековича-Черкасского** В этом направлении предполагалось двинуть в Индию 22 тысячи казаков (41 полк и 2 конно-артиллерийские роты). Экспедицию возглавлял **Орлов-Денисов**. Один из эшелонов вёл **Платов**, специально ради этого выпущенный из крепости. То, что это была авантюра, понимали многие, так как для завоевания Тюркестана потребовался бы не один год и значительно больше войск. Начавшаяся реализация этой авантюры окончательно оттолкнула от Павла I последних его сторонников в среде российского офицерства. В то же время она встревожила проанглийские масонские круги, прочно обосновавшиеся при дворе. Виднейшим представителем этих кругов был генерал **Беннигсен**. Воспользовавшись недовольством дворянства реформами Павла I, проанглийские масонские круги организовали заговор, в который втянули сына Павла I – **Александра**. 12 марта 1801 года в Михайловском замке Санкт-Петербурга Павел I был убит.

Давая оценку реформам Павла I, необходимо ответить на вопрос, преследовали эти реформы соблюдение национально-государственных интересов страны, или Павел I исходил из иных соображений? Мероприятия, которые ему удалось провести, ясно показывают, что в их осуществлении национально-государственные интересы страны никак не учитывались. Павел I исходил из своего противопоставления екатерининским порядкам и хотел всё переделать на свой лад, в значительной степени похожий на порядок Петра I. Даже указ о трёхдневной барщине был не ослаблением крепостничества или первым шагом на пути отказа от него, а мероприятием, ущемлявшим дворянские вольности. Таким образом, все его реформы были направлены на укрепление самодержавного абсолютизма, утверждённого в стране Петром I . В одном случае они восстанавливали петровские порядки, в другом шли дальше, усиливая самодержавный абсолютизм.

Об **Александре I** оставлено немало противоречивых сведений и характеристик, что, естественно, скрывает истинный облик этого царя. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы очистить этот облик от всего наносного, идеалистического и мало свойственного этому человеку, тогда станет понятно, почему самодержавно-абсолютистская Россия после него покатилась по наклонной и, наконец, была ввергнута в революцию 1917 года. Участник масонского заговора против своего отца, Александр I вступил на престол в возрасте 23 лет. В раннем детстве Екатерина II оторвала царевича от семьи отца и лично следила за его образованием и воспитанием. Уже в этот период

жизни ему стало известно о глубокой неприязни, существовавшей между царствующей бабкой и отцом. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на личность Александра. Не имея ещё устоявшихся взглядов, он вынужден был лавировать, лукавить и скрывать свои истинные чувства.

Уже в это время он проявляет страсть к позе, что было подмечено ещё Екатериной, *«Господин Александр великий мастер красивых телодвижений»*, – писала она. Воспитание и образование его было в духе *«просвещённого»* абсолютизма, когда наравне с религиозными канонами изучались космополитические идеи Руссо-Лагарпа и гатчинская кордегардия. Кстати, **Ф.Лагарп** был одним из учителей Александра. Ничего национально-русского Александру I никто не прививал. В результате, в его характере соединялись женственность, фальшь, двуличие, страсть к позе, глубокий религиозный мистицизм, доходящий до богоискательства. От отца – Павла I он унаследовал болезненное самолюбие, подозрительность и веру в своё божественное предназначение. Лучше всех из современников его охарактеризовал **А.С.Пушкин**: *«Властитель слабый и лукавый, плешивый щёголь, враг труда, нечаянно пригретый славой...»*

Штрихи к портрету следует дополнить теми деяниями, которые были им совершены. В этом плане путеводной звездой для нас будет **А.Кресновский**. Вся деятельность Александра I делится на две половины: до и после 1815 года. При этом *«Венский конгресс завершил первую половину – эпоху борьбы с Наполеоном и дал основание деятельности второй – эпохе Священного Союза и военных поселений». Российской политики в царствование Александра I не существует. Его политика – это европейская политика, а если выразиться точнее, то это пан-европейская политика. Основным содержанием пан-европейской политики была «русская политика» иностранных кабинетов, использующих для своих корыстных целей Россию и её царя искусной работой доверенных лиц, имеющих на Государя неограниченное влияние».*

Таковыми были *«Поццо ди Борго и Мишо де Боретур – два удивительных генерал-адъютанта, заправлявших русской политикой, но за долговременное своё генерал-адъютанство не выучившихся ни одному русскому слову»*. Первый этап этой политики, бесспорно, является *английским*. Александр I был не прочь в кругу близких друзей поговорить о *«прожектах конституции российской»*. Англия покровительствует всякому либерализму, в том числе и российскому. Английское правительство в то время возглавлял Пит младший – *«великий сын великого отца»*. Он принципиальный и смертный враг Наполеона. Им подбрасывается идея освобождения Европы от тирании Бонапарта. Финансовую сторону при этом Англия берёт на себя. Александр I клюёт на эту удочку. В результате, война с Францией. Английской крови пролито немного, зато русская льётся рекой на полях Австрии, Польши и Германии.

После поражения под ***Фридландом*** начался второй этап этой политики – *этап французского влияния*. Наполеон производит глубокое впечатление на Александра I. Банкет в ***Тильзите***, георгиевские кресты, вручённые Александром I французским гренадёрам. Свидание Наполеона и Александра I в ***Эрфурте***. Александр I присоединяется к континентальной системе Наполеона, не обдумав экономических последствий этого шага. Казалось, Россия может покончить с Турцией и начинает с ней войну. В то же время Наполеон сосредотачивает свои силы в Испании. Однако экономические связи российской знати с Англией, получавшей оттуда предметы роскоши, и влияние проанглийских масонских кругов оказалось сильнее договорённостей Александра I и Наполеона. К тому же у англичан появляется столь же изощрённый в политических интригах, как и они сами, союзник в лице прусского правительственного кабинета. Это говорит о том, что школа Фридриха II не пропала даром.

В гениальной голове **Штейна** созрел план освобождения Германии от ига Наполеона путём втягивания России в войну с ним. А так как от Берлина до Петербурга значительно ближе, чем от Парижа до Петербурга, то прусское влияние начинает вытеснять французское. **Штейн** и **Пфуль** повели дело исключительно ловко и искусно, нарисовав Александру I грандиозное величие подвига *«спасения царей и народов»*. **Где уж тут было заниматься возрождением Византийской империи и тем более единством каких-то славян, когда перед ним «открылись» перспективы создания единой, христианской, монархической Европы, да ещё к тому же с ним – Александром I во главе.** Реакция Александра I была незамедлительной. Человек религиозного мистицизма и эффектной позы, он не мог не согласиться на это химерически-божественное предложение. С этого момента начался третий этап его политики – *этап преимущественно прусского влияния*.

После снятия Александром I блокады Англии тайная агентура Пруссии и Англии начала энергично натравливать Наполеона на Россию. При этом главный упор делался на несоблюдение Россией договора о блокаде Англии. Отношения между Александром I и Наполеоном были испорчены к 1812 году настолько, что пустячного повода хватило для того, чтобы между Россией и Францией разразилась жестокая трёхлетняя война, разорившая и обескровившая их. В то же время эта война оказалась чрезвычайно прибыльной как для Пруссии, так и для Англии. Используя страсть Александра I к позе и религиозный мистицизм, прусские, английские и австрийские политики через откровенную лесть своих людей при дворе помогли ему поверить в свой мессианизм и пойти на создание *Священного Союза*, превратившегося потом в их искусных руках в ***Священный Союз Европы против России***. Виной же такого оборота событий явились религиозный мистицизм, мессианизм и страсть Александра I к позе. **За эти нелучшие черты характера венценосного монарха Русский народ заплатил ужасной ценой четырёх последующих своих поколений.**

Уже на Венском конгрессе от России отбирают *Галицию*, незадолго до этого в неё включённую. Её передают Австрии. Вместо Галиции России передаётся герцогство Варшавское, населённое враждебными русским поляками. В этот четвёртый этап русская политика направляется по указке австрийского канцлера **Меттерниха**. Такой была внешняя политика Александра I, направляемая его иностранными генералам-адъютантами, масонами и иностранными правительствами.

Внутренняя политика была подстать внешней. Собственно, было бы противоестественно, если бы она была иной. Вступив на престол, Александр I в первом своём манифесте высказал желание *«идти по стопам своей великой бабки»*. Однако, будучи человеком позы и безответственного слова, он повёл себя двулично и, в основном, сохранил гатчинские порядки Павла I в армии. *«Армия Александра I являлась прямым продолжением армии Императора Павла I. Доктрина, уклад жизни, система обучения, «шагистика» и увлечение мелочами службы остались те же»*. Если говорить о некоторых успехах реформирования армии, в частности, совершенствования организации частей и соединений, подготовки артиллерии, выработки *«Положений об управлении большой действующей армией»*, поддержания боеспособности войск и т.д., то это всецело принадлежало военным министрам: **Вязьмитинову, Аракчееву, Барклаю де Толли** и таким военачальникам в войсках, как **Кутузов, Багратион, Милорадович, Кульнёв** и т.д., которые сохранили ещё суворовскую выучку.

Особо хочется сказать о графе **А.А.Аракчееве**, по фамилии которого в учебниках, составленных нашими официальными историками,

названо целое явление общественной жизни – ***«аракчеевщина»***. Здесь я предоставлю слово непосредственно А.Кресновскому, так как никто лучше не смог охарактеризовать А.А.Аракчеева и отметить всё, что заслужил этот выдающийся деятель России. *«Ни один человек не был ненавидим современниками и потомством в такой степени, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. Ни один деятель русской истории до 1917 года не оставил по себе более одиозной памяти, чем этот суровый и непреклонный выполнитель воли своего Государя. Перед оклеветанной памятью этого крупного и непонятого военного деятеля русский историк вообще, а военный в частности, ещё в долгу...*

Графа Аракчеева, по справедливости, можно назвать создателем современной русской артиллерии. Она – плод его трудов, двадцатилетней упорной планомерной продуманной работы, как теоретической, так и практической. С этих времён у нас завёлся тот артиллерийский дух, установились те артиллерийские традиции, носители которых на всех полях Европы отстояли за русской артиллерией место, указанное ей суровым гатчинцем – первой в мире. Из многотрудной аракчеевской школы вылетели орлы наполеонов-

ских войн – Ермолов, Яшвиль, Никитин, Костенецкий, Железнов – все те, кто «вели в атаку передки и гнали банником полки» на полях Шенграбена, Пултуска, Эйлау и Бородина!...

Никогда никакой монарх не имел более жертвенно преданного слуги, чем был этот преданный без лести. Жертва Сусанина велика, но жертва Аракчеева куда больше – он отдал за Царя не только жизнь, но и самую душу, обрекая своё имя на проклятие потомства, принимая на себя всю теневую сторону царствования Александра I, отводя на свою голову все проклятия, которые иначе поразили бы Благославенного. Наглядный пример тому – военные поселения, идею которых обычно приписывают Аракчееву, тогда как он был совершенно противоположных взглядов на эту затею и взялся за неё, лишь проводя непреклонную волю монарха ...

В 1815 году возвратившийся из заграничного похода Елецкий полк был водворён на места своих поселений, и было решено приступить к организации таковых в большом масштабе в Новгородской губернии. Против этого мероприятия энергично возражали старшие военачальники во главе с Барклаем де Толли, Дибичем и Аракчеевым, видевшим, что это повлечёт за собой расстройство и ослабление боеспособности войск. Аракчеев на коленях умолял Александра I не заводить поселений: "Государь, вы образуете стрельцов!" Однако все представления их по этому поводу остались тщетными. Александр I был непреклонен и категорически заявил, что "поселения будут устроены, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова"...

Аракчеева упрекают, и не без основания, в жестокости. Но он был не один, и далеко не один. Сам Государь ещё в Париже неоднократно говорил, что "строгость причиною, что наша армия есть самая храбрая и прекрасная". Как можно было после этого отказаться от фухтелей?»

Расхожее мнение об Аракчееве как о «мракобесе» ни на чём не основано. Этот «мракобес» основал на свои личные средства в Новгороде кадетский корпус (переведённый затем в Нижний и названный его именем), основал полтораста начальных училищ, ремесленных школ и первую в России учительскую семинарию, то есть сделал для русского просвещения неизмеримо больше, чем, например, тот министр Временного правительства, что упразднил, равняясь по неграмотным, русское правописание. Бескорыстие Аракчеева сказалось в 1814 году в Париже, когда он отказался от фельдмаршальского жезла, на который имел право как создатель сокрушившей Наполеона русской артиллерии. Тогда Александр I пожаловал ему для ношения на груди свой портрет, украшенный бриллиантами. Портрет Аракчеев принял с благоговением и не расставался с ним до смерти, бриллианты же отослал обратно, в Императорский кабинет. Безгласный и преданный Аракчеев был в армии идеальным проводником идей Государя. Кроме того, он был непричастен к злодеянию 11 марта и не

являлся, подобно многим (как Бенкигсен), живым упрёком совести Александра I, всю жизнь терзавшегося своим грехом.

Если мы учтём всё вышесказанное А.Кресновским, то в учебниках истории должна значится не *«аракчеевщина»*, а ***«александровщина»***. В то же время истинные дела А.А.Аракчеева также должны быть в этих учебниках отражены правдиво. Собственно, рассказ об Аракчееве это в то же время рассказ о частице внутренней политики Александра I, о его военных поселениях, превратившихся в язву армии, породивших массу злоупотреблений и бунтов. Расцвело и очковтирательство. *«С эпохи же военных поселений оно было у нас возведено в систему и наложило характерный отпечаток на всю нашу военную жизнь до севастопольского периода».*

Здесь нужно только иметь в виду, что Александр I, создавая военные поселения, хотел внедрить в русскую армию прусский образец, не разобравшись при этом, в чём, собственно, состоит этот прусский образец, или *система Шарнгорста*. По его системе прусский ландверман два месяца в году был солдатом, но солдатом настоящим, которого не отвлекают от военных занятий никакими хозяйственными работами. Остальные 10 месяцев он был крестьянином, но опять-таки настоящим крестьянином, не обязанным маршировать под барабан за плугом. Если внимательно всмотреться в систему Шарнгорста, то обнаружится, что пруссаки скопировали её с нашего казачества, чтобы привить своему крестьянству военные навыки.

Военный поселенец Александра I не был ни тем, ни другим. Поселяемый солдат переставал быть солдатом, но не становился крестьянином, а *«осолдаченный»* землепашец, переставая быть крестьянином, настоящим солдатом всё же не становился. Эти люди были как бы прикреплены к пожизненным арестантским ротам: с 7 лет – в кантонистах, с 18 – в строю, с 45 – *«в инвалидах»*. Они не имели права отступиться ни на шаг от предписанного им на всю жизнь казённого шаблона во всех мелочах организации жизни военного поселенца. И вновь дадим слово А.Кресновскому.

«Император Александр и его советники, наверное, очень удивились, если бы им сказали, что идея военных поселений, скопированная ими на Западе и прививавшаяся ими с таким насилием над природой русского человека, существует уже в России испокон веков – притом в естественном, самобытном, вполне подходящем для русских условий виде. Для этого им только стоило обратить свои взоры вместо Запада (куда они упорно смотрели) на Юго-Восток. И они увидели бы, что это их "новое слово", это "содружество меча с оралом" было давно – и в идеальной степени – осуществлено казачеством. К чему было вводить каторжный режим для сотен тысяч русских людей, калечить их души и тела псевдозаграничными хомутами и намордниками, когда те же «военные поселения» были уже давно осуществлены под именем "станиц" тут же у нас в России? Учреждение поселений на Кавказе на казацкий образец и полный их

успех показали жизненность этой идеи, коль скоро она сообразуется с русскими национальными особенностями и условиями.

Как это не покажется невероятным, но вопрос этот не пришёл тогда никому в голову – так было сильно слепое и безрассудное преклонение перед иноземщиной и до того владела умами вечная наша Мекка и Медина – постдамская кордегардия».

Я только хочу здесь заметить: не затем самодержавно-христианская власть боролась со славяно-казачьей или стрелецко-казачьей (что одно и то же) традицией, чтобы вдруг обратиться к ней. Александр I искал пути и средства, чтобы избавиться от неё навсегда. Поэтому *военные поселения Александра I* – это принципиальное изобретение российского самодержавного абсолютизма, вступившего в период своего загнивания и гибели. В них, как в зеркале, отразились все отрицательные черты самодержавной власти, её ненависти к Русскому народу, стремление низвести его до уровня даже не рабочего скота, а винтика в механической машине самодержавного абсолютизма. Именно на это были направлены и все остальные деяния Александра I.

В области образования он тоже сказал своё слово. Если А.Аракчеев на собственные деньги основал кадетский корпус, учительскую семинарию и немало разных школ, то Александр I пригласил для руководства царскосельским лицеем, где обучались все высшие сановники государства, иезуита **Жозефа де Местра**, имевшего большое влияние при дворе. Этот «учёный» муж учил высшие слои тогдашнего российского общества следующему: *«Военные отнюдь не должны, да и не могут быть учёными... Весьма кстати было замечено во Франции, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражеский фрегат. Для армии в совокупности наука не только недосягаема, но даже вредна. Наука из военного делает домоседа, лентяя, она почти всегда лишает того беззаветного мужества и удали, от которых зависит успех на войне».*

Что могло вырасти после таких поучений? Конечно, ничего дельного. Например, великий князь **Михаил Павлович**, закончив учение, заколотил свой книжный шкаф гвоздями. В таких условиях оставалось только уповать на мужество и удаль. При таком отношении к военной науке и науке вообще в армии насаждались гатчинские порядки и военные поселения. Богатый опыт 1812-14 годов не изучался. В результате, на плацах конца александровской и николаевской эпох создавалась какая-то особенная «мирно-военная» тактика, ничего общего не имевшая с действительными боевыми требованиями. Система эта совершенно убивала в войсках, а особенно в командирах, всякое чувство реальности. Всё было построено на фикции, начиная с «показных атак» дивизионного и корпусного учения и кончая «показом» заряжения и «показом» выстрела одиночного обучения.

Методы, приведшие прусскую армию к катастрофе 1806 года, насаждались уже много лет спустя в русской армии с упорством, дос-

тойным лучшего применения. И лишь благодаря бесподобным качествам русского офицера и русского солдата мы вместо позора Иены получили скорбную славу Севастополя.

Насколько Александр I преклонялся перед всем западным, красноречиво показывает следующий случай. Проезжая по Елисейским полям, Александр I увидел фельдмаршала **Веллингтона**, лично занимавшегося обучением двенадцати новобранцев. Это буквально явилось откровением для Александра I. *«Веллингтон открыл мне глаза, – заявил он, – в мирное время необходимо заниматься мелочами службы!»* **Ермолов, Муравьёв** и другие считали, что данное учение Веллингтона было далеко не случайным, полагая, что оно было подсказано Веллингтону хитроумным австрийским канцлером Меттернихом. Зная страсть Александра I к муштре, Меттерних уговорил Веллингтона провести это обучение в надежде, что царь после этого уйдёт в дорогое ему увлечение и не будет более вмешиваться в политику, благодаря чему у Австрии и Англии на конгрессе руки окажутся развязанными. Так оно и случилось.

Уже в Париже начались ежедневные разводы и учения, утомительные парады и ещё более утомительные репетиции парадов. Благодаря этому на Венском конгрессе союзники «отблагодарили» Россию, передав ей *Варшавский округ* и предложив передать Галицию Австрии, с чем Александр I без какого-либо сопротивления согласился. Эти ежедневные парады, разводы и учения во Франции завершились в конце августа 1815 года, когда русская армия, готовившаяся к обратному походу, была собрана на равнине у Вертю. 28 августа Александр I показал результаты своих «трудов» союзникам и недавним противникам. К параду было привлечено 150 тысяч человек и 600 орудий. Зрелище шедших в ногу 132 батальонов вызвало неподдельное изумление и восторг присутствующих на параде. Причём ни один из солдат парадного расчёта не сбился с ноги.

На что рассчитывал Александр I, организуя столь грандиозную показуху? Великий мистификатор, вероятно, рассчитывал, что вид слаженно двигавшихся многочисленных солдатских колонн способен привести в трепет всех, кто увидит это зрелище. Таким образом, с учения Веллингтона началось длительное увлечение в нашей армии *«мелочами службы»* и показухой, которые привели не только к Севастополю 1856 года, но также к Цусиме, Порт-Артуру и прочим поражениям в позднейшие времена. Что касается противников России, то умнейшие из них уже тогда поняли, что Александра I и Россию можно очень даже успешно использовать в собственных интересах. Первой это проделала Австрия, тогда же в 1815 году, когда мирным путём отторгла Галицию от России.

Всё это было следствием полного пренебрежения Александра I национально-государственными интересами страны, презрением ко всему национально-русскому, постоянным унижением национального достоинства Русского народа. Примеры унижения русского нацио-

нального достоинства были преподаны Александром I в том же 1815 году. По воспоминаниям Ермолова, Александр I приказал однажды арестовать двух командиров гренадёрских полков *«за то, что несчастный какой-то взвод с ноги сбился»*. Хуже всего в этой истории было то, что Царь повелел арестовать этих офицеров англичанам! Это распоряжение возмутило всех, начиная с великих князей. Ермолов тщетно пытался спасти честь русских офицеров. Он умолял Александра I: *«Полковники сии – отличнейшие офицеры, уважьте службу их, а особливо не посылайте на иностранную гауптвахту!»* Однако Александр I был непреклонен. Этим подчёркнутым унижением русских перед иностранцами он стремился приобрести лично себе популярность среди них, в чём отчасти и преуспел.

Но не только перед своими союзниками унижал русских людей Александр I. Он ещё в больших масштабах это проделывал перед бывшими противниками. Вместо того чтобы начать русификацию поляков, 9 мая 1815 года Александр I торжественным Манифестом восстановил ***Польское королевство*** на началах полной автономии, со своим Сеймом, законодательством, монетной системой, вооружёнными силами и своими наградами (ордена Белого Орла и Святого Станислава). Александр I принял титул *короля польского*. Наместником в Варшаву был назначен великий князь Константин Павлович. Замена, как видим, явно неравнозначная, если сравнивать с Византийской империей, которая ему предназначалась Екатериной II. Он же стал главнокомандующим польской армии. Костяк этой польской армии состоял из польских легионов наполеоновских войск. Поляки приняли эту царственную милость как нечто совершенно должное и похвалялись перед русскими, что вот возвращаются в отчизну с распущенными знамёнами и барабанным боем, ничуть не побеждённые *«москалями»*.

Польская армия имела 35 тысяч штыков и сабель. Командный состав, командный язык были польские, так как русские уставы были переведены на польский язык. По существу, это была иностранная армия, подчинённая российскому главнокомандующему. В 1817 году из жителей Западного края был сформирован *Литовский корпус*, который также был подчинён **Константину Павловичу**. Видную роль в этой польско-литовской армии играл **Курута** – начальник штаба великого князя. Сын константинопольского грека Курута воспитывался вместе с цесаревичем Константином. **Со временем Курута стал видным представителем масонства, которое теперь уже сильно распространилось и в армии.** Читателю, я надеюсь, понятно, во что со временем превратилась эта польская армия.

Однако Александр I ничего вредного в этой армии не видел. Наоборот, он на каждом шагу стремился доказать полякам своё благоволение. В 1817 году он венчался польской короной, а в 1818 году лично открыл работу польского Сейма. При этом Александр I, чтобы

привлечь сердца польских подданных, подчёркнуто пренебрежительно относился к русским. Поляки всё это воспринимали как заигрывание с ними, как признак слабости России. **Паскевич** в 1818 году, присутствовавший на варшавских торжествах, писал: *«Поляки возмечтали о себе более, чем благоразумие сего дозволяло, и высокомерие своё постоянно выбалтывали, а русские молчаливо, но глубоко затаили оскорблённое национальное свое чувство. На одном из смотров подхожу я к графу Милорадовичу и графу Остерману (они тут же были, даже их держали в Варшаве, как и нас, в чёрном теле, вероятно, также чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спросил: "Что из этого будет?" Граф Остерман ответил: "А вот что будет: что ты через десять лет со своей дивизией будешь их штурмом брать!" Он ошибся на три года».*

О какой русификации окраины могла идти речь, если в головах царствующих особ царили химеры, одна хуже другой. И это несмотря на то что было немало умных людей, хорошо понимавших, к чему эти химеры могут привести. Но их не слушали, их удаляли подальше от столицы. Так Ермолов оказался на Кавказе. Если учесть, что Финляндия имела почти такую же автономию, как и Польша, то становится понятно, что окраины Российской Империи уже при Александре I превратились в очаги её будущего распада. Понимал ли это Александр I? Думается, такие мысли ему в голову не приходили. Человек, ставший во главе Священного Союза, объединивший, по его мнению, христианскую Европу, через возрождение Польши и Финляндии строил химерические планы объединения России и Европы.

Химерическое мышление выработалось у Александра I в значительной степени потому, что он был склонен к религиозному мистицизму. Для него ***Россия*** как Царство Божие на земле не было пустым звуком. Причём **Россию он понимал не как страну русских, а как страну, населённую различными народами, из которых русские для него были самыми худшими**. Такое мышление, кроме религиозного мистицизма, воспитывалось всем ходом развития самодержавно-христианской власти в России, в результате которого цари Московской Руси, а затем и Российской Империи обрели свой титул *самодержца всероссийского, царя казанского, короля польского и прочая, и прочая, и прочая*. Я не собирался правильно и дословно приводить этот титул, так как не питаю к нему уважения. Ибо самодержавная власть в России, утвердившейся при Василии III, для русских принесла крепостное рабство равнозначное каторге.

...К сожалению, в настоящее время у нас объявилось немало защитников доставшегося нам от советского периода федерализма. Ключевой фигурой среди этих защитников, несомненно, является президент Татарстана Ментемир Шаймиев. В помощниках у него подвизался телекомментатор Андрей Черкизов, который для оправдания существующего федерализма приводит в пример титул российского императора и с

восхищением добавляет, что Польша и Финляндия имели своё законодательство и свои армии и всё, вроде как, было хорошо. Поэтому он полагает, что нынешний федерализм своими корнями уходит в имперскую Россию. А коль так, то он считает правым М.Шаймиева, отстаивающего ныне договорную федерацию, а неправым Президента Российской Федерации В.Путина, который, по его мнению, якобы, хочет изменить эту федерацию.

Разумеется, А.Черкизов проходит мимо того факта, что Польша и Финляндия уже давно не входят в состав России, что имперской России уже тоже давно нет. Нет и Советского Союза, федерализм которого, ухудшенный договорными отношениями, достался нам в наследство и чуть не привёл к распаду нынешней Российской Федерации. Гибель Российской Империи, распад СССР и события 90-х годов XX столетия в нашей стране, похоже, ничему не научили сторонников нынешнего федерализма, в котором Русскому народу вообще нет места. Нужно также иметь в виду, что опасность распада Российской Федерации никуда не исчезла. ***Договорная федерация закрепляет неравенство субъектов федерации, стимулирует сепаратизм регионов, заселённых русскими, и поэтому она таит в себе угрозу взрыва не менее страшную, чем гибель имперской России и распад СССР.***

В этой связи, если мы хотим в лице Российской Федерации сохранить остатки некогда могущественной державы, то должны отказаться от федерации народов и перейти к федерации территорий. В этой федерации на конституционном уровне должны быть закреплены: государствообразующая роль Русского Народа; равенство территорий; права человека независимо от национальной принадлежности. Желательным также является изменение названия страны. ***Вместо Российской Федерации наша страна должна называться, например, Русская Федеративная Республика.*** *Мне пришлось сделать отступление и коснуться современности. Это вполне уместно и важно, так как многие химеры прошлого продолжают довлеть над общественным сознанием и мешают нормально развиваться ныне живущим.*

Весь трагизм александро-николаевской эпохи заключался, прежде всего, в том, что одна лишь Россия в лице Александра I и Николая I искренне уверовала в химеру Священного Союза и сделала её основной целью своей политики. В то время как все другие государства и, прежде всего, их государственные деятели использовали Священный Союз как средство для достижения своих национально-государственных интересов. Очередной такой химерой в настоящее время является договорная федерация народов, исключившая из своего состава Русский народ. Но вред всякой химеры состоит в том, что прекраснодушные идеологи и правители, устраивающие жизнь по химерам, всегда будут обыграны дальновидными политическими деятелями, использующими химеры в своих национально-корыстных интересах. Без всякого сомнения, М.Шаймиев преследует именно такие цели и интересы. Что касается

России и русских, то ему на них ровным счётом плевать, как плевала на них самодержавно-христианская власть.

А теперь вновь предоставим слово А.Кресновскому, который подводит итог бурной деятельности Александра I: *«Мистицизм Императора Александра I был таким образом умело использован заинтересованными лицами и заинтересованными правительствами в своих собственных целях. В период с 1815 года по 1853 год, примерно в продолжение сорока лет, Россия не имела собственной политики, добровольно отказавшись во имя чуждых ей мистических тезисов и отвлечённой идеологии от своих национальных интересов, своих великодержавных традиций; более того, подчинив эти свои жизненные интересы, принеся их в жертву этой странной метафизике, самому неосуществимому и самому бессмысленному из всех интернационалов – интернационалу монархическому».*

«Братство монархов» – такая же бессмыслица, как и «единый фронт демократии».

«Во внутренней русской политике результаты Священного Союза сказались ещё печальнее. Космополитизм Александра I выразился в запрещении "русского национализма". Циркуляры губернаторам тех времён предписывали неустанно следить за лицами, уличёнными в этом ужасном преступлении, и отдавать таковых под гласный надзор полиции.

Этот официальный космополитизм, подчёркнутое на верхах пренебрежение ко всему русскому, открытое предпочтение, оказываемое иностранцам, в первую очередь, растлевавшим общество иезуитам и заморозившим администрацию немцам, суровая до полного абсурда цензура и обскурантизм болезненно переживались тогдашним русским обществом, находившимся ещё под влиянием патриотического подъёма Двенадцатого года.

Наиболее болезненно реагировала на эти настроения самая чуткая часть этого общества – офицерство. Смутное предчувствие бедствий, надвигавшихся на Россию; искреннее желание их предотвратить, неизжитая ещё славная традиция XVIII века... всё это в связи с заграничными походами (значительно расширившими кругозор мыслящей его части) и с модой на запрещённый плод – "карбонарство" – способствовало бурному росту всякого рода тайных обществ и кружков. Группировки эти, "Союз благоденствия", "Общество соединённых славян" и тому подобные, составили в начале 20-х годов два тайных общества – Северное (главным образом, из офицеров гвардии, отчасти флота) и Южное (офицерство 2-й армии вплоть до старших начальников и III корпус 1-й армии). Такие события, как бунт Семёновского полка и "Чугуевская бойня" лишь накаляли всё больше атмосферу – и становилось ясным, что рано или поздно гроза должна разразиться и что для этого взрыва достаточно любого незначительно повода.

И повод этот (к тому же первостепенной важности) представился... 14 декабря 1825 года – печальная дата русской истории – явилось днём открытого разрыва российского правительства с русским обществом – первым днём их жестокой столетней войны, где дальнейшими траурными вехами служат 1 марта 1881 года, 17 октября 1905 года, 2 марта 1917 года, а всеобщим эпилогом – 25 октября... Война эта, ведшаяся с обеих сторон с невероятной озлобленностью и с ещё более невероятным непониманием, нежеланием понять друг друга, окончилась так, как никто из них и не ожидал – гибелью обеих противников, погубивших своей распрей величайшую империю и великую страну.

И те русские "интеллигенты" начала XX столетия, что посылали поздравительные телеграммы японским генералам, были ведь родными внуками "русских националистов", которых Бенкендорф в своё время высылал из столиц.

С этой поры и пошёл трагический разнобой между правительством и обществом. При Александре I и Николае I правительство – космополитично, общество национально. Затем при Александре II и особенно при Александре III и Николае II правительство... сворачивает на национальную дорогу, но слишком поздно: общество уже космополитично и антинационально».

В этой связи борьба с русским национализмом, вполне естественно, была борьбой с русской историей. Дело в том, что несмотря на «исправление русской истории» Байером, Миллером, русские люди продолжали хранить свою историю. В XVII и XVIII веках, кроме **Ломоносова**, в защиту русской истории выступили **Катанчич, Венелин, Шаффарик, Зубрицкий, Савельев-Ростиславич, Воланский** и т.д. В результате, в историческом знании образовался разнобой. Видя, что немецкие авторы в российском обществе не пользуются авторитетом, Александр I поручил **Н.Карамзину** написать **«Историю Государства Российского»**, в которой были бы заложены все «находки» немецких исправителей русской истории. Кроме того, должна была быть показана «положительная» роль самодержавия и всячески оболгана славяно-казачья демократическая традиция. С этой задачей Н.Карамзин справился как нельзя лучше. Таким образом, самодержавие получило себе в помощь историческое обоснование.

Борьба с русским национализмом доходила у Александра I до того, что он демонстративно не проявлял внимания к победам и жертвам русской армии периода 1812 года. В своём дневнике в 1814 году **Михайловский-Данилевский** записал: *«Непостижимо для меня, как 26 августа Государь не токмо не ездил в Бородино, но даже в сей великий день, когда все почти дворянские семьи в России оплакивают кого-либо из родных, павших в бессмертной битве на берегах Колочи, Государь был на балу у графини Орловой. Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года: Бородина, Та-*

рутина, Малоярославца, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя – в Ватерлоо».

Барон **Толь** в своих записках тоже подтверждает это: *«до какой степени Государь не любит вспоминать об Отечественной войне».* Здесь же Толь вспоминает, когда на репетиции парада в Вертю 26 августа 1815 года он сказал Александру I, что *«сегодня годовщина Бородина»*, то император с неудовольствием отвернулся от него.

Приведя эти два свидетельства, А.Кресновский далее пишет: *«Прусский король соорудил памятник Кутузову в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона, и просил Царя осмотреть его на пути в Россию. Александр отказался. Он питал неприязнь к самой памяти Кутузова. Это странное обстоятельство объясняется "эгоцентрической" натурой Государя, требовавшего считать одного лишь себя центром всеобщего поклонения и завистливо относившегося к чужой славе. Опала Сенявина, виновного в победе над армией и флотом Наполеона, тогда как он, Александр, потерпел поражение при Аустерлице, почётная ссылка Ермолова на Кавказ, ревнивое отношение ко всем сколько-нибудь популярным в войсках начальникам – явление того же порядка, что и неприязнь к Кутузову».*

Одной из причин, за что Александр I недолюбливал фельдмаршала М.Кутузова, было его предложение, касающееся прекращения войны с Наполеоном в 1813 году. Старый фельдмаршал хорошо понимал, что, прекратив войну с Наполеоном в 1813 году и предоставив европейским странам самим разбираться друг с другом, Россия сможет сосредоточить свои силы против Турции, разгромить её, освободить Балканы и Закавказье от её владычества. При этом европейские страны, занятые войной между собой, не смогли бы помешать России добиться победы над Турцией. Это предложение Кутузова тогда наиболее полно отвечало национально-государственным интересам России и славянства. Но это предложение абсолютно не отвечало химерическим интересам Александра I, который уже возомнил себя спасителем Европы и объединителем европейских христианских государств. Поэтому предложение М.Кутузова было отклонено, а война с Наполеоном продолжена.

В своих действиях по унижению российской армии и Русского народа Александр I был настолько последователен, что стал отталкивать от России её потенциальных союзников. Беседуя в 1823 году с приближёнными относительно оказания помощи Греции, ведущей героическую, но слишком неравную борьбу с Турцией, Александр I выразил своё мнение так: *«Войн и так было достаточно – они лишь деморализуют войска».* Это показывает, что для него армия не являлась средством для достижения целей национально-государственной политики. Для него армия являлась игрушкой, которая должна служить для ублажения прихотей и капризов царствующих особ. С такой идеологией использования армии ничего, кроме катастрофы, получиться не могло. И она стремительно надвигалась.

Александр I, таким образом, самый худший из всех царей, когда-либо правивших в России. Мало найдётся в мире государственных деятелей, которые смогли сделать так много отрицательного для военной безопасности своей страны, как Александр I. Однако виной всему, конечно же, была самодержавно-христианская власть, установленная в нашей стране Василием III, который заложил основы этой власти. Александр I довёл её до логического завершения, после чего началось разложение, закончившееся гибелью. Поэтому когда Изместьев пытается доказать, что при Александре II было слишком много таких, кто не хотел, чтобы реформы удались, он прав только отчасти, так как не видит главного, что основную вину несёт на себе самодержавно-христианская власть, которая создала такую обстановку в стране, когда ей перестали верить почти все слои российского общества.

...В 90-е годы XX столетия можно было часто слышать, что Б.Ельцин – это новый Пётр I. На мой взгляд, это слишком притянутое за уши сравнение. Если провести более глубокий анализ, то обнаружится, что периоды царствования Павла I и Александра I очень сильно согласуются с правлением в нашей стране в конце XX века М.Горбачёва и Б.Ельцина. Сходство просматривается очень большое. И те, и другие сделали ставку на преклонение перед западом и унижение Русского народа. Ярким примером этого унижения является ельцинская Конституция. Именно она представляет собой концентрированное выражение этого унижения, так как в ней не оговорены место и роль Русского народа, который составляет около 80% населения нашей страны. Павла I отстранили от власти через убийство те же самые круги, которые отстранили от власти Горбачёва, но без убийства. Времена, видимо, другие настали. И в том, и в другом случае обнаруживается подъём Русского национального движения. Добровольный уход Ельцина с поста Президента Российской Федерации больше походит на уход Александра I, так как результаты правления и того, и другого вели к взрыву с непредсказуемыми последствиями.

***Николай I** после подавления восстания декабристов сделал некоторые шаги для умиротворения русского общества. В частности, он изгнал иезуитов из страны, стал переводить на казачий лад некоторые военные поселения. Но при всём при этом продолжалась борьба с русским национализмом. Отсюда не удивительно, что его меры только отстрочили начало мощного либерального и революционного движения, в результате развития которого самодержавный абсолютизм рухнул, похоронив под своими обломками весь правящий класс. Поражение самодержавия в Крымской войне явилось тем катализатором, который резко подтолкнул оппозиционное движение в стране. Поэтому можно вполне констатировать, что серьёзные реформы начались слишком поздно.*

В этой связи настоящее время тоже очень походит на правление Николая I. Изгнание из страны Березовского и Гусинского, основных раз-

дражителей современного русского общества, ограничение и прекращение деятельности некоторых зарубежных организаций (МВФ), появившиеся признаки улучшения положения в социально-экономической сфере и армии, а также некоторые другие положительные моменты ясно указывают на осуществление мероприятий по умиротворению общества. Однако многие шаги делаются слишком осторожно и с большой оглядкой на международное мнение. В этой связи чеченская проблема грозит перерасти по своему значению в новую «крымскую катастрофу». Принятый летом 2002 года федеральный закон ***«О противодействии экстремистской деятельности»*** *в своей основе направлен против Русского национального движения. Принятие этого закона показывает, что правительство идёт тем же путём, что и Николай I. Тот пытался подправить систему, созданную Павлом I и Александром I, и В.Путин стремился укрепить систему, созданную Горбачёвым и Ельциным.*

Разница между Павлом I, Александром I, Николаем I, с одной стороны, и Горбачёвым, Ельциным и Путиным, с другой стороны, состоит в том, что первые путём преклонения перед западом и унижения Русского народа стремились укрепить самодержавный абсолютизм, а вторые – насадить в нашей стране демократию западного образца. Подавляя Русское национальное движение, нынешние верхи загоняют его в подполье, как это случилось при Николае I, и выталкивают его за границу. Всё это ведёт к тому, что Русское национальное движение в поисках союзников вновь может качнуться к враждебным России силам, как это произошло в XIX веке. И тогда, при очередном обострении обстановки в мире, очередная революция или иная катастрофа может для нас вполне стать реальностью.

Сейчас часто можно слышать фразу: «Россия исчерпала лимит революций». Это говорят люди либо абсолютно несведущие в истории, либо выполняющие определённый заказ. Революции случаются под воздействием мощных внешних и внутренних сил, и заклинаниями подобного рода их остановить невозможно. Чтобы избежать революций в будущем, необходимо: во-первых, опереться на Русское национальное движение в вопросах укрепления страны; во-вторых, провести такие реформы, которые бы исключали дискриминацию Русского народа, то есть дискриминацию основной массы населения нашей страны. Для того чтобы реализовать эти две задачи и не допустить ошибок, сделанных тогда, необходимо проанализировать опыт реформ, которые проводились в XIX веке.

Часть реформ, которые осуществили Павел I, Александр I и Николай I, мы уже рассмотрели. Эти реформы, конечно же, способствовали нарастанию оппозиционных настроений в стране. Но они ещё не определяли, что это оппозиционное движение перерастёт в революционное и окажется враждебным России. Но мы ещё не рассмотрели ту часть реформ, которые создали условия для появления революционеров-евреев, которым уделяет внимание Изместьев. В то же время официальная история проходит мимо этого вопроса, видимо, по той же причине, по какой она не цитирует истинное мнение Петра I о Рус-

ском народе. Другая часть реформ прямо касалась перевода Русского национального движения в лагерь врагов тогдашней России. Здесь уместно коснуться роли евреев в разложении тогдашнего российского общества и организации ими революционного движения. Борьба с евреями в России вплоть до Екатерины II шла с переменным успехом. При Екатерине II они настолько упрочили своё положение, что затем уже завоёвывали одну позицию за другой.

Запретив масонство в 1822 году, Александр I в то же время, не ограничил действия своего указа ***«Положение об евреях» от 9 декабря 1804 года***, который ему пришлось издать под давлением того же масонства. В этом указе говорилось: **1.** Все дети евреев могут быть принимаемы и обучаемы, *без всякого различия от других детей во всех* Российских народных училищах, гимназиях и университетах. **2.** Никто из детей еврейских не должен быть отвлекаем от своей религии, ни принуждением учиться тому, что ей противно и даже несогласно с нею может. **3.** Дети евреев *могут быть принимаемы и в* С.-Петербургскую Академию Художеств. **4.** Евреи будут производимы в университетские степени наравне с прочими российскими подданными.

Это к вопросу о том, как «преследовались» евреи в Российской Империи XIX века. Как видим, **Александр I не русским крепостным крестьянам предоставлял льготы, а евреям**. В то время как русские крепостные крестьяне с громадным трудом могли где-то учиться! Вполне понятно, что этим шагом Александр I выравнивал права евреев с правами дворян. Император Николай I продолжил проеврейскую политику своего брата – Александра I. В ***«Уставе воинской повинности»*** от 26 августа 1827 года уже всякий еврей, *«обучавшийся в общих школах, средних и высших и окончивший учение при отличном успехе и хорошем поведении, также освобождается навсегда от рекрутской повинности лично»*. Что это, если не стимулирование отличной учёбы евреев в учебных заведениях? А русские ребята, окончившие школу с отличием, разве они освобождались от рекрутской повинности? Конечно, нет. Дальше – больше. ***«Положение о евреях» от 13 сентября 1835 года*** разрешало евреям, окончившим университеты, просить себе личное почётное гражданство, и даже потомственное. Что это, как не приравнивание евреев к дворянству? Подобное не удивительно, так как даже Министр Народного Просвещения **С.С.Уваров** полагал, что *«борьба с развращающим влиянием Талмуда должна вестись через очищение еврейских религиозных понятий посредством просвещения»*.

В таких условиях запрещение масонства превратилось в фикцию, ибо в своей основе масонство зиждется на иудаизме. Следовательно, масонство в России после всех мероприятий Николая I только укрепилось. Добившись свободного доступа евреев к образованию, еврейско-масонские организации значительно укрепили своё влияние в России. Таким образом, они получили возможность воз-

главлять безграмотную массу русских людей в борьбе за установление своей власти в России. Причём для них открывалась возможность действовать по трём направлениям.

Во-первых, через подкупленных лиц в высших эшелонах власти влиять на решения правительства. Этот путь уже был успешно опробован на примере с **Г.Р.Державиным**, когда евреи собрали один миллион рублей, дали взятки многим высшим сановникам и добились того, чтобы планы Г.Державина по ограничению влияния евреев в стране и их депортации были сорваны. В результате, он был вынужден уйти в отставку с поста министра юстиции в 1804 году. В этом же году Александр I утвердил *«Положение о евреях»*. Не случайно Николай I прямо говорил: ***«Эти жиды, кого не подкупят»***. Похоже, все его узаконения исходили из той платы, которую еврейско-масонские круги вносили за это. Таким образом, уже в бытность Александра I и Николая I сложилась финансовая зависимость многих государственных лиц от еврейско-масонских кругов, которой эти круги пользовались всякий раз, как только это становилось необходимо. Думается, и Галиция была отдана Австрии не без содействия российских и австрийских евреев, с которыми у Миттерниха были теснейшие отношения.

Во-вторых, через распространение либеральных взглядов и внедрение их в умы разночинной российской интеллигенции, недовольной александро-николаевским гнётом. Борьба царей с русским национализмом была той самой почвой, на которой и без больших денег росло недовольство как в среде дворянства, так и в среде купечества и промышленников, и даже в среде крестьянства.

В-третьих, через распространение радикально-революционных взглядов. В первую очередь, среди самих евреев, которые должны были стать лидерами в этой борьбе по захвату власти в России.

Таким образом, еврейско-масонское влияние вплоть до Александра II ограничивалось влиянием на царей и двор, а с Александра II начинает широко распространяться на все слои российского общества. Разумеется, здесь не обошлось без внешнего воздействия. Первоначально на царей и двор оказывали серьёзное влияние европейские еврейско-масонские организации (английские, французские и австрийские). К моменту воцарения Александра II к ним добавились американские еврейско-масонские организации. Рене Генон, несомненный авторитет и знаток тайных еврейско-масонских обществ, считал наиболее оперативным, компетентным, влиятельным, но в то же время чрезвычайно подозрительным американским тайным обществом *«Герметическое братство Луксора»*. ***Луксор*** – это название одного из городов Египта.

Именно эта тайная организация стояла у истоков спиритизма и теософизма **Е.Блаватской**, оккультизма **Папюса, Седира** и других деятелей масонского движения. Е.П.Блаватская (наст. фамилия **Ган**)

обучалась в этой организации в 1851-57 годах. Сама Блаватская интересовала американский еврейско-масонский центр в этот период, скорее всего, потому, что было уже решено отторгнуть от России Аляску и нужно было при её помощи наладить связи с продажными кругами при дворе, которые бы поспособствовали этому. Тётка Е.Блаватской Екатерина Андреевна была замужем за **Ю.Витте**. Нетрудно догадаться, что американские еврейско-масонские организации имели определённое влияние на **С.Ю.Витте**, который, став министром финансов Российской Империи, немало навредил российской армии перед российско-японской войной. Но об этом будет сказано ниже.

Американские тайные еврейско-масонские организации занимались не только вопросами спиритизма, теософизма и оккультизма. Они изучали также перспективы развития современной науки и уже в середине XIX века имели достаточно хорошее представление о возможности появления и применения отравляющих газов, создания самолётов, подводных лодок, дальнобойной артиллерии и т.д. Не случайно поэтому, когда в первой мировой войне стали применяться эти средства, Е.Блаватская ощущала себя причастной к созданию этих ужасающих средств поражения.

Кроме этого, они изучали экономическое развитие различных стран и таким образом выявляли будущих соперников США. Разумеется, при этом изучались способы, методы и средства борьбы с будущими конкурентами как по линии экономической борьбы, так и по линии организации в стане предполагаемого противника социальных потрясений. Для организации социальных потрясений в стане противника создавались и поддерживались различного рода оппозиционные и революционные организации. **Если учесть всё, что сделала Екатерина II, Александр I и Николай I, то станет ясно, что Россия стала открытой страной для проникновения враждебных сил и организации оппозиционно-революционной деятельности, направленной на разрушение Российской Империи.** Они превратили Россию в колосса на глиняных ногах, к тому же поражённого изнутри неизлечимой болезнью.

Эта гнилость не замедлила сказаться уже в Крымской войне. В этой связи опять дадим слово А.Кресновскому: *«Политически война была потеряна в 1853 году, когда, боясь предпринять решительные меры, наш кабинет лишь «дразнил» Турцию и давал время изготовиться всем нашим западным противникам и недоброжелателям. Приведи Император Николай Павлович в исполнение свой план внезапной оккупации Царьграда весною – ему не пришлось бы испытывать на смертном одре горечь Альмы и Иккермана. Кабинет боялся «восстановить против себя Европу» своей смелостью и добился того, что «восстановил Европу» своей робостью. Страх – плохой советник в жизни, тем более в политике. Внезапная оккупация турецкой столицы, сломив злую волю Турции, поставила бы Европу*

перед свершившимся фактом, а история дипломатии учит нас, что «политика свершившихся фактов» является – и всегда являлась – наиболее действительной».

Настойчивая работа самодержавно-христианской власти по привитию российскому обществу преклонения перед западом также дала свои плоды. Под влиянием поражения самодержавия в Крымской войне началось стихийное левение значительной части российского общества превращением его из оппозиционного в революционное. Теперь стоило только объявиться в Европе какому-нибудь радикальному учению, как активная русская общественность немедленно становилась его сторонницей. Не удивительно, что антигосударственные теории стали охватывать эту общественность с быстротой пожара, какой разгорается обычно в сухом лесу. Преклонение перед Европой завладело также умами либеральной интеллигенции.

С той лишь разницей, что революционные круги всасывали радикальные европейские теории в надежде со временем превзойти своих европейских учителей, *«сказать миру новое слово»*. Вожделенные мечты либеральных кругов были более скромными. Они не стремились *«сказать миру новое слово»*, все их помыслы были направлены к тому, чтобы *«идти вровень с веком»*, *«подняться до уровня Европы»*. Своего российского состояния в этих кругах стеснялись, национализм считали *«зоологическим понятием»*. Всё национально-русское огульно осуждалось и объявлялось *«отсталым»*. Сложился культ некоего гуманного, просвещённого, мудрого сверхчеловека – *«европейца»*. В действительности никогда на западе не существовавшего.

Правление императоров Александра II и Александра III

На примере Александра I мы видели, что образование периода *«просвещённого»* абсолютизма представляло из себя кашу, состоявшую из религиозно-мистических, космополитических и культурологических знаний, мало что дающих людям, призванным управлять государством. А так как другое образование тогда отсутствовало, то **Александр II** *не был* подготовлен к управлению Российской Империей. Кроме того, на его деятельность наложились далеко не лучшие черты его собственного характера. Ветреность и неспособность глубоко вникать в суть того или иного вопроса не позволяли ему иметь свою выверенную точку зрения. Она всегда была поверхностной. В отличие от отца Николая I, он не имел твёрдой воли, а поэтому часто не мог настоять на своём и довести дело до конца. Человек увлекающийся, он всегда действовал спонтанно и часто поддавался паническим настроениям. Эти черты характера и неподготовлен-

ность к управлению государством делали его легкоуправляемым для совершенно различных группировок, которые тогда свили себе гнёзда при дворе. И вот такой человек встал во главе Российской Империи в самый ответственный для неё период времени.

Смерть Николая I свалилась на Александра II, как снег на голову. Он был подавлен, растерян и напуган. Не имея воли своего отца, Александр II оказался неспособным противостоять предложениям своего канцлера масона графа **Нессельроде** и тех лиц, которые стояли за ним, желавших заключить мир. Даже Александр I не пошёл на заключение мира, когда Наполеон овладел Москвой. Здесь же войска союзников владели только частью Крымского полуострова. До жизненно важных регионов страны им было ещё невообразимо далеко. Так что войну можно было продолжать и продолжать. В марте 1856 года в Париже был заключён мир, который явился расплатой за укрепление самодержавного абсолютизма и реализацию политики Священного Союза. Россия лишалась права иметь флот на Чёрном море, уступала Южную Бесарабию Румынии и возвращала Турции все свои завоевания на Кавказе.

Поражение в Крымской войне со всей очевидностью показало, что европейские страны использовали Священный Союз в интересах ослабления России и усиления своих собственных стран. Казалось, Александр II должен был немедленно пересмотреть внешнюю политику России, решительно отказаться от идеологии Священного Союза, сделать внешнюю политику страны более активной и наступательной. Определились и главные противники России на данном этапе. Ими стали Австро-Венгрия и Румыния, против которых следовало направить основные усилия своей дипломатии и сосредоточить главные силы своей армии, чтобы можно было, используя выгодно складывающуюся международную обстановку, нанести поражение и той, и другой. Что касается международной обстановки, то она действительно складывалась в пользу России. Это, прежде всего, касается Италии. В это время там развёртывалось национально-освободительное движение, которое выступало против габсбургской монархии.

Как показали события 1859 года, восставших поддержала Франция. Так что Австро-Венгрия оказалась почти в кольце враждебных государств. Это был единственный в своём роде момент, когда Россия могла достаточно легко поставить Австро-Венгрию на колени и подчинить себе Румынию. Однако Александр II этим удобным моментом не воспользовался. И не только потому, что при дворе не было институтов, которые бы скрупулёзно изучали международную обстановку и своевременно учитывали её развитие во внешнеполитических отношениях, сколько потому, что Александр II не пожелал отказаться от идеологии Священного Союза. Главной причиной здесь явилось нежелание помочь итальянским *«карбонариям»*. Химеры Священного Союза вновь возобладали над национально-государственными интересами страны. Но было бы преждевременно думать, что мы сейчас

избавились от разного рода химер. Очередным примером такого рода является химера о том, что Россия европейская страна и она должна быть в составе Европы. На самом деле Россия это Россия, а Европа это Европа. Сотрудничать нужно, но взаимовыгодно. Объединение же возможно только на путях разрушения России, чему примером является гибель Российской Империи и распад СССР. И если эти примеры не являются убедительными, значит эта новая химера действует не менее эффективно, чем химера Священного Союза.

Таким образом, одна глупость следовала за другой. Разумеется, российская общественность видела эти глупости и всё более агрессивно и нетерпимо относилась к правительству Александра II. И когда он необдуманно начал крестьянскую реформу, это вызвало вспышку революционных настроений. С самого начала крестьянская реформа пошла наперекосяк, так как оказалась половинчатой. Крестьяне освобождались, но без земли. А кто хотел иметь землю должен был её выкупать. Отсутствие денег у крестьян превращало такое желание в мечту. Не обошлось без провокационных слухов, утверждавших, что *«господа настоящую золотую грамоту о воле утаили»*, а показывают подложную *«без царской печати и без земли»*. В результате, повсеместно начались крестьянские волнения и бунты.

При подавлении этих бунтов и волнений весной 1861 года убитые и раненые исчислялись сотнями во всех концах России. Это, в частности, к вопросу о том, что самодержавие не применяло репрессий по отношению к своим подданным. Я уж не говорю о тех десятках тысячах, которые были прогнаны сквозь строй и скончались от этих издевательств, что хорошо было бы знать господину Изместьеву. И хотя потом крестьянство успокоилось и постепенно начало выкупать землю, это всего лишь отсрочило на несколько десятков лет массовое недовольство крестьян малоземельем, что вынужден признать Изместьев. Воспользовавшись недовольством крестьян, радикально-революционные круги в 1862 году стали распространять прокламации, призывающие к террору против правительства и его сторонников. Именно в это время появилась прокламация *«Молодая Россия»*, которая делила всё общество страны на две партии: *«императорскую»*, в которую зачисляла всех обладателей собственности, и *«народную»*, состоящую из *«неимущих и угнетённых классов»*.

В ней говорилось: *«Революция начнётся штурмом Зимнего дворца, чтобы истребить живущих там, но если императорская партия встанет за Государя, мы издадим один крик: в топоры! и тогда вся императорская партия подвергнется истреблению всеми способами...»* Так что планирование захвата власти состоялось задолго до того, как появились большевики, реализовавшие этот захват. Правительство Александра II приняло репрессивные меры. Аресты и ссылки вызвали озлобление у революционеров и сочувствие к пострадавшим в обществе. В то же время российские революционеры установили связи с поляками, которые готовили восстание против России. В 1863 году

восстание началось, но было подавлено. Правительство Александра II в этой связи начало проводить в Польше крестьянскую реформу. На этот раз был учтён опыт 1861 года и польские крестьяне получили землю на более выгодных условиях, чем русские. Именно поэтому польское крестьянство оставалось лояльным к российскому самодержавию вплоть до первой мировой войны. Но данный пример это также показатель того, что для самодержавия русские были хуже поляков.

С началом крестьянской реформы начинают предприниматься энергичные меры по строительству железных дорог. Развёртывание строительства железных дорог было непосредственно связано с опытом Крымской войны, когда неразвитость путей сообщения существенно сковывала доставку пополнений на фронт. Но это был единственный правильный вывод, который был сделан по результатам этой войны. До 1858 года было построено 979 вёрст железных дорог. В 1863 году их протяжённость составляла уже 3 071 версту, в 1867 году уже 4 243 версты, в 1870 году – 7 654 версты, в 1876 году уже 17 658 версты, а в 1881 году – 21 900 вёрст. В 60-х годах строилось по 500 вёрст в год. Постройка железных дорог велась почти исключительно частными концессионерами. В результате, качество железных дорог было низким. Часты были аварии разного рода и разрушения железнодорожных сооружений. Какого-либо продуманного плана строительства железных дорог не существовало. Поэтому не удивительно, что начавшийся бум железнодорожного строительства не коснулся Сибири и Дальнего Востока. Строительство транссибирской магистрали началось только в конце века. Следовательно, запоздало на 30 лет. Запаздывать с принятием такого рода решений нельзя ни в коем случае.

Во время польского восстания европейские государства предложили Александру II посредничество в решении польского вопроса. Удивительное дело, что Александр II отказался его принять. Дело в том, что попытка европейских государств вмешаться во внутренние дела России вызвала в российском обществе подъём патриотических настроений, игнорировать которые Александр II просто не мог. В этой связи революционное движение потеряло поддержку значительной части общества и на некоторое время затихло. Воспользовавшись этим затишьем, Александр II в 1864 году проводит судебную реформу, по которой дарует *«суд скорый, правый и милостивый»*. Однако таковым суд не стал.

Очень скоро в нём обосновались либералы, многие из которых имели еврейское происхождение. Поэтому суд вскоре начал защищать антиправительственные элементы. Либерализм судопроизводства не позволил покончить с радикально-революционными организациями, которые, действуя в подполье, даже смогли организовать покушение на Александра II. Это покушение совершил в 1866 году **Каракозов**. В 1864 году Александр II совершил ещё одну глупость, когда отправил свою эскадру в США для оказания помощи северянам.

Этим он показал, что искал союзников не там, где было нужно, а именно в среде потенциальных врагов Российской Империи. Посылка парусной эскадры к берегам Америки в условиях бурного развития броненосных флотов принесла России полную потерю престижа. Американские *«союзники»* первыми в зловредном тоне высмеяли российскую парусную эскадру. И такое издевательство Александр II снёс молча. Вообще его недальновидность во внешней политике, если не сказать близорукость, просто удивительна. Что касается американцев, то они умышленно злорадствовали по поводу российской парусной эскадры, чтобы доказать отсталость России и тем самым оказать психологическое давление на Александра II в вопросе отторжения Аляски от России.

Параллельно с судебной реформой была проведена и земская реформа. Она вводила широкую и либеральную децентрализацию страны. Александр II добровольно уступал либеральной общественности те направления организации общественной жизни, где, как он полагал, общественная деятельность может оказаться полезнее правительственной в силу того, что *«местный лучше судит»*. Столь широкий либерализм на много десятилетий опережал *«передовую Европу»*, где о подобной либеральной инициативе не могли ещё и мечтать. Но этим сразу же воспользовалась либеральная и радикально-революционная общественность. Земства очень скоро оказались в их руках и стали довольно сильным антиправительственным орудием. Как это похоже на наши современные региональные власти, ратующие за договорную федерацию. **Вывод из ошибок Александра II и нынешних ошибок состоит в том, что земские (региональные) власти должны быть заземлены на решение социально-экономических проблем регионов, но ни в коем случае они не должны быть допущены к решению вопросов национально-государственного строительства.**

В 1866 году Александр II вновь совершил крупную ошибку во внешней политике. В этом году разразилась война между Австро-Венгрией и Пруссией. Причина была в том, что соперничество Австро-Венгрии и Пруссии за лидерство в германском мире рано или поздно должно было привести к столкновению. И вновь для России складывалась исключительно выгодная международная обстановка, которая давала возможность отторгнуть от Австро-Венгрии Галицию и подчинить своему влиянию Румынию. Однако Александр II вновь не смог воспользоваться выгодно сложившейся обстановкой. В 1859 году вступить в войну против Австро-Венгрии помешало неприязненное отношение к итальянским *«карбонариям»*. В 1866 году причины вовсе непонятны. Складывается впечатление, что Александр II и его окружение вообще не были способны здраво размышлять. Так самодержавный абсолютизм вновь упустил возможность серьёзно укрепить своё международное положение и расположить к себе русскую общественность.

В это же время Александр II начинает реформировать и армию. Реформа армии его периода имеет два этапа: *домилютинский* и *милютинский*. В домилютинский этап происходило сокращение вооружённой силы, сокращение сроков службы с 20 до 12 лет, организационные изменения соединений, частей и подразделений, переоснащение войск нарезным оружием и децентрализация управления войсками (повышение роли корпусных и дивизионных командиров). При **Д.А.Милютине** децентрализация вооружённых сил приобретает определённую систему. По его записке, децентрализация началась с военного министерства. За ним остались контроль и определение общего направления развития вооружённых сил. Все исполнительские функции передавались в местные органы – военные округа. Военный округ призван был стать связующим звеном между центром и войсками.

Командующий войсками округа имел права командира отдельного корпуса (командующего армией). На него возлагалось исполнение обязанностей военного генерал-губернатора и начальника внутренней стражи. В то же время упразднялись высшие командные инстанции полевой армии. В частности, штабы 1-й и 2-й армий и штабы корпусов. Высшим войсковым соединением он предлагал иметь дивизию. В то же время для организации полевого управления войсками он предлагал создавать отряды разной численности и разного состава применительно к объёму решаемых задач. Эта идея возникла у него не на пустом месте. Д.А.Милютин имел солидный опыт войны на Кавказе, *в ходе которой получил ранение, к тому же обладал* хорошими административными способностями. В остальном он не особенно выделялся в среде тогдашнего генералитета.

При князе **Барятинском** он занимал должность начальника штаба Кавказской армии. Именно опыт боевых действий Кавказской армии и был положен им в основу идеи создания отрядов в случае ведения полевой войны. Впервые отряды на Кавказе были применены **Ермоловым**. Опираясь на выучку войск и их командиров, Ермолов часто формировал отряды всего в составе нескольких батальонов и эскадронов (сотен), чтобы своевременно наносить удары по скопившимся *силам горцев, и постоянно наносил им жестокие* поражения. В результате, *«отрядная»* тактика привилась в войсках Кавказской армии. Причём даже полки, имевшие по 6 батальонов, часто действовали отрядами. Именно отсюда идёт в нашей армии применение отрядов (оперативных групп). Необходимость формирования таких отрядов (оперативных групп) вызывается условиями местности (горы, леса) и необходимостью упредить противника в тех или иных действиях. При этом в составе отрядов (оперативных групп) могли действовать высокобоеспособные войска и хорошо подготовленные опытные командные кадры.

В Кавказской армии такие кадры были, так как именно туда самодержавие ссылало всех подозрительных, начиная с Ермолова. Нахо-

дятся теоретики, которые упрекают Д.А.Милютина в том, что он привил в русской армии *«отрядомании»*, не понимающие в то же время сути *«отрядной»* тактики, зависимость её от уровня подготовки командного состава и войск, необходимых для реализации такой тактики. Для того чтобы к ней перейти, нужны были мозги и соответствующий боевой опыт. А их-то в высших эшелонах самодержавия как раз и не оказалось. Всё вышеизложенное является существенной частью милютинской реформы и, без сомнения, самой лучшей её частью. К тому же нужно иметь в виду, что при определённой доработке *«отрядной»* системы она легко могла быть трансформирована в систему армейских корпусов, которые стали появляться во второй половине первой мировой войны. Они стали включать от 3 до 5 дивизий. В Гражданскую войну у нас армейские объединения Красной Армии тоже включали от 3 до 5 дивизий. Так что *«отрядная»* система Милютина опережала время почти на полвека. Однако «отрядная» система полевого управления войск и *«отрядная»* тактика не могли быть успешно реализованы в тогдашней русской армии только по одной простой причине – отсутствию в армии достаточного количества высокообразованных офицерских кадров и высокобоеспособных войск.

Вторая часть милютинской реформы была значительно слабее. Она была направлена на накопление резервов, сокращение количества нестроевых, организацию запаса армии и военно-учебную реформу. Рекрутская повинность не обеспечивала накопление мобилизационных резервов. Планами предполагалось иметь армию военного времени в 1 377 тысяч человек. В действительности можно было выставить только 769 тысяч человек, что было сопоставимо с армиями Австро-Венгрии и Пруссии, имевшими численность населения гораздо меньшую, чем Россия. С этой целью в 1868 году срок службы для солдат был сокращён до 10 лет. Однако это тоже не решало проблемы. Разгром прусской армией Франции в 1870 году явился тем толчком, который переломил ситуацию в сторону принятия всеобщей воинской повинности. Эта всесословная воинская повинность была введена только в 1874 году. Общий срок службы определялся в 15 лет. Из них 6 лет в строю и 9 лет в запасе.

Закон о всеобщей воинской повинности предусматривал самые широкие льготы по семейному положению. В результате, половина военнообязанных не попадала в ряды армии, а поэтому людские ресурсы России, с точки зрения военной подготовки, были задействованы ниже удовлетворительного уровня. Самое же плохое состояло в том, что по этому закону предоставлялись громадные льготы по образованию. Вольноопределяющиеся I разряда служили всего 6 месяцев. Что из них могло получиться? В лучшем случае посредственные прапорщики запаса. Но ещё хуже была организована военно-учебная реформа. К сожалению, воспитанный в частном пансионе Д.А.Милютин придавал большое внимание общеобразовательному процессу в ущерб воинскому образованию и воспитанию. Он почему-то полагал,

что штатский гувернёр вполне может заменить офицера-воспитателя. Он абсолютно не понимал важности воспитания в офицере стремления быть *«смолоду и всей душой в строю»*.

В результате, из 17 кадетских корпусов остались всего два, 12 преобразованы в военные гимназии, а 3 – в пехотные военные училища. Военные гимназии, составившие основную массу военно-учебных заведений, стали заведениями с чисто гражданским укладом жизни. В них были отменены строевые занятия, роты названы *«возрастами»*, упразднены воинские звания фельдфебелей и вице-унтер-офицеров. Офицеры-воспитатели в основной массе были заменены штатскими преподавателями. Всё это привело к тому, что воинский дух, присущий кадетским корпусам, исчез. Вместо тяги к армии, штатские преподаватели стали развивать тягу в университеты и на гражданскую службу. Уже не могло быть речи о качестве офицеров, которые отстаивали Севастополь. Теперь на таком уровне оказались единицы.

Здесь можно констатировать, что Д.А.Милютин, выдвигая *«отрядную»* систему полевого управления и *«отрядную»* тактику, в то же время в организации военно-учебного дела шёл в обратном направлении. Его военно-учебная система не подготавливала и не воспитывала знающих, инициативных, волевых и ответственных офицеров. Соответствовали его военно-учебной системе и мероприятия, связанные с организацией работы Генерального Штаба. Роль офицеров Генерального Штаба как контролёров Военного министерства была повышена. Должности адъютантов в войсковых, окружных штабах и управлениях были предоставлены исключительно офицерам Генерального Штаба. Однако сам Генеральный Штаб в вопросах использования войск, их обучения и обобщения опыта боевых действий самостоятельности не получил. В результате, он превратился в один из министерских канцелярских *«столов»*, который мог действовать только по указке царственных и приближённых к ним особ. Второстепенная роль Генерального Штаба не могла не сказаться крайне отрицательно на всём последующем развитии российской армии.

В этой связи необходимо сравнить милютинские реформы с таковыми же в Пруссии, но которые были осуществлены гораздо раньше. Во время наполеоновских войн в окружении Александра I находилось немало прусских генералов. В частности, **Штейн, Шарнгорст, Пфуль, Клаузевиц** и т.д. Они не только энергично проталкивали идеи Священного Союза, но также скрупулёзно изучали опыт боевых действий и организацию вооружённых сил России, их недостатки и положительные стороны. В частности, Шарнгорст не раз в деле наблюдал казаков и проникся к ним уважением. А так как казаки были иррегулярным формированием русской армии, то Шарнгорста удивляла их боеспособность. Поэтому он очень внимательно отнёсся к организации жизни казаков. Этот опыт он постарался перенести на немецкую почву.

До XIX века Пруссия имела наёмную армию, вербовавшуюся, в основном, из иностранцев. Такая армия не могла быть многочисленной, а поэтому она не могла выстоять против многосоттысячных национальных армий наполеоновского периода. Нужно было создать новую систему комплектования и организации армии. Но для создания национальной германской армии вначале нужно было немецкое бюргерство приобщить к военному делу. Вот тут-то Шарнгорст и предложил применить в обучении бюргеров казачью систему, с которой он познакомился в России. Естественно, с некоторыми изменениями. Введение всеобщей воинской повинности было следующим шагом строительства прусской армии в XIX веке, так как система Шарнгорста уже заложила под неё прочное основание.

Чтобы эта повинность дала соответствующий эффект, была проведена реформа образования, которая стала приучать учащихся к дисциплине и воспитывать в них пангерманские настроения и устремления. В дополнение к этому на законодательном уровне были приняты меры, согласно которым никто не имел права занимать государственные должности, даже выборные, не имея звания офицера или унтерофицера запаса. Этими мерами устанавливалась прочная связь армии с обществом. Так родилась прусская армия *«солдат-граждан»*. Собственно, подобная система строительства вооружённых сил в настоящее время сохраняется в Израиле, где никто не имеет права занимать государственные должности, в том числе выборные, если он не отслужил положенных сроков в армии.

Теперь для того чтобы управлять многосоттысячными и даже миллионными армиями, необходимо было правильно организовать работу высших военных органов государства. Немецкий генералитет, непосредственно наблюдавший некомпетентное вмешательство Александра I в дела армии, выработал систему, предотвратившую до определённого времени воздействие дурости царствующих особ на дела армии. Органом предотвращения этой дурости, как раз и явился *Большой Генеральный Штаб Германии*. Для службистов Большого Генерального Штаба и тем более для его начальника не было авторитетов. Сам Большой Генеральный Штаб был авторитетом для всех, в том числе и для царствующих особ. Уже в начале XIX века к будущему кайзеру **Вильгельму I** был приставлен в качестве наставника генерал Клаузевиц, ставший впоследствии выдающимся военным теоретиком.

В этой связи вооружённые силы Пруссии, а затем и Германии очень быстро стали лучшими не только в Европе, но и в мире. Их превосходство в 1866 году ощутили на себе австрийцы, а в 1870 году французы. Это превосходство продолжало наращиваться пока во главе Большого Генерального Штаба были **Мольтке Старший** и **Шлиффен**. При них каждый офицер Большого Генерального Штаба был образцом и примером знания дела для всей армии. И только после того как **Вильгельм II** в 1905 году отправил в отставку Шлиффе-

на и установил свой контроль над Большим Генеральным Штабом, вооружённые силы Германии начал захлёстывать авантюризм.

Абсолютно по-другому обстояло дело в Российской Империи. Милютин не донёл децентрализацию до того уровня, чтобы предоставить Генеральному Штабу самостоятельность в вопросах обобщения опыта предыдущих войн, строительства вооружённых сил, организации боевой подготовки войск и учёбы командного состава, в разработке теоретических основ применения вооружённых сил. В результате, Генеральный Штаб превратился в один из канцелярских *«столов»* Военного министерства, для которого авторитетом являлась любая приближённая к царю особа. Нечего удивляться, что в армии господствовало некомпетентное мнение этих лиц, а Генеральный Штаб погряз в рутине и схоластике.

Подводя итоги милютинским реформам, следует сказать, что они в перспективе позволяли выставить многомиллионную вооружённую силу. Однако они не обеспечивали соответствующего качества этой вооружённой силы. Боеспособность войск и особенно уровень подготовки командного состава, в первую очередь, высшего, оставался низким. В следствие этого Россия с такой вооружённой силой могла выиграть войну только у слабого противника. Если противник в количестве сил не уступал, а в качестве к тому же превосходил, вооружённые силы России ждала катастрофа. Это как раз и подтвердилось в ходе всех последующих войн.

Для правильной оценки всех прошедших войн нужен был критический анализ деятельности командующих и государственной власти в целом. Однако этого самодержавный абсолютизм позволить себе не мог. Это расценивалось как подрыв самодержавия. Следовательно, самодержавие было препятствием на пути тех военных реформ, которые нужно было проводить. Особенно это сказалось на внешней политике. Некоторые восхищаются завоеваниями в конце 50-х начале 60-х годов на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Однако эти завоевания проводились без должного закрепления данных территорий, прежде всего, в военном отношении. Присоединив к себе *Приамурскую область* и перенеся туда из ***Николаевска-на-Амуре*** военно-морское управление во ***Владивосток***, Александр II превратил его в главный оплот на Тихом океане.

Однако Владивосток таковым быть не мог, так как с юга он блокировался Китаем, а с востока Японией, начавшей свой социально-экономический подъём. В то же время Камчатке и ***Аляске*** не было уделено должного внимания. Официальные историки, видимо, не решаясь испортить благостный образ Александр II, почти не упоминают об утрате при нём Аляски. А между тем это была трудно сравнимая с чем утрата. Американские еврейско-масонские круги прекрасно видели, что социально-экономический подъём, начавшийся в России, мог привести к тому, что Аляска была бы прочно прикреплена к России.

Это, естественно, их не устраивало. Они уже тогда задумывались над установлением своего контроля над северной частью Тихого океана. Зная импульсивный и увлекающийся характер Александра II, через своих лиц при дворе они предложили продать Аляску Соединённым Штатам за 5 миллионов долларов.

Не проанализировав последствий этой сделки, Александр II согласился. В 1867 году Аляска с формулировкой *«за ненадобностью»* была уступлена США за 5 миллионов долларов. Таким образом, США не только отхватили громадный кусок территории России с богатейшими природными ресурсами, но благодаря этому очень легко смогли установить свой контроль над северной частью Тихого океана, который до этого принадлежал России. Какой громадный ущерб экономического и геополитического характера понесла Россия, от этого, прямо скажем, недальновидного поступка Александра II, даже трудно себе представить. К тому же в лице США был приобретён недоброжелатель, который не желал усиления России на Тихом океане, а поэтому искал любые способы, методы и средства, чтобы ослабить и разрушить Российскую Империю. Как это делалось, будет показано ниже.

При Александре II Россия уже безнадёжно опаздывала в распространении своего влияния в мире. Более того, продажа Аляски обозначила для неё новую и всё возрастающую проблему, как сохранить то, что было присоединено к Москве за последние три века? Огромные пространства страны и неоднородность населения не способствовали успешному решению этой проблемы. Не было у самодержавно-христианской власти и необходимой этнической опоры в российском обществе. В этой связи вся предыдущая деятельность этой власти оборачивалась против неё самой.

Ибо собирание различных царств и народов при унижении и систематическом подавлении Русского народа и славянства не способствовало внутреннему сплочению страны. Наоборот, оно подготовляло грядущий распад, который неизбежно случился в XX веке. Причём угроза продолжения распада в наступившем XXI веке сохраняется, так как нынешняя власть почти ничего не делает для того, чтобы её предотвратить. Самодержавно-христианская власть не понимала абсолютно очевидной истины, что прочной может быть либо этнически однородная страна, либо страна, в которой власть принадлежит государствообразующему народу, не желает понимать это и нынешняя власть.

Присоединение к России *Уссурийского края* в 1849-60 годах и Средней Азии в 1860-81 годах по большому счёту не восполняло утрату Аляски. Это доказывает, что самодержавие не имело сколько-нибудь вразумительной *«тихоокеанской политики»*. Спасло положение то, что поблизости от занятых Россией регионов не было пока серьёзных противников. Уже тогда вырисовывалась настоятельная необходимость строительства транссибирской железной дороги. Однако к её строительству приступили тридцать лет спустя, когда уже эти противники появились и стали угрожать непосредственно Примо-

рью. На западе эта политика была ещё хуже. После Крымской войны самодержавие в этом плане впало в анабиоз и не только не готовилось к какому-либо серьёзному применению силы, но даже и не следило за развитием событий в Европе. А если и следило, то реакции никакой практически не было, что мы как раз выше и показали.

С большим опозданием, осознав свой просчёт, Александр II в 1864 году предложил Пруссии союз и план войны против Австрии, Франции и Англии. Таким образом, он хотел помочь северянам в войне с южанами в Америке, да ещё и поквитаться за поражение в Крымской войне с Францией и Англией. Похоже, эти планы были навеяны ему теми же американскими силами. В этом же году он послал эскадру парусных кораблей к берегам Америки на помощь северянам. С парусной эскадрой вышел полный конфуз. Собственно, такой же конфуз постиг планы Александра II втянуть Пруссию в войну с Францией, Англией и Австрией. Ничего более глупого в то время придумать было невозможно. В то время Пруссия ещё не была готова для войны одновременно с Австрией, Францией и Англией.

К тому же нужно было иметь в виду, что на стороне Франции и Англии немедленно выступила бы Турция. И тогда основные силы России были бы повёрнуты против неё. В этом случае Пруссия почти наедине оставалась бы против Австрии, Франции и Англии. Посоветовавшись с Бисмарком, король Пруссии отклонил предложение Александра II. Российский самодержец мыслил категориями коалиций и союзов, в то время как нужно было, преследуя национально-государственные интересы России, научиться бить противника по частям, используя при этом выгодно складывающуюся международную обстановку. Однако этого важнейшего принципа внешней политики Александр II и его приближённые как раз и не понимали. Поэтому они пропустили подготовку Пруссии к войне с Австрией и не воспользовались ситуацией, сложившейся в 1866 году, когда Пруссия разгромила Австро-Венгрию.

В 1870 году, когда Германия нанесла тяжёлое поражение Франции, предоставлялась ещё одна возможность посчитаться с Австро-Венгрией. Но Александр II не смог воспользоваться выгодами международной обстановки. Всё, на что он смог решиться, было аннулирование унизительной статьи *Парижского договора*, воспрещавшей России иметь флот на Чёрном море. Однако в практическом плане ничего существенного сделано не было. И начиная войну с Турцией в 1877 году, Александр II оказался без флота на Чёрном море. Более того, победа Германии над Францией была оценена абсолютно неправильно. Александр II и его окружение восприняли *Франкфуртский договор* между Германией и Францией как нарушение равновесия в Европе в пользу быстро развивавшейся Германии. В результате, петербургский кабинет воспротивился идеям Бисмарка добить Францию в 1875 году.

Дипломатические демарши были подкреплены сосредоточением 7 дивизий Виленского округа на прусской границе. Германия вынуждена была отказаться от реализации своих далеко идущих планов, так как Бисмарк и Мольтке хорошо понимали, что войну на два фронта им не выиграть. С этого момента начинает укрепляться роковая дружба с Францией и расти враждебность с Германией. Причём отношения с последней самым неблагоприятным образом скоро отразились при заключении Берлинского договора, когда Бисмарк лишил Александра II всех плодов побед его армии в войне с Турцией в 1877-78 годах. Такой была в общих чертах внешняя политика петербургского кабинета в период от поражения в Крымской войне до капитуляции в Берлине в 1878 году. **В заключение необходимо признать, что внешнюю политику Александра II и его канцлера Горчакова даже издали нельзя сравнить с внешней политикой их замечательных современников Бисмарка, Кавура, Андраши и Дизраэли, которые мастерски заправляли европейскими делами за счёт России.**

Теперь самое время коротко остановиться на русско-турецкой войне 1877-78 годов. Милютинская военная реформа в части реализации Закона о всеобщей воинской повинности могла дать свои результаты не так уж быстро. Закон был принят в 1874 году, а война началась в 1877 году. За прошедшие три года мобилизационных резервов накопить не удалось. И армия вступила в эту войну почти в том же количестве и качестве, что и в период Крымской войны. Несколько лучше дела обстояли с оснащением армии нарезным оружием и подвозом пополнений на фронт. Ускоренное строительство железных дорог значительно повысило эти возможности.

Поводом к развязыванию боевых действий послужило восстание сербского населения в Боснии и Герцеговине. Турки применили жесточайшие методы при подавлении восстания. Этим возмутилась Россия, а Сербия и Черногория объявили Турции войну. Однако силы были неравны и сербам понадобилась помощь. Российское общество живо откликнулось на бедствия родственных ему славян. Около 7 тысяч русских добровольцев встало в ряды сербов. Сербскую армию возглавил герой Туркестана генерал **Черняев**. Но всё равно превосходство турок в численности войск было подавляющим. После поражения сербской армии под ***Дьюнишем*** 17 октября 1876 года Черняев телеграфировал князю **Милану** о безнадёжности дальнейшего сопротивления. Россия 19 октября объявила Порте ультиматум, в соответствии с которым предлагалось прекратить боевые действия в течение 48 часов.

1 января 1877 года Александр II повелел провести частичную мобилизацию русской армии. В дело вмешались европейские государства, среди которых были и сторонники Турции (Англия). Чувствуя их поддержку, Турция продолжала наглеть, развязав руки башибузукам и черкесам. Резня усилилась. Это переломило общественное мнение

Европы. Собравшиеся в Лондоне представители великих держав 19 марта подписали протокол, обязывающий Турцию заключить мир с Черногорией, распустить иррегулярные формирования башибузуков и черкесов и провести реформы. Турция отказалась признать лондонский протокол, потребовала демобилизации русской армии и невмешательства России во *«внутренние дела»* Турции. Разрыв России с Турцией становился неизбежным. Турция потребовала от Румынии выступить против России. Однако Румыния решила по-иному и 4 апреля 1877 года заключила соглашение с Россией о пропуске российских войск через свою территорию, пользовании румынскими железными дорогами и устройстве в районе Бухареста главной базы действующей армии. Румынская армия должна была сосредоточиться у Калафата и прикрыть правый фланг российской армии. 12 апреля 1877 года Александр II обнародовал манифест о войне с Турцией.

Военное министерство России было плохо осведомлено о состоянии вооружённых сил Турции. Информация о них была случайной, главным образом, из иностранных газет. Поэтому турецкая армия оценивалась деморализованной, а численность определялась в 200 тысяч человек, из которых против русской армии могло быть выставлено предположительно около 80 тысяч. Ввиду *«слабости»* турецкой армии Милютин полагал справиться с противником силами 4 корпусов. За основу планирования боевых действий он взял забалканский поход **Дибича** 1829 года. Главнокомандующим был назначен брат Александра II великий князь **Николай Николаевич**. Тем временем Турция успела приготовиться. Её армия насчитывала 450 тысяч регулярных и около 100 тысяч иррегулярных войск. Из этих сил около 300 тысяч находились на Балканах, а 200 тысяч из них могло быть задействовано против российской армии.

Действующая российская армия, по плану Милютина, должна была после занятия Румынии форсировать Дунай на участке Никополь-Систово и затем стремительно наступать к ***Шипке*** – главному проходу на Балканах. Нужно отдать должное великому князю Николаю Николаевичу, он осознавал недостаток сил действующей армии и просил усилить её тремя корпусами. Но в этом ему было отказано. Милютин здесь никак не дотягивал до пруссака Мольтке, который в войнах против Австрии и Франции уже в самом начале боевых действий вводил в дело превосходящие силы. **Отсутствие оперативно-стратегического кругозора отныне и навсегда станет неизлечимой болезнью высшего командования российской армии. Это как раз и был главный результат наплевательского отношения к военному образованию и увлечения общеобразованщиной.**

Главные силы турок были сосредоточены в четырёхугольнике крепостей: *Силистрия, Рущук, Шумла* и *Варна*. Но они не предпринимали активных действий. Это давало возможность русским войскам быстро занять *Систово, Тырново, Шипку, Никополь, Плевну, Ловчу*

и помочь румынским войскам форсировать Дунай, чтобы выставить заслон против турецкой армии в Сербии. Но Николай Николаевич не был Дибичем, а поэтому упустил момент и позволил турецкой армии Османа занять Плевну, которая стала костью в горле действующей армии. Теперь уже действительно сил не хватало и продвижение за Шипку становилось опасным. И тем не менее в захвате Шипки отличился передовой отряд генерала **Гурко**.

Неудачный первый штурм Плевны и растянутость русских войск на фронте 300 вёрст могла дорого им обойтись, если бы турки предприняли активные действия. Однако качество командования в турецкой армии было ещё хуже, чем в российской. Всё, что они смогли сделать, так это попытались отбить Шипку. Туда была двинута армия Сулеймана (40 тысяч человек при 54 орудиях). Шипку защищал первоначально отряд численностью 4 тысячи человек (Орловский полк и остатки болгарского ополчения) при 28 орудиях. Положение могло стать катастрофическим. Но командовавший обороной на Балканах генерал **Радецкий** своевременно двинул к Шипке 14-ю пехотную дивизию **Драгомирова** и другие части, чем и спас положение.

Казалось бы, главнокомандующему Николаю Николаевичу нужно было немедленно пересмотреть весь план боевых действий. Ограничившись блокадой четырёхугольника крепостей и обороной проходов на Балканах, все подходящие резервы двинуть к Плевне, окружить и блокировать её частью сил, а другую часть сил двинуть на Софию, для того чтобы соединиться с сербами. Затем от Софии можно было успешно действовать в тыл турецких войск, блокировавших перевалы. Но этого сделано не было. Все резервы шли на то, чтобы взять Плевну. Николай Николаевич показал здесь свою полную некомпетентность. Он, похоже, представления не имел, как действовали германские армии под Седаном в 1870 году.

После подхода резервов 30 августа 1877 года был предпринят 3-й штурм Плевны, в котором отличился **М.Скобелев** и показали свою полную несостоятельность все остальные высшие командиры, действовавшие у Плевны. Третий штурм Плевны произвёл удручающее впечатление на командование армии, включая Николая Николаевича. Он высказался за отступление и прекращение кампании до будущего года. Тут впервые Александр II проявил себя положительно, так как понял, что отступление явилось бы слишком жестоким ударом по престижу российской армии и России. Однако вместо того чтобы частью сил окружить и блокировать Плевну, а остальными силами начать активные действия, было решено под Плевной действовать осторожно и стянуть туда как можно больше войск.

Теперь уже 17 дивизий, не считая румын, для взятия Плевны оказалось недостаточно. Только после подхода гвардейского корпуса в

октябре 1877 года Плевна была блокирована полностью. Блокада со стороны Софии осуществлялась отрядом генерала Гурко. Возглавлявший осаду Плевны герой Севастополя генерал **Тотлебон** был, конечно, выдающимся военным инженером, но он не был полководцем. Поэтому, взявшись за осаду Плевны, он требовал сосредоточения сюда максимума сил. В противовес ему генерал Гурко смотрел на войну глазами полководца. Он хорошо понимал опасность зимней стужи, которая могла застать войска в горах в случае промедления наступления.

26 августа 1877 года генерал Гурко представил Александру II план, в соответствии с которым предлагалось выделить из-под Плевны гвардейский корпус и двинуть его на Софию. Затем усилить его отрядом **Карцова** и выйти в тыл турецкой армии, находившейся у Шипки, и тем самым помочь Радецкому преодолеть Балканы. План генерала Гурко был одобрен Александром II, который предоставил самому Гурко этот план реализовать. Войска под Плевной были разделены. Большая часть под командованием Тотлебена оставалась под Плевной и была названа *Отрядом обложения*. Меньшая часть под началом Гурко образовала *Западный отряд*, численность которого составляла 35 тысяч человек при 174 орудиях.

Не мешкая Гурко перешёл в наступление. 10 и 11 ноября у *Новачина, Правца* и *Этрополя* он разбил передовые части начавшей формирование в Софии турецкой армии. Его план начал успешно осуществляться. Однако главнокомандующий Николай Николаевич остановил наступление отряда генерала Гурко по причине ожидания скорой развязки под Плевной, как будто это было окончание войны. В результате, целый месяц был потерян даром. В горах тем временем установилась стужа и российские войска стали нести большие потери от обморожения. Потери только 24-й гренадёрской дивизии, входившей в отряд Радецкого, составили 6 213 человек.

Однако турки в районе Плевны оказались в ещё худшем положении. Окружение и блокада Плевны уже через месяц дала свои плоды. Припасы подошли к концу. Турки на своём военном совете приняли решение прорваться. 28 ноября 1877 года они атаковали гренадёрский корпус, но были отбиты с большими потерями. Погибло около 6 тысяч человек. После этой неудачи командующий турецкой армией Осман принял решение о сдаче в плен. Сдалось 10 пашей (генералов), 128 штабных и 2 000 старших офицеров, а также 41 200 низших чинов.

Взятие Плевны и настоятельные требования генерала Гурко о продолжении наступления наконец-то развязали руки Николаю Николаевичу, и он принимает решение о широком наступлении через Балканы. Отряды Гурко и Радецкого получили значительное усиление. 13 декабря перешли в наступление войска генерала Гурко, а 24 декабря войска Радецкого. 23 декабря войсками Гурко была взята София.

Радецкий разделил свои войска на три отряда. Отряд у Шипки возглавил сам. Правый отряд было поручено возглавить Скобелеву, а левый – **Святополк-Мирскому**. Наступлением правого и левого отрядов Радецкий решил охватить с флангов турецкую армию, расположившуюся южнее Шипки у Шейново. 27 декабря, преодолев перевал у Горна, отряд Святополк-Мирского завязал бой с турецкой армией и стал её теснить.

28 декабря правый отряд Скобелева, преодолев перевал у *Имитлии*, с тыла обрушился на турецкую армию. Турок охватила паника и они сложили оружие. В плен сдалось около 31 тысячи человек при 104 орудиях. После этой победы балканская кампания, по существу, была решена. Дорога на ***Царьград*** была открыта. Здесь следует сказать, что, возглавлявший средний отряд генерал Скобелев при наступлении на ***Адрианополь*** мастерски использовал имевшуюся у него кавалерию. После занятия ***Эски-Загры*** он двинул в глубокий рейд на Адрианополь 1-ю кавалерийскую дивизию генерала Струкова, который действовал стремительно и разрушил все планы турок по сосредоточению своей армии у этого города. 8 января 1878 года Адрианополь был взят **Струковым**. Вскоре туда подошла 2-я гвардейская кавалерийская дивизия из отряда Гурко.

Скобелев двинул Струкова на Константинополь. А 2-ю кавдивизию на Родосто. Этими действиями Скобелев показал, что каналерия может заниматься не только разведкой и прикрытием флангов, но также может использоваться как решительное средство для стремительного разгрома противника. Действия кавалерии Скобелева предвосхитили действия конных армий периода гражданской войны в России 1918-20 годов. Разгром турецкой армии был полный. Турецкие войска были отведены к Константинополю. Российские войска находились в 10-15 километрах от него. К концу этой войны выделилась целая плеяда талантливых русских военачальников: Гурко, Радецкий, Скобелев, Струков, Драгомиров и т.д. Из них М.Д.Скобелев был, несомненно, самым выдающимся. Однако их опыт в последующем не был, да и не мог быть правильно обобщён и внедрён в управление войсками. 19 февраля 1878 года в ***Сан-Стефано*** был заключён мир на выгодных для России условиях. Но тут вмешалась Европа.

Австро-Венгрия и Англия заняли открыто враждебную позицию. Британцы отправили в Мраморное море свою эскадру из 3 броненосцев, затем ещё прибыли три. Премьер-министр Англии **Дизраэли** заявил, что *«русские в Константинополь не войдут»*. Это заявление Дизраэли и действия англичан можно было бы посчитать блефом, если бы они опирались только на свою броненосную эскадру. Однако Дизраэли менее всего на неё рассчитывал. Его заявление, в первую очередь, учитывало деятельность ***английского клуба в России***, в который принимались все представители высших кругов Российской Империи, имевшие влияние при дворе и способные формировать об-

щественное мнение в интересах английской короны. Вот почему российская дипломатия ориентировалась не на силу армии, а на равновесие в Европе и громкие заявления британской короны. Случилось то же, что и в Крымскую войну. Российская дипломатия, боясь настроить Европу против России смелостью, настроила её против России своей робостью.

Провокация англичан в Мраморном море позволяла занять Константинополь, установить батареи на берегах Босфора и Дарданелл, минировать их, как в начале кампании был минирован Дунай, благодаря чему было подорвано несколько броненосцев Турции и обеспечена переправа через него действующей армии. После чего продиктовать Турции новые, более тяжёлые условия мирного договора с отторжением в пользу Росси Босфора и Дарданелл. Одновременно развернуть часть войск против Австро-Венгрии. И вся бы Европа проглотила эту пилюлю за милую душу. Однако петербургский кабинет и Александр II были на это не способны. Армия была остановлена. Николай Николаевич из-за «болезни» был смещён со своего поста и заменён на Тотлебена.

В конце весны Турции были возвращены все военнопленные около 145 тысяч человек. В мае армия турок у Константинополя имела уже около 120 тысяч человек. Видя нарастание сил турок, Тотлебен стал готовиться к обороне. А в это время обострились отношения с Румынией. Россия вернула себе Южную Бесарабию и этим окончательно ликвидировала условия парижского мирного договора. И хотя Румынии уступалась Добруджа, обеспечившая ей выход к Чёрному морю и втрое превосходившая территорию Измаильского уезда, тем не менее Румыния была недовольна. В Валахию пришлось двинуть войска. В это время **Бисмарк** и предложил своё посредничество между Россией, Турцией и Европой.

Разумеется, Бисмарк преследовал, в первую очередь, национально-государственные интересы Германии и того союза, который он собирался создать, пристегнув к Германии Австро-Венгрию. Ну и, конечно, посчитаться с Россией за её помощь Франции в 1875 году. И петербургский кабинет пошёл в Берлин извиняться не столько за победу своей армии, сколько за ту бездарную внешнюю политику, которая осуществлялась в 1856 года, с момента окончания Крымской войны. В Петербурге уже тогда воспринимали Европу единой и понятия не имели об игре на противоречиях европейских стран. Берлинский трактат свёл к нулю условия *Сан-Стефанского договора*. К России отходили ***Карс, Ардаган*** и ***Батуми***. Всё остальное возвращалось Турции. Территория Болгарии уменьшалась наполовину и она лишалась выхода в Эгейское море. Сербия получила незначительное приращение. В то же время Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину. Таким образом, почва для её союза с Германией была подготовлена.

Англия за провокацию в Мраморном море получила остров ***Кипр***, ценнейший опорный пункт в восточной части Средиземного моря.

Дизраэли за организацию этой провокации и приобретение Англией Кипра получил титул ***лорда Бикоснфильда***. **Вот пример внешней политики, которую должно вести каждое государство.** Однако петербургский кабинет на такую внешнюю политику способен не был. Но в то же время он оказался даровит на изобретение разного рода мифов. В частности, эта английская провокация имела ещё и то последствие, что она позволила самодержавию изобрести оправдание своим просчётам и уступкам, свалив всё на то, что у России не было флота на Чёрном море, а поэтому пришлось уступить. **Этот миф в пользу флота играет свою отрицательную роль до сих пор.**

Нет необходимости разбирать все отрицательные моменты этой войны. Достаточно сказать, что в сравнении с забалканским походом Дибича самодержавие на этот раз проигрывало не только в военно-политической стратегии, но и в оперативно-стратегических вопросах, которые во времена Дибича решались ещё достаточно хорошо. Отрицательно было организовано обеспечение армии продовольствием. Милютин доверил это важное дело еврейскому товариществу *«Коган, Грегор, Горвиц и К°»*. В результате, войска были обворованы и терпели недостаток во всём. В то же время *«товарищество»* загребало золотые горы. Если иметь в виду, что контрактом с этим *«товариществом»* предусматривалось за неделю вперёд извещать его агентов о местоположении частей и маршрутах их движения, то только чудо спасло от роковых последствий. Избежать роковых последствий удалось потому, что турки не пользовались услугами еврейско-масонских организаций. Не лучше обстояло дело и с санитарным обеспечением.

Все эти просчёты, ошибки, казнокрадство, робость перед Европой болезненно переживались не только в армии, но и во всём русском обществе того времени. Кроме того, подливала масла в огонь Конституция Болгарии, принятая сю после освобождения. В России таковой не было. Были лишь проекты **Лорис-Меликова**, о которых мало кто что знал. Вновь страна ощутила национальное унижение. Настроение общества мало чем отличалось от послесевастопольского. К этому времени начала давать свои плоды и реформа образования, которая была осуществлена Александром II в 1876 году. По этой реформе в среднюю гимназическую школу была введена система *«классицизма»*, которая просуществовала до 1903 года.

Эта система характеризуется увлечением древними языками при почти полном пренебрежении к остальным предметам. На латынь и древнегреческий отводилось 2600 часов гимназического курса. В то же время на историю Отечества, географию и словесность только 600 часов. Таким образом, создавался тип лишних людей, многому учившихся и ничему не наученных. Тип того самого *«чеховского интеллигента»*, исследователя чужой старины, сторонника чужой культуры, презирающего всё русское вначале по незнанию, а затем по убеждению. Эта образовательная система сыграла громадную роль в подры-

ве национального духа российского общества, породив поколение революционеров начала XX века.

От этой образовательной системы сильно пострадала армия, так как офицерский корпус стал пополняться боявшимися знаний гимназистами. В советское время среднее образование поразила другая болезнь. Эта болезнь называется чрезмерным увлечением точными науками, при таком же забвении истории Отечества, так как причины катастроф этого Отечества вообще не изучались. К поверхностному прохождению предлагалась приглаженная норманистско-самодержавно-коммунистическая схема, страшно далёкая от действительной истории, а поэтому неспособная воспитать гражданина-патриота своей страны.

Оценивая всю пореформенную и военную деятельность Александра II, можно твёрдо сказать, что делалось не то, не так и не в той последовательности, как нужно было. Если бы не было ликвидировано крепостное право и не начато массовое строительство железных дорог, то его царствование было бы даже хуже, чем царствование Александра I. В результате реформы **«Царя-Освободителя»** не только не остановили революционное движение, но даже косвенно способствовали ему. Следовательно, когда Изместьев, восхищаясь реформами Александра II, всю вину возлагает на российскую общественность, прежде всего, революционную и либеральную, он тем самым обнаруживает вопиющую неосведомлённость в вопросах тогдашнего реформирования, заложившего для Российской Империи гибельные последствия. **В стране, где господствовал самодержавный абсолютизм, где отсутствовала стратегия национально-государственного развития, а также вменяемая военно-политическая стратегия, по-иному и быть не могло. Всё делалось на авось и как бы не обидеть Европу.**

Бомба, брошенная революционером-террористом евреем **Гриневицким**, оборвала жизнь Александра II 1 марта 1881 года. Так, **Александр III**, волею трагических обстоятельств вступил на окровавленный трон отца. И уже 8 марта 1881 года было созвано особое совещание, на котором был определён дальнейший курс правительства и судьба либерального проекта Лорис-Меликова. На совещании слово было предоставлено **К.П.Победоносцеву**, который обрушился не только на проект Лорис-Меликова, но и на все реформы Александра II. И всё-таки большинство членов совещания высказались за реализацию этого проекта. В результате, было решено создать новую комиссию для доработки проекта. Однако эта комиссия так и не была создана.

Причины такого оборота событий крылись в личности самого Александра III. Его воспитателем был клерикал Победоносцев, кото-

рый вполне естественно привил ему неприязнь не только к революционным, но и к либеральным течениям. К этому добавлялась гибель отца. Александр III решил сам управлять страной, без каких-либо комиссий, и даже министры были поставлены под жёсткий контроль императора. Тем более, что во многих случаях вмешательство царя было просто необходимым. В этом случае способности Александра III приобретали особое значение.

Как мы уже говорили, воспитателем Александра III был клерикал Победоносцев, который привил ему, как монарху, ответственность за империю. Но в то же время церковно-приходское и гимназическое образование не давало ему военных и других знаний, необходимых для управления государством. Однако Александр III обладал инстинктом государственного деятеля. Во многих случаях он на лету схватывал складывающуюся обстановку и не боялся принимать решения. К тому же обладал добротой, справедливостью и непреклонной волей. Вместе с тем в вопросах внутренней и внешней политики он был чрезмерно осторожен и сдержан. Свои решения он принимал после длительного обдумывания вопроса.

После принятия решения он твёрдо проводил его в жизнь. К тому же его слова не расходились с делом. Он не терпел высокопарных и красивых слов и не любил много говорить. Своих помощников Александр III оценивал по делам, как он их сам понимал. Он придерживался того мнения, что помощники должны были высказывать своё мнение откровенно. Не сердился, когда они это мнение высказывали в резкой форме. В то же время сам не стеснялся в своих выражениях, распоряжениях и резолюциях. Всё-таки, несмотря на ряд столь положительных качеств, ему явно не хватало знаний в военных делах, которые в то время играли исключительно важную роль. К сожалению, рядом с ним в юности не оказалось человека, подобного Клаузевицу. Таким образом, самодержавие становилось заложником собственной системы образования, которая по идее должна была обеспечить *«вечность»* его самого.

Александру III от его отца осталось тяжёлое наследство. Особенно тягостное впечатление производила внешняя политика. Берлинский трактат не только отнимал у России победу в войне 1877-78 годов, но и создавал на её западной границе враждебный союз Германии, Австро-Венгрии и Румынии. В 1879 году Германия заключила с Австро-Венгрией союз, к которому через 3 года присоединилась Италия. Так образовался *«Тройственный Союз»*, к которому затем примкнула Румыния. Более того, видя неспособность России удержать победу в своих руках, Сербия и Болгария отшатнулись от неё. Сербия при короле **Михаиле Обреновиче** стала тяготеть к Австро-Венгрии, а Болгария – к Германии. Дело дошло до того, что в Болгарии пророссийские настроения стали преследоваться правительством.

Разумеется, такое положение на западных границах сложилось не только и не столько из-за слабости России, сколько из-за уступок, до-

пущенных министерством иностранных дел, делами которого заправляло масонство. Александру III хватило ума понять это и вопросы внешней политики взять на себя. Должность государственного канцлера была упразднена. Министр иностранных дел **Гирс** фактически был низведён до письмоводителя при Александре III. Ему, конечно, удалось несколько поправить дело. Однако коренных изменений достичь не удалось. В деле с Болгарией он не нашёл ничего лучшего, как прервать дипломатические отношения. Здесь как раз и выявилась его слабая военная подготовка. Он не смог проявить себя, командуя Рущукским отрядом, и оказался не в состоянии применить силу, когда это было крайне необходимо.

Весь «Тройственный Союз» того времени имел более или менее серьёзную силу только в лице Германии. Ни Румыния, ни Италия, ни даже Австро-Венгрия серьёзной боевой силы тогда не имели. В Болгарии и Сербии всегда были сильны пророссийские настроения. Стоило Александру III двинуть войска в Румынию, как Болгария и Сербия тут же встали бы на его сторону. И могла возникнуть война с Германией и Австро-Венгрией. Но Франция здесь могла выступить союзницей. Думается, до войны бы дело не дошло, так как Бисмарк вряд ли согласился бы воевать на два фронта, да ещё имея перед собой таких полководцев, как Скобелев и Гурко.

Не случайно, когда в 1883 году Россия лишилась Белого Генерала (Скобелева), это вызвало взрыв ликования в Австро-Венгрии и особенно в Германии. Там поняли, что не стало человека, способного напоить своего белого коня в волнах Шпрее. Берлинский «Биржевой курьер», торопясь поделиться с читателями этой радостной новостью, писал: *«Ну, и этот теперь не опасен! Пусть панслависты и русские слависты (sic) плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том сознаёмся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления мы не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слова к делу».*

Таким образом, Александр III имел всё для победы, хороших полководцев и опытную армию. Но его личная военная посредственность не позволила ему сделать большую политику и стать хозяином Балкан, тем самым сузив возможности «Тройственного союза» до крайности. Александр III упустил очень важный момент, который позволял ему повернуть историю к пользе Российской Империи. Именно поэтому его внешнюю политику нельзя оценивать выше, чем удовлетворительно. Отсюда восхищения по поводу, что при Александре III не было войн, не более чем эмоции людей, не осознавших того, что этот император оказался посредственностью в военных вопросах, побоявшийся применить силу для действительного утверждения авторитета Российской Империи в Европе и в мире. Более того, он отдавал инициативу в руки противников России.

И если бы эти противники воспользовались предоставленной им возможностью, то будущее России трудно даже было бы предугадать. В 1888 году на германский престол вступил Вильгельм II. Он и его окружение, опираясь на растущую мощь германской армии и «Тройственный союз», настаивали на развязывании войны против России. Поэтому Вильгельм II отказался подписывать с Россией какие-либо договора после 1890 года. К тому времени качество командного состава российской армии резко понизилось. В этой войне против России могли выступить: Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Турция при враждебном нейтралитете Болгарии и Сербии. Такая коалиция уже могла успешно действовать, даже если на стороне России выступила бы Франция.

Однако против войны с Россией выступил Бисмарк, который, видимо, недооценивал мощь германской армии и созданного им «Тройственного союза». Кроме того, у него перед глазами постоянно маячила трагедия Наполеона. Бисмарку пришлось уйти в отставку, но его упорство поколебало решимость Вильгельма II начать войну с Россией. Но если бы началась эта война, то Россия наверняка потерпела бы тяжёлое поражение. Уже тогда от неё были бы отторгнуты земли до Днепра и Западной Двины, Крым и многие области на Кавказе. Союз России с Францией становился неизбежным. В 1892 году с Францией было заключено тайное соглашение, дополненное военной конвенцией. Силы несколько выровнялись. С этого времени мир стремительно покатился к мировой войне.

Александр III чувствовал, что надвигаются грозные события, и стремился подготовиться к ним, как мог. Для этого им были проведены некоторые социально-экономические, военные и другие реформы. Он хорошо понимал, что Россия может сохранить роль великой державы, если начнёт интенсивно развиваться экономически. Чтобы подтолкнуть экономическое развитие страны, его правительство сделало значительные шаги в развитии финансово-кредитного дела. Был учреждён Государственный банк, открывший свои отделения во всех больших городах страны. Помимо государственного, появилось немало частных банков. В городах, являвшихся торговыми центрами, были открыты биржи. Были приняты энергичные меры к дальнейшему развитию отечественной промышленности.

При нём начали приниматься меры по защите отечественной промышленности от иностранной конкуренции. Была изменена таможенная политика. Иностранные фабричные изделия облагались высокой пошлиной. Кроме того, отечественным товаропроизводителям предоставлялись льготы и пособия. Александра III мучило распространившееся в русском народе пьянство. Он повёл решительную борьбу с этим негативным явлением. Александр III также хорошо понимал, что огромную страну необходимо связать надёжными путями сообщения. Такими путями тогда были железные дороги. В этой связи строительство железных дорог, прерванное из-за войны 1877-78 го-

дов, было возобновлено. В 1881 году протяжённость железных дорог составляла около 23 тысяч вёрст, а в 1904 году уже около 60 тысяч вёрст. То есть увеличение составило 37 тысяч вёрст. Таким образом, в год строилось по 1 500 вёрст железнодорожных путей.

Ввиду некачественного строительства железных дорог частными обществами, было решено начать выкуп железных дорог государством и в дальнейшем их строительство вести за государственный счёт. В 1891 году, хотя и с большим опозданием, началось строительство транссибирской железнодорожной магистрали от Челябинска до Владивостока. Принятые меры дали хорошие результаты. Стала быстро развиваться металлургическая промышленность, добыча каменного угля и нефти, а также производство разных машин и предметов широпотреба. За период с 1881 по 1904 годы выплавка чугуна увеличилась в 4,3 раза, добыча каменного угля – в 6,3 раза, оборот внешней торговли – в 1,5 раза.

Быстро начала расти численность рабочего класса, что требовало введения рабочего законодательства. И оно было введено. В 1882-86 годах для защиты рабочих от произвола предпринимателей в царствование Александра III был принят целый ряд таких законов. Такого рабочего законодательства в то время не имела ни одна европейская страна, включая США. И если оценивать деятельность Александра III на социально-экономическом поприще, то его успехи здесь самые значительные, чего нельзя сказать о других направлениях его деятельности.

Нужно отдать должное Александру III, что он одним из первых начал понимать, что для укрепления единства страны мало иметь хорошие пути сообщения, нужно ещё иметь и однородное население. В этой связи выдвинутый им лозунг: ***«Россия для русских!»*** не был случайностью. Русификация страны началась с введения русского языка в Прибалтике и Финляндии. Но, собственно, этим и ограничилась, так как никакой глубокой проработки этого вопроса не было. Всё делалось по наитию самого Государя. В то время как для успеха дела требовалось осуществить целый комплекс мер. Большое значение здесь имела реформа образования. Каким оно было на уровне средней гимназической школы, мы видели выше. Те же меры в сфере образования, которые были приняты с подачи клерикала Победоносцева, скорее всего, вели к обратному результату.

По его настоянию в области народного образования было признано желательным увеличение количества церковно-приходских школ и усиление надзора за земскими школами. Его стремление укрепить самодержавие посредством изучения Библии вело к тому, что в этих школах прославлялся Израиль. В результате, было воспитано не только веротерпимое отношение к евреям, но евреев-революционеров русские люди стали защищать. Более того, евреи-революционеры превратились в нового Миссию, стремящегося спасти русских людей. Всё это

Победоносцев чувствовал и даже говорил по этому поводу: ***«Россия – ледяная пустыня и по ней бродит лихой человек»***. Но вот осознать, что он сам превращал Россию в ледяную пустыню и содействовал этому лихому человеку, был, конечно, не в состоянии.

Здесь нужно сказать, что церковь превратила себя в заложницу грядущей катастрофы. И когда Александр III начал русификацию страны, церковь оказалась плохим помощником ему в этом крайне важном деле. По существу, она отказалась вести активную деятельность по русификации окраин. Сегодня церковь, которая у нас исповедует христианство, называет себя *Русской Православной Церковью*, что не соответствует её доктрине. Если иметь в виду, что доктриной этой церкви является христианство, то она должна называться ***Российской Христианской Церковью***.

В этом плане уже давно настала пора реформации этой церкви. Реформация может быть поверхностной, но может быть и глубокой. Поверхностная реформация должна обеспечить приведение названия в соответствие с доктриной. То есть название должно отражать суть доктрины, а поэтому церковь должна называться Российской Христианской Церковью. Если же оставлять прежнее название, то необходимо проводить глубокую реформацию и менять христианское мировоззрение на ведическое (славянское) мировоззрение. Из вышесказанного видно, что церковь, причём любая, очень часто мимикрирует, чтобы обрести себе побольше прихожан. В результате, происходит надувательство граждан. И если государство взялось защищать права граждан, то оно должно прекращать подобного рода надувательство. В этой связи было бы вполне логичным и оправданным иметь в государстве комитет по делам церквей и религий, который бы не просто наблюдал за их деятельностью, но также требовал, чтобы их деятельность, доктрина и название соответствовали друг другу. Разумеется, этот комитет в обязательном порядке должен пресекать деятельность изуверских и тоталитарных сект.

Наряду с действием косной системы образования началось ущемление предоставленных ранее свобод. В 1884 году была упразднена университетская автономия. Дворянство было вновь признано *«первенствующим»* сословием. Для поддержки дворянских землевладений был открыт дворянский банк. Земство было поставлено под контроль административной власти. Был принят также ряд ограничительных мер по отношению к евреям. Таким образом, внутренняя политика Александра III была направлена на успокоение страны и укрепление самодержавия. Однако ограничение свобод **всем без разбора** и введение **косной системы образования** хотя временно и укрепляли самодержавие, в перспективе несли в себе разрушительные последствия.

Не менее неудачной была и военная реформа. Собственно, по-другому и быть не могло, так как военная реформа во многом зависит от той системы образования, которая существует в стране. Коль в обра-

зовании господствует схоластика, обучение отвлечённым наукам, не дающим необходимых для деятельности знаний, то отношение к ним складывалось отрицательное, как, собственно, и к науке вообще. Не обошло такое отношение и военную науку. Собственно, отрицательное отношение к военной науке было заложено ещё во времена Александра I. В царствование Александра III не было недостатка в крупных военных деятелях. Белый генерал – Скобелев ушёл из жизни в 1883 году. Это сильно ослабило армию. Победитель Балкан генерал Гурко командовал войсками Варшавского военного округа, то есть находился на передовой. В этой связи он был удалён от строительства армии и от разработки военной теории.

Начальником Генерального Штаба в течение всего царствования Александра III был генерал **Обручев**. Александр III к Обручеву питал большую симпатию, хотя Обручев считался отчаянным либералом. С именем Обручева связаны все сколько-нибудь положительные мероприятия военного характера: строительство стратегических дорог, сооружение крепостей на западной границе, военная конвенция с Францией. Однако, несмотря на близость Обручева к Александру III, ему так и не удалось добиться самостоятельности Генерального Штаба и усиления его роли в боевой подготовке войск и обобщении опыта прошедшей войны. Таким образом, военную политику, в основном, определяли люди, возглавлявшие Военное министерство и работавшие в военной академии.

Начальником военной академии до 1889 года был **Драгомиров**. Боевую репутацию ему создали Зимница и Шипка, которые показали блестящую подготовку его 14-й дивизии. Драгомиров имел большие достоинства, но и большие недостатки. Недюжинный ум у него уживался с отсутствием интуиции. Этот недостаток как раз и сделал его влияние на армию отрицательным. Драгомиров полагал, что военной науки как таковой вообще не существует. В этой связи его можно вполне считать анархистом военного дела. Отсюда он воспринял суворовскую «Науку побеждать» односторонне и доктрински, а истину о первенстве духовного элемента свёл к отрицанию военной науки вообще и стратегии в частности. Всё военное дело низводилось им до тактики, а тактика к тому, чтобы *«брать нутром»*.

Тактика *«брать нутром»* на практике отдавала предпочтение штыковым атакам без какой-либо подготовки её огнём. Отсюда шло противостояние духа и техники. В результате, в бою это приводило к огромным потерям. В конечном счёте, эти взгляды, озвученные с кафедры заслуженным профессором, а потом и начальником академии, имели самое отрицательное влияние на формирование целого поколения офицеров Генерального Штаба – будущих *«минотавров»* первой мировой войны. Эти взгляды Драгомирова касались не только обучения тактике, но и строительства вооружённых сил.

Полагая, что техника непременно ведёт к упадку духа, Драгомиров весь свой авторитет употребил противодействию принятия мага-

зинного ружья и скорострельной пушки. Как это похоже на маршала Кулика, который тоже противился принятию на вооружение автоматов. Однако, вопреки ему, скорострельные орудия были приняты. Но ему удалось добиться того, чтобы они были без щитов, по его мнению, *«способствующих робости»*. На полях Манчжурии такое решение привело к большим потерям среди наших артиллеристов. Система воспитания войск по Драгомирову тоже оказалась порочной. Став командующим Киевским военным округом, он всячески подавлял инициативу подчинённых ему командиров.

Сосредоточив внимание на индивидуальном воспитании солдата, по его выражению, *«святой серой скотинки»*, Драгомиров сознательно игнорировал офицера. Нарочитым умалением и унижением авторитета офицеров Драгомиров надеялся создать себе популярность в солдатской массе и обществе. Не удивительно, что в вопросах воспитания *драгомировщина* особо пышно расцвела в советский период развития вооружённых сил. Собственно, в этом нет никакой случайности, так как многие ученики Драгомирова оказались потом у истоков создания Красной Армии. Из школы Драгомирова вышли **Сухомлинов, Рузский, Бонч-Бруевич, Ю.Данилов** и т.д. Влияние Драгомирова было очень велико и даже выходило за пределы России. Активным сторонником драгомировских идей во французской армии был генерал **Кардо**. Драгомировщина как идейное течение военной мысли потому и имела достаточно широкое распространение в русской армии конца XIX века, что она не противостояла идейным основам самодержавия. При этом она опиралась на низкую образованность в военных вопросах большей части офицерского корпуса.

Сменивший Драгомирова на посту начальника военной академии генерал **Леер** был ему полной противоположностью. Он отдавал явное предпочтение стратегии, которую не признавал Драгомиров. Его можно вполне считать у нас в России отцом военной стратегии как науки. Им разработано учение о главной операционной линии. Строго осуждено понятие стратегического резерва – *«в стратегии резерв – явление преступное»*. Разумеется, это утверждение верно только для использования уже подготовленных соединений. Те соединения, которые находятся в стадии подготовки, могут быть задействованы только в крайнем случае. Вот они-то и должны составлять стратегический резерв.

Военное министерство и Генеральный Штаб России того времени практически почти не занимались боевой подготовкой войск. Поэтому они не организовывали таких полевых поездок, которые практиковались в германской армии начальниками Большого Генерального Штаба Германии Мольтке и Шлиффеном. В ходе таких поездок вырабатывались единые взгляды на применение войск. Скрупулёзное изучение опыта предыдущих войн являлось при этом путеводной звездой. В русской армии того времени боевой подготовкой занима-

лись командующие военных округов. В результате, был страшный разнобой в боевой подготовке и боеспособности войск. Чтобы знать состояние дел в военных округах, по настоянию Леера были введены полевые поездки офицеров Генерального Штаба.

И хотя им было далеко до полевых поездок организуемых Мольтке и Шлиффеном, тем не менее, они значительно расширяли кругозор офицеров Генерального Штаба применительно к практической стороне дела. Кстати, эта практика была возобновлена во время Великой Отечественной войны, когда офицеры Генерального Штаба направлялись в войска для оказания им практической помощи в планировании боевых действий. Эта практика сыграла большую положительную роль. Стратегический глазомер Леера чётко вырисовывается из его записки, поданной Милютину в 1876 году, где он предостерегал от сосредоточения незначительных сил при подготовке войны с Турцией – ***«ибо лучше иметь слишком много войск, чем слишком мало»***.

Однако Милютин счёл её «недостаточно разработанной», так как Леер изложил суть дела, но пренебрёг мелочами, на которые в высокой канцелярии как раз обращали главное внимание. Стоит упомянуть и о редактировании им «Военной энциклопедии» в 8-и томах, которая явилась важным источником для пополнения военных знаний строевым офицерством. Так как стратегия Леера прямо затрагивала деятельность высших эшелонов власти, то к нему в этих эшелонах относились настороженно. А коль ему не пришлось участвовать и проявить себя на войне, то его считали *«кабинетным теоретиком»*. Это явилось причиной того, что Леер был совершенно не понят и не оценён в должной мере своими современниками. В результате, в армии господствовала драгомировщина.

С точки зрения стратегии, войну вообще нельзя было изучать. Главнокомандующим был брат Александра II и дядя Александра III. Рассматривать объективно его плачевное руководство и бесчисленные ошибки главной квартиры на занятиях было совершенно невозможно, так как это вело к подрыву престижа самодержавия. Абсурдный план войны, посылка войск по частям, неиспользование мобилизованных резервов было делом рук Милютина. Но Милютина раз и навсегда было условлено считать *«благодетельным гением»* российской армии. Тем самым перед преподавателем стратегии ставилась неразрешимая задача, состоявшая из сплошных запретов, преодолевать которые ему было запрещено.

Такие же трудности встречал и преподаватель тактики. **Криденер, Зотов, Крылов, Лорис-Меликов** были заслуженными генерал-адъютантами, ошибки которых показывать также запрещалось. Поэтому в исследованиях русско-турецкой войны 1877-78 годов критический метод, единственно продуктивный, был заменён описательным методом, простым изложением событий без излишнего мудрствования. В результате, слушатели военной академии того времени почти ничего полезного не смогли для себя извлечь из столь недоброкачественного материала.

Таким образом, российская армия вступила в войну на Дальнем Востоке, опираясь, в основном, на опыт Крымской войны, да ещё гражданской войны в США. До чего боялись показать правду о войне 1877-78 годов, говорит тот факт, что её описание не было закончено даже в 1914 году. Вследствие чего многие ошибки стратегического характера, выявившиеся в той войне, повторились уже в более неприглядном виде в первой мировой войне. Так что самодержавие само стало препятствием для развития самой важной части военного дела, а именно военной науки. В этом плане абсолютно ничего не изменилось к лучшему со времён Александра I. Вот на таком парадоксально-противоречивом военно-теоретическом фундаменте, не учитывающем опыт только что прошедшей войны, Александр III развернул строительство вооружённых сил России в конце XIX века.

Развитие международной обстановки того времени характеризовалось тем, что Россия, по существу, находилась в международной изоляции, которая явилась следствием крайней нерешительности Александра III в международных делах. Что как раз и выразилось в его знаменитой фразе: ***«У России есть лишь два верных союзника – её армия и её флот»***. На количественное увеличение этих двух составляющих вооружённых сил государства и направил Александр III свои основные усилия. Реализовать на практике идеи Александра III было поручено генералу **Ванновскому**, не проявившему себя сколько-нибудь значительно в бытность начальника штаба Рущукского отряда, которым командовал в период войны 1877-78 годов цесаревич Александр Александрович.

Ванновский был полной противоположностью Милютину. В сравнении с последним он был своего рода *«военным Победоносцевым»*. В высшей степени грубый и придирчивый, он деспотически обращался с подчинёнными. Служба с ним была очень тяжёлой. Редко кто выносил его сколько-нибудь длительное время. Ванновский неоднократно говорил: *«Ведь я собака, я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет; когда вы будете начальниками, советую вам тоже быть собаками»*.

Несмотря на массу отрицательных качеств, Ванновский смог сделать и кое-что полезное для армии. Его несомненной заслугой явилась отмена военно-учебной реформы Милютина. Ванновскому, бывшему ранее начальником Павловского военного училища, была видна слабая строевая подготовка воспитанников милютинских гимназий. К тому же штатские воспитатели не прививали своим питомцам соответствующего военного духа, в результате чего после окончания гимназии многие уходили *«на сторону»*. В 1882 году военные гимназии вновь были преобразованы в кадетские корпуса. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, введены строевые занятия. Вскоре качество выпусков резко улучшилось. Молодые офицеры вновь обрели воинский дух и строевую выправку.

Большое внимание было уделено переработке «Положения о полевом управлении войск». Разработка нового Положения была поручена комиссии генерала **Лобко**. В 1890 году новое Положение о полевом управлении войск было утверждено. Это Положение значительно увеличивало права главнокомандующего и освобождало его от опеки Военного министерства. В этом Положении определялся также порядок создания при мобилизации армейских управлений на базе существующих военных округов. Это дало возможность уже в 1886 году на базе трёх западных округов (Виленского, Варшавского и Киевского), в случае войны с центральными державами, развернуть три армии.

Главной же заботой Военного министерства стало увеличение обученного запаса армии. Ежегодный призыв новобранцев при Александре II составлял всего около 150 тысяч человек. При 6-летней службе в строю армия насчитывала около одного 1 миллиона человек, что было явно недостаточно на случай войны с центральными державами. В этой связи в 1886 году срок службы вольноопределяющихся по 1-му разряду был увеличен до одного года. В результате, в 1888 году количество сверхсрочнослужащих удвоилось. В этом же году было произведено сокращение сроков службы до 4 лет в пехоте и до 5 в кавалерии и инженерных войсках. Но в то же время была удвоена продолжительность службы в запасе с 9 до 18 лет.

В 1891 году контингент военнообученных запаса нижних чинов уже составлял 2,5 миллиона человек, а мобилизованная армия, включая казаков, могла иметь около 4 миллионов солдат. В конце царствования Александра III ежегодно призывалось около 270 тысяч человек. Была значительно увеличена ёмкость военных училищ. Эти нововведения однако не выходили за рамки милютинской реформы. Шло её совершенствование. По-настоящему милютинский закон о всеобщей воинской повинности был реализован в конце царствования Александра III стараниями Ванновского. Поэтому реформу Милютина правильно называть *реформой Милютина-Ванновского.*

Было уделено большое внимание перевооружению армии магазинными *винтовками Мосина*, принятыми на вооружение в 1891 году и оказавшимися лучшими в мире на протяжении добрых 50 лет. Армия получила также хорошее клиновое орудие образца 1877 года дальностью стрельбы 4,5 версты. Затем она была заменена поршневой пушкой образца 1895 года с дальностью стрельбы 6 вёрст. Опыт русско-турецкой войны показал, что без тяжёлой полевой артиллерии войскам сложно брать укреплённые пункты. Поэтому в 1888-94 годах было сформировано пять мортирных полков, имевших в своём составе 4-5 батарей по 6 шестидюймовых мортир в каждой. Всего, таким образом, армия получила около 130 таких мортир. Для армии в 4 миллиона человек военного времени это была капля в море. К сожалению, в дальнейшем тяжёлая полевая артиллерия существенного увеличения не получила. Получили развитие инженерные и железнодорожные войска. Первые занимались строительством крепостей на

западной границе, а вторые строительством железных дорог. Были и другие полезные нововведения.

Однако были и просчёты. Особенно они коснулись развития кавалерии и военно-морского флота. В 1882 году была осуществлена *«драгунская реформа»* в кавалерии. Вдохновителем её был генерал **Сухотин**. Исследуя кавалерийские рейды периода гражданской войны в Америке, этот военачальник пришёл к выводу о необходимости преобразования всей отечественной кавалерии на драгунский лад. Естественно, при этом он прошёл мимо собственного, значительно более поучительного опыта действий кавалерии периода войны 877-78 годов. Так родилась мода на американских ковбоев. Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, в значительной степени заменившими кавалерийскую выучку. Следствием явились черепашьи аллюры на ровной местности и на хороших дорожках. И хотя численный состав кавалерии был увеличен в 1,5 раза, её боеспособность резко снизилась. Всё это скажется крайне отрицательно в ходе войны с Японией.

Не лучше дела обстояли и с развитием флота. Так как состояние военно-морской науки было не лучше, чем в армии, то опыт действий моряков на Дунае в войну 1877-78 годов должным образом не был изучен. А он говорил о том, что на арену морских сражений выходило минное оружие, которое при умелом его применении оказывалось способным блокировать и нейтрализовать действия броненосных сил на речных театрах войны, в прибрежной зоне и в проливах. Сама собой напрашивалась идея строительства флота, органически включавшего в себя миноносные, крейсерские и броненосные силы, которые должны были взаимодополнять друг друга и обеспечивать отражение превосходящих морских сил противника на минно-артиллерийских позициях.

Здесь нужно было понять одну непреложную истину, что базирование российского флота ни на одном морском театре военных действий, кроме каспийского, не обеспечивало достижения превосходства над противником, особенно если это была коалиция противников. До известной степени условия базирования продолжают оказывать своё отрицательное влияние на развитие нашего флота до настоящего времени. Поэтому трата больших средств на него не является необходимой. **Флот для России всегда был, есть и будет лишь вспомогательным средством, дополняющим мощь сухопутных сил.** Только при таком понимании он будет правильно развиваться. Наш флот мог бы стать по своему значению вровень с армией, если бы Россия сохранила за собой Аляску. Но её профукали самодержавные правители, вместе с ней они профукали и равную с армией роль флота.

Всё это, однако, не было осознано и проработано. В результате, флот начал строиться по примеру строительства линейных парусных флотов периода XVIII и первой половины XIX веков. Отсюда пре-

имущественное развитие получили дорогостоящие броненосные силы. Строительство броненосных эскадр началось именно в царствование Александра III. До 1904 года было построено около 20 броненосцев, которые, однако, оказались беспомощными в войне с Японией, и огромные средства, затраченные на их строительство и содержание, пошли прахом. В то же время армия не получила достаточного количества тяжёлой полевой артиллерии, в которой крайне нуждалась.

Неверно взятое направление строительства военно-морского флота имело под собой ещё одно основание. Внешнеполитическое ведомство, богатое на сочинение мифов, оправдывалось после войны с Турцией перед обществом за свои просчёты, изобрело легенду, по которой без сильного флота на Чёрном море удержать Босфор и Дарданеллы было невозможно. Сильный флот в то время олицетворялся броненосцами, которые могли вести боевые действия в открытом море. Однако вскоре за эту легенду ухватились, не обременённые необходимыми знаниями моряки, которые решили воспользоваться ей для давления на Александра III. Император, не слишком сведущий в армейских делах, ещё хуже разбирался в морских. Вскоре и он уверовал в эту легенду. В результате, страна получила большое количество броненосных кораблей, которые однако не принесли ей славы.

Таким образом, реформы Александра III на самом деле не были тем триумфом, о котором пишет Изместьев и с которым соглашаются официальные историки. Они имели гнилую основу, а поэтому могли только отстрочить грядущую катастрофу. Лучше всех это состояние выразил А.Кресновский: *«Правительство, предоставленное своим силам, действовало неумело, а зачастую и неумно. Вся его работа в этот период сводилась к борьбе с наружными проявления этой болезни, к стремлению загнать её вовнутрь организма. На корень зла не было обращено никакого внимания – его не замечали и не хотели замечать.*

Этот корень зла заключался в изношенности и усталости государственного организма. Здание Российской Империи было выстроено на европейский образец конца XVII – начала XVIII столетия. Выстроенный на сваях в северных болотах блистательный "Санкт-Петербурх" являлся живым воплощением великой, но чуждой народу империи. Эти петровские сваи за два столетия подгнили. Вместо того чтоб их заменить более прочными устоями, к ним лишь приставили подпорки в надежде на спасительное "авось"».

Лучше сказать просто невозможно. Здесь уместно подчеркнуть чужеродность Русскому народу этой империи. Однако нельзя согласиться с А.Кресновским, что выход из сложившейся уже тогда катастрофической ситуации можно было найти на пути движения *«вправо»* и реализации имперского лозунга *«россиянства»*. *«Вправо»* в тех условиях означало назад к Александру I. Что из этого получилось – мы увидели на примере крымской и балканской войн. *«Россиянство»* по большому счёту тоже реализовывал Александр I. Результатом яви-

лись восстания в Польше в 1830 и 1863 годах, а также нарастание отрицательного отношения к самодержавному абсолютизму, прежде всего, русского общества.

Так что выход был в другом: в постепенном и продуманном движении по пути либеральных реформ при последовательной и неуклонной русификации страны, а также при реализации научно-обоснованной военной и решительной внешней политики. Только в этом случае социально-экономические реформы, являвшиеся сильной стороной царствования Александра III, могли дать свои положительные плоды. Без всего этого ускоренное социально-экономическое развитие породило дополнительные угрозы для существующего самодержавного строя как на внутреннем, так и на внешнем фронте. Это выразилось: во-первых, в быстром росте численности рабочего класса, а вместе с ним и в росте рабочего движения; во-вторых, рост экономики России возбуждал у её конкурентов не просто опасения за будущее, но и сознательное стремление помешать этому развитию, а если возможно, то и взорвать его изнутри.

В этой части большие усилия прилагали: Англия, Германия и США. Именно еврейско-масонские круги США в конце XIX века стали проявлять в этом направлении особую активность. Для подрыва России изнутри в США был создан центр по руководству революционным движением в России. Этот центр опирался в своей деятельности на банк «Кун, Леб и К°», возглавлял который **Я.Шифф**. Этот центр сыграл очень большую роль в совершении всех революций в России. И если говорить о военной безопасности России периода Александра III, то нужно сказать, что реформы в военной и социально-экономической областях несколько укрепили её. Но этот уровень был достаточен только в борьбе со слабым противником. В случае возникновения войны с сильным противником, а тем более коалицией противников, катастрофа становилась неизбежной.

Правление императора Николая II

И эта катастрофа наступила в царствование **Николая II**. Для нас крайне важно выяснить, могла ли Российская Империя избежать катастрофы при Николае II? Для этого мы проанализируем не только то, что делалось, но также способности и уровень подготовленности самого Николая II и его окружения. *«Царя-Миротворца»* не стало 20 октября 1894 года. *Николаю II в это время было 26 лет.* Только что закончилось его командование батальоном в Преображенском полку. Вскоре он должен был получить в командование полк и генеральское звание. Но в силу трагической кончины своего отца получил в управление необъятную Россию. Считая Николая II

слишком молодым, Александр III не посвящал его в государственные дела, полагая, что для этого предоставится время. Поэтому к государственному управлению Николай II подготовлен не был. Теперь всё зависело от способностей самого Николая II, подготовленности и способностей его помощников.

Николай II по характеру не был похож на своего отца. Получив церковно-приходское и гимназическое образование, он стал глубоко верующим человеком и хорошим семьянином. К этому добавлялось хорошее по тем временам воспитание. Он мог располагать к себе людей сердечным отношением, обходительностью, застенчивостью и скромностью. Скромность и застенчивость не позволяли ему говорить людям неприятные им вещи прямо в глаза, поэтому он часто выглядел неискренним и скрытным. Эти же качества выявляли в нём слабоволие и нерешительность, которые базировались к тому же на слабом знании государственных и военных дел. В то же время, в силу глубокой религиозности, он был человеком **внушаемым**. И тогда, когда окружающим удавалось его в чем-то убедить, он становился упрямым, стремился настоять на своём, чем как раз и пользовались разного рода прохвосты, окопавшиеся при дворе.

Эти качества со временем усугубились перерастанием веры в религиозный мистицизм. Первым шагом на этом пути явилось знакомство Николая II с предсказаниями вещего **Авеля**, которые Павел I повелел прочесть своему потомку-наследнику через 100 лет после своей смерти. В предсказании Авеля, в частности, говорилось: *«На венец терновый сменит он корону царскую. Предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет великая, мировая... Накануне победы рухнет трон царский. Кровь и слёзы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмёт в безумии власти, и наступит воистину казнь египетская»*.

Эти слова постоянно звучали в его ушах, парализуя волю всякий раз, когда нужно было действовать решительно и твёрдо. **Став заложником религиозного мистицизма, он стремился избежать любой войны. Вследствие чего его действия шли вразрез с развитием международной обстановки, а потому они не устраняли угрозу войны, а приближали её.** Причём приближали такую войну, к которой не было готово, прежде всего, само самодержавие. Россия же становилась заложницей этой *неготовности*.

Вторым шагом на его пути к религиозному мистицизму явилось знакомство и сотрудничество с **Распутиным Григорием Ефимовичем**. Под воздействием религиозного мистицизма он только перед Богом считал себя ответственным за судьбу народа, которым управлял. Поэтому уступать кому бы то ни было даже часть своих прав он не хотел и считал это малодушием. В результате, в управлении государством принимались противоречивые решения, идущие в разрез с национально-государственными интересами страны. Практически внутренней и

внешней политикой России, как и при Александре I, заправляли масонские кланы, управляемые из-за рубежа. По существу, Николай II превратился в игрушку этих кланов. Такой человек, конечно же, не мог иметь чёткой линии и стратегии государственного управления, не мог создать эффективную команду для реализации такой стратегии, а поэтому не мог и не смог противостоять нарастающей катастрофе.

Не лучше дело обстояло и с его помощниками. Александр III всё нёс на своих богатырских плечах. Министры были превращены в послушных исполнителей его предначертаний. Они были мало способны к самостоятельному творчеству и, как правило, не имели собственного мнения. Квалифицированными советниками поэтому, за небольшим исключением, они быть не могли. Близкие родственники стать такими советниками тоже не могли. С рождения великие князья были предназначены только к одному виду деятельности – военному. И хотя многие из них имели склонность к гражданским наукам, искусству, дипломатии, фамильная традиция запрещала это, требуя только одной военной службы. При отсутствии военных способностей у многих великих князей эта служба превращалась в отбывание постылой повинности, что, естественно, постоянно вредило делу.

Некоторые великие князья, имевшие военные способности, принесли несомненную пользу. Много полезного сделал для русской артиллерии великий князь **Михаил Николаевич**. Много внимания артиллерии уделял его сын **Сергей Михайлович**, а его брат **Александр Михайлович**, вопреки всеобщему противодействию, создал русский воздушный флот. **Николай Николаевич (Младший)** немало потрудился над преобразованием кавалерии. Над развитием военно-учебных заведений немало поработал **Константин Константинович**, который оставил по себе светлую память у тысяч молодых офицеров.

Однако великокняжеская среда, дав несколько видных специалистов по отдельным отраслям военного дела, а ещё больше дилетантов, не выдвинула ни одного государственного ума, на который мог бы опереться Николай II. Виной всему косная система образования и организация подготовки великих князей к исполнению государственных обязанностей. Что касается остальных высших сановников, то о них очень хорошо высказался А.Кресновский: *«Высшие сановники и та среда, из которой они стали вербоваться в последнюю четверть XIX века, были невысокого морального уровня, особенно проведённые Победоносцевым. В высшем петербургском свете ставленников Победоносцева, и особенно Витте, называли не иначе как на французском диалекте: "Les prokhvostjs". В лучшем случае это были честные рутинёры, "люди 20-го числа", в худшем – были преисполнены самого беззастенчивого карьеризма. Этот последний тип, начиная с 900-х годов, сделался преобладающим».*

Такому царю с такими помощниками успешно управлять Россией было, конечно же, невозможно. Первым в ряду этого сонма карьери-

стов, конечно же, был **С.Витте**. В 1892 году он был назначен министром финансов. До этого проявлял некоторые организаторские способности в строительстве железных дорог. Он сменил на этом посту **Вышеградского**, который создал новую финансово-кредитную систему и подготовил денежную реформу 1896 года. Вышеградский стоял также у истоков создания рабочего законодательства. В частности, закон об ответственности предпринимателей за несчастные случаи, подготовленный им, был принят только в 1903 году. Этот закон в 1892 году был раскритикован Победоносцевым, в результате Вышеградский потерял пост министра финансов. Вот тут-то и появился С.Витте. Безмерно честолюбивый и совершенно беспринципный, Витте был типичным представителем масонства в России.

Финансово-кредитная система Вышеградского способствовала накоплению золотого запаса страны, что предполагало введение твёрдой валюты. Но попользовался результатами трудов Вышеградского Витте. Когда страна в 1896 году накопила 500 млн. рублей золотого запаса, правительство ввело твёрдую золотую валюту. Рубль стал самой надёжной валютой мира. Далее, используя озабоченность Александра III распространённым в народе пьянством, Витте в 1897 году добился введения винной монополии, что в 1,3 раза увеличило бюджет государства. Все основные вопросы введения винной монополии также были проработаны Вышеградским. Витте опять пожал плоды чужих трудов. Эта монополия состояла в том, что производить спирт в сыром виде могли частные заводчики, а ректифицировать и продавать спиртоводочные изделия могло только государство. С этого момента Витте обрёл исключительное влияние при дворе, которое позволяло ему безнаказанно вредить России в дальнейшем. Как он это делал, мы увидим по ходу рассмотрения внешней, внутренней и военной политики Николая II.

Социально-экономическая политика вплоть до войны с Японией реализовывалась по лекалам Александра III. Проведена была денежная реформа, реализована винная монополия, расширено рабочее законодательство, выкупались и строились железные дороги, увеличивалась добыча угля, выплавка металла, выпуск машин. В этом плане всё шло неплохо. Чего нельзя сказать обо всех остальных направлениях государственной деятельности. Когда Николай II взошёл на престол, все надеялись, что он пойдёт по пути либеральных реформ своего деда Александра II. Однако либеральная общественность просчиталась.

Вскоре после воцарения 17 января 1895 года Николай II в своём выступлении, обращённом к представителям земства, осудил их *«бессмысленные мечты»* об участии в государственных делах и заявил, что *«будет охранять начала самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял их его покойный родитель»*. Отказ царя от проведения политических реформ вызвал глубокое разочарование в либеральных кругах российского общества, толкнул их на поддержку ре-

волюционеров. Многие общественные и земские деятели надеялись, что Николай II вернёт земствам права, отнятые Александром III. Но этого не произошло. В результате, они перешли в оппозицию.

Рост рабочего класса подталкивал рост рабочего движения. К тому же Николай II решил без должной подготовки и изучения вопроса ускорить *«русификацию окраин»*. Это вызвало у некоторых *«инородцев»* не только недовольство, но и рост сепаратистских настроений. Заграничные еврейско-масонские центры очень внимательно следили за развитием событий в надежде возглавить оппозиционное и революционное движение в России. Именно в это время в США создаётся еврейско-масонский центр по руководству оппозиционным и революционным движением в России. С этого времени деятельность революционных организаций становится более организованной и целеустремлённой. В 1895 году создаётся социал-демократический ***«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»***. В 1898 году девять представителей этой революционной организации: **Тучанский, Ванновский, Радченко, Вигдорчик, Эйдельман, Кремер, Мутник, Петрусевич** и **Кац** (все евреи) основали в Минске ***Российскую Социал-демократическую Рабочую Партию*** (РСДРП), которая поставила перед собой задачу свержения самодержавия и замены его демократической республикой.

В 1901 году создаётся партия *социалистов-революционеров* (эсеров). Они также ставили своей задачей свержение самодержавия и замену его демократической республикой. Но в отличие от социал-демократов, делавших ставку на рабочий класс и подготовку революции, эсеры делали ставку на крестьян, на сельскую общину, считая её прообразом социалистического общества, а также на индивидуальный террор. Для этого внутри партии была создана засекреченная боевая организация. Партия эсеров также возглавлялась евреями. Эсеры не были подчинены какой-либо идеологии, кроме партийной дисциплины и задачи свержения самодержавия. Социал-демократы должны были последовательно руководствоваться учением Карла Маркса (Мордехая Маркса Леви).

Обе эти партии получали финансовую поддержку из-за границы. Так международные еврейско-масонские организации, кроме масонов в среде высших сановников и либералов, получили подконтрольные им организации в среде рабочего класса и крестьянства. Таким образом, выстраивался единый фронт борьбы с самодержавием сановного масонства, либералов, сепаратистов и революционеров, опиравшихся уже на рабочий класс и часть крестьянства.

Международное положение России в начале царствования Николая II было стабильным. Союз России с Францией до известной степени уравновешивал соотношение сил в Европе. Более того, он позволял серьёзно укрепить позиции России на Балканах. В конце XIX века Турция находилась в состоянии полного разложения, в резуль-

тате чего в 1896 году началось избиение армян на глазах иностранных послов в Константинополе. Русский посол **Нелидов** считал, что настал благоприятный момент для захвата Босфора. Это он и предложил Николаю II. Военный министр Ванновский и начальник Генерального Штаба Обручев поддержали его.

Однако министр финансов Витте, выполняя волю своих английских и американских хозяев, высказался категорически *против*. Он заявил, что эта затея грозит привести к европейской войне. Это был, конечно, блеф. Но этим блефом масоны часто умело пользовались, чтобы провести в жизнь собственную политику. После обмена мнениями Николай II поддержал предложение посла. Для выполнения задуманного плана в Одессе и Севастополе была начата подготовка десанта. По телеграмме Нелидова наш морской отряд должен был двинуться к Босфору. В это время Витте привлёк для противодействия этой операции великого князя **Владимира Александровича** и Победоносцева. Николай II под их некомпетентным давлением изменил решение. Это был первый крупный случай, когда Витте нагадил *России*.

Не успел Нелидов вернуться в Константинополь, как получил от Николая II телеграмму, отменяющую задуманную операцию. Так не была использована удачно сложившаяся обстановка в Турции, обеспечивавшая захват Босфора и усиление влияния России на Балканах. **Этот случай показывал, что молодой царь совершенно не разбирался в военно-политических вопросах, не способен был самостоятельно и правильно оценить обстановку, тем более принять целесообразное решение, что делало его заложником неквалифицированных мнений и враждебных происков.**

В это же время **Вильгельм II**, желая установить германскую гегемонию в Европе, задумал во что бы то ни стало разрушить союз России и Франции. Для этого он разработал химерический план, по которому Германия должна была войти в союз России и Франции. В случае успеха в создании союза Германии, России и Франции, вырисовывалась надежда на сокрушение *«владычицы морей»* – Англии и установление мирового господства Германии. Поэтому после коронации Николая II Вильгельм II предпринял активные действия для его обработки.

Ему довольно быстро удалось склонить Николая II на свою сторону. С этого момента внешняя политика России подпала под большое влияние Германии. Однако то, что легко удалось проделать с Николаем II, натолкнулось на непреодолимое препятствие во Франции. Там не забыли страшного поражения 1870 года и жаждали реванша. Поэтому всякие попытки Германии сблизиться с Францией встречали яростное сопротивление реваншистов. Дело даже дошло до отставки министра иностранных дел Франции **Бертело** (известного учёного), который не пожелал *«ввергать Францию в немецкое рабство»*. Таким образом, план Вильгельма II являлся его химерой, невыполнимой изначально.

Однако Вильгельм II продолжительное время верил в реализацию этой химеры, в результате чего превратился в её заложника. Это не позволило ему использовать выгодно сложившуюся международную обстановку, когда началась война между Россией и Японией, и нанести смертельный удар Франции. На этом ударе настаивал начальник Генерального Штаба Германии **Шлиффен**, но Вильгельм II не послушался его и Шлиффен вынужден был уйти в отставку. Подталкивание Николая II к активным действиям на Дальнем Востоке имело для Германии смысл лишь в том случае, если создавалась возможность для удара по Франции. Однако Вильгельм II оказался неспособным освободиться от придуманной им самим химеры и во второй раз упустил случай установить гегемонию Германии в Европе. Всё это дорого обошлось потом и Германии, и самому Вильгельму II.

Но и Николай II действовал не лучшим образом. Он создал свою собственную химеру. Хорошие отношения с Германией развязывали руки России на Дальнем Востоке. Этим, конечно же, нужно было воспользоваться и решительно укрепить своё положение там. Однако боязнь большой войны толкнула его в 1897 году на заключение официального договора о союзе с Францией, что сделало Россию заложницей её реваншистских устремлений, а затем он в порыве миротворческих настроений решил обратиться к народам всего мира с предложением *«Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья»*.

Эта пацифистская инициатива была обнародована 12 августа 1899 года. В эту идею ИКС в то время верил разве что сам Николай II. Все остальные встретили её настороженно и враждебно. **В век, когда всё решалось силой, это был нонсенс, в результате которого её изобретатель неизбежно попадал в катастрофическое положение.** Однако Николай II продолжал упорствовать, и в июне 1900 года в Гааге была созвана международная конференция. Эта конференция не остановила гонки вооружений и приняла только ряд второстепенных решений. Те, кто подписал документы этой конференции, кроме Николая II, прикрылись ими, чтобы скрытно развернуть ещё большую гонку вооружений.

Миротворчество и химеричность во внешней политике уже вскоре сыграли злую шутку с Николаем II. Увлёкшись миротворческими акциями, он ничего существенного не сделал для укрепления положения России на Дальнем Востоке. К тому же в дальневосточных делах он полностью положился на Витте, который теперь заправлял не только финансами, но и дальневосточной политикой. Но прежде чем касаться этой политики, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть развитие международной обстановки на Дальнем Востоке.

Япония, пережив в середине XIX века буржуазную реформацию, начала быстро развиваться экономически. Вскоре ей потребовались источники сырья и рынки сбыта. Поэтому японский капитал вожде-

ленно смотрел в сторону Китая, вынашивая планы отторжения от него части территории. Отношения ухудшились настолько, что в 1894 году между Японией и Китаем вспыхнула война. Опасаясь, что военные действия Япония может перенести на российские территории, правительство Николая II двинуло небольшой отряд из Владивостока к ***Гирину*** у китайской границы. Из-за отсутствия железных дорог отряд двигался долго и пришёл к месту назначения, когда боевые действия уже закончились.

Одержав победу над Китаем, японцы заняли весь ***Ляодунский полуостров*** и ***Порт-Артур***. При заключении мирного договора Япония, помимо прочего, потребовала присоединения этого полуострова. Захват Японией территорий на материке в непосредственной близости от владений России представлял большую угрозу её интересам на Дальнем Востоке, так как аппетиты японского капитала и военных кругов выходили далеко за рамки Ляодунского полуострова. В этой связи правительство Николая II решило воспрепятствовать притязаниям Японии.

Заручившись поддержкой Германии и Франции, оно предъявило Японии ультиматум, в котором говорилось, что Россия не допустит нарушения принципа целостности и неделимости Китайской империи. Япония вынуждена была согласиться с требованиями России, однако взамен Ляодунского полуострова потребовала выплатить значительную контрибуцию. Россия, кроме того, содействовала получению Китаем займа, дав для него свои гарантии. Для реализации займа был основан ***Русско-Китайский банк***.

К этому времени *Транссибирская железнодорожная магистраль* была построена до Забайкалья. Встал вопрос, как вести строительство дороги дальше? Можно было строить вдоль Амура, делая большой крюк. Но заманчивее было построить через Северную Манчжурию, то есть через китайскую территорию. Правительство Николая II решило добиваться реализации строительства железной дороги через Северную Манчжурию. Когда на коронацию Николая II прибыл видный государственный деятель Китая **Ли-Хун-Чан**, с ним были проведены переговоры, которые завершились подписанием секретного договора.

По этому договору Китай разрешал России построить железную дорогу на своей территории, чтобы соединить прямым путём Читу и Владивосток; постройка и управление железной дорогой должна была быть поручена частному обществу; этому обществу отводилась полоса отчуждения, необходимая для эксплуатации этой дороги; в этой полосе общество могло иметь свою полицию для охраны дороги. Одновременно с этим соглашением Россия обязалась защищать китайскую территорию от агрессивных действий со стороны Японии.

В то же время был заключён договор с Японией, по которому Россия и Япония разделили между собой сферы влияния в Корее. До японо-китайской войны Корея была автономной провинцией Китая.

После этой войны она была объявлена самостоятельным государством. Россия в Корее могла иметь своего официального советника при корейском императоре, а также военных инструкторов и несколько сот солдат. Япония могла иметь в Корее торгово-промышленные общества и вести торговлю. Таким образом, произошло разделение сфер влияния на Дальнем Востоке, причём не без пользы для России.

Однако вскоре в дальневосточные дела вмешался Вильгельм II, который заявил, что ему нужен китайский порт ***Киао-Чао***, Николай II, будучи уже под влиянием Вильгельма II, не смог ему отказать. Немецкая дипломатия состряпала предлог, якобы в этом порту было совершено убийство немецких миссионеров, и германские корабли вошли в порт Киао-Чао (Тзинь-Тау). Таким образом, Россия была поставлена перед фактом, что любая европейская держава или США могут занять Порт-Артур и укрепиться на Ляодунском полуострове. В ноябре 1897 года состоялось особое совещание под председательством Николая II, на котором министр иностранных дел граф **Муравьёв** предложил занять Порт-Артур и ***Да-лянь-ван***.

Это предложение поддержал военный министр генерал Ванновский, стратегическому глазомеру которого нужно отдать должное. Против предложения Муравьёва выступил Витте, который в то же время был за строительство железной дороги. Скорее всего, хотел погреть руки на этом строительстве. Его позиция показывает, либо Витте не понимал, что занятие Порт-Артура другим государством автоматически вело к вытеснению России из Манчжурии, или действовал в полном соответствии с планами американских еврейско-масонских кругов, предполагавших запереть Россию в Приморье. Они серьёзно опасались, что укрепившаяся на Дальнем Востоке Россия может через ряд лет потребовать возврата Аляски. Всё это говорит за то, что Витте был в курсе этих планов и делал всё, чтобы их реализовать.

С необоснованными доводами Витте Николай II согласился. Однако через некоторое время после совещания Муравьёв доложил царю, что около Порт-Артура крейсируют английские корабли, которые, видимо, хотят войти в эти порты. Николай II вынужден был отдать распоряжение о посылке туда эскадры с войсками. Русские корабли вошли в бухту Порт-Артура, а российское правительство предложило Китаю передать России Квантунскую область вместе с Порт-Артуром и Да-лянь-ван в аренду на 25 лет. В марте 1898 года между представителями Китая Ли-Хун-Чаном и **Чан-Ин-Хуаном** и поверенным России было подписано соглашение, по которому Китай уступал России в аренду Квантунскую область и разрешал соединить уступленные порты железной дорогой с транссибирской магистралью. Оба китайца получили крупные подарки: Ли-Хун-Чан – 500 тысяч рублей, а Чан-Ин-Хуан – 250 тысяч рублей. Это был, бесспорно, крупный успех России на Дальнем Востоке, единственный и последний в царствование Николая II. Причём, он был достигнут благодаря дея-

тельности министра иностранных дел Муравьёва и поддержавшего его военного министра Ванновского.

На занятие Порт-Артура немедленно отреагировали другие державы. Англия захватила ***Вэй-ха-вей***, Франция заняла ***Кванчау***. Италия тоже потребовала ряд уступок, с которыми Китай вынужден был согласиться. Япония предъявила свои права на Корею. Занятие Манчжурии и Ляодунского полуострова вызвало в Японии возмущение и озлобление на Россию. Для того чтобы успокоить японцев и избежать с ними вооружённого столкновения, в апреле было подписано соглашение, по которому Россия признавала их доминирующее влияние в Корее. Захват китайских земель возбудил в китайском народе обострение чувства национального достоинства и ненависти к европейцам.

В результате этого в 1898 году началось *«боксёрское восстание»*, которое удалось подавить только в 1900 году при активном участии российских войск. В этой войне отличился российский генерал **Линевич**. Его войска взяли ***Пекин*** и освободили осаждённые иностранные посольства. Казалось бы, все получили свою долю добычи и должны были успокоиться. Однако не так думали в Японии. Завладев Кореей, Япония на этом не ограничилась, да и не могла ограничиться. Она повела активную политику вытеснения России из Манчжурии и подготовку к войне.

«Боксёрское восстание» в Китае, возмущение и озлобление на Россию в Японии ясно показывали, что угроза войны на Дальнем Востоке для России не была снята. В этих условиях требовалось предпринять активные меры для закрепления дипломатического успеха России. Что делалось и что нужно было сделать конкретно для закрепления Манчжурии за Россией? Размещение Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре могло напугать только слабого противника, к тому же не разбирающегося в стратегии. Дело в том, что российская Тихоокеанская эскадра в случае войны на сухопутном театре военных действий оказывалась в ловушке. С суши её блокировали сухопутные войска противника, а с моря его флот.

Следовательно, основные силы Тихоокеанской эскадры, в первую очередь её броненосные силы, должны были находиться во Владивостоке, и только часть крейсерских и миноносных сил в Порт-Артуре. Из-за опасения блокирования Порт-Артура с суши необходимо было в кратчайшие сроки развернуть и закончить строительство крепостных сооружений. Как это делалось, мы увидим ниже. Кроме этого, и это самое главное, нужно было развернуть в Манчжурии достаточное количество боеспособных соединений сухопутных войск, чтобы предотвратить блокаду Порт-Артура с суши. Как это делалось, мы тоже увидим ниже.

Нужно было подумать и о будущем Манчжурии. Строительство там железных дорог на российские деньги могло вполне пропасть даром и пропало, так как эта территория не была заселена людьми. В

этой связи уже в 1895-98 годах нужно было приступить к реализации той реформы, которую предложил **П.Столыпин** после революции 1905-07 годов. Строительство транссибирской магистрали и занятие Манчжурии прямо подталкивали эти реформы. **Но самодержавие уже неисправимо запаздывало с решением насущных проблем страны.** Более того, Николай II именно в это время увлёкся пацифистско-миротворческими химерами. Где уж тут было заниматься закреплением Манчжурии за Россией. Он настолько увлёкся этой идеей ИКС, что даже нового военного министра генерала Куропаткина направил в Европу для разъяснения своей миротворческой позиции иностранным правительствам. В результате, вся дальневосточная политика оказалась в руках Витте. Контроль над финансами позволил ему превратить эту политику в пошлейшую профанацию.

Теперь самое время рассказать, как финансовая политика Витте отразилась на боеспособности армии. Генерал Куропаткин, вступивший в исполнение обязанностей военного министра в первый день 1898 года, сразу же встретил большие трудности в получении бюджетных средств со стороны министра финансов Витте, который совершенно не считался с нуждами армии. Финансовые средства на содержание вооружённых сил тогда утверждались на 5-летний срок. Из 455 миллионов рублей, запрошенных бывшим военным министром Ванновским, необходимых на содержание вооружённых сил в 1898-1903 годах, министром финансов Витте, естественно, с согласия Николая II, было отпущено всего 160 миллионов рублей. То есть чуть больше трети необходимой суммы.

В результате, встал вопрос: что делать с армией? Было два пути. Первый – резко сократить армию. Но обстановка этого не позволяла (обязательства перед Францией). Да и армия не была такой большой, чтобы на это можно было пойти. Пошли по другому пути. Начали армию приучать к хозяйственной деятельности. То есть строительство помещений, пошив обмундирования, заготовка продовольствия стали осуществлять хозяйственным способом, *«без расходов из казны»*. Расходы от казны в основном шли на закупку вооружений и денежное содержание военнослужащих. Что же могло произойти с войсками в результате увлечения этой хозяйственной деятельностью?

На этот вопрос вполне квалифицированно отвечает А.Кресновский: *«Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и всё внимание начальников. Офицеры превращались в артельщиков и каптенармусов – некому было посещать тактические занятия. Вся служба – в частности, ротных командиров – стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приёмах, сортировках, бракованию, поверках разных отчётностей, отписке бесчисленных бумаг и бумажек... На милютинском канцелярском бумагопроизводстве привилась куропаткинская хозяйственность. Система*

"без расходов от казны" была заведена ещё при Ванновском. Куропаткин – сам ревностный и убеждённый "хозяйственник" – развил её до геркулесовых столпов... Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почётную известность в дивизии, командир полка, у которого кашу варили пятнадцатью различными способами, аттестовался "выдающимся". Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть».

Всё это выглядит довольно смешно, если бы всё это не обернулось так трагически грустно. Характеристика А.Кресновского показывает, что русская армия продолжала катиться к пропасти. При Александре I она утратила стратегический глазомер, при Александре II оперативно-стратегический глазомер, в начале царствования Николая II она начала утрачивать уже тактический глазомер. При неудовлетворительной оперативно-стратегической подготовке высшего и среднего командного состава армии утрата ещё и тактических навыков однозначно вела к катастрофе.

Насколько низким был этот уровень, опять же, красноречиво описывает А.Кресновский: *«Система больших манёвров не оставлялась... Опыт всех этих манёвров ценности не представлял и не шёл на пользу ни военачальникам, ни войскам... Обе стороны всегда бывали одинаковой силы, составлялись по одинаковому шаблону и в той же пропорции родов оружия... Посредники вели тщательный и кропотливый подсчёт батальонам – и та сторона, что успевала сосредоточить в данный момент и в данном пункте на один или два батальона больше, неизменно объявлялась победившей. Начальники проникались убеждением, что на войне всё решает количество, управление войсками сводится к арифметике, а вывод этой арифметики неизменен: "с превосходными силами в бой отнюдь не вступать"... Последние дни манёвров (как раз самые поучительные) обычно комкались, особенно когда на них присутствовал Государь. Все помыслы участников, от генерала до рядового, сводились к одному – как бы не осрамиться на царском смотру, и силы войск сберегались не для нанесения заключительного решающего удара, а для отчётливого прохождения церемониальным маршем».*

К сожалению, этот трагически грустный опыт наши вооружённые силы повторили, но уже в советский период, когда в 60-80 годах XX века также вынуждены были заниматься хозяйственной деятельностью и опять упустили подготовку командного состава. К чему это привело. Наглядным примером служат Афганистан и две чеченские кампании. Ситуация с флотом была не лучше. Выше мы уже говорили, что преимущественное развитие получили броненосные силы в ущерб крейсерским, миноносным и силам береговой обороны. Но и этим броненосцам, которых было построено около двадцати, ума дать так и не смогли. Броненосцы были сильны своей артиллерией главного калибра. Поэтому точная стрельба на большие дальности должна

была составлять основу боевой подготовки броненосцев. Однако не так думали вершители судеб императорского флота.

Вот что по этому поводу пишет в своей статье *«Уроки морской войны»* современник и участник войны с Японией **Л.Ф.Добротворский**, командовавший в Цусимском сражении крейсером ***«Олег»***: *«Как известно, в наших морских и сухопутных сражениях с японцами нам часто по необходимости приходилось вести артиллерийский бой на таких громадных расстояниях, для которых у нас не были приспособлены снаряды, и поэтому мы не имели никакой физической возможности видеть, что они делают: попадают или не попадают, долетают или не долетают, берут ли правее или левее неприятеля, а, следовательно, нам не по чему было исправить наводку своих орудий. В этих случаях мы стреляли, как слепые, наугад, и потому очень подходили к тем условиям, когда упражняющемуся в стрельбе из ружья никогда не показывают махальные ни направление его пуль, ни номера, куда они попадают, ни самого щита. Что он будет знать о своей стрельбе? Ровно ничего, хотя бы палил всю жизнь!..»*

До чего плохо обстояло дело, говорит тот факт, что орудия, имевшие возможности вести огонь на дальности свыше 15 вёрст, имели таблицы для стрельбы и дальномеры, обеспечивающие эту стрельбу на дальности не более 5 вёрст. И опять слово Л.Добротворскому: *«Для нас, мало думающих, плохо работающих в своём деле и с полным недоверием относящихся к новым изобретениям, всегда приятнее предполагать, что наше дело закончено, что мы пользуемся последними плодами его, но не так рассуждают другие...*

Когда нашим светилам говорили, что японцы стреляют с 12 вёрст, то они, смеясь, отвечали: "Пусть себе валяют хоть с 15 вёрст, мешать им не будем; пусть себе глупят, это только нам на руку: снаряды-то без толку расстреляют, а тут мы их и доймём".

По наивности мы думали, что они только постреляют и попугают нас некоторое время с 12 вёрст, а, в конце концов, подойдут же для настоящего решения боя на узаконенное наукой расстояние и тут жестоко поплатятся от наших многочисленных крупных пушек и жестоких бронебойных снарядов с магнитными наконечниками и затяжными трубками, специально выдуманными для разворачивания всякой брони...

Между тем чего же проще: снаряд несётся с невероятной быстротой 15 и более вёрст, а пользуются им для нанесения вреда неприятелю всего до 5 вёрст. Зачем же прощать этот промежуток в 10 вёрст? Японцы и не простили!...

Долго они работали над своей выдумкой (не менее восьми лет) и, наконец, придумали такой снаряд-мину, такую дальнобойную чувствительную гранату, которая, во-первых, благодаря большому количеству сильно взрывчатого вещества (шимозе) одинакова страшна на всех своих расстояниях от нуля до предела, и, во-вто-

рых, она изображает из себя махальных в тире, потому что при взрыве даёт массу густого дыма разного цвета, почему удобна для пристрелки на любых расстояниях из разного сорта орудий или разного сорта судов: броненосцев, бронированных крейсеров, лёгких крейсеров и т.п.»

К этому нужно добавить, что японцы применили ещё ряд изобретений и способов использования кораблей и орудий, которые как раз и обеспечили им превосходство на море над флотом России. Так что обладавшие значительным превосходством в броненосцах 1-я и 2-я Тихоокеанские эскадры оказались беспомощными в борьбе с японским флотом. Ещё хуже шли дела с оборудованием дальневосточного театра военных действий, в первую очередь со строительством крепостных сооружений Порт-Артура. Когда строитель Порт-Артурской крепости инженер-полковник **Величко** представил смету на строительство сооружений, рассчитанных на защиту от снарядов 11-дюймового калибра, то Витте сократил эту смету в два раза и распорядился ограничиться строительством сооружений, рассчитанных на защиту от 6-дюймовых снарядов. Но и это ещё не всё. Порт-Артурские крепостные сооружения из-за постоянной задержки финансирования так и остались недостроенными, что, естественно, крайне отрицательно сказалось во время войны.

Возникает, естественно, вопрос: куда пошли деньги, недоданные армии? На арендуемом полуострове Витте решил построить коммерческий порт. Этот порт наносил явный ущерб Владивостоку и его порту. Но эта тема другого разговора. Был построен город ***Дальний***, который многие офицеры с большой долей основания называли *Лишним*. Витте же смотрел на это строительство как на вопрос личного престижа и не жалел средств. В Дальнем он даже предусмотрел построить монументальную лютеранскую кирху на случай, если в построенный им порт станут заходить германские или скандинавские корабли. В то же время никаких оборонительных сооружений там не строилось. Этот порт очень легко можно было захватить небольшими силами, чем, собственно, и воспользовались японцы. Таким образом, Дальний и его ангел Витте убили Порт-Артур.

Чем руководствовался Витте, когда ограничивал армию в средствах и строил город Дальний? Некоторые высказывают мысль, что он был германофилом и, якобы, старался для немцев. Скорее всего, германофильство Витте было показным, чтобы быть в авторитете у Николая II. В действительности он работал на других хозяев. Через Е.Блаватскую, о которой мы говорили выше, он наверняка был связан с еврейско-масонскими центрами США и Англии. Именно для них он ускоренными темпами на российские деньги строил порт Дальний и железные дороги на юге Манчжурии. В то же время сознательно ослаблял армию, чтобы она не смогла всё построенное защитить.

В результате деятельности этого *«выдающегося»* прохвоста Россия потеряла несколько десятков тысяч солдат, целый флот, 3 миллиарда рублей золотом, утратила великодержавный престиж и была ввергнута в тяжелейшие внутренние потрясения. Не лучше выглядит в этой связи и Николай II, без согласия которого этот *«выдающийся»* прохвост вряд ли что мог сделать. И если Витте всё это делал сознательно, то Николай II по своей собственной глупости. И этого прохвоста Изместьев возвёл в ранг великого государственного деятеля России. Хорош историк, претендующий на право писать правду о России!..

Так дела обстояли незадолго до войны с Японией. И они показывали, что ни армия, ни флот к серьёзной войне не были готовы. В ноябре 1901 года в Петербург для переговоров приехал видный японский государственный деятель маркиз Ито. По существу, он предложил России мягкий ультиматум. В переданном им документе содержались следующие требования: Россия должна уступить Японии полное влияние в Корее; Япония признаёт занятие Россией Ляодунского полуострова и сооружение железной дороги до Порт-Артура; Россия обязуется вывести свои войска из Манчжурии, оставив лишь часть, необходимую для охраны железной дороги; в Манчжурии вводится политика открытых дверей.

Эти требования ясно показывали, что Япония уже настроилась на силовое решение проблемы и будет всеми средствами добиваться вытеснения России из Манчжурии. И тут-то Николай II заметался. Боязнь войны не позволила ему дать решительный ответ. Переговоры затянулись, и Ито уехал. Вслед ему были отправлены контрпредложения, которые Япония, естественно, оставила без ответа. В свою очередь она уже заключила союз с Англией, заручилась поддержкой США и развернула широкомасштабную подготовку к войне. Николаю II нужно было срочно принимать серьёзные меры по увеличению численности своих войск в Манчжурии. Однако в этом плане опять ничего существенного сделано не было.

Прошло два года, обстановка продолжала накаляться. В 1903 году Николай II направил в Японию с визитом военного министра **Куропаткина** и учредил на Дальнем Востоке наместничество, во главе которого поставил адмирала **Алексеева**. Такой шаг означал одно, что Николай II решил припугнуть японцев, используя, в основном, силы Тихоокеанской эскадры. Куропаткин, побывавший на манёврах японской армии, никакой серьёзной опасности со стороны Японии не обнаружил. Поэтому при выделении финансовых средств, испрошенных им на пять лет с 1904 по 1909 годы в 160 миллионов рублей, Дальнему Востоку выделялось всего 7 миллионов.

В середине 1903 года на Дальнем Востоке находилось около 75 тысяч солдат и офицеров. Из них значительная часть отвлекалась на несение полицейской службы, так как жандармов и полицейских ката-

строфически не хватало. В Российской Империи было всего лишь 10 тысяч жандармов, тогда как во Франции, уступавшей России в численности населения почти в 4 раза, было 36 тысяч жандармов. В этой связи в Манчжурии в составе Заамурского округа пограничной стражи и III Сибирского корпуса было развёрнуто всего 32 тысячи человек. И это в то время, когда армия вторжения Японии уже была доведена до 150 тысяч человек. После мобилизации японская армия могла иметь более 500 тысяч человек. И хотя в январе 1904 года на Дальнем Востоке уже было сосредоточено 90 тысяч человек при 184 орудиях, это не могло серьёзно изменить ситуации. Время для сосредоточения войск было упущено.

При посредственной боеспособности этих войск избежать катастрофы было просто невозможно. Но даже эти мизерные действия, которые предпринимал Николай II, встречали со стороны Витте яростное сопротивление. Это явилось поводом для его отставки. Однако прохвост уже сделал своё дело и мог спокойно уйти. И всё-таки Николай II назначил его на пост председателя комитета министров. Хрен редьки не слаще. В это время подготовка Японии к войне с Россией была закончена. 31 декабря 1903 года Япония потребовала вывода русских войск из Манчжурии. Николай II не счёл нужным даже ответить. Тогда японское правительство 24 января 1904 года известило его о разрыве дипломатических отношений.

Получив известие о разрыве дипломатических отношений с Японией, адмирал Алексеев попросил у Николая II разрешения на проведение мобилизации и введение военного положения. На это ему ответили *«насколько возможно, продолжать обмен мнениями с токийским кабинетом»*. На следующий день министр иностранных дел граф **Ламздорф** телеграфировал наместнику, что *«разрыв дипломатических сношений с Японией отнюдь не означает войны...»* Но японцы смотрели на это иначе. Они оборвали дипломатические отношения с совершенно очевидной целью: начать боевые действия.

В ночь с 26 на 27 января 1904 года японские миноносцы атаковали нашу эскадру на порт-артурском рейде. В это время Тихоокеанская эскадра была разделена. Большая её часть находилась в Порт-Артуре и имела в своём составе 7 броненосцев, 4 крейсера, 7 лёгких крейсеров, 25 миноносцев и других судов. Эта часть могла базироваться только на Порт-Артур, который имел узкий вход на внутренний рейд. Корабли могли проходить только по одному. К тому же он был мелким. Корабли могли выходить только во время прилива. Всё это облегчало противнику планирование боевых действий. К тому же портовые сооружения и доки не были достроены, вследствие чего ремонтировать корабли было невозможно.

Эти особенности рейда и готовность портовых сооружений ясно показывали, что размещение в Порт-Артуре броненосцев и тяжёлых крейсеров было нецелесообразно. Однако никому до этого не было дела. Силы, базировавшиеся во Владивостоке, какой-либо помощи

оказать не могли из-за удалённости Порт-Артура. Японцам была предоставлена возможность бить Тихоокеанскую эскадру, а затем весь российский флот по частям. Для этого японцы имели 6 броненосцев, 8 крейсеров и большее, чем в Порт-Артуре количество миноносцев и вспомогательных судов. К тому же у них имелась разветвлённая система базирования.

Атака японских миноносцев привела к потере 2 броненосцев и 1 крейсера. В тот же день 27 января японский флот в порту ***Чемульпо*** атаковал крейсер **«Варяг»** и канонёрку **«Кореец»**, которые приняли бой и героически погибли. Этими успешными действиями японцы обеспечили себе превосходство на море и блокировали российскую эскадру в Порт-Артуре. Пробуждение Николая II от своих пацифистско-миротворческих, химерических идей было тяжёлым. Очнувшись, правящие круги России растерянно оглядывались на враждебный им мир. Малочисленные друзья смущённо молчали. Зато многочисленные враги не скрывали своей радости, ненависти и злорадства.

Причём эта ненависть и злорадство охватили уже значительную часть общественности России, славшей поздравительные телеграммы японским адмиралам. Было бы удивительно, если бы было наоборот, так как этой общественностью уже руководили международные еврейско-масонские круги, бросившие огромные деньги на раскручивание оппозиционных и революционных настроений в России. Среди них первое место занимал американский еврейско-масонский центр Я.Шиффа, затративший в целом на революцию в России около 20 миллионов долларов. Однако всем известно, кто платит, тот и заказывает музыку. А так как следом за поражением на море последовали одно за другим поражения на суше и ещё раз на море, то музыка революции не преминула разыграться в самой России.

Так что никакой героизм русских солдат, матросов и офицеров, проявленный в боях за Порт-Артур и в ходе сражений на море, не мог спасти Россию от поражения, коль военно-политическая стратегия Николая II оказалась абсолютно несостоятельной, а оперативно-стратегическое руководство вооружёнными силами абсолютно порочным. Следует только сказать, что без этого героического сопротивления катастрофа была бы более ужасной. А поэтому мы должны всегда вспоминать с благодарностью героев той войны. Первым из них, конечно же, является генерал **Кондратенко**. За ним идут **Горбатовский, Ирман, Шварц, Григорович, Эссен, Церлицкий, Зарубаев, Юденич, Лечицкий, Леш, Колчак** и тысячи других офицеров и солдат, которые с честью исполнили свой воинский долг. Именно их умение, упорство и героизм предотвратили агрессию Японии в Приморье и до озера Байкал.

Русско-японская война во многом схожа с Афганистаном 1979-89 годов, когда М.Горбачёв, увлёкшись химерическими пацифистско-обще-

строфически не хватало. В Российской Империи было всего лишь 10 тысяч жандармов, тогда как во Франции, уступавшей России в численности населения почти в 4 раза, было 36 тысяч жандармов. В этой связи в Манчжурии в составе Заамурского округа пограничной стражи и III Сибирского корпуса было развёрнуто всего 32 тысячи человек. И это в то время, когда армия вторжения Японии уже была доведена до 150 тысяч человек. После мобилизации японская армия могла иметь более 500 тысяч человек. И хотя в январе 1904 года на Дальнем Востоке уже было сосредоточено 90 тысяч человек при 184 орудиях, это не могло серьёзно изменить ситуации. Время для сосредоточения войск было упущено.

При посредственной боеспособности этих войск избежать катастрофы было просто невозможно. Но даже эти мизерные действия, которые предпринимал Николай II, встречали со стороны Витте яростное сопротивление. Это явилось поводом для его отставки. Однако прохвост уже сделал своё дело и мог спокойно уйти. И всё-таки Николай II назначил его на пост председателя комитета министров. Хрен редьки не слаще. В это время подготовка Японии к войне с Россией была закончена. 31 декабря 1903 года Япония потребовала вывода русских войск из Манчжурии. Николай II не счёл нужным даже ответить. Тогда японское правительство 24 января 1904 года известило его о разрыве дипломатических отношений.

Получив известие о разрыве дипломатических отношений с Японией, адмирал Алексеев попросил у Николая II разрешения на проведение мобилизации и введение военного положения. На это ему ответили *«насколько возможно, продолжать обмен мнениями с токийским кабинетом»*. На следующий день министр иностранных дел граф **Ламздорф** телеграфировал наместнику, что *«разрыв дипломатических сношений с Японией отнюдь не означает войны...»* Но японцы смотрели на это иначе. Они оборвали дипломатические отношения с совершенно очевидной целью: начать боевые действия.

В ночь с 26 на 27 января 1904 года японские миноносцы атаковали нашу эскадру на порт-артурском рейде. В это время Тихоокеанская эскадра была разделена. Большая её часть находилась в Порт-Артуре и имела в своём составе 7 броненосцев, 4 крейсера, 7 лёгких крейсеров, 25 миноносцев и других судов. Эта часть могла базироваться только на Порт-Артур, который имел узкий вход на внутренний рейд. Корабли могли проходить только по одному. К тому же он был мелким. Корабли могли выходить только во время прилива. Всё это облегчало противнику планирование боевых действий. К тому же портовые сооружения и доки не были достроены, вследствие чего ремонтировать корабли было невозможно.

Эти особенности рейда и готовность портовых сооружений ясно показывали, что размещение в Порт-Артуре броненосцев и тяжёлых крейсеров было нецелесообразно. Однако никому до этого не было дела. Силы, базировавшиеся во Владивостоке, какой-либо помощи

оказать не могли из-за удалённости Порт-Артура. Японцам была предоставлена возможность бить Тихоокеанскую эскадру, а затем весь российский флот по частям. Для этого японцы имели 6 броненосцев, 8 крейсеров и большее, чем в Порт-Артуре количество миноносцев и вспомогательных судов. К тому же у них имелась разветвлённая система базирования.

Атака японских миноносцев привела к потере 2 броненосцев и 1 крейсера. В тот же день 27 января японский флот в порту ***Чемульпо*** атаковал крейсер **«Варяг»** и канонёрку **«Кореец»**, которые приняли бой и героически погибли. Этими успешными действиями японцы обеспечили себе превосходство на море и блокировали российскую эскадру в Порт-Артуре. Пробуждение Николая II от своих пацифистско-миротворческих, химерических идей было тяжёлым. Очнувшись, правящие круги России растерянно оглядывались на враждебный им мир. Малочисленные друзья смущённо молчали. Зато многочисленные враги не скрывали своей радости, ненависти и злорадства.

Причём эта ненависть и злорадство охватили уже значительную часть общественности России, славшей поздравительные телеграммы японским адмиралам. Было бы удивительно, если бы было наоборот, так как этой общественностью уже руководили международные еврейско-масонские круги, бросившие огромные деньги на раскручивание оппозиционных и революционных настроений в России. Среди них первое место занимал американский еврейско-масонский центр Я.Шиффа, затративший в целом на революцию в России около 20 миллионов долларов. Однако всем известно, кто платит, тот и заказывает музыку. А так как следом за поражением на море последовали одно за другим поражения на суше и ещё раз на море, то музыка революции не преминула разыграться в самой России.

Так что никакой героизм русских солдат, матросов и офицеров, проявленный в боях за Порт-Артур и в ходе сражений на море, не мог спасти Россию от поражения, коль военно-политическая стратегия Николая II оказалась абсолютно несостоятельной, а оперативно-стратегическое руководство вооружёнными силами абсолютно порочным. Следует только сказать, что без этого героического сопротивления катастрофа была бы более ужасной. А поэтому мы должны всегда вспоминать с благодарностью героев той войны. Первым из них, конечно же, является генерал **Кондратенко**. За ним идут **Горбатовский, Ирман, Шварц, Григорович, Эссен, Церпицкий, Зарубаев, Юденич, Лечицкий, Леш, Колчак** и тысячи других офицеров и солдат, которые с честью исполнили свой воинский долг. Именно их умение, упорство и героизм предотвратили агрессию Японии в Приморье и до озера Байкал.

Русско-японская война во многом схожа с Афганистаном 1979-89 годов, когда М.Горбачёв, увлёкшись химерическими пацифистско-обще-

человеческими ценностями, сдал Афганистан и развалил СССР. Здесь только нужно иметь в виду, что Николай II в своё время чуть не развалил страну по глупости, а М.Горбачёв действовал сознательно.

Начавшаяся революция в России перепугала Николая II и заставила его спешно искать мира, тем более, что скорой победы над Японией не предполагалось. Возглавлявший тогда Совет обороны России великий князь Николай Николаевич (Младший) полагал, чтобы оттеснить японцев за реку Ялу, необходимо не менее года и 200-250 тысяч человек подкреплений. Однако этой победы не желали еврейско-масонские круги США, которые решили упредить наступление российских войск и предложили в конце июня 1905 года своё посредничество при заключении мира в лице президента США **Теодора Рузвельта**.

Николай II согласился на это посредничество, поставив во главе делегации Витте, не без оснований полагая, что ему удастся быстро заключить мир. Американские круги понимали, коль Россия прислала делегацию, да ещё с известным им Витте, значит, она согласится на любые условия. Сложнее было с Японией, которая жаждала приобретений, а это уже затрагивало интересы США. Поэтому Теодор Рузвельт начал оказывать давление на японцев и заставил их пойти на уступки. Всю эту ситуацию Витте позднее обратил в свою реабилитацию, заявив, что именно он настроил Т.Рузвельта против японцев. Так что прохвост оставался прохвостом и на посту дипломата.

16 августа 1905 года в ***Портсмуте*** (США) был заключён мир между Россией и Японией на следующих условиях: обе стороны выводят свои войска из Манчжурии; Россия признаёт Корею сферой японского влияния; Россия уступает Японии аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дорогой до станции Чань-Чунь и южную часть (до 50 параллели) Сахалина; Россия предоставляет Японии право рыболовства вдоль российских берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Кроме того, Россия уплачивает Японии стоимость содержания русских пленных. После обнародования этих условий мира в Японии японцы вывесили чёрные флаги и даже начались волнения. Это показывает, насколько далеко простирались аппетиты японского капитала и военных кругов.

В то же время в России за заключение этого позорного мира Витте был пожалован Николаем II графским титулом, а русская *«передовая»* общественность кинулась в революцию, только по другому поводу. Повод этот состоял в следующем. Витте, будучи в США, занимался не столько переговорами, сколько получал инструктаж от того же Я.Шиффа, который распорядился передать Николаю II, что если последний не предоставит полные права евреям в России, то революция станет неизбежной. Полные права евреев в России означали уравнение их в правах с «первенствующим» сословием – *дворянством*. Вот за эти права евреев и билась российская «передовая» обще-

ственность в революцию 1905-07 годов, которую по недоразумению или злому умыслу официальные историки называют *первой русской революцией*.

Естественно, там же был оговорён план предоставления этих прав. Возвратившись из США, Витте 9 октября подал Николаю II записку, в которой изложил план успокоения страны, а 13 октября он был назначен председателем совета министров и приступил к реализации этого плана. 17 октября Николай II утвердил записку Витте и подписал подготовленный им Манифест, в котором объявлялись незыблемые основы гражданской свободы: **а)** свобода совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности и жилища; **б)** право участия в Государственной Думе представителей всех классов; **в)** Государственной Думе предоставлены законодательные права и право надзора за законностью действий правительства.

Но этот манифест не успокоил общественность, так как она уже рвалась к власти. Он лишь подлил масла в огонь. Собственно, на это и рассчитывали его составители. Революционные выступления продолжали шириться. Витте бездействовал. Тогда министр внутренних дел **П.Дурново** обратился непосредственно к Николаю II и заявил, что ждать больше нельзя. Николай II распорядился начать активные действия по подавлению революции. В ноябре начались активные действия силовых структур по подавлению революционных организаций и волнений в городах и сельской местности. Революционные выступления пошли на убыль. Однако действия власти во многих случаях блокировались Витте.

Более того, он продолжал способствовать революционному движению посредством издания ряда очень важных указов и законов. 22 октября 1905 года была восстановлена финляндская Конституция. С этого момента Финляндия стала оплотом революционеров в борьбе с самодержавием, который находился вблизи от столицы России. 27 ноября 1905 года были изданы *«Временные правила о печати»*, отменяющие предварительную цензуру и право налагать административные взыскания на органы периодической печати; ответственность *«за преступные деяния, учинённые посредством печати»* определялась теперь *«в порядке судебном»*.

2 декабря 1905 года был издан Указ о ненаказуемости забастовок *«в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение»*.

4 марта 1906 года принимаются временные Правила об обществах и союзах; они должны были создаваться *«без испрошения на то разрешения правительственной власти»*, но обязаны зарегистрироваться и представить устав местной администрации. В тот же день были изданы временные правила о публичных собраниях. Они должны были устраиваться с ведома и под надзором полиции, которую, естественно, никто извещать не хотел.

8 марта 1906 года были изданы Правила о порядке рассмотрения законодательными учреждениями государственного бюджета.

23 апреля были изданы «Основные Государственные Законы».

Даже Николаю II стало ясно, что оставлять Витте дальше на посту председателя совета министров дело опасное. 24 апреля 1906 года Витте был заменён **Горемыкиным**. Вместо Дурново был назначен саратовский губернатор **П.Столыпин**. Издание Манифеста 17 октября 1905 года и учреждение Государственной Думы в стране, где большинство политических партий было оппозиционно к самодержавию, ничего хорошего принести не могло. 27 апреля 1906 года Николай II торжественно открыл первое заседание Государственной Думы. Естественно, оппозиционное большинство выставило такие требования, которые не могли быть приняты правительством.

В частности, требовали, чтобы: министерства были ответственными перед Государственной Думой; упразднён Государственный Совет; предоставлена амнистия всем осуждённым за политические преступления; обеспечено принудительное отчуждение всех частнособственнических земель. Когда правительство на эти требования ответило отказом, Государственная Дума потребовала его отставки. Депутат **Набоков** при этом даже заявил: *«Исполнительная власть да покорится законодательной»*. С этого времени и началась «война» Государственной Думы с правительством. 8 июля 1906 года правительство распустило Государственную Думу первого созыва и назначило новые выборы.

С роспуском Государственной Думы Николай II на пост премьер-министра вместо Горемыкина назначил П.Столыпина с сохранением за ним поста министра внутренних дел. В это время 180 членов распущенной Государственной Думы собрались в Выборге (Финляндия) и обратились к населению с воззванием, в котором призывали не платить податей и не давать в армию новобранцев. Так благодаря Витте Финляндия превратилась в опору революционного движения. В результате, вновь начались бунты в Свеаборге, Кронштадте и на крейсере **«Память Азова»**. Была организована попытка провести всеобщую забастовку в Москве. Широкий размах принял революционный террор. В прошедшие два года военные мятежи, убийства должностных лиц и полицейских чинов, нападения и ограбления происходили почти беспрерывно.

При вступлении на пост председателя совета министров П.Столыпин изложил программу действий правительства, которая сводилась к следующему: *«...напряжением всей силы государственной идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой свободе»*. В этой связи предполагалось реализовать следующие мероприятия и принять законодательные акты:

1. О землепользовании и землеустройстве.

2. О замене временных правил о собраниях, союзах и печати постоянными законоположениями.

3. О свободе вероисповедания.

4. О неприкосновенности личности и гражданском равноправии.

5. Об улучшении быта рабочих и их государственном страховании.

6. О реформе местного самоуправления.

7. О введении земского самоуправления в Прибалтике, а также в Северо- и Юго-Западном крае.

8. О введении земского и городского самоуправления в губерниях Царства Польского.

9. О преобразовании местных судов.

10. О реформах средней и высшей школы.

11. О подоходном налоге.

12. О полицейской реформе, направленной на объединение полиции и жандармерии.

13. О мерах исключительной охраны государственного порядка и общественного спокойствия.

14. О созыве всероссийского поместного церковного собора.

15. О противодействии революционной и, прежде всего, террористической деятельности.

16. О снятии ограничений с евреев, так как эти ограничения использовались самым могущественным американским еврейским центром для антирусской и революционной пропаганды.

Если внимательно всмотреться в эти меры, то обнаружится, что они неоднозначны и противоречивы, а поэтому оказались недостаточно эффективными, чтобы навести порядок в стране. Обращает на себя внимание та оглядка на еврейско-масонское общественное мнение, которая ничего хорошего стране не несла. Здесь довлела прежняя практика: а что о нас скажут в Европе? И хотя были приняты жёсткие меры по подавлению революционеров и террористов, они почти не изменили общественного мнения в России. 25 августа 1906 года были учреждены военно-полевые суды, по приговорам которых в 1906 году было казнено 683 террориста. В то время как они сами убили 768 и ранили 820 представителей власти.

20 февраля 1907 года состоялось первое заседание Государственной Думы второго созыва. В её составе было 65 – социал-демократов, 34 – эсера, 101 – трудовик, 14 – народных социалистов, 92 – кадета, 31 – мусульманин, 47 – поляков, 17 – казаков, 32 – октябриста и умеренных, 22 – правых, 50 – беспартийных. Состав этой Государственной Думы ясно показывал, что сторонников власти почти не было. **Таким образом, самодержавие упустило самый главный вопрос, а именно вопрос партийного строительства, в то время как предпосылки для образования проправительственных партий были.** В ходе революции 1905-07 годов появился и проявил себя «Союз Русского Народа», у истоков создания которого стоял даже великий русский учёный **Менделеев**.

Эта организация, при желании правительства вполне могла быть преобразована в респектабельную державную партию. Начиная крестьянскую реформу, нужно было создать крестьянскую партию. Наконец, в противовес инородцам, имевшим своё представительство, нужно было создать Русскую партию. На базе создания этих партий можно было развернуть контрнаступательную пропаганду как против внешних, так и против внутренних врагов и решительно повести дело к сплочению, прежде всего, Русского народа. Но на это самодержавие уже было неспособно. И ему пришлось отбиваться от наседавшей оппозиции. Вот тогда-то и прозвучали знаменитые слова П.Столыпина: ***«Не запугаете!»*** и ***«Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»***.

Таким образом, у самодержавия оставался один единственный рычаг – административный, которым оно ещё могло пользоваться. 3 июня 1907 года Государственная Дума второго созыва была распущена и назначены новые выборы. Был введён в действие новый избирательный закон, по которому сильно урезано представительство от окраин (Польши и Кавказа), Средняя Азия вообще была лишена представительства. Было установлено преобладание землевладельцев над другими слоями. Осенью 1907 года состоялись выборы в Государственную Думу третьего созыва. В результате, в ней оказалось: 50 – правых, 7 – умеренно-правых, 26 – националистов, 154 – октябриста, 28 – прогрессистов, 54 – кадета, 13 – трудовиков, 20 – социал-демократов, 18 – поляков и литовцев, 8 – мусульман.

Казалось, правительство добилось угодного ему большинства и на первых порах ему удалось провести ряд законов. Однако программные установки проправительственных партий вскоре вошли в противоречие с программными заявлениями П.Столыпина. Государственная Дума раскололась на два лагеря: правых и левых. И те, и другие оказались к Столыпину в оппозиции. Левые считали его консерватором и националистом. Правые либералом и конституционалистом, который идёт на уступки левым. Здесь-то как раз и сказалась неспособность самого П.Столыпина развернуть партийное строительство. Большую роль сыграла его опрометчивая инициатива пойти на послабление евреям.

К 1911 году он стал не нужен правым, так как продолжал упорствовать в своих инициативах. Левым он был не нужен и ранее. Таким образом, его уход был предрешён. Что касается его убийства, то оно, без сомнения, было организовано правыми, использовавшими охранное отделение полиции в своих целях. В свою очередь охранное отделение полиции привлекло для убийства П.Столыпина революционеров. Это убийство совершил еврей **Мордко Багров** 1 сентября 1911 года в киевском оперном театре во время его посещения Николаем II. Таким образом, ни одно из программных заявлений П.Столыпина до конца реализовано не было. Да и не могло быть реализовано, так как многие из

ших противоречили друг другу и не имели серьёзной поддержки в обществе, а организация этой поддержки была отвратительной.

Судьба П.Столыпина очень чётко показывает, что политический и государственный деятель должен правильно представлять расстановку сил в обществе и его способность воспринять те или иные реформы. А также уметь обеспечить их поддержку со стороны значительной части общества, прежде всего, созданием дееспособных политических структур. И если сравнить с современностью, то Б.Ельцин действовал примерно так же, как П.Столыпин. Он не слишком разбирался в том, что хочет большинство общества, и не утруждал себя проблемами организации поддержки этим большинством. Не случайно, что при нём раздрай в обществе достиг апогея. С его уходом было обращено внимание на объединение общества и создание пропрезидентских партий.

Однако то единство, которое существует сейчас в лице центристских партий, является скорее единством некоторых экономических и региональных кланов. Но это конъюнктурное единство, которое легко может быть разрушено при осложнении обстановки. В целом же раскол в обществе сохраняется. Это происходит потому, что базовая составляющая прочного единства – Русский народ в настоящее время выведен из политической жизни, что как раз указывает на эфемерность того единства, которое сейчас демонстрируется. И те антигосударственные силы, которые через некоторое время сделают ставку на Русский народ, очень легко смогут расколоть это единство и добиться своих далеко идущих целей, как это произошло в начале XX века.

В этой связи вполне уместно охарактеризовать в целом политику Витте и Столыпина. Здесь нужно сказать, что политика Витте была более никудышной, чем политика Столыпина. Политика самодержавия в интерпретации Витте абсолютно пренебрегала русским национальным движением, полностью капитулировала перед международными еврейско-масонскими центрами и заигрывала с революционерами. Та же политика в интерпретации Столыпина пренебрежительно относилась к Русскому национальному движению, подавляла революционеров и заигрывала с международными еврейско-масонскими центрами. В то время как национально-государственные интересы страны требовали опоры на Русское национальное движение, решительного подавления революционеров и сепаратистов, последовательного, твёрдого и настойчивого избавления от еврейско-масонского влияния в общественно-политической, образовательной и экономической областях. Как показывает исторический опыт, самодержавие на это уже не было способно.

Вследствие этого внутреннее положение России накануне Первой мировой войны было противоречивым. Экономически страна успешно развивалась. С 1904 по 1913 годы протяжённость железных дорог увеличилась с 60 тысяч до 70 тысяч вёрст. Выплавка чугуна со 152

млн. пудов до 283 млн. пудов. Добыча каменного угля с 798 млн. пудов до 2 млрд. пудов. Оборот внешней торговли с 1 683 млн. рублей до 2 894 млн. рублей. Экспорт хлеба составил 750 млн. пудов. Численность рабочих выросла с 2 млн. человек до 5 млн. человек. Государственный бюджет составил 3 млрд. рублей. Вклады населения в сберегательные кассы за 20 лет выросли с 300 млн. рублей до 2 млрд. рублей. Интенсивно развивалась потребительская и кредитная кооперация. Было создано около 22 тысяч кооперативов, большая часть из которых были сельскими, облегчавшими крестьянам возможность приобретения машин и сбыта своей продукции. Энергичную деятельность развернул Союз сибирских маслобойных артелей, вывозивших масло за рубеж. Большое развитие получило народное образование. За десятилетие расходы на образование были увеличены в 3,5 раза.

Однако в социальном плане дела обстояли иначе. Общество было расколото на правых и левых. Пропасть между ними продолжала расти. В 1908-10 годах прокатилась волна студенческих забастовок. В апреле 1912 года случился расстрел бастовавших рабочих Ленских золотых приисков. Было убито около 200 и ранено свыше 200 человек. Этот расстрел вызвал новый подъём революционных настроений. В 1912 году приступила к работе Государственная Дума четвёртого созыва. Она оказалась более оппозиционной, чем прежняя. Октябристы, получившие 98 мест, теперь тоже были склонны к оппозиции. Так что Россия стояла в 1913 году не только на пороге первой мировой войны, но и на пороге новых потрясений.

А что же Николай II?.. Самодержец Всероссийский вновь погрузился в религиозный мистицизм. Теперь рядом с ним появился **Г.Распутин**. Этого проходимца, обладавшего некоторыми способностями лечить людей, протолкнула к трону всё та же еврейско-масонская мафия. Распутин был найден широко известным в то время в масонских кругах евреем **Винавером**, который представил Распутина великому князю Николаю Николаевичу. После того, как Распутина приняли при дворе, к нему был приставлен секретарь – еврей **Аарон Симанович**[1]. Симановичу в планировании деятельности Распутина помогала целая группа советников: **Мозес, Манусевич-Мануйлов, Гинзбург** и **Рубинштейн** – банкир по кличке «Митя». Они-то и превратили Николая II и его жену в ходе Первой мировой войны в посмешище всей России. Распутин у престола нужен был этой группе для того, чтобы Николай II не мог опереться на людей подобных Столыпину или ещё более решительных и способных.

---

1. Любопытно, что потомок Аарона Симановича – **Симанович Леонид Донатович** – возглавляет ныне «Союз Православных Братств» и «Союз Православных Хоругвеносцев». А его соратник **Штильмарк Аарон Робертович** является ныне лидером монархической группировки «Чёрная Сотня»... Но это, в принципе, нисколько не удивительно. Ведь в христианстве «нет ни эллина, ни иудея»...

Не лучше дело обстояло и во внешней политике. В период, последовавший за русско-японской войной, внешнеполитическое бессилие России было полным. Под влиянием этого бессилия изменился характер франко-российского союза. До войны с Японией это был договор равных. Теперь же Франция стала доминировать в этом союзе. Помогли этому и французские займы. Начальники французского генерального Штаба стали отдавать русским коллегам приказания, только из вежливости называя их *«пожеланиями»*. Добившись совместно с США поражения России в войне против Японии, Англия переменила своё отношение. На это её толкала растущая военная мощь Германии, в частности, принятие ею большой кораблестроительной программы. Всё это походило на то, что Германия серьёзно решила вырвать из рук Британии трезубец Нептуна. В этой связи заручиться русским пушечным мясом было очень даже необходимо. В 1907 году по инициативе **Эдуарда VII** состоялось зачатие англо-франко-российского согласия.Вильгельм II не без оснований увидел в этом *«политику окружения Германии»*. В поисках путей выхода из неё он начал склоняться к предупредительной войне, пока Россия ещё не окрепла от потрясений и пока ещё можно было положиться на австрийского союзника. Германия начала активно подталкивать Австро-Венгрию к аннексии Боснии и Герцеговины. Министр иностранных дел России **Извольский** летом 1908 года находился в Австрии на отдыхе. Во время развлечений у него состоялся разговор с министром иностранных дел Австро-Венгрии **Эренталем**, который намекнул Извольскому о решимости аннексировать Боснию и Герцеговину. Этот намёк недалёкий Извольский пропустил мимо ушей. В результате, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, тем самым нарушив *Берлинский трактат*.

Для России такой шаг Австро-Венгрии свалился, как снег на голову. Действия Австро-Венгрии вызвали сильное возмущение также в Сербии. В это же время началось оживление объединительных славянских настроений на Балканах, в Росси и даже в славянских областях Австро-Венгрии. В 1908 году в Софии и в 1910 году в Праге собирались общеславянские конгрессы. Этими настроениями вполне можно было воспользоваться. К тому же после замены Извольского на **Сазонова**, который направлял внешнюю политику на то, *«чтобы в Лондоне оставались нами довольны»*, всё же удалось, не без помощи того же Лондона, пойти на сближение с Японией. Это сближение завершилось подписанием с ней в 1910 году соглашения, по которому Россия сохраняла свой контроль над Северной Манчжурией, а Япония получала свободу рук в Корее и Южной Манчжурии.

Теперь можно было не опасаться за безопасность дальневосточных границ и более решительно действовать на западе против Австро-Венгрии и Турции. Однако боязнь войны в высших кругах была столь велика, что даже требование председателя совета обороны

великого князя Николая Николаевича об осуществлении похода на Константинополь было отвергнуто. Военный министр генерал **Редигер** тогда заявил, что воевать Россия совершенно не в состоянии. Это была неправда. Не были готовы морально и организационно к войне высшие круги, а не страна. В стране как раз наблюдался патриотический подъём, как перед войной с Турцией 1877-78 годах.

Здесь следует сказать, что военный министр такие заявления делать не имеет права. Он должен уметь использовать те возможности, которые имеет страна в данный конкретный момент, если для успешной войны представляется удобный случай или если противник упредил в наступлении и приходится вынужденно отражать агрессию. Следовательно, подобного рода заявления обнаруживают, прежде всего, некомпетентность высшего военно-политического руководства, которое за такими заявлениями скрывает свою некомпетентность и безынициативность. Причём очень часто под этим понятием просматривается всего лишь незавершённость тех или иных мероприятий военного строительства, которые всегда были, есть и будут. Вот эти моменты как раз и дают повод **посредственностям** в военно-политической стратегии и оперативно-стратегических вопросах находить оправдание тем катастрофам, к которым приводят их некомпетентность и нерешительность.

К тому же в лучшую сторону удалось изменить ситуацию на Балканах. Летом 1912 года при активном участии российской дипломатии в Петербурге удалось заключить союз балканских государств: Сербии, Болгарии, Греции и Черногории под покровительством Николая II. Целью этого союза было освобождение от турецкого господства Старой Сербии, Македонии, Фракии и Эпира. Разгром Турции и усиление балканских славянских государств должны были предотвратить дальнейшие австро-германские происки на Балканах. Однако в Петербурге не до конца отдавали себе отчёт в том, что без России этот союз не мог быть прочным в силу крайней заинтересованности Австро-Венгрии и Германии в Турции. Более того, невмешательство России в предстоящую войну грозило оголить тылы Сербии со стороны Австро-Венгрии. Всё показывало, что России необходимо было принять активное участие в этой войне. Занятием Румынии устанавливалась связь с Сербией и предотвращался вполне возможный удар со стороны Австро-Венгрии. В то же время разгром Турции позволял, наконец-то, овладеть Босфором и Дарданеллами. Однако успехами собственной дипломатии, и выгодно сложившейся обстановкой так и не воспользовались.

В октябре 1912 года на Балканах разразилась война. Сербская армия во главе с престолонаследником **Александром** разгромила турецкую армию у ***Куманова*** и добила её у ***Битоля***. Кампания была закончена в две недели. Несмотря на победы генерала **Радко-Дмириева** под ***Лозенградом*** и ***Люле-Бургасом***, болгары были остановлены

у ***Адрианополя***. Здесь их выручили сербы. В это время греки взяли ***Салоники***, черногорцы осадили ***Скутари*** и Турция запросила мира. Однако единство балканских государств, как и следовало ожидать, оказалось недолгим. При отсутствии серьёзного влияния России на политику балканских стран в вопросе их территориальных притязаний Австро-Венгрии и Германии удалось перессорить их между собой. Николай II предложил своё посредничество, но Болгария отвергла его в резкой форме. И вновь Николай II не решился прибегнуть к силе. А ведь стоило пригрозить Болгарии посылкой флота к её берегам, и Болгария бы согласилась.

В результате, в 1913 году разразилась *Вторая балканская война*. На стороне Сербии и Греции выступила Румыния. В ходе войны к ним присоединилась Турция. Болгария потерпела поражение и потеряла северо-восточную часть Болгарии с Силистрией, отошедшую к Румынии, а также Фракию с Адрианополем, отошедшую вновь к Турции. Бывшие союзники превратились в заклятых врагов и всё из-за того, что военно-политическое руководство России не смогло обеспечить контроль над своими потенциальными союзниками. С этого времени Сербия оказалась в окружении врагов, что имело огромное значение для последующего развития событий, так как подхлестнуло агрессивные устремления Австро-Венгрии и Германии. Их движению на восток через Болгарию и Турцию теперь мешала лишь одна Сербия. Таким образом, дверь для начала большой войны была распахнута не без содействия бездарной военно-политической стратегии Николая II. Из всего этого следует тот вывод, что военно-политическая стратегия Николая II была такой же никудышной, как и в предшествующие времена.

Ярчайшим показателем неспособности высшего военно-политического руководства России поддержать успехи своей дипломатии силовыми акциями явилась порочная организация управления вооружёнными силами страны. Причём с 1905 по 1914 годы вооружённые силы пережили две системы реорганизации этого управления. Первый период с 1905 по 1908 годы был периодом великого князя Николая Николаевича, а второй период с 1908 по 1914 годы был периодом генерала **Сухомлинова**. По мере того как в Манчжурии закатывалась звезда генерала Куропаткина, в Петербурге росло влияние великого князя Николая Николаевича, который занимал пост генерального инспектора кавалерии. Чрезвычайно резкий и порывистый, как норовистый конь, Николай Николаевич производил впечатление волевого человека.

Но это впечатление было обманчивым, так как ему в действительности недоставало именно силы воли. Поэтому он во все времена находился под большим влиянием своего окружения. Интересы же этого окружения далеко не всегда совпадали с национально-государственными интересами России и ещё меньше с интересами династии. Достаточно в этой связи вспомнить о Распутине, которого великий

князь рекомендовал ко двору. Николай Николаевич был знатоком кавалерии, но был полным дилетантом и профаном в стратегии, военной политике и государственном управлении. Этому его просто не учили.

В июне 1905 года по мысли великого князя и под его председательством был учреждён ***Совет государственной обороны***, предназначавшийся для *«объединения управления армией и флотом, равно как и согласования всех ведомств, сопряжённых с работой по государственной обороне»*. В Совет государственной обороны вошли министры всех этих ведомств, в том числе начальник только что созданного главного управления Генерального Штаба, инспектора всех родов войск и много других лиц – членов Государственного Совета, сенаторов и т.д. Образование Совета государственной обороны само по себе дело неплохое. Но эта организация не должна была исключать высших лиц государственной власти и должна была заниматься строго определённым делом – выработкой военно-политической стратегии и развитием вооружённых сил страны. Однако включение в его состав слишком широкого круга лиц и исключение высших лиц государственной власти превращало его в инстанцию, подменяющую и правительство, и государственный совет, и самого царя. Такая организация, конечно же, эффективно работать не могла.

Кроме этого, военное ведомство было разделено на военное министерство, которому была оставлена административная часть, и главное управление Генерального Штаба, образованное из учёного комитета Главного Штаба. Это главное управление было пополнено офицерами различных окружных штабов. Таким образом, главное управление Генерального Штаба получило полную автономию по примеру германского *«большого Генерального Штаба»*. В главное управление Генерального Штаба также передавалась вся генерал-квартирмейстерская часть. Самостоятельность Генерального Штаба, конечно же, разгружала военного министра и выправляла один из серьёзных недостатков милютинско-ванновской реформы. Однако новые реформаторы, копируя германскую систему, проглядели очень важный элемент её организации, а именно наличие *«военного кабинета»* кайзера, где было сосредоточено управление кадрами. Собственно, по-другому и не могло быть. Отстранение царя от работы в составе совета государственной обороны автоматически исключало создание такого *«военного кабинета»*.

В России управление кадрами было оставлено в ведении военного министра. На пост начальника Генерального Штаба был назначен генерал **Палицын**, бывший до того долгое время помощником великого князя в должности начальника штаба генерального инспектора кавалерии. На должность военного министра в 1906 году был назначен генерал Редигер. При всём этом объединении и разъединении действительного разделения функций не произошло. В результате, появилась многоголовая гидра управления. Совет государственной обороны, главное управление Генерального Штаба, военный министр,

генерал-инспекторы родов войск и командующие войсками округов, игнорируя друг друга, слали массу противоречивых распоряжений, превращая существовавший разнобой в какое-то столпотворение.

Совет государственной обороны, таким образом, превратился в многоголовый анархический механизм, оказавшийся не в состоянии справиться со своей задачей. Его заседания носили сумбурный характер. П.Столыпин эти заседания характеризовал *«бедламом»*, великий князь Сергей Михайлович – *«кошачьим концертом»*, а один из инициаторов этой организации генерал Палицын – *«кабаком»*. В результате, Совет государственной обороны не смог выработать ни одного документа, способствующего развитию вооружённых сил. За три с половиной года его работы не был составлен даже план работы. В конце 1908 года это учреждение было распущено. При замене начальника главного управления Генерального Штаба генерала Палицына генералом Сухомлиновым Николай II сказал: *«Вышло так, что всё перепуталось, надо нам распуститься»*. Конечно, с такой организацией системы управления вооружёнными силами нечего было и думать ни о целенаправленном их строительстве, ни об эффективном их использовании. Отсюда идея великого князя о походе на Константинополь в 1908 году просто повисла в воздухе.

Генерал Сухомлинов был властолюбивым человеком. Его властолюбие однако уживалось с известным легкомыслием. Бодростью и оптимизмом он нравился Николаю II. Но в то же время он был в неприязненных отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. С выдвижением Сухомлинова неприязнь между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми переросла в откровенную вражду. После своего назначения Сухомлинов добился подчинения главного управления Генерального Штаба военному министру. Положение стало опять таким, как и до 1905 года. После ряда неосмотрительных выступлений военный министр Редигер вынужден был уйти в отставку. Во главе военного ведомства был поставлен Сухомлинов.

За 1909-10 годы Сухомлинов осуществил ряд важных реформ. Следует признать, что он тем самым оказал русской армии большую услугу, выведя её из той анархии и маразма, в которой она находилась. Ситуацию кратко можно выразить так: до Сухомлинова существовала дезорганизованная вооружённая сила, с его приходом появилась, хотя и далёкая от совершенства, организованная вооружённая сила. Основные мероприятия сухомлиновских преобразований сводились к следующему: упрощалась организация; усиливалась материальная часть; внедрялась территориальная система; сосредотачивалось внимание на полевых войсках в преддверии скоротечного характера будущей войны.

Эти реформы позволили значительно усилить полевые войска, которые теперь имели 1 294 батальона. Хотя расформирование крепостных войск нужно признать отрицательным. Качество полевых войск

также значительно улучшилось. В этом деле большую роль сыграли великие князья Сергей Михайлович и Николай Николаевич. Первый занимался артиллерией и смог привести её во вполне хорошее состояние как в вопросе обучения стрельбе, так и в вопросе оснащения её материальной частью. Правда, крайне недоставало тяжёлой полевой артиллерии. Но это зависело не от него, а от высших должностных лиц, которые разрабатывали программу вооружений. Немало сил он приложил и к созданию воздушного флота, на который высшее руководство вообще не обращало внимания. За два предвоенных года российской авиацией были сделаны большие успехи. В стране начало развиваться самолётостроение. Появились и талантливые авиаконструкторы. Первым среди них следует считать **Сикорского**, который уже в 1913 году стал строить воздушные корабли. Всё это позволяло уже в недалёком будущем иметь при каждом корпусе по авиационному отряду в 4-6 самолётов. К началу войны русская армия имела 39 отрядов, включавших 216 разнообразных и подчас допотопных машин, а также 221 лётчика, из которых 170 были офицеры.

Неплохо потрудился в этот период и Николай Николаевич, который сохранил за собой должность командующего гвардией и Санкт-Петербургского военного округа. Он довёл боевую подготовку подчинённых войск до большого совершенства. К себе он вытребовал многих отличившихся в Манчжурии офицеров, в том числе генералов **Лечицкого** и **Леша**. Кроме того, стал назначать на гвардейские полки выдвинувшихся на войне армейских командиров. Ежегодный лагерный сбор, проводившийся под его началом, давал общее направление тактической подготовке всей российской армии. Здесь испытывались все технические новинки, составлялись и исправлялись всевозможные наставления и уставы, оттачивался тактический глазомер и командный навык гвардейских полковников, которые затем уезжали во все концы России принимать армейские полки.

Роты, эскадроны и батареи были доведены до высокой степени боеспособности и превосходили в этом плане такие же в любой европейской армии, особенно в искусстве применения к местности, самоокапывании и стрельбе. На стрельбу обращалось особое внимание. На это повлияла подмеченная иностранцами неудовлетворительная ружейная стрельба на полях Манчжурии. В 1909 году были введены ежегодные императорские призы для первых по стрельбе полков в каждом округе. Но эта достаточно плодотворная работа однако не подкреплялась соответствующим полевым уставом. Его не только выпустили с большим опозданием, но в нём составители (генерал **Рузский** и полковник **Бонч-Бруевич**) наделали немало принципиальных ошибок, которые не позволяли реализовать прекрасные качества российских полевых войск.

Во-первых, при ведении наступательного боя уделялось чрезмерно много внимания тщательному выяснению обстановки и стремлению руководствоваться действиями противника. Первое приводило к по-

терс времени, ослаблению инициативы, задержкам при постановке и доведении задач до войск и выполнении приказов. Второе подчиняло действия русских войск воле неприятеля. Во-вторых, в оборонительном бою главная роль отводилась передовой позиции, которая насыщалась войсками. О манёвре из глубины и в глубину, о маневренном резерве не было никакого понятия. В результате, ничего не было сделано в вопросе обеспечения эластичности боевых порядков крупных соединений (дивизия и *корпус*). Вместо того чтобы быть упругими и гибкими, как сталь, они были тверды и хрупки, как чугун. В результате, прорыв передовой позиции приобретал размер катастрофы. К тому же отсутствовало понятие сосредоточения сил на направлении главного удара, равно как массирование артиллерийского огня на направлении главного удара или отражении удара противника.

Что касается подготовки дивизий, корпусов и армий с их управлениями, то на них вообще не было обращено никакого внимания. На манёврах состав сторон имел совершенно случайную организацию. Ни разу не было отработано преобразование военно-окружного штаба в армейский штаб. Разработка нового Положения о полевом управлении войск затянулась. Оно было издано только в июле 1914 года, поэтому войска вступили в войну с Положением 1890 года. В результате, главным пороком российской стратегической мысли того времени было болезненное стремление действовать *«по обращению неприятельскому»*.

Задачи определялись и ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, как полагали будет вероятно действовать противник. Отказ от самостоятельного мышления вёл к утрате инициативы, подчинению воле противника, его переоценке и в то же время недооценке собственных войск. А это приводило к упадку духа, необоснованным опасениям и т.д., ко всему тому, чем в действительности характеризовалась деятельность тогдашних военных верхов России. Объяснением всех этих недостатков может служить **некомпетентность**, основанная на отсутствии достаточного количества военнообразованных людей, необходимых для управления тогдашней армией.

Дело доходило до смешного. Для проверки способности высшего командного состава управлять армиями, по инициативе Сухомлинова, было принято решение в декабре 1910 года устроить командно-штабное учение в Зимнем дворце под руководством Николая II. Подобные учения широко практиковались в германской армии. Однако эта идея встретила активное противодействие значительной части военных верхов, опасавшихся *«публичного экзамена»*. По категорическому требованию великого князя Николая Николаевича учение было отменено за час до его начала. При этом Сухомлинова даже не известили об этом решении. В таком авторитете находился военный министр у Николая II уже в 1910 году. В то же время этот случай даёт ясное представление о великом князе. Если ему дать краткую характеристику, то она будет выглядеть так: хороший командир полка, но

никчёмный военачальник. И этот человек в начале первой мировой войны возглавит вооружённые силы России.

Здесь уместно несколько слов сказать и о Сухомлинове, чтобы у читателя не сложилось впечатления о его непонятой и светлой голове. Осенью 1912 года, когда началась война на Балканах, Сухомлинов представил на подпись Николаю II указ о мобилизации и одновременно просил для себя разрешения убыть в отпуск для поездки на Ривьеру. О чём думал этот человек, когда волею случая он мог стать главнокомандующим русской армии и прославить Россию? Похоже, он воспринимал свою должность как ношу, которая ни к чему не обязывает. Более того, он напугал Николая II возможностью начала большой войны, вместо того чтобы дать взвешенную оценку и доказывать выгодность для России вступления в войну именно в 1912 году. Здесь как раз кроется ответ на вопрос, почему Николай II не решился принять участие в войне на Балканах. Разве с такими помощниками можно было решиться на вступление в войну? С ними можно было только плыть по течению, повинуясь складывающимся обстоятельствам. И надеяться на авось.

К сожалению, такие люди в армии встречаются довольно часто в любые времена. Вот почему отлично применявшиеся к местности взводы, великолепно стрелявшие роты и проявлявшие инициативу батальоны российской армии оказались заключёнными в вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии. Это слабое место не укрылось от зоркого взгляда компетентного противника. Германский Генеральный Штаб хорошо знал невысокое качество высших соединений и объединений российской армии и поэтому констатировал в своей ежегодной разведывательной сводке за 1913 год: *«В борьбе с русскими войсками мы сможем себе позволить действия, на которые не дерзнули бы с равноценным противником»*.

Вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии явились следствием безграмотного развития организационной структуры полевых войск. Батальон в то время состоял, как правило, из 5 пехотных и стрелковых рот. Это была единственно правильно поставленная организация, которая, кстати, не утратила своего принципиального значения и в настоящее время. В то же время полки были 2-, 3-, 4-х, а в Кавказской армии даже 5- и 6-батальонного состава. Именно наличие большого числа батальонов в полку обеспечивало маневрирование из глубины на тактическом уровне, что положительно отразилось, прежде всего, в ходе боевых действий на Кавказе.

На западном театре полки имели меньшее число батальонов, что значительно сковывало тактический манёвр. Но не это было главной причиной слабости дивизий, корпусов и армий. Главной причиной явилась двоичная система организации полевых войск, так как бригада включала два полка, дивизия две бригады, корпус две дивизии. При такой системе резервам, естественно, не отводилось места. Бригады, дивизии и корпуса вытягивались в *линию* (нитку). И если про-

тивник собирал превосходящие силы против какого-то полка и наносил ему поражение, то весь боевой порядок от полка до армии начинал катастрофически рушится. Армия, как правило, имела четыре корпуса. Но это не могло серьёзно отразиться на создании резервов.

Требовалась совершенно иная организация полевых войск. Наиболее приемлемой является смешанная организация. В этой связи бригады (полки) того времени, кроме артиллерийской батареи, пулемётной команды и подразделений обеспечения, должны были иметь по 4 батальона. Дивизия того времени, кроме артиллерийского дивизиона, кавалерийского дивизиона, частей обеспечения, должна была иметь 2 бригады (полка), 2 отдельных пехотных батальона и запасной батальон. Корпус того времени, кроме артиллерийской бригады, кавалерийской бригады и частей обеспечения, должны были иметь 3 пехотных дивизии, 2 отдельные пехотные бригады и батальон охраны тыла. Полевая армия того времени, кроме артиллерийских, авиационных и инженерных соединений и частей, должна была иметь 5-6 корпусов, из которых 1-2 кавалерийских, армейского резерва (4-6 пехотных дивизий), запасной дивизии и дивизии охраны тыла.

При такой организации усиление первого эшелона осуществлялось бы автоматически. В результате чего бригады (полки) в бою могли иметь до 6 батальонов, дивизии до 4 бригад, корпуса до 5 дивизий, что позволяло создавать ударные группировки и своевременно реагировать на прорывы противника. В советское время отрицательный опыт первой мировой войны был изучен и двоичная организация была признана полностью неправильной, что несло зародыш новой ошибки. Была введена троичная система. Однако эта система страдала другой болезнью. При троичной организации, если каждая командная инстанция выделяла в резерв треть своих сил, это приводило к излишнему резервированию войск и неоправданному ослаблению первого эшелона как в наступлении, так и в обороне. В известной степени этот недостаток не изжит до сих пор.

Главной причиной столь плачевного состояния командного состава российской армии, безусловно, является бесконечно слабое развитие военной науки. Военная наука того времени характеризовалась следующими взаимоисключающими взглядами. Официальное и господствующее направление явилось продолжением милютинско- ванновского умственного застоя. Его разделяли большинство старших начальников, оказавшихся неспособными правильно осмыслить опыт войн с Турцией и Японией, и значительное число карьеристов, вполне разделяющих мнение начальства и быстро восходящих из-за этого по служебной лестнице. Эти рутинёрские взгляды поощрялись и даже насаждались Сухомлиновым. Сам Сухомлинов любил похвалиться, что *«двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу»*.

Игнорирование опыта прошедших войн закосневшими рутинёрами вызвало в офицерской среде резкую реакцию. Возглавляли её начальник академии генерал **Щербачёв** и генерал **Мышлаевский**. Их актив-

но поддерживали полковники **Головин, Свечин** и **Баиов**. Это оппозиционное движение встретило яростный отпор рутинёров при высоких должностях. Борьба закончилась полным разгромом академии Сухомлиновым в 1913 году, смещением непокорных и крамольных профессоров, а также запрещением думать иначе, нежели по давно установленному казённому шаблону. Но идеи военных теоретиков новой волны постепенно стали захватывать всё более широкие офицерские круги. А это не могло не способствовать поднятию уровня офицеров генерального Штаба выпуска 1908-14 года. Выпусков исключительно ценных по своему качеству, без преувеличения можно сказать, ожививших войсковые штабы периода Первой мировой войны.

Столь отрицательное отношение Сухомлинова к военной науке привело его к составлению абсолютно безграмотного плана войны с Германией и Австро-Венгрией. Предшественники Сухомлинова, основываясь на том, что противник, имея против одной нашей железнодорожной колеи две своих, упреждал российскую армию в стратегическом развёртывании своих войск, отнесли стратегическое развёртывание в глубь Западной России. Решение само по себе правильное, если собирались наступать сразу всеми мобилизованными силами и сразу на всём фронте. Однако эта идея Сухомлинова была доведена до абсурда. В «19-м расписании» 1910 года он *Передовой театр* (Варшавский военный округ) оставлял противнику без боя.

Вследствие этого становилась ненужной система крепостей, создававшаяся Милютиным, Тотлебеном и Обручевым. Таким образом, стратегическое развёртывание русской армии лишалось своего бетонного костяка. Более того, ещё в конце зимы 1909 года Сухомлинов предложил полное упразднение крепостей. Этот проект встретил сильное противодействие, поэтому одни крепости оставлялись, другие же упразднялись. Такое половинчатое решение привело к полной дезорганизации всей крепостной системы. А ведь при отнесении стратегического развёртывания вглубь своей территории роль крепостей резко возрастала, так как именно они теперь должны были принять на себя первый удар противника и задержать его возможно дольше. Следовательно, крепостную систему нужно было усиливать, а не ликвидировать.

В том же 1910 году Сухомлиновым была ослаблена группировка полевых войск на западной границе. Пять пехотных и одна кавалерийская дивизия были отправлены с западной границы во внутренние округа. Этим Сухомлинов разрушал установившуюся за полстолетия систему, согласно которой главная масса российских войск сосредотачивалась в двух северо-западных округах для наступления против Германии. Уже Милютин сосредоточил там 2 армии или 2/5 всей вооружённой силы России. В начале века туда нацеливалось уже 3 армии. Непосредственно перед Сухомлиновым в Брест была направлена 38-я дивизия. Полагая остальных за профанов, Сухомлинов разъяснил, что переброска войск с Вислы и Немана во внутрен-

ние округа предпринята для того, чтобы *«приблизить войска к районам их комплектования»*. Очевидная несуразность этого обоснования не могла не броситься в глаза, так как в случае мобилизации намного легче было перебросить с востока на запад пополнения, требовавшие 20 эшелонов на корпус, чем перевозить весь корпус, предоставляя ему 120 эшелонов. Вместо приведения за одно и то же время в боевую готовность 12 корпусов, российская армия получала всего два боеготовых корпуса.

Но передислокацией нескольких соединений во внутренние округа дело не закончилось. Следующим шагом была переработка всего плана стратегического развёртывания войск на западной границе. Автором записки, которая определила составление всех последующих планов, был полковник **Ю.Данилов**, занимавший должность 1-го квартирмейстера главного управления Генерального Штаба. В этой записке указывалось, что в случае войны Франция останется нейтральной, а в наступлении против России примут участие: Швеция, Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Турция, Китай и Япония. Такая оценка показывала, что автор был абсолютным профаном в военной политике.

Однако его некому было поправить, так как в дела планирования не вникал даже сам Сухомлинов, который вообще в этих вопросах не разбирался и наставил немало пометок на взаимоисключающих друг друга докладах типа: *«согласен»*, *«совершенно верно»*, *«разумеется»* и т.д. В результате, родился план стратегического развёртывания, по которому Передовой театр отдавался противнику без боя, а основные силы полевых войск (4 армии) сосредотачивались в Западной Белоруссии, одна армия у Санкт-Петербурга, другая армия к югу от Полесья. Один корпус в Одессе, один в Новогеоргиевске и один на люблин-ковельском направлении. Задач войскам не ставилось, а рекомендовалось *«действовать по обстоятельствам»*. Худшего не мог, видимо, придумать даже противник. Этот план вступил в силу осенью 1910 года.

В штабах округов он вызвал единодушные протесты. На совещании начальников штабов округов в феврале 1912 года он был признан негодным. Особенно активно доказывал несостоятельность этого плана тогдашний начальник штаба Киевского военного округа генерал Алексеев. Он полагал, что российская армия уже достаточно окрепла и усилилась, чтобы действовать наступательно. Он предлагал оставить против Германии 6 корпусов, а все остальные силы бросить против Австро-Венгрии. Его, по существу, поддержал начальник штаба Варшавского округа генерал **Клюев**, который был против наступления 2-й армии в Восточной Пруссии. В то же время он был за то, чтобы она в составе 3 корпусов была двинута против австрийцев.

Предложение генерала Алексеева, будущего минотавра первой мировой войны, с точки зрения оператора, было обосновано. Предлагалось обрушиться на более слабого противника и разгромить его, ог-

раничившись обороной против сильного противника. Вроде бы его предложение учитывало интересы Сербии. На самом же деле генерал Алексеев не учитывал ряда обстоятельств, мимо которых стратег пройти не может. Первое состояло в том, что успешное наступление в Галиции давало только некоторое облегчение Сербии. Слишком далеко от Сербии находилась Галиция. Вот если бы была оккупирована Румыния, тогда другое дело. Тогда с Сербией можно было бы организовать единый фронт против Австро-Венгрии. Но Румыния в войну вступать пока не собиралась, да и против неё никаких сил, по существу, не выставлялось. Второе состояло в том, что железнодорожная сеть России не могла быстро перебросить мобилизованные войска в районы стратегического сосредоточения и развёртывания. Её пропускная способность была в два раза ниже, чем у противника. А это требовало стратегически правильного определения направления главного удара и обеспечение его силами.

Третье состояло в том, что это предложение не учитывало обязательства России перед Францией. А эти обязательства требовали, чтобы Россия выставила сильную группировку против Германии. Здесь как раз Алексеевым не был учтён опыт войны с Турцией 1877-78 годов, который ясно показывал, что после форсирования Дуная и овладения перевалами нужно было максимум сил сосредоточить на западе для действия в направлении Плевна-София, для того чтобы соединиться с сербами. Владение Передовым театром уже позволяло наметить кратчайшие пути для достижения победы. Из него открывался кратчайший путь через Познань на Берлин. Но при этом существовала угроза с севера. Поэтому вначале нужно было ликвидировать эту угрозу. Именно поэтому против Восточной Пруссии нужно было сосредоточить три армии. Причём от Варшавы должны были наступать две армии по 5 корпусов каждая. Только подавляющее превосходство в силах обеспечивало захват Восточной Пруссии, блокирование, если не захват, Кёнигсберга и выдвижение линии фронта на Нижнюю Вислу. Только в этом случае создавались условия для осуществления предложенного Драгомировым удара на Берлин через Познань.

В этом случае соединиться с французами, конечно бы, не удалось, но Германия сразу же ставилась в катастрофическое положение. Ей пришлось бы остановить наступление против Франции и перебросить на восток не 2,5 корпуса, а не менее 2 армий и везде перейти к обороне, так как захват российскими войсками Восточной Пруссии привёл бы германское командование в большое замешательство. Пока шли боевые действия в Восточной Пруссии, можно было бы завершить развёртывание войск на юго-западном направлении и, перейдя затем в наступление, разгромить австрийцев, что привело бы к общему поражению Германии и Австро-Венгрии и имело бы далеко идущие последствия вплоть до прекращения ими войны. Вот почему нужно было удерживать Передовой театр и, опираясь на крепостную систему, сосредоточить там максимальное количество войск уже в мирное время.

Разумеется, все армии обоих фронтов одновременно двинуть было невозможно, не нарушив установленных сроков сосредоточения и развёртывания войск. А так как железнодорожная сеть имела ограниченные возможности, то необходимо было в первую очередь обеспечить боеготовность войск Северо-Западного фронта. Поэтому уже в мирное время его состав должен был быть укомплектован не мене чем на 80%, что позволило бы доукомплектовать его войска максимум за 10 дней и быстро двинуть их в наступление. При первоочередной мобилизации войск Северо-Западного фронта, армии правого крыла Юго-Западного фронта могли быть мобилизованы не ранее чем через 20 дней после начала мобилизации, а левого крыла не ранее чем через 30 дней с начала мобилизации. В этом случае на первом этапе Юго-Западный фронт вынужден был обороняться, так как он никак не мог опередить австрийцев в модилизации и развёртывании своих сил.

Но если уж так хотелось генералу Алексееву побить австрийцев, то следовало хорошенько подумать над средствами и способами реализации этого желания. И если бы он хорошо подумал, то, к своему удивлению, обнаружил, что побить австрийцев было можно, причём сорвав их стратегическое развёртывание силами более чем в два раза меньшими, чем он сам испрашивал для войны с Австро-Венгрией. Этой силой была кавалерия, организованная в крупные соединения (корпуса) и используемая для решения оперативных задач. Она могла своим стремительным продвижением сорвать мобилизационное развёртывание австрийцев и создать условия для успешного наступления следующим за кавкорпусами армейским корпусам. Для этого необходимо было иметь в каждой армии Юго-Западного фронта по одному кавкорпусу 3-дивизионного состава и одному армейскому корпусу 3-дивизионного состава. На 4 армии всего требовалось 12 кавалерийских и 12 пехотных дивизии. В то время как в установленные сроки было отмобилизовано и развёрнуто 28,5 кавалерийских и 38,5 пехотных дивизий.

Эти 24 дивизии вполне могли быть собраны к 10-му дню мобилизации. Остальные войска могли составить вторые эшелоны армий Юго-Западного фронта. Стремительные действия первых эшелонов 5-й, 4-й, 3-й и 8-й армий могли не только сорвать стратегическое развёртывание австрийских войск, но и привести их к катастрофическому поражению. Чтобы применить такой способ действий, Алексееву не нужно было быть Скобелевым и на место **Струкова** подыскивать 4 хороших кавалерийских начальников, нужно было только хорошо изучить опыт войны с Турцией 1877-78 годов. Однако Алексеев не только не изучил этого опыта, но он абсолютно не задумывался над этими вопросами, особенно над срывом стратегического развёртывания противника.

Кстати, данный вопрос является важнейшим не только для оперативно-стратегического уровня. Ещё большее значение он имеет для военно-политической стратегии. **Правильно определить намерения и**

цели противника, если военно-политическое руководство страны не имеет розовых очков на глазах и не обременено различными химерами, не составляет особого труда. В этом случае остаётся отыскать способы, методы и средства для срыва этих намерений и целей. Генерал Алексеев и его ученики над этим не думали и в ходе Гражданской войны в России 1917-22 годов. Но это не значит, что над этим не думали их противники.

Однако возразить генералу Алексееву квалифицированно опять же было некому и главному управлению Генерального Штаба пришлось уступить, признать юго-западное направление главным, где и следовало вести наступление. Но в ход разработки нового плана вмешался случай. Главному управлению Генерального Штаба удалось подкупить одного австрийского полковника, который выдал план развёртывания австро-венгерской армии. Согласно этому плану Австро-Венгрия должна была оставить небольшой заслон против Сербии, а основные силы (4 армии) развернуть против России и нанести удар на Киев. Не подвергнув данный план какому-либо сомнению, *«стратеги»* главного управления Генерального Штаба стали разрабатывать свои планы *«по обращению неприятельскому»*.

Все армии Юго-Западного фронта были нацелены на Восточную Галицию. Особенно сильным делался левый фланг, действовавший на львовском направлении. В то время как правый фланг на любинском направлении оказывался ослабленным. Но если бы «стратеги» повнимательнее изучили добытые документы, они бы поняли: во-первых, что почти все свои силы Австро-Венгрия просто не могла направить против России. Сербия *требовала отвлечения* достаточно большого количества сил (не менее армии); во-вторых, Австро-Венгрия не могла игнорировать интересы Германии, которая, конечно же, требовала направить её армии не на Киев, а против Передового театра на Люблин и Холм. Не обладавшие стратегическим кругозором операторы главного управления Генерального Штаба России оказались заложниками фальшивки противника.

Добыча данных о противнике является важной составляющей военного дела, **но главнейшей всё же является правильная их оценка, которая возможна только на базе глубокого изучения самого военного дела. Однако этим-то как раз и не занимались.** Неподготовленность руководителей российской армии в вопросах военно-политической стратегии привела к составлению абсолютно провального плана войны. В то же время политическая неподготовленность и неорганизованность офицерского корпуса привела к крушению Российской Империи. В этой связи А.Кресновский пишет следующее: *«Имперское правительство совершило жестокий промах, недооценив великой политической роли в стране организованного, сплочённого в монолит офицерского корпуса. Оно не сумело ни его подготовить, ни его ориентировать»*. Собственно, этот упрёк следует с большой долей основания отнести и на совесть военно-политического руково-

дства Советского Союза. **Одинаковые ошибки приводят к одинаковым последствиям.**

Но вернёмся к планированию боевых действий и его последствиям. Когда разыгралась трагедия в Восточной Пруссии и осложнилась ситуация на люблинском и холмском направлениях, более трети вооружённых сил России тратили без пользы время, наступая на Львов и не встречая противника. То есть ударили по пустому месту. Но даже и этот план был в дальнейшем ухудшен, так как французы стали настойчиво требовать выполнения обязательств, то есть перехода Северо-Западного фронта в установленные сроки и добивались их сокращения. В 1911 году генерал **Жилинский** заверил французов, что российские войска способны перейти в наступление на 15-й день мобилизации, а в 1914 году он уже заявлял, что 1-я армия способна начать наступление на 12-й день. Следствием этого обещания явилось неподготовленное наступление российских войск в Восточную Пруссию. Общим же результатом явилась катастрофа, которую никто не смог предотвратить.

Эту ошибку мог, конечно, исправить компетентный Верховный Главнокомандующий. Однако Верховным Главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич, который, как мы видели выше, не справился с управлением Советом государственной обороны. Николай Николаевич не принимал участия в составлении плана войны и не разделял идей Ю.Данилова. Он был, как всякий лихой кавалерист, сторонником авантюристической драгомировской идеи наступления *«в сердце Германии»* через Познань. Французы, охваченные паникой под воздействием успешно развивавшегося наступления германских армий, тоже стали требовать осуществления наступления в направлении Познань-Берлин.

Великий князь под давлением французов распорядился повернуть на Варшаву шедшие из Петербурга в 1-ю армию Гвардейский и 1-й армейский корпуса. Туда же был направлен из 6-й армии XVIII корпус. **Ренненкампфу** вместо взятых у него двух корпусов дали XX корпус, который должен был войти в состав 4-й армии, действовавшей на люблинском направлении. Таким образом, великий князь, пытаясь реализовать драгомировскую идею, сосредотачивал значительные силы у Варшавы и западнее неё. В то же время ослабляя силы там, где нужно было вести наступление и где должна была решиться судьба войны. Это решение представляло из себя стратегическую бессмыслицу, которая не просто привела к распылению сил в трёх расходящихся направлениях, но и сделала катастрофу неизбежной.

Но, как известно, **тот, кто хочет везде наступать, обязательно везде будет бит**. Так и получилось. И только крупные ошибки противника да героизм и самопожертвование солдат и офицеров смогли несколько поправить положение. Австрийцы тоже наделали немало ошибок, да и российские солдаты и офицеры сражались отчаянно, что, собственно, и спасло российскую армию от полного разгрома в

1914 году. Поэтому мнение Изместьева о том, что в 1914 году российская армия стратегически выиграла и только тактически проиграла в Восточной Пруссии, не выдерживает никакой критики. Именно поражение в Восточной Пруссии и неразбериха, творившаяся в то время в войсках обоих фронтов, подорвали веру в собственные силы и возможности войск. Затем проблемы стали нарастать и усугубляться.

Кроме некачественного управления войсками, обнаружилось значительное превосходство противника в тяжёлой полевой артиллерии и нехватка боеприпасов, что явилось прямым просчётом самого Николая II, который при разработке программы перевооружения армии в 1910 году отдал предпочтение флоту, а не армии. В результате, заложенные на верфях дредноуты к началу войны не были спущены на воду. Они вступали в строй постепенно уже в ходе войны, а поэтому серьёзной роли сыграть не смогли, но съели большое количество ресурсов и финансовых средств. В то же время армия осталась без тяжёлой полевой артиллерии. Какие средства были затрачены на строительство флота, говорит утверждённая в 1911 году кораблестроительная программа. Согласно этой программе балтийская эскадра должна была иметь: 8 дредноутов, 4 линейных крейсера, 8 лёгких крейсеров, 36 миноносцев и 12 подводных лодок. Надо полагать, черноморская эскадра должна была иметь не меньшее количество кораблей.

В то же время на Дальнем Востоке флот должен был иметь две полноценных современных эскадры, каждая из которых должна была иметь численность кораблей не меньшую, чем балтийская эскадра. Строительство дредноутов было делом дорогостоящим, но оно не обеспечивало создание того флота, который был необходим России. Этот факт показывает, что в строительстве флота опыт войны с Японией почти не был учтён. Строительство большого числа дредноутов было абсолютно излишним. В то же время не получили должного развития крейсерские и подводные силы, развитие которых делали эту программу значительно менее дорогостоящей и более целесообразной, с точки зрения развития военного флота России. В то же время она позволила бы оснастить армию тяжёлой полевой артиллерией.

К этому нужно добавить, что военный морской министр адмирал **Григорович**, показавший себя хорошо на тактическом уровне в ходе войны с Японией, оказался плохим стратегом. По его инициативе начали строить верфи в Николаеве на Украине. Эти верфи и эллинги создавались в голой степи. И хотя они были построены в изумительно короткий срок, первый дредноут на Чёрном море мог вступить в строй не ранее 1916 года. А ведь была возможность усилить Черноморскую эскадру кораблями с Балтики без особого ущерба для Балтийской эскадры. Посылка 4 старых линейных кораблей (броненосцев) в Чёрное море в 1913 году, а ещё лучше в 1912 году, позволяла иметь там 9 броненосцев и обеспечивала полное господство нашего флота на этом море. Используя их, можно было сравнительно легко захватить Босфор и Дарданеллы уже в 1912 году во время Балкан-

ской войны. Но этого сделано не было. И, тем не менее, у Изместьева мы находим дифирамбы по поводу адмирала Григоровича.

Нужно так же иметь в виду, что его влияние на ведение войны на море было минимальным. Каждый командующий той или иной эскадрой организовывал эту войну так, как считал нужным. Командующий Балтийской эскадрой адмирал **Эссен**, также отличившийся в ходе войны с Японией, хорошо понимал, что Германия, при желании, способна была сосредоточить на Балтике весь свой флот и добиться, таким образом, подавляющего превосходства над Балтийской эскадрой. Соревноваться в этом деле с немцами было практически бесполезно и невозможно. Поэтому он решил организовать боевые действия Балтийской эскадры на артиллерийско-минной позиции с использованием островов Моондзунского архипелага. Эта позиция закрывала проходы в Рижский и Финский заливы. Это было абсолютно грамотное решение, обеспечившее неуязвимость Балтийской эскадры и прикрывшее северный фланг сухопутной армии. Это решение дорого стоило германскому флоту, потерявшему в боях немало своих кораблей и людей.

Командующий Черноморской эскадрой, имея 5 броненосцев, вынашивал планы захвата Босфора, так как по броненосцам у него было превосходство над турецким флотом. Однако безграмотность в вопросах военно-политической стратегии сыграла с ним злую шутку. Дело в том, что с началом войны Германия послала на помощь Турции два своих новейших тяжёлых крейсера **«Гебен»** и **«Бреслау»**. В результате, соотношение по тяжёлым кораблям почти выровнялось. А если учесть, что немецкие корабли значительно превосходили наши броненосцы в скорости хода и имели дальнобойную артиллерию главного калибра, то превосходство Черноморской эскадры растаяло, как дым.

Используя сильные стороны своих кораблей, немцы развернули крейсерское плавание и сковали действия Черноморской эскадры. В конце 1915 года Черноморская эскадра пополнилась двумя дредноутами и несколькими эскадренными миноносцами. Но это почти не отразилось на действиях Черноморской эскадры. Так прошло ещё почти полгода. И только когда в командование Черноморской эскадрой в июле 1916 года вступил адмирал Колчак, удалось у берегов противника поставить минные заграждения. Вскоре оба германских крейсера подорвались на минах и получили тяжёлые повреждения. С этого момента ни один неприятельский корабль не появлялся больше на Чёрном море.

В начале октября 1916 года от самовозгорания пороха взорвались пороховые погреба на дредноуте **«Императрица Мария»**. Спасти корабль не удалось, несмотря на личные энергичные действия командующего эскадрой, и он затонул. Похоже, здесь не обошлось без немецкой агентуры. Что ж, если это так, то немцы вполне отплатили за повреждение своих тяжёлых крейсеров. Именно неудачный опыт

боевых действий Черноморского флота в первую мировую войну окончательно разрушил иллюзию относительно целесообразности развития преимущественно броненосных сил флота. Здесь уместно напомнить, что башни главного калибра дредноута «Императрица Мария» хорошо послужили нашему Отечеству в период обороны Севастополя в 1941-42 годах.

В 30-е годы эти башни были сняты с затонувшего корабля и установлены в качестве артиллерии береговой обороны у Севастополя. Орудия 30-й батареи как раз и сыграли большую роль в срыве захвата Севастополя немецкими войсками с ходу в 1941 году. Под огонь этой батареи попали передовые части немецких войск, которые за первый огневой налёт потеряли до батальона пехоты и немало различной техники и вооружения. Таким образом, опыт всех войн XIX и начала XX веков говорит о том, **что при принятии программы развития вооружённых сил нельзя допустить, чтобы она реализовывалась в ущерб развитию сухопутных войск и авиации**.

Оценивая в целом деятельность самодержавия накануне и в ходе мировой войны, следует сказать, что оно изжило себя полностью. **Поэтому февральская революция и октябрьский переворот 1917 года явились закономерным результатом всего предшествующего развития самодержавно-христианской власти в России, начиная с Василия III и заканчивая Николаем II.** В этой связи стремление Изместьева обелить самодержавие и предложить его в качестве образца современному нашему обществу также не выдерживает никакой критики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всякий, прочитавший эту книгу, невольно задумается о тех упущенных возможностях, которые могли превратить Российскую Империю во второй половине XIX века в величайшую державу мира. Российская Империя в XVIII-XIX веках могла подчинить своему влиянию: Балканы, Малую Азию, Двуречье, Иран, Афганистан, Индию, Синцзянь-Уйгурский регион, Тибет, Монголию, Манчжурию, Корею, о.Хоккайдо. Вместе с Аляской эти регионы обеспечили бы контроль над всем миром. Но это могло произойти только в том случае, если бы Российская Империя развивалась на национально-русской основе. А так как самодержавно-христианская власть была совершенно чужда Русскому народу, то Российская Империя развивалась на интернациональной основе, которая и привела её к гибели.

Если кому-то утраченные возможности покажутся фантастическими, рекомендую вспомнить историю Британской империи, которая за XVII-XIX века превратилась во владычицу морей. Её власть распространялась на Северную Америку, Индию, Ближний и Средний Восток, часть Африки, Австралию, Новую Зеландию. Кроме того, она захватила и удерживала многие ключевые точки мира: Гибралтар,

Мальту, Крит, Кипр, Суэцкий канал, Сингапур, Гонконг и т.д. Некоторые из них до сих пор принадлежат Британии, что даёт ей возможность в известной степени контролировать мировую политику и в настоящее время. И это всё благодаря своей выверенной внешней политике, которая всегда руководствовалась принципом: **«У Британии нет постоянных друзей, постоянными являются только её интересы»**. Если бы Российская Империя, обладавшая неизмеримо большими потенциальными возможностями, чем Британия, смогла правильно сформулировать и реализовать на практике этот основной принцип внешней политики, ей бы, конечно же, не было равных в мире. Однако, увы, на такое самодержавно-христианская власть не была способна.

Образовавшийся на её осколках Советский Союз унаследовал худшие проявления интернационализма, в результате, он просуществовал значительно меньшее количество лет, нежели Российская Империя. В настоящее время по территории, оставшейся у нашей страны, мы откатились приблизительно на уровень второй половины XVII века, а по внутренней сплочённости ещё дальше. От Советского Союза нам достался ухудшенный договорными отношениями вариант федеративного устройства. Есть все основания полагать, что через определённое количество лет он разорвёт страну на мелкие осколки. Возникает, естественно, вопрос: как избежать этой очередной катастрофы? В самом общем плане ответ может быть такой – пора перестать наступать на одни и те же грабли.

А если говорить более конкретно, то необходимо незамедлительно приступить к русификации страны. В этом плане необходимо осуществить целый комплекс мер: от изменения административно-территориального деления страны и ликвидации существующих национально-государственных образований внутри Российской Федерации до ассимиляции русскими всех других народов нашей страны. Умиляться по поводу того, что в Москве сейчас находится 140 этнических групп, вовсе даже не следует. Это уже даже не смешно, а грустно и тревожно, так как может закончиться вавилонским столпотворением и катастрофой, которых немало было в истории. Поэтому из истории пора извлекать правильные выводы. Здесь нужно всегда помнить, **что история человечества альтернативна и непосредственно зависит от деятельности людей**. Поэтому народу нужно правильно выбирать путь развития, а власти твёрдо вести народ по этому правильному пути. Всякая ошибка в выборе пути развития чревата катастрофой. В этом отношении история Российской Империи и Советского Союза особенно поучительна.

Правильно ли мы выбрали путь сейчас? Если говорить о переходе к демократии, то, безусловно, правильно. Все бунты, смуты и революции с XVI по XX век были результатом борьбы демократической традиции, имевшей в славянском обществе многотысячелетние кор-

ни, с самодержавной системой власти, насаждаемой в нашей стране в этот период не без содействия заграничного влияния. Следовательно, **демократия для нас – русских – это не свет в окошке западного образца, а присущее нам изначально состояние общества**. Это состояние в определённой степени сохранилось в казачестве. Мне могут возразить и сказать, что казачество основано на традиции, а современная демократия на законе. Верно, но лишь отчасти, так как традиция это выверенный многолетней практикой закон. А так как сейчас многие традиции утрачены, то наша демократия должна базироваться и на традиции, и на законе. Очень важно восстановить некоторые традиции и на их основе развивать и совершенствовать законы, чтобы они постепенно превратились в традиции.

Следовательно, исходя из исторического опыта развития нашей страны, у нас нет альтернативы демократическому развитию. Однако нынешняя наша молодая демократия больше похожа на плутократию. **Плутократия – это господство, в нашем случае, олигархии. Всякая олигархия, если она не может обеспечить высокий уровень жизни для народа, быстро трансформируется в диктатуру бананового типа, которая обеспечивает интересы международной олигархии, подавляя собственный народ.** Примеров такого рода в XX веке было предостаточно. Не обошло это зловредное явление и нашу страну. Правление алкоголика Ельцина как раз и олицетворяет диктатуру бананового типа. Мы сейчас уходим от этой заразы потому, что в русском народе слишком глубоки корни истинной демократии, а также потому, что Россия не может перестать быть великой державой, которая в силу своего геополитического положения призвана сохранять баланс сил в мире.

Однако демократическое развитие сейчас ещё не имеет выверенной путеводной звезды, а поэтому возврат к самодержавно-христианскому правлению или господству олигархии вполне возможен. Главным пособником этого возврата является химеричность общественного сознания. Сейчас химеры самодержавно-христианского правления наложились на химеры коммунистического авторитаризма. К ним ещё добавились химеры псевдодемократического толка. В результате, общество уподобилось компании, известной нам по басне Крылова «Лебедь, рак и щука». Куда пойдёт такое общество? Этот вопрос является сейчас главным. Всё пока держится на неприятии сталинских репрессий. Но подобного рода неприятие быстро проходит.

В этой связи крайне важно, как и в каком направлении будет развиваться Русское национальное движение? В настоящее время Русское национальное движение подвержено: самодержавно-клерикальному влиянию, коммунистическому влиянию, а также влиянию европейского национал-социализма и исламского агрессивного фундаментализма. Каждая из этих сил стремится оседлать Русское национальное движение и на его плечах прийти к власти. Не гнушается исполь-

зовать Русское национальное движение и олигархия. О пороках самодержавно-клерикального и коммунистического правления мы уже говорили выше. Пороки европейского национал-социализма хорошо видны на примере Гитлера. Пороки исламского агрессивного фундаментализма показала нам Чечня. Пороки господства олигархии мы на себе хорошо ощущали в 90-е годы XX века.

Следовательно, Русскому национальному движению нужна другая идеология, которая была бы избавлена от тех крайностей, которые заключены в упомянутых выше течениях. Русскому народу не нужно возрождение Российской Империи или восстановление Советского Союза по причине гибельности для нашего народа воскрешения этих государственных форм. Гибельность выражается в следующем:

1. В случае восстановления или возрождения этих государственных образований Русскому народу грозит полная демографическая катастрофа. Во времена Советского Союза доля русских в населении страны сократилась с 75 до 50 процентов, а территория, занимаемая русскими, с 22 до 18 млн. кв. километров.

2. Продолжение интернациональной и радикально-либеральной политики нынешним режимом Российской Федерации уже к 2050 году может привести к сокращению русских в населении страны с 80 до 50 процентов и затем к их полному исчезновению в ходе ассимиляции другими народами через 3-5 поколений.

В то же время в ней должны быть сохранены все моменты, которые обеспечивают соблюдение разносторонних интересов Русского народа. В первую очередь это касается:

– конституционного закрепления государствообразующей роли Русского народа;

– признания факта разделённости Русского народа и необходимости его объединения;

– укрепления славянского единства на базе продуманного этноцивилизационного строительства;

– укрепления военной безопасности страны и пресечения антирусской и антигосударственной пропаганды в средствах массовой информации;

– укрепления территориального единства страны на базе реформирования административно-территориального деления;

– организации местного самоуправления и ограничения всевластия чиновничества;

– защиты национально-государственных интересов страны;

– скорейшего укрепления Евразийского сообщества и преобразования его, в перспективе, в Славянскую Конфедерацию;

– создания прочных условий для обеспечения многополярного мира и взаимовыгодного этно-цивилизационного сотрудничества;

– повышения темпов социально-экономического развития и уровня жизни людей;

– преодоления демографического спада и повышения рождаемости, прежде всего, в национально-русских административных образованиях;

– предельного ограничения влияния плутократии (олигархии) на общество и государство;

– скрупулёзного и объективно-критического изучения исторического опыта и развития на этой базе демократии.

Кое-что из этого перечня уже делается, однако многое ещё остаётся нетронутым. А это даёт противникам нынешней власти известные возможности для привлечения Русского национального движения на свою сторону. В этой связи будущее демократии находится в прямой зависимости от будущего Русского национального движения. Таким образом, будущее демократии прямо зависит от того, куда повернёт и как будет развиваться Русское национальное движение в нашей стране. Вместе с этим связано и будущее России. **РОССИЯ, КРОМЕ РУССКОГО НАРОДА, НИКОМУ НЕ НУЖНА.** Поэтому у России только один хранитель – **Русский народ.** Именно он и должен строить новую, демократическую Россию, так как **демократия всегда национальна, интернациональной является только плутократия**.

Плутократия (господство олигархии) опирается на международные еврейско-масонские центры, которые в конце XIX и начале XX веков подготовили и осуществили революцию в России. Поэтому не стоит относительно них питать иллюзий. Они же управляли радикально-либеральным переворотом в нашей стране в начале 90-х годов XX века. В последнее время к ним добавились исламистские международные подрывные центры. Главной их задачей является ликвидация России как государства и ликвидация Русского народа как этноцивилизационного образования. От этой цели они не отказались до сих пор и настойчиво ищут средства, способы и методы для реализации этих целей.

Международные подрывные центры старой и новой организации, используя свои связи, финансы и влияние, потому и добиваются часто успехов, что действуют скрытно через своих агентов влияния и через организации, декларирующие формально благие цели. В этой связи крайне важно вскрывать и освещать их деятельность. Однако, чтобы эта борьба была эффективной, **необходимо обратить особое внимание на историческое образование Русского народа, чтобы он мог увидеть корни возникновения этих центров и результаты их подрывной деятельности**.

Объективно-критическое осмысление нашего исторического прошлого необходимо также для того, чтобы русские люди уяснили: во-первых, что демократия искони присуща славянскому (русскому) обществу; во-вторых, что самодержавно-авторитарный вариант правления исторически неизбежен и непродуктивен; в-третьих, что их дурачили долгое время и теперь настала пора прозрения и избавления

от шор Иванов, не помнящих родства; в-четвёртых, что истинное историческое знание является прочной защитой от всех псевдопрогрессивных, псевдонаучных, но на самом деле разрушительных учений.

Объективно-критическое осмысление нашего исторического прошлого также покажет нашим принципиальным и потенциальным противникам, что Русский народ начал избавляться от прежних химер и не намерен воспринимать новые, под какими бы красивыми вывесками они не предлагались. И самое главное, объективно-критическое осмысление исторического прошлого нашей страны поможет избавиться от тех гор умышленной лжи, которые были нагорожены в освещении истории России за последние 500 лет, что даст возможность демократической власти перестать наращивать эти горы лжи и действительно встать на путь её правдивого отображения. **На исторической лжи нельзя построить ни свободное, ни демократическое, ни, тем более, могущественное государство.**

Однако сейчас Русское национальное движение, как и весь Русский народ, отягощено химерическими представлениями прошлого и не способно правильно сориентироваться и организовать своё развитие на перспективу. К тому же на него оказывают влияние новые силы: европейский национал-социализм и исламский агрессивный фундаментализм. В этой связи многое зависит от власти, от её способности и умения перестроить историческое образование в стране и организовать общественно-политическую деятельность Русского национального движения, направив её на решение вышеизложенных задач.

Но чтобы осуществить это, власти самой необходимо избавиться от всех химер, о которых мы говорили выше. В частности, от химеры о многонациональности нашей страны. **Россия, где в настоящее время проживает около 80 процентов русских, по определению является МОНОНАЦИОНАЛЬНОЙ страной.** И пока этого не поймёт власть, она будет действовать против большинства населения собственной страны, подготавливая тем самым собственную гибель. **От этого прямо зависит, сможет ли власть и Русское национальное движение двинуться в одном направлении или опять их цели и дороги разойдутся, как это случилось в XIX веке. Чем всё закончилось тогда – хорошо известно.** Остаётся надеяться, что на этот раз всё пойдёт по-другому и мы сможем избежать очередной катастрофы. И это нужно сделать. Здесь, кстати, уместно вспомнить П.Столыпина. Его крылатое выражение в современной трансформации будет звучать так: **«Русскому народу не нужны великие потрясения, но ему нужна Великая Россия!»** Во всяком случае, данная книга направлена на то, чтобы Русское национальное движение и власть избежали трагического оборота событий, нашли в себе силы и возможности идти вместе по пути построения лучшего будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаза К.К., «Герои и битвы», М.: «Современник», 1995.
2. Авдеев В.Б. «Преодоление христианства» (2-е изд.), М.: «Русская Правда», 2006.
3. Барсуков Е.З., «Артиллерия русской армии», М.: Воениздат, 1949.
4. Безертинов Р.Н., «Татары, тюрки – потрясатели вселенной». Н.: «ЦЭРИС», 2001.
5. Богданов Н.Г. «Подвиги христианских пастырей», М.: «Русская Правда», 2002.
6. Богданов Н.Г. «Роль врачей в убийстве царей», М.: «Русская Правда», 2004.
7. Бурин С.Н., «Великие пророчества России», М.: «Олимп Астрель», 2000.
8. Гумилёв Л.Н., «От Руси к России», М.: «Прогресс», 1994.
9. Данилов В.В., «Арийская империя, гибель и возрождение», М.: «Воля России», 2000.
10. Дёмин В.М. «От Ариев к Русичам» (5-е изд.), М-О.: «Русская Правда», 2006.
11. Дёмин В.М. «От Русичей к россиянам» (2-е изд.), М-О.: «Русская Правда», 2005.
12. Дёмин В.М. «Современная интеллигенция и Русская Национальная Идея» (2-е изд.), М-О.: «Русская Правда», 2003.
13. Дёмин В.М. «Русско-Славянская Идея», газета «Русская Правда» № 16, 1998.
14. Дёмин В.М. «Уроки государственных переворотов XVII-XX веков новой эры», газета «Русская Правда» № 19, 2000.
15. Дёмин В.М. «Война и вооружённая борьба», М.: «Русская Правда» (2-е изд.), 2005.
16. Дикой А., «Евреи в России и СССР», Нью-Йорк, 1967.
17. Емельянов В.Н. «Десионизация», М.: «Русская Правда», 2005.
18. Емельянов В.Н., «Еврейский нацизм», М.: «Русская Правда», 2005.
19. Иванов Ю.М., «Евреи в русской истории», М.: «Витязь», 2000.
20. Изместьев Ю.В., «Россия в XX веке», Нью-Йорк: «Перекличка», 1990.
21. Истархов В.А. «Удар Русских Богов» (4-е изд.), М.: «Русская Правда», 2007.
22. Казаков В.С. «Именослов» (4-е изд.), М.-К.: «Русская Правда», 2005.
23. Казаков В.С. «Мир Славянских Богов» (5-е изд.), М.-К.: «Русская Правда», 2006.
24. Карамзин Н.М., «История Государства Российского», т.V-XII, К.: «Золотая аллея», 1993.
25. Клаузевиц К., «О войне», М.: Воениздат, 1936.
26. Костомаров Н.И, «Казаки», М.: «Чарли», 1995

27. Кочетова Л.В., «Великие пророчества», М.: «Олимп Астрель», 2000.
28. Кресновский А.А., «История русской армии», М.: «Голос», 1992.
29. Липман Б.В., «История России с древнейших времён до второй половины XIX века», Е.: «Ника-92», 1995.
30. Мартынов Л.Н., «Повесть о тобольском воеводстве», Н.: «Западно-Сибирское книжное издательство», 1968.
31. Мартышкин М.А., Свиридов А.Г., «Три века», М.: «Патриот», 1991.
32. Меликов В.А., «Стратегическое развёртывание», М.: Воениздат, 1939.
33. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А., «История России», М.: «Проспект», 2000.
34. Огородникова Л.И, «Тарская мозаика», О.: «Омское книжное издательство», 1994.
35. Оппоков В.Г., «Морские сражения русского флота», М.: Воениздат, 1994.
36. Поршнев Б.Ф., «Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века», М.: «Наука», 1970.
37. Разин Е.А., «История военного искусства XVI-XVII века», С-Пб., М.: «Полигон», 1994.
38. Ростунов И.И., «Русско-турецкая война 1877-1878», М.: Воениздат, 1977.
39. Савельев Е.П., «Древняя история казачества», М.: «Вече», 2002.
40. Сахаров А.Н., Дмитриенко В.П., Ковальченко И.Д., Новосельцев А.П., «История России с древнейших времён до конца XX века», т. I-II, М.: «АСТ», 1999.
41. Свечин А.А., «Стратегия», М.: Воениздат, 1965.
42. Семеневский М.И., «Тайная служба Петра I», Мн.: «Беларусь», 1993.
43. Скрынников Р.Г., «Россия накануне "смутного времени"», М.: «Мысль», 1985.
44. Слатин Н.В. «Влесова Книга», М.-О.: «Русская Правда», 2006.
45. Солженицын А.И., «Двести лет вместе», М.: «Русский путь», 2001.
46. Сошников А.Я.. «Советская кавалерия», М.: Воениздат, 1984.
47. «Советская военная энциклопедия», т. I-VIII, М.: «Воениздат», 1976-80.
48. Станиславский А.Л., «Гражданская война в России XVII века», М.: «Мысль», 1990.
49. Строков А.А., «История военного искусства», М.: «Воениздат», 1966.
50. Сухарев И.Б., «Злато Ермака», «Бриз», 2003.
51. Фёдоров В.А., «Записки А.П.Ермолова», М.: «Высшая школа», 1991.
52. Черняк Е.Б., «Времён минувших заговоры», М.: «Международные отношения», 1994.
53. Шапошников Б.М., «Мозг армии», М.: «Воениздат», 1965.
54. Шилов Ю.А., «Пращуры. Цілитель», М.-Мн.-К.:«Русская Правда», 2006.
55. Щеглов И.В., «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири», С.: «Северный дом», 1993.

«РУССКАЯ ПРАВДА» ПРЕДЛАГАЕТ

КНИГИ — ПОЧТОЙ

Коммерческий отдел Всеславянской Издательской группы Русского Национально-Освободительного Движения «РУССКАЯ ПРАВДА» охотно вышлет всем желающим следующие издания:

1. **«УДАР РУССКИХ БОГОВ» (4-е издание!)**, авт. Истархов В.А 416 стр. Книга раскрывает суть основных паразитических идеологий, расписывает структуру масонских организаций. ***240 рублей.***

2. **«ЧТО ТАКОЕ "МЁРТВАЯ ВОДА"?», авт. Истархов В.А. 112 стр.** Книга разоблачает т н «Концепцию общественной безопасности России» (КОБР) партии «Единение» как вредную и провокационную. ***80 рублей.***

3. **«МИР СЛАВЯНСКИХ БОГОВ» (5-е издание!)**, авт. Казаков В.С. 240 стр. Славянские Боги, Славянские праздники, Славянские обряды. ***120 рублей***.

4. **«ИМЕНОСЛОВ» (4-е издание!)**, авт Казаков В.С. 240 стр Впервые в мире издан сборник Славянских имён и прозвищ с толкованием их значения и происхождения ***120 рублей.***

5. **«АКВАРИУМ-2»**, авт. Суровов В 352 стр. в тв. пер. Разоблачение предателя В.Резуна («Виктора Суворова»). ***240 рублей.***

6. **«ЛЕДОКОЛ-2»**, авт. Суровов В. 352 стр. в тв. пер. Разоблачение предателя В.Резуна («Виктора Суворова»). ***240 рублей.***

7. **«ПРЕОДОЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА» (2-е издание!)**, авт. Авдеев В.Б. 240 стр. Опыт адогматической проповеди. ***120 рублей.***

8. **«КАК МОЖНО БЫТЬ ЯЗЫЧНИКОМ»**, авт. Ален де Бенуа. 240 стр. Первая крупная работа знаменитого французского правого философа, выпущенная в России на русском языке. ***120 рублей.***

9 **«ЗАБАВНАЯ БИБЛИЯ»**, авт. Лео Таксиль 320 стр. Сатирическое разоблачение священной книги иудеев и христиан – Библии ***150 рублей*** (мяг обл.). ***190 рублей*** (тв. пер.).

10. **«ВО ВЛАСТИ СИМВОЛОВ» (2-е издание!)**, авт. Климович К К. 160 стр. с илл. Загадочный мир древних магических знаков и символов – подробный справочник. ***100 рублей.***

11. **«СТЕЗЯ ПРАВДЫ» (3-е издание!)**, авт. Синявин И.И. 240 стр. Проект Русской Национальной Идеологии, идеология Русского Духа. ***120 рублей.***

12. **«ПРАЩУРЫ. ЦЕЛИТЕЛЬ»**, авт. Шилов Ю.А. 432 стр. в тв. пер. Книга о предках славян и их братьев. ***240 рублей.*** **НОВИНКА!**

13 **«ВЛЕСОВА КНИГА» (3-е издание!)**, пер. Слатин Н.В. 240 стр. Один из древнейших памятников Славяно-русичей в переводе профессионального филолога. ***120 рублей.***

14. **«РЕВИЗИОНИСТСКАЯ ИСТОРИЯ: ВЗГЛЯД СПРАВА»**, сост. Сергеев С.В. 288 стр. Сборник статей ведущих американских учёных о лживости современной исторической «науки». ***140 рублей.***

15 **«ЗАВЕЩАНИЕ СТАЛИНА»**, авт. Скобелев Э.М. 320 стр. Патриотический роман главного редактора Вестника Администрации Президента Республики Беларусь. ***150 рублей*** (мяг обл.). ***190 рублей*** (тв. пер).

16. **«ДЕСИОНИЗАЦИЯ» (3-е издание!)**, авт Емельянов В.Н. 320 стр. Впервые издана без сокращений книга-бестселлер, одна из сильнейших работ по еврейскому вопросу. ***150 рублей*** (мяг обл.) ***190 рублей*** (тв. пер.).

17. **«ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИЗМ И АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА»**, авт. Емельянов В.Н. 128 стр. Впервые издана работа к.э н. специалиста-семитолога, посвященная агрессии международного еврейского капитала. ***80 рублей.***

18. **«ОТ АРИЕВ К РУСИЧАМ» (5-е издание!)**, авт. Дёмин В.М. 384 стр. Учебник истории Отечества для русских патриотов. ***180 рублей.***

19. **«ОТ РУСИЧЕЙ К РОССИЯНАМ» (2-е издание!)**, авт. Дёмин В.М. 240 стр. *Продолжение* «От Ариев к Русичам». ***120 рублей.***

20. **«ВОЙНА И ВООРУЖЁННАЯ БОРЬБА» (2-е издание!)**, авт. Дёмин В.М. 320 стр. Учебник по военной науке для Русских патриотов. ***150 рублей.***

21. **«ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЮДЬМИ» (3-е издание!)**, авт. Шерстнёв М.П. 240 стр. Учебник психологии для русских патриотов. ***120 рублей.***

22. **«ТАЙНЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛЮДЬМИ» (3-е издание!)**, авт. Шерстнёв М.П. 240 стр. Учебник психологии для русских патриотов. ***120 рублей.***

23. **«КТО ПРАВИТ НАМИ: ПСИХОЛОГИЯ УПРАВЛЕНЦЕВ» (3-е издание!)**, авт. Шерстнёв М.П. 240 стр. Продолжение «Психологического управления людьми» и «Тайных механизмов управления людьми». ***120 рублей.***

24. **«ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»**, авт. Евгений Дюринг. 240 стр. Впервые в России после 1906 года изданная работа великого немецкого философа. ***120 рублей.***

25. **«РУССКИЕ И НЕРУССКИЕ УЧЁНЫЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ» (второе издание!)**, авт. Бояринцев В.И. 320 стр. Книга учёного, д. ф.-м. н. о засилье инородцев в науке и роли русских учёных в мировой истории. ***150 рублей.***

26. КОМПАКТ-ДИСК: **«ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ»**, реж. В.Карпов. Документальный антисионистский ч/б фильм 1973 года снятый студией «Центрнаучфильм» по поручению Политбюро ЦК КПСС при содействии КГБ СССР. ***200 рублей***.

27. **«НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА»**, авт. Гродненский Н.Н. 672 стр. в тв. обл. История вооружённого конфликта в Чечне. ***300 рублей.***

28. **«ЧЕТВЁРТАЯ МИРОВАЯ»**, авт. Гродненский Н.Н. 348 стр. в тв. обл. США в борьбе за мировое господство. ***200 рублей.***

29. **«БОЙНЯ»**, авт. Петухов Ю.Д. 320 стр. Русский фантастический роман. ***150 рублей*** (мяг. обл.), ***190 рублей*** (тв. пер.).

В связи с ростом цен, распродажей тиражей и появлением новинок КАТАЛОГ ПОСТОЯННО ОБНОВЛЯЕТСЯ.

Цены указаны с учётом почтовых услуг *наземным транспортом* для жителей Российской Федерации и зависят от инфляции. Рассылка по предоплате.

Распространителям скидки до 50%.

При отсылке наложенным платежом стоимость увеличивается в 1,5 раза.

Для жителей СНГ цена на литературу на 50% выше указанной.

Все заказавшие литературу из списка дополнительно бесплатно получают несколько националистических газет. Наложенным платежом в страны СНГ литература не отправляется.

Для ответа на ваши письма, а также для получения **ПОЛНОГО**, *обновлённого* каталога «Русской Правды» вкладывайте в письмо *подписанный* конверт с обратным адресом. Однако помните, что редакция «Русской Правды» с идиотами в переписку не вступает.

Коммерческий отдел «Русской Правды» может оказать посильное содействие в почтовой рассылке любой другой литературы на заказ. Для этого Вам нужно лишь написать нам. Издательская группа «Русская Правда» окажет содействие в выгодном издании национально-патриотической литературы за счёт средств автора и поможем в её распространении.

Заказы и почтовые переводы направляйте по адресу: ***117556, Москва, а/я 40, Аратову Александру Михайловичу.*** С целью значительной экономии деньги можно направлять и на расчётный счёт, указанный на 2-й стр. обложки, с *последующим уведомлением* редакции.

В Москве вышеназванную и другую патриотическую литературу (а также компакт-диски, значки, брелоки и пр.) по более низкой цене можно приобрести в редакции ИГ «Русская Правда». Телефон: (495) **504-10-85, 8-901-514-10-85.**

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ВВЕДЕНИЕ 3

История как наука и некоторые её псевдонаучные публикации 5

Едигей и Василий I 11

Распад Синей Орды 15

Улук-Мухаммед и Василий II 19

Казанское ханство, Московское княжество и Большая тюркская орда 23

Большая тюркская орда, Московское княжество и Новгород . . 28

Московское великое княжество, Казань и Литва 39

Краткая предистория казачества 53

Правление Василия III 58

Рассения, Джунгария и Кайсакская орда 81

Правление Елены Глинской 85

Боярская усобица 91

Правление Ивана IV в юности 1547-57 гг. 98

Правление Ивана IV в юности 1558-73 гг. 125

Правление Ивана IV в зрелости 1574-84 гг 163

Правление царя Фёдора 209

Правление царя Бориса Годунова 248

Смутное время. Смерть царя Бориса Годунова 265

Смутное время. Убийство царя Фёдора Годунова 271

Смутное время. Царствование и гибель Лжедмитрия 276

Смутное время. Правление Василия Шуйского 1606-10 гг. 285

Смутное время. Междуцарствие 322

Правление царя М.Романова 346

а) Ликвидация мятежных казаков атамана И.Заруцкого 348

б) Разгром мятежных казаков атамана М.Баловнева 355
в) Осада шведами Пскова 367
г) Участие казаков в войне России с Речью Посполитой . . . 370
д) Итоги развития страны в XVI и начале XVII веков. Выводы о функционировании власти и перспективах развития России в *последующие времена* 385
е) Сибирь в конце гражданской войны 388
ё) Развитие России после окончания гражданской войны . . 391
ж) Россия после Ф.Романова (Филарета) 402
Правление царя А.Романова 410
а) Влияние 30-летней войны на Речь Посполитую 412
б) Соляной бунт и «Соборное уложение» 416
в) *Национально-освободительная война днепровского казачества* с польским шляхетсвом 419
г) Церковный собор 1666 года и народные восстания последнего периода правления А.Романова 434
д) Сибирь периода правления царя А.Романова 445
Правление царя Ф.Романова 450
Правление регентши Софьи 459
Правление императора Петра I 471
Правление императриц Анны, Елизаветы и Екатерины II 491
Правление императоров Павла I, Александра I и Николая I . . 534
Правление императоров Александра II и Александра III 555
Правление императора Николая II 587
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 628
Список используемой литературы 634
«Русская Правда» предлагает 636

Наш славянский народ весь подвержен такому окаянству; везде на плечах у нас сидят немцы, жиды, шотландцы, цыгане, армяне и греки, которые кровь из нас высасывают. Презрению, с каким обращаются с нами иностранцы, укорам, которыми они нас осыпают первая причина есть наше незнание и наше нерадение о науках, а вторая причина есть наше ЧУЖЕБЕСИЕ, или глупость, вследствие которой иностранцы над нами господствуют, обманывают нас всячески и зовут нас варварами.

Юрий КРИЖАНИЧ

Дёмин Валерий Михайлович

ОБРАЗОВАНИЕ И КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Главный редактор А.П.Брагин

Главный художник Л.Е.Щирова

Корректор Е.В.Аратова

Цена свободная. Подписано в печать 18.12.06. Формат 60x90 1/16. Объём 40 п.л. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 4 000 экз. Заказ № 1760

Набрано и свёрстано в компьютерном центре ООО «Русская Правда»
Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10; (495) 659-25-63, 659-23-27
(http://www.ruspravda.org/poligraf.htm)
Диапозитивы обложки выведены в ОАО «Щербинская типография»

Всеславянская Издательская группа «РУССКАЯ ПРАВДА»
Адрес редакции: **117556, Москва, а/я 40, Аратову А.М.**
(495) 504-10-85, 318-71-14
*http://**www.ruspravda.org*** *e-mail: **ruspravda@mail.ru***

Спрашивайте книги издательства «Русская Правда» в магазинах Вашего города!

На правах рекламы

Славянские интернет-ресурсы

www.rodnovery.ru

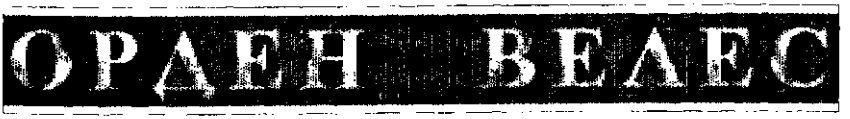
www.ruspravda.org

www.paganism.ru

www.rodnovery.borda.ru

www.ndpr.ru

www.dpni.org



www.orden.ru

интернет-магазин
OZON.ru
19396432

ISBN 5-9243-0135-4
9 785924 301358 >